

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Томъ 6 и 7.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. П. ЗЫКОВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К^О.
Большая Подъяческая, № 39.
1898.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ VII.

Восточная Азія.—Китайская имперія.—Корея.—Японія.

Переводъ подъ редакціей Л. И. Бородовскаго, члена сотрудника Общества изученія
Амурскаго края.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ

Элизе Реклю

Том VII.

Восточная Азия

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
С.-ПЕТЕРБУРГ.

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

Предисловие к VII тому

При издании настоящего тома географии Э. Реклю, посвященного описанию стран соседнего нам азиатского Востока, товарищество «Общественная Польза», найдя невозможным ограничиться одним только переводом во многих отношениях устаревшего оригинала, поручило мне просмотр и дополнение своего нового издания по многочисленным позднейшим источникам.

Со времени появления русского перевода VII тома географии Э. Реклю прошло уже довольно много времени, в продолжение которого десятки путешественников, простых туристов и ученых исследователей исчертили своими маршрутами внутренность соседнего нам Китая, и без преувеличения можно сказать «открыли» его для любознательности человечества и науки. Азия, вообще, а Китай, Корея и центральная часть материка в особенности, благодаря любви к науке и неустанной энергии путешественников, является для географа ныне в совершенно ином виде, чем 15—20 лет тому назад. С другой стороны, благодаря последним политическим событиям на Дальнем Востоке, событиям, в исходе которых заинтересована и Россия, этот, неведомый до сих пор, азиатский мир, начинает сильно привлекать внимание общества, которое, в желании ознакомиться с ним, жадно набрасывается на имеющую литературу. Интерес к Востоку вызывает у нас развитие литературы по востоковедению, в которой мы так далеко отстали от своих западно-европейских соседей; наконец интерес этот в обществе понемногу растет, а вместе с его ростом увеличивается и спрос на вполне верные, современные данные статистического или географического характера по Китаю, Корее и Японии.

Вышеупомянутые причины вынудили редакцию при издании настоящего седьмого тома обратить внимание на то, чтобы даваемая ею книга о Китае была бы по возможности современна. Строго говоря, весь том, посвященный Китаю, Японии и Корее следовало бы написать вновь, до такой степени устарели сведения, даваемые Реклю, по отношению к этим странам. Кажется, нет надобности указывать читателю на то, почему это не сделано—так как причины ясны и без пояснения.

Но желая, чтобы география Реклю была прежде всего творением Реклю, а ни кого-либо другого, редакция, тем не менее, везде, где можно было без ущерба оригиналу, произвела необходимые изменения, как в самом плане описания, так и в тексте его, для чего пользовалась лучшими авторитетными источниками част официального издания. (Труды эти по большей части перечислены в примечаниях).

Не ограничиваясь изменением текста, редакция внесла в него массу дополнений (отметив лишь весьма немногие более крупные из них звездочкою *). Эти дополнения в большинстве дают те сведения, которые были опубликованы уже позже издания французского оригинала.

В заключение редакция берет на себя смелость указать те лучшие карты, с которыми можно читать этот том:

По отношению всего Китая, на русском языке, несмотря на свою устарелость, лучшею остается все-таки карта к труду Матусовского; более современной картой всего Китая является изданная у Ильина английская карта доктора Бретшнейдера. По отношению к различным частям Китая из русских карт можно рекомендовать классически превосходную (хотя и дорогую) Карту северо-восточного Китая, Вебера (издана также у Ильина), карту Маньчжурии—издания Министерства Финансов, карту Монголии—Рафаилова и, наконец, карту пограничной полосы Азиатской России 40 верстного масштаба издания Главного штаба. Из немецких—лучший труд карты Рихтгофена (атлас). Карт Кореи вполне удовлетворительных почти нет; лучшая издана у Петермана еще в 1883 году. Составлением такой карты занято в настоящее время Министерство Финансов, готовящее к печати «Описание Кореи» по образцу изданного «Описания Маньчжурии».

20 Октября 1898 г.

Л. Бородовский.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, КОРЕЯ, ЯПОНИЯ

Глава I Общий обзор

Естественные деления Азиатского континента отмечены крупными географическими чертами. Мы видели, что громадная русская территория обнимает в этой части света, арало-каспийские впадины и северную покатость горных систем, которые продолжаются от Алтая и Небесных гор до береговых цепей Маньчжурии. На юге и на западе два полуострова Ост-Индий, Иранское плоскогорье, Передняя Азия не менее определенно ограничены оплотами снежных гор, морскими заливами и морями. Точно также, на востоке, Китай составляет вместе с Кореей и соседними архипелагами, как бы особый мир, окруженный амфитеатром плоских возвышенностей и гор, охватывающих около 10.000 верст протяжения. От Маньчжурии до Индо-Китая, горные цепи Шань-янь-алинь, Хинган, Кэнтэй, Танну-ола и Эктаг-алтай, Тянь-шань, Цун-лини, Гималаи, наконец, дикие горы, через которые протекают большие реки полуострова, лежащего по ту сторону Ганга, все эти высокие возвышенности континентального рельефа следуют одна за другой, в виде полукруга, вокруг той четверти азиатского материка, которую ныне занимает Китайская империя. Япония приняла название «Страны восходящего солнца»; но относительно всей совокупности Старого Света Китай тоже представляет восточную страну; общая его покатость, обозначаемая течением рек, обращена к Тихому океану. Китай, Корея и Япония по справедливости получили от западных народов наименование «Дальнего Востока», которое распространяется также на Индо-Китай, на Филиппинские острова и на Зондский архипелаг.

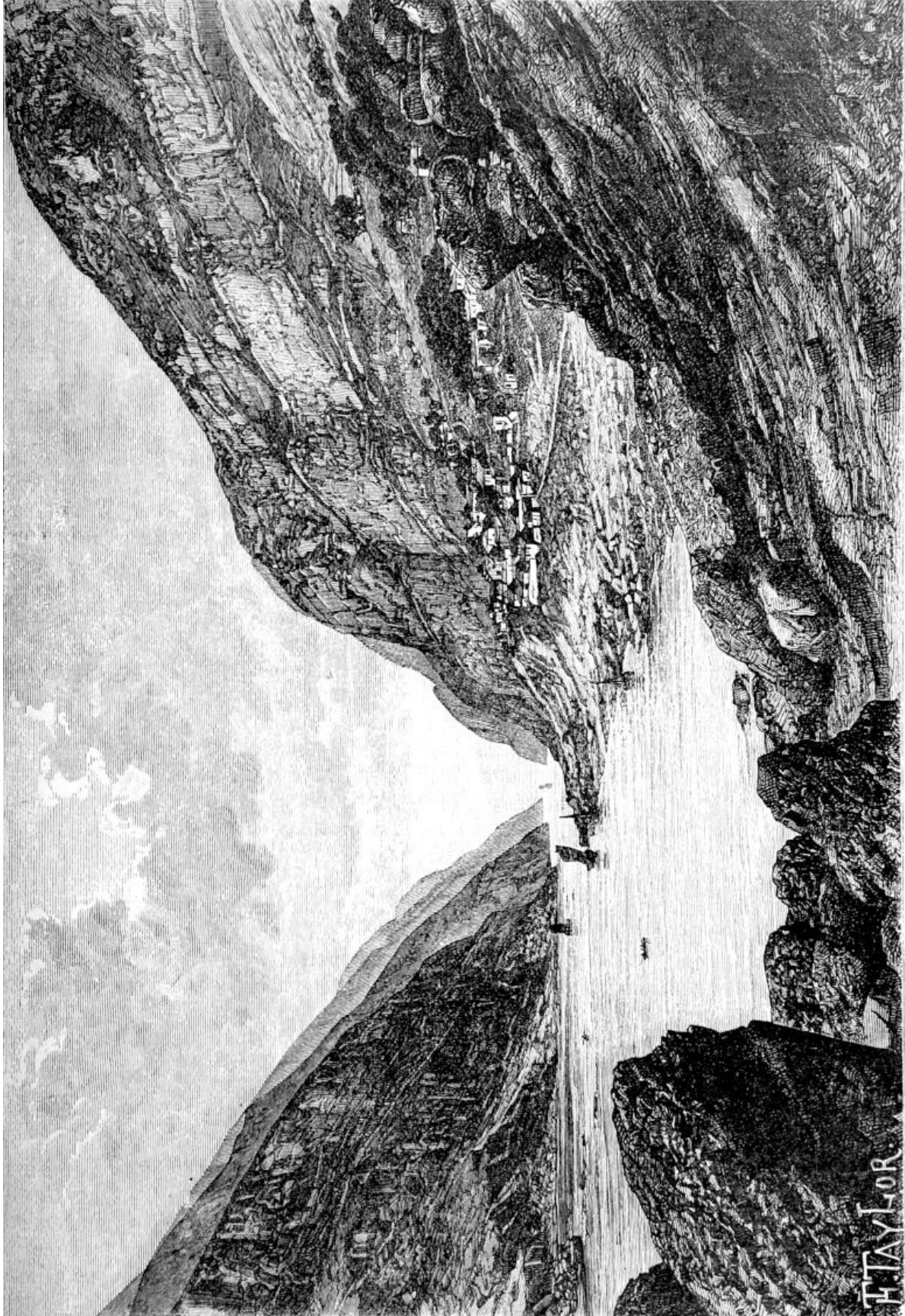
В сравнении с Западной Азией и особенно с Европой, которые могут быть, в некоторых отношениях, рассматриваемы как группа полуостровов, принадлежащих к Азии, восточные страны этого громадного континента имеют некоторые преимущества, но вместе с тем и большие невыгоды, как территории цивилизации. Самый поразительный контраст между Западом и Востоком представляет форма морских берегов. Со стороны Малой Азии и Европы окраины твердой земли изрезаны на многочисленные полуострова, разветвляющиеся в виде второстепенных расчленений в водах Средиземного моря и Атлантического океана; кроме того, большие острова и архипелаги продолжают собою полуострова или рассеяны впереди морских берегов, так что Карл Риттер и другие географы справедливо сравнивали Европу с организованным телом, снабженным членами: европейский континент кажется, так сказать, живым, движущимся и волнуемым вне тяжелой массы Старого Света. Китай далеко не может похвалиться таким же удивительным разнообразием контуров. На всем пространстве от берегов русской Маньчжурии до берегов Кокхинины один только полуостров значительного протяжения, Корея, отделяется от континента, и лишь один большой залив, заслуживающий названия моря, Хуан-хай, проникает во внутренность земель. Правда, два обширные острова, Формоза и Хай-нань, и великолепный Японский архипелаг оживляют воды Тихого океана против Китайского побережья; но что значат эти полуострова и острова азиатского Востока в сравнении с Цикладами и Спорадами, с Грецией и Италией, с Британскими островами, с Скандинавией и всей Европой, которая и сама в своей совокупности представляет огромный полуостров, где повсюду проникает животворное веяние моря, приносящее с собой обильные дожди и теплую атмосферу?

Высокая степень цивилизации, на которую поднялся китайский народ, не может быть,

следовательно, объяснена богатством его территории, внешними расчленениями; но реки восполняют отчасти недостаток морей. Если совокупность Китая в собственном смысле имеет окружность иссеченную, то большие и судоходные водяные артерии, которые орошают эту страну и делят ее своими разветвлениями и искусственными каналами на внутренние острова и полуострова, дают ей некоторые из тех выгод, какими пользуется Европа в отношении легкости сообщений: Ян-цзы-цзян, Хуан-хэ или Желтая река заменяют там моря Эгейское и Тирренское в отношении перевозки товаров и людей, и, подобно этим морям, способствовали сближению и общей цивилизации населений. В прежние времена на стороне Китая было еще другое преимущество—он обладал самой обширной культурной территорией, какая существовала в одной меже, в умеренном климате; Северная Америка и Европа, которые ныне имеют столь же большую площадь возделываемых земель, были еще в недавнюю эпоху покрыты лесами, которые нужно было с трудом вырубать и расчищать под пашни. В Китае находится то громадное пространство «желтой земли» или желтозема, которое может считаться по преимуществу областью пригодной для земледелия, и где естественным образом должны были развиваться мирные привычки порождаемые земледельческим трудом. К этой области прилегают другие культурные территории, имеющие другую почву, другой климат, особенные, им свойственные, формы растительные и животные, и таким образом, распространяясь постепенно все далее и далее, цивилизованная жизнь овладела обширным пространством, которое простирается от пустынь Монголии до берегов Тонкинского залива. При существовании обмена между различными провинциями, могло вноситься большое разнообразие в способах обработки земли и роде культурных растений; все частные усовершенствования приносили пользу всей стране; переходя последовательно от одного местного центра к другому, цивилизация легко росла и развивалась не только у самих китайцев, но и в соседних странах. Сравнивая восточную Азию с Западным миром, мы видим, как много Китай в собственном смысле отличается от Европы географическим единством; от желтых земель севера до равнин, через которые протекает могучий Ян-цзы-цзян на границах Индо-Китая, населения имеют общий центр тяжести, и следовательно их образованность должна была развиваться ранее всего в этом «срединном цветке», откуда она была перенесена впоследствии в Японию и на остров Формозу. Несколько более самобытны, более индивидуально сформировались, напротив того, различные страны западного мира, от Малой Азии до Англии и Ирландии; Греция, которую отделяют от остальной Европы горные цепи еще и доныне не вполне известные; Италия, столь определенно ограниченная оплотом Альп; Иберийский полуостров, еще более замкнутый на севере барьером Пиренейских гор; Франция с двойной покатою к Атлантическому океану и к Средиземному морю; Великобритания, окруженная теплыми морскими волнами и окутанная туманами,—не представляют ли все эти страны географические индивидуальности, каждая с своею особенною цивилизациею, выработанною прежде, чем могла образоваться высшая культура, созданная общими трудами всех европейских наций? Не будучи непреодолимыми, естественные преграды более велики между различными странами Европы, нежели между территориями восточного Китая, и нет сомнения, что, в значительной мере, эти самые преграды, препятствуя установлению политической централизации, но позволяя, однако, взаимные отношения между различными государствами, способствовали поддержанию самостоятельности западных народов и сделали их цивилизаторами других рас.

Но если сообщения между северными и южными областями Китая были легки, и если населения этой огромной земли могли без большого труда направлять свои паруса к о. Формозе и к Японии через узкие передовые моря Тихого океана, то со стороны запада мир восточной Азии представляется почти совершенно замкнутым. Правда, что во времена глубокой, доисторической древности предки китайцев, индусов, халдеев, арабов, по всей вероятности, жили друг с другом и находились в частых сношениях между собою, так как эти различные народы унаследовали одни и те же астрономические понятия, при чем полное

сходство наблюдений и взглядов обнаруживается даже в мелких подробностях¹; но эти, зависевшие от соседства, связи, объясняющие общность цивилизации, очевидно, могли иметь

Рѣка Янгъ-Цзы-Цзянъ. Ущелье Ми-Танъ.

место лишь в эпоху большого распространения водной поверхности, более обильного скопления вод в Старом Свете, когда местности центральной Азии, ныне обсохшие и пустынные,

¹ Jaubil;—Biot;—Weber;—Lassen;—Whitney и др.

позволяли населению противоположных покатостей больше сближаться, чем это возможно в настоящее время. В ту отдаленную эпоху бассейн реки Тарима, который теперь покрыт бесплодными песками и оазисы которого заключают малочисленное население, принадлежал еще к арийскому миру, и гражданственность его обитателей имела близкую связь с образованностью Индии¹. С той поры, как народы, сгруппированные на двух противоположных скатах Памира, принуждены были спуститься далее в равнины, оставляя за собой более широкие полосы пустынь и степей, по которым кочуют только пастушеские племена со своими стадами, центры цивилизации удалились один от другого: жизненный центр Китая постепенно приблизился к Тихому океану, тогда как подобное же движение совершалось в противоположном направлении, к западу от Вавилонского царства, к Малой Азии и Греции. Разъединение произошло с обеих сторон, и в течение длинного ряда веков никакие торговые сношения, никакие обмены идей не имели места между восточным скатом континента и покатостью, обращенной к Средиземному морю. Только по отдаленным, смутным слухам населения двух оконечностей Старого Света узнавали, что какие-то другие народы живут за реками и озерами, за плоскогорьями и горными хребтами, за лесами и пустынями, и воображение превращало людей этих дальних неведомых краев в странных или страшных чудовищ. Две цивилизации одновременно развивались на двух сторонах континента, не зная одна другой, не имея взаимного влияния, следуя эволюциям параллельным и однако столь отличным одна от другой, как будто бы они возникли на двух разных планетах. Без всякого сомнения, было время, когда южный Китай имел даже более частые и близкие сношения с островами, рассеянными на южной оконечности Азии, чем с западными странами, с которыми он соединен континентальной массой: некоторые расовые черты доказывают, что на юге Азиатского материка смешение между китайцами и племенами, населяющими океанские земли, происходило постоянно.

Однако естественный вал из плоскогорий и горных хребтов, окружающий китайский мир, не представляет сплошной стены, — во многих местах он прерывался широкими брешами; некоторые из этих понижений открываются южным странам, другие в северном направлении. Кроме того, и самые цепи покрытых снегом гор недоступны. Алтай, Тянь-Шань, Цун-линь, Куэнь-лунь, Нань-лин, — все эти горы перерезаны тропинками, по которым смело пускаются торговцы, не пугаясь усталости и холода. Склоны этих возвышенностей и даже плоскогорья, до высоты 3.000 и даже 4.500 метров, также имеют свое население, и, отправляясь с одного ската на другой, можно повсюду встретить либо людей, либо следы их пребывания. Но населения этих гор своими варварскими нравами и своим политическим состоянием прибавляют новое препятствие к тому, которое неровности и крутизны почвы противопоставили международным сношениям. До тех пор, пока западные европейцы не вступили, при посредстве мореплавания в прямые сношения с прибрежными жителями восточных морей, окончательно установив таким образом единство Старого Света, до тех пор только в редкие эпохи, во время великих потрясений азиатского человечества, внезапно приходившего в движение, или только в тех случаях, когда могущество китайского государства достигало полной силы своего распространения, могли завязываться непосредственные сношения между бассейном Ян-цзы-цзяна и бассейнами Аму-Дарьи, через земли варварских народов, живущих на промежуточных плоскогорьях: так, от сильного накопления электричества искра может перескочить от металла к металлу, несмотря на разделяющий их толстый слой воздуха. Но как редко были эти проблески света, озарявшие отдаленные одна от другой страны и позволявшие народам видеть на минуту друг друга! Они имели весьма слабое влияние на жизнь китайской нации, которая в течение целых тысячелетий развивалась самобытно, черпая исключительно в своем собственном запасе опыта и знания, оставаясь совершенно изолированной от остального человечества.

Первая большая внутренняя революция Китая, вибрационный центр которой находился вне его границ, имела место в эпоху введения индуистских религий. Как ни трудно истолко-

1 Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan”, — von Richthofen, „China”.

вать древнее вероучение Лао-цзы, невозможно однако сомневаться, что оно заключает в себе заимствования, сделанные из религии Индостана. Некоторые из его предписаний тождественны по форме с правилами, изложенными в священных книгах индусов, и все они проникнуты тем же чувством гуманности и всеобщего благодушия. При том Лао-цзы никогда не указывает прославившихся деятелей китайской истории, как на образцы доблестей или как на примеры достойные подражания: совокупность его учений не связана с прошлым его отечества никакими традиционными узами¹. По единогласному преданию, Лао-цзы принимал путешествия в страны, лежащие на западе от Китая, и легенда говорит, что он был взят живой на небо с гор земли Хотан.

Барьер, который плоскогорья, горы и варварские народы воздвигли между Китаем и Индостаном, был так трудно переходим, что сообщения между этими двумя странами производились обходным путем, через бассейн Оксуса. Буддийская религия распространялась не прямым путем: она проникла в Срединную империю не через южные, а через западные границы. В периоды могущества и мирового господства Китай заключал в своих пределах также бассейн Тарима и свободно вел торговые сношения с бассейном Оксуса через Памирские горные проходы. Торговые люди следовали тогда тем знаменитым «путем шелка», который известен был также греческим купцам, и этим-то путем или другими дорогами, пролежавшими через плоскую возвышенность, ввозились в империю некоторые из драгоценных товаров полуденной Азии, и передавались в то же время рассказы, легенды о чудесной стране Ганга. С этой же стороны входили в китайские пределы пилигримы, приносящие с собой обрядности культа Будды. После трех столетий религиозной пропаганды, новая вера окончательно установилась в отечестве Конфуция и получила, в 65 году нашего летоисчисления, официальное признание. Буддизм пришелся по вкусу китайскому народу пышностью его церемоний, богатыми украшениями его храмов, поэзией символического цветка лотоса, распускающегося на поверхности вод; он полюбился еще и потому, что открывал китайскому миру перспективу к тем прекрасным странам юга, которые до того времени были скрыты от него хребтами снежных гор и промежуточными нагорьями. Но в сущности культ Будды или фо мало внес перемены в жизнь китайцев. Церемониал был видоизменен, но основа осталась та же самая: каковы бы ни были священные изображения, религия, сохранившаяся в силе, по-прежнему состоит из обрядов в честь предков; это все то же заклинание злых духов и превыше всего—строгое соблюдение формул, переходящих по преданию из века в век, от поколения к поколению, у «Детей Хань».

Сношения, установившиеся между Китаем и Индостаном в течение периода обращения китайцев в буддизм, никогда впоследствии совершенно не прерывались, и с этой эпохи Китай и для европейцев перестал уже быть страной, лежащей за пределами известного мира. Сообщения между Индией и южным Китаем производились морем, преимущественно через Южно-Китайское море. Уже за два столетия до начала христианской эры один китайский император посылал целый флот на южные острова с поручением привезти оттуда «Цветок бессмертия». Впоследствии другие корабли, отправляемые за менее важной добычей, ходили на остров Цейлон на поиски за святынями, священными книгами, статуями Будды, и привозили также богатые материи, драгоценности, самоцветные камни, которые они выменивали на свои произведения—шелковые ткани, фарфоровые изделия, эмальированные вазы². Этим же путем следовали чужестранные посольства, между прочим, посольство, о котором китайские летописи говорят, что оно прибыло из Да-цина, то-есть из Рима, отправленное Императором Антуном, Аврелием Антонином, в 166 году христианского летосчисления³.

В седьмом столетии,—когда Китайская империя, после ряда катастроф и внутренних смут, снова достигла высокой степени могущества и экспансивной силы и блестела во всей своей славе,—как раз в ту эпоху, когда Европа, погруженная во мрак варварства, находи-

1 Stanislas Julien, Pauthier;—etc.

2 Pauthier;—Emerson Tennent;—Bretschneider, и др.

3 De Guignes;—Reinaud,—Klaproth;—Remusat;— Bretschneider, и др.

лась в периоде наибольшего унижения и упадка¹, были предприняты многочисленные путешествия с целью исследования малоизвестных стран: в то время инициатива в этом деле принадлежала Китаю. Китайский пилигрим Сюань-цзан, с которым, по длине пройденного пути в центральной Азии, из последующих путешественников сравнивались только итальянец Марко Поло и Пржевальский, был настоящий исследователь новых стран, в современном значении этого слова, и его рассказы, включенные в летописи династии Тан, имели для географии центральной Азии и Индии в средние века весьма большую цену, вполне признанную даже и европейскими учеными². Эти последние, благодаря китайским документам, могли отыскать почти несомненным образом весь пройденный им путь, даже в тех «Ледяных горах», где, по его словам, путешественники подвергаются нападениям «драконов», мистических животных, в которых, может быть, следует видеть снежные бураны. Так же, как и другие буддистские пилигримы того времени, Сюань-цзан обошел вокруг плоских возвышенностей Тибета, где только-что перед тем была введена буддийская религия, и проник в Индию через равнины Оксуса и Афганистана. Но двадцать лет спустя после его возвращения на родину, в 667 и 668 годах китайские армии уже прошли через Тибет и Нипал, и спустились прямо в Индию, где они овладели слишком шестьюстами городами. В эту эпоху Китайская империя обнимала вместе с подвластными, вассальными землями, не только всю низменность восточной Азии, но также все внешние скаты гор и плоскогорий, которые ее окружают до Каспийского моря. В этом же периоде Китайской империи несторианские миссионеры ввели христианство в империи.

Успехи ислама на западе Азии, на берегах Средиземного моря, необходимо должны были изолировать Китай и сделать на долгое время невозможным всякое сообщение с Европой; но в северных областях, среди степей Монголии, воинственные племена приготавливались к завоеванию, и благодаря своему победоносному шествию на запад до самых берегов Днепра, они открыли путешественникам дороги через весь Старый Свет. Чтобы защитить государство от вторжения этих народцев, кочевавших в соседстве северных окраин страны, китайские императоры воздвигли, впоследствии перестроили и увеличили другими параллельными валами тот исполинский оплот, известный под именем «Великой стены», который продолжается между степным пространством и областью культурных земель на протяжении тысяч верст. Удерживаемые не столько этим барьером, воздвигнутым между двумя различными природами и двумя враждебными обществами, сколько различием природных условий, дикие кочевники устремились на запад, где перед ними открывался широкий простор, и постепенно один за другим привели в движение все кочевые народы. В четвертом и в пятом столетиях нашей эры это движение погнало к западу орды завоевателей, которым дали имя гуннов; в двенадцатом веке подобное же движение увлекло монголов под предводительством нового Аттилы. Владея горными потоками Чжунгарии, через которые так легко пробраться с восточной покатости Азии на западную, Чингис-хан мог бы ринуться прежде всего к западным странам; но он не хотел оставлять препятствия позади себя, и только после перехода через Великую стену и взятия Пекина, двинул свои несметные полчища на покорение западных царств и народов. В это время Монгольская империя, величайшее государство, какое когда-либо существовало, простиралось от берегов Тихого океана до степей России.

Европейцы узнали о существовании китайского мира благодаря этим новым пришельцам с востока, с которыми они вступили в сношения, не только путем вооруженных столкновений, но также посредством посольств, договоров и союзов против общего врага, то-есть ислама; они даже долгое время называли империю восточной Азии татарским именем «Катай», до сих пор еще употребляемым русскими в форме «Китай». Послы папы и короля французского отправлялись в дальний путь, чтобы посетить великого хана в его Каракорум-

1 Wells Williams, „Middle Kingdom”.

2 Stanislas Julien, „Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages”—Vivien de Saint-Martin;—Cunningham;—Richthofen.

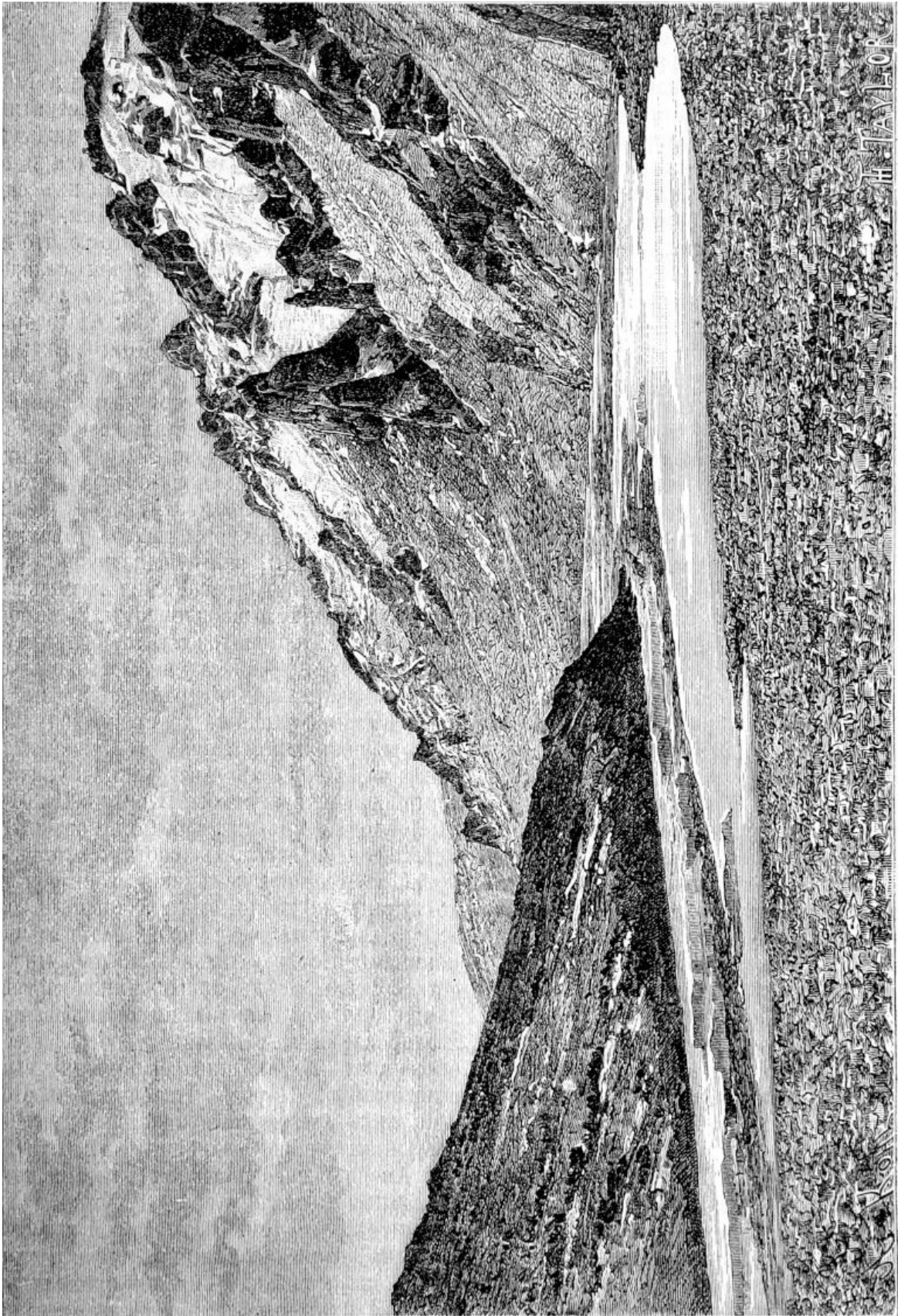
ской резиденции, в Монголии, и Плано Карпини, Рубруквис¹ и другие рассказывали, по возвращении, о чудесах, виденных ими в этих отдаленных странах. По следам посланников, из Европы пустились ремесленники и торговые люди искать счастья при дворе монгольских ханов, и один из этих купцов, Марко Поло, по справедливости, может считаться первым открывшим Китай европейскому миру. С того времени эта страна окончательно вступает в круг известного света и начинает составлять часть обширной семьи человечества.

Марко Поло достиг и проехал Китай западным путем, следуя в начале по проторенным дорогам, идущим от берегов Средиземного моря. Колумб, более смелый, хотел пристать к берегам «Катая», подойти к золотым рудникам Зипанго, плывя по сферической поверхности земного шара, в направлении, противоположном тому пути, по которому следовал знаменитый венецианский путешественник. Остановленный в своем отважном плавании берегами Нового Света, он не достиг ни Японии, ни Китая, хотя долгое время он был уверен и хотел других уверить в успехе своего путешествия к восточной Азии. Но другие продолжали начатое великим мореплавателем предприятие кругосветного путешествия: дель-Кано, спутник Магеллана, вернулся к своей точке отправления, в Португалию, оставив позади себя следы своего корабля на окружности земного шара. Все моря были завоеваны европейцами, и, от мыса Горна до мыса Доброй надежды, мореплаватели могли назначать себе свидание в портах Китая. Не взирая на сопротивление, противопоставляемое пекинским правительством вступлению чужеземцев в пределы государства, Китайская империя фактически сделалась доступна им, и не прошло еще двух с половиной столетий после окончательного завоевания всемирного океана большим судоходством, как Китай и Япония, которые, впрочем, не переставали быть правильно посещаемы европейскими купцами, принуждены были широко открыть свои коммерческие порты и даже уступить на своих берегах земли, где европейские нации водружают свои флаги и строят города западной архитектуры и укрепленные пункты. Таким образом можно сказать, что завоевание восточно-азиатского мира европейской цивилизацией уже началось давно.

Могущество европейцев на территории Китая впервые проявилось временным занятием столицы богдыхана и разграблением императорских дворцов; оно обнаружилось еще гораздо более той поддержкой, которую англо-французские союзники оказали китайскому правительству против внутреннего возмущения. Между тем, как европейские войска разрушали укрепления провинции Чжи-ли, заняли Тянь-цзинь, заставили китайского императора спастись бегством из Пекина, другие европейцы отеснили мятежников тайпингов от ворот Шанхая и заперли им всякий выход к морю; в то же самое время русские держали гарнизон в Урге, чтобы сдерживать дунган. Может быть, только благодаря поддержке западных держав, и была спасена династия Цинов. Единство империи было сохранено, но только потому, что европейцы находили в том свою выгоду: им стоило только остаться безучастными зрителями, и Китай распался бы на две, быть может, на три или четыре части. В настоящее время территориальная целостность обширной азиатской империи, повидимому, не подвергается никакой опасности со стороны собственного населения страны, но нельзя того же сказать про государства западной Европы, которые, увидев бессилие Китая, стараются уже не о целостности его, а об урывках его территорий в свою пользу. Россия сопредельна с китайской территорией на протяжении около 7.500 верст, и более половины этой пограничной линии проходит через страны, бывшие прежде подвластными «Сыну Неба». Все, что Россия присоединила в Илийском крае или Кульдже временно к своим владениям, принадлежало, несколько лет тому назад, Китаю, и хотя она согласилась возвратить эту землю, но все-таки удержала часть её за собой. Забайкалье тоже было прежде китайской территорией, равно как вся долина Амура до пастбищ, где северные тунгусы пасут свои стада оленей. В настоящее время вся территория по левому берегу Амура, превосходящая пространством Францию, составляет нераздельную часть Сибири. Наконец, морской берег Маньчжурии до полуострова Кореи тоже сделался русским владением, и его южные порты, откуда паровые флоты могут в два

1 D'Avezac, „Recueil de voyages et de memoires par la Societe de Geographie”.

дня достигнуть берегов Японии, получили наименование «Залива Петра Великого», данное как бы для того, чтобы напомнить Европе, что со стороны Востока русская империя так же помышляет об увеличении своего могущества, как и со стороны Запада. Наконец в послед-

Долина Каракашъ.

нее время необходимость выхода в незамерзающий порт линии Великой Сибирской дороги вынудила Россию арендовать часть китайской территории и для сохранения своих интересов даже укреплять и оборонять ее. Россия так умело распоряжается своими ресурсами, что

они дают ей большую наступательную силу, её военное могущество, даже на расстоянии семи с половиной тысяч верст от столицы, превосходит военное могущество Китая и Японии в их собственных морях и на их собственной территории. Несмотря на приготовления к обороне, на эстакады и форты, вооруженные стальными пушками, Пекин теперь так же легко может быть взят русскими, как он недавно был взят англичанами и французами и как погиб сильно укрепленный порт Артур при столкновении с японцами. Вообще положение Пекина невыгодно в том отношении, что подвергает его неприятельскому нападению: до тех пор, пока эта столица должна была опасаться только набегов со стороны монголов или восстаний китайского населения, она занимала превосходную стратегическую позицию в соседстве укрепленных гор, которые защищают ее на северо-западе, близ Главного или Императорского канала, по которому доставлялись все нужные предметы продовольствия, и недалеко от маньчжурских племен, которые, по первому сигналу, быстро приходили на помощь своим нуждающимся соотечественникам. Но в настоящее время другие враги, кроме монголов и тайпингов, угрожают безопасности Срединной империи, и войска, посланные каким бы то ни было правительством, высадились бы, разумеется, в очень близком расстоянии от Пекина. Как бы ни была значительна новая организация военных сил Китая, как бы ни старались дисциплинировать на европейский манер «храброе и непобедимое» воинство богдыхана, пекинское правительство не может надеяться, что будет в состоянии успешно бороться с внешним врагом, пока оно не заведет у себя железных путей сообщения, которые могли бы быть предоставлены к услугам войны; а главное пока оно не изменить весь административный строй страны и быт своих сограждан.

Каковы бы ни были политические и военные судьбы Китая и Японии в их сношениях с европейскими державами, одно во всяком случае несомненно—это то, что нации Востока и Запада отныне стали солидарны между собою. Благодаря обмену сельскохозяйственных продуктов и товаров, благодаря путешествиям европейцев в Монгольскую Азию, китайцев и японцев в Европу и Америку, благодаря, наконец постоянным переселениям, цивилизации беспрестанно соприкасаются и взаимно проникаются: чего не сделала пушка, то начинает делать, при том гораздо более действительным образом, свобода международного торгового и социального обмена; политические границы, различие языков, религий, традиций, законов, нравов не мешают взаимному сближению разноплеменных народов, которое с каждым годом все более и более увеличивается. Если с одной стороны европейские кварталы выстраиваются в городах Китая и Японии, то с другой китайские деревни появляются в Северной Америке, в Перу, в Австралии, и китайские торговые конторы открываются в Нью-Йорке, в Лондоне и многих городах России. Этим внешним переменам соответствуют глубокие, умственные изменения: идеи обмениваются так же точно, как и товары; восточные и западные люди доходят до взаимного понимания и, следовательно, узнают, что у них есть общего. Свет стал слишком тесен для того, чтобы цивилизации могли развиваться изолированно, в отдельных географических бассейнах, не смешиваясь в одну высшую цивилизацию. Народы Европы и восточной Азии жили прежде как отдельные, разобщенные миры; теперь Соединенные Штаты Северной Америки населились эмигрантами, которые сделали из них вторую Европу, и между этими-то двумя Европами, старой и новой, заключена китайская нация: с обеих сторон, с востока и с запада, к ней приходят одни и те же примеры, одни и те же идеи: непрерывное течение движется от народа к народу на всей поверхности планеты, через континенты и моря.

Исторический период, в который недавно вступило человечество окончательным приобщением восточной Азии к европейскому миру, как говорится, чреват событиями. Подобно тому как поверхность воды, от действия силы тяжести, стремится прийти к одному уровню, так и условия обнаруживают наклонность сравниваться на рынках труда. Рассматриваемый просто как обладатель своих рук, человек и сам есть товар, ни более, ни менее, как произведения его труда. Промышленности всех стран, увлекаемые все более и более в борьбу жизненной конкуренции, стараются производить как можно дешевле, покупая по возможно низкой цене сырой материал и «руки», которые его перерабатывают. Но где такие огромные

фабричные заведения, как, например, мануфактуры Новой Англии, нашли бы работников в одно и то же время более искусных и более трезвых, следовательно менее дорогостоящих, чем выходцы с крайнего Востока? Где большие земледельческие фермы, каковы фермы штатов Миннесоты и Висконсина, эти настоящие фабрики для производства пшеницы или мяса, сыскали бы партии рабочих более послушных, более старательных, менее требовательных, чем кули с берегов Си-цзяна или Ян-цзы-цзяна. Рабочее население Китая и Японии приводит в удивление иностранцев своей деятельностью, ловкостью, быстрой понятливостью, любовью к порядку и бережливости; на фабриках и в арсеналах портов можно поручать китайским рабочим самые деликатные работы, и они всегда с честью выполняют задачу. Что касается крестьян Срединной империи, то, по единогласному свидетельству людей, видевших их за делом, они более смыслены, более образованы, менее рутинеры, чем поселяне европейских стран, где царствует тяжелый режим крупной земельной собственности, и если в соседстве факторий морского побережья китайские садовники и огородники не изменили своих культур, то это потому, что чужеземец не мог бы научить их лучшим, чем те, которые они употребляют.

Впрочем, борьба между трудом белых и трудом желтолицых, это экономическое столкновение, которое грозит вызвать ожесточенную схватку между двумя половинами мира—уже началась на некоторых пунктах земного шара, в новых странах, где встречаются эмигранты из Европы и Азии. В Калифорнии, в австралийских колониях Нового Южного Валлиса, Квинсленда и Виктории, белые работники должны оспаривать большую часть своих ремесел у китайских рабочих, и улицы, лавки, фермы, рудники часто бывали обагрены человеческою кровью, часто были свидетелями убийств, причина которых заключалась не столько в племенной ненависти, сколько в соперничестве из-за заработной платы. Преследуемая уже в течение целого поколения, эта экономическая война стоила более человеческих жизней, чем правильное сражение; она даже становится все более и более ожесточенной, по мере увеличения опасности, которой подвергаются белые рабочие. До сих пор эти последние имели перевес в Калифорнии и в австралийских колониях. По большей части господствуя в законодательных собраниях, они могли одерживать верх над промышленниками, фермерами, фабрикантами, предпринимателями, которым, разумеется, выгодно платить возможно меньшее жалованье рабочим, и заставляли эти собрания вотировать законы, всячески затрудняющие эмиграцию китайских кулиев и ставящие последних в положение особого класса, угнетенного и несправного. Но эта борьба, как и всякая война, имеет свои альтернативы. Побежденные на одном пункте, китайские рабочие могут победить на другом, благодаря поддержке капиталистов и совещательных собраний, а вступление желтолицых рабочих на фабрики и фермы на место белых работников, понятно, значило бы для этих последних нищету и голодную смерть. Впрочем, даже нет необходимости, чтобы китайские эмигранты нашли место в мануфактурных заведениях Европы и Америки, для того, чтобы их соперничество понизило вознаграждение белых рабочих: достаточно, чтобы промышленности, подобные существующим в европейском мире, как, например, производство шерстяных и хлопчатобумажных тканей, основались на всем крайнем Востоке, и чтобы китайские или японские мануфактурные произведения продавались в Европе по более дешевым ценам, нежели изделия местного производства. Конкуренция может захватывать все большие и большие пространства, может распространиться последовательно от страны к стране, через моря и океаны, да и теперь не обнаруживается ли она уже в отношении некоторых продуктов, к невыгоде Европы? С экономической точки зрения, окончательное сближение между двумя группами наций составляет, следовательно, факт капитальной важности. Без сомнения, равновесие установится рано или поздно, и человечество сумеет приспособиться к новым судьбам, которые ему обеспечивает овладение сообща всей планетой; но в продолжение переходного периода столкновения, нужно предвидеть всякия бедствия и потрясения. Дело идет о борьбе, в которой непосредственно участвует около миллиарда людей. По числу борцов, цивилизованный мир Европы и Америки и мир восточной Азии почти равны между собой: с той и другой стороны сотни миллионов индивидуумов стоят лицом к лицу, движимые противополож-

ными интересами и очень далекие еще от понимания высших выгод общей солидарности народов.

Это происходит оттого, что взаимная оппозиция Востока и Запада имеет свой *raison d'être* не в одном только антагонизме непосредственных, материальных интересов, она зависит также от контраста понятий и нравов: между теми из китайцев и из европейцев, у которых развито чувство уважения к своей личности, идеал не одинаков; те и другие имеют особенное понятие о долге, если не прямо противоположное, то во всяком случае различное. Этот нравственный контраст проявляется в более или менее сознательной форме и между самими нациями. Их союз, когда он делается более тесным через посредство племенных смешений, нейтрализует отчасти эту противоположность; цивилизации будут оказывать одна на другую влияние не только своими внешними сторонами, но также и тенденциями и идеями, составляющими их истинный двигатель. Часто говорили, что западные народы устремляют взор вперед, в будущее, тогда как китайцы смотрят назад, в прошлое. Это утверждение слишком общее, ибо во всех странах света общество разделяется на две группы, из которых одна беспрестанно обновляется, трудясь над улучшением своей участи, тогда как другая, из боязни будущего, ищет убежища в традиции. Многочисленные гражданские войны Китая, и в особенности восстание тайпингов или «великих миротворцев», доказывают, что под официальным миром, верным блюстителем обычаев и правил старины, ищущим свой золотой век в прошлых веках, движется пылкое общество, которое не боится пускаться в полную приключений область неизвестного. Если китайское правительство успевало в течение многих веков удерживаться в традиционных формах, если катастрофы и перевороты, произведенные нашествиями и внутренними возмущениями, не сделали большой перемены во внешнем строе общества, то тем не менее верно, что для низших масс восточных народов теперь дело идет об усвоении европейской цивилизации, не только форм и практических способов промышленности, но в особенности нового понимания человеческой культуры: они стремятся переместить свой идеал. От этого зависит самое их существование.

Но не переместится ли в то же время и идеал цивилизованных народов белой расы? Известно, что когда два элемента сближаются, оба они подвергаются изменению. Если две реки соединяют свои течения, то та из них, которая катит чистую воду, делается мутной от примеси грязи, приносимой другой рекой, и две жидкие массы текут вместе, никогда уже не приобретая вновь своего первоначального цвета. Соприкосновение двух цивилизаций будет ли иметь последствие, что одни народы поднимутся, а другие понизятся на лестнице культуры? Должно ли это соприкосновение вызвать прогресс на Востоке и регресс на Западе? Не суждено ли грядущим поколениям переживать период, подобный эпохе средних веков, когда цивилизация римского мира погрузилась в мрак невежества, тогда как варвары рождались при новом свете? Пророки грядущих бед уже испускают вопли тревоги. После многолетних странствований по разным провинциям Китая, странствований, во время которых везде приходилось проезжать через несчастные человеческие муравейники, замыкавшиеся вокруг них словно волны океана, европейские путешественники, как Ритгофен, Арман Давид, г. Васильев вернулись уstraшенные этими несметными массами людей, кишющими в громадной империи. Они с ужасом задают вопрос: что сделают эти огромные толпы народа, когда завоеватели дисциплинируют их и употребят в дело против европейского мира? Не могут ли эти толпы возобновить под другой формой монгольские нашествия и погромы, когда, снабженные таким же оружием, как и европейские нации, и более их соединенные в одно целое, они очутятся под предводительством второго Чингис-Хана? Опасаясь, чтобы в мировой «борьбе за существование» китайцы не сделались легко нашими господами, некоторые писатели дошли до того, что серьезно требуют, чтобы европейские державы вернулись назад и отреклись от совершенного дела, чтобы опять заперли открытые ныне порты и постарались снова заключить китайцев в их прежнее изолированное положение и в их невежество. Другие публицисты радуются, что опиум усыпляет китайскую нацию и мешает ей познать свою силу. «Не будь опиума, говорить проф. Васильев, Китай овладел бы рано или поздно всем светом, он задушил бы Европу и Америку в своих чудовищных объятиях».

Как бы то ни было, теперь уж слишком поздно было бы пытаться снова разобщить Восток и Запад. За исключением части Тибета, Кореи и некоторых, лежащих внутри горных областей, восточная Азия составляет отныне часть открытого мира. Каковы будут для всего человечества результаты этого присоединения к общему движению истории? Это, без сомнения, вопрос первостепенной важности, и с этой точки зрения нельзя не признать чрезвычайно важным изучение азиатского Востока и этих «желтолицых» народов, которым суждено играть столь значительную роль в развитии будущей цивилизации.

Глава II Китайская империя

I. Тибет

Вне так называемого «Срединного царства», Китайская империя включает обширные территории, занимающие в совокупности более значительное пространство, чем Китай в собственном смысле: сюда принадлежат Тибет, бассейн реки Тарима, бассейн озера Куку-нор, возвышенные долины, наклоненные к озеру Балкаш, Чжунгария, Монголия, Маньчжурия, остров Хай-нань. Она присваивала к себе, как вассальные, платящие дань, земли: полуостров Корею и даже, на полуденном скате Гималайских гор, Нипал и Бутан, две страны, принадлежащие к Индостану, по крайней мере с географической точки зрения, но ныне эти земли отчасти самостоятельны, отчасти принадлежат другим соседям. Впрочем, каждая из земель, признающих над собой верховную власть китайского императора, резко отличается от других рельефом и природой почвы, учреждениями и нравами своих жителей. Из всех этих стран Тибет всего лучше успевал, в последние времена, охранять себя от внешних влияний: то, чем был прежде Китай, Тибет остается еще и до сих пор, государством совершенно замкнутым, почти неприступным: в этом отношении можно сказать, что он является единственным представителем традиции, уже утраченной почти всеми другими царствами восточной Азии.

Наименование Тибет применяется не только к юго-западной части Китайской империи, но также к большей половине Кашмира, населенной жителями тибетского происхождения. Эти области «Малого Тибета» и «Абрикосового Тибета», получившего такое название от фруктовых садов, окружающих селения¹, состоят из глубоких долин, открывающихся на подобие рвов между снежными горами Гималая и Каракорума; расположенные на покато-сти, обращенной к Индостану, эти страны были постепенно включены в исторический круг индусского полуострова, тогда как Тибет в собственном смысле, Тибет восточный, то-есть провинции Уй, Цзан и Кам², пошел совершенно другой дорогой и испытал другие судьбы: это тот, который известен под именем «Большого Тибета»: но смешение номенклатур так велико, что другой «Большой Тибет», иначе называемый страна Ладак, составляет часть Кашмирского царства³. Впрочем, это имя Тибет, которое европейцы употребляют для обозначения двух стран весьма различных по характеру природы и политическим учреждениям, неизвестно самим жителям, и ученые обыкновенно стараются объяснить его этимологиями иностранного происхождения⁴, производя его от монгольского слова Тубот. Герман Шла-

1 Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo”.

2 А. Гумбольдт, „Центральная Азия”.

3 Humboldt, „Asie Centrale”, t. I, p. 14;—C. Ritter, „Asien”,—Nain-Singh, Trotter „Journal of the Geographical Society”, 1877.

4 Klaproth, „Description du Tibet”;—C. Ritter, „Asien”;—Hodgson, „Essays on the languages, literature and religion of Nepaland Tibet”.

гинтвейт видит в этом наименовании странное составное слово тибетского языка, означающее «силу» или империю по преимуществу¹; такое же объяснение дают миссионеры семнадцатого столетия, обозначая эту страну итальянским термином *potente*, то-есть «Могущественный». Как бы то ни было, туземцы ныне называют свое плоскогорье одним только именем, Бод-Юл, что значит «земля народа Бод», и которое, вероятно, есть синоним Бутана, индусского наименования, употребляемого европейцами для обозначения одного только государства на южной покатости Гималайских гор². Китайцы обозначают Тибет под названием Си-цзан, то-есть «западный Цзан», по имени его главной провинции, или Уй-цзан—слово, которое применяется к двум провинциям Уй и Цзан, составляющим вместе Тибет по преимуществу; народ же, населяющий эту страну, они называют Ту-фань, то-есть «фанами аборигентами» в противоположность си-фаням или «западным фанам», жителям Сы-чуани. Что касается монголов, которым, впрочем, подражали и русские прошлого столетия, то они часто называли Тибет «землей тангутов», по имени племен, населяющих северную часть страны³; но обыкновенно они обозначали Тибет именем «земли Барун-Тола» или «Западная страна», в противоположность Дзегун-Толе или «земле Левого стороны», называемой ныне Чжунгарией⁴.

Тибет образует почти ровно половину обширного полукруга гор, который разворачивается, с радиусом в 800 километров, на западе густо населенного Китая, от первых монгольских предгорий Тянь-шаня до проломов восточного Гималая, через которые реки Цзанбо, Салуэн, Меконг уходят к Индийскому океану. Высокая краевая цепь Куэнь-луня делит этот полукруг на две части, резко отличающиеся одна от другой: на севере открывается замкнутый бассейн Тарима и многих других рек, теряющихся в песках; на юге поднимается высокое Тибетское плоскогорье. Таким образом здесь рядом с одной из самых глубоких впадин внутренности континентов возвышается самая массивная выпуклость земной поверхности.

В своей совокупности Тибет, если не обращать внимания на неправильности контуров, зависящие от политических границ, есть одна из наилучше ограниченных естественных областей Старого Света. Опираясь на северо-западе на разрезанные горные массы, изборозжденные долинами Ладака и Кашмира, Тибет постепенно расширяется на юго-востоке и востоке между главными хребтами азиатского континента, Куэнь-лунем и Гималаем. Так же, как Памир, две большие горные цепи, господствующие на севере и на юге над треугольной массой Тибета, почитаются народами, живущими у их основания, как «крыши мира», как «ступеньки на небо», как «местопребывание богов». Они рисуются воображению в виде границы другой земли, которая увенчана ярко-блистающей на солнце диадемой снегов и кажется издали какой-то волшебной страной, но которую немногие путешественники, предпринимавшие восхождение на эти громады гор, описывают как страну сурового холода, снежных буранов и голода. Поддерживаемое как исполинская терраса на высоте четырех и пяти тысяч метров над поверхностью окружающих равнин, Тибетское плоскогорье занято на большей половине своего протяжения замкнутыми бассейнами, где расстилаются несколько водных площадей—озер и болот, вероятно, остатки внутренних морей, излишек вод которых вылился через проломы краевых горных цепей. Только на расстоянии 1.200 километров от горных масс, господствующих над ними на западе, возвышенные земли Тибета ограничены с восточной стороны иззубренной закраиной, направляющейся от юго-запада на северо-восток. На западе от этих гор Тибетская плоская возвышенность наклоняется к востоку и к юго-востоку, распадаясь на многочисленные цепи, отделенные одна от другой речными долинами. А между тем с этой стороны плоскогорье еще менее доступно, нежели на остальной части его окружности: дикие горные ущелья, обширные непроходимые леса, недостаток населения и, следовательно, съестных припасов и всяких ресурсов, останавливают путеше-

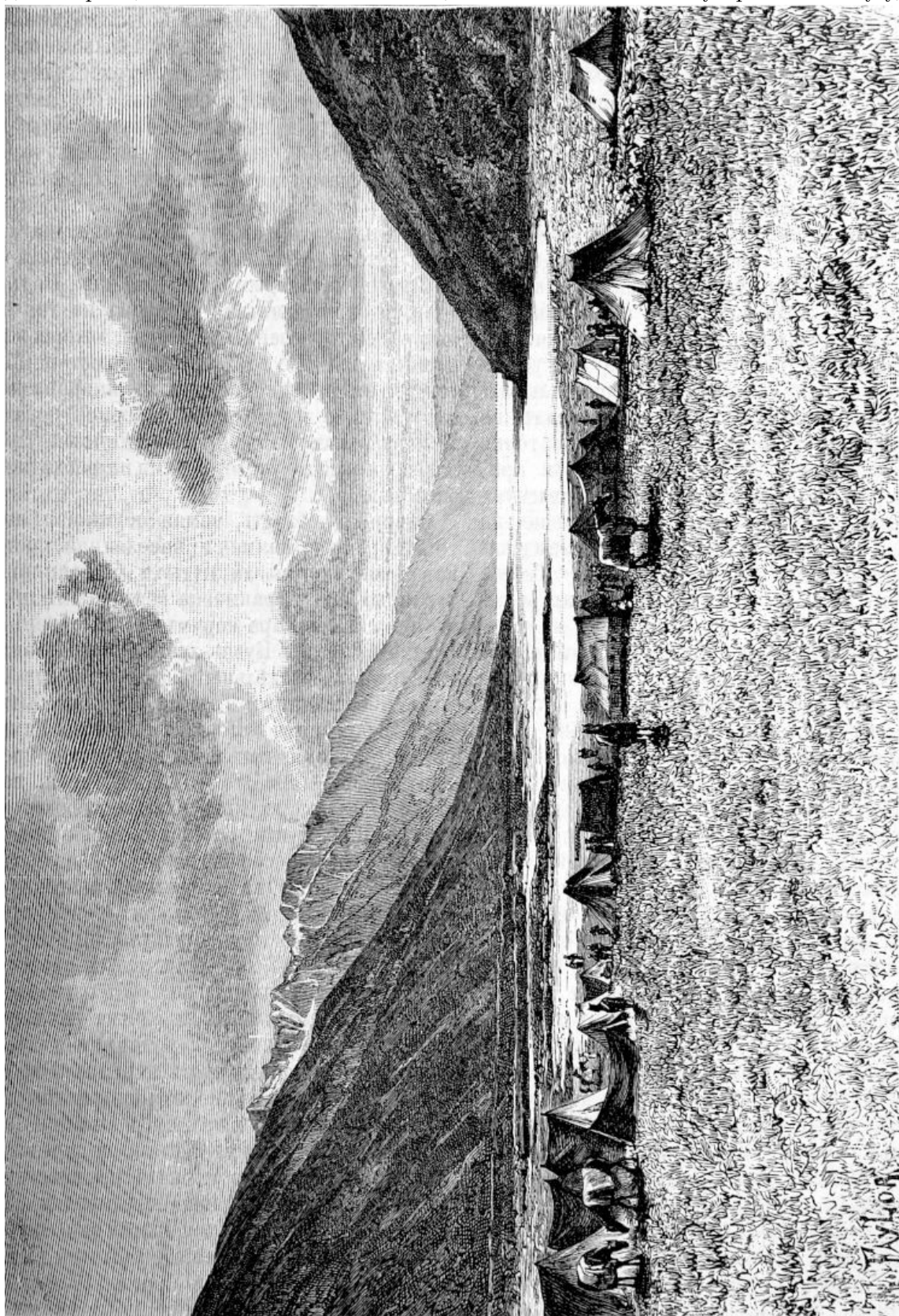
1 „Reisen in Indien und Hochasien“, vol. III.

2 Klaproth, „Notes a la Breve noticia del regno dei Thibet“, dei Fra Orazia della Penna.

3 Пржевальский, „Монголия и земля тангутов“; Yule, Marco Polo.

4 Klaproth, „Asia Polyglotta“;—Carl Ritter, „Die Erdkunde von Asien“;—Yule и др.

ственников на этих восточных границах Тибета; в последнее время ко всем этим препятствиям прибавилось еще недоброжелательство китайских властей, всячески затрудняющих проход иностранцам. Если, в течение настоящего столетия, тибетскому правительству удавалось

Берегъ озера Пангконгъ.
Мѣсто стоянки англійской экспедиціи 1871 года.

лучше, чем всем другим азиатским государствам, поддерживать политическую уединенность, замкнутость своего народа, то оно обязано этим главным образом рельефу и природе почвы. Тибет высится словно неприступная твердыня в центре Азии: защитники его могли гораздо легче воспретить вход в их крепость, чем защитники Индии, Китая и Японии.

Большая часть Тибета до сих пор остается неизследованной, или по крайней мере, пути, пройденные католическими миссионерами, которые посещали эту страну, когда вход в нее еще не был запрещен, не могут быть начертаны с полной достоверностью. Известно, что в первой половине четырнадцатого столетия, один монах из Фриауля, Одорико ди-Порденоне, отправился из Китая в Тибет и жил некоторое время в главном его городе Лассе. Три века спустя, в 1625 и 1626 годах, португальский миссионер Андрада два раза проникал в Тибет, где буддийские бонзы оказывали ему радушный прием. В 1661 году другие иезуитские патеры, Грюбер и д'Орвиль, совершили путешествие из Китая в Индостан, проехав через Лассу. В следующем столетии тосканец Дезидери и португалец Манозль Фрейре, а также и другие европейские путешественники посетили столицу Тибета, куда они ездили из Индии. Но уже ранее капуцины основали в Лассе католическую миссию под управлением настоятеля Орацио делла-Пенна, который провел в этом крае не менее двадцати-двух лет. В ту эпоху тибетское правительство позволяло иностранцам беспрепятственно проникать в его владения через горные проходы Гималая, столь ревниво оберегаемые в наши дни. Один светский исследователь также прожил несколько лет в Лассе и отправился оттуда в Китай, через озеро Куку-нор, после чего опять вернулся в Индостан, тем же путем, через Лассу. Этот путешественник был голландец ван-дер-Путте, которого знали за человека образованного и необыкновенно наблюдательного; к сожалению, он сам уничтожил свои путевые записки и карты, опасаясь, чтобы его бумаги, неприведенные в порядок и неверно понятые, не сделались источником распространения ошибок. От него остались только кое-какие заметки и одна рукописная карта, сохраняемые, как драгоценность, в миддельбургском музее, в Зеландии¹.

Пройденные исследователями пути, точно обозначенные на карте с помощью астрономических наблюдений или на основании съемок посредством компаса и хронометра, еще очень немногочисленны. Английские путешественники и ост-индские чиновники, командируемые правительством полуострова, посетили только юго-западную часть страны и верхний бассейн р. Цзанбо, на севере Нипала и Сикима. Юго-восточный Тибет был объехан французскими миссионерами; но все сделанные, в последнее время, попытки пробраться в Тибет с северо-восточной и с северной стороны имели неудачный исход. Братья Шлагинтвейты, которые, в подражание титулам Дибича «Забалканского» и Муравьева «Амурского», прибавили к своей фамилии странный эпитет «Закуэньлуньского», чтобы увековечить память о совершенном ими переходе через тибетские горы, видели только западную оконечность страны. Русский путешественник, полковник Пржевальский, должен был дважды вернуться назад, не успев проникнуть во внутренность края; точно также и венгерец граф Бела Сеченьи принужден был возвратиться, не достигнув цели. Для всех областей, которые еще не были посещены английскими и ост-индскими геодезистами, нынешние карты Тибета суть не что иное, как перепечатки карты, составленной знаменитым д'Анвилем на основании съемок, произведенных, по приказанию императора Кан-си, двумя тибетскими ламами, воспитанниками иезуитских астрономов. Однако, и теперь уже приобретены твердые опорные точки для будущих исследований, благодаря геодезическим работам, предпринятым в последнее время на Гималайских горах. В 1877 году инженер Райель даже получил позволение проникнуть в верхнюю долину Сетледжа для визирования пиков с их северного основания, и все видимые вершины этой долины вошли в его сеть треугольников². В 1889—90 годах северную часть Тибетского нагорья исследовала экспедиция Певцова. В 1895 году страну исследовали Роборовский и герцог Орлеанский; первый с севера успел пробраться до южной границы Куку-нора, второй с юга до Ассама, а позднее англичанин Ландор достиг почти самых стен Лассы. В приблизительных границах, показанных на нынешних картах, которые, постоянно изменяются во всех их чертах позднейшими исследованиями, поверхность Тибета, со включением бассейна озера Куку-нор, исчисляется пока, впредь до более точных измерений, в 643.734

1 Cl. Markham, „Tibet, Travels of Bogle and Manning“.

2 „Abstract of the Reports of the Surveys in India for 1877-78“.

квадр. мили¹, так что, следовательно, она в три слишком раза превосходит пространство Франции; но если прибавим к этому несколько сопредельных независимых территорий, часто причисляемых к тибетскому государству, и все округа, населенные людьми племени бод, в Кашмире и в китайской Сы-чуани, то оказывается, что общая поверхность страны превосходит два миллиона квадр. километров. По Матусовскому площадь Тибета и области Куку-нора равна 34.819,57 геогр. квадр. миль, а без Куку-норского края составляет около 21.763,03 кв. геогр. мили².

Не считая гористой области западного Тибета, которая составляет часть владений кашмирского магараджи, Тибет или Бод-юл делится естественным образом на три области: северные озерные нагорья, южные возвышенные долины, где реки Сетледж и Цзанбо текут в противоположных направлениях, следуя та и другая вдоль северной покатости Гималайских гор, и юго-восточный Тибет, разрезанный текучими водами на расходящиеся бассейны.

Северная область, самая обширная, но, в то же время, и наименее населенная, состоит из совокупности замкнутых бассейнов, которая на юге ограничена восточным продолжением цепи Кара-корум, а на севере опирается о могучий Куэнь-лунь. Эта краевая цепь плоскогорья, раздельный барьер между Тибетом и бассейном Тарима, должна быть, с гораздо большим основанием, чем Гималаи, рассматриваема как составная часть срединного хребта Азии. Это—цепь, которая, на востоке от Памира, продолжает собою горный узел Гинду-куш, соединяющийся, в свою очередь, с орографической «перегородкой» Передней Азии. Она составляет восточную половину раздельного хребта континента, хребта, который тянется не правильной линией от запада к востоку, то следуя вдоль плоскогорий в форме краевых цепей, то изгибаясь в виде параллельных или слегка сходящихся кряжей, или, наконец, принимаясь в виде отдельных горных масс и групп. Вероятно, что в своей совокупности Куэнь-лунь и горные цепи, которыми он продолжается на восток во внутренность Китая, не представляют более правильности, как центральная ось Азии, чем цепи западной «перегородки». Впрочем, орография Тибета и Китая еще слишком мало известна, чтобы можно было с достоверностью решить этот вопрос. Рассматривая Куэнь-лунь и его восточное продолжение как один и тот же хребет, общая его длина, от его оснований или корней, в Памире, до его конечных ветвей, между реками Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяном, может быть исчисляема приблизительно в 4.000 километров. Нужно, однако, сказать, что многочисленные проломы, перемены направления, пересечения расселин и выступов, всякого рода изменения рельефа разбивают эту орографическую систему на большое число цепей. Горная масса, носящая имя Куэнь-луня, была известна в китайской древности, еще в исторические времена, и есть группа величественных гор, поднимающаяся недалеко от истоков Желтой реки; но невероятно, чтобы эта группа могла быть рассматриваема как центральный узел орографической системы, к которой географы впоследствии применили её название. По мере того, как географическое знание распространялось с востока все далее и далее на запад, имя Куэнь-лунь (Кулькун, Куркун) передвигалось в том же направлении. Оно присвоивается теперь цепи, которую древние индусские переселенцы Кашгарии называли Ансута, от санскритского Анаватапта, то-есть «Неосвященная», гора холода или тени³: это синоним татарского наименования Карангуй-таг или «сумрачная гора»⁴.

Куэнь-лунь, вероятно, не имеет вершины, которая бы подымалась до высоты высочайших пиков Гималаев или даже Каракорума: наблюдения, которые были сделаны доселе на обоих оконечностях этой цепи, сведения, собранные путешественниками относительно частей Куэнь-луня, еще неизследованных ими, наконец указания, даваемые китайскими картами и документами, позволяют вывести заключение, что самые высокие горы земного

1 Chronicle and Directory 1897 г. стр. 92. Сведения о площади Тибета весьма разноречивы: так Almanach de Gotna 1898 г. определяет площадь в 1.200.000 кв. километров; Ежегодник Statesmans year book 1895 г. в 651.500 кв. миль.

2 Матусовский, стр. 342.

3 Humboldt, „Asie Centrale”.

4 Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan”.

шара нужно искать не на севере Тибета: Джонсон, Пржевальский, Монтгомери, Рихтгофен не думают, чтобы хоть одна гора тибетского Куэнь-луня достигала высоты 7.000 метров; но за пределами Тибета, между Кашмиром и страной Яркенд, некоторые вершины поднимаются более, чем на 7.300 метр.¹ Около истоков реки Черчен-Дарья высится горная масса Тогуз-дабан, где собственно так называемый Куэнь-лунь выделяет из себя отроги и террасы, постепенно понижающиеся к низменности, которую наполняло древнее Средиземное море центральной Азии². Северная цепь носит название Алтын-таг или «Золотых гор»; предгорья её выдвигаются почти до самого озера Лоб-нор. К югу от этого хребта, имеющего около 4.000 метр. высоты, тянутся параллельно две другие цепи и большой Куэнь-лунь, который продолжает следовать своему нормальному направлению от запада к востоку до Гурбу-найджи, в соседстве истоков Ян-цзы-цзяна. Монголы, населяющие цайдамские равнины, говорят, что эта цепь гор представляет непрерывный хребет, и что вершины её поднимаются в разных местах за линию постоянных снегов³. Уступая Гималаю по возвышению главных вершин, Куэнь-лунь превосходит ее по средней высоте своей массы и по высоте проломов, которыми иззубрен его гребень. При том он, повидимому, гораздо древнее; так как происхождение его относится, вероятно, к более отдаленной геологической эпохе, когда Гималайские горы еще не существовали, то весьма естественно, что выступы его гребня с течением времени постепенно стерлись, осыпались, и обломки их были снесены водами и ветрами на низины и окружающие плоскогорья. Пройдя все горные хребты, отделяющие Индию от бассейна Тарима, путешественник Столичка убедился, что древнейшими каменными породами этой области несомненно должны быть признаны те, из которых образована масса Куэнь-луня: они состоят, главным образом, из сиенитового гнейса, и самые новые его осадочные слои принадлежат к триасу, тогда как формации Гималая и Каракорума обнимают весь ряд горных пород между палеозойскими пластами и эоценовыми образованиями⁴; вообще геологи полагают, что Куэнь-лунь есть первоначальная складка или выпуклость плоской возвышенности, и что южные горные массы образовались последовательно после него⁵.

Сравнительные наблюдения, сделанные на двух цепях, северной и южной, так же, как противоположность явлений климата, доказывают, что в целом Куэнь-лунь не представляет того разнообразия видов, того величия форм, какими отличаются Гималайские горы. Менее иззубренный пирамидальными вершинами, менее иссеченный проломами или вырезками гребня, он высится над узкими оазисами его основания и над песками пустыни Гоби, как длинный вал, там и сям испещренный полосами снега. Несмотря на свою большую среднюю высоту, Куэнь-лунь не может сравниться с Гималаями по обилию снегов и льдов; впрочем, по свидетельству китайских документов и позднейших путешественников, там есть настоящие ледники в восточной части цепи; глетчеры существуют также непосредственно на востоке от верхней долины р. Кара-каш. Кроме того, скопления неподвижного льда наполняют впадины плоскогорья, и горячие источники способствуют образованию ледяных площадей, которые во многих местах расстилаются на обширных пространствах⁶. Северные ветры, встречая склоны Куэнь-луня, после перехода через равнины северной Азии являются уже сухими и приносят лишь весьма незначительное количество сгущенных паров; что касается воздушных течений, приходящих со стороны Индийского океана, то почти все приносимые ими атмосферные осадки они оставляют, в виде дождя или снега, на Гималае и на других горных цепях Бутана и южного Тибета. Таким образом остается мало влажности в воздухе, который проносится над верхушками Куэнь-луня; ручьи, получающие начало в верхних цирках этих гор, образуют по большей части незначительные потоки, и с той и с другой стороны теряются в песках или болотах.

1 Henderson, „From Lahore to Yarkand”.

2 Пржевальский, „Путешествие к озеру Лоб-Нор”.

3 Пржевальский, „Монголия и земля тангутов”.

4 Stoliczka, „Records of the Geological Survey of India”.

5 F. von Richthofen, „China”.

6 Henderson, „From Lahore to Yarkand”.

Западная оконечность цепи на севере от Кашмира гораздо богаче струящимися водами, чем собственно так называемый Куэнь-лунь. В этой области, группа горных хребтов и плоскогорье, на котором они расположены, гораздо менее широка, нежели в Тибете, и снега и льды достаточно обильны, чтобы образовать на северном скате Кара-корума значительные реки, которые выходят через ущелья Куэнь-луня и затем извиваются в равнинах Хотана и Кашгара. Так, Яркенд-дарья, уже сделавшись могучей рекой, прорезывает толщу юго-восточного Памира как раз в том месте, где должны бы были встретиться продолженные хребты Гинду-куша и Куэнь-луня. Далее на восток эта последняя цепь открывается в виде ущелья глубиною около 3.000 метров, чтобы дать проход реке Кара-каш, главному притоку Хотан-дарьи. Эта последняя река и сама берет начало на юге от главной оси Куэнь-луня, и должна пролагать себе дорогу через ущелье цепи, пройдя перед тем длинный извилистый путь в продольной долине; но к востоку от этого потока, на севере плоских возвышенностей Тибета, Черчен-дарья есть единственная река, достаточно многоводная, чтобы соединиться с другими потоками и образовать большую реку, текущую на некотором расстоянии в равнинах. Как ни малы теперь эти реки, они, однако, совершили в течение веков громадные работы размывания, вырыв или расчистив ворота, через которые ныне путники спускаются с Тибетских плато к Таримской низменности. В некоторых частях краевой цепи спуск идет так отлого и постепенно, вдоль этих рек, что крутизна ската не превышает крутизны обыкновенных дорог в гористых странах: по словам туземцев, жителей Хотана, даже можно было бы сделать в колесном экипаже переезд через Куэнь-лунь,—до такой степени эта высокая цепь представляет пология покатоности и округленные контуры¹. Один из ость-индских геодезистов, посланных Монтомгери, мог без труда подняться из Хотана на западное плоскогорье Тибета, следуя вверх по долине реки Керия до порога возвышенностей, лежащего в большом расстоянии позади цепа, на высоте 4.875 метров. Другие проходы позволяют взойти на плоскогорье с восточной стороны, так как чжунгары неоднократно делали набеги на Тибет, переходя через степи и пустыни, простирающиеся на юг от озера Лоб-нор. Монгольские пилигримы, когда отправляются в Лассу, тоже избирают этот путь.

Северное плоскогорье Тибета, необитаемое или посещаемое только кочующими пастухами, в наибольшей части его протяжения представляет область наименее известную из возвышенностей Срединного царства, и скалистые хребты, встречающиеся в этих почти пустынных пространствах, озера и болота, наполняющие их впадины и низменности, означаются на картах единственно на основании старинных китайских документов. Впрочем и сами тибетцы знают только южные части этой страны холода и буранов. На северном плоскогорье кочуют только номады, тюркские и монгольские, со своими стадами, выбирая места для становищ на сангах или защищенных от ветров пастбищах, похожих на памиры водораздельного хребта, возвышающегося между бассейном Аму-дарьи и бассейном Тарима². Тюркские племена, известные обыкновенно под именем «Гор» или «Хор», живут на западе и в южных частях плоскогорья, между окраиной гор, господствующих над долинами верхних притоков Инда и притоками верхнего Цзанбо. Монгольские кочевники, которые наименовали почти все озера и горы северо-восточного Тибета, носят название «Сок»: они придерживаются обрядов шаманизма; однако, общее наименование жителей этого плоскогорья, употребляемое тибетцами,—Хаш-лен или «магометане», откуда произошло, быть может, имя Хачи, даваемое этой стране; по именам двух главных групп племен, которые там поселились, ее называют также «землей Хор-сок»³.

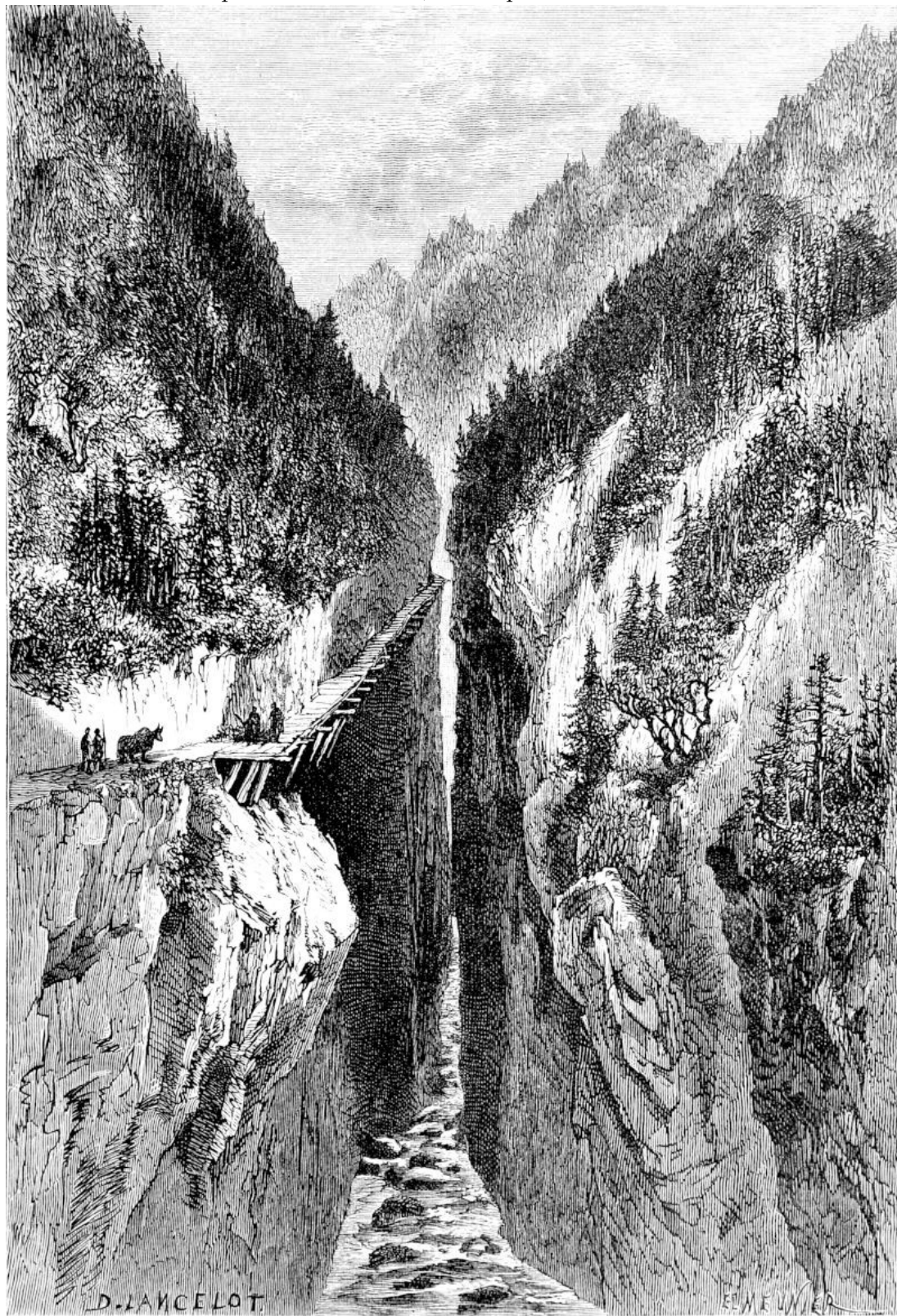
Из многочисленных озер, рассеянных на плоскогорье Хачи, озера Намур, Ихэ-намур и Багха-намур, в западной области, самые значительные, если судить по их изображениям, которые дают нам китайские карты: совокупность вод и земель, частью затопляемых, заключающихся в этом обширном озерном бассейне, продолжается по направлению от юго-запада

1 Johnsons, „Journal of the Geographical Society“.

2 Пундит Найн-синг;—Trotter, „Journal of the Geographical Society“, XLVII.

3 Cl. Markham, „Mission of G. Bogle to Tibet“.

к северо-востоку на пространстве 200 слишком километров. Каковы бы ни были очертания и размеры этих водных площадей, рисуемых на картах почти что на угад на основании сомнительных источников, теперь известно, что цепь озерных бассейнов занимает по линии от се-

Рѣка Ланцангъ-Кіангъ. Хогское ущелье.

веро-запада к юго-востоку большую часть плоской возвышенности Хачи, параллельно понижению плато, в котором течет река Цзанбо. В 1874 году пундит Найн-синг посетил большое число этих озер, из которых многие, очевидно, не что иное, как остатки гораздо более значительных бассейнов: некоторые уменьшились до того, что представляют теперь не более, как

грязные лужи, покрытые кристаллической плитой, которую ломают рабочие, чтобы собирать соль. Иные из этих озер соляные, другие только солоноваты, тогда как большинство тех, которые имеют свободное истечение, содержат совершенно чистую воду. Средняя высота этой области озер от 4.500 до 4.800 метр.; скаты её почти везде очень пологи, и, как в некоторых частях Памира и Куэн-луня, там можно бы было совершенно свободно путешествовать в лесном экипаже и даже провести артиллерийские обозы.

Одно из самых значительных, по величине, озер этой области то, которое носит название Дангра-юм или «Мать Дангра». Суженное по середине до того, что образует два почти отдельные бассейна, это озеро имеет не менее 300 километр. в окружности, и, несмотря на то, благочестивые буддисты из окрестной страны и даже из Лассы часто предпринимают обход вокруг озера в религиозной процессии, который продолжается не менее восьми и до двенадцати дней, смотря по времени года. Большая гора, которая высится к югу от озера, получила прозвище Таргот-Яп или «Отец Таргот», и туземцы почитают ее и «Мать Дангру» как прародителей Земли: группы гор, которые виднеются в окрестностях, признаются буддистами за дочерей Таргота и Дангры. «Кора» или полное пилигримство вокруг этих священных мест, горы и озера, требует около месяца времени и считается одним из самых душеспасительных актов подвижничества, искупающим обыкновенные грехи. Две такие коры искупают человекоубийство, и даже отцеубийца не считается более виновным, когда он совершил три раза обхождение вокруг «Отца» и «Матери»¹.

К востоку от Дангра-юм озера следуют одно за другим в большем числе, чем в других частях плоскогорья, и большинство их выпускают излишек своих вод в северном направлении, где находится, говорят, самый большой озерный бассейн южной области плоскогорья Чоргут-чо, который и сам есть приток одной из больших рек, спускающихся к Индийскому океану. Менее обширное, нежели Чоргут, озеро Тенгри-нор, лежащее на юго-восточном углу плоскогорья Хачи, находится уже в поясе Тибета, исследованном современными путешественниками, благодаря соседству Лассы, от которой оно удалено не более, как на сотню километров. Расположенное по направлению от юго-запада к северо-востоку, озеро Тенгри-нор имеет 80 километр. в длину, при ширине от 25 до 40 километров: пундит, посетивший его в 1872 году, употребил четырнадцать дней, чтобы пройти вдоль его северных берегов. Эта водная площадь, неизвестной глубины, в которой отражается небо почти всегда ясное, есть «Небесное озеро» по преимуществу, как показывают его имена, Тенгри-нор по-турецки и Нам-чо по-тибетски. Каждый год тысячи пилигримов, которых не пугают ни трудности пути, ни опасность подвергнуться нападению разбойников, стекаются сюда из разных мест, чтобы посетить монастырь Доркиа и другие обители, приютившиеся на высоких мысах, откуда открывается обширный вид на лазурную поверхность вод и на белеющие снежные пики, окружающие озеро с южной и юго-восточной сторон. В этой священной области благочестивым посетителям все кажется чудесным: тут расселина в скале образовалась оттого, что камень был расколот богом; там пирамида из глины, воздвигнутая человеческими руками, вдруг растреснулась, чтобы выпустить и дать вознестись на небо душе одного ламы, умершего в экстазе молитвы; даже ископаемые, камни почитаются священными предметами: богомолыцы уносят их, как реликвии одной из «трех сот шестидесяти гор», которым поклоняются как богам, составляющим кортеж главного божества, Нинджин-танг-ла, сплошь покрытого снежной пеленой².

Недавно полагали, что испарение в озере Тенгри-нор вполне достаточно, чтобы уравнивать прибыль воды, доставляемую его притоками; но это мнение оказалось ошибочным. Путешественник, объехавший вокруг этого бассейна зимой 1872 года, не заметил истока, покрытого в это время года, как и самое озеро, ледяной плитой; ручей, вытекающий из Тенгри-нора на северо-западном углу озера, соединяется с рекой, выходящей из другого озерного бассейна, называемого Чоргут-чо. В соседстве Тенгри-нора быют из земли горячие ключи, а

1 Пундит Найн-синг;—Троттер, цитиров. мемуар

2 Cl. Markham, „Journal of the Geographical Magazine“. 1877.

далее на севере, в углублении плоской возвышенности, залегает Буль-чо, простирающееся на пространстве около шестидесяти квадр. километров; некоторые из пилигримов, соединяющие благочестие с коммерческим духом, закупают на берегах Буль-чо целые грузы буры, которую они продают потом в нижнем Тибете и даже отправляют за Гималайские горы. С этого же озера прежде получалась частию бура, носившая в торговле название «венецианской», потому что она очищалась на фабриках Венеции.

Эти химические эфioresценции свидетельствуют о редкости дождей и снегов на плоскогорье Хачи. А между тем непосредственно на востоке от него находится та замечательная область Азии, где со всех сторон текут ручьи и речки, образующие своим соединением могучия реки. Этот контраст происходит оттого, что край плоскогорья ограничен горами, которые получают атмосферную влагу только на южных скатах, обращенных к морским ветрам, дующим с юга и юго-востока. Эти горы состоят из нескольких групп, и на них расположены истоки рек бассейна Индийского океан, и Ян-цзы-цзяна. Хотя проломы, образовавшиеся путем размывания, делят на несколько отдельных кряжей выпуклины порога, но этот последний все-таки почти на всем своем протяжении сохраняет высоту достаточную для того, чтобы произвести большую разницу в климате между двумя противоположными покатостями. Неизвестно только, принадлежат ли горы этого порога к единственной краевой цепи, перерезанной на известных расстояниях высокими долинами рек, или, напротив, они составляют часть различных хребтов, господствующих над восточной оконечностью плоскогорья. Рихтгофен принимает первую из этих гипотез, допуская существование одной поперечной орографической системы, соединяющей горы южного Тибета с горами Куэнь-луня: он даже дал этой предполагаемой цепи название Тан-ла (слово ла обыкновенно означает «перевал, горный проход»; но в восточном Тибете этот термин нередко применяется к горам и даже к целым цепям), по имени одной группы вершин, возвышающихся на юго-восточном углу плоскогорья, к югу от озера Тенгри-нор. Однако, основываясь на том, что более или менее известно о верхнем течении рек, можно, повидимому, заключить, что промежуточные цепи ориентированы так, что образуют параллельные хребты, расположенные все по направлению от юго-запада к северо-востоку и отделенные друг от друга широкими и глубокими понижениями гребня. Дороги, по которым следуют караваны из Тибета в Монголию, проходят последовательно через эти параллельные хребты.

Гребет Тан-ла, через который миссионеры Гюк и Габе с таким трудом перебрались во время своего путешествия из области Куку-нор в Лассу¹, есть самая южная из этих параллельных цепей и соединяется своей западной оконечностью с той группой Тан-ла, в которой Рихтгофен усматривает исходную точку краевой цепи плоскогорья; оба эти названия, кажется, одно и то же слово, различно выговариваемое туземцами разных долин. Гюк говорит о хребте Тан-ла, как о горе, которая, может быть, представляет «самую возвышенную точку земного шара»; но полковник Пржевальский, во время своего третьего путешествия в западные области Китайской империи, тоже совершил восхождение по внушающим такой страх скатам хребта Тан-ла и мог определить высоту его, которая оказалась 5.120 метр., так что, следовательно, эти горы на 1.000 метров ниже других, часто посещаемых, перевалов. На верхнем плато растут еще пучки короткой и деревянистой травы, которую щиплют верблюды. Господствуя над целым миром гор, которые ему служат ступенями, хребет Тан-ла отличается мягкими очертаниями, правильными формами и составляет резкий контраст с остроконечными и зубчатыми вершинами горных масс, которые высятся на горизонте. У основания этой цепи, с южной стороны, бьют из земли многочисленные горячие источники, клокочущие в своих каменных водоемах и соединяющиеся в широкий ручей, который течет в русле, выложенном желтыми, как золото, глыбами. Густые пары постоянно поднимаются клубами над этими источниками и сгущаются в беловатые облака, уносимые ветром. В некоторых резервуарах спертый пар по временам вырывается высокой струей, увлекая со собой огромный столб воды, подобный жидким колоннам исландских гейзеров и фонтанов Нацио-

1 „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine“.

нального Парка в Соединенных Штатах.

Южный Тибет, та область плоскогорья, где выстроились города, где нация постепенно сформировалась, и где она развила свою культуру, представляет сравнительно защищенную горами низменность, которая продолжается на юге от плоскогорья Хачи. В обыкновенном языке к одной только этой части загималайских возвышенностей применяется наименование Тибета. Хотя воды текут там в противоположном направлении, с одной стороны к индо-персидским морям, с другой — к Бенгальскому заливу, тем не менее эта продольная долина самая обширная и, в то же время, самая величественная в свете, благодаря громадам гор, между которыми она заключена. Но эта длинная низменность или впадина, которая тянется в виде дуги круга, параллельно Гималайскому хребту, не есть правильная равнина, или простой ров, ограничивающий с южной и юго-западной стороны плоскогорье Хачи; это, напротив, целая горная, страна, где цепи и гряды вершин ориентированы по большей части в том же направлении, как и Гималайские горы.

Цепь, господствующая с северной стороны над низменностью, собственно, так называемого Тибета, и которая образует, в то же время, южную окраину нагорья Хачи, может быть рассматриваема как продолжение Кара-корума. К востоку от Кашмира и Ладака этот хребет поворачивает на юго-запад, параллельно Гималаю, и выделяет из себя влево несколько отрогов, которые, в конце концов, сливаются с плоскогорьем, тогда как главная цепь, изрытая оврагами, прорезываемая притоками реки Цзанбо и притоками некоторых замкнутых бассейнов и, наконец, на востоке, данниками больших восточных рек, продолжается до соединения с хребтом Нин-чэн-тан-ла, который она встречает на юге от озера Тенгри-нор. Позади этой цепи поднимаются многие высокие массы гор, между прочим, цепь Таргок-яп, которая господствует над озером Дангра-юм, и которую исследователь этой страны, пундит Пайн-синг, считает самой возвышенной группой во всей области плоскогорий на севере от Гималайских гор. Далее на восток, горная масса Гиахарма также омывает свое основание в водах большого озера, называемого Нияринг-чо, и отделена от южной краевой цепи долиной реки Думфу, одного из притоков Ньяринга. Вершины, достигающие высоты от 6.500 до 7.000 метров, венчают горную цепь, вдоль которой следует течение реки Цзанбо, и которая здесь еще не имеет окончательно установившегося и общепринятого названия. Какое имя выбрать между различными, употребляемыми ныне названиями? Следует ли оставить за этой тибетской цепью, как это делают братья Шлагинтвейт, турецкое наименование «Кара-корум», принадлежащее более специально хребту, отделяющему Кашмир от возвышенной долины реки Яркенд-дарья? Или не лучше ли было бы, как предлагает Годсон, называть ее Нин-чэн-тав-ла, сходно с именем величественного пика, господствующего над озером Тенгри-нор? Но эта одноименность не введет ли бесполезной путаницы в географическую номенклатуру Тибета? Точно также не следует ли устранить тибетское имя Гангрн или «Снежная гора», которое уже употребляют для разных вершин западного Тибета? Клапрот предложил наименование Ганг-дис-ри, принятое Маркгамом, тогда как Петерман и другие географы, цепи и хребты, лежащие на юг от плоской возвышенности, называют просто «Цзанскими горами», по имени тибетской провинции Цзан, которую эти горы защищают от северных ветров.

Другая цепь гор и вершин, которую можно было назвать «Загималайским хребтом», тянется между Цзан или Ганг-дис-ри и блистающими пиками Гималаи, и с обеих сторон её спускаются ледники¹. Таким образом низменность южного Тибета разделена в продольном направлении, от запада к востоку, на два второстепенные понижения, параллельные одно другому. Средняя цепь, составляющая продолжение одного из хребтов Ладакского «Малаго Тибета», поднимается своими высокими лангурами или покрытыми вечным снегом пиками, на юге от долины Сетледжа, затем на юге от долины Цзанбо. Уступая по высоте Гималайским горам, эта цепь имеет более важное значение как водораздельная возвышенность, и текущие воды прорезывают ее менее многочисленными поперечными долинами: на протяже-

1 Manning, „Mission to Tibet“; — Markham „Tibet“.

нии около 800 километров Загималайские горы совершенно ограничивают бассейн Цзанбо как водораздельный хребет, тогда как высокая южная цепь, прерываемая глубокими проломами, пропускает к равнинам Ганга многие реки, получившие начало в бассейнах, открывающихся на севере от его гребня. Тем не менее все воды этих возвышенных стран находят дорогу к морю, и большие впадины промежуточных плоскогорий наполнены озерами без истечения, каковы, например, Чомто-донг и Пальгу-чо. По сообщению одного индусского пундита, вода в озере Чомто-донг совершенно чистая и пресная¹, из чего нужно заключить, что исток существовал еще в недавнюю эпоху. Все эти горы переходимы, даже через те вырезки гребня или перевалы, которые на 500 или на 1.000 метров превосходят высоту Мон-Блана,

Различные высоты озерного плоскогорья, цепи Ганг-дис-ри и Загималайского хребта суть:

Озерное нагорье. Ток-ялунг, самое высокое в свете обитаемое место—4.980 (?) метр.; Таргок-яп, высочайший пик цепи Таргок-лех—7.500 (?) метр.; озеро Дангра-юм—4.600 (?) метр.; пик Гьяхарма—6.430 метр.; Тенгри-нор (Небесное озеро)—4.693 метр.

Цепь Ианс-дис-ри на севере от долины Цзанбо. Мариам-ла (перевал Мариам)—4.725 метр.; Хоморанг-ла—5.721 метр.; Кайлас или Тисс—6.700 метр.; Нин-чэн-тан-ла—(7.192?) (7.280?)—7.625 (?) метр.; перевал, на запад от этой горы—5.760 метр.; Бакнакский перевал, на север от Лассы—5.440 метр.

Загималагиский хребет. Снежный пик ил «лангур», на юго-запад от Джанглаче—7.520 метр.; Тунглунг-ла—5.630 метр.; Лагулунг-ла—4.941 метр.; Хамба-ла, на юго-запад от Лассы—5.240 метр.; озеро Пальти—4.125 метр.; Хоро-ла, на запад от озера Пальти—5.101 метр.

Область Тибета, в которой берут начала реки Сетледж и Цзанбо, есть одна из священных земель браминов и буддистов; это благоговение народов вытекает, без сомнения, из сознания важности страны с географической точки зрения. Поперечный порог, соединяющий Гималаи с Ганг-дис-ри, и через эту цепь со всем Тибетским нагорьем, важен не только как место необходимого перехода между двумя большими долинами, продолжающимися далеко через разные страны, он важен также, как корень или узел, посредством которого плоская возвышенность Тибета, самая обширная на земном шаре, связана с высочайшей в свете цепью, с Гималайскими горами. На северо-запад от этого раздельного порога высится гора, называемая тибетцами Тисс, а индусами Кайлас, пирамидальная масса которой стоит уединенно, отдельно от других гор цепи Ганг-дис-ри. Когда индус заметит издали обрисовывающийся на горизонте высокий гребень этой священной горы, форма которого похожа на пагоду в развалинах², он семь раз падает ниц и семь раз воздевает руки к небу: в его глазах это жилище Магадео или Великого Бога, первый и самый величественный из всех Олимпов, на вершине которых народы, на каждой из последовательных станций при их движении на запад, видели сияние ослепительного света их божеств; эта гора Меру древних индусов, пестик символического цветка лотоса, изображающего собою мир³. Тибетские ламы не уступают индусским йоги в выражении благоговения к священной горе, и самые смелые из них принимают пилигримство вокруг Кайласа, совершаемое через снега, скалы и груды обвалившихся камней, и продолжающееся по несколько дней⁴, у подножия этой горы с четырьмя фасадами, из которых «один золотой, другой серебряный, третий рубиновый, четвертый из лазуревых камней», был построен первый буддийский монастырь Тибетского плоскогорья, за два столетия до начала христианской эры⁵. Индусские легенды, впрочем, сильно расходящиеся в подробностях, согласны в том, что все они ищут по близости Кайласа или даже в его боках таинственные гроты, из которых вызываются на свет четыре божественные животные, слон, лев, корова и лошадь,—по словам других павлин,—символы четырех больших рек, Се-

1 Montgomerie, „Mittheilungen von Petermann“, 1875.

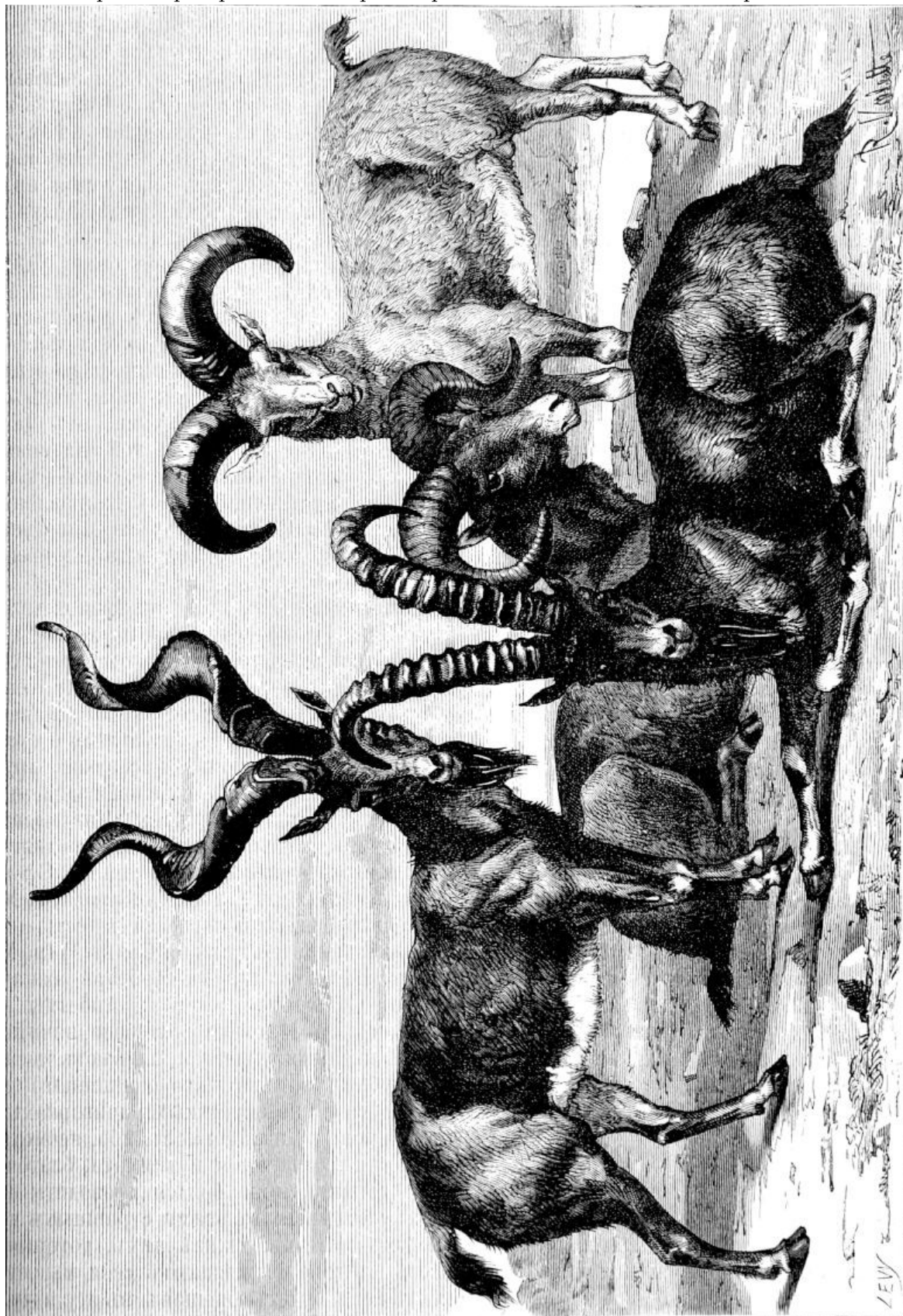
2 Ryall, „Surveys in India for 1877-78“

3 Moorcroft, „Asiatic Researches“, XII;—Carl Ritter, „Asien“

4 Найн-синг;—Trotter, „Journal of the Geographical Society“, vol. XLVII, 1877.

5 Lassen, „Indische Alterthumskunde“;—Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

тледжа, Инда, Ганга и Цзанбо. Эти могучие потоки, спускающиеся к четырем разным точкам горизонта, действительно берут начало если не на склонах одной и той же горы, то по крайней мере на пространстве, которое, вероятно, имеет, от юга на север, не более сотни ки-

Ovis Ammon. Ibex Sibirica. Ovis Nahura. Овца Маркуа.

лометров протяжения. Алакнанда, Карнали и разные другие реки, из соединения которых образуется Ганг, река божественная для браминов, вытекают из земли на индусской покато-сти Гималайских гор, а Инд получает свои первые воды из северных снегов цепи Ганг-дис-

ри. Но между этими двумя крайними точками, отделенными одна от другой двумя хребтами гор, открывается та глубокая впадина или низменность, где образуются и текут в противоположном направлении две другие большие реки: Сетледж и Цзанбо.

Порог долины с двойной покатостью, служащий водоразделом между двумя бассейнами и соединяющий в поперечном направлении Гималайские горы и цепь Ганг-дис-ри, имеет незначительное относительное возвышение при основании горных вершин, которые поднимаются на 2.000 метров выше, как гора Кайлас, и даже на 3.000 метров, как гималайский пик Гурла или Мандгата, повышения почвы сливаются с соседними высотами, так что не без труда можно различить водораздельный хребет. Впадины этой долины наполнены озерами и прудами, залегающими почти на такой же или немного меньшей высоте, как и порог, и спуск от одной из этих водных площадей к другой идет по отлогим скатам. Весьма вероятно, что в предшествующую геологическую эпоху вся низменность, которая тянется в виде полу-месяца вдоль северного склона Гималая, была наполнена водами, и что нынешние озера, рассеянные в бассейне, суть не что иное, как остатки большого альпийского озера прежних времен. По замечательному параллелизму, эта длинная некогда озерная долина разворачивается в том же направлении, как цепь озер полуденного плоскогорья Хачи, от Дангра-юм до Тенгри-нор. В этой низменности тоже получают начало две большие реки, текущие в противоположном направлении: с одной стороны Инд, с другой таинственный поток, из которого, вероятно, образуется река Салуэн.

Наименее покатая половина южной впадины Тибета та, в которую изливаются воды Сетледжа. Первую её террасу, в соседстве с порогом, занимает озеро, тсо или чо Конгкио, водная площадь без истечения, сделавшаяся соленой, как почти все замкнутые озера. В окрестностях рассеяно несколько других прудов, наполненных соленой водой, но два главных бассейна этой долины, Мансаровар и Ракас-таль, пресноводные озера, соединенные постоянным ручьем, приносящим Сетлджу божественную струю, ибо Мансаровар, Манаса-саровара индусских легенд, есть «озеро, образовавшееся из дыхания Брамь¹ (по Муркрофту, название Манаса-саровара означает просто «Священное озеро»; тибетцы называют его «чо Мапанг»). Лебеди, почитаемые как блаженные существа, плавают тысячами на голубых водах этого священного озера. Там и сям на окрестных пригорках виднеются домики пилигримов, ибо, несмотря на опасности путешествия и климата, благочестивые пустыnnики не боятся проводить по нескольку месяцев в этих страшных необитаемых местах: те из них, которые умирают в дороге, утешают себя мыслию, что их пепел будет брошен в эту воду, «самую святую на земле», и это составляет для них высшую награду за подвижничество. Прежде говорили, что Ганг вытекает из озера Мансаровар, и это предание было санкционировано на некоторое время рассказами иезуитов² и картой д'Анвиля. Муркрофт первый доказал, что истоки Ганга находятся на внешнем склоне Гималайских гор. Еще и на этих высотах сходились враждебные армии и вступали в кровопролитный бой: так, в декабре 1841 года китайцы разбили здесь на голову кашмирских догров и преследовали их вплоть до Леха, в индийском Тибете.

По выходе из озера Ракас-таль, называемого тибетцами Ланагу-ланка, Сетледж, Сатраду или Сатадру, иногда пересыхает в конце лета: постоянное течение эта река имеет только ниже в долине, где она начинает прокладывать себе дорогу через обломки скал. Эта долина, лежащая на высоте 4.500 метров, есть одна из замечательнейших в свете своими теплыми источниками, из которых одни сернистые, другие инкрустирующие: огромные пласты скал были отложены в течение веков этими минеральными водами; в некоторых местах только и видишь что эти травертинские туфы, образованные дымящимися источниками. Как во многих других областях Тибета, который, однако, нигде не содержит вулканических пород, здесь тоже вылетают из земли струи паров, сернистые фумароллы³.

1 Н. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

2 Du Halde, „Description de la Chine“.

3 Moorcroft, „Asiatic Researches“;—Carl Ritter, „Die Erdkunde von Asien“.

Общая покатость верхнего бассейна Сетледжа охраняет почти одинаковый уклон на всей тибетской территории. Близ того места, где река прорывается через теснины Гималайских гор к равнинам Индостана, уровень террас, окаймляющих ее справа и слева, держится на 4.500 метрах, как на Мансароварском пороге, в 300 километрах выше этого пункта, и местность тут так же пустынна, так же лишена всякой растительности, за исключением только защищенных от ветра лощин. Сетледж вырыл себе в этих террасах озерного происхождения ущелья в 400 и даже в 500 метров глубиной, которые, однако, не достигают до жилой скалы дна¹. Каждый впадающий в эту реку горный поток должен, как и сам Сетледж, открыть себе проход через каменные глыбы и пласты глины, и таким образом вся территория представляется изрезанной на огромные овраги. В этих-то оврагах, либо по берегам ручьев, либо даже на каменистых откосах, редкие обитатели страны устроили свои жилища, временные или постоянные. Так, Даба, главный город тибетской долины Сетледжа, занимает стены пропасти около 100 метров глубиной, открывающейся в пластах камней и глины, которые господствуют над течением одного из притоков Сетледжа. В этом месте воды и снега изрезали стены ущелья в фантастические формы башен, бастионов, пирамид, обелисков. В самых твердых частях этих стен открываются гроты, вырытые рукой человека: это жилища и склады обитателей Дабы. Несколько каменных двух-этажных домов прерывают там и сям своими белыми фасадами красноватые крутые откосы, а в верхней части города расположен квартал лам, образующий нечто в роде цитадели, над которой господствуют неприступные стены горы; единственные ворота, открытые в нижнем квартале, дают доступ жителям. Зимой город Даба совершенно пустеет; овраг наполняется снегом, и кучки домов исчезают под снежными хлопьями, кружимыми ветром; с наступлением весны нужно очищать вход в пещеры от остатков лавин, где снег перемешан с грязью и камнями². Изрытые теперь глубокими оврагами обломки, которые засыпали обширное озеро, принадлежат к третичной и по- третичной эпохам, и заключают в себе много ископаемых, равно как и костяки больших позвоночных животных. Следовательно, целая фауна успела развиваться и исчезнуть в течение веков, употребленных камнями и землистыми осадками на засорение внутреннего моря, остаток которого опорожнился через пролом в Гималайском хребте, по которому текут стремнины Сетледжа.

Многие из рек, берущих начало на северной стороне цепи Ганг-дис-ри, считались прежде туземными жителями главным истоком Сцинда или Инда, и ко всем этим рекам применяли мифическое название Сентсхабад, «река, вышедшая из пасти льва». Их называли также Сингичу или «Львиный поток»,—имя, которое мы находим в древнем санскритском наименовании Синга, слегка измененном в наши дни. Исследования, произведенные в новейшее время англо-индийскими геодезистами, доказали, что между этими реками истинным Индом нужно считать ту, которая получает начало—далее на восток, недалеко от северной покатости горы Мариам-ла: из всех потоков, которые соединяются в общем русле Инда выше того места, где он вступает в пределы Кашмирского царства, это самый длинный и самый многоводный. Гартунг или река Гарток соединяется с Индом еще на тибетской территории и увеличивает его объем почти в два раза.

Явления постепенного высыхания, которые, со времен озерного периода, следовавшего за ледяной эпохой, низвели пресноводные озера Тибета в простые лужи соленой воды, и покрыли налетом соли и селитры столько впадин плоскогорья, засушили также много рек, превратили в замкнутый бассейны многочисленные долины, воды которых некогда вероятно изливались в Инд. Замечательный пример этого видим на севере от сейчас названной реки, в округе Радох. В этой части плоскогорья, средняя высота которой 4.200 метров, одна долина тянется параллельно течению Инда; сначала она идет к северо-западу, затем подобно долине Инда, уклоняется на запад, чтобы образовать поперечную горную долину или ущелье, после чего опять принимает свое нормальное, северо-западное направление. Большая часть

1 Hermann von Schlagintweit, цитиров. сочинение.

2 Moorcroft, „Asiatic Researches“;—Bennet, „Journal of the Geographical Society“.

этой долины наполнена водой; но образовавшееся в ней озеро, которое походит на многие внутренние фиорды Скандинавии, попеременно расширяется и суживается, смотря по ширине русла и выступу мысов: обвалы или, может быть, аллювиальные образования, нанесенные боковыми потоками, даже разделили это озеро на три бассейна, имеющие различный уровень. Верхний бассейн называют озером Нох, по имени соседней станции караванов. Центральный бассейн, лежащий на 12 или 13 метров выше нижнего резервуара, носит название чо или озера Монгалари, то-есть «Горного пресноводного озера»¹; (по словам пундита Найн-синга, истинное его имя Могна ларинг, что значит «Длинное и узкое озеро женщины»²). Нижнее озеро, немного меньших размеров, известно в крае под тем же именем, хотя по недостатку истечения оно мало-по-малу превратилось в соляное озеро; содержание солей, около 13 на 1.000 в нем почти такое же, как в Черном море³, но пропорции их различны, ибо оно включает почти столько же сернокислой соды и магнезии, сколько морской соли. Англо-индийские исследователи познакомили нас с этим озером под именем Пангонского, заимствованным им от провинции Кашмира, в которую врезывается северная оконечность озерного бассейна. Линии прежнего уровня и слои пресноводных раковин⁴, очень легко различаемые на крутых горных склонах, окружающих Пангонг, и в ущелье, через которое уходил излишек воды, доказывают, что уровень воды в озере прежде был на 74 метра выше, чем нынешняя его средняя поверхность, лежащая на высоте 4.149 метров; следовательно, толщина жидкой массы, в то время еще не соленой, была вдвое больше, чем в наши дни, ибо, по Троттеру и Биддульфу, наибольшая глубина равна ныне 43 метр., по Герману Шлагинтвейту, 51 метру. Общая площадь двух озер, исчисляемая теперь только в 543 квадр. кил., тоже была слишком в два раза больше в то время, когда выходящий из озерного бассейна ручей спускался в Шайок или «женский Инд» по долине длиною около тридцати километров, ныне высохшей, и посредством реки Танксе. Понижаясь мало-по-малу вместе с уровнем озера, вытекавший из него ручей вырыл скалу до высоты 47 метров над нынешней водной площадью, затем истечение совершенно прекратилось, и озеро постепенно уменьшилось до настоящих его размеров, вследствие убыли от испарения, не восполняемой притоком новой воды. Пески, оставленные на берегах, были унесены южными ветрами и образовали дюны на северном берегу, или расположились в виде откосов на скалах; что касается северных ветров, то действие их на пески слабее, потому что эти ветры господствуют преимущественно зимой, когда почва, так же, как и поверхность озера бывает скована морозом⁵.

Река Цзанбо (Тсанну, Тсамбо, Дзангбо, Сампо или Самбо), то-есть «Святая вода», называемая часть в верхнем своем течении Яру-цзанбо или «Верхний Цзанбо», должна считаться рекой тибетской по преимуществу, так как она протекает через две центральные провинции этой страны—Цзан и Уй. Так же, как Инд и Ганг, тибетская река уподобляется туземцами мистическому животному, и многие из даваемых ей имен делают ее «рекой павлина» или «рекой лошади»: по сказанию одной легенды, она «выходит из рта коня». Тот же самый невысокий перевал, который изливает с одной стороны ручейки растаявшего снега в Сетледж, питает с другой стороны нарождающийся поток Цзанбо. Главные его притоки—ледниковые ручьи, выходящие из цирков Гималайских гор; отделенные от главной цепи Кара-корума параллельной грядой Хоморанга, верхний Цзанбо получает с этой стороны лишь небольшие ручьи. Едва сделавшись рекой, он течет по равнине с очень малым уклоном, где его замедляемые воды широко разливаются близ Тандумского монастыря; в том месте, где тропинка, проложенная через гору Мариам-ла, спускается в долину, Цзанбо представляет уже судоходную реку, по которой поднимаются мелкие ладьи, нагруженные товарами; но пороги здесь так часты, что туземцы не иначе отваживаются пускаться по его водам, как бросив

1 Hermann von Schlagintweit.

2 „Journal of the Geographical Society of London“, 1877.

3 Frankland;—Henderson, „From Lahore to Yarkand“.

4 G. T. Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Inscardo“.

5 Godwin Austen, „Journal of the Geographical Society of London“, 1867.

предварительно монету в поток, чтобы обеспечить себе благоприятное плавание¹. Без сомнения, во всем свете нет другой реки, которая носила бы суда на такой огромной высоте, исчисляемой слишком в 4.300 метров²; ниже, Цзанбо тоже судоходен во многих частях своего течения, при помощи особого рода плотов, обтянутых кожей; но в других местах всякое судоходное сообщение представляется невозможным по причине порогов и песчаных мелей. Высокие террасы, выступы скал, суживающие русло реки, позволили тибетцам перекинуть мостики, висящие над потоком; но этими легкими сооружениями, которые качаются от дуновения ветра, почти никогда не пользуются путешественники, предпочитающие переправляться с одного берега на другой в лодке.

Цзанбо получает в своем тибетском течении очень много притоков, выходящих, на юге с Гималайских и Загималайских гор, на севере из цепи Ганг-дис-ри и даже, через некоторые прорывы окраинной цепи, из возвышенных областей плоскогорья, которое простирается за этими горами. Один из этих северных притоков, Намлинг, берущий начало на хребте Халамба-ла, в соседстве озера Тенгри-нор, протекает по одной из любопытнейших местностей Тибета, замечательной своими горячими источниками. Там, между прочим, есть два гейзера сернистой воды, которые от времени до времени бьют фонтаном до высоты 18 метров, и за исключением летних месяцев, ниспадающая вода замерзает вокруг отверстия в виде хрустальной закраины, усаженной высокими сталагмитами³. Большинство озер этой части бассейна были засорены наносами или опорожнены через выходящие из них потоки; однако все еще остались довольно значительные резервуары, между прочим Ямдок или Палти, который изображают на картах, основываясь на чертежах д'Анвиля в форме почти правильно кольцеобразной, так что озеро имеет вид рва, окружающего крепость. Остров, который, впрочем, некоторые описания представляют скорее как полуостров, возвышается слишком на 700 метров над поверхностью вод, которая сама, как говорят, находится на высоте 4.114 метр. над уровнем моря. По свидетельству Манинга⁴, вода этого озера имеет слегка солоноватый вкус, тогда как, по словам пундита, который обошел северные берега бассейна, она совершенно чистая и пресная. Неизвестно, сообщается ли это таинственное озеро, по рассказам очень глубокое, посредством какого-нибудь западного истока с рекой Цзанбо, от которой оно отделено на севере высоким хребтом Халамба-ла, или оно составляет совершенно замкнутый бассейн.

На северо-востоке от озера Палти или Ямдок-чо, главная ветвь Цзанбо соединяется с другой священной рекой Ки-чу, которая орошает долину Лассы. В 1875 году неизследованные области Тибета начинались в небольшом расстоянии ниже этого слияния, именно в местечке Четан, приблизительно в 1.000 километр. от истоков Цзанбо. В этом месте, где пундит Найн-синг переправился через реку, он видел, что долина продолжается в восточном направлении километров на пятьдесят, затем исчезает на юго-востоке, между синеватыми стенами гор. Но после того, именно в 1877 году, другой англо-индийский исследователь, руководствуясь указаниями инженера Гармена, проследил течение реки на протяжении более 300 километров вниз от Четана. Этот путешественник, самое имя которого известно нам только в сокращенной форме Н—м—г., прошел сначала по берегу Цзанбо до окончности долины, которую Найн-синг видел издали; но далее он принужден был сделать большой обход через горы, чтобы избежать глубокого ущелья, в которое вступают воды реки. Тем не менее он мог опять подойти к самой реке, верстах в тридцати от того места, где покинул ее, и тут он убедился, что Цзанбо описывает кривую в северном направлении, прежде чем снова принять свое нормальное течение к востоку и юго-востоку. С того места, где должен был остановиться путешественник Н—м—г., он видел на юго-востоке пролом, открывающийся в цепи гор, и через эту-то брешь, как говорили ему тибетцы, Цзанбо уходит в землю диких,

1 Bogle, „Mission to Tibet“.

2 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“, vol. III.

3 „Geographical Magazine“, 1877; „Journal of the Geographical Society“, 1875; Ganzemuller, „Tibet“.

4 Journey to Lhasa;—Markham „Tibet“.

пройдя которую он течет по стране, принадлежащей британскому правительству, и получает название Брамипутры¹.

В Четане уровень долины Цзанбо около 3.400 метров, и однако, на этой огромной высоте тибетская река, бассейн которой обнимает уже площадь в 200.000 квадр. километров, может быть сравниваема, по объему жидкой массы, с такими европейскими реками, как Рона и Рейн. Когда пундит Найн-синг видел эту реку, воды ее были относительно низки²; однако, принимая во внимание указываемую им значительную ширину реки (от 300 до 450 метров), а также глубину и скорость течения, можно считать, что даже в эту пору сток Цзанбо или количество протекающей воды составляет никак не менее 800 кубич. метров в секунду³ (по Монтгомери, от 681 до 993 куб. метров). Но плоские берега, покрываемые водами весеннего разлива в продолжение месяцев мая, июня и июля, тянутся в некоторых местах на несколько верст от ложа, занимаемого в период мелководья, и тогда масса катимой рекою воды, без сомнения, достигает нескольких тысяч кубич. метров, может быть, 20.000 метров в секунду, если даже во время разлива уровень воды повышается только на 5 метров, как рассказывают туземцы. Цзанбо, который принимает в себя еще, ниже Четана, в восточном Тибете, большое число многоводных рек, и который должен проходить в этой части своего течения через одну из самых сырых стран земного шара, приносит, следовательно, огромную жидкую массу в Индийский океан. Путешественник Франсис Гарнье высказал предположение, что юго-восточная часть Тибета, через которую проходит Цзанбо, занята известковыми горами, изрытыми пещерами в роде тех, какие он видел во многих местах Китая и Индокитая, и что эта река, текущая отчасти в глубинах земли, делится между несколькими бассейнами⁴; однако, то немногое, что мы знаем до сих пор о геологии восточного Тибета, противоречит этой гипотезе: известняки показываются только на окраинах Юнь-наня, остальная же часть страны состоит из кристаллических горных пород, прикрытых ледниковыми глинами⁵.

Как бы то ни было, ни один исследователь, даже ни один туземец, по крайней мере между теми, которых расспрашивали путешественники, не проследил нижнего течения Цзанбо далее того пункта, которого достиг упомянутый посланный инженера Гармена, потому географы принуждены довольствоваться гипотезами по этому вопросу, бесспорно капитальной важности. Что становится со «Святой водой» после того, как она выходит из своей тибетской долины? В 1721 году миссионер Регис, который велел составить карту страны, по приказанию китайского Кан-си, говорит, что, «достоверно ничего неизвестно относительно места, куда изливается эта река»; он узнал только, что она течет в Бенгальский залив, «около Арракана или близ впадения Ганга в Могол»⁶. Д'Анвиль, пользуясь картой тибетских лам и документами, доставленными ему миссионерами, начертил течение Цзанбо таким образом, что оно должно продолжаться, в королевстве Ава, рекой Иравадди. Реннель, напротив, отождествляет Цзанбо с Брамипутрой, и его гипотеза в настоящее время подтвердилась. Некоторые географы, например, Генри Юль, спрашивают, не может ли этот вопрос считаться уже окончательно разрешенным, и в подтверждение своего мнения Юль приводит, следующий факт, который ему кажется решающим. В 1854 году два католические миссионера, пытавшиеся пробраться из верхнего Ассама в Тибет, были убиты туземцами одного из колен племени мишми. Один епископ, проживавший в то время в тибетском княжестве, присоединенном к Китаю, писал, что тибетцы рассказывали ему об этой драме, как о происшествии, имевшем место на берегах Гакпо или Канпу, «притока Иравадди», который течет на севере от Цзанбо. Но известно достоверно, что миссионеры были умерщвлены на берегах Лохита или восточной Брамипутры, так как туда был отправлен английский отряд, чтобы отомстить за них и

1 Black, „British Association“ 1879;—Walker, „Asiatic Society's Journal“, 1879.

2 „Proceedings of the London Geographical Society“, 1877.

3 R. Gordon, „Report of the Irravady river“.

4 Письмо к Генри Юлю, „Geographical Magazine“, март 1874 г.

5 Desgodins, „Mission to Tibet“.

6 Du Halde, „Description de l'empire de la Chine“.

захватить убийц. Из этого Юль выводил такое заключение, что Лохит есть несомненно продолжение Гакпо, и что эта река, описывая извилину на востоке от Цзанбо, заключает, так сказать, эту последнюю реку в своей большей кривой; следовательно, Цзанбо не может направляться к Иравадди, и гипотеза д'Анвиля и Клапрота должна считаться окончательно опровергнутой¹. Спрашивается, однако, может ли смутный слух, переданный неизвестными лицами относительно сомнительного названия реки, дать подобную географическую достоверность?

Сторонники гипотезы Реннеля долго спорили о том, какую реку, в провинции Ассам следует считать главной и несущей в Брамипутру воды тибетской реки Цзанбо? Будет ли это Дихонг, Дибонг, Субансири или какой-либо другой приток? Большинство географов, по крайней мере между англичанами, за исключением Фергюссона² и Гордона³, высказались в пользу Дихонга, после того, как Уилькокс и Борльтон, поднявшись по нижнему течению этой реки, в 1825 и 1826 годах, доказали, что она есть несомненно главная ветвь Брамипутры. Однако, в то время, когда они высказали, как доказанную гипотезу, свое предположение, что Брамипутра есть индийское продолжение тибетской «Святой воды», неизследованный пробел между этими двумя реками составлял не менее 500 километров по прямой линии, и горы, которые высятся в промежуточном пространстве, были еще совершенно неизвестны. При том, сведения, собранные Уилькоксом, относительно реки, по которой он поднимался, были совершенно недостаточны, чтобы оправдать его мнение о тождестве двух названных рек: он должен был доказать прежде всего, что Дихонг катит количество воды, превосходящее объем жидкой массы Цзанбо, ибо под небом столь дождливым, как небо Ассама, ручьи и реки увеличиваются, можно сказать, заметным для глаза образом. Между тем он ограничивается сообщением, что в том месте, до которого он доехал во время своего путешествия, Дихонг имеет 100 ярдов (91 метр) в ширину, и что течение его тихое; но глубина, которую он предполагает «огромной», осталась ему неизвестной, так как путешественник даже не дал себе труда измерить ее при помощи камня и веревки.

В наши дни проблема, о которой идет речь, заключена в более тесные пределы. По вычислениям Уокера, пространство совершенно неисследованное, которое отделяет крайний пункт, достигнутый англо-индийским исследователем Н—м—г. на реке Цзанбо, высшей точкой, до которой могли подняться вверх по Дихонгу, равна с точностью 155 километрам, а разность уровней воды составляет около 2.250 метров. Если бы эти две реки составляли продолжение одна другой, то общее падение, для приблизительного течения в 200 километров, было бы, следовательно, немного более одного метра на сто,—покатошь, какой ни одна река в свете не представляет в средней части своего течения, какую можно встретить только в долинах горных потоков в самом сердце гор. Неопределенные рассказы, передаваемые миссионерами, говорят, правда, о каких-то порогах и водопадах, которые будто бы стремительно уносят воды Тибета в низменные равнины⁴; но мы не знаем, к каким именно рекам и ручьям относятся эти рассказы туземцев, и до сих пор ничто еще не обнаружило существования Ниагар, которые, казалось бы, можно было ожидать увидеть в этой части Азии, Ниагар, низвергающихся одним потоком или ниспадающих со ступени на ступень, скачками в сотню метров высоты.

Впрочем, точные измерения, произведенные в это последнее время относительно количества протекающей воды в Брамипутре и ее притоках, тоже говорят не в пользу гипотезы Реннеля, Уилькокса и Уокера; во всяком случае, эти изменения показывают, что географы слишком поторопились, без достаточного основания, написать окончательно на картах Тибета имена Дихонга или Брамипутры, вместо имени Цзанбо. Стоки Субансири, Дибонга, верхней Брамипутры доказывают, что все эти реки, по объему жидкой массы, гораздо менее зна-

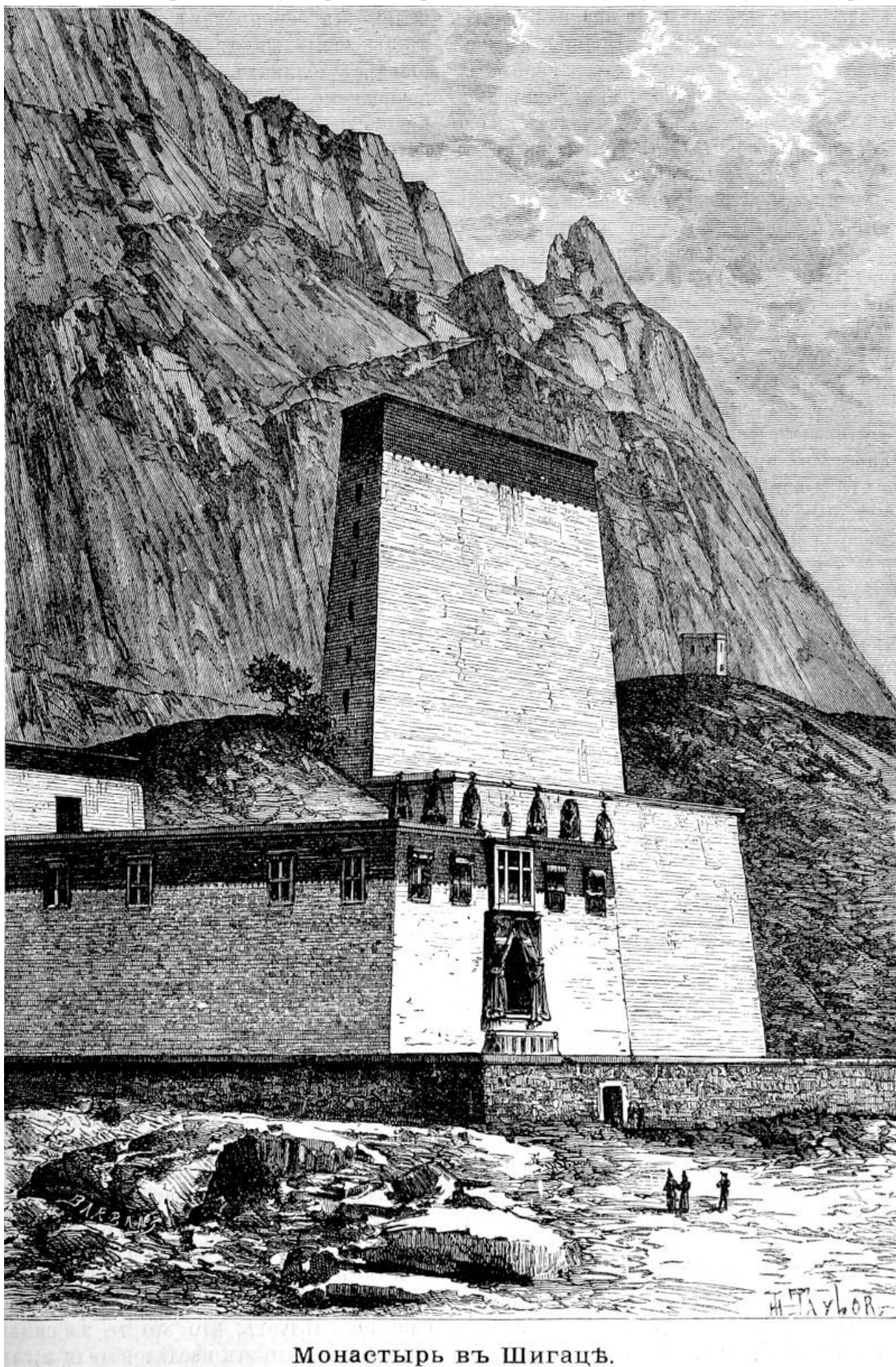
1 Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand“, by Gill.

2 „On recent changes in the delta of the Ganges“.

3 „Report of the Irraivaddy river“

4 Desgodins, „Bulletin de la Societe de Geographie“

чительны, нежели Цзанбо у Четана, и, следовательно, объем их еще гораздо меньше, чем объем тибетской реки, когда она спустится на 300 километров ниже Четана. Что касается Дихонга, то, по измерениям Вудторпа, эта река несет в секунду 1.550 кубич. метров воды в

Монастырь въ Шигацѣ.

период снегов, когда уровень ее начинает подниматься, и, судя по величине площади песчаных берегов, затопляемых во время разливов, сток при больших наводнениях колеблется между 10.000 и 12.000 куб. метров в секунду. Но эта жидкая масса представляет как раз та-

кой объем, какой доставлял бы речной бассейн, ограниченный мысленно цепью Загималайских гор, ибо в этой области, которая, по обилию дождей, занимает первое место в свете, падение атмосферной воды, достигающее в некоторых долинах 15 и 16 метров, составляет средним числом по меньшей мере 4 метра, и естественное истечение, — такое, впрочем, каким оно оказалось в действительности по измерениям, сделанным в долинах гор Гарро, — может быть исчисляемо в 50 и до 75 литров на квадрат. километр поверхности. Для снабжения этого истечения, достаточно было бы бассейна, площадь которого равнялась бы от 20.000 до 30.000 квадрат. километров; неизвестное пространство, отделяющее долину Цзанбо от долины нижнего Дихонга, довольно обширно, чтобы содержать бассейн такого размера, включая сюда бассейн реки Лопра-ко-чу, которая течет на западе, между Гималайскими и Загималайскими горами, и нижнее течение которой еще не исследовано.

Напротив того, сравнительный сток речных вод, как он был определен приблизительно для Цзанбо и с точностью для Иравадди, повидимому, оправдывает китайскую карту, воспроизведенную д'Анвиллем, по которой бирманская река составляет продолжение Цзанбо. У Бамо Иравадди, о котором Уилькоккс, на основании свидетельства путешественников, говорил как о «маленьком ручейке», катит, в период разлива, более 30.000 кубич. метров воды в секунду: среднее количество протекающей воды составляет в этом месте около двух третей объема реки при устье, так что, следовательно, оно там не меньше 9.000 кубич. метров. Правда, что в сухое время года, с ноября до июня, сток нижнего Иравадди может упасть до 2.000, даже до 1.350 куб. метров в секунду¹, но тогда эта могучая река не получает более воды из облаков и оскудевает от верховья до низовья вследствие испарения. Тем не менее остается объяснить, каким образом Иравадди может иметь столь значительный средний объем воды у Бамо и в области, где годовое падение дождя, гораздо меньшее, нежели в бассейне Брамипутры, не превышает, вероятно, 130 сантиметров. Чтобы объяснить большой сток этой реки при Бамо, нужно приписать ей значительную площадь истечения, а между тем на большей части карт бассейн Иравадди отчетливо ограничен на севере от бирманских пределов амфитеатром гор. Хотя Уилькоккс и Борльтон видели близ ее истоков на бирманской территории, ручей который они называют Иравадди, но из этого еще не следует, что это та же самая река, тем более, что эти исследователи и сами слышали о существовании большого восточного потока, принадлежащего к тому же бассейну, но до которого они не пытались добраться².

Какие бы ни высказывались предположения относительно излучин и направления реки Цзанбо, по выходе ее из горного ущелья, в котором она скрывалась из виду у индусского путешественника Н—м—г., нужно воздержаться от окончательного решения вопроса, прежде чем будут собраны несомненные доказательства, и подождать по крайней мере, чтобы бревна или стволы деревьев, занумерованные и спущенные стараниями ост-индского топографического бюро, приплыли с нагорий Тибета в равнины Бенгалии или Бирмы³. Из вышесказанного видно, что эта область Азии еще менее известна нам, чем в последнее время центральная Африка, благодаря трудам Стенли, Ливинстона и др. Вероятно даже, что безосновательные гипотезы Реннеля, Уилькоккса и других географов только увеличили путаницу понятий по поводу бассейнов Брамипутры и Иравадди. Проблемы, которые, быть может, уже были решены древними китайскими географами, снова приняли для нас всю свою таинственность. Будем надеяться, что скоро откроется путь между Ассамом и Тибетом, и что дикари племени абор и пограничные китайские власти позволят исследователям подниматься из равнин на плоскогорья, через леса, болота и горы!⁴

1 R. Gordon, „Report of the Irravaddy river“.

2 Gordon;—H. Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand“, by Gill;—„Mémorial of a survey of Asam in 1825—6—7—8“; „Asiatic Researches“, vol. XVII.

3 Walker, „Mittheilungen von Petermann“, II, 1881.

4 Все лучшие, последние карты Индии, изданные в Калькуте, указывают на Цзанбо как на вершину Брамипутры, и потому вопрос на выяснение которого Э. Реклю отвел так много места, является ныне решенным окончательно. (Прим. ред.)

На севере от низменности, в которой течет Цзанбо, Тибетское нагорье было изрезано текучими водами на бесчисленное множество долин: это то же самое явление, — только в больших размерах, — которое мы видим на краю глинистых террас, где проливные дожди вырывают глубокие рытвины. Южные муссоны, дующие с Бенгальского залива находят широкие проходы в Гималайском хребте и без труда поднимаются к притягательному фокусу, который образуют, в летние месяцы, нагорья Хачи. Следовательно, восточная покатость возвышенностей получает в изобилии дождевые воды, почерпаемые атмосферными течениями в Индийском океане. В то время, как сухость почвы, разреженность воздуха, палящий зной летом, страшный холод зимой делают нагорья почти неприступными, область оврагов представляет большие трудности для путешественника по причине неровности рельефа, крутых скал и глубоких пропастей, горных потоков и рек, лесов и диких населений, обитающих в лесных прогалинах. Официально наибольшая часть этой страны зависит от Тибета, и административные центры установлены там, как и в других провинциях; тем не менее многие народцы этой области могут считаться совершенно независимыми. Ни одна из армий, которые снаряжались для завоевания их, не могла до сих пор овладеть вполне этим краем, изрезанным на бесконечное множество маленьких бассейнов и если дикие народцы, населяющие страну, находили выгодным признавать за собой верховную власть либо Тибета, либо Китая, то только для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно вести торговлю своими произведениями. Никакая значительная политическая группировка не могла образоваться в этом лабиринте долин; во всей этой области нет ни одной большой аллювиальной равнины, куда бы толпой устремилось население, и где выстроились бы города, которые смогли бы служить ядром государства в собственном смысле¹.

Хотя эта страна, столь трудно доступная, была не раз посещаемая путешественниками, преимущественно миссионерами, но большинство их не могли начертить точную карту пройденного пути, и лабиринт этих гор, в пятнадцать раз более обширный, чем группа швейцарских Альп, еще долго останется неизвестным: в настоящее время можно только попытаться определить общее направление и расположение горных хребтов. Параллельно цепи Тан-ла другие хребты тянутся до области озера Куку-нор, и все они примыкают к цепям, гребни которых следуют почти по направлению с севера на юг, и которые продолжают-ся далеко, теряясь в Бирме и в других странах полуострова по ту сторону Ганга: эти горы образуют индо-китайскую систему, о которой говорит Рихтгофен. Все системы гор пересекаются, и в углах пересечения образовались многочисленные изломы, через которые уходят реки верхних бассейнов. Насколько можно судить по маршрутам путешественников и по кратким картам, которые они составили, при помощи китайских документов, реки провинции Кам указывают, направлением своих долин, общее ориентирование горных цепей. Все эти реки текут сначала на северо-восток, параллельно хребтам группы Тан-ла и других цепей, расположенных по краям плоскогорья; затем, после того, как течение их нашло выход к западу, они изгибаются мало-по-малу к югу, следуя по одной из узких, глубоких долин индо-китайской системы. Так, Цзанбо, как удостоверяет новейший исследователь его течения, направляется на северо-восток, прежде чем образовать изгиб и повернуть к южным равнинам. Из сравнения карт видно, что Салуэн и Меконг тоже описывают, но гораздо большим радиусом, чем Цзанбо, подобные же кривые, и самый Ян-цзы-цзян, развертываясь параллельно Меконгу, сопровождает его к югу на пространстве нескольких сотен километров, до пролома в горах, через который он круто поворачивает на восток, и, следуя в этом направлении, проникает в так называемый собственно Китай. Ни в какой другой стране земного шара не увидишь столь замечательного примера независимых рек, текущих в параллельных долинах на таком близком расстоянии одна от другой и затем расходящихся в разные стороны и впадающих в разные моря. Между устьями Иравадди и Ян-цзы-цзяна, которые получают воды с одних и тех же гор, и которые долго текут вместе, по одному и тому же пути, протяжение морских берегов составляет по малой мере 9.000 километров. А между тем реки,

1 F. von Richthofen, „China“;—Desgodins, „La mission du Tibet“.

устья которых удаляются на такие огромные расстояния, протекают часть Тибета в смежных долинах и так близко одна от другой, что с первого взгляда их можно принять за параллельные рукава одной и той же реки. Юль сравнивает расположение этих далеко расходящихся рек с той формой, какую древние греки придавали громовым стрелам Зевса¹.

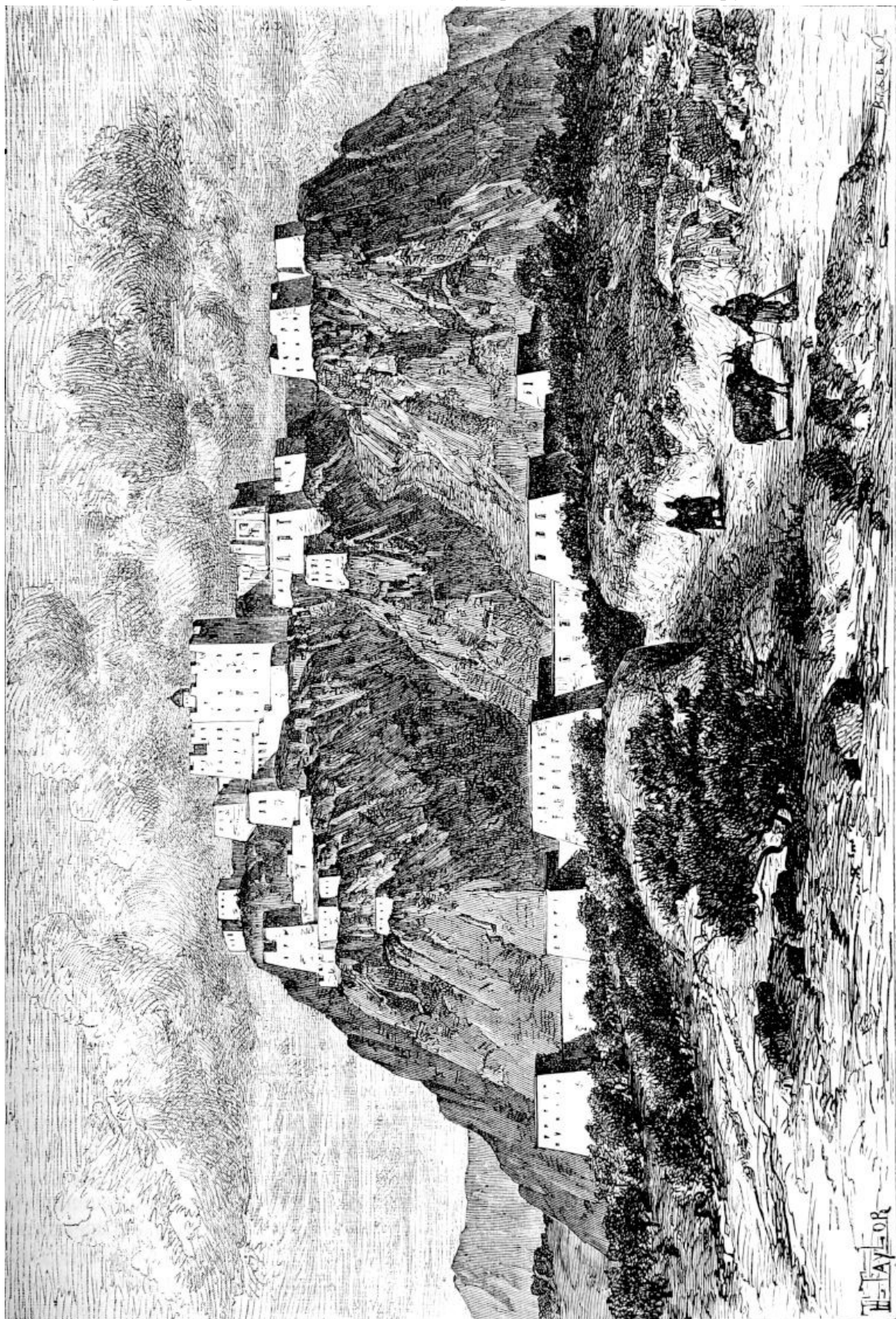
Поток, выходящий из озера Чаргут и принимающий в себя в то же время воды истечения бассейна Тенгри-нор и большей части озер юго-восточного угла нагорья Хачи, образует значительную реку, которую Гюк и пундит Найн-синг описывают под именем Нап-чу или Нак-чу. Но по выходе с плоскогорья, эта река часто меняет название, смотря по стране, через которую протекает, и по языкам народцев, обитающих на её берегах. Вообще, как это заметил уже Франсис Гарнье, во всех частях Китая и особенно в этой части Тибета имена рек представляют местные названия: нигде одно и то же наименование не продолжается для одной и той же реки на пространстве более 100 километров. Так и Нап-чу принимает последовательно названия Хара-усу, Ом-чу, Ань-цзе, Ну-цзян, Лу-цзян. Это обильное разнообразие имен так же, как и трудности исследования на месте, были причиной того, что географы, так сказать, заставляли эту реку путешествовать на картах через долготы и широты. В то время, как братья Шлагинтвейты, гипотеза которых принята и Петерманом, полагают, что Нап-чу есть не что иное, как Дибонг, та река Ассама, которая соединяется с Дихонгом в небольшом расстоянии выше впадения последнего в Брамипутру, Дегонен, проехавший по средней долине «реки народа луце» или Лу-цзян на пространстве около 400 километров, убедился, что она течет на восток от Брамипутры и отождествляет ее с Салуэном². Он не сомневается также, что Лань-цань-цзян, то-есть «Река Большого Дракона» то же самое, что Меконг или Камбоджа, и это мнение было подтверждено исследованиями французской экспедиции, ездившей на Меконг, хотя Шлагинтвейты, Киперт, Петерман, как кажется, питающие некоторое пристрастие к Брамипутре, произвели и Лань-цань-цзян в данники этой последней реки: они принимали его за Лохит или Красную Брамипутру, бассейн которой, теперь достаточно известный, находится почти весь на южной покатости высот, составляющих продолжение Гималайского хребта. Выше мы сказали, что английский географ Юль, считает Лохит продолжением Гакпо, небольшой тибетской реки, которая течет на севере от Цзанбо и параллельно его долине.

Из всех этих рек, спускающихся с плоских возвышенностей Тибета, и которые должны пробираться по глубоким расселинам между скал, чтобы выйти из области гор и достигнуть низменных равнин, Лань-цань-цзян проходит, быть может, через самые дикие теснины и ущелья. У Иеркаля, где поток находится на высоте 2.250 метров над уровнем моря, стены утесов поднимаются на несколько сот метров над поверхностью реки и во многих местах стоят почти перпендикулярно. К югу от Атенпе бока утесов так круты, что не везде можно было проложить тропинку во внутренности ущелий, а потому приходится там и сям взбираться до высоты 450 и даже 600 метров над уровнем реки, которая с этих террас представляется в виде простого ручья: камень, брошенный в пропасть, перескакивает с уступа на уступ, пока достигнет воды, бегущей по дну. Одна теснина, которую Купер назвал «дефиле Гогга», по имени одного из своих друзей, представляет настоящую трещину, ширина которой менее 20 метров, и которая кажется даже совершенно смыкающейся там, где выступы стен и нависшие скалы останавливают взор. В самой узкой части этого ущелья принуждены были устроить между вертикальными стенами род пола или помоста, поддерживаемого на сваях, косвенно вбитых в камень: эта перекинутая, кое-как сколоченная из гнилого, источенного червями леса и очень дурно содержимая, позволяет видеть сквозь щели между досками поток, который, кружась и пенясь, беловатыми водоворотами несется по дну черной трещины. Когда караван должен проходить по узкому помосту, вперед шлют гонцов на другой конец ущелья, чтобы останавливать путешественников, едущих или идущих в противоположном направлении. Во многих местах течения этих рек, там, где ущелья представляют с той и дру-

1 „Introduction to the River of Golden Sand“, by Gill.

2 „Mission to Tibet“

гой стороны легко доступные террасы, устроили летучие мосты, напоминающие несколько tabaritas колумбийцев, или «корду», которая в былое время служила средством перехода через теснину реки Эро, близ Сен-Гильем-ле-Дезер, в Лангедоке¹, и другие мостики того же

Ласса. Монастырь Потала XVII века

рода, употребляемые пастухами и контрабандистами для переправы с одного берега на дру-

¹ Renand de Vilback, „Voyages dans les departements du Languedoc“.

гой, в теснинах Дуэро¹. Простой канат, сплетенный из волокон бамбука, протянут с одной стороны ущелья на другую, с довольно большим уклоном для того, чтобы предмет, скользящий по веревке, при помощи подвижного кольца, тоже бамбукового, увлекался собственной тяжестью до площадки противоположного берега: крепкие ременные привязи принимают путника или животное, которым нужно переправиться через реку, и в одно мгновение ока пространство пройдено. Чтобы вернуться, надо подняться на верхнюю площадку, откуда идет другая веревка, протянутая наклонно в противоположном направлении,—и снова совершен переход через бездну². Впрочем, план этих головокругительных качелей более или менее разнится в разных местностях страны.

Весьма вероятно, что большое число этих глубоких вырезок рельефа были вырыты водами в горах обломков горных пород, подобных тем желтым Землям, которые занимают столь значительное пространство в бассейнах центральной Азии и Желтой реки (Хуан-хэ). Рихтгофен полагает даже, что все плоскогорье Хачи некогда продолжалось на восток, и что выступы гор, разделяющие нынешние долины рек Лу-цзяна, Лань-цань-цзяна, Цзинь-ша-цзяна составляют лишь незначительные остатки этой сплошной возвышенности. Но каковы бы ни были явления размыва, мы находим много признаков, которые свидетельствуют о большой перемене, происшедшей в климате страны. Слои красноватой жирной глины, подобные глетчерным глинам Европы, груды больших камней, оставленные в долинах, и особенно параллельные горки, в форме запруд, через которые горные потоки должны были открывать себе выход, заставляют думать, что ледники спускались прежде гораздо ниже в бассейнах рек восточного Тибета³.

Хотя ледники удалились из долин и нижних цирков к вершинам гор, нынешний климат Тибета достаточно характеризуется названием «Царства снегов», которое обыкновенно дают этой стране все её соседи; по словам Турнера, жители Бутана называют ее просто Пуэкоа-шим или «Северным снегом»⁴. Обитатели окружающих равнин, видя всегда беловатые гребни гор, когда смотрят в направлении Тибета, не могут представить себе этот край иначе, как постоянно покрытым глубокими снегами. Тем не менее, чрезвычайная сухость воздуха, простирающегося над плоскими возвышенностями, на севере от двойного хребта Гималайских и Загималайских гор, уравнивает следствия высокого положения над уровнем моря. Случается, что в продолжение целых месяцев не выпадет ни одной снежинки, а когда и оседет немного атмосферной влаги в этой форме, то ветер тотчас же уносит ее в овраги, или, если снег выпадет летом, солнце тотчас же растопит его своими жгучими лучами. На юго-восточном углу Тибета пояс постоянных снегов начинается на высоте от 5.670 до 5.730 метров, то есть на высоте, лежащей на 900 метров выше вершины Мон-Блана⁵; даже на высоте 5.975 метров на Кайласком перевале, Форсайт нашел голую скалу. На южных склонах Гималая, снега, густо приносимые ветром, спускаются гораздо ниже, нежели на северной или тибетской покатости, и проходы этих гор запираются ранее, чем более высокие перевалы, перерезывающие на севере различные хребты Тибетского плоскогорья: даже в середине зимы можно отправиться из Кашмира в Яркенд, благодаря незначительной глубине снегов. Сухость воздуха так велика в некоторых областях Тибета, что нужна обвертывать парусиной или какой-нибудь материей двери и деревянные колонны в домах, иначе они потрескаются; чтобы предохранить кожу от трещин, многие путешественники имеют привычку натирать себе лицо какой-то черноватой мазью. Животные, погибающие на дороге во время перехода через плоскогорья, высыхают мало-по-малу: некоторые из самых трудных перевалов обставлены по сторонам этими мумиями яков, лошадей, овец. Когда одно из вьючных животных падет в дороге, люди каравана имеют привычку вырезывать из мяса лучшие куски и нацеплять их

1 Onesim Reclus, рукописные заметки

2 Huc, „Voyage en Tartarie“; Cooper „Travels of a pioneer of commerce“.

3 Desgodins, „Bulletin de la Societe de Geographie“, vag. 1869 г.

4 Turner, „Embassy to the Court of the Teshoo-Lama“.

5 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Asien und Hochasien“.

на шипы колючих кустов для того, чтобы будущие караваны нашли готовую провизию вдоль своего пути¹.

Но если снега относительно мало обильны на этих горных странах, среднее возвышение которых, однако, значительно превосходит среднюю высоту европейских Альп, климат там, тем не менее, очень суров. Гюк, Пржевальский, Дрю и другие путешественники рассказывают о страшных холодах, которые им приходилось переносить, и к которым присоединяются еще страдания, причиняемые недостатком кислорода для дыхания. При переходе через возвышенные перевалы и высокие гребни гор, разреженность воздуха делает подъем и вообще движение очень трудными, так что всякое усилие становится тяжелым, и не только люди, но даже животные страдают так называемой «горной болезнью»; часто верблюды падают словно пораженные громом, «отравленные, как говорят китайские писатели, смертоносными парами, поднимающимися с земли». В 1870 г.² один караван, отправившийся из Лассы в феврале месяце, в числе трех сот человек, потерял тысячу своих верблюдов, погибших во время страшных буранов, и достиг цели своего путешествия, оставив по дороге пятьдесят человек своих товарищей. Зимой все ручьи и реки, все озера замерзают, не только на плоскогорьях, но даже и в долинах, берущих начало на этих возвышенностях: нужно спуститься до высоты 2.400 или даже 2.100 метров над уровнем моря, чтобы попасть на берег рек, свободно катящих свои воды. Даже в июле и августе караваны часто, при переходе через перевалы, находят воды замерзшими, и, чтобы напиться и напоить животных, принуждены растапливать снег. Когда порыв ветра охладит атмосферу, потоки рек, площади озер быстро превращаются в лед. Яки, у которых космы длинной шерсти обвертываются, словно чехлами, белыми сосульками из кристаллизованной воды, идут медленно, широко расставляя ноги, отягченные безобразной массой висящих льдин. Гюк рассказывает, что, переходя по льду через р. Муру-усу, в верхней части её течения, он заметил издали штук пятьдесят каких-то бесформенных, черноватых предметов, выстроенных в шеренгу поперек реки. Подойдя ближе, он узнал в этих предметах диких быков, которые, очевидно, хотели переправиться через поток, но были охвачены внезапно образовавшимся льдом: положение тел в плавущей позе было явственно видно под прозрачной, как хрусталь, ледяной корой; их красивые головы, увенчанные большими рогами, остались над поверхностью замершей воды; но орлы и вороны выклевали им глаза³.

Лучеиспускание теплоты в воздушные пространства под ясным, совершенно безоблачным небом, способствует, в сильной степени, охлаждению области плоскогорий, и для путешественников леденящая стужа этих возвышенностей тем более страшна, что топлива там почти совсем не достанешь: с большим трудом и после долгих поисков удастся собрать там и сям кое-какого хвороста; за исключением некоторых, занимающих благоприятное местоположение, становищ, везде нужно запастись в дорогу калом яка, киеуа, как его называют тибетцы. По счастью, ночи почти всегда тихи: это объясняется тем, что температура тогда везде равномерна, и потому нет никаких притягательных фокусов, которые бы вызывали движение атмосферных токов; но в течение дня, когда плоскогорья освещены солнцем, между тем как долины и низменности остаются в тени и в холоде, страшные ветры выметают поверхность почвы, поднимая вихри пыли: все путешественники с ужасом говорят об этих выюгах. В некоторых низменных местностях земледельцы имеют обыкновение затоплять водой свои поля при наступлении зимы, чтобы предохранить растительную землю от разрушительного действия ветра; кроме того, этот способ увеличивает производительность почвы⁴.

Разсматриваемое в совокупности, плоскогорье Тибета, резко ограниченное высокими горными массами и краевыми цепями, отличается сухостью воздуха, суровостью климата, крайностями тепла и холода; дожди и снега приносятся туда с Индийского океана в незна-

1 Forsyth, „Journal of the Geographical Society“, 1867.

2 Пржевальский, „Монголия и страна тангутов“.

3 „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine“.

4 Samuel Turner, цитирован. сочинение;—Ganzenmuller „Tibet“.

чительном количестве, сила южных муссонов истощается, в виде вихрей и проливных дождей, в долинах Гималая, и только верхний встречный пассат обнаруживается в высотах пространства клубами снега, вылетающими с вершин Кинчинджунги и других исполинов Гималая¹. Однако область восточного Тибета, к которой подходит в виде полукруга обширный Бенгальский залив, принадлежит уже отчасти к климату Индии: ветры проникают в эти страны через проломы гор, которые с этой стороны гораздо ниже, чем на западной окраине, и приносят обильные дожди, особенно в период «ирр», то-есть дождя, обнимающего три месяца: август, сентябрь и октябрь²; все реки, получающие начало в этой части Тибета, в близком расстоянии одна от другой, питаются этими ливнями еще гораздо более, чем от таяния снегов. Особенно обильны и часты дожди в апреле и мае; они начинаются ранее на этих возвышенностях Тибета, нежели в низменных равнинах Индостана, по причине более быстрого охлаждения атмосферных течений в этих высоких областях и происходящего оттого сгущения водяных паров³.

Высота тибетских плоскогорий, на запад от провинции Кам, слишком значительна, для того чтобы древесная растительность могла иметь где-либо представителей, кроме как в лощинах, оврагах и ущельях, да и в этих впадинах, хорошо защищенных от холодных ветров, ивы, тополя и кое-какие плодовые деревья суть единственные древесные породы, которые можно встретить; в других местах увидишь только низенькия или даже стелющиеся по земле деревца, едва достигающие в высоту роста человека; впрочем, ламам садовникам удалось вырастить прекрасные тополи вокруг монастыря Мангнанг, в провинции Нары, на высоте 4.104 метров⁴. На большей части открытых ветрам плоскогорий, поднимающихся выше 4.000 метр., вся растительность состоит из злаков, тонких и жестких, как шило, которые в конце концов прокалывают роговую оболочку копыта верблюдов и разрезают им ноги до крови⁵. Однако, одно деревянистое растение, дерево по своим корням и по своему лежащему стеблю, называемое по-тибетски ябагере, стелется еще по земле на высоте 4.500 метров; в некоторых местах его увидишь даже там, где и трава уж даже не может расти, по причине крайней сухости воздуха или солонцоватости почвы; Годвин Аустен нашел это деревцо растущим в изобилии на плоскогорье Чон-чегму на высоте 5.500 метр. над уровнем океана⁶. В северной части Тибета растут по скатам гор ползущие по земле кустарники облепихи, тибетской осоки, курильского чая и др.⁷. Пундит Найн-синг видел засеянные ячменем поля, на высоте более 4.640 метров, то-есть почти на высоте вершины Монт-Роза; весь бассейн Омбо в котором находится озеро Дангра-юм, имеет вид обширной чаши зелени⁸; там и сям другие «санги» одеты сплошным ковром мягкой, нежной муравы, такой же «бархатной, как луга Англии»! В самых холодных областях, где еще живут тибетцы, зерновые хлеба редко вызревают, и туземцы этих местностей не имеют других источников продовольствия, кроме молока и мяса, доставляемых их стадами. Что касается долин юго-восточной покатости Тибета, занимающих уже гораздо менее возвышенное положение, нежели плоскогорья, и получающих в изобилии дождевые воды, то они покрыты огромными лесами: эта часть Тибета одна из самых лесистых стран земного шара. Между большими деревьями этих лесов особенно замечателен падуб иглистый, резко отличающийся от своих европейских родичей удивительным развитием, которое он приобретает: он не достигает такой высоты, как сосна, но не уступает последней в отношении толщины ствола и много превосходит ее богатством и обилием листвы⁹.

1 Blanford, „Reports on the Meteorology of India“, 1875 and 1876.

2 Campbell;—von Kloden, „Oesterreichische Monatschrift fur den Orient“, 1881.

3 R. Gordon, „Report of the Irravaddy river“.

4 Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

5 Гюк; Пржевальский.

6 „Journal of the Geographical Society“, 1867.

7 Пржевальский, „Третье путешествие“, стр. 184.

8 Найн-синг; Trotter, „Journal of the Geographical Society“, 1877.

9 Гюк, цитированное сочинение

Если тибетским возвышенностям не достает лесного убора, каким щеголяет южный склон Гималайского хребта, то они далеко превосходят эти южные скаты богатством и разнообразием своей фауны: лишенные лесов, эти плоскогорья изобилуют животными, дикими и домашними¹. Тибет, который зоологи считают особенною областью², обладает специальной фауной, одною из самых богатых, к которой, между прочим, принадлежат джигетай, ослы, яки (монгольский бык), разные породы овец, несколько видов антилоп, газели, косули. Найн-синг насчитывал до двух тысяч антилоп, бродивших стадами и напоминавших издали полки солдат своими остроконечными рогами, блестящими на солнце, как штыки; эти животные, которых путешественники с удивлением встречают иногда в местностях, совершенно лишенных растительности, очень хорошо знают все пастбища нагорья и посещают их последовательно, одно за другим, проходя каждый год тысячи верст. Братья Шлагентвейты видели яков на высоте 5.940 метров, а тарбаган или сурок-байбак (*arctomys bobac*) роет свои норы в глинистой земле еще на высоте 5.480 метров. Лисицы, шакалы, дикие собаки, белые волки³ с пушистой шерстью, какая, впрочем, свойственна всем четвероногим животным Тибета, гоняются за дичиною, а в соседстве озера Тенгри-нор белые медведи, похожие на медведей полярных стран, иногда делают большие опустошения в стадах⁴. В восточном Тибете фауна еще гораздо богаче, чем на плоскогорьях, яки пасутся там стадами и нередко становятся добычей рысей и пантер; мускусные лани живут в лесах верхних склонов выше 2.600 метров⁵; обезьяны, белки, свиньи мелкой породы населяют леса низменных областей, а медведи опустошают плантации маиса⁶. В сравнении с фауной млекопитающих, птицы здесь редки, но зато высота, до которой они поднимаются, по истине изумительна, так как кукушку можно встретить еще на высоте 3.300 метр., жаворонка на высоте 4.500 метр., а другие виды даже до высоты 5.500 метр.⁷. В собственном Тибете, вне мест перелета, путешественник нигде не услышит певчих птиц; он увидит только, парящими высоко над его головой хищников, орлов, ястребов, питающихся падалью, воронов, замечательных, как и полярные вороны, металлическим звуком своего голоса⁸. В лесах восточного Тибета летают фазаны. Немногочисленные ящерицы и змеи показываются еще в некоторых частях Тибета до высоты 4.630 метров, и даже, на высоте еще более значительной, в озерах нагорья водятся рыбы. Тогда как на Альпах крайний предел обитания рыб находится на высоте 2.130 метр.⁹, Герман Шлагинтвейт видел в озере Могналари, на высоте 4.240 метров, некоторые породы лососей, которые каждый год, подобно морским лососям, поднимаются в верхнее пресноводное озеро для метания икры. По словам пундита Найн-синга, рыбы массами плещутся в озере Киаринг, в горных потоках, впадающих в этот бассейн, и в водах озера Тенгри-нор, на высоте 4.570 метров; еще выше, на высоте 4.647 метр. над уровнем моря¹⁰, форели прыгают на поверхности озера Мансаровар, когда ветер приносит туда тучи комаров. В озерах, сделавшихся солеными, пресноводные рыбы приспособились к своей новой среде.

Тибетцы приручили многих из животных свойственных их стране. Между этими прирученными животными одно из главных мест занимает як, от скрещивания которого с индийской коровой зебу получилась особая порода, называемая дзо, разновидности которой все различаются мастью шерсти, тогда как дикий як всегда остается черным; в четвертом поколении эти животные возвращаются к первоначальному виду¹¹. Як, хотя всегда немного

1 Samuel; Turner; Hermann v. Schlagintweit; Пржевальский.

2 A. Milne-Edwards, „Bulletin de la Societe d'acclimatation“, 2-e Serie, tome IX.

3 Пржевальский;—Годгсон.

4 Найн-синг, Пржевальский.

5 Fr. Markham, „Sporting Adventures in Ladak, Tibet und Kashmir“.

6 „Annales de la propagation de la foi“, juillet 1812.

7 Humc, „From Lahore to Yarkand“.

8 Manning;—Cl. Markham.

9 H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“, III.

10 Moorcroft, „Asiatic Researches“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. III.

11 Desgodins, „Mission to Tibet“.

упрямый, служит тибетцам вьючным животным и сопровождает их в путешествиях по плоскогорью; однако при переходах через самые возвышенные хребты, употребляются для переноски тяжестей, бараны, так как яки менее выносят холод и усталость; каждая овца несет средним числом от 20 до 30 фунтов клади, не получая другой пищи, кроме травы, какая попадется по краям дороги¹. Во время путешествия пундита Найн-синга вьючные бараны сопровождали его на пространстве более 1.600 километров. Лошади и джигетаи сделались для тибетцев превосходными верховыми животными, замечательными по их необычайной выносливости и неразборчивости относительно корма. Но самое драгоценное из домашних животных Тибета—коза, пашм, короткий пух которой, скрытый под наружной шерстью, имеет столь высокую цену для выделки знаменитых кашмирских шалей. Собаки, большие и страшные, не употребляются для охоты, а только для охраны домов и стад, особенно стад вьючных баранов: в Индии они вырождаются, но несколько собак этой породы, привезенных в Англию, совершенно акклиматизировались².

Главная масса тибетского населения, если оставить в стороне хоров и соков, то-есть тюрков и монголов плоскогорья Хачи³, и различные независимые народцы провинции Кам,—принадлежат к одной и той же группе расы, называемой монгольской. Это люди маленького роста, но широкоплечие и широкогрудые, резко отличающиеся от индусов толщиной своих рук и ног, но имеющие, как и они, красивые и тонкие кисти и ступни. У большинства тибетцев скулы выдающиеся, переносье глубоко взрезывается между двумя черными глазами, немного прищуренными, рот большой с тонкими губами, лоб широкий, обрамленный темными волосами. Как и в Европе, в Тибете можно встретить все оттенки кожи, от самой нежной с белизной у богатых до желтого и медно-красного цвета, у пастухов, подвергающихся всем непогодам и переменам температуры; но она очень рано покрывается морщинами: уже у молодых людей лицо изоборуждено складками⁴. Во многих нагорных долинах кретины многочисленны. Проказа и водобоязнь довольно обыкновенные болезни на плоскогорье.

Тибетцы бесспорно один из наилучше одаренных народов земного шара: почти все путешественники, которым удавалось проникнуть в их страну, в один голос хвалят их кроткий нрав, их гуманность, прямоту, искренность их слов и поступков, их чувство собственного достоинства без чванства у знатных и богатых, без натяжки у простолюдинов. Сильные физически, мужественные, веселые от природы, страстные охотники до музыки, пляски и пения, тибетцы были бы образцовым народом, если бы ко всему этому обладали еще духом инициативы и независимости. Но они очень легко подчиняются чужой воле и позволяют обращать себя в стадо. Что скажут ламы, то для них закон. Даже воля китайских резидентов, несмотря на то, что они совершенные чужеземцы, свято исполняется, и таким-то образом нация, столь радушная и гостеприимная, дошла до того, что в угоду своим иностранным повелителям должна стеречь собственные границы, чтобы не пропускать европейских путешественников. Населения, более или менее смешанные, восточного Тибета, на границах с Китаем и в местах прохода китайских войск, которые их грабят, и мандаринов, которые их притесняют, как кажется, не отличаются такими же хорошими нравственными качествами, как другие тибетцы: путешественники описывают этих пограничных жителей плутоватыми и трусливыми⁵. Между тибетскими населением плоскогорья нужно тщательно различать кампов и камбов. Кампы возвышенной долины Инда представляют большое сходство с ладакскими тибетцами: это люди всегда веселые, радостные, переносящие с изумительной безропотностью и покорностью духа то, что другим показалось бы несказанным несчастьем; резко отличаясь в этом отношении от других тибетцев, они мало религиозны, и не было при-

1 Найн-синг;—Trotter, „Journal of the Geographical Society“, London, 1877.

2 Forsyth, „From Lahore to Yarkand“.

3 Csoma de Koros,—Klaproth,—Hodgson.

4 Ryall, „Abstract of the Surveys in India for 1877—78“.

5 Desgodins, цитированное сочинение.

мера, чтобы кто-нибудь из этих детей поступал в монастырь¹. Что касается камбов, то это переселенцы из провинции Кам, лежащей к востоку от Лассы. Они странствуют в качестве нищих монахов, от становища к становищу и доходят до самого Кашмира. Там и сям некоторые группы их оставили бродячую жизнь и принялись за земледелие.

Жители Бод-юла—народ цивилизованный с давнего времени. Правда, каменный век сохранился еще до сих пор для некоторых религиозных церемоний; так, например, высшие жрецы употребляют при пострижении лам, так называемый «громовой камень»². Этот период в истории развития человечества еще не исчез также на возвышенных плоскогорьях Тибета, где пастухи многочисленных становищ варят себе пищу в котлах, выдолбленных из камня³; но последнее объясняется крайней изолированностью, недостатком сношений с остальным миром; им не безызвестно о существовании меди и железа, и те из них, которые имеют возможность добыть себе металлические орудия, охотно делают это. По своей промышленности и своим знаниям тибетский народ принадлежит к группе азиатских населений, наиболее подвинувшихся к культуре. В некоторых отношениях масса тибетской нации является даже более цивилизованной, чем жители многих европейских стран, ибо в некоторых частях Бод-юла грамотность распространена между всеми слоями населения, и книги продаются там по такой дешевой цене, что их найдешь в самых бедных лачугах⁴; впрочем, некоторые из этих сочинений приобретаются и хранятся просто ради приписываемых им чудодейственных свойств⁵. По свободному развитию своего языка, который из европейских лингвистов изучали в особенности Чома-де-Кереш, Фуко, Шифнер, Иешке, тибетцы перешли уже тот период, в котором находятся еще китайцы. Моносиллабический характер их идиомов, весьма отличных от всех других азиатских языков, почти утратился: между тем, как официальный язык, точно определенный жрецами уже двенадцать столетий тому назад, был удержан для письменности, разговорная речь, увлекаемая течением жизни, мало-по-малу преобразовалась в полисиллабический (многосложный) идиом, и обычай разнообразить интонации для односложных слов, имеющих различное значение, начинает исчезать. Отдельные старинные слова, смысл которых потерялся, были присоединены к корням, чтобы образовать падежи имен существительных, наклонения и времена глаголов, а член употребляется для различения однозвучных слов⁶. Различные письмена бодского или тибетского языка произошли от букв алфавита деванагари, употреблявшихся в санскритских книгах, занесенных в Тибет первыми буддийскими миссионерами. Мало найдется языков, в которых бы нынешнее произношение больше, чем в тибетском, разнилось от правописания, установившегося много веков тому назад и доселе строго соблюдаемого: многие буквы пишутся, но не выговариваются, или выговариваются совершенно иначе, нежели как показывают их знаки.

Тибетские наречия многочисленны и сильно разнятся одно от другого. Хотя населения бодского или тибетского корня переходят, далеко за нынешние границы Тибета, распространяясь на запад до Кашмира, на юг до Бутана, на востока до провинции Сы-чуань, однако многие из диких или полудивицизованных народцев, живущих оседло или кочующих в восточных областях или на северных возвышенностях Тибета, принадлежат к различным расам, более или менее смешанным. На юге мишми, аборы и другие народности связаны по происхождению с обитателями Ассама. Другие племена юго-восточной области Тибета, ар-руты, ба-и или шионы, телуты, ремепуты говорят наречием мелама, тибетским диалектом с примесью множества иностранных слов⁷. Амдоаны, живущие на северо-востоке в соседстве

1 Drew, „The Northern of India”.

2 Bogle, „Mission to Tibet”.

3 Найн-синг;—Троттер, „Journal of the Geographical Society”, 1877.

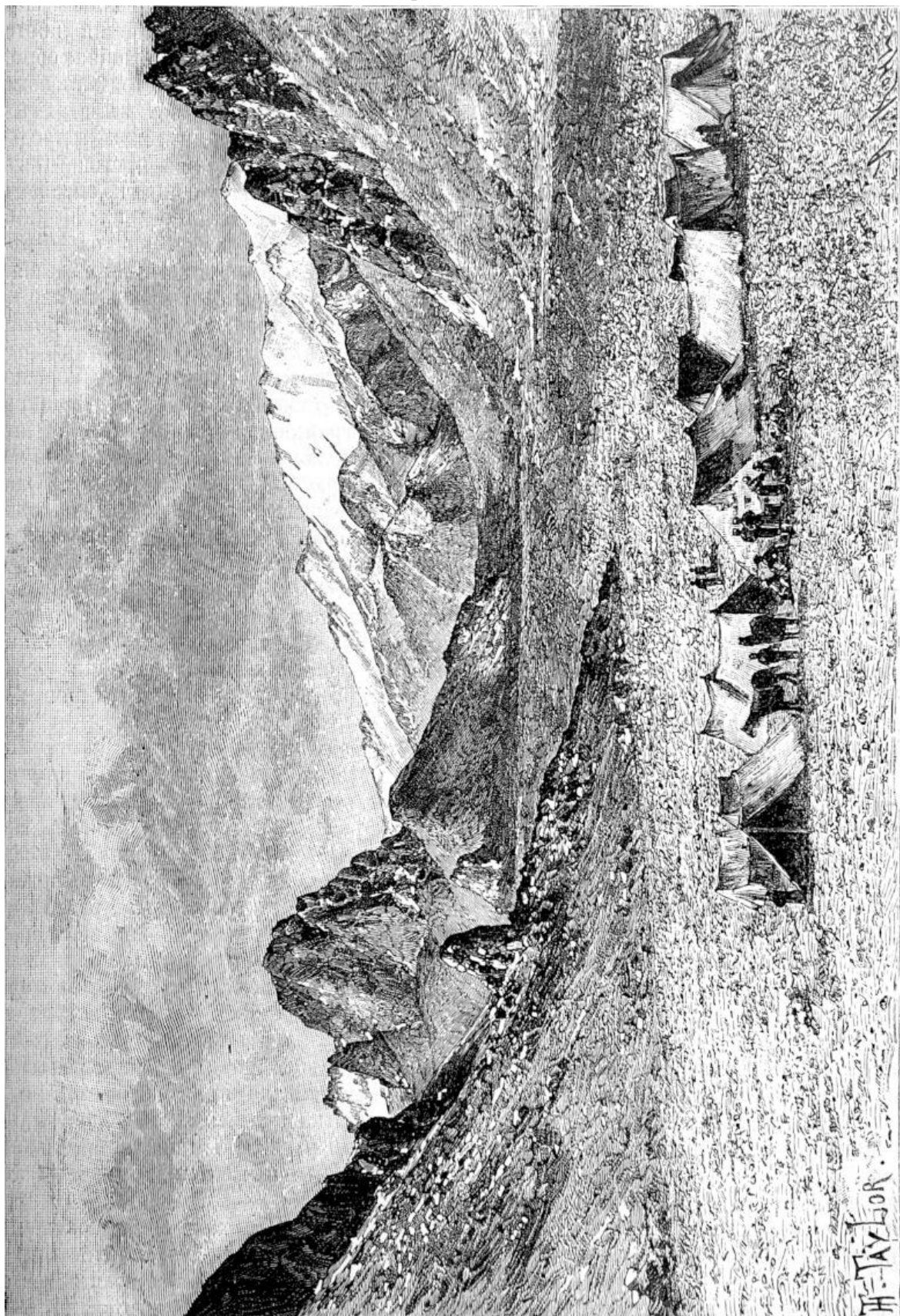
4 Hodgson, Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet.

5 Desgodins.

6 Jaschke, Zeitschrift der deutschen morgenlandischen Gesellschaft, XXIV.

7 Desgodins, „Mission to Thibet”.

Гань-су, почти все знают два языка, свой родной и тибетский. Этот народ, у которого сильно развита любовь к странствованиям и переселениям, отличается быстрой понятливостью, сметливостью и способностью ко всяким работам: почти все чтецы и ламы высших школ, все

Долина Каракашъ.

равно как и высшие чиновники Тибета, принадлежат к их племени¹. На западе провинции Кам, по обе стороны сы-чуанской границы, населения, пребывающие еще в полудиком со-

¹ Brian Hodgson, цитированное сочинение.

стоянии и известные по большей части под именами лоло или коло, маньцзы, лиссу, сифань, названиями, лишенными всякого точного значения, принадлежат к особнным группам, и одни из них говорят диалектом очевидно тибетским, другие же употребляют наречия различного происхождения¹. Большая часть наименований, которыми китайцы и тибетцы обозначают различные племена этой страны, могут быть принимаемы лишь временно, до тех пор, пока мы не узнаем настоящих имен; в этих китайских и тибетских названиях нужно видеть просто насмешливые прозвища или даже ругательные клички, с негодованием отвергаемые самими населением, к которым они применяются². Китайское влияние становится все более и более чувствительным в соседстве Сы-чуани и в больших городах Тибета. Так как китайским женщинам совершенно воспрещен въезд в страну, то все пришельцы из Среднего царства, живущие или странствующие на тибетских плоскогорьях, мандарины, солдаты или торговцы, временно берут себе в жены туземок. В силу последнего обстоятельства население пограничных округов состоит в значительной части из метисов, которые, сообразно среде, причисляются постепенно либо к тибетцам, либо к китайцам.

Выходцы из Срединной империи не единственные чужеземцы, живущие в тибетских городах. Непальцы и бутанцы, пришедшие из-за Гималайских гор, очень многочисленны в Лассе, где они занимаются обработкой металлов, тонкой ювелирной работой, литейным и котельным мастерством. Они живут в отдельном квартале и отличаются некоторыми особенностями религиозных обрядов; однако, в больших местных церемониях они присоединяются к другим буддистам. Затем в Лассе живет не мало мусульман, по большей части потомков переселенцев из Кашмира: это—качи, красивые мужчины, благородно носящие высокую чалму и длинную бороду и говорящие всегда с важным видом. Строгие исполнители Магометова закона, никогда не входящие в другие религиозные здания, кроме своей мечети, они живут особняком, как отдельный народ, и не вступают в брачные союзы вне своей колонии. Эти мусульманские жители тибетской столицы занимаются коммерцией; они имеют большие магазины материй и спекулируют драгоценными металлами. Одно время у них в Лассе был свой собственный губернатор, которому они подсудны, и который признавался министрами Далай-ламы³.

Известно, что Тибет есть центр той религии, которая с успехом оспаривает у христианства первенство в отношении числа последователей. Тибетцы самые ревностные из буддистов, хотя их культ, изменившийся под влиянием прежних верований и обрядностей, а также под влиянием климата, образа жизни, сношений с окружающими народами, только по внешним признакам походит на древнюю религию Шакия-Муни, четвертого из воплотившихся Будд. Только в пятом веке нашей эры, после первых попыток, сделанных за три столетия перед тем, индусские миссионеры начали с успехом дело обращения тибетского народа, обрядность которого, подобная обрядам китайского даосизма, состояла тогда в поклонении и принесении жертв озерам, горам и деревьям, представляющим силы природы; но прошло целых двести лет прежде, чем новый культ заменил общим образом в стране прежнюю религию Бон или Пен-бо:—первый храм был построен только в 698 году. Сто лет спустя, религиозные здания, монастыри и кумирни существовала уже во всех частях страны, и религия Будды озаряла Тибет, как «свет солнца». Это был золотой век теократического могущества, ибо, по выражению монгольского историка Сананг-Сецена, «безграничное уважение, которое питали к жрецам, давало народу благоденствие подобное состоянию блаженных духов». Однако, культы, предшествовавшие буддизму, как кажется, не были совершенно побеждены, так как по свидетельству того же писателя, «любовь к добрым мыслям и похвальным поступкам была впоследствии забыта, как сновидение». Вероучение было восстановлено во всей своей силе только в конце десятого столетия, но вскоре после того оно распалось на секты. Четыреста лет спустя тибетский буддизм подвергся религиозному обновлению. Монах

1 Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand“, by Gill.

2 Francis Garnier, „Tour du Monde“, 1873;—Венюков, „Состав населения Китая“.

3 Huc, „Voyages dans la Tartarie, le Thibet et la Chine“.

Цзонхава предпринял пересмотр всего учения, составил новые правила, изменил обряды и церемонии: его последователи известны под именем «желтых шапок», и культ их сделался господствующим в Тибете, тогда как прежняя секта «красных шапок» сохранила свою силу в Непале и Бутане; но для обеих этих сект так же, как и для семи других, которые ныне существуют в Тибете¹, красный цвет остался одним из священных цветов для храмов и монастырей: по правилам, религиозные здания, кумирни, вообще сооружаемые в форме пирамиды, должны иметь северный фас окрашенный в зеленый цвет, восточный в красный, южный в желтый, а западный остается белым.

Реформатор Цзонхава был почитаем его последователями, как воплощение божества, как живой Будда, принявший вид человеческого естества. Он не умирает, но переходит из тела в тело под чертами хубильгана или «новорожденного Будды», и таким-то образом он вечно

Молитва, выгравированная на скаль.

продолжается под видом Баньчань-ламы, имеющего резиденцию в святом монастыре Чжасилюмбу, близ Шигатцэ. Другой воплощенный Будда занял место рядом с ним в почитании тибетцев и превосходит его в политическом могуществе, благодаря своему пребыванию в столице Тибета и своим непосредственным сношениям с китайскими министрами: это Далай-лама или «верховный жрец океана», о возведении которого на престол Будды рассказывают различно; говорят, что будто бы в шестнадцатом или семнадцатом столетии, вследствие нашествия монголов, признания верховной ленной власти со стороны китайского императора или монгольского великого хана, духовный князь города Лассы занял место между бессмертными божествами, возрождающимися сами собой, из поколения в поколение. Третьим воплощенным Буддой, в иерархии ламаистов, считается лама города Урги в Монголии; но кроме того существует еще несколько других, и даже настоятельница одного монастыря, находящегося на южном берегу озера Палти, в Тибете, почитается как божественное воплощение Будды².

Между тибетскими буддистами некоторые редкие мистики, от природы склонные к самосозерцанию, к возвышенным умозрениям, как индусы, остаются верными учению, пропове-

¹ Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

² Giorgi, „Alphabetum tibetanum“;—Manning;—Bogle;—Markham, „Tibet“.

данному первыми миссионерами буддизма, и ставят себе высшей целью жизни и подвижничества либо избавления себя от всякой будущей метемпсихозы [переселения души]¹, либо идеальное усовершенствование посредством уничтожения всего, что в них есть еще материального, и посредством возрождения на лоне вечно неизменного божества. Учители буддизма даже наперед делят совокупность верующих на три группы—на интеллигенцию, людей среднего ума и образования, и чернь, при чем последняя не имеет иной обязанности, кроме как только сообразоваться с точно сформулированными заповедями и предписаниями: для массы духовенства и народа религия есть не что иное, как чародейство, и культ приносит пользу только как средство для устранения злых духов².

Жизнь большинства тибетцев проходит в вызываниях и заклинаниях духов в форме молитв. Шесть магических слов, «ом мани падме хум»,—которые большинство комментаторов переводят словами: «о! драгоценность в лотосе, да будет так!», но которые другие объявляют непереводаемыми,—составляют, без всякого сомнения, формулу молитвы, всего чаще повторяемую. Эти священные слова, из которых каждое имеет свою особенную силу, представляют первые членораздельные звуки, которым научается монгольский или тибетский ребенок: они составляют единственную молитву, которую он будет произносить, но он будет говорить и повторять ее беспрестанно. Он не знает ни происхождения её, ни точного смысла, но что за беда! в ней, тем не менее, заключается самая суть религии, средство спасения по преимуществу³: какую огромную цену придают верующие этой молитве, можно судить по тому факту, что в обмен на 150 миллионов экземпляров драгоценного воззвания, отпечатанных в Петербурге, ученый Шиллинг-фон-Каннштадт получил от бурятских лам в Сибири один экземпляр их неоценной святой книги⁴. Священная надпись встречается повсюду: на стенах домов и храмов, на краю дорог, возле колоссальных идолов, грубо иссеченных в живой скале; мане или валы, воздвигнутые подле тропинок, сложены из камней, из которых каждый украшен таинственной фразой. Составлялись даже товарищества или религиозные братства единственно с целью ходить и вырезать священную надпись на стенах гор огромными буквами: нужно, чтобы даже путник, быстро проезжающий на коне, и тот мог бы прочесть слово спасения⁵. Каждый носит на одежде, на руках или на шее священные амулеты из золота, серебра или другого металла, содержащие, вместе с словами всемогущей молитвы, маленьких идолов или кусочки мощей, зубы, волосы или ногти святых лам⁶. Корло или хортэн, моленные мельницы, употребляемые, впрочем, и в других странах, где господствует культ Будды, исключая Японии⁷, нигде так не распространены, как в Тибете: применяют даже силы природы, ветер и воду, для приведения в вращательное движение этих цилиндров, каждый оборот которых показывает всевидящему небу мистические слова, управляющие судьбами людей. Подобно киргизам, бурятам, тунгусам и другим туземцам центральной и северной Азии, тибетцы имеют обыкновение водружать на перевалах через горы шесты с развевающимся флагом, и на этом флаге написана все та же молитва из молитв, которую ветер разворачивает, и которую повторяет, так сказать, каждое движение, каждая волна воздуха: один из подобных шестов с флагом можно видеть на вершине горы Гуншакар, на высоте более 6.000 метров. Буддистские пилигримы приносят также аммониты на высшую точку горных порогов и рядом с этими ископаемыми раковинами кладут, в видах удаления злых гениев, приношения, состоящие из костяков и черепов аргали, большого дикого барана [*ovis ammon*]⁸.

1 Emil Schlagintweit, цитированное сочинение.

2 Csoma de Koros;—Васильев, „Буддизм“;—Эмиль Шлагинтвейт, „Buddhism in Tibet“.

3 Koppen, „Ueber Lama-Hierarchie and Kirche“;—Jules Remy, „Pelerinage d'un curieux au monastere de Pemmiantsi“ etc.

4 Эмиль Шлагинтвейт, цитированное сочинение.

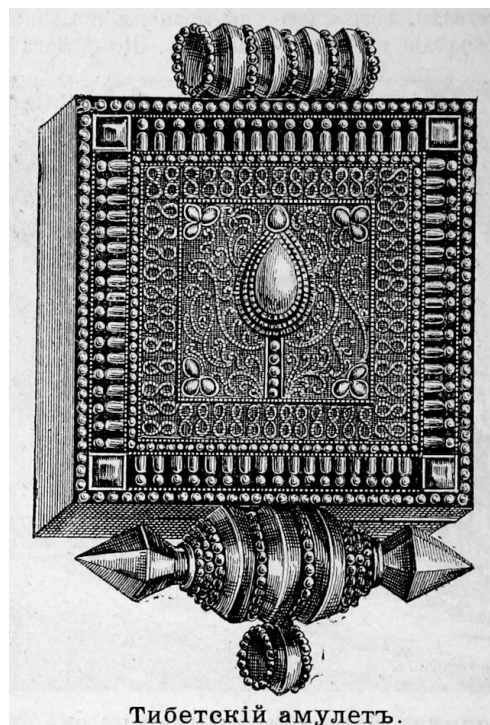
5 Bogle, „Mission to Tibet“;—Нус, цитированное сочинение.

6 Hooker, „Himalayan Journals“.

7 Лев Мечников, рукописные заметки.

8 Hermann von Schlagintweit, цитированное сочинение.

Большая часть позолоченных кумиров, поставленных жрецами в храмах и изображающих Будду (Дух), Дарму (Материя) и Сангу (Соединение двух начал, духовного и вещественного), есть не что иное как простые подражания, копируемые уже в течение 10-ти столетий идолам, которых мы видим в Индостане, и не представляют в своих чертах ни малейшего сходства с тибетским типом: а так как каждая черта, каждая специальная складка одежды, имеет символическое значение, то в них невозможно ничего изменить¹. Изображения с тибетским типом представляют лишь божества низшего порядка, и встречаются чаще всего в статуэтках из окрашенного коровьего масла, которые с таким искусством выделывают ламы. Но если главные идолы носят на себе явно индусский отпечаток, то можно бы было подумать, что совокупность религиозных обрядов принадлежит римско-католической церкви. Уже давно христианские миссионеры заметили поразительное сходство между обрядами буддизма и церемониями католицизма, и большинство из них усматривали в этом почти тождестве внешнего культа ухищрение демона, старающегося подражать Богу христиан². Другие пытались доказать, что буддистские жрецы, после того как они оставили свой древний церемониал, просто взяли целиком ритуал христиан, с которыми они находились в соприкосновении в Индостане. Теперь мы знаем, какую большую долю эти две религия, относительно новые, взяли в наследии древних культов Азии, и как, из века в век, одни и те же церемонии продолжались в честь новых божеств. Тем не менее нельзя не удивляться, что вследствие параллельной эволюции в столь разнородных средах, каковы европейский запад и центр Азии, внешние формы буддизма и католицизма сохранили свое сходство, не только в главных чертах, но даже в подробностях и мелочах. Буддийские жрецы постригаются на священнослужение, как и священники католической церкви; они также носят длинные платья, покрытые золотыми вышивками; они соблюдают посты, практикуют духовное уединение, налагают на себя эпитимии и умерщвления плоти, исповедуют верующих, молят о заступничестве святых и совершают дальние паломничества на поклонение мощам и святыням. Как у католических патеров, безбрачие сделалось правилом для лам после того, как в начале оно было только похвальным делом, и рядом с храмами основались общины, мужские и женские, члены которых ставят себе исключительной задачей жизни трудиться над спасением своей души. Даже во внутреннем расположении священных зданий и в отправлении богослужения замечается полное сходство: подобно католическим церквям, тибетские храмы или кумирни имеют алтарь, паникадила, колокола, раки или ковчегцы с мощами, сосуды с очистительной и с святой водой. Ламы совершают богослужение с митрой на голове и с посохом в руке, облаченные в ризы, похожая на епископский стихарь или подризник и мантию; они кланяются алтарю, преклоняют колени перед мощами и святыми, запевают церковные песнопения, читают на языке чуждом предстоящей толпе, совершают службы за упокой души умерших, шествуют во главе религиозных процессий, произносят благословения и заклинания злого духа; вокруг них клирошане махают кадилами, повешенными на пяти цепочках, а верующие перебирают свои четки и молитвенные бусы³.

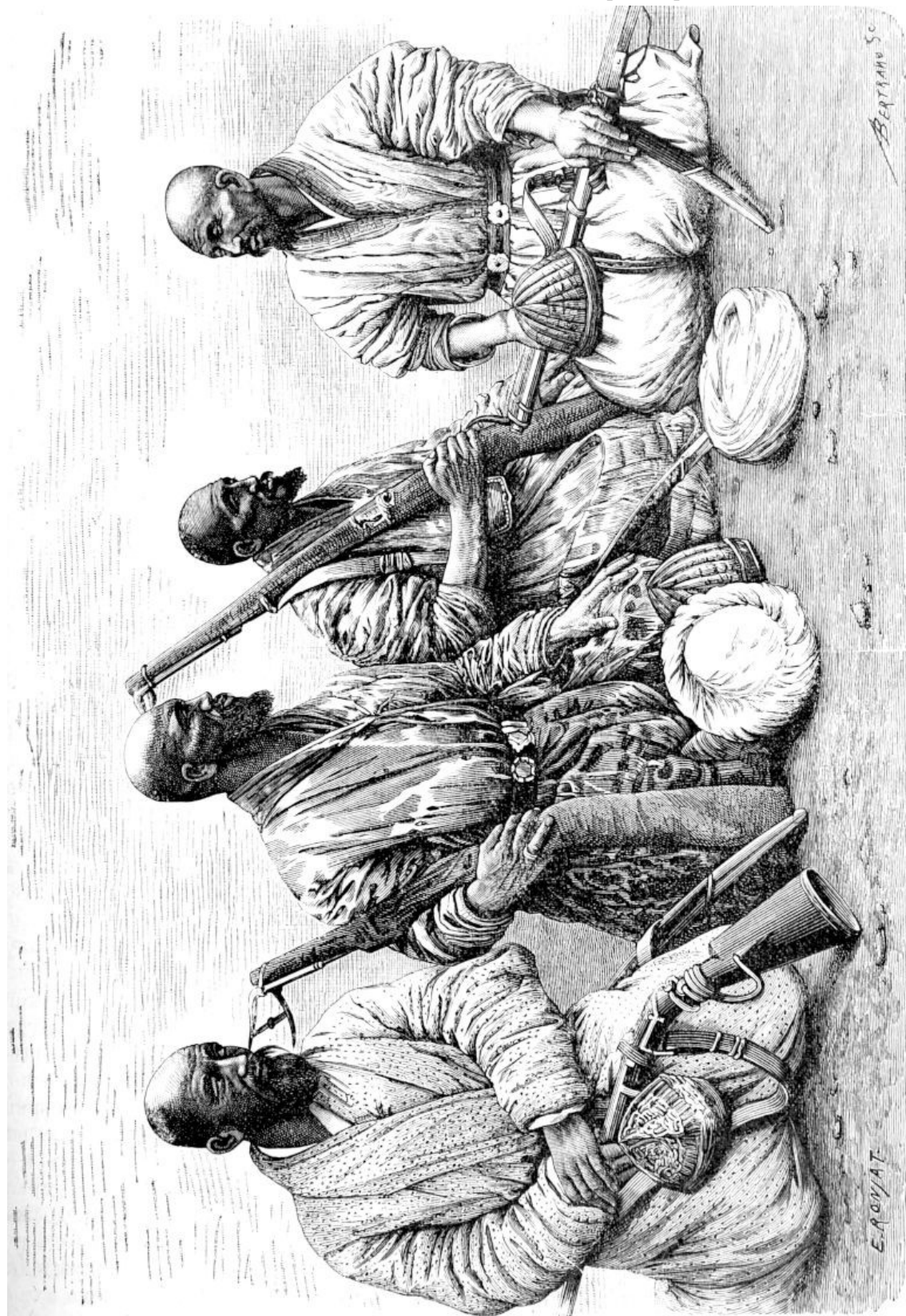
В других отношениях буддийское духовенство Тибета, ряды которого пополняются пре-

1 Hodgson, „Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“.

2 Нос, „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine“.

3 Нос, цитированное сочинение; — Max Muller, „Essai sur l'histoire des religions“.

имущественно старшими сыновьями каждой семьи¹, походит если не на нынешнее католическое духовенство, то по крайней мере на средневековый клир. От него одного исходит вся наука, все знание; книгопечатни находятся в его монастырях; кроме священных книг, Кан-

Типы и костюмы китайскихъ туркестанцевъ.

джур и Танджур, отпечатанных в первый раз в половине прошлого столетия, в трех стах тридцати семи томах, оно старается издавать только сочинения согласные с верой, словари, энциклопедии или книги, содержащие сведения из различных наук, а также книги, наущаю-

1 Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

щие искусству приобретать силу чародейства¹. Те же ламы, то-есть «непревосходимые», управляют правосудие; они же, посредством десятинной подати и торговли, овладели всем богатством страны: хотя буддизм в начале был религией, основанной на равенстве людей, и хотя он привлекал к себе бедный народ упразднением каст, впоследствии он сам восстановил касты путем господства жрецов. Ламы командуют и все им повинуются: единство веры полное вокруг каждого монастыря. Обращение в христианство высшего духовенства Тибета было бы в то же время обращением всей нации и миллионов буддистов за пределами этой страны. Добраться до Лассы, для католических миссионеров, значило бы «атаковать идола на его троне», а «восторжествовать над буддизмом это все равно, что захватить в свои руки скипетр Нагорной Азии». Все было бы заранее приготовлено для того, чтобы заменить религию Востока религией Запада. Чтобы сформировать туземное духовенство, католическая церковь имела бы под рукой легионы лам, издавна приученных к законам безбрачия и иерархии; чтобы поместить свои монашеские ордена, она нашла бы многочисленные монастыри буддизма, уже посвященные воздержанию, молитве и учению; чтобы развернуть пышность своего культа, она получила бы готовые храмы, где уже с давних пор совершают импонирующие религиозные церемонии². Ни в одной стране мира католичество не покорило себе так быстро и прочно туземное население, как в возвышенных областях Южной Америки, занимаемых народом квичуа. Но, как справедливо заметил Маркгам, эквадорские и перуанские Анды можно назвать Тибетом Нового Света, по сходству промышленности, пищи, нравов и обычаев. Квичуасы и боды проходят с одинаковым благоговением через хребты и перевалы гор и перед горами священных камней, читая про себя молитвы с одинаковою набожностью³.

В течение настоящего столетия многочисленные попытки, сделанные миссионерами с целью утвердиться в Тибете, все имели неудачный исход. Гюк и Габе могли пробыть в Лассе только два месяца, в 1846 году, а позднее другие миссионеры даже заплатились жизнью за попытку проникнуть в Тибет. На юго-востоке некоторые патеры были счастливее. В 1854 году они успели основать маленькую земледельческую колонию среди лесов Бонга, недалеко от левого берега большой реки, которая ниже принимает название Салуэн. Пользуясь содействием китайских эмигрантов и имея в своем распоряжении многочисленных невольников, которые трудились над расчисткой леса под пашни и над возведением построек⁴, миссионеры основали важное селение; жилище лам было превращено в священнический дом, языческая пагода преобразовалась в христианский храм, и обращенные ламы исполняли обязанности церковнослужителей. Но это благополучие продолжалось не долго. После различных невзгод и притеснений, бонгские миссионеры принуждены были покинуть тибетскую почву, и дома их были преданы пламени. После того миссии опять были учреждены в Сы-чуани подле самого Тибета, но миссионеры уже с большею осторожностью осмеливаются переступить запретную границу⁵.

Почти все жрецы Тибета, по крайней мере в центральной области, принадлежат к секте «желтых шапок»; но остается еще некоторое число «красных шапок», вообще презираемых другими, потому что они не дали обета безбрачия. Древняя религия пен-бо, предшествовавшая буддизму в Тибете, не совсем исчезла; следы её еще встречаются в юго-восточной области страны и к западу от реки Салуэна. Это религия признает существование двух главных богов, одного мужеского и другого женского пола, от которых произошли все другие боги, гении и люди⁶. Горцы области Амдо и окрестностей озера Дангра-юм тоже, может быть, последователи старой веры пен-бо; по крайней мере они не совершают тех же самых церемо-

1 Eugene Burnouf, „Le lotus de la Bonne foi“.

2 „Annales de la propagation de la foi“, novembre, 1853.

3 „Tibet, Narratives of the Missions of Bible and Manning“.

4 „Annales de la propagation de la foi“, juillet, 1866.

5 Desgodins, „Mission to Tibet“.

6 Desgodins, цитированное сочинение.

ний, как другие тибетские буддисты. Формула, которую они повторяют и пишут на своих молитвенных машинках, другая, не «ом мани падме хум»; они вертят свои кружалки, считают зерна четок и ходят во время религиозных процессий в направлении противоположном тому, которое принято ортодоксальной обрядностью¹. Наконец, некоторые полудикия племена на границах Юн-нани, Ассама и Бирмы в религиозном отношении еще не возвысились над грубым фетишизмом: таков народец лу, который дал свое имя реке Лу-цзян или Салу-эн². Они почитают в особенности деревья и скалы, в которых обитают злоторные духи, и обращаются к содействию колдунов (мумо или мурми), которые заклинают и отгоняют злых гениев, ударяя в бубен, окуривая благовонными составами и помахиная саблями³.

Молоко и масло составляют, вместе с ячменной мукой, главные питательные вещества тибетцев нагорья; но вопреки первой заповеди Будды, запрещающей убивать животных и религиозной пословице, гласящей, что «есть плоть скотины, все равно, что есть плоть своего брата», большинство тибетцев даже ламы, не боятся прибавлять мясо домашних животных к своей скромной трапезе⁴: для успокоения совести они довольствуются тем, что презирают наследственную касту мясников и заставляют их жить в кварталах, удаленных от центра города. Пастухи и звероловы не стесняются никакими предписаниями религии в выборе своей пищи. Тибетский баран, по отзыву путешественников, «лучший в свете»⁵, доставляет одно из самых обыкновенных яств, и в зимнее время делают запасы целых туш этого животного, сохраняемых в замороженном состоянии. Охотники преследуют диких зверей и убивают их ударами стрел, дротиков или при помощи ружей с фителем. Они расставляют также силки, главным образом для ловли мускусных ланей, пупочный мешок которых дает их торговле дорого ценимое пахучее вещество. Единственное животное, щадимое в восточном Тибете, — это красный олень, почитаемый «конем Будды»⁶. На возвышенных плоскогорьях, господствующих с северной стороны над долиной реки Цзанбо, жидкая кровь составляет часть питания туземцев. Пундит Найн-синг видел несколько раз, как пастухи бросались на землю лизать кровь, вытекавшую из раны зарезанного животного. Этот вкус к крови прививается к детям с периода отнятия их от груди; не имея возможности приготовить им кашу, по причине недостатка зерновых хлебов на высоких плоскогорьях, матери дают им смесь из сыра, масла и крови⁷. Пржевальский рассказывает, что лошадей в тех местностях тоже кормят мясом и кислым молоком.

Жители Тибета, такие же буддисты, как цейлонцы, монголы и китайцы, резко отличаются от всех единоверных народов национальными нравами, которые не изменились под влиянием культа. Так, например, у южных тибетцев, так же, как у их соседей и соплеменников, бутанцев, до сих пор еще существует обычай многомужия, в основе которого лежит желание избавиться от необходимости деления наследства и оставаться под одним и тем же кровом⁸. Старший сын является от своего имени и от имени всех своих братьев к родным невесты, и когда совершена церемония приложения куска масла ко лбу обоих соединяемых, брак считается действительным для всей семьи; присутствующие берутся в свидетели союза, только что заключенного между молодой девушкой и всеми братьями—ее мужьями. Жрецы, которые не могут быть там, где есть женщины, не присутствуют при этом обряде, имеющем чисто гражданский характер. Дети, родившиеся от таких коллективных союзов, называют отцом старшего из братьев и смотрят на других супругов как на своих дядей, исключая того случая, когда спрошенная мать сама решит, кто настоящий отец того или другого ребенка⁹.

1 Найн-синг;—Trotter, „Journal of the Geographical Society“, 1877.

2 Durant, „Annalles de la propagation de la foi“. 1865.

3 Desgodins, тот же сборник, за 1864.

4 Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

5 Turner, „Visit to the Teshoo-lama“.

6 Desgodins, „Bulletin de la Societe de Geographie“, aout 1879.

7 Найн-синг; Trotter, „Journal of the Geographical Society“, 1877.

8 Desgodins, цитированное сочинение.

9 Orazio della Penna, „Breve notizia del regno del Tibet“; Bogle, „Mission to Tibet“.

Впрочем, как говорят путешественники, не бывало примера супружеских ссор или несогласий между членами полиандрических (многомужних) семейств; мужчины наперерыв друг перед другом стараются угодить своей жене и добыть ей кораллы, амбру и другие ценные вещи, которыми она украшает свою одежду и шевелюру. Тибетская женщина, очень уважаемая всеми, — заботливая хозяйка и держит жилище в чистоте и порядке. Она помогает также мужчинам в работах вне дома, либо по возделыванию земли, либо по уходу за стадами; но труд её, так же, как и труд братьев, принадлежит всей семье в совокупности. Рядом с этими полиандрическими хозяйствами, богатые и знатные, подражая из тщеславия китайским или мусульманским нравам, содержат по несколько жен, которые живут под одной кровлей или в отдельных домах; но как множество, так и многомужие имеют то следствие, что препятствуют возрастанию числа жителей. Совершение браков не подчинено никаким правилам в этих странах, где безбрачие составляет предмет столь строгих предписаний для такой значительной части народонаселения. Даже женщины, принадлежащие к полиандрической группе, имеют еще право, признаваемое обычаем, выбрать себе другого мужа вне своей семьи¹.

Подобно тому, как в Китае, вежливость в большом почете у тибетцев. Когда двое знакомых встречаются, они приветствуют друг друга по несколько раз, показывая язык и почесывая себе правое ухо, или даже обмениваясь шелковыми шарфами, белыми или розовыми, украшенными вышивками, изображающими цветы и таинственную формулу молитвы; письма или другие посылки тоже сопровождаются этими шарфами, в знак пожелания благополучия адресату. В Лассе и в других городах дамы высшего общества украшают себе голову изящной короной из жемчуга, бирюзы, настоящих или поддельных, из раковин или серебра; но по рассказу миссионера Гюка, опровергаемому, впрочем, английскими исследователями Тибета, они безобразят себя, намазывая лицо чем-то в роде черного лака, и сила привычки будто бы так велика, что ни одна женщина, заботящаяся о соблюдении приличий, не позволит себе выйти из дому, не выпачкав таким образом своего лица; вероятно, однако, что в этом случае дело идет просто о гигиенической предосторожности, так как жирная черная мазь имеет свойство предохранять кожу от растрескивания, причиняемого чрезвычайной сухостью холодного воздуха в нагорном Тибете².

В этой стране все церемонии наперед определены и подчинены известным правилам; покрой и цвет одежды предписаны строго соблюдаемым обычаем во всех обстоятельствах жизни. В течение траурного года мужчины воздерживаются от ношения шелковой одежды, а женщины не надевают на себя драгоценных украшений. Когда человек умирает, родные или близкие первым делом обстригают ему волосы на макушке, для того, чтобы облегчить переселение души³. Семейство хранит у себя труп по крайней мере в продолжение нескольких дней, даже недель, если оно богато, затем жрецы решают, должен ли покойник быть зарыт в землю, сожжен, пущен по течению вод, или не лучше ли выставить его на скале и отдать на съедение собакам, птицам и хищным зверям. В этом последнем случае имеют обыкновение разбивать кости и разрезывать тело на куски, для того, чтобы ускорить явление возвращения к первоначальным элементам, затем, когда хищные животные сделали свое дело, подбирают остатки трупа и бросают их в какую-нибудь текучую воду. Части также суставы пальцев сохраняются, чтобы быть нанизанными в виде четок, а кости ног и рук служат трубами, употребляемыми для призыва лам на молитву. По свидетельству братьев Шлагинтвейт, обычай выставления мертвых тел на съедение хищным птицам и зверям почти совершенно исчез в западном Тибете, но в других частях страны он еще сохранился в полной силе и применяется ко всем покойникам исключая лам, которые, в Тибете, почти всегда зарываются в землю в сидячем положении⁴. В Цзяньке, в провинции Кам, место похорон получило про-

1 Drew, „The Northern barrier of India“.

2 D. Hooker, „Himalayan Journals“.

3 Orazio della Penna, „Breve notizia del regno del Tibet“.

4 Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

звище «Долины резни». В то время, как ламы читают погребальные молитвы, нарочно приглашенный мясник распластывает труп на куски, чтобы облегчить работу ястребов и коршунов. Привыкшие к похоронным церемониям, крылатые хищники смело спускаются в середину толпы; самый сильный из них пользуется привилегией выклевать глаза у мертвеца, затем другие усердно принимаются открывать внутренности и насыщаться мясом. Когда труп представляет лишь бесформенную массу, лама разламывает скелет на мелкие куски, рубит топором всю массу на плоском камне, где эти остатки быстро пожираются птицами: хлопанье крыльев и щелканье клювов аккомпанируют монотонному голосу жреца¹. А между тем мало найдется стран, где бы питали более уважения к усопшим, чем в Тибете. В память их устраиваются большие празднества, и на похоронные пиры приглашают всех прохожих. Ночью дома иллюминуются, на горах зажигают огни: снопы пламени пылают на разных высотах, в то время как храмы, блистающие ярким светом, оглашаются звуками цимбал и пением похоронных гимнов².

По словам итальянского миссионера Орацио делла-Пенна, официальная перепись тибетского народонаселения, произведенная «королевскими министрами», насчитывала в прошлом столетии около 33 миллионов жителей, из которых было 690.000 носящих оружие³. Передавая эти статистические данные, первоначальное происхождение которых неизвестно, Клапрот, с своей стороны, высказывает предположение, что число 5 миллионов, для населения Тибета, будет, вероятно, близко подходящее к истине. Бем и Вагнер, так же, как офицеры русского генерального штаба, останавливаются на цифре 6 миллионов, не будучи, однако, в состоянии дать других доводов в подкрепление этого исчисления, кроме того соображения, что эта цифра составляет почти среднее число между крайними цифрами: 3 с половиной миллиона и 11 миллионов, предложенными в последнее время различными географами⁴. Следовательно, население страны, если основываться на этих данных, простирается средним числом до 4 человека на каждый квадрат. километр; но мы знаем, что оно распределено весьма неравномерно. Плоскогорье Хачи представляет почти безлюдную пустыню; точно также юго-западная провинция Нары (Нгари, Гнари Хорсум) заключает лишь небольшие группы жителей. Провинция Кам, занимающая восточную область Тибета, населена очень неравномерно, по причине своих обширных лесов, высоких гор, неприступных ущелий; наиболее плотную населенность находим в двух южных провинциях, Цзан и Уй (У, Ю или Уэй), на берегах среднего течения реки Цзанбо и в долинах её притоков.

Известно, что Даба и большинство «городов» и селений нагорной долины Сетледжа покидаются жителями в продолжение части года. Пулинг, самое возвышенное населенное место этой части Тибета, обитаемое постоянным образом, находится на высоте 4.750 метров. Тсапран, главный город округа, как и Даба, и лежащий к северо-западу от этого города, очень высоко над водами Сетледжа, на высоте 4.750 метров, тоже покидается жителями на зиму, да и летних домов в нем всего только штук пятнадцать. Крепость Такла-хар, другой главный окружной город, находится уже на южном склоне Гималайского хребта, на правом берегу Мап-чу или «Большой Реки», главной ветви реки, известной у непальцев под именем Карнали. Эта крепостца состоит из пещер и галлерей, вырытых в скале, на высоте 250 метров; она заключает большие запасы провианта, и говорят, что зерновой хлеб, сложенный в её казематах, лет пятьдесят тому назад, до сих пор превосходно сохранился, благодаря сухости воздуха⁵. К западу от крепости Такла-хар находится Ситлинг-гонпа, самый большой монастырь в провинции Гундес или Нары, славящийся во всем Тибете и в Нипале своими огромными богатствами.

1 Durand, „Annales de la propagation de foi“, 1865.

2 Sam Turner, „Embassy to the Court of the Teshoo-Lama“.

3 „Breve notizia del regno del Tibet“.

4 Ту же цифру в 6 миллионов дают и современные сведения см. „Statesmans year book“, 1895 г. стр. 420.

5 Ryall, „Abstract of a Report on the Surveys of India“.

Верхний бассейн Инда, за исключением самой низкой части долины, по которой протекает эта река до вступления в пределы Индостана, почти совершенно необитаем, как и бассейн Сетледжа. Между тем в этой стране находится временная столица юго-западной провинции Тибета, город Гардок на берегу реки Гартунга. Это место, название которого означает «Высокий рынок», замечательно своими ярмарками, и ярмарочное поле его едва ли не самое возвышенное в свете. В августе и в сентябре тут воздвигается, рядом с постоянными домами из глины или из высушенного на солнце кирпича, целый город палаток, из которых каждая своей формой обнаруживает происхождение торговцев, которые их занимают. Жилища тибетцев, обтянутые яковыми шкурами, еще покрытыми черной шерстью, составляют разительный контраст с белыми павильонами индусов, тогда как юрты кашгарцев и других тюрков отличаются яркостью цветов, украшающих войлок шатра¹. Но зимой город «Нагорного рынка» совершенно пустеет и покидается на жертву ветрам и снежным буранам; купцы разъезжаются по домам; а немногочисленные постоянные жители провинции спускаются в Гартунгу, деревню более защищенную, лежащую на Гартунге, выше слияния этой реки с Индом. Рудох, близ озера Могналари, представляет кучку невзрачных лачуг, сгруппированных вокруг крепостцы и монастыря.

А между тем «жажда золота» населила некоторые части плоскогорья, господствующего с восточной стороны над долиной верхнего Инда, лежащие гораздо выше тех мест, где приютились домишки Гардока и Гартунга. Эта область, где сгруппировались золотоискатели, носит со времен глубокой древности имя Сартоль или «Страны золота», из чего можно заключить, что там уже в отдаленную эпоху собирали драгоценный металл: ученые видят в этой местности чудную страну, где копались в земле те муравьи-золотоискатели, о которых говорят Геродот² и средневековые легенды, и которые охранялись страшными грифонами. Эксплоатация этих золотоносных песков одно время была оставлена по причине суровости климата, но, около половины настоящего столетия, снова принялись за поиски драгоценного металла, для тибетского правительства. Золотые прииски Ток-джалунг, — вероятно, самая высокая колония на земном шаре, обитаемая постоянно, как летом, так и зимой. По словам англо-индийских пундитов, она находится на высоте 4.980 метров, то-есть почти на 200 метров выше, чем высшая верхушка Мон-Блана, в области, где воздух почти в два раза менее плотен, нежели на уровне океана. В зимнюю пору сюда собирается самое большое число рудокопов, и тогда в этой стране непрерывных морозов и снегов насчитывают до шести сот палаток, спрятавшихся на дне больших ям и углублений почвы, чтобы укрыться от ветра, и видимых только по их конусообразным верхушкам, обтянутым черными яковыми шкурами.

В летние месяцы этот муравейник шатров уменьшается на половину, потому что вода в соседних источниках принимает тогда совершенно соленый вкус: ее можно пить только после того, как она очистится, превратившись в лед; в этой области плоскогорья достаточно покопать почву, чтобы найти везде соль и буру. Другие золотые прииски Тибетского нагорья гораздо менее богаты металлом, нежели Ток-джалунгские: по словам пундита Найн-синга, единственный прииск, имеющий ныне некоторую экономическую важность, — это Ток-дауракпа, находящийся гораздо восточнее на плоской возвышенности. Все количество золота, добываемого на приисках западного Тибета, достигает ценности 200.000 франков в год и отправляется в Индостан через Гардокский рынок³.

Самые возвышенные обитаемые пункты верхней долины реки Цзанбо состоят только из почтовых станций и монастырей: холод в этих местностях слишком суров, чтобы там можно было основать деревни с постоянным населением. Однако, значительные селения, даже настоящие местечки появляются и следуют одно за другим в этой долине на высоте, слишком в два раза превосходящей высоту Симплона и Сен-Готарда. Тадум, главный город округа Доктол, находится на высоте 4.323 метра над уровнем моря. Джанглачи, торговое селение,

1 Герман фон Шлагинтвейт, цитированное сочинение.

2 Книга III, 102.

3 Schiern, „Ueber den Ursprung der Sage der goldgrabenden Ameisen“.

где сходятся две дороги, ведущие из Нипала, одна через Киронг, другая через Нилам, лежит на высоте 4.226 метров; Дингри или Тингри, в высокой долине, которая открывается у самого основания горы Гаурисанкар, пограничный город, командующий этими проходами через Гималайскую цепь, и крепость его занята китайским гарнизоном, состоящим из пяти сот человек. Шигатзэ или Дигарчи, главный город провинции Цзан, занимает уже положение относительно низкое для этой горной страны; он расположен на высоте 3.621 метра, в боковой долине, по которой протекает река Пенанг-чу. Выше Шигатзэ, на террасе, окруженной крутизнами, поднимаются в виде амфитеатра, дома и храмы Чжасилюмбу или «Превознесенной Славы». Стены святого города, резиденции воплощенного Будды, Баньчань-ламы или Банчань-римдуци, то-есть «Перла разума»¹, имеют около 2 километров в окружности и заключают более трех сот зданий, группирующихся вокруг дворца и религиозных памятников; от трех до четырех тысяч жрецов обитают в монастыре Чжасилюмбу, на позлащенные колокольни и красные стены которого с благоговением взирает народ, живущий в нижнем городе и толпящийся на его рынках.

Большая часть других городов этой области тоже состоят из групп скромных низеньких домиков, над которыми возвышаются величественные здания, представляющие в одно и то же время дворцы, крепости, храмы и монастыри. Таков, на севере, по другую сторону долины реки Цзанбо, город Намлинг или «Небесный Сад»; таков же город Шакр-джонг, на юго-западе от Шигатзэ и Чжасилюмбу, у основания одного из предгорий Гималайского хребта, близ границы Сиккима. Гянцзэ, на юго-востоке, в той же долине, где и Шигатзэ,—важный город, как средоточие торговли с Бутаном и как промышленный пункт: из произведений его промышленности особенно славятся суконные материи, очень теплые, мягкая на ощупь и необыкновенно гибкая; он занят, как и Дингри, сильным китайским гарнизоном. В Шигатзэ оканчивается колесная дорога, построенная ост-индским правительством, и которая выходит из Дарджилинга, в Сиккиме. Население Гянцзэ достигает до 12.000 человек.

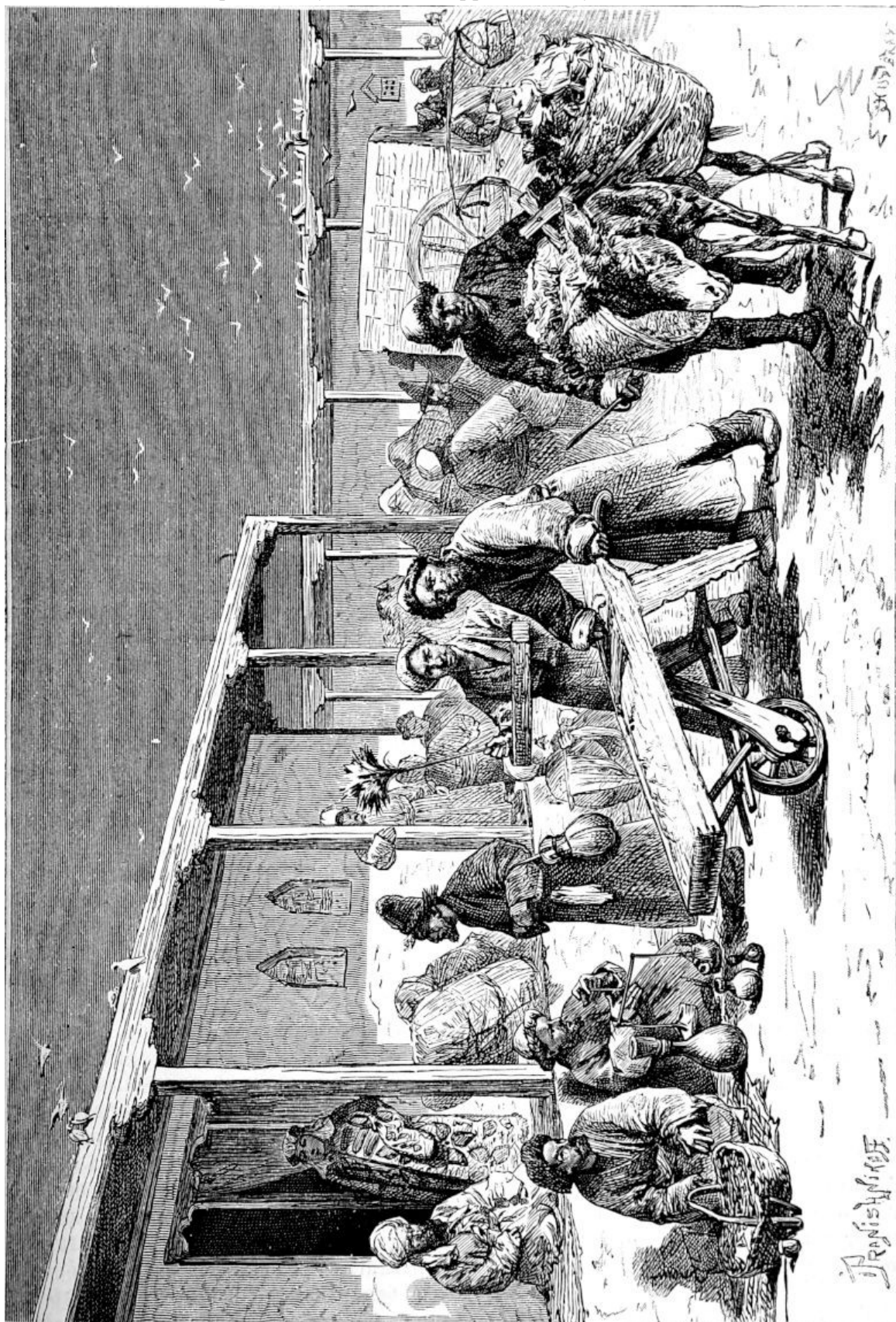
Хласса или Ласса (Иешке, миссионер с тибетской границы, автор чрезвычайно ценных мемуаров о наречиях страны Бод-юл, говорит, что употребляемые европейцами формы Nlassa, Nl'assa, L'hassa не передают местного произношения) есть в одно и то же время главный город провинции Уй, столица Тибета и духовная метрополия всех буддистов Китайской империи: название её означает «Божественная земля»; монголы называют ее Моркэ-джот или «Вечное Святилище». Число жрецов, которых насчитывают до двадцати тысяч в Лассе и в окрестностях², может быть, превышает там число гражданского населения: толпы пилигримов, приходящих со всех концов Тибета и даже из-за границы, стекаются каждый год в храмы этого «буддийского Рима». На двух широких, обставленных деревьями, аллеях, которые ведут из города во дворец далай-ламы, всегда увидишь множество верующих, набожно перебирающих между пальцами свои длинные четки, тогда как высшие духовные сановники двора, облаченные в великолепные одежды и восседающие на конях в богатой сбруе, гордо проезжают среди почтительно расступающейся толпы. Дворец Табранмарбу³, в котором имеет пребывание государь, представляет собрание укреплений, храмов и монастырей, над которым высоко поднимается купол, сплошь покрытый пластинками из чистого золота и окруженный перистилем, колонны которого тоже позолочены: нынешнее здание, перестроенное стараниями Кан-си и наполненное сокровищами, которые приносятся сюда верующими из всех частей Тибета, из Монголии, из Китая, заменило дворец, разрушенный чжунгарами в начале восемнадцатого столетия. «Гора Будды» (Буддала) составляет, с седьмого столетия христианской эры, самое священное и наиболее почитаемое место во всей восточной Азии [по Иешке, слово Потала санскритского происхождения, и это наименование, означающее «Пристанище», объясняется мифом, занесенным индусскими пи-

1 Paske, „Buddhism in Little Tibet“; — Element Markham, „Tibet“.

2 Campbell, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“; — „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient“.

3 См. Матусовский, стр. 331.

лигримами]¹. Когда день склоняется к закату, позволяя еще ясно различать на синеве неба профиль священной горы, в нижнем городе прекращается всякая деятельность, всякая работа: жители Лассы собираются кучками на террасах, на улицах и площадях и падают ниц,

Улица въ городѣ Яркендѣ.

распевая свои вечернія молитвы. Глухой гул поднимается над всем городом и возносится к

1 „Zeitschrift der morgenlandischen Gesellschaft“, XXVI.

дворцу далай-ламы¹.

Город раскинулся на южной стороне священной горы по правому берегу реки Ки-чу, одного из главных притоков Цзанбо. Хотя он находится на высоте 3.566 метров, то-есть на 150 метров выше, чем самый возвышенный пик Пиренеев, но, благодаря своей более южной широте и своему защищенному положению, он пользуется тем преимуществом, что мог окружить себя зеленью: сады, наполненные большими деревьями, образуют вокруг города пояс листвы и цветов. Улицы в Лассе широкия и прямые, дома из дикого камня, кирпича и глины и по большей части выбелены известкой. В одном из кварталов города все дома выстроены из рогов, коровьих и бараньих, расположенных рядами, различающимися цветом и формой: эти переплетающиеся рога, промежутки которых залеплены известковым цементом, очень удобны для окраски и допускают чрезвычайное разнообразие рисунков, которые придают жилищам самый фантастический вид².

Местечки и деревни в окрестностях Лассы имеют, как и сама столица, более важности по своим монастырям или гонца, чем по своим мастерским и рынкам. Во время праздников нового года, когда со всех концов Тибета монахи стекаются в священный город, пешком, на лошадях, верхом на ослах или на яках, нагруженные молитвенниками и кухонной утварью, улицы, площади, аллеи, дворцы, все покрывается палатками; куда ни помотришь, везде видишь только монахов; кажется, что светское население совершенно исчезло. Министры и чиновники не имеют тогда никакой власти: жрецы делаются полными хозяевами и господами города. Это заповедование Лассы продолжается шесть дней. После посещения монастыря Табран-марбу, где они запасаются священными книгами, покупаемыми в мастерских казенной типографии, ламы расходятся по своим кумирням и город снова принимает свой обычный вид³.

Большинство монастырей или гонпа,—простые скопления домиков, с узкими извилистыми улицами, сходящимися к центральному зданию, заключающему кумирни и книгохранилище. Но между тридцатью монастырями, рассеянными в окрестностях Лассы, есть и такие, которые, благодаря пожертвованиям многих поколений пилигримов, дотога разбогатели, что превратились в настоящие дворцы. В 6 километрах к западу от города монастырь Дебан, как говорят, населен семью или восемью тысячами жрецов. Далее, монастырь Пребун или «Десяти тысяч плодов» служит пристанищем для монгольских жрецов, которые приходят созерцать славу далай-ламы и слушать из его уст, раз в год, толкование священных книг. На севере от Лассы, монастырь Сера, где живет около 5.500 монахов, не менее славится в Тибете. Что касается монастыря Галдан, прославленного пребыванием Цзонхавы, реформатора тибетского буддизма, то он находится в пятидесяти километрах к северо-востоку от Лассы и расположен на холме, господствующем над долиной реки Ки-чу; более трех тысяч лам обитают в этой обители. Все эти здания богаты позолоченными идолами, драгоценными металлами и камнями. Монастырь Самойе, основание которого туземцы приписывают самому Шакиа-Муни,—самый знаменитый из всех обителей Тибета; в то же время это один из самых обширных и самых роскошных⁴. Монастырские здания обнесены высокой каменной стеной, имеющей около 2 с половиной километров в окружности; внутренность храма, стены которого испещрены санскритскими надписями, начертанными огромными вычурными буквами, включает множество идолов из чистого золота, одетых в дорогая ткани, унизанные драгоценными камнями; здесь же хранится казна тибетского правительства. По народному поверью, настоятель этого монастыря простирает свою власть даже за пределы гроба и может награждать и наказывать души умерших⁵.

Монастырь Самойе находится в 2 километрах к северу от Цзанбо, в километрах сорока к

1 Нус, „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine“.

2 Нус;—Campbell, цитированное сочинение и мемуары

3 Нус, цитированное сочинение

4 Найн-синг;—Trotter, „Journal of the Geographical Society“, 1877.

5 Отчеты пундитов, „Mittheilungen von Petermann“, vol. 1868.

западу от важного города Четан, построенного на южном берегу этой реки: это исходный пункт торговых караванов, направляющихся к Бутану и Ассаму. Складочным местом и пограничным рынком в этом направлении служит город Чона-чжун, куда тибетцы привозят на продажу соль, буру и шерсть, и где они, в обмен на свои продукты, покупают грубые материи, рис, фрукты, пряности и красивые вещества. Англо-индийский исследователь Найн-синг полагает, что Чона-чжун самый важный торговый пункт во всем Тибете: караваны проходят здесь даже в большем числе, чем через Лех, главный рынок индусского Тибета; правда, что в этом последнем городе торгуют более ценными товарами.

В восточных областях Тибета, где население очень редкое и разбросано в узких горных долинах и ущельях, города немногочисленны. Главный из них, который в то же время есть административная столица провинции Кам,—город Чапмдо, Цяпмдо или Чамдо-ула, имя которого, означающее «Два пути», указывает на положение его в месте соединения двух дорог или двух рек: в самом деле, он находится при слиянии двух потоков, способствующих образованию реки Лань-цян-цзян, то-есть Меконга. Это довольно обширный город, имеющий также свой большой монастырь, населенный слишком тысячью монахов. Далее на юге, в долине, по которой протекает приток реки Цзинь-ша-цзян, то-есть «Реки с золотым песком», находится другой довольно важный город, Меркам, к югу от которого, на берегах Лань-цян-цзяна, эксплуатируются очень обильные соляные источники.

Важнейшие города Тибета, с приблизительным числом их населения:

Ласса—24.000 жит., Шигатэ и Чжасилумбу—13.000, Четан—13.000, Гяндзэ—12.000, Чона-чжун—6.000, Киронг—4.000, Шикар-джонг—3.000, Чамдо-ула—2.000, Нилам—1.500, Дингри—1.500.

Не имея земледелия, не обладая другими экономическими ресурсами, кроме своих стад скота и кое-каких не особенно важных промыслов, Тибет не мог бы иметь, если бы даже он не был окружен барьером таможен коммерческих и политических, очень частых и деятельных сношений с другими государствами. Главная промышленность этой страны—прядение шерсти и тканье суконных материй. Большая часть получаемой в крае сырой шерсти, по обилию которой с Тибетом не может сравниться ни одна страна в мире, употребляется самими жителями и идет на выделку сукон всякого рода, от самых грубых до самых тонких и нежных. Красный чуру или пулу, предназначенный для высших духовных особ,—тонкая и прочная ткань, которая продается по очень высокой цене на рынках Монголии и Китая. Большинство тибетцев, мужчин и женщин, искусные вязальщики и ткнут сами все необходимые им части одежды. После промышленности, относящихся к домашним нуждам, тибетцы занимаются преимущественно такими ремеслами, которые имеют целью украшение храмов и монастырей. Их лепщики необыкновенно искусны в приготовлении статуэток, искусственных цветов и разных орнаментов из коровьего масла, которые ставятся перед идолами; многочисленные мастера заняты фабрикацией курительных свечек, зажигаемых в честь богов и гениев¹.

Несмотря на простоту их жилищ и умеренность их образа жизни, тибетцы все-таки вынуждены покупать у иностранцев некоторые мануфактурные товары; но что делает их безусловно зависимыми от стран равнины, с точки зрения торговли, так это чай. Они не могли бы обойтись без этого продукта, и недавно монополия чайной торговли принадлежала Китаю; таким образом, они волей неволей должны обращаться к этому могущественному соседу и заключать с ним трактаты. Чай был для китайцев главным средством завоевания Тибета², более действительным, чем оружие; выражение «пригласить лам на чай» сделалось пословицей, напоминающей подкуп тибетских государей китайскими мандаринами³. Оттого пекинское правительство с величайшею заботливостью наблюдает за торговыми трактатами Тибета, чтобы воспрепятствовать доставке ассамского чая, который, впрочем, гораздо менее

¹ Гюк, цитированное сочинение.

² Cooper, „Travels of a pioneer of commerce”.

³ О. Иларион, „Труды русского посольства в Китае”, т. I.

ценится, чем листья низшего сорта, привозимые из Китая, и продается несравненно дешевле; тем не менее, смелые авантюристы из независимого королевства Поми не отказались от своих прав свободной торговли с Индией, и каждый год привозят контрабандой из Ассама все возрастающие количества запрещенного товара¹. Годовой привоз китайского чая в Тибет исчисляется в 3 миллиона килограммов, — в 4 миллиона, по оценке англичанина Бибера, — и представляет в самой стране, по ценам розничной торговли, ценность от 7 до 9 миллионов франков².

Торговый обмен Тибета с Индостаном в настоящее время имеет весьма ограниченные размеры. Жители плоскогорья Бод-юл покупают у английской Индии очень небольшое число мануфактурных товаров и продуктов, или по крайней мере то, что они ввозят, переходит к ним через посредство Нипала и Кашмира. Но сами они отправляют непосредственно индийским англичанам товаров на сумму, в десять раз превосходящую ценность ввозимых ими предметов: их драгоценные шерстяные ткани находят дорогу через перевалы Гималайских гор и порты Индостана к Лидсу и другим мануфактурным городам Британских островов. Торговля Тибета с английской Индией в коммерческом 1878—79 году представляла следующие цифры³:

Привоз в Тибет—365.000 франков. Вывоз из Тибета—3.750.000 франков. Вместе—4.115.000 франков.

Благодаря этому огромному перевесу отпуска над привозом, блестящие английские рупии постоянно накапливаются в казне тибетских монастырей; эти монеты «нищенствующего ламы», как их называют тибетцы, мало-по-малу заменяют в торговле страны плитки кирпичного чая и старинные серебряные монеты с восемью цветочками, нечто в роде *fiorini*, которые разделяли на отрывки одного или нескольких цветков. Мелкие расчеты производятся обыкновенно иголками⁴, тогда как для больших операций употребляют, как в Китае, слитки серебра.

Тибетцы, можно сказать, прирожденные коммерсанты: у них все торгуют, часто без всякого разделения труда и всякими товарами, какие попадают под руку. Каждый дом — лавка, каждая кумирня — складочный магазин. Во всех монастырях существует так называемый гарпен или торговый старшина, имеющий у себя под началом целую иерархию помощников и стада выючных животных для перевозки товаров. Караваны торговцев странствуют по всем дорогам Тибета, гоня перед собой навьюченных яков и баранов. Из торговых трактов всего более посещается караванами дорога, ведущая из Лассы в Китай через Да-цзяо-лу и через провинцию Сы-чуань. Другой путь из Китая направляется на северо-восток от Лассы через Монголию; кроме того, есть еще дороги, спускающиеся на юг к Ассаму и Бутану; на юго-запад к Нипалу, на восток к городам Гардоку и Леху. Караван, следующий по этой последней дороге, вероятно, самой важной для товаров, отправляемых в Европу, ранее совершал свое хождение только в три года раз, но в настоящее время, по словам Маркгама, путешествие имеет место каждый год. Забрав шелковых тканей, шалей, шафрана и других товаров, партия торговцев выступает из Леха в апреле месяце: в Лассу же она прибывает только в январе следующего года, так как по дороге в главных местах привала в Гардоке, на озере Манасаровар, в Тадуме, в Шигатзе, пользуется остановкой и открывает ярмарки, продолжающиеся по несколько недель. Первую половину года караван проводит в Лассе, где он запасается китайским чаем, шерстью, куэнь-луньской бирюзой, и возвращается в Лех только после полугодового отсутствия. Округи, через которые он проходит, обязаны поставлять ему безвозмездно по 300 яков для перевозки товаров, а также съестные припасы для путешественников⁵. На всей южной границе проходы Гималайских гор открываются караванам

1 Chauveau, „Annales de la propagation de la foi“, 1871 г.

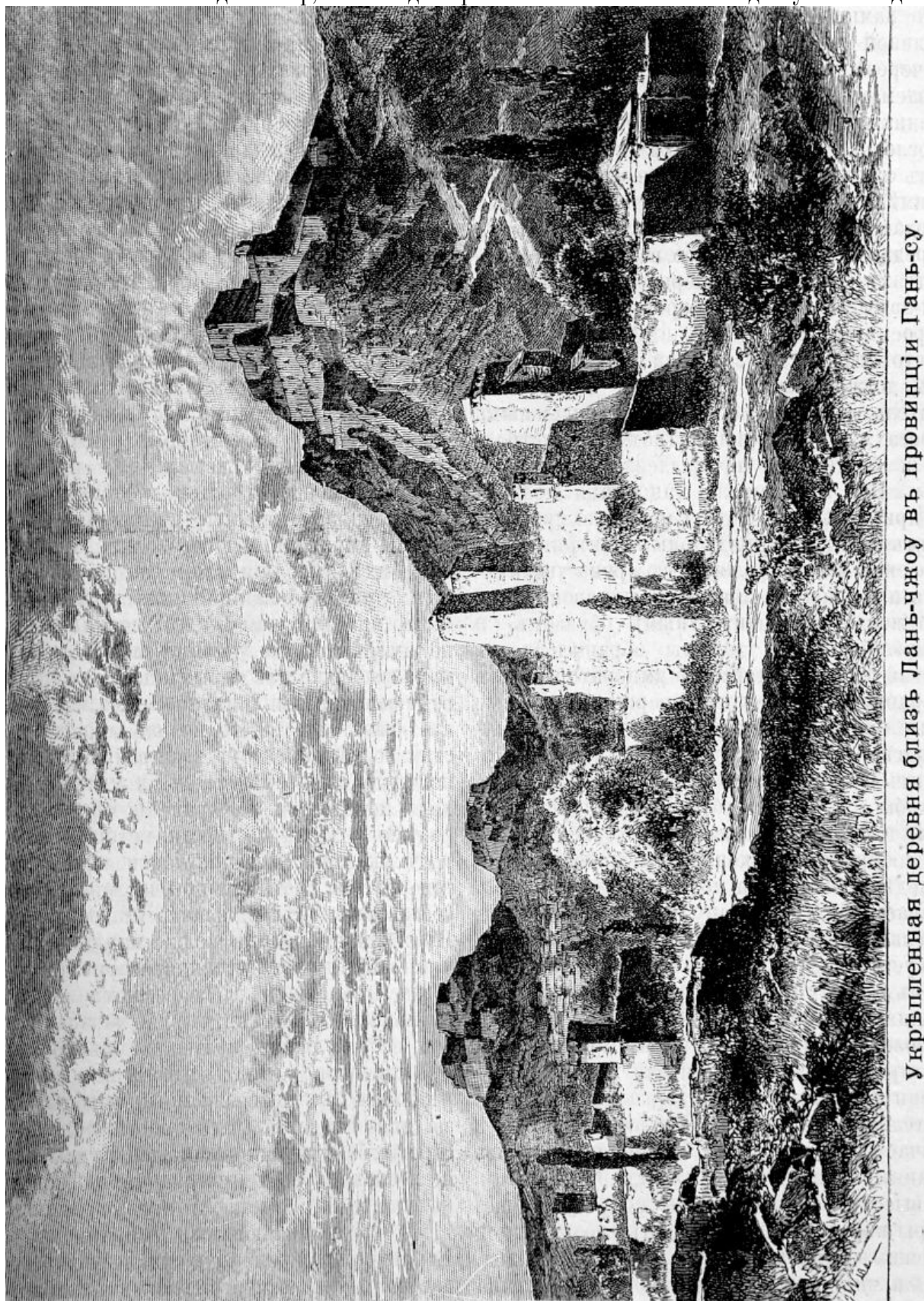
2 Desgodins, „Mission to Tibet“; — Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand“, bygil.

3 „Bulletin Consulaire officiel“, 3 janv. 1881

4 Gill, „River of the Golden Sand“; — Cameron, „Exploration“, 9 dec. 1870

5 Trotter, „Journal of the Geographical Society of London“, vol XLVII, 1877.

только тогда, когда они объявлены «переходимыми» дзонгпоном или начальником ближайшего тибетского местечка. В исключительных обстоятельствах; когда война или революция вспыхивает в соседстве гор, или когда заразительные болезни господствуют в Индос-та-

укрѣпленная деревня близъ Лань-чжоу въ провинціи Гань-су.

не, требуется даже разрешение высшего тибетского правительства, которое само указывает negociантам благоприятный момент для перехода. Почти вся прибыль от заграничной торговли поступает в пользу монастырей; путем ростовщичества народные сбережения погло-

щаются, словно бездонной пропастью, этими обителями, превращаясь там в роскошные материи, в драгоценные камни, в украшения всякого рода. Тибетский народ очень беден, но он содержит в полном изобилии и богатстве целую армию монахов.

По внешнему виду правительство Тибета имеет чисто теократический характер. Верховный жрец, далай-лама, называемый также гяльба-рембоче, «Перл Величества» или «Государь Сокровище», держит в своих руках все власти: он в одно и то же время царь и бог; властитель жизни и достояния своих подданных, он не знает другой границы своему самодержавию, кроме своего личного благоусмотрения; однако, он соглашается руководствоваться в своих обыкновенных решениях старинными обычаями. Впрочем, самое его величие не позволяет ему непосредственно угнетать свой народ; так как он должен заниматься лишь высшими духовными делами государства, то для управления в собственном смысле слова его заменяет вице-король, утверждаемый китайским императором в верховном совете, состоящем из трех главных жрецов¹: этот верховный правитель, называемый номахан (нумшен?) или гяльбо (гяльчун?) считается, как и все другие тибетцы, не более, как смиренным слугой великого ламы. Номахан управляет административной частью страны либо сам лично, либо через посредство четырех министров, называемых кастаками или калунями; другие чиновники, выбираемые почти исключительно из сословия лам, назначаются министрами. Но рядом с туземным правительством в Тибете имеют пребывание два китайца, которые наблюдают за высшими должностными лицами и передают им, в особо важных обстоятельствах, желания императора. Принцип далай-ламы Кан-си, которому следовали и его преемники, таков, что в делах Тибета, все, что относится к общей политике и к войне, должно быть обсуждаемо пекинским правительством, но попечение о специальных интересах территории и местном благоустройстве и благочинии принадлежит властям Лассы. Все гражданские чиновники должны быть природные тибетцы. Смотри по превратностям политики, придворным интригам и настроению народа, влияние сюзерена увеличивается или уменьшается; но обыкновенно оно обнаруживается решительным образом, и враждующие партии должны обращаться к представителям китайского императора, как к верховному посреднику и вершителю. Самые важные кризисы в правительстве Тибета наступают в те эпохи, когда далай-лама соизволит изменить свою человеческую оболочку, чтобы облечься в оболочку младенца. Хутухты, то-есть самые высшие духовные сановники, собираются на конклав и проводят целую неделю в посте и молитве; затем жребий назначает будущего папу буддизма; но в действительности эта мнимая случайность всегда согласуется с указаниями китайского посольства; в 1792 году послы богдыхана от имени последнего презентовали конклаву великолепную золотую урну, в которой производится баллотировка нового повелителя Тибета, и со времени присылки этого подарка никогда представитель фамилии враждебной империи не был назначаем избирателями². Впрочем, вновь выбранный далай-лама может облечься в свой высокий сан только по получении инвеституры или формальной грамоты, подписанной китайским императором. Буддийский папа, король и министры все получают из Пекина годовой оклад жалованья; от китайского же правительства они получают печать, которую употребляют в официальных актах, и тибетские мандарины носят на шапке шарик, отличный знак высших чинов, жалуемых империей³. Посредством остроумной комбинации все устроено к удовольствию и выгоде далай-ламского двора. Последний обязан, правда, отправлять в Пекин через каждые три года или пять лет торжественные посольства с подарками, составляющими нечто в роде дани, но эти дары доставляются народом; в обмен, он получает от «Сына Неба» великолепные подарки, которые, разумеется, оставляет у себя. Казна великого ламы увеличивается каждый год суммой около 250.000 франков, которой он не в праве трогать иначе, как в случае войны⁴.

1 Campbell, „Oesterreichische Monatsschrift fur den Orient“, 1881.

2 О. Иларион, „Труды русского посольства в Пекине“, т. 1.

3 Desgodins, „Mission to Tibet“.

4 Campbell, цитированный мемуар.

Никакой закон не определяет следуемой с каждого доли налогов: этот вопрос решают обычай да благоусмотрение мандаринов. Вся территория принадлежит далай-ламе; жители только временные владельцы, пребывание которых лишь терпимо настоящим собственником. Точно также дома и утварь, словом всякое имущество, движимое и недвижимое, считается собственностью всеобщего хозяина и господина; подданные должны быть признательны ему, если он соизволит брать только часть их достояния для налогов и повинностей; при требовании начальством на какую бы то ни было работу или повинность никто не имеет права уклоняться от исполнения приказа. Одно из самых частых и обыкновенных наказаний, налагаемых мандаринами на обывателей,—это полное лишение имущества: осужденные на экспроприацию должны покинуть свои земли и дома и жить в палатке, ходя побираться, по крайней мере несколько раз в год в местности, которые им наперед указаны. Эти чонглонги, нищие по приговору суда, дотога многочисленны, что они составляют целый класс в государстве¹. В своей процедуре мелкие мандарины применяют пытку и могут приговаривать подсудимых к штрафу, к тюремному заключению, к наказанию розгами; высшие начальники, смотря по их рангу, получили от обычая или от повелителя право ссылать виновных, отрезывать им руки или ноги, выкалывать глаза, даже предавать их смерти; однако, ламы, строгие блюстители заповедей Будды, никогда не позволяют себе приговаривать своих подданных к «убиению»; они ограничиваются тем, что оставляют их умирать с голоду². В Лассе право «чинить суд и расправу» продается с публичного торга в дебангском монастыре, при начале каждого нового года. Тот из лам, который достаточно богат, чтобы купить эту должность, провозглашается судьей, и сам, вооруженный серебряной палкой, идет возвестить о своем новом сане жителям Лассы. Это служит сигналом всем зажиточным ремесленникам к немедленному поголовному бегству, так как в течение двадцати трех дней судья налагает штрафы по своему усмотрению и присваивает себе вырученные деньги.

С тех пор, как территория Ладак составляет часть Кашмирского королевства и как китайское правительство отделило от Тибета многие округа, чтобы присоединить их к провинциям Сы-чуань и Юнь-нани, Си-цзан или Тибет в собственном смысле слова обнимает только четыре области: Нари, Цзан, Уй и Кам, представляющие в совокупности только половину территории. Некоторые княжества, лежащие среди покоренной страны, совершенно независимы от Лассы и управляются сами собой, или зависят непосредственно от китайского императора: так, например, «королевство» Поми населено народом, который при всей своей преданности далай-ламе, ни за что не поступился бы своей свободой торговли и, в случае надобности, вполне сумел бы защитить ее³. Таким образом страна оказывается разделенной на большое число переплетающихся своими границами округов, имеющих различные юрисдикции и администрации и занимаемых враждебными друг другу населениями, между которыми пекинское правительство старательно поддерживает соперничество. Даже в собственно тибетских провинциях китайское правительство вмешивается разными манерами. В особенности оно старалось прочно утвердить свою власть в провинции Нари; в этой области наиболее удаленной от императорской резиденции, особенно важно дать почувствовать силу власти, дабы не пробудился старый дух независимости, или из опасения, чтобы соседнее королевство, Ладак, не вздумало опять забрать этот край, который принадлежал ему в первой половине семнадцатого столетия⁴. Часть поземельного налога принадлежит императору Китая, и кроме того китайские посланники имеют право на барщинные работы для них самих и для всей их свиты в Тибете. Наконец, никакая монета не может быть чеканена в стране без разрешения пекинского двора. Официально Тибет составляет для китайского правительства не более, как владение, подведомственное Сы-чуани, и приказы, которые получает Ласса из Пекина, доходят до неё через посредство главного начальства этой провинции.

1 Desgodins, цитированное сочинение.

2 Bogle, „Mission to Tibet“.

3 Chauveau, „Annales de la propagation de la foi“, 1871.

4 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

Все годное к военной службе мужское население Тибета обязано по закону нести воинскую повинность и составляет нечто в роде национальной гвардии или милиции, предназначенной для охраны отечества; но единственное постоянное войско состоит из чужеземцев, маньчжуров, монголов, относительно которых китайское правительство говорит, что оно употребляет их предпочтительно перед туземцами будто бы потому, что их легче прокормить, так как они соглашаются употреблять в пищу конину и мясо джигетая; истинная же причина, само собой разумеется, та, что эти воины, как иностранцы, не задумались бы перебить тибетцев по приказанию своих начальников¹. Небольшое число этих солдат оказывается достаточным, так как большинство гарнизонов состоит всего только из нескольких десятков человек; по словам Кемпбеля, общая численность постоянного войска не превышает четырех тысяч человек, из которых половина находится в Лассе и четверть в Шигатзэ. Другие солдаты занимают Дингри, Гянциэ и различные пограничные посты и города, лежащие на больших дорогах, ибо китайское правительство отлично поняло, что для того, чтобы господствовать над страной, ему необходимо прежде всего иметь возможность узнавать новости о всем там происходящем ранее, чем о них узнает масса народа в самом Тибете, и передавать свои распоряжения во-время, чтобы предупредить всякия попытки возмущения. Служба государственной почты исполняется с замечательной регулярностью и быстротой. Курьеры проезжают в тридцать дней, иногда даже в двадцать два дня и еще менее, пространство в тысячу триста километров, отделяющее Лассу от Гардока, тогда как обыкновенный путешественник употребляет два месяца, чтобы проехать то же расстояние. Курьеры скачут день и ночь, останавливаясь только затем, чтобы переменить лошадей да наскоро перекусить чего-нибудь. В видах предупреждения всяких случайностей, два всадника, из которых каждый ведет за узду по два сменных коня, всю дорогу сопровождают курьеров, так что путешествие может совершаться постоянно в галоп, за исключением самых крутых подъемов в горах. При отъезде мандарин опечатывает одежду посланца, с той целью, чтобы ему не пришла фантазия раздеться, чтобы отдохнуть в дороге; получатель депеш один имеет право распечатать гонца. Оттого, когда несчастные курьеры прибывают на место назначения, они похожи скорее на привидения, чем на живых людей. Тарсуны или почтовые палатки, поставленные на известном расстоянии одна от другой, на всех станциях заменяют собою селения в пустынных местностях.

Глава III Китайский Туркестан

Бассейн Тарима

Центральная низменность Азии, обнимающая обширный, ныне почти совершенно высохший бассейн древнего Средиземного моря, которое отделяло Небесные горы от цепи Куэнь-лунь, есть одна из тех областей земного шара, которые обозначают самыми разнообразными именами. Окрестные населения, так сказать, господствующие над этой равниной с высоты своих гор, знают ее каждое под особенным названием, тюркским, монгольским или тибетским. Сообразно превратностям завоеваний и переселений, очень частых в этой стране, через которую народы искали себе выхода, то или другое наименование брало перевес в самом крае и в окружающих его территориях. Недавно жители обыкновенно употребляли для своего отечества название Альты-шар или «Шесть городов», замененное впоследствии названием Джиты-шар, т.е., «Семь городов» или «Семиградь», которое, впрочем, применяется только к населенной области, простирающейся в виде обширного полукруга у подножия горных цепей. Китайское название Тянь-шань-нань-лу или «южная дорога Тянь-

1 Desgodins, цитированное сочинение.

шаня», выбранное как противоположность названию Тянь-шань-бэй-лу или «Северная дорога», пролегающая на севере, по другую сторону Небесных гор, имеет, по крайней мере, то преимущество, что представляет точное географическое наименование. Слово Кашгария, которым эта страна еще недавно обозначалась в Европе, потеряло смысл с той поры, как независимое государство, основанное Якубом, бедаулетом кашгарским, перестало существовать; подобно тому, географы должны были оставить название «королевство Хотан», когда этот город утратил степень столицы. Что касается наименования «Малая Бухария», бывшего в употреблении еще в половине настоящего столетия, то оно объясняется прежним религиозным господством Бухары; но теперь уже было бы неуместно употреблять его, так как Бухара лежит по другую сторону гор и плоскогорий, и так как сверх того этот город пришел в упадок и уступил Ташкенту роль метрополии западных склонов Памира и Тянь-шаня. Но названия «Восточный Туркестан» и «Китайский Туркестан» все еще применяются к бассейну Тарима, так как население этой страны по языку принадлежит к тюркскому племени, и китайское правительство снова покорило его своей власти.

Хотя Китайский Туркестан был еще в половине нынешнего столетия страной, почти совершенно пришедшей в забвение, однако, он во все времена имел большую важность, как место прохода, ибо на дорогах из Китая в бассейны Яксарта и Оксуса и даже на дорогах, ведущих к Персии и к Индии, необходимыми станциями являются города, лежащие у восточного основания плоскогорий Памира. Греческие и китайские купцы встречались на так называемом «пути шелка»; буддистские миссионеры, арабские торговцы, знаменитый венецианец Марко Поло, потом другие европейские путешественники эпохи средних веков все должны были останавливаться в оазисах Китайского Туркестана, прежде чем продолжать свой трудный путь, либо на восток, в область песчаных степей, либо на запад, к пустынным плоским возвышенностям. Но рассказы прежних путешественников были совершенно забыты, так что низменность, где протекают воды Тарима и его притоков, считалась в начале настоящего столетия составляющей часть того громадного «Татарского плоскогорья», которое, как полагали, занимает всю внутренность азиатского континента. Только после того, как синологи открыли Европе китайские документы, относящиеся к стране Тянь-шань-нань-лу, европейцы познакомились в общих чертах с истинной формой этой обширной впадины, простирающейся на восток от Памира.

Один из братьев Шлагинтвейтов, Адольф, был в течение нынешнего столетия первым европейцем, проникшим в бассейн Тарима по дороге, ведущей из Индии. В 1857 году он перешел через горный хребет Кара-корум, и, спустившись в равнину восточного Туркестана, подвинулся до самого Кашгара; но там он был умерщвлен по приказанию государя, Валихана, и все его путевые заметки и коллекции были потеряны для науки. Восемь лет спустя Джонсон посетил Хотан и окружающие пустыни, открыв своим путешествием ряд английских экспедиций, вызванных торговыми интересами и политическим соперничеством Великобритании и России. В 1868 году один чайный плантатор, Шау, по предложению английского правительства, предпринял исследование торговых дорог равнины, в то время, как другой англичанин, Гевард, получил от лондонского географического общества поручение осмотреть, главным образом, область плоских возвышенностей. Подобно Адольфу Шлагинтвейту, Гевард поплатился жизнью за свое предприятие; но Шау, более счастливый, успел собрать многочисленные сведения о торговле этого края и доставить их в Индию, после чего вскоре ему пришлось готовиться к новому путешествию, так как он был выбран в проводники новой экспедиции, или, вернее сказать, официального посольства, отправленного к бедауту Якубу, государю Кашгарии. Посланник Форсайт, сопровождаемый медиком Гендерсоном, на этот раз дошел только до Яркенда; но три года спустя он возвратился в сопровождении большего числа исследователей, Гордона, Биддольфа, Троттера, Чапмена, Белью, Столички, и благодаря разделению труда между этими членами экспедиции, плодотворная область долины была пройдена с юга на север, от Куэнь-луня до Тянь-шаня, тогда как на западе путешественники совершили восхождение на Памиры до верхних долин Оксуса. С своей стороны и русские не оставались в бездействии. Уже Валиханов, в 1858 году, и Остен-

Сакен, в 1867 году, переходили через цепь Небесных гор и спускались в равнины Кашгарии. В 1876 году полковник Куропаткин выбрал другую дорогу: через Терек-даван он проник в восточный Туркестан и прошел до озера Карашар вдоль цепи Тянь-шаня, у основания её

Типы и костюмы дунганъ и таранчей.

южных предгорий. Благодаря ему и г. Регелю, который продолжал далее на восток путь, пройденный полковником Куропаткиным, «императорская дорога», по которой всегда следовали китайцы в своих военных и торговых экспедициях к Тянь-шань-нань-лу, стала более

известной. Затем пути, пройденные Мушкетовым и другими исследователями, связали эту дорогу с дорогами Кульджинской территории, на противоположной покатости гор; полковник Пржевальский, пустившись в самую пустыню, обследовал всю восточную часть бассейна Тарима, между хребтами Тянь-шань и Алтын-таг. Но области, простирающиеся у основания цепи Куэнь-лунь и пройденные Марко Поло и Бенедиктом де-Гоэс, еще долго были закрыты для современных путешественников, теми непреодолимыми препятствиями, какие представляют бесконечные сыпучие пески и опасность погибнуть голодной смертью по невозможности добыть какие бы то ни было жизненные припасы в безлюдной пустыне, пока самоотверженные путешественники в роде, Певцова, Богдановича, Грум-Гржимайло и Свен-Хедина не проникли и в эти места.

В пределах, намеченных различными исследователями английскими и русскими, поверхность китайского Туркестана исчисляется приблизительно почти в 23.980,94 квадратных миль, и на этом огромном пространстве, по словам полковника Куропаткина, нельзя считать более миллиона жителей; Форсайт же исчисляет совокупность населения только в 580.000 человек¹. Следовательно, эта страна, в два раза более обширная, чем Франция, заключает в своем полукруге, охватывающем 2.500 километров, не более постоянных жителей, чем один из второстепенных городов Европы, каковы Неаполь, Ливерпуль или Глазго. Эта малонаселенность объясняется тем, что в центральной Азии вода редка, и там, где иссякают источники, начинается голая, бесплодная пустыня. Кругом громадной песчаной степи стоят громады гор, поднимающихся своими вершинами до пояса вечных снегов, но ручьи, вытекающие из этих возвышенностей, не все достигают выхода долин. Однако, ручьи амфитеатра горных масс соединяются в достаточно большом числе, чтобы образовать настоящий речной бассейн. По сходимости своих долин и по обширному разветвлению своих притоков, Тарим как будто пытается сделаться вторым Индом. По обе стороны плоских возвышенностей, высший хребет, которых составляет Кара-корум, замечается некоторого рода симметрия между двумя противоположными склонами; но какую огромную разницу произвели климатические условия в характере и природе двух стран.

На востоке от Хотана ни один из горных потоков, которые спускаются с бедных снегом скатов Куэнь-луня и Алтын-тага, не достигает центрального резервуара бассейна, за исключением Черчен-дарьи, самой многоводной реки из этих потоков, которая соединяется с Таримом до впадения его в озеро Лоб-нор. Речки, орошающие оазисы Хотана и образующие реку Хотан-дарью, одну из главных ветвей Тарима, те самые, которые в старину пользовались такой громкой славой во всей Азии, как «нефритовые» реки. Китайские летописцы, говоря о Хотанском крае, все повторяют, что главная река этой страны образуется из трех потоков, из которых каждый катит нефритовые камешки особенного цвета; на востоке течет «река зеленого нефрита», на западе «река черного нефрита», а посередине между той и другой бежит «река белого нефрита». По крайней мере две из этих рек сохранили свои старинные имена под тюркской формой Урунг-каш (Белый нефрит) и Кара-каш (Черный нефрит). Эта последняя самая многоводная и по объему значительно превосходит остальные². Они получают начало у границ Кашмира, гораздо южнее цепи Куэнь-лунь, на высоких плоскогорьях, над которыми господствуют пики и продолговатые вершины небольшой относительной высоты, уже принадлежащие к хребту Кара-корум. Из этой области истоков, лежащей на высоте более 5.000 метров над уровнем моря, река Кара-каш спускается целым рядом поперечных долин и ущелий, перерезывая под крутыми углами отроги, препятствующие её прохождению, затем она продолжает свой путь на пространстве более 100 километров вдоль южного склона хребта Карангутага, до пролома Шахадула-ходжа, через который она уходит на северо-восток, в Хотанскую равнину.

На восток от верхней долины Кара-каша, равнина, по которой следуют путешественники, отправляясь из бассейна Инда в бассейн Тарима, в большей части своего протяжения

1 Матусовский определяет население в 1.500.000 душ.

2 Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan”.

покрыта солью и другими продуктами выветривания. Озеро, наполнявшее некогда эту низменность, опорожнилось или высохло мало-по-малу, и реки, которые после того текли по обнажившемуся озерному дну, были заменены подвижными песками. Там и сям на поверхности равнины сияют глубокие расселины, наполненные сернокислой магнезией в виде кристаллов столь же тонких и белых, как нежные снежинки, поднимаемые ветром. Луги солевой грязи, скрытые под ледяными плитами, занимают самые глубокие впадины, и до высоты 5.400 метров встречаются горячие источники, обведенные кольцом из отлагающихся известковых осадков, затем вторым кругом из замерзшей воды. На пространствах в несколько квадратных километров почва изрыта маленькими воронкообразными углублениями около двух метров в диаметре и одного метра глубины, которые почти все отличаются замечательной правильностью. Некоторые из этих воронок имеют свойство после дождей выбрасывать массы грязи, и вода в них иногда сильно бурлит и брызжет. Д-р Гендерсон не думает, чтобы эти отверстия были настоящие грязные вулканы; по его мнению, это просто провалы глинистой подпочвы, заставляющие подниматься на поверхность, после проливных дождей или во время таяния снегов, воды, скопляющиеся под землей. Ниже по течению, берега реки Каракаш изрыты во многих местах другими воронкообразными ямами того же рода; но эти последние воронки окаймлены в верхней части соляной корой. Эти отверстия находятся в сообщении с водами Кара-каша, уровень которых ночью понижается по причине мороза, а днем повышается, вследствие таяния снега и льда. Таким образом воронкообразные углубления попеременно наполняются и опоражниваются в течение двадцати четырех часов, и соленая вода Кара-каша испаряется, оставляя беловатый слой соли, как след своего происхождения¹.

На западе от нижнего Кара-каша следуют один за другим несколько ручьев, которые текут в песках или в болотах Яшил-куль, отделенных от вод Кара-каша поясом песчаных бугров или дюн. Эти ручьи слишком слабы для того, чтобы расчистить эти препятствия и проложить себе дорогу: это объясняется тем, что они получают начало не на покрытом снегами Кара-коруме, а на северном склоне гор, которые хотя и составляют продолжение Куэнь-луня, но уже понизились на столько, что их по виду можно считать не более, как нагорными предгорьями плоской возвышенности; они почти сплошь одеты глиной до высоты 3.300 метров, только верхние гребни возвышаются над всеми этими землистыми массами, вероятно, ледникового происхождения. Когда караван яков движется по тропинкам этих гор, он поднимает густые столбы пыли, сквозь которую путешественники не могут различать друг друга; внизу, пески, волнуемые ветром, покрывают передовые холмы. Главная дорога из Индии в китайский Туркестан переходит через эту небольшую цепь глинистых гор перевалом Саньчжу (5.060 метров), чтобы избежать большого колена или дуги, которую описывает Кара-каш в северо-восточном направлении, при выходе из гор. Это горное ущелье трудно доступно, и туземцы сочли нужным приписать образование его могучей руке богатыря Рустана².

В юго-западном углу китайского Туркестана зарождается другая река, самая длинная и, вероятно, самая обильная во всем бассейне Тарима: это Яркенд-дарья, которую часто называют также, особенно в верхней части бассейна, Зарявшаном или «Золотоносной»: подобно реке Самарканда, она действительно катит золотые блестки вместе с песком, а приносимый её водами ил, еще более драгоценный, чем золото, оплодотворяет, во время разливов, поля и равнины Яркенда: более четверти населения восточного Туркестана живет плодами и зерновыми хлебами, которые рождаются в изобилии, благодаря этой плодотворной воде. Река Яркенд-дарья, также, как и Кара-каш, берет свое начало вне пределов Китайской империи, и один из её истоков известный под названием Раскем-дарьи бьет из земли на склоне того хребта Кара-корум (5.550 метров), который дал свое имя всей цепи: в этом месте, как при истоке реки Кара-каш, кряж в несколько метров ширины разделяет два бассейна Тарима и

1 Henderson, — Hume, — Forsyth, „From Lahore to Yarkand”.

2 Johnsons, „Bulletin of the Geographical Society of London“, 1867.

Инда, между которыми вставлено огромное плоскогорье Тибета. Следуя в начале нормальному направлению всей орографической системы этой области Азии, Раскем-дарья течет на северо-запад, параллельно Кара-коруму и более низким цепям, сопровождающим этот хребет, и усиливается многочисленными притоками, которые посылают ей ледники южного ската её долины. Дапсанг, величественная гора, которая, между высочайшими горами земного шара, уступает в высоте одному только Гауризанкару, есть одна из вершин, снега и льды которых питают главную реку Яркенда. В том месте, где Яркенд-дарья находит, как Кара-каш, пролом в передовых горах, который дает ей выход к равнине, она имеет вид значительного потока; но по выходе из гор, её воды, отводимые в искусственные оросительные каналы и теряющиеся путем испарения, быстро уменьшаются в объеме. Однако, во время больших разливов главный рукав, проходящий у города Яркенда, имеет от 60 до 140 метров ширины, и так глубок, что нигде нельзя перейти его в брод. Замечательно, что кривая, описываемая Яркенд-дарьей в общем направлении её течения походит на дугу, образуемую Кара-кашем. Та и другая из этих рек следуют сначала по одной из ложбин, открывающихся на северо-западе между горными цепями параллельными главной реке; затем, поворачивая на север и на северо-восток, они текут к низменной области древнего внутреннего моря пустыни Гоби или Шамо.

Притоки Тарима, спускающиеся с хребта Памир, не имеют в области снегов достаточно большой длины, чтобы сделаться значительными реками. Горные массы, из которых они вытекают, высятся непосредственно на западной стороне равнины, как настоящая граница света: один китайский документ приписывает этим хребтам, окаймляющим Памир, высоту в тысячу ли, то-есть в 500 верст¹, выражение, которое, очевидно, не имеет другого смысла кроме того, что горы Цзун-лин должны быть причислены к неприступным вершинам, поднимающимся «до небес». Действительно эти «Луковичные горы», как их называют большинство комментаторов, или «Голубые горы», — по переводу Абея Ремюза, являются передовыми выступами одной из высочайших горных масс Азии. Склон Памира с восточной стороны гораздо круче противоположной покатости, по которой текут различные реки, образующие верхний Оксус или Аму-дарью; едва успев образоваться из фирновых полей, покрывающих вершины, горные потоки вступают уже в равнину, где их с нетерпением ожидают земледельцы, чтобы разделить их воды на целую сеть ирригационных каналов. Один только поток, спускающийся с Памира, соединяется с Яркенд-дарьей: это Кашгар-дарья, которая получает начало в «Красной долине», открывающейся между Алайской и Заалайской цепями, у подножия Кызыл-арта или «Красного хребта»; главная её ветвь есть одна из двух рек, называемых Кызыл-су (Красные Воды), которые текут в противоположном направлении, одна к Аральскому морю, другая к озеру Лоб-нор². Нередко все горы восточного Памира обозначаются именем Кызыл-арт; путешественник Шау часто слышал, как их называли «Красными горами».

Хотан-дарья и Яркенд-дарья, усиленная Кашгар-дарьей, соединяются с рекой Ак-су-дарья, которая сама незадолго перед тем принимает в себя Таушкан-Дарью, другую реку, спускающуюся с Небесных гор, и из соединения этих потоков образуется Тарим (Тарим-гол), Эхардес древних греческих географов, река, по которой необходимо должна следовать дорога из Китая. Однако, туземцы редко употребляют это название «Тарим»: для них эта река, говорит полковник Пржевальский, все та же Яркенд-дарья. Протекая вдоль южного основания передовых гор Тянь-шаня, в некотором расстоянии от него и разделяясь там и сям на многочисленные ветви, Тарим, который можно сравнить с Дунаем по длине течения, не увеличивается в объеме, не расширяется, как великая европейская река, по мере приближения к своему устью; напротив он постепенно уменьшается, суживается, несмотря на то, что получает через известные промежутки другие дарьи, которые ему посылают северные горные цепи. На востоке от Кок-су и другой реки, которые теряются, первая в Баба-куль

1 Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan”.

2 Федченко, „Путешествие в Туркестан”.

или «Бабьем озере», вторая в Сары-камыш или «Желтых камышах», река Хайдык-гол, выходящая из поросших травой цирков гор Юлдуз или «Звезды», катит достаточно воды, чтобы достигнуть до Тарима; но, пройдя несколько узких поперечных долин или ущелий, она останавливается по дороге в обширном, глубоком¹ и обилующем рыбой озерном бассейне, известном под разными именами: Богла-нор, Бостан-нор, Багараш-куль, Карашар-куль или просто Денгиз, то-есть «море». По выходе из этого озера, исток, принимающий название Конче-дарья, перерезывает прилегающую к озерному бассейну горную цепь Курук-таг через очень узкую поперечную долину, которая прежде была защищена сильными укреплениями, и которую и теперь охраняют глиняные крепостцы. Эта теснина, около 10 километров длиною, представляет одни из многочисленных «Железных ворот» центральной Азии, и в соседстве с этой сильной и укрепленной стратегической позицией некогда находился город Гсийн, местопребывание губернатора двух Туркестанов².

После принятия в себя притока Конче-дарья, течение Тарима становится все медленнее по мере того, как он приближается к самой глубокой части понижения Тянь-шань-нань-лу или «Южной тянь-шаньской дороги». При деревне Абдалы, в недалеком расстоянии от впадения его в озеро Лоб-нор, средняя скорость течения реки не превышает 80 сантиметров в секунду; в тот же промежуток времени объем протекающей воды может быть исчисляем приблизительно в 75 или 80 кубических метров³. У деревни Абдалы Тарим только что вышел из камышей озера Кара-буран или «Черный буран», принадлежащего к системе Лоб-нор; но едва возобновив свое независимое течение, он опять делится на несколько каналов естественных и искусственных, затем теряется среди леса камышей, еще более высоких, чем камыши Кара-бурана: рыбаки, проникающие в эти чащи, видят у себя над головой качающиеся огромные стебли тростника, достигающие высоты слишком 6 метров над поверхностью воды. Это второе озеро, где судоходный фарватер Тарима мало-по-малу исчезает, носит у туземцев название Чек-куль (Большое озеро) или Кара-курчин; вместе с озером Кара-буран, оно образует обширный резервуар испарения, совокупность которого означает именем Лоб-нор. Восточный бассейн расстилается на пространстве, вероятно превышающем 2.000 квадратных километров: поверхность его в четыре раза более поверхности Женевского озера, взятого за единицу для сравнения: но зато какая огромная разница в отношении объема воды! Озеро Лоб есть не более, как болото в наибольшей части своего протяжения, и только на юге, вдоль самого высокого берега, средняя глубина его достигает 2 метров; самые глубокие места едва достигают 4 метров. Даже по середине озера тянется выступившая из-под воды полоса земли, где приютились несколько рыбацких селений, спрятавшихся среди камышей. Благодаря этой естественной защите, домикам, построенным на Большом озере (Кара-курчин), не страшны бурные восточные и северо-восточные ветры, бушующие на равнинах, особенно весной. Напротив, воды озера Кара-буран, более открытые, приходят в сильное волнение от этих бурь и заливают свои низкие берега верст на двадцать от обыкновенной береговой линии: отсюда и произошло многозначущее название «Черный буран».

Очевидно, озеро Лоб-нор есть не что иное, как небольшой остаток древнего внутреннего моря, о котором упоминают легенды и исторические документы, и следы которого ясно видны во всей низменности, где протекает река Тарим, и далее на востоке, вплоть до подошвы плоских возвышенностей Монголии. Со времени исследования Рихтгофена, то, что было Сихай или «Западное море», и то, что есть в наши дни Хань-хай или «Высохшее море» китайцев, может быть довольно точно определено в его истинных очертаниях. Теперь мы знаем, что до начала исторической эпохи древнее море, ориентированное параллельно горным системам Куэнь-луня и Тянь-шаня, то-есть по направлению от запада-юго-запада к востоку-северо-востоку, простиралось на пространстве более 2 миллионов квадратных километров, и что в самой низкой своей части, то-есть там, где находится нынешний Лоб-нор, лежащий на

1 Пржевальский, „От Кульджи до Лоб-нора“.

2 „Geographical Magazine“, septembre 1878.

3 Пржевальский, цитированное сочинение.

высоте 671 метра над уровнем океана, имело по меньшей мере 900 метров глубины. Еще в первые времена, когда смутно начинается история для народов центральной Азии, в этой огромной впадине продолжали существовать настоящие внутренние моря. Тянь-шань-нань-лу и Тянь-шань-бэй-лу, по обе стороны восточного выступа Небесных гор, имели тот и другой свой обширный озерный бассейн, от которого в наши дни сохранились лишь незначительные остатки в виде небольших озер, рассеянных по равнинам¹. Единогласное предание жителей китайского Туркестана и восточного Китая говорит о постепенном оскудении озер этого бассейна, и вероятно, чтобы объяснить это исчезновение вод, вообразили существование подземного канала, который будто бы уносит излишек жидкой массы Лоб-нора, чтобы заставить его опять выступить на поверхность земли истоками Желтой реки, в местности, лежащей на 3.000 метров выше². В высшей степени замечателен тот факт, что постепенное сосредоточивание воды в усыхающем резервуаре Лоб-нора не сделало его совершенно соленым озером, как это случилось с большей частью озер, которые встречаются на всем протяжении бывшего морского бассейна. В настоящее время вода Лоб-нора свежая и пресная³, без сомнения, потому что она переместилась в низменную равнину, направляясь из местностей, уже покрывшихся солью, в ложбины с чистой еще почвой: в озере еще видны стволы тамариска, росшие на твердой земле. По рассказам туземцев, Тарим постепенно уменьшался в объеме около половины нынешнего столетия, и соответственно тому понижался и уровень озера; потому, около 1870 года, новая прибыль вод имела следствием разлитие озера и затопление части берегов, вне солончакового дна; тем не менее, однако, почти все побережье свидетельствует своими выветриваниями и своим бесплодием о существовании соли в грунте и лишь только на юге полоса тамарисков окаймляет прежний берег. Лоб-нор, так же, как и Тарим, изобилует рыбой двух видов, которую прибрежные жители ловят при помощи искусственных каналов и ям: рыба заходит туда во время разливов и не находит выхода после спада вод. Устраивать эти рыболовные бассейны тем легче, что ложе Тарима быстро повышается над уровнем окружающих равнин. Как все реки, Тарим приносит землистые частицы, которые, отлагаясь, возвышают берега во время разливов, но этот факт является мало-важным в сравнении с действием другой причины постепенного повышения берегов: пыль, песок дюн, приносимые ветром из пустыни, задерживаются чащами камышей и скопляются там довольно значительными массами, чтобы образовать новые дюны. Берега, дно ложа, камыши, все поднимается мало-помалу над уровнем боковых низменностей, лишенных покрывавшего их песку⁴, и этим-то именно и объясняются перемещения русла Тарима, как и самого Лоб-нора, который есть не что иное как продолжение реки. Древние китайские карты⁵ помещают Лоб-нор гораздо севернее теперешнего его положения: весьма возможно, что он перемещается из бассейна в бассейн.

Между Лоб-нором и озерами северной части Тянь-шань-нань-лу замечается некоторого рода симметрия в том смысле, что они имеют соответственные форму и положение. Ориентированные в том же направлении, от юго-запада к северо-востоку, озера Баба-куль, Сары-камыш, Карашар (Баграш-куль), затем другое озеро, открытое г. Регелем, также тянутся вдоль подошвы цепи гор, до входа в узкий корридор или овраг, через который путешественники проникают из Монголии в китайский Туркестан. Тарим соединяет одну с другой эти две озерные области. Таким образом устанавливается от Тянь-шаня до Алтын-тага линия вод, текущих поперек пустыни: уже монах Рубруквис указывает на этот географический факт в описании своего путешествия по тем странам.

Пропорция пустынных и неводеланных пространств земли в китайском Туркестане не может еще быть определена даже приблизительным образом, но, без всякого сомнения, она

1 F. von Richthofen, „China“.

2 De Guignes, „Histoire des Huns“;—Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan“;—Imbault Huart, „Recueil des documents sur l'Asie centrale“;—F. von Richthofen, „China“.

3 Пржевальский, цитированное сочинение.

4 Пржевальский, цитированное сочинение.

5 D'Anville, — Klaproth, — Richthofen

много превосходит количество полей, подвергнутых земледельческой обработке и усеянных человеческими жилищами. Почти везде зеленеющие пространства составляют лишь узкую полосу, в несколько сот, самое большее в несколько тысяч метров, вдоль ручьев и рек; далее, за этой полосой, начинается безлюдная пустыня, еще неизследованная почти на всем её протяжении. Это уже Гоби, хотя она неизвестна под этим именем в Западном Туркестане, и хотя нижняя долина Тарима действительно отделяет ее от пустынь Монголии. На север от Хотана и на восток от Хотан-Дарьи области песков дают тюркское название пустыни Такла-макан. Дюны, которые движутся на подобие волн моря, выставлены в этом месте всей ярости северных ветров, которые наметают бугры песку до высоты 60 и 100 метров, даже до 130 метров¹; ни одна из подвижных горok европейского побережья не достигает высоты песчаных холмов, которые путешественники встречают в пустынях Такла-макан. На западе реки Хотан-дарьи дюны не имеют этого вида высоких холмов: это по большей части просто подвижные бугры, высотой от 3 до 6 метров, перекатывающиеся по направлению от северо-запада к юго-востоку. Некоторые из них, однако, имеют до 30 и более метров высоты и тянутся в форме правильного полумесяца: с каждой стороны рога, более подвижные, выступают вперед за черту туловища дюны². Соседство пустыни возмещается в оазисах и даже у подножия передних гор Куэнь-луня и Памира чрезвычайно мелкими частицами пыли, которые носятся в воздухе, закрывая синеву неба. Солнце бывает явственно видимо только несколько часов спустя после восхода, а иной раз, когда дует восточный ветер, дневное светило остается целый день скрытым в густой мгле; во внутренности домов приходится тогда прибегать к искусственному свету среди белого дня. В продолжение своего полуторамесячного пребывания в земле Яркенд, английский путешественник д-р Гендерсон ни одного раза не мог видеть большие горы сквозь туман тонкой пыли, носившейся в пространстве; часто даже ему невозможно было разглядеть соседних холмов и составить себе, приблизительно понятие об общем рельефе страны³. Сколько губителен песок, когда он несется бурным ветром на возделанные поля, столько же плодотворна пыль, когда она падает в состоянии едва осязаемого порошка. Это самое лучшее удобрение для плодородных равнин Хотана и восточного Туркестана, оно заменяет там всякие искусственные туки. Туземные жители приписывают, вероятно, совершенно справедливо, свои обильные урожаи этому благодетельному песку пустыни⁴.

Не все пустыни китайского Туркестана покрыты дюнами: песчаные горки занимают в особенности южную и юго-западную часть, куда их оттеснили северные ветры⁵. Между пустынями встречаются настоящие степи, подобные степям Аральского бассейна, желтые и красноватые земли, следующие одна за другой в виде длинных волнообразных возвышений и понижений, как волны моря, образующиеся от действия правильного ветра. Белые скалы, стертые песками, кажутся издали какими-то развалинами зданий; блестящие на солнце пласты соли занимают высохшее дно бывших озер. У подошвы гор Куэнь-луня на обширных пустынных пространствах почва сплошь состоит из одного только булыжника. За двенадцать или тринадцать столетий до нашего времени, в ту эпоху, когда через эти страны пролегали торговые пути, ныне оставленные, жители ближайших к дороге деревень учили купцов караванов искусству делать обувь из дерева для лошадей и обертывать ноги верблюдов в бычью кожу, для того, чтобы животным легче было идти по скользким камням⁶. Древние китайские летописи с ужасом говорят об этих «каменных полях» и «песчаных реках». В пустыне, которая простирается на восток от Лоб-нора, по словам летописцев, летают злые гении и крылатые драконы сидят там в своих логовищах. Кости погибших людей и животных служат единственными указателями дороги, по которой должен следовать караван. Пески обла-

1 Johnson, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XXXIX, 1869.

2 Bellew;—Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XLVII, 1877.

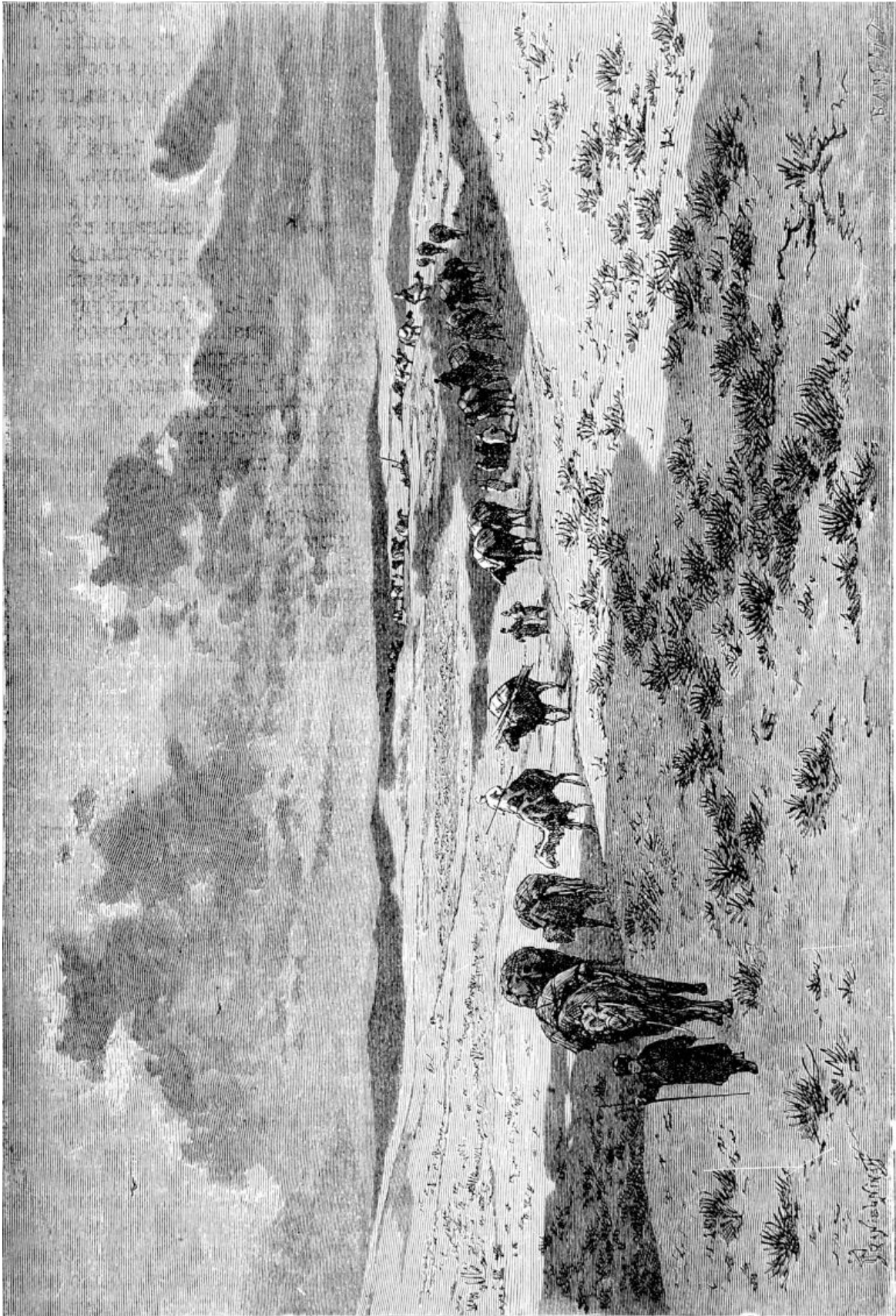
3 То же подтверждают Грум-Гржимайло и др. новейшие путешественники.

4 Forsyth;—Johnson;—Richthofen.

5 Куропаткин, „Кашгария“.

6 Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan“.

дают голосом, чтобы потешаться над злополучным путником, или чтобы напугать его: то они «поют», то грохочут как гром, то испускают пронзительный свист, но испуганный путник тщетно оборачивается во все стороны, чтобы узнать, откуда исходят эти странные звуки¹.

Видъ въ степи Гоби.

Без сомнения, можно думать, что эти рассказы имеют свое происхождение в расстроенном воображении путешественников, мучимых жаром и лихорадкой: но очень может быть также,

1 Н. Yule, „The Book of ser Marco Polo”.

что дюны Китайского Туркестана издают ту «музыку» песков, о которой говорят исследователи Синая, горных стран Афганистана, Аравии, Перу и многие натуралисты, производившие наблюдения на песчаных берегах моря¹; путешественник Ленц, отправляясь в Томбукту, тоже слышал подобный голос сильно нагретых солнцем песков.

Известно достоверно, что во времена могущества Хотанского царства пески еще не занимали того обширного пространства, которое они покрывают в наши дни. Однако, даже и в ту эпоху пустыня очень близко подступала к культурным пространствам. Летописи повествуют, что однажды большая река, текущая к северо-западу, на западе от города Хотана, совершенно высохла, и что один важный сановник государства, Курций своего племени, должен был принести себя в жертву дракону реки, для того, чтобы доставить народу счастье снова увидеть текущей ту животворную волну, которая орошала его поля и давала ему обильный урожай плодов земных. Но, на северо-востоке от Хотана, обитатели одного города, называвшегося Хо-лао-ло-цзя, не удостоились такой же милости от богов: они отвергли небесного посланника и за то были осуждены погибнуть под песчаным дождем. Весь город был погребен под сугробами песку, и теперь Хо-лао-ло-цзя есть не более, как куча пыли, вздымаемой и кружимой ветром. Все попытки раскопок, сделанные под этой дюной, с целью достать драгоценные предметы, были безуспешны: каждый раз, рассказывают туземцы, яростный ветер, поднимая целые облака пыли, скрывал дорогу для того, чтобы рабочие заблудились. В другом месте, по преданию, передаваемому Джексон², триста шестьдесят городов были засыпаны в один день песками пустыни Такла-макан. Пастухи знают, говорят, местоположение этих поглощенных землей городов, но никому не показывают его, из опасения, чтобы не пришлось делиться с другими золотыми монетами и драгоценными вещами, собираемыми под развалинами. Джонсону удалось посетить только один разрушенный город, лежащий в непосредственном соседстве с Хотаном, и где от времени до времени находят плитки кирпичного чая, составляющего предмет довольно значительной торговли; кроме того, там часто находят монеты греческие и византийские, а также золотые украшения, похожие на те, какие носят еще в наши дни женщины в Индостане³. Между развалинами другого города, лежащего близ Кэрии, отыскивали изображения Будды и глиняную статуэтку, представляющую обезьяну Ганумана. Нужно заметить, что китайский Туркестан есть одна из тех стран земного шара, где развалины сохраняются чрезвычайно долго. Благодаря почти совершенному отсутствию дождей, сухости воздуха, редкости снега, который выпадает там не более одного или двух раз во всю зиму, городские стены, построенные из высушенного на солнце кирпича, являются теперь еще в том самом виде, в каком они были восемьсот лет тому назад, на другой день после того, как их разрушили³. Пески тоже отлично сохраняют здания, которые они засыпали, и когда дюна, перемещаясь, открывает какое-нибудь старинное строение, это строение оказывается совершенно таким же, каким оно было погребено под массой сыпучих песков, так что прежние его обитатели, если бы они были живы, без труда могли бы снова поселиться в нем.

Понятно, что, при таком сухом климате, растительность в Китайском Туркестане представлена весьма небольшим числом видов. Нигде бесконечная, однообразная равнина не представляет цветущих лугов или степей: камыши, высокие травы по берегам речек, кое-какие кустарники, как джида (*elaeagnus*), род дикой маслины, тамариск или гребенщик, наконеч, тополь, самые высокие экземпляры которого достигают от 8 до 11 метров вышины—вот главные представители дикой флоры в бассейне Тарима. Тополи растут по преимуществу в соседстве текущих вод: глядя на эти деревья, можно вообразить себя перенесенным на плоскогорья Утахского «Великого бассейна», в Северной Америке, где тоже увидишь, в сырых

1 Abel Remusat, цитированное сочинение;—Гиуень-Тсанг;—Марко Поло;—Карл Риттер, „Die Erdkunde von Asien“.

2 Johnson, „Journal of the Geographical Society of London“, 1869;—Forsyth, тот же сборник за 1877 г.

3 Forsyth,—Bellew, — „Kashmir and Kashgar“;—„Journal of the Geographical Society“, 1877.

лощинах, небольшие группы тополей или *cottwood*¹. Кашгарский тополь (*populus diversifolia*), известный в крае под именем тугрук или туграк,—странное на вид дерево, искривленное, малорослое, почти всегда пустое в середине, дулистое и представляющее, как показывает его латинское название, величайшее разнообразие в форме и размерах своих листьев. Под этими редко рассеянными деревьями почва голая, серая от слоя пыли или белая от налета соли; даже растительные соки приобретают соленый вкус, и иногда трещины на деревьях бывают окружены кристалликами соли². Когда дерево падает от дряхлости или поваленное бурей, оно не гниет; ствол его лежит на земле невредимым до тех пор, пока его не засыплет песок, а опавшие и засохшие листья смешиваются с соленой пылью. В пустыне тамариски и другие редкие кустарники растут по большей части на маленьких горках, постепенно образовавшихся, благодаря сети переплетающихся корней, которые задерживают песок, тогда как ветер уносит его с окружающих пространств; на остатках умершего дерева вырастают новые побеги, и мало-по-малу горка обращается в кучу корней, которые туземцы рубят для отопления своих домов³.

Благодаря искусственному орошению, садовники и земледельцы Китайского Туркестана развели вокруг своих жилищ целую флору культурных видов, относительно гораздо более богатую, чем флора диких растений. Селения окружены тенистыми группами орешника; в каждом саду стран Хотана и Яркенда встретишь ряды тутовых деревьев. Яблони, груши, персиковые, абрикосовые, масличные деревья, виноград переплетаются своими ветвями в фруктовых садах и дают превосходные плоды. На деревьях повисли тыквы, разнообразные по форме и величине и пригодные для всякого употребления, какое захочет дать им садовник; дыни тесно скучены на земле, рядом с коноплей, хлопчатником или зерновыми хлебами, рисом, маисом, просом, ячменем или пшеницей. Города и деревни совершенно исчезают, утопают в сплошной зелени: улицы убраны трельяжем, на котором обвиваются виноградные ветки и лианы, ниспадая на прохожих кистями листьев, цветов и плодов; террасы низких домов украшены цветущими душистыми растениями, а цветники блистают пышными розами. Даже тополи, растущие в этих оазисах, резко отличаются от тополей естественных лесов: некоторые из них достигают исполинского роста, и стволы их имеют до 3 метров в окружности⁴. Путешественнику, который только что вырвался из страшной, безжизненной и удручительно знойной пустыни кажется, что перед ним вдруг открылся земной рай, когда он вступает в тенистые аллеи благоухающих садов.

На берегах Тарима и его притоков дикий животный мир также беден видами, как и растительное царство. За исключением кабанов и зайцев, другие четвероногим редки в этой области; однако, тигр, пантера, рысь, волк, лисица, речная выдра встречаются в чашах, окаймляющих реки, тогда как олень и антилопа живут на более открытых местах. Ни один из попадающихся здесь видов млекопитающих не принадлежит исключительно этой области центральной Азии; все встречаются в долинах Небесных гор. Птицы тоже сравнительно редки; Пржевальский насчитывал их только 48 видов, из которых лишь два вида свойственных стране. Дважды в год болота Лоб-нора дают убежище «миллионам» птиц, совершающим свои обычные перелеты. Зимой фауна озера очень бедна; но, начиная с февраля месяца, усталые птицы целыми тучами садятся отдыхать на льду и между камышами. Осенью те же самые стаи, заключающие около тридцати различных видов, снова прилетают: на пути из Индии в Сибирь и обратно Лоб-нор служить промежуточной станцией для крылатых путешественников. Если бы перелетные птицы не встречали по дороге этого оазиса зелени между пустынными равнинами и горами, они, может быть, не могли бы предпринимать такого длинного странствования в несколько тысяч верст⁵; впрочем, и теперь это путешествие, ка-

1 F. von Richthofen, „China“.

2 Пржевальский, „От Кульджи до Лоб-нора“.

3 Куропаткин, „Кашгария“;—Пржевальский, цитированное сочинение.

4 Henderson, „From Lahore to Yarkand“.

5 Пржевальский, „От Кульджи до Лоб-нора“.

жется, сильно утомляет их, судя по тому, что во все время своего пребывания на берегах Лоб-нора они остаются без голоса: мрачное безмолвие царствует среди этих несметных полчищ пернатого люда, столь шумного в других случаях. Замечательно, что все стаи перелетных птиц прилетают с запада-юго-запада, а не прямо с юга: очевидно, они не отваживаются перелетать через плоскогорья Тибета и делают большой крюк в западном направлении, чтобы перевалить за Гималай и Кара-корум в том месте, где хребет имеет наименьшую ширину, и затем следовать от Хотана к Лоб-нору вдоль северной подошвы Куэнь-луня. На обратном пути из Сибири и из долин Алтайских гор они придерживаются той же дороги.

В соседстве Лоб-нора Пржевальский встретил дикого верблюда, то животное, существование которого казалось сомнительным большинству натуралистов, хотя китайские летописи постоянно упоминали о нем, и хотя туземные жители Китайского Туркестана и Монголии рассказывали о нем всем путешественникам¹. В настоящее время дикие верблюды встречаются преимущественно на востоке от Лоб-нора, в песчаных пустынях Кум-таг; их можно увидеть также, но редко, в соседстве нижнего Тарима и Черчен-дарьи; наконец, они населяют высоты Алтын-тага, в сообществе диких яков и ослов. Очень многочисленные лет двадцать тому назад, они сделались гораздо реже с тех пор, как охотники с Лоб-нора стали преследовать их даже в пределах пустыни. Впрочем это животное замечательно умное и осторожное: под ветром оно чует человека на расстоянии нескольких верст, и когда видит, что за ним гонятся охотники, когда слышит ружейные выстрелы, оно убегает по прямой линии в течение целых часов. Некоторые анатомические особенности отличают дикого верблюда от домашнего животного той же породы; кроме того, эти две разновидности различаются оттенком шерсти и размерами: все дикие верблюды малорослы в сравнении с некоторыми из гигантских животных, которых видишь в караванах. Как нужно классифицировать верблюдов, открытых полковником Пржевальским? Принадлежат ли они к породе, оставшейся в диком состоянии, или не следует ли видеть в них потомков убежавших от человека животных, вернувшихся к своей прежней вольной жизни, как это было, некогда, например, с лошадьми в Камарге и с быками на Фалклендских островах! Пржевальский считает их истинными представителями первобытной расы². Именно в бассейне Лоб-нора жители не держат домашних верблюдов. Эти животные встречаются только, да и то не в большом числе, в других частях китайского Туркестана, в цепи оазисов, которая тянется от Хотана до Хами через Яркенд и Кашгар.

Почти все перевозки кладей производятся с помощью лошадей крупной породы, ввезенных из Ферганского края; что касается маленьких лошадок, сильных, неразборчивых на корм, выносливых и послушных, которые служат верховыми животными, то они происходят по большей части из южных долин Небесных гор, особенно из округа Ак-су. Яки не могли бы жить в равнине, по крайней мере летом, по причине слишком сильной жары: их приводят в города Китайского Туркестана только как бойный скот. Что касается овец и коз, которых пасут киргизские пастухи на склонах Памира и Тянь-шаня, то они принадлежат к тем же породам, как тибетские овцы и козы и также дают замечательно тонкую нежную шерсть: по словам английского путешественника Шау, «лучшая в свете шерсть» получается не из Тибета, а из Турфана.

Населения Китайского Туркестана, очевидно, принадлежит к смешанной расе. Древние географические названия и факты, передаваемые в китайских летописях о Хотанском царстве, со времени обращения его в буддийскую веру, позволяют думать, что, по крайней мере, часть жителей этого края происходит от народов «арийского» языка, как афганцы и персияне на противоположной покатости горного узла Гинду-куш. Легендарные герои страны, те, которых туземцы считают основателями их национальной славы и выразителями их народного гения, суть именно герои «арийские», Рустан и Афрасяб. Скалы, ущелья, пропасти, все

1 Karl Ritter, „Die Erdkunde von Asien“.

2 „От Кульджи до Лоб-нора“.

чудеса природы приписываются какому-нибудь славному подвигу этих мифических богатырей: это Карлы Великие и Роланды центральной Азии, и даже, в легендах Китайского Туркестана, имя их повторяется чаще, чем имя Александра Македонского¹, — «Хазрет Сикандер или святой Александр», — о котором рассказывается, что будто бы он завоевал Китай «с целью распространить там магометанскую веру»². В настоящее время единственные племена Китайского Туркестана, которые неоспоримо остались родственными персидским населением, галчи, единоплеменники тех, которые обитают в нагорных долинах, впадающих в долину Аму-дарьи. Подобно другим галчам, живущим в русском и бухарском Туркестане, это красивые люди, с благородным лицом и стройным станом, простые и прямодушные, свято хранящие свои предания и в особенности почитание огня и солнца. Несмотря на то, что они рассеяны небольшими группами среди киргизов, они, галчи, еще не перестали употреблять свою родную речь: до сих пор еще говорят персидским языком в верхней долине Саракола, одного из притоков Яркенд-дарьи³, на расстоянии слишком 1.200 километров от границы Ирана; но малочисленный арийский народ этой возвышенной долины недавно чуть было не исчез с лица земли по милости Якуб-бека, который насильно заставлял его переселяться в Кашгарскую равнину⁴. Даже между «тюрьками» равнины, особенно у подножия гор Санджу, около юго-западного угла русского Туркестана, встречается много лиц, напоминающих тип, который принято обозначать названием арийского. Путешественники, посетившие Яркенд, наблюдая на улицах многочисленных прохожих, пришли к тому заключению, что жители этого края ничем не отличаются от англичан, ни в отношении правильности черт лица, ни в отношении румяной белизны кожи⁵. Шау находит, что яркендцы походят скорее на американцев по угловатым формам лица. У мужчин большие окладистые бороды, тогда как у людей чистых тюркских рас подбородок всегда скудно обростает волосами.

Подобно тому, как в широком заливе вращаются и сталкиваются морские течения, народы различных рас и племен, приведенные одни торговлей, другие войной, или как беглецы, или как завоеватели, перемешались до бесконечности в этой обширной равнине, которую окружают в виде исполинского полукруга три высочайших в свете плоскогорья. Персияне, арабы и тибетцы, киргизы и калмыки, монголы и турки всех племен, индусы и китайцы, все представлены посредством своих помесей у сартов или таджиков восточного Туркестана. Даже в моменты больших побоищ, когда жители целых городов истребляются поголовно, как это было, например, в 1863 году, во время изгнания китайцев, и в 1877 и 1878 годах, при обратном завоевании края «храбрым и непобедимым воинством» Сына Неба, неприязненные чувства между угнетателями и угнетенными только, повидимому, совпадают с племенной ненавистью. Как ни сильно было, несколько лет тому назад, отвращение кашгарцев к имени и ко всему китайскому, тем не менее и тогда можно было заметить на улицах множество индивидуумов, которые чертами лица и формой бороды совершенно походили на желтолицых «сынов Срединного Царства»⁶. Единственные ясно обозначенные контрасты, замечаемые в населении Китайского Туркестана, — это те, которые производит не раса, а климат, образ жизни, род занятий. Земледельцы равнины, каково бы ни было их племенное происхождение, и пастухи горных пастбищ, киргизы, кара-киргизы (черные киргизы) или калмыки, — таковы два главные, истинно различные класса общества в этой стране. Из среды этих киргизов выходят главным образом так называемые дуланы, разбойники, живущие в пещерах и в развалинах бывших крепостей, в окрестностях оазисов⁷.

В области культурных земель обитатели обозначают сами себя и друг друга не каким-

1 Forsyth, „Kashmir and Kashgar“.

2 Shaw, „Visit to High Tartary, Yarkand and Kashgar“.

3 Gordon, „The Roof of the World“.

4 Shaw, „Visit to High Tartary, Yarkand and Kashgar“.

5 Henderson, „From Lahore to Yarkand“.

6 Гендерсон, цитированное сочинение.

7 Шау, цитированное сочинение.

либо этнографическим, племенным или народным наименованием, а именем города, откуда кто родом: они называют себя хотанцами, яркендцами, кашгарцами, турфанцами, таримцами, смотря по месту жительства; тем не менее, у них есть некоторого рода коллективный патриотизм, происходящий от одинаковости нравов, домашнего быта и политических условий; если они позволили китайцам вернуться в край, говорит Регель, то причину этого следует искать, главным образом, в иноземном происхождении Якуб-бека, который окружал себя западными сартами, и которого «сердце всегда было в Маргелане». По направлению от юго-запада к северо-востоку, от подошвы хребта Кара-корум до подножия восточного Тянь-шаня, замечается постепенный переход в наружности жителей: с одной стороны преобладают арийские черты лица; с другой, монгольские физиономии сравнительно более многочисленны. Но нельзя сказать, чтобы все эти смешения рас и племен произвели нацию, замечательную красотой типа. Большинство прибрежных жителей Тарима и его притоков имеют грубую, невзрачную физиономию. Зоб сильно распространен как в области равнины, так и на окружающих плоскогорьях: из трех жителей Яркенда один наверно зобатый¹. В этой стране постоянных ветров, ослепительного света и едкой пыли глазные болезни тоже очень многочисленны.

Язык населения края мало чем отличается от тюркского наречия, которым говорят в Ташкенте, и переселенцы из русского Туркестана бегло владеют им после нескольких недель пребывания; единственные различия между тем и другим происходят от употребления яркендцами искаженных китайских слов, и некоторых татарских выражений, которые, по какой-то странной лингвистической игре случая, свидетельствующей о прежних торговых сношениях, передались из Оренбурга в бассейн Тарима, не оставив никаких следов в промежуточных областях Сыр-дарьи и Аму-дарьи². Во всем китайском Туркестане теперь употребляется один и тот же диалект: процесс объединения, действующий в отношении рас, проявляется также и в отношении языка. Впрочем, язык этой страны не приобрел еще литературного значения: он не имеет ни стихотворцев, ни прозаиков, и книги составляют чрезвычайную редкость во всем крае.

Большая часть чужеземцев, поселяющихся в городах области Тянь-шань-нань-лу, приходят из Ферганской долины и известны обыкновенно под именем андиджанцев: это общее название объясняется тем, что пути всех переселенцев из Кокана сходятся в древней столице Андиджан. Индусы встречаются только на базарах главнейших городов, но выходцы из Кашмира довольно многочисленны, а колонии тибетцев из Балтистана занимают в окрестностях Яркенда возделыванием табаку и дынь. Недавно евреи были почти неизвестны в крае, так как Якуб-бек, «охранитель веры», как эмир бухарский, воспретил им вход в свое царство; но с тех пор, как китайцы снова овладели этой территорией, многочисленные еврейские семейства из русского Туркестана переселились на восточный склон Памира³. Ревностные мусульмане, жители Китайского Туркестана принимают не особенно дружелюбно иностранцев, исповедающих другую религию. В правление Якуба закон для иностранцев, особенно для китайцев, был таков: «или обращение в ислам или смерть»; одни только калмыки, религия которых, впрочем, не имеет ничего определенного и многими своими чертами сливается со всеми суевериями соседних народов, могли сохранить своих фетишей. Обитатели Кашгарии обнаруживают глубокое отвращение к христианам католикам или православным, которые помещают образа или статуи в своих церквах, тогда как на протестантов, таких же иконоборцев, как и они сами, они смотрят как на магометан низшего порядка, пренебрегающих, правда, исполнением обрядов, но тем не менее принадлежащих к великой семье ислама⁴. Усердие яркендцев в деле веры так велико, что они совершают свои религиозные церемонии среди пустыни так же неукоснительно, как и в городах. Вдоль часто посе-

1 Марко Поло;—Гендерсон, цитированное сочинение.

2 Куропаткин, цитированное сочинение.

3 „Revue de Geographie“, nov. 1878.

4 Henderson, „From Lahore to Yarkand“.

щаемых дорог, маленькие четырехугольные площадки, огороженные рядами камней, служат священными местами, почитаемыми наравне с мечетями, и перед этими камнями становятся на колени все прохожие, употребляя для совершения обязательных омовений песок вместо

Видъ китайской стѣны.

воды. Несмотря на то, нравы этих людей, столь строгих блюстителей обрядов, сильно развращены, и тысячи из них приходят в чисто скотское состояние от употребления опиума или гашиша, смеси экстракта конопли и табаку, которая производит страшное опьянение. Слу-

чаи кражи и воровства, — кроме надувательства, которое позволяют себе купцы в своих операциях, — очень редки в этом крае. Когда торговцы, идущие караваном, потеряют одно из своих выючных животных, они спокойно оставляют кладь возле дороги, не опасаясь чтобы какой-нибудь прохожий завладел их вещами, и по возвращении опять забирают товар. Во время Якуб-бека процедура в отношении воров была очень простая и короткая: в первый раз им давали простое предостережение; в случае повторения преступления, их подвергали палочным ударам; третья кража наказывалась потерей пальцев на обеих руках; за четвертую виновный платился головой.

Китайский Туркестан — страна бедная, хотя Шау находит, что она стоит гораздо выше Индии по степени благосостояния жителей. Дома сделаны из глины и даже не побелены снаружи известкой; пыль, проникающая повсюду, покрывает слоями грубую мебель. Только в больших городах можно увидеть кое-какие остатки зданий, украшенных лакированными изразцами и арабесками, напоминающие памятники Самарканда и Бухары. Промышленность, как кажется, сделала шаг назад, судя по надписям на китайских памятниках и по раскопкам, которые выводят на свет Божий из недр домов, погребенных под песками, много изделий изящных или драгоценных, каких не встретишь более в ныне обитаемых жилищах¹. Произведения местной промышленности не представляют по большей части ничего замечательного: здесь выделывают главным образом ткани шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные ковры, обувь, конскую сбрую; хотя страна обладает рудными месторождениями в изобилии, она должна ввозить из-за границы большую часть изделий из меди и железа, равно как все материи хорошего качества. В настоящее время наибольшее количество товаров и различных продуктов, получаемых жителями Китайского Туркестана, доставляет Россия, через посредство Ферганской области; товары, привозимые из Индостана, представляют гораздо меньшую ценность. Причина этой разницы должна быть приписана, главным образом, рельефу почвы и этнографическим условиям. В то время, как на севере караванам, идущим из России, нужно, на всем пути от Кашгара до Андиждана, сделать только один перевал через горы, дорога от Яркенд-дарьи к равнинам Инда протекает через широкие плоскогорья на пространстве более 400 километров и проходит через несколько горных хребтов, поднимающихся слишком на 5.000 метров над уровнем моря. Кроме того, обитатели обоих Туркестанов, русского и китайского, андижданцы и кашгарцы, говорят одним и тем же языком, исповедуют одну и ту же веру, имеют одни и те же нравы и обычаи; они соплеменники и смотрят с отвращением на своих южных соседей, на нечистого индуса или на грубого тибетца. Долгое время торговля Индии с восточным Туркестаном оставалась почти запрещенной благодаря значительным пошлинам, которые взимал кашмирский магараджа с каждого выючного животного. Настоятельные требования английского правительства заставили, наконец, изменить тариф, и отныне кашмирской таможней установлена однообразная вывозная пошлина, в размере 5 процентов со стоимости товара.

Между Карашарским озером и истоками реки Кашгар-дарьи Куропаткин насчитывает тринадцать горных проходов, которыми пользуются торговые караваны при движении через Тянь-шань и его западное продолжение, цепь Алай. Все эти горные дороги, — без сомнения, не единственные, известные туземцам, — доступны в летнее время верховым и выючным животным, и даже, повидимому, легко было бы преобразовать в колесную дорогу, по крайней мере, одну из этих тропинок, именно ту, которая из Кашгара ведет к русскому укреплению Нарын через перевал Туруг (3.500 метров) и хребет Теректы (3.840 метров)². Однако, караваны пользуются только одною из этих дорог в продолжение всего года: это знаменитый Терек-даван или «Тополевый хребет» (высота 3.140 метров), тот самый перевал, которым проходили, с первых времен истории, большинство среднеазиатских завоевателей. Иногда, в середине зимы, снег на этом перевале бывает так глубок, что караваны не отваживаются пускаться в путь без проводника. В этих случаях нужно прибегать к помощи сартларов, одного

1 Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London“, 1877.

2 Каульбарс, — Рейнталь; — Остен-Сакен.

из кара-киргизских племен, которое живет в соседстве перевала и занимается перевозкой кладей с одного склона на другой; эти туземцы обзавелись тибетскими яками, которых они нарочно гоняют по хребту, чтобы протоптать снег и таким образом приготовить тропинку для лошадей каравана¹. Когда железная дорога проникнет из русских владений в бассейн Тарима, она пройдет, вероятно, из Ферганской долины в Кашгарские равнины через порог Терек-давана, Суока или какого-нибудь соседнего пролома, ибо здесь именно две низменности центральной Азии всего более сближаются и естественные пути всего удобнее продолжают с той и с другой стороны гор, образуя большую дорогу, идущую поперек континента, с берегов Волги до берегов Желтой реки. Но пока, в этом Таримском крае, не может быть еще и речи о железных дорогах: теперь даже тот кругообразный путь, который следует вдоль подошвы горных цепей, от Хотана до Хами, и огибает пески, переходя из оазиса в оазис, только в соседстве городов принимает вид настоящей большой дороги. Около Яркенда, там, где путь всего лучше содержится, эта дорога — шириною около 10 метров, вытоптанная прохожими до глубины более одного метра ниже уровня окружающей почвы; телеги, запряженные тройкой лошадей в ряд, быстро проезжают по ней. В других местах это не более, как неопределенный след, покрытый песком.

Кольцо оазисов, окружающее всю низменность Тарима, начинается у подошвы горных цепей центрального Куэнь-луня, городом, которого, может быть до Пржевальского, не видел ни один европеец со времен Марко Поло и Бенедикта де-Гоэс: это город Черчен (Чарчан, Чарчанд, Чачан), самое положение которого долгое время определялось лишь приблизительно, по числу дневных переходов, отделяющих его от Хотана, от Корлы, от некоторых городов Тибета². Слишком мало доступный, чтобы мог быть покорен хотанцами или китайцами, этот населенный пункт расположен на реке того же имени, спускающейся к озеру Лобнор, на высоте около 1.800 метров, судя по тому, что в окрестностях возделывают пшеницу и кукурузу, но не рис и хлопчатник, как в Яркендском крае. Это маленький городок, состоящий из 600 домов, как говорили туземцы Джонсону, или даже всего только из 30, по рассказам, слышанным полковником Пржевальским.

К западу от Черчена, другие города, Ния, Кэрия, Чира и многочисленные селения следуют одно за другим у подошвы Куэнь-луня, повсюду, где бегущие с гор ручьи приносят достаточно воды для орошения садов. Здесь, на берегу одной значительной реки, основался главный город округа и некогда столица отдельного царства, Ильчи, называемый также Хотан, как и вся страна. Город Хотан один из тех, имя которых всего чаще повторяется у арабских и персидских писателей, благодаря водящимся в окрестных горах ланям, доставляющим тот драгоценный мускус, который восточные поэты так любят восхвалять, в своих цветистых сравнениях, за его душистый запах и прекрасный черный цвет³. В Китае этот город приобрел не менее громкую славу под именем Ю-тянь (небесный нефрит), по причине собираемого в его реках камня ю или нефрита, который в старину считали обладающим особенными волшебными свойствами. Одно из китайских названий этого камня — «Глубокая истина», титул, который, очевидно, относится к сокровенным качествам, приписываемым нефриту. Священная книга обрядов и церемоний сравнивает мудреца с камнем ю: «Умеренный, ровный блеск ю — это человеколюбие; его совершенная твердость — это знание или благоразумие; его углы, которых ничто не в состоянии притупить, представляют справедливость; повешенный, он изображает учтивость; при ударе, он издает частый звук, который продолжается с невыразимой гармонией, и который выражает радость; блеск его, когда он без недостатков и без пятен, — это правда, прямота; точное соотношение его граней, — это верность; вещество его то же самое, как и вещество радуги». Этот чудесный камень есть один из тех, которые древними причислялись к яшмам; Марко Поло, говоря о камне ю, дает его разновидности

1 Куропаткин, цитированное сочинение.

2 Johnson, „Journal of the Geographical Society“, 1867;—Yule, „The Book of ser Marco Polo“;—Forsyth, „Journal of the Geographical Society“, 1877.

3 Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan“.

названия яшмы и халцедона. Вероятно, что прекрасные топоры из нефрита, находимые в могилах каменного века не только в Азии, но также во всех странах Европы, высоко ценились не единственно за острое лезвие, мелкозернистое строение, блеск полировки; в них, без сомнения, искали вместе с тем таинственных свойств, которые древние греки воспевали впоследствии в своем бронзовом оружии, а средневековые паладины в своих стальных мечах, исследователи еще не открыли в Европе гор, которые бы содержали в себе нефриты, подобные изделиям из этого камня, находимым в древних могилах и в остатках озерных городов, и потому археологи, естественно, должны обращать взоры к горным массивам центральной Азии, чтобы искать там место происхождения нефритовых топоров, которые употребляли наши до-исторические предки. Китайские документы действительно указывают различные горы Тянь-шаня, Цзун-лина, Куэнь-луня, как доставляющие камень *ю*: эта горная порода находится также в верхней Бирме, но Куэнь-лунь заключает самые значительные массы её, и выходящие из этой цепи потоки катят в своих водах самые крупные и наиболее многочисленные куски нефрита¹. Что касается самой драгоценной разновидности, белого нефрита, то он существует только в стране Хотан, и отсюда-то, по всей вероятности, он распространялся от племени к племени, от народа к народу, и находил дорогу к оконечностям континента². В этом отношении можно сказать, что Хотан был истинным центром для весьма важного предмета торговли. В эпоху процветания Хотанского царства сбор нефрита, который производился после каждого большого разлива рек и ручьев, был открываем лично самим ханом, как религиозная церемония: самые лучшие гальки собирались на его глазах для государственной казны. Кроме того, китайцы непосредственно ломают нефрит в горах Хотана. Близ Балакши, там, где река Кара-каш готовится вступить в горное ущелье, скала носит следы обширной нефритовой ломки, которую китайцы разрабатывали до той эпохи, когда край подпал под власть Якуб-бека: куски нефрита рассеяны повсюду в окрестностях этой каменоломни³.

Название Хотан, которое производят от слова Кустана, означает по-санскритски «Сосок Земли» и дано, может быть, по причине богатства этой страны всякого рода земными плодами: действительно, одна старинная легенда говорит о молоке, бьющем ключом из земли для того, чтобы кормить божественного младенца. В начале нашего летосчисления Хотан был значительным городом и столицей могущественного царства: по словам китайских летописей, в царствование династии Хань, он имел около 85.000 жителей и гарнизон из 30.000 солдат. Все население приняло учение Будды, которое, по сказанию летописей, «сделало его счастливым»; но страна быстро подпала под власть жрецов, образовавших определенную иерархию, как в нынешнем Тибете. В главном монастыре, построенном в расстоянии 25 верст от города, община состояла из трех тысяч монашествующих; в других частях равнины существовало тринадцать больших ламайских обителей, населенных несметным множеством монахов, а маленьким монастырям и кумирням, как говорят, не было счету. Во время религиозных процессий, которые совершались из столицы в окрестные кумирни, царь шел босыми ногами впереди изображения Будды и представлялся верховному жрецу с непокрытой головой и держа в руке благовония и цветы. Впрочем, все обитатели края были чрезвычайно почтительны в отношении друг друга: при встрече знакомые становились один перед другим на колени, и это коленопреклонение было обыкновенной формой приветствия; тот, кто получал письмо, прежде чем открыть его, клал послание себе на голову в знак покорности в отношении своего корреспондента.

Завоевание страны китайцами⁴, затем монгольские нашествия были причиной того, что Хотан пришел в упадок и утратил свою торговую важность; но он не обратился в безлюдную пустыню, подобно многим другим городам этого края, или, если был вынужден перейти на

1 Stoliczka;—F. von Richthofen, „Verhandlungen der Gesellschaft zur Erdkunde“, 1874, №№ 6 и 7.

2 H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“;—Fischer, „Allgemeine Zeitung“, 2 Februar 1881.

3 Cayley, „Macmillan's Magazine“, oct. 1871;—Forsyth, „From Leh to Yarkand“.

4 Григорьев, „Дополнение к Землеведению Азии, Карла Риттера“.

другое место, то единственно, чтобы избавиться от грозившей ему опасности быть засыпанным песками. В 1863 году население его первое подняло знамя бунта против китайцев, и в городе имели место кровавые побоища; однако, когда Джонсон посетил Хотан, два года спустя, он показался ему «большим мануфактурным городом». Здесь выделяют медную посуду, шелковые материи, войлоки, шелковые и шерстяные ковры, грубые бумажные ткани, даже писчую бумагу, приготовляемую из волокон тутового дерева. Окружающая страна, которую Джонсон описывает как «стоящую гораздо выше Индии», производит преимущественно шелк и хлопок, а горы, поднимающиеся в южной её части, заключают в себе рудные месторождения большинства металлов, от золота до железа и сурьмы, а также пласты каменного угля и залежи соли, серы и селитры; но эксплуатируются только золотоносные жилы. Население города в 1885 году согласно указанию Громбчевского достигло до 20.000 душ. Джонсон говорит, что в окрестностях города Кэрия, на золотых рудниках заняты около 3.000 рабочих, а по сведениям, собранным Пржевальским, годовая добыча простирается до 860 килограммов чистого металла, приблизительная ценность которого около 2.750.000 франков. Благодаря этим минеральным богатствам и в особенности изобилию превосходных фруктов, которые производят сады, область Хотан относительно очень населена. По близости, на берегах двух нефритовых рек Урунг-каш и Кара-каш находим города того же имени; в одной из южных долин местечко Так тоже приобрело настолько важное значение, что может быть причислено к городам.

В юго-западном углу бассейна Тарима, оазис Санджу (Саньчжу), лежащий при речке, которая теряется в песках, состоит из многих деревень, беспорядочно раскинутых на пространстве нескольких верст, вдоль арыков или ирригационных каналов; Санджу более населен, чем многие города, так как, по словам Джонсона, он имеет около 7.000 домов. Килиан, на западе, Пиальма, на северо-востоке, Гума, на севере, Каргалык, Полам на северо-западе, также многолюдные оазисы или, лучше сказать, группы селений, которым иногда дают титул городов. Эта местность самая богатая часть бассейна Тарима, и здесь-то естественно должен был выстроиться самый значительный город страны, каким является знаменитый Яркенд, имеющий, по свидетельству некоторых писателей, более, чем стотысячное население; Громбчевский, Форсайт насчитывает только 60.000 жителей, из которых будто-бы около восьми с половиной тысяч иностранного происхождения (именно: переселенцев из Ферганской области—3.000, из Бадахшана—2.000, из Балтистана—2.000, из Кашмира—1.000, переселенцев-дунган—500 человек). Базар, где встретишь весь этот разноплеменный и разноязычный люд, расположен в центре города, который, благодаря кривым, извилистым улицам и каналам стоячей, гнилой воды, представляет обширный лабиринт. Широкая стена, обставленная по углам башнями с китайской крышей и увенчанная высоким эшафодажем виселицы, опоясывает город и дополняется на западе крепостью Янги-шар или «Новый город», которую построили китайцы, чтобы держать в повиновении беспокойных яркендцев. Почти в каждом городе Китайского Туркестана есть подобный Янги-шар, состоящий преимущественно из казарм и административных зданий.

Дорога, соединяющая Яркенд с второй столицей края, Кашгаром, приближается к подношью больших гор и проходит через город Янги-гисар или «Новый замок», в окрестностях которого находятся несколько небольших металлургических заводов, посещенных английским путешественником Шау. Пройдя последовательно через несколько речек и ручьев, которые теряются в песках, пропитанных солью, дорога приводит к «Новому городу», или Янги-гисару, который сторожит Кашгар, как другая цитадель того же имени, наблюдающая за Яркендом¹. Кашгар, расположенный в 8 километрах западнее своего Янги-шара, окружен толстой земляной стеной; в соседстве можно видеть кое-какие остатки древнего города, разрушенного, как говорят, Тамерланом. Кашгар не имеет того преимущества, каким пользуется Яркенд,—не находится в центре земледельческой области, отличающейся большим плодородием; но зато он занимает более выгодное положение с торговой точки зрения, так как он ко-

1 В Янги-гисаре Громбчевский насчитывает до 10.000 жителей.

мандует путем, который ведет в Ферганскую долину через порог Терек-даван; кроме того, в нем сходятся несколько других дорог, пересекающих Небесные Горы. Таким образом он является в одно и то же время важным складочным местом и первостепенным стратегическим

Маньчжурскій министръ и начальникъ знамени.

пунктом, и путешественник не удивляется, видя на окружающих холмах укрепления, воздвигнутые прежними властителями края: это город военный, родина героя Рустана, как гласит легенда. Некоторые из больших подгородных селений, особенно Ташбалык, Файзабад и

Артуш (последний славится своим мавзолеем, на поклонение которому приходят массы пилигримов), занимаются выделкой грубых холстов, которых ежегодно вывозят на сумму от 2 до 3 миллионов франков. На севере от Аргуша, горные ущелья, ведущие к русскому Туркестану, были укреплены во времена Якуб-бена, сильной цитаделью, называемой Таш-курбан или «Каменный пригорок», как множество других крепостей центральной Азии. Город Кашгар служить резиденцией дао-тая, который управляет округами Кашгарским, Яркендским, Хотанским и Янги-гисарским. Здесь открыто с 1882 года русское консульство. Население города, по словам Громбчевского, достигает 24.000 душ.

К востоку от Кашгара, город Марал-баши—тоже важная крепость, так как он занимает довольно выгодное положение, недалеко от слияния двух рек, Кашгар-дарьи и Яркенд-дарьи, и в месте соединения дорог, направляющихся к главным городам бассейна; несмотря на то, число жителей в нем очень не велико, и торговли нет почти никакой. Учъ-турфан, на северо-западе, тоже носит титул города, хотя в другом месте его бы считали бедной деревней; по словам г. Сунаргулова, в Учъ-турфане не более сотни домов, но крепость его заключает в себе гарнизон из 2.000 солдат, имеющей назначение наблюдать за дорогой, по которой караваны и путешественники проникают в долину Иссык-куля через Бадальский перевал (4.500 метров). Этот горный проход часто бывает в середине лета засыпан сугробами «желтого снега», цвет которого происходит, очевидно, от присутствия микроскопических организмов.

Самый важный город в Тянь-шань-нань-лу (Южная дорога Тянь-шаня), у южного основания Небесных гор,—Ак-су (Белая вода), крепость, расположенная у подошвы высокого берега, вдоль которого прежде протекала река Ак-су, русло которой ныне отодвинулось на 16 километров к западу. За Ак-су, все другие города Китайского Туркестана, Бай, Сайрам, Куча, Шахъяр, Бугур, Курля (Курла, Курлиа), Карашар, лежат вдаль от Тарима, который течет в 100 слишком километрах к югу от передовых гор Тянь-шаня, в открытой пустыне. Они выстроились, само-собой разумеется, при выходе долин, где прозрачные воды потоков легко могут быть проводимы в сады посредством ирригационных канавок (арыков). Впрочем, все эти города в действительности не более, как местечки, не представляющие важного значения ни в торговом, ни в промышленном отношении: единственные промыслы их жителей—это отправка шерсти, разведение и вывоз жирных кур и продажа «пантов» или рогов марала, высоко ценимых в Китае за их драгоценное студенистое вещество¹.

На нижнем Тариме и в бассейне озера Лоб-нор теперь нет ни одного города, но развалины древних городов встречаются во многих местах; полковник Пржевальский посетил три обширных груды обломков и мусора в соседстве Чархалыка, деревни, населенной ныне бедными изгнанниками. Остатки города Кок-нор затерялись среди камышей одной реки, в трех днях перехода к юго-западу от Лоб-нора: издалека видны его стены, возвышающиеся над лесом тростника. Пастухи ходят туда на поклонение кумирне, где восседает на троне божественное изображение, в натуральную величину и окрашенное в желтый цвет, вероятно, древняя статуя Будды. По рассказам туземцев, как самый идол, так и стены храма украшены жемчугом и драгоценными камнями, слитками золота и серебра; но никто не осмеливается тронуть эти драгоценности, из опасения быть тотчас же пораженным невидимой рукой². Нынешнее население этой местности, таримцы, в числе нескольких сотен семейств, живет в жалких лачужках, сплетенных из камыша; лодка да рыболовные снаряды составляют все его богатство. Умерших кладут в челнок, который покрывают другим челноком в опрокинутом положении, так что образуется нечто в роде гроба, и дают им на дорогу, чтобы они могли и на том свете заниматься своим излюбленным промыслом, рыбной ловлей, половину невода, другую половину которого родные хранят на память о покойнике. Впрочем, озеро доставляет в изобилии продовольствие жителям, и когда полковник Пржевальский посетил их, они упорно отказывались принять деньги, которые он им предлагал.

Давно уже ходил слух, что будто русские раскольники удалились в большом числе на бе-

1 Полковник Куропаткин, цитированное сочинение.

2 Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XLVII, 1877.

рега Тарима, и утверждали даже, что все население края состоит из этих переселенцев¹. Полковник Пржевальский во время своего путешествия убедился, что эта легенда лишена основания, так как таримцы, хотя у них совершенно «арийский» тип лица, походят на других сартов, обитающих в бассейне Тарима; но известно достоверно, что русские сектанты действительно приходили целой колонией в эту печальную страну, в надежде найти там чудодейственную «Белую воду», долженствующую смыть грехи с тех, кто погружается в нее, и сверх того обеспечить им все блага жизни. Первыми пришли молодые люди, чтобы выстроить жилища и приготовить поля для колонии. В следующем году прибыла главная масса переселенцев, с детьми, стариками и женщинами; но они скоро отчаялись найти на берегах Лоб-нора искомый рай и ушли обратно на север, к Урумчи. С той поры не слыхать было более об этих мистических пилигримах².

Китайский Туркестан, составляет часть провинции Гань-су-синь-цзянь, которая по управлению делится на округа и приставства, следующие, один за другим, начиная от юго-запада, в таком порядке: Хотан. Яркенд, Янги-гисар, Кашгар, Уч-турфан, Ак-су, Ань-си, Кэрия, Урумчи, Куча, Марал-баши, Кур-кара-усу, Карашар. Кроме того, Хами и Баркюль суть главные города второстепенных административных подразделений. Два областных воинских начальника, дао-тая, имеют пребывание в Ак-су и Кашгаре, из которых последний служит в то же время резиденцией главного начальника края или генерал-губернатора. Семь городов, между всеми городами страны, считаются как имеющие особенное достоинство, независимо от числа их жителей или от их административной роли. Хотан, Яркенд, Янги-гисар, Кашгар, Уч-турфан, Куча и Карашар составляют этот гептаполь или Семиградье.

Города и главные селения Китайского Туркестана, имеющие более 6.000 жителей, суть:

Яркенд—60.000 жит. (Форсайт и Громбчевский). Кашгар—24.000 (он же). Хотан—20.000 (он же). Санджу—35.000 (Джонсон). Ак-су—20.000 (Куропаткин). Кэрия—15.000 (Пржевальский). Янги-гисар—10.000; (Форсайт). Каргалык—10.000 (он же). Курля—6.000 жит. (Регель).

Лучшее описание Кашгарии принадлежит Певцову и Богдановичу, см. его Труды Тибетской экспедиции, кроме того сочинения Куропаткина и Петровского.

Глава IV Монголия.

I. Область озера Куку-нор

Гористая страна, пространством около 300.000 квадратных километров, которая простирается на северо-восток от Тибета, и которую часто причисляют к этой провинции, составляет в действительности область совершенно отличную от Бод-юла. В политическом отношении она зависит более от китайского императора, чем от далай-ламы, а по своей торговле она имеет гораздо более связей с китайской провинцией Гань-су, нежели с главной тибетской долиной, орошаемой рекою Цзанбо. Тройной вал горных хребтов отделяет на юге бассейны Куку-нора и Цайдама от населенных местностей Тибета, и естественная покатость страны наклонена к Гоби или Шамо и к территориям, по которым кочуют монголы. Однако, эта страна высоких плоскогорий, замкнутых бассейнов, трудно доступных гор не может быть рассматриваема как принадлежащая к той же естественной области, к которой принадлежат безлюдные пустыни Гоби или обитаемые равнины Гань-су: она должна быть изучаема

1 Григорьев, „Дополнение к Землеведению Азии, Карла Риттера“.

2 Пржевальский, „От Кульджи до Лоб-нора“.

отдельно, настолько по крайней мере, насколько это позволяет скудость относящихся к ней географических сведений.

На востоке от Лоб-нора горные цепи Алтын-тага и Чамен-тага прерываются широкой брешью, посредством которой Цайдамская низменность соединяется с равнинами Лоб-нора и нижнего Тарима: далее на восток другие хребты, принадлежащие также к системе Куэнь-луня, образуют передовые выступы Тибетского плоскогорья. Эти ряды гор представляют параллельные цепи, между которыми берут начало реки восточного Тибета: во-первых, Мур-усу, которая ниже называется Цзинь-ша-цзян и Ян-цзы-цзян, затем Лань-цян-цзян, принимающий в дальнейшем своем течении имя Меконга, и наконец, таинственный Нап-чу, тот поток, который служит границей Тибета в собственном смысле, и который ниже называется Лу-цзяном и Салуэном. Эти горные цепи так же, как промежуточные долины, тянутся, вне плоской возвышенности, по направлению от северо-запада к юго-востоку, и в этом же направлении вырылась обширная низменность долины Чайдама или Цайдама, которая продолжается с одной стороны долиной нижнего Тарима, с другой—озерной областью, в которой находятся истоки Хуанхэ. Легко понять, почему старинные китайские географии единогласно повторяют, что истоки Желтой реки образуются из вод, заключенных в Лоб-норе: объяснение этих слов находим в том факте, что в этой части центральной Азии непрерывный ряд равнин и возвышенных долин открывается через горные цепи и плоскогорья. Первые путешественники не могли принимать в расчет наклонения покатостей между озером Лоб и рекой Хуан-хэ; они обращали внимание только на общую форму рельефа, однако, на китайских картах, ориентированных в направлении обратном направлению наших карт, изображается вал из гор между равнинами, центральную низменность которых занимает Лоб-нор, и «Звездными озерами», в которых зарождается Хуан-хэ.

Но за этой поперечной низменностью, идущей от Тарима до Желтой реки, на севере возвышаются группы и цепи гор, соединяющиеся с Тибетским плоскогорьем, посредством чрезвычайно неровной, холмистой страны, через которую воды китайской реки проложили себе дорогу по страшным ущельям. Различные притоки Хуан-хэ перерезывают эту систему гор, которую можно назвать системою Куку-нора, по имени озера, занимающего центральную её область. На севере цепь Нань-шаня, ориентированная почти по направлению от запада к востоку, ограничивает с внешней стороны, выше равнин монгольского Гань-су, всю страну Куку-нора и, кажется, составляет продолжение, на восток от пролома, образуемого рекой Цайдам, цепи Алтын-таг; около истоков реки Асцинд, некоторые из этих горных вершин поднимаются за линию постоянных снегов, высоту которой определяют в 4.200 метров. Самые высокие вершины этой горной массы достигают 5.400 метров, но две западные отрасли, которые полковник Пржевальский назвал—одну хребтом Гумбольдта, другую—хребтом Риттера, имеют, по его измерениям, только 3.300 метров высоты¹. На юге от цепи Нань-шань, над которой господствует вершина Канкир—одна из священных гор тангутов—возвышается другой хребет, Четри-шань, который ограничен с северной стороны долиной Да-тун-гол, тогда как на юге открывается бассейн Куку-нора. Наконец, за этим внутренним морем, другие горные цепи, совокупность которых полковник Пржевальский называет южным Куку-нором, разветвляются на многочисленные отрасли, которые все изобилуют рудными месторождениями: прежде в этих горах собирали много золота, но со времени восстания дунган золотые прииски на ручьях заброшены.

На противоположных склонах этих различных цепей замечается тот же самый контраст, как и в Кульджинском крае между двумя скатами хребтов Тянь-шаня и в Сибири между долинами северной покатости Алтайских гор и долинами, наклоненными к югу. Так, Нань-шань порос густым лесом на стороне, смотрящей на север, тогда как бока, обращенные к югу, покрыты более скудной древесной растительностью. Две горные цепи, между которыми заключен бассейн Куку-нора, представляют на своих противоположных отлогостях такой же контраст климата, пейзажа, растительности: на севере—плодородный чернозем, текущая

1 Публичная беседа М. Н. Пржевальского в Петербурге, 11 марта 1881 года.

воды, живописные лески; на юге—глинистые скаты и каменистые овраги. Тем не менее флора этой области чрезвычайно разнообразна в сравнении с флорой степей севера и плоских возвышенностей юга: до высоты 3.000 метров тянутся леса хвойных пород, ив и деревьев, неизвестных в других местах, какова, например, береза с красной корой; особенные виды рододендронов и жимолости встречаются в подлесье и на альпийских лугах. Горы Куку-нора замечательны, кроме того, как главная область произрастания лекарственного ревеня, который покупают по очень высоким ценам китайские негоцианты из Си-нина. Фауна этих гор тоже отличается удивительным богатством: полковник Пржевальский нашел в этой стране около сорока трех видов еще неизвестных животных¹.

Озеро Куку-нор, от которого провинция получила свое название, известно у тибетцев под именем чо Гумбум, а у китайцев под именем Цин-хай, что значит «Голубое озеро». И действительно, эта водная площадь прекрасного лазурного цвета, «мягкого, как шелк», составляет яркий контраст с нежной белизной снегов, отражающихся в его голубой поверхности. Бассейн его имеет форму эллипса, удлинённого по направлению от востока к западу; по рассказам туземцев, общее протяжение берегов должно быть около 350 до 400 километров, ибо пешеход может совершить путешествие вокруг озера в две недели, а всадник объедет его в семь дней. Голубое озеро покрывает, вероятно, пространство от пяти до шести тысяч квадратных километров; прежде площадь его была гораздо обширнее, на что указывают старые берега, которые видны во многих местах на большом расстоянии от нынешних. Многочисленные притоки, между которыми самый значительный—Бухаин-гол, в западной области бассейна, питают озеро, но приносимое ими количество воды недостаточно, чтобы пополнять убыль, происходящую от испарения, так как этот обширный резервуар не имеет истечения, и воды его сделались солеными. В юго-восточной части озера лежит довольно большой остров, около десяти километров в окружности: по словам легенды, этот остров прикрывает пропасть, откуда вытекали воды Куку-нора; чудовищная птица бросила его с высоты небес, чтобы запереть бездну, волны которой грозили потопить весь мир. Буддийский монастырь, обитаемый десятком лам, приютился на этом уединённом острове, совершенно отрезанном от всякого сообщения с твердой землей в продолжение большей части года, так как летом никакое судно не отважится пуститься по бурным водам озера; только в течение четырех зимних месяцев, с половины ноября до конца марта, монахи по льду могут выходить из своей тюрьмы, и этим временем они пользуются, чтобы ходить за сбором подаяния на другую сторону покрытой льдом поверхности и возобновлять свои запасы масла и муки. Воды озера Куку-нора очень богаты рыбой, и фауна его, по рассказам прибрежных жителей, состоит из многих видов; однако, полковнику Пржевальскому во все время его пребывания на озере ни разу не удалось видеть, чтобы кто-нибудь поймал, ни самому поймать какие-либо другие породы рыб, кроме одного только вида, мясо которого очень вкусно, но икра ядовита. Озеро лежит на высоте 3.200 метров, еще гораздо ниже верхнего предела растительности; повсюду, где чистая вода течет в степи, она окаймлена кустарником и мелким лесом, растущим густыми чащами.

Многие другие озера, менее значительные, чем Куку-нор, рассеяны в понижениях плато, на западе от верхнего Хуан-хэ; но самое обширное из всех внутренних морей страны перестало существовать. Чайдамская или Цайдамская равнина была некогда дном этого обширного озера, которое наполняло треугольное пространство, ограниченное на севере горами Нань-шань, на востоке цепями Куку-нора, на юге хребтом Бурхан-Будда. Эту равнину прорезывает, в направлении от юго-востока к северо-западу, большая река, Баян-гол (Богатая река) или Чайдам, Цайдам, течение которой имеет, может быть, от четырех до пяти сот километров длины, и которая представляет не менее 430 метров ширины, в том месте, где через нее переправлялся Пржевальский. Но, по мере приближения к пустыне, этот могучий поток постепенно суживается, уменьшается в объеме и, наконец, теряется в болотах озера Дабсун-нор. Во всей своей восточной части Цайдамская равнина покрыта соляными болотами,

1 Пржевальский, „Монголия и земля тангутов“.

которые в иных местах образуют простые белые налеты, похожие на снег, в других кристаллические плиты соли; на северо-западе, напротив, она представляет только твердую глину или голую, каменистую почву. Камыши в болотистой области, кое-где торчащие пучки травы в обсохшей части составляют почти единственную растительность Цайдамской равнины; впрочем, там встречаются, кроме того, чащи растения *nitraria Schoberi* (селитряница), которое достигает более 2 метров в высоту, и ягоды которого, в одно и то же время сладкие и соленые, составляют одно из самых лакомых яств в крае, одинаково любимое людьми и животными; жители собирают эти ягоды осенью и примешивают их к ячменной муке. Фауна Цайдама так же мало разнообразна, как и флора; бедность её происходит, может быть, от чрезмерного множества комаров и мошек, которые тучами кружатся над болотами и заставляют пастухов, овец и диких зверей искать спасения в окружающих горах. Один вид антилопы, волк, лисица, заяц—вот животные, которые всего чаще встречаются при переходе через эту равнину; кроме того, по рассказам монголов, в западных пустынях бродит дикий верблюд. Человек посещает эти страны только в качестве охотника или кочевого скотовода; однако, он мог бы заниматься и обработкой почвы, благодаря оплодотворяющей воде, которую река Баян-гол катит в изобилии, и относительной теплоте климата, которая объясняется тем, что Цайдам не имеет даже 3.000 метров высоты на своей верхней оконечности и постепенно понижается к своему западному выходу, где высота местоположения не достигает, может быть, и 1.000 метров. Когда Пржевальский и Роборовский проходили через эту равнину, некоторые монголы сеяли там пшеницу и ячмень: так как восстание дунган лишило их обыкновенных источников продовольствия, то они по неволе должны были сделаться хлебопашцами. В центре равнины, недалеко от слияния Баян-гола с другой рекой, находятся развалины древнего города, свидетельствующие о больших переменах, происшедших в истории страны. Очевидно, было время, когда оседлые населения жили в этом крае, где теперь увидишь только юрты пастухов, кочующих со своими стадами.

Возвышенная степь Одонь-тала, на севере которой находится водораздельный порог между истоками Баян-гола и истоками Хуан-хэ, есть область священная для монголов и китайцев, где рассеяны озера Чжарин-нор и Орин-нор, изливающие свои лишние воды в Желтую реку. Ни один европейский путешественник, по крайней мере, в новейшее время, не бывал в этой стране Син-су-хай или «Звездного моря»: Пржевальский оставил ее в стороне, к востоку от избранного им пути, во время своего первого путешествия и не мог добраться до неё с другой стороны, во время второй своей экспедиции¹. А между тем пастбища «Звездного моря» посещаются каждый год в августе месяце монголами, которые приходят сюда поклониться своему богу близ священных источников. Семь животных белой масти без пятна, один як, одна лошадь и пять баранов, посвящаются жрецами божеству; привязав им вокруг шеи по красной ленте, их отпускают на волю в горы, нагруженных грехами всего племени².

К западу от степи Одонь-тала начинается крутая, утесистая цепь Бурхан-будда, которая образует с этой стороны угловой вал Тибетского нагорья. Это бесплодный хребет, почти везде одинаковой высоты и с правильными скатами, простой вал из глины, конгломератов и порфира, ограничивающий область возвышенных равнин. Узкое понижение, похожее скорее на корридор или овраг, чем на долину, отделяет эту каменистую стену от другого хребта, также голого и тоже состоящего из серых, желтых или красноватых скал, но поднимающегося некоторыми из своих вершин выше предела постоянных снегов: эта последняя цепь гор носит название Шуга. Далее, по направлению к Тибету, простирается пустынное плоскогорье, усеянное холмами и невысокими хребтами, разорванное там и сям трещинами, покрытое в иных местах булыжником, в других—песком или белой, соленой пылью. Для путешественников эта возвышенная волнистая равнина, абсолютная высота которой колеблется между 4.300 и 4.500 метров, представляется страной ужаса и смерти, и они испытывают не-

1 Экспедиция Пржевальского прошла здесь в 1881 году, а в 1893 г. несколько севернее прошла экспедиция Роборовского. *Примеч. ред.*

2 Пржевальский, „Монголия и земля тангутов“.

выразимую радость, когда, пройдя краевую цепь Баян-хара, опять спустятся, по обрывистым крутизнам, в пастбища, окружающие реку Мур-усу, то-есть верхний Ян-цзы-цзян. Официальной границей провинции Куку-нор считается хребет Шуга; но ее часто отодвигают до цепи Баян-хара, или до долины Голубой реки, даже до Хара-усу. Само собой разумеется, что в подобном громадном необитаемом пространстве могут быть только совершенно фиктивные границы.

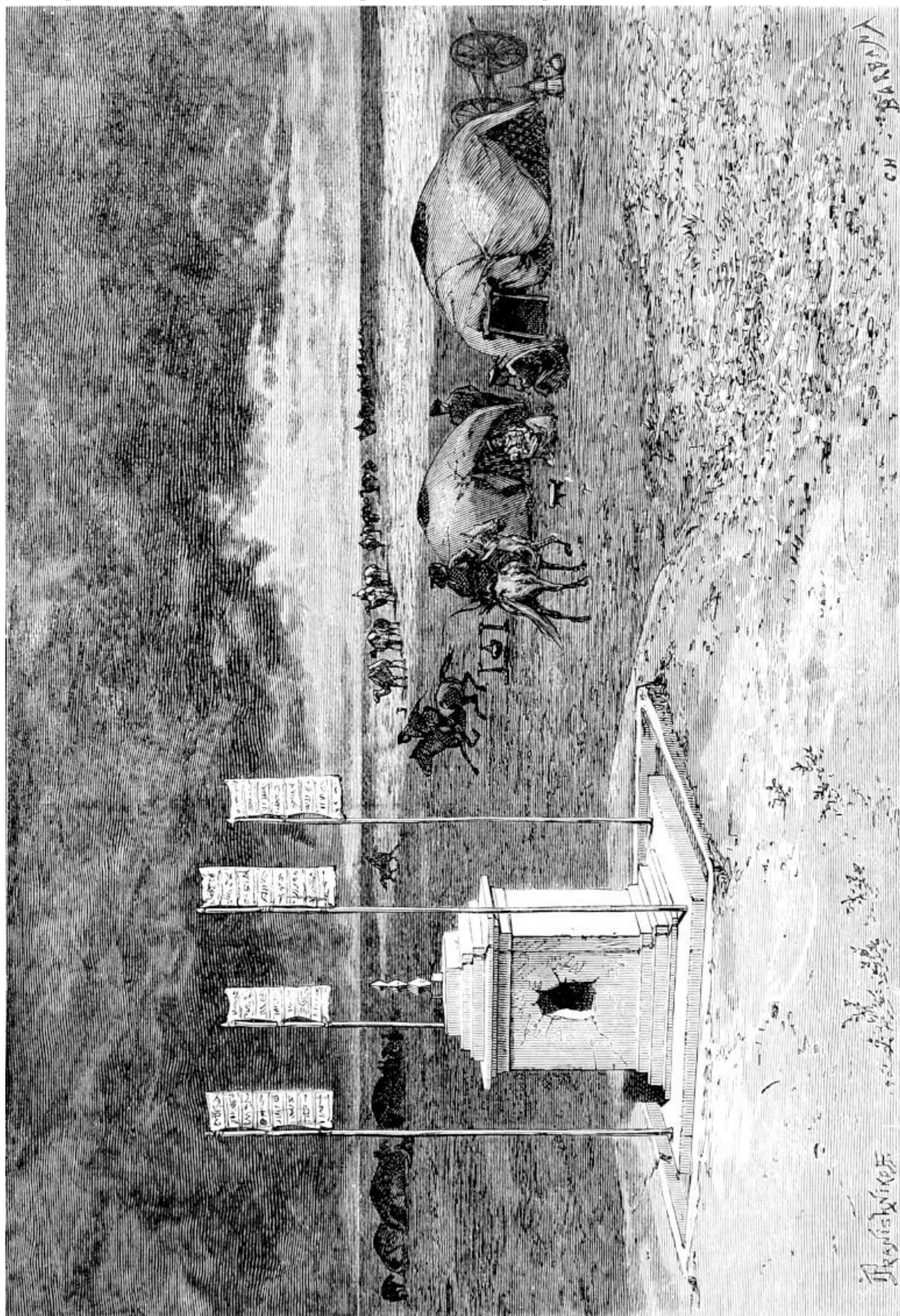
Народонаселение Куку-норского края можно считать приблизительно в 150.000 человек; в области, простирающейся на западе от озера, общее число жителей, по всей вероятности, не превышает двадцати тысяч душ. Стойбища встречаются на более или менее близком расстоянии одно от другого только в равнинах, залегающих на севере и востоке от Голубого озера и в долине реки Да-тун-гол. Близ китайской границы, около города Донкыра или Дань-гэр-тина, население довольно плотно, и те округа этой области, которые не были опустошены дунганами, представляют превосходно обработанные земли. Китайские колонисты уже проникли в эти долины, коренное население которых состоит из тангутов и дальдов, племена земледельцев, которые не походят на китайцев, хотя они приняли их религию, нравы и даже одежду. Язык их, говорит г. Пржевальский, составляет смесь китайского, монгольского и каких-то неизвестных слов.

Наиболее оседлые племена состоят из монголов, жалких представителей своей расы. Угнетаемые тангутами и необладающие достаточной энергией, чтобы оказывать сопротивление, они повинуются безропотно, утратив почти всякое воспоминание о том, что их предки были господами страны. «Вырвите у них передние зубы и поставьте моих подданных на четвереньки, они будут походить на коров», говорил один куку-норский князь Пржевальскому. Что касается тангутских завоевателей края, большинство которых принадлежит к роду хара-тангутов или «черных тангутов», то это по большей части люди гордые и смелые, с полным сознанием своей силы. Родственные тибетской народности по расе и языку, эти тангуты, известные китайцам, как и тибетцы в собственном смысле слова, под общим именем сифаней, резко отличаются от монголов чертами лица и нравами. Они имеют черные и широко открытые глаза, овальное лицо без чрезмерно выдающихся скул, черную, довольно густую бороду, прямой или орлиный нос. Пржевальский находит у них удивительное сходство с цыганами южной России. Монгол смирен, тангут задорен и сварлив. Монгол любит бесплодную пустыню, безграничное пространство; тангут предпочитает долины, сырые пастбища гор. У монгола верховым и вьючным животным служит верблюд, тогда как тангут кочует в сопровождении яка или даже употребляет его для верховой езды, продевая ему сквозь перегородку ноздрей большое деревянное кольцо. Монгол гостеприимен и радушно принимает чужеземца; тангут выпроваживает его из своей юрты или заставляет его дорого заплатить за свой прием. Хара-тангуты жадны и страстные барышники; всякая, самая малоченная вещь подает у них повод к нескончаемым торгам. Они охотно предаются воровству и грабежу: соединившись в шайки человек по десяти, они в продолжение нескольких месяцев ведут веселую разбойничью жизнь, нападая на караваны купцов или на стойбища монголов; но возвращаясь в свои родимые места, нагруженные награбленной добычей, эти рыцари большой дороги никогда не забывают сходить к святым местам, чтобы помолиться об отпущении грехов, о прощении им совершенных насилий или пролитой крови: они отправляются на священные берега Голубого озера, покупают у рыбаков или силой отнимают у них наловленную рыбу и бросают ее обратно в воду¹. Таким образом сумма их добрых дел легко получает перевес над числом их злодеяний.

Как подобает народу грабителей, молодые тангуты имеют еще обыкновение похищать девушек, которых они выбирают себе в подруги жизни; но этот увоз теперь чисто фиктивный, и похититель должен заплатить родителям невесты выкуп аналогичный калыму туркмен и киргизов. Многоженье не в обычае у тангутов, как у южных тибетцев, но многоженство доз-

1 Пржевальский, цитированное сочинение.

воляется, и все богатые владельцы стад скота охотно променивают яков и овец на новых супругов. Впрочем, с женщинами не обращаются как с рабынями: они занимаются домашним

Могила ламы въ монгольской степи.

хозяйством и уходом за скотом; они ходят везде совершенно свободно и посвящают большую часть своего времени заботам об убранстве своей шевелюры, которую они заплетают в косы и украшают их бусами, лентами, жемчугом, металлическими бляхами. Но они не умеют придавать красивый вид своим жилищам. Большинство тангутов живет в черных, обтянутых

яковыми шкурами, палатках, с отверстием на верхушке, через которое уходит дым и часто падает дождь во внутренность жилища: обитатели юрты спят вокруг очага, на кучах травы и хвороста, или даже прямо на голой земле, загрязненной всякими нечистотами и кухонными помоями.

Ревностные буддисты, подобно монголам и тибетцам, монгольские и тангутские жители области Куку-нор с величайшей пунктуальностью соблюдают все правила и церемонии, предписываемые их религией; они часто совершают торжественные процессии вокруг кумирень и священных мест, и каждый год множество богомольцев из этого края присоединяются к караванам, идущим в Лассу. Один воплощенный Будда тоже имеет резиденцию в одном из монастырей Куку-нора, при чем китайское правительство не нашло нужным вмешиваться в избрание этого высшего жреца¹; но слава тангутского ламы затмевается славой тибетского далай-ламы, и куку-норские монастыри и кумирни считаются как бы вассалами, подведомственными священному храму-дворцу Поталу. Большое число жрецов живут в юртах, и даже монахи религиозных общин часто странствуют от племени к племени. Когда они умирают, их хоронят со всеми почестями, приличествующими их духовному званию, тогда как тела мирян, согласно тибетскому обычаю, бросаются просто на голую землю и оставляются на съедение диким зверям и хищным птицам².

Обитатели степей Куку-нора и Цайдама не имеют других промыслов и источников существования, кроме скотоводства, но за то стада у них очень многочисленны: иной зажиточный тангут обладает сотнями яков и тысячами баранов. Цена товаров исчисляется головами скота. Точно также живыми животными и их останками, шкурами и т.д., они оплачивают все предметы, в которых нуждаются, и которые им доставляют китайцы из пограничных городов Си-нин-фу и Донкыра. Благодаря этой торговле мукой, табаком, материями, чаем, ревенем, китайскому правительству удалось установить мало-по-малу, если не непосредственную власть, то по крайней мере право верховного господства над гордыми тангутами страны. Караваны монгольских пилигримов, которые отправляются от границ Сибири к нагорьям Тибета, и для которых Куку-нор служит промежуточным местом роздыха, также способствовали установлению связей между землей хара-тангутов и китайским миром. Осень—самое благоприятное время года для путешествия, потому что летние дожди уже прекратились, а бури начинаются только зимой: оттого каждый год, начиная с конца лета, монгольские караваны сходятся в сборном пункте, в Куку-норе, где животные подкрепляют свои силы для предстоящего трудного странствования через горы и пропасти, на протяжении от 1.600 до 1.700 километров. Из Куку-нора и Донкыра, ближайшего китайского города, караваны отправляются всегда в начале сентября и через два месяца достигают Лассы, где проводят три месяца и в феврале выступают в обратный путь, в сопровождении тибетских купцов. Во время возстания дунган, долго опустошавших Монголию и провинцию Гань-су, все эти пилигримства, религиозные и торговые, были прерваны, и даже далай-лама должен был отказаться от отправки официального посольства, которое каждый третий год возит его подарки китайскому императору.

Благодаря караванам, тангуты Цайдама и Куку-нора находятся, в мирные времена, в частых сношениях с представителями двух сюзеренов, духовного и светского,—далай-ламы и богдыхана. Кумирня Чейбсен или Чебсен, лежащая в 75 километрах к северу от китайского города Си-нин-фу, на скале, которая господствует над Бугук-голом, небольшим притоком Желтой реки, может быть рассматриваема как главный город страны. По словам полковника Пржевальского, вся эта провинция в административном отношении разделена на 29 хошунов или «знамен, значков», из которых пять образуют Цайдамский край, девятнадцать область Куку-нора и северных долин, а остальные пять лежат на юг от Хуан-хэ. Тангуты, когда им понадобится вызвать вмешательство китайских властей, обращаются со своими ходатайствами к официальным чиновникам, имеющим пребывание в городе Си-нин-фу.

1 О. Иларион, „Труды русского посольства в Китае“.

2 Пржевальский, цитированное сочинение.

Заметим здесь, что очень трудно передавать китайские географические названия, не только потому, что китайское произношение разнится от нашего, но также потому, что соответственно языку своей нации, путешественники и географы каждой страны имеют различную орфографию. Так как европеец, естественно, склонен писать китайские названия так, чтобы воспроизвести в своем языке звуки такими, как он их слышал, то всегда нужно принимать в соображение национальность авторов, которые говорят о Китае, и сообразно тому удерживать или видоизменять приводимые им слова. До тех пор, пока для географических имен вообще не будут употреблять однообразную систему транскрипции, воспроизводящую все звуки соответственными знаками, приходится изображать эти имена буквами того языка, на котором их произносит читатель.

*Трудность, испытываемая всеми иностранцами вообще, при передаче китайских названий в правильной форме, принудила выдающихся синологов и знатоков Китая прибегнуть к условному обозначению китайских слогов сочетанием известных букв своего алфавита. Эти обозначения у французов, англичан или немцев делались у каждого по-своему, и последнее обстоятельство нужно всегда иметь в виду при употреблении иностранных источников и географических карт Китая, изданных в Западной Европе и в особенности при переводе этих уже переименованных на европейский манер китайских имен на русский язык.

Существование в Китае множества местных наречий еще более усложняет это дело и заставляет еще с большею настоятельностью остановиться на выборе одного какого-нибудь из них. Западно-европейские знатоки Китая в большинстве приняли, так называемое, пекинское или мандаринское наречие, хотя некоторые из европейских синологов употребляют и южное мандаринское. Русские синологи исключительно держатся наречия северного, имея для такого выбора весьма веские доводы.

Огромное развитие в Западной Европе синологической литературы заставляет русских авторов весьма часто обращаться к этим источникам, но, не будучи ознакомлены с основами сочетаниями звуков при передаче китайских слов, русские авторы переводят эти слова дозвуочно буква за буквой, полагая, что чем неблагозвучнее получится китайское название тем оно ближе к истине¹. Такой пример мы видели еще недавно в названии бухты Цзяо-чжоу, переименованной в Кяю-чжао, видим его даже и в официальных названиях новых наших приобретений Таянване, Квантунгском полуострове, Киронг (вместо Гиринь) и др. названиях, не говоря уже о тех, которые нам подносят газетные телеграммы «Нового Времени» или других агентств. Подобное коверканье китайских названий можно было бы извинить лишь в том случае, когда в русской синологической литературе не оказалось бы руководств для правильной передачи их с иностранного на русский. Между тем еще в 40-х годах, отцом Иокином Бичуриным были изданы таблицы, показывающие орфографию китайских звуков на языках французском и английском параллельно с русским. Таблицы эти были повторены в классическом труде Матусовского, но и до сих пор мы видим во всех переводных сочинениях о Китае, как и на картах этой страны, массу до такой степени искаженных географических имен, что даже человеку, хорошо знакомому с Китаем, бывает не только трудно, но часто и совсем невозможно догадаться, о какой именно местности идет речь. Первое издание настоящего тома Географии Реклю в отношении передачи географических названий грешило не менее других, но во время его выхода в свет Китай интересовал нас весьма мало, сама страна еще не вошла в круг международных отношений и географические сведения или справки о ней требовались в русском обществе очень редко. Совершенно иное мы видим теперь, и потому было бы непростительно относиться с прежним пренебрежением и к точной передаче китайских названий, и не уважать выработанных русскими учеными правил, тем более, что со времени Матусовского в русской синологической литературе появились и такие классические труды, как Вебера «Карта северо-восточного Китая с алфавитным списком китайских названий». Игнорировать подобные труды было бы более нежели непростительно, и потому везде, где только можно, в настоящем издании тома Реклю, все ки-

1 Нечто подобное мы видим даже у серьезных знатоков Китая, как напр. Путята и многие другие.

тайские названия будут переданы согласно указаниям наших авторитетных синологов.*

II. Монгольская Гань-су

Пояс пустынь, который тянется с юго-запада на северо-восток, от песков Такла-макан, близ Яркенда, до возвышенных плато, окаймленных с восточной стороны цепью Большой Хинган, не представляет, как это часто воображают, области совершенно однообразной по виду и характеру местности, наклонению почвы, климату и степени бесплодия. Он составляет особую естественную область только по контрасту его равнин с высокими горами, окружающими его с четырех сторон, с юга, запада, севера и востока и с великолепно обработанными полями, прилегающими с юго-востока. Но в этой бесконечной полосе континента, занимающей целую половину диаметра Азии, следуют одно за другим множество разнообразнейших местоположений, и некоторые писатели совершенно ошибочно смешивают многие части этого громадного пространства с пустыней Гоби или Шамо. Так, страна шириною около 500 километров, отделяющая Нань-шань от гор Хами, не есть пустыня в тесном смысле этого слова. Правда, что она соединяется с одной стороны с пустынями нижнего Тарима, с другой — с страшными нагорьями восточного Гоби; но если одни из её равнин, параллельные впадины обширной котловины, которую некогда наполняли воды монгольского средиземного моря, образуют маленькие промежуточные «гоби», без воды и без растительности, где песок, поднимаемый ветром, кружится вихрем, то некоторые реки, спускающиеся с Нань-шаня и с соседних горных цепей, катят достаточно воды, чтобы продолжать свое течение на север, между зеленеющими берегами, вплоть до самого основания предгорий Небесных гор. Пустыни, по которым протекают эти реки, не похожи на те мертвые, лишённые всякой растительности, пространства, какие представляют Такла-макан на Тариме или «Красные пески» и «Черные пески» в русском Туркестане. Здесь почти везде находят воду на незначительной глубине; источники бьют из земли в лощинах, и в соседстве этих ключей травы тянутся на далекое расстояние; в некоторых местах растительность покрывает почву на неограниченное пространство, и стада диких животных находят обильный корм. Повсюду грунт земли твердый, удобный для проезда верхом на лошади или в телеге, постоянные дворы, деревни, даже настоящие города с базаром и фабричными заведениями могли основаться там и сям на берегу текущих вод и окружить себя садами и возделанными полями¹.

Причины этого перевыва большой центральной пустыни, относительно, плодородными землями нужно, без сомнения, искать в самых контурах и в рельефе Азии. На юге от этой области континентальная масса представляет вырезку, образуемую Бенгальским заливом, полукруг которого имеет не менее 1.500 километров в радиусе. Благодаря этой обширной водной площади, которая взрезывается между двух полуостровов по обе стороны Ганга, пространство, отделяющее провинцию Гань-су от Индийского океана, сокращается почти на половину и воздух, насыщенный морскими парами, может быть переносим ветром даже за Куку-нор и оставлять там некоторую часть своей влажности. При том ветры, проходящие через горы восточного Тибета, от устьев Брахмапутры до пустынь Монголии, не встречают на этом пути препятствий подобных тем, какие представляет на западе громадное нагорье центрального Тибета с его однообразными равнинами, лежащими на высоте 4.500 и 5.000 метров, и его исполинскими краевыми цепями, поднимающимися на 7.000 метров над уровнем моря. Горные хребты провинции Кам менее высоки, нежели западные цепи; кроме того, они представляют многочисленные проломы и, в большей части своего протяжения они расположены параллельно направлению меридиана, так что южные ветры могут спускаться в долины и затем подниматься до горных цепей Куку-нора. Юго-западные муссоны, которые приносят в бассейн Брахмапутры такое огромное количество атмосферных осадков еще далеко не могут быть названы сухими, когда они проходят через цепь Баян-хара: с апреля до конца

¹ Полковник Сосновский, „Journal of the Geographical Society of London“, 1877; Д-р Пясецкий, „Путешествие в Китай“.

осени они приносят снег и дождь: погода снова делается ясной и сухой только с наступлением зимы. Пржевальский говорит, что во время его пребывания в этом крае снег падал каждый день в продолжение всего апреля месяца. Поэтому нет ничего удивительного, что облака изливают еще по ту сторону хребта Нань-шань некоторое количество влаги в форме снега и дождя, и что ручьи, даже настоящие реки могут образоваться в горах и течь далеко в равнину; однако, ни один из этих потоков не может добраться до какой-нибудь большой реки, текущей к морю: все они теряются в озерах или соляных болотах среди густых камышей. Река Хай-цзы, текущая на запад по направлению к Лоб-нору, останавливается и испаряется в котловине Кара-нор или «Черного озера»; Хай-хэ (Эцзин-гол), более значительная река, принимает в себя воды Снеговых гор, затем на севере от Великой стены, соединяется с другой рекой, почти равной ей по величине, Тао-лаем, называемым в старинных документах «Золотой рекой»; далее она постепенно мелеет и суживается, разветвляется на прибрежные болота, и наконец теряется, на границах пустыни, в озерах Согак-нор и Собо-нор.

Благодаря влиянию муссонов, способствующих образованию текучих вод между двумя половинами пустыни Гоби, китайцы легко могли поддерживать, от Нань-шаня до Небесных гор, свою линию сообщения с западными областями империи. Естественная дорога по которой всегда следовали караваны и войска, есть та, которая, покинув Лань-чжоу-фу, при большом западном колене Желтой реки проходит через горы, позади которых спрятался бассейн Куку-нора, затем спускается в равнины севера, перерезывает Великую стену в ущелье у Цзя-юй-гуань и направляется на северо-запад к оазису Хами. В этом месте исторический путь раздвояется по обе стороны восточного хребта Тянь-шаня: в то время, как одна из дорог проникает в бассейн Тарима, другая вступает в Чжунгарию, чтобы опять спуститься по западной отлогости гор в пределы русского мира, который уже принадлежит к Европе. Понятно, как важно для Китая обладать этой областью, относительно плодородной, завоеванной им около двух тысяч лет тому назад, которая пересекает надвое пояс пустынь и через которую протекает поперечная дорога от берегов Хуан-хэ до Небесных гор¹.

До 1884 года весь этот край, хотя лежащий вне Великой стены и отделенный от долины Желтой реки высокими горными массами, был соединен с провинцией Гань-су; а начиная с прошлого столетия округа Хами и Пичжан, на южном скате Тянь-шаня, были присоединены к этой провинции как нераздельная часть внутренней империи. Вскоре после окончательного усмирения магометанского восстания, охватившего весь Западный Китай, Пекинское правительство нашло необходимым упрочить свое влияние в этой части государства и для этой цели все пространство, лежащее к западу от великой стены по обе стороны Тянь-шаня, в 1884 году выделило в особую провинцию, которая получила название Новой линии и главным городом которой назначен Урумчи. В состав этой провинции кроме монгольской части Гань-су вошли земли Восточного Туркестана, а также частью и округа Или и Тарбагатай, хотя последние имеют значительную долю самоуправления и начальники их только в некоторых случаях получают распоряжения из Урумчи. К области этой-то Новой линии или по-китайски Гань-су-синь-цзянь-шэн в административном отношении и относится весь описанный на стр. 111—150 Китайский Туркестан.

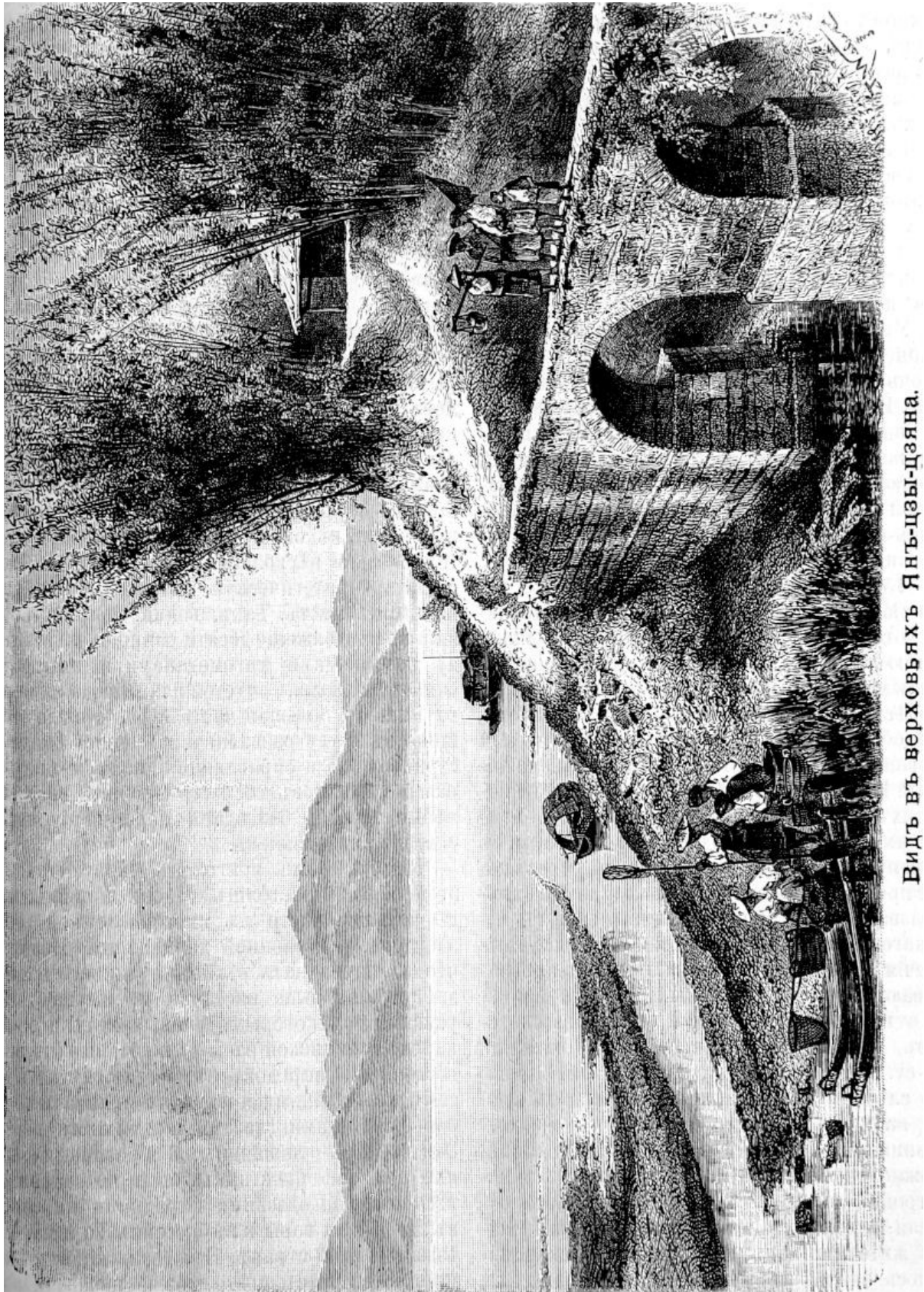
На северо-западе от раздельного хребта, через который ведет перевал Усу (Усу-лин) высотой около 3,000 метров², полоса обитаемых земель, имеющая в некоторых местах не более 50 километров ширины, связывает, на подобие перешейка, с юго-восточным или собственно китайским Гань-су этот северо-западный Гань-су, который по национальности кочующих там номадов можно назвать «монгольским Гань-су». С одной стороны горы, с другой пустыня образует это дефиле, через которое производится сообщение между двумя Гань-су; развалины древнего глиняного вала³, известного под именем «Великой стены», как и прочие укрепления восточного Китая, ограничивают пояс культурных земель на севере от длинного

1 Carl Ritter, „Asien“.

2 Д-р Пясецкий, „Путешествие в Китай“.

3 Риттер;—Гюк;—Пржевальский;—Пясецкий;—Крейтнер.

дефи́ле и от первых городов, лежащих при входе в монгольский Гань-су: далее империя не имеет более никаких следов искусственных преград против набегов своих старинных врагов кочевников. Пространство внешнего Гань-су можно считать в 400.000 квадратных километ-

Видъ въ верховьяхъ Янъ-цзы-цзяна.

ров, но, по всей вероятности, эта обширная территория не заключает даже миллиона жителей, так как население сгруппировалось значительными колониями только в южных городах, да в оазисах, рассеянных у основания Небесных гор.

Само собой разумеется, что население должно быть очень смешанного происхождения в этой области, представляющей столь важное стратегическое значение и так часто оспариваемой друг у друга враждебными армиями. Племена тюркской расы, уйгуры и усуну, монголы различных знамен или хошунов, тангуты тибетского племени, наконец, цивилизованные китайцы, пришедшие с Востока, нередко вступали в бой из-за обладания проходом, который отделяет пустыню Гоби от Снеговых гор. Лихие войны номады быстро справляли свое дело: в своих набегах они разрушали все, что попадалось на пути, затем удалялись обратно в степи равнины или в долины гор. Китайцы действовали более медленно, но за то более настойчиво и более успешно: они основывали, на известном расстоянии один от другого, укрепленные и обороняемые гарнизоном города, вокруг которых скоро возникали поселения земледельцев; страна заселялась мало-по-малу, дороги прокладывались через пустыни. Новое нападение варваров-кочевников могло выжечь посевы, разрушить крепости, разграбить и опустошить города: но как только китайцы возвращались в опустошенный край, им достаточно было нескольких лет, чтобы вновь создать стратегическую сеть дорог и укрепленных мест. Так, война, свирепствовавшая в продолжение десяти слишком лет между восставшими магометанами и императорскими войсками, опустошила города северного Гань-су; большая часть страны была обращена в груды развалин, но теперь опять отстраиваются и оправляются мало-по-малу от разгрома, или в соседстве руин появились новые города, благодаря переселению китайских земледельцев.

Что касается монголов, кочующих в этой области пастбищ, то они принадлежат по большей части к многочисленной семье элеутов, родственной калмыкам. Известно, что за пятнадцать веков до нашего времени эта страна была населена преимущественно усунями, в которых ученые хотели видеть народ германской расы¹, и которые от всех восточных народов с приплюснутым носом и выдающимися скулами отличались глубоко сидящими глазами и прямым носом. Эти люди с «лошадиными образами», как их называют китайцы, были постепенно оттеснены монгольскими народцами на запад, в Небесные горы и в бассейны Тарима. Проезжая по этой стране, Пржевальский встречал множество крестьян, которые показались ему чрезвычайно похожими по типу на мужиков центральной России.

Наибольшие города: Ша-чжоу или «Город песков», который действительно осаждается дюнами западной пустыни. За полторы тысячи лет до нашей эпохи, во времена цветущего состояния Хотанского царства, ни один город страны Гань-су не имел более важного значения, чем Ша-чжоу, как сборный пункт для караванов, которым предстоял трудный путь через каменистые и песчаные равнины, простирающиеся на запад к бассейну Тарима.

На дороге в Хами стоит деревня Юй-минь-сянь, с высокими башнями среди больших деревьев, вполне пощаженная дунганами. Ань-си, город, служащий аванпостом на дороге, которая направляется на север, к Небесным горам, тоже окружен кое-какой зеленью, но он был почти совершенно разрушен во время междоусобной войны, так что теперь на каждом шагу видишь груды кирпичей, остатки капищ, обломки идолов. Сады, худо содержимые, не останавливают более вторжения песков, и дюны уже осаждают в некоторых местах городские валы: если не явятся колонисты в значительном числе и не потрудятся над делом восстановления разрушенного, то городу грозит опасность исчезнуть с лица земли. На север, в направлении к Небесным горам, расстилается пустыня в собственном смысле, необозримое пространство, «сливающееся на горизонте с фиолетовой полосой неба»; но нельзя сказать, чтобы эта пустынная область была совершенно недоступна, и чтобы путешественникам опасно было пускаться в нее, хотя, правда, они не встречаются там, до оазиса Хами, никаких обитаемых мест, кроме стойбищ по берегам ручьев и источников, да развалин разрушенных городов. На восток, за Чукур-гоби, также есть несколько постоянных селений и остатки городов. Один из этих исчезнувших городов есть, может быть, «город Эцзина», о котором говорит Марко Поло, и имя которого сохранилось в названии реки Эцзина.

Хами (Хамул), город, описываемый знаменитым венецианским путешественником под

1 Humboldt, „Asie Centrale”.

именем Камуль, есть один из тех городов, которые могут быть названы необходимыми. Он занимает географическое положение, так сказать, указанное природой для основания города: опустошенный или разрушенный, он должен был возрождаться на том же самом месте или в непосредственном соседстве. Оазис Хами представляет сборный пункт, место роздыха, где должны останавливаться караваны и армии, как при входе в пустыню, так и при выходе из неё, чтобы подкрепить свои силы или возобновить свои запасы продовольствия. Ни один завоеватель, откуда бы он ни пришел, с востока или запада, не мог надеяться продолжать далее свое победоносное шествие, если он сначала не утвердился прочно в краю Хами и не обеспечил за собой пользование вспомогательными средствами, находящимися в этой местности. Как стратегическая позиция, Хами имеет чрезвычайно важное значение, так что во всей центральной Азии нельзя указать пункта, который превосходил бы его в этом отношении. Неподалеку отсюда Небесные горы, соединяя свои выступы в последний хребет, понижают свои восточные предгорья среди песчаных и каменистых пространств пустыни Гоби. Поясы растительности, идущие с той и другой стороны вдоль подошвы горных цепей, составляют естественные, наперед начертанные пути: с одной стороны пролегает «Южная дорога», Нань-лу, с другой — «Северная дорога», Бэй-лу, и точка встречи этих двух исторических путей находится именно в равнинах, среди которых стоит Хами. Оттого имя этого города не переставало греметь в истории Востока; но Хами, повидимому, никогда не был значительным городом: окружающая его культурная территория не достаточно обширна, чтобы могла возникнуть большая столица в этой области. Во время возмущения магометан Хами сильно пострадал, и его рисовые плантации, виноградники и поля, где собирают превосходные дыни, были часто опустошаемы¹.

К западу от оазиса Хами, два города Пи-чжан (Пичан) и Турфан, ныне пришедшие в упадок, занимают два соседние оазиса, отличающиеся большим плодородием и производящие превосходный хлопок, кунжут, пшеницу и всякого рода фрукты, в особенности чудный виноград, лозы которого кладутся на бок для того, чтобы они не пострадали от холодных поллярных ветров². На севере высятся крутизны, принадлежащие к горам Тянь-шаня, которые здесь представляют уже довольно величественный вид. Эта область была часто проходима китайскими путешественниками, которые рассказывали о ней разные чудеса, но из современных нам натуралистов ее посетил один только Регель. Между тем в центральной Азии мало найдется местностей, которые бы заслуживали больше, чем эта страна, научного исследования, судя по встречающимся там естественным достопримечательностям, о которых говорят китайские летописи. Так, например, между двумя названными городами возвышается уединенная конусообразная гора, или Хо-янь-шань (гора с огненным жерлом), которая, как говорят, в давния времена, лет тысячу назад, извергала лаву, пепел, клубы дыма, и на которую туземцы ходили собирать нашатырь³. Между другими горами страны древние китайские географии особенно часто упоминают один пик, Линь, стоящий на западе от Турфана, поднимающийся ступенями или террасами, которые будто бы все состоят из агатовых галек. На этой священной горе, имеющей «20 ли в окружности», не увидишь ни одного дерева, ни одного растения: голая скала обязана своим блеском этим блестящим агатам, «костям ста тысяч логанов, которые заслужили бессмертие своими добродетелями»⁴. Турфан (т.е. «Столица») есть последний город, отвоеванный китайцами, в 1877 году, у дунган или возмущившихся магометан. Основание его восходит не далее как за 150 лет до нашей эпохи. «Старый Турфан», разрушенный около четырех сот лет тому назад, находился верстах в 50 западнее нынешнего; от него уцелели каменные стены в 15 метров высоту, служившие некогда жи-

1 Важное значение, которое Реклю придает Хами, весьма основательно опровергает Грумм-Гржимайло, посетивший его в сравнительно недавнее время. См. описание путешествия в Запад. Китай, т. I. стр. 443-469. *Примеч. ред.*

2 Регель, „Russische Revue“, 1880, № 3; — „Petermann's Mittheilungen“ IV, 1880.

3 Klaproth; — Stanslas Julien; — Humboldt, „Asie Centrale“; — Carl Ritter, „Asien“, t. 1. — Грумм-Гржимайло совершенно это отвергает.

4 Amyot, „Memoires, concernant l'histoire de Chine“, t. XIV; — Carl Ritter, „Asien“, t. I.

лищами, и через которые проходят два или три яруса галлерей со сводами, сохранивших еще кое-какие следы своего внутреннего устройства и напоминающих римские постройки. Стоящие в окрестностях башни представляют тот же стиль архитектуры. Г. Регель приписывает сооружение их уйгурам, в которых он видит предков нынешних дунган. Среди развалил попадаются там и сям китайские фарфоры, буддийские статуэтки; кроме того, великолепный минарет и другие строения, представляющие тот же стиль, который характеризует памятники Самарканда, сохранились еще между руинами Старого Турфана, а в соседстве находится знаменитая Мазарская мечеть, «даже более священная, чем Мекка»; одному из приделов этого храма местная легенда приписывает несторианское происхождение. Некоторые из крепостей, основанных Якуб-беком до китайского завоевания, превратились в деревни и города. Самый многочисленный из них — Токсун, лежащий на запад от Турфана; подгородные земли, прилегающие к большому соляному озеру, замечательны тем, что производят лучший в стране хлопок.

Города северного ската Небесных гор, до долины Урумчи, причисляются, как и города южного склона, к Новой линии. Город Баркюль, названный так по имени озера (куль), лежащего несколько севернее, в понижении плоскогорья, дополняет Хами в стратегическом отношении: он составляет первую военную станцию и первый рынок на дороге, которая из Хами ведет к чжунгарским равнинам; подобно тому, как южные дороги сходятся в оазисе Хами, северные соединяются в Баркюле, известном у китайцев под именем Чжэнь-си-тин: это, как означает китайское его название, «очень большой город», над которым господствуют две крепости, окруженные фруктовыми и простыми садами. Один из трех перевалов¹, посредством которых производится сообщение между двумя названными городами (Баркюль и Хами), Кошеты-даван пролегает еще на абсолютной высоте 2.734 метров, то-есть на высоте от 1.500 до 1.700 метров над уровнем оазисов, лежащих при основании хребта²; но эта высота ничтожна в сравнении с высотой проходов, которые открываются на западе, и путешественники не могли бы обойти на востоке крайний передовой выступ Небесных гор иначе, как забираясь в самую глубь пустынных областей.

Подобно тому, как, около оконечности цепи, Баркюль соответствует Хами, так точно Гучен соответствует Пи-чжану и Турфану; но в этом месте система Тянь-шаня уже разделилась на два параллельные хребта и выступы гор слишком высоки и совокупность массива слишком значительна, чтобы возможны были удобные сообщения между противоположными скатами. Далее на запад, цепи Тянь-шаня сближаются; плоскогорье, на котором они стоят, суживается, и равнины, подобно обширному морскому заливу, вдающемуся в крутой берег, врезаются далеко во внутренность горной системы, между поднимающимися с обеих сторон склонам, которые издали кажутся черными от покрывающего их густого леса. В этом-то амфитеатре гор находится знаменитый город Урумчи или Урумци (Умруци, Умрици), по-китайски Ди-хуа-чжоу или «Красный храм», Хун-мяо, основанный уже в царствование династии Хань: это был некогда Бишбалык монголов и тюрков³. В разные эпохи он имел большую важность и, благодаря своему счастливому положению, скоро оправлялся после каждого разорения. Как главный город тюрков-уйгуров, он служил местопребыванием ханам, которые владели на севере и на юге от Небесных гор обширным царством, носившим, как и их столица, название Бишбалык или «Пятиградья»: это, быть может, была резиденция одного из царей, которых европейские летописцы двенадцатого века называли «попом Иваном». В прошлом столетии Урумчи был очень многочисленным городом и занимал первое место между китайскими поселениями монгольского Гань-су. Говорят, что он имел тогда около 200.000 жителей; но во время последней междоусобной войны дунгане перебили почти все население, потом и сами были перебиты в свою очередь. Урумчи состоит из двух отдельных частей или кварталов: старого города, населенного торговым людом, на правом берегу реч-

1 „Известия Русск. Географ. Общества“, за 1874 г.

2 Полковник Сосновский, — Рафайлов, „Карта северо-западной Монголии“.

3 Г. Грумм-Гржимайло совершенно отрицает последнее мнение.

кии, и нового или маньчжурского города, на левом берегу. Несмотря на постигший его разгром, этот город в настоящее время ведет довольно большую торговлю с Россией через Северную дорогу Небесных гор и через город Чугучак, и, кроме того, имеет непосредственные торговые сношения с Туркестаном и восточным Китаем; высота самого низкого порога между Урумчи и Турфаном, по измерению г. Регеля, не превышает 1.200 метров¹. У входа в этот горный проход стоят два грубо иссеченные идола, высоко чтимые туземцами. Так же, как Турфан, Урумчи имеет в окрестностях горячие сернистые источники; кроме того, в соседстве этого города, как говорят, существует или вулканическая отдушина, или горящая жила каменного угля, местность с подземным огнем, известная в крае под именем «воспламененной равнины». Птицы избегают летать над этим пространством, белым от эффоресценции летом, сероватым зимой, среди снежных равнин. Далее, в западном направлении, находится пропасть, близко к которой не решаются подходить ни животные, ни люди, и которая носит название «Пепельной ямы»²; Регель, во время своего путешествия в те края, не имел возможности посетить эти достопримечательности природы. На северо-востоке от города, главная группа цепи Богдо-ола, возвышающаяся около 4.000 метров, состоит, как говорят, из конусов с кратерами, и действительно она похожа на массив вулканов. Д-р Пясецкий видел ее издали, но не мог свернуть в сторону от своего пути, чтобы исследовать эту группу. На одной из высот, господствующих над Урумчи, жители города каждый год делают жертвоприношения святой горе³. Более подробное современное описание этой горной страны известно из путешествия братьев Грум-Гржимайло.

III. Чжунгария и китайский Или

Чжунгария, как известно, составляет широко раскрытые ворота между китайским миром и миром западным. Бывший залив «Высохшего моря», загибающийся на севере от монгольского Гань-су, вдается далеко, в западном направлении, между южными предгорьями Алтая и цепями Небесных гор, затем разветвляется на два рукава, где текли воды в геологические времена, и которые сделались двумя главными историческими путями для переселений народов и торговых сношений. Восточный корридор, составляющий общий вход этих двух путей, занят в большей части его протяжения рассеянными болотами, и это понижение, которое еще сохраняет немного вид древнего моря, продолжается двумя долинами: северной, которая направляется на северо-запад и в которой извивается река Улюнгур, продолжающаяся за озером того же имени, Черным Иртышем; и южной, которая идет на запад вдоль основания горных цепей Катунь и Ирен-хабирган, принадлежащих к системе Небесных гор. Северная борозда, где собираются первые воды величайшей сибирской реки, Иртыша-Оби, представляет почти на всем своем протяжении очень удобную дорогу, пролегающую по затверделому глиняному грунту степей; самый возвышенный пункт, виденный там полковником Сосновским, имеет всего только 765 метров высоты. Южная же представляет гораздо более глубокую рытвину. Дно её занимают болота, неопределенные, блуждающие речки и две главные впадины, где собираются воды, озера Аяр-нор и Эби-нор, продолжают на русской территории, озером Ала-куль и другими озерами, прежде соединявшимися с Балхашем. И там также переход между двумя скатами, по дороге из Лепсинска в Урумчи, может быть совершаем без труда; средняя высота положения обеих равнин от 200 до 250 метров, и порог или перевал, через который отправляются из одной равнины в другую, между чжунгарской цепью Ала-тау и хребтом Барлык, представляет широкую брешь, страшную только по причине завывающих там сильных ветров. Пространство, отделяющее долину Иртыша от южной долины, то-есть от Тянь-шань-бэй-лу, отчасти занято хребтом Джаир, цепью Барлык и восточными предгорьями Тарбагатай и Сауру, возвышающимися над степями, как по-

1 „Mittheilungen von Petermann“, VI, 1880;—„Изв. Русск. Географ. Общества“, 10 марта 1881 г.

2 Клапрот,—Риттер,—Гумбольдт.

3 „Известия Русского Географического Общества“, октябрь 1872 г.

дуострова над поверхностью океана: впрочем это пространство представляет еще третий проход, менее открытый, нежели перевалы, ведущие с севера на юг, но чаще посещаемые караванами: это тот проход, в котором находится город Чутучак.

Название Тянь-шань-бэй-лу, то-есть «Северная дорога Небесных гор», данное в противоположность имени Тянь-шань-нань-лу, означающему «Южную дорогу Тянь-шаня» или дороге, идущую на Тарим, доказывает, что китайцы вполне сумели оценить важность этого исторического пути, составляющего продолжение того пути, который, по выходе из Нефритовых ворот, пересекает наискось монгольский Гань-су до городов Хами, Баркюля и Урумчи. Так называемая «императорская» дорога, обставленная через известные промежутки крепостями и военными поселениями, перерезывает страну по направлению от востока к западу и поднимается на треугольное плато, ограниченное с северной стороны сьеррой чжунгарского Ала-тау, с южной горами Боро-хоро: отсюда остается только спуститься на юг через перевал Талки (1.909 метров) или через какой-нибудь другой соседний проход, чтобы вступить в богатую Илийскую или Кульджинскую долину, которая находится уже на западной покатости Азии и соединяется со всеми дорогами арало-каспийской низменности. Таким образом от берегов Черного Иртыша до берегов Или, на пространстве шириною около 500 километров, полукруг плоскогорий и гор, окружающий Китайскую империю, прерывается в разных местах долинами и порогами, легко доступными: этими-то естественными дорогами был, так сказать, наперед начертан путь нашествий для гуннов, уйгуров, монголов и через эту же область проходили китайцы, чтобы овладеть единственными округами, которыми они еще обладают на западной покатости Азии: это, с одной стороны, верхняя долина Иртыша, с другой долина Или.

Что касается русских, то они с первых времен покорения Сибири знали, что дорога в Китай идет между Алтаем и Небесными горами, так как они искали в понижении рельефа озеро Китай, имя которого сделалось для них названием всей Срединной империи. Тем не менее это не тот путь, которым они следовали, чтобы вступить в торговые и дружественные связи со своими южными соседями. Так как столица империи, Пекин, лежит очень далеко от центра Китая, то русские должны были сами выбрать, для сношений с этим государством, дальнюю дорогу, ту, которая проходит через холодные нагорья восточной Монголии, на высотах более 1.200 метров, между Кяхтой и Пекином. Но теперь русские купцы хорошо понимают, насколько было бы удобнее, для их торгового обмена, отправляться прямо из западной Сибири в «Цветущее царство» через Чжунгарию и северный Гань-су. От поста Зайсан до Ханькоу, который можно считать истинным центром Китая, путешественники не встречают никаких препятствий; на протяжении 4.350 километров только 270 километров не могут быть проезжаемы на колесах; но и там есть хорошие тропинки, вполне удобные для прохода вьючных животных. На этой дороге приходится идти через пустыня Гоби только в продолжение восьми дневных переходов: везде в других местах находишь от этапа до этапа оседлые населения¹. От Тюмени до Хань-коу через Кяхту расстояние 7.435 километров, то-есть на 3.000 километров больше, чем через долину Черного Иртыша и оазис Хами, и мы знаем из рассказов путешественников, с какими трудностями и лишениями сопровождается переход через плоские возвышенности восточной Монголии: продолжительность путешествия, исчисляемая всего только в 140 дней по прямому ближайшему пути через долину Черного Иртыша, составляет не менее 202 дней по отдаленной дороге, которою обыкновенно следуют караваны, направляющиеся к Пекину. Что касается дороги, которою тоже пользуются купцы и которая поднимается вверх по долинам русского Алтая к пограничным перевалам и затем спускается на юг к Кобдо и Улясутаю, чтобы обогнуть с южной стороны основание гор Хангай, то это из всех дорог самая трудная и пролегающая по местностям наименее плодородным и наименее населенным, без сомнения, и это не тот путь, который будет выбран главным потоком международного торгового обмена. Вот почему Россия придает так много важности обладанию подступами к этой дороге, и при заключении трактата об уступке ки-

1 Полковник Сосновский, „Journal of the Geographical Society of London“, 1877.

тайскому правительству Кульджи, занятой ею во время волнений в пограничных провинциях Китая, выговорила себе право пользоваться этим путем для торговых экспедиций русских подданных; с другой стороны, Кульджинская территория врезывается клином между северной Чжунгарией и долиной Тарима, и если бы китайцы не обладали долиной Или, то они не могли бы отправляться прямым путем из чжунгарских степей к оазисам Кашгара и Яркенда и должны бы были делать большой обход, на восток от Тянь-шаня.

Внешний Китай, заключающийся между Небесными горами и Алтаем, делится естественным образом на две области, резко отличающиеся между собой и очень неравные пространством и цифрой народонаселения, которые отделены одна от другой хребтом Боро-хоро: эти два округа суть Тарбагатай и провинция Или. Вот сравнительная величина той и другой:

	Вероятн. пространство.	Вероятн. население.
Округ Тарбагатай	1.163 кв мили.	64.000 жит.
Округ Или	1.265 „ „	140.000 „

Так же, как наибольшая часть монгольских равнин, степи Чжунгарии представляют однообразные пространства, состоящие из желтых или красноватых глин и не имеющие другой растительности, кроме тощего мелкого кустарника; только по берегам текущих вод тополи и осина колышат свою скудную листву над камышами. Общее однообразие страны прерывается живописными или очаровательными местоположениями только в соседстве высоких гор. Хотя китайский Алтай имеет вообще очень суровый вид и хотя крутизны его, обращенные к югу, состоят по большей части из голых и мрачных утесов, однако в некоторых долинах южного склона существуют леса, луга, цветущие скаты, и белые полосы снега образуют там и сям яркий контраст с рыжеватым или серым цветом скал и зеленью ложин. На юге Чжунгарии, краевые горные цепи, Катунь, Боро-хоро, Талки, благодаря тому, что отлогости их обращены на север, гораздо богаче лесами, чем Алтай: в некоторых местах склоны гор сплошь покрыты вековыми соснами. Самая живописная местность Чжунгарии—юго-западный угол страны, где находится низменность или котловина, наполненная водами Сайрам-нора. Это озеро не самое значительное в Чжунгарии; Эби-нор, Аяр-нор и Улюнгур превосходят его протяжением, но оно, как говорят, очень глубоко: оттого монголы дали ему название «Большая вода»; китайцы же поэтически называют его «озером Большого спокойствия». Оно открывается как огромный кратер между лесистыми горами, и уровень его лежит всего только на какую-нибудь сотню метров ниже порога Талки, через который императорская дорога спускается в Илийскую долину. Полагают, что излишек вод Сайрам-нора уходит подземным путем под перевалом Талки и образует обильные источники, которые орошают равнины Кульджи¹. Если это предположение верно, мы имеем перед собой явление аналогичное тому, которое представляет на другой оконечности Чжунгарии, большое озеро Улюнгур или Кизыль-баш—то-есть «озеро красноголовых лососей»,—где подземный исток, открытый г. Мирошниченко, уносит излишние воды в реку Кара-Иртыш².

Известно, что Кульджинская территория, находившаяся некоторое время во владении России, есть одна из прекраснейших стран центральной Азии. Она обнимает всю восточную часть Небесных гор с её большими горными цепями, высотой от 5.000 до 6.000 и даже до 7.200 метров, с её долинами, в которые изливаются ледяные реки, с её обширными плоскогорьями, одетыми мягкой муравой, с её лесами сосен и яблонь, с её равнинами, где текущие воды и искусственные оросительные каналы (арыки) дают возможность почве производить богатейшие урожаи. Долина Текеса, который некогда был озером, долины Кунгеса и Каша довольно редко населены, по причине большой высоты их положения: почти все население сгруппировалось в равнинах, которые орошает река Или в своем среднем течении, прежде чем вступает в пределы русских владений и поворачивает к северо-западу, чтобы излить

¹ Мушкетов, „Записки минералогического Общества“, 1877 г.

² См. том VI Всемирной географии

свои воды в озеро Балхаш.

Чжунгары, то-есть «колена левой стороны», перестали существовать, как нация, и имя их сохранилось только в названии страны, которая некогда была средоточием их могущества. Принадлежа к монгольской расе и к группе алеутов или «четырёх-цветных», они успели, последние между поколениями их племени, организовать государство независимое от Китая. В конце семнадцатого столетия, когда уже все другие монголы были покорены и разделены, чжунгары основали царство, которое в несколько лет сделалось одною из самых обширных империй Азии. Государь их, как говорят, командовал целым миллионом воинов; от гор Хами до озера Балхаш вся страна была покорена его власти, и Кашгар, Яркенд, даже города западного Туркестана платили ему дань; он хотел также распространить свое владычество на Тибет, и его армии, после трех последовательных нападений, успели в 1717 году овладеть Лассой и священной крепостью Потала, резиденцией далай-ламы; только двум ламам, посланным китайским императором Кан-си с поручением составить карту Тибета, с большим трудом удалось избежать участи своих собратий, которых победители увезли в Чжунгарию связанных на верблюдах. Внутренние раздоры и междоусобные войны не позволили этому монгольскому царству удержаться против Китая. Две императорские армии были уничтожены чжунгарами; но, в 1757 году, третья армия достигла успеха в деле обратного завоевания покоренных чжунгарами земель: вся занятая ими территория была забрана богдыханом Цянь-луном, и враждебные монголы, которым не удалось спастись бегством в Сибирь или за Небесные горы, в западный Туркестан, были беспощадно перебиты: около миллиона человек, мужчин, женщин и детей, погибли в этом общем погроме и поголовном истреблении нации. Самое имя последней исчезло, и теперь следы чжунгарских семейств остались только между коленами калмыков-горцев, которые дали им у себя убежище, и с которыми беглецы быстро смешались, благодаря общности языка и религии. Разрушенные города были заменены военными постами и поселениями преступников, присылаемых из всех частей Китая и Монголии¹; кроме того, и добровольные переселенцы в большом числе стали водворяться в опустошенных областях. В 1771 году калмыки, отрасли тургутов, кочевавшие на приволжских степях луговой стороны, ушли в привольные чжунгарские степи, которые еще прославлялись народным преданием. Из трех сот тысяч калмыков, ушедших тогда с западных берегов Каспийского моря, многие тысячи погибли во время трудного бегства, продолжавшагося восемь месяцев через реку Урал, Эмбенские болота, пустыни Туркестана; но, по рассказам китайских писателей, главная масса этого несметного полчища переселенцев успела добраться до степей, расстилающихся у основания Небесных гор, Тарбагатай, Алтай, и множество других монголов, которых победы китайцев перед тем вытеснили за пределы Срединной империи, увлеклись заразительным примером и присоединились к возвратному движению их соплеменников в общее отечество предков. Таким образом полмиллиона пришельцев вновь заселили пространство, простирающееся от озера Балхаш до пустынь Гоби, и китайский император Цянь-лун мог похвалиться тем, что сделался повелителем всей монгольской нации.

Но различие рас и религий и, еще в гораздо более сильной степени, ненависть, порожденная китайским угнетением, неминуемо должны были привести, в конце концов, к новым кровавым столкновениям. Столетие спустя после разрушения чжунгарского царства, земледельческое население бассейна реки Или поднялось против китайских мандаринов и манчжурских солдат. Дунгане, то-есть оседлые магометане страны, которые считают себя потомками воинов Тамерлана, оставшихся в крае после прохода грозного завоевателя, и таранчи, — название, под которым обыкновенно понимают всех колонистов, переселившихся сюда из притаримских местностей, — одни завязали борьбу. Киргиз-кайсаки северных степей, кара-киргизы (черные киргизы) или буруты долин Тянь-шаня не имели надобности принимать участие в этом столкновении, благодаря преимуществам своего положения, которые да-

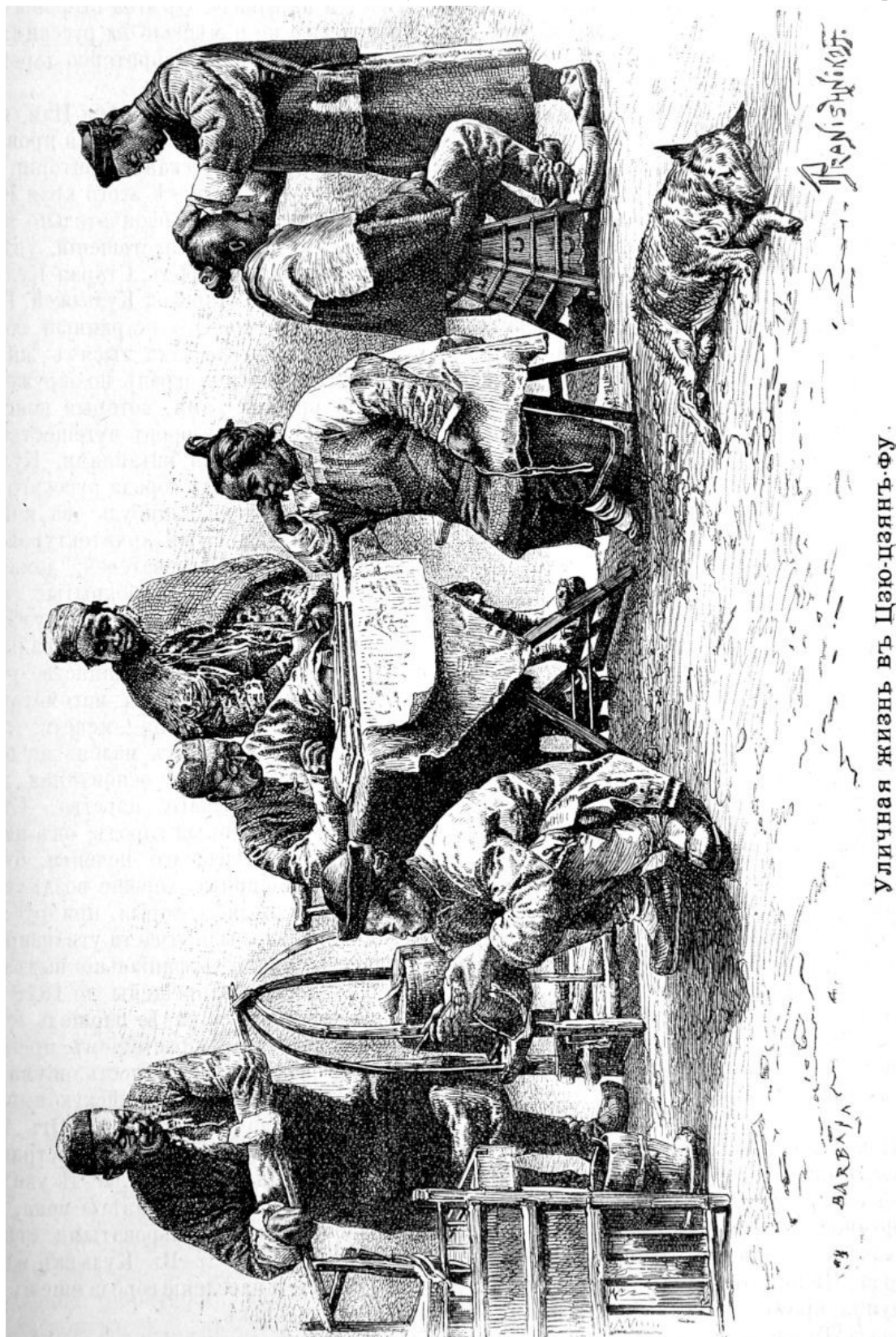
1 Mailla, „Memoires concernant l'histoire de Chine”, — Клапрот; — Тимковский; — Карл Риттер.

вал им кочевой образ жизни; но между земледельцами равнины и их господами, сидевшими в городах, война, сначала веденная с той и другой стороны с большой нерешительностью, принимала с каждым годом все более ожесточенный характер и кончилась в 1865 году всеобщим избиением китайцев, маньчжур и других военных поселенцев, пришедших с Востока: только молодые женщины были пощажены, но и то затем, чтобы сделаться невольницами. Прибытие русских, которым Кульджинский край был временно передан китайскими военачальниками, положил конец этой резне; но говорят, что тогда в стране не оставалось даже десятой части прежнего народонаселения: из двух миллионов жителей, которые имел Кульджинский округ до восстания, осталось не более 139.000 человек, в огромном большинстве дунган и таранчей. Только немногим китайцам и маньчжурам так же, как небольшому числу солонов, потомков военных поселенцев, удалось избежать насильственной смерти в Кульдже и в её окрестностях. Теперь магометанским инсургентам нужно, в свою очередь, опасаться мщения китайцев: оттого, по Петербургскому трактату 1881 года, возвращающему Кульджинский край Китаю, Россия нашла необходимым отвести особую территорию, могущую служить убежищем для дунган и таранчей, которые не пожелают остаться под властью китайского правительства. Так велики естественные выгоды, которыми пользуется бассейн Или в отношении климата, плодородия земли, природных богатств, что, несмотря на страшные побоища 1865 года, эта страна все еще гораздо богаче жителями, нежели северная Чжунгария.

В северной Чжунгарии, то-есть в бассейне Улюнгур и на берегах Черного Иртыша, нет городов в собственном смысле слова. Однако, два поста получили некоторую важность, как этапные места и исходные пункты караванов: это Булун-тохой, укрепленный городок, которым владеют китайцы, на южном берегу озера Улюнгур, и Тульта или Тульту, на одном притоке Черного Иртыша, при входе в пролом между гор, через который ведет дорога, поднимающаяся на плоскогорье Кобдо; русские купцы сделали его складочным местом для торгового обмена с Монголией. Самый деятельный рынок Тарбагатай—город Чугучак, стоящий у южного основания хребта Тарбагатай. в бассейне реки Эмиль, впадающей в озеро Алакуль. Расположенный на сибирской покатости, всего только в 20 верстах от пограничного поста Бахты, этот город предоставляет русским негоциантам большие выгоды для склада их товаров: в этом месте они так же хорошо защищены от вымогательств мандаринов, как если бы они были на русской территории. Кроме того Чугучак находится на дороге, по которой уже около двух столетий следуют караваны яркендцев и кашгарцев, ведущих меновую торговлю с городами Сибири. Эти купцы, известные обыкновенно под именем бухарцев, как приходящие из «Малой Бухарии», выбрали, чтобы пробраться из бассейна Тарима в бассейн Оби, окольную дорогу, которая проходит через центральный Тянь-шань, огибает озеро Балхаш и, перевалив через хребет Тарбагатай, спускается в долину Иртыша: следуя этим путем, они избегали больших западных пустынь, равно как нападений разбойничьих киргизских племен, и везде находили пастбище для своих выючных животных. В половине прошлого столетия русское правительство хотело остановить эту торговлю, чтобы обеспечить монополию другим путям, и отказывало в проходе всем путешественникам, которые избирали дорогу на Тарбагатай; даже смертная казнь была постановляема против тех, кто оказывался виновным в привозе ревеня запрещенным путем¹. Но укоренившиеся привычки, в конце концов, пересилили все эти запрещения, и Чугучак опять сделался более, чем когда-либо, сборным местом караванов; в 1854 году он отправил в Россию одного чая на сумму около 1.600.000 руб.; население его в то время простиралось до 30.000 постоянных жителей. Разоренный восстанием дунган, Чугучак снова заселяется мало-по-малу добровольными колонистами и ссыльнопоселенцами. Город, представляющий обширное скопление глиняных домиков, состоит из нескольких кварталов, из которых каждый населен отдельно эмигрантами различных национальностей, китайцами, маньчжурами, монголами, киргизами, таранчами.

1 Шренк, „Beitrag zur Kenntniss des Russischen Reiches, von Baer und Helmersen“, vol. VII;—Потанин, „Записки Русского Географического Общества“, I, 1867 г.

Отлично орошаемые фруктовые сады окружают со всех сторон Чугучак, а в соседстве его разрабатываются залежи каменного угля¹. Перевал Хабарассу, посредством которого Чугучак сообщается с Семипалатинском, доступен колесным экипажам и на самом пороге, на

Уличная жизнь въ Цзю-цзянь-фу.

высоте 2.874 метров, построен каравансарай. К югу от Чугучака, переход через реку Эмилъ и её прибрежные болота, близ русской границы, обороняется укреплением Сарлытам.

1 Finsche, „Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876“.

На запад от Урумчи все города южной Чжунгарии, Манас, Кур-кара-усу, Шихо и другие, суть военные посты, населенные ссыльными, как большая часть других поселений, находящихся вне Великой стены, и в административном отношении причислены к Новой линии. Все время, пока продолжалась русская оккупация Кульджинской территории, эти укрепленные пункты имели значительные гарнизоны; даже настоящие армии были сосредоточены между озерами Эби-нор и Сайрам-нор, чтобы сторожить переходы, через которые Чжунгария сообщается с Илийской долиной; теперь колонизация в собственном смысле быстро усиливается в этом крае, особенно к востоку от Манаса, окрестности которого есть одни из самых плодородных областей Новой линии, лежащих на север от Небесных гор; золотые прииски, месторождения ископаемого угля, соляные озера и особенно нефтяное озеро, о котором говорит г. Регель, как о бассейне, находящемся по близости города Шихо, обещают этим колонистам будущие промышленные богатства. На юге, перевал Талки и многие другие проломы горной цепи позволяют китайцам спускаться без труда в равнины Кульджи: тем не менее очевидно, что этот край географически принадлежит к другой естественной области, а не к Монголии: он составляет часть арало-каспийского бассейна, к которому он широко открывается на западе. С этой стороны никакое препятствие не помешало бы русским войскам снова вступить на территорию дорога, на которую уже знакома им.

Известно, что в бассейне реки Или (в VI томе настоящей географии Илийская провинция была описана, как русская территория, так как трактат об уступке этого края Китаю в то время еще не был окончательно заключен), после недавних опустошений, уцелел один только важный город, Старая Кульджа, называемая также Татарской Кульджей, Нин-юань-чэн и Курень. Это старинный город, заключающий около десятка тысяч жителей в своей четырехугольной ограде, но окруженный обширными предместьями, которые пояс тополей скрывает от взоров путешественников. Хотя построенная китайцами, Кульджа сохраняет внутри вид города русского Туркестана и только каких-нибудь два или три здания напоминают своей архитектурой присутствие восточных завоевателей; дома, построенные из битой земли, покрытые глиняными кровлями, походят на жилища узбеков и сартов в городах бассейна Аральского моря. Притом, огромное большинство городского населения состоит из магометан, и главные религиозные здания—мечети; кроме того в городе существует маленькая община китайцев-католиков, основанная после разрушения чжунгарского царства. Старая Кульджа—промышленный город; он имеет мельницы, фабрики разного печенья, бумажную фабрику, обширные хорошо возделанные сады и богатые поля, которые, при русском управлении краем, были отчасти утилизируемы для культуры мака. Официально выделка и вывоз опиума были запрещены до 1878 года, но уже за четыре года ранее площадь земель, засеянных запретным растением, превосходила 3.000 гектаров, и ценность опиума, вывозимого из Кульджи в Китайскую империю, достигала миллиона франков¹. От места слияния рек Или и Каша, на пространстве сотни верст вниз по течению, везде увидишь, в весеннюю пору, красные цветы мака, ярко блистающие рядом с сероватыми стенами глиняных домов². В Кульдже живет русский консул, и население города еще в 1888 году=7.000 человек.

К западу от Старой Кульджи следы недавней опустошительной войны являются во всем их ужасе. Маленький городок Суйдун, населенный дунганами-земледельцами, существует еще; но, недалеко оттуда, город Баяндай, имевший, как говорят, 150.000 жителей, теперь представляет только развалины, полуразрушенные стены, окруженные молодыми вязами. От города, который манчжуры основала в 1764 году, чтобы сделать его столицей края, и который был известен под разными именами: Новой Кульджи, Маньчжурской Кульджи, Или или Хой-юань-чэна, осталась только крепость, окруженная грудami мусора и костей. Далее следуют один за другим другие разрушенные города, Чинча-хоцзи, Лаоцагун, Такианцзы и еще несколько других; засоренные обломками, оросительные каналы превращаются в болота. Однако, там и сям, между развалинами, выстраиваются уже новые домики. Невозможно,

1 „Туркестанские Ведомости“, 29 июля 1890 г.

2 Delmar Morgan, „Proceedings of the Geographical Society of London“, march 1881.

чтобы страна, занимающая такое счастливое географическое положение, лежащая в умеренном поясе и защищенная от полярных ветров, страна, столь богатая проточными водами и естественными произведениями, не приобрела снова значительной важности по своей населенности, своей промышленности и торговле. Провинция Или известна как месторождение золота, серебра, меди, железа, свинца, графита; в ней найдены пласты каменного угля, уже эксплуатируемые, и другие, гораздо более обширные, залежи этого минерального топлива, еще ожидающие разработки; горячие минеральные источники в изобилии бьют из земли в её долинах, и ни в одной области центральной Азии не увидишь более грандиозных местоположений, чем на берегах реки Каш и в бассейне реки Текес, у подошвы ледников и гор, над которыми величественно поднимается под облака исполинский Хан-тенгри или «царь-небес».

Города округов Или и Тарбагатай, суть:

Старая Кульджа, в 1888 г.—7.000 жит.; Суйдун—4.000 жит.; Чугучак, в 1888 г.—4.500 жит.; Тульгу—1.700 (?)

IV. Северная Монголия и Гоби

Эта обширная область, по которой кочуют монголы, одна почти равняется протяжением Китаю в собственном смысле. Если прибавить к ней Чжунгарию, равнины Монгольского Гань-су и бассейн Тарима с пустыней Такла-макан, то оказывается, что она занимает половину империи. Между этими двумя частями громадной территории, принадлежащей «Сыну Неба», контраст полный: мало найдется стран на земном шаре, между которыми существовали бы более резкие различия в отношении климата, свойства почвы, образа жизни обитателей. Собственно Китай есть одна из стран мира, наилучше обработанных, самых промышленных и самых богатых, одна из тех стран, где населения скучены в наибольшем числе. Напротив, Монголия северная, так называемая «внешняя», есть одно из наименее населенных пространств нашей планеты, и даже отделена от Китая на обширных протяжениях, землями совершенно пустынными.

	Пространство кв. геогр. миль	Население	На 1 миллию
Монголия внешняя или сев. (Халха)			
Монголия внутренняя или южная (Кобдо, Ала-шань и Ордос)	50.234 ⁵⁹	3.000.000	59 чел.

В некоторых местах, однако, и особенно на юго-востоке, колонизация связала этот край с Китаем и сделала из него «внутреннюю Монголию», несравненно гуще населенную, чем Монголия в собственном смысле, называемая китайцами Цао-ди или «Травяной землей». Таким способом образовался промежуточный пояс, который не принадлежит более к Монголии с этнографической точки зрения, но который, геологически и физически, составляет еще часть её, так как он обнимает скалистые покатоки, образующие цоколь плоскогорья. Естественная граница степи ясно обозначена окраиной из гранитных скал, по которым лавы разлились громадной площадью, представляющей слегка волнообразную поверхность; но эта окраина была в разных местах прорыта водами; даже лавы были размыты горными потоками, временными или постоянными, которые спускаются к рекам, несущим свои воды в Тихий океан. Таким образом плоская возвышенность была изрезана по краям наружными выемками или долинами, в которые легко проникли китайские земледельцы. Настоящая внутренняя Монголия начинается только в той области нагорья, где снеговые и дождевые воды, не находя более истока через окраину, должны застаиваться в виде луж или продолжать путь в виде ручьев, скоро испаряющихся¹.

Если китайское правительство воздвигло непрерывный вал между Монголией и Средней империей, то оно в этом случае только построило видимую границу между двумя есте-

1 F. v. Richthofen, „Letter on the provinces of China, Shansi,... with notes of Mongolia”.

ственными областями, которые уже были разделены самой природой. Различным условиям климата и почвы соответствуют различия и между населением: географический контраст дополняется контрастом этнологическим. Это составляет капитальный факт в истории китайского мира, и мы знаем, что он имел также значительное влияние на судьбы самой Европы. Следствия происходившей в этой части Азии борьбы отразились через весь континент Старого Света до окончательности запада мирными переселениями и вооруженными нашествиями народов.

Как бы ни была велика важность неровностей в устройстве поверхности, можно сказать, что Монголия и Гоби, как естественные области, менее отделены от Китая рельефом почвы, нежели климатическими условиями. На севере, как и на юге от Великой стены, мы видим равнины и долины, плоскогорья и горные цепи, проточные воды и озера; даже одна большая река, Хуан-хэ (Гоан-го) принадлежит в одно и то же время и Монголии и Китаю: в среднем своем течении она направляется к северу, описывая большую дугу, и отделяет территорию ордосов от остальной Монголии. Тем не менее можно представлять себе в общих чертах Монголию и Гоби, как обширную плоскую возвышенность, слегка изрытую в средней её части и поднимающуюся постепенно от юго-запада к северо-востоку: средняя абсолютная высота этого плоскогорья, составляющая около 800 метров на западной окраине, превышает 1.200 метров в восточной части. Цепи и массивы гор ограничивают Монголию на большом протяжении её окружности: на северо-западе Алтайские и Саянские горы, на севере группа Мунку-сардык, Байкальские горы, хребет Кэнтэй; на востоке краевой хребет Хингана; на юго-востоке гряды гор, которые господствуют над Пекинской равниной, затем горы, которые перерезывает Желтая река; наконец на юге горные хребты, которые соединяются с вершинами Нань-шаня и, через эту цепь, с системой Куэнь-луня. Только на западе Монголия сравнительно открыта к чжунгарским проходам и к замкнутому бассейну Тарима.

Алтай открывает свои очаровательнейшие долины и свои живописнейшие ущелья не со стороны Монголии. На южной покатости склоны имеют меньшую относительную высоту по причине значительного возвышения равнин, расстилающихся у их основания; граница постоянных снегов лежит выше, и кроме как на западе, в стране Кобдо, немногие из горных вершин достигают высоты, которая около 2.600 метров по Мирошниченко, 2.730 метров по Сосновскому; ветры приносят сюда только сухой воздух из степей и пустыни. В этой центральной области Азии самые влажные атмосферные течения это те, которые приходят с ближайшего моря, то-есть с Ледовитого океана: только северо-восточные ветры приносят с собой дожди и дают зелень, но эти ветры доходят только до северной покатости Алтая, южные же скаты его остаются без растительности. Во многих местах контраст полный с той и другой стороны хребта: на севере густые леса; на юге кое-где мелкий кустарник.

Два главные хребта, которые отделяются от системы Алтая на монгольскую территорию, Эктаг-алтай и Танну-ула. Эктаг-алтай, который иногда называют «Большим алтаем», есть горная цепь, простирающаяся по направлению от северо-запада на юго-восток, параллельно течению Черного Иртыша и Улюнгура. Некоторые из его вершин поднимаются за предел вечного снега,—откуда и произошло это название Эктаг, то же самое, как имя Ак-таг или «Белые горы» на других тюркских диалектах;—но между вершинами открываются довольно глубокие проходы, через которые караваны русских купцов с берегов Иртыша без труда переходят через эту цепь гор, чтобы выйти на плоскогорье Кобдо¹. Прежде русские исследователи представляли Алтайскую цепь, как оканчивающуюся в пустыне, на севере от истоков Иртыша; но путешествия г. Потанина доказали, что это не так: хребет Эктаг-алтай продолжается на юго-восток, далеко за меридиан Кобдо, затем, поворачивая в восточном направлении под именем Алтай-нуру, разделяется на несколько хребтов и ограничивает с южной стороны область плоскогорий. Некоторые вершины поднимаются до высоты 3.000 метров в этой цепи, самое существование которой еще недавно было неизвестно европейским географам; перевал Улан-даба, через который пролегает дорога из Кобдо в Баркуль, имеет не менее

1 Полковник Сосновский, „Известия Императорского Русского Географического Общества“, за 1876 г.

2.820 метров абсолютной высоты¹. На восток от Эктаг-алтая другие горные цепи, наполовину врезающиеся в толщу плоскогорья, тянутся параллельно Эктагу и Танну-ула, то есть по направлению от северо-запада к юго-востоку, но образуя многочисленные неправильные массивы, перерезанные во всех направлениях оврагами, размытыми водой. В этой именно области находится, по свидетельству путешественников, самый высокий хребет системы Алтая: Ней Элиас перешел его, по дороге из Кобдо в Бийск, на перевале Баян-ингир, абсолютная высота которого 2.713 метров. Одна снеговая вершина, которая высится на севере, в непосредственном соседстве этого прохода, показалась ему достигающей 3.600 метров, следовательно, она на 250 метров выше горы Белухи, этого исполина русского Алтая². По словам г. Певцова, высочайшая вершина этой области, может быть та самая, о которой говорит Ней Элиас, — носит название Алтын-цицик³.

Восточная цепь плоскогорья Кобдо, Танну-ула, продолжается на большое расстояние к востоку от Алтая, до истоков различных рек, которые своим соединением образуют реку Селенгу. По свидетельству г. Певцова, верхушки цепи Танну-ула также переходят за нижний предел постоянных снегов; но во многих местах хребет имеет весьма незначительную высоту над долинами и плоскогорьями обоих его склонов. Особенно с западной стороны эти горы кажутся незначительным хребтом по причине общего возвышения страны, которую гряды высот делят на отдельные бассейны. На юге, плоскогорье, в отношении которого Танну-ула составляет краевую цепь, имеет среднюю ширину более 200 километров и оканчивается на южной окраине другой цепью, называемой Хангай, вдоль южного основания которой проходили гг. Певцов, Шишмарев, Ней Элиас. Снеговые вершины высотой до 3.000 метров поднимаются на этом хребте над лесистыми скатами, где бьют из земли обильные источники. Между цепями Хангай и Алтай-нуру залегают степи, имеющие от 1.500 до 1.800 метров средней абсолютной высоты и перерезанные там и сям оврагами.

Все лощины и низины плоскогорья, заключающегося в обширном четырехугольнике монгольского Алтая, заняты озерными бассейнами. Один из этих резервуаров без истечения, недалеко от горного узла, где хребет Танну-ула отделяется от Алтайских гор, представляет обширную впадину, наполненную соевыми водами Убса-нора, одного из величайших озер Китайской империи: это бассейн пространством по меньшей мере в 3.000 квадратных километров, где собираются воды с обширного амфитеатра гор. Другие озера плоскогорья, тоже соляные по причине недостатка истоков, менее обширны, нежели Убса-нор; но главные между ними принадлежат в гидрографической системе более значительных размеров. Одна река, получающая начало на южных скатах цепи Танну-ула, с другой стороны хребта, откуда изливаются первые ручьи, образующие Селенгу, течет в начале на юго-запад, как-бы для того, чтобы направиться в пустыню, затем она огибает на северо-запад гористое плоскогорье Улясутай и, соединившись с горными потоками, спускающимися с этого плато, теряется, наконец, под именем Дзапхын, в соляных озерах на юге от гор, ограничивающих бассейн Убса-нора. Озеро Кобдо или Кара-усу, т.е. «Черная вода», которое получает воды с хребта Эктаг-алтай через реку Кобдо и через Буянту, принадлежит к тому же бассейну посредством истока, который соединяется с рекой Дзапхын. На высоте более 1.000 метров, может быть, на высоте 1.100 метров, находится Киргиз-нор (Киргизское озеро), самая низкая впадина плоскогорья Кобдо: озеро Кара-усу лежит на высоте 1.256 метров. На этой высоте, по берегам текущих вод, еще растут тополи и осины; но в других местах деревья редки: растительность этих гористых областей походит на растительность степей, и соляные выветривания белеют в лощинах и оврагах. Однако, на некоторых, хорошо орошаемых, местах склонов почва покрыта прекрасным дерном.

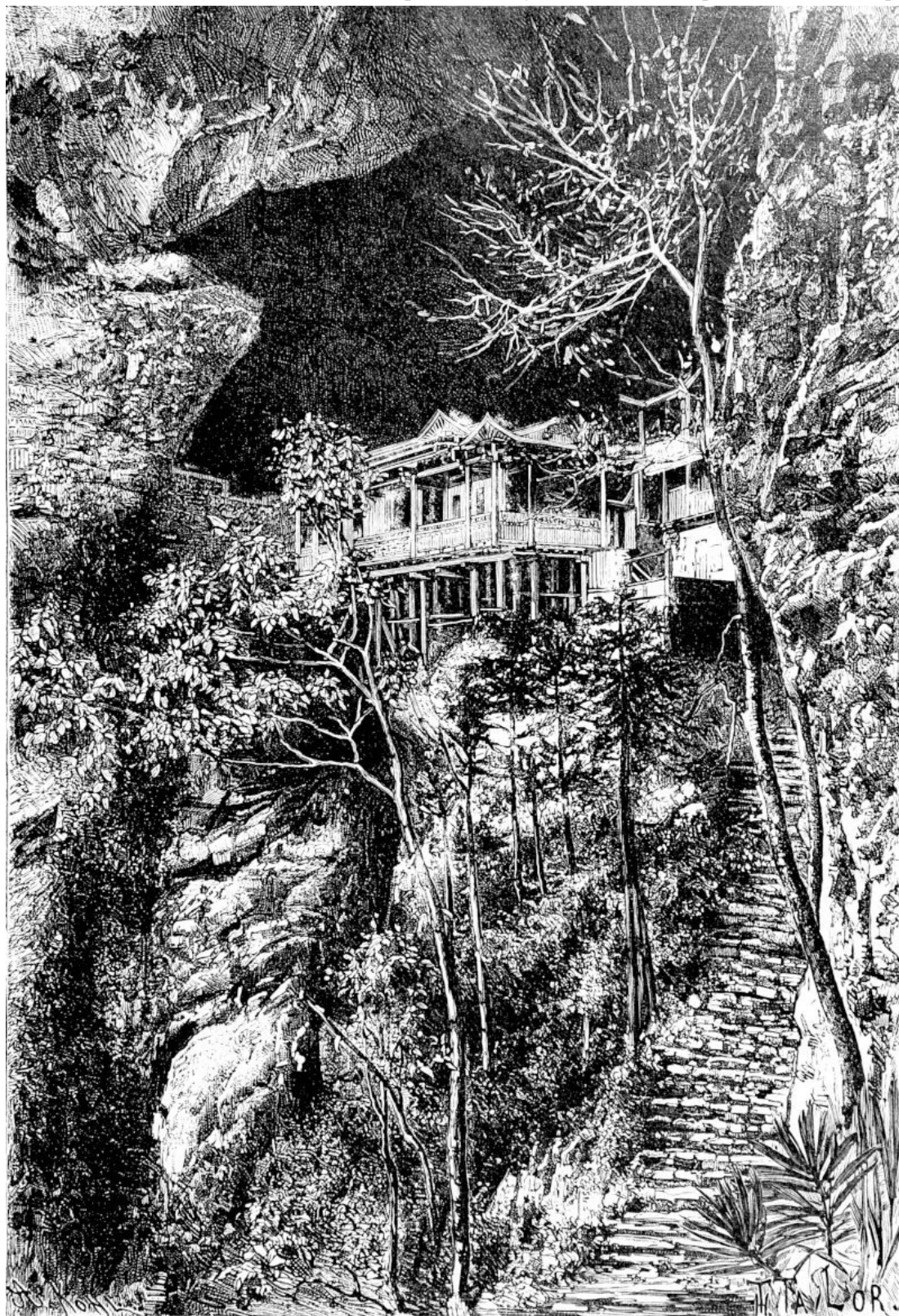
К востоку от цепи Танну-ула монгольская территория выдвигается далеко на покатость Ледовитого океана. Верхние бассейны Енисея и Селенги, хотя изливающие свои воды в си-

1 „Mittheilungen von Petermann“, май, 1881 г.

2 „Journal of the Geographical Society of London“, 1873 г.

3 „Туркестанские Ведомости“, 8 апреля 1880 г.

бирские реки, принадлежат, однако, к Монголии. Кочующие скотоводы «Земли трав», естественно, старались распространить свое владение насколько возможно было далее во всей области пастбищ. На юге их естественная граница—пустыня; на севере—леса; весь промежу-

Буддистскій монастырь близъ Фу-чжоу-фу.

точный пояс, в какую бы сторону ни направлялось течение рек, представляет травяную степь, по которой они кочуют со своими стадами. Впрочем, этот предел пастбищ и лесов, составляющий естественный рубеж Монголии, почти везде совпадает с горными хребтами. В бассейне Енисея Монголию отделяют от русской территории Саянские горы, а самое назва-

ние «тайга», то-есть «лес», которое дают их главному хребту, Эргик-таргак, свидетельствуют о контрасте, который представляют его лесистые склоны с луговыми пространствами монгольского ската. Однако и эти последние не совсем лишены древесной растительности; сибирские кедры и лиственницы растут там и сям группами на отлогостях гор, тогда как берега ручьев окаймлены ивами и тополями. Некоторый переход замечается в этой области между монгольской природой и сибирской; но известно, что различные долины «кем» или рек, образующих Енисей, все сходятся к узким воротам Саянского хребта, через которые эта река проникает в область гор, где извивается в поперечных долинах, переходя из ущелья в ущелье, до тех пор, пока течение её не вступит в открытые равнины Сибири. Этот ряд узких проходов и обозначает истинную границу.

Енисейская Монголия, в целом наклонная, включает лишь небольшие озерные бассейны; но на востоке верхний бассейн Селенги имеет гораздо меньший уклон, и потому воды там скопляются в виде озер. Самое обширное из них—Косогол, священное озеро, отражающее в своих лазурных водах пирамидальную вершину Мунку-сардыка с её лиственничными лесами, красноватыми крутизнами и ледяной диадемой. Косогол не замкнутый бассейн, как озера плоскогорья Кобдо; вода в нем пресная и вытекает потоком Эгин-гол, который далее сливается, в русле Селенги, с водами, спускающимися с гор сотней ручьев и речек; этот бассейн обнимает всю территорию, которая простирается, в виде полукруга, от южной оконечности цепи Танну-ула до массива Кэнтэй, конечной группы хребта, которому русские дали название «Яблонового». Еще далее на востоке, северо-восточная Монголия может быть рассматриваема как принадлежащая к бассейну Амура: река Кэрулэн, параллельная Онону, впадает во внутреннее море или озеро Далай-нор, соединенное с Хайларом; а эта река есть, если не исток, то один из важнейших притоков Аргуни, главной ветви Амура; во время высоких весенних разливов течение Хайлара гонит воды обратно в Далай-нор, и тогда низменные берега последнего затопляются на далекое пространство.

На юг от этой области Монголии, покатошь которой наклонена к русской территории, простирается пустынный пояс Гоби, пересекаемый в некоторых местах караванными дорогами, но нигде не обитаемый постоянным образом. Гоби или «Песчаная пустыня», у китайцев известная под именем Шамо, составляет восточную оконечность пояса сухих земель, который тянется наискось через весь Старый Свет, от гор Хинган до африканской реки Сенегал. Как пустыня Такла-макан в провинции Хотан, как пески Кизыл-кум и Ак-кум в Туркестане, как пустыни Персии, Сирии, Аравии, наконец, как громадная Сахара, Гоби находится на пути сухих ветров; и обратные воздушные потоки приносят ему весьма незначительное количество дождевой воды. Годовое падение дождя на севере и на юге от Гоби: в Урге (47°55' с.ш.) 239 миллиметров, в Си-вань-цзы (40°50' с.ш.) 461 миллиметр. Зимой господствующее атмосферное течение—северо-западное, но этот ветер, который, после того как он пронесся уже над ледяной поверхностью полярного океана, проходит еще над сибирскими тундрами и равнинами, на пространстве около 3.000 верст, и ударяется о скаты Саянских гор, не может приносить никакой влажности на монгольские плоскогорья: это ветер леденящий и иссушающий, от которого трескается кожа у путешественников, так что они принуждены защищать себе лицо войлочными масками¹. Летом ветер переменяется, воздушное течение принимает противоположное направление: юго-восточный муссон берет тогда перевес; но почти все дождевые облака, которые он приносит с Тихого океана, сгущаются в водяные капли и падают на землю на склонах гор и параллельных террасах, отделяющих собственный Китай от пустынных плоскогорий. Однако, летом иногда настоящие ливни разражаются и над восточным Гоби и в глинистых областях нагорья; они образуют там и сям лужи и временные озера, которые скоро испаряются, оставляя после себя только слой соленой пыли. В других местах почва изрыта эфемерными дождевыми потоками, и в этих-то промоинах монголы копают колодцы, в надежде найти там немного воды, просочившейся в землю, когда на плато почва утратила всякий след влажности. Но ни одна постоянная река

1 Рафаэль Помпелли:—Потанин;—Россель-Риллуг.

не могла образоваться к югу от Толы и Кэрулэна до Хуан-хэ, между хребтом Хинган и монгольским Гань-су, на пространстве, которое можно исчислять слишком в 1.200.000 квадратных километров, то-есть более, чем в два раза превосходящем поверхность Франции. Быстрота испарения на плоскогорьях Гоби объясняется силой и сухостью зимних ветров и высокой температурой лета: по своим холодам Гоби принадлежит к Сибири, а по своим жарам она походит на Индию, и эти крайности температуры, резкие переходы от зноя к морозу, происходят иногда в продолжение нескольких часов; промежутка в половину суток достаточно для того, чтобы термометр поднялся или понизился на 40 градусов Цельсия. Так, Пржевальский наблюдал, 16-го марта, в горах юго-восточной части Монголии, температуру +20°,5 (в тени), за которой следовал ночью мороз, доходивший до 18 градусов ниже точки замерзания. Вот числа, приводимые этим путешественником¹ для наибольшей и наименьшей температуры трех весенних месяцев:

Год 1872		Высшая	Низшая	Разность
		температура	температура	
	Март	22°	-20°,5	42°,5
	„ Апрель	21°	-16°	37°
	„ Май	40°	-2°	42°

Еще гораздо большую разность представляют крайности тепла и холода за целый год, как показывают следующие результаты наблюдений:

Место на-	Средняя	За июль	За январь	Высшая	Высший	Разность
блюдения	годовая			жара	холод	
Урга	-2,9	+17,6	-27,8	34	-48,2	82,2
Си-вань-цзы	+2,8	+19,5	-16,7	32,8	-31,1	63,9
Улясутай	-0,2	+19,2	-24,2	33,1	-47,3	80,4

Чрезвычайно суровые холода монгольских зим, тем более жестокие для путешественников, что они сопровождаются страшным северо-западным ветром, объясняют ошибку прежних географов, которые приписывали плоскогорью Гоби абсолютную высоту, по крайней мере, вдвое большую действительной его высоты. Эти земли не поднимаются, как полагали прежде, на 2.500 метров над уровнем океана; Фусс и Бунге, в 1832 году, и впоследствии Фритше, Пржевальский, Ней Элиас нашли для Гоби среднюю высоту, не превышающую 1.200 метров; но поверхность почвы на этой огромной возвышенности не везде ровная, ни даже правильно покатаая: она представляет обширные волнообразные повышения и понижения; в то время, как самые высокие верхушки широких хребтов достигают 1.400 или 1.500 метров, самые глубокие впадины, те, где еще в недавнюю геологическую эпоху скоплялись соляные воды, не превышают 900 или даже 800 метров в отношении морского уровня. Пригорки и скалы показываются там и сям, среди желтоватого пространства, где извиваются беловатые излучины караванной дороги: но эти незначительные неровности почвы нисколько не изменяют однообразия пейзажа; они только отнимают у него тот характер грандиозности, который имеют все гладкие равнины, сливающие вдали свой необозримый круг с синеватой дымкой горизонта. Странствуя по целым дням и неделям через пустынные пространства Гоби, везде встречаешь те же картины, голую землю, мелкий кустарник, овраги и гряды гор, следующие одна за другой, как волны на безбрежной поверхности моря.

Гоби или Шамо не вполне заслуживает данное ему имя: это не «песчаная пустыня» в строгом смысле слова; только там и сям, в самых глубоких впадинах, тянутся песчаные полосы ша-хэ или «песчаные реки», как назвал их буддийский монах Фагиан (Fahian), живший в конце четвертого столетия². Кое где, в этих низменных местностях прогуливаются песчаные бугры: но в других местах встречаются также горки этого рода, прежде подвижные, которые были постепенно прикреплены растительностью трав и кустарника: таковы бесчисленные дюны, следующие одна за другой непрерывным рядом близ восточной закраины Гоби, в соседстве города Долон-нор, и из которых иные обросли даже большими деревья-

¹ „Монголия и страна тангутов“

² Humboldt, „Asie centrale“.

ми, дубами, липами, березами. Почва Гоби в собственном смысле состоит почти везде из красноватого гравия, усеянного кварцевыми камешками, агатами, сердоликами, халцедонами³. Солончаки показываются в лощинах, местами попадаются также селитряные налеты, называемые монголами гунжир и хорошо известные верблюдам, которые останавливаются в таких местах и с жадностью лижут кристаллы селитры⁴. Трава редка в степи, и почти везде видна голая, желтая, серая или красноватая почва между пучками растений. На глинистом грунте растет *lasiagrostis splendens* или, как его называют монголы, дирису, тот самый злак, с твердыми, как железная проволока, стеблями, который также является главным представителем растительности в глинистых степях русского Туркестана. Деревьев и больших кустарников здесь совсем нет, кроме как в некоторых, хорошо защищенных лощинах. От Калгана до Урги, т.е. от одной оконечности пустыни до другой, на пространстве более 700 километров, Помпелли видел только кривые, чахлые деревца; Россель-Киллут насчитал их всего пять. В других местах растут также маленькие кучки жалких вязов, на которые монголы-кочевники приходят посмотреть вблизи, как на диво, прежде даже, чем водрузят свои палатки, но до которых они не дотрогиваются из опасения осквернить их своим прикосновением⁵. Ветер еще более, чем природное бесплодие почвы, препятствует произрастанию других видов, кроме низкой и гибкой травы: он вырывает с корнем иссушенные растения и катает их по степи, как хлопья пены по поверхности моря. В этих странах, как на плоскогорьях Тибета, номады не имеют другого топлива, кроме кала животных. Когда обитатели стойбища увидят пришедшего к ним какого-нибудь знакомого или даже чужого человека, они, первым делом, посылают к нему женщину с вязанкой кала (аргал), чтобы он мог развести вечерний огонь: так требуют правила гостеприимства⁶.

Фауна Гоби так же бедна, как и его флора. Подобно тому, как в Сибири, здесь встретишь во многих местах степи норки пищухи (*Iacomys*) или маленького зайца, животного величинной с крысу, всегда любопытного, всегда пугливого, который выбегает к отверстию своей подземной галереи, чтобы посмотреть на проходящих путников и быстро прячется в норку при их приближении: жизнь этого зверка, угрожаемая волками, лисицами и хищными птицами, проходит в постоянной тревоге. Самое крупное млекопитающее пустыни Гоби—дзэрэн или антилопа *gutturosa*, которая, может быть, не имеет себе равных по скорости бега; даже смертельно раненый и с одной переломленной ногой, дзэрэн может превзойти в скорости лучшую лошадь; приблизиться к нему можно не иначе, как хитростью: пуля охотника только тогда поразит животное, если попадет в сердце, в голову или спинной хребет. Стада антилоп по большей части состоят из тридцати до сорока голов; но иногда попадаются банды в несколько сот и даже до тысячи неделимых. Из других видов антилопы следует упомянуть антилопу—хара-сульта, которая иногда ходит вместе с дзэрэнами, а также горного барана или аргали, встречающегося среди горных хребтов. Весьма много в стране волков, лисиц и других более мелких животных. Вообще говоря, для всей Монголии Пржевальский указывает 67 различных млекопитающихся. Между птицами Гоби самые обыкновенные—коршуны, которые следуют за караванами в надежде чем-нибудь поживиться, и вороны, которые не боятся садиться даже на горбы верблюдов и проклевывают их до крови. Над травянистыми степями порхают особые монгольские большие жаворонки, так же звонко распеваящие, как и их европейские родичи, кроме того, очень искусно подражающие голосу других птиц и даже умеющие варьировать свои песни. На берегах луж и озер гнездятся в несметном множестве, среди густых камышей, утки, но они не могут проводить там суровую зиму и осенью улетают в более теплые края, к южному Китаю; с наступлением весны можно наблюдать, как эти нетерпеливые птицы поднимаются большими стаями, чтобы попытаться перелет через нагорье: отброшенные холодным ветром, они спускаются назад в нижние равнины, где к

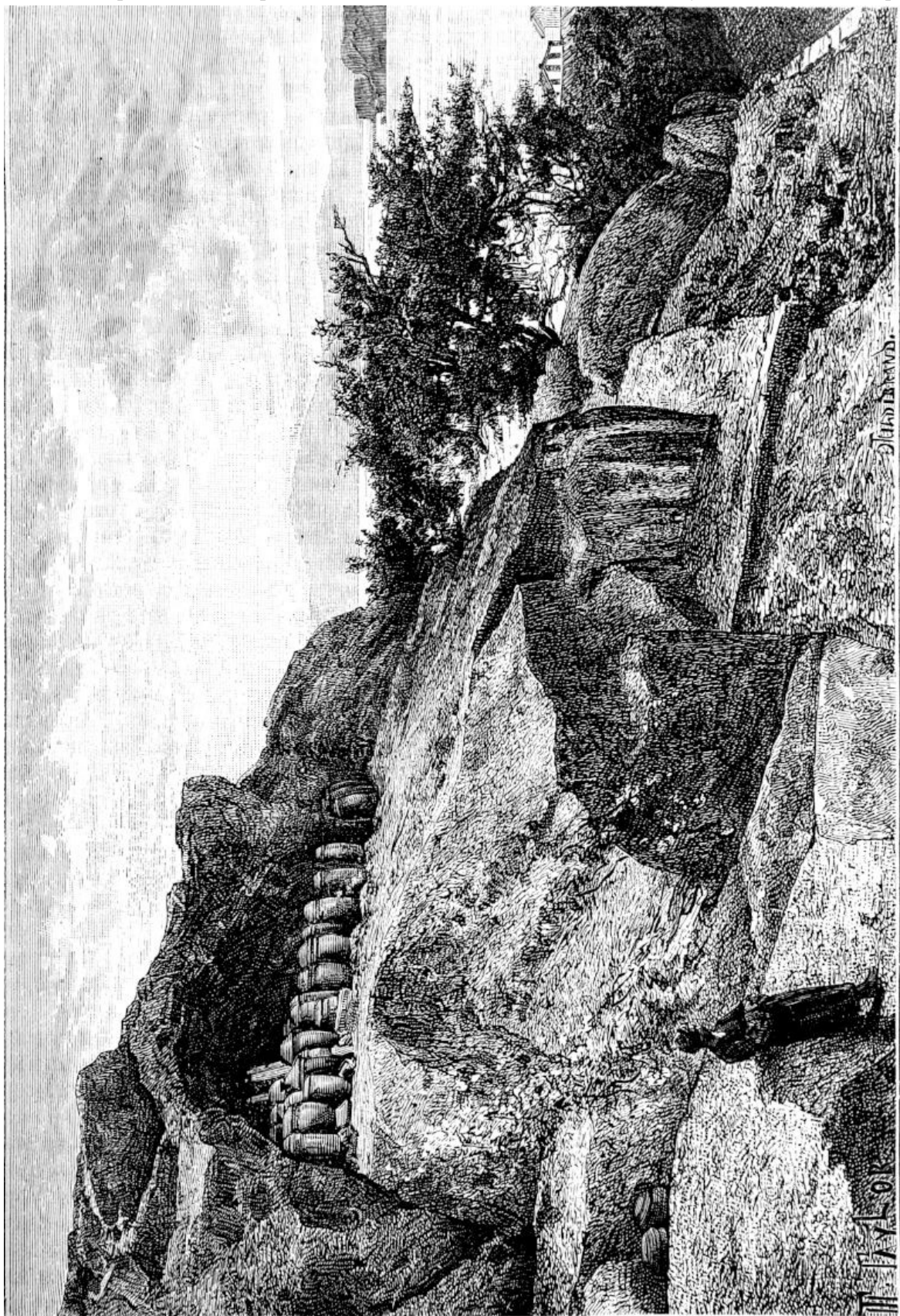
3 Raph Pompelly, „China, Mongolia and Japan“;—Пржевальский;—Russel Killough.

4 Пржевальский, „Монголия и страна тангутов“.

5 Иакинф Бичурин;—Рихтгофен.

6 Тимковский;—Мичи;—Пржевальский;—Россель-Киллут.

ним постепенно присоединяются новые эмигранты с юга, прибывающие все в большем и большем числе; затем, когда окончательно установится теплая погода, весь этот чающий движения пернатый люд разом поднимается, застилая, словно тучей, небо, и направляет

Погребальные урны близъ Амоя.

путь к родимым водам. Орнитологическую фауну Монголии Пржевальский определяет в составе 291 вида, из коих постоянно живущих птиц только 63, гнездящихся—142 и пролетных—86. Среди первых самые характерные: ворон, сойка, мохноногий сыч, ушастый жаворонок,

бальдурук и монгольский жаворонок.

На востоке плоскогорье Гоби ограничено высотами, которые еще и до сих пор не были вполне исследованы на обоих их скатах, но о которых известно, что они образуют длинную краевую цепь над равнинами Маньчжурии и над нижней террасой степей, которую называют Восточным Гоби или Малым Гоби. Эта цепь есть Хинган (Большой Хинганский хребет), который продолжается на север от Аргуни и который заставляет эту реку, затем Амур, уклониться далеко от первоначального направления, к грядам высот, параллельных Становому хребту. По словам г. Фритше, ни одна из гор этой цепи не превышает 2.500 метров и не достигает границы постоянных снегов. В прошлом столетии миссионеры Жербильтон и Фербишт упоминали, в описании своего путешествия, о массиве гор, носящем название Печа, который будто бы имеет 4.500 метров абсолютной высоты и составляет на юге конечную грань Хингана; но гг. Фритше и Пржевальский, а впоследствии Путята убедились, что краевая цепь именно в этом месте, хотя и состоит из выпуклин или отрогов довольно значительного возвышения, но самая высокая точка страны поднимается всего только немного более, чем на 1.600 метров над уровнем моря и не более, как на четыреста или пятьсот метров над поверхностью степей Гоби. В целом цепь, окаймляющая это плоскогорье, представляет на западе только округленные вершины и отлогости без лесной растительности; но с другой стороны, по крайней мере, в юго-восточной области плато, между отрогами открываются зеленеющие долины. С высот краевого хребта нагорья или с окраины нагорья, оканчивающейся обрывисто, как край крыши, ясно виден контраст двух природ: на севере и на западе—длинные волнообразные повышения и понижения однообразной и голой степи; на юге и на востоке—понижающиеся уступами террасы, с их склонами и лесами, с перерезывающими их долинами и ущельями, и в отдалении равнины, среди которых извиваются речки, показывающиеся там и сям серебристой лентой между деревьями¹.

Гнейсовые хребты, покрытые в некоторых местах вулканическими породами (лавами), ограничивают плоскогорье Гоби на севере от Пекина, продолжают на юго-запад под разными именами, китайскими и монгольскими, и сопровождают Желтую реку в самой северной части её течения. Эта совокупность горных краев, обозначаемая общим наименованием Ин-шань оканчивается в солончаковых пустынях Ала-шаня, на северо-западе от большего колена Желтой реки: гранитные, гнейсовые и порфировые скалы поднимают там свои гребни до высоты от 2.000 до 2.700 метров, и на многих из них обнаружено существование шлифованных и исцарапанных поверхностей, которые свидетельствуют о прохождении древних ледников². Эти горы отличаются от большинства горных масс Монголии обилием вод и богатством растительности. Желтое море, которое врывается далеко внутрь материка Чилийским (Печилийским) заливом, посылает Ин-шаню достаточное количество дождей, чтобы одеть его богатым растительным покровом, состоящим из трав, кустарников и больших деревьев. Луга, расстилающиеся ярко-зеленым ковром, как луга Альп, украшаются весной разноцветной вышивкой цветов; орешник, шиповник, дикое персиковое дерево, барбарис, крыжевник и другие кустарники и деревца растут в скалистых местностях, тогда как выше тянется пояс лесов, заключающий более крупные древесные породы, осину, березу белую и черную, клен, вяз, ольху, рябину, дикую сливу. В целом флора Ин-шаня имеет много сходства с флорой Сибири, от которой эта цепь отделена древним средиземным морем Гоби; но сок растений на этих горах не так обилен и леса там менее высоки, менее густы и ветвисты, особенно на южной покатости. При том же китайцы в некоторых местах совершенно обезлесили горные склоны: во многих долинах теперь увидишь только поваленные и иссохшие стволы деревьев.

Антилопа бродит большими стадами на пастбищах Ин-шаня, преимущественно в соседстве буддийских монастырей, ибо монгольские ламы так же, как и тибетские, запрещают проливать кровь этих животных. Один вид барана аргали тоже часто встречается в этих го-

1 Тимковский;—Рихтгофен;—Россель-Киллуг;—Путята;—Бородовский

2 Полковник Пржевальский, „Монголия и страна тангутов”.

рах вместе с антилопами, а иногда пристаёт даже к стадам домашнего скота: вероятно, его легко было бы приручить, но монголы и китайцы видят ещё в этом животном только дичь охоты. Барсы и тигры, по словам туземцев, тоже принадлежат к числу диких зверей, живущих в некоторых долинах Ин-шаня. Но нужно заметить, что эта гористая область, составляющая рубеж между Китаем и Монголией, есть по преимуществу страна легенд и баснословных рассказов, и потому путешественники должны в этом краю более, чем во всяком другом месте, доверять только своим личным наблюдениям. На одной из гор, рассказывают монголы, стоит окаменелый слон; другая вершина служила тронном Чингис-хану, и обширные гроты на боках её заключают груды серебра, на которое гении, охраняющие вход, позволяют смотреть сквозь форточку волшебной двери; но завоевать этот клад может только какой-нибудь герой.

Весьма скудные сведения о природе юго-восточных отрогов Ин-шаня пополнились трудами Путята и Бородовского, которые осветили своими съёмками всю дотоле неизвестную площадь юго-восточного окончания Хингана в месте его соединения с Ин-шанем, а последний из путешественников был единственным после Ланге европейцем, посетившим внутренность знаменитого леса для императорской охоты—Вэй-чана.

Этот последний, несмотря на свое южное положение, носит в своей флоре совершенно сибирско-даурский характер, и вообще вся местность вдоль поднятия хребта Б. Хинган, даже на самом юге, является по своей флоре продолжением даурской природы¹.

На юге от Ин-шаня и северной дуги Хуан-хэ находится еще один отрывок Монголии: это плоскогорье Ордо или Ордос, которое по виду и характеру природы так же, как по составу населения, принадлежит к той же естественной области, как и Гоби, хотя оно отделено и от этой пустыни широкой долиной Желтой реки с её плодородными землями и её городами, населенными китайцами: это то же самое, как в Сибири пояс Минусинских степей дополняется там и сям равнинами, залегающими на правом берегу Енисея, или как во Франции ланды Гаскони продолжают в провинции Сентонж, на севере от лимана Жиронды, несколькими степными пространствами, поросшими диким терном и вереском. Плато Ордос, средняя высота которого превышает 1.000 метров, образует четырехугольник слишком в 100.000 квадратных километров, ограниченный с трех сторон течением Желтой реки, а с четвертой, южной, горными хребтами, южная покатость которых принадлежит к Китаю в собственном смысле. Редкие обитатели страны называют ее «серой степью», в отличие от «зеленых луговых пространств», занимающих дно долин. Грунт земли, гораздо более сухой, чем почва северных плоскогорий, в собственно так называемой Монголии, почти везде песчаный или глинистый, пропитанный солью и совершенно непригодный для земледелия. Не посредственно на юге от долины Хуан-хэ высокий глинистый утес или яр, поднимающийся метров на 15, местами до 30, который, без сомнения, прежде был берегом этой реки, обозначает начало пустыни: мы вступаем в пески Кузупчи или «Ожерелья», получившие такое название от дюн, которые действительно издали кажутся следующими одна за другой, как ряд бус. Эти песчаные горки по большей части имеют незначительное возвышение, от 12 до 15 метров; только некоторые из них поднимаются метров на тридцать над песчаными равнинами. Все они однообразно желтоватого цвета: вообще, исключая нескольких, редко встречающихся оазисов, взор повсюду видит только этот песок, расстилающийся на необозримое пространство под бледно-голубым сводом неба; ни одно растение, ни одно животное не покажется в неоглядной пустыне, кроме ящериц серых или желтых, как песок, так что их с трудом отличишь от песчаной почвы, везде исчерченной их легкими следами. Около середины плоской возвышенности находится обширное болото Дабосун-нор, громадный резервуар самосадочной соли, смешанной с селитряным налетом, резервуар, окруженный со всех сторон горками, которые похожи на вздутия грунта; во многих местах почва обманчива, и тот, кто пускается по соляной коре, рискует провалиться и увязнуть в скрытой под нею топи².

1 Путята, „Хинганская экспедиция“;— Бородовский, „Материалы к описанию Хинганской экспедиции“.

2 Нус, „Voyage en Chine, dans la Tartarie et au Tibet“.

Подобно тому, как в песчаных равнинах Кашгарии, путники рассказывают о каких-то странных голосах, слышанных ими в этих ужасающих пустынях; у туземцев существует поверье, что это крики китайцев, убитых войнами Чингис-хана в происходившем тут сражении, и которые умоляют или проклинают прохожих. Иногда ветер, как гласит местная легенда, сдувает песок, покрывающий зарытые в землю серебряные сосуды; но проходящие мимо путники не трогают этого клада из опасения, как бы не поплатиться жизнью за такое святотатство. По другим рассказам, эти дюны остатки песчаного вала, воздвигнутого с целью отвести течение Желтой реки, по приказанию того же Темучина, которому народное воображение приписывает все, что есть замечательного в стране¹. Предание гласит, что здесь же, в территории ордосов, знаменитый азиатский завоеватель кончил жизнь; смертные останки его, говорят, были положены в два гроба, один серебряный, другой деревянный, поставленные под шелковым шатром, а члены его семейства были погребены в 10 верстах вокруг его гробницы, как бы для того, чтобы воздавать ему должный почет на почтительном расстоянии: каждый вечер приносятся еще баран и лошадь в жертву душе «верховного хана» (чингис-хана) Темучина.

Остатки прежних городов до сих пор встречаются в территории ордосов. В 30 километрах к югу от Желтой реки, видны, среди песков, развалины города, валы которого имели более 8 километров длины в каждой стороне и около 15 метров толщины; теперь он большею частью покрыт песками, и колодцы его тоже засыпаны песком. В настоящее время большая часть страны, за исключением долины реки, представляет безлюдную пустыню: дунганские инсургенты разрушили даже стойбища монгольских кочевников, ордосов, а покинутый разбежавшимися жителями домашний скот одичал: быки и коровы утратили тот глупый, тупой вид, который им придало продолжительное рабство, и снова приобрели нравы и повадки вольной жизни. В течение каких-нибудь двух или трех лет совершилось полное преобразование; при приближении человека эти животные убегали со всех ног, и догнать их охотникам стоило почти столько же труда, как настичь быстроногую антилопу². Верблюды, лошади тоже живут ныне дикими табунами в степи; но овцы были пожраны волками. Во время путешествия Пржевальского, в 1871 году, единственными посетителями ордосского края были купцы, приходившие туда за грузами лакрицы (солодковый корень), одного из характеристических растений этой области Монголии.

Близ правого берега Хуан-хэ, в той части его течения, где река катит свои воды с юга на север, цепь холмов поднимается над окружающими песками и, постепенно увеличиваясь в южном направлении, образует, наконец, настоящие горы: цепь эта носит название Арбус-ула, и, как гласит легенда, высшая вершина её служила наковальней кузнецу Чингис-хана. По другую сторону Желтой реки, которая проходит в этом месте через узкую поперечную долину, Арбус-ула продолжается другим, более высоким рядом гор, называемым Ала-шань, который тянется на юго-запад, господствуя над прилегающими равнинами своими крутыми склонами. Хребет Ала-шань представляет узкий вал, однообразной высоты и нигде не достигающий предела постоянных снегов: две самые высокие вершины его, Дзумбур и Бугуту, поднимаются соответственно на 3.000 и 3.300 метров над уровнем океана. На севере и на юге, Ала-шань, некогда островной массив среди монгольского внутреннего моря, оканчивается песками и посылает им лишь незначительные ручейки, как бы для того только, чтобы окружить свое основание узкой полосой оазисов и пастбищ. Флора его очень бедна, по причине недостатка воды; однако, верхние скаты опоясаны лесами сосен, елей, ив и осин, и мушкусный олень, горный козел и особенно красный олень живут там многочисленными стадами. С вершин Ала-шаня открывается вид на необозримое пространство,—с одной стороны на долину Хуан-хэ, с её городами, возделанными полями, блестящими водами, с другой на беспредельную пустыню³.

1 Пржевальский, цитированное сочинение.

2 Пржевальский, „От Кульджи до Лоб-нора“;— „Монголия и страна тангутов“.

3 Несмотря на безотрадный вид пустынь Ордоса и трудность посещения её, через неё кроме Пржевальско-

За Желтой рекой ордосские пески продолжают на запад пустынной областью, еще более печальной, более лишенной растительности. Этот южный залив «Высохшего моря» есть одна из самых страшных для путешественников частей Гоби, по причине отсутствия воды и пастбищ, а также по причине песчаных вихрей, поднимающихся там во время бурь. Начинаясь от прохода, быть может, бывшего пролива, открывающегося между южными предгорьями Ин-шаня и северною оконечностью Ала-шаня, эта Заордосская пустыня тянется без перерыва до реки Ас-зинд и до степей Монгольского Гань-су. На этом обширном пространстве, имеющем более 500 километров в ширину, не увидишь ничего, кроме песков, полос гравия, в соседстве гор, да глинистых солончаков, где растут низкий кустарник ломкого саксаула, как в русском Туркестане, и колючие стебли сулхира (*agriophyllum gobicum*), приносящие мелкие зерна, из которых монголы готовят род муки; эти растения по большей части возвышаются на песчаных бугорках, которые ветер намел вокруг корней и, так сказать, произвел их из почвы. Самая глубокая впадина Заордосской пустыни, лежащая на высоте 940 метров над уровнем моря, занята соляным озером Джаратай-дабасун, которое окружено со всех сторон, на расстоянии до 50 верст от берегов, пластами соли, толщиной от одного до двух метров. Эта кристаллическая плита в некоторых местах до такой степени прозрачна, что походит на водяную площадь: даже лебеди иногда обманываются и спускаются стаями на эту мнимую воду, откуда тотчас же и улетают, испуская сердитые крики¹.

Точная граница между монгольской территорией и собственно Китаем была обозначена прежде так называемой «Великой стеной», которая, сверх того, продолжается с восточной стороны до залива Ляо-дун (Бо-хай или Чжилийский), на северной оконечности Желтого моря. «Вань-ли-чань-чэн или «стена в десять тысяч ли», — как обыкновенно ее называют китайцы, — не имеет, правда, такого громадного протяжения в 5.000 километров, которое равнялось бы восьмой части окружности земного шара, но все-таки общая длина её превышает 3.300 километров (3.100 верст), если считать все извилины исполинского вала и двойные и тройные стены, построенные в разных местах, преимущественно на севере провинций Чжили и Шань-си. Принимая среднюю высоту стены только в 8 метров, при ширине равной 6 метрам, находим, что эта удивительная работа представляет каменный вал объемом около 160 миллионов кубических метров. Понятно, что Великая китайская стена все еще указывается, наряду с Большим или Императорским каналом, как одно из значительнейших произведений, обязанных своим происхождением труду человека; но, забывая, что нации еще не перестали строить крепости и оборонительные стены, многие писатели сравнивают также это «чудо света» с египетскими пирамидами и видят в нем не более как тщеславное сооружение, лишенное всякой практической пользы. Такая оценка ошибочна. Без сомнения, когда император Цинь-ши-хуан-ди, за две тысячи сто лет до нашего времени, послал миллионы работников на монгольскую границу для возведения каменного вала длиною в десять тысяч ли, целые сотни тысяч людей погибли от тяжелого труда; но работа их, конечно, имела большую важность для защиты отечества, и в течение многих столетий, предки монголов должны были останавливать свои воинственные экспедиции у подножия стены, которая ограничивает их территорию. Часовые на башнях, воздвигнутых на стене в известном расстоянии одна от другой, издали замечали приближение неприятельских наездников, и все естественные проходы были охраняемы вооруженными лагерями или пикетами. При каждом воротах стоял особый гарнизон, и в соседстве каждого прохода скоро выстраивался город, который служил рынком для сопредельного населения и самым своим положением наперед определял путь, по которому кочевники должны были следовать в своих степях. Под защитой своего исполинского вала, китайцы могли дать большую связь своему национальному единству и сосредоточить свои силы, чтобы вступить с этого времени в посто-

го проходил в 1884 году Потанин, маршрут которого лежал почти вдоль Великой стены через кумирню Джунгар-дзо к Боро-болгысун. В 1893 году пустыню по направлению с северо-запада на юго-восток от Дайчин-чжу до Боро-болгысу же прошла экспедиция Обручева.

1 Пржевальский, цитированное сочинение.

янные сношения с внешним миром через Небесные горы и Памир¹. Когда стена «в десять тысяч ли», окончательно форсированная полчищами Чингис-хана, потеряла всякую стратегическую цену, она уже сослужила службу китайскому народу, защищая перед тем империю в продолжение четырнадцати столетий от набегов северных номадов.

В том виде, как она существует ныне, Великая стена принадлежит различным эпохам. В климате Монголии, который можно назвать климатом крайностей, где за сильными жарамии вдруг, без постепенного перехода, следуют морозы, достаточно небольшого числа лет, чтобы разрушить большую часть обыкновенных построек. Сомнительно даже, чтобы какая-либо существующая ныне часть Великой стены могла быть отнесена к эпохе первого её строителя Цинь-ши-хуан-ди, хотя, по словам летописей, этот богдыхан издал указ, угрожающий смертной казнью всякому рабочему, который бы оставил в каменной работе щель настолько широкую, чтобы в нее мог войти кончик гвоздя². Почти вся восточная часть стены, от Ордосского полуострова до Желтого моря, была построена в пятом столетии после Р. Х., а в царствование династии Минов, в пятнадцатом и шестнадцатом веках, двойной вал, защищающий на северо-западе Пекинскую равнину, был два раза перестраиваем: вообще ни одна из частей громадной ограды, имеющих архитектурную цену по правильности кладки кирпичей и красоте гранитной обшивки, не восходит далее четырнадцатого века нашей эры³. Смотря по переменам династий и царствований, по капризам правителей и превратностям пограничных войн, план и направление вала много раз изменялись, некоторые части ограды были заброшены, другие, напротив, поддерживались и перестраивались. Этим и объясняется большое различие сооружений на бесконечном протяжении Великой стены.

В то время, как на севере от Пекина стена еще совершенно сохранилась, во многих западных местностях, на границах Гоби, она уже представляет простой глиняный вал, и даже, в некоторых местах, не видно более никаких следов её на значительных пространствах: ворота, стоящие одиноко среди пустыни, единственные остатки бывшей оборонительной стены. Однако, даже на весьма большом расстоянии от столицы строители возводили свои линии укреплений по склонам и на самые гребни гор, до высоты 2.000 мет., и не останавливались даже перед пропастями: стена переходит или огибает все препятствия, не оставляя врагу даже узенькой козьей тропинки⁴. Известно, что на север от Монголии, в Забайкальской области и Маньчжурии существуют остатки других стен, приписываемых легендой Чингис-хану, а также напоминающих о вековой борьбе между оседлыми земледельческими населеннями и их соседями, кочевыми племенами.

Монголы, против которых китайцы должны были некогда возводить такие громадные оборонительные сооружения, представляют народ без национальной связи. Какой-нибудь смелый завоеватель мог соединить их в одну армию; но, вернувшись в свои родимые степи, они снова распадались на племена или колена, и именно благодаря отсутствию единства и внутренним раздорам этих разрозненных групп монгольского народа, китайцам удалось восторжествовать над халхасцами, алеутами, чжунгарами, тогда как Россия покорила своей власти калмыков и бурят. Впрочем, это название «монголы» применялось, в продолжение двух столетий их политического господства, к народам самых разнообразных рас, то-есть ко всем тем народам, которые принимали участие в победах и завоеваниях Чингис-хана и его преемников, проникавших, с одной стороны, в Китайскую империю, с другой до самого сердца Европы. Даже после того, как фамилия Чингис-хана угасла, основание обширной империи Тамерлана, средоточие которой было в Самарканде, и которая представляет собою, так сказать, отлив западного мира Азии к странам, откуда вышли восточные завоеватели, тоже было приписываемо монголам; впоследствии называли именем «Великого Могола» (т.е.

1 F. von Richthofen, „China“;—Ritter, „Asien“.

2 Panthier, „La Chine“.

3 Иакинф Бичурин;—Bretschneider, „Die Pekingier Ebene“.

4 Пржевальский, „Монголия и страна тангутов“.

монгола) Бабера и его преемников на делийском троне (в Индии), хотя они более не имели монголов в своих армиях; тщеславие, желание похвастать отдаленной генеалогией было их единственным правом на громкий титул, который они себе присвоили. Что касается чжунгарского царства, которое основалось в конце семнадцатого столетия, то оно было несомненно монгольского происхождения, но это царство не переходило за пределы области равнин и возвышенностей центральной Азии.

В средние века монголов смешивали с татарами или тартарами, как их называли европейцы: это племя, обитавшее в двенадцатом столетии в долинах Ин-шаня, было слабым малочисленным народцем, который, в хаосе пришедших в столкновение народов, кончил тем, что передал свое имя монголам, маньчжурам, туркам, всем кочевым и воинственным племенам Азии и восточной Европы. Никогда Чингис-хан, ни его сподвижники не считали за честь носить название татар, которое принадлежало лишь простому колену одной из семи монгольских наций: почетное прозвище, которое они приняли, было «синие монголы», «потому что синева есть священный цвет Неба» и потому что сами они были властители земли. Такую обширную известность татары приобрели потому, что они составляли вообще авангард монгольских завоевателей, и что название их давало повод к игре слов с мифологическим Тартаром или преисподней. «Утешимся, говорил св. Людовик: если они придут сюда, мы их спровадим назад в Тартар, откуда они вышли, или они сделают то, что все мы вернемся на Небо»!¹ В настоящее время это название «татары» не дается более монголам разве только в самом общем смысле, так же, как их соседям маньчжурам: как специальное наименование, это слово применяется теперь только к населению тюркского корня, в Сибири, в Небесных горах и Памире, в Туркестане, на Кавказе и в Европейской России.

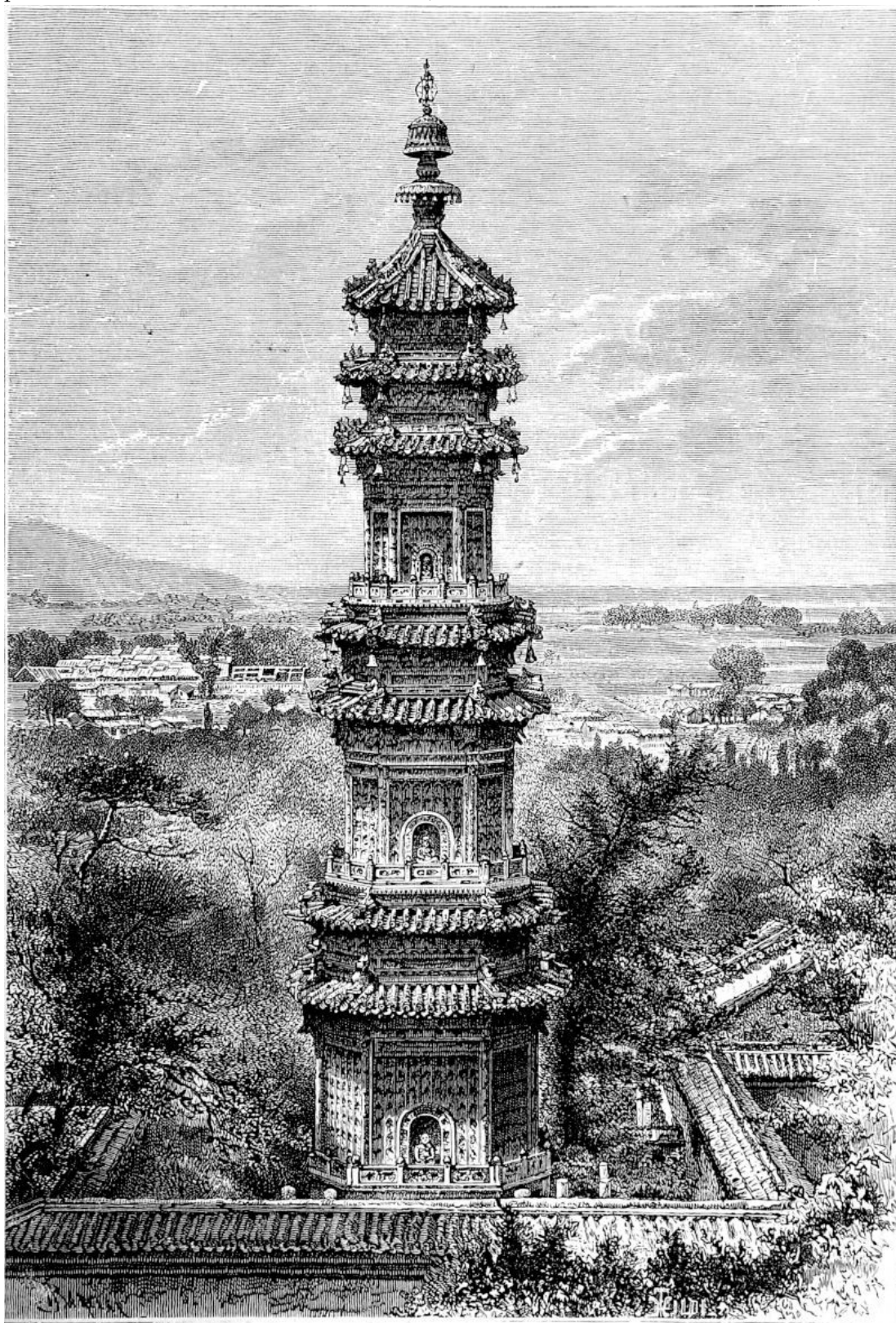
До периода их завоеваний монгольские племена обитали только в северных и восточных областях той обширной территории, которая теперь известна под общим именем Монголии; все реки и ручьи, все озера этой страны составляют предмет поклонения, как божества, и с каждой горой связана какая-нибудь легенда, каждая гора носит титул хана². На северо-восточной оконечности этой области распространения древних монголов живут теперь маньчжурские солоны и различные монгольские и тунгузские племена более или менее смешанные и доставляющие многочисленный контингент рекрут военным поселениям, которые китайцы основали в западных провинциях империи. Халхасцы, названные так по имени одного из их прежних князьков и местности, где они обитают, населяют преимущественно северные степи, в соседстве бурят, их соплеменников, сделавшихся подданными России; чахары, кочующие в числе восьми колен на юго-востоке сплошной возвышенности, в степях, ближайших к Китаю, замечательны тем, что им было специально поручено императорским правительством охранение границы от набегов северных монголов. Ордосцы, почти совершенно истребленные, обитали на речном полуострове, который получил от них свое название, а далее на западе рассеяны стойбища алеутов, более или менее смешанных с народностями тюркского корня, и к которым принадлежат также калмыцкая орда Алтая и Тянь-шаня. Наконец, в верхнем бассейне Енисея живут инородцы тюркского происхождения, но в сильной степени омонголившиеся, племена урианхай или донва и дархат. Вообще говоря, монгольские населения делятся на восточных монголов или халха, западных монголов или алеутов и сибирских монголов или бурят, но единственное действительное деление—это деление на хошуны или «знамена»; смотря по превратностям войн и союзов племена различных хошунов соединяются в более или менее могущественные конфедерации.

Национальный тип, кажется, сохранился в наибольшей чистоте у халхасцев, которые при том же присваивают себе некоторое превосходство над другими монголами, как имеющие среди себя семейства тайшей, производящие свой род от Чингис-хана. Но, хотя этнологи обыкновенно употребляют название «монгольская раса», как родовой термин для всех народов восточной Азии, оказывается, что именно халхасский или восточно-монгольский тип

1 Abel Remusat;—Klaproth;—Ritter.

2 Bastian, „Reisen in China“.

принадлежит к тем типам, которые, на крайнем Востоке, всего менее походят на «монголов», описываемых этнологами. Халхасец имеет не желтый, а смуглый цвет лица. Глаза его не прищурены так, чтобы казались косолежащими, как глаза остяка или китайца; веки глаз у

Башня въ окрестностяхъ Пекина.

него открытые, как у европейца. Однако, он имеет широкое и плоское лицо, выдающиеся скулы, черные волосы, скудно обросшую бороду,—признаки, которые признаются вообще как отличительные черты монгольской расы; впрочем, нужно заметить, что в Монголии довольно распространен обычай выщипывать волосы из бороды, и потому было бы ошибочно

приписывать природе то, что есть просто следствие моды. Европейцы сначала познакомились с восточными народами через монголов и, очень естественно, они замечали между этими чужеземными завоевателями в особенности тех индивидуумов, которые своей наружностью и физиономией представляли наиболее резкий контраст с условным типом красоты, принятым на западе: чем более лицо казалось им странным, необыкновенным, тем более оно было азиатским и монгольским в их глазах. Так точно в Китае, не отличая национальности, всех европейцев величают общим именем «рыжеволосых варваров».

Монголы вообще среднего роста и крепкого телосложения; привычные ко всяким непогодам и крайностям тепла и холода, они без труда переносят тягости, от которых умерла бы большая часть европейцев. Они могут оставаться, не жалуясь, пятнадцать часов подряд на лошади или верблюде; но они заохали бы, если бы им пришлось сделать пешком сотню шагов вне своей юрты: это потому, что они вообще не привыкли ходить, а главное потому, что им стыдно показаться пешком; монголу нужно, чтобы он всегда мог с высоты обозреть свои владения, безграничную степь. Даже в Монголии, где однако лошадь столь полезна и высоко ценима, не все жители так счастливы, чтобы обладать собственным верховым животным; в некоторых местностях лошадь составляет предмет роскоши, который можно увидеть только подле палатки знатных и богатых¹; но в более счастливых областях Монголии, где всякий кочевник имеет своего коня, наездник всегда стрелой несется по равнине, и даже, когда ему нужно проехать несколько сажень, которые отделяют, на месте стоянки, его кибитку от кибитки его соседа, он и тут заставляет свою лошадь скакать в галоп. Презируя всякия телесные упражнения, которые делаются не на коне, монгол не охотник до пляски², но за то он едва-ли имеет равных себе в наездничестве, в искусстве укрощать и выезживать строптивых жеребцов, пускать их в бег и исполнять на всем скаку самые опасные штуки. Если конские скачки или джигитовки монголов не имеют столько зрителей, как скачки в европейских городах, то в них принимает участие гораздо большее число действующих лиц: нет молодого наездника, нет мужчины в силе возраста, который бы не считал за честь фигурировать между состязающимися. В 1792 году, во время празднества по случаю возрождения одного монгольского Будды, 3.732 лошади оспаривали друг у друга призы на джигитовках³.

Нельзя не удивляться, что эти смелые укротители лошадей и лихие наездники, эта потомки грозных завоевателей Азии, упали так низко в политическом отношении и не оказывают теперь, так сказать, никакого влияния, не играют никакой роли в Старом свете. Взятые в массу, они даже сделались трусами, и недавно мы видели, как они тысячами убегала в беспорядке перед недисциплинированными бандами дунган, вся отвага которых происходила от страха, выказанного их неприятелем. Нация побежденная, разрозненная, рассеянная, она чувствует свою слабость. Какая неизмеримая разница между униженным раболепством нынешних монголов перед русскими путешественниками, проезжающими через «Землю трав», и гордым высокомерием какого-нибудь Куюк-хана, отвечавшего легату папы римского, монаху Плано Карпини: «я судия Божий. Я имею право предать вас смерти за то, что вы оказываете мне сопротивление. А доказательство, что я имею такое право, это то, что я имею силу привести его в действие. Был ли бы я, человек, достаточно могуч, чтобы делать такие вещи, если бы сам Бог не дал мне своей десницы?»⁴ Все указы и повеления монгольских ханов издавались именем и в силу «могущества неколебимого неба»⁵. Таким образом задолго до Карлейля и других новейших теоретиков эти азиатские императоры нашли формулу власти.

Впрочем, энергия, с которой монголы выступили на сцену всемирной истории, происходила не только от их храбрости, дисциплины и неудержимой жажды завоеваний, но также

1 Лосев;—Ломоносов, „Экспедиция братьев Бутиных в 1871 г.“

2 Пржевальский, „Монголия и земля тангутов“.

3 Reuilly, „Description du Tibet“.

4 „Recueil de voyages et de Memoires publies par la Societe de Geographie de Paris“, tome IV.

5 Bastian, „Reisen in China“.

от их природного духа справедливости и тех успехов, которых они достигли в цивилизации.

Монголы вовсе не были такими варварами, какими их обыкновенно воображают, основываясь на рассказах средневековых летописцев.

С покоренными нациями, после сражения, решившего их участь, монгольские завоеватели обращались с гораздо большей снисходительностью, чем какую выказывали тогда завоеватели мусульманские или христианские в отношении побежденных ими народов. «Империя была завоевана на коне», говорил один советник Чингис-хана, «но нельзя и управлять ею на коне». Монгольские государи с замечательной справедливостью разбирали и решали споры между своими подданными всех рас и языков, и между лицами, которым они жаловали земли, освобожденные от налогов, мы видим имена, принадлежащие всем национальностям империи. В то же время монголы отличались чрезвычайной веротерпимостью, которая возбуждала удивление и скандализировала католических миссионеров. Мусульмане, христиане были между полководцами и приближенными ханов: Иваны, Николаи, Георгии, Марки встречаются в списке высших сановников империи¹.

Истощенные своими воинственными усилиями, униженные нравственно насилиями и жестокостями войны, монголы опять впали в варварство. Без сомнения, большинство нынешних монголов отличаются еще здравым умом, прямодушием, духом справедливости, гостеприимством в отношении чужеземца, радушием и приветливостью в отношении себе равных, которых он называет в разговоре не иначе, как «товарищами», но при этом они страшно ленивы, крайне грязны и не чистоплотны, чрезвычайно обжорливы. Они допустили рабство вкратце в их социальный быт, и теперь многочисленные семьи, происходящие от бывших военно-пленных, обречены на жалкую долю невольников, стерегущих стада начальников колен или тайшей², и господа присвоили себе над ними право жизни и смерти, хотя, впрочем, они не считают их низшими, презренными существами и не перестают, в обыкновенных сношениях, обращаться с ними кротко и доброжелательно. Правда, до сих пор никому еще не приходило в голову делить пастбища: они принадлежат всем и каждому, как воздух, как вода, и всякое поле, как только жатва собрана, снова поступает в собственность всей общины; но тем из монголов, которые не имеют собственных стад, какую пользу могут принести эти права на временное владение полем и на кочеванье по травяным степям? Тайши или князьки и ламы, владельцы скота, только благодаря этому факту и являются собственниками земли. Один только ургинский главный жрец или хутухта обладает территорией, населенной 150.000 жителей, почти его невольников³.

Очень редки монголы, которые, по примеру китайцев, занимаются земледелием. Почти все они ведут пастушеский образ жизни и не знают других занятий или промыслов, кроме ухода за своими стадами, которые состоят главным образом из верблюдов, баранов с жирным хвостом (курдюком), лошадей и рогатого скота. При встрече знакомые монголы первым делом начинают расспрашивать друг друга насчет скота: в их глазах стадо важнее семьи и родни. Они не понимают даже, как могут быть люди до такой степени обездоленные, «оставленные небом», чтобы не иметь домашних животных, и с недоверием посматривают на русских путешественников, когда те говорят, что у них нет ни верблюдов, ни баранов. Некоторые из исследователей Монголии и жизни монголов полагают, что на каждое монгольское семейство приходится около 50 баранов, 10 верблюдов, 25 лошадей и 15 штук рогатого скота. Профессор Позднеев из официального источника сообщает, что на одних казенных землях в 1892 г. послось лошадей 68.213 голов, верблюдов же 6.722. В то время, как женщины и дети, которым главным образом вверено попечение о скоте, исполняют свою задачу, — и исполняют всегда с умением и терпением, — мужчины имели бы полный досуг заниматься другими работами; даже выделка предметов хозяйства и домашнего обихода, седел, конской сбруи, оружия, вышитой одежды, войлоков (кошмы) для кибиток, веревок из верблюжьей

1 Howorth, „History of the Mongols“;—Leon Cahun, etc.

2 Иоакимф Бичурин.

3 Пржевальский, „Монголия и страна тангутов“.

шерсти, почти всецело предоставлена женщинам; все же другие предметы потребления, продукты и товары, в которых нуждаются монголы, они принуждены покупать или выменивать у китайцев и у русских. В особенности чай им необходим: они никогда не пьют холодной воды, которой они даже приписывают вредное влияние на здоровье; настой кирпичного чая с молоком и солью составляет их обычный и любимый напиток, вместе с кумысом, кобыльим молоком, и слишком часто с губительной водкой русской и китайской фабрикации. Что касается их твердой пищи, то она почти исключительно животная: они только примешивают нечто в роде теста из муки к баранине, конине или верблюжьему мясу. Большинство из них чувствует непритворное отвращение к мясу птиц и рыб.

Язык монголов, имеющий родственную связь с языками урало-алтайских народов и похожий на тюркские идиомы большим числом общих корней, делится на диалекты или наречия, довольно определенно отличающиеся одно от другого: монголы халхасские или халхи, буряты, элеуты не все могут понимать друг друга. При том к этим наречиям с течением времени примешались чужие слова различного происхождения; выражения маньчжурские, китайские, тибетские и турецкие испортили чистый монгольский язык в соседстве границ. Уже с давних пор, около двадцати одного столетия, монгольский язык имеет свою письменность, ибо в эту эпоху он уже заимствовал идеографические письмена китайцев; но собственного оригинального алфавита он не имел до начала десятого столетия. Эти буквы были заменены в двенадцатом веке другим письмом, употреблявшимся для перевода классических произведений китайской литературы; к сожалению, все эти книги потеряны, и мы едва знаем даже, какими знаками они были написаны¹. В период завоеваний, когда монголы вдруг пришли в соприкосновение с народами западной Азии, им понадобилась письменность более известная, чем их собственная, чтобы вступить в сношения с своими соседями: тогда они заимствовали алфавит турков-уйгуров. Однако, впоследствии мало-по-малу одержали верх и вошли во всеобщее употребление национальные письмена, изобретенные в 1269 г. одним ламой, который в награду за это получил титул «Царя веры». Эти-то буквы и служили письменными знаками для всей нынешней монгольской литературы, состоящей из сборников законов и повелений, словарей, календарей и в особенности из книг духовного содержания. Для письма монголы употребляют кисть, которую водят по деревянным табличкам, выкрашенным в черный цвет и посыпанным песком или золой².

Богослужбные книги написаны на тибетском языке, который сделался священным языком для монголов со времени обращения их в буддизм, точно так же, как санскрит долго был церковным языком для тибетцев, в соответственную эпоху их истории. Вследствие этого, монгольские жрецы, которые хотят знать в своей религии не один только внешний церемониал, принуждены изучать тибетский язык, известный в Монголии под именем «тангутского»; но те, которых богословские познания ограничиваются простым чтением священных книг, имеют к этим творениям тем большее уважение, что не понимают их смысла. В некоторых монастырях калмыцких лам платили до 50.000 франков за священные книги Канджур и Танджур³; а сибирские буряты давали семь тысяч быков за один экземпляр первого из этих творений⁴. Тибет—Святая земля монголов. Тибетский далай-лама по степени божества почитается стоящим выше монгольского таранат-ламы (джетсон-тампа, штон-тампа); однако, этот последний тоже Бурхан, то-есть живой или воплощенный Будда, который, по верованию ламаистов, под различными видами преемственно сменяет сам себя или возрождается, начиная с половины шестнадцатого столетия, а может быть даже с более отдаленной эпохи. При каждой последовательной кончине он отправляется совершать свое переселение души в Тибет; поэтому туда снаряжается торжественное посольство, которое и находит его в виде младенца. Прежде монгольский первосвященник имел резиденцию в соседстве

1 Иакинф Бичурин, „Достопримечательности Монголии“.

2 Russel-Killough, „Seize mille lieux a travers l'Asie et l'Océanie“.

3 Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

4 Koppen, „Die Religion des Bouddha“.

китайской границы, в Куку-хото; но он был умерщвлен, вследствие столкновения из-за первенства с императором Кан-си, и, по повелению свыше, должен был возродиться в городе Урге, в северной Монголии¹. С этой эпохи имена избираемых «Будд» предварительно утверждения должны быть посылаемы в министерство иностранных дел в Пекине².

Главные монгольские божества, те же самые, как и божества тибетцев, имеют индусское происхождение, но есть между ними также и боги национального происхождения, и эти последние—не наименее чтимые, хотя и менее высокопоставленные в монгольском пантеоне. Таков, например, бог Ямандага или «Козлиное лицо», которого действительно изображают с головой козла или быка, увенчанным короной из человеческих черепов, изрыгающим пламя и держащим в своих двадцати руках оторванные человеческие члены и орудия убийства: сам он выкрашен темно-синей краской, тогда как супруга его светло-голубого цвета. Другие мстительные боги или демоны это домашние идолы, даже простые куклы из дерева или кусков материи, в роде самоедских божков³. Монголы отличаются большой ревностью в деле религии; нет таких тяжелых, утомительных испытаний, которым бы они добровольно не подвергали себя, нет таких эпитимий, которых бы они не налагали на себя, чтобы вымолить себе прощение грехов: усердие их доходит до того, что они предпринимают обход вокруг монастырей или кумирен, падая ниц на каждом шагу, так что измеряют ограду, своими телами, распростертыми в пыли или в грязи. Наибольшая доля их достояния и доходов заранее принадлежит ламам. Храмы, монастыри, воздвигнутые в разных местах монгольской территории, служат наглядным доказательством щедрости верующих. Когда ламы отправляются за сбором подаяний во имя «Старого Будды», они всегда и везде находят хороший прием: их освященная чаша быстро наполняется слитками золота и серебра, и скоро они возвращаются обратно, в сопровождении целого каравана вьючных животных, несущих дары, пожертвованные верующими на построение храма. Жрецы—истинные господа и хозяева страны, и единственные люди, которые, не имея надобности трудиться, всегда обеспечены в пользовании всеми благами и удобствами жизни: все, что от них требуется,—это повиноваться звукам рожка из морской раковины, призывающего их в определенные часы в храм. Оттого-то число монголов, которые избегают горькой доли бедняка, или которые освобождаются из рабского состояния, вступая в монастыри, много превышает пропорцию лиц духовного звания во всякой другой стране земного шара, не исключая даже и Тибета. Говорят, что целая треть населения страны состоит из лам или «белых людей», то-есть бритых; нет семейства, которое не имело бы по крайней мере одного из своих членов в какой-нибудь кумирне; во многих округах большинство родителей предназначают всех своих детей мужеского пола к пострижению и облачению в желтые и красные одежды лам и оставляют при себе только одного сына, поступающего в толпу «черных людей» или волосатых, которые продолжают род и пасут стада. Ни в одной стране мира наружные формы и обряды религии не соблюдаются более строго: даже пограничный китаец, продавая обманным весом какой-нибудь фальсифицированный товар, не преминет завернуть в бумагу, украшенную священной молитвой тибетцев и монголов, «Ом мани падмэ хум», и содержатель гостиницы, подавая останавливавшегося у него путешественнику свой баснословно преувеличенный счет, пишет его под той же формулой буддийской молитвы⁴. Китайское правительство, которое мало заботится о своем духовенстве, оказывает покровительство монгольскому ламаизму, обеспечивая приличные доходы большинству монастырей: политика маньчжурской династии постоянно стремилась и стремится к тому, чтобы увеличивать число лам с целью уменьшать настолько же естественное приращение населения и заменять мирными монастырями прежние военные ставки его наследственных неприятелей⁵. Тем не менее, национальная ненависть продолжа-

1 Шифнер;—Васильев;—Гюк.

2 О. Иларион, „Труды русского посольства в Пекине о Китае“, т. I.

3 Pallas, „Sammlung historisches Nachrichten uber die mongolischen Volkerschaften“.

4 Bushell, „Journal of the Geographical Society of London“, 1874.

5 Бок;—Рихтгофен.

ет существовать по причине различия нравов и противоположности интересов: почти все сбережения монгольских племен исчезают в сундуках китайских купцов и ростовщиков; они только проходят через руки лам.

Как ни многочисленно население монастырей Монголии, в которых насчитывают до десяти тысяч человек, принадлежащих всем ступеням жреческой иерархии, они, однако, включают в себе далеко не весь религиозный персонал страны. Большое число лам живут постоянно в своих собственных семействах; другие скитаются по разным местам; наконец, и кудесники, независимые от официальной религии, тоже сохранили свой престиж у большей части племен: к ним именно, к этим шаманам, обращаются суеверные монголы, чтобы отвратить от стад дурной глаз и всякую беду, чтобы установить хорошую погоду, чтобы «сделать дождь», направить облака и ветер в ту или другую сторону, указать дорогу, по которой нужно следовать в путешествии, вылечить больных, напустить болезнь на людей здоровых, или даже «переменить место души в человеческом теле». Как доказывает самое имя шаманов, которое первоначально применялось, в индусской форме срамана или в китайской транскрипции ша-мен, к «саманеянам» или буддийским жрецам и монахам¹, мы видим здесь всевозможные переходы между древним культом сил природы и религией Будды, введенной после смерти Чингис-хана. Даже до сих пор совершаются жертвоприношения животных, в противность предписаниям буддизма². Как и в Тибете, некоторые монгольские женщины, в особенности вдовы, тоже посвящают себя созерцательной жизни; но они не довольно многочисленны, чтобы образовать монашеские общины в собственном смысле. С конца прошлого столетия изгнанники и китайские поселенцы пропагандировали христианство между некоторыми монгольскими племенами и хоть сеть католических миссий протянулась вдоль южной окраины Монголии от Ляо-дуна до самого Тибета, тем не менее едва ли распространение христианства можно считать успешным.

Различные иноземные влияния, маньчжурское, китайское, тибетское, турецкое, которым подвергались монголы, оставили по себе следы в их нравах³. Так маньчжуры заставили монголов, как и китайцев, обрезать себе волосы, за исключением «хвоста», то-есть длинной косы, спускающейся с макушки на спину; они же, в половине семнадцатого столетия, ввели и сделали преобладающим обычай моногамии, тогда как до того времени монголы могли, как их магометанские соседи, иметь по несколько жен. Подобно тому, как в Китае, в Монголии родители наперед устраивают браки своих детей, удостоверившись предварительно через астрологов в счастливом сочетании небесных светил. Покупная цена или калым платится и здесь, как у киргизов, и монгольский жених, подобно туркмену разыгрывает комедию похищения невесты. Что касается незаконных жен, которых обычай позволяет содержать монголам, то они просто покупаются, как в Китае, и дети их не пользуются теми же правами, как дети законных супругов. В отношении погребения умерших одерживает верх китайский обычай, когда дело идет о князьях и княгинях: их кладут в гробы, перед которыми семейство покойника совершает жертвоприношения в предписанные времена. Тела высших жрецов сжигаются, и пепел их прикрывается башенками или грудками камней, тогда как трупы бедных лам и простых мирян бросаются на земле и оставляются на съедение хищным птицам и зверям, согласно тибетскому обычаю. Собаки приходят, обнюхивать старых и больных нищих, лежащих на лохмотьях и кусках войлока у дверей кибиток и сами собой выстраиваются в ряды на похоронных процессиях, которые следуют за телами умерших при уносе их за стойбища⁴. Вороны, которым все эти человеческие остатки доставляют обильную пищу, редко покидают плоскогорья Монголии; границей им служит Великая стена. Китайцы дают этим птицам меткое название «гробов монголов»⁵.

1 Паллас, цитированное сочинение.

2 Абель Ремюза.

3 Иоакимф Бичурин, цитированное сочинение.

4 Пржевальский, цитированное сочинение.

5 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage dans l'Empire chinois”.

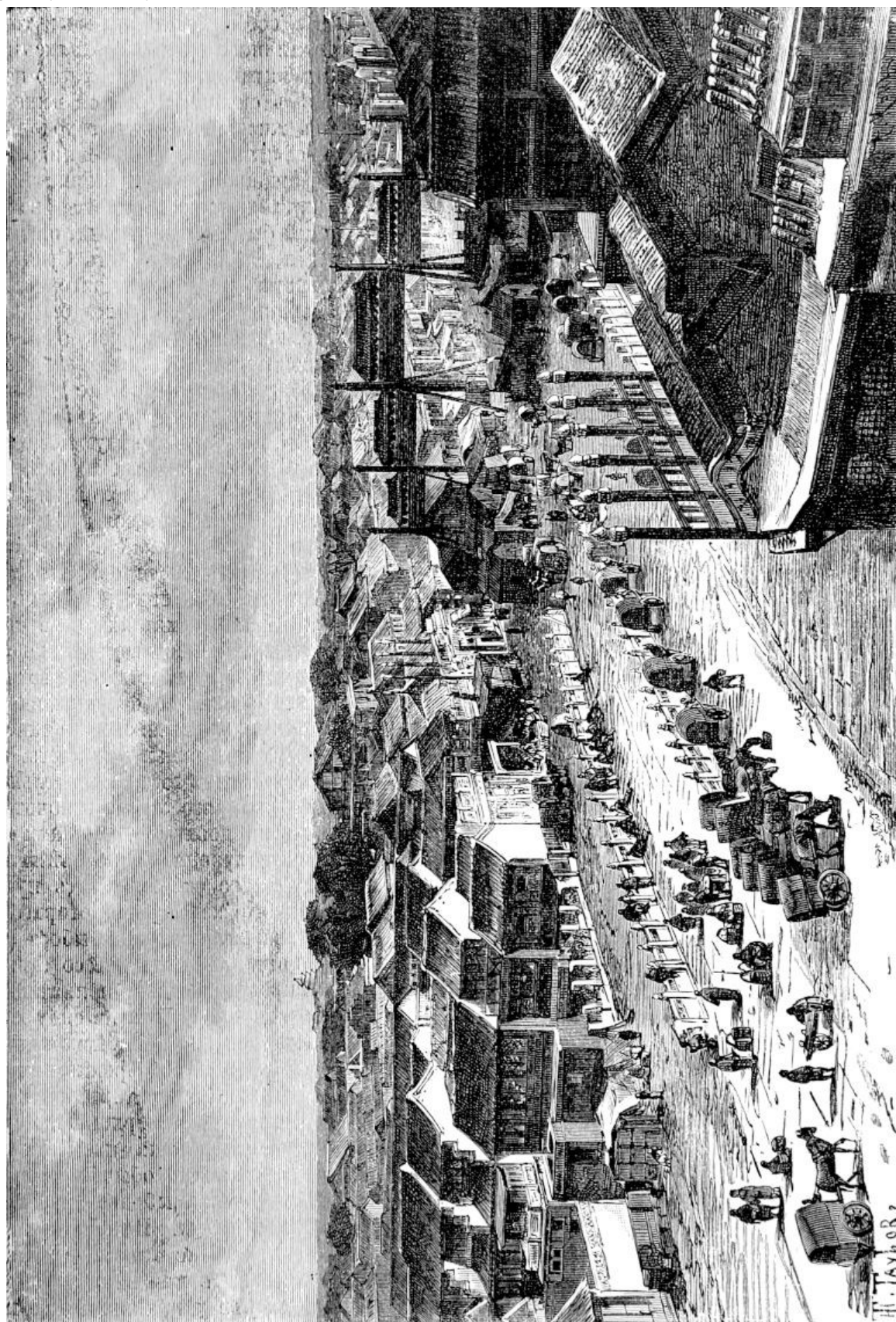
Несмотря на природное отвращение монголов к китайцам, нет сомнения, что цивилизация Срединной империи в конце концов одержит верх в «Травяной земле», ибо переселенцы с юга проникают все далее и далее на северную территорию, и их численное превосходство не перестает возрастать. Так, императорская область Джэгол или Жэ-хэ, которая простирается, к северо-востоку от Пекина, на пространстве около 50.000 квадратных километров, в бассейне, постепенно наклоняющемся от монгольского нагорья к Чжилийскому заливу, была совершенно колонизована китайскими хлебопашцами, и несмотря на ожесточенные столкновения, прежние обладатели земли были оттеснены к северу. Джэгол получил китайское название Чэн-дэ-фу; равным образом и все соседние места утратили свое монгольское наименование, чтобы принять китайские имена, данные переселенцам с юга. В 1792 году этих последних было уже в крае 477.000 человек; в 1827 году число их почти удвоилось, именно достигало 884.000 человек; в наши дни, по рассказам путешественников, оно гораздо значительнее. Правда, что территория Джэгол составляла часть монгольской территории только в административном отношении, и находится в действительности на приморской покатости плоскогорья; но и на самых монгольских возвышенностях китайцы уже начали дело колонизации и земледельческого завоевания этой страны. Область же Чэн-дэ-фу ныне причисляется к провинции Чжи-ли.

Часть «Травяной земли», которую обыкновенно называют «внутренней Монголией», в отличие от «внешней Монголии», простирающейся на север от пустынь Гоби, сделалась уже, как мы видели, более, чем на половину китайской. В прежние времена Великая стена была истинной границей. Этнографический рубеж довольно точно совпадал с политической раздельной линией и в то же время с геологической гранью, образуемой кристаллическими горными породами. Но китайские населения, стесненные внутри стены, за которой они были заперты, давно уже перешагнули через этот исполинский вал, чтобы занять, на южной покатости Монгольского плоскогорья, все долины с плодородной почвой и все местности, благоприятные для торговли. Совокупность территории, известной под именем Коу-вэй, что значит «За воротами», составляет отныне китайскую землю, и как таковая, она не без основания была присоединена недавно к собственно Китаю, чтобы составить часть провинций Шань-си и Чжи-ли. Колонизация этой территории, лежащей «За воротами», началась постройкой нескольких укрепленных мест, куда император Кан-си велел водворять на жительство уголовных преступников и политических ссыльных. К этому принудительному заселению края мало-по-малу присоединилась добровольная колонизация, которая постоянно усиливалась, особенно с половины девятнадцатого столетия. Одна из главных причин, привлекающих переселенцев на монгольскую территорию, — терпимость, которою там пользуются возделыватели мака; уплачивая известную сумму — налог или штраф — около 80 франков с гектара, китайские крестьяне без опаски сеют запретное зерно и таким образом могут добывать себе опиум по дешевой цене. Правда, каждый год мандарины являются объявлять все-народно, при звуках там-тама, указ, воспрещающий культуру мака, но этот объезд не имеет другой цели, кроме той, чтобы облегчить взимание налога¹. Теперь население кишит, как муравейник, в этих странах: даже в Собственном Китае мало найдется местностей, где бы города были более оживлены, торговля более деятельна, дороги более кишели путешественниками. Когда спускаешься с плоскогорья Монголии, контраст поразительный: утрюмая, мертвая пустыня вдруг сменяется цветущими нивами, красивыми городами, шумными толпами народа.

В этой борьбе рас, две национальности, повидимому, не обнаруживают склонности слиться в один народ. В то время, как в Маньчжурии китайцы быстро ассимилируют себе туземцев, навязывая им свой язык и свои нравы, они с трудом и очень медленно успевают переделывать монголов на свой лад. Там, где китайские переселенцы основывают свои деревни на земле, право владения которою остается еще за туземцем, этот последний поспешно снимает свою юрту и переносит ее на непочатую землю, чтобы оставаться, со своими ло-

1 Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873;—Armand David, etc.

шадьми и овцами, вне области наступающей цивилизации¹. При том же хлебопашество ему запрещено, так как в качестве императорского воина он должен быть готов идти в поход по первому сигналу, должен жить единственно своим солдатским жалованьем и доходом от

Главная пекинская улица.

своих стад. Многочисленные монгольские племена скорее соглашаются позволить оттеснять себя постепенно к пустыне, чем принять образ жизни завоевателей их страны, и брачные со-

¹ Ней Элиас;—Рихтгофен.

юзы, которые портят чистоту монгольской крови, считаются у них позором. Однако, медленное, но вековое воздействие китайцев, поселившихся на территории «За воротами», успело, в конце концов, преобразить ближайшие к ним монгольские народы, изменить их черты и нравы; «эрлицы», как называют метисов, происшедших от китайских колонистов и монгольских женщин¹, очень многочисленны в некоторых племенах. В особенности чахары: то-есть «жители пограничного края», сделались почти совершенными китайцами; они охотно подражают обычаям сынов Небесной империи и предпочитают жизнь больших городов дикой свободе своих соотечественников². Только в северной Монголии старинная неприязнь к китайцам сохраняется во своей силе: если бы Россия захотела, она легко могла бы воспользоваться против Срединной империи ненавистью северных монголов. Завоевание «Травяной земли» было бы для ее армий не более, как военной прогулкой.

Чтобы обеспечить за собой владение Монголией, китайское правительство не имело до сих пор других средств, кроме как умышленно разделять расу на враждующие между собой племена и льстить тщеславию начальников отдельных племен дозволяя им вступать, посредством брачных союзов, в родство с императорской фамилией. Преобразовав монгольскую знать в чиновничью, маньчжуры переименовали бывших родовых правителей в князей, разделив их на 6 степеней и присвоив им известные звания и оклады; они сохранили свою власть в местных маловажных вопросах, но обязаны входить с представлениями в китайское министерство по всем более важным делам, а в остальном они зависят в действительности от Ургинского главного жреца и почитают за великую честь именоваться учениками «святого из Большого куреня». Они съезжаются каждый год на общее собрание под председательством одного из них, которого они имеют право сами выбирать, но выбор которого требует еще утверждения со стороны центрального правительства; принятые на этом собрании решения получают силу закона только по представлении их китайскому губернатору или амбану и по одобрении их формальным порядком. Император, в одно и то же время сюзерен и верховный судья, может сместить начальника племени, который ему не нравится, но обычай требует, чтобы преемник был выбран в семействе низложенного князя. Всякая независимость в сущности есть не что иное, как пустое слово, так как начальники племен состоят на жалованьи у правительства, и их годовой оклад, изменяющийся от 750 до 20.000 франков, смотря по классам, повышается и понижается вместе с рангом, по воле богдыхана. Вообще Монголия не только ничего не прибавляет к доходам императорской казны, но даже стоит ей каждый год значительных сумм; ибо подать, уплачиваемая кочевниками натурой, верблюдами и лошадьми, остается в руках князей и лам. Правда, в определенные эпохи вассалы отправляются торжественными посольствами в Пекин подвести свои приношения «Сыну Неба»; но последний щедро отплачивает за эти приношения подарками, состоящими из шелковых тканей, дорогих одежд и разных драгоценностей. В отношении Китая монголы не считаются обязанными платить какую-либо прямую дань, но от них требуется, чтобы они несли военную службу; все мужчины, в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет, входят в состав императорской конницы; однако, князья в большинстве случаев нерадиво относятся к своей обязанности, не делают смотров и неверяют наличного состава войска. Как показала история недавней китайско-японской войны, монгольская армия имеет скорее фиктивное, чем действительное существование; в лучшем случае можно бы было собрать разве только десятую её часть³.

Монгольские войска из западной части страны и Тибета явились в последнюю войну в Пекин, почти уже по окончании войны, хотя были вызваны при самом её начале, при том вооружение их более нежели примитивное.

Северная Монголия или Халха, занимающая большую часть Монголии, в административном и военном управлении подразделяется на четыре корпуса, некогда аймаки отдель-

1 А. Bastian, „Peking”.

2 Пржевальский, цитированное сочинение.

3 Бичурин;—Тимковский;—Пржевальский.

ных ханов: северный или Хан-ула, восточный или Кэрулэн-барс-хотон, центральный или Цэцэрликский и западный или Цзакголский¹. Предания запрещают различным племенам переходить границы этих ханств в своих перекочевках в разные времена года. В южной и восточной Монголии страна разделена таким же образом между многими коленами, как-то: суниутами, гешиктами, баринцами, найманами, хорчинами, учумсинами, униотами, джаротами, туметами, аханарами, дурбанами и восемью хошунами чахаров. Административные деления края совпадают с военными. Каждый отряд в 150 солдат называется эскадроном; шесть эскадронов образуют полк; неопределенное число полков, — разное, смотря по провинциям, — составляют хошун или «знамя»: это деление всего лучше соответствует естественной группировке племени. Некоторое число хошунов соединяется в аймак; аймаки разнятся величиной и важностью: Халха или северная Монголия — 4 аймака 86 хошунов; южная Монголия — 22 аймака 42 хошуна; область чахаров — 1 аймак 8 хошунов; Ала-шань — 1 аймак 1 хошун; область ордосов — 1 аймак 7 хошунов.

Многолюдные города Монголии, естественно, группируются в юго-западной её области, т.е. в территории, называемой «За воротами», где живут китайцы; однако, и в северной части «Травяной земли» есть несколько городов, имеющих важное значение, как места пересечения дорог и торговые центры. Так, город Кобдо, лежащий на высоте слишком 1.200 метров, в долине реки Баян-ту, на одном плато монгольского Алтая, недалеко от западного берега большого озера Кара-усу, служит складочным пунктом для русских купцов, приезжающих с Алтайских горных заводов и из долины верхнего Иртыша: это был также рынок горнозаводских областей, которые находятся на юге, на дороге в Баркуль; там, небольшие холмы, возвышающиеся среди пустыни, заключают месторождения золота, которые правильно разрабатывались для китайского правительства, до восстания дунган. По чистоте Кобдо представляет редкое исключение между китайскими городами. По обе стороны главной его улицы струятся оросительные каналы, выведенные из реки Баян-ту, а вдоль их тянутся аллеи из тенистых тополей. К востоку от Кобдо, на том же гористом плато китайского Алтая, но на большом расстоянии, находится другой торговый пункт, Улясутай. Оба эти города расположены одинаковым образом: тот и другой состоят из внутреннего города, окруженного каменной стеной, в котором имеют пребывание местные власти и сосредоточены солдаты гарнизона, и открытого, неогороженного квартала, так называемого маймачэна (местечко для купли и продажи), где живут китайские купцы; вокруг садов там и сям рассеяны юрты монголов. В 1870 году эти два города сильно пострадали от восстания дунган: Кобдо, имевший в то время 6.000 жителей, был совершенно разграблен; в Улясутае инсургенты сожгли предместья: другой город, Хахар-чэв, в 200 километрах к югу от Кобдо, был окончательно разрушен и перестал существовать. Несмотря, однако, на этот разгром, торговля теперь снова достигла весьма значительного развития в этой области Монголии: из одного только Кобдо китайские негоданты отправляют каждый год в провинцию Гань-су стада баранов, заключающие более 200.000 голов. Что касается населения городов, то оно не может быстро возрасти: монголы приходят в город лишь в качестве временных посетителей, а китайцы, не имея права приводить с собой своих жен, не могут основывать постоянных поселений².

Истинная столица всей северной Монголии есть город Урга, по-монгольски Богдо-курень или Да-курень, т.е. «Большое поле» или «Священная ограда». Он построен на сибирской покатости Монголии, в бассейне реки Толы, воды которой соединяются через Орхон с Селенгой и теряются в Байкальском озере. На севере тянется цепь холмов с пологими скатами, кое-где поросшими ельником, тогда как прямо против города поднимаются крупные склоны настоящей горы, в 600 метров высотой, горы, которой дали название Хан-ула или «Царская гора», и в честь гения которой ежегодно делаются торжественные жертвоприношения³. Урга занимает значительное пространство. Собственно курень или окруженный стена-

1 Матусовский; — Позднеев.

2 „Известия Русского Географического Общества“, 1874 год, № 1.

3 Принц; — Радлов; — Матусовский; — Ней Элиас; — Семенов и Потанин, „Дополнение к Землеведению

ми город, где находится один из трех дворцов хутухты, «живого Будды» Монголии, раскинулся в двух километрах к северу от реки Толы: это лабиринт дворов и переулков, где ламы, — в числе 10.000 человек, а может быть и больше, — расставили свои палатки и выстроили свои глиняные мазанки, над которыми высоко поднимаются позолоченные куполы храмов: в этой же ограде помещается высшее училище, нечто в роде университета, состоящее из трех факультетов — медицинского, богословского и астрологического. Торговый посад или майма-чэн расположен на восток от куреня: здесь имеют пребывание китайские купцы, в числе около 4.000 человек, и располагаются станом русские чайные караваны с своими бурятскими жожаками верблюдов: в этой части города говорят коммерческим жаргоном, представляющим смесь монгольского языка с различными наречиями Китая и Сибири⁴. Наконец в последнее время выстроился новый квартал, квартал русского консульства, где складываются чай и другие товары (транзит чаев в Урге в 1890 г.: 345.347 ящиков⁵). В этом-то консульстве, учрежденном в 1861 году, была снаряжена большая часть русских, научных и торговых экспедиций, совершенных через Монголию. Часть окружающей город равнины была преобразована китайскими огородниками в великолепный сад. Через каждые три года, в сентябре месяце, в Урге происходит большая ярмарка для всей Монголии: в это время собирается до двух сот тысяч, человек, которые располагаются в палатках на равнине.

Между городами Монголии Урга замечательна тем, что к ней сходится наибольшее число торговых путей. Будучи главным этапным пунктом на большой дороге чайной торговли, между Кяхтой, на севере, и Калганом, у ворот Великой стены, Урга соединена в то же время с Кобдо и Улясутаем, с городами провинции Гань-су, с городами Маньчжурии, почтовыми дорогами, на которых устроена правильная гоньба, но которые обыкновенно периодически перемещаются с переменой времен года, для того, чтобы почтовые лошади находили свежий корм в продолжение всего года. На этих торговых трактах расположены, в известном расстоянии одно от другого, стойбища из пятнадцати до двадцати юрт, под надзором станционного смотрителя, получающего жалованье от китайского правительства и обязанного доставлять безвозмездно лошадей проезжающим и давать им помещение на ночь. В силу трактатов, заключенных в 1859 и в 1860 годах между Россией и Китаем, русское правительство получило право устроить и содержать на свой счет почтовую службу между Кяхтой и Тянь-цзином по ургинской дороге. В каждом из городов, лежащих на этом тракте, в Урге, в Калгане, в Пекине, в Тянь-цзине, имеет пребывание русский чиновник, которому поручено заботиться о безостановочной отправке товаров, один раз в месяц, и о перевозке проезжающих, через каждые десять дней: средним числом, продолжительность переезда между конечными пунктами пути составляет около двух недель.

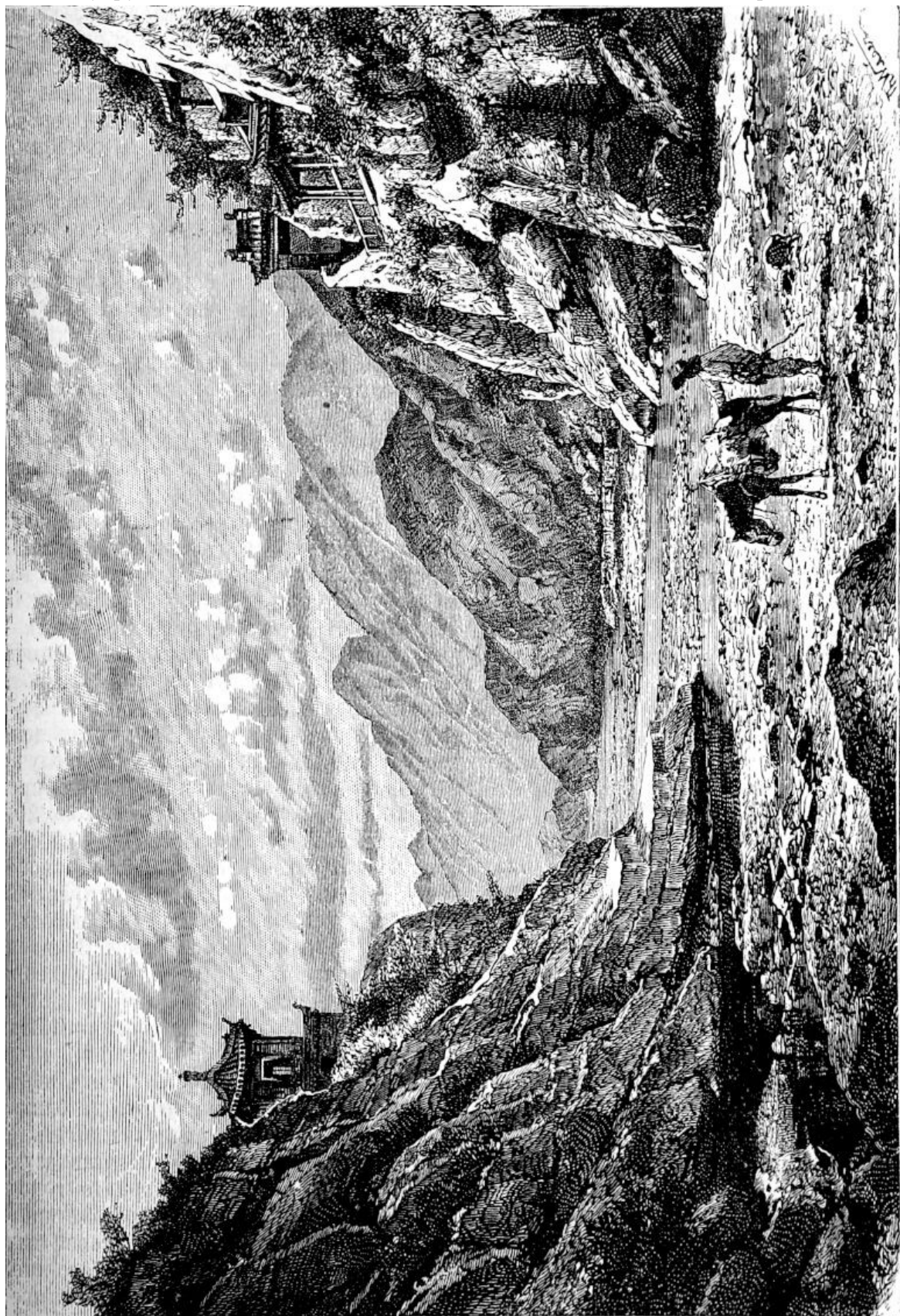
Древняя столица громадной империи монголов, Кара-корум находился в том же речном бассейне, как и современный нам город племени. Часто удивлялись, что главная резиденция монгольских государей могла продержаться в течение двух третей столетия среди этих утомительно однообразных равнин верхнего бассейна Селенги, и что она не была на первых же порах переведена в какую-нибудь более живописную местность, на берега большой реки, или в плодородную равнину; но это объясняется тем, что монгольским завоевателям всего нужнее и удобнее была их родимая степь, откуда они быстро могли делать свои внезапные набег, с одной стороны к равнинам Китая, с другой к равнинам западной Азии. В начале четырнадцатого столетия, когда дело завоевания было кончено и когда громадная империя распалась на два царства, восточное и западное, сохранение Кара-корума, как столицы, не имело более смысла, и его сменили другие города, каковы Пекин и Самарканд. Голин или Корин (Кара-курень или «Черное поле», «Черный город») упоминается китайскими летописями уже в восьмом столетии нашего летосчисления; быть может, Чингис-хан устроил тут

Азии, Карла Риттера“;— „Journal of the Geographical Society“, 1873.

4 О. Иакинф Бичурин, „Достопримечательности Монголии“;—Russel-Killough, „Seize mille lieux etc.“; Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie“.

5 „Вестник Финансов“, 1897 г.

один из своих главных станов, но это поселение сделалось столицей империи только в 1234 году: в этом году Октай-хан велел огородить его стеной. Европейские путешественники Лонжюмель, Рубрук, видели там монгольского хана во всей его славе, в то время, когда при его

Южная ворота Великой стѣны.

дворе толкались авантюристы всех наций и религий, буддисты, мусульмане и христиане: какой-то мастер из Парижа, по имени Гильом, украшал его сады и устраивал в них изящные фонтаны, откуда вино, молоко, кумыс, сикер (род пива у древних) лились струей в серебря-

ные бассейны¹. Впрочем Кара-корум никогда не был большим городом. Вал монгольского или внутреннего города имел всего только 5 ли, или около 2-х с половиной километров в окружности по свидетельству китайских летописей, 3 мили по словам Марко Поло, и наибольшая часть огороженного пространства состояла из дворцов и храмов, окруженных обширными передними дворами и площадками. Вне ограды находились два другие города, маймачэн китайцев и базар мусульман; но эти торговые кварталы, как кажется, были не очень обширны и важны: «город этот будет похуже местечка Сен-Дени (во Франции)», говорил Рубрук. Поэтому нет ничего удивительного, что «Черный курень», после того как его покинули ханы, скоро исчез из числа городов. Долгое время даже никто не знал, кроме кочевников племени халха, где находится место, на котором стояла древняя столица. Д'Анвиль помещал развалины Кара-корума на самой границе Гоби, близ соляного озера Курган-улен; Ремюза искал их гораздо севернее, около истоков реки Орхон, приблизительно в 400 километрах к юго-западу от Урги: и действительно, Падерин нашел их недалеко оттуда, в одной равнине, по которой протекает Орхон, километрах в десяти к юго-востоку. Там видны остатки зубчатой стены, имевшей около пятисот шагов длины в каждой стороне, и внутри которой сохранились еще кое-какие обломки стен построек². Вопрос о нахождении остатков Кара-курума вызвал, как известно, снаряжение особой экспедиции академика Радлова в 1891 году. См. Труды Орхонской экспедиции.

К востоку от Урги область, по которой протекают реки Кэрулэн и Хайлар, и восточная часть которой причисляется в административном отношении к Маньчжурии, не имеет многолюдных городов, а только местечки, представляющие некоторую важность, как главные города аймаков и сборные пункты для меновых торговцев: между этими рынками наиболее посещаемые—Кэрулэн, Ганчжур и Хайлар два из них, носящие имена рек, при которых они стоят. Буддистские монастыри, существующие в этих местечках, извлекают пользу из этого торгового движения.

Главный поток торговой деятельности, естественно, должен был направиться на юг Монголии, в области, теперь присоединенные в административном отношении к провинциям Шань-си и Чжи-ли, где китайцы, «пожиратели татар», поселившиеся многочисленными колониями, основали свои промышленные города. Один из этих рынков южной Монголии есть город Сарачи, построенный на реке, которая впадает в Хуан-хэ близ ее большой северо-восточной дуги. К востоку оттуда лежит другой город, Гуй-хуа-чэн, занимающий одну из нижних террас плоскогорья, в небольшом бассейне, воды которого спускаются на юго-запад к Хуан-хэ, впадая в том месте, где эта река, обходя территорию племени ордосов, принимает южное направление. Этот город, называемый монголами Куку-хото плп «Голубым городом», имеет важное значение, как рынок, где оканчивается торговая дорога, идущая из Улясутая, из Кобдо и из Чжунгарии³. Как все монгольские города, Куку-хото состоит из двух частей: из города военного и религиозного и из города торгового, отделенных один от другого площадями и садами. «Голубой город» был, до конца прошлого столетия, резиденцией главного монгольского ламы, который ныне царит в ургинском дворце; но и теперь еще в Куку-хото живет хубильган, и этот город все еще служит местопребыванием главных буддийских университетов Монголии; по словам Гюка, не менее 20.000 студентов и лам наполняют школы и монастыри священного града. Как торговый центр, Куку-хото особенно важен по торговле скотом и его продуктами; главные отрасли местной промышленности—разработка ломок мрамора и копей каменного угля⁴, дубление кож и тканье верблюжьей шерсти; почти все толстые канаты из этой шерсти, отправляемые в Тянь-цзинь для лондонского и нью-йоркского рынков, получают из Куку-хото: вычислено, что они представляют собой ежегодно стриж-

1 Guillaume de Rubruk, edition d'Avezak, „Recueil de voyages et de Memoires publies par la Societe de Geographie”, tome IV.

2 Robert Michell, „Geographical Magazine”, июнь 1874 г.

3 Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London”, 1873.

4 Armand David;—Blanchard, „Revue des Deux Mondes”. 15 mars 1871.

ку около 200.000 верблюдов. Вместе с тем «Голубой город» есть, на монгольской территории, главное складочное место для товаров, отправляемых в Тянь-цзинь через китайский город Калган или «Ворота», на внешней Великой стене. Равным образом производится торговля кирпичным чаем между Хань-коу и Сибирью, через долину Хань-цзяна, провинцию Шань-си и город Куку-хото¹.

Значительные развалины до сих пор еще видны на восток от этого города, близ края террасы, откуда можно окинуть взором долины внутренней Монголии. Это остатки двух городов — Хара-хото или «Черного города» и Цаган-хото или «Белого города», из которых первый очень древний, а второй был построен в начале четырнадцатого столетия, чтобы служить столицей Монгольской империи²; это город Цаган-нор, через который проезжал Марко Поло³. В том же округе, в 50 километрах к востоку от развалин Цаган-хото, находится китайская деревня Си-вань-цзы главный пункт католических миссий в Монголии. В 1873 году число монголов-католиков, причисленных к этой епархии, определяли в 12.000 человек⁴.

Не менее Куку-хото важен город Долон-нор, лежащий на высоте слишком 1.200 метров над уровнем моря, в юго-восточном углу плоскогорья, там, где невысокие хребты указывают начало горной цепи Большой Хинган; этот город командует также некоторыми из самых узких проходов, спускающихся с «Земли трав» к берегам Желтого моря. Монгольское название его Долон-нор, означающее «Семь озер», произошло от луж, которые теперь засыпаны песками пустыни; китайцы же называют его Лама-мяо или «Могилой ламы», в память капища, которое тут велел соорудить император Кан-си. Долон-нор не обнесен каменной стеной; но, как все другие города монгольского плоскогорья, он состоит из двух отдельных частей — города монастырей и храмов, и города лавок. Деятельный торговый пункт, населенный преимущественно выходцами из провинции Шань-си, которые приходят сюда обогащаться на счет простодушных монгольских пастухов, Долон-нор есть в то же время мануфактурный город; здесь выделывают с большим искусством статуи и всякого рода украшения из железа и из позолоченной меди, для монастырей и кумирен Монголии; величественный идол Будды, имеющий более 10 метров в высоту, который теперь красуется в главном храме г. Урги, был перенесен туда из Долон-нора через пустыню Гоби⁵. Долон-нор важен как конский рынок, где ремонтеры китайской кавалерии ежегодно скупают много лошадей⁶.

Шань-ду или «Верхний двор», который наследовал «Белому городу» и Кара-коруму, как резиденция ханов, и где Хубилай-хан построил мраморный и бамбуковый дворцы, описанные у Марко Поло, находится среди пустынной местности, километрах в сорока к северу от Долон-нора. Прозвище, которое ему обыкновенно дают монголы, «Город ста восьми храмов», произошло от религиозных зданий, которые некогда господствовали своими куполами над массой домов, столь же многочисленные, как томы священной книги Гань-чжур и как зерна молитвенных четок. Но эти строения лежат теперь в развалинах, и двойная ограда, окружающая эти груды мусора, поросла травой и кустарником. Небольшой монастырь, построенный за чертой древнего города, и несколько монгольских юрт, разбитых на берегу реки, суть единственные жилища, которые в наши дни заменяют «город с сотней храмов». Пространство, обведенное земляным, обросшим травой, валом и обнимающее площадь по меньшей мере в двенадцать квадратных километров, есть, вероятно, тот чудесный парк, о котором говорит Марко Поло; но, понятно, мы не увидим там более ни фонтанов и искусственных рек, ни лугов и лесов, описываемых знаменитым венецианским путешественником⁷.

1 „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient“, 1881.

2 Fr. von Richthofen, „Letters on Chili, Shansi“, etc.;—Clement Allen, „Commercial Reports on China“, 1879.

3 О. Иакинф Бичурин, цитированное сочинение.

4 Carl Ritter, „Die Erdkunde von Asien“,—Yule, „The life of ser Marco Polo“.

5 Гюк,—Пржевальский,—Бушель.

6 Бородовский, „Хинганская экспедиция“.

7 Bushell, „Journal of the Geographical Society of London“, 1874;—Путята.

Гораздо обширнее был Джегольский парк (Вэй-чан), в юго-восточной области внутренней Монголии: эта лесная область, населенная дикими зверями, обнимала, на пространстве многих десятков тысяч квадратных километров, долины и холмы, которые простираются от монгольского плоскогорья до палисада Маньчжурии: здесь-то паслись табуны десяти тысяч белых, без малейшего пятнышка, лошадей, представленных в виде дани императору Кан-си; члены императорской фамилии и некоторые привилегированные лица только одни имели право пить вместе с ним молоко от кобылиц этого отборного стада. Город Джегол, Шэ-хэр или Чэн-дэ-фу—называемый также в некоторых китайских документах Жэ-хэ, т.е. «Теплая река», по причине горячего ключа, бьющего из земли в парке,—есть столица этой страны, которую китайцы и оседлые монголы быстро завоевывают для земледелия; он прославился летним императорским дворцом, богато украшенным произведениями искусства и в особенности инкрустированными деревянными изделиями; это здание, построенное в 1703 году, по образцу Пекинского дворца, служило убежищем императорской фамилии, когда союзные англо-французские войска овладели столицей Китая, после сражения при Па-ли-цзяо. Главный храм этой резиденции представляет, по своему архитектурному стилю, подражание капищу, которое высится на священной горе Потала¹, в Лассе, тогда как другой храм, напоминает тибетскую кумирню, господствующую над городом Шигатзэ. Другой значительный город этой области, Ба-гоу или Пин-цюань-чжоу, лежащий в сотне километров к востоку от Жэ-хэ, состоит из одной улицы, растянувшейся верст на восемь в длину и окаймленной с обеих сторон фруктовыми садами и огородами: здесь находится центр шелководственной промышленности во внутренней Монголии². Дзын-пын, лежащий гораздо севернее, в бассейне реки Шара-мурэнь,—тоже торговый город, посещаемый меховыми торговцами, которые приезжают сюда в большом числе закупать шкуры тигров и других пушных животных: здесь мы находимся уже на границах северных областей, еще слабо населенных. Однако, и в этой стране можно встретить многолюдные монастыри. Так, одна кумирня, Гыген-сумэ или «Храм живого Будды», находящаяся в этой северной области внутренней Монголии, заключает в своих стенах, как говорят, не менее 5.000 жрецов.

Города Монголии, с вероятной цифрой их населения, суть:

Северная Монголия: Кобдо—3.000 жит., в 1868 г.; по Ней-Элиасу. Улясутай—3.000 жит., в 1868 г.; по Ней-Элиасу. Урга—30.000 жит., в 1870 г.; по Пржевальскому. Кэрулэн—1.500 жит., в 1871 г.; по Лосеву.

Южная Монголия, причисленная к провинции Шань-си. Куку-хото—30.000 жит., в 1870 г.; по Гюку.

Внутренняя Монголия, причисленная к провинции Чжи-ли. Чан-дэ-фу—40.000 жит.; Долон-нор (Лама-миао)—10.000, в 1891 г.; по Бородовскому. Пин-цюань-чжоу—20.000; по Путяте.

V. Китайская Маньчжурия³

На севере, северо-западе и северо-востоке Китайская Маньчжурия имеет точные границы, которые определило русское правительство, именно течение р. Аргуни, Амура и притока последнего, Уссури; на юго-востоке горные цепи, пространства и виды рек Тумынь-улы и Ялу-цзяна отделяют маньчжурскую территорию от Кореи; на юге воды Желтого моря омывают берега полуострова Ляо-дун: но на западе Маньчжурия не отделяется, со стороны Монголии, никаким естественным рубежом. В то время, как северо-восточная часть «Земли трав», на западе от хребта Большой Хинган, причисляется к Маньчжурии, лесистые области

¹ Edkins, „North China branch of Asiatic Journal”, 1866.

² Williamson, „Journey in North China, Manchuria, and Eastern Mongolia“;—Бородовский;—Путята.

³ Отдел этот почти совершенно переделан, значительно дополнен в видах того живого интереса, который получила Маньчжурия в русском обществе за последнее время. *Прим. ред.*

и все местности верхнего бассейна реки Шара-мурэнь вошли в состав Монголии. Когда-то «изгороди из ивняка» обозначали раздельную линию между этой частью монгольской территории и южной Маньчжурией; но эти живые изгороди давно уже не существуют. Туземцы, правда, показывают там и сям несколько рядов деревьев, о которых они говорят, что это — остатки насаждений, сделанных в эпоху богдыхана Кан-си¹; но в настоящее время невозможно распознать ни малейшего плана в группировке лесков, которые видны по обе стороны древней границы, в двух маньчжурских провинциях, Мукденской и Гириньской. Весьма вероятно, что эти барьеры из живых деревьев и частокола, которые некогда китайцы, японцы, корейцы устраивали взапуски друг перед другом, не имели никакой стратегической цели, ибо, в случае нападения, их все равно, невозможно было бы защищать; но они были нечто в роде волшебного круга, начертанного вокруг страны и поставленного под покровительство добрых гениев. В былые времена взаимные набеги различных племен, маньчжурских и монгольских, с обеих сторон естественной границы, образуемой Большим Хинганским хребтом, определили условную границу, существующую в наши дни между Монголией и Маньчжурией; но эти давления кочевых племен друг на друга уже утратили всякую важность: в настоящее время и те, и другие, маньчжуры и монголы, одинаково должны отступать перед китайцами, которые не перестают подвигаться вперед с юга на север, и которые составляют уже наибольшую часть населения страны. Сомнительно даже, чтобы одна двенадцатая доля общего числа жителей Маньчжурии принадлежала к той расе, от которой этот край получил свое название. По последним сведениям, пространство Маньчжурии 600.000 квадратных верст, население 12.000.000 душ, следовательно, средним числом приходится по 20 жителей на квадратную версту².

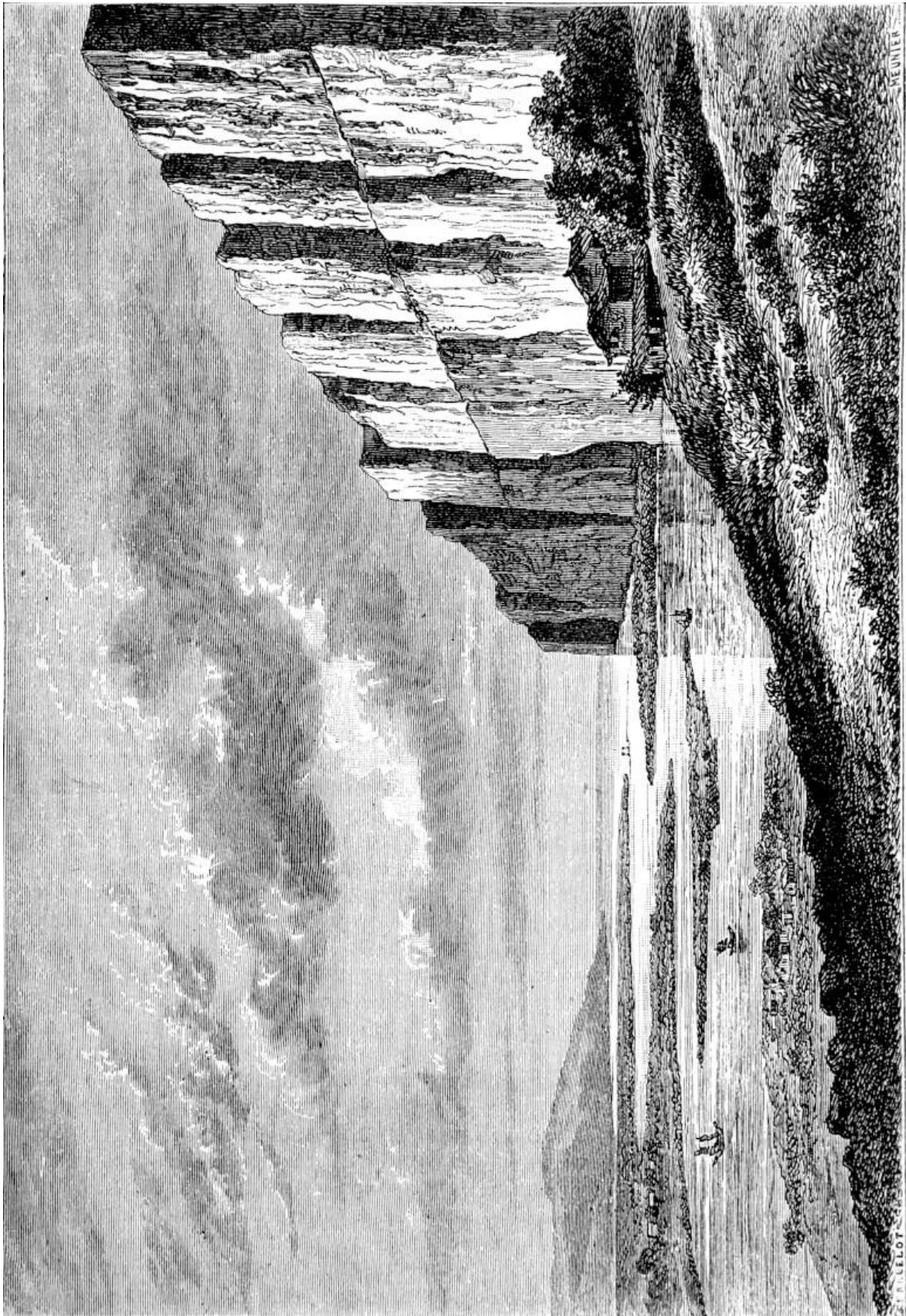
Маньчжурская территория естественным образом делится на две противоположные покатоности: северную, которая постепенно спускается к Амуру и, через эту реку, к Охотскому морю; и южную, с которой воды текут к заливам Ляо-дун и Корейскому. Невысокий порог разделяет эти два ската и соединяется на западной стороне с монгольским плоскогорьем посредством полого спускающихся степей восточного Гоби, которые во многих местах представляют точно такой же вид, как и «Земля трав»: их обширные пустыни усеяны впадинами и оврагами, в которых ручьи, бегущие со скатов Большого Хингана, образуют лужи без стока. Но с той и с другой стороны этого порога замечается большая разница между северной Маньчжурией, которая составляет часть сибирского мира, и южной Маньчжурией, которая по своему климату, земледельческой культуре и характеру населения принадлежит к Китаю.

С восточной стороны хребет Большой Хинган, который ясно виден с берегов реки Нон или Нонни (притока Сунгари), кажется более величественным, нежели с западной, где подошва его врезывается в толщу монгольского нагорья; вулканы, открывшиеся некогда на протяжении этой горной цепи, выставляют свои конусообразные верхушки у оконечности глубоких ущелий, которые вырыли себе притоки реки Нонни, осененные большими деревьями. Но древние конусы извержения высятся также в равнинах, по которым протекает река Нонни, и которые некогда была покрыты водами озер, ныне опорожнившихся. В долине речки У-дэ-линь, притока Нэмэра, который изливается в Нонни между городами Мэргэнем и Цицикаром, поднимается группа холмов, вулканического происхождения, называемая маньчжурами Уюнь-холдонги или «Девять бугров». В 1720 году сильные землетрясения колебали почву окружающей страны и сопровождались, в начале 1721 года, сильным извержением, которое продолжалось более года, и за которым следовал второй взрыв, более слабый. Явления этого извержения были обстоятельно описаны пятью императорскими посланцами, которые в разные времена посещали горевшую подземным огнем местность, так что не может быть никакого сомнения относительно природы события; рассказы, относящиеся к появлению Монте-Нуово, на северном берегу Неаполитанского залива, далеко не отличаются

1 Эти рассказы относятся лишь к восточной части ивовой изгороди, что же касался западной её части, то, по свидетельству Джемса, происхождение её восходит к временам Минской династии. *Прим. ред.*

2 Д. Позднеев, „Описание Маньчжурии“.

ся такой точностью, как наблюдения китайских исследователей извержения на холмах Уюнь-холдонги. На трещине почвы, откуда выходили пары и лава, поднялись два конуса из вулканических обломков, и самый высокий из этих конусов возвышается на 800 саж. над

Скалы желтозема на рѣкѣ Хуанъ-хэ.

уровнем равнины, тогда как кратер его имеет около версты в окружности: четыре потока лавы вылились из этого вулкана, каждый на расстоянии нескольких километров от жерла, и один из них, остановив течение реки У-дэ-линь, превратил ее в обширное озеро; после того

другой поток лавы врезался в водную площадь и образовал среди неё длинную плотину или дамбу, которая в продолжение нескольких месяцев была постоянно окутана клубами паров¹. Архимандрит Палладий, поднимаясь вверх по долине реки Нонни, проходил в соседстве этих Девяти холмов, но он не мог свернуть в сторону от своей дороги, чтобы осмотреть их вблизи; проводники его называли их китайским именем Лу-юань-шань, что значит «Серные горы»; действительно, эти горки заключают в себе богатые месторождения серы, разработка которых запрещена китайским правительством. Многие другие холмы этой долины тоже, очевидно, вулканического происхождения; но о. Палладий не мог узнать, были ли на них наблюдаемы явления вулканической деятельности. В этом отношении, «Девять пригорков» единственные в своем роде возвышения в Маньчжурии. Существование вулканических отдушин, производящих извержения, на расстоянии около 1.000 верст от берегов океана, составляет, бесспорно, один из замечательнейших фактов в области геологии: мы имеем тут очевидное доказательство того, что соленые воды замкнутых озер, каких есть несколько в Маньчжурии, у основания монгольских степей, могут заменять воды моря в химической работе, которая совершается в недрах земли и производит извержения лавы.

На север от бассейна, в котором река Нонни собирает свои первые воды, гористая область соединяет монгольский хребет Большой Хинган с хребтом, который русские обыкновенно называют Малым Хинганом, тогда как у маньчжуров он известен под именем Даусэ-алинь. Горная страна, связывающая эти две цепи, изображается под различными именами монгольскими, маньчжурскими, китайскими. О. Палладий, который проходил по ней, слышал, что ее всегда называли Хинь-ань-алинь: это, повидимому, то же самое наименование, как Хинган; на скате, обращенном к Амуру, ее обыкновенно называют Ильхури-алинь. Часто посещаемая дорога проходит через эти горы между городами Мэргэнем и Айгуном. На самой возвышенной точке прохода, среди поляны, окруженной большими лесами, стоит китайский храм, принимающий путников всех национальностей империи, которые приходят преклонить колена перед своими идолами; стражи этого святилища, изгнанники из «Цветущего царства», обязаны пещись о благополучии прохожих и показывать им дорогу на тропиках, иногда опасных, или даже неприступных в весеннюю или летнюю распутицу, во время таяния снегов и проливных дождей². Высота этих гор не была точно измерена русскими путешественниками³. По их описаниям невероятно, чтобы какая-либо из вершин достигала высоты 1.500 метров. Хребет Даусэ-алинь, который тянется от юго-запада с северо-востоку в обширном полукруте, образуемом течением рек Нонни и Сунгари, и который продолжается, на севере от прорыва Амура, сибирскими горами, прилегающими к реке Буре, имеет, в этой северной части цепи, всего только 1.050 метров высоты, в кульминационной точке Лагор-аул.

Главный хребет южной Маньчжурии — Шань-янь-алинь, обыкновенно называемый китайцами Чан-бо-шань или «Длинная белая гора», получившая такое наименование от блеска её известковых скал, так же, как и от венчающей будто бы её гребень диадемы льдов; самые высокие её вершины, около истоков Сунгари, поднимаются до 8.000 футов над уровнем моря и не переходят за предел постоянных снегов⁴. В своей совокупности эта горная цепь развивается довольно правильно по направлению с северо-востока на юго-запад, от слияния Амура и Уссури до мыса Лао-те-шань, которым она оканчивается среди вод Желтого моря. На этом огромном протяжении, около 1.500 километров, главный хребет неоднократно меняет название и разветвляется многочисленными отрогами между речными долинами; но он сохраняет свое нормальное направление, параллельное направлению других больших цепей страны, на западе Монгольского Хингана, на востоке хребта Сихотэ-алинь,

1 Проф Васильев, „Вестник Русского Географического Общества“, за 1855 г.;—Семенов, „Дополнение к Землеведению Азии, Карла Риттера“, т. I.

2 О. Палладий, „Записки Русского Географического Общества“, 1871.

3 Высота кумирни Лао-и-мяо на перевале М. Хингана по Усольцеву определяется в 1.158 фут. *Прим. ред.*

4 Джемс;—Позднеев.

идущего вдоль русского побережья. Бай-тоу-шань—высшая точка Чан-бо-шаня, как говорят, частью вулканического происхождения, и в центральной её части находится озеро, наполняющее древний кратер, стенки которого имеют до 500 футов высоты¹. Маньчжурские поэты, и между ними знаменитый император Цянь-лун, воспевают горы Чан-бо-шань, как священную родину их предков и в то же время как страну прекраснейшую в мире по её лугам и лесам, по её источникам и рекам, по чистому воздуху, которым там дышешь, и яркому свету, который там разливает небо.

Другие, менее важные, горные цепи, которые поднимаются над равнинами, между Шань-янь-алинем и Хинганом, ориентированы в том же направлении, как почти все возвышения и понижения почвы в этой части восточной Азии. Один из наиболее правильных между этими хребтами тот, который господствует на западе над долиной реки Ляо-хэ, и который тянется вдоль западного берега залива Ляо-дун до мыса, у подножия которого оканчивается Великая стена, омывая в волнах моря свой последний бастион. Эта береговая цепь, известная под разными именами, принимает, около своей северной оконечности, название Гуань-нин-шань, от города, лежащего в одной из долин её подошвы; несколько потухших вулканов возвышаются в соседстве этих гор. Горы Гуан-нин, так же, как хребет Чан-бо-шань, были во все времена предметом почитания, как хранители Маньчжурии, ибо, по древнему верованию, горы дают более устойчивости стране давлением, производимым ими на почву, и доставляют самим жителям, посредством таинственного влияния, власть и силу удерживать за собой обладание краем; уже во времена династии Чжоу гора И-ву-люй, одна из вершин этой цепи, считалась одним из девяти стражей и патронов империи². Точно также императоры последующих династий помещали горы Гуан-нин в число покровителей китайских провинций и иногда не упускали случая делать им жертвоприношения, чтобы приобрести их благосклонность. И теперь еще показывают, на самой высокой вершине этой цепи пустынь, где один из богдыханов, наиболее прославляемых историками Китая, Янь-хуан (Jenhouang), провел большую часть своей жизни, окруженный книгами и рукописями.

Две главные реки Маньчжурии, хотя весьма неравные по объему воды, походят одна на другую симметрией своих долин. Эти реки текут в противоположном направлении, описывая каждая полуокружность замечательной правильности: верхняя Нонни, главная ветвь Сунгари, соответствует Шара-мурэни, который есть не что иное, как верхний Ляо-хэ, а нижняя Сунгари воспроизводит такую же кривую, описываемую приморским Ляо-хэ. Между этими двумя реками, низкая терраса восточного Гоби, покрытая желтоземом, усеянная лужами стоячей воды, постепенно размывается на своих окраинах, где воды вырывают расходящиеся долины³.

Известно, что Сунгари или «Молочный цветок»,—получившая такое название от белого цвета её вод,—считается маньчжурами и китайцами главной рекой общего бассейна, который она образует вместе с Амуром. И действительно, по направлению своей долины, идущей параллельно хребтам Хингану и Чан-бо-шаню и самой оси всей северо-восточной Азии, Сунгари несомненно должна быть признана первенствующим потоком бассейна, но она уступает Амуру как по длине течения, так и по обилию жидкой массы; только летом она превосходит своего соперника, благодаря обильным осадкам от летних муссонов на Белых горах. Кроме того, твердые землистые частицы, которые она приносит в изобилии, и от которых прозрачная до того вода Амура тоже делается мутной, ниже слияния, придают ей кажущееся превосходство: беловатый цвет её волн сообщается долго всему соединенному потоку. Во многих местах Сунгари имеет более 2 километров ширины между своими тинистыми берегами, где мириадами гнездятся ласточки; в период разливов эта река принимает вид моря в движении, усеянного бесчисленными островами, где находят убежище несметные стаи диких гусей, лебедей и уток; барки заблуждаются в лабиринте каналов, отыскивая настоящий

1 О. Палладий;—Delman Morgan, „Proceedings of the Geographical Society”, 1872.

2 Edouard Biot, „Le Tcheou-li“.

3 Fr. von Richthofen, „China“.

берег. Как исторический путь через континент, Амур приобрел гораздо более важное значение, чем Сунгари, так как он носит на своих водах суда русских к Тихому океану и связывает Восточную Сибирь с остальной частью Российской империи; но Амур еще и до ныне протекает по настоящим пустыням, в сравнении с плодородными и населенными местностями, орошаемыми Сунгари, по крайней мере, в средней части её течения. Торговое движение также несравненно значительнее на маньчжурской реке, где перед наиболее многолюдными городами барки должны с большим трудом пробираться сквозь целые флотилии стоящих на якоре судов. Для барок, сидящих на воде не глубже 3-х футов, Сунгари судоходна на протяжении, по меньшей мере 1.500 километров, от города Гирина до устья; Нонни, главный приток бассейна, тоже носит барки такого же водоуглубления до Цицикара и даже выше этого города; наконец, река Хурха или Мудань-цзян, впадающая в Сунгари у города Сань-сина, доступна только мелким судам. Однако, судоходство, которое производится по всем этим рекам, может иметь лишь местную важность: большой крюк, который делает Сунгари в западном направлении, между городами Гирином и Сань-сином, до такой степени замедляет перевозку товаров, что почти все грузы отправляются прямо по сухопутным сообщениям¹. Первый пароход, который поднимался вверх по Сунгари, был тот, на котором совершили свою поездку в пределы Китайской империи русские исследователи Усольцев и Кропоткин, в 1864 году. С этого года до 1894 русские пароходы не появлялись на Сунгари, но в настоящее время они уже перевозят грузы Китайской восточной дороги.

Шара-мурэн или «Желтая река», получающая начало на плоскогорьях Монголии и текущая вдоль южной окраины пустынной террасы, на которую опирается восточное основание хребта Хинган, становится судоходной, в период разлива, только ниже того места, где она вступает, под именем Ляо-хэ, в провинцию Шэн-цзин, уже чисто китайскую. В нижней части своего течения она достаточно глубока, чтобы принимать суда, имеющие около 3 метров водоизмещения, а приходящие с моря купеческие корабли, вспоможествуемые морским приливом, который может подниматься до 3 с половиною метров, проходят бар Ляо-хэ и поднимаются вверх по реке до порта Ин-коу или Ин-цзы. Приносимые рекою твердые земляные частицы постепенно образовали, при впадении её в море, равнину в ущерб поверхности Ляо-дунского залива; даже в исторические времена аллювиальные земли захватили значительное пространство на мелких водах залива; по местному преданию, город Нью-чжуан стоял прежде у самого устья; из века в век он должен был устраивать себе передовые порты, по мере того как устье выдвигалось все далее в море и как сам он оставался внутри материка, среди болот, постепенно преобразовываемых в культурные пространства. Речные наносы, которым, быть может, помогает также общее поднятие страны, усеяли дно Ляо-дунского залива мелями и островками, сильно затрудняющими плавание судов². Долина реки Ляо-хэ во все времена имела очень важное значение, как исторический путь: этой дорогой маньчжуры спускались к побережью Желтого моря, чтобы вторгаться в пределы Китая, а китайские армии поднимались на север к бассейну Сунгари, к границам Кореи; оттого-то императоры во все времена учреждали бдительный надзор за безопасностью этой долины, и там видны до сих пор, в соседстве города Мукденя, остатки валов и укреплений, имевших истинную стратегическую важность³. В настоящее время долина Ляо-хэ получила исключительную цену в политическом отношении, так как она представляет Маньчжурии единственный существующий для неё выход к морю. По странной непредусмотрительности, или, быть может, потому, что оно тогда не считало себя достаточно сильным, чтобы воспротивиться воле России, китайское правительство лишилось всех портов на побережье Тихого океана, к северу от Кореи, так что теперь торговые сношения бассейна Сунгари с другими странами, кроме Сибири, должны производиться исключительно через нижнюю долину реки Ляо-хэ, или заимствоваться чужой русской территорией; именно в том месте, где северная Маньчжу-

1 Williamson, цитированное сочинение.

2 Michie, „Journal of the Geographical Society of London“, 1863.

3 О. Палладий, „Записки Русского Географического Общества“, том IV. 1871 г.—Richthofen, „Letters on the provinces of Tchekjang and Nganhwei“.

рия находила бы свои лучшие выходы к Японскому морю, то-есть на берегу заливов Петра Великого, русские и основали свои морские станции для наблюдения за Китаем.

Маньчжурия представляет большое разнообразие вида и характера местности: в ней есть и пустыни, и луга, и полевые области, и густые, ветвистые леса. Пространство около 100.000 квадратных километров, которое простирается на востоке Большого Хингана от реки Шарамурэнь до подошвы передовых гор цепи Даусэ-алинь, как известно, причисляется к Монголии, и иногда ему дают название Восточного Гоби; хребет Шань-янь-алинь, который поднимается высокой стеной на юго-востоке, задерживает на проходе дождливые муссоны Тихого океана и заставляет их отдать почти всю приносимую ими влажность, так что они продолжают свой путь по другую сторону гор уже значительно лишенные паров: понятно, что под этим иссушенным воздушным течением, с которым чередуются северо-западные ветры, еще более сухие, почва не может быть плодородной, и воды, которые изливаются на нее, должны застаиваться в виде соляных луж. Но между этой областью бесплодных степей или пустынь и теми пространствами, где муссоны свободно орошают землю своими ливнями, и где, следовательно, растительность достигает могучего пышного развития, мы наблюдаем здесь всевозможные переходные степени климата и почвы. В бассейне Сунгари расстилаются обширные травяные степи подобные тем, что и на берегах Амура; травы, покрывающие эти луга, поднимаются выше роста человеческого, до 3 метров вышины, и своими верхушками мешаются с листвою кустарников и деревьев: человек должен с топором в руке прочищать себе дорогу сквозь эти леса трав и кустов, если счастливый случай не наведет его на тропинки, протоптанные дикими зверями. На большей части гор северной Маньчжурии скаты покрыты зеленью до самой вершины: леса наполняют промежуточные долины, и дубы, вязы, ивы достигают такой высоты, что путник идет по целым часам под их тенью не видя ни одного солнечного луча, который бы пробивался сквозь густой шатер их листьев. С высоты некоторых вершин взорам наблюдателя представляется целое море зелени, простирающееся далеко, от долины до долины и от горы до горы, сливаясь на крайнем горизонте с синевой неба: богатство растительности в некоторых частях бассейна Сунгари так велико, что его можно сравнить с пышной растительностью островов Малайского архипелага. В южной Маньчжурии, где земледелие завладело уже почти всеми плодородными землями, лесная растительность менее густа, нежели в бассейне Сунгари; большая часть гор полуострова или мыса, который выдвигается в море между заливами Корейским и Ляо-дунским, оканчиваются голыми хребтами или пирамидальными вершинами¹, кое-где даже встречаются дюны, прогуливающиеся по берегу бухт.

По своей флоре и фауне китайская Маньчжурия так же, как и Маньчжурия русская, принадлежит к переходной области между Восточной Сибирью и собственным Китаем. Вернее она составляет обширную растительную подьобласть, которую можно назвать Китайско-Маньчжурской². Соответственные виды деревьев, кустарников и низких растений придают физиономии этих стран черты, напоминающие Европу; плодовые деревья, хлебные злаки, огородные овощи и другие культурные растения, которые путешественник видит вокруг жилищ, еще более увеличивают это кажущееся сходство маньчжурской природы с европей-

Старая маньчжурка.

¹ Williamson, цитированное сочинение.

² „Описание Маньчжурии”, изд. М-в а Финансов, т. 1, стр. 174.

ской. Но дикие животные еще очень многочисленны в Маньчжурии, большая часть которой все еще находится в первобытном, естественном состоянии: барсы все также прячутся в лесных чащах, и королевский тигр, этот «господин», как его называют туземцы, не перестал рыскать по стране и нападать на её обитателей, иногда даже на улицах их поселений: судя по большому количеству тигровых шкур, которое продается каждый год в городах, — шкур, из которых иные имеют около 3 метров (4 аршин) в длину, от головы до основания хвоста¹, — порода этих страшных кошек еще далеко не перевелась в крае. Волки этих стран тоже очень опасные звери, и говорят, что в различных местностях Маньчжурии они часто нападают даже на людей; рассказывают, что бывали случаи, когда они пробегали вскачь через стада баранов, не делая им никакого вреда, и бросались прямо на пастуха². Между другими видами диких животных, кабаны, медведи, лисицы, дикие кошки, каменные куницы тоже очень обыкновенны в некоторых округах: в северных лесах звероловы преследуют ланей, красных оленей, белок и находят еще соболей, мех которых идет на украшение шапок маньчжуров; в западных степях бродят стада антилоп. Еще и в наши дни, несмотря на мирное вторжение китайских колонистов и распространение земледелия, северная Маньчжурия есть по преимуществу страна охоты, зверованья, и, как в старые времена, когда беспрестанно нужно было опасаться нападения хищных зверей, охота доселе считается у маньчжуров своего рода религиозным актом: кто не умеет охотиться, тот нечестивец³. Птицы, которые по большей части принадлежат к видам аналогичным с видами западной Европы, очень многочисленны, в особенности певчие птицы представлены большими стаями. Согласно изданному Министерством Финансов «Описанию Маньчжурии», орнитологическая фауна насчитывает в своем составе 268 видов птиц, из которых 46 видов голенастых, 35 хищные, 40 плавающих, 8 куриных, 11 лазающих и 124 воробьиных. В соседстве жилищ всегда увидишь бесчисленное множество воронов, которых маньчжуры почитают как представителей их предков, и которым они, вследствие этого, приносят ежедневные жертвы, быстро поглощаемые шумной толпой прожорливой птицы⁴. Текучие воды Маньчжурии тоже очень богаты животной жизнью, и целые населения существуют единственно рыбой. Из описанных известных в Маньчжурии рыб повсеместно встречаются китайский окунь, налим, сомы различной породы, сазан, чебак, лещ, белорыбица, сиги, щуки, осетр, калуга, а в бассейнах реки Амура и лососевые породы: кэа, горбуша и таймень. В Сунгари, ниже города Сань-сина, лососи водятся в таком обилии и попадаются таких больших размеров, что рыболовы могут готовить себе из их кожи летний костюм, впрочем нисколько не уродливый, который их жены украшают разноцветными вышивками.

*Из проходных рыб другой породы, кроме лососевых, следует упомянуть калугу (*Huso orientalis*) и амурского осетра (*Sturio Schrenckii*). Первая рыба достигает до 50 пудов весу⁵, имеет вкусное, но несколько грубоватое мясо, второй же, достигая весом до 10 пудов, имеет такое же вкусное мясо, как и осетры Европейской России и Сибири.

Из пресмыкающихся здесь встречаются: черепаха (*Trogonux Maackii*), обыкновенные ящерицы и лягушки, а из змей, колоссальная по размерам, японская порода *Trigonoserphalus Blomhoffii*. Насекомыми Маньчжурия весьма богата, и состав видов их еще раз доказывает факт смешения сибирской и более южной природы. Здесь следует упомянуть лишь, что страна отличается беспримерным обилием двухкрылых, как-то: оводов, слепней, мух, комаров, мошек и т.д., составляющих в летнее время суший бич на людей и животных, так как от этого «гнуса», как называют их местные обыватели, почти нет средств для защиты⁶.

Нынешние маньчжуры признают своими предками ньючжэней или чжучжэней и при-

1 Вильямсон; — Гюк; — о. Палладий; — Пржевальский; — Шредер etc.

2 Нус, „Voyages dans la Tartarie“

3 Carl Hieckisch, „Die Tungusen“.

4 О. Палладий, „Записки Географического Общества“, 1871 г.

5 „Описание Маньчжурии“

6 Д. Позднеев, „Описание Маньчжурии“.

числяются к тунгусской народности. Одно только из их племен или колен, кочевавшее в одной долине «Длинной белой горы» носило имя, которое теперь принадлежит всей нации. Победитель всех своих соседей, Тай-цзу, начальник народца, называвшагося маньчжурами, провозгласил равенство всех своих подданных под общим именем своего племени, и этому ловкому политическому шагу, соединившему разрозненные поколения в один народ, он и был обязан своими победами и над Китаем и завоеванием этой громадной империи, в 1636 году¹. Но это завоевание должно было иметь неизбежным следствием преобразование самих маньчжуров. За исключением нескольких тунгусских племен, бродящих по берегам больших рек, каковы солоны, даурцы, гольды, манегиры, ороконы, маньчжуры собственно в настоящее время составляют незначительную часть населения страны. Впрочем и самая страна теперь есть не что иное, как китайская провинция, по порядку девятнадцатая область империи. Даже в верхней долине реки Нонни маньчжуры, измененные мало-по-малу китайским влиянием, положили конец своей бродячей жизни и из кочевых дикарей сделались оседлыми земледельцами. Они живут теперь в фанзах, как и переселенцы с юга, имеют культурные земли, которые обыкновенно снимают на аренду у китайцев, и говорят по-китайски с чужеземцами. Из всех маньчжурских племен солоны или салоны всего лучше сохранили свои старинные нравы и обычаи. Они не поклоняются Будде и не имеют других жрецов, кроме шаманов, совершающих свои заклинания и колдования вокруг священных пригорков. Тела умерших солоны сжигают и пепел собирают в кожаные мешки, которые привязывают к ветвям деревьев, где они и остаются висеть, качаемые ветром². Дауры, которые теперь слывут самыми храбрыми, но вместе с тем и самыми жестокими из маньчжур, суть, напротив, ревностные ламаисты, и каждая семья имеет своего жреца.

*Ороконы, отрасль маньчжур, обитающие по Номини, Гану, Ялу и притокам Нонни живут отдельными семействами или немногочисленными таборами в самых диких местах. Занимаясь оленеводством, рыбными и звериными промыслами, они представляют бедное, неразвитое племя. Гольды, живущие по нижнему течению рек Сунгари и Уссури, по преимуществу рыболовы, и к ним-то и было применимо китайское название «ю-пи-тацзы», т.е. люди в рыбьей шкуре. Общее число их не достигает и 25 тысяч человек. Как духовные качества, так и умственные способности гольдов значительно выше, чем у других второстепенных маньчжурских племен. На это обстоятельство китайское правительство обратило свое внимание и даровало гольдам некоторые права, сравнив их с маньчжурами, заведя в гольдских деревнях школы, и старается сделать из них оседлый народ³.

Вследствие смешения рас, которое произвело население более рослое и более сильное, чем население центрального Китая, ныне существует большое сходство черт между завоевателями и теми, которых еще причисляют к туземцам, так что, для разрешения сомнения, нужно спрашивать у самих жителей края, кого имеешь перед собою—китайцев или маньчжур. Даже по форме ног нельзя узнать, к какой национальности принадлежат женщины, так как очень многие из китайнок, живущих в Маньчжурии, не подвергают более свои ноги пытке искусственного уменьшения. Между всеми обитателями северной полосы империи маньчжуры отличаются своей вежливостью, приветливостью и обходительностью с иностранцами⁴. Хотя потомки тех маньчжур, которые покорили Китай, они, однако, имеют настолько такта, что никогда не хвастаются своим происхождением перед «сынами Неба»; в этом отношении они ни мало не похожи на своих соплеменников, наглых китайских мандаринов, испорченных практикой власти. Солоны, даурцы и другие северные маньчжурские племена, веселые, живые, проворные, храбрые, как сибирские тунгусы, ходят вместе с тем на японцев по быстроте и легкости, с которою они усваивают себе чужие идеи и понятия и приспособляются к переменам среды. В настоящее время контрасты, производимые раз-

1 Plath, „Geschichte der Mandschurei“;—Кастрен;—П. Риттер и др.

2 Noirjean, „Annales de la propagation de la foi“, 1878.

3 „Описание Маньчжурии“. Изд. М-ва Финансов.

4 О. Палладий;—Вильямсон;—Гюк.

личием религии, имеют в Маньчжурии гораздо более важности, нежели противоположности, зависящие от различия расы. Магометане, составляющие в некоторых местностях треть населения, живут по большей части в городах, при том в отдельных кварталах и образуют настоящие кланы или общины, члены которых, хотя и принадлежат к китайской расе, не смешиваются, однако, со своими соотечественниками других религий. В отношении исполнения воинской повинности маньчжуры разделены на восемь знамен или хошунов, откуда и произошло их прозвище Пацы или «восемь знамен»; но эти воины, которые еще в 1873 году не имели другого оружия, кроме лука и стрелы, употребляются больше для охоты, чем для стратегических экспедиций. Они обязаны вносить ежегодно подать натурой или ясак, состоящий из 2.400 оленей и некоторого числа соболей.

*Составляя поголовно военное сословие, как у нас казаки, они со своим потомством несут помимо военной службы еще и некоторые повинности: так, содержат казенных лошадей для гоньбы почт и перевозки чиновников, служат матросами на правительственных барках по Сунгари и так далее. За это они пользуются среди остального населения особыми привилегиями, владеют землями, получали некогда пожизненное жалованье и в случае неурожая хлеб из запасных магазинов. До восьмидесятых годов все эти права маньчжур строго исполнялись, но с этого времени, когда в страну начали направлять колонистов из собственного Китая, привилегии маньжур все сокращались и сокращались, и ныне они сравнены с китайцами¹. Впрочем, китайские элементы примешались к маньчжурской расе даже в армии, так как множество переселенцев в Шань-дуне были завербованы в войска в эпоху завоевания Китая: этих военных колонистов называют обыкновенно Ци-жэнь или «люди знамени»².

Существованию маньчжурской расы, как особенной народности, и сохранению её языка, повидимому, грозит серьезная опасность, даже в близком будущем. Маньчжурские дети, посещающие школу, почти все ходят в китайские учебные заведения, где они изучают четверокнижие Конфуция и «книгу церемоний»; даже в маньчжурском крае большая часть названий мест известна больше в их китайской форме. Маньчжурский язык, вероятно, уже исчез бы, как письменный идиом, если бы он не был изучаем специально, по причине маньчжурского происхождения императорской фамилии: это один из классических языков «Срединного царства», который обязаны изучать все кандидаты на высшие посты государственной службы, и знание которого почти необходимо для ученых, занимающихся китайской историей и литературой. С тех пор, как маньчжурская династия царствует над Китаем, то-есть с 1636 года, все важнейшие произведения китайской словесности были переведены на язык завоевателей, и эти переводы позволяют разрешать трудности, встречаемые при толковании оригинала. Маньчжурский диалект довольно звучен и очень легок для изучения, благодаря правильности его грамматических форм и его синтаксиса; как все наречия тунгусского происхождения, он состоит из односложных или двусложных корней, смысл которых видоизменяется при помощи суффиксов. В двенадцатом и тринадцатом столетиях, ньючжэни, предки нынешних маньжур, давшие Китаю династию Цинов, заимствовали свой алфавит у китайцев; буквы же, которые они употребляют с конца шестнадцатого века, монгольского происхождения и, следовательно, произведены от арамейского письма, занесенного в центральную Азию несторианами³. Император Кан-си велел составить маньчжурский словарь, из которого были тщательно исключены все слова китайского происхождения. Первый маньчжурский словарь, который был издан в свет европейцем, в конце прошлого столетия, принадлежит Амиоту; с тех пор появились и другие лексиконы на русском, немецком и французском языках.

В Маньчжурии, как и в других внешних владениях или окраинах империи, китайская колонизация началась исправительными заведениями для ссыльных и военными поселениями. Первые колонии этого рода были основаны непосредственно за Великой стеной; в на-

1 „Описание Маньчжурии”.

2 Noirjean, „Annales de la propagation de la foi”, 1874.

3 Захаров, „Маньчжурско-русский словарь”; — Schott, „Kitai und Karakitai”.

стоящее же время они уже далеко отодвинулись от неё, и большая часть изгнанников, осужденных за уголовные или политические преступления, ссылаются в глубь северных лесов и травяных степей, в соседстве русской границы. Цицикар долгое время служил главным местом ссылки для высокопоставленных особ и для тех лиц, которые считались опасными, как члены тайных сообществ. Во время проезда архимандрита Палладия через этот город, в 1870 году, там насчитывали до 3.000 ссыльных, которые все могли заниматься какой угодно работой и выбирать себе тот или другой квартал для жительства, под условием являться на перекличку в полицейское управление один или два раза в месяц. Большое число магометан также водворены на жительство в северной Маньчжурии; они живут особняком от своих единоверцев, добровольно поселившихся в крае, и имеют особенные мечети и школы¹. Все эти новые элементы оказывают большое влияние на изменение местного населения и способствуют тому, что оно делается все более и более похожим на население внутреннего Китая. Но, прежде, чем слиться мирно с другими жителями Маньчжурии, эти поселенцы, добровольные и ссыльные, неоднократно бунтовали и во многих случаях соединялись в страшные банды. Так, хунхузы или «рыжебородые», как называют тамошних разбойников, сделались врагами всех мирных колонистов окрестной местности, русских и китайцев; благодаря усовершенствованному оружию, которое они сумели добывать себе путем контрабанды, им удавалось даже составлять весьма большие правильно организованные шайки и построить себе укрепления, на которых развевалось их красное знамя с надписью: «Отмстим за себя!» Часто даже русские власти принуждены были посылать против них значительные отряды войска².

Китайские жители области Ляо-дун известны вообще под именем манзов, какова бы ни была их первоначальная родина. Они пришли сюда преимущественно из трех провинций Шань-дун, Шань-си и Чжи-ли; но в северо-западной Маньчжурии есть также много таких, которые происходят от уроженцев Юнь-нани, сосланных в семнадцатом столетии императором Кан-си. Переселенцы из провинции Шань-дун самые многочисленные: они составляют оседлый и земледельческий класс населения; их наречием говорят во всей Маньчжурии, и их нравы и обычаи преобладают. Что касается переселенцев из провинции Шань-си, то это по большей части странствующие торговцы, ходебщики, лавочники, закладчики, банкиры. Они отличаются замечательною способностью к изучению языков, и в своих деловых сношениях с иностранцами всегда употребляют диалект своих собеседников; единственное наречие, которым они гнушаются пользоваться,—это маньчжурское, которое им в самом деле бесполезно, так как бывшие властители края выучились говорить по-китайски. Эти выходцы из Шань-си так ловко ведут свои дела, что в конце концов присваивают себе все богатства края. В их домах, построенных по маньчжурскому обычаю, с плоскими крышами, идола, которые занимают самое почетное место, и перед которыми они всего чаще преклоняют колени,—это те, которые представляют богов богатства, Ла-о-е и Цай-цин, и нужно сказать, что падкие к наживе китайцы не без успеха молятся этим божествам: в короткое время, посредством труда или посредством ростовщичества, они захватывают все в свои цепкие руки. Однако, они еще не считают себя окончательно водворившимися в Маньчжурии: умирая, они обыкновенно просят, чтобы их тела были перенесены в отечество.

*Современная колонизация страны имеет большое значение для соседней России, и потому не мешает остановиться на этом вопросе несколько подробнее. Плодородные просторы долины реки Ляо-хэ еще в древности привлекали к себе обитателей соседних частей густо населенных северных провинций Китая. Являвшиеся сюда, культурные в значительной степени, китайцы вели постоянную борьбу с дикими аборигенами страны, которые хотя и были физически сильнее пришельцев, но нравственно подпадали под их влияние постоянно, как только дело, с поля битвы или неприязненных действий, переходило к мирным

1 О. Палладий, цитированный мемуар.

2 Aulagne et Noirjean, „Annales de la propagation de la foi“, 1876;—Буссе, „Голос“, 1880 г.;—„Globus“, август 1880 г. Газеты „Владивосток“ и „Приамурские Ведомости“ за все годы.

отношениям. Маньчжурия обязана китайцам основанием первых городов, введением культуры земли и началом торговли.

Когда из незначительного народа маньчжуры, покорив Китай, сделались владыками его,

Ущелье въ желтоземныхъ горахъ.

первой заботою вновь воцарившейся династий было сохранение родной земли для своих со-родичей, что могло быть достигнуто лишь при условии недопущения туда китайцев. Запрет допуска китайцев мог распространяться лишь на северную, еще не тронутую, часть страны, так как в южной части её уже был большой процент китайского населения. И действитель-

но, в первые годы правления маньчжурских богдоханов в Хэй-лун-цзянскую и Гириньскую провинции лишь ссылали китайских преступников, которые, по отбытии срока наказания, делались колонистами. С течением времени из южной части долины Ляо-хэ все более и более густеющее население перешло постепенно на юг Гириньской провинции и в прилегающие с запада монгольские земли. Приток китайских эмигрантов в Маньчжурию увеличился особенно в период китайско-европейских и тайпинских войн. Не имея возможности по закону покупать для себя землю, китайские колонисты арендовали ее у знаменного маньчжура и производили распашки все шире и шире.

Но не одни только земледельцы шли в Маньчжурию, сюда шла и та масса бескровных скитальцев, которых так много во внутреннем Китае.

Помимо обилия свободной плодородной земли, их привлекал также слух об обилии золота, пантов, жэнь-шэня и тому под. Пользуясь замешательством и бездействием своего правительства и подкупностью маньчжурских чиновников, население Маньчжурии все возросло и возросло, и когда пекинские власти обратили на положение этого дела свое внимание, было уже слишком поздно, и они ничего лучшего не могли сделать, как закрепить землю за колонистами и ввести в страну преобразования по части управления ею. Были выработаны точные правила на право владения землею и взнос за это пошлин, а также обращено серьезное внимание на систему колонизации земель. Напуганные поднимавшимся значением России на Дальнем востоке, китайцы прежде всего начали заселять пограничные районы и для этой цели даже вызывали китайцев из пограничных русских пределов.

Если частные приемы и способы колонизация бывали и неудачны, то общий результат этого дела достиг намеченной цели. Миссионер Росс, посетившей местность, лежащую в бассейне левых притоков верхнего Сунгари, сообщает, что где 10 лет тому назад о присутствии человека свидетельствовали лишь охотничьи тропы, во время его проезда насчитывалось до $1\frac{1}{2}$ миллиона хлебопашцев. Такие же результаты достигнуты в районе, городов Ажэ-хэ, Баян-су-су, Шуан-чэн-тин и др.

Колонизация продолжается и поныне, и в близком будущем уже рисуется картина полного окитаения страны¹.*

Умеренный климат и плодородие культурных земель обеспечивают южной Маньчжурии большое разнообразие сельскохозяйственных произведений. Китайцы разводят свиней и возделывают пшеницу, ячмень, кукурузу, просо и другие хлеба; из бобовых растений они сеют преимущественно «желтый горох» (*soye hispida*), из которого готовят съедобное масло, и выжимки которого отправляются, в форме лепешек, в Китай, где их употребляют для удобрения полей. Несмотря на суровость зим и благодаря жаркому лету, колонисты занимаются также культурой одного вида индигового растения, хлопчатника и винограда, но виноградные лозы здесь увидишь только летом; на зимние месяцы, с конца октября до начала апреля, растения кладутся в борозды и прикрываются землей и соломой. Крестьяне насаждают тутовые деревья и дубы, чтобы воспитывать на них разные породы шелковичного червя, которые не только доставляют им драгоценные волокна, но сверх того считаются самым лакомым кушаньем². Так же, как земледельцы Монголии, китайские колонисты маньчжурских равнин предали забвению все указы, относящиеся к фабрикации опиума, и везде поля, засеянные маком, чередуются с другими культурами. *Возделывание мака и приготовление из него опиума, как и курение последнего распространены в Маньчжурии повсюду от границ Чжи-ли до Амура, и от Монголии до берега Японского моря и границ Кореи. В Маньчжурии опиум даже принимает значение ходячей монеты. Главным центром его производства можно признать местность около поселка Цзя-бань-чжань и весь Хуланский округ. Как велико в настоящее время количество добываемого в стране опиума, можно судить по тому обстоятельству, что одна только таможня в Баян-су-су взыскала в 1894 году пошлину за вывоз на юг более чем 20 тысяч руб. золотом. «Можно», — говорит Матюнин, — «без большой натяжки

1 „Описание Маньчжурии”. Изд. М-ва Финансов.

2 De la Bruniere, „Annales de la propagation de la foi”, juillet 1844.

считать, что в одном лишь районе Баян-су-су опиума добывается не менее, чем на 400 тысяч рублей»¹. Наконец, маньчжурский табак, особенно табак из окрестностей города Гирина славится по всей империи своим превосходным качеством. Известно, что маньчжуры, научившись от японцев употреблению табака, передали его, в свою очередь, китайцам, в эпоху завоевания ими Срединного царства; но сами они и поныне остались величайшими курильщиками в империи. Некоторые китайские колонисты в долине Уссури разводят также жэнь-шэнь или стосил (*panax ginseng*), который маньчжуры называют орота или «первым из растений»²: по мнению туземцев и китайцев, ни один корень не обладает такой чудодейственной силой, как корень жэнь-шэня, исцеляющий все недуги, восстанавливающий силы и способствующий продолжению жизни; оттого это целебное вещество покупается на вес золота баловнями фортуны. Прежде монополия сбора жэнь-шэня была предоставлена маньчжурам, и главным образом с целью воспрепятствовать манзам проникать в леса, наиболее изобиловавшие этим растением, и были устроены палисады или живые изгороди из ив. В настоящее время, напротив, одни только манзы и добывают драгоценный корень, либо как возделыватели его, либо как искатели дикого жэнь-шэня, который ценится гораздо выше культивированного.

Единственные местные промышленности сколько-нибудь важные — приготовление растительного масла и фабрикация водки из сорго³. Маньчжуры, мужчины и женщины, часто напиваются этим вином, по их собственному выражению «до забвения добра и зла». Золотые прииски дают занятие многим тысячам рабочих: по официальным сведениям, более 30.000 человек работали, в половине текущего столетия, на золотопромывальнях в Ван-лун-гоу, на верховьях Суйфуна. Последние сведения указывают между прочим на существование в стране золотоискательных республик, организация коих весьма интересна⁴. Месторождения каменного угля и железа, находящиеся в южных местностях края, обещают приобрести также экономическую важность, гораздо более значительную, чем золото. Ляо-дун уже теперь считается несравненно богаче многих внутренних провинций Китая, и превосходное положение его и то обстоятельство что он благодаря России сделался участником великого железнодорожного пути, обеспечивает ему в близком будущем развитие торговли, легкую эксплоатацию естественных богатств, хотя бы и с помощью иностранных капиталов.

*Торговля Маньчжурии с Россией и другими странами еще только начинает развиваться и в настоящее время находится в переходном состоянии, завися от массы всевозможных побочных причин. Отсутствие безопасности при пересылках и перевозках товаров в крае, многочисленные поборы, не нормированные законом, произвол местных властей, а также отсутствие хороших способов сообщения и путей являются существенными тормозами развития торговли и промышленности страны. Вывозная и ввозная торговля страны обложена таможенной пошлиною, по весьма сложному тарифу, и ведется главным образом на юг через порт Нью-чжуан, открытый для европейцев. Деятельность этого порта сильно развивается и за 12 лет с 1881 года, коммерческие обороты его увеличились здесь более чем вдвое, дав в 1892 г. итог в 22.483.000 руб., а в последующие годы это увеличение было еще более, достигнув в 1895 году оборота в 97.534 тысячи руб. Кроме этого порта значительный торговый обмен производится в Цзинь-чжоу-фу, Фу-чжоу, Дагу-шань и Би-цзы-во. Вся сухопутная торговля Маньчжурии с собственным Китаем проходит через Шаньхай-гуань.

Торговля Маньчжурии с Кореей ведется на суше через города Фын-хуан и Хунь-чунь, а морская через Нью-чжуан, в который в 1894 году было ввезено на 38 тысяч рублей корейских товаров.

Торговля с Россией оставляет желать весьма многого и еще весьма незначительна, в силу малонаселенности Приамурского пограничного округа и отсутствия русских предпри-

1 „Описание Маньчжурии”.

2 Jartoux, „Lettres edifiantes et curieuses“, tome XVIII, 1781.

3 Alagne et Koirjean, „Annales de la propagation de la Foi“, 1876.

4 „Приамурския Ведомости“, 1898 г.

нимателей внутри страны.

Вся торговля сосредоточена главным образом на границах и имеет исключительно местный интерес. Обороты её по недостатку данных указать трудно. Так ввозная и вывозная торговля Южно-Уссурийского края не достигает в общем оборота и в миллион рублей. Предметами торговли Маньчжурии вообще служат скот, хлеб в зерне, бобы, опиум, ввоз же главным образом состоит из мануфактурных изделий¹.*

На правом берегу Хэй-лун-цзяна или «Реки черного дракона», — как называют китайцы Амур, может быть, по причине темного цвета его вод, — Маньчжурия имеет только один город, Айгунь (Айхун), едва-ли и до ныне не самый многолюдный во всей Амурской долине. Он растянулся по берегу реки на пространстве 9 километров, включая сюда его предместья и сады; кроме того подгородные селения, окруженные тенистыми рощами и кладбищами, следуют одно за другим по берегу Амура и деревни Сахалинь, лежащей против русского города Благовещенска верстах в сорока выше Айгуня. Китайский город есть не только главный административный и торговый пункт всего амурского округа Маньчжурии, но он считается также местом военного управления края и *de facto* ведаёт всеми даурцами, маньчжурами, китайцами сибирского берега, которые тщательно избегают своих русских властителей² и даже продолжают по-прежнему платить ясак и подати айгунскому амбаню. Впрочем с военной точки зрения, этот город всегда представлял аван-пост, слишком удаленный от центра империи, чтобы быть в состоянии, в случае нападения, оказать серьезное сопротивление русским. Простой частокол и остатки аллеи, обсаженной деревьями, составляют ныне единственную ограду города. Город памятен тем, что 16 мая 1858 года в нем был заключен Айгунский трактат, по которому Амурский край перешел во владение России.

Мэргэнь имеет некоторое значение, как город, через посредство которого Айгунь связан с остальной империей³. Он лежит в верхнем бассейне реки Нонни, в местности обезлесенной, но очень плодородной. В 1870 году, во время путешествия архимандрита Палладия, поток китайского переселения еще не направился к этой части северной Маньчжурии, и город, считавшийся нездоровым по причине большой смертности, следовавшей за работами по расчистке земель под пашни, имел весьма незначительное число жителей в своей ограде, состоящей из простого частокола. В ту пору китайская колонизация не переходила еще за Цицикар или Букуй, главный город северо-западной провинции Маньчжурии и центр военного управления всеми бутханами или маньчжурами, еще соединенными в отдельные племена или поколения. Каждый год, в июне месяце, эти туземцы приходят в Цицикар платить ясак, состоящий из 5.500 собольих шкурок, и прибытие их дает повод к большой ярмарке, на которую китайские купцы съезжаются в большом числе, чтобы нагрузить свои барки произведениями края. Это прозвище «бутханы» было дано им от укрепленного города Бутха, лежащего между Мэргэнем и Цицикаром. В эту крепость собираются для воинских упражнений туземные ратники, разделенные на три корпуса: маньчжур, солонов и даурцев или тагури. *В настоящее время Мэргэнь находится в сильном захудании; городские стены и укрепления разваливаются, домов не более 100, лавок всего лишь семь, а население едва достигает 2.000 человек. Большинство населения города перешло в Цицикар, который является одним из самых оживленных и торговых пунктов северной Маньчжурии. Население последнего достигает до 70.000 человек, среди которых много магометан. Выглядывая оживленным, бойким и зажиточным городом, Цицикар имеет до 400 лавок, в числе которых 50 производят крупную торговлю. Представляя главный административный центр Хэй-лун-цзянской провинции, Цицикар является местопребыванием цзянь-цзюня или генерал-губернатора этой провинции и соединен китайским правительственным телеграфом с Пекином и Сахалинью

1 „Описание Маньчжурии”

2 О. Палладий, цитированная статья.

3 Он имеет значение и как пункт, через который пролегает единственный до сих пор известный путь, связывающий северо-восточную Монголию с Амурской областью. *Прим. ред.*

на Амуре*.

Долина верхней Сунгари, более близкая собственно к Китаю и лежащая под более южной широтой, нежели Хэй-лун-цзянская провинция, населена гораздо плотнее, и население её разрослось в несколько больших городов. Гиринь, главный город северо-восточной провинции Маньчжурии, занимает великолепное местоположение, в центре амфитеатра высоких лесистых холмов и на левом берегу реки Сунгари, которая в этом месте имеет до 300 метров в ширину, но там и сям сжужена дамбами и деревянными строениями, стоящими на целом лесе свай. Гиринь получил от китайцев название Чуань-чан, то-есть «Барочная верфь», по той причине, что там строится много джонок и барок для плавания по Сунгари; город, улицы которого везде вымощены ветхой деревянной мостовой, загроможден строевым лесом, а самая река покрыта плотами. Золотые рудники, разрабатываемые в соседстве города, часто подают повод к насилиям и смертоубийствам, за которые китайские власти наказывают виновных с беспощадной жестокостью. Когда архимандрит Палладий посетил Гиринь, он должен был проходить по аллее, уставленной столбами, на верхушках которых торчали отрубленные человеческие головы, и которые были забрызганы кусками запекшейся крови. *Численность населения города определяется Джемсом в 100 тысяч человек обоего пола, среди них весьма много исповедающих ислам. Расположенный в центре страны, город является самым промышленным центром северной Маньчжурии. В 1882 году в нем насчитывалось более сотни крупных торговых домов, до 800 лавок, 400 постоянных дворов, 20 сереброплавильни. Торговлю города составляют главным образом сырые земледельческие и лесные продукты и прежде всего табак, меха и лес. Кроме того, в окрестностях города расположено много гончарных заводов, поставляющих свои изделия в Амурскую область и на верховья Нонни.

Расположенный по соседству с русской границей, город приобрел значение важного стратегического центра страны и сиздавна сосредоточивал в себе боевые силы, административные управления войск и военные пороховые заводы. Здесь еще в начале 80-х годов был выстроен пороховой завод и арсенал, на котором изготовлялись артиллерийские орудия и ружейные патроны. Вместе с тем здесь же был произведен первый для Китая опыт чеканки серебряной правительственной монеты. Опыт этот не оправдал ожиданий, что же касается деятельности арсенала, то последний, направляемый иностранными техниками, содержится в большом порядке. Важное значение Гириня вынудило соединение его телеграфом с Пекином и нашей границей в Хунь-чуне. Еще и до сих пор китайское правительство мечтает о соединении этого города с Мукденем и Шаньхай-гуанем собственной железнодорожной линией. Изыскания для направления последней были окончены еще к 1892 году, но недостаток средств, японская война и вызванные ею осложнения не дали возможности осуществить это намерение, и железнодорожный путь, начатый от Тянь-цзиня, едва окончен около Чжунь-хоу-со, в районе Великой стены*.

В болотистой равнине, где соединяются два обширные течения Нонни и верхней Сунгари или Гиринь-ула, нет ни одного города, расположенного близ реки: местность слишком низменна и нездорова, и воды слишком часто меняют свое русло, чтобы оседлое население могло основать город в этом месте; близ слияния двух рек встречаются только деревни. Город Бодунэ, который наследовал другому, более древнему городу, лежавшему ближе к месту слияния Нонни и Сунгари, важен как торговый пункт, где соединяются дороги двух долин; он находится в 30 слишком километрах к югу от соединения рек и расположен на высоком яру, господствующем над правым берегом верхней Сунгари: китайцы обыкновенно называют его Синь-чэн или «Новый город». *Население города в 1895 году, по мнению посетившего его Зиновьева, было не менее 20.000 человек; в нем насчитывалось свыше 300 купеческих фирм, из которых 9 имели оборот до миллиона лан в год. Сверх того, в городе числилось 400 лавок, 15 войлочных, 4 бумажных, 10 скорняжных фабрик и 8 ссудных касс. Неблагоприятные для земледелия условия вызвали развитие винокуренной и фабричной деятельности, а экономически тяготеющая к Бодунэ, лежащая к западу богатая скотом монгольская степь

сделала его центром торговли скотом и шерсти*.

Бодунэ ведет довольно большую торговлю, особенно с городом Куань-чэн-цзы, который лежит южнее, на большой китайской дороге, и который означают также под именем Чань-чунь или «Высокая столица». Последний, в самом деле, главный рынок для всех монгольских племен, кочующих на запад от него в степях восточного Гоби; население его достигает до 70 тысяч человек. Но главный торговый тракт в этой стране—это дорога, которая ведет прямо на север к Сунгари. На этом пути, усеянном постоянными дворами, по которому беспрестанно тянутся обозы с товарами, встречаем один за другим города: Гуй-шу, Лалин, Ажэ-хэ и др. Последний, по составу населения почти совершенно маньчжурский; население его, согласно Матюнину, до 35 тысяч человек; своим названием он обязан реке Ажэ, притоку Сунгари. К западу отсюда лежит Шуан-чэн-тин, другой город, населенный маньчжурами. Недалеко от впадения Ажэ, с левой стороны вливается в Сунгари река Хулань, и на высоком берегу, господствующем над этим тройным слиянием, расположился город Хулань-чэн, имеющий до 70 тысяч жителей.

Из китайских городов в бассейне Сунгари наидальнее выдвинут к северу Сань-син, лежащий при выходе из гор, на правом берегу Сунгари, между двумя впадающими в нее реками Хурха или Мудань-цзян и Кун-хэ, против устья третьего притока. Этот город построен на месте древнего Илань-хала маньчжуров, города «Трех семейств», от которого сохранились еще кое-где развалины стен. В другом, более благоприятном климате это великолепное торговое положение, при слиянии четырех долин и рек, доставило бы городу первостепенную важность; но Сань-син выставлен всей ярости северных ветров, а летние муссоны приносят ему огромные количества дождя, которые превращают берега Сунгари в болота, затопляют стойбища и заставляют прибрежных жителей удаляться в долины гор. Вследствие этого, Сань-син, как был, так и остался простым рынком для покупки шкур пушного зверя, которые привозятся сюда «Длинноволосыми», «Коротковолосыми» и другими народцами маньчжурских звероловов¹. Население города в 1895 году достигало до 20 тысяч человек. Население занимается главным образом посреднической торговлею между долиною Амура и хлебными округами Бодунэ и Хулань. Ниже по реке оседлое китайское население еще очень редко, по причине трудности найти удобные места для поселения на этих топких болотистых берегах нижней Сунгари; и наиболее важными из населенных пунктов являются: Баян-тунь—укрепленный лагерь в 15 верстах от Сань-сина и в то же время таможня, у которой останавливаются суда, отправляющиеся вниз по реке, Фугдин—гольдская деревня, которая служит местом военных сборов для инородцев и, наконец, Лаха-су—гольдская же деревня, известная лишь как место, где китайцы обязаны визировать свои паспорта при переходе границы². Выше Сань-сина, долина реки Хурхи населена многочисленными колонистами; там даже основался важный, в военном отношении, город Нингута, расположенный среди плодородных равнин, орошаемых водами, которые спускаются с Белых гор. Из всех населенных мест китайской Маньчжурии Нингута занимает самое выгодное положение для торгового обмена с Приморской областью, а через нее и с Японией; он находится в точке встречи дорог, которые поднимаются по скатам Шань-янь-алиня, переходят по сравнительно легкодоступным перевалам, через этот хребет и затем опять спускаются на восток и северо-восток, в долины рек Суйфуна и Тумыни; превосходные порты залива Петра Великого составляют естественные гавани области, окружающей город Нингуту.

*Город состоит из ряда грязных, узких и кривых улиц, обнесенных каменною стеною; дома большею частью глинобитные с открытыми, как и повсюду в Китае, прямо на улицу лавками. Население города, состоящее главным образом из наплыва китайских эмигрантов, определялось в 20.000 душ. Здесь имеются заводы для выделки мехов, для вития пеньковых веревок, прессования бобовых лепешек и несколько кожевенных, водочных, кирпичных и

1 Franclet, „Annales de la propagation de la foi“, 1869.

2 „Описание Маньчжурии“

гончарных заводов. Город соединен телеграфным проводом с Гиринем и нашей границей³.

Из других городов, расположенных по соседству с русской границей, следует отметить Хунь-чунь, лежащий на небольшой речке Хунь-чунь-хэ, в 25-30 верстах от залива Посыета. Пункт этот, служивший в 1897 году местопребыванием военного начальства, создан почти искусственно вызовом сюда переселенцев, которые сильно заселили долину реки Хунь-чунь-хэ. Население самого города достигает до 20 тысяч, но оно сильно увеличивается во время трепангового промысла, когда в Хунь-чунь является масса китайцев. В городе есть школа, где преподается русский язык, и вообще этот пункт имеет большое значение, почему и соединен телеграфом со столицей и нашим Хунь-чунским караулом².*

Большая дорога из Гирина в Мукден, пролегающая у подошвы вулканической горы Таку-шань, проходит через несколько важных городов, каковы: И-тунь-чжоу, Кай-юань-сянь, затем Те-линь или «Железные горы», получивший это название от гряды холмов, очень богатых железной рудой; город Ти-лин—это маньчжурский Бирмингем или Шеффилд: там везде только и слышишь, что удары молотов о наковальни³. Построенный в равнине, на расстоянии 3 километров от берега Ляо-хэ, он имеет на этой реке пристань, посещаемую многочисленными китайскими судами; население города достигает до 60 тысяч человек⁴.

На южной покатости Маньчжурии, важнейший город, который в то же время есть главный город трех маньчжурских провинций и равный Пекину по административному рангу,—Мукден, по-китайски Шэнь-ян или Фын-тянь-фу, лежащий среди очень плодородных, но почти лишенных древесной растительности равнин, которые орошаются восточным притоком реки Ляо-хэ, рекою Хунь-хэ. Маньчжурское имя Мукден или «Цветущий» никогда не употребляется ни одним из жителей: обыкновенно этот город называют просто цин, что значит «столица», и его почитают даже священным, потому что он служил местопребыванием предкам нынешних императоров. Мукден, «который отличается между всеми городами, говорит император Цянь-лун, как дракон и тигр между животными», окружен глинобитной стеной; но внутри этой первой ограды, имеющей около 17 верст в окружности, находится вторая, длиною около 4¹/₂ верст, построенная из кирпича и увенчанная по бокам башнями, и которая защищает центральный квартал самую многолюдную и торговую часть города. Улицы Мукденя содержатся в гораздо большей чистоте, чем улицы Пекина и так же, как пекинские, обставлены по обеим сторонам лавками, перед которыми толпа прохожих образует, с утра до вечера, непрерывный поток. В самом центре города стоит небольшой желтый дворец, в котором сохраняются, как святыня, обувь и пастушеская сумка Нурхади, основателя династии. Население города, по словам Джемса, достигает до 250 тысяч человек. На севере за городской оградой раскинулось большое промышленное предместье Бэй-гуань (Северная застава), где находятся заводы для очистки золота, привозимого из Кореи⁵.

Пользуясь большими привилегиями между городами империи, Мукден, по некоторым из его административных учреждений, в особенности по существующим в нем особым министерствам, поставлен на одинаковую степень со столицей государства. На западе, в окрестностях его, находится богатая буддийская кумирня, основанная в честь ныне царствующей династии, а с другой стороны города, в 5 километрах к северо-востоку от стен, расположено священное кладбище, заключающее могилы маньчжурских предков нынешних императоров: сквозь густые ветви развесистых деревьев видны желтые кровли капищ; но ни один иностранец, ни один туземец-профан не может, под страхом смерти, проникнуть в этот некрополь. На востоке, в горах, лежит старинный, теперь пришедший в упадок, город Син-цзин-тин, близ которого тоже есть могилы маньчжурских государей, не менее чтимые их по-

3 Ibid.—Святигин, „По русской и китайской Маньчжурии“, 1897 г.

2 „Описание Маньчжурии“

3 О. Палладий, „Proceedings of the Geographical Society of London“, 1872.

4 „Описание Маньчжурии“

5 Michie, „Journal of the Geographical Society of London“, 1863.

томками. Наконец, северный берег озера Ханка или Сяо-ху (Большое озеро), по преданию, был некогда владением князьков, от которых ведет свой род ныне царствующая императорская фамилия. Еще в прошлом столетии императоры Китая считали своей обязанностью отправляться на богомолье в Мукден, священный город своей династии; еще в 1804 году император Цзя-цин лично исполнил этот фамильный долг. С того времени в Мукден посылался через каждые десять лет «святой лик», то-есть портрет богдыхана, и при этом случае каждый раз возвышалось новою насыпью полотно по середине дороги; все движение тогда должно было производиться по низким сторонам дороги, но в настоящее время и эта церемония уничтожена.

На юге от Мукдэня дорога, ведущая к морю, проходит по одной из самых многолюдных местностей, где сгруппированы, в большом числе, городские поселения. Город Ляо-ян-чжоу виден издали, опоясанный стенами, над которыми высоко поднимается его главная пагода: эта бывшая столица, славящаяся ныне своими фабриками мебели и гробов, имеет в настоящее время, по отзыву Путяты, до 70.000 жителей. Далее на юге, в округе, очень богатом плантациями хлопчатника, показывается город Хай-чэн, славящийся в особенности теплыми источниками, которые находятся в его окрестностях; затем следует Нью-чжуан, окруженный обширными предместьями и теперь затерянный среди земель, без реки, которая проходит под его мостами; этот город окружен камышами и солончаковыми берегами, которые свидетельствуют об отступлении моря в недавнюю эпоху. Город имеет до 50.000 жителей, в нем помещается католическая миссия. В 1861 году он был открыт для иностранной торговли, но порт реки Ляо-хэ теперь уже не в нем, хотя ему обыкновенно дают имя города, которому он наследовал: он находится ныне в 40 верстах к югу, между многолюдным городом Тянь-чжуан-тай, который тоже был прежде передовым портом Нью-чжуана, и устьем реки: это город Ин-коу или Ин-цзы. Открытый европейским купеческим судам, но запертый льдами в продолжение четырех или пяти месяцев в году, этот порт есть один из тех, торговые обороты которых возрастали с наибольшею быстротой: он отпускает, главным образом, хлопок, шелк-сырец, пеньку, гороховое масло, каменный уголь, бобы.

Движение торговли Ин-цзы в 1894 г.—16.418.604 лан. Движение торговли в Ин-цзы в 1897 г.—26.358.671 лан¹. Движение судоходства в Ин-цзы в 1895 г. 230 судов, вест.—185.242 тон.²

Пока не были предприняты работы по установке бакенов, освещению маяков и исправному содержанию необходимых приспособлений в порте Ин-коу, большие корабли не отваживались пускаться в плавание у этих опасных берегов. Зимой, когда дороги окрепнут от мороза, в город, средним числом, каждый день прибывает до 3.000 телег с сельскими произведениями всякого рода³. Население Ин-цзы в 1891 г. достигало 60 т. человек. Иностранных торговых домов в нем было 5, а иностранцев проживало 140 человек.

Вся южная Маньчжурия очень богата ископаемым углем. В холмах, поднимающихся на юго-восток от Мукденя, находятся важнейшие каменноугольные копи Маньчжурии, которые снабжают минеральным топливом всю страну, и металлургические заводы, основанные в соседстве подземных галлерей: в одной из этих копей работает более 2.000 чел. Желто-морские пароходы увозят этот уголь, который, говорят, качеством превосходит японский уголь и не уступает лучшим сортам кардифского⁴.

К юго-востоку от устья Ляо-хэ города и коммерческие порты следуют один за другим на западных берегах полуострова, который выдвинулся на востоке Ляо-дунского залива: город Гай-пин, живописно построенный на холме, в некотором расстоянии от моря, служит рын-

1 Таможенный лан равен в среднем 1 р. 40 к.—1 р. 30 к.

2 Год этот, как следующий за японо-китайской войною, следует считать неблагоприятным для экономической жизни страны. Еще в 1893 г. в порт вошло 400 судов вместимостью 297.625 тонн.

Прим. ред.

3 Herbert Allen, „Commercial Report“, 1879.

4 Williamson, „North China Gerald“;—„Economete francais“, 3 fevrier 1877.

ком для торговли скотом и складочным местом для товаров, составляющих предмет торгового обмена между горной страной и равниной; другие маленькие города ведут торговлю хлопком, каменным углем, серебряной рудой, а окрестные местности заселяются переселенцами с полуострова Шань-дун, привлекаемыми через пролив слухами о благосостоянии, которым справедливо славится эта область Маньчжурии. Морской берег около оконечности полуострова изрезан глубокими бухтами, и один из этих заливов образует даже род очень длинного, далеко вдающегося в твердую землю, фиорда, которому английские исследователи побережья дали имя Порт-Адамса; находящиеся здесь залежи каменного угля могут в близком будущем доставить некоторую важность всему этому округу. Город Цзинь-чжоу-тин имеет два порта, один на западном, другой на восточном берегу полуострова, суженного в этом месте в простой перешеек, который соединяет материк с полуостровом Гуандуном.

*Полуостров этот вместе с принадлежащими к нему близкими островами и водами составляет в настоящее время арендное владение России, уступленное Китаем в апреле 1898 года.

Нет надобности указывать на важное значение этого последнего приобретения, достаточно только вспомнить, что в течение всей первой половины текущего года внимание всех интересующихся политическим положением на Дальнем востоке было приковано к Да-лянь-ваню и Порт-Артуру, пунктам, лежащим на этом полуострове.

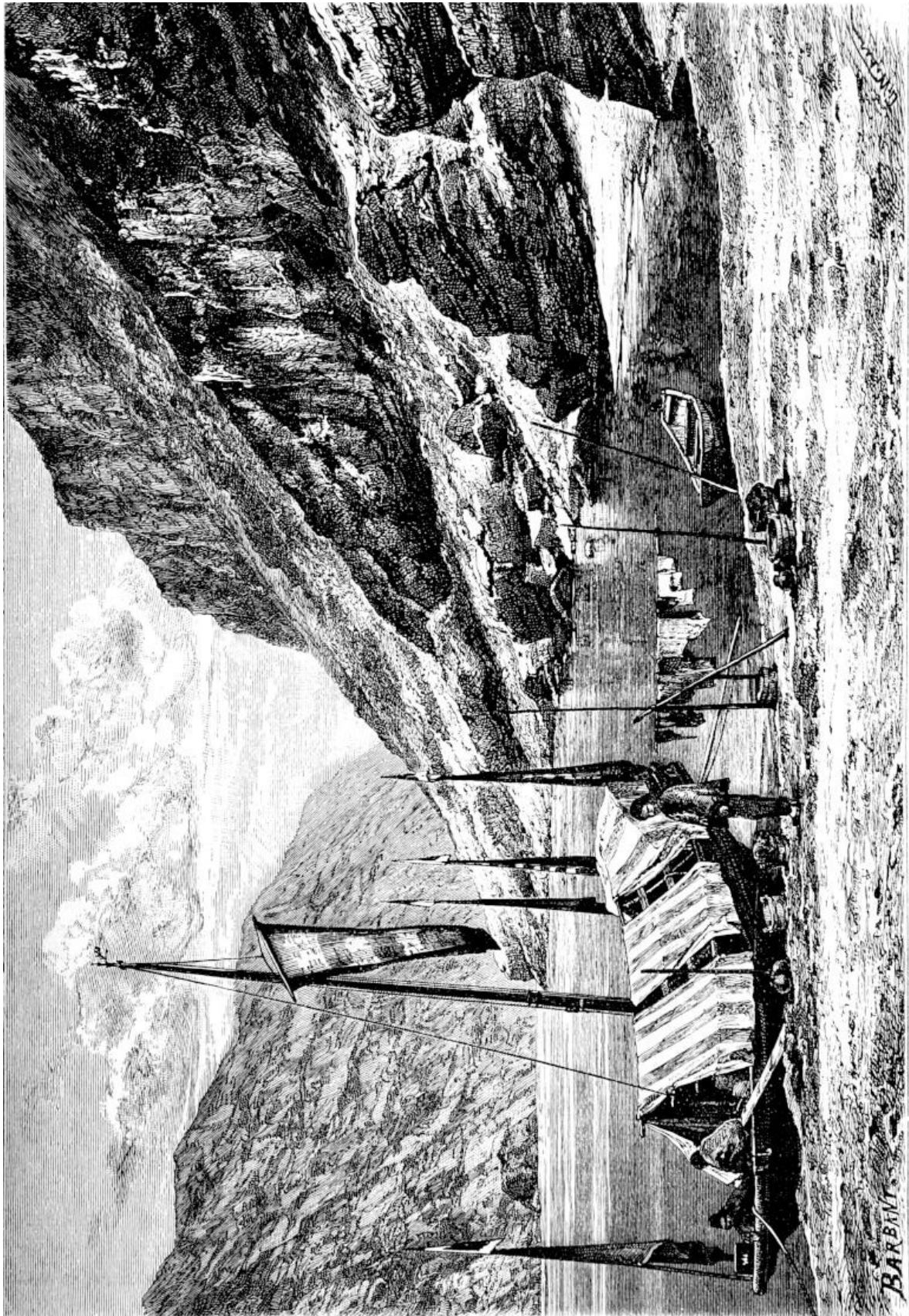
Порт-Артур, порт Ли—так зовут его англичане или по-китайски Люй-шунь-коу расположен на самой юго-западной оконечности Гуан-дунского полуострова. Ряд высот, совершенно лишенных растительности, окружает кольцом довольно обширный Люйшунь-коуский залив, имеющий до 2 верст в длину и до $1\frac{1}{2}$ в ширину и разделяющийся узким косообразным перешейком на две довольно неравномерные бухты, западную и восточную. Первая имеет значение лишь для мелко сидящих судов и, обширная во время прилива, с отливами делается почти втрое уже, вторая—искусственно углубленный до 28 футов порт, предназначенный для стоянки больших судов. Двенадцать лет тому назад Порт-Артур был маленькой рыбацкой деревушкой, но уже в 1886 году китайское правительство решило устроить здесь базу для своей северной эскадры и воздвигнуть первоклассную крепость. Пригласив для работ европейских инженеров, не щадя средств для достижения цели, правительству богдохана удалось обратить эту пристань в лучший из военных портов Китая. До последней японско-китайской войны портовые учреждения Артура и его укрепления производили на специалистов весьма выгодное впечатление. Различные богато обставленные мастерские давали возможность выполнять не только ремонтную, но и постройку новых судов. Два сухих дока, эллинг для миноносков, обширная верфь, арсенал вполне удовлетворяли своему назначению. Пояс сухопутных укреплений из 12 фортов защищал подступы к порту. Самые укрепления, снабженные лучшими артиллерийскими орудиями и многочисленным гарнизоном, представляли серьезную преграду на случай войны. Все, на что только способна была фортификационная техника и техника военного искусства, было применено к обороне этого пункта, и несмотря на то он достался японцам без особых усилий только в силу плохого состояния китайских войск. Японцы, взяв Артур, разрушили его укрепления, и России досталась груда развалин.

Да-лянь-вань представляет залив, лежащий на северо-восточном конце Гуан-дунского полуострова и состоящий из нескольких более мелких бухт, среди которых лучшие Victoria, Junk и Hand—особенно первая.

Что касается самого Гуан-дунского полуострова, то природа его имеет довольно жалкий вид. Внутренность страны заполнена горами без всякого признака древесной или кустарниковой растительности. Отсутствие воды и каменистая почва представляют сильные тормозы для развития земледелия, которое ограничивается посевами проса, гооляна и огородничеством. Население весьма бедно, и общее число его едва достигает 200 тысяч человек на всей уступленной России арендной и нейтральной полосах¹.*

1 В. Котвич, и Л. Бородовский, „Ляо-дун и его порты Порт-Артур и Да-лянь вань“, 1898 г.

Берег, обращенный к Желтому морю, имеет несколько портов, посещаемых джонками, как-то: Би-цзы-во, Да-чжуан-хэ и, наиболее важный из них, Да-янь-хэ, лежащий при устье реки того же имени, недалеко от корейской границы. Суда, неглубоко сидящие в воде, под-

Верховья Янгъ-цзы-цзяна.

нимаются вверх по реке на 20 километров и бросают якорь перед торговым городом Да-гу-шань, обширные склады которого расположены у подножия крутой горы, покрытой сосновым лесом и увенчанной на вершине двумя храмами. Да-гу-шань приморский город, через

который вывозятся местные произведения из Сю-янь-чжоу, старинного маньчжурского города, славящегося своими ломками мрамора. Равным образом через Да-гу-шань сообщается с морем и город Фын-хуан-чэн, страж китайской границы со стороны Кореи. Три раза в год купцы китайские и корейские встречаются в этом городе для обмена своими товарами, и здесь же мандарины двух стран обменивались подарками, посланными их государями, и осыпали друг друга самыми изысканными любезностями. Так называемые «Ворота Кореи», находящиеся в нескольких километрах к югу от города, совсем не похожи на триумфальный портал, достойный входа в великое царство: это просто обыкновенные ворота при сторожевой мазанке, которые обходятся большинством пешеходов и телег¹.

На западе от реки Ляо-хэ, так называемая «Ивовая изгородь», искусственная граница Маньчжурии, оставляет китайскому населению только узкую полосу земли между горными цепями и равниной. Город Синь-минь-тин, лежащий на дороге из Мукдэня в Пекин, замечателен как очень деятельный рынок. На отроге холмов, вокруг которого обходит на восток река Шара-мурэнь, прежде, чем принять имя Ляо-хэ, носимое ею в нижнем течении, город Факу-мынь или «Живая изгородь из ив», охраняет одни из «ворот» Монголии, так называемый «большой проход», через который производятся непосредственные сношения цивилизованного мира с аймаками кочевых народцев, хорцин и корло, обитающих в восточном Гоби: эти факу-мыньские ворота, еще менее импонирующие, чем корейские, состоят только из нескольких кольев, между которыми на ночь протягивается железная цепь. Гуан-нин-сянь, расположенный у основания гор, которым он сообщил свое имя, замечателен только как старинный город, прославленный в летописях маньчжурской династии; там до сих пор можно видеть гробницы богдыханов из фамилии Ляо, которые царствовали над Китаем в десятом и одиннадцатом столетиях. Цзинь-чжоу-фу, в 18 верстах от северо-западного угла Ляодунского залива, имеет более важное значение, ибо близ этого города находится сборное место для всех произведений Маньчжурии, которые отсюда отправляются вдоль морского берега до ворот Великой стены в Шань-хай-гуань. Окруженный дюнами, Цзинь-чжоу-фу, открывается взорам путешественника только в тот момент, когда он переходит через порог, образуемый песчаными буграми; но тем не менее это один из самых красивых городов империи, и по сторонам его улиц тянутся ряды богатых магазинов, перед которыми постоянно толпится масса народу; небольшой соседний порт посещается большим числом джонок и других мелких судов. Нин-юань-чжоу, лежащий в 70 километрах южнее, недалеко от берега залива, — тоже торговый город. Самый южный город этой области — тот, который охраняет южный вход Маньчжурии, на оконечности Великой стены, у основания высот, которые китайцы называют «Горой печали» или «Горой радости», смотря по направлению их путешествия, при отъезде или при возвращении в отечество². Этот пограничный город, Шань-хай-гуань или «Ворота между горами и морем», состоит в действительности из трех различных городских поселений, отделенных одно от другого стенами и воротами: внутренний город, самый многочисленный, сосредоточивает в себе торговую деятельность; восточный город, местопребывание властей и войска, меньше предыдущего и имеет менее оживленный вид; наконец, западный город, носящий особое название, Нин-гай, населен преимущественно китайскими переселенцами. Ограда, наполовину развалившаяся, опоясывает все три города и соединяется с двумя кирпичными валами, уставленными по бокам башнями, которые поднимаются на горы, с террасы на террасу, до высоты 1.200 метров; самый крайний или южный из этих валов есть по преимуществу Великая стена, построенная в эпоху династии Мин; но некоторые обломки стены и земляные насыпи приписываются предшествующим сооружениям. Со стороны моря стена продолжается на пространстве около 4 верст параллельно берегу залива, затем прерывается, чтобы дать место цитадели, и оканчивается выдвинутой в залив дамбой, о которую разбиваются морские волны. Маленький храм, построенный у пролома в стене, напоминает легенду, получившую громкую известность во всем Китае и свиде-

1 Williamson, цитированное сочинение.

2 О. Палладий, цитированная статья.

тельствующую о тех страшных страданиях, которые должны были переносить несчастные, трудившиеся над сооружением исполинского оплота. Одна женщина, найдя труп своего мужа между телами работников, умерших от непосильного труда, с отчаяния разбила себе голову об стену, которая в тот же момент обрушилась на нее, чтобы похоронить несчастную под развалинами рядом с её супругом. «Эта женщина,—гласит надпись на храме,—всегда будет чтиться в памяти людей, а император Цзинь достоин вечного проклятия».

Города Маньчжурии, с приблизительной цифрой их населения, сообщаемой новейшими путешественниками и донесениями европейских консулов, суть:

Провинция Мукденская или Шэн-цзин. Мукден (по Джемсу)—250.000 жит.; Ляо-янь-чжоу (по Путята)—70.000; Ин-коу (Инцзы) таможенные сведения—60.000; Нью-чжуан (Джемс) 50.000; Тянь-чжуан-тай (Вильямсон)—25.000; Синь-минь-тин (Вильямсон)—30.000; Те-лин (Путята)—60.000; Кай-юань-сянь (Вильямсон)—35.000; Хай-лун-чэн—10.000; Чань-ту-фу (Гармон)—125.000; Хуай-дэ-сянь (Фульфорд)—20.000; Да-гу-шань (The China Sea Dyrectory)—30.000—40.000; Тун-хуа-сянь (Фульфорд)—20.000.

Провинция Гиринь. Гиринь (Джемс)—100.000 жит.; Куань-чэн-цзы (Фульфорд)—70.000; Нунь-ань-сянь (консульский отчет)—20.000; У-чан-тин (Бернов)—1.000; Сан-хатунь (Бернов)—5.000; Нингута (Джемс)—20.000; Хунь-чунь (Матюнин)—5.000; Омосо (Бернов)—5.000; Сань-ча-коу (Бернов)—3.000; Бодунэ (Зиновьев)—20.000; Шуан-чэн-тин—35.000; Ажэ-хэ (Путята)—15.000; Лалинь-чэн (Путята)—20.000; Бинь-чжоу—25.000; Сань-син (Зиновьев)—20.000.

Провинция Хей-лун-цзян или Цицикарская. Цицикар (Евтюгин)—30.000 жит.; Мэргэнь—2.000; Айгунь—10.000; Ху-лань-чэн—70.000; Баян-су-су (Матюнин)—30.000; Бэй-туань-лин-цзы (Фульфорд)—25.000; Хайлар (Стрельбицкий)—1.000—2.000; Бутха (?)

Глава V Китай

Общий взгляд

Название «Китай» или «Chine», «China», которое европейцы дают континентальной империи крайнего Востока, совершенно неизвестно самим обитателям страны; и династия Цинь, от которой, вероятно, было заимствовано индийское название «Чина» (откуда произошли западно-европейские China, Chine), уже более четырнадцати с половиной столетий как перестала царствовать над равнинами рек Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяна. Китайцы не знают также и эпитета «Небесная», приписываемого их империи: слова «Тянь-ся» или «Под небом», «поднебесный», которые употребляли их стихотворцы, применяются к «подлунному» миру вообще, так же, как и к Китаю в частности. В обыкновенном языке китайцы называют свое отечество Чжун-хуа, что значит «Срединное царство» или «Центральная империя», наименование, происходящее, быть может, от преобладания, которое приобрели мало-по-малу центральные равнины над окружающими государствами¹; но в нем можно также видеть выражение той идеи, общей всем народам земного шара, что именно их отечество составляет истинную середину, центр обитаемых земель. Китайцы не ограничиваются, как нации запада, четырьмя главными странами света или точками горизонта: они прибавляют к ним пятую точку, середину, и этим средоточием считается, конечно, Китай. Со времени завоевания края маньчжурами Центральное царство получило название по имени царствующего дома — «Дайцин», «Великая и чистая империя». Китайский народ означает свою родину именем «Сыхай» или «Четыре моря», синоним вселенной; он употребляет также, между многими

1 — Panthier, „Chine, Univers pittoresque”.

другими названиями, выражение Ши-па-шэн или «Восемнадцать провинций», Нэй-ди, «Внутренняя земля». Особенно любимый термин—это Хуа-го—«Цветущее царство» или «Земля цветов»,—поэтический синоним «Страны земледелия и вежливости». Что касается самих китайцев, то это «Дети Хань» или «Люди Хань» или иначе «Люди Цинь», по имени двух прославляемых историей династий; они называют себя также Ли-минь (Limin),—загадочное слово, переводимое обыкновенно выражением «черноволосая раса», и кроме того, принимают еще многие другие прозвища. Недостаток точного национального термина, употребляемого всеми и постоянно, для означения Китая и его народов, происходит оттого, что каждое из имен, сделавшихся общеупотребительными, в различные эпохи, сохранило свое первоначальное значение и таким образом может быть заменяемо синонимами; ни одно из них еще не преобразовалось от употребления в чисто географическое название. То же самое нужно сказать об именах гор, рек, провинций, населенных мест: все эти имена не более, как эпитеты, описательные, исторические, военные, административные или поэтические, меняющиеся с каждым новым режимом, с каждой новой династией, и замещаемые, в случае надобности, другими эпитетами, которые не отличаются более точным применением. Ни одна река, ни одна горная цепь не сохраняет того же самого наименования на всем своем протяжении; ни один город не удерживает своего первоначального имени от династии до династии; нужно проследить все эти перемены названий мест чрез длинный ряд веков в летописях, словарях и в пятнадцати тысячах других географических сочинений Китая,—громадная работа, которая объясняет нам трудовую, посвященную кропотливым исследованиям жизнь таких ученых, как Абель Ремюза и Станислав Жюльен¹.

Естественные границы «Срединного царства» или Китая в собственном смысле очерчены довольно точно. На западе возвышенности, составляющие продолжение Тибетского плоскогорья и разделенные реками на расходящиеся горные цепи, образуют видимый рубеж между китайцами и сифанями, лолотами и другими полудикими народами; на севере Великая стена «в десять тысяч ли» обозначает, на большей части своего протяжения, отдельную линию между пустыней или степью и культурными территориями; на востоке и на юго-востоке, Тихий океан омывает морской берег, который закругляется в виде полукруга, общая длина которого простирается до 3.500 километров. На юге, цепи гор, террасы плоскогорий и в особенности болота, трудно доступные речные ущелья отделяют Китай от полуострова по ту сторону Ганга или Индо-Китая; однако, эта граница во многих местах чисто условная, и по обе стороны её природа, жители и цивилизация представляют большое сходство, и с этой стороны географический переход между Китаем и другими странами совершается с наибольшею постепенностью. В своей совокупности, Срединное царство, без внешних его владений, занимает на востоке Азии пространство почти кругообразной формы, при чем одна половина окружности начертана на твердой земле, а другая совпадает с линией берегов океана. Описанная таким образом фигура Китая в собственном смысле представляет около половины империи и составляет одиннадцатую часть поверхности Азиатского континента. Сравнимый с Францией, собственно Китай, обнимает площадь в восемь раз более обширную, на которой обитает население, как полагают, в полтора раза более плотное, пропорционально, чем население Французской республики. В самом деле, большинство ученых, изучавших и критически разбиравших результаты китайских народных переписей, пришли к тому выводу, что число жителей Центрального царства можно считать около 400 миллионов.

По официальным китайским сведениям 1882 года Собственный Китай²:

Пространство	Население	На кв. милю.
1.327.308 кв. миль	386.853.029 душ	289 душ

*Эти данные однако весьма проблематичны, и потому здесь не бесполезно будет произвести общий обзор движения народонаселения Китая, дабы уже потом не возвращаться более

1 Скачков, „Annales des voyages“, сент. 1860 г.

2 По сведениям „The Statesmans year book“, 1897 г.

к этому вопросу³.

По свидетельству китайских историков, в IX веке до Р. Х. была произведена первая перепись, коею цифра Срединной империи определена в 22 миллиона. При Ханьской династии в период времени между 155 и 2 годами до Р. Х.. было произведено 10 переписей, исключительно в интересах фиска, дабы узнать число плательщиков податей. Средняя цифра этих переписей оказалась равною 63.500.000 человек, в том числе заключаются и женщины в возрасте между 15 и 30 годами.

При Сунской династии был введен новый усовершенствованный способ народосчисления, и люди старше 60 лет не вносились в перепись. По народосчислению 606 г. население оказалось равным 46 миллионам слишком, при чем в эту цифру включены были чиновники, слуги, рабы и нищие. Перепись 772 г. показала 53 милл. душ; таким образом народонаселение в 116 лет возросло лишь на 7 милл. Наступившая после падения дома Танов частая смена династий, междоусобия и борьбы с напиравшими с севера монголами мало благоприятствовали увеличению народонаселения, которое начало оправляться лишь при Сунской династии, когда по переписи 1102 г. оно возросло до 100 слишком милл. жителей. Завоевание Китая монголами и воцарение Юаньской династии опять уронило цифру населения. В 1290 г. по переписи, произведенной по указу богдыхана Хубилая, оказалась 59 милл. лиц, платящих подати, «не считая бежавших в горы и на озера и перешедших на сторону бунтовщиков». Китайский историк Матуанлин приводит цифры 16 переписей, произведенных при Минской династии между 1381 и 1580 гг.: средняя цифра этих переписей равна 57 милл., а максимальная 66 милл. с половиною.

При нынешней Маньчжурской династии, заслуживающее некоторого доверия, народосчисление было совершено в 1711 году ради целей финансовых и военных, при чем в перепись включены были все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Вскоре богдыхан Цянь-лун возобновил переписи. При сравнении переписи 1711 г. (28.605.716) с переписью 1753 г. (103.050.060) видно, что население если не все, то плательщики податей, увеличивалось в течение 42 лет в небывалой пропорции, на 6% ежегодно.

С 1753 г. по 1792 г., т.е. в течение 39 лет, государство под твердым управлением Цянь-луна, пользовалось непрерывным миром, что отразилось на численности населения, возросшего до 207.467.200 чел., т.е. приблизительно по 2¹/₂% ежегодно. По переписи 1812 г. население возросло до 262.467.183 души при ежегодном приросте в 1%. Продолжаясь по-прежнему в течение нынешнего столетия в той же пропорции—Срединная империя, в настоящее время насчитывала бы колоссальное население в 660 милл. Если этого не случилось и если по определению наиболее компетентных лиц, население Китая не превышает ныне 400 милл., то лишь вследствие особенно неблагоприятных обстоятельств, на время совершенно парализовавших размножение. Населеннейшие и богатейшие провинции империи подверглись полному или частичному разорению и опустошению, благодаря целому ряду политических смут и восстаний, обрушившихся на Китай в нынешнем столетии. Особенный вред причинило стране восстание тайпинов, «длинноволосых», охватившее несколько провинций и длившееся много лет (с 1854 г. по 1864 г.). Так провинция Цзян-су в 40-летний период с 1842 г. по 1882 г. потеряла 19 милл. жителей, т.е. половину своего населения. Почти столько же утратили провинции Чжэ-цзян и Чжи-ли. В провинции Ань-хой население уменьшилось на 20 милл. Около 1855 г. началось восстание магометан в Юнь-нани, завершившееся свержением китайской власти и основанием в 1867 г. халифата. Жертвы этого восстания, вследствие сильного религиозного антагонизма между китайцами и магометанами, были весьма многочисленны.

К бедствиям войны присоединилась в 1782 г. сильная эпидемия, произведшая не малое опустошение в населении. В 1860 годах вспыхнуло восстание дунган в провинциях Шэнь-си и Гань-су. Это возмущение длилось 16 лет и превратило цветущую и населенную страну в

3 Материалом для этой вставки послужило известное сочинение Коростовцева „Китайцы и их цивилизация”.

пустыню. Обезлюдение, начатое междоусобными войнами, довершено было тремя годами (с 1876 г. по 1878 г.), жестокого голода, свирепствовавшего в северных провинциях Китая—Шань-си, Шэнь-си, Чжи-ли, Хэ-нани и отчасти в Шань-дуне. В Шань-си, например, в течение трех лет от голода погибло 5 милл. человек.

Наш генеральный консул в Пекине П. С. Попов, занимавшийся демографией и статистикой Китая, пытался вывести цифры населения провинций, неупомянутых в новейших китайских отчетах, пользуясь официальными данными прежних годов. В нижеследующей таблице приведены цифры 19-ти провинций, заимствованные из доклада 1886 г., отчасти же из статистической таблицы г. Попова, который при выводе своих цифр принимал во внимание разные обстоятельства, влиявшие на прирост или на убыль населения:

Провинции	Население в 1886 г.	Население в 1887 г.	Прирост	Население, выведенное на основании старых списков
1) Шань-дун	36.631.308	36.644.255	12.947	-
2) Шань-си	10.847.147	10.658.401	-188.746	-
3) Хэ-нань	22.117.439	22.117.829	390	-
4) Цзян-су	21.346.899	21.408.930	62.031	-
5) Цзян-си	24.554.085	24.559.327	5.242	-
6) Чжэ-цзян	11.691.255	11.703.038	11.783	-
7) Ху-бэй	33.682.193	33.763.437	81.242	-
8) Ху-нань	21.005.952	21.005.368	416	-
9) Шэнь-си	8.395.954	8.403.818	7.864	-
10) Сы-чуань	72.126.148	73.148.566	1.053.418	-
11) Гуан-дун	29.751.178	29.762.725	11.547	-
12) Гуй-чжоу	4.803.958	4.806.572	2.947	-
13) Фу-цзянь	24.344.810	-	-	-
14) Гань-су-синь-цзянь	-	1.238.583 ¹	-	-
15) Чжи-ли	-	-	-	17.937.000
16) Гань-су	-	-	-	5.411.188
17) Юньнань	-	-	-	11.721.576
18) Гуан-си	-	-	-	5.121.327
19) Ань-хой	-	-	-	20.596.988

При сравнении цифр населения 1886 и 1887 гг. поражает ничтожный прирост населения почти во всех провинциях; этот прирост значительно ниже 1%, в провинции же Шань-си оказалось почти 2% убыли. Единственным исключением является провинция Сы-чуань, в которой прирост достиг почти 1½%. Благословенный климат, необыкновенное плодородие почвы и отсутствие политических потрясений—таковы причины, благоприятствовавшие размножению населения этого китайского эдема. Кроме того, цифра населения Сы-чуани значительно повысилась благодаря приливу, во время Тайпинского восстания, беглецов из других провинций, находившихся в менее счастливых условиях. Сложив цифры населения, выведенными на основании прежних списков, получим общую сумму народонаселения для 19-ти провинций в 360.039.928 чел. или круглым числом в 360.040.000 человек. Как ни гипотетична эта цифра, но, за неимением более достоверной, ею приходится довольствоваться при определении населения всей империи. Матусовский полагает, что население собственно Китая=381.688.672 челов. Чтобы покончить вообще с населением Китая, остается рассмотреть остальные его части, где найдем, что по переписи 1842 г. население Маньчжурии, т.е. провинций Шэн-цзин, Гиринь и Хэй-лун-цзян, равнялось 1.665.542 жителям. Но в 1887 г. в одной Шэн-цзинской провинции население в 4.457.261 человек. Приняв цифру жителей двух других провинций (населенных значительно слабее), в 5 милл., мы получим для всей Маньчжурии 9 милл. человек, что, вероятно, скорее ниже, чем выше действительности².

1 Эта цифра выведена на основании доклада генерал-губернатора этой провинции, представленного в 1887 г. В докладе говорится, что число семейств провинции равно 266.959.

2 см. „Маньчжурия“.

Матусовский население северной и южной Монголии определяет в 3 миллиона. Тибета, Куку-нора в 3 милл. 650 тыс., Или и Тарбагатая в 200 слишком тысяч. Сложив цифру населения Маньчжурии с числами населения названных территорий, получим общую цифру народонаселения застенного Китая 15 милл. 850 тыс. или круглым числом 16 милл. Для получения народонаселения всей империи это число следует прибавить к выведенной нами выше цифре населения 19-ти провинций, тогда мы будем иметь.

Население: 19-ти провинций—360.040.000 чел.; Маньчжурии и остальных территорий—16.000.000 чел.; всего—376.040.000 чел.

Итог этот можно считать цифрой народонаселения Китая в 1887 г., существенную часть его составили цифры переписи 1887 г. Нет причин допускать, в особенности в виду отсутствия крупных бедствий в течение последних лет, чтобы нормальный годовой прирост населения был многим меньше $\frac{1}{2}\%$. Приняв такой % ежегодного прироста, мы получим, что население всей империи увеличилось с 1887 г. по 1896 г. (т.е. за 9 лет) на 18 милл. чел. Прибавив этот прирост к выведенной нами цифре населения всей империи в 1887 г. получим—376.040.000; 9-ти-летний прирост—18.000.000: всего—394.040.000, минус предполагаемое население о-ва Формозы, уступленного Японии—3.000,000, получим—391.040.000 т.е. предполагаемую цифру населения в 1896 г.*¹

Уже за тысячи лет до нашего времени китайцы составили себе понятие о форме и рельефе своего отечества, по крайней мере, в их общих чертах. Шу-цзин или «книга летописей» рассказывает, что император Юй, за двадцать два века до начала общепринятого летосчисления западных народов, приказал составить статистическое описание Китая и вырезать карты девяти провинций на девяти бронзовых вазах: поставленные на хранение в один храм, эти предметы считались народом как долженствующие обеспечивать корону тому, кто делается их обладателем; в половине третьего столетия старой эры, один богдохан велел их бросить в реку, дабы ими не могли воспользоваться его победители. Ряд работ, перечисляемых в книге Юй-гун, которые были произведены под руководством императора Юй в видах устройства государства, также составляет настоящую топографию, вероятно, древнейшую в свете: горы и мысы, реки и озера, качества грунта, произведения почвы, все указано в этом описании девяти провинций империи. Целые легионы комментаторов, китайских и европейских, изучали эту географию Китая и проверяли упоминаемые в ней имена мест. Отыскивая повсюду мистический порядок и симметрию с целью найти священные числа «девяти гор», «девяти рек», «девяти речных ветвей», «девяти болот» и «девяти естественных валов или стен», соответствующих девяти описываемым провинциям, неизвестный автор Юй-гуна не мог, конечно, составить себе ясного понятия о рельефе страны во всей его точности; но тем не менее верно, что география Китая, от моря до сыпучих песков пустыни Гоби, была подробно известна в ту эпоху. Даже, кажется, она была тогда лучше известна, нежели в последующие века, ибо большая часть комментариев, вместо того, чтобы разъяснить, только затемняли текст Юй-гуна, представляя как чудо малейший географический факт, рассказанный в этой книге², и пытаясь противопоставить, между предметами китайской природы, «пятерные ряды» мистическим «рядам девяти», указываемым автором Юй-гуна. Только в наши дни, благодаря критике европейских синологов, этот древнейший памятник китайского отечествоведения понят наконец в его истинном смысле.

В царствование династии Хань, во втором столетии христианской эры, в Китае существовало настоящее топографическое бюро, чжи-фан-ши, которому поручено было измерять страну и составлять карты³. С того времени географические исследования никогда не были в

1 При дальнейшем обзоре Китая по его частям будут приводиться цифры для показания пространства и населения, заимствованные у Матусовского, как сравнительно еще и до настоящего времени достаточно близкие к истинным. *Примеч. ред.*

2 F. von Richthofen, „China“.

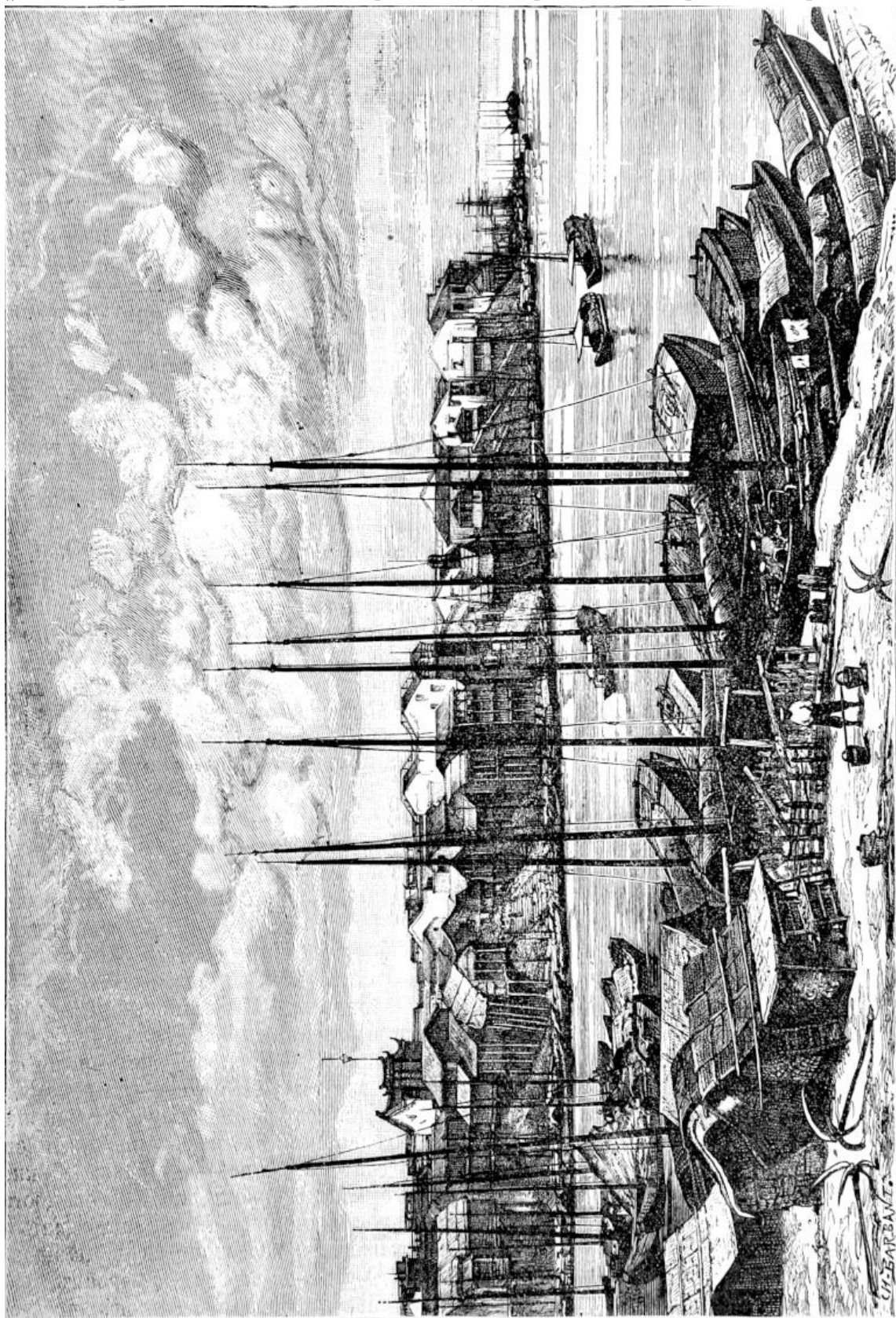
3 Ed. Biot, „Le Tcheou-li ou Rites des Tcheou“.

пренебрежении; но во всех китайских сочинениях, относящихся к географии Центрального царства, замечается полнейший недостаток чувства пропорциональности, аналогичный тому, которым страдают произведения китайской живописи. Отдельно стоящий пик, цепь гор и целая орографическая система имеют в их описаниях совершенно одинаковую важность и обозначаются одним и тем же именем; ручеек, большая река, озеро, море, показаны на картах одинаково толстыми штрихами, одинаково сильными ударами кисти или чертами резбы: берега не начерчены в виде непрерывной линии: все смешивается в картине, реки и долины, города и горы. Указанным мерам недостает точности, и они имеют лишь общую цену, и при том и единица длины, ли, изменяется, смотря по времени и месту. Обыкновенно европейцы приравнивают ее одной трети мили или одной десятой лье; но известно, что эти меры расстояния и сами не отличаются точностью. В градусе экватора считают то 185 ли, то 192, 200 или 250, что соответствует для каждого ли 600, 578, 556 или 145 метрам длины. Таким образом средняя величина ли оказывается почти равной половине километра; но разности вычисления настолько значительны, что невозможно отметить с точностью относительное расстояние мест, перечисляемых в китайских документах. Для приблизительного исчисления расстояния однако принято считать ли равным $\frac{1}{2}$ версты.

Первые европейские путешественники, которые проникли в Срединную империю и рассказали про её чудеса западному миру, могли, естественно, сделать только предварительную работу открытия дотоле неведомой страны, и даже пройденные этими исследователями пути обозначены на карте во многих местах неопределенным образом. При том же очень немногие из первых европейских посетителей Китая оставили по себе память в истории. После Марко Поло, знаменитого венецианца, который странствовал по Китаю в продолжение семнадцати лет, и другие европейские купцы или миссионеры, Пеголотти, Монтекорвино, Одорико де Перденоне, Мариньолли, видели большие города Срединной империи. В своем описании великолепия города Цзин-ши—нынешний Хан-чжоу-фу, Одорико ди Перденоне ссылается на свидетельство многочисленных венецианцев, которые, тоже посетив дивный китайский град, могли подтвердить его слова. Но дело исследования в собственном смысле и проверка или исправление туземных карт начались только с прибытием в страну европейских миссионеров. В семнадцатом столетии триентинец Мартино Мартини составил свое сочинение, в котором он воспроизвел китайские карты, измененные им согласно собственным путевым наблюдениям и сопровождаемые критическими документами. Сделавшись, в конце того же столетия, официальными астрономами и математиками империи, французские миссионеры, которые в то же время поддерживали сношения с географами Западной Европы, могли заниматься с успехом исследованием Китая, могли тщательно снимать на план пройденные ими местности, определить постоянные точки на своих картах посредством наблюдения небесных светил. В 1688 и 1689 годах миссионер Жербильтон получил даже от пекинского правительства поручение принять участие в трудах по проведению новой границы между Россией и Китайской империей, и до последних русских экспедиций его записки оставались капитальным сочинением для некоторых областей северного Китая. Наконец, в 1708 году Буве, Режи и Жарту приступили, по повелению императора Кан-си, к построению генеральной карты Китая, которая и теперь еще, для некоторой части внутренности империи, составляет основу, на которую современные путешественники должны наносить свои поправки. В десять лет эта общая переделка китайских карт была окончена, известный французский географ д'Анвиль мог воспользоваться ими для составления атласа, с которого почти все другие, изданные после того, карты Китая представляют только более или менее верные перепечатки.

Труды научного исследования, предпринятые ныне в различных частях империи, позволяют надеяться на появление в близком будущем генеральной карты Китая, более точной в отношении положения городов и течения рек и в особенности более верной в отношении изображения рельефа страны. Элементы для построения этой новой карты умножаются с каждым годом. Гидрографы английские, французские, американские, немецкие, русские тщательно сняли на карту почти все морские берега империи, входы в порты, подступы к

островам, архипелаги, песчаные мели. Блекистон и другие моряки начертили течение Ян-цзы-цзяна со всеми его излучинами и таким образом приготовили для последующих картографических работ линию базиса, проходящую через всю империю. Гг. Фритше, Соснов-

Хань-коу при слияніи Хань-цзянъ съ Янъ-цзы-цзяномъ.

ский, Пржевальский, Певцов. Грум-Гржимайло, Путята и другие русские путешественники, наконец Рихтгофен, который начал издавать атлас Китая в сорока четырех листах, связали пройденные ими пути Срединной империи с дорогами Сибири и Европы целым рядом астрономически определенных пунктов, и сеть этих маршрутов новейших исследователей

образует уже, во всем Срединном царстве, большие треугольники, вершины которых сходятся на пекинской обсерватории и на европейских станциях в портах морского побережья. Китайцы также принимают участие в этом географическом труде, и некоторые из напечатанных в последнее время туземных карт доказывают, что, в графическом изображении форм рельефа, фантазия и мистический дух уступили место у них тщательному наблюдению черт природы. Обладая обширной синологической литературой, западные европейцы почти не имеют, кроме вышеупомянутого классического атласа Рихтгофена, хороших карт Китая. Все, что в последнее время известно в этом отношении лучшего, принадлежит русским картографам Матусовскому, Веберу, Бретшнейдеру и другим авторам, более подробный список которых уже помещен в предисловии к книге.

В своих естественных границах, собственно так называемый Китай представляет довольно большое географическое единство. Можно сказать вообще, что его горные цепи понижаются и разветвляются от запада к востоку, открывая повсюду удобные дороги населению, поднимающимся от берегов моря к внутренним областям страны. Проломы в цепи гор, невысокие или, по крайней мере легко доступные горные проходы и перевалы делают возможным сообщение между населенными местностями противоположных скатов, и нигде отдельные мирки, образуемые плоскогорьями, не имеют достаточно важного значения, чтобы прерывать связь окружающих населений. Две главные реки Китая, Хуан-хэ и Ян-цзы-цзян, расположены таким образом, что они чрезвычайно облегчают поддержание национального единства прибрежных жителей. Обе эти реки имеют общее направление, параллельное экватору, так что переселения могут совершаться последовательно из одной местности в другую соседнюю, вдоль по течению рек, при чем колонистам не приходится страдать от резкой перемены климата. Хотя Желтая и Голубая реки текут на очень больших расстояниях одна от другой в своей средней части, и хотя многочисленные цепи гор, составляющие восточное продолжение системы Куэнь-лунь, поднимаются между этими могучими потоками, однако, между средними их течениями открываются проходы, сделавшиеся очень оживленными путями сообщения, которые ведут из северной долины в южную. В области верховьев, поперечная долина, в которой течет Мин-цзян, впадающий в Ян-цзы-цзян, представляет первую дорогу, очень трудную, но которою, однако, пользуются уже с незапамятных времен; другой путь, пролегающий по долине Цзя-лин, менее затруднителен, и потому им чаще пользуются, чем предыдущим; на востоке, река Хань-цзян тоже протекает в широкой борозде, открывающейся наискось от одной главной реки до другой в важнейших частях их течения; наконец, в области низовьев, аллювиальные равнины двух главных потоков Китая сливаются, и иногда случалось даже, что блуждающие воды Хуан-хэ изливались в лиман, сообщающийся посредством побочных ветвей с водами реки Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяна. Можно сказать, что два главные речные бассейна империи, обнимающие вместе, на всем их протяжении в Тибете, Куку-норе, Монголии и Китае, поверхность в 340.000 квадратных километров, принадлежат к одной и той же гидрографической системе. Половина этого пространства, которая находится к югу от монгольских степей и к востоку от тибетских плоскогорий, сделалась, естественно, земледельческой областью одной и той же нации.

Южная часть Китая, простирающаяся на юг от этих двух рек-близнецов, которые окружают своим течением истинный «Цветок середины», менее прочно соединена с остальной империей. В этой области горы более высоки, чем в центре страны, и разделяются на большее число цепей, расположенных параллельно, по направлению от юго-запада к северо-востоку; главная река края, Си-цзян (Сикийанг), не может быть сравниваема по своему развитию с двумя первенствующими реками Китая, и её боковые долины не открывают населению столь же широких путей к внутренности бассейна, как долины притоков Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяна. Эта часть империи, составляющая особую территорию, отличную от остального Китая, и которая, с другой стороны, соединяется с областями Индо-Китая верхними долинами Красной реки и Меконга, должна была, вследствие этого, резко отличаться от области

двух главных рек Срединного царства, как климатом и естественными произведениями, так и характером населения. Действительно, южные китайцы много разнятся от северных по языку и нравам; в течение многовековой исторической жизни нации они часто входили в состав других политических аггломераций.

В Старом свете Китай соответствует западной Европе своим климатом, своими естественными произведениями и историческим развитием. Правда, что Китай, от Чжилийского залива до острова Хай-нань, в своей совокупности, гораздо ближе к экватору, чем западная Европа, так как самая северная часть Срединной империи, в собственном смысле слова, т.е. приморская оконечность Великой стены, находится под 40 градусами широты, как гора Афон, Минорка и Коимбра, и к югу от Кантонского лимана все китайское побережье лежит в тропическом поясе; но кривизна изотермических линий, изгибающихся там к югу, так сказать, приподнимает китайскую территорию в северном направлении и сообщает ей климат относительно холодный. Так, средняя годовая температура южной Англии и северной Франции, равная 10 градусам по Цельсию, есть та же самая, как температура Пекина и долины реки Бай-хэ; Шанхай соответствует, по средней своего климата, Марсели и Генуе, а изотерма 20 градусов Цельсия, проходящая по морским берегам южного Китая, касается также португальской Алгаврии и Андалузии. Правда, средние величины температуры указывают только ось годовых колебаний климата, и нужно, кроме того, принимать в соображение, главным образом, крайности тепла и холода. В этом отношении можно сказать, что Китай есть в одно и то же время страна более северная и более южная, чем умеренная Европа. Летом жары там сильнее, а зимой холода суровее. В Старом Свете, как и в Новом, восточные берега континента имеют более неравномерный климат или климат крайностей, чем берега западные: это различие происходит главным образом от расположения океанских странств и от вращения земного шара в направлении от запада к востоку. В Европе атмосферные течения, борющиеся из-за преобладания, суть правильные ветры, идущие от полюса, которые вращательным движением земли изменяются в северо-восточные и противопассаты, превращающиеся, вследствие земного вращения, в юго-западные ветры. На восточных же берегах Азии, центр притяжения, образуемый громадным бассейном Тихого океана, отклоняет воздушные токи от их нормального направления. Полярные ветры, проходящие над Сибирью, уклоняются к югу и к юго-востоку, чтобы замещать теплую атмосферу, которая из тропических морей переливается к полюсу. Летом, напротив, накаленные солнцем «желтые земли» по реке Хуан-хэ, голые степи, глинистые и песчаные пространства Монголии привлекают к себе морские ветры, и воздушные слои, простирающиеся над Великим океаном, образуют юго-восточные муссоны, направляющиеся к внутренности Китая. Это уклонение атмосферных токов проявляется с наибольшей силой на север от Голубой реки; что касается более южных стран, то притягательный центр, представляемый пустыней Гоби, который при том же заслонен цепями гор, следующих одна за другой параллельно морскому берегу, находится слишком далеко для того, чтобы влияние его могло отклонять пассатные ветры от их нормального хода, совершающегося по направлению от юго-запада к северо-востоку, и оттого последние неуклонно продолжают дуть из Бенгальского залива к плоскогорьям Юньнани и из Кохинхины к острову Формозе. Но в этих областях моря воздух, побуждаемый двумя различными силами, пребывает в состоянии неустойчивого равновесия, и здесь-то, под влиянием двойного усилия, происходят в эпохи перемены направления муссонов, так называемые по-китайски тайфуны или «большие ветры», те «тифоны», которых так боятся мореплаватели и которыми так страшен Формозский пролив.

Благодаря правильным юго-западным ветрам и муссонам, которые направляются с моря к внутренности континента, земли, расположенные на пути этих атмосферных течений, получают среднее количество влаги, более значительное, чем страны западной Европы, и главные реки, после того как часть их вод израсходовалась на орошение обширных земледельческих пространств и наполнение больших озер, образовавшихся по обе стороны их течения, уносят еще в море излишек, который доходит до нескольких десятков тысяч кубических метров в секунду: среднее годовое падение дождя на приморскую область Китая можно счи-

татъ равным 1 метру, именно:

Среднее падение дождевой воды и снега в сантиметрах:

Пекин—652; Си-ка-вэй—1.134; Хань-коу—1.380; Амой—1.138; Кантон—1.795; Шанхай—1.067¹.

Почти вся атмосферная влага падает в виде дождя, ибо холодные зимние ветры приходят из континентальных пространств, а влажные ветры,—по большей части теплые воздушные течения, дующие с юга. Когда однажды сильный вихрь принес несколько хлопьев снега в Кантон, то удивленные жители подумали, что это, должно быть, нечто в роде летучего хлопья, и некоторые стали собирать снег, в надежде, что, может быть, он пригодится как противохорадочное средство. Обыкновенная правильность чередования времен года и перемен погоды есть одна из причин, которые наиболее способствовали успехам земледелия в Китае. Тогда как в Европе неправильные годовые вариации атмосферных явлений отнимают уверенность у земледельца и много изменяют, от одного года до другого, величину и ценность его жатвы, отклонения климата от средней нормы в Китае гораздо менее значительны, и тамошний крестьянин с меньшим беспокойством за будущее бросает свое зерно в борозду пашни. Тем не менее, однако, и там большие катастрофы, каковы наводнения и иногда также совершенное бездожие, могут лишить население ожидаемого урожая, и тогда голод становится неизбежным².

Пользуясь умеренным климатом, который в южных областях приближается к тропическому, Китай обладает очень богатой флорой, где растительные формы индийской области смешиваются с растениями европейского вида. В промежуточных округах юга одно и то же поле может производить сахарный тростник и картофель; дуб и бамбук растут рядом в одной и той же роще³. По направлению от юга к северу замечается постепенный переход от индийской флоры к маньчжурской. Переселение тропических растений облегчается наклоном многочисленных китайских долин к малайскому полуострову: переход от одного климата к другому не задерживается или не затрудняется никакой естественной преградой, в виде горных цепей, пустынь, степей или морей, как на юге Европы, в западной Азии и в северной Америке. Очень многие растения, принадлежащие к индийской флоре, можно видеть еще в Кантоне и в Гонконге, другие поднимаются еще далее к северу, и только в соседстве города Амой, под 24 градусом широты, тропические растения находят свою северную границу распространения. Из южных видов надалеке распространяются к северу те, которые наиболее нуждаются в большом количестве воды для своего произрастания, и которые, следовательно, требуют если не тропических жаров, то, по крайней мере, дождей, столь же обильных, как дожди тропического пояса⁴. Одно из этих растений—бамбук, полезнейший материал в домашнем хозяйстве китайцев, которые строят из него жилища, выделывают мебель, веревки, паруса, готовят бумагу и даже употребляют его в пищу: молодые побеги бамбука составляют одно из лакомых блюд китайской кухни.

Главное отличие китайской флоры от европейской состоит в том, что первая включает большое число деревянистых видов, лиан (вьющихся растений), кустарников и деревьев: и в этом отношении Китай тоже напоминает тропические области, хотя он, можно сказать, не имеет настоящих лесов. В окрестностях Гонконга, где древесная растительность была оттеснена распространением земледелия в некоторые узкие долины и на верхние скаты холмов, деревянистые породы представляют собою целую треть местных видов, тогда как на одном из островов Средиземного моря, на Искии, который, по своему географическому положению может быть сравниваем с Гонконгом, деревянистые растения составляют лишь двенадцатую часть флоры⁵. Даже около Пекина и во всем северном Китае, где, однако, климат уже почти

1 Ивановский, „Китай“.

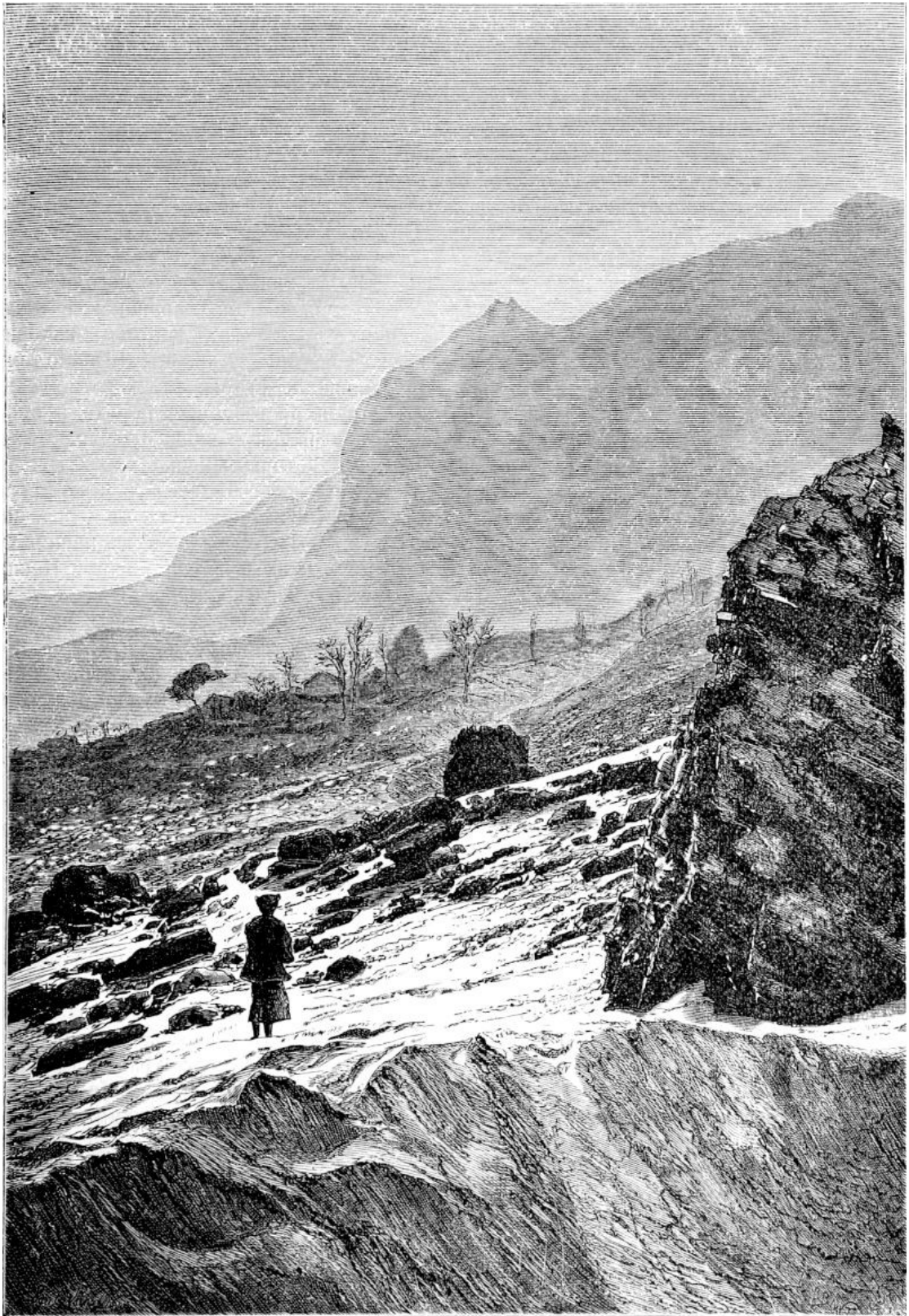
2 Grisebach, „La Vegetation du globe“, trad. par Tchihatchev.

3 Fortune;—Plath, „Die Landwirthschaft der Chinesen“.

4 Гризебах, цитированное сочинение.

5 Benthani;—Grisebach.

сибирский в продолжение известной части года, и там древесные формы исчисляются в одну пятую общего числа растительных видов. Между этими деревянистыми растениями деревья и кустарники с вечно зеленой листвою очень многочисленны: в особенности смолистые поро-

Видъ въ горахъ провинціи Сы-чуань.

ды представлены там самыми разнообразными типами, и флора Китая превосходит в этом отношении даже лесную область северной полосы Америки: лавровые деревья также принадлежат к нормальной физиономии китайского пейзажа. Точно также древесные формы области Средиземного моря все имеют соответственные виды в китайской области, и

большая часть деревьев с опадающими листьями, каковы липа, ясень, сикомора, клен, встречаются также в Китае и принадлежат к тем же родам, как и европейские виды. Наконец, в ряду кустарников олеандр и мирт тоже напоминают флору стран, прилегающих к Средиземному морю; кроме того, китайская флора имеет то преимущество над туземной флорой Европы, что она заключает в себе большое число видов, замечательных пышностью своих цветков или красотой своих листьев. В архипелаге Чжу-сан путешественник Фортюн¹ объехал один лесистый остров, где подлесок состоял из огромных камелий, достигавших в высоту от 6 до 9 метров. Известно, что эти великолепные цветки первоначально привезены в Европу из «Цветущего царства», так же, как жасмин, азалея, глицина. Китай же дал нам шелк, самое драгоценное из наших волокон растительного происхождения².

Новых числовых данных о количестве видов растений китайской флоры к сожалению еще не указано. По сведениям, относящимся к 1885 году и сообщенным Максимовичем, число видов пекинской флоры достигало 995, но конечно эта цифра далеко ниже действительного числа видов южного и среднего Китая. В одной только флоре Гонконга Бентам насчитывает до 1.000 видов. Из остальных провинций собрано и перечислено несравненно больше, но пока еще нет возможности указать хотя бы приблизительную цифру для всего Китая³.

Что касается животного царства, то тоже хотя неутомимые зоологи изъездили Китай во всех направлениях, но фауна далеко еще не известна во всей своей целости, и каждый новый исследователь открывает там новые, прежде неведомые виды. Вероятно, что многие другие виды перестали существовать уже в течение исторического периода: постепенные захваты земледелия в конце концов лишили их всякого убежища. Так, древние описания Китая говорят о носороге, слоне, тапире, как о животных, водящихся в империи: неизвестно, в какую именно эпоху эти толстокожие исчезли⁴. Китайская фауна, такая, какою она могла сохраниться в гористых областях и в лесах западных плоскогорий, очень богата, гораздо богаче европейской; но во внутренних провинциях Китая мы находим уже весьма мало диких видов. Подобно тому, как в отношении флоры, в животном царстве замечается постепенный переход от индийских видов к маньчжурским формам. Обезьяны, которых можно рассматривать как представителей тропического мира в умеренной полосе Китая, живут в небольшом числе в лесных чащах и в пещерах гор чуть не до самых окрестностей Пекина. По словам путешественников Суинго и Армана Давида, по крайней мере девять видов четырехруких встречаются на китайской и тибетской территории. Около десятка видов кошачьего рода, в том числе тигр, барс и другие плотоядные звери, которых, казалось бы, можно встретить только в тропических лесах, рыскают также, но в небольшом числе, в наименее населенных местностях собственно так называемого Китая. Рассматриваемая в целом, китайская фауна много разнится от фауны западной Европы: так, на двести видов млекопитающих насчитывают всего только какой-нибудь десяток таких, которые могут быть названы в одно и то же время европейскими и китайскими; да и то существуют некоторые небольшие различия между этими животными Востока и Запада, признаваемые некоторыми натуралистами за специфические признаки. Европейские птицы сравнительно представлены большим числом видов в китайской фауне, так как общих видов оказалось около одной пятой, именно 146 на 764,—почти все хищные и водяные птицы; около шестидесяти видов принадлежат также к фауне Нового Света. Между черепахами, ящерицами, змеями, саламандрами ни один из многочисленных представителей этого класса, которыми обладает Китай, не существует в Европе. Точно также, за исключением угря, все рыбы китайских рек и озер отличаются от рыбных пород Запада; они имеют больше общего сходства с видами Северной Америки. Причину этого явления нужно искать в сходности речных вод Старого и Нового Света

1 Two visits to the tea-countries.

2 Eugene Simon, „Recit d'un voyage en Chine“.

3 Максимович, „Bull. du congr. internat. de Botanique“, 1884 г.

4 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage d'exploration dans l'Empire Chinois“.

к обширному бассейну Тихого океана, где сообщения были гораздо легче, чем сообщения от одной к другой оконечности континентальной массы.

Китайский народ, который своими культурами и домашними животными съумел более, чем всякая другая нация, видоизменить флору и фауну своего отечества, образует в семье человечества одну из наиболее характеристических и своеобразных групп. В прежнее время его считали представителем так называемой «монгольской» расы, хотя он представляет большой контраст с кочевыми племенами этого имени; но это выражение, с которым прежде связывали определенное, точное понятие, обозначает ныне только соседство между народами восточной Азии. Китайское население, очевидно, очень смешанного происхождения, и самые разнообразные типы встречаются в громадном протяжении Срединной империи, от Кантона до Мукденя и от Шань-дуна до Сы-чуани; но именно монгольский тип наименее часто представлен между «Детьми Ханя». Если мы попытаемся определить в несметных толпах населения Центральной империи, каковы средние китайцы, рассматриваемые как тип предполагаемой расы, то мы увидим перед собою индивидуумов среднего роста, с довольно стройными формами тела и гибкими членами, склонных иногда к дородству, особенно в северных провинциях. Они имеют круглое лицо, высокие челюстные кости; выпуклость скул, кажется, развилась насчет собственно носовых костей, которые широки и плоски, так что отодвинули книзу внутренний угол век: отсюда эти косолежащие маленькие глаза, которые составляют одну из характеристических примет китайцев¹. Волоса у них так же, как глаза, всегда черные, но грубые и жесткие; борода редкая, и сквозь волосы её проглядывает кожа подбородка, белая, желтая или смуглая, смотря по климату. Общая форма черепа продолговатая, тогда как у монголов голова обыкновенно бывает гораздо более круглая². Большинство китайцев маленькая и тонкая; даже те из них, которые занимаются самыми трудными работами, сохраняют деликатность своих форм. Отличаясь в этом отношении от европейских женщин, обремененных тяжелым трудом, они не утрачивают ни гибкости тела, ни грации манер; только цвет лица делается у них смуглый от солнца и открытого воздуха.

Уже в древних книгах и в речах Конфуция находим указания на контрасты, которые представляют физические черты и нравственные свойства между различными населенными Срединного царства. По характеристике, даваемой этими старинными памятниками китайской письменности, жители северных провинций славятся своей храбростью и неустрашимостью: людям южных областей даны в удел мудрость и благоразумие; обитатели востока отличаются доброжелательством и человеколюбием; обитатели запада — хорошими правилами, искренностью и верностью. Каковы бы ни были все их добродетели, несомненно то, что китайцы разных провинций явственно отличаются друг от друга. Национальной связью этого огромного государственного тела служит общая цивилизация, а не раса, ибо первоначальные элементы народа или аборигены разнообразно смешивались с тибетцами, тюрками, монголами, маньчжурами, бирманами, малайцами и многочисленными народцами, еще полудикими, сифанями и мяоцзы, которые даже не имеют этнографического наименования. Уже десятки столетий земледельцы всякого происхождения, живущие в обширной естественной области двух главных рек страны, Желтой и Голубой, имеют одинаковые исторические судьбы, говорят наречиями одного и того же языка и составляют одну сплоченную нацию. Мало-по-малу, с течением времени, многие различия сгладились между первобытными расами; но противоположность существует еще до сих пор с замечательной силой в некоторых южных провинциях, особенно в Фу-цзяне и в Гуан-дуне; жители этих областей составляют, так сказать, две перемешавшиеся нации..

Где получила начало эта первая цивилизация, которая, слагаясь из многочисленных элементов, в конце концов, образовала великую китайскую нацию? В старину эта последняя давала себе прозвище «Ста семей» и указывала на северо-запад, по ту сторону Желтой реки,

1 Harmand, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, 1863, tome IV.

2 Hovelacque et Vinson, „Etudes de linguistique et d'ethnographie“.

как на область, откуда группы колонистов спустились к речным долинам, чтобы прогнать или поработить себе обитавшее там менее цивилизованное население. В самом деле, весьма вероятно, что эта обширная область «желтой земли» или желтозема, лежащая главной своей частью на севере от Хуан-хэ, имела капитальное влияние в истории цивилизации народов Китая: нигде, во всем свете, не существует в одной меже такого огромного протяжения легко возделываемых земель; на пространстве, в полтора раза превосходящем поверхность Франции, почва везде легкая, рыхлая, пригодная к культуре пищевых растений; только вершины некоторых горных цепей поднимаются над этой желтоземной степью, которую плуг мог бы сплошь преобразовать в хлебные поля. Таким образом миллионы и миллионы земледельцев легко находили себе средства пропитания в области Хуан-ту, где они к тому же были защищены от набегов окрестных кочевых народцев бесчисленными промоинами, оврагами и ущельями, превратившими всю страну в лабиринт, недоступный чужеземцам. Эта область желтозема представляла, следовательно, очень благоприятные естественные условия для мирно развивающегося общества. По мере того, как высыхали озера центральной Азии, и песчаная пустыня вторгалась все далее в область культурных земель, населения, вытесняемые из западных стран, где они находились в соприкосновении с предками турок, индусов, персиян, постепенно спускались к области Хуан-ту, принося с собою в новые места поселения свои знания и промыслы. Каждая речная долина становилась путем для цивилизации народа земледельцев; мало-по-малу, переходя последовательно от одной местности к другой, культура, язык, нравы, искусства распространились с севера на юг во всей стране, известной ныне под именем Китая. Если, между главными точками горизонта, китайцы дают первенство югу, если их почетные колесницы обращены на полдень, и если они ищут свой магнитный меридиан, обратясь лицом к южному полюсу своих компасов, то причина этого, может быть, заключается в том обстоятельстве, что движение переселения и ход китайской цивилизации совершались, главным образом, в этом направлении. То же самое мы видим в Соединенных Штатах, где непрерывное распространение колонизации на запад от Аллеганских гор придало, в глазах народа, горизонту заката солнца нечто в роде мистического превосходства: «звезда господства указывает нам путь на запад!» повторяют уже с давних пор северные американцы.

Подобно европейским народам, населения Китая имели свой каменный период, и археологические коллекции крайнего Востока заключают в себе орудия и предметы всякого рода, аналогичные каменным изделиям палеолитового и неолитового периодов Запада. Сладен привез из Юнь-нани несколько нефритовых топоров. Как и в Европе, это древнее оружие считали «громовыми стрелами», стрелами, пущенными на землю богом грома и молнии. Китайцы разделили предшествующие века нынешней цивилизации на три эпохи, соответствующие периодам, принимаемым нашими археологами: «Фу-си (древнейшие обитатели страны), говорят они, делали себе оружие из дерева; чжань-мин приготавливали его из камня, и наконец, ши-юй — из металла»; но когда железное оружие вошло уже в употребление, каменным стрелам продолжали еще приписывать символическое значение, и в руках государя они считались одним из знаков царского достоинства¹. До двенадцатого столетия древней эры императоры Китая получали в дань головки каменных стрел, и еще долгое время после этой эпохи дикие племена, живущие на западных окраинах империи, употребляли оружие этого рода. Китайцы до сих пор еще имеют в своих письменах особенный знак, означающий «камень для приготовления кончиков стрел»².

Китайская нация прошла ряд ступеней прогресса, соответствующих фазам развития цивилизованных наций других частей света; только эти первые эволюции были окончены ранее в «Цветущем царстве»; обитатели западной Европы находились еще в состоянии полного варварства, когда китайцы, за четыре тысячи лет до нашего времени, писали уже свою историю. Несмотря на бедность слога и мысли, несмотря на беспрестанные повторения, собрание

1 Шу-цзын, „Книга Конфуция”.

2 Emile Cartailhac, „l'Age de la pierre en Asie”.

китайских летописей есть бесспорно самый полный и наиболее достоверный памятник бытописания, каким только обладает человечество: в отношении древности хроник и достоверности сообщаемых в них фактов ни один народ не обладает сокровищем равноценным тому, которое историографы завещали китайской нации. Политические перемены и явления природы одинаково занесены в летописи. Точная история может пользоваться с тем большим доверием этими правильно веденными и обстоятельными анналами, что астрономические наблюдения, сделанные в различные времена и рассказанные в этих документах, позволяют проверять показанные в них даты событий¹.

Но, хотя достигшие, уже столько столетий тому назад, высокой степени гражданственности, китайцы отличаются между всеми цивилизованными народами еще первобытной формой своего языка: в этом отношении они остались в периоде развития, который у арийцев и семитов принадлежит к доисторической эпохе. Каждое из их наречий состоит из небольшого числа слов, все односложных, выражающих лишь общую идею и принимающих определенный смысл только в данной фразе: расставляя эти немногие основные слова в известном порядке одни за другими, речь делает из них, смотря по надобности, имена существительные, прилагательные, глаголы или частицы; вся грамматика, таким образом, сводится к синтаксису. Замечательно, что из всех китайских наречий, самый аристократический диалект, называемый «мандаринским» гуань-хуа, которым говорят в Пекине, наиболее беден словами: он представляет, по Ваде, только 420 различных односложных слов; 532 по Вильямсу. Наречия шанхайское и нинбоское приближаются к мандаринскому языку и заключают не больше слов; но сватоусский диалект, которым говорят в юго-восточной части провинции Гуан-дун, состоит из 674 односложных слов, по Годдарду, а кантонское наречие имеет даже 707. Словарь Маклая и Балдуина насчитывает в Фу-чжоу 928 односложных слов, из которых, впрочем, некоторые очень редко употребляются. Самый богатый диалект китайского языка — Чжан-чжоу-фусский, близ города Амоя; по Медгорсту и Дугласу, его 846 слов образуют более 2.500, благодаря разнообразию интонаций.

В самом деле, бедность идиoma словами различного произношения заставляет китайцев, так же, как все другие народы, говорящие моносиллабическим языком, изменять смысл слова при помощи интонации, с которой они его выговаривают. Шэн (ching), то-есть модуляция голоса в среднем, мажорном или минорном тоне, определяет точное значение односложного слова в разговоре. Впрочем, китайское произношение всегда имеет для европейцев нечто неясное, неопределенное, и при том оно значительно разнится в различных провинциях и даже в городах, лежащих близко один от другого. Так, знак, который переводится на наш язык словом дитя, и который встречается в очень многих географических именах, произносится как тс в северном Китае; в Кантоне его выговаривают как ц или дз; в Макао он изменяется в чи. Понятие два выражается одним знаком; но не ходя даже в Корею, в Японию, в Кохинхину, где произношение опять особенное, отличное от китайского, мы услышим в самом Китае для этого слова различнейшие звуки, как-то: эль, ольр, уль, ур, р, люр, нге, нги, же, жи, э, и. Точно также большая часть одинаково выговариваемых или однозвучных слов подвергаются подобным же изменениям звуков. Особенно в фуцзяньском наречии звуки так часто и многообразно смешиваются, что приводят в отчаяние иностранца, который тщетно старается уловить различие между л, ли, и б, между х и и, между иен и иан, ан и ин.

Это разнообразие произношений, в соединении с скудным запасом слов, дает тем более значительную цену шэнгу или модуляции голоса. Китайцы придают гораздо больше важности тональности, чем азбучному произношению звуков². Так, например, знак, означающий воду, может быть выговорен сюи, шюи, ш'юи, ш'уи, или даже чвуи, и всякий поймет его, лишь бы только говорящий съумел произнести его с свойственным ему повышением тона; то же самое слово сюи, произнесенное с понижением тона, не будет никем понято. Гамма китайских слов состоит не единственно из тональности восходящей и тональности нисходя-

1 Amiot, „Memoire sur les Chinois”; — Pauthier, „Chine”.

2 Wells Williams, „Middle Kingdom; Dictionary”.

щей: Моррисон и Абель Ремюза³ насчитывают четыре тона; де-Гинь признает их пять; Медгорст находит их семь, а если мы возьмем всю совокупность наречий, то нужно допустить существование восьми тонов, полной октавы, так как каждый из шэнов, указываемых известным синологом Ремюза, имеет два варианта: принимая в расчет все тонкие оттенки языка, можно бы было насчитать двенадцать и даже большее число интонаций, употребляемых в разговоре жителей провинции Фу-цзянь. Каждое слово имеет собственную модуляцию; к разговору надобно применять гамму, подобно тому как делает музыкант, когда поет слоги. Г. Леон де-Росни видит в китайском говоре указание на общее происхождение языка и пения. Молитва, которая напоминает в Центральном царстве, как и во всех других странах, архаические формы языка, всегда имеет форму стихотворения или небольшого песнопения. Точно также дети учат свои уроки громко и нараспев⁴.

Благодаря своим разнообразным интонациям, обитатели «Великой и чистой империи» могут получать тысячи различных значений с теми несколькими сотнями слов, которыми они обладают, но язык, тем не менее, оказывается недостаточным для выражения всей совокупности идей, и китайская цивилизация должна была призвать на помощь письмо. Словарь, составленный по повелению богдыхана Кан-си, содержит 44.449 различных знаков, из которых каждый представляет группу отдельных значений; так, например, более 150 знаков, изображающих каждый особенный ряд понятий, читаются одинаково, как и. Философские сочинения, произведения серьезной литературы могут быть понимаемы только читателями, и когда разговор поднимается над уровнем обыкновенных банальностей, собеседники должны прибегать к помощи туши и кисти, чтобы рисовать знаки, соответствующие их мыслям. Отчего происходит эта крайняя бедность фонетического аппарата китайцев, в сравнении с огромной массой понятий, которые приходится выражать в цивилизованном языке? Она должна быть приписана, без сомнения, поспешной культуре нации, язык которой был слишком рано заключен в тесные рамки неизменных правил писателями правительства и пуристами академий. Народ смиренных и послушных, легко подчиняющихся, землепашцев, китайцы не сумели сломать преграды, противопоставленные официальным говором свободным преобразованиям живой речи. По языку они так и остались в периоде детства, и нет надобности говорить, как много должна была пострадать самая мысль от этой остановки развития, вызванной чрезмерным уважением к установленному и облеченному в неподвижные формы языку!

Буддийские миссионеры, которые обращали китайцев в свою веру, неоднократно пытались ввести в стране то или другое из фонетических писмен Индостана, произведенных от санскритского алфавита. Но ни одна из этих многочисленных попыток не имела серьезного результата. Точно также христианские миссионеры употребляли латинскую азбуку для изображений на бумаге молитв, псалмов и священных стихов или песнопений, которые обращенными выучиваются наизусть, и смысл которых был объяснен им наперед. Но если только не обременить их точками, черточками, тире, знаками ударения, всякого рода знаками и прибавками, при которых они сделаются еще более неудобопонятными, чем нынешние письма, буквы фонетических алфавитов, очень полезные для обыденной речи, не могут быть употребляемы для языка истинно литературного. К этому нужно прибавить, что китайцы слышат звуки иначе, чем европейцы, но и эти последние, в свою очередь, имеют ухо, очень трудно воспринимающее китайские интонации, и потому воспроизводят их, конечно, далеко не всегда верно. Если китайцы центральной и восточной части империи, которые смягчают все звуки и не имеют в своей азбуке, как их северные соотечественники и как жители провинции Юнь-нань, гортанного звука р, принуждены произносить фюлянси или фюлянсай вместо француз, и билигянь, милогянь или миликянь вместо американец, то и поселившиеся в крае иностранцы платят им той же монетой в отношении произношения туземных слов.

3 „Grammaire chinoise“.

4 Roze, „Annales de la propagation de la foi“, XI, 1849

Впрочем, самые эти так исковерканные имена *фюлянси* и *биликянь*, вошедшие отныне в китайский язык, служат доказательством, что преобразование совершается постепенно, и что идиом беспрестанно обогащается многосложными словами, неологизмами ненавистными пуристам, но которые, тем не менее, приобрели право употребления, и которые оказывают влияние на образ мышления китайцев, приближая его к образу мышления западных народов. Уже образуются новые составные слова, не только для существительных, но также для глаголов, посредством соединения двух односложных слов, смысл, которых таким образом делается более определенным, более точным; так, например, составное слово «ближний-дальний» принимает значение «отдаленности», а существительное «родители» составляется из слов, означающих «отца-мать»¹. Точно также новые термины, которые нарождаются сотнями во всех городах, открытых европейской торговле, чтобы обозначать предметы или выражать идеи иностранного привоза, получают мало-по-малу права гражданства: таковы, например, многосложные слова «пар—воздух—каре́та», имеющее неизменный смысл локомотива, «пар—воздух—судно», «воздух—плавание—пар», «прения—кротость—правительство», означающие соответственно «пароход», «воздушный шар», «республику»². Неприязненно встречаемые поклонниками доброго старого времени, эти составные слова употребляются в устной речи и даже в популярных изданиях: они составляют часть так называемого соуэна, обыкновенного, общеупотребительного стиля, который преобразовывает благородный односложный язык Конфуция, и который более, чем другие диалекты, пригоден для народной поэзии, для сказок и комедий. Изменения, совершившиеся в наших арийских языках уже в доисторическую эпоху, происходят теперь на наших глазах в китайском языке, и это явление, в котором многие мрачные пессимисты и почитатели старины, между китайцами, должны видеть признак непоправимого упадка, не свидетельствует ли, напротив, о постоянном обновлении?

Жители различных провинций давно бы уже перестали понимать друг друга, если бы они не обладали, как посредниками, общими знаками письменного языка, которые люди ученые, книжники, читают на своих собственных языках и наречиях, не только в Китае, но также в Корее, в Японии, в Тонкине, в Кохинхине, в Сиаме. Этот диалект в меньшей мере, чем южные наречия, прибегает к гамме интонаций; оттого он отличается необыкновенной монотонностью. Три другие главные диалекты суть наречия провинции Гуан-дун, Фу-цзянь и Чжэ-цзян; в этих частях империи одни только книжники могут, благодаря своей науке, достигнуть понимания разговорной речи северных жителей. Нанкинский язык, который сами китайцы северных областей называют *шэн-инь* или «правильным произношением», есть наречие «мандаринского» диалекта, которое приближается к *чжэ-цзянским* наречиям, представляющим, по мнению Эдкинса, наилучше сохранившиеся остатки древне-китайского языка. Эти-то различные диалекты, более, чем племенные особенности или даже, чем контрасты, происходящие от климата, отличают друг от друга населения отдельных провинций Китая.

В отношении религий, как и в отношении наречий, не существует ясно обозначенных различий между обитателями северных и обитателями южных областей империи: в каждой провинции, в каждом округе практикуются различные культы, которые многообразно перемешиваются один с другим, так что нет возможности провести между ними точную демаркационную линию; одни и те же лица могут быть одновременно буддистами и даосами, и последователями Конфуция. В силу своего сана, император принадлежит ко всем трем религиям и пунктуально исполняет их обряды. В сущности между этими различными культами больше сходства, чем можно бы было предполагать при виде религиозных церемоний и особенно при чтении книг, излагающих вероучение. Юй-цзяо, религия образованных китайцев, которую обыкновенно обозначают именем Конфуциева учения, произошла из древнего национального культа; с своей стороны даосизм или дао-цзяо, совершенно забывший высокую

1 Hovelacque, „Linguistique”.

2 Edkins, „Shanghai Grammar”;—Л. Мечников, рукописные заметки;—J. Tryer, „Nature”, 19 марта 1881 г.

доктрину своего основателя, представляет возврат к древним суевериям, и почти везде преобразовался в чародейство, в колдовство; наконец, что касается третьей религии, буддизма или фу-цзяо, то хотя она иностранного происхождения, но это не помешало ей совершен-

Китайские рудокобы.

но проникнуться национальными идеями и принять туземные обряды.

При начале истории, слишком за четыре тысячи лет до нашего времени, религия китайцев состояла в обожании предметов видимой природы: все явления окружающей жизни ка-

зались людям действиями гениев, добрых или злых, милость которых нужно было обеспечить себе молитвами и жертвоприношениями. Деревья, скалы, ручьи и реки, все имело своего сокровенного духа; горы, целая страна, океан, наконец, вся земля тоже были одушевлены каким-нибудь специальным божеством, и над этой природой, населенной таинственными существами, поднимаются, в виде громадного купола, небесные пространства, не менее наполненные гениями, благодетельными или грозными. Человек, произведение всех побуждающих его естественных сил, тоже считался богом, но одним из самых слабых и наиболее угрожаемых; только вызываниями и заклинаниями духов ему удавалось сохранять свою жизнь среди такого множества других существ, соединившихся против него. Мало-по-малу установилась некоторая иерархия в многочисленном сонме гениев: Тянь или «Небо», которое окружает землю, обнимает всю совокупность природы, освещает и согревает ее своими живительными лучами, сделалось Шань-ди, то-есть «Верховным владыкой» или «Вседержителем», деятельным началом всего творения, тогда как Ти или «Земля» имела назначение воспринимать и вырабатывать семена и зародыши. Уже три столетия европейские синологи спорят между собой об истинном значении, которое следует придавать этому имени «Верховный владыка», приписываемому Небу, и рассуждают о том, можно ли переводить его словом «Бог» (Deus), термином, который, впрочем, имеет еще менее отвлеченное значение, так как первоначальный смысл его тот же, что и слова «День» (dies)¹. Христианские миссионеры, увлеченные рвением к своей вере, хотели признать в Шань-ди личного бога семитов; истолковывая темные, непонятные тексты, выражения которых объясняются преимущественно воображением, они отыскивали в священных книгах китайцев все догматы своих вероисповеданий, католического или протестантского. Абель Ремюза думал даже, что ему удалось открыть имя Иеговы в Дао-де-цзин или «Книге истинного пути и добродетели»; три слога, И, Ги, Вэй, взятые каждый в отдельном члене фразы, представляют, по его мнению, священное имя Бога израильтян и свидетельствуют о существовании сношений между Китаем и Западным миром в отдаленную эпоху, за двадцать пять столетий до того времени, когда доступ на китайскую территорию был открыт пушками европейцев. Однако, большинство новейших критиков отказываются видеть эту родственную связь между религиями Востока и Запада: до введения буддизма, эволюция религиозных идей в Китае была, повидимому, совершенно самобытная; первоначальное происхождение их нужно искать в культе духов.

Воображая себя окруженным со всех сторон гениями, китаец должен был заботиться только о том, чтобы обеспечить себе их милость и покровительство, как он старался бы приобрести благосклонность людей более сильных и властных, чем он; для своих молитв он не нуждался ни в жрецах, ни в правильном богослужении. Обыкновенно сам глава патриархальной семьи приносил в дар внушавшим страх существам явства и благоволения от имени всех членов своей семьи; точно также глава общины или клана, рода, совершал жертвоприношение и заклинания в качестве ходатая за тех, которые группировались вокруг него. Но во всех этих обрядах нет мест для жреческой касты, и даже жрецы формально исключаются из религиозных празднеств, где показывается сам император. Так как никакого откровения не было сделано народу богами или их посланниками, то нет надобности иметь каких-либо истолкователей божественного слова. Между людьми естественным образом установилась иерархия, соответствующая иерархии самих духов. Богдыхан имел привилегию представлять свои приношения Небу, Земле, девяти или пяти большим горам (различно в разные эпохи) и главным рекам Китая. Феодалы князьки могли приносить жертвы только второстепенным божествам и местным гениям; наконец, простые граждане должны были еще более сгруппировать область своих молитв и жертвоприношений, они ограничивались обожанием деревьев, источников и скал. Так как культ сделался одною из атрибуций государственной власти, то малейшие его подробности были регламентированы так называемыми «сборниками церемоний». Между языком и религией китайцев замечается поразительный параллелизм; тот и другая достигли крайней степени утонченности, но они представляют еще одну

1 Premare;—Pauthier;—Legge;—Medhurst;—d'Esacayrac de Lauture,—Max Muller, „The Sacred of the east”.

из первых стадий развития человечества: язык сохранил моносиллабическую форму, а религия может быть названа самым ученым из фетишизмов.

Жертвы умиловления встречаются в китайской религии, но происхождение этой обрядности приписывают в гораздо большей мере сопредельным населением, нежели самим китайцам: эти монгольские племена, с которыми прибрежные жители находились в сношениях, на северных и западных окраинах империи, как полагают, научили «детей Хань» охранять себя от пагубного влияния злых духов не простыми приношениями, но кровавыми жертвами. Бывали случаи, что сотни придворных добровольно предавали себя смерти или велели зарывать себя живыми в землю, чтобы сопровождать своего повелителя на тот свет; когда умер император Ши-хуан-ди, приблизительно за два столетия до начала христианской эры, многие из его жен и телохранителей последовали за ним в могилу, и десять тысяч рабочих были погребены живыми вокруг его могильного кургана. Некоторые остатки этих варварских обычаев сохранились еще в отдаленных захолустьях, и нередко случалось, что родители, чтобы избавиться от колдовства или порчи, бросали новорожденных детей в воды реки. Один мандарин, желая положить конец этим гнусным злодействам, велел схватить всех несчастных, виновных в таких детоубийствах, и утопил их в Ян-цзы-цзяне, поручив им отнести его письма и благия пожелания гению вод¹. В настоящее время не существует других следов кровавых жертвоприношений, кроме обычая сжигать изображения людей и животных, при погребении умерших.

Исчезновение кровавых обрядов в китайской религии приписывается обыкновенно Конфуцию и его ученикам; однако, религиозные жертвоприношения не делались более в образованном Китае уже задолго до Конфуция, и долгое время после него, в наши средние века, церемонии этого рода еще практиковались в исключительных случаях. Тем не менее Конфуций, по важности его исторической роли, заслуживает того, чтобы его считали истинным основателем этой национальной религии китайцев, облеченной в такие определенные правила, изложенные в книге церемоний. Конфуций старается в особенности восстановить и заставить уважать обычаи, которые были в почете у древних китайцев относительно культа мертвых. Вообще сохранение, почитание и верное соблюдение завещанных предками обычаев составляло в его глазах всю суть религия: продолжать прошлое, каким его описывало предание,—это было, по его учению, главное средство навсегда обеспечить благополучие империи, с той, однако, оговоркой, чтобы это постоянное прославление «золотого века» не применялось к воображаемому состоянию, долженствующему осуществиться когда-либо в будущем. Сверхъестественное, которое берет так много места в других религиях, едва проглядывает в культе Конфуция: «как могу я, говорил он, утверждать, что знаю что-либо о Небе, когда нам так трудно составить себе ясное понятие даже о том, что происходит на Земле?» «Ты еще не научился жить, говорил он одному из своих учеников, а уже думаешь о том, что случится с тобой после смерти?» В чем должны состоять обязанности человека в отношении своих родственников по восходящей линии, в отношении своего ближнего, в отношении верховного государства?—таковы вопросы, которые он пытался разрешить; религия в собственном смысле слова находила в его учении место только как часть общей системы правления. Человек меры и порядка, каким он был, Конфуций сделался образцом для своей нации: всегда и во всем умеренные от природы и в силу привычки, лишенные религиозного жара, старающиеся постоянно держаться в золотой середине, китайцы узнали самих себя в шаньтунском мудреце, и мало-по-малу этот мудрец занял первое место в памяти своего народа. Точность исторических документов, оставленных его учениками и последователями, и самый образ его жизни не позволили, чтобы существование его было окружаемо мифами и чудесами. Из него не сделали бога; но нравственный авторитет его возрастал из века в век. Четыреста лет спустя после его смерти он получил еще только титул гуна или «князя»: через восемь столетий после того, в правление династии Тан, он был наименован «первым святым», затем статуя его была облачена в царское одеяние и увенчана диадемой. В царствова-

1 „Lettres edifiantes”.

ние Минов, последней китайской династии, Конфуций был объявлен «самым святым, самым мудрым и самым добродетельным из наставников людей». После кончины мудреца, колония его учеников поселилась вокруг его могилы и объявила себя вассалом его семейства; другие последователи, не имея возможности предпринять дальнейшее странствование для поклонения этому святому месту, стали воздвигать в своих городах символические гробницы; тысяча шестьсот храмов были сооружены в честь его, и, наконец, Конфуций был торжественно признан «учителем нации». Никогда человек между теми, которые не возвысились на степень богов, не был предметом такого благоговейного уважения; когда император Цинь-ши-хуанди, завидуя славе прежних богдыханов, приказал уничтожить старинные книги и особенно знаменитый Шу-цзин или «Книгу летописей», компилированную Конфуцием, то четыреста шестьдесят ученых последовали на костер за высокочтимыми творениями учителя и погибли в пламени.

Однако, культ, облеченный в столь определенные и подробные правила, как культ официальных церемоний, не мог обнимать всей совокупности народных суеверий, не мог заклинать всех духов, которые кружатся вокруг людей, ставя в опасность их благоденствие и самое существование. Образовался значительный осадок обрядов не-регламентированных¹: это так называемый «фын-шуй», который, не будучи правильным культом, тем не менее играет важную роль в жизни народа. «Фын-шуй» буквально значит ветер и вода, и туземцы, играя словами, говорят, что этот культ «невидим как ветер и неуловим как вода»; но его можно, однако, определить как совокупность церемоний, посредством которых человек располагает в свою пользу духов воздушных и водяных, то-есть всю природу, от светил, движущихся в небесных пространствах, до блуждающих душ умерших². Два начала управляют миром, утверждают китайские вероучители. Ян, или мужское начало, соответствует солнцу и господствует над годом в период жаров; это принцип счастливых предзнаменований, принцип, действием которого растут и развиваются растения, животные и люди. Инь, или женское начало, есть то начало, представителем которого на небесах является луна, и которое царствует на земле в сезон холодов: это принцип дурных предзнаменований, он возвещает смерть. Однако, ничто не могло бы существовать без этого смешения начала смерти с началом жизни; от соединения этих двух начал все зарождается и растет, и тот, кто постиг бы их вполне, сделался бы бессмертным. В доме каждого китайца вы увидите изображение тигра, несущего дайцзи или картину (магическое зеркало), которая представляет оба начала ян и инь, соединяющиеся и взаимно проникающиеся в волшебном круге, окруженные чертами разной величины, которые изображают главные точки горизонта и всю природу. Эти таинственные черты суть те знаменитые диаграммы, которые подали повод написать И-цзин или «Книгу преобразований», которую приписывают Фу-си, и смысл которой тщетно пытались разгадать такое множество ученых, китайских и европейских. Пекинская библиотека включает в себе целые тысячи комментариев этого сочинения.

В течение своего земного существования правоверные последователи культа фын-шуй должны руководствоваться во всех делах правилами заклинания, впрочем, подобными, по крайней мере в принципе, если не в подробностях, заклинаниям и заговорам, которые и теперь еще можно наблюдать во всех других странах земного шара³. Тени или духи предков также находятся в числе невидимых существ, которые наполняют землю и воздушные пространства вокруг жилища китайца, и которые могут влиять, в хорошую или дурную сторону, на судьбу живущих. Так же, как другие народы, «дети Хань» признают в человеке существование трех различных душ: души разумной, которая находится в голове; души страстной, которая имеет пребывание в груди; и души материальной, которая пребывает в нижней части живота. Из этих трех душ две первые могут быть удержаны после смерти, одна в поминательных табличках, другая в могиле, но третья улетает в пространство, стараясь все-

1 Лев Мечников, рукописные заметки.

2 Eitel, „Congres des orientalistes a Lyon”, 1878

3 Dennys, „Folklore in China”.

литься в другое тело, и её влияние может сделаться гибельным, если родные будут небрежно исполнять свой долг почтения к памяти покойного: особенно следует бояться душ детей, потому что они были еще несовершеннолетними в момент смерти, и их еще не успели умиловить правильным культом¹. Курительные свечи, горящие при входе в дома и лавки, для того именно и зажигаются, чтобы не пропускать в двери эти пагубные тени умерших и вообще злоторных духов всякого рода.

В особенности при выборе места погребения должно строго сообразоваться с предписаниями культа фын-шуй, ибо если душа покойного, несмотря на исполнение родными долга в отношении его, подвергается несчастным влияниям, то она, конечно, постарается отомстить за себя, и гнев её обнаружится бедствиями без числа, которые постигнут неблагополучное семейство. Духи, добрые и злые, которые «приходят в облаках и уходят в тумане», беспрестанно странствуют, прикасаясь к самой поверхности земли, и потому важнейшее искусство всех тех, кто занимается какими-либо работами, переделывающими так или иначе эту поверхность, должно состоять в том, чтобы уметь воздвигать надгробные памятники, строить капища, проводить дороги и каналы, починять каменоломни, рыть колодцы, таким образом, чтобы затруднять полет злоторных духов и облегчать путь доброжелательным гениям. Но, разумеется, знание всех способов и приемов, которые нужно употреблять для надлежащего управления этим бесконечным миром духов, приобрести очень трудно, и когда случится какое-нибудь несчастье, общее бедствие, народ не приминет приписать его нерадению или невежеству наставников культа фын-шуй. По всему Китаю встречаешь заброшенные рудники и каменоломни, которые местные власти велели засыпать по той причине, что население обвиняло их, будто они повредили урожаю, оставив беспрепятственный доступ дурным влияниям. Часто возникают даже тяжбы между соседями, обвиняющими друг друга в произведении каких-либо перемен на принадлежащих им землях или местах, перемен, которые будто-бы заставили доброго духа уклониться в сторону от прежнего пути. Необходимо, следовательно, всегда иметь при себе хорошего истолкователя таинственных примет и указаний природы, который умел бы определять благоприятные условия ветров и вод и мог бы превращать в выгоды пагубные влияния. Иногда достаточно посадить дерево или построить на возвышении башню с боковыми кровлями и с колокольчиками для того, чтобы вся окрестная страна была поставлена под счастливое сочетание стихийных сил. Север, откуда приходят полярные ветры, есть в то же время и сторона злых гениев, тогда как добрые духи приносятся дуновением юга². Вообще извилистые кривые, описываемые течением рек, мягко округленные контуры холмов благоприятствуют благосостоянию страны, тогда как крутые повороты потоков, отвесные скалы подвергают опасности окрестное население. Нужно везде избегать прямой линии, которая есть излюбленный путь злых духов; все должно двигаться по легким извилинам, как ветры и воды. Вот почему крыши на китайских домах всегда приподняты к краям; при таком криволинейном устройстве кровли дурные влияния отворачиваются от дома соседа и теряются в пространстве³. Впрочем, нередко случается, что предписания культа фын-шуй согласуются с требованиями гигиены: так, например, гонконгские китайцы очень одобряли английских медиков, распорядившихся засадить деревьями пространство между казармами и нездоровыми пустырями, и признали, что это насаждение сделано сообразно правилам ветров и вод. С известной точки зрения фын-шуй составляет начальные основания естественной науки в Китае: по словам учителей этого культа, он обнимает изучение общего порядка вещей, их численных соотношений, их внутренней жизни и внешней формы. Когда европейский инженер является грубо вскрывать внутренности земли своими прямолинейными траншеями или строить кривые мосты на потоках, прорывать наискось горы, прокладывать неуклонные стальные рельсы через аллеи гробниц, народ приходит в неописанный ужас при виде такого кощунства. Сильная оппозиция, которую

1 Delaplace, „Annales de la propagation de la foi“, juillet, 1852.

2 Вильямсон;—Муль;—Эйтель и др.

3 Эйтель, цитированный мемуар.

встретили со стороны китайцев иностранцы, предпринявшие сооружение железных дорог в Срединном царстве, происходит не только от опасений правительства, чтобы европейцы не водворились мало-по-малу в качестве господ внутри страны, но она объясняется также традиционным уважением туземцев к земле, которая их носит; они еще не привыкли к приемам иностранного инженера.

Китайская религия, которая признает Лао-цзы своим основателем, и которая в первые времена совершенно отличалась от национальной религии, представляемой Конфуцием, кончила тем, что вернулась к древним суевериям и стала согласоваться, или даже сливаться с учениями и обрядами культа фын-шуй. В противоположность Конфуцию, Лао-цзы не обращал взоров к прошлому китайской нации, чтобы открыть там образец для поведения в будущем. Он искал только чистую истину, не стараясь найти прецеденты в истории императоров. Не заботясь о духах, злых или добрых, ни о тенях предков, он пытался узнать первоначальную причину вещей, и язык этого мудреца, по крайней мере насколько удалось разга-

дать его под темным текстом книги Дао-дэ-цзин, напоминает язык западных философов. Для Лао-цзы «материя и видимый мир суть не что иное, как проявления высочайшего, вечного, непостижимого начала», которое он называет Дао, то-есть «путем спасения»; человек, который умеет господствовать над страстями, может избежать последовательных метампсихоз (переселений души) и с первой же своей жизни войти в блаженное бессмертие посредством созерцания. Таково было учение великого китайского мистика и его ближайших преемников; но скоро даоистские монахи стали претендовать на открытие бессмертия на этой земле, и приготовлением разных эликсиров и жизненных эссенций они сумели снискать милость императоров. Мало-по-малу религия Дао смешалась с чародейством, и от учения

Лао-цзы осталось только одно имя. Даосские жрецы, большинство которых обрекают себя на безбрачие, как буддийские ламы,—это суть некромантики Китая, люди, которые заставляют вертеться столы, и которые заклинают или вызывают духов. Без определенного догмата, который бы соединял их в особенное религиозное общество, одни из них настоящие шаманы, в роде тунгусских, другие скорее астрологи или гадалщики. Вообще ученые китайцы показывают вид, что относятся с презрением к даоизму; однако, некоторые обряды этого культа вменяются в обязанность мандаринам, и даже некоторые даоистские церемонии приносятся к национальному культу в присутствии императора. Главный жрец даосов или «небесный учитель», как его величают, получает содержание от правительства в обмен за амулеты, разные священные вещицы и архипастырские послания на красной или зеленой бумаге, которые он велит раздавать по всему Китаю.

Буддийская религия, менее уклонившаяся от своего древнего вероучения, чем культ Дао, сумела лучше сохраниться, и огромное большинство «детей Хань» причисляет себя к последователям Фо. Несмотря на свое иноземное происхождение, буддизм сделался, по крайней мере по наружности, религией китайской нации, но в такой форме, которая чрезвычайно приближает его к первоначальному культу гениев и теней усопших. Впрочем, религия Будды введена в Срединном царстве в относительно недавнюю эпоху. Первые обращения имели место за две тысячи двести лет до нашего времени, и три века спустя один император дал новому культу свое официальное одобрение; но этот культ не без борьбы против последователей Конфуция и даосов мог утвердиться в Китае. Только в шестом столетии он рас-

пространился на юге от Ян-цзы-цзяна¹: в эту эпоху буддийские жрецы воздвигли около тринадцати тысяч храмов в разных частях империи; но тогда уже происходило соединение между национальным культом и буддийской религией. Индийские миссионеры сумели дать место в своих учениях народным верованиям нации, которую они хотели обратить. Гении ветров и вод, тени великих людей, все обитатели китайского пантеона легко могли быть введены в толпу «пущов» (боддисатва) и других, более или менее неполных, воплощений Будды: чтобы открыть доступ всем, новые степени святости и блаженства были прибавлены к степеням уже существовавшим; домашние боги остались, под другими именами, рядом с богами, которых чтит общество; наконец, и число церемоний увеличилось без того, чтобы народ имел надобность допытываться о их различном происхождении. Умам, развитым образованием, буддизм предлагал тонкости своей метафизики, тогда как слабым и несчастным он давал участие в пышной обрядности культа и обещал им конец их страданий в будущей загробной жизни. Из всех буддийских творений самое распространенное в Китае, находящееся на всех алтарях Будды, не метафизическая книга, как священные книги, употребляемые в храмах Тибета и Монголии: это «Белый нунуфар», сборник слов любви, утешения и обещаний². Из всех сект буддизма самая популярная та, которая имеет предметом почитания Гуань-инь (у японцев Каннон), единственную женщину, бывшую в числе учеников Будды. Сделавшись «богиней Милосердия», она приняла под свое особенное покровительство и защиту матерей, потерявших детей, мореплавателей, которым угрожают бури; часто ее представляют с младенцем на руках.

Период успеха и процветания для буддийской религии в Китае заключался между шестым и одиннадцатым столетиями: в эту эпоху монахи, увлекаемые жаром пропаганды, странствовали по всей Китайской империи и по соседним странам, и к тому же времени относятся важные описания путешествий, из которых иные и до сих пор еще ожидают переводчиков³; тогда же были написаны китайские переводы почти тысячи пяти-сот санскритских сочинений, большая часть которых не существует более в оригинале, и которые заключают в себе драгоценнейшие документы по истории буддизма. В течение этого периода первого религиозного пыла страна покрылась теми «та» или пагодами, без которых европейцы не могут представить себе ни одного китайского пейзажа. Правда, что хотя первоначальный архитектурный стиль и самое название «священных домов» были заимствованы у Индостана, но эти здания были приспособлены к вкусам китайцев: их башни, в пять, семь, девять, одиннадцать или тринадцать этажей, в каждом ярусе украшены кровлями, крытыми голубой или белой черепицей, которые приподнимаются в виде рогов по углам храма и увешаны многочисленными колокольчиками, серебристый звон которых считается выражением почтения, воздаваемого воздушными пространствами славе Будды⁴. Почти все буддийские монастыри Китая расположены одинаковым образом. Главный фасад всегда обращен на юг, исключая того случая, когда кумирня построена в горах или на берегу вод, где ориентирование храма указано уже линиями местоположения. За передним двором или папертью возвышается главный корпус здания, отделенный от других корпусов дворами меньших размеров; на скатах холмов все эти строения расположены одно над другим террасой; вокруг монастыря, большие деревья осеняют своими ветвями пруд, на поверхности которого плавают широкие листья нелюбимия (лотоса). Религиозные церемонии состоят в приношениях, в пении гимнов, в земных поклонах и в медленных процессиях вокруг кумирни, во время которых верующие постоянно повторяют слоги «О ми то фо», — китайская фонетическая транскрипция слова Амитаба, одного из индусских имен Будды.

Многочисленность буддийских монастырей свидетельствует о преобладающем влиянии,

1 Pauthier; — Проф. Васильев.

2 Проф. Васильев, „История китайской литературы“, во „Всеобщей истории литературы“, издаваемой под редакцией В. Корша.

3 Проф. Васильев, цитированное сочинение.

4 Edkins, „Religion in China“; — Milne, „Vie réelle en Chine“; — „Chinese Repository“, vol. XIX.

которым прежде пользовалась в империи религия Фо; но, так же, как красивые пагоды, большинство обителей обширных размеров основаны очень давно, за тысячу или, по крайней мере, за несколько сот лет до наших дней. В настоящее время почти все эти здания имеют полуразрушенный вид, и пучки кустов свободно растут в трещинах стен и на крышах: упадок буддийской религии очевиден; во многих областях Китая она теперь не более, как обрядность, предоставленная исключительно монахам. Часто императоры и высшие сановники государства издавали указы и публиковали циркуляры, имевшие целью отвратить народ от суеверий, не предусмотренных сборником церемоний, и предостеречь его от всех жрецов, «обманщиков трутней, которые приходят расхищать улей пчелы». В самом деле, народ все более и более отвращается от бонз, но, что бы ни говорили, он тем не менее попрежнему остался верующим и соблюдающим религиозные правила и обряды: неверие, которым рисуются люди книжные, получившие образование, вводит поверхностного наблюдателя в заблуждение относительно истинных чувств страны; заботливость и благоговение, выражаемые китайцами в отношении их домашних идолов, их коленопреклонения, их хождения к святым местам, все это свидетельствует о живучести и твердости их веры. Не довольствуясь одной религией, они исповедывают разом все три национальные религии. С Конфуцием они чтут память предков; следуя даоизму, они научаются заклинать духов; через посредство учения Будды они имеют общение со святыми. Эти три культа совершенно согласуются между собой и взаимно дополняются: первый обращается к нравственной стороне человека, второй взывает к чувству самосохранения; третий, наконец, возносит верующего в высший мир воображения и мысли¹. Как говорят сами китайцы, «три религии составляют в сущности одну»². Оттого при погребении умерших часто бывает так, что жрецы различных культов священнодействуют в одно и то же время³.

Буддйскій жрецъ.

Между религиями, проникшими в Срединное царство, есть, однако, и такая, которым не посчастливилось в новом отечестве. Как на одну из этих, не имевших успеха в Китае, религий можно указать на культ ветхозаветного Иеговы или Моисеев закон, который, впрочем, насчитывает ныне весьма ограниченное число последователей. Евреи, которых часто называют «синими магометанами», потому что их раввины носят шапку и башмаки синего цвета, в самом деле почитаются многими китайцами за одну из сект ислама; туземцы дают им также прозвища ле-цзы-цзинь или «разрезыватели жил» и дао-цзинь-кэ-ду или «извлекатели нервов», по причине употребляемого ими особенного способа убивания и приготовления животных, долженствующих служить им пищей. В прежнее время евреи были гораздо многочисленнее, и многие из них возвышались на видные посты в государственной службе, но в наши дни число их уменьшилось до нескольких сот человек, которые почти все живут в Кай-фын-фу, главном городе провинции Хэ-нань. Еврейские колонии, находившиеся встарину в Нанкине, в Пекине, в Нин-бо, давно уже перестали существовать: обращения в магометанство и в национальные религии Китая уменьшали из века в век немногочисленную семитическую общину. Остающиеся ныне последователи Моисеева закона говорят только китайским языком, и последние их раввины,

1 Edkins, „Religion in China“.

2 D'Escayrac de Lauture, „Memoires sur la Chine“

3 Huc, „L'Empire Chinois“.

называемые аронистами или аонистами, читают уже с большим трудом по-еврейски, выговаривая слова на китайский лад: так, например, имя Израиль превратилось у них в «Ие-се-ло-ни». По единогласному свидетельству кайфынских евреев, они принадлежат, к колену Ассира и пришли в Китай в царствование династии Хань, то-есть в период, который простирается от 206 года до Р. Х. по 264 год христианской эры; миссионеры, которые открыли еврейскую колонию в Китае, пришли к тому заключению, что она состоит из потомков беглецов, переселившихся в страну после разрушения Иерусалима¹; сами они дают своей первоначальной родине имя Тянь-чжу (Дянь-чжоу), то самое, которым китайцы обозначают остров Цейлон. Таким образом выходит, что они сохранились в течение восемнадцати столетий среди китайского мира, столь отличного от их родной земли; но когда европейским евреям удалось в новейшее время вступить в сношения с этими единоверцами, последние уже почти совершенно утратили свою племенную связь: синагога лежала в развалинах, ни один из верующих не умел более читать Пятикнижие, так что предложены были общиной и правительством награды тем, кто успеет разобрать эти непонятные письмена. При этом всем евреям сделано было приглашение подождать, прежде чем окончательно менять религию, чтобы невозможность читать священные книги была вполне удостоверена: но они уже считали Мекку и Медину своими святыми городами².

Магометане имеют несравненно более важное значение в Китайской империи. Г. Скачков насчитывал их около двадцати миллионов, число, которое кажется другим историкам Китая гораздо ниже действительного³. В провинции Гань-су последователи ислама, как говорят, составляют большинство жителей, и во многих округах других провинций северной полосы, собственно так называемого Китая, они представляют треть населения: к этому нужно еще прибавить, чтобы получить полное понятие об их влиянии, дунган и всех других мусульман Чжунгарии, Кульджи и восточного Туркестана. Обыкновенно смешивают всех китайских магометан под общим именем хой-хой, которое прежде применялось к уйгурам; сами же они называют себя не иначе, как «цзяо-мынь» или «религиозными людьми», в отличие от других китайцев, которых они считают нечестивыми. Что касается наименования «дунгане», имеющего монгольское происхождение, то известно, что смысл его обыкновенно переводят словом «отставшие или исключенные (воины)»; впрочем, оно употребляется только для обозначения мусульман северного или северо-западного Китая⁴. Магометане провинции Юнь-нань, очень многочисленные и неимеющие прямых сношений со своими северными единоверцами, обозначаются иностранцами под названием «пантеев», — слово бирманского происхождения, истинный смысл которого неизвестен⁵. Можно сказать с уверенностью, что мусульмане Китая не составляют однородной этнографической группы. Потомки уйгуров, тангутов и татар, они смешиваются на западе и на севере империи с китайскими прозелитами, тогда как в провинции Юнь-нань элементы тюркский и монгольский отсутствуют между последователями ислама или могут быть представлены разве только потомками солдат, сопровождавшими Хубилай-хана. С первых же годов вступления на императорский престол маньчжурской династии магометан заставляют, как и других китайцев, носить косу, и даже в нынешнем столетии правительство имело варварство принуждать матерей мусульманок сообразоваться с китайской модой, уродуя ноги своим дочерям. Несмотря на сходство черт лица и одинаковость костюма, можно обыкновенно с первого взгляда отличить магометан от других китайцев, благодаря их гордой осанке, смелому, открытому взгляду, а в западных провинциях также по оружию, которое они имеют обыкновение всегда носить при себе. Не употребляя никаких хмельных напитков, не куря ни табаку, ни опиума, они пользуются вообще лучшим здоровьем, чем их соседи, принадлежащие к другим религиям, и одушев-

1 „Lettres edifiantes et curieuses“, tome XXIV;— Finn, „The Orphan colony of Jews“.

2 Liebermann, „Eighth annual report of the Anglo-Jewish Association“, 1878—1879.

3 „Известия Русск. Географ. Общества“, том II, № 3, июнь 1866 г.

4 Show, „Visit to High Tartary“;—Гейнс, „Известия Русск. Географ. Общества“.

5 Gill, „The River of Golden Sand“;—H. Yule, etc.

ляющий их дух солидарности обеспечивает им материальное благосостояние, далеко превосходящее достатки большей части китайцев. Так, по решению мулл, богатые мусульманские купцы, в провинциях Гань-су и Шэнь-си, обязаны платить прогрессивный налог, который доходит иногда до двух пятых дохода, и сбор которого употребляется в пользу общины¹.

По единогласному преданию китайских мусульман, первое появление ислама в северных провинциях Срединного царства относится к седьмому столетию, ко временам императора Тай-цзун; один родственник Магомета, Ибн-Гамса, поселился тогда с тремя тысячами дру-

Богиня Гуань-инь.

гих эмигрантов, своих единоверцев, в Шангане, сделавшемся ныне городом Си-ань-фу. Очень хорошо принятые в империи, магометане могли воздвигать в мире свои мечети, и их духовные лица, имам, хабиб, муэдзин, были облечены правительством некоторою гражданской властью над своими единоверцами. Около того же времени другие мусульмане проникли также в Юнь-нань, вероятно, морским путем: с 758 года китайские летописи говорят об арабских пиратах, которые разграбили предместья Кантона и расхитили императорские житницы. Во все времена сношения между юнь-наньскими магометанами и осталь-

1 Проф. Васильев;—Delmar Morgan, „Phoenix“, march 1872.

ным мусульманским миром поддерживались либо через Кантон, либо через Бамо и нижнюю Бирманию. Во всех мусульманских общинах провинции Юнь-нань, где уровень образования выше, нежели в северных областях, находятся туземцы, способные истолковывать и комментировать по китайски Коран и молитвы, читаемые на арабском языке в мечетях. Матесин (Ma-tehsing), один из главных предводителей возмущившихся магометан, посетил Мекку, Стамбул, Александрию и изучал там науки Запада¹.

В настоящее время хой-хой северного Китая поддерживают сношения с магометанами западного мира через Чжунгарию. Уйгуры и тангуты провинции Гань-су, бывшие прежде ламаитами или несторианами, обратились в исланизм, когда эта вера сделалась религией всех их северных и западных соотечественников в государстве Джагатай. Впоследствии число их увеличилось переселенцами из восточного Туркестана и монголами-мусульманами, оставленными в Чжунгарии Тамерланом, и мало-по-малу они приобрели преобладающее влияние в этой части империи. Там находятся два города Салар и Цзинь-цзи-бао, куда приходят молодые люди поучаться в познании священных книг и в практике религиозных церемоний: эти города представляют Мекку и Медину в Китайской империи². В некоторых городах провинции Гань-су насчитывают целые сотни мечетей, и вся торговля, в конце-концов, перешла в руки мусульман. Между прочим, они приобрели монополию закупки скота, вследствие чего продовольствие Пекина и других городов морского побережья к северу от Ян-цзы-цзяна поставлено в зависимость от этих мусульманских скототорговцев.

В сравнении с их единоверцами других стран, китайские хой-хой не отличаются фанатизмом, столь обыкновенным на Западе между поклонниками Аллаха. Очень многие из них подвергаются экзаменам, сообразно предписаниям Конфуция, и исполняют обряды государственной религии; сделавшись мандаринами, они не отказывают приносить публичные жертвы в честь гениев, покровителей страны. Однако, дух религиозного прозелитизма еще далеко не исчез: хой-хой стараются держаться особняком от языческого населения, и муллы их энергически противодействуют заключению браков мусульманских девушек с маньчжурами или китайцами, тогда как они охотно позволяют и даже поощряют покупку китайских женщин магометанами. Будучи все суннитами, хой-хой делятся на две секты, шафиев и аземов; но пред лицом язычников они проявляют полное единение и солидарность: во время последнего восстания всякие религиозные споры и разногласия были забыты, все последователи обеих сект, и богатые, и бедные, одинаково несли свои пожертвования к имамам той и другой обрядности. Точно также, в Юнь-нани, пантеи действовали в союзе со многими племенами мяо-цзы, живущими в горах: ненависть к маньчжурам соединила во-едино магометанам и язычников.

Первое восстание было в Юнь-нани; оно было вызвано соперничеством материальных интересов, обнаружившимся в одном горно-заводском округе, где китайцы и магометане работали отдельными группами. То там, то сям происходили вооруженные схватки, в которых победа обыкновенно оставалась за последними, и, чтобы положить конец этим смутам, мандарины замыслили план всеобщего истребления магометан. Один майский день 1856 года был назначен для поголовного избиения, но меры приведения этого плана в исполнение были худо комбинированы, и мусульмане держались на-стороже. Там, где они жили в очень малом числе, большая часть их была перерезана; но в других местах они сопротивлялись с успехом, и даже им удалось овладеть богатым городом Да-ли-фу, первоклассной крепостью, откуда они поспешили установить постоянные торговые сношения с Бирмою, чтобы доставить себе этим путем оружие и боевые припасы. В 1860 году, после четырехлетней борьбы, они заняли даже Юнь-нань-фу, главный город провинции того же имени; но затем вожди восстания, сделавшись важными особами, подкупленные китайским правительством, обратили оружие против своих единоверцев. Междоусобная война продолжалась еще тринадцать лет после того, и окончилась избиением тридцати тысяч мусульман на улицах города

1 Emil Rocher, „La Province chinoise de Yunnan“

2 F. von Richthofen, „Lettre a la Chambre de commerce de Changhai“.

Да-ли-Фу: едва несколькими сотням пантеев удалось спастись и найти себе убежище в Бирме¹.

В северном Китае восстание вспыхнуло только в 1860 году и началось избиением китайцев в Хуа-чжоу, лежащем к востоку от Си-ань-фу, главного города провинции; но этот последний город, благодаря своим каменным стенам, устоял против нападений хой-хоев. Везде, куда являлись инсургенты, китайцы и монголы, охваченные паническим страхом, убегали в горы или в пустыню, или даже позволяли резать себя, как баранов. В провинциях Шэнь-си и Гань-су дело истребления и разрушения велось магометанами с беспощадной

Домашний алтарь.

яростью: бывали случаи, что главы семейств сами убивали своих жен и детей, чтобы всецело посвятить себя священной войне². В бассейне реки Вэй не осталось ни одной деревни, все было стерто с лица земли; даже подземные жилища, устроенные в пещерах, были обращены в развалины посредством взрывания скал. За исключением христиан, все сельские жители, не успевшие спастись бегством, были перебиты; захваченных в плен сжигали на кострах; даже стариков и малолетних детей безжалостно умерщвляли: общее число погибших во время этой страшной резни нужно считать миллионами. В некоторых округах путешественник

1 Emil Rocher, цитированное сочинение.

2 Гейнс, „Известия Русск. Географ. Общества“, июнь 1866 г.

не без удивления встречает там и сям уцелевшее жилище, пощажненное дунганским разгромом³; если бы некоторые большие города не были защищены своими крепкими стенами, неодолимыми без помощи пушек, северные и западные провинции Срединного царства были бы совершенно очищены от их китайских жителей. Край казался окончательно потерян для империи, но недостаток общего плана и согласования действий у инсургентов имел для них роковые последствия. После пятнадцати лет кровавой борьбы, победа досталась тем, которые располагали наиболее дисциплинированными боевыми силами. Китайские генералы отвоевали у дунган сначала провинцию Шэнь-си, затем провинцию Гань-су и, взяв обратно военные посты в Небесных горах, легко могли рассеять последние шайки мятежников в пустынях Чжунгарии. Таким образом продолжительное восстание магометан окончилось одинаковым образом на обеих оконечностях Китая: перевес остался на стороне императорских армий. Но, хотя и побежденные, поклонники Аллаха все еще составляют великую силу в Центральной империи, и некоторые писатели предсказывают—немного рано, если принять в соображение недостаток религиозного рвения у китайцев,—что магометане сделаются современем, благодаря своему духу солидарности и своей крепкой общинной организации, властителями народов на крайнем Востоке⁴.

Христиане, поселившиеся в одно время с мусульманами на китайской территории, гораздо менее многочисленны, и по сравнению с последними, влияние их может считаться ничтожным. *Хотя история не сохранила положительных данных о первоначальном проникновении христианства в Китай, но можно с большой вероятностью утверждать, что первыми христианскими проповедниками в этой стране были несторианцы. Прибытие несторианцев в Китай относят к началу VI века. Так известно, что монахи, привезшие в 551 году шелковые коконы из Китая в Константинополь, были несторианцы. Единственным памятником деятельности несторианских христиан в Срединной империи служит известная мраморная плита, найденная в 1625 г. в городе Си-ань-фу в Шэнь-си*. Камень этот, часто посещаемый католическими миссионерами, вероятно, был разбит во время восстания тайпинов, так как Вильямсон видел его еще в 1867 году, но Рихтгофен не нашел уже его во время своей поездки в провинцию Шэнь-си, в 1872 году. Тем не менее не может быть ни малейшего сомнения насчет подлинности этой надписи, которую синологи часто воспроизводили, по причине важности текста и изящества знаков или букв; прекрасная копия этого исторического памятника выставлена в парижской национальной библиотеке. На плите этой выгравировано восхваление христианства, озаглавленное: «Апология распространения православной религии в Китае, с предисловием: сочинение Цинь-цина, монаха Сирийской церкви»⁴. По сказанию этого камня, в 635 году один миссионер из Сирии, по имени Олопенн, проник в Китай с святыми образами и священными книгами, и три года спустя он получил позволение построить церковь в Сиань-фу. *Надпись эта, вызвавшая в свое время многочисленные комментарии синологов, ясно показывает, что христианская религия уже в VII веке пользовалась в Китае некоторым значением, и что несторианцы занимали не последнее место среди других китайских религиозных сект. Впрочем, положительных сведений об несторианцах и о судьбе христианских общин не сохранилось. Путешественник Марко Поло подтверждает предположение о раннем существовании христианства в Китае*.

В настоящее время между христианами Китая не существует более представителей несторианской секты. Уйгуры, татары и разные другие северные инородцы, исповадавшие западную религию, перешли в магометанство, вероятно, в эпоху Тамерлана, и это именно потомки несториан, под именем дунган, недавно наводили страх на китайцев и подвергали опасности целостность империи. *Начало католической пропаганды в Китае относится к концу VIII века.

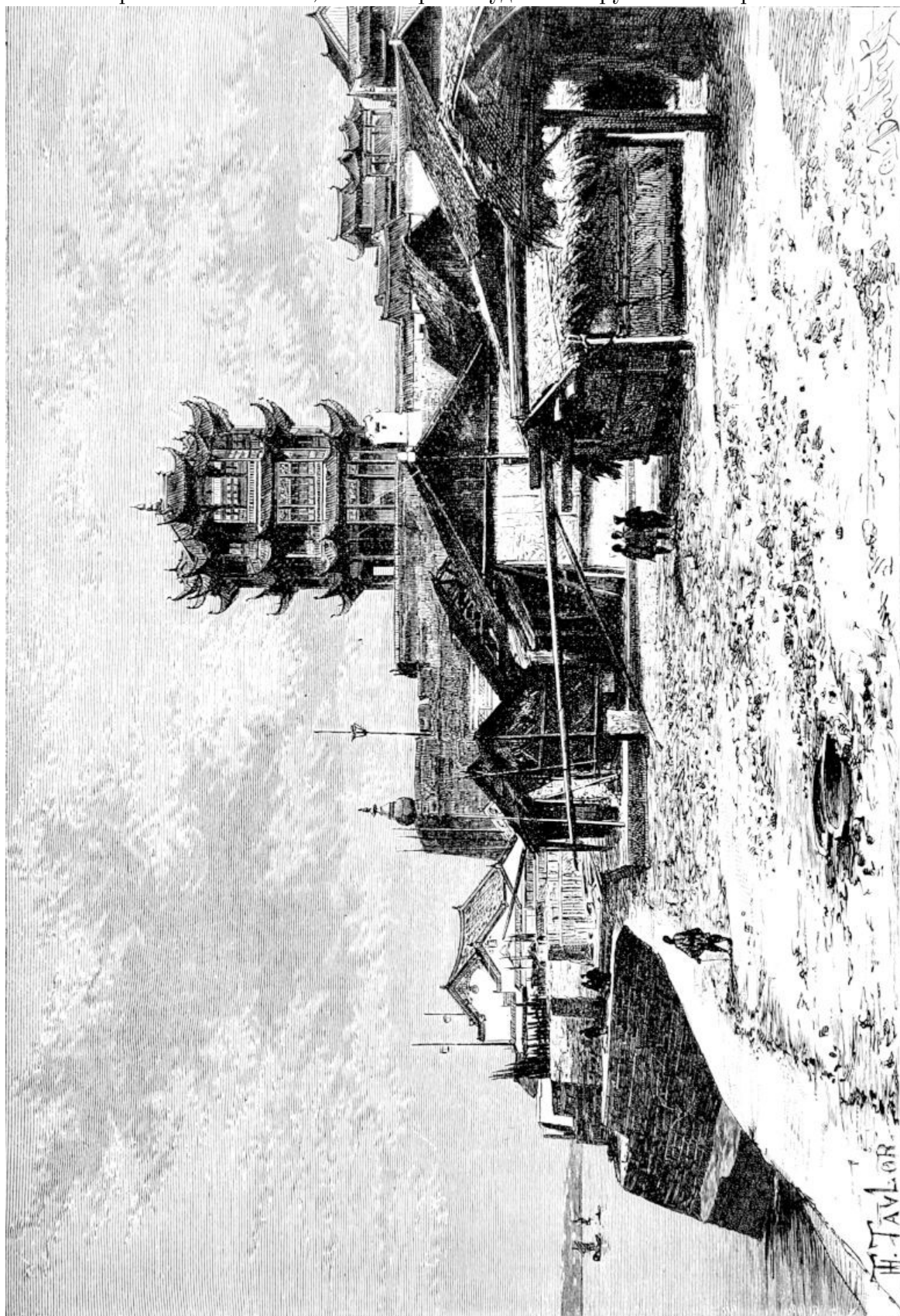
3 Д-р Пясецкий, „Путешествие в Китай в 1874 и 1875 годах”.

4 Проф. Васильев, „История китайской литературы, во Всеобщей истории литературы”

4 The Middle Kingdom, v. II, p. 275. Отдел о введении и распространении христианства в Китае изложен у Реклю слишком кратко. В настоящем издании этот отдел значительно увеличен и пополнен. Материалом для этого послужило известное сочинение Коростовцева, „Китайцы и их цивилизация”, кроме того книга Путятты и мн. др. источник

Примеч. ред.

Первая попытка организовать правильное миссионерство сделана была папою Николаем IV, приславшим монаха Монтекорвино в 1291 году. Несмотря на оппозицию несторианцев, боявшихся потерять свое влияние, Монтекорвино удалось заручиться покровительством богдо-

У-чангъ фу, башня «Желтого журавля».

хана Хубилая, который разрешил ему построить церковь и заняться проповедью. В 1307 году Монтекорвино был назначен архиепископом китайской церкви, и в помощь ему из Рима были присланы семь епископов. История гласит, что деятельность первых католиче-

ских миссионеров была плодотворна и что во время Монтекорвино число обращенных в Пекине достигало 30 тысяч. Преемником Монтекорвино был архиепископ Николай. О деятельности католиков в XIV и XV веках сохранилось мало подробностей, известно лишь, что миссионеры действовали весьма успешно не только во внутреннем Китае, но и на окраинах среди монгольских кочевников.* Наконец, итальянский иезуит Руджиеро, переодетый китайцем, пробрался в 1581 году в город Кантон, а в следующем году его примеру последовал знаменитый Риччи, светский человек и тонкий дипломат, который, благодаря своим обширным познаниям, сумел понравиться вельможам, и который кончил тем, что жил при дворе, как пенсионер императора. *В 1582 г. иезуитским миссионерам Михаилу Руджиери и Матвею Риччи удалось получить от губернатора Гуандунской провинции разрешение приобрести землю для устройства церкви и миссии. Дабы не навлечь на себя подозрения мандаринов, эти проповедники действовали с большою осторожностью и постепенностью. Когда дела основанной им христианской общины стали процветать, Риччи постарался заручиться покровительством местных сановников, и, при их содействии, перенес свою деятельность в Нанкин. Нужно заметить, что пропаганда Риччи и его сотрудников не имела исключительно религиозного характера; в своих проповедях, они касались и научных предметов, преимущественно физики и астрономии. В Нанкине Риччи завязал сношение с одним из влиятельных евнухов богдоханского гарема и через его посредство добился приглашения в Пекин, где вскоре нашел влиятельных покровителей при дворе. Богдохан Ванли назначил ему вспомоществование и позволил его помощникам и единоверцам поселиться в столице; Риччи успешно повел пропаганду, работая не только среди простого народа, но также среди образованных конфуцианцев, из коих многие сделались его последователями. Особенную ревность проявил к христианству мандарин Сю, получивший имя Павла, и его дочь Кандида. Не довольствуясь пассивным исповеданием новой веры, семейство Павла приняло участие в пропаганде и занялось делами благочестия и благотворительности. Кандида за совершенные ею добрые дела была удостоена титула «добродетельной женщины». Впоследствии она и её отец были канонизированы и причислены к народному пантеону. Миссионерское учреждение Сикавей (деревня рода Сю) близ Шанхая находится на земле, когда-то пожертвованной названным Сю своим духовным наставникам*. Миссионеры-иезуиты, продолжавшие дело Риччи, умели, по большей части, подобно ему, приобрести благоволение государя и делали многочисленных прозелитов между высшими сановниками империи; впрочем, они действовали с большим тактом и остерегались осуждать безусловно обряды, которые китайцы считали священными, особенно обряды культа предков; они допускали даже приношения цветов и фруктов и жертвы в честь теней усопших, видя в этих церемониях только свидетельства сыновнего почтения. Домиканские миссионеры, прибывшие в Китай около конца семнадцатого столетия, стали, напротив, порицать, эти религиозные акты, как обряды идолопоклонства, и, подобно тому, как это случилось в Южной Америке, два духовные ордена вступили по этому поводу в открытую вражду между собой. Булла папы Климента XI, изданная в 1715 году, осудила образ действия иезуитов, и с этого времени китайские неохристиане должны не только исповедывать католическую веру, но еще и отречься от традиционных обычаев своего отечества. Оттого случаи обращения туземцев в христианство стали относительно редки; большинство обращенных принадлежит к низшим классам общества, которых бедность освобождает от обязанности совершать похоронные церемонии; кроме того, дети, принятые патерами во время войны или голода, или даже купленные у бедных родителей, воспитываются в правилах католической веры; вот каким образом вербуется «крещеный» люд в Срединной империи. «С сотней франков, данной нашим крестителям, говорит епископ Перрошо, мы можем переродить по малой мере три или четыре сотни детей, из которых две трети почти тотчас же возносятся на небо»¹.

По данным «*Annales de la Foi*», пропаганда христианства после 1820 г. шла довольно успешно, как о том свидетельствует цифра обращенных и духовенства. В 1820 г. в Китае

1 „*Annales de la propagation de la foi*“, mai 1851.

было 6 епископов, 80 туземных священников и 215.000 обращенных. В 1841 г. насчитывают уже 12 епископов и 400.000 обращенных. В Сы-чуани, кроме того, было 54 школы для мальчиков и 114 школ для девочек. Согласно сведениям «Hongkong Catholik Register» в 1881 г. в Срединной империи было 40 слишком епископий, 664 миссионера, 559 туземных священников, 34 монастыря с коллегиями при них и свыше миллиона обращенных. За последние 15 лет цифры эти изменились, вероятно, немного, но район деятельности католических миссий распространился почти на все провинции империи. Кроме китайцев, получающих образование в католических миссионерских школах, значительное число китайских юношей воспитывается в Риме, в коллегии «Propaganda fidel».

Увеличение числа христиан происходит не столько от обращения язычников, сколько от естественного прироста в среде китайцев-христиан. Китайцам-католикам разрешен брак с язычницами, но под условием, что жены их примут католичество и дети их будут окрещены*¹.

Протестантские миссии, недавнего происхождения, появились в Китае только в 1842 году, после нанкинского трактата, и только в пяти приморских портах, которые правительство открыло европейской торговле. *Первым протестантским миссионером был Роберт Мориссон, служивший переводчиком в Ост-Индской компании. Благодаря поддержке компании этому миссионеру удалось перевести и напечатать евангелие и другие священные книги. Хотя Мориссон был скорее ученый теоретик, чем пропагандист, значение его как миссионера несомненно. Своими научными трудами он подготовил почву и облегчил деятельность своих первых преемников—Мильна, Гуцлафа, Медхерста, Паркера и др.* С 1860 года миссионеры этого вероисповедания постепенно распространились во всех частях империи, включая Тибета и восточного Туркестана; они проникли даже в Монголию и Маньчжурию. В 1877 году в Китае действовало около пятисот протестантских миссионеров, принадлежащих к 25 отдельным миссионерским обществам. Число обращенных достигало 14.000, в настоящее время в Китае имеется не менее 1.500 протестантских миссионеров разных национальностей и около 50.000 обращенных; школы, мастерские, госпитали, приюты, церкви и часовни насчитываются сотнями. Самыми крупными протестантскими миссиями считаются «The China Inland Mission», «The London Mission» и «The Methodist Episcopal Mission»*. В округе Нин-бо буддийские секты, воздерживающиеся от употребления в пищу мяса животных, доставляют протестантам наибольший контингент их прозелитов². Торговля опиумом, навязанная Великобританией Китаю, есть одна из главных причин относительной безуспешности пропаганды протестантских миссионеров в Срединной империи; обитатели этого царства задают себе вопрос, может ли та же самая нация, которая отравляет их своими зельями, улучшить их нравственно своими вероучениями³. При том христианские духовные лица всех вероисповеданий должны терпеть невыгоды, происходящие от соседства других европейцев, и стараются держать своих обращенных как можно дальше от иностранных общин других обрядностей. Католические миссионеры обучают своих верующих только церковной латыни, дабы они не соблазнялись читать нечестивые книги, а протестантские миссионеры остерегаются учить обращенных английскому языку из опасения, чтобы они, выучившись, не сбежали с целью отправиться зарабатывать себе средства к жизни в качестве толмачей в портах, открытых торговле европейских наций⁴. Как выразился императорский указ, обнародованный в официальной «Пекинской газете»: «два сорта чужеземцев претендуют на роль преобразователей Китая. В то время, как одни внушают нам любить ближнего как самих себя, другие учат нас убивать того же ближнего с больших расстояний, без опасности для нас самих, и заставляют нас покупать их ружья, преисполненные смертоносных усове-

1 В 1898 году в Китае состоит 3.930 католических церквей, при которых состояло 759 европейских миссионеров и 409 туземных священников, 49 семинарий, 2.913 школ. В одной Маньчжурии насчитывается 21.830 ч. католиков. *Примеч. ред.*

2 Christbieb, „Mission evangeliques“.

3 Medhurst, „The Foreigner in far Cathay“.

4 A. Williamson, „Journey in North China, Manchuria, and Eastern Mongolia“.

шенствований».

*С самых первых шагов своих в Китае протестантские миссионеры в деле евангелизации язычников стали придерживаться отличной от католиков системы. Эти особенности протестантской системы сохранились и в настоящее время. Протестанты, заботясь более о нравственном и культурном преуспевании своих духовных чад, чем о спасении их душ, направляют свои усилия на распространение общепользовных знаний и профессий, ремесл и искусств путем печати и обучения, и занимаются устройством школ и госпиталей. Для обсуждения дел, имеющих общий интерес и для возбуждения новых вопросов, протестанты всех толков и национальностей организуют съезды и совещания, публикуют отчеты, журналы и газеты. Способы и приемы протестантских миссионеров в некоторых отношениях представляют полный контраст с приемами и манерою католиков. Последние действуют по старой, испытанной методе. Католические миссионеры редко проникают в народную среду, будь то для проповеди, лечения или для раздачи душеспасительных книг, и вообще не входят в непосредственное общение с массою, предоставляя евангелизацию туземным катехизаторам. Они, кроме того, редко тратят свои усилия и труды на посторонних язычников, предпочитая действовать в интересах лишь своей паствы. Католики стараются не только привязать новообращенных, но сделать их зависимыми, для чего исключили из своей образовательной программы новые языки и практические знания, между тем, как протестанты делятся своими знаниями со всеми желающими, хотя бы то были язычники. Благодаря знанию европейского языка, китаец, побывавший в протестантской школе, имеет возможность выбрать самостоятельную профессию и вообще утилизировать приобретенные сведения. Вообще воспитаннику протестантов легко найти хорошо оплаченную должность компратора (торговый приказчик), счетчика, бухгалтера или переводчика в китайской или европейской торговой фирме.

Представители двух религий, действующих в Китае, различаются не только по методам пропаганды, но и по внешнему виду. Католики носят китайский наряд и косу, протестанты же одеваются в обыкновенное платье. По мнению протестантских миссионеров, сохранение европейского платья лучше отвечает целям пропаганды и вообще удобнее. С некоторыми из их доводов нельзя не согласиться. Миссионеру, одетому в европейский костюм, легче привлечь внимание толпы, то-есть собрать большее число слушателей, другими словами, наружность его, является чем-то в роде рекламы, привлекающей всеобщее любопытство. Католический патер, не произносящий уличных проповедей и не раздающий религиозных брошюр, не нуждается в привлечении внимания толпы. Противники китайского наряда находят, что иностранец, облачающийся в курму и отпускающий косу, как бы утрачивает свою самоличность, ибо старается поддаться к вкусам людей, которых пришел просвещать и которых считает ниже по развитию и образованию. Чтобы носить китайское платье и не казаться мешковатым, нужна долговременная практика, не говоря о том, что коса идет лишь некоторым типам,—китаец же с белокурою косою, то-есть иностранец, привлекает больше внимания, чем протестантский миссионер в солнечном шлеме и сюртуке.*

Трудно произнести общее суждение о нравах и народном характере китайцев и определить истинное место «детей Хань» между цивилизованными нациями. Большинство путешественников привыкли рисовать их в смешном каррикатурном виде. Почти принято за правило, что о людях Небесной империи,—как их называют, по незнанию,—нельзя говорить, без того, чтобы не представлять их с смешных сторон, или даже без того, чтобы не преувеличить их странностей. Так велика сила этого предразсудка, что большинство западных людей не могут вообразить себе обитателя берегов Голубой реки иначе, как в форме уморительного «китайца ширм», с размеренными движениями и с вечной улыбкой на устах. Что касается миссионеров, то опасности, которым они иногда подвергаются, и повседневные сношения, которые они имеют с народом, конечно, обязывают их относиться к нему более серьезно; но, являясь в качестве обратителей на путь истинной веры, они повсюду видят грех и вообще описывают китайцев, еще «пребывающих в язычестве», как существа униженные и

погрязшие в пороках. Другие,—и таких всего больше,—привыкают мало-по-малу к своей новой среде и в конце концов натурализуются китайцами; по выражению Гарнье, «Срединное царство приобретает в них новых граждан». Некоторые миссионеры, сохраняя свою западную цивилизацию, проникаются любовью к нации, среди которой они живут, и склонны признавать за нею некоторого рода нравственное превосходство. Так, в прошлом столетии, восторженные описания Срединной империи, присылаемые в Европу миссионерами-иезуитами, доставили китайцам репутацию мудрости и добродетели, которая вовсе не оправдывается их историей. На основании этих панегириков европейские писатели любили выбирать свои примеры в этом новом для них мире восточной Азии и находили удовольствие сравнивать китайцев, взятых за образец, с так-называемыми цивилизованными народами Запада.

Весьма естественно, что сравнивая себя с «западными варварами», китайцы приписывают себе превосходство, если не в отношении индустрии, то, по крайней мере, в отношении истинной гражданственности. И действительно, если судить по внешним признакам народа, по его наружности, то, пожалуй, можно согласиться уступить ему это первое место, на которое он предъявляет притязания. Нигде вежливость обхождения, приветливость и сердечность не распространены более во всех классах общества, чем в Китае; нигде толпа не откликается скорее на призыв, обращенный к человеческому достоинству. Китайцы от природы сдержанны, внимательны, доброжелательны; они чувствуют себя солидарными между собою. «Люди четырех морей все братья»¹, говорят они обыкновенно, и ровесники по летам любят называть друг друга этим именем. Европейские путешественники могли проехать из конца в конец самые многолюдные провинции империи, Ху-бэй, Сы-чуань, не имев никогда повода пожаловаться на какую-либо грубость или даже оскорбительный жест со стороны туземцев; правда, что в других провинциях, каковы: Юнь-нань, Хэ-нань, Гуань-си, любопытство толпы очень часто доходит до назойливости; но в таких случаях, чтобы заставить уважать себя, достаточно отдалиться под покровительство какого-нибудь старика². Среди масс народа, которые толпятся на улицах больших китайских городов, никогда не встретишь пьяных; нужно посетить европейские «концессии» (так называются земли или места, уступленные под колонии), в портах, открытых иностранной торговле, чтобы присутствовать при сценах буйства, да и там вина падает не на туземцев. Но где особенно китайский характер выражается с выгодной стороны, так это в школах. Никогда, можно сказать, воспитанники не позволяют себе нарушить порядок почти религиозный, царствующий в классах, или небрежно приготовить заданный им урок. Они показывают себя на школьной скамье такими, какими они будут во всю жизнь, послушными, трудолюбивыми, неутомимыми; серьезные не по летам, они, тем не менее, веселые и резвые. Китайские дети не заливаются таким громким, неудержимым смехом, как монгольский ребенок, но за то они не дадут увлечь себя чувством гнева, как он: они уже имеют полное сознание своего достоинства людей цивилизованных³.

Слабое развитие индивидуальной инициативы—вот черта, по которой китаец, кажется, действительно стоит ниже европейца. Без сомнения, очутившись лицом к лицу с трудностями жизни, он сумеет, не хуже любого француза или англичанина, придумать средства, как завоевать себе благосостояние; но в своей борьбе за существование он будет сообразоваться больше с рутинными привычками; он рассчитывает, чтобы восторжествовать над судьбой, не столько на смелость, сколько на пассивное сопротивление. Обыкновенно китайцы не имеют высшего честолюбия, как о том свидетельствуют народные поговорки и правила обыденной морали и житейской мудрости. Приключения, резкая перемена жизни им не нравятся. Ни один народ не имеет так мало воинственных песен и не прославляет с таким постоянством искусства мира, особенно труд земледельца, спокойно ходящего за плугом по бороздам паш-

1 Dennys, „Folklore in China”.

2 Simon, „Recits d'un voyage en Chine”.

3 Davis;—Milne;—Doolittle;—Williamson;—Simon;—Коростовцев.

ни. «Когда мы отправились в путь-дорогу,—растения уже пускали ростки;—когда же мы вернулись домой,—они были увядшими и засохшими. Путь долог, пища скудна!—Сколько незаслуженных несчастий,—с той поры, как я должен был поступить в ряды войска,—покинув плуг и родные поля!» Таковы слова, которые печально напевает китайский поселянин, вместо пылких строф, которые повторяют хором жители Запада. Вообще это в высшей степени любопытное явление, когда мы встречаем национальную поэзию, прославляющую главным образом мир и тишину, умеренность, правильный труд, мирные привязанности. Эта поэзия не лишена ни благородства, ни глубины, и некоторые произведения её выражают чувство или мысль самым поразительным образом; но редко бывает, чтобы личное вдохновение высказалось в ней вполне, всецело: тысячи требований относительно формы, условные

Типъ и костюмъ. — Ученый китаецъ.

сравнения, уснащение речи ходячими правилами морали, старательная скромность языка так хорошо замаскировывают идею, что нужно все искусство комментаторов, чтобы отыскать ее. По естественной эволюции своего ума, китайские писатели дошли даже до того, что стали смешивать поэзию с моралью, облеченной в стихотворную форму, стих превращается у них в присловье, в нравоучение, и иную поэму можно рассматривать скорее, как трактат об этике. Китайскому поэту недостает личного идеала: он как будто говорит всегда от имени семьи или народа.

Известно, впрочем, что в китайском обществе семья гораздо крепче сплочена, нежели в западных странах. Вся нация, которая встарину носила название «Ста семей», считается как бы составляющею одно многочисленное семейство, где общественные обязанности в действительности суть не что иное, как обязанности сына в отношении отца. Вся китайская нравственность вытекает из сыновнего почтения, и правительство Срединной империи есть в сущности только расширение отеческой власти; оно представляет в некотором роде па-

леонтологический остаток древнего патриархального понятия общества. Как устанавливает священная книга Сяо-цзин, завещательное творение Конфуция, сыновнее почтение составляет основание общества. Предписываемые учителем «пять непреложных правил» определяют отношения отца и детей, царя и подданных, мужа и жены, стариков и молодых людей, друга к другу, между которыми тоже существует взаимная подчиненность. Все проистекает из естественной власти отца и повиновения сына, утвержденных и освященных преданиями и законами. Таково главное начало, которое в течение тысячелетий удерживало в связи разнородные элементы китайского общества, и которое создало из него прочное иерархическое целое. Но по этой же причине социальные преобразования сделались там более трудно осуществимыми и при проведении их сопровождалась более ожесточенной, более кровавой борьбой. Китаец менее, чем европеец, понимает мораль свободы, той, которая дает каждому отдельному человеку его собственную, независимую цену, в окружающем его обществе. Одна только семья признается обладающей политическими правами в государстве; в былые времена, когда правители советовались с народом, голоса считались по семьям, и теперь еще, когда дело идет о муниципальных вопросах, один только глава семейства идет подавать голос. Всякий другой способ подачи голосов показался бы преступлением, ибо отец, император своего семейства, почитается выразителем мыслей и чувств всех своих домочадцев; он может гордиться их добродетелями, требовать себе награды за их заслуги, но он же несет ответственность за их пороки и должен быть наказан за их провинности. Великие дела сына облагораживают отца и весь род, всех предков; и наоборот, преступления потомков унижают предыдущие поколения. Эти патриархальные нравы, предоставляющие родителям неограниченную власть и обязывающие детей к безусловному послушанию и беспредельной преданности, имеют такую силу в Китае, что порождают там обычаи, неизвестные ни в какой другой стране мира. Простой удар, нанесенный сыном отцу или матери, приравнивается к отцеубийству и наказывается смертью. В местностях, где царствует большая бедность, часто бывали случаи, что молодые люди добровольно вызывались подвергнуться смертной казни, в качестве заместителей богатых осужденных. Они зарабатывали таким образом несколько тысяч франков, которые позволяли им обогатить свою семью. Так как закон требует только одного, искупления содеянного преступления, то блюстителям его мало дела до имени жертвы; лишь бы только упала голова с плеч, правосудие удовлетворено. Добрые сыновья, умирающие таким образом от руки палача, благословляемые своими родителями, расстаются с жизнью, исполненные неизреченного счастья от сознания, что им удалось исполнить сыновний долг в высшей степени его проявления.

В похоронных церемониях при погребении родителей, и преимущественно отца, обычай требует от детей публичного доказательства их горести. Старший сын, главный наследник и глава семейства или, за неимением его, его первенец или его приемный сын, должен удерживать, прикрепить одну из душ усопшего в памятной табличке, перечисляющей его добродетели, должен курить ладаном перед его тенью, облегчить ему дорогу, снабдив его в изобилии деньгами из бумаги и подобиями золотых или серебряных слитков, равно как одеждой, лошадьми, служителями, джонками, тоже из бумаги, изображением всего, чего только может пожелать покойный на том свете. Траур продолжается три года, двадцать семь месяцев для официальных лиц, и бывают случаи, что во все время этого длинного срока, обнимающего значительную часть жизни, сыновья хранят у себя дома труп своего отца, приседая днем на скамейке, а ночью ложась спать на камышевой циновке подле гроба. В продолжение траурного периода китайцы должны воздерживаться от употребления мяса и вина; вместе с тем обычай запрещает им показываться в каком бы то ни было общественном собрании: официальная жизнь, так сказать, приостанавливается для них. Если покойный не запасся заранее благовременно гробом, который украшает большую часть китайских домов, то старший сын должен купить гроб такой богатый, как только позволяют его достатки, и указывают, как достойные всяческой похвалы и подражания, примеры добродетельных молодых людей, которые продавали себя в рабство, чтобы только купить красивый гроб своему родителю. Обычай требует также, чтобы смертные останки усопших переносились в родной край, в места

происхождения: но так как затруднительно было бы предпринимать эти экспедиции, иногда очень дальние, по одиночке, то почти всегда выжидают, пока наберется достаточное число гробов, чтобы составить большие караваны. Вот почему, кроме кладбищ и аллей постоянных гробниц, в Китае увидишь во многих местах, преимущественно на высотах, временные некрополи, селения мертвых, заключающие только похоронные урны или гробы, которые все изящно украшены эмблематическими рисунками, представляющими цветы, птиц, музыкальные инструменты¹. Известно, что китайцы, умирающие на чужбине, тоже завещают перевести их кости в отечество, и что для перевозки мертвых тел зафрахтовываются особые суда на средства обществ взаимного вспомоществования, к которым принадлежали покойники. Специальный храм принимает поминальные таблички предков и таблички несчастных умерших, не имевших детей, которые могли бы воздать им последние почести. Каждый год, в мае месяце, посетители, одетые все в белом,—цвет большого траура,—приносят на мо-

Китайскія дѣти.

гилки и в поминальные храмы цветы, плоды и другие приношения, на которые тотчас же слетаются птицы, гнездящиеся на окружающих деревьях. В этих священных местах, где иногда встречаются тысячи людей, принадлежащих ко всем классам общества, нет различия рангов и званий: один только возраст определяет первенство. Простые крестьяне, поденщики по большей части хорошо знают историю своего семейства, из поколения в поколение, за целые столетия назад, и могут не только сказать имена прапрадедов, но и перечислить все дела, дающие им право на память их потомства; обращая взоры в прошлое, к длинному ряду своих предков, они, так сказать, чувствуют себя бессмертными². Оттого-то несчастные, исключенные из семьи, тем самым поставлены почти вне общества. Главная причина презрения, которое китайцы питают к духовенству, происходит оттого, что эти последние отреклись от уз родства или были проданы в раннем детстве в монастыри; презрение это доходит до того, что они едва считаются за людей.

В Китае не в обычае делать длинные погребальные церемонии для детей, неженатых взрослых, незаконных жен или рабынь. Часто даже бедные родители пускают трупы своих детей по течению реки, бросают их в общие усыпальницы или костняки, или, наконец, просто выставляют перед дверьми своих лачуг, где их подбирают могильщики. При виде этих покинутых маленьких мертвых тел многие иностранные путешественники пришли к оши-

¹ Milne;—Doolittle;—Faivre;—„Lettres edifiantes“;—d'Escayrac de Lauture, etc.

² Eugene Simon, „Recits d'un voyage en Chine“.

бочному заключению и стали приписывать китайской нации якобы общераспространенный обычай детоубийства, особенно убийства девочек. Никогда общественное мнение не разрешало этого преступления, никогда правительство не одобряло и не поощряло его, как это часто утверждали. В полупатриархальном мире Китая многочисленные дети считаются, вместе с материальным довольством и долговечностью, такими вещами, которые обеспечивают отцу семейства «три блаженства»¹; нельзя, однако, отрицать того факта, что выставление детей перед приютами часто практикуется у бедных китайцев некоторых провинций; умерщвление девочек—довольно обыкновенное явление в провинции Фу-цзянь, преимущественно во многих из чрезмерно населенных округов в окрестностях города Амоя; там родители сами берут новорожденного младенца, чтобы умертвить его, погружая в лохань с холодной водой. Крайняя бедность—единственная причина этих убийств, на которые мандарины смотрят сквозь пальцы или ограничиваются тем, что клеймят их позором в прокламациях, которых никто не читает. Невозможность припасти приданое дочерям обрекает их на горькое существование, полное лишений или бесчестия, и родители дают им смерть, как единственное средство избавить их от несчастий жизни, если они не успели продать их в качестве рабынь или будущих жен какого-нибудь мальчика из околицы: в этих случаях продажная цена повышается, средним числом, на десяток франков на каждый год возраста². Мы знаем также, что миссионеры, католические и протестантские, принимают довольно большое число китайских детей в видах увеличения численности и важности своих конгрегаций или духовных общин; но первая причина, тем не менее, продолжает существовать, и нищета все еще берет свои жертвы. В деревнях амойского округа случаи детоубийства, как говорят, имеют место в половине семейств. Иностранцев, посещающих тот край, поражает численное превосходство мужчин над женщинами, и туземцы не скрывают причины, которой должна быть приписана эта разница.

Если детоубийство, строго порицаемое китайскими моралистами³, терпимо в некоторых округах, то безусловное право отца продавать своих детей в рабство уже вполне признается законом. Очень редко, однако, случается, чтобы родители продавали своих сыновей; но весьма большое число девушек обречены на рабство. Богатые семейства владеют иногда несколькими десятками купленных рабынь, и большинство китайских хозяйств, живущих в некотором довольстве, имеют, по крайней мере, одну служанку, принадлежащую им на правах собственности. Контракты о продаже заключаются торжественным образом и обыкновенно на улице, «пред лицом Неба». Впрочем, эта крепостная зависимость для женщин бывает лишь временная, так как владелец обязав найти своей рабыне мужа, и тогда она переходит под другие законы. Рабы мужеского пола также могут требовать, до тридцатилетнего возраста, чтобы господин женил их, и сделавшись главами семейства, они передают крепостное состояние только части своего потомства: дочери отпускаются на волю, тогда как для детей мужеского пола рабство продолжается до четвертого поколения. Тем не менее с рабами почти всегда обращаются так же, как с другой вольнонаемной прислугой, и иностранцы не делают никакого различия между ними и свободными людьми. Рабы имеют право учиться в школах, держать экзамены, поступать на государственную или общественную службу, и владелец должен тогда позволить им откупить на волю самих себя и все свое семейство. Что касается замужних женщин, то мужья могут продавать их только как жен, но не как рабынь⁴.

Один вещественный признак так же, как законы и обычай, свидетельствует о подчиненном положении, в котором держатся женщины в Китае: этот признак—уродование ног, которому должны подвергаться многие миллионы девушек, даже между теми, которые предначинаны к трудовой жизни. Локгарт указывает на 925 год как на эпоху, к которой относится

1 Milne, „La vie réelle en Chine“, trad. Tasset.

2 Doolittle, „Sociat life of the Chinese“.

3 Amiot, „Memoires concernant les Chinois“.

4 Doolittle, цитированное сочинение.

начало этого обычая¹; но, вероятно, последний распространялся очень медленно, так как Марко Поло и другие средневековые путешественники не упоминают о нем; теперь он сделался до такой степени господствующим, что в северных провинциях Китая, исключая Пекина, почти все женщины подвергаются уродованию, даже те, которые копают землю заступом и носят тяжести. Напротив в южном Китае, в Сы-чуане и в Маньчжурии крестьянки совершенно освобождены от этого обычая, да и в городах можно считать между женщинами около двух третей таких, которые не уродуют себе ног; но кажется, что странная мода из году в год увеличивает число своих жертв². Одни только маньчжурские дамы обязаны достоинству своей расы привилегией, позволяющей им не сообразоваться с нравами побежденной нации; однако, и они подражают ей, нося обувь, которая заставляет их ходить на кончике ноги, и которая бывает причиной многочисленных несчастных случаев и важных болезней. Уродование женской ноги сделалось для современных нам китайцев отличительным признаком принадлежности к «хорошему обществу», и ни одна молодая девушка не может надеяться вступить в эту высшую касту, если она не подвергалась пытке, требуемой судьями женской красоты, чтобы превратить свою ногу в «золотую лилию»; даже те из родителей, которые осуждают этот варварский обычай, тем не менее подвергают пытке своих дочерей, дабы не обрекать их почти неизбежно на безбрачие. Обыкновенно на пятом, или шестом году девочкам туго стягивают повязками ступни ног, чтобы согнуть большие пальцы, изогнуть в виде дуга подъем ноги, задержать развитие мускулов: нужно, чтобы башмак, расположенный таким образом, что этот обрубок ноги казался в нем еще меньше, чем он есть на самом деле, достигал только семи с половиной сантиметров в длину; самая голень участвует в атрофии, искусственно вызываемой с раннего детства, и образует, вместе с ступней, прямую спицу без икры³; впрочем употребляют весьма различные способы в разных частях империи⁴. Окончательно искалеченная женщина «хорошего общества» не в состоянии более поднимать тяжести, не может даже заниматься какой бы то ни было трудовой работой; правильная походка стала для неё невозможной; она принуждена подвигаться вперед быстрыми и не твердыми шажками, шатаясь и помогая себе руками, как балансирным шестом: это поступь, которую поэты сравнивают с колебаниями ивы, качаемой зефиром⁵. Понятно, как много эта искалеченность увеличивает зависимость женщины в домашнем быту; впрочем изуродованные деревенские женщины работают без заметной усталости наряду со своими мужьями⁶.

В самое последнее время среди китайских женщин, под влиянием миссионерок, начинают раздаваться протесты против этого варварского обычая. В стране образовалось несколько обществ, принявших на себя задачу бороться с ним. Особенно большое участие в этом проявляют протестантские миссионерки, пытавшиеся привлечь на свою сторону даже императрицу⁷.

Отдаленные предания напоминают о существовании безбрачного и бессемейного состояния в древнем Китае: «До времен Фуси, говорят старинные книги, люди знали свою мать, но не ведали, кто был их отец». Со времени же основания китайской семьи, законы и обычай с точностью устанавливают безусловную подчиненность женщины, как дочери и как жены. Обязанная в девичестве обожать своих родителей, она должна, по вступлении в брак, обожать своего мужа. «Если я выйду замуж за птицу, гласит народная пословица, я должна летать за ней; если выйду замуж за собаку, должна следовать за ней всюду, куда она побежит; если выйду за брошенный комок земли, я должна сидеть подле него и оберегать его»⁸. Все свадеб-

1 „The Chinese and Japanese Repository“, vol. I, march 1864.

2 Doolittle, цитированное сочинение.

3 Harmand, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, 1863, tome VI.

4 D'Escayrac de Lauture, „Memoires sur la Chine“.

5 Milne, „La vie reelle en Chine“.

6 Huc, „Empire Chinois“.

7 „The China Herald“ 1897 г.

8 „Un Heritier dans la vieillese“, trad. par. John Davis.

ные обряды, все символические акты помолвки и брака напоминают женщине, что покорность должна быть для неё первой и главной добродетелью. Каково бы ни было поведение мужа в отношении её, ей надлежит безропотно покоряться судьбе и молча повиноваться; она не может прибегать ни к защите своих родителей, ни к защите судей или других представителей власти, чтобы добиться справедливости; самое большое, что она может сделать,—это отправиться в храм, чтобы повесить там, головой вниз, фигурку из бумаги, представляющую её мужа, и помолиться «богине Милосердия», прося ее переменить сердце супруга, которое не на своем месте¹. Знаменитейшая из китайских писательниц, Бань-хой-бань, жившая в первом столетии христианской эры, начертала обязанности женщин в классическом сочинении под заглавием «Семь статей». Она рассказывает нам, что в старину существовал обычай подносить отцу, при рождении дочери, кирпичи и черепицы, «кирпичи потому, что их топчут ногами, а черепицы потому, что они подвергаются всем бурям и непогодам». Жена должна быть ничем иным, как чистой тенью и простым отголоском². Когда муж выбирает себе, обыкновенно между своими рабынями, одну или несколько добавочных жен, законная супруга обязана принять их благосклонно и жить с ними в мире и согласии. Один только муж вооружен правом разрыва брачного союза: не обращаясь к суду, без всякого бракоразводного процесса, он может просто отослать от себя свою жену, даже в том случае, когда единственная вещь, в которой он может упрекнуть ее, есть её болезненное состояние или её болтливость; но когда жена перестанет ему нравиться, он почти всегда предпочитает избавиться от неё посредством продажи, и в этом случае ему достаточно заключить с покупателем домашний договор в надлежащей форме, так как обществу нет дела вмешиваться в эти частные сделки. Наконец, самоубийство вдовы, на могиле мужа еще не совсем исчезло из китайских нравов; но нет примера, чтобы она избирала смерть на костре, как это делают индусские вдовы; китайские жены соединяются с своим супругом в загробной жизни при посредстве опиума или какого-нибудь другого яда, при посредстве голода, самоутопления, но чаще всего при помощи веревки. Они заранее объявляют о своем решении, и тогда со всех сторон приходят родственники, знакомые и любопытные, чтобы ободрять их и восхвалять задуманный ими подвиг³; даже когда они не поддерживаются общественным одобрением, и тогда многие из них добровольно обрекают себя на смерть, или чтобы последовать за мужем в могилу, или чтобы остаться достойными его. Во время экспедиции 1860 года, когда союзные англо-французские войска проникли в Чжилийскую провинцию, тысячи женщин налагали на себя руки из боязни попасть во власть чужеземцев: они ложились в гроб, чтобы ждать там смерти, и действительно умирали⁴. Таким образом, женщина смотрит на себя как на безличное существо, имеющее существование лишь в лице супруга, и если она, тем не менее, пользуется некоторой свободой, если муж редко злоупотребляет своими правами неограниченного господина, то она обязана этим только общей кротости нравов. В честь дев и добродетельных вдов китайцы, из своего рода национальной любезности, воздвигают наибольшее число триумфальных арок за воротами городов; взамен свободы, им жалуют монументы.

Маньчжурка.

1 Mad. Gray, „Chinese Customs”.

2 Amyot, „Memoires concernant les Chinois”.

3 Doolittle, „Society life of the Chinese”.

4 D'Escayrac de Lauture, „Memoires sur la Chine”.

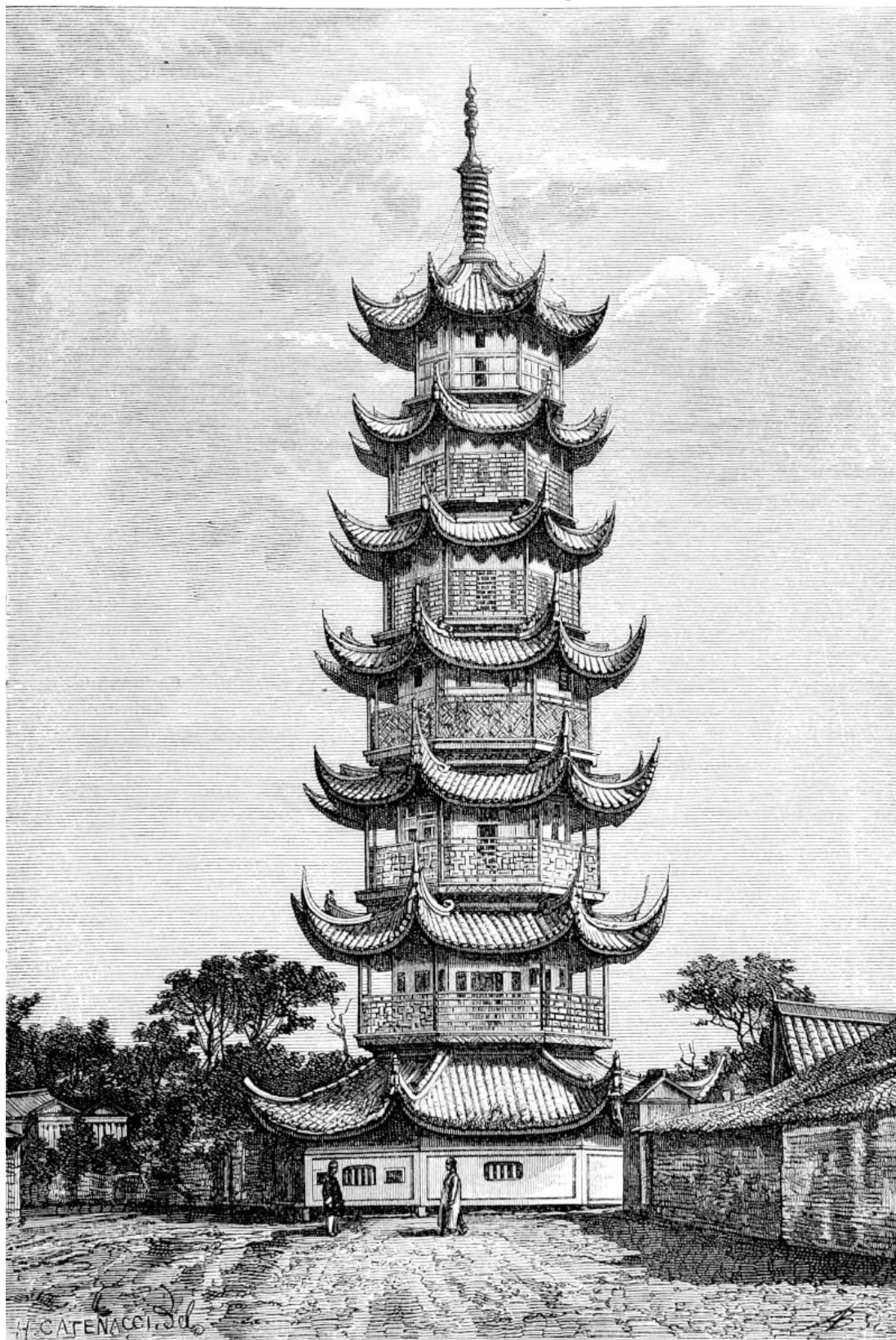
В образованном обществе Китая брак так же, как все другие акты жизни, обставлен бесчисленными церемониями, символический смысл которых вообще остается непонятным, но которые тем не менее считаются необходимыми. «Само небо установило различие церемоний», говорит Конфуций, «и церемонии составляют для нас непреложные законы». Нужно заметить, однако, что «ли» или «церемониал» китайцев обнимает также нравы и все, что отличает цивилизованного человека от варвара. Китаец, уважающий предание, имеет перед собой ясно и подробно начертанные правила, как вести себя, что говорить и делать в каждом религиозном или гражданском празднестве. В каждом из своих визитов или приемов: он твердо знает число поклонов или коленопреклонений, которое требуется в данном случае; он заранее измеряет длину своих шагов, угол наклона своей головы, моргание глаз, интонацию голоса, сладость улыбки. Конфуций, который служит образцом для всей нации, не имел большего развлечения в своей самой нежной юности, как приветствовать своих маленьких товарищей по всем правилам церемониала, установленного для приема самых важных особ, приглашать их садиться, почтительно уступая им первое место, падать ниц вместе с ними и подражать обрядам, которые совершаются при жертвоприношениях в честь предков¹. Китаец имеет право на титул «мудраго» лишь в том случае, если с своими познаниями он соединяет точное знание всего церемониала религиозного и гражданского. «Все добродетели имеют свой источник в этикете», гласит изречение, приписываемое Конфуцию.

Как бы то ни было, несоблюдение этикета составляет ту силу, которая дает необходимый толчок человеческим обществам. Многочисленные перевороты, потрясавшие китайское государство, доказывают, что под этим миром ученых формалистов, полагающих свою радость в повторении правил нравственности и в рисовании их на стенах своих апартаментов, волнуется толпа, которая занимается насущными потребностями, настоятельными интересами жизни, а не одним только исполнением символических церемоний. Борьба за существование, необходимость ежедневного труда не позволяют человеку из народа искать, как этого требует официальная мораль, санкции всех своих поступков в поведении трех императоров Яо, Шунь и Юй. Как говорить одна китайская пословица: «сын походит больше на свой век, чем на отца и мать», а этот век вносит постоянные перемены, если не в классические правила морали, то, по крайней мере в действительную жизнь нации. О Китае говорили, что будто его «преждевременная зрелость истощила его силы», но это неправда; нет расы, которая бы опять поднималась более сильной и более молодой из несчастий, которые, казалось, должны были окончательно подавить ее. Однако отличительные черты национального характера проявляются также и в тех глубоко идущих преобразованиях, которые совершаются в Китае. В Европе преобладающее действие исходит от индивидуумов, временно соединенных между собой; в Среднем царстве влияние «хуй», обществ, сохраняющихся из поколения в поколение, относительно, гораздо более важно. Тогда как на Западе ассоциации, как они ни многочисленны, обнимают только незначительную часть населения, на крайнем Востоке они вовлекли почти всех людей в свой круг деятельности. В китайских городах не найдется, может быть, ни одного жителя, богатого или бедного, именитого гражданина или простого работника, который бы не принадлежал к какой-нибудь общественной группе, учрежденной публично, или действующей в тайне. Даже нищие, «дети цветов», как их называют, и те соединены в ассоциации или артели, имеющие свои уставы, свой специальный кодекс, свои праздники и банкеты.

Гражданские войны, опустошавшие нередко всю центральную область «Цветущего царства», показали, как велико в Китае влияние тайных обществ; они показали также, что произошли глубокие перемены у «детей Хань», и что последние не составляют, как это привыкли повторять в Европе, неподвижной нации, окаменевшей в обожании прошлого; общераспространенное у нас заблуждение, смешивающее китайца и мандарина, было наглядно опровергнуто событиями, да при том и сам Конфуций сказал, что «Закон великой науки состоит в том, чтобы обновлять людей». Тайпинги или тайпины представляли собою новую

1 Amiot, „Memoires concernant les Chinois”.

эволюцию в национальном развитии, и если они не были поддержаны до конца общественным мнением, то это, вероятно, потому, что они слишком смело пустились в новый путь религиозный и политический: слишком мало заботясь о древней национальной династии Ми-

Пагода въ Шанхаѣ.

нов, они не искали в предшествующей истории Китая опорной точки против маньчжурских завоевателей¹. Тайпинский мятеж, как известно, вспыхнул в 1848 году, в эпоху великого ре-

1 Edkins, „Religion in China“.

волюционного потрясения западно-европейских наций; в начале это была простая ссора из-за разногласия по вопросам культа, возбужденная каким-то школьным учителем, но вскоре затем волнение приняло характер общей междусобной войны, в которой религиозные страсти, интересы и взаимная ненависть различных классов общества, все протиположные элементы нации вступили в беспощадную борьбу. Из своего места происхождения, в провинции Гуан-си на Кантонской реке, война постепенно распространилась в разные южные области империи, где стоят лицом к лицу хакки и пунти, затем она охватила земли по течению Голубой реки, проникнув туда через большие торговые дороги, и разлилась на север до самых ворот Тянь-цзиня. С 1851 года было основано государство «Великого мира» (Тай-пин), а в 1853 году Нанкин снова сделался столицей империи, под именем Тянь-цзиня или «Небесной резиденции». Владея плодороднейшими странами «Срединного цветка», всем нижним течением Ян-цзы-цзяна, даже городом Нин-бо и другими приморскими портами, разделив своими владениями на два удаленные один от другого пояса области, остававшиеся еще верными маньчжурскому императору, тайпинское восстание имело все шансы, если не восторжествовать, то, по крайней мере, дать всей совокупности империи политическое положение, совершенно отличное от того, какое она имеет в наши дни, как вдруг европейцы пришли помогать маньчжурской династии, одновременно отрядами добровольцев и регулярными англо-французскими войсками. Хотя тайпинги, чаще называемые «длинноволосыми», примешивали к своему культу христианские обрядности и писали свои прокламации и указы языком, заимствованным у христианских миссионеров, хотя они поместили Библию в число своих священных книг и даже предлагали место в своем правительстве христианам иностранцам¹; западные европейцы, имеющие пребывание в Китае, отдали, однако, предпочтение интересам своей торговли перед интересами своей религии, и благодаря их помощи, маньчжурский богдыхан мог обратно завоевать отнятые у него владения. В 1862 году союзники помешали тайпингам занять Шанхай и быстро вытеснили их со всех важных стратегических позиций; китайским солдатам оставалось только жечь города и убивать жителей, а потом гоняться за голодными инсургентами, которые сделались разбойниками на большой дороге, чтобы добывать себе пропитание, и, без всякой политической цели, грабили там и сям деревни и мызы².

Единство империи было восстановлено, но реставрация старого порядка вещей есть лишь кажущаяся. Различные общества, скрывающиеся в глубинах нации, каковы сообщество «Ненуфара», лига «Чистого чаю», союз «Трех драгоценностей—неба, земли и человека» и множество других ассоциаций с новыми именами, из которых одна была основана миссионером Гуцлафом³, и которые поставили себе задачей политическое и социальное обновление Китая, не переставали существовать и работать втихомолку. Нынешнее равновесие Срединной империи представляется весьма неустойчивым. Древний аппарат законов, формул, официальных правил и обычаев все более и более приходит в противоречие с новыми требованиями возродившагося общества, и страна вступает в более и более частые сношения с иностранцами, идеи которых, хотя и отвергаемые с негодованием, оказывают глубокое влияние и ускоряют падение старых, отживших свой век учреждений.

Маленькие колонии европейцев, основанные на морском побережье и по берегам Голубой реки, кажутся маловажными, и действительно, если их сравнивать с несметными массами «детей Хань», они представляют ничтожную горсть людей; но тем не менее с появлением их в империи начинается новый период национальной жизни китайцев. Отныне Восток и Запад соединены великими движениями истории; в географическом отношении Китай тоже все более и более приходит в связь с миром, уже хорошо известным, Европы и южной Азии.

1 Лев Мечников, журн. «Дело», август 1878 г.

2 Как лучшие из весьма немногих существующих на русском языке описаний Тайпинского восстания можно указать на статью М. Венюкова „Восстание тайпингов“, изд. 1874 года, и более краткое описание Д. Поздеева „Тайпинское восстание в Китае“, помещенное в „Журнале Мин. Нар. Просв.“ за 1898 г.

Прим. ред.

3 Callery et Ivan, „l'Insurrection en Chine“;—Edkine, „Religion in China“.

Европейские путешественники объездили Центральное царство во всех направлениях; каждый год новые пути, пройденные туристами, прибавляются к предыдущим, и кольца этой сети путей все более и более суживаются. Теперь остается только приступить систематически к подробному исследованию страны.

Бассейн реки Бай-хэ, провинция Чжи-ли

Та часть Собственного Китая, где находится столица империи, образует самую северную из восемнадцати провинций; она даже далеко лежит от истинного центра государства, то есть пространства, заключенного между течениями двух главных рек страны, Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяна. В эпохи продолжительного внутреннего мира естественно было основать средоточие империи в каком-либо центральном городе, каков, например, Нанкин; но в периоды иностранной войны сила сопротивления, представляемая правительством, его чиновниками и его армиями, должна была переноситься к месту наиболее угрожаемому внешним врагом. Но мы знаем, что монголы и маньчжуры спускались к Китаю через местности, орошаемые рекой Бай-хэ, на берегах которой и происходили решительные битвы. Одержав победу, завоеватели охотно оставались в этой области, сопредельной с их родиной, откуда им легко было получать подкрепления, и куда они могли спастись в случае поражения. Таковы причины, которые, с половины десятого столетия нашей эры, исключая нескольких перерывов, заставляли избирать Пекин для местопребывания императоров. При том же, этот город лежит уже в той же естественной области, в которой и более южные города; находясь в стране равнин, к юго-востоку от краевых цепей, ограничивающих Монгольское плоскогорье, он не отделен от местностей, орошаемых Желтой рекой, никаким порогом из гор или холмов; от Чжи-ли до провинций Хэ-нань, Гань-су, Ань-хой, перемены климата, культур, населения совершаются нечувствительными переходами. По многочисленности своих обитателей, провинция Чжи-ли, или «непосредственное северное владение, управляющая провинция», есть равным образом, земля совершенно китайская; последняя официальная перепись, предшествовавшая вторжению тайпингов, перемене течения Желтой реки и большому голоду, насчитывала около тридцати семи миллионов жителей в этой области; это от трех до четырех раз больше того, сколько их находится во Франции на площади равного протяжения. Со включением территорий, присоединенных от внутренней Монголии, пространство Чжи-ли, по Матусовскому, в 1879 г. определялось в 5.438,28 квадратных миль, население, в 1882 году, 17.937.000 душ, так что средним числом приходится 3.298 жителей на одну квадратную милю.

Омываемая на востоке морем, Чжилийская провинция довольно хорошо ограничена с северной и западной сторон крупными склонами гор, составляющих отроги или предгорья массы монгольских плоских возвышенностей. В своей совокупности эти возвышения почвы ориентированы по направлению от юго-запада к северу-востоку, параллельно хребту полуострова Ляо-дун и Шаньдунским горным цепям; вытекающие из них реки следуют сначала по возвышенным долинам, затем, находя боковую расселину или брешь, круто поворачивают и через этот проход вступают в равнину. Едва одна вершина достигает высоты, превышающей 2.000 метров, в частях этих цепей, заключающихся между поперными долинами рек Бай-хэ и Ян-хэ, которые орошают Пекинскую равнину; но к югу от Ян-хэ хребты опять поднимаются в виде вершин до 2.500 и 2.400 метров высоты; а одна из цепей Сяо-у-тай-шань или «малая пятиглавая гора» достигает даже, по Брейтшнейдеру, своими снеговыми остроконечными верхушками высоты 3.600 метров над уровнем океана¹.

Морской берег, который тянется на пространстве около 500 километров от устья маньчжурской реки, Ляо-хэ, до пекинской реки Бай-хэ, следовал некогда в направлении параллельном расположению гористых возвышений страны, но речные наносы постепенно изменили это первоначальное очертание. Так, река Луань-хэ, которая принимает в себя все ру-

1 По Веберу 9 500 ф.

чьи и речки, текущие с юго-востока из Монголии через Хара-хотон и Жэхол (Жэ-хэ), образовала в открытом море обширный полукруг новых аллювиальных земель. При виде плоских берегов, которыми оканчивается на западе Чжилийский залив, тоже не трудно признать, что наносы рек Бай-хэ и Сань-хэ или Бэй-тан-хэ значительно выдвинули вперед линию морского побережья в это мелководное море и соединили с берегом бывшие острова, горки из лавы, поднятые над поверхностью моря в доисторические времена¹. Вся низменная равнина Чжилийской провинции была некогда морским дном, которое пресноводные потоки, принося измельченные обломки с прибрежных гор, постепенно, но еще не вполне, засорили и превратили в твердую землю. Озера и болота все еще занимают часть страны, и там и сям проточные воды блуждают по равнине, не находя достаточного ската, чтобы изливаться в залив. Часто случается несколько лет под ряд, что равнины Тянь-цзиня и всего центрального Чжи-ли принимают вид сплошного озера; наводнение иногда покрывало пространство около 15.000 квадратных километров слоем воды толщиной от полметра до полтора метра; одни только города и деревни, построенные на холмах и на возвышенных землях, выступают, на подобие островов, среди беспредельной поверхности потопа². Во время разливов вода, которую приносят, выше Тянь-цзиня, все реки, встречающиеся в этом месте (верхний Бай-хэ, Яв-хэ, Ху-то-хэ, Вэй-хэ), не находит достаточно быстрого стока через нижнее течение Бай-хэ и разливается далеко по окружающим равнинам. Посевы на полях уничтожаются, и жителям края предстоит неминуемый голод; судоходство сильно затрудняется; высокие речные берега, подмытые водами, обваливаются, русла меняют место, каналы превращаются в блуждающие потоки. Так, река Вэй-хэ, составлявшая прежде северную часть Большого или Императорского канала, между Тянь-цзинем и Ян-цзы-цзяном, недавно перестала быть судоходной. Почти все селения края, как это уже заметил один из европейских путешественников прошлого столетия, Эллис, носят названия, свидетельствующие о постоянном перемещении рек на равнине.

Несчастные крестьяне этой части Чжилийской провинции объясняют наводнения гневом черно-зеленого дракона, которого нужно умиловать жертвоприношениями, тогда как европейцы приписывали их оседанию почвы. Но эта гипотеза не опирается ни на какие точные наблюдения, и большинство фактов оправдывают скорее противоположное предположение, именно существование местного поднятия суши, которым китайские ученые и объясняют столь быстрые захваты, делаемые берегами на водах Чжилийского залива³. Каковы бы ни были колебания уровня почвы в этой части Китая, непосредственные причины периодических наводнений в нижней Чжи-ли совершенно очевидны. Здесь, как во многих странах Европы и Нового Света, склоны гор, где ручьи и реки берут свое начало, были обезлесены; дожди, очень обильные летом, не будучи более задерживаемы корнями деревьев, быстро скатываются по почве, увлекая верхний, растительный слой земли, и все текущие ручьями воды, смешанные с илом, устремляются к Тянь-цзиньской низменности, откуда они не могут стечь так же скоро, как пришли. Кроме того, истребление лесов имело следствием увеличение силы ветров, называемых хуа-фын, или «пыльными вихрями», которых так боятся жители равнины по причине вреда, который они наносят полям, и болезней, которыми часто сопровождается их дуновение⁴. Чтобы предупредить на будущее время общее ухудшение почвы и климата, необходимо было бы снова развести леса на скатах гор и устроить запруды у ворот речных теснин, для того, чтобы можно было утилизировать для правильного орошения культурных земель воды, которые ныне только опустошают почву; равным образом было бы очень полезно переместить слияние различных рек, которые теперь соединяются в одной и той же впадине. Гэппи⁵ дает следующие цифры для области реки Бэй-хэ: Площадь

1 О. Палладий, „Записки Русского Географического Общества“, том IV, 1871 г.

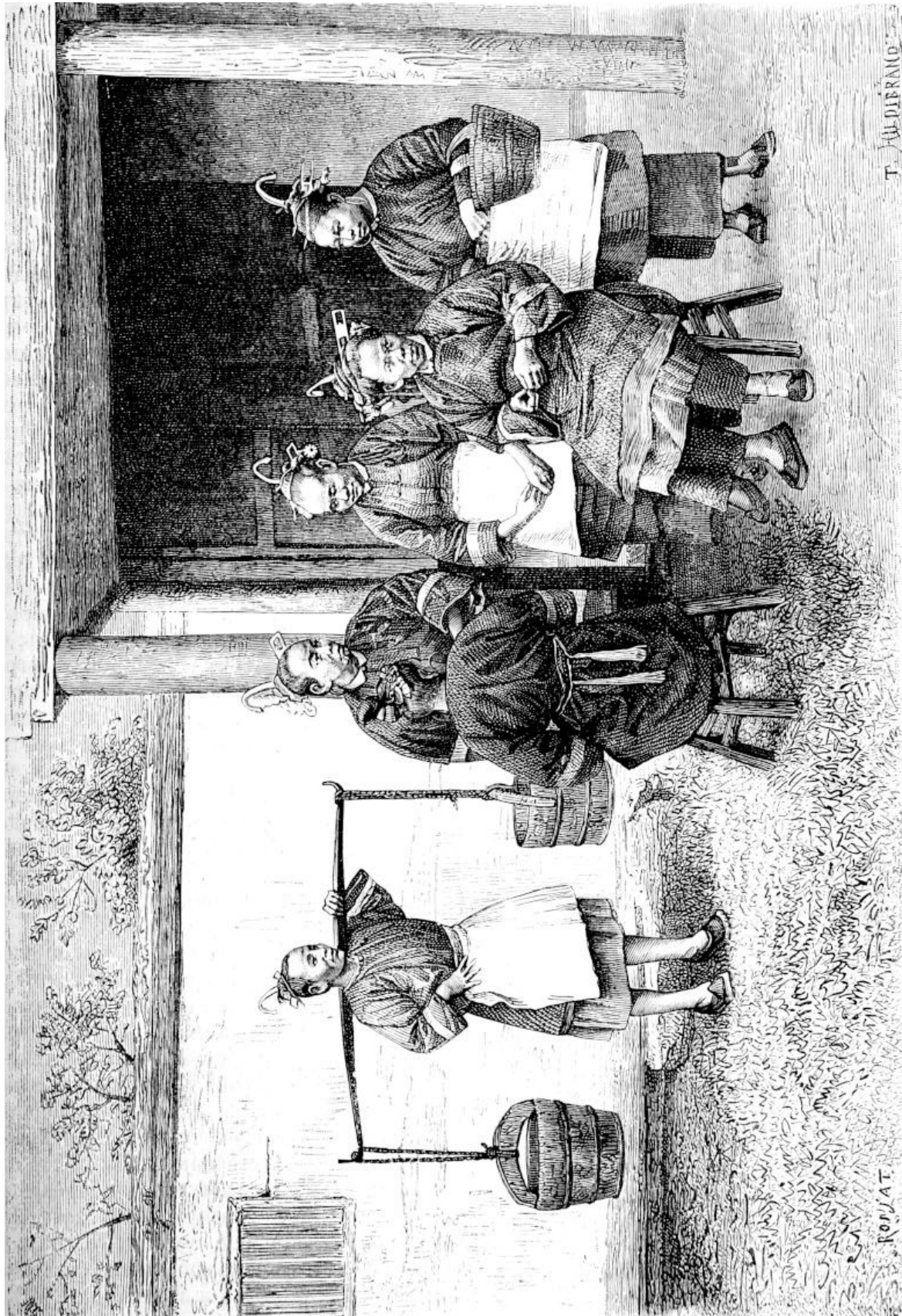
2 Guy de Contenson, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, juillet 1864.

3 Wylie;—Howorth, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873;—Richthofen.

4 Lamprey, „Journal of the Geographical Society of London“, 1867.

5 „Nature“, 23 sept. 1880.

речного бассейна—142.400 кв. километр. Средний сток реки в секунду—219 куб. метров. Объем годовых наносов в Чжилийский залив 2.265.000 куб. метров.

Китайцы провинции Фу-цзянь

Бедствия, причиняемые наводнениями, заставили выселиться часть жителей нижнего Чжи-ли; эта область есть родина колонистов, которые сотнями тысяч населяют в наши дни внутреннюю Монголию и Маньчжурию. Некоторые города страны тоже представляют

уменьшение цифры населения, в том числе и Пекин, главный город империи.

Известно, что имя Пекин, обыкновенно произносимое по южному Пэй-кин, а по северному Бэй-цзин в мандаринском диалекте, буквально значит «Северная столица» и дано в противоположность городу Нань-цзин или Нанкин, название которого означает «Южную столицу». Пекин был назван так в начале пятнадцатого столетия одним императором из династии Минов, но это имя, употребляемое всеми европейцами, известно в самом Китае только образованным людям: простой народ не знает другого наименования, кроме Цзин-чэн, то есть «столичный город»; официальный термин, имеющий тот же смысл, — Цзин-ду, наконец, на китайских картах город означается именем Шунь-тянь-фу. Впрочем, мало найдется городов, которые бы так часто меняли имя, как столица Срединного царства. Когда Пекин в первый раз появляется в империи, он назывался Цзи, впоследствии он сделался главным городом княжества, под именем Янь, то есть «ласточка», и писатели и теперь любят называть его этим именем. Между различными его наименованиями Европа познакомилась в средние века с тюркским названием Хан-балык (Камбалюк) или «ханский город», которое ему дали северные завоеватели, и которое Марко Поло описал своим соотечественникам. Часто опустошаемый, Пекин должен был менять местоположение так же часто, как и самое имя, и в окрестностях столицы, особенно на северной стороне, до сих пор видны во многих местах остатки прежних стен и башен¹.

Пекин расположен, в виде обширного прямоугольника, среди равнины, поднимающейся всего только на 37 метров над уровнем моря, в небольшом расстоянии к юго-востоку от высоких холмов, составляющих последние отроги гор, которые ограничивают на юге плоскую возвышенность Монголии. Два ручья перерезывают Пекин, но ни одна река не проходит в настоящее время возле стен или через самый город. Бай-хэ или Пэй-хо, водный путь, служащий для торговли и продовольствия столицы, извивается в двадцати слишком километрах к востоку от городских валов. На западе, Ян-хэ, самая многоводная из этих двух рек, хотя менее предъидущей утилизируемая для судоходства, тоже проходил километрах в пятнадцати от города. А между тем было время, когда она протекала недалеко от стен Пекина. Огромные плотины возведены вдоль её левого берега для того, чтобы не позволять потоку направляться на Пекинскую равнину; при выходе из области холмов, на высоком берегу поставлено железное изображение коровы, которой поручено, говорит местная легенда, испускать громкое мычание, когда вода в реке начинает подниматься тревожным образом². Императоры два раза приказывали прорывать отводный канал из Ян-хэ выше уединенного холма Ши-цзин (Ши-цзин-шань), для того, чтобы наполнить водой пекинские каналы и поддерживать одинаковый уровень в судоходных каналах столицы; но оба раза принуждены были запереть это русло, через которое выступившие из берегов воды реки устремлялись на город: и теперь еще видны остатки исполинских шлюзов, устроенных некогда при начале канала. Ян-хэ очень часто переменял ложе ниже холмов, и повсюду в равнине встречаются мраморные мосты через прежняя русла и рукава, ныне покинутые водами и наполняющиеся только в сезон дождей.

Площадь, занимаемая Пекином, по исчислению Вебера, равна 6.341 гектару, что составит около четырех пятых Парижа, в черте ограды, образуемой его укреплениями³.

Далеко не все это пространство застроено и заселено. Императорский город или квартал и княжеские резиденции заняты на большей части их протяжения садами, киосками, пустынными дворцами. Китайский квартал наполнен домами только на протяжении около 1.600 метров в ширину, от востока к западу, а в остальной части пространства, обнесенного стенами, расстилаются обширные пустыни в перемежку с лужами, бывшими кладбищами и полями; здесь же находятся парки храмов Неба и Земледелия; наконец, значительная часть почвы занята древними зданиями, лежащими в развалинах. В виду этого, кажется невероят-

1 Bretschneider, „Recherches archeologiques et historiques sur Pekin“, trad. par V. Collin de Plancy.

2 Bretschneider, „Die Pekingische Ebene“

3 Матусовский определяет площадь в 53 кв. версты. *Примеч. ред.*

ным, чтобы столица имела столь же многочисленное население, как другие большие города Китая: она даже уступает в этом отношении одному городу своей собственной провинции, Тянь-цзиню, рынку нижней Бай-хэ. Бретшнейдер не думает, чтобы Пекин имел даже пол-миллиона жителей: далеко не равняясь с Лондоном по многолюдству, он представляет только около восьмой части английской метрополии. До сих пор китайское правительство отказывалось опубликовать статистику городского населения, для которой оно, однако, обладает всеми необходимыми элементами. Оно ведет точный счет смертности, так как все умершие хоронятся вне столицы, и список погребальных поездов составляется у каждых городских ворот, под которыми они должны проходить.

«Северная столица» состоит из двух рядом лежащих городов, которые отделены один от другого высокой внутренней стеной. К северу от этой стены расположен, в виде правильного квадрата, «татарский» или «маньчжурский» город, называемой также «внутренним» или Нэй-чэн; южный город, более широкий от востока к западу, но гораздо меньше предъидущего по направлению от севера к югу, носит название «китайского, или внешнего» города или Вай-чэн; прежде это было простое предместье, которое в шестнадцатом столетии опоясали валом. Городская стена, еще довольно хорошо сохранившаяся и имеющая внушительные размеры, представляет огромную земляную насыпь, одетую кирпичом и оканчивающуюся на высоте пятнадцати метров выложенной плитами платформой, такой же ширины, на которой свободно могут разъезжаться повозки; через каждые двести метров четырехугольные башни, такой же высоты, как и стена, образуют выступы, вышиною около двадцати метров; кроме того, на всех четырех углах ограды высятся четырех-этажные бастиины, прорезанные бойницами, и над сводами каждых ворот возведены высокие постройки с тройной кровлей, покрытой лакированными черепицами. Широкий ров, там и сям усеянный лужами или служащий канавой для сточных вод, отделяет стену от полей и внешних садов так же, как от грязных предместий с их невзрачными домиками, обвешанными разным тряпьем.

Китайский город, если не самая многолюдная, то самая деятельная, по торговле и промышленности, часть столицы; он походит скорее на большое ярмарочное становище, чем на город в собственном смысле слова. Площади его, неправильной формы, загромождены телегами и палатками; неровные шоссе улиц, где грохочут тряские повозки, окаймлены по обе стороны впалыми дорогами, служащими вместо тротуаров и превращающимися в топкое болото после дождей, в груды пыли во время сухой погоды; народ толпится перед качающимися балаганами, украшенными флагами и значками, и следующими один за другим в беспорядке вдоль улиц; бараки магазинов скрывают домики, где живут купцы, только там и сям виднеются деревья садов, расположенных во внутренности островков. Несколько водосточных канав перерезывают этот квартал, и вонючие воды их употребляются на поливку улиц. На одном из самых людных перекрестков, подле «Моста слез», палач помещается перед роковой скамьей, на которой его помощникам часто приходится растягивать жертвы; бамбуковые клетки принимают головы казненных, и запекшаяся кровь обгаряет землю.

Что касается «татарского» города, то он правильнее распланирован, но по виду не красивее китайского квартала, исключая мест вокруг иностранных посольств и вдоль триумфальных аллей или проспектов, где через каналы построены мраморные мосты, украшенные фигурами символических животных. Еще недавно, потомки маньчжурских завоевателей, считающие себя принадлежащими к высшей расе, обязаны были подавать хороший пример другим жителям Пекина. Так, в татарском городе не увидишь ни питейного дома, ни дома терпимости; улицы его не должны быть оскверняемы никакой похоронной процессией, по ним не может быть проносим ни один гроб из китайского квартала. Прежде маньчурам строго запрещено было иметь постоянное местожительство во внешнем городе или пускать к себе в дом квартиранта, принадлежащего к покоренной расе: но уже давно эти запреты перестали исполняться: племена смешались, и хотя маньчжуры, более или менее чистокровного происхождения, все еще составляют большинство населения в городе, носящем их имя, но китайцы, в собственном смысле слова, водворились там во множестве, и почти вся тор-

говля находится в их руках. Хой-хои или магометане, в числе нескольких десятков тысяч в двух сопредельных городах, занимаются преимущественно ремеслами; к их общине принадлежат почти все мастера металлических изделий. Христиане из туземцев забрали в свои руки монополию часового производства, которому их научили миссионеры в прошлом столетии.

Центр татарского города образует третий город—Хуан-чан, тоже обведенный оградой, четверо ворот которой открываются к четырем главным точкам горизонта. В нем расположен Цзы-цзинь-чэн, священное место северной столицы, заключающее в своих стенах единст-

Пекинъ.— Храмъ Неба.

венное здание Китая, обшитое снаружи желтым фарфором—императорский дворец, который сам по себе составляет отдельный, четвертый город, недоступный подданным богдыхана. Наибольшая часть этого квартала занята искусственным озером, рощами, садами с тенистыми аллеями. Кроме того, там есть два холма, из которых самый высокий, господствующий над всем городом, называется Цзин-шань (столичная гора), но более употребительное её название—Мэй-шань или «Угольная гора»: по словам народной легенды, эта горка, образованная рукой человека, покоится на горах угля, которые были тут сложены на случай продолжительной осады. С высоты северо-западных холмов, откуда можно обозревать расстилающуюся внизу Пекинскую равнину, столица кажется громадным четырехугольным са-

дом, в центре которого возвышается Угольная гора, с её аллеями и киосками; низенькие дома двух соединенных городов представляются в виде полос и пятен среда обширного пространства зелени.

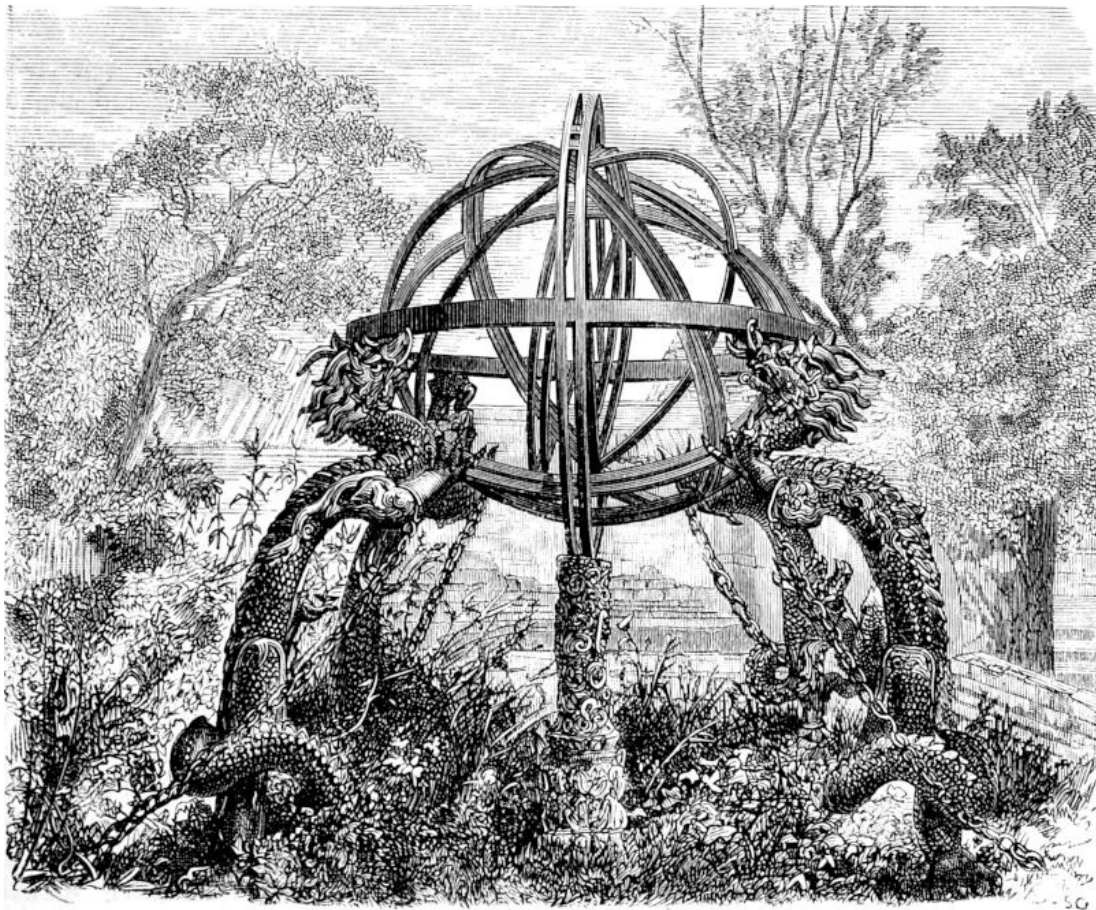
Два пекинские храма по протяжению почти соперничают с императорским дворцом: это храм Неба и храм Земледелия, расположенные в южной части китайского города и оба окруженные несколькими рядами вековых деревьев; внешняя ограда этих двух парков имеет каждая по несколько километров в окружности. Храм Неба, с двумя поднимающимися одна над другой крышами, стоит на террасе, на которую ведут мраморные ступени, он построен в форме широкой ротонды, украшенной лакированным фаянсом и деревянной резьбой, цвета которых, голубой, ярко-красный, золотисто-желтый, составляют резкий контраст с зеленью фона. Храм Земледелия размерами меньше, но за то выше предъидущего и оканчивается на верху тремя следующими одна за другой крышами; корпус его окружен целым лесом резных пилястров, украшающих балконы и лестницы. В соседстве этого храма находится поле, куда император и принцы торжественно приходили каждый год, в эпоху начала весенних полевых работ, пахать почву плугом, сделанным из золота и слоновой кости, призывая благословение Неба и Земли на возделываемые нивы и предстоящий урожай; но со времени победоносного вступления европейцев в столицу богдыханов эта церемония вышла из употребления¹. Другие святилища, где совершаются торжественные обряды национальной религии, храм Земли, храмы Солнца и Луны, находятся вне татарского города, в близком расстоянии от его стен. Тоже близ вала, но внутри города, в соседстве храма ученых, стоит старая обсерватория миссионеров иезуитов, с её любопытными астрономическими инструментами, из бронзы, китайской конструкции, которых орнаменты, представляющие символических драконов, превосходно сохранились, благодаря сухому климату Пекина; эти инструменты составляют лучшую из известных нам коллекций китайских бронз. Русская обсерватория, построенная у северо-восточного угла городской ограды, заключает в себе сокровища другого рода, китайскую библиотеку, которая уже в течение более полустолетия постоянно увеличивается и обогащается новыми приобретениями. Наконец лазаристская миссия обладала прекрасным музеем естественной истории, основанном миссионером Арманом Давидом, но здание, где он помещался, ныне перешло к китайцам вместе со всеми коллекциями музея. Книго-хранилище императорской академии, некогда довольно обширное и богатое, было большей частью разрознено, и теперь мы тщетно стали бы искать в нем некоторых сочинений, экземпляры которых имеются даже у европейцев². В царствование династии Минов правительство содержало в Пекине специальные школы, где обучали языкам сиамскому, бирманскому, персидскому, турецкому, тибетскому и двум наречиям диких народцев, живущих на юго-западной окраине Китая. Со времени войны из-за опиума, министры богдыхана поняли, что есть на свете другие языки, знакомство с которыми может принести больше пользы, нежели знакомство с диалектами Индо-Китая и центральной Азии, и теперь молодые мандарины изучают в правительственной школе Тун-вэнь-гуань, учрежденной при министерстве иностранных дел, языки: английский, французский, немецкий, русский и маньчжурский; курсы монгольского и турецкого языков мало посещаются.

Как торговый центр, Пекин в наши дни не имеет, может быть, такого важного значения, какое имел во время Марко Поло, когда, по словам знаменитого венецианца, «не было дня в году, чтобы, по одному только привозу шелка, не вступало в город тысячи возов, нагруженных материалом, из которого выделяются многие златотканые и шелковые материи». Тем не менее и теперь движение повозок и товарных обозов, караванов лошадей и мулов, пешеходов громадно на дороге, связывающей Пекин с его пристанью Тун-чжоу на реке Бай-хэ. Кроме того, столица соединена с той же пристанью судоходным каналом, длиною около двадцати пяти километров, по которому поднимаются барки, нагруженные вином, опиумом и другими продуктами; но это судоходство очень затруднительно, так как канал

1 I. de Rochechouart, „Pekin et l'interieur de la Chine“

2 W. Martin, „The Chinese, their Education, Philosophy and Letters“.

имеет не менее пяти ступеней или уступов, при каждом из которых нужно перегружать товары: один из этих порогов находится у так называемого четырехверстного моста, Па-ли-цяо («мост в восемь ли»), прославленного победой, которую союзные правильно организованные англо-французские войска одержали тут над китайской армией в 1860 году. Обыкновенно, пристань Тун-чжоу бывает сплошь наполнена барками, по которым можно, переходя с борта на борт, переправиться с одного на другой берег реки, и от этого подвижного моста вплоть до самого Тянь-цзиня суда часто образуют непрерывную вереницу. Но с начала декабря до начала марта, в продолжение трех слишком месяцев, навигация прекращается, по причине замерзания реки, и в это время торговое сообщение Пекина с Тянь-цзинем должно производиться по сухопутным дорогам. Дороги эти очень плохи. Столица имеет лишь небольшое число мощеных дорог, расходящихся, в виде радиусов, вокруг её стен. Единственное шоссе,

Пекинъ. — Небесная сфера въ старой обсерваторіи.

которое было устроено в новейшее время, направляется к летнему дворцу; другое, проведенное в юго-западном направлении, оканчивается у знаменитого моста Лю-гоу-цяо, перекинутого через реку Ян-хэ, но это не тот мост, который видел Марко Поло, и о котором он говорит как о великолепном сооружении с двадцатью четырьмя аркадами: этот мост обрушился в восемнадцатом столетии, и нынешний памятник, колоссальная «китайская работа», украшенная двумя слонами и двумястами восьмьюдесятью львами из мрамора, был воздвигнут при императоре Кан-си¹. Почти все другия дорожные сооружения в окрестностях Пекина обязаны своим происхождением династии Минов.

*В настоящее время Пекин уже соединен железною дорогой с Тянь-цзинем, принадлежащей правительству. Дорога эта, начатая постройкой в конце 80-х годов, окончена до Пекинской станции Ма-цзя-поу только в мае месяце 1897 года. Начинаясь от местечка Дун-гу при устьи р. Бай-хэ, она через Тянь-цзинь доходит до столицы, предварительно отделив от себя ветвь к каменноугольным копям Кай-пин и далее через Шань-хай-гуань на север в

1 Prospero Intorectta, „Missone Cinese“; — Bretschneider, „Die Pekingier Ebene“.

Маньчжурию. Ветка эта в настоящее время почти готова до Цзинь-чжоу-фу, и китайское правительство питает надежды соединить ее в Нью-чжуане с линией Китайской Восточной дороги, идущей от Порт-Артура к Хайлару. Так как Пекино-Тянь-цзинская железная дорога не доходит до столицы несколько верст, то для удобства сообщения от Пекина до Ма-цзя-поу проведена в зиму 1897 года линия электрического трамвая. В самое последнее время явилось предположение построить железнодорожную ветвь от Пекина прямо на Шань-хай-гуань, и об этом уже идут переговоры. Кроме этих линий Пекин является конечной станцией железной дороги на Хань-коу, которая строится и уже доведена до Бао-дин-фу. От города Чжэн-дина, лежащего на той же линии, пойдет железная дорога на город Тай-юань-фу, главный город провинции Шань-си. Вместе с этим от Пекино-Ханькоуской дороги между столицей и Бао-дин-фу будет отделяться ветвь железной дороги на город Цзинань-фу в Шань-дуне, отсюда до И-чжоу и на берег моря к Цзяо-чжоу. При выполнении всех этих проектов, а часть их уже исполнена, столица Срединного царства будет соединена со своими южными провинциями и с Маньчжурией, а через последнюю и с Россией, от которой она всегда может получить бескорыстную и верную помощь.*

Главную промышленность окрестностей столицы и подгородных селений составляет огородничество и садоводство. На юго-западе от города, восемнадцать деревень, известных под общим именем Фэн-хай, населены огородниками, которые снабжают Пекин овощами, плодами и цветами; картофель и сладкия пататы введены здесь с начала текущего столетия; виноградники дают великолепный виноград. В оранжереях, запираемых не стеклянными рамами, а обоями из корейской бумаги, приготовляемой из растения *Broussonetia papyrifera*, садовники содержат с полным успехом растения южной полосы Китая; они умеют также с изумительным искусством производить растительные редкости и курьезы. Другая промышленность в окрестностях Пекина, промышленность, которая, вероятно, получит в близком будущем наибольшую важность,—это эксплуатация месторождений антрацита: общая мощность открытых там угленосных пластов исчисляется Рихтгофеном слишком в две тысячи метров. Наиболее деятельно разрабатываемые каменноугольные копи находятся в долине реки Цин-шуй или «Чистой воды», вытекающей из оврагов гор Бо-хуа-шань, на западе от столицы. Уголь с этих копей доставляется в Пекин самым первобытным способом, именно, на мулах, караваны которых, с их погонщиками принуждены пробираться по трудным горным тропинкам, пролегающим через ущелья, и по крутизнам скатов; впрочем, некоторые залежи минерального топлива находятся в ближайшем соседстве столицы; католические миссионеры владеют одним месторождением угля, близ правого берега р. Ян-хэ. Когда англичане сделали китайскому правительству предложение построить рельсовый путь из Пекина к самым производительным копям, именно Чайтанским, то получили обычный ответ: «перевозка на мулах была достаточна до сих пор, будет достаточна и впредь!» Со времен путешествия Марко Поло не надумались даже устроить хорошую грунтовую дорогу, и Пекин находит еще более выгодным приобретать некоторое количество английского угля и даже ввозить дрова из Калифорнии через шанхайский порт¹; а между тем минеральное топливо из его собственных копей довольно хорошего качества². На юго-западе от Пекина существуют также большие мраморные каменоломни и рудники магнитного железняка.

Между парками в окрестностях Пекина самый обширный тот, который носит название Нань-хай-цзы или «лес южных морей», он расположен, на юг от города, от которого он отделен равниной, частью болотистой, пространство почти в три раза более значительное, чем вся площадь Пекина, именно от 190 до 200 квадр. километров; его внешняя стена, которая соединяется с валами новейшей постройки, защищающими подступы к столице³, имеет 65 километров в окружности; деревни, поля, военные поселения рассеяны на полянах среди об-

1 Gill, „The River of Golden Sand“.

2 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi, Schensi, Sz'chvan“; — Bretschneider, „Die Peking Ebene“.

3 Williamson, „Journey in North China“, etc.

ширного леса. Европейцам не дозволяется проникать в этот парк, и те, которым удалось побывать там, пробирались переодетые китайцами. Между стадами оленей, населяющими этот огромный сад, натуралист Арман Давид открыл один замечательный вид, неизвестного происхождения (*elaphurus davidianus*), несколько представителей которого находятся теперь в Европе. В соседних горах нашли также одну очень интересную обезьяну, *macacus tcheliensis*, животное этого рода, которое обитает на азиатском континенте в наибольшем расстоянии от экватора¹.

Самый знаменитый из пекинских парков не этот обширный «лес южных морей», а Юань-минь-юань или «великолепный сад», более известный у европейцев под именем «парка Летнего дворца». Известно, что эта резиденция была разграблена европейскими солдатами, которые перед тем рассеяли китайскую армию при Па-ли-цяо. Те из них, которые проникли первыми во дворец, могли подумать, что очутились в музее: разнообразные предметы, драгоценные по материалу или позолоте, сделанные из нефрита, из золота, из серебра, из китайского лака, были расставлены на этажерках, как публичные коллекции на западе. Большое число этих достопримечательностей, поломанные, розданные кому попало, переплавленные в слитки, были безвозвратно потеряны, тогда как многие отборные предметы послужили к устройству новых музеев в Европе. Что касается слитков золота и серебра, то они были разделены между солдатами союзного войска, пропорционально чину; но кажется, что главное сокровище было спрятано². С того времени, как дворец и окружающие его здания были преданы разграблению и пламени, большая часть этих строений остаются до сего дня в состоянии развалин; только один из дворцов был вновь отстроен для императрицы-матери. Некоторые постройки избежали катастрофы. Прелестные павильоны в итальянском стиле, построенные в половине прошлого столетия по плану и под руководством католических миссионеров, видны и теперь еще в восточном парке. Драгоценнейшие памятники китайской архитектуры, воздвигнутые императором Цянь-луном в парке Вань-шу-шань, киоски, многоэтажные пагоды, храмы, мосты, триумфальные арки тоже совершенно сохранились, и вычурные изваяния из белого мрамора по-прежнему блестят сквозь темно-зеленую листву вековых сосен. Образцовым произведением в этом обширном архитектурном музее можно считать храм в 8 метров высоты, около 19 метров в окружности, весь из бронзы. Но самое прекрасное, что включает в себе область дворца,—это уединенный лес, покрывающий скаты Сянь-шаня, горы в 300 метров высоты, откуда можно обозревать расстилающуюся под ногами живописную панораму: обширное озеро, окруженное садами, храмы и пагоды, выложенные эмальированным фарфором, мосты, отражающиеся в поверхности вод, и вдали на горизонте громадный четырехугольник стен Пекина, на половину скрытый за дымом.

У северного основания массива холмов, к которому прислонены летние дворцы, бьют из земли сернистые ключи, с давних пор посещаемые китайцами, а теперь утилизируемые также и европейскими больными. Эти минеральные воды находятся на дороге к знаменитому святилищу на горе Мяо-фын-шань, куда богатые пилигримы, не будучи в состоянии взбираться по крутым тропинкам, велят нести себя в паланкинах.—Близ вершины горы, на одном из склонов которой приютился монастырь, монахи показывают стену, с высоты которой, по их словам, бросаются молодые люди, из сыновней любви, в надежде, что их смерть обеспечит долгую жизнь их родителям. Большая часть буддийских монастырей, рассеянных в Пекинской равнине, более многочисленных, чем монастыри в наиболее католических провинциях Италии или Испании, пришли в запустение и обратились в развалины; их бронзовые или глиняные статуи выставлены без всякого прикрытия разрушительному действию дождя и солнца. Дикая растительность начинает овладевать этими обрушивающимися зданиями, но священные деревья, сосны, индейские каштаны, софоры все еще растут в преддвериях и во дворах храмов, опутывая изваяния своими ветвями и цветками. Летом большое число европейцев, имеющих постоянное пребывание в Пекине, покидают пыльный город и

1 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage d'exploration dans l'Empire Chinois”.

2 Pallu, „Relation de l'Expedition de Chine en 1860”.

переселяются на дачу в какой-нибудь старый монастырь, в одну из прохладных долин в окрестностях столицы. Самая обширная и самая знаменитая кумирня в соседстве Пекина — Хуан-сы или «Желтый монастырь», на севере от города; один «живой будда» утвердил там свою резиденцию. В некотором расстоянии к западу от столицы, на дороге, ведущей к Летнему дворцу, стоит храм «Большого колокола», где в самом деле повешен на изображении дракона один из величайших в свете колоколов, колоссальный бронзовый конус около 8 метров (более 11 аршин) вышиною, весящий 54.000 килограмм (около 3.300 пудов), и на поверхности которого изображена, в 35.000 буквах, чрезвычайно искусно и отчетливо вырезанных, вся книга буддийского богослужения¹. Другой буддийский монастырь, один из важнейших во всем Китае, расположен на холме, к западу от столицы и от реки Хунь-хэ²: это Цзедай-сы (Tsietaisze), господствующий над панорамой не менее великолепной, чем вид, открывающийся с холмов противоположного берега, тоже усеянного киосками и монастырями; Цзедай-сы был любимым убежищем императора Цянь-луна, и стихотворения, которые он здесь написал, выгравированы в садах на мраморных плитах. В Китае не много найдется местностей более живописных, чем эта очаровательная холмистая страна, окруженная амфитеатром гор Да-хан-лин, гребень которых, усаженный башнями и бастионами Великой стены, разворачивается на севере и на западе Пекинской равнины. Реки, ручьи и невысокие хребты и перевалы разделяют эту область холмов на несколько отдельных массивов, из которых самые замечательные: Та-эр-дин-шань (Tarhinchan), непосредственно на западе от Летнего дворца: Цин-шуй-цзянь, с причудливо изрезанными стенами: Бо-хуа-шань или «Гора ста цветков», которая возвышается слишком на 2.250 метров, к югу от долины реки Цзин-шуй, в области, усеянной маленькими деревнями, где живут китайцы-католики.

Окрестности столицы усеяны мраморными надгробными памятниками, которые, по большей части, суть фамильные гробницы, осененные группами сосен и можжевельника: почти все эти памятники имеют форму исполинских черепах, несущих на верхнем черепе табличку, покрытую надписями. Кладбища княжеских родов украшены при входе колоссальными изображениями львов, сделанными из бронзы или из мрамора; там и сям погребальные аллеи охраняются этими гигантскими статуями животных. Европейцы посещают преимущественно, на западе от города, кладбище, называемое «португальским», и кладбище «французское», где покоится прах Риччи, Вербиста, Умиота, Гобиля, Жербилона и других знаменитых миссионеров, которые так много способствовали своими трудами и исследованиями ознакомлению Европы с географией Китая и с нравами его жителей. В течение тридцати лет, пока продолжалось изгнание католических священников, до взятия Пекина союзными англо-французскими войсками, русское посольство приняло на себя заботу о содержании этих двух кладбищ, равно как богатой библиотеки иезуитов, возвращенный теперь французским миссионерам.

«Гробницы Минской династии» или Ши-сань-лин, то-есть «Тринадцать могил», находятся километрах в сорока от Пекина, в уединенном цирке гор Тянь-шу, куда проникаешь через ущелье, оканчивающееся великолепным мраморным порталом. Самая замечательная из этих могил, могила императора Юн-ло, окруженная, как и все другие, соснами и дубами, находится на оконечности большой аллеи, обставленной по бокам мраморными статуями, представляющими двенадцать мужей, государственных сановников, жрецов или воинов, и двенадцать пар животных, слонов, верблюдов, львов, лошадей, баснословных единорогов, и мифического «ци-лина»; одни коленопреклоненные, другие в стоячем положении. Все эти животные высечены из одной цельной глыбы камня; некоторые из них превышают четыре метра в высоту; но, рассеянные на слишком обширном протяжении, без соблюдения правил перспективы, без всякого старания произвести какой-нибудь ансамбль, эти громадные изваяния кажутся странными фигурами, гротесками³. Подле гробницы стоит храм жертво-

1 I. de Rochechouart, цитированное сочинение;—Achille Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie“.

2 Так называется нижнее течение р. Ян-хэ.

3 Francis Garnier, „De Paris au Tibet“, „Temps“, 22 nov. 1873.

приношений, опирающийся на шестидесяти столбах из лавра нанму (а не из текового дерева, как вообще утверждали до сих пор), из которых каждый имеет 13 метров в высоту и 3 метра в окружности. Тело богдыхана было погребено в глубине длинной галереи, под высокой естественной пирамидой горы⁴.

Другие императорские некрополи рассеяны в Чжилийской равнине. Гробницы династии Цзинь, безобразные развалины, относящиеся к двенадцатому и тринадцатому столетиям, видны близ города Фан-шэнь, на юго-запад от Пекина. Что касается надгробных памятников, воздвигнутых на могилах Кан-си, Цянь-луна и четырех других императоров из династии Цинов, то до сих пор ни один европеец не был допущен их видеть: они скрыты в большом парке, расположенном к юго-западу от Пекина, близ города И-чжоу³. Это так-называемые Си-линь или «Западные гробницы». Дун-лин или «Восточные гробницы» находятся в 130 километрах на северо-восток от Пекина. Временные строения, возводимые в ближайших окрестностях города, хранят тела усопших в продолжение многих лет, в ожидании, пока будет сооружен окончательный памятник. Для перевозки самых тяжелых глыб мрамора, предназначенных для ваяния колоссальных фигур, устраивают временные дороги и употребляют длинные ломовые дроги, запрягаемые шестьюстами мулов⁴.

Тянь-цзинь или «Небесный брод», на реке Бай-хэ, служит пристанью для всей Чжилийской провинции и в то же время для Монголии и отчасти даже для русского Прибайкальского края. Этот город пользуется редкими выгодами для торговли. Он лежит в чрезвычайно плодородной области, среди бесконечной равнины, покрытой хлопковыми плантациями и просовыми полями, при большой судоходной реке и в месте соединения нескольких естественных путей, образуемых, второстепенными реками страны; к сожалению, грунт земли низменный, местами болотистый и подверженный наводнениям. Благодаря развитию своей торговли с иностранными рынками, Тянь-цзинь сделался одним из важнейших городов Китая; он даже много превзошел, по численности населения, столицу империи. С половины текущего столетия число его жителей увеличилось почти в пять раз; по консульским отчетам, оно простирается теперь без малого до миллиона⁵. В Тянь-цзинь ввозят главным образом в большом количестве рис, красный товар, опиум, разные металлические изделия из Европы; отпускают в обмен сырые продукты: хлопок, шерсть овечью и верблюжью, кожи и меха, а также плетеную солому; в этом же городе правительство учредило, для всей северной части Китая, главный склад соли (продажа которой составляет монополию казны) и хлебные магазины, служащие для продовольствия Пекина. Огромные груды соли, рису, пшеницы, прикрытые циновками, тянутся по берегу реки.

*Торговые обороты Тянь-цзиня выражаются по годам в следующих цифрах:

	В 1696 году	В 1897 году
Привоз из-за границы	29.499.949 лан	30.212.260 лан
Привоз из китайских портов	13.263.578 лан	13 846.713 лан
Вывезено из Тянь-цзиня	8.561.840 лан	11.000.044 лан
Общая сумма оборота на	51.316.367 лан	55.059.017 лан

Как увеличиваются обороты Тянь-цзиньского порта, видно уже из того, что общая сумма оборота в 1893 году равнялась—38.570.147 лан; в 1894 году—44.277.054 лана; в 1895 году—50.175.806 лан, а через два года она уже достигла 55 миллионов слишком.

Движение судоходства в Тянь-цзиньском порту. не считая джонок, выразилось (показаны лишь прибывшие суда):

⁴ Bretschneider, цитированное сочинение.

³ Lamprey, „Journal of the Geographical Society of London“, 1867.

⁴ Lockhart, „Chinese and Japanese Repository“, 3 june 1861.

⁵ Согласно „Chronicle and Directory“, изд. 1897 г. китайское население Тянь-цзиня определялось в 950.000 человек; ту же цифру дают и другие источники. *Пр. р.*

После трактата 1858 года, эпохи, когда Тянь-цзинь был открыт европейской торговле, наибольшая часть крупного судоходства по Бай-хэ, обыкновенно называемой в этом месте Хай-хэ, то-есть «Морской рекой», принадлежала английским негодантам, но в несколько лет китайцы успели завоевать себе первое место в этом отношении; они прибавили к своим флотилиям джонок большие суда европейской конструкции и теперь уже давно имеют многочисленные пароходы, которые ежедневно совершают правильные рейсы по реке, вниз и вверх от города. По флагам суда, участвовавшие в заграничной торговле Тянь-цзиня, были распределены следующим образом:

В 1833 г.: флаг английский—262.362 тонны; флаг американский—1.197 тонн; флаг китайский—209.563 тонны.

В 1894 г.: флаг английский—318.879 тонн; флаг американский—1.426 тонн; флаг китайский—153.366 тонн.

*В вывозной торговле первое место по ценности и количеству привоза принадлежит Англии, которая одна в 1893 году экспортировала в Китай товаров на 1.118.573 лана. Еще на большую сумму ввозится товара из Гонконга. Товар этот английского происхождения, и ценность его определялась в 1893 г. в 1.914.602 лана, а в 1891 г. почти вдвое более, именно в 2.679.706 лан. Торговля Тянь-цзиня с Южно-Уссурийским краем почти не развивается, и в 1893 г. от нас было привезено товару на 34.668 лан, каковая ценность осталась и на 1894 г. (34.829 лан).

В нескольких километрах, вниз от центра Тянь-цзиня, раскинулись строения европейского квартала, называемого Чжу-цзы-линь или «Бамбуковая роща», который не представляет уже в своей наружности ничего китайского: теперь это маленький городок, чисто западный по распланировке улиц, архитектуре домов, расположению магазинов. Почти все европейцы, которых дела призывают в Тянь-цзинь, живут в этом преобразованном пригороде. Да и сам китайский город мало-по-малу изменяет свой вид, и теперь там можно встретить большие постройки на европейский манер, между прочим, новый госпиталь; интересен собор, построенный католическими миссионерами, долгое время лежавший в развалинах: он был предан пламени во время страшной резни 1870 года, когда сестры милосердия, священники и все французы, за исключением одного, а также несколько других иностранцев были умерщвлены китайской чернью. Собор восстановлен только в 1897 году по настоянию французского представителя Жерара. Улицы в Тянь-цзине гораздо шире, чем в Шанхае и Кантоне, где переноска тяжестей производится на спине поденщиков, тогда как в северных городах для этой цели употребляют ломовые телеги, запряженные мулами или волами. Тянь-цзинь, порт, где европейцы получили в первый раз в нынешнем столетии, благодаря трактату 1860 года, право свободного исследования страны, есть, может быть, между всеми городами Среднего царства, тот город, где признаки промышленного обновления наиболее заметны. Там впервые была основана бумагопрядильная мануфактура, спичечная фабрика и другие учреждения; километрах в ста к северо-востоку от города построена первая железная дорога, чтобы соединить Кайпинские каменноугольные копи, где находится уже целая колония англичан, с торговым городом Лу-тай, лежащем на реке Бэй-тан, при начале морского судоходства¹; тысячи рабочих занимаются теперь расширением и углублением русла в северной части «Реки транспортов» (Большого канала), которая, впрочем, имеет теперь важность только для мелкой торговли, так как главное торговое движение направилось отныне морским путем. В настоящее время производятся также работы по урегулированию нижнего течения реки, по которому могут подниматься суда, имеющие от 3 до 4 метров водоизмещения, но которое отделено от вод залива баром, представляющим только 1 метр глубины в периоды отлива и от 3 до 4 с половиной метров в периода прилива². Однако, важнейшие рабо-

1 „China Express“, 8 апр. 1881 г.

2 Вопрос об улучшении русла р. Бай-хэ в настоящее время находится в новом фазисе, так как последние годы пароходы, даже специально приспособленные для Бай-хэ, не могли проходить выше деревни Танку и все грузы направлялись по железной дороге, что сильно увеличивало их стоимость, не говоря

ты, произведенные в это последнее время, предприняты были в видах усиления средств военной обороны. Так, в самом Тянь-цзине, в восточном предместье, устроен обширный арсенал, занимающий пространство в 250 гектаров, где фабрикуют преимущественно ружья, метательные снаряды и лафеты. В Синь-чэне, между Тянь-цзином и устьем Бай-хэ, правительство велело воздвигнуть сильные укрепления; при входе в реку со стороны моря форты Та-ку («Большое устье»), которыми так быстро овладели союзные англо-французские войска в 1858 и 1860 годах, были после того перестроены, вооружены пушками самого большого калибра и дополнены обширным укрепленным лагерем и доками для починки китайских канонерок. Город Бэй-тан, при устье реки Сань-хэ, впадающей в Чжилийский залив, непосредственно на севере от Бай-хэ, тоже имеет ряд сильно укрепленных фортов.

Несколько городов следуют один за другим на север от Пекина, по дороге, которая ведет в Жэ-хэ через ворота Великой стены, называемые Гу-бэй-коу («Старые северные ворота»); но административный город Юн-пин-фу, стоящий на дороге в Маньчжурию, не принадлежит к значительным центрам населения. На запад от ворот Гу-бэй-коу равнина, орошаемая рекой Бай-хэ, доступна, со стороны Монголии, только через перевал Гуань-гоу (Ворота заставы). Гуаньгоуский проход, называемый обыкновенно Нань-коу (Южные ворота), по имени деревни, которая находится внизу восхода на гору, имел во все времена капитальную стратегическую важность, и через него именно почти все завоеватели спускались в равнину; с высоты этого прохода Чингис-хан видел у своих ног столицу побежденной династии. Оттого дорога, пролегающая через Гуань-гоу, есть одна из наиболее обильно снабженных оборонительными укреплениями: две большие крепости построены одна над другой на южном скате хребта и соединены между собой стенами и башнями, которые большинство путешественников описывает как часть Великой стены; но в действительности это только передовой верк вала, который тянется по гребню горной цепи, и который дорога Гуань-гоу перерезывает под прямым углом на перевале, называемом Ба-да-лин. Сигнальные башни, построенные во времена Минской династии, и теперь уже частично разрушенные, высятся в равном расстоянии одна от другой на дороге, ведущей в Пекин. Что касается мощеной дороги, которая поднималась по отлогости Гуань-гоу до горного прохода, то она существовала лишь отрывками; дождевые и снеговые ручьи разрушили наибольшую часть её, и путники принуждены были долгое время взбираться по тропинкам, проложенным неправильно по скатам гор. В 1890 году дорога эта вновь капитально разработана. Самый замечательный памятник, который еще сохранился на старой дороге, — это триумфальные ворота, воздвигнутые при входе в южную крепость и украшенные надписью на шести языках: санскритском, китайском, уйгурском, монгольском, тибетском и древне-маньчжурском; надпись на китайских воротах есть единственная, которую мы знаем на этом последнем языке¹. В настоящее время стратегическая дорога, проходящая через Гуань-гоу, обязана своим важным значением главным образом торговле, ибо это тот путь, которым следуют почтовые курьеры и русские караваны из Кяхты. Караваны, везущие кирпичный чай в Сибирь, забирают свой груз прямо в городе Тун-чжоу, на реке Бай-хэ, не заходя в Пекин, который остается у них в стороне, на западе.

В возвышенных долинах притоков реки Ян-хэ многие важные города служат посредниками Пекину и низменной равнине провинции Чжи-ли для их торговли с Монголией и с русскими владениями. Самый многолюдный и самый торговый из этих городов, как известно, Калган или Чжан-цзя-коу, лежащий у одних из ворот Великой стены, как показывает монгольское имя его, и состоящий собственно из двух городов: военного и торгового. Военный город, окруженный фортами и казармами, опирается на самую стену, которая в этом месте идет по боку довольно высоких гор, поднимающихся на севере, тогда как торговый город находится в 5 километрах к югу, уже на китайской территории. Дома европейцев, проте-

уже про то, что дорога совершенно не предназначена для перевоза грузов. По предложению иностранцев Пекинское правительство решило ныне же предпринять ряд работ для исправления русла и для того, чтобы выручить необходимую сумму денег, обложило входящие в реку суда пошлиною. *Примеч. ред.*

1 Sminhoe, „Proceedings of the Geographical Society of London”, 1870.

стантских миссионеров и русских коммерсантов, сгруппированы в деревне, вне китайского города, с его грязными и вонючими улицами. Сюань-хуа-фу, расположенный при входе в поперечную долину, через которую протекает дорога из Пекина в Калган, тоже торговый город, куда приезжает много купцов, китайцев и монголов. Он был столицей империи при монгольской династии, и с этой эпохи сохранил еще внушительные крепостные стены, триумфальные арки, обширные парки. Подобно соседнему городу Да-тун-фу, лежащему гораздо западнее и более выдвинутому в середину гор, Сюань-хуа-фу занимает очень выгодное местоположение для развития мануфактурной промышленности, так как окружающие долины производят в изобилии съестные припасы, а залегающие в соседстве мощные пласты каменного угля могли бы доставлять все топливо, потребное для переработки сырых продуктов, привозимых монголами, шерсти, кож, верблюжьего волоса¹; он ведет обширную торговлю табаком и войлоками. Город Цзи-мин (Kiming), на дороге от прохода Гуань-гоу в Сюань-хуа-фу, имеет некоторое значение, как главная почтовая станция для всего северного Китая. Виноградники в окрестностях этого города производят белое вино, одно из наиболее высоко ценимых, которое можно найти только на столах самых богатых мандаринов².

Особенно многочисленные города в южной части провинции, орошаемой различными притоками рек Хунь-хэ и Бай-хэ. Самый большой из этих городов Бао-дин-фу, сообщавшийся с столицей через Чжо-чжоу и выбранный на место Пекина, главным административным центром провинции и официальной резиденцией вице-короля или наместника, который, впрочем, чаще имеет пребывание в Тянь-цзине. Бао-дин-фу—город правильно построенный, лучше содержимый, чем сама столица империи, и очень торговый. Окрестные поля, где преобладает культура проса, как и во всей провинции Чжи-ли, превосходно обрабатываются; недалеко от Бао-дина, в Хуань-ту-сянь стоят, окруженные исполинскими кипарисами, очень древние холмы, воздвигнутые в честь мифического Яо и его матери, Чжэн-дин-фу, на юго-западе, «огромный город с большими и прекрасными стенами», лежащий близ гористой границы провинции Шань-си, тоже промышленный город, но пришедший в упадок; здешние ремесленники занимаются преимущественно фабрикацией из железа, добываемого в Шэнь-си, изображений Будды, которые расходятся по всему северу Китая³. Бронзовые идола Чжэндинских храмов принадлежат к замечательнейшим в империи; один из них имеет 24 метра (слишком 11 сажен) вышины. Далее, на юге, лежит город Да-мин-фу, один из главных рынков стран, прилегающих к Желтой реке.

Важнейшие города провинции Чжи-ли, цифра населения которых (приблизительная) указана новейшими путешественниками, суть:

Тянь-цзинь—950.000 жителей по Chronici and Directory 1897 г.; Пекин—600.000 по Бретшнейдеру⁴, Чжан-цзя-коу (Калган)—80.000 по Певцову; Бао-дин-фу—150.000 по Вильямсону; Тун-чжоу—100.000 по Бретшнейдеру; Сюань-хуа-фу—90.000 по Гранту; Чжао-чжоу—25.000 по Вильямсону; Бэй-тань—20.000 по Матусовскому; Чжэн-дин-фу—10.000 жит. по Арману Давиду.

Полуостров Шань-дун

Шань-дун составляет географическую область, совершенно отличную от остального Китая. Эта страна «Восточных гор»,—ибо таков буквальный смысл слов Шань-дун,—состоит из двух островных массивов гор и холмов, из которых один далеко выдвинут в воды, между Чжилийским заливом и собственно так называемым Желтым морем, и которые на западе совершенно ограничены обширными аллювиальными равнинами, отложенными рекой в быв-

1 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi“, etc.

2 Grant, „Journal of the Geographical Society of London“, 1863.

3 Oxenham, „Mittheilungen von Petermann“, IV. 1870.

4 „Chronici and Dir.“ 1897 г. указывает до 1.300.000, из коих 900.000 в Маньчжурском и 400.000 в Китайском городе.

шем море. С этой стороны Хуан-хэ перемещала свое течение в продолжение ряда веков, отлагая приносимые его водами землистые частицы, то на севере, то на юге Шаньдунского полуострова. По своей общей форме этот полуостров походит на полуострове Ляо-дун, который выдвинули перед собой горы Маньчжурии, но он больше размерами. Берега его, обследованные в первый раз европейскими кораблями в 1793 году, во время посольства в Китай англичанина Макартнея, изрезаны бесчисленными бухтами, закругляющими свои правильные кривые от одного до другого выступа твердой земли. Почти все его мысы оканчиваются крутыми, обрывистыми откосами, а между тем воды, омывающие подошвы этих мысов, не имеют значительной глубины; подводные камни, высунувшиеся из воды скалы, островки, продолжают некоторые мысы на большое расстояние в море; существует даже род перешейка, частью выступившего из-под воды, который соединяет северный берег Шань-дуна с оконечным мысом полуострова Маньчжурии посредством островов Мяо-дао и мелей. Наибольшая глубина, в этих водах, образующих вход в Чилийский залив, достигает 71 метра, средняя же глубина всей впадины не превышает 25 метров; эта малая толщина жидкого слоя, покрывающего дно морское, объясняется постоянным отложением твердых частиц, приносимых Желтой рекой. Тем не менее китайские барки небольшого водоизмещения могут проникать в большую часть бухточек морского побережья; еще легче могли недавно мелкие суда огибать полуостров Шань-дун на западе через Юнь-хэ или Большой канал. Таким образом весь этот край был островом с точки зрения судоходства, тогда как для сухопутной торговли он оставался частью материка. Удобство торговых сообщений дополнило выгоды географического положения, которые обеспечивают Шань-дуну его превосходный климат, плодородие его равнин, богатство его рудных месторождений. И населенность достигла там необычайной густоты; вдоль больших дорог и рек, города и деревни следуют одни за другими через короткие промежутки, и с высоты многих холмов все пространство, обнимаемое кругом небольшого склона, представляется как один громадный город, перерезанный там и сям садами. По официальным статистическим данным выходит, что эта область Китая населена, пропорционально пространству, гуще, чем даже Бельгия. Поверхность Шань-дуна, согласно Матусовскому, 2.619,36 квадратных геогр. миль; население в 1887 году: 36.644.255 душ; следовательно, средним числом, на каждую квадратную милю приходится по 13.994 жителя¹. Во многих отношениях население Шань-дуна разнится от населения низменных равнин Желтой и Голубой рек; люди там отличаются более крепким телосложением и кажутся более энергичными: они вообще имеют более смуглый цвет кожи и более выразительные черты лица. Во многих местах полуострова, и особенно в окрестностях города Чжи-фу (Чифу), туземцы показывают древние могилы, оставленные, по преданию, расой, предшествовавшей прибытию в край китайцев².

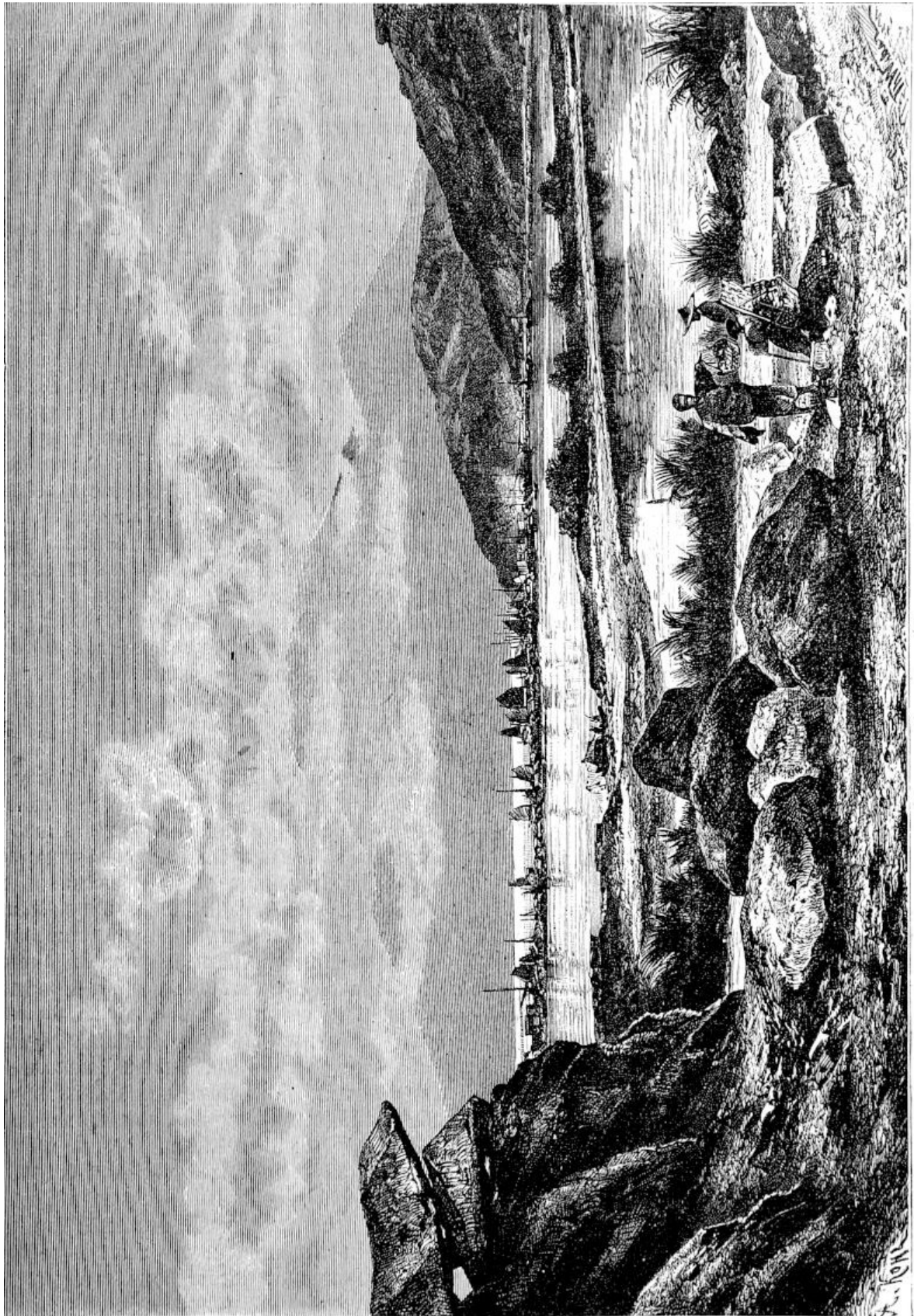
Горы, образующие остоу полуострова, могут быть рассматриваемы, в их совокупности, как остатки плоскогорья, разрезанного во всех направлениях маленькими речками. На севере ряд высот тянется в очень близком расстоянии от морского побережья, и мореплаватели, огибающие полуостров, видят их следующими одна за другой от востока к западу, почти все одинаковой формы и одинаковой величины; это правильные конусы, с пологими скатами, так что Макартней и его спутники, сравнивая эти горы с остроконечными шляпами, какие носят китайские офицеры, отметили их, в своих корабельных журналах, под названием «мандаринских шапок»: ни одна из них не достигает высоты 1.000 метров. Южная часть полуострова, вообще говоря, ниже северной; но один уединенный пик, Лао-шань, господствующий на западе над живописной бухтой, усеянной островками, подымается на 1.070 метров высоты: это высшая точка полуострова в собственном смысле. По ту сторону другой бухты, называемой Вэй-шань, которая открывается в морском берегу как обширный кратер, гора Да-мо-шань (680 метров) составляет конечный предел системы горных цепей, которая тянется на запад и постепенно сливается с поверхностью почвы на берегу Желтой реки, выде-

1 Известный ежегодник „Almanach de Gotha“ в 1898 г. указывает только 25.000.000 душ населения.

2 Williamson, „Journeys in North China“, „Manchuria and Eastern Mongolia“.

лив из себя перед тем вправо и влево несколько боковых отраслей. Вот высота этих цепей:

Гуань-ю-шань, на востоке полуострова—880 метров; Лу-шань, на юго-запад от Дэн-чжоу—765 метр. Да-цзы-шань, на юге от Лай-чжоу-фу—740 метр.

Видъ близъ Гонконга.

Между этими массивами южной и западной части Шань-дуна и горными цепями, идущими вдоль северного берега, открывается глубокая низменность, широкая площадь равнин, соединяющая Чилийский залив с бухтой Цзяо-чжоу, около основания полуострова;

середину этой впадины наполняет озеро Бо-май-ху, то есть «Озеро белой лошади», которое может быть рассматриваемо, как остаток некогда существовавшего пролива: судоходный канал, теперь засоренный и представленный на карте иезуитов в виде реки, соединял два моря¹.

Самые высокие вершины западных гор поднимаются почти непосредственно над равнинами Желтой реки, на юге от Цзи-нань-фу, главного города провинции. Да-шань или Тай-шань, то-есть «Большая гора»,—таково имя, прославленное во всем Китае, главной вершины (1.545 метров или 5.600 ф.). По китайской мифологии, Тай-шань самая святая из пяти священных гор империи. «Она равна небу, благодетельному властителю; от неё зависят рождение и смерть, счастье и несчастье, слава и бесчестие людей». Уже более 41 столетия тому назад, по свидетельству «Книги летописей» (Шу-цзин), император Шунь ходил на вершину этой горы совершать жертвоприношения небу, холмам и рекам. Сам Конфуций, родившийся в соседстве этого священного пика, пытался взойти на него, но не мог достигнуть вершины; древний храм указывает место, где он должен был остановиться. Со времени его восхождения подъем на святую гору был облегчен устройством превосходной мощеной дороги, длиной около 19 километров, и широких лестниц, осененных, до высоты 600 метров, кипарисами, кедрами и тисами, а выше соснами с горизонтальной верхушкой. Носильщики паланкинов ожидают пилигримов на каждой площадке лестницы. Храмы, киоски, жертвенники возвышаются на каждом выступе горы; от вершины до подошвы дорога окаймлена алтарями и скамьями для отдохновения верующих; расположенный внизу, сплошь наполненный религиозными зданиями, город Тай-ань-фу, считается владением, принадлежащим священной горе. Целые населения калек и нищих живут милостыней, раздаваемой богомольцами; все эти несчастные, одетые в отвратительные рубища, копошатся у входа в гроты, посреди груд камней, и составляют печальный контраст с богатством храмов и красотой окружающей природы².

Почти все горы полуострова Шань-дун совершенно обезлесены; леса должны были уступить место пашням на нижних скатах, да и деревья, покрывавшие высоты, не были пощажены алчным земледельцем. В стране, где жители так тесно скучены, где поселения так близки одно от другого, природа почти совершенно утратила свою самородную флору: теперь растения, введенные человеком, придают местности её особенную физиономию. Дикие животные, беспощадно преследуемые охотниками, почти совсем исчезли, а господствующая в крае система мелкого земледелия не позволяет держать много домашнего скота. Но в этом Срединном царстве, пользующемся столь благоприятными условиями для развития земледельческой производительности, мало найдется провинций, которые равнялись бы Шань-дуну по относительной пропорции хороших земель, пригодных для такого большого разнообразия культур. Что касается минеральных богатств, то Юнь-нань единственная область Китая, которая имеет их более, чем Шань-дун: в этом последнем крае существуют очень обширные пласты каменного угля; кроме того, там находят золото и все благородные металлы, железная руда встречается в изобилии, а горные породы заключают в себе драгоценные камни; там собирают даже мелкие алмазы³. Климат на полуострове, как и во всей северной половине Китая,—климат крайностей, жаркий летом, очень холодный зимой; иногда даже море замерзает вдоль северных берегов, и тогда можно ездить по льду на мулах до островов, рассеянных по окружности Шань-дуна⁴. Но по крайней мере здешний климат представляет ту выгоду, что переходы от тепла к холоду и от холода к теплу совершаются постепенно и правильно, благодаря умеряющему влиянию морских вод, омывающих берега, и препятствию, которое противопоставляют возвышенности Маньчжурии и Кореи—быстрому вторжению полярных ветров. Но тифоны или тайфуны не оканчивают свою кривую в Желтом море; они

1 Williamson, „Journeys in North China“, „Manchuria and Eastern Mongolia“.

2 Williamson, цитированное сочинение;—Markham.

3 Gardner, „Proceedings of the Geographical Society of London“, октябрь 1880.

4 Pallu, „Relation de l'Expedition de Chine en 1860“.

почти также часто проникают и в Чжилийский залив.

Между сотнями городов, скученных на относительно небольшом пространстве полуострова Шань-дун, самые многочисленные, естественно, те, которые находятся на аллювиальной равнине в западной части провинции, те, которые орошаются Желтой рекой и её притоками, и через которые проходит судоходный путь Большого канала (Юнь-хэ или «перевозочной реки»). Но эти же города наиболее подвержены опасностям как со стороны природы, так и со стороны человека. Многие из них не раз были совершенно разрушены наводнениями, и окружающие их поля превращались временно в болота, другие города были предаваемы разграблению инсургентами тайпингами или разбойниками, и рассеянное население принуждено было искать убежища в защищенных стенами городах или в менее доступных местностях гор. Но после каждой такой катастрофы пострадавшие города быстро оправляются и вновь заселяются; в короткое время разрушенные дома из глины или кирпича опять отстраиваются, бараки устанавливаются на прежних местах, и торговая деятельность снова закипает. Так, Дун-чан-фу, ядро которого составляет маловажный город, обнесенный стенами, получил видное место по своим громадным форштатам, между самыми деятельными городскими поселениями Срединной империи: лабиринт его улиц и каналов напоминает Шанхай или Тянь-цзинь. Этот город Шань-дуна, расположенный при Большом или Императорском канале, есть один из древнейших городов Китая, один из тех, имя которых всего чаще появляется на страницах летописей; отсюда вышла династия Чжоу, основанная баснословным героем Ваном, «с лицом дракона и с плечами тигра». На севере от Дун-чана, города Линь-цин и Чжэн-цзя-коу, которые тоже были опустошены во время последнего восстания, теперь снова поднялись на стень многолюдных и торговых центров. Особенно важен последний из них, Чжэн-цзя-коу, как первоклассный рынок для торгового обмена между провинцией Чжи-ли и центральными областями империи; он ведет торговлю даже с Монголией, как о том свидетельствуют караваны верблюдов, которые встречаешь на его улицах¹.

Цзи-нань (Шинанли в книге Марко Поло), нынешний главный город провинции, тоже лежит в наносной области, к западу от горных цепей; окружающие его поля, чрезвычайно плодородные и усеянные отдельно стоящими конусообразными горами, бывшими вулканами², полого спускаются к Желтой реке, которая течет в 7 километрах на север от города, в прежнем русле реки Да-цин-хэ. Равный по пространству Парижу, так как ограда его имеет 12 километра в окружности, Цзи-нань есть один из городов Китая, наилучше содержимых и наиболее правильно построенных; в то же время это один из городов, которые заключают в своих стенах наибольшее число жителей, исповедующих иностранные религии: число магометан простирается там до 10.000 по Вильямсону, до 20.000 по Маркгаму; кроме того, в городе и окрестностях насчитывают до 12.000 христиан католиков. Одна из главных промышленности Цзи-наня фабрикация шелковых тканей, особенно одной материи, для которой употребляют коконы дикого шелковичного червя, питающегося листьями дуба. Поддельные драгоценные камни, приготовляемые в Цзи-нане, также составляют предмет значительной торговли в Китае. В 5 километрах к востоку от главного города Шань-дуна находится холм, состоящий из железной руды, частью из магнитного железняка. Ло-коу служит пристанью Цзи-наню на Желтой реке.

Тай-ань-фу, город храмов, в котором оканчивается исполинская лестница священной горы Тай-шань, тоже лежит в бассейне Желтой реки, на притоке реки Вынь-хэ, протекающей через горнозаводскую область, изобилующую месторождениями железа и каменного угля; он дает приют многочисленным пилигримам, приходящим со всех концов Китая на поклонение святой горе. В 1869 году, во время посещения города Маркгамом, там было до 70.000 иногородних посетителей³. Главный храм, посвященный горе, занимает наибольшую

1 А. Williamson, цитированное сочинение.

2 Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1870.

3 „Mittheilungen von Petermann“, XI, 1869.

часть северной половины города; он стоит среди обширного парка (около 10 гектаров), деревья которого были посажены разными императорами, начиная с десятого столетия. Стены святилища покрыты очень любопытной панорамической живописью, представляющей императорскую процессию древних времен, с белыми слонами и верблюдами⁴. Далее на юге, уже в равнине, недалеко от болотистых пространств, через которые проходит Большой канал, находится главный город всего юго-западного Шань-дуна, Янь-чжоу-фу, некогда столица одной из девяти провинций, на которые император Юй разделил государство, слишком 4.000 лет тому назад: надпись, помещенная на западных воротах города, напоминает его былую славу. Вообще, здесь мы находимся в одной из классических областей Китая, и имена городов, гор, рек этого края встречаются на каждой странице древнейших летописей страны. Так, километрах в двадцати на восток от Янь-чжоу-фу, показывается знаменитый город Цюй-фоу, родина Конфуция, и населенный почти единственно его потомством; четыре пятых общего числа жителей, то-есть, по меньшей мере, 20.000 лиц, носят имя великого китайского моралиста⁵. Это по большей части люди сильные и хорошо сложенные; но, кажется, ни один член этой семьи, столь многочисленной и столь уважаемой, не отличился исключительным образом в течение восьмидесяти поколений, следовавших одно за другим с той эпохи, когда их общий родоначальник дал нравственные законы империи. Главный храм, воздвигнутый в память Конфуция, есть одно из великолепнейших и обширнейших религиозных зданий Китая и включает длинный ряд надписей, принадлежащих по времени всем династиям, царствовавшим в последние две тысячи лет; вазы, орнаменты из бронзы, изваяния, резьба из дерева украшают галлереи и стены храма и образуют полный музей китайского искусства; в окружающем парке растут очень древние деревья, глубоко чтимые верующими. При входе во дворец показывают старый кипарис с узловатым стволом, посаженный, по преданию, самим Конфуцием, а в частных апартаментах князя или главы рода можно видеть драгоценные предметы, принадлежавшие великому нравоучителю, урны, треножники, манускрипты; владение этой особы, составляющее непосредственный лен империи, обнимает пространство не менее 66.000 гектаров. Когда инсургенты тайпинги проникли в город Цюй-фоу, они оказали полное уважение храму, дворцу и их сокровищам; узнав, что местный мандарин принадлежит к фамилии философа, они воздержались даже от убийства его, сделав в этом случае отступление от своего постоянного правила. Недалеко от храма возвышается могильная земляная насыпь, от которой, вероятно, город и получил свое название Цюй-фоу или «округленный курган», и под которой покоится прах Конфуция; вокруг этого кургана и на обширном протяжении страны простирается фамильный некрополь. Другие могилы императоров и вельмож, из которых иные жили еще до Конфуция, также видны в окрестностях города. Наконец, на юго-запад оттуда, близ маленького города Цю-сянь, другое кладбище, деревья которого, дубы и кипарисы, образовали священный лес, принимает уже более двадцати двух столетий тела всех потомков Мэн-цзы, самого знаменитого из учеников Конфуция. Таким образом в Китае физиологи могут изучать то, чего они тщетно ищут в Европе, именно семейства непрерывно продолжающиеся уже слишком две тысячи лет, впрочем, нужно заметить, что при каждом браке эти роды смешиваются с чужой кровью, так как брачные союзы между лицами одного и того же фамильного имени безусловно воспрещены в Срединном царстве. В 1865 году, когда Вильямсон посетил город Цю-сянь, глава семейства, потомок Мэн-цзы по мужской линии, принадлежал к семидесятому поколению.

Прежний главный город полуострова Шань-дун, называемый Цин-чжоу-фу, расположен на северной покатости гор, в долине, воды которой бегут прямо в Чжилийский залив, параллельно течению Желтой реки. Это тоже большой город, хотя он кажется пришедшим в упадок и утратившим блеск, которым он славился в древности; татарский город, ныне почти совсем покинутый, напоминает первые времена маньчжурского завоевания. Это один из главных центров ислама в восточном Китае: там насчитывается несколько тысяч магометан, и

4 Willamson;—Markham.

5 Markham, „Proceedings of the Geographical Society of London”, 1870.

изучение арабского языка еще не оставлено. Окружающая область очень густо населена, и промышленность там достигла замечательного развития и процветания. В Бо-шане, на юго-западе, холмы изрыты в разных направлениях галереями для эксплуатации каменного угля, а скалы песчаника размельчены в порошок для фабрикация стекла, которое отправляется с здешних заводов во все части Китая; одно предместье Бо-шаня составляет один большой завод.

Город Шань-дуна, Вэй, не имеет титула главного города провинции: это просто сянь или «третьеклассное место»; но он занимает очень выгодное положение посреди равнины, разделяющей два горные массива провинции, и находится в удобном сообщении с двумя берегами полуострова, северным и южным. Вэй-сянь есть главный складочный пункт для шелковых тканей, табаку, каменного угля, железа, селитры, производимых строною, и отсюда все эти продукты и товары посылаются в плохой порт Цзя-ин или в другие гавани морского побережья. Давно уже был составлен план железной дороги, которая поставила бы Вэй-сянь в сообщение с морем, но китайское правительство не преминуло противопоставить свою обычную силу инерции этому проекту европейцев¹. В настоящее время Вэй-сянь сделался уже центром сети проезжих дорог, которые соединяют его с портами южного берега, с большим рынком Чжоу-цунь, с богатым Пин-ду, окруженным золотыми приисками, и с прибрежными городами Чжилийского залива, из которых назовем Лай-чжоу-фу, славящийся своими ломками стеатита (камень жировик или мыловка), где иссечен в горе целый лабиринт галлерей.

В самой северной части полуострова один город, лежащий во внутренности страны, играет ту же роль, что и Вэй-сянь, как складочное место и рынок для отправки привозимых товаров: это Хуан-сянь. Оттуда одна дорога направляется на запад к порту Лун-коу, который ведет довольно значительную торговлю с Маньчжурией; другая ведет на север к большому городу Дэн-чжоу-фу, открытому, в силу трактатов, европейской торговле. Прежде воды залива были в этом месте глубоки и джонки могли свободно проникать в самый город для выгрузки своих товаров; теперь же даже простые барки не могут уже входить², а крупные суда должны становиться на якорь в большом расстоянии от берега, в открытом море. В виду этого неудобства, иностранные негоцианты перевели свои конторы в более обширный и более глубокий порт Янь-тай или «Дым», получивший такое название от огня, который в прежние времена служил сигналом жителям побережья, предупреждавшим их о приближении японских пиратов. Однако, город более известен под именем Чжи-фу (Чифу), по мысу, который защищает рейд на северо-западе, и над которым господствует конусообразная гора, высотой в 300 метров; при основании этого мыса должны были устроить порт, дабы защищать суда от северных ветров. Чифу, бывший в половине настоящего столетия простой деревней, теперь представляет один из главных городов провинции Шань-дун и один из тех портов Китая, где европейцы водворились наиболее удобным образом. Летом Чифу составляет своего рода Трувиль для иностранных колоний Китайской империи (торговые обороты порта Чифу в 1897 году, по ценности, простирались до 22.051.976 лан; движение судоходства в 1895 году: 1.809 судов, общая вместимость которых равнялась 1.669.845 тон.)³. Другие приморские города, лежащие на восточной оконечности полуострова: занятый в мае 1898 года англичанами Вэй-хай-вэй, с превосходной гаванью, Юн-чэн, Ши-дао, имеют важность только для местной торговли между Шань-дуном и Кореей.

В сравнении с северной покатостью берегов Шань-дуна, южный скат, обращенный к открытому морю, беден большими городами и оживленным судоходством рейдами. Один из самых многочисленных городов этой области—Лай-ян, обнесенный каменными стенами, которые возвышаются на берегу реки, изливающейся в порт Дин-цзы. Город Цзи-мо, на юго-западе, тоже важен как рынок сельско-хозяйственных продуктов, откуда вывозятся преиму-

1 Alabaster, „Mittheilungen von Petermann“, XI, 1869.

2 Williamson, цитированное сочинение.

3 Официальные отчеты императорских морских таможен за 1897 год.

щественно свиньи, разного рода хлеб, плоды; километрах в пятидесяти к югу от этого города возвышается холм, усеянный храмами и изрытый во всех направлениях галереями, где собирают драгоценные камни, которые жрецы продают в свою пользу во время ярмарок, устраиваемых по случаю стечения пилигримов. Цзи-мо, Гао-ми, Цзяо-чжоу и другие города страны отправляют свои произведения через порты большого внутреннего рейда, которому до сих пор еще дают название бухты Цзяо-чжоу, хотя этот город отодвинулся уже далеко от берега внутрь полуострова, вследствие образования наносных земель. *Как известно, Цзяо-чжоуская бухта в настоящее время составляет арендную собственность Германии, занявшей ее в зиму 1897 года*.

В южной области Шань-дуна, воды которой теряются на юге среди болот, заменивших старое устье Желтой реки, самый многолюдный город—И-чжоу, где существует значительная община магометан. Последние отроги «Восточных гор» (Шань-дун), которые исчезают близ города И-чжоу, и один из которых есть священная гора, почти столь же высоко чтимая, как и Тай-шань, заключают в себе пласты ископаемого угля, правильно разрабатываемые.

Города провинции Шань-дун, население которых указано, приблизительно, новейшими путешественниками или консульскими отчетами, суть:

Вэй-сянь, по Алабастеру—250.000 жителей; Дэн-чжоу-фу (консулы)—230.000 жит.; Цзинань, по Фовелю—200.000 жит.; Чжэн-цзя-коу (Вильямсон)—200.000 жит.; Чжи-фу—35.000 жит. (в 1896 г.); Цинь-чжоу, по Маркгаму—70.000 жит.; Янь-чжоу-фу, по Маркгаму—60.000 жит.; Цзяо-чжоу, по Маркгаму—60.000 жит.; Лай-ян, по Вильямсону—50.000 жит.; Тай-ань-фу, по Маркгаму—45.000 жит.; Бо-шань, по Маркгаму—35.000 жит.; Цуй-фоу, по Маркгаму—25.000 жит.; Цзи-мо, по Маркгаму—18.000 жит.; Ши-дао, по Вильямсону—10.000 жит.; Гао-ми, по Вильямсону—10.000 жит.; Цю-сянь, по Маркгаму—10.000 жителей.

Бассейн Желтой реки

Провинции Гань-су, Шэнь си, Хэ-нань.

Бассейн Хуан-хэ или Гоан-го, то-есть «Желтой реки», обнимает, в Тибете и в «Срединном цветке» или собственно Китае, пространство, исчисляемое в 1.500.000 квадратных километров, следовательно, в три раза превосходящее поверхность Франции; однако, она составляет лишь второстепенный бассейн Китайской империи; иногда даже, в течение веков, она была не более, как подчиненный бассейн или бассейн притока, так как воды её переставали течь в океан и частью отклонялись к Ян-цзы-цзяну. Хотя весьма значительно уступающий этой великой реке по площади бассейна, по длине течения и по объему жидкой массы, Хуан-хэ, тем не менее, довольно могуч, чтобы образовать обширную гидрографическую систему вместе с Голубой рекой, от которой он резко отличается на всем своем протяжении, от истока до устья, ходом своих вод, культурой своих берегов, образом жизни и нравами прибрежных населений. Чтобы выразить этот контраст, китайцы сделали из этих двух рек представителей двух начал, которые, по их верованию, разделяют между собой мир мужского начала или *ян* и женского начала или *ин*, из которых первое почитается также принципом Неба, а второе принципом Земли: Хуан-хэ река женского пола; посвященная Земле, она обозначается желтым цветом, цветом, который обитатели «Желтых земель», естественно, приняли за цвет земной по преимуществу. Правда, что волны Хуан-хэ всегда имеют желтоватую окраску, но и воды Ян-цзы-цзяна едва-ли менее мутны, чем воды другой реки.

Известно, что Хуан-хэ и Ян-цзы-цзян зарождаются на одной и той же плоской возвышенности и перерезывают одни и те же аллювиальные равнины в своих низовьях, но в среднем течении орошают местности очень отдаленные и весьма различные одни от других. По выходе из возвышенных пастбищ, усеянных таинственными «Озерами звезд», которых до

настоящей минуты тщетно искали новейшие европейские путешественники, Хуан-хэ вырывается из области гор через грозные ущелья, не описывая, однако, той через чур огромной дуги, какая изображается на большей части старинных карт¹. Сделавшись уже значительной рекой, он принимает в себя горные потоки и реки, берущие начало в высотах, окружающих озеро Куку-нор. и вскоре после того достигает границ пустыни, возмещаемой Великой стеной. Следуя далее в косвенном направлении на север, он течет некоторое время вдоль подошвы плоскогорий Монголии и перерезывает хребет Ала-шань, выходит даже за пределы территории собственного Китая, чтобы обойти Ордосский край, и проникает в область пустыни. Песчаные дюны подступают к самому берегу потока через брешь, открывающуюся между цепями Ала-шань и Ин-шань, и соляные озера наполняют впадины долины в непосредственном соседстве реки. Вероятно, что в прежнее время Желтая река разливалась в виде обширного озера в пространстве, разделяющем две названные горные цепи; в этом месте своего течения Хуан-хэ разветвляется на несколько рукавов, которые меняют место, смотря по разливам². Во время путешествия Пржевальского, в 1871 году, главным потоком был южный рукав, средняя ширина которого около 400 метров; но рукав этот был, очевидно, недавнего образования, и несколько боковых потоков извивались по равнине, доходя до основания гор Ин-шань³. Эти-то перемещения течения, вероятно, и подали повод к легенде, что будто бы река исчезает целиком в песках, огибая Ордосский полуостров, после чего ниже снова выходит на поверхность земли, среди скал⁴.

Ниже этой полуозерной области, свидетельствующей о существовании некогда в этом месте естественной запруды, река, которая снова приняла восточное направление, ударяется о гнейсовые горы, образующие на юго-востоке внешние уступы плоской возвышенности Монголии. Геолог Помпелли полагает, что ему удалось отыскать следы старого ложа, по которому прежде протекала Желтая река, следуя вдоль подошвы монгольского нагорья; многочисленные озера, следующие одно за другим в виде ожерельев и сообщающиеся между собой посредством узких проходов, указывают, по его мнению, место прохождения старого потока, который некогда изливался в Желтое море через реку Бай-хэ. Засыпанная обвалами или запруженная излияниями лавы, Хуан-хэ должна была изменить направление, и теперь она поворачивает прямо на юг, пересекая две параллельные цепи гор, так что эта часть течения дополняет собою огромную дугу протяжением более 2.000 километров, которую она описывает вокруг Ордосского края и провинции Шэнь-си. Может быть, к образованию этого нового русла Желтой реки и относится следующая китайская легенда: «В это время Цзин-гун боролся с Чжуан-чжоу из-за господства над миром. В ярости он ударил своим рогом в гору Бу-чи-ао (Putchiao), поддерживающую столбы неба, и цепи земли порвались. Небеса обрушились на северо-западе, и земля широко растреснулась на юго-востоке»⁵. По свидетельству католических миссионеров прошлого столетия, один вид рыб встречается только близ Баодэ-чжоу, в той части Хуан-хэ, которая отделяет провинцию Шэнь-си от провинции Шань-си; таким образом фауна напоминает о существовавшем некогда разобщении двух половин нынешней реки.

Крутой поворот к востоку, при слиянии с рекой Вэй-хэ, ограничивает точным образом среднее течение главной реки, ниже большего прорыва. Можно сказать в известном смысле, что Хуан-хэ, несмотря на обилие его вод, есть приток Вэй-хэ, ибо эта последняя река, также, как, например, Сена, соединяющаяся с Роной, сохраняет свое первоначальное направление, и её долина, колыбель китайской цивилизации, есть одна из правильных, которые открываются параллельно хребтам центрального Китая⁶. При том же Вэй-хэ, самый большой из при-

1 М. Н. Пржевальский, „Беседы в Географическом Обществе“, в 1881 г.

2 Raphael Pumpelly, „Geographical Researches in China; Smithsonian Contributions to Knowledge“, 1866.

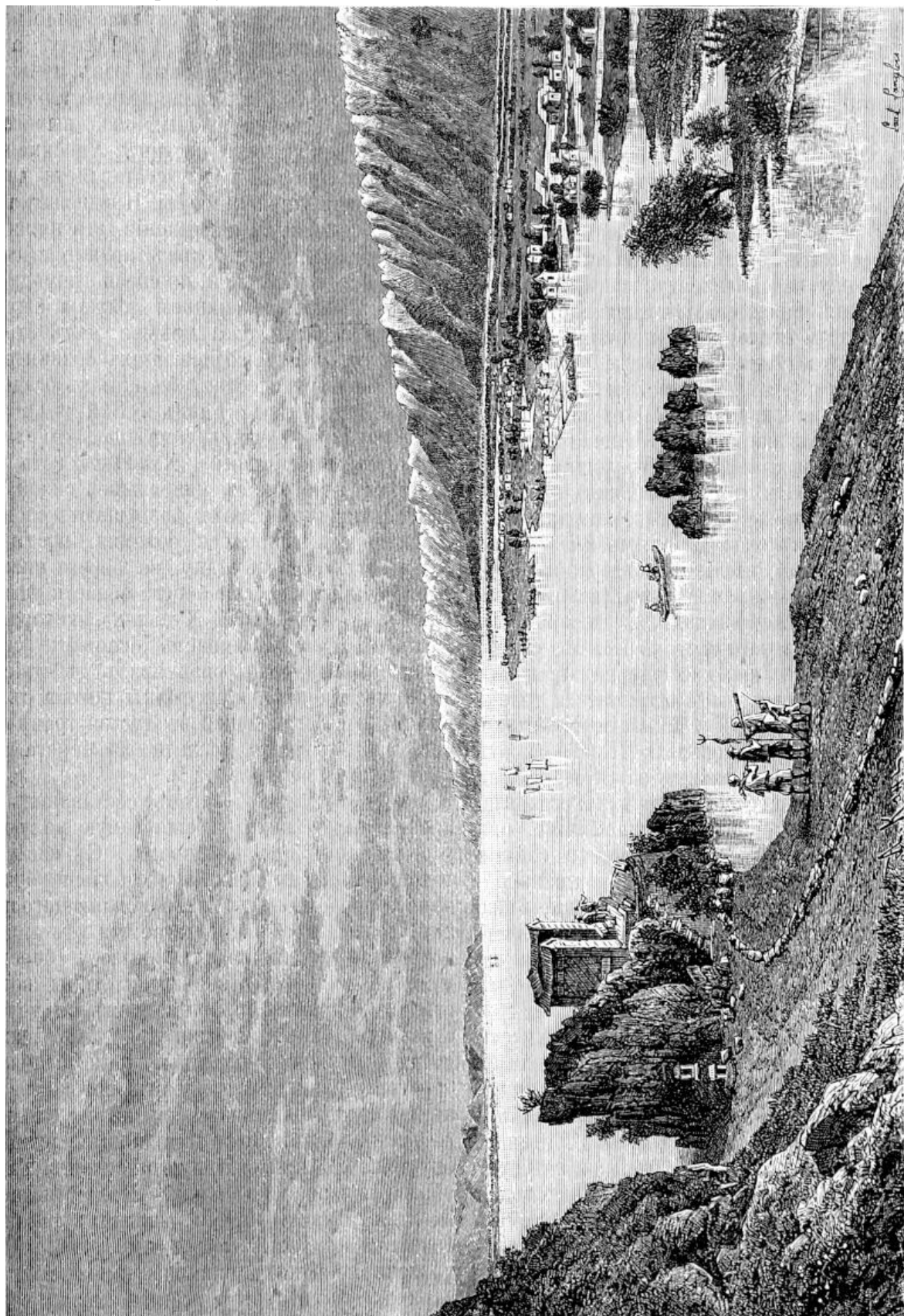
3 Пржевальский, „Монголия и страна тангутов“.

4 Карл Риттер, „Землеведение Азии“.

5 Klaproth; — Ritter; — Pumpelly.

6 Карл Риттер, „Азия“, т. IV.

токов Желтой реки, важнее последней для судоходства: тысячи плоскодонных барок поднимаются вверх по течению его до половины дороги от того колена при Лань-чжоу-фу, откуда начинается поворот Хуан-хэ к Монголии.

Озеро Да-ли

Обе названные реки одинаково насыщены землястыми частицами, которые они увлекают, размывая и подтачивая рыхлые земли своих высоких берегов и обрывистые береговые утесы, состоящие из «желтозема». Неизвестно еще с точностью, как велика средняя пропор-

ция мути в воде Хуан-хэ, так как над этим до сих пор сделано было весьма немного наблюдений. В 1792 году, англичанин Стоктон в первый раз попытался измерить сток реки или количество протекающей в секунду воды: он вычислил, что доля землистых частиц, уносимая потоком желтоватой воды, составляет две сотых объема жидкой массы. Предполагая, что не было ошибки в наблюдении, эта пропорция твердых веществ представляется совершенно исключительной по своей громадности: средним числом, наносы должны быть в три или четыре раза меньше, как это мы видим в реках, содержащих сравнительно наибольшее количество землистых осадков, каковы, например, Ганг и Бай-хэ¹; тем не менее не подлежит сомнению, что между «реками работницами» Хуан-хэ есть одна из тех, которые с наибольшей силой и в наибольших размерах разрушают свои высокие берега, перенося обломки, последовательно от этапа к этапу, на берега нижнего течения или на плоские берега области устьев. Проезжая вдоль края Хуан-хэ, которая в этом месте подтачивает основание своего берега, Вильямсон сравнивал действие каждой последовательной волны потока с размахом косы, гуляющей в густой траве луга: при каждом ударе реки полоса берега исчезала в желтоватой воде².

Но размывание берегов составляет для прибрежных жителей еще самую малую из угрожающих им опасностей. С известной точки зрения они должны еще больше бояться наноса плодотворного ила, обновляющего почву их полей, ибо эти отлагаемые рекой земли постоянно увеличивают высоту берегов: мало-по-малу естественные плотины воздвигаются по краям реки на всем её течении; соразмерно тому повышается дно ложа, и когда наступают разливы, когда один из берегов размыт, прорван потоком, или когда вода поднимается выше естественной насыпи, тогда образуется новый рукав и опустошает прилегающую местность. Таким образом, подобно Нилу, По, Миссисипи, Желтая река во время больших разливов течет на уровне более высоком, нежели уровень соседних равнин, и под влиянием страха, у которого всегда глаза велики, местное население не преминуло вообразить себе эту разность уровней гораздо более значительной, чем какова она есть в действительности. В Италии часто повторяли, да и теперь еще повторяют, что «воды По текут выше крыш Феррары»; точно также китайские писатели, цитируемые Карлом Риттером, утверждают, что во время половодья поверхность потока в русле Желтой реки превышает на 11 чанов, или на 33 метра, плоскость прибрежных равнин! Это, конечно, большое преувеличение, но нельзя отрицать того, что в периоды разливов происходит угрожающая разность уровней воды и суши, и жители страны принуждены тогда употреблять все усилия, чтобы защитить свои дома, свои посевы и даже свою жизнь против выступления из берегов грозной стихии.

Подобно прибрежным обитателям По, Луары, Миссисипи, население, сгруппированное по течению Хуан-хэ, прибегло к системе искусственных плотин, чтобы сдерживать поток в берегах. По обеим сторонам реки тянутся магистральные насыпи из глины, подпираемые земляными отводами или контр-плотинами, которые, в свою очередь, опираются на второстепенные плотины. Выше города Кай-фын-фу, две главные плотины левого берега, имеющие не менее 22 метров высоты, тянутся параллельно реке, на расстоянии 3.200 и 2.400 метров от естественного высокого берега, и пространство, предоставленное водам разлива, между этими валами и рекой, разрезано на длинные прямоугольники поперечными плотинами³. Наиболее угрожаемые прибрежные местности разделены таким образом на многочисленные перегородки, где задерживаются воды наводнения, и где земледельцы сеют свое зерно и собирают свои жатвы в промежутки между двумя последовательными разливами. Прежде чем излиться в открытую равнину, поднимающаяся вода должна прорваться через несколько валов: если хотя один из них, последний, выдержит напор потока, то страна спасена от бедствия. Но вся эта сеть боковых плотин, над исправным содержанием и починкой которых постоянно трудится масса рабочих, имеет неизбежным следствием постепенное возвышение

1 Guppy, „Nature”, 23 sept. 1880

2 Williamson, „Journey in North China, Manchuria, and Mongolia“

3 Oxenham, „Mittheilungen von Petermann”, IV, 1870.

берегов, как результат быстрого отложения наносов в упомянутых перегородках между насыпями. Соразмерно тому увеличивается разность высоты между речным уровнем и уровнем низменных равнин; чем выше поднимают плотины, тем более угрожающей становится река; опасность даже возрастает пропорционально усилиям, которые делает население, чтобы отвести ее. Однако, когда Хуан-хэ, так сказать, «висит» над прибрежными местностями, можно прибегать к прорытию каналов, которые уносят излишек вод к той или другой из болотистых или озерных впадин, лежащих на севере от Ян-цзы-цзяна, в области Цзян-су: так, в 1780 году император Цянь-лун приказал выкопать в пятнадцать месяцев канал длиной около 100 километров, который отбросил половину Желтой реки в озеро Хун-цзэ-ху¹. Открытые во-время, эти водоотводные каналы могут предупредить образование прорывов; но перемены времен года и колебания речного уровня не всегда могут быть предвидены, плотины не всегда и не везде в исправном состоянии, особенно в эпохи междоусобий и гражданских войн или вследствие нерадения и постоянного хищения чиновников, и потому нередко случается, что река то в одном, то в другом пункте открывает себе брешь через сдерживающие ее плотины, чтобы продолжать свою геологическую работу, преобразование равнины. Благодаря этим перемещениям речного ложа, почва наводняемых местностей повышается, посевы целых стран потопляются разом, и миллионы людей делаются жертвой голода. В то же время города и деревни смываются волной потопа, ибо китайцы не догадались, как это делали древние египтяне и делают современные калифорнцы, строить свои группы жилищ на искусственных площадках, поднимающихся выше уровня наводнения. Хуанхэ до настоящей минуты осталась все той же Ни-хэ или «неисправимой рекой», как ее называют древние китайские писатели². Может быть тоже намекая на его страшные разливы, и монголы дали этому «Бичу детей Хань» прозвище Кара-мурэнь или «Черная река», упоминаемое в книге Марко Поло. Прибрежные населения находятся во власти первого начальника неприятельского войска или инсургентских банд, который может разрушить оборонительные плотины. В 1209 году вторжение вод Хуан-хэ в лагерь Чингис-хана было причиной одного из редких поражений, которые пришлось испытать этому завоевателю³. В 1642 году один мандарин потопил 200.000 жителей в городе Кай-фын-фу, а в позднейшую эпоху император Кан-си предал смерти таким же способом полмиллиона своих подданных⁴.

Равнина, в которой перемещаются последовательно воды Желтой реки, обнимает громадное пространство, простирающееся от устьев Бай-хэ до устьев Ян-цзы-цзяна: таким образом река, словно маятник, качается вправо и влево на протяжении около 900 километров от севера к югу. Ни в какой другой стране земного шара мы не встречаем примера столь значительных перемен в современной истории рек; чтобы составить себе понятие об этих передвижениях течения, опустошающих обширную область, равную по пространству Великобритании, нужно вообразить, например, Рейн переставшим течь к Голландии, ниже Кельна, и направляющимся через равнины Северной Германии до нынешнего устья Вислы. Это происходит оттого, что Хуан-хэ, пройдя извилистой линией свою аллювиальную равнину, засоренное наносами дно бывшего моря, ударяется именно о западную оконечность горных цепей полуострова Шань-дуна; поток его уклоняется либо вправо, либо влево от исполлинского естественного мола, а искусственное повышение уровня речных вод системой береговых плотин еще более увеличивает силу, с которою поток устремляется в ту или другую сторону, чтобы преодолеть препятствие, являющееся в виде порога, который разделяет в этом месте две покатости равнины. Со времен глубокой древности, с мифической эпохи императора Юй, жившего, по словам летописей, без малого четыре тысячи двести лет тому назад, частные или полные, перемены направления течения составляют одно из обыкновенных явлений, отмечаемых историками Желтой реки: некоторые миссионеры даже хотели видеть

1 Amiot, „Memoires concernant l'histoire de Chinois”, t. IX;—Carl Ritter, „Asien”, t. IV.

2 Porter Smith, „Geographical Magazine”, april 1873.

3 Дж. Плано Карпини, глава V;—D'Avezac, „Voyages et Memoires publies par la Societe de Geographie de Paris”, tome IV, 2-e partie.

4 Barrow, „Travels in China”;—Карл Риттер, „Землеведение Азии”.

«потоп» в одном из этих больших наводнений, на которые, по их выражению, «жители равнины жаловались вздыхая». В период последних двадцати пяти столетий, начиная с 600 года старой эры, нижний Хуан-хэ совершенно переместился девять раз¹, вырывая себе одно или нескольких новых русл в аллювиальной равнине, и каждое из этих событий имело следствием частное запустение и уменьшение населенности страны.

В половине настоящего столетия течение Желтой реки направлялось на юго-восток, ниже города Кай-фын-фу, и изливалось в море почти около середины расстояния, отделяющего полуостров Шань-дун от лимана Ян-цзы-цзяна; кроме того, небольшой отделявшийся поток или рукав катил воды, переходя из озера в озеро, к этой последней реке. Но в 1852 году, в эпоху, когда начались опустошения тайпингов, прибрежные жители Хуан-хэ, перестав поддерживать береговые насыпи, тем самым позволили реке открыть себе через плотины её левого берега, близ деревни Лун-мынь-коу, брешь, шириною в полтора километра. Однако, старое ложе не совсем обсохло, и в продолжение двух лет новая река, блуждая среди северных равнин, искала себе дорогу к Чжилийскому заливу; только в 1854 году перемена сделалась окончательной. С этого времени Желтая река текла на северо-восток, без речного русла во многих местах, и сохраняя вид постоянного наводнения от 15 до 25 километров в ширину, заимствуя в других местах какой-нибудь канал, естественный или искусственный, который она старалась расширить и углубить соответственно своим размерам. Так, в нижней части своего течения, она присвоила себе ложе Да-цин-хэ, до того времени независимой реки. На берегах покинутого ложа, которое долго оставалось наполненным лужами, сыпучими песками, низким кустарником, возвышались оборонительные плотины, подобные валам, и почти везде превосходно сохранившиеся. Но если береговые плотины продолжали стоять невредимыми, то большая часть прибрежных селений были обращены в груды развалин, города опустели, поля превратились в залежи и поросли дикой травой. Перемена течения Хуан-хэ была двойным бедствием для края: с одной стороны, воды затопили плодородные земли, с другой—они покинули местности, которые не могут ничего производить без орошения, и которые обязаны были всем своим богатством и населенностью плодотворным ирригационным каналам, проведенным из реки. Непосредственное зло, которое наделало наводнение в местностях, пробегаемых ныне Хуан-хэ, представляется мало-важным в сравнении с вредом, который он причинил косвенно, удалившись с песчаных пространств, все плодородие которых происходило от присутствия его вод. Оттого-то жители южной страны неоднократно ходатайствовали о том, чтобы перевели реку обратно в её старое канализованное русло, лежащее на 7 или на 8 метров выше её нового течения²; но мало-по-малу населения свыкаются с совершившейся переменой, и в то время, как покинутое ложе покрывается возделанными полями, умножающимися из года в год, и местами на нем даже основались деревни³, нынешняя Хуан-хэ уже обведена боковыми плотинами на протяжении более 160 километров, и ее русло сделалось более правильным, хотя ширина его весьма различна, изменяясь от 3 километров до 200 метров⁴. А сколько человеческих жизней погубило это перемещение речного течения произведенными им опустошениями и голодом, который был их неминуемым следствием! Все путешественники, которым случилось видеть разрушенные деревни, покинутые города, поля и нивы, покрытые тиной или засыпанные подвижным песком, исчисляют в несколько миллионов число жертв⁵. В 1870 году новое бедствие угрожало стране: открылась трещина в плотине правого берега, выше Кай-фын-фу; но успели во-время запереть ее. Этот раз выступившие из берегов воды приняли направление к Голубой реке через реки Го-лоу-хэ и Ша-хэ и через озеро Хун-цзэ-ху, на запад от старого

1 Сочинение Чинху-вея, издан. в 1705 г.—E. Biot, „Journal Asiatique“, 1884;—Raphael Pumpelly, „Geographical Researches in China“;—Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1871;—D'Escayrac de Lauture, „Memoires sur la Chine”

2 Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, febr. 1870

3 A. Williamson, цитированное сочинение;—Карта старого русла Хуан-хэ, составленная Лифанбао.

4 Morrison, „Proceedings of the Geographical Society of London“, febr. 1879.

5 Ney Elias;—Lockhard;—Sherard Osborne;—Macgowan.

ложа. *В сентябре 1887 года случился другой прорыв около города Чжэн-чжоу, и воды реки разлились по равнинам провинции Хэ-нань и Ань-хой, затопив целые сотни деревень и городов. После этого китайское правительство энергически принялось за урегулирование Хуан-хэ и, несмотря на доморощенные средства китайской гидротехники, ей удалось исправить старые и возвести новые плотины, так что в январе 1889 г. река снова потекла в северо-восточном направлении по старому руслу. По рассказам некоторых голландских специалистов, исследовавших в то время, по предложению Ли-хун-чжана, реку, плотина, выстроенная китайцами на месте прорыва, имела в длину 2.200 метров, при наибольшей ширине в 400 и наименьшей в 130 фут.; высота же её доходила до 17, в иных местах до 33 фут. над уровнем реки. При этом следует еще заметить, что постройка плотины главным образом затруднялась весьма быстрым течением в самом прорыве и глубиной воды в 100 фут. Голландцы по этому поводу совершенно справедливо замечают, что увенчанные таким успехом работы возбудили их удивление в высшей степени¹. * Кажется, впрочем, что посредством боковых просачиваний и маленьких трещин, образующихся то на правой, то на левой стороне, Хуан-хэ не перестает быть данником рек Ян-цзы-цзяна, Хуай-хэ и Бай-хэ. Путешественников поражает сильное уменьшение объема вод, которое представляет Желтая река в своем нижнем течении у Ци-хэ, близ Ци-нань-фу; ее едва можно сравнивать с могучей массой воды, которая течет выше Кай-фын-фу, при выходе потока из области холмов; мост, построенный на бывшей реке Да-цин-хэ, еще высовывает из воды остатки своих восьми быков на трех четвертях ширины Хуанхэ: большая часть речного объема потерялась по дороге в озерах, в болотах, в подземных ручьях².

*По исследованиям N. Elias'a, Желтая река разделялась выше Императорского канала на протяжении более ста верст на два рукава, Южный из них впоследствии отгородили на обоих концах его плотинами, и в настоящее время, говорят, он совсем высох. Относительно устья следует еще заметить, что в половине 1889 года образовалось новое, начинающееся приблизительно в 5 верстах выше Те-мынь-гуаня и направляющееся на восток к морю³. *

В соседстве Чжилийского залива, река блуждает между болотистыми пространствами, которые, очевидно, суть не что иное, как недавно выступившее из-под вода морское дно. Город Пу-тай, который две тысячи сто лет назад тому, как говорят, лежал в 500 метрах от моря, теперь находится на расстоянии 70 километров от морского берега⁴. Окружающие земли еще насыщены солью, и жители города Те-мынь-гуаня посредством простого промывания получают соль сносного качества. Последняя группа жилищ на Желтой реке возвышается на раковистом пригорке, который некогда был островком и дает убежище резальщикам камыша и буддийским монахам недавно сооруженной кумирни. Купеческие джонки должны останавливаться в море перед баром, не потому, чтобы он был не переходим, так как даже при низкой воде отлива глубина не менее 2 метров, но потому, что река слишком узка и суда не могут в ней свободно маневрировать. Маленький барки перевозят товары с морских джонок в укрепленный порт Те-мынь-гуань, лежащий в 40 километрах выше речного устья. Это почти все судоходство, которое производится на Хуан-хэ, реке неуправимой. Ею пользуются только для установления паромов, которые от одного берега до другого употребляют во многих местах целые часы опасной переправы, и которые отталкиваются при помощи багра или длинного шеста, упирающегося в дно, лежащее на расстоянии от 1 до 2 метров от поверхности; большие глубины находят только у подошвы крутых, обвалившихся вследствие размывания, берегов. Во всем бассейне нижнего Хуан-хэ, и особенно в провинции Хэ-нань, ручная одноколесная тележка составляет главное средство перевозки тяжестей, и в некоторых округах, откуда отправляют каменный уголь и соль, катальщики тачек имеют монополию пользования дорогой в продолжение целого дня: только ночью могут проезжать по-

1 Ney Elias, цитированный мемуар.

2 Ney Elias;—A. Williamson, цитированные сочинения.

3 См. Вебер, „Алф. указатель географ, имен к карте сев.-вост. Китая”, первое примечание, на стр. 76.

4 Raphael Pumpelly, цитированный мемуар.

возки и другие экипажи¹. Когда дует попутный ветер, все эти тачки, распушившие паруса и следующие одна за другой нескончаемой вереницей, представляют в высшей степени курьезное зрелище. Верхний Хуан-хэ, в провинции Гань-су, был бы судоходен для барок, но китайцы этого края, в противоположность своим соотечественникам, жителям берегов Голубой реки предпочитают носить на себе свои продукты, вместо того, чтобы перевозить их водой².

Императорский канал, о котором так часто говорят европейские писатели, особенно писатели прошлого столетия, есть одно из чудес человеческой индустрии, впрочем, менее необычайное или грандиозное, чем оно кажется с первого взгляда. Этот судоходный путь не есть, как наши европейские каналы, например, Южный канал (canal du Midi) во Франции или Готский канал в Швеции, траншея, разрезающая горы от одного до другого склона, поднимающаяся последовательными ступенями с одной стороны и снова спускающаяся такими же уступами на другом скате, это просто ряд покинутых речных лож, озер, болот, соединенных друг с другом незначительными прокопами. Оттого этот канал почти везде сохранил вид реки с извилистым руслом и неравной ширины. Как рассказывает Марко Поло, императору Хубилаю, жившему в тринадцатом столетии, нужно было только соединить реку с рекой и болото с болотом, чтобы устроить судоходный путь, Юнь-хэ или «Реку транспортов». Впрочем, задолго до этой эпохи, ладейщики перевозили товары из бассейна Ян-цзы-цзяна в бассейн Бай-хэ, но они должны были выгружать свои барки во многих местах и с большим трудом продолжать перевозку пешком через волоки. Смотря по переменам наводнений и спада вод, путь приходилось то и дело перемещать: никогда маршрут, по которому нужно было следовать между Голубой рекой и северными провинциями Китая, не был в точности тот же самый. Но хотя положение и направление Большого канала было наперед указано озерами, болотами и потоками или рукавами, выделяющимися из рек, и хотя им пользовались в большей или меньшей мере во все времена, тем не менее труд, потраченный на устройство и содержание этого судоходного пути, был по истине громаден: нужно считать миллионами работников, которые следовали одни за другими на берегах Юнь-хэ, трудясь над сооружением береговых плотин, чисткой дна при помощи землечерпальных снарядов, регулированием течения посредством шлюзов, перемещением потока у подходов к озерам, открытым всей ярости ветров³. Весьма вероятно, что настоящий канал, вырытый правильно и окончательным образом, как европейские каналы, потребовал бы гораздо меньше затрат и усилий. Питательные воды доставляются в изобилии самим Хуан-хэ, различными притоками и реками полуострова Шань-дун, особенно рекой Вынь-хэ или Да-вынь-хэ, которая делится на два потока или рукава на водораздельном пороге: часть её вод спускается на север к нынешнему течению Хуан-хэ и к Чжилийскому заливу; другая часть, наиболее обильная по Вильямсону, изливается на юг в направлении к Ян-цзы-цзяну: храм, воздвигнутый в честь «Царя драконов водораздела», господствует над берегом в этом чтимом, как святыня, месте⁴. Известно, что в последние времена «Река транспортов» много утратила свою важность, и теперь даже барка не может пройти ее на всем протяжении: тут наносы наполнили траншею, там плотины обрушились, и вода разлилась широко в виде болот; местами канал представляет просто ряд луж. Благодаря пару, снабжение Пекина и северного Китая жизненными припасами производится отныне морем, и канализованный водный путь, проходящий внутри земель, не имеет уже той цены, как прежде, для общей торговли страны. Но он все еще очень полезен для местного движения торгового обмена, и после летних дождей, когда уровень рек поднимается, джонки с рисом целыми караванами, в несколько сот вымпелов каждый, отправляются по каналу на север.

1 Williamson, цитированное сочинение.

2 Нус, „Empire Chinois“.

3 Северная часть канала построена в 1289 году, южная же между Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяном существовала еще за 5 веков до Рождества Христова.

4 Staunton, „Embassy“; — Ney Elias, цитированный мемуар; — Карл Риттер, „Землеведение Азии“.

Количество протекающей в Хуан-хэ воды, которое так важно было бы знать, до сих пор еще не было измерено, ибо исчисление Стонтона, в 1792 году, сделанное во время переправы через Большой канал, применялось к части реки, где потеря жидкости путем просачивания уже весьма значительна, и не представляло никаких данных для сравнения речных стоков в разные эпохи года. Это исчисление дает для стока Хуан-хэ в целом только 3.284 кубических метра в секунду: это почти такой же объем воды, какой найден для Нила, и треть объема, протекающего в Дунае; но весьма вероятно, что средняя величина течения в Желтой реке гораздо значительнее. *По отзыву голландских техников, вода, добытая ими 14 (26) апреля 1889 г. у самого берега реки около города Сы-шуй-сяня, в глубине 1,75 метров под поверхностью и 0,5 метров над дном реки, содержала в себе 3.708 грамм ила на один кубический метр; в воде, взятой 9 (21) мая того же года против города Ци-хэ-сяня в середине реки и с поверхности её, оказалось даже 5.629 грамм ила на один кубический метр. В нижнем Дунае имеется всего лишь от 354 до 2.151 грамм ила в кубическом метре воды, смотря по времени года¹. Как бы то ни было, масса воды, содержащей большое количество твердых землистых частиц, достаточна для того, чтобы способствовать каждый год заметным образом уменьшению водной площади Чжилийского залива и Желтого моря. В продолжение тридцати лет своего нового течения в северном направлении Хуан-хэ отложением своих осадков заставил линию берегов чувствительно выдвинуться вперед и захватить полосу залива. Точно также старое место впадения в Хуан-хай или Желтое море обозначено выступом побережья, и тинистые мели далеко выдвигаются в море. По вычислениям, более или менее приблизительным, Стонтона и Барро, наносы Желтой реки достаточны, чтобы образовать в продолжение двадцати пяти дней остров пространством в один квадратный километр и средней толщиной в 36 метров. Согласно исчислению тех же авторов, все Желтое море должно исчезнуть от этих наносов в 24.000 лет, как уже исчезли внутренний моря на западе от полуострова Шань-дун; но Желтое море немного более глубоко, чем принимают названные английские писатели; по новейшим морским картам, средняя глубина составляет около 40 метров². Плавание очень опасно на этом мелководном море, усеянном мелями, где судно поднимает волны тины своим килем или движением своего винта, и где господствуют частые туманы: мореплаватели часто не могут найти дорогу иначе, как при помощи постоянных промеров морского дна. Нужно заметить, что название «Желтое море» китайцы строго ограничивают морскими водами, мутимыми речными наносами; области, где вода опять принимает чистый цвет, известны у них под именем «Черного моря».

Обширные равнины, отделяющие низовья Хуан-хэ от Ян-цзы-цзяна, орошаются медленно текущими водами, Хуан-хэ, которую едва-ли даже можно рассматривать как независимую реку, несмотря на большую длину ее течения и обилие в ней жидкой массы; в продолжение ряда веков река эта не переставала блуждать в ту и другую сторону по равнинам, отыскивая себе окончательное ложе. Часто она бывала простым притоком Хуанхэ, в другие разы она впадала в Ян-цзы-цзян или делилась между этими двумя реками; в настоящее время она несет свои осадки в озеро Хун-цзэ-ху и в другие озерные бассейны, остатки древнего залива, который продолжался на севере, изолируя горы полуострова Шань-дун, и который речные наносы, может быть, частью также медленное поднятие почвы, отделили от открытого моря. Вытекающая из озера Хун-цзэ-ху река, которой оставили название Хуай-хэ, есть не что иное, как старое русло Хуан-хэ.

Горы и плоскогорья, которые дали материал для наносов Желтой реки, и которых обломки соединили островные массивы Шань-дуна с твердой землею, еще достаточно высоки для того, чтобы продукты поверхностного обнажения их каменных пород могли наполнить современем Желтое море и преобразовать в полуостров Японский архипелаг. Могучия цепи, примыкающие на западе к тибетским нагорьям и большим массивам, составляют водораздельную возвышенность между бассейнами Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяном, а далее на север сле-

1 Вебер, „Алфавитный указатель к карте Китая“.

2 Guppy, „Nature“, 23 sept. 1880.

дуют один за другим другие, менее высокие хребты, внешние ступени террас Монголии.

Главная цепь, которая может быть рассматриваема, как восточное продолжение Куэнь-луня, отделена от горных кряжей Куку-нора глубоким ущельем, на дне которого струится ручей, вырастающий впоследствии в могучую Хуан-хэ. Известный под различными именами, смотря по рекам, которые из него вытекают, по населенным местам, которые живут в его долинах, по городам, которые выстроились у его подошвы, этот горный хребет вообще обозначается, на юге от города Лань-чжоу-фу, наименованием Си-цзин-шань. Прерываемый брешью, через которую проходит Тао-хэ, один из верхних притоков Желтой реки, он опять поднимается на востоке, продолжая на юге от глубокой долины реки Вэй-хэ свой гребень, увенчанный снеговыми пиками. В этой части своего протяжения он получил название Цин-лин или «Голубых гор». На север от города Хань-чжун-фу, в высокой долине реки Хань можно переходить эту цепь перевалами, удобными для езды на мулах в продолжение всего года; тот из этих проходов, который выбрал натуралист Арман Давид, во время своего путешествия зимой 1873 года, открывается на высоте 1.900 метров и огибает на западе знаменитую гору Да-ба-шань. Путники, проезжающие по равнине реки Вэй-хэ, издали примечают «длинный, блистающий обледенелыми снегами, хребет» этой горы, высота которой исчисляется различно, от 3.600 до 4.000 метров. Около середины цепи, гораздо далее на восток, одна вершина, имеющая, повидимому, такую же высоту, Гуан-тан-шань, превышает 3.710 метров, по наблюдениям Армана Давида; другой новейший путешественник, Рихтгофен, дает всей совокупности этой цепи только 2.000 метров среднего возвышения¹. В своей центральной части хребет Голубых гор, состоящий из гранитов и древних сланцев, очень труден для перехода; большинство путников не хотят взбираться на него прямо и предпочитают обходить его на востоке, направляясь по одному из понижений хребта, которые открываются между большим восточным коленом Хуан-хэ и средней долиной реки Хань, притока Голубой реки. Одна из северных отраслей цепи Цин-лин оканчивается гранитным выступом или мысом горы Хуа-шань, который господствует над слиянием трех рек: Хуан-хэ, Вэй-хэ и Ло-шуй-хэ, и которого вершина служила жертвенником императору Шуну, уже четыре тысячи лет тому назад; во все времена это был один из «стражей» империи². Напротив, по другую сторону реки Вэй-хэ, возвышается другая величественная гора, Фын-дяо-шань, о которой легенда говорит, что она была отделена от горы Хуа-шань землетрясением.

Подобно Пиренеям, с которыми цепь Цин-лин представляет большое сходство по высоте вершин и общему виду, Голубые горы возвышаются на рубеже двух областей растительных и животных. Естествоиспытатель с удивлением находит там в непосредственно соседстве виды, принадлежащие совершенно различным ботаническим или зоологическим областям; пальма *chamaecyparis* показывается только на скатах гор; но на северном склоне между древесной растительностью есть много форм южного происхождения: павловнии, катальпы, магнолии перемешиваются с елями и дубами; флора этого края включает в себе также березу с красной корой, а между рододендронами встречается один вид, достигающий размеров дерева. Дикие животные не находят более безопасных убежищ, кроме как в немногочисленных лесах; однако, местная фауна сохранила еще много видов северных и южных, между прочим, серн, антилоп, обезьян, барсов и одну породу быка, на которого туземные жители не осмеливаются охотиться из религиозного уважения³.

Параллельные хребты, известные под общим названием Фу-ни-фу (Founion), которые продолжают собою цепь Голубых гор на востоке, и которым система Куэнь-луня оканчивается в низменной равнине, достигает там и сям, некоторыми из своих округленных вершин, высоты 2.000 метров, но среднее их возвышение не превышает 800 метров. На скатах этих гор не увидишь ни одного деревца, так как жители провинции Хэ-нань, старейшие земледельцы Китая, уже за тысячи лет до нашей эпохи вырвали с корнем все деревья до малей-

1 „Letters on the provinces of Chili, Shansi“ etc.

2 Edouard Biot, „Le Tcheou-li“

3 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage dans l'Empire Chinois“

шего кустарника. Эти горные хребты, как и цепь Цин-лин, образуют демаркационную линию между поясами Желтой и Голубой рек. Один дневной переход переносит путешественника из одной области в другую, и все, что он видит и слышит кругом себя, указывает на полный контраст: почва, климат, род культуры, пища жителей, средства передвижения, совокупность нравов и обычаев, наречия и даже термины официального языка — все различно с каждой стороны раздельного пояса. На юге земледельцы должны опасаться продолжительных дождей, тогда как на севере главный бич хлебопашества — засухи. Из хлебных растений на севере сеют пшеницу, кукурузу и просо, тогда как на юге преимущественно возделывают рис. Северные китайцы должны защищаться от зимних холодов, и, как калмыки и русские, они спят ночью на кангах или больших печках.

Параллельно Голубым горам, другие горные хребты возвышаются на севере от долины реки Вэй-хэ, на полуострове, ограниченном двумя большими коленами Желтой реки; но они пересекаются другими хребтами, которые направляются от юго-запада к северо-востоку, и которые образуют, вместе с первыми, род лабиринта, разрезанного долинами, расходящимися, в виде радиусов, по всем направлениям. Некоторые из брешей, открывающихся при углах пересечения между различными горными цепями, имеют капитальную важность, как необходимые места прохода между верхним Хуан-хэ и нижним течением реки: это естественная дорога, которою должны были следовать во все времена торговые караваны и армии, отправляющиеся из одной части империи в другую, и, здесь-то, на этом стратегическом пути, начертанном самой природой, от реки Вэй-хэ до излучины при Лань-чжоу-фу, произошло столкновение между инсургентами, дунганами и китайскими войсками. Между реками Цзинь-хэ и Вэй-хэ, один массив, известный прежде под именем ё, был, как и гора Хуа-шань, одним из «стражей империи». На северо-востоке от города Лань-чжоу-фу некоторые вершины по справедливости носят название Сю-э-шань или «Снеговых гор»; но в целом горные цепи, поднимающиеся на севере равнины реки Вэй-хэ, имеют незначительную высоту и только на несколько сот метров превышают уровень окружающих их низменных долин. Около середины этого полуострова гористая страна вдруг переходит в пустыню; море, покрывавшее некогда Гоби или Шамо, простиралось вплоть до подошвы этих гор, продолжаясь далеко на юг от северной дуги Хуан-хэ; оно было заменено соляными лужами и солончаковыми степями. Великая стена тянется в виде полуокружности, длиною около 500 километров, следуя по линии естественной границы между двумя областями, собственно китайской провинцией Шэнь-си и монгольской территорией.

Горные хребты, господствующие на юге над Ордосской цепью, продолжают в Шань-си, на восток от Хуан-хэ, прерываемые только узкими поперечными долинами, в которых теснятся воды этой реки. В этой части своего протяжения «Западные горы» или Шань-си, от которых и вся эта провинция получила свое наименование, сохраняют совершенно правильное направление от юго-запада на северо-восток. Вся страна имеет форму исполинской лестницы, поднимающейся ступенями с низменных равнин провинции Хэ-нань к террасам Монголии, но каждая ступень окаймлена длинным выступом. Так образуются продольные и параллельные бассейны, в которых текут, извиваясь, воды до тех пор, пока не найдут какой-нибудь брешы, чтобы спуститься в равнину. Можно насчитать восемь таких бассейнов, расположенных ярусами один над другим по направлению от юго-востока к юго-западу. Для первых ступеней, ближайших к низменным равнинам, краевыми цепями служат хребты небольшого возвышения, только от 1.000 до 1.500 метров; но по мере того, как поднимаешься далее к Монголии, приходится переходить через более высокие горы, и один из этих выступов получает даже так много снега, что ему дали прозвище Сю-э-шань, то-есть «Снеговые горы»: это Сьерра-Невада провинции Шань-си. Около северо-восточной оконечности этой снеговой цепи, которая носит, кроме упомянутого, еще и другие названия, возвышаются многие высоко чтимые китайцами горы. В настоящее время наиболее часто посещаемая пилигримами вершина страны есть У-тай-шань или группы Пяти пиков или «Пяти столбов», из которых самый высокий достигает высоты 3.494 метра. Туземцы рассказывают, что число храмов, построенных на его скатах и террасах, доходит до 360, и действительно здания вну-

шительных размеров, имеющие каждое свою специальную легенду, возвышаются в близком расстоянии одно от другого вдоль дорог, по которым ходят пилигримы: одно из этих святилищ сделано все из чистой меди. По верованию монголов, почва этих гор самая благоприятная, какую только можно найти для хорошего погребения: те, которые удостоятся счастья быть похороненными в этой земле, несомненно будут иметь счастливое переселение души, и цветки, распускающиеся на этих склонах, преимущественно на Южном пике или Нань-дин, «Узорчатой горе», обладают особенными целебными свойствами¹. В самую худую и ненастную погоду, в морозы и бури, фанатики предпринимают восхождение на священную гору, налагая на себя самые суровые епитимии. С высоты святых гор монгольского народа можно разглядеть на севере плоскую вершину китайской священной горы Хэн-шань, также почитаемой одним из стражей Срединного царства. Традиционные жертвоприношения еще совершаются по-прежнему на этой горе, но «дети Хань» не выказывают такого религиозного усердия, как их монгольские подданные, и их святилище далеко не привлекает такого множества поклонников, как храмы горы У-тай-шань.

За исключением области высоких горных цепей и аллювиальных равнин, почти весь бассейн Желтой реки покрыт слоем Хан-ту, то-есть «желтой земли» или желтозема. Провинции Чжи-ли, Шань-си, Гань-су, половина провинции Шэнь-си, северная часть провинции Хэнань, обширные протяжения полуострова Шань-дун одеты этими отложениями, над которыми возвышаются вершины гор, как острова посреди моря. Эти формации, обнимающие пространство более обширное, чем вся Франция, простираются кусками вплоть до берегов Голубой реки, а с западной стороны они прилегают к тибетским нагорьям. В этих странах все желтое—холмы, дороги и поля, дома, построенные из глины, ручьи и потоки, несущие мутную, желтоватую воду; самая растительность скрывается под покровом желтой пыли, и малейший ветерок поднимает тучи мелких частиц желтой глины. От этих-то желтоземных пространств император Китая и получил присвоенное ему имя или эпитет Хуан-ди, то-есть «Желтый Государь», синоним слова «Властитель земли». Желтоватые земли Срединного царства, отечества земледельческих населений, у которых развилась своеобразная китайская цивилизация, естественно должны были казаться первыми занявшими их оседлыми жителями как почва по преимуществу, и цвет их сделался символом Земли, взятой в совокупности. Известно, что, по гипотезе Рихтгофена, Хуан-ту или желтозем, означаемый им под немецким названием лес (Loss), как аналогичные формации берегов Дуная и Рейна, есть не что иное, как скопление пыли, нанесенной в течение веков северными ветрами: из года в год, в продолжение длинного ряда столетий, слои глины все более и более нарастали, но не настолько быстро, чтобы заглушать растительность или препятствовать развитию животной жизни: обломки растений, листья, корни и т.п., далее сухопутные раковины, остатки животных, словом всякия органические вещества склеивались с новой землей в сплоченную массу, тогда как на поверхности беспрестанно вновь образовывался растительный ковер, орошаемый во всех направлениях ирригационными канавами, которые вырывают китайские земледельцы. Во всяком случае можно утверждать с уверенностью, что желтозем не глетчерного происхождения, так как вместо того, чтобы быть просто скученным сплошной массой, как мореновые глины, он с верху до низу пробуравлен вертикальными и разветвляющимися во все стороны дырами: это, очевидно, пустые промежутки, оставленные корнями растений, которые были постепенно занесены пылью. Хуан-ту не отложен слоями, подобными осадкам, приносимым реками или ручьями: он не содержит также морских ископаемых, которые бы свидетельствовали о затоплении страны водами океана. Во многих местах заметно, что скопления «желтозема» были смыты и унесены текучими водами в замкнутые бассейны озер, где они образуют пласты, совершенно отличные от первоначальных слоев как по виду, так и по содержащимся в них ископаемым органическим остаткам.

На плоскогорьях, окруженных гористыми окраинами или краевыми цепями, задерживающими истечение вод, «желтая земля» простирается однообразным слоем неизвестной

1 Нус, „Voyages dans la Tartarie, le Thibet et la Chine“;—Edkins, „Religion in China“.

толщины, но везде, где какая-нибудь брешь в горной ограде позволяла совершаться работе размывания, огромные овраги с перпендикулярными стенами открываются в глинистой массе. Вода, быстро уходящая в бесчисленные пустоты, оставленные корнями растений, разрыхляет мало-по-малу землю и делит ее на вертикальные плоскости или стены. Из них наиболее подверженные разрушительному действию стихий обрушиваются всей массой, и этим-то способом образуются обрывистые утесы, разрезанные по всем направлениям, смотря по неровности поверхности: в результате получается целый лабиринт проходов или узких коридоров, открывающихся в глубинах почвы между перпендикулярными стенами. Северные плоскогорья все более и более размываются водами; образовавшиеся уже промоины и овраги с каждым годом продолжают все далее свою первоначальную трещину и все более расширяются при выходе их в равнину; от прежнего горизонтального слоя во многих местах остались только простые террасы, вершины выступов гор и бастионов. Иногда процесс размывания происходит в самых глубинах земли, вследствие постепенного просачивания воды: образуются подземные галереи путем провалов почвы, и вдруг верхние слои земли обрушиваются, оставляя по себе отверстия, похожие на колодцы. В других местах грани земли обваливаются с каждой стороны плоскогорья, так что оставляют только стены, висящие между двух пропастей: эти стены, в свою очередь, тоже уступают там и сям разрушительному действию воды и воздуха, и скоро от них остаются только отдельные отрывки, похожие по виду на феодальные крепости западной Европы. Может быть, процесс размывания нигде не произвел более странных, более причудливых пейзажей, как в тех местностях, где «желтая земля» приняла форму памятников, нагроможденных один на другой, как башни Вавилонского столпотворения. Про первом взгляде можно подумать, что все эти глиняные террасы представляют собою плоскости напластования, подобные тем, какие образуют воды в отлагаемых ими горных породах; но, в этих местах, желтая земля сохранила свое обыкновенное строение, и отдельные плоскости обозначены либо известковыми сростками, либо сухопутными раковинами или тонкими слоями обломков, которые покрывали пыльную равнину в различные эпохи. Общая толщина желтозема, обнаруживаемая обнажением краев вследствие размывания, достигает по меньшей мере 600 метров в некоторых частях Китая; из этого видно, какими громадными запасами глины располагает Желтая река, чтобы образовывать из них новые земли, которые она отлагает в низменных равнинах и в море!

Во многих округах области желтых земель все обитатели страны живут во внутренности почвы. Глинистая масса, достаточно крепкая, чтобы не обрушиться на головы находящихся в ней приют, изрыта внутри бесчисленными галереями: даже публичные здания и трактиры подземных деревень вырыты в желтоземе. Почти везде отверстия, сделанные в желтоватой стене, указывают на существование колоний людей и домашних животных в пещерах глиняных гор. Богатые троглодиты заботливо украшают фасады своих пещерных жилищ: колоннады, выступающие крыши, балконы, киоски, следуют друг за другом по ступеням естественной лестницы. Там и сям огромная глыба глины, совершенно уединенная, высится словно башня между глубокими промоинами; на вершине этих призм туземцы выстроили укрепленные храмы, в которые они и укрываются во время междоусобной войны, взбираясь по лестницам, иссеченным во внутренности массива. Копаю землю для своих проходов и жилищ, пещерные обыватели часто находят кости мамонтов или других больших животных; они твердо уверены, что эти кости принадлежали земному дракону, и немедленно превращают их в порошок, употребляемый как лекарство для всех болезней¹.

«Желтозем» — самая плодородная почва, какую только обладают китайские земледельцы; он даже гораздо плодороднее аллювиальных (наносных) земель, так как эти последние в конце концов все-таки истощаются, и тогда нужно обновлять их производительную силу искусственным удобрением, между тем как Хуан-ту производит жатвы непрерывно каждый год, и уже с незапамятных времен без того, чтобы необходимо было прибегать к помощи навоза. Так, например, в окрестностях города Си-ань-фу террасы, плодородие которых летописи

1 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage dans l'Empire Chinois”.

си прославляли уже четыре тысячи лет тому назад, сохранили свою производительную силу до сего дня, и лишь бы только выпадали дожди в достаточном количестве, урожаи там всегда великолепны. Это объясняется тем, что «желтозем» содержит все питательные элементы растений; благодаря своему пористому строению, он пропускает влагу до большой глубины в почве и позволяет ей обратно подниматься к поверхности действием капиллярности, насыщенную химическими веществами в растворе; растительные организмы постоянно получают свое нормальное питание. Желтая земля служит даже удобрением полям, которые её не имеют; для этой цели от глиняных стен отбивают толстые грани, обломки которых переносятся на соседние пашни. Но обыкновенно граница хуан-ту есть в то же время и граница земледельческой территории, и, с другой стороны, хлебопашец утилизирует повсюду этот грунт, даже на значительных абсолютных высотах. Тогда как под теплым климатом полуденного Китая редко где увидишь запаханное пространства выше 600 метров над уровнем моря; поля, засеянные хлебными растениями, поднимаются с террасы на террасу до высоты 2.000 метров под суровым небом верхнего Шань-си, и даже там и сям, в защищенных от ветра местах, куски «желтозема» возделываются на высоте 2.400 метров. Некоторые области хуан-ту представляют в своем наружном виде любопытный контраст, смотря по месту наблюдения, на которое становится зритель. Если смотреть снизу, то не замечаешь ничего, кроме желтоватых стен; но когда станешь подниматься со ступени на ступень до верхнего этажа, то будешь иметь перед глазами только уступы, покрытые зеленью. Именно с той целью, чтобы не терять ни одного клочка драгоценных земель поверхности, благоразумный китайский крестьянин и решился вырыть себе жилище во внутренности глинистой массы; обыкновенно он живет со своей семьей под своими собственными нивами; ему стоит только подняться на несколько ступенек, чтобы очутиться на открытом воздухе, среди своих полей¹.

Китайцы выказали удивительное искусство, чтобы восторжествовать над препятствиями, которые вертикальные стены «желтой земли» противопоставляли сообщениям: чтобы пройти из одного бассейна в другой, им нужно утилизировать узкие трещины в глинистой массе, прокапывать глубокие траншеи, даже совершенно переносить дорогу на другое место, когда образовались новые овраги. Некоторые из наиболее посещаемых путей не следуют по крутым поворотам корридоров и не поднимаются на промежуточные плато; они идут по выкопанным траншеям, глубина которых изменяется от 10 до 30 метров; совокупность этих прокопов представляет гигантский труд, по меньшей мере столь же значительный, как громадная работа, употребленная на сооружение Великой стены или прорытие Императорского канала. Заключенные, словно в ящике, между вертикальными стенами, над которыми пыльное небо кажется узкой желтоватой полосой, эти дороги продолжают на сотни километров как глубокие рвы во внутренности почвы; имея в ширину самое большее 2 или 3 метра, они дают проход только одной повозке зараз, и два экипажа нигде не могли бы разъехаться; поэтому извозчики, пускающиеся по этим корридорам, все время выпускают протяжные крики, с целью предупредить путников, едущих или идущих в противоположном направлении, чтобы они сторонились в боковых закоулках, предназначенных для разъезда². В сухое время колеса экипажей тонут в пыли «как в воде»; после дождей они глубоко вязнут в грязи; дорога превращается в сплошную топь, грозящую поглотить пешеходов и лошадей: убитый грунт дорог, утратив свою естественную скважность, не пропускает более воду в глубины, и оттого колеи по целым месяцам остаются наполненными жидкой грязью. Несмотря на все затруднения, представляемые этими дорогами, их невозможно избежать, когда нужно углубиться вправо или влево на лабиринт оврагов. Отсюда происходит стратегическая важность дорог в этом крае; достаточно в некоторых округах охранять какое-нибудь дефиле, чтобы сделать сообщения от одного склона до другого совершенно невозможными для всякой неприятельской силы. Но когда шайки мятежников или разбойников поселятся в лабиринте оврагов, которых они знают выходы, то чрезвычайно трудно с ними справиться. В ис-

1 F. von Richthofen, „China“; различные мемуары.

2 Leon Rousset, „A travers la Chine“; — „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, oct. 1878.

тории Китая очень многие факты могут быть объяснены только особенным образованием «желтой земли».

Эти горы, нижние скаты которых покрыты глинистыми массами желтозема, принадлежат к числу самых богатых в свете по запасам ископаемого угля. Жирный уголь и антрацит находят во всех провинциях, по которым протекают притоки Желтой реки: в Чжи-ли, Шань-дуне, Шань-си, Шэнь-си, Гань-су, Хэ-нань, и некоторые из месторождений залегают вблизи берегов рек, так что добытый уголь очень удобно может быть отправляем к приморским портам по Хуан-хэ или по разветвлению Большого канала. Бассейны антрацита в провинции Хэ-нань, по Рихтгофену, занимают площадь пространством более 53.000 квадратных километров. Один из самых производительных сельскохозяйственных стран, бассейн Желтой реки обещает сделаться со временем одною из самых деятельных промышленных областей, благодаря своим огромным скоплениям минерального топлива, в сравнении с которыми каменно-угольные копи Великобритании являются маловажными бассейнами.

Из всех частей Среднего царства провинции по Желтой реке наименее известны в отношении степени населенности, и для них всего рискованнее было бы хотеть указать хотя бы только приблизительную цифру населения, так как эти страны, где получило начало маометанское восстание, были более других опустошены гражданской войной, и вдобавок там к злодеяниям людей присоединялись еще естественные бедствия, наводнения и засухи, морившие голодом несчастных, которые были пощажены междоусобной резней. Известно, однако, что труды колонизации снова завоевали большую часть опустошенной области; все путешественники говорят, что города и деревни опять отстраиваются и заселяются; даже, благодаря введению культуры картофеля, возвышенные долины, где прежде никогда не было человеческих поселений, теперь покрываются многочисленными колониями. Если возрастание населения будет продолжаться в той же пропорции, то все пробелы пополнятся в несколько десятков лет, и более восьмидесяти миллионов людей опять будут жить в бассейне Желтой реки так же скученно, как они жили в половине настоящего столетия до гражданских войн и прорыва плотин при городе Кай-фын-фу.

Население китайского Гань-су, Хэ-нани, Шэнь-си и Шань-си по переписи 1882 года распределяется так:

Провинции	Пространство в кв. геогр. миях по Матусовскому	Население	На одну кв. милю
Гань-су	5.910,38	5.000.000	846
Хэ-нань	3.206,84	22.115.827	6.898
Шэнь-си	3.540,47	8.432.193	2.381
Шань-си	3.846,14	12.211.453	3.174
Итого 4 пров.	16.503,83	47.759.473	3.326

Города, которые следуют один за другим по направлению от юга к западу, в дефиле, соединившем некогда две области Гань-су, суть окруженные стенами города Лян-чжоу, Гань-чжоу и Су-чжоу, основанные в эпоху первой колонизации края, за двадцать столетий до наших дней; эти два последние города—главные административные пункты округов Гань и Су, из соединения имен которых образовалось название провинции. Гань-чжоу между всеми городами страны есть один из тех, которые всего скорее оправились от разорения, постигшего их во время междоусобной войны, и его новые дома весело глядят среди зеленеющих полей. Лян-чжоу, еще многолюдный и торговый город, и мало найдется в Китае городов, которые содержались бы в большей чистоте и порядке; впрочем, только та часть города, которая заключается в последней ограде, представляет этот вид деятельности и благосостояния. Другая половина Лян-чжоу, находящаяся между первой и второй стеной, есть не более, как груда развалин. Осматривая окрестности с высоты городских валов, путешественник с удивлением замечает множество маленьких крепостей, которые высятся повсюду, на берегу ручьев, в долинах, на вершинах холмов. Эти недавно возведенные укрепления суть не что иное, как жилища крестьян, вернувшихся в край со времени прекращения восстания дунган; деревенские жители принимают меры предосторожности против новых нападений этого рода, в наде-

жде, что, запершись в своих укрепленных убежищах, они будут в безопасности и могут спокойно смотреть на мимо несущийся поток завоевателей или инсургентов¹. Су-чжоу, построенный на реке Да-гоу-хэ, притоке Тао-лай, был прежде сторожевым городом империи; но в 1872 году, после обратного взятия этого города китайцами, в нем не оставалось ни одного целого дома: голые стены высились среди необозримого поля развалин, представлявших тем более печальное зрелище, что ни одно дерево, ни один кустик не успели еще вырасти на горах мусора.

Город имеет важное торговое значение, так как расположен на главном торговом пути. С 1881 года город считается открытым для русской торговли, а в 90-х годах через него был проведен из Пекина до границы телеграф.

Непосредственно к западу от города Су-чжоу, на другой стороне реки Тао-лай открывается, в узком дефиле, знаменитый проход Цзя-юй-гуань или «Нефритовые ворота», названный так потому, что он дает доступ к дороге в Хотан, ту страну, куда китайские купцы ходили собирать этот драгоценный камень; но название «ворота» не значит, как это обыкновенно думают, что тут граница пустыни, ибо по обе стороны дороги видны еще кусты и пучки травы; в текущих водах тоже нет недостатка, и по берегам этих ручьев растут тополи и плакучия ивы. Два столетия спустя после Марко Поло, первого европейского путешественника, который доходил до пустыни через Лоб-нор и Черчен, португальский миссионер Бенедикт де-Гоэс также проник в Гань-су по дороге, ведущей из Хотана, но он не заходил далее Су-чжоу, он умер в этом городе в 1607 году, и даже его путевые заметки не могли быть спасены его спутником, армянином Исааком, который продолжал путь до Пекина.

Самый высокий город по положению на берегах Хуан-хэ,—Гоми (Gomi), был посещен полковником Пржевальским; он находится на высоте 2.400 метров над уровнем моря, на крайнем пределе хлебопашества, которое успевают поддерживать тангутские земледельцы на перебор суровому климату. Далее виднеются только леса, где гнездятся голубые фазаны. Город Си-нин-фу, лежащий на востоке от Куку-нора на левом берегу реки Си-нин-хэ, соединяющийся с Желтой рекой через приток последней, Да-тун-хэ, есть метрополия верхнего Гань-су и местопребывание властей, которым вверено управление тангутами и монголами, живущими по берегам Голубого озера; но городское население почти сплошь состоит из китайцев². Счастлирое географическое положение Си-нина, у северо-восточного угла тибетских плоскогорий и при историческом пути из центрального Китая в китайский Туркестан и в Чжунгарию, придает ему первостепенную важность как стратегической позиции и как складочному месту товаров: это «огромный» город, но стены его заключают много развалин, а торговля большею частию переместилась в город Дан-гэр (Донкыр, по Пржевальскому³; Тонкер, по Крейтнеру), лежащий километрах в сорока к западу, на самой границе области Куку-нор. В Донкыр спускаются восточные тибетцы, си-фани или манзы, для покупки себе съестных припасов и другого товара и для продажи ревеня, кож, шерсти, животных, разных руд; здесь же снаряжаются караваны, предпринимающие опасный переход через высокие плоскогорья. Все расы западного Китая имеют своих представителей в населении этого торгового города; но торговые сделки не всегда происходят там мирным образом: купцы носят при себе оружие, и малейший спор угрожает превратиться в кровопролитную баталию. Сининский край—священная область для тибетских и монгольских буддистов: здесь родился реформатор ламаизма Цзонхава, и некоторые из монастырей этой страны пользуются репутацией особенной святости. Кумирня Гумбум расположена на юге от города Си-нина, на лесистой террасе, недалеко от глубокой долины, на дне которой течет Желтая река; четыре тысячи лам жили в этом монастыре до прихода магометанских инсургентов, затем варваров си-фаней, которые опустошили его дважды, в 1872 и 1874 годах; теперь там не более двух тысяч монахов. Гунбумское высшее училище, нечто в роде университета, состоит из четырех

1 Д-р Пясецкий, цитированное сочинение.

2 Граф Бела Сеченьи;—G. Kreitner, „Im fernen Osten“.

3 Нус, „Voyage dans le Tibet“.

школ, посвященных изучению таинств, церемоний, молитв, и искусству исцелять «четыре-ста сорок болезней» человека. Одним из главных лекарств служит лист одного священного дерева (особый вид бузины), которое растет пред порталом главного храма, и листья которого, по словам верующих, представляют фигуру Будды и различные знаки тибетского священного алфавита. Миссионер Гюк говорит, что он видел это чудо, а путешественник, венгерец граф Сеченый, после бесплодных поисков во время посещения главного капища, успел открыть на другой день один лист, на котором были кем-то начертаны контуры безобразного Будды¹. Во время больших праздников несчетные толпы пилигримов, тибетцев, монголов и китайцев собираются в храм, чтобы созерцать искусно и красиво сделанные статуи и разные украшения, все из коровьего масла, которые изображают четвероногих, птиц и цветки, и которые вдруг уничтожают, после блистательной ночной иллюминации.

К северу от Си-нин-фу и менее важного города Чжань-ба-сянь, лежащего также при реке Си-нин-хэ, следует один за другим несколько городов на историческом пути страны Гань-су, между горными цепями и Великой стеной; почти все эти города были разрушены дунганами, и еще недавно они представляли только груды мусора². Обнесенный каменными стенами город Лань-чжоу-фу, исходный пункт этой дороги, которая связывает с Срединным царством его внешние владения на Западе, мог, благодаря своей крепкой ограде, удержаться целым и невредимым и дать убежище бесчисленным беглецам, спасавшимся от мятежников. Официальная столица провинции Гань-су (хотя вице-король или генерал-губернатор через каждые три года переносит отсюда свою резиденцию, тоже на три года, в город Су-чжоу, близ Нефритовых ворот), Лань-чжоу-фу лежит в точке соединения всех дорог верхнего течения Хуан-хэ, на правом берегу реки, которая ниже города изгибается в северном направлении, чтобы описать свою большую дугу вокруг Ордосского полуострова. Соседняя равнина широка и плодородна, но на юге длинный выступ гор, которым оканчивается один отрог цепи Ма-ха-шань, подходит к самым воротам Лань-чжоу, и на вершине его виднеются несколько четырехугольных башен. На севере по другую сторону реки, поднимаются скалистые горы, высотой от 600 до 900 метров, опирающиеся на округленные контр-форсы, усеянные храмами и киосками, ярко блистающими среди зелени. В городе нет замечательных зданий, и его сорок тысяч домов почти все—невзрачные, деревянные домишки; но улицы, вымощенные мраморными и гранитными плитами, содержатся очень опрятно: немногие китайские города имеют более приятный вид. Несмотря на свое отдаленное положение от морского побережья и от коммерческих портов, открытых европейцам, Лань-чжоу-фу один из городов Срединного царства, где всего более было сделано попыток подражать промышленным искусствам Европы. Правда, что война с её потребностями входит в весьма значительной мере в эти нововведения. Главная мануфактура столицы Гань-су—пушечно-литейный завод; но другая большая фабрика устроена на европейский лад и, управляемая европейцами, занимается выделкой сукон для армии и других грубых тканей из овечьей и верблюжьей шерсти. Лань-чжоу уже обзавелся паровыми машинами, употребляющими каменный уголь из соседних копей, и вокруг всего города расходятся в разные стороны широкие дороги новейшего сооружения, осененные по бокам ивами и вязами; через реку устроен плашкоутный мост³. После бедствий гражданской войны, поняли, как важно, с стратегической точки зрения, создать удобные пути сообщения. В сотне километров на юго-запад от Лань-чжоу-фу, в одной из боковых долин Желтой реки, находится город Салар и Хэ-чжоу, который, как известно, был главной твердыней дунганских инсургентов в последнюю междоусобную войну. Вероятно, от этого города магометане и получили название Са-ла, под которым они известны в крае⁴.

Население постепенно уменьшается вниз от Лань-чжоу-фу, на обоих берегах Желтой

1 Kreitner, „Im fernen Osten“.

2 Доктор Пясецкий, „Путешествие в Китай“.

3 Szechenyi und Kreitner, „Im fernen Osten“; Rousset, „A travers la Chine“.

4 Easton, „Weekly Times“, 16 april 1880.

реки, которая, переходя из ущелья в ущелье, извивается в северном направлении. Торговый город Чжун-вэй, построенный на левом берегу Хуан-хэ, у восточного основания хребта Алашань, опирается на Великую стену, при одних из её ворот, открывающихся в песчаную пустыню¹, и дюны близко подступают к городскому валу. Ниже по реке встречаем городок Цзин-цзи-пу, который был одним из укрепленных мест магометан, и который их предки занимали в продолжение слишком тысячи лет, не встречая противодействия со стороны китайского правительства, которое никогда не пыталось вытеснить их оттуда². Нин-ся-фу, главный город этой части провинции Гань-су, построен в том месте, где Великая стена, следовавшая до сих пор вдоль левого берега реки, переходит на правый берег, чтобы ограничить на юге Ордосскую территорию. Как складочный торговый пункт между Китаем и Монголией, Нин-ся-фу играл некогда важную роль; он даже был столицей отдельного царства в десятом и одиннадцатом столетиях. Разрушенный Чингис-ханом, он снова отстроился, и его пагоды, его высокие кирпичные стены, окруженные болотами, придают ему очень внушительный вид; но внутри города улицы узкия, кривые и дома частью опустелы³. Даже и в настоящее время в нем сосредоточены склады для товаров, обмениваемых на монгольское сырье.

Ниже Нин-ся-фу, в той части речного течения, которая проходит через монгольскую территорию, прибрежные города населены почти исключительно китайцами. Бауту (Бичухай), самый значительный из этих городов, расположен в 7 километрах от левого берега, в плодородной равнине, среди круга деревень, тоже китайских, населенных земледельцами. Город обведен четырёхугольной оградой, каждая сторона которой имеет около трех верст в длину, он ведет очень деятельную торговлю с населением плоских возвышенностей; кроме того, в нем есть металлургические заводы⁴. В 50 километрах к востоку, другой город, недавней постройки, раскинулся близ северного берега: это Цаган-курень или «Белая ограда». Построенный китайцами во времена заселения внутренней Монголии, он не имеет себе равного в империи по чистоте и ширине улиц, по правильности домов; некоторые из его площадей обсажены тенистыми деревьями⁵. Цаган-курень, лежащий при северо-восточном колене, которое образует Хуан-хэ вокруг Ордосского полуострова, есть один из городов, всего чаще избираемых караванами для переправы через Желтую реку. На юге от Великой стены, в той части течения, где река, снова вступившая в пределы Китая в собственном смысле, разделяет две провинции Шэнь-си и Шань-си,—то-есть провинции «Западной границы» и «Гористого запада»,—главное место перехода находится в теснине, над которой господствует с высоты скалы укрепленный город Бао-дэ-чжоу: в этом месте река имеет всего только 400 метров ширины⁶.

Города, возникшие на юге Ордосского полуострова, вдоль исторического пути, которым во все времена производилось сообщение между двумя коленами Желтой реки, естественно, получили гораздо более важное значение, нежели северные города, лежащие на границах пустыни. Главные этапы этой южной дороги, в долине реки Цзин-хэ, суть города Пин-лян-фу, Цзин-чжоу, Бинь-чжоу, из которых последний окружен деревьями и особенно грушами, которые дают самые крупные плоды во всем Китае. Эти города устояли против возмущившихся магометан, благодаря своим крепким стенам, но все окрестные села и деревни были опустошены инсургентами, и после окончательной победы императорского войска, китайцы заставили пленных хой-хоев вновь отстроить разрушенные поселения, починить поврежденные дороги и привести в прежний вид опустошенные поля и нивы; старые оборонительные валы, тщательно поправленные, и новые укрепления защищают теперь города, дефиле и

1 Гюк, цитированное сочинение.

2 F. von Richthofen, „The Rebellion in Shensi and Kansu“.

3 Гюк, цитированное сочинение.

4 Пржевальский, „Монголия и страна тангутов“.

5 Гюк, цитированное сочинение.

6 Gerbillon;—du Halde;—Karl Ritter.

перевалы дороги. Один грот в окрестностях города Бинь-чжоу заключает в себе статую Будды, иссеченную в самой скале: это самый большой и самый знаменитый идол во всем центральном Китае; перед этим громадным изваянием, имеющим 17 метров в высоту, две статуи его учеников, на половину менее высокие, указывают на святого повергающимся к ногам его верующим. На юге, в долине реки Вэй-хэ, главный город—Гун-чан-фу, затерянный, так сказать, в обширной ограде, часть которой занята кладбищем. Ниже, на той же реке встречаем административный город Фу-цян-сянь, близ которого, на холме, стоит другой идол Будды, благословляющий простертой правой рукой окрестную местность. К югу отсюда, на берегах одного притока реки Вэй-хэ, расположен большой город Цинь-чжоу, с многочисленными пагодами и храмами, куполы которых высоко поднимаются над густой листвой каштанов и ореховых деревьев: это группа пяти соединенных городских поселений, имеющих общего городского голову, но из которых каждое окружено особенной оградой высоких стен. Цинь-чжоу производит обширную торговлю чаем, табаком, индиго, а ремесленное население занимается тканьем и вышиваньем шелковых материй, так же, как приготовлением металлических изделий. Часто посещаемая тропинка поднимается от Цинь-чжоу к перевалу, лежащему на высоте 1.392 метров, порогу хребта, разделяющего бассейны Хуан-хэ и Янцзы-цзяна, и которому карты дают название Бэй-лин, неизвестное в стране¹.

Си-ань-фу, главный город провинции Шэнь-си, бывший некогда столицей Срединного царства, в эпоху династий Чжоу, Цинь и Хань, известный с 906 по 1280 год, под именем Си-цзина или Западной столицы,—и теперь еще один из самых больших городов империи; по числу жителей, он, без всякого сомнения, превосходит Пекин и, вероятно, уступает одному только Кантону. Он расположен среди равнины, где соединяются Вэй-хэ, Цзин-хэ и некоторые другие, менее важные, реки. Крепкая зубчатая ограда города образует правильный квадрат, ориентированный по главным точкам горизонта, и середина каждой стороны, имеющей более 11 километров в длину, перерезана монументальными воротами, увенчанными многоэтажными павильонами. Уже тысячи лет Си-ань-фу первоклассный торговый город, благодаря своему центральному положению и плодородию окружающих желтоземных пространств. Его богатые магазины наполнены драгоценными товарами; но ни одного достопримечательного здания древних времен не сохранилось, в «маньчжурском» квартале показывают только место, где стоял дворец династии Тан, которая царствовала с седьмого до начала десятого столетия. Однако в Си-ань-фу все-таки существует очень богатый археологический музей, так называемый «лес табличек», коллекция надписей и рисунков, из которых иным не менее двух тысяч лет, и которые позволяют восстановить историю нескольких последовательных династий. Си-ань-фу благодаря своим каменным стенам не был разрушен магометанскими инсургентами, как Нанкин и многие другие города центрального Китая. В продолжение гражданской войны пятьдесят тысяч сианьфусских мусульман были изолированы в городе, откуда им запрещено было отлучаться под страхом смерти и властям стоило большого труда удерживать народ от избиения их. Последователи ислама обладают здесь своими восемью мечетями, но они должны были переменить на них надписи и поместить туда таблички императора и Конфуция².

Ниже Си-ань-фу, на реке Вэй-хэ, находился до междоусобной войны важный город Хуачжоу, где началось, в 1860 году, то страшное восстание, которое razорило такая обширные страны, и которое стоило жизни стольким миллионам людей. Этот город не существует более; он был стерт с лица земли; от него остался только один священный памятник, один из древнейших в империи, храм, воздвигнутый в начале христианского летосчисления. В настоящее время самый многолюдный город этой области—сильно укрепленный Тун-гуантин или «Восточные ворота». Это центральная крепость всего бассейна Жёлтой реки и наилучше защищенный стратегический пункт Китая: подступы к нему охраняются башнями и валами, вооруженными пушками. Расположенный при восточном входе провинции Шань-

1 Bela Szechenyi;—Kreitner, „Im fernen Osten“.

2 F. von Richthofen, „Rebellion in Kansu and Spensi“; Leon Rousset, „A travers la Chine“

си, у самого угла речной долины, и в том месте, где Хуан-хэ, перестав течь с севера на восток, принимает в себя в то же время три многоводные реки, — Тун-гуань сделался естественным местом соединения нескольких главных дорог. В этом краю, где «желтая земля» занимает столь большое протяжение страны, все торговое и военное движение, понятно, должно производиться по проложенным дорогам, а не по окольным путям: отсюда и происходит исключительная стратегическая важность города «Восточных ворот»¹. Гора Хуа-шань, господствующая над Тун-гуанем с юго-западной стороны, почти также священна, в глазах китайцев, как гора Тай-шань на полуострове Шань-дун, и тоже усеяна многочисленными монастырями; но восхождение на нее труднее: на вершине этой горной массы «с слоновым хребтом» восседает на троне, окруженный феями и небесными духами, Бэй-ди, «Белый Император», покровитель западных провинций Срединного царства.

Северный Шэнь-си, сопредельный с Ордосским краем, есть одна из наименее известных стран Китая; за исключением миссионеров, из европейских путешественников до сих пор в этой области был в 1893 году, Обручев. Известно, что там находятся торговые города: таковы: Фу-чжоу, в долине реки Ло-хэ; Янь-ань-фу, лежащий севернее, в местности, изобилующей каменным углем и нефтяными источниками; Юй-линь-фу, построенный у одних из ворот Великой стены, в соседстве монгольских степей.

Легче доступный, верхний Шань-си лучше известен, чем северный Шэнь-си. Даже европейские коммерсанты и горные инженеры прошли его в разных направлениях, с целью изучения его естественных богатств и экономических ресурсов; здесь уже сильно заметно влияние Тянь-цзинского порта. В этой области находится главный город провинции Шань-си, Тай-юань-фу; он защищен с северо-западной стороны цепью холмов, одною из террас, которые образуют поднимающиеся уступами плоскогорья Шань-си, и окружающие его равнины орошаются водами Фын-хэ, которая спускается на юго-запад к Желтой реке. Тай-юань-фу менее обширен, нежели большая часть других главных городов провинций: прямоугольник его внешней ограды имеет всего только 14 верст в периметре и местами заключает в себе необитаемые пространства; подобно Пекину, он имеет свой татарский квартал, отделенный от китайского города высокой внутренней стеной; вообще части города расположены здесь таким же образом, как и части императорской резиденции; в губернаторском парке устроены пруды, пагоды, даже «Угольная гора», все в подражание «Желтому городу». Прежде Тай-юань-фу славился на весь Китай фабрикацией оружия, но в последнее время эта промышленность значительно упала, хотя правительство все еще имеет там арсенал и пушечно-литейный завод. Окрестности города очень хорошо обработаны, и некоторые из подгородных селений представляют настоящие сады: здешние земледельцы получают лучший в Китае виноград и умеют готовить из него хорошее вино, по способу, которому их научили католические миссионеры².

Движение транзитной торговли не проходит через эту часть провинции Шань-си. Между Чжи-ли и Монголией торговый тракт поднимается по долине реки Ху-то-хэ, огибает западную оконечность гор У-тай-шань и пересекает Великую стену на перевале Ян-мин-гуань³, где иногда проходит до 2.000 вьючных животных в один день. Прямая дорога поднимается на восток к деятельному торговому городу Пин-дин-чжоу, от Тай-юань-фу, окруженному металлургическими заводами и каменноугольными копями, и проходит последовательно четыре перевала или четверо «небесных ворот», после чего спускается при Чжэн-дине в Чжилейскую равнину. В бассейне Тай-юань-фу, торговые города, Сюй-гоу, Ци-сянь, лежат на юге и на юго-западе от главного города. Город Пин-яо-сянь важен как рынок, откуда производится отправка местных произведений в провинцию Хэ-нань; Тай-гу-сянь и Чжан-лань-чжэнь — очень богатые города, где имеют пребывание многие из богатых банкиров империи, находящиеся в деловых сношениях с Сан-Франциско, Лондоном, Марселем; бронзы

1 Rousset, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, oct. 1878.

2 Martinus Martini, „Novus Atlas Sinensis”.

3 У Вебера, Пинь-синь-гуань.

и вазы, находимые антиквариями в этих городах Шань-си, принадлежат к драгоценнейшим произведениям китайского искусства. Почва плоских возвышенностей не может давать урожаяев, достаточных для прокормления населения, вследствие чего естественные ресурсы края должны восполняться промышленностью и заработками периодической эмиграции или отхожего промысла. Каждый город, каждая деревня имеет свою специальную промышленность—производство тканей, железных изделий или писчей бумаги; кроме того, очень деятельно занимаются эксплуатацией каменноугольных копей для местного употребления. Хотя очень жадные к деньгам во время своих хождений на заработки в чужия места, жители провинции Шань-си вообще отличаются вежливостью, предупредительностью, гостеприимством, тогда как обитатели провинции Шэнь-си приобрели себе у путешественников совершенно противоположную репутацию.

До восстания тайпингов, несколько значительных городов существовало в бассейне, который простирается к югу от бассейна Тай-юань-фу, и по которому протекает та же река Фын-хэ, пройдя глубокой поперечной долиной цепь Хэ-шань или «Речных гор». В 1872 году все эти города представляли собою груды развалин, занятые гарнизонами; теперь они опять отстраиваются мало-по-малу, благодаря значительной торговле, направляющейся из провинции Хэ-нань к северному Шань-си. Перевал Хань-синь-лин, узкий проход, открывающийся в массе «желтой земли», иногда бывает так же оживлен, как бойкая улица большого города: ослы, мулы, верблюды, навьюченные зерновым хлебом, мукой, табаком, солью, чаем, писчей бумагой, хлопчатобумажными тканями, тянутся одни за другими длинным караваном, общая кладь которого представляет груз нескольких товарных поездов железных дорог.

Пин-ян-фу расположен при реке Фын-хэ, в песчаной равнине, менее плодородной, нежели Тайюаньский бассейн: ранее это был один из значительнейших городов провинции Шань-си, но тайпинги страшно опустошили его; в одном из его предместий, хотя обнесенном стенами, как город, не осталось ни одного дома, который не был бы разрушен инсургентами. А между тем едва-ли во всем Китае найдется город лучше укрепленный, чем Пин-ян: он окружен тройной оградой и прикрытыми путями, позволяющими гарнизону ударить с тылу на неприятеля, в случае, если бы ему удалось прорваться через первые ворота. Вероятно, что в момент нападения тайпингов жители города, охваченные паническим страхом, не думали защищаться; или, может быть, они рассчитывали на чудодейственную силу своих стен, контуры которых подражают очертаниям черепахи. Пин-ян-фу—один из священных городов империи и один из древнейших городов в свете; менее чем в 3 километрах к югу от города, находится место, где стояла столица Срединного царства во время богдыхана Яо, слишком за четыре тысячи двести лет до нашей эпохи. Неподалеку возвышается храм, еще недавно пышный, посвященный памяти трех святых императоров Яо, Шуна и Юй. По сказанию легенды, первый из них похоронен в недрах гор, которые возвышаются на восточной стороне Пинъянской равнины: в боку горы открывается грот, откуда выходят мефитические испарения, и на дне этой недоступной пещеры, в водах подземного озера, находится будто бы гроб знаменитого императора, вылитый из чистого золота и серебра и повешенный на стенах скалы посредством железных цепей¹.

Некоторые из важнейших городов Шань-си,—Пу-чжоу-фу, Цзи-чжоу-фу, Ань-и-сянь, Юань-чэн,—выстроились около юго-восточного угла провинции, в части, ограничиваемой поворотом Желтой реки. Эта область замечательна как место добывания соли, которою снабжается весь Шань-си, а также и наибольшая часть провинций Шэнь-си, Хэ-нани и Гань-су. Главный солончак, известный вообще под именем Лутсвун (Loutswoun), простирается на северном берегу обширного озера, около 30 километров длиною, над которым с южной стороны господствуют высокие крутизны гор Фын-дяо-шань (Fountiao chan). Этот солончак есть, вероятно, богатейшее в свете месторождение, доставляющее наибольшее количество соли и разрабатываемое правильным образом в течение наиболее длинного ряда столетий;

1 Williamson, „Travels through North China, Manchuria and Eastern Mongolia”.

уже в эпоху императора Яо, слишком четыре тысячи лет тому назад, здесь извлекали соль в изобилии, и без всякого сомнения, с этих древнейших времен ничего не было изменено в первобытном способе эксплуатации. Вода маленького озера, занимающего дно болотистой котловины, почти пресная, и потому ее не утилизируют для добывания соли; работы производятся только в самом болоте. Там грунт земли состоит из твердой глины, наполненной кристаллами гипса; чтобы извлечь соль, выкапывают большие ямы, в форме воронок, на дне которых скопляется соленая вода; эту воду потом черпают ведрами и разливают по ровным площадям, где она испаряется, оставляя после себя соляной слой. Вся соленосная котловина Лутсвун принадлежит императору, который велел обнести ее высокой каменной стеной для взимания акциза, и которую он сдает в аренду обществам откупщиков; таких компаний насчитывают около ста пятидесяти, и каждая из них арендует на солончаке участок в 180 метров длиной. Количество соли, которое извлекают эти арендаторы, различно, смотря по степени насыщения грунта; но на круг можно считать, что ежегодная добыча со всего бассейна простирается до огромной цифры 154.000 тонн¹. Юань-чэн или «Селение источников» есть главный центр вывоза соли; из зданий его замечателен большой храм, один из красивейших во всем Китае, высоко поднимающий свои куполы над крышами домов.

Нет сомнения, тщательные разведки обнаружат современем, в глубинах почвы, мощные пласты самородной или каменной соли, ибо соляные ключи бьют из земли во многих других местах южного Шэнь-си и Хэ-нани. На противоположной покатости гор Фын-дяо-шань, в самой равнине Хуан-хэ, солончаки простираются по берегу реки. Желтозем крутых берегов пропитан солью. Прибрежные жители промывают эту землю и насыщенный солью раствор заставляют испаряться в перегородах солончаков, которые устраиваются и располагаются совершенно таким же образом, как подобные камеры на морском берегу: концентрация и кристаллизация соли доканчиваются с помощью огня².

Вниз от Тун-гуань-тина, города и деревни следуют одни за другими непрерывной цепью на обоих берегах Хуан-хэ; люди скучены массами в этой плодородной долине и в местностях, орошаемых притоками Желтой реки; это та часть Китая, которая специально носит название «Цветка середины».

Хэ-нань-фу или «Юг реки», имя которого есть в то же время имя всей провинции, хотя он и не главный её город, занимает, как и упомянутый выше Си-ань-фу, одну из частей Китая, где была некогда столица Срединного царства; недалеко от этого места, на реке Хо (Но), находился город Ло-ян, императорская резиденция, в третьем и седьмом столетиях христианского времени счисления, в царствование династий Вэй и Тан; легенды помещают сюда также местопребывание мифического Фу-си. Хэ-нань-фу построен близ северного берега реки Ло-хэ, текущей параллельно Желтой реке; гряда холмов, средняя высота которой около 150 метров, разделяет две долины. Центральное положение города дало китайцам повод назвать его «пупом мира». Мало найдется городов, которые были бы поставлены в более благоприятные условия, как пункты соединения больших проезжих дорог; к дороге поднимающейся вверх по долине Желтой реки, примыкают в этом месте другие колесные пути, направляющиеся на северо-восток к Тянь-цзиню, на юго-восток к рекам Хуан-хэ и нижнему Ян-цзы-цзяну, на юг к долине реки Хань, через Наньчжоусский перевал. Когда железные пути сообщения будут проложены через Китай, Хэ-нань, без всякого сомнения, сделается главным складочным местом товаров Срединного царства, предназначенных для западных стран³. В самом городе нет замечательных памятников архитектуры, но на окрестных холмах можно видеть храмы, принадлежащие к древнейшим в Китае и к самым любопытным по находящимся в них своеобразным произведениям китайского искусства. Гора Сун-шань, на юге от Хэ-нань-фу, почитается священной, и некоторые из украшающих ее религиозных памятни-

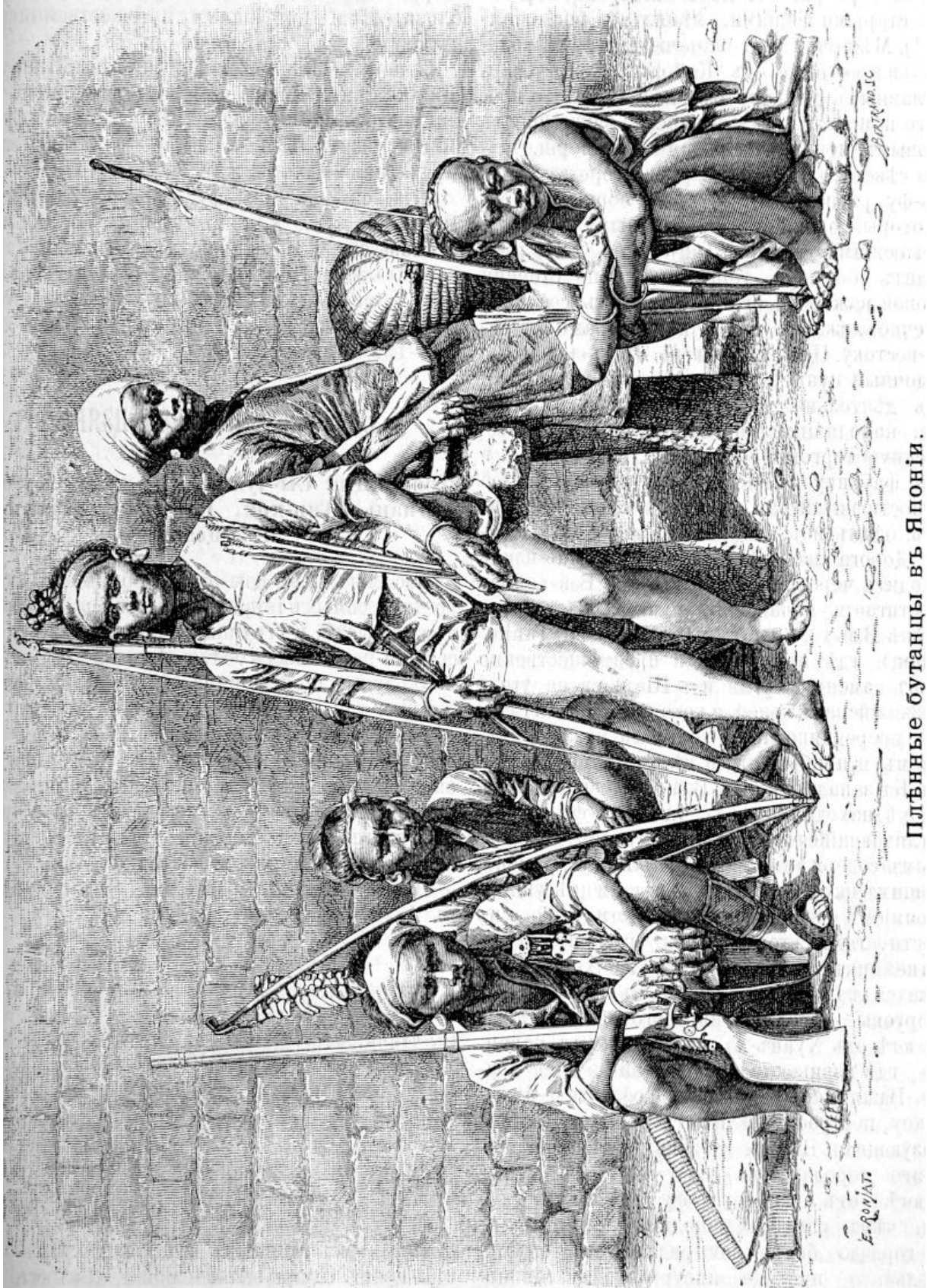
1 F von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi“ etc.;—Williamson, „Travels through North China, Manchuria and Eastern Mongolia“.

2 Leon Rousset, „A travers la Chine“.

3 F. von Richthofen, „Report on the provinces of Houan and Shansi“.

ков иссечены в живой скале.

Кай-фын-фу, главный город провинции Хэ-нань, вообще известный у туземцев под старинным его именем Пин-лян, занимал бы не менее благоприятное местоположение, чем Хэ-

Плѣнные бутанцы въ Японіи.

нань-фу, если бы ему не угрожали постоянно наводнения от разливов Хуан-хэ и его притока Пин-хэ, и если бы Желтая река, прорывая сдерживающие ее плотины, не опустошала иногда прибрежных равнин. Работы по содержанию в порядке береговых плотин постоянно за-

нимают тысячи работников; несмотря на то, стены города часто бывали окружены целым морем выступившей из берегов речной воды. В 1541 году Кай-фын был даже почти весь разрушен своими собственными защитниками; сделав пробоины в дамбах, с целью потопить войско инсургентов, они не сумели отвести грозный поток от своих оплотов и погибли почти все, тогда как большинство осаждавших имели время спастись бегством. Кай-фын-фу, который тоже был, с 1280 по 1405 год столицей империи под именем Дун-цзина, или «точной резиденции», не сохранил ни одного памятника своего прошлого величия: теперь это просто торговый город, который можно сравнить с постоянным ярмарочным полем. Почти все живущие в городе—евреи, составляющие единственную в Китае иудейскую общину, занимаются, как и их соплеменники на Западе, ремеслом золотых и серебряных дел мастеров, торговцев старыми вещами, менял и ростовщиков¹. Местечко Чжу-сянь-чжэнь, в нескольких километрах от Кай-фына, есть один из главных рынков Китая; в прежнее время его причисляли к четырем важнейшим торговым центрам Срединной империи.

На севере от Желтой реки, город Хуай-цин-фу, расположенный среди обширного сада, который орошается прозрачными ручьями, вытекающими с горы Тай-ё-шань, тоже производит большую торговлю, но по степени торговой важности его превосходит соседнее местечко, лежащее в 18 километрах к северо-востоку, Цин-хуа-чжэнь. Этот «рынок», складочный пункт каменного угля из копей, очень деятельно разрабатываемых в холмах, находящихся на западе, ведет также отпускную торговлю изделиями из железа и стали, фабрикуемыми в Хуай-цине; в этой местности китайская фармакопея достает тигуан, один из наиболее ценных ею корней. Дорога из Цин-хуа в Тянь-цзинь проходит через большой город Вэй-хой-фу и достигает начального пункта судоходства по реке Вэй-хэ, пристани Танку-чжэн (Tanko outchen), где производится преимущественно обмен каменного угля из Шань-си на уголь из чжилийских копей, и которая служит главным посредником в торговле между Тянь-цзинем и прибрежными местностями Желтой реки. К западу от реки Вэй-хэ, на небольшом притоке, находим город Чжан-дэ-фу, выгодно отличающийся от всех своих соседей образцовым содержанием своих улиц и храмов, хорошим вкусом своих жителей и цветущим состоянием своей промышленности. Дороги в окрестностях этого города, говорит путешественник Оксенгам, так же хорошо содержатся, как лучшие шоссе в Англии².

Торговые города очень многочисленны также и на юге от Хуан-хэ, в обширных равнинах, где извиваются реки Хуай-хэ и её притоки. Важнейший рынок этой области—Чжоу-цзя-коу, построенный при слиянии трех рек, образующих Ша-хэ, к западу от провинциального города Чэнь-чжоу-фу. Местности, на юге от Кай-фын-фу не менее богаты, чем равнины западной Хэ-нани, но они гораздо более пострадали от опустошительного прохода инсургентов тайпингов. От Нанкина до Цзи-наня, пространство, некогда покрытое водами моря, а теперь усеянное озерами, по которому проходит Большой или Императорский канал, было открыто им без всякой защиты, и они разорили все находившиеся там города.

Важнейшие города бассейна Желтой реки, цифра населения которых указывается приблизительно, новейшими путешественниками суть:

Гань-су: Лань-чжоу-фу, по Крейтнеру—600.000 жит.; Цзин-чжоу—160.000 жит.; Син-ин-фу—60.000 жит.; Пин-лян-фу—60.000 жит.; Гун-чан-фу—50.000 жит.; Чун-синь—10.000 жит.

Шэнь-си: Си-ань-фу, по Рихтгофену—1.000.000 жит.; Хань-чжун-фу—70.000 жит.

Шань-си: Тай-юань-фу, по Вильямсону—250.000 жит.; Пин-яо-сянь—60.000 жит.; Ци-сянь—30.000 жит.; Сюй-гоу—22.000 жит.; Пин-дин-чжоу—20.000 жит.; Пин-ян-фу—15.000 жит.

1 I. de Rochechouart, „Pekin et l'interieur de la Chine“.

2 Oxenham, „Mittheilungen von Petermann“, IV, 1870

Бассейн Ян-цзы-цзяна

Провинции: Сы-чуань, Гуй-чжоу, Ху-бэй, Ху-нань, Ань-хой, Цзян-су, Цзян-си, Чжэ-цзян

Бассейн Ян-цзы-цзяна обнимает более трех восьмых территории Китая в собственном смысле, и сгруппированное в нем население исчислялось более чем в 200 миллионов душ до страшной гражданской войны, которая опустошила эти провинции. Хотя китайское государство основалось не в этой области, проходимой течением Голубой реки, но оно нашло там свои главные источники народного богатства и могло развить свое могущество в такой степени, что сделалось первенствующей державой восточной Азии.

Народонаселение бассейна Ян-цзы-цзяна в 1882 году:

	Пространство по Матусовско- му квад. миль	Общее насе- ление жи- телей	На квад. милю жителей
Сы-чуань	10.278,76	67.712.897	6.588
Гуй-чжоу	3.158,10	7.669.181	2.428
Ху-бэй	3.356,19	33.365.005	9.941
Ху-нань	3.917,09	21.002.604	5.362
Ань-хой	2.579,41	20.596.988	7.986
Цзян-су	1.797,28	20.905.171	11.633
Цзян-си	3.308,29	24.534.118	7.416
Чжэ-цзянь	1.764,10	11.588.692	6.569
Всего	30.160,20	207.374.652	6.511

Из всех главных китайских рек Ян-цзы-цзян самая значительная, так что жители Среднего царства обыкновенно означают ее просто под именем Да-цзян или «Большой реки». Воды её такие же желтые от примеси землистых частиц, как воды Хуан-хэ; но в то время, как эта последняя река сравнивается с «Землей», с «женским началом», символический цвет которого желтый, Ян-цзы-цзян, по толкованию некоторых комментаторов, есть «Сын мужского начала», то-есть «Неба»; следовательно, название «Голубая река», которое ему дают миссионеры прошлого столетия, и которое до сих пор еще очень употребительно в Европе, оказывается не лишенным основания, так как небо имеет голубой цвет¹. Но хотя один из знаков, обыкновенно употребляемых для означения Ян-цзы-цзяна, есть тот, который относится к мужскому началу, употребляют также и другие знаки, из которых каждый изменяет смысл этого имени. Может быть, оно должно быть переводимо «Сын океана»; может быть, оно напоминает сильные разливы реки, или, наконец, не есть ли оно чисто географический термин, происшедший от названия прежней провинции Ян, известной в наши дни под именем Цзян-су? Как бы то ни было, нельзя удивляться грандиозным эпитетам, которые придаются туземцами главной реки центрального Китая, ибо она несомненно принадлежит к числу самых могучих потоков земного шара. Правда, что в самой Азии лишь три большие сибирские реки, Обь с Иртышем, Енисей с Ангарой и Леной, превосходят ее по длине течения и по пространству бассейна (развернутая долина Ян-цзы-цзяна равна 1.500 верстам; приблизительная поверхность его бассейна, по Блекистону, 1.877.560 квадратных километров); но по объему жидкой массы она кажется гораздо значительнее этих рек холодных стран. Голубая река оказывается пятым потоком земного шара в отношении среднего количества протекающей воды: в Старом Свете ее превосходит только Нил и Обь, в Новом Свете только Амазонка и соединенные реки Миссисипи-Миссури. Ниже слияния с притоком Хань, Ян-цзы-цзян катит, средним числом, 18.320 кубических метров в секунду (наибольший месячный сток, именно в августе, доходит до 35.841 кубических метров в секунду); но в этом месте поверхность истечения представляет только одиннадцать тринадцатых всего речного бассейна; предполагая, что пропорция дождей и истечения сохраняется та же самая

1 Лев Мечников, рукописные заметки.

во всей нижней части течения, находим, что средний объем протекающей в реке воды равен 21.650 кубическим метрам в секунду, то-есть в десять раз больше, чем сток Роны.

Сравнивая две главные реки Срединного царства, китайцы не забывают противопоставлять южный поток к северному, реку благодетельную по преимуществу потоку опустошительно-му, который, по справедливости, получил прозвище «Бича детей Хань». Ян-цзы-цзян никогда не причинял бедствий, подобных тем, какими сопровождаются перемены течения Хуан-хэ, и ни одна река не приносит больше пользы в отношении судоходства. Если Голубая река не носит еще на своих водах столь же большого числа пароходов, как Миссисипи, ни даже, как Волга, то она покрыта бесчисленными флотилиями парусных и гребных судов, джонок и барок, и нужно считать сотнями тысяч число судовщиков и лодочников, живущих на её поверхности. Марко Поло несколько не преувеличивал, говоря, что на водах Цзяна в его время плавало больше судов, несущих больше богатств и товаров, чем сколько их нашлось бы на соединенных реках и морях всего тогдашнего христианского мира. Пожар, происшедший от громового удара на пристани города Учан-фу, в 1850 году, истребил семь-сот больших джонок и тысячи барок; слишком пятьдесят тысяч матросов (?) нашли смерть в волнах или в пламени; только один негодичант города заказал десять тысяч гробов на свой счет¹. Поразив один только порт, который, правда, тянется на пространстве 15 километров, эта страшная катастрофа погубила больше судовщиков, чем сколько их есть во всей Франции. Война тайпингов, которая свирепствовала преимущественно на берегах Ян-цзы-цзяна и его главных притоков, обезлюдилла на некоторое время воды могучей реки. Со времени восстановления мира местная торговля мало-по-малу вошла в свою прежнюю колею, и теперь опять показываются мирные джонки и барки, скользящие по водам длинными вереницами; но от времени до времени волны, поднимаемые быстро несущимися пароходами, сильно качают эти флотилии, как бы для того, чтобы уведомить их о перемене, совершающейся в перевозочном промысле. Голубая река, которой монголы дали громкое имя Далай, то-есть «Море», в самом деле исполняла в истории Китая ту же роль, как океан, заменяя собою для судоходства морские заливы далеко вдающихся во внутренность земель. Путешествия, перевозка продуктов и товаров и в то же время сближение различных цивилизаций производились по этим внутренним водам легче и удобнее, чем по внешнему морю. В настоящее время по тому же Ян-цзы-цзяну европейское влияние проникает всего далее вглубь центрального Китая; два берега этой реки, составляя, так сказать, прибавку к морскому побережью, продолжают его в действительности на целые 4.000 километров. Общая длина судоходных вод в бассейне Ян-цзы-цзяна равняется половине земной окружности.

Известно, что верхние притоки Ян-цзы-цзяна берут начало вне пределов собственного Китая, на плоскогорьях Тибета. Истоки Голубой реки, так же, как и истоки Желтой реки, еще не были обследованы вполне европейскими путешественниками, но можно указать довольно точным образом место их происхождения. Три ручья, одинаково называемые монголами Улан-мурэнь, или «Красными реками» и различаемые специально прозвищами Намейту, Токтонай, Кетси, зарождаются в северо-восточной области страны Хачи, на юге от неизследованных еще горных цепей системы Куэнь-луня, которую продолжает на западе хребет Баян-хара. Эти три потока, соединяясь, образуют Мур-усу или «Извилистую воду» монголов, Дичу или Бричу тибетцев, то-есть «Коровью реку»²; это и есть та самая река, которая принимает имя Ян-цзы-цзяна на китайской территории. В том месте, где Пржевальский переправлялся через нее, на абсолютной высоте 4.007 метров, ширина русла была 225 метров и течение очень быстрое: вид берегов доказывает, что во время летних разливов пространство, покрываемое водами, имеет не менее 1.600 метров от края до края. На высоте 4 километров над уровнем океана и на расстоянии слишком 5.000 километров от своего устья, Мур-усу катит уже больший объем воды, чем многие знаменитые реки западной Европы. В этой части своего течения две важнейшие реки Китая, Хуан-хэ, Ян-цзы-цзян всего более

1 Novella, Rizzolati, „Annales de la propagation de la foi“, janvier 1851.

2 Klaproth, „Description du Tibet“.

сближаются: их бассейны отделены один от другого только хребтом Баян-хара, и снега одной и той же горной степи питают оба потока.

Мур-усу следует в начале тому же направлению, как и другие реки восточного Тибета: оставаясь параллельным Лу-цзяну и Лань-цань-цзяну, он течет на юг, как бы намереваясь излить свои воды в Сиамский залив; на пространстве слишком 1.000 километров развития он спускается таким образом к Индийскому океану; но в то время, как соседние потоки нашли бреши для прохода через Юньнаньское плоскогорье, он ударяется об эти возвышенности, не будучи в состоянии найти себе выход и изгибаясь к востоку обширными излучинами, переходит на другую континентальную покатость и снова приближается к Хуан-хэ, чтобы идти, как и эта река, излить свои воды в Китайское море. В этой части своего течения он получил от китайцев имена Цзинь-ша-цзян или «Река золотого песка» и Бэй-шуй-цзян или «Река белой воды». Другой поток тоже носит название «Река с золотыми песками»: это Я-лун-цзян или На-чу, который зарождается на скатах хребта Баян-хара и течет параллельно Мур-усу и другим тибетским рекам провинции Кам. При слиянии этих двух потоков, Я-лун-цзян, почти столь же широкий и более быстрый, чем главная река, проходит в поперечной долине между высокими скалами с перпендикулярными стенами: никакая тропинка не проникает в это дикое ущелье¹.

Ниже впадения Я-лун-цзяна, Цзинь-ша-цзян принимает в себя еще другую реку, которая вытекает, если не с самого хребта Баян-хара, то, по крайней мере, с его восточного продолжения, гор Мин-шань, и которая спускается с севера на юг, в том же направлении, как и параллельные реки провинции Кам. Этот приток на большей части карт носит название Мин-цзян. С гидрографической точки зрения не может быть никакого сомнения, что Мин-цзян составляет приток Цзинь-ша-цзяна, ибо он гораздо меньше его как по объему жидкой массы, так и по длине течения, и долина, где он протекает, есть не что иное, по своему направлению, как боковая борозда большого среднего понижения, в котором текут воды Ян-цзы-цзяна. Однако, большинство китайских писателей рассматривали Мин, как главную ветвь реки; причину тому нужно искать, без сомнения, в общности цивилизации, существовавшей между жителями долины Мина и населенными низового Ян-цзы; большая река, приходящая из возвышенных нагорных стран, населенных дикими, внушавшими страх, народцами, казалась цивилизованным китайцам происходящей как бы из особенного мира; по их понятиям, Цзян, «Река» по преимуществу, должна была на всем своем протяжении течь в области цивилизации. В Юй-гуне, древнейшем географическом документе Китая, Мин-цзян уже означен как приток, образующий верхнее течение Великой реки². Марко Поло, который жил некоторое время в долине Мина, тоже дает этой реке название «Цзян». На старинных картах, все верхнее течение Цзинь-ша-цзян совсем не показано, а Хуан-хэ, река, долина которой была колонизована раньше других местностей, представлена как поток, имеющий гораздо более значительную важность. Со времен знаменитого венецианского путешественника, Мин переменял свое ложе в равнине, где находится Чэн-ду-фу, главный город провинции Сы-чуань: он тогда протекал посреди города, очень глубокий и шириною около полумили, тогда как в наши дни он уже не проходит более через Чэн-ду-фу и делится на несколько рукавов, из которых ближайший к городской ограде не имеет даже 100 метров в ширину: ирригационные каналы, вырытые в окружающей равнине, в одной из самых плодородных местностей Цветущего царства, способствовали изменению направления проточных вод³.

В период разливов Минь судоходен до самого Чэн-ду-фу, но в обыкновенное время суда не могут подниматься выше города Синь-цзинь-сянь, где соединяются в один приток все искусственные каналы бассейна главного города провинции: здесь начинается, на расстоянии 3.260 километров от моря, та непрерывная линия судоходства, которая пересекает от запада

1 Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine“.

2 F. von Richthofen, „China“;—Yule, „Introduction to the River of Golden Sand“, by Gille.

3 Yule;—Gill;—Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi, Schensi, Sz'chwan“.

к востоку весь Китай в собственном смысле. Десятую часть этой судоходной линии образует течение Минь-цзяна, тогда как выше места слияния река Цзинь-ша-цзян, как говорят, судоходна без перерыва только на протяжении какой-нибудь сотни километров для обыкновенных барок; вероятно, однако, что водопады, о которых рассказывают судовщики из Пин-шаня, просто пороги, легко переходимые, и что истинная причина пустынности вод Цзинь-ша-цзяна и отсутствия на них судоходства есть страх, который внушают китайским торговцам дикие мяо-цзы, обитатели этой страны¹. Впрочем, и «Великую реку» ниже слияния её с Мином нельзя назвать совершенно тихим потоком; она тоже образует несколько порогов, где плавание сопряжено с опасностью. По измерениям Блекистона, общее падение Ян-цзы-цзяна, ниже Пин-шаня, на пространстве 2.939 километров, составляет около 455 метров, что даст в среднем выводе от 15 до 16 сантиметров на километр, — покатость гораздо менее крутая, чем покатость Роны, ниже Лиона, но неравномерно распределенная. Ниже слияния с Мином главная река, текущая на северо-восток, следует в том же направлении, как скалистые хребты, идущие вдоль её берегов; но эти каменистые цепи, состоящие из серых известняков, представляют местами, на некотором расстоянии одна от другой, бреши, в которые и устремляется поток, делая крутые повороты или излучины. На вершине этих выступов гор высятся крепостцы, укрепленные лагеря, куда обыкновенно укрывается население окрестных местностей во время гражданских войн, тогда как у основания их открываются каменоломни и копи, где разрабатывают залегающие параллельными пластами месторождения каменного угля и углекислой извести, кое-где даже добывают железную руду. На берегах золотоискатели собирают также кое-какие крупинки драгоценного металла, но в таком ничтожном количестве, что, при всей умеренности их потребностей, с трудом могут поддерживать этим промыслом свое жалкое существование.

Во всей этой области бассейна, которой Блекистон дал название Crass Rauges или «Поперечных цепей гор», видны прежние берега на довольно большой высоте над нынешним уровнем разливов Ян-цзы-цзяна. Очевидно, что река некогда текла на высоте гораздо более значительной: порог катарактов, прерывающих течение реки между провинциями Сы-чуань и Ху-бэй, должен был занимать в ту эпоху более возвышенное положение, чем он занимает теперь. Здесь именно, в этой области прорыва, самые живописные и самые разнообразные ландшафты следуют один за другим на обоих берегах Да-цзяна или «Великой реки». Неподалеку от верхнего входа в речные теснины, скала, имеющая форму четырехугольной призмы в 60 метров вышины, состоящая на цоколе такой же высоты, господствует над маленькой деревней, группирующей свои домики под тенью нескольких деревьев. Словно громадное здание, песчаниковая скала составлена из горизонтальных слоев. На той из её граней, которая обращена к реке, приютилась девятиэтажная пагода, верхний павильон которой дает доступ на площадку каменной глыбы: это кумирня, построенная, как говорят, буддийскими миссионерами в четвертом столетии после Р. Х., носит название Ши-бу-чжай (Chiroutchai) или «Дом драгоценного камня». Далее река вступает в глубокое ущелье, вертикальные стены которого поднимаются на 200 метров высоты. В некоторых местах берега реки отстоят один от другого всего только на 140 метров, и в теснину проникаешь точно в расселину гор. Так как большая часть этих дефиле ориентирована по направлению от запада к востоку, то солнце никогда не освещает их глубины: стены теснин всегда остаются в полумраке, и во всех углублениях откосов прозябают папоротники и другие растения, которые любят тень и сырость; сосны показываются только на высотах, и поля культурных растений виднеются там и сям, везде, где скаты представляют полосы земли достаточно широкия, чтобы на них можно было посеять несколько горстей зерен. Вдоль берега есть скрытые подводные камни, но вода глубока, и даже во время мелководья можно бросать лот во многих местах этих теснин, не находя дна на 30 метрах; в период разливов, то-есть в августе месяце, когда течение уносит к морю растаявшие снега с гор Куэнь-луня и Баян-хара, уровень поднимается на 20 и 21 метр в узких дефилах; чтобы сделать жилища недосыгаемыми для наводнения, они должны быть

1 Blakiston, „Five months on the Yangtze“.

помещаемы высоко на выступах скал. Управляемые искусными кормчими, ладьи и даже джонки могут спускаться и подниматься по реке, не опасаясь набежать на камень, но при подъеме они должны бороться против сильного течения, скорость которого на некоторых порогах доходит до 18 и 19 километров в час. Тяга судов бичевой—труд в высшей степени тяжелый. В соседстве всех опасных мест выстроились деревни, населенные судовщиками, которые служат подкреплением. Иной раз целая сотня этих бурлаков впрягаются в бамбуковую веревку, чтобы тащить одну барку, и там, где тропинка прерывается, они принуждены карабкаться по крутым утесам обрывистого берега, налегая в то же время своей тяжестью на канат; партии бурлаков обыкновенно предшествует шут, прыгающий, кривляющийся, бросающийся перед ними на колени, чтобы ободрять их в трудной работе¹.

От Куи-чжоу-фу до И-чана ряд главных «танов» или порогов тянется на пространстве 189 километров и оканчивается грандиозными ущельями, каковы теснины Лон-гань и Мидань. Холмы вдруг понижаются с той и другой стороны, река раздвигает свои берега на 800 метров в ширину, и в водах её, как в море, видишь дельфинов, играющих возле судов; здесь, на расстоянии 1.760 километров от океана, начинается морской Цзян, к которому китайцы применяют поговорку: «безпредельно море, бездонна река Цзян». По крайней мере она «бездонна» для обыкновенных джонок, так как даже на самых высоких порогах, во время мелководья, она представляет, исключая одного только места, 6 метров воды в фарватере и почти везде глубина её гораздо больше; но разливы поднимают речной уровень в этой части течения до меньшей высоты, нежели в теснинах, и разность между горизонтом высокой и низкой воды становится все менее и менее значительной, по мере того, как река приближается к морю. В то же время опасность наводнения увеличивается для прибрежных местностей пропорционально понижению берегов, и потому вдоль русла Ян-цзы-цзяна с той и другой стороны, возведены оборонительные плотины, подобные береговым дамбам Желтой реки. С каждой стороны реки начинают показываться болота, в которые изливается выступающая из берегов вода во время разливов, и которые таким образом ослабляют размеры наводнения; даже большие озера расстилаются там и сям в соседних равнинах и принимают в себя притоки, которые затем изливают обратно в Ян-цзы-цзян посредством изменчивых каналов. Самое большое из этих озер, между областью теснин и местом впадения притока Хань, носит название Дун-тин-ху. Это обширное озеро, поверхность которого по малой мере около 5.000 квадратных километров, служит резервуаром истечения огромному бассейну, слишком в 200.000 квадратных километров, обнимающему почти всю провинцию Ху-нань; оно меняет свои очертания и протяжение по временам года, смотря по степени обилия впадающих в него рек, из которых значительнейшие суть: Юань-цзян, Цзы-цзян, Сянь-цзян, и смотря по высоте воды в Ян-цзы-цзяне, который иногда отбрасывает течение озерного источника Дун-тин-ху и заставляет его течь обратно в озеро. Во время наводнений прибрежные жители покидают свои селения, чтобы искать временного убежища, одни на окрестных холмах, другие в барках и на плотах. Кроме реки своего названия, озеро выпускает из себя несколько других, менее значительных потоков, которые изливаются в Ян-цзы-цзян, проходя через низменные равнины, часто затопляемые разливом вод. От этого озера Дун-тин-ху получили свое название две прибрежные провинции Ян-цзы-цзяна; Ху-бэй, «Север озера», и Ху-нань — «Юг озера».

Главный приток низового Ян-цзы-цзяна, как по обилию вод, так и по развитию торговой деятельности и по важности исторической роли, есть Хань-цзян: это естественный путь, которым следуют люди и товары между двумя главными реками Китая. Бассейн Хань-цзяна есть в то же время одна из тех областей Среднего царства, где соединены все выгодные условия для благосостояния и численного возрастания населения: здоровый и умеренный климат, плодородные земли, обильные и чистые воды, чрезвычайно разнообразная растительность, залежи мрамора, гипса и строительного камня в соседних горах, очень богатые

1 Blakiston, цитированное сочинение

запасы минерального топлива¹. Хань-цзян удобен для судоходства почти на всем своем протяжении, и пароходы могли бы летом подниматься вверх по реке на пространстве более 1.000 километров от устья; даже выше города Хань-чжун-фу, там, где Хань-цзян еще представляет простой ручей, прибрежные жители имеют ладьи, которые и нагружают своими сельскими произведениями, выжидая благоприятного времени, то-есть периода разлива, чтобы пуститься в плавание; но среднее течение реки прерывается порогами, на которых суда часто терпят крушение. В нижней части Хань-цзяна речное русло лежит выше прибрежных местностей, и с высоты боковых плотин можно видеть у себя под ногами домики крестьян, приютившиеся под тенью ив и раkit. Однако, некоторые селения построены на широких террасах, которые опираются на плотины, так что образуют искусственные острова, возвышающиеся, во время разлива, над поверхностью выступившей из берегов воды². Часто вся равнина, простирающаяся от озера Дун-тин до места слияния Хань-цзяна с Ян-цзы-цзяном, превращается в сплошное внутреннее море, по которому разгуливают многочисленные джонки. В нижней части своего течения Хань-цзян гораздо уже, чем в средней долине; во время мелководья, то-есть в зимние месяцы, расстояние от берега до берега, перед набережными Хань-коу, всего только 60 метров, тогда как выше этого города ложе его имеет не менее 800 метров ширины, а местами берега раздвигаются до двух с половиною километров³.

Озеро По-ян-ху походит на Дун-тин-ху по своему положению на юге от большой излучины Ян-цзы-цзяна, по своим обширным размерам, по своему гидрологическому порядку и, наконец, по своей важности для судоходства. Оно тоже принимает в себя многоводную реку, Гань-цзян, аллювиальная дельта которой, затопляема во время разливов, выдвигается далеко в площадь вод; направляясь обратно в озеро, течение Ян-цзы-цзяна повышает его уровень слишком на 9 метров⁴. Многочисленные острова рассеяны по поверхности По-яна, и некоторые части бассейна, площадь которого не менее 4.500 квадратных километров, представляют сплошной лес камышей; но северная часть озера везде глубока, и на берегах её высятся обрывистые утесы, крутые холмы; улицы городов раскинули поднимающимися один за другим ярусами свои дома, башни и пагоды по лесистым скатам гор, на островках и полуостровах берега; пловучие городки из барок и плотов, стоящих на якоре в соседстве пристаней, джонки с распушенными парусами, несущиеся по обширной площади вод, делают эту часть По-яна одной из живописнейших местностей центрального Китая. При выходе истока высится каменистая масса, носящая название «Большого утеса сироты»; в самом Ян-цзы-цзяне против впадения, другая скала, известна под именем «Малого утеса сироты», менее широкая, но более высокая, чем скала По-яна, стоит словно страж, охраняющий вход в реку; стаи бакланов или морских воронов тучами кружатся около её стен. Морские рыбы и дельфины заходят в По-ян, и моряки, плывущие через это внутреннее море, могут подумать, что судно их находится в каком-нибудь заливе океана. Иногда оно страшно бушует, волнуемое бурями⁵; оттого обыкновенные барки скользят вдоль берегов по неглубоким фарватерам, не осмеливаясь пускаться в открытое озеро. Почти все легкие товары вверяются катальщикам двуколесных тележек, которые огибают на западе воды бассейна⁶.

Ниже озера По-ян-ху, Великая река направляется на северо-восток, протекая через одну из прелестнейших областей Китая. Могучий поток скользит в своем широком русле движением всегда равномерным и правильным; зеленеющие острова прерывают там и сям однообразие серой массы вод; по берегам виднеются домики, окруженные группами деревьев, бамбуковыми рощами; какая-нибудь пагода, стоящая одиноко на выступе береговых холмов,

1 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage dans l'Empire Chinois”.

2 Leon Rousset, „A travers la Chine”.

3 F. von Richthofen, „Letter on the province of Hupen”.

4 Swinhoe, „Journal of the Geographical Society of London”, XL, 1870.

5 Du Halde;—Ellis;—Staunton;—Barrow;—Carl Ritter;—Blakiston.

6 Swinhoe, цитированный мемуар.

возвещает соседство города; невысокие косогоры, испещренные полосами зелени, господствуют над возделанными полями обоих берегов и, обходя вокруг отдаленной излучины, теряются в синеватой дымке горизонта. Аллювиальная равнина начинается, на обоих берегах, только ниже Нанкина, там, где река, принимая восточное направление, постепенно расширяется в лиман; морской прилив проникает во всю эту часть речного течения на пространстве 360 километров от океана. Глубина фарватера превышает 100 метров в некоторых местах, и при промерах свинцовая гиря лота прогуливается на больших расстояниях, не находя дна менее, как на 40 метрах; но ложе реки мало-по-малу повышается, по мере приближения к морю, и илистый бар отделяет речной лиман от морских вод. При устье расстояние от одной оконечности берегов или стрелки до другой около сотни километров; но это обширное пространство занято в большей части островами и песчаными мелями; самые глубокие проходы на बारे имеют средним числом 4 метра глубины, и, благодаря морскому приливу, который повышает горизонт воды от 3 до 4 с половиною метров, смотря по изменениям речного уровня, корабли, сидящие в воде на 5 метров и даже более, легко проникают в реку. Главная опасность при входе в реку Ян-цзы-цзян происходит от густых туманов, которые иногда скопляются над мелями, скрывая буйки и вехи. Так же, как во всем Желтом море и в других мелководных морских пространствах, эти туманы являются вследствие быстрых перемен температуры¹.

«Голубая река» несет в своих водах меньше землистых частиц, нежели Желтая река. По наблюдениям Геппи, пропорция осадка, содержащегося в воде низового Ян-цзы-цзяна, составляет 2.188-ю часть по весу и 4.157-ю часть по объему всего протекающего количества жидкостей массы: осадки, приносимые в устье, представляют твердую массу около 6 кубических метров в секунду; следовательно, каждый год отложения ила увеличиваются на 180 миллионов кубических метров,—количество достаточное для того, чтобы покрыть пространство в 100 квадратных километров слоем грязи в 2 метра толщиной. Вследствие этого, положение проходов на बारे изменяется из году в год; появляются новые мели, и острова разрастаются в протяжении. Говорят, что длинный остров Чун-мин, то-есть «коса реки», который протянулся в лимане по направлению от северо-запада к юго-востоку, непосредственно на севере от Вусунского рейда, едва касался поверхности воды в эпоху господства монголов: размываемый течением в верхней своей части, он увеличивается постепенно на нижней оконечности, передвигаясь таким образом от запада к востоку и удаляясь от южного берега. Первые жители, посланные на новую, достаточно окрепшую землю, были изгнанники с континента; но остров, не перестававший расти и укрепляться, был вскоре после того посещен добровольными колонистами, которые совершенно изменили его вид своими каналами, оборонительными плотинами, деревнями и возделанными полями; впоследствии на этом океанском побережье водворились также японские морские разбойники, и их потомки, превратившиеся в мирных хлебопашцев, смешались с переселенцами континентального происхождения. В настоящее время Чун-мин, где на пространстве около тысячи квадратных километров скучено до двух миллионов жителей, есть одна из многолюднейших и плодороднейших областей Китая. Чунминские колонисты, в первой половине нынешнего столетия, жили совершенно независимо, не зная никаких мандаринов, вымогающих подати и утесняющих народ своими регламентами; оттого население острова, пользовавшееся выгодами самоуправления, было гораздо счастливее и более образовано, чем население твердой земли. «Вот куда нужно идти, говорил Линдсей, чтобы познакомиться с природной честностью и добродушием китайцев»². Островитяне Чун-мина заселяют последовательно все новые земли, образующиеся в лимане Ян-цзы-цзяна: так, они колонизовали большой остров Си-тэй-ша, состоящий из сотни различных островов и островков, который илистыми отмелями соединяется с северной оконечностью материка при входе в реку; точно также они распространяют мало-по-малу свои поселения на полуострове Хай-мынь, лежащем к северу от Голубой

1 Карл Риттер, „Землеведение Азии“;—„Instructions nautiques sur le cotes de la Chine“.

2 „Report of Proceedings“;—Carl Ritter, „Asien“.

реки, и покрывают его прекрасно возделанными полями. В этой области провинции Цзян-су они находятся в соприкосновении с первобытными жителями, почти дикими аборигенами, от которых они совершенно отличаются кротостью нрава и умом¹.

В нижнем течении Ян-цзы-цзяна также произошли большие перемены, хотя далеко уступающие по важности переменам, имевшим место в низовьях Желтой реки. Кроме своего нынешнего устья он имел некогда два других, которые открывались южнее. Главное из этих засорившихся русл, которое и теперь еще можно узнать на наибольшей части его протяжения, отделялось от северного рукава в том месте, где находится в наши дни город У-ху, выше Нанкина, и следовало извилистой линией к юго-востоку, неся свои воды в Ханчжоуский лиман или залив. Покинутые Ян-цзы-цзяном озера на полуострове Шань-хай сохранили излучистую форму прежней реки, и высокие берега при поворотах представляют такой точно вид, как будто бы течение продолжало еще омывать их основание. Так, озеро Тай-ху, самый большой озерный бассейн этой области, по которому снуют во всех направлениях двучатковые палубные барки, напоминает свой прежний речной характер очертанием своего западного берега, следующего параллельно правому берегу Ян-цзы-цзяна. Точно также Ханчжоуский залив все еще имеет вид речного устья, но процесс отложения землистых наносов уже прекратился; во многих местах происходит обратное явление: волны постепенно смыывают мели, подтачивают прежние берега, и каменистые острова Чжу-сана, которые протянулись впереди лимана на подобие поперечной плотины, перестали служить опорной точкой для образования аллювиального полуострова. Вся страна, которая была дельтой Ян-цзы-цзяна, между двумя лиманами, представляет низменное пространство, подобное по виду Нидерландам, перерезанное во всех направлениях каналами, обведенными охранительными плотинами; поля окопаны судоходными рвами, и все перевозки продуктов и товаров производятся ладьями. На север от Ян-цзы-цзяна, аллювиальная равнина, которая продолжается в северном направлении до старого русла Хуан-хэ, имеет такой же вид, и естественные потоки, искусственные каналы тоже переплетаются там в целый лабиринт вод. Канал по преимуществу или Юнь-хэ, «река транспортов», бывший приток Ян-цзы-цзяна, пересекает эту область с юга на север и соединяется с течением Желтой реки; река Хуан-хэ, питаемая ручьями, спускающимися с крайних разветвлений системы Куэнь-лунь, делится в равнине на многочисленные потоки, которые соединяются с прежними руслами Хуан-хэ, озера и болота наполняют все низменные местности, а вдоль морского берега эта неопределенная земля окаймлена бахромой песчаных мелей и островов. О виде, который должна иметь эта страна, можно судить по карте её, составленной католическими миссионерами прошлого столетия и впоследствии исправленной китайским географом Ли-фэн-бао.

От внешних террас Тибета до неопределенных берегов Желтого моря неровности рельефа делят бассейн Голубой реки на несколько естественных областей, различающихся одна от другой климатом, произведениями и нравами жителей. Первая ясно обособленная область — это область высоких горных хребтов западной Сычуани, где «Золотоносная река» течет по дну узких поперечных долин в стране тибетцев и лолотов. «Поперечные цепи» (Cross Ranges) и ущелья на пространстве от Куй-чжоу до И-чана отделяют восточную Сычуань от равнин провинции Ху-бэй; наконец, холмы провинции Ань-хой указывают конец возвышенностей и начало низменностей, недавно завоеванных у океана.

Горы восточной границы Тибета, очевидно, суть остатки плоскогорья, которое разрушительным действием снегов, льдов и вод было постепенно разрезано на параллельные хребты, имеющие общее направление от севера к югу; даже ложа рек, хотя глубоко врезающиеся в толщу нагорья, находятся в этой области на высотах от 3.000 до 3.500 метров над уровнем моря. Большая торговая дорога, ведущая из Лассы в западный Китай через Батан и Да-цзянь-лу, держится почти везде между этими двумя городами на средней высоте 3.600 метров², и даже три перевала, на этой дороге, открываются на абсолютной высоте около 5.000

1 Bourdilleau, „Annales de la propagation de la foi“. 1871 г. .

2 Gill, „The River of Golden Sand“.

метров. Эти горные проходы очень пугают путешественников, не столько по причине крутизны скатов и суровости холода или свирепости ветра, сколько по причине разреженности воздуха. Китайцы, не знающие истинной причины тошноты или даже обмороков, которым они подвергаются при проходе через высокие хребты, приписывают эти случаи ядовитым испарениям почвы. На хребте Тан-ла тибетцы тоже приписывают парам земли зловерное действие¹.

Хребты, отделяющие Цзинь-ша-цзян от Я-лун-цзяна и этот последний от Мина, представляют еще, далеко на юге от плоских возвышенностей Куку-нора и Баян-хара, вершины, поднимающиеся за нижний предел постоянных снегов, который, по вычислению Джилля, проходит, в этих областях тибетской границы, на абсолютной высоте от 4.200 до 4.500 метров. Так, Нэнда или «Священная гора», поднимающаяся на востоке от нагорной долины Цзинь-ша-цзяна, под широтой Батана, имеет не менее 6.250 метров высоты, и со всех сторон её изливаются в окружающие цирки или котловины потоки, вытекающие из снегов и ледников: путешественники, проходящие у южной подошвы этой горы, огибаят в продолжение целого дня трудного пути её снеговые предгорья ослепительной белизны. На востоке от Нэнды поднимаются другие горы почти столь же высокие и, вероятно, составляющие часть того же самого массива: это Сурунские пики, ряд которых тянется по направлению от северо-запада к юго-востоку, ограничивая половину горизонта своей серебристой линией зубчатого гребня. На востоке от Я-лун-цзяна другая цепь, параллельная Сурунскому хребту и покрытая вечными снегами на всех своих верхушках, поддерживает отдельно стоящую вершину, поднимающуюся на 1.500 метров выше своих соседей: туземцы дали ей прозвище Жара или «Царица гор», и между всеми горами, которые имел случай видеть Джилль во время своего путешествия через Альпы Сы-чуани, ни одна, по его мнению, не заслуживает более этой такого названия. На севере горные цепи, над которыми господствует Жара, примыкают к гористой области, составляющей продолжение хребта Баян-хара, и там тоже многочисленные вершины превосходят по высоте Мон-блан; Арман Давид полагает даже, что там найдутся соперники вершинам Гималая². Одна из этих гор—О-ми-шань, на которой там и сям воздвигнуты буддийские храмы, и на которую совершил восхождение миссионер Рилей, в 1879 году; другая гора носит название Сюэ-лун-шань или «Дракон снегов»; соседняя гора называется «Белое облако», а напротив её, по другую сторону главного горного потока, образующего реку Минь, высится пирамидальная масса с семью остrokонечными вершинами, известная под именем «Семи гвоздей»; Джилль приписывает ей высоту от 5.400 до 6.000 метров. Далее на севере гора, называемая Ши-бань-фан или «Дом из каменной плиты», как говорят, имеет почти такую же высоту; даже простой боковой перевал, через который поднимаются от одного притока Мини к другому притоку той же реки, лежит на высоте более 4.000 метров³.

Горы западной Сы-чуани и китайского Тибета получают довольно обильное количество атмосферной влаги в форме снега и дождя. Не будучи отделены от Бенгальского залива более высокими цепями, они выставлены непосредственно удару сырых ветров, и в некоторых областях, особенно в Литане и в Мупине, дожди, как говорят, падают каждый день, после полудня, во все продолжение летнего сезона⁴. Оттого растительность отличается там необычайной силой и пышностью во всех лощинах, где скопляются воды. Большинство нагорных долин, даже многие из тех, которые еще усеяны селениями, находятся выше пояса древесной растительности, но скаты бывают покрыты, в течение трех месяцев, роскошными травами, которые исчезают под снегом в продолжение длинной зимы. Ниже идут леса, представляющие изумительное разнообразие деревьев, из которых иные достигают размеров, неизвестных в других странах; господствующая порода этих лесов—тис, высокий, как самые гор-

1 Гюк;—Пржевальский;—Джилль.

2 Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 1-er juin 1871.

3 Gill, цитированное сочинение.

4 Gill, цитированное сочинение; Armand David;—Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 juin 1871.

деливые сосны и ели европейской флоры, величественный, как растущие с ним в соседстве могучие дубы; рододендроны вырастают здесь в настоящие деревья; еще на высоте 2.500 метров видишь великолепные азалеи, в 5 и 6 метров вышиной, не менее обильно усеянные цветами, чем прекраснейшие экземпляры этого растения, выставляемые европейскими садоводами. На почти вертикальных крутизнах папоротники, кустарники, даже деревья укореняются в углублениях камня, прикрывая скалы занавесами из листьев и цветов: едва выйдя из какого-нибудь ущелья горы, путешественник тщетно ищет расселину, по которой он сейчас проходил, он примечает только сплетение ветвей и цветущих лиан, сквозь которые нельзя разглядеть даже выступы утеса. Каждая деревня, в долинах притоков реки Минь, затеряна в чаще фруктовых деревьев, абрикосовых, персиковых, ореховых; на высоте 1.500 метров видны уже пучки бамбука. В Батайской равнине, то-есть почти на высоте 2.600 метров над уровнем моря, растут виноградная лоза и тутовое дерево, и там легко было бы заняться шелководством, если бы жители края, тибетцы, не смотрели на умерщвление шелкопряда как на смертный грех¹.

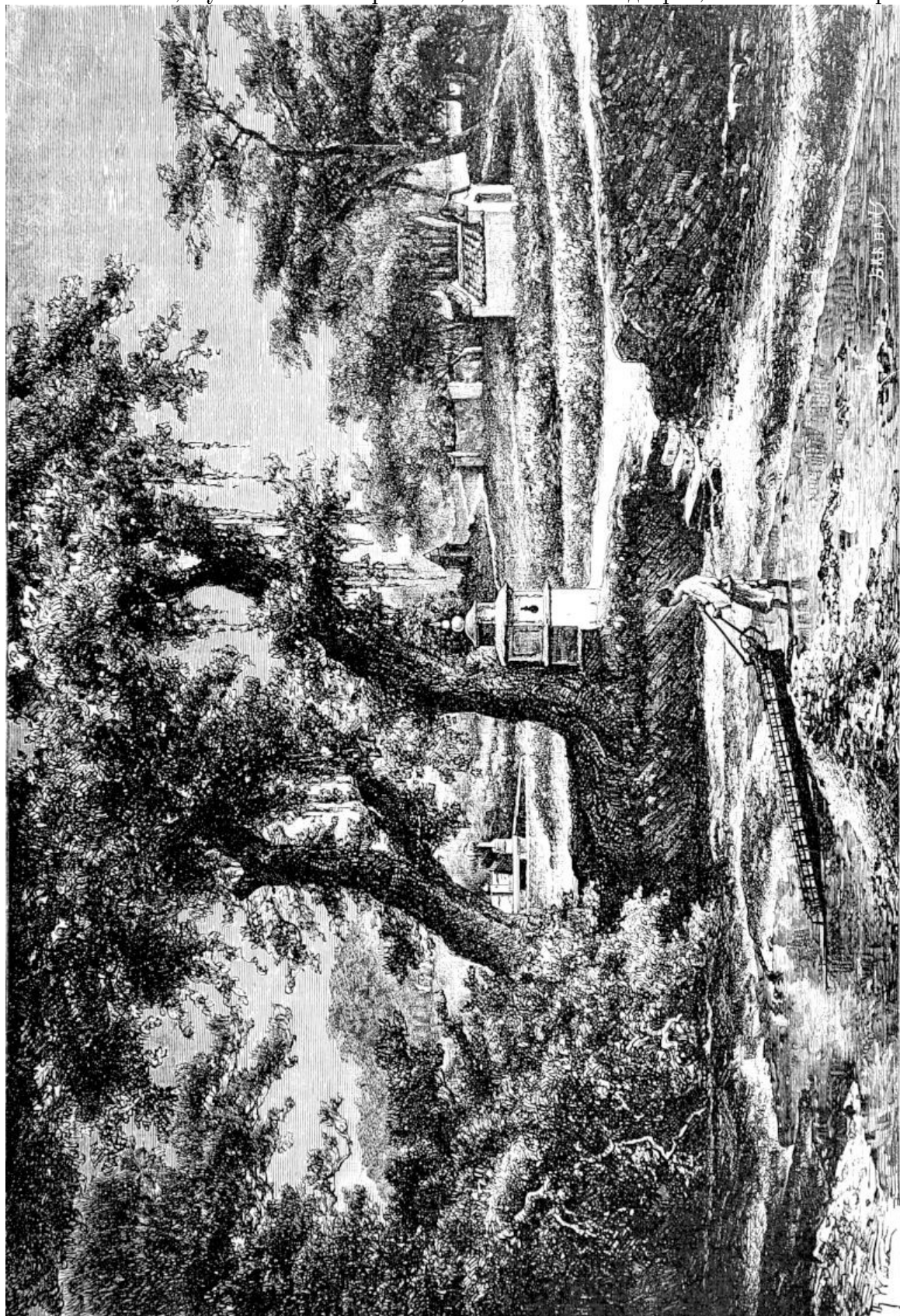
Дикие животные в этой стране те же самые, что и в Тибете, но они уже исчезли из всей почти области, колонизированной китайцами, так что натуралист Арман Давид должен был поселиться на большой высоте над Сычуаньской равниной, в местности, возвышающейся слишком на 2.000 метров над уровнем океана, именно в Мупине, чтобы изучать богатую фауну этой естественной области. Так же, как на плоскогорьях Бод-юла (Тибета), на Альпах Сы-чуани водятся большие жвачные животные, различные виды антилоп, каменные бараны, мускусная лань, красные олени, ревностно преследуемые охотниками, которые продают довольно дорого их еще не вполне окрепшие рога. Дикий як одиноко бродит вокруг пастбищ, где пасутся тысячами домашние яки; один бык особенной породы, которого нашли также в восточных Гималаях, называемый туземцами такин (*budorcas taxicolor*), рыскает в лесах нагорной Сы-чуани. Белый медведь, свойственный стране Хачи, водится равным образом в округе Мупин и, вероятно, на всех промежуточных плоскогорьях. Но удивительнее всего, что в этих холодных нагорных пространствах, почти сплошь покрытых снегом в конце марта месяца, встречаются многие зябкие животные тропических стран. Один вид летучей белки перепархивает с дерева на дерево, и две породы обезьян живут в лесах Мупина; правда, что они защищены от холода очень густой шерстью. Одна из обезьян, известная у китайцев под именем цзинь-цзянь-хоу, и называемая натуралистами *rhinopithecus Roxelanae*, величиной почти такая же, как четырехрукая Малайского архипелага; морда у неё короткая, бирюзово-зеленого цвета, а нос сильно вздернутый; устройство её головы, повидимому, свидетельствует о замечательном уме². Но чем особенно отличается фауна Мупина, так это великолепием и разнообразием своего пернатого царства. Необыкновенно красивые фазаны, лопфоры, различные породы куриных, поражающие блеском своего наряда, живут в этих горах рядом с многочисленными птицами, имеющими более скромное оперение и похожими на европейские виды. Певчие птицы, соловьи и малиновки, тоже имеют своих представителей в Сы-чуани. В одной только коллекции, собранной Арманом Давидом, признано тридцать слишком новых видов, и без сомнения со временем будут открыты еще многие другие породы. Летом зеленые попугаи, прилетающие, вероятно, из южного Юнь-наня, поднимаются на север в долинах рек Цзинь-ша-цзяна и Я-лун-цзяна. На высоте 3.000 метров над уровнем моря, можно подумать, что находишься среди лесов Индокитая.

Наибольшая часть области горных цепей, которую огибает на юге дуга, описываемая «Золотоносной рекой», принадлежит этнографически к Тибету, хотя этот край отдален от него в политическом отношении. Цивилизованные жители страны такие же тибетцы (бод), как и обитатели Лассы, имеющие те же нравы и обычаи и те же социальные учреждения. В тибетской Сы-чуане, как и в провинции Кам, переправляешься через реки либо по висячим мостам, либо при помощи подвижных плотов или паромов, скользящих на канате от одного

1 Gill, цитированное сочинение.

2 A. Milne-Edwards;—Armand David.

берега до другого. В китайском Тибете пастухи тоже живут в переносных черных палатках, обвешанных яковыми шкурами; равным образом и постоянные жилища состоят из грубых каменных мазанок, с узенькими отверстиями, вместо окон и дверей, и с плоскими крышами;

Ирригационная помпа въ Южномъ Китаѣ

построенные почти все особняком на выступах гор, эти невзрачные лачуги издали походят на развалины крепких замков. Контраст поразительный между деревнями тибетцев и деревнями китайцев. Эти последние любят жить скученно, большими селениями, даже когда

им нужно для этого удалиться от своих пашен и покосов, тогда как тибетцы предпочитают селиться отдельными дворами. В местностях, населенных одновременно обеими расами, метечки и посадки всегда китайские, а захолустья, маленькие поселки непременно тибетские. Однако буддийские монастыри, где сотни, даже тысячи людей живут вместе, составляя одну общину, населены исключительно тибетцами, к которым присоединились несколько китайских метисов, покинутых своими родителями, да отставных солдат, вернувшихся на родину. Эти ламы—настоящие господа страны. Пропорционально более многочисленные, чем жрецы самого Бод-юла, монахи тибетской Сы-чуани владеют половиной земли, самыми большими стадами яков и овец, толпами невольников, которых они заставляют служить себе в качестве пастухов и в качестве хлебопашцев; посредством ростовщичества они являются истинными владельцами полей, обрабатываемых мирянами¹. Вступительный искус не труден: всякий может вступить в общину, и всегда находится много желающих принять пострижение, либо во исполнение данного обета, либо с целью найти безопасное убежище от угрожающей мести, либо, наконец, просто для того, чтобы не платить податей и чтобы пользоваться привилегиями всякого рода, присвоенными членам религиозного братства. Но если ламы, стоящие выше законов, избавлены от обязанности участвовать каким бы то ни было образом в покрытии расходов государства, то масса народа испытывает, вследствие этого, тем большее угнетение, несет тем более тяжелое бремя повинностей, и налоги, разложенные на постепенно уменьшающееся число семейств, сделались невыносимыми. В последние сто лет податное население края уменьшилось наполовину, главным образом вследствие эмиграции в Юнь-нань: путешественник повсюду встречает развалины домов и деревень; некоторые округа даже совершенно опустели, и возделанные равнины снова превращаются в леса или пастбища².

Тибетцы еще полудикие, которые живут отдельными племенами в северных областях Альп Сы-чуани, вообще означаются под именем си-фаней или «западных фаней». Одетые в шкуры или в балахоны из грубой шерсти, с густыми длинными волосами, ниспадающими в беспорядке по плечам, си-фани наводят ужас на цивилизованных китайцев равнины, но на самом деле они не так страшны, как кажутся, и чужеземец, просящий у них гостеприимства, всегда находит хороший прием. Ламаизм утвердился и между ними, однако в меньшей степени, нежели у других тибетцев, и священные книги, употребляемые их жрецами, написаны тангутскими знаками. Си-фани, живущие на верховьях Желтой реки, так же, как многие другие дикари внутреннего Китая, да и сами китайцы воображают, что европейцы могут проникать взором почву и воду до огромной глубины, и что они перелетают через горы: если же в равнине они ходят, то только потому, что им затруднительно были бы переносить, во время полета, выючных животных, в которых они нуждаются. Сининский амбань пресерьезно спрашивал у переводчика Пржевальского, правда ли, что его господин может видеть блеск драгоценных камней до глубины почти 40 сажен в земле.

На севере си-фани примыкают к амдонам³, тогда как на юге и на юго-западе они соприкасаются с другими племенами, тоже тибетского происхождения, известными под общим названием манзов, то-есть «неукротимой сволочи». Оттого-то некоторые племена, знающие смысл этого слова, отвергают его как обидное прозвище и просят, чтобы их называли именем и-жэнь, означающим просто «другие люди» или «инородцы». Одно из племен, именно племя суму или «белых манзов», обитающее на берегах Лоу-хуа-хэ, западного притока реки Линь, состоит, по словам Джилля, из трех с половиной миллионов человек, живущих хлебопашеством и скотоводством. Как ни мало вероятной кажется точность этого исчисления, тем не менее достоверно известно, что манзы представляют значительный элемент в народонаселении западного Китая. Политически обособленные от других племен, манзы Сы-чуани соединены в восемнадцать отдельных общин, в которых власть старшин неограничен-

1 Desgodins;—Gill, цитированное сочинение.

2 Hodgson,—Yule „Introductory Essay to the River of Golden Sand“, by Gill.

3 Письмо Н. М. Пржевальского, „Русский Инвалид“, 1880.

на. Последние взимают налог с обрабатываемых земель, равно как со стад, и, кроме того, каждая семья должна платить ему личным трудом одного из своих членов в продолжение шести месяцев каждого года. По своему усмотрению, они раздают земли и отнимают их, чтобы отдать другим. В самом могущественном из этих восемнадцати королевств, в королевстве белых манзов, трон всегда занят царицей, в память блистательных подвигов, совершенных одной прародительницей царствующей фамилии. Хотя манзов обыкновенно называют «дикарями», но это совершенно несправедливо, так как они усердно занимаются хлебопашеством, умеют ткать холст и грубое сукно, строят себе дома и башни в тибетском стиле, имеют даже книги на тибетском и китайском языках и держат школы для своих детей. На западе преобладает тибетское влияние, и ламы там пользуются не меньшей властью, чем у сифаней; на востоке, напротив, берет перевес китайское влияние, и многие из манзов обрезают свою густую шевелюру, оставляя только косу на китайский лад и облачаясь в костюм жителей равнины, чтобы и походить на «детей Ханя»¹.

Но эти инородцы не могут оказывать достаточного сопротивления постоянному напору китайских колонистов, которые, так сказать, осаждают их со всех сторон и не перестают делать захваты в пределах их области. В то время, как разные искатели приключений и беглые из низменной страны пробираются далеко в горы, принося с собой новые нравы и понятия, армия китайских земледельцев подвигается сплоченной массой с фронта, пользуясь всякими предложениями, чтобы объявить войну «дикарям» и чтобы завладеть их землями. Оттесняемые с каждым годом все далее и далее в глубь гор, манзы испытывают участь всех побежденных и обыкновенно их же обвиняют в совершении тех жестокостей, которым они подвергаются. Расположившись лагерем в инородческих селениях, в которых они не успели еще даже изменить архитектуру построек, китайские грабители уверены, что они сделали этот насильный захват чужой земли единственно в видах своей личной обороны.

На юге от манзов, в большой дуге, которую описывает река Цзинь-ша-цзян, между Сычуанью и Юнь-нанью, живут другие инородческие населения, тоже угрожаемые колонизационным потоком: это ло-ло, имя которых не имеет никакого смысла в китайском языке, если только этот удвоенный слог не означает, как греческое название «варвар», бормотунов, «людей не умеющих выражаться на цивилизованном языке»². Впрочем, китайцы смешивают под этим наименованием ло-ло большое число племен Сычуани и Юнь-нани, совершенно отличных от населений тибетского корня, каковы сифани и манзы; Эдкинс видит в этих инородцах отрасли бирманской семьи; их письма, по его словам, напоминают письма талапоинов, жителей Пегу и Авы³. Торель делит лолотов на «белых» родственных лаотийцам, и «черных», которых, по его мнению, должно признать коренными жителями края. Они вообще выше ростом и худощавее собственно китайцев, черты лица у них выразительнее и приятнее, по крайней мере на европейский вкус; но в некоторых долинах зобатые и кретины не пропорционально многочисленны. В городе Нин-юань-фу лолоты совершенно окитаились по нравам и, выдержав установленный экзамен, поступили на государственную службу⁴; но в окружающих горах дикие племена сохранили свою первобытную независимость, и китайцы старательно избегают встречи с этими инородцами, обходя их край либо на севере, либо на юге. В продолжение многовековой борьбы колонисты не успели оттеснить этих варваров, и только очень немногие князьки согласились принимать от богдыхана утверждение в своем достоинстве; военные посты, учрежденные на известном расстоянии один от другого вдоль их границы, не мешают лолотам делать частые набеги с гор в равнину, чтобы захватить силой предметы, в которых они нуждаются, и возобновить свои запасы соли. Тогда как в северной полосе Сычуани образовалась порода метисов от смешения китайцев с их соседями, сифанями и манзами, в южной части провинции неизвестны случаи

1 Gill, цитированное сочинение; — Cameron, „Exploration“, 9 decembre 1880.

2 Лев Мечников, рукописные заметки.

3 Gaston de Bezaure, „le Fleuve Bleu“.

4 Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.

скрещивания между дикарями лолотами и их цивилизованными соседями¹.

Пояс Сы-чуани, занятый исключительно китайским населением, ограничен склонами гор, господствующих на западе над долиной реки Минь. К востоку от этой естественной границы, первобытные расы, аборигены, совершенно исчезли из края, называемого «Четыреречьем», который весь принадлежал им двадцать два столетия тому назад, когда появились первые переселенцы из китайцев. Но между этими пришельцами и старожилами нередко происходили кровавые столкновения, и во времена Хубилай-хана большая часть колонистов была истреблена. В эпоху маньчжурского завоевания страна снова опустела, и впоследствии новые эмиграционные потоки направились сюда из различных провинций и преимущественно из Шэнь-си и из Ху-бэй. Следовательно, жители Четыреречного края имеют очень смешанное происхождение, но из этого смешения образовалось население, отличающееся некоторыми особыми признаками. Сычуаньцы, может быть, из всех китайцев самые привлекательные, самые доброжелательные, самые вежливые и приветливые в обхождении, и в то же время самые прямодушные и наиболее одаренные здравым смыслом. Очень трудолюбивые, они, однако, не чувствуют ни малейшей склонности к торговле: в их стране negociants обыкновенно пришельцы из провинции Шэнь-си и Цзян-си, а банкиры, закладчики, ростовщики—все уроженцы провинции Шань-си. Жители Сы-чуани дают также менее значительный контингент книжников и военных начальников, нежели жители других провинций империи: их практический ум отвращает их от изучения официальной премудрости, где капля истинного знания смешана с массой бессмысленных формул. Посвящая свой труд земледелию, ремеслам и промышленности, сычуаньцы доставили своему краю первое место между провинциями Китая и имеют полное право говорить об этом с гордостью. Так как они принимали лишь слабое участие в войне тайпингов, то это дало им возможность развить в изумительных размерах свои промышленные ресурсы. Они очень деятельно разрабатывают свои рудники, соляные и нефтяные источники, залежи каменного угля и месторождения железа; почва равнин превосходно орошается ирригационными каналами; ни в какой стране не увидишь такого обилия и разнообразия огородных овощей. По степени развития шелководства Сы-чуань не имеет соперников даже в Китае, и употребление шелковых тканей так распространено в крае, что в праздничные дни более половины жителей наряжаются в эти драгоценные материи². Не только равнины и косогоры обращены в культурные земли, но также и крутизны гор; даже там, где горные склоны имеют крутость до 60 градусов и кажутся недоступными, почва иссечена в виде лестницы, и площадка каждой ступени засеяна хлебными растениями или усажена рядом деревьев³. Благодаря «иностранным корням», то-есть картофелю, который введен в Сы-чуане христианскими миссионерами, вероятно в прошлом столетии⁴, культура могла подняться до высоты 2.500 и даже 3.000 метров над уровнем моря, и уже непрерывные пояса возделанных полей продолжают через горы до соседних провинций; излишек населения «Четырех рек» переливается через возвышенные границы, и Сы-чуань возвращает теперь окружающим провинциям столько же колонистов, сколько он некогда сам получил от них.

Сычуаньские крестьяне разводят многие породы деревьев и кустарников, которых соки или жирные маслянистые вещества употребляются в промышленности: таково, например сальное дерево (*Stillingia Sebifera*), содержащее в своих бесчисленных ягодах род сала, из которого делают свечи: таков, далее, маслосерновик (*Elaeagnus*), плод которого дает масло, выгодно заменяющее лак⁵; мыльное дерево есть особенный вид акации, похожий на ясень (*Acacia rugata*), и очень богатый щелочью плод этого дерева, к которому прибавляют, для

1 Nicholl, „Proceedings of the Geographical Society of London”, nov. 1880.

2 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi, Schensi, Sz'chwan“.

3 F. von Richthofen, цитированное сочинение

4 Cooper, „Travels of a pioneer of commerce”.

5 Armand David, цитированное сочинение;—Gaston de Bezaure, „Le Fleuve Bleu“.

запаха, немного камфоры, употребляется как мыло в большей части китайских семейств⁶. Одна из самых любопытных отраслей сельскохозяйственной промышленности провинции — это производство растительного воска или бэй-ла, который может быть приготовляем не иначе, как при разделении труда между жителями двух отдаленных один от другого округов. Насекомое (*coccus pela*), вырабатывающее воск, родится и развивается на листьях дерева *ligustrum lucidum*, в округе Цянь-чжан, близ города Нин-юань-фу. В конце апреля земледельцы осторожно собирают яички этого насекомого и отправляются с ними в окрестности города Цзя-дин-фу, за четырнадцать дней пути, на другую сторону цепи гор. Дорога очень трудная, и при том идти по ней нужно ночью для того, чтобы яички не испортились от дневного тепла; издали бесконечные вереницы мелькающих огоньков, движущиеся по извилистым тропинкам гор, представляют очень эффектное зрелище. Как единственное исключение во всем Среднем царстве, ворота Цзя-дин-фу остаются постоянно отпертыми в продолжение всего сезона сбора яичек. По перенесении последних в окрестности этого города, начинается деликатная операция: нужно снять яички с ветки, на которой их несли, и поместить их на листья дерева совсем другой породы, китайского ясеня (*Fraxinus sinensis*), где насекомые вылупляются и выделяют из себя белый воск, так высоко ценимый китайцами. Без сомнения, нужно приписать болезни это свойство червецов производить много воску именно на растениях, которые не дают им естественной пищи⁷. По словам китайских писателей, насекомое, производящее воск, успешно развивается на трех или четырех различных породах деревьев⁸. Общая ценность собираемого в Сы-чуани растительного воска исчисляется Рихтгофеном в 14 миллионов франков. Владение восконосными деревьями очень раздроблено; обыкновенно они принадлежат другим крестьянам, не тем, которые владеют землей, протирающейся под тенью этих деревьев.

К востоку от Минь-цзяна и его притоков, то-есть от «Четырех рек» именно: Минь-цзяна, Да-ду-хэ, Хэй-шуя (Черные воды) и Бэй-шуя (Белые воды) — следуют один за другим все ориентированные по направлению от юго-запада к северо-востоку хребты, состоящие из красного песчаника и каменноугольных формаций, обломки которых, размельченные и рассеянные по почве, подали Рихтгофену повод дать стране название «Красного бассейна». Эти хребты примыкают к горному порогу, отделяющему притоки Минь-цзяна от долины Хань-цзяна, и высота которого, на юге от Хань-чжун-фу и другого «Красного бассейна», окружающего этот город, исчисляется Арманом Давидом в 3.000 метров. Раздельная горная цепь между двумя долинами, известная под именем Цзя-лун-шань, понижается постепенно к востоку и незаметно сливается с равниной в области озер, где смешиваются, во время разливов, воды Хань-цзяна и Ян-цзы-цзяна. На юг от Великой реки, провинция Гуй-чжоу представляет в совокупности своего рельефа форму симметричную с очертанием Сы-чуани. С западной стороны она тоже ограничена гористой областью или, вернее сказать, разрезанным плоскогорьем, на котором высятся снеговые вершины Лын-шаня или «холодных гор». На юге, краевые цепи отделяют область от Юньнаньского нагорья, и хребет, которому европейцы дали название Нань-лин (Нань-шань) или «Южных гор», образует раздельную границу между бассейном Ян-цзы-цзяна и бассейном Си-цзяна. Во внутренности провинции Гуй-чжоу параллельные цепи, ориентированные так же, как и хребты Красного бассейна в Сы-чуане, вообще говоря, немного менее высоки, и воды У-цзяна и других рек, имея меньшее падение, застаиваются там и сям в виде болот, которые делают этот край очень нездоровым. Болотные лихорадки и непрекращающиеся междоусобия — вот причины, задерживающие Гуй-чжоу на последнем месте между провинциями Китая по населенности и степени развития торговли и промышленности. В южной части этой провинции война, или, вернее сказать, охота на человека, ведется постоянно, с переменным счастьем, между китайцами и коренными жителями края.

6 Gill, „River of the Golden Sand”.

7 „Lettres edifiantes“, tome XXIII;—F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi“ etc.;—Gill, „The River of Golden Sand“;—„Comptes rendus de l’Academie des Sciences“, t. X, 1840.

8 Bretschneider, „Note on some botanical questions connected with the export trade of China“.

Инородцы мяо-цзы, то-есть, по объяснению Моррисона и Локкарта, «люди, выросшие из земли», обитали прежде в областях равнины, преимущественно по берегам озер Дун-тин и По-ян¹. Постепенно оттесненные китайскими колонистами в область гор, эти нань-маны или «южные варвары», — как их называли встарину, — поселились большею частью в массиве Нань-лин (Южные горы) и в окружающих долинах; разделенные промежуточными равнинами, они по необходимости должны были распасться на множество племен или колен, различия которых постепенно увеличивались из века в век, и под которыми теперь трудно признать родство происхождения. Шу-цзин (Книга летописей) Конфуция делит мяо на три главные группы — белых, голубых и красных. В горах южного Гуй-чжоу до сих пор еще существуют народцы под тем же именем², но эти эпитеты, мотивируемые ныне цветом одежды, вероятно, не применяются более к тем же самым племенам, о которых говорил Конфуций. Поколения чжун-мяо, цзи-лао, цзи-дао, ду-мань, живущие в провинции Гуй-чжоу, поколение тун, обитающее в провинции Гаун-си, «восемьдесят два» племени, описываемые в одной книге, переведенной Бриджменом, тоже принадлежат к мяо-цзы, которые в настоящее время до того уменьшились в числе, что представляет лишь разрозненные отрывки³; некоторым народцам китайцы дают название «Шести сот семейств», может быть, затем, чтобы обрисовать состояние рассеяния, в котором они теперь находятся. Различные покоренные племена инородцев постепенно смешиваются с расой завоевателей, с китайцами: бывали случаи, что мяоты выдерживали экзамены высших учебных заведений и возвышались на степень мандаринов. Другие инородцы, хотя китайского происхождения по отцам, живут особняком вдали от цивилизованных⁴. Мяо-цзы племени сэн, оставшиеся независимыми от китайских чиновников и буддийских монахов, принуждены были удалиться в трудно доступные горные местности. Большинство этих инородцев построили свои укрепленные селения на вершинах гор, откуда они могут сторожить страну, но, за исключением одного из двух племен, живущих разбоем, они ограничиваются самообороной. Они возделывают кукурузу, гречиху, а также немного рису, в редких благоприятных местах; кроме того, они занимаются скотоводством и слывут искусными охотниками; но они не спускаются в равнину для продажи шкур убитых ими животных, оленьих рогов и мускусных мешков кабарги, а ждут посещения странствующих торговцев, приходящих в их деревни обменивать свой товар на местные продукты⁵. Очень гордые, очень чувствительные к несправедливости, они не могут выносить угнетения мандаринов и живут в состоянии постоянного возмущения против китайских властей. Но они не пользуются такой выгодной позицией, как сычуаньские манзы, опирающиеся на обширные необитаемые плоскогорья; их горы окружены со всех сторон китайскими колонистами, и кольцо этого обложения с каждым годом все более и более суживается; целые поколения инородцев были истреблены. Во время смутного периода войны тайпингов, магометанских восстаний в Юнь-нане, китайские генералы ринулись со своими войсками на территорию мяотов и разрушили их поселения; большое число начальников племен, захваченные в плен и отведенные в Пекин, были подвергнуты жестоким пыткам и затем обезглавлены на площадях столицы.

Гонимые со света китайцами, мяо-цзы, само собой разумеется, обвиняются своими преследователями во всевозможных злодеяниях; не только на них смотрят, как на дикарей, но им почти отказывают даже в названии людей: так, например, про инородцев племени яо, живущих в округе Ли-бо, к югу от хребта Нань-лин, их соседи еще и до сих пор рассказывают, что будто у них есть короткие хвосты, как у обезьян. Правда, что мяотские племена утратили свою цивилизацию и частью даже снова впали в варварство с того времени, как на них стали делать облавы, словно на диких зверей; в некоторых местах они живут в пещерах или

1 Lockhart, „Transactions of the Ethnological Society of London“, vol. I; 1861;—„Chinese Repository“, 3 octob. 1863.

2 Emile Rocher, „La Province chinoise de Yunnan“.

3 Edkins, „The Miautsi“;—Bridgman;—Schertzer, „Novara Expedition“.

4 Mac Carthy, „Proceedings of the Geographical Society of London“, aug. 1879

5 Lockhart, цитированный мемуар;—„Annec Geographique“, I

в шалашах из хвороста и ветвей, и должны отказаться от всякого земледелия; есть даже такие, которые обитают в трещинах обрывистых стен горы, и которые могут попадать в свое логовище только с помощью лестницы из бамбука, прикрепленной к отвесной скале до высоты 150 метров¹. Однако китайские летописи и даже рассказы новейших путешественников изображают нам их народом, знающим искусство письма, имеющим сочинения на родном языке, написанные на деревянных табличках или на пальмовых листьях. В то же время эти инородцы пользуются славой искусных ткачей; их женщины умеют выделывать прекрасные ткани из шелка, из льна, из шерсти и из хлопчатой бумаги, покупаемые на расхват кантонскими негоциантами. Хорошие музыканты, они играют на духовом инструменте в роде флейты, более приятном, чем гудок китайцев, и пляшут мерно под звуки бубна и гитары, представляя с большою выразительностью сцены печальные или радостные²; некоторые из танцев имеют также религиозный характер. Главный порок этих горцев, пьянство, способствует усилению презрения, с которым смотрят на них цивилизованные обитатели равнин³.

Нужно опасаться, что сохранившиеся еще остатки этой древней нации, пожалуй, исчезнут с лица земли прежде даже, чем этнографы успеют определить их место между расами Азии. Принадлежат ли они к тому же корню, что и тибетцы, как это предполагает большинство китайских писателей, включая мяотов в группу Па-фань или «Восемь племен фань», одну из отраслей которой составляют тибетские си-фани или западные фани⁴? Или, подобно другим народностям южного Юнь-наня, каковы племена пай и папэ, мяоты имеют родственную связь с сиаемским корнем, как дает повод думать их словарь? Ростом мяоты, вообще говоря, меньше китайцев, но черты лица их выразительнее, и глаза у них открытые, как у европейца. Мужчины и женщины, носящие почти одинаковую прическу, собирают свою длинную шевелюру на затылок и закручивают ее в форме шиньона; женщины некоторых колен кладут себе на голову дощечку и поверх её завязывают волосы, так что этот головной убор защищает их от солнца и дождя; большинство мужчин, обматывают себе вокруг головы чалму из материи ярких цветов, а женщины носят серьги в ушах. Те и другие одеваются в блузы, холщевые и шерстяные, а ноги обувают в сандалии или лапти, сплетенные из соломы. Правительства у них нет никакого, но в случае споров они охотно выбирают себе третейских судей между стариками, и в конце концов прибегают к силе, если дело не уладится полюбовно: наследственная ненависть продолжается у них до девятого колена, и, говорят, овладев врагом, они убивают его и едят его мясо. Они исповедуют буддийскую веру, но примешивают к её обрядам культ демонов и предков. У некоторых племен есть обыкновение кости похороненных вынимать из гроба через каждые два или три года и тщательно обмывать их; от чистоты этих костей, думают мяоты, зависит общественное здравие. Другие кланы не оплакивают покойников в момент разлуки; они ждут весны, и когда увидят обновление природы и прилет птиц, принимаются горевать и вопить, приговаривая, что их родственники покинули их навеки⁵. Говорят, что будто в одном из мяотских племен существует курьезный обычай, напоминающий поочередное сиденье на яйцах самки и самца у некоторых птиц: после рождения ребенка, как только мать чувствует себя достаточно сильной, чтобы покинуть свою родильную постель, отец занимает её место и принимает поздравления родных и знакомых⁶.

Горы провинций Ху-нань, Цзян-си, Чжэ-цзян были исследованы сравнительно только на небольшом числе пунктов, а на большей части европейских карт Китая ограничивались, следуя примеру, данному миссионерами иезуитами, проведением червеобразных цепей между главными реками; что касается китайских карт, то они показывают везде горы, рассеян-

1 Edkins, „The Miautsi“.

2 Du Halde;— Carl Ritter;—Lockhart.

3 Broumtun, „Times“, 5 sept. 1881.

4 Лев Мечников, рукописные заметки.

5 Edkins, „The Miautsi“;—„Chinese Repository“, 1863, №4

6 Lockhart, цитированный мемуар.

ные на удачу. Новейшие путешественники Помпелли и Рихтгофен первые признали порядок, существующий в этом кажущемся хаосе, и указали общее направление горных цепей. В своей совокупности, вся эта юго-восточная область Китая, на протяжении по меньшей мере 800.000 квадратных километров, покрыта высотами, которые нигде не соединяются в обширное сплошное плоскогорье, и над которыми не господствует никакая центральная цепь исключительного возвышения; во всем свете нет другой страны, где бы на столь значительном пространстве находился подобный лабиринт гор и холмов, так мало разнообразных по форме и высоте; почти везде тянутся прямолинейно короткия гряды невысоких пригорков, между которыми открываются узкия долины, соединяющиеся одна с другой острыми углами; равнины редки в этом огромном лабиринте. Среднее возвышение большинства высот от 500 до 800 метров над уровнем рек; в главных цепях ни одна вершина не достигает 2.000 метров, кроме, может быть, гор, лежащих в провинции Фу-цзянь.

Все эти низкие цепи, которые на первый взгляд кажутся нескончаемым скоплением холмов и пригорков, разбросанных в беспорядке, ориентированы с юго-запада на северо-восток, как и «поперечные цепи» верхнего Ян-цзы-цзяна; в этом направлении происходит истечение вод на южной покатости бассейна; в наибольшей части своего течения притоки Голубой реки извиваются к северо-востоку, и с берегов их видны гребни вершин, обрисовывающиеся на горизонте в том же направлении. Сам Ян-цзы, от устья Цина до Желтого моря, образует три следующие одна за другой излучины, из которых каждая в своей западной части направляется от юго-запада к северо-востоку, параллельно общей оси страны. Когда отправляешься с берегов Голубой реки на берега Кантонской реки по торговой дороге провинции Цзян-си, видишь направо и налево следующие одни за другими ряды гор или холмов, однообразно ориентированные, как течение Ян-цзы-цзяна между озером По-ян и Нанкином. Наконец, в том же направлении продолжается изрезанный бухтами морской берег провинций Гуан-дуна и Фу-цзяни. Главная ось, которой Рихтгофен дал название Нань-шань или «Южных гор», — название, уже применяемое китайцами ко многим другим горным цепям, — начинается около истоков Сян-цзяна, главного притока озера Дун-тин; за ущельями, через которые проходит река Гань-цзян, эта ось снова поднимается, чтобы образовать массив У-гуншань, а далее, на северо-востоке, она составляет водораздельную линию между морской покатостью рек провинции Фу-цзянь и бассейном Ян-цзы. Холмы Нин-бо принадлежат к этой же осевой цепи, которая продолжается в море архипелагом Чжу-сан. По мнению Рихтгофена, существует даже подводное продолжение гор Нань-шань между Желтым морем в собственном смысле и Китайским морем или Дун-хай, и этот хребет снова появляется на поверхность земли в Японском архипелаге, где он примыкает к вулканическим массивам центрального острова¹. С обеих сторон широкого морского пролива наружный вид и строение гор одинаковы; и тут и там они состоят из песчаников, сланцев и известняков, принадлежащих, вероятно, к силурийским векам; сквозь эти породы выступают выпуклины из гранита и порфира. На морских берегах выступ или мыс холмов Нин-бо и архипелаг Чжу-сан, замыкающий на половину большую бухту Хан-чжоу, образуют, по гипотезе Рихтгофена, шарнир колебания между площадью поднятия и площадью понижения. Вероятно, что на север от Нин-бо, до залива Ляо-дун, морской берег поднимается, хотя и чрезвычайно медленно, тогда как на юге он опускается; море надвигается на побережье, поднимая, однако, соразмерно своим захватам, песчаные и илистые мели, заграждающие вход в гавани.

Водораздельная возвышенность между бассейном Ян-цзы-цзяна и бассейном Си-цзяна проходит в провинции Цзян-си, гораздо южнее горных цепей, образующих главную ось системы Нань-шаня. Этому раздельному хребту дали названия Нань-лин, Мэй-лин, Тай-лин (Tayuling), по именам различных линов или проходов, которые перерезывают гребень и через которые поддерживается сообщение между противоположными склонами. Из всех гор Китая хребет Мэй-лин самый оживленный и наиболее посещаемый, ибо через него проходит главная дорога, соединяющая Кантонский порт с центральными областями империи; по ки-

1 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Tchekjang and Nganhwei“.

тайскому выражению, Мэй-лин—это «корридор» между севером и югом Срединного царства. Все товары, привозимые на судах и складываемые с той и другой стороны волока, переносятся через гору на спинах людей; говорят, что около пятидесяти тысяч человек зарабатывают себе средства к жизни в качестве носильщиков на этой трудной дороге: у входа в обширные сараи из бамбука, под которыми отдыхают путники, часто толпится такое же множество народу, как на улицах главных городов. По крутым скатам горы, над которыми господствуют стены из черноватого песчаника, извиваются и пересекаются многочисленные тропинки, сходящиеся на высшей точке перевала в глубокой траншее, иссеченной в камне, и над которой возведена триумфальная арка: говорят, что эта дорога была построена, по повелению императора Чжан-гу-лина, в начале восьмого столетия, в ту эпоху, когда торговля с Зондскими островами и с Индией, производившаяся через посредство арабских купцов, приняла обширные размеры: но вероятнее, что в то время только ремонтировали или улучшили уже существовавший путь, ибо невозможно допустить, чтобы этот проход, имеющий столь важное значение как для военных экспедиций, так и для торговли, не был утилизируем с той самой эпохи, когда населения бассейна Да-цзяна вступили в постоянные сношения с населением бассейна Си-цзяна¹. Абсолютную высоту хребта Мэй-лин Риттер определял в 2.400 метров, основываясь на указаниях, которые доставили первые путешественники относительно падения соседних рек, наклонности и длины дороги и местной флоры, но новейшие исследования доказали, что эта цифра слишком велика: замечено, что вершины, поднимающиеся в окружающих массивах, бывают покрыты полосами снега только в зимнее время, и потому едва-ли он достигает и трети указанной высоты². С высоты перевала, в северном направлении видны только скалы и горы, господствующие над лабиринтом ущелий и пропастей, тогда как на юге разстилаются, под зеленеющими скатами хребта, великолепные равнины, усеянные городами и деревнями, подобно тому, как с высоты французских Альп взорам открываются цветущие равнины Пиемонта³. Путешественника не мало удивляет здесь тот факт, что с обеих сторон водораздельной линии судовщики могут проводить свои нагруженные барки в самое сердце гор. Большинство рек прерывается стремнинами и порогами, на которых слой воды недостаточно глубок для прохода судов; но гребцы не дорого ценят свой труд, и как только представляется препятствие, они выходят на берег, разгружают ладью и перетаскивают или переносят ее до благоприятного места, затем снова нагружают и продолжают плавание; в этих местностях нет ни одного потока, который, в периоды разлива, не служил бы для перевозки товаров почти до самых его истоков. Помимо рек и речек, в крае не существует других путей сообщения, кроме узких тропинок, там и сям вымощенных плитами; все транспортирование товаров совершается на спине носильщиков; вьючных и ломовых животных употребляют только в соседстве больших городов.

Раздельная линия между населением севера и юга рассматриваемой области, с точки зрения наречия и нравов, не совпадает с водораздельной цепью между гидрографическими покатостями; она проходит гораздо севернее, следуя вдоль нормальной оси гор Нань-шань, которая всецело находится в бассейне Ян-цзы. Так, путешественник, поднимающийся вверх по течению реки Гань-цзян, через провинцию Цзян-си переходит из области мандаринского диалекта в область южных наречий, как только он вступил в дефиле выше Цзи-ань-фу. Следовательно, осевая линия, несмотря на её малое возвышение, оказала значительное влияние на распределение жителей в этой части Китая. Кроме того, разделение края на бесчисленные долины имело следствием распадение населения на множество отдельных кланов, живущих особняком один от другого и удовлетворяющих все свои потребности собственными средствами. В бесконечном лабиринте цепи Нань-шань жители долин, если эти долины не лежат на больших транзитных путях, не знают о внешнем мире, за исключением жрецов и нищих, которых бродячая жизнь заводит во все страны Китая; туземцы воображают, что за предела-

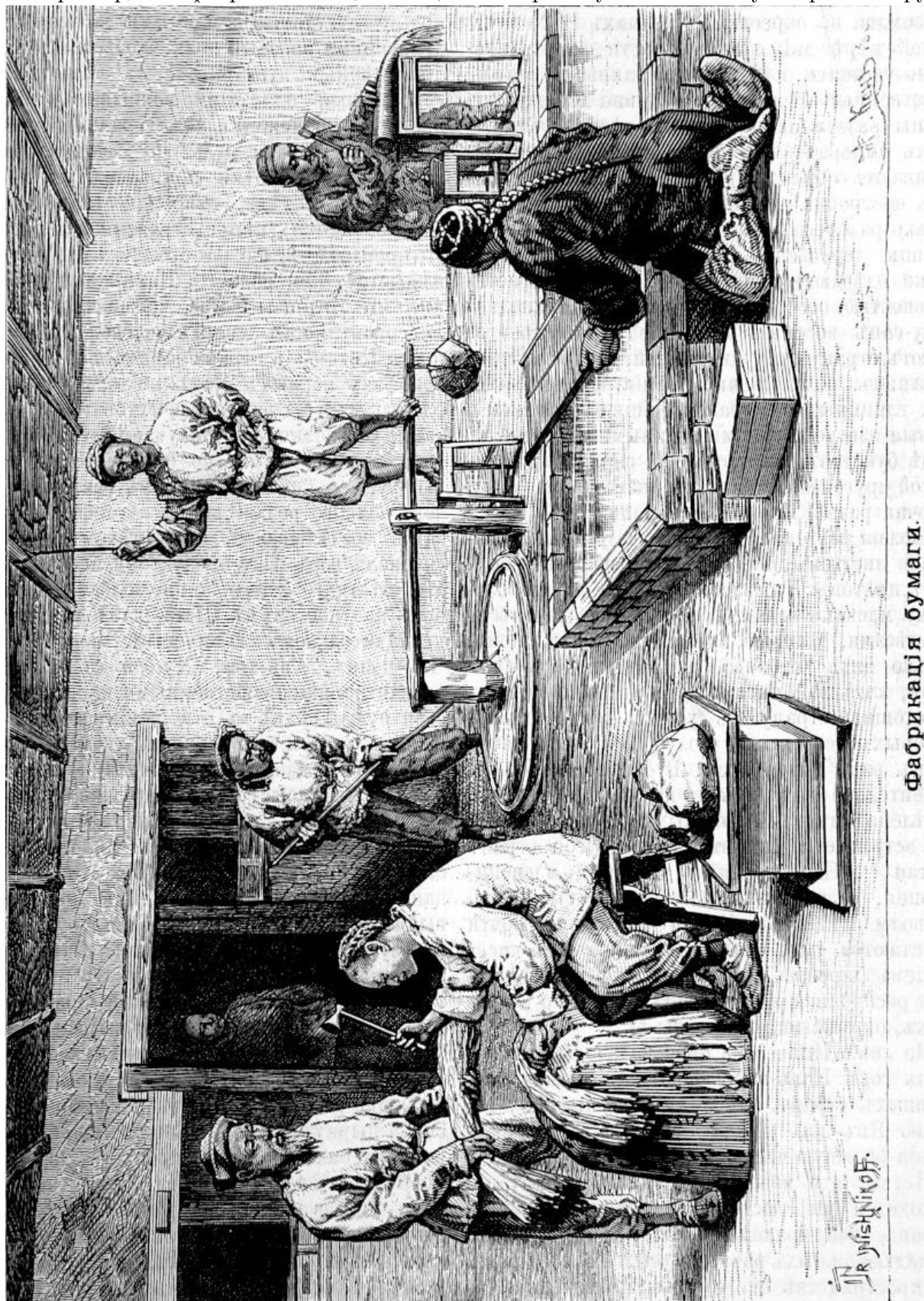
1 F. von Richthofen, „China“.

2 Бретшнейдер определяет высоту Мэйлинского прохода в 1.000 футов.

3 Barrow, „Travels in China“.

ми их долин вся остальная земля населена дикими людьми и хищными зверями⁴.

Растительность провинций Ху-нань и Цзян-си представляет, естественно, более тропический характер, чем флора областей, лежащих по верхнему течению Голубой реки. Наруж-

ный вид деревьев указывает на соседство жаркого пояса. Даже те древесные породы, которые походят на породы северного Китая и Монголии, ива, белый бук, дуб, каштан, принад-

4 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Tchekiang and Nganhwei“.

лежат к особенным видам. На верхних склонах, один из прекраснейших представителей хвойных, величественная золотистая сосна (*abies Kaempferi*), отличается своей большой вышиной от других вечно зеленых деревьев; ниже по скатам гор одно из самых обыкновенных дерев—сосна небольших размеров, усаженная чрезвычайно мелкими тоненькими хвоей. У подошвы холмов крестьяне разводят камфарный лавр вокруг своих деревень, рядом с маслозерновиком (*elaecocsa*) и лаконосным деревом (*rhus vernicifera*). Большая часть страны совершенно обезлесена, и во многих городах топят только соломой, сухой травой и хворостом, срезываемым вровень с землей на окрестных холмах¹. Хотя по малой мере две трети области гор Нань-шань состоят из необработанных земель, девственные леса давным-давно исчезли; туземцы рассуждают так, что леса—собственность императора, и на этом основании присвоивают себе все деревья, которые им нужны для постройки домов или барок; остались только разбросанные там и сям рощицы или группы деревьев. Но кустарники, кусты и злаки одевают еще холмы роскошной растительностью; особенно на островах архипелага Чжусан весенние и летние цветы превращают страну в чудный край, в прелестный цветник; розы, пионы, дафнии, азалеи, камелии, глицины покрывают чащи кустарника и живые изгороди своими пышными цветами, в виде букетов, скатертей или гирлянд; ни в какой другой области умеренного климата, исключая разве Японии, не увидишь такого разнообразия растений, более замечательных красотой листьев, блеском и нежным ароматом цветов. Что касается дикой фауны больших млекопитающих, то она исчезла вместе с лесами, которые служили ей убежищем; только дикие кабаны размножились с тех пор, как тайпинги и императорские солдаты опустошили страну. В густых камышах некоторых островков Голубой реки водится один вид дикой козы, *hydropotes*, которая удивительно походит на кабаргу, но которая отделена от неё обширными территориями и не встречается ни в какой другой стране Китая². Единственные домашние млекопитающие, разводимые в стране, суть быки, буйволы и свиньи. Цапли уважаются, почти почитаются, как священные животные, населением деревень, и часто можно видеть целые республики этих птиц, особенно в рощах, окружающих пагоды³.

По земледельческой производительности область гор Нань-шань одна из самых счастливых стран. Провинции по нижнему течению Ян-цзы-цзяна доставляют торговле Китая большую часть её отпускных товаров; известно, что важнейшие чайные плантации находятся в восточной области бассейна. Страна, простирающаяся от берегов Чжана до аллювиальных равнин устья Голубой реки, на пространстве около 600 километров, составляет, вместе с южной покатостью провинции Фу-цзянь, область чая по преимуществу. Чайное дерево разводят вообще на скате холмов, обращенном на юг, не сплошными плантациями, а маленькими рассеянными рощами или рядами, насаженными вдоль полей; пользуются также земляными насыпями, разделяющими рисовые поля, чтобы сеять на них драгоценный кустарник; в тех местах где чайные плантации покрывают большие площади, промежутки между рядами деревьев утилизируют для культуры овощей. Чай области Голубой реки принадлежат преимущественно к тем разновидностям, которые употребляются для приготовления зеленого чая. По производству шелка так же, как и по производству чая, область Нань-шаня и область нижнего Ян-цзы-цзяна чрезвычайно богаты. В совокупности земледельческой промышленности Китая эта страна занимает первое или одно из первых мест, не только по размерам культуры чайного и тутового дерев, но также по количеству получаемого риса и других родов хлеба, по производству сахара, табаку, пеньки, маслянистых растений и плодов всякого рода. Сладкий картофель (бататы) здесь возделывают с успехом даже на склонах гор. Из продуктов, необходимых для местного потребления, только один хлопок получается в Нань-шане в слишком незначительном количестве; но провинции Чжэ-цзян, Ань-хой, Хубэй с избытком удовлетворяют собственными произведениями свои нужды, как в отношении

1 Huc, „Empire Chinois“;—Armand David;—Blanchard, etc.

2 Swinhoe;—Armand David.

3 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage dans l'Empire Chinois“.

сырых материалов, так и в отношении тканей¹.

Крайнее развитие промышленности у жителей описываемой страны обнаруживается, между прочим, теми союзниками, которых они съумели приобрести себе в животном царстве. Подобно тому, как это делали англичане в средние века, китайцы приручили и выдрессировали баклана, утилизируя в свою пользу его рыболовные таланты. Птицы, которым из предосторожности надевается железный ошейник, не позволяющий проглатывать добычу, приучены регулярно нырять с барки на дно воды, откуда они выплывают на поверхность с рыбой в клюве, после чего отдыхают минутку на борте ладьи, прежде чем снова нырнуть в воду. Вечером, когда работа кончена, бакланы усаживаются в порядке поровну на обеих сторонах барки, так, чтобы сохранялось равновесие². В других местах рыбакам удалось приручить речных выдр, которые, по знаку хозяина, бросаются в воду и вскоре возвращаются на барку с рыбой³. Искусственное разведение рыбы, изобретенное в Европе только в новейшее время, известно и практикуется в Срединном царстве уже многие столетия, и даже многие из употребляемых китайцами способов остаются еще необъяснимыми для западных людей. Продавцы свежеснаметанной икры странствуют по провинции Цзян-си, катая перед собой двухколесную тележку с бочкой, содержащей драгоценное вещество в форме слизистой жидкости; достаточно бросить немного этой жидкости в пруд: несколько дней спустя молодые рыбки развиваются из ичинок, и рыбоведам остается только откармливать их, принося в пруд рубленую траву.

Подобные отрасли промышленности, понятно, могли возникнуть только в стране очень густо населенной, и, действительно, около половины настоящего столетия провинции Цзян-су, Ань-хой, Чжэ-цзян представляли собою ту область земного шара, где было скучено наибольшее число людей на тесном пространстве; по народной переписи 1842 года, население Чжэ-цзяна простиралось до 26 миллионов душ, что составляет более 280 человек на один квадратный километр; но по окончании кровопролитной междоусобной войны, за которой следовали эпидемии и голодовки, Рихтгофен определял приблизительно всего только в 5 с половиной миллионов число оставшихся в этой провинции жителей; однако и эта цифра, пропорционально пространству, превышает еще населенность Франции. Впрочем, край вновь заселяется с изумительной быстротой, и в настоящее время население достигло цифры в 11.705 т. душ. Колонисты, поселяющиеся в покинутых местностях Чжэ-цзяна, приходят по большей части из провинции Ху-бэй, но между ними есть также много уроженцев провинций Хэ-нани, Ху-нани, даже Гуй-чжоу и Сы-чуани. Все эти переселенцы, говорящие различными поднаречиями мандаринского диалекта, вначале с большим трудом понимают друг друга; часто выходят курьезные недоразумения между собеседниками уроженцами разных провинций; но мало-по-малу устанавливается взаимное понимание, и вырабатывается общий язык, более приближающийся к мандаринскому говору, чем прежнее местное наречие. Таким-то образом, вследствие каждого из больших политических потрясений, населения различных частей государства перемешиваются между собой, способствуя установлению и укреплению того замечательного национального единства, которое представляют жители Срединной империи. Впрочем, колонисты могут селиться на покинутых землях без соблюдения каких бы то ни было формальностей, кроме уплаты номинального выкупа ближайшему представителю прежних исчезнувших семейств, владевших данным участком; два года спустя после того, как переселенец снова провел плугом борозды в заброшенной пашне, земля считается принадлежащей ему на правах полной и бесспорной собственности⁴.

С того времени, как восстания и войны опустошили бассейн Голубой реки, число больших городов убавилось, и цифра населения в большинстве их сильно уменьшилась; од-

1 F. von Richthofen, цитированный мемуар.

2 Armand David;—Huc;—Fortune, etc.

3 Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 18 juin 1871

4 F. von Richthofen, цитированное сочинение.

нако, и теперь еще между ними есть не мало таких, которые должны быть причислены к самым многочисленным городам земного шара. Само собою разумеется, что эти огромные скопления людей могут находиться только в плодородных и торговых областях бассейна, ниже верхнего Цзинь-ша-цзяна.

Батан, некогда важный город Сы-чуани, известной обыкновенно под именем восточного Тибета, в настоящее время представляет незначительное местечко. Совершенно разрушенный в 1871 году землетрясениями, следовавшими одно за другим в продолжение нескольких недель, этот город состоит из нескольких сотен новых домов, построенных среди плодородной равнины, которую орошает один восточный приток Цзинь-ша-цзяна, и где бьют из земли обильные горячие ключи; около половины городского населения состоит из лам, живущих в великолепном монастыре с позолоченной крышей, на которой сидят тысячи священных каплунов, приносимых богомольцами. «Город роздыха»,—ибо таков буквальный смысл слова Батан, по объяснению Дегодена,—имеет важность только как этапный пункт, на большой дороге, ведущей из центрального Китая в Лассу; тибетцы, зависящие от начальства из их собственной нации, но поставленные под наблюдение китайского гарнизона, продают приезжающим с востока китайским купцам мускус, буру, шкурки пушных зверей, золотой порошок, в обмен на кирпичный чай и мануфактурные изделия; в окрестных горах бродят совершенно независимые племена, известные под именем зендов¹. Литан, другой торговый пункт на дороге из Тибета в Чэн-ду-фу, есть один из самых жалких городишек в свете: расположенный в котловине высоких плоскогорий, в бассейне реки Ли-чу, спускающейся на юг к Цзинь-ша-цзяну, он находится почти на верхнем пределе растительности, на высоте 4.088 метров над уровнем океана; ни одного деревца, ни одного поля, засеянного хлебом, никакой растительности, кроме грядок малорослой капусты да репы, не увидишь в этой печальной местности, бывшей колыбелью Тибетской монархии², а между тем ламы, в числе около 3.500 человек, живут тут припеваючи в богатом монастыре, с крышей, обитой золотыми листьями³. Город Да-цзянь-лу (Дарчан-до), лежащий ниже Литана на 1.500 метров, в прелестной долине, орошаемой притоком реки Минь, занимает более счастливое, в торговом отношении, местоположение. Здесь находится таможня, на границе тибетской монархии. Китайский гарнизон занимает казармы, а многочисленные купцы из провинции Шань-си, буддисты или магометане, населяют лучшую часть города. Китайские женщины не могут переходить за пределы этого города, чтобы проникать в восточный Тибет; но в самом городе они живут в большом числе, и тибетское население представлено там только метисами, которые, впрочем, отличаются более красивыми чертами лица, на вкус европейцев, чем «дети Срединного царства». Нет местности в Китайской империи, где бы у женщин в такой сильной степени была развита страсть к драгоценным украшениям; они обвешивают себя бляхами из чеканного серебра, которые перемешиваются с их ожерельями из драгоценных камней и стеклянных бус; верхушка шевелюры прикрыта двумя большими серебряными кружками, и косы, спускающиеся из-под этой диадемы, поддерживаются повязкой, украшенной бляхами из того же металла⁴. Да-цзянь-лу есть местопребывание тибетских католических миссий.

Река Да-ду-хэ проходит ниже Да-цзянь-лу в страшном ущелье, между отвесных стен, поднимающихся метров на 200 в высоту, и омывает стены Лоу-дин-чжао, первого города, лежащего совершенно вне области тибетцев и манзов, затем соединяется с другими потоками, которые образуют реку Тун-хэ, главный приток Минь-цзяна и даже превосходящий его по объему жидкой массы. Во всякое время года суда могут подниматься вверх по Миню до Цзя-дин-фу, города, господствующего над местом слияния двух больших рек и еще одного, менее значительного, притока. Цзя-дин-фу, один из главных складочных пунктов Сы-чуани, замечателен, между прочим, как рынок, откуда отправляется во все места Китая тот драго-

1 Cooper, „Travels of a pioneer of commerce”.

2 Нус;—Yule, „The Book of ser Marco Polo”.

3 Нус;—Cooper;—Gill.

4 Desgodins, „Bulletin de la Societe de Geographie”, aout 1879.

ценный белый воск или бэй-ла, который производят червецы, приносимые из окрестностей города Нин-юань-фу, стоящего на 300 километров к юго-западу. Окруженный соляными источниками. Цзя-дин-фу получает также шелк и сырец из города Я-чжоу-фу, лежащего на северо-западе, на дороге из Тибета в Чэн-ду-фу. В Я-чжоу-фу готовится почти весь кирпичный чай, потребляемый в Тибете; в соседних с городом селениях возделывается особая порода чайного дерева, лист которой, гораздо более грубый, чем лист на плантациях восточных провинций, употребляется для приготовления этого сорта чая¹. Я-чжоу-фу—важнейший укрепленный пункт и главный военный арсенал на границе. В 1860 году все города этой страны укреплялись в виду возможности нападений тайпингов, но инсургенты не перешли за Цзя-дин-фу, жители которого защищались без помощи китайских войск.

Столица провинции Сы-чуань, Чэн-ду-фу, все еще «богатый и благородный город», каким он был во времена Марко Поло, хотя с той эпохи он был много раз опустошаем и даже разрушаем; Хубилай-хан истребил почти все его население, более миллиона человек, по свидетельству летописей. Нынешний город относительно недавнего происхождения: императорский дворец, как кажется, древнейшее здание города, восходит, по времени постройки, не далее конца четырнадцатого столетия; городские стены и почти все дома были построены около конца прошлого столетия, после пожара, истребившего большую часть Чэн-ду-фу; теперешняя ограда, довольно неправильная, но солидная и хорошо содержимая, имеет около 12 верст в окружности, и, сверх того, обширные предместья продолжаются далеко вдоль дорог: мало найдется городов, которые бы занимали более значительное пространство. Как все другие главные города провинций, Чэн-ду-фу состоит из двух городов или кварталов, татарского и китайского, из которых последний гораздо богаче и многочисленнее первого. Столицу Сы-чуани можно по справедливости назвать «китайским Парижем»: это самый красивый и самый изящный город во всей Срединной империи. Улицы в нем широкие, прямые, правильные, хорошо вымощенные и обведенные по бокам водосточными канавами. Деревянные фасады домов украшены вычурной резьбой, и через отворенные ворота видна перспектива дворов, с их разноцветными обоями и цветущими садами, которыми оканчиваются дворы. Арки из красного песчаника, воздвигнутые в разных местах города и в предместьях, покрыты прелестными изваяниями в рельефе, представляющими фантастических животных или сцены из местной жизни. Жители города, по большей части опрятно и даже богато одетые, пользуются, кроме того, репутацией самых вежливых и наиболее интересующихся литературой и наукой между китайцами; блестящие магазины лучших улиц наполнены дорогими товарами, в числе которых находится много предметов европейского производства, и посетители постоянно толпятся в книжных лавках². Равнина, в которой Чэн-ду-фу занимает центр, и которая делает столицу Сы-чуани одним из важнейших городов Китая, представляет громадный сад, один из наилучше возделанных во всем свете, сад, где вода «Четырех рек», Миня и его притоков, делится на каналы чистой воды, разветвляющиеся на бесчисленные канавки между рядами фруктовых деревьев, рисовыми полями, грядками овощей. Кроме главного города, на этой равнине рассеяно восемнадцать второклассных и третьеклассных городских поселений, имеющих ранг чжоу и сянь, несколько других городов, неогороженных стенами, местечек и посадов, имеющих более жителей, чем сколько их насчитывают в своей черте многие торговые города: вероятно, что в этом бассейне, площадь которого не превышает 6.000 квадратных километров, сгруппировано население, простирающееся до 4 миллионов душ³. Громадное земледельческое производство этой равнины сделало из Чэн-ду-фу большой складочный пункт разных продуктов сельского хозяйства, но, кроме того, в этом городе сильно развита промышленная деятельность, и ткачи различных материй, красильщики, вышивальщики насчитываются там тысячами и тысячами. Верстах в 75 к западу, у подножия гор, ограничивающих равнину, лежит город Цюн-чжоу, славящийся своими писчебу-

1 Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.

2 Нус;—Richthofen;—Gili;—Cooper;—Baber;—Armand David.

3 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi“ etc.

мажными фабриками¹: отсюда получается лучшая в Китае бумага; но население этого города, состоящее из переселенцев из Фу-цзяна, пользуется дурной славой в крае за свой буйный нрав; в окрестностях города добываются железо и соль, в окружающих горах растет чай. Чэн-ду-фу имеет также транзит, который ему дает торговля долины Голубой реки с Тибетом с одной стороны, и с другой—с северною Сы-чуанью и с провинцией Гань-су, через Гуан-юань-сянь или «Город у ворот», лежащий при входе в ущелья, через которые протекает верхний Минь. В верхней долине, город Сун-пан-тин, расположенный близ границы между двумя провинциями, замечателен как самый оживленный рынок в той местности, и население его, состоящее в большей части из магометан, по выражению Джиля, «громадно», несмотря на высокое положение места над уровнем моря (2.986 метров)².

На северо-востоке другая большая дорога ведет из Чэн-ду-фу в верхней долине Хань-цзяна, в провинцию Шэнь-си, проходя последовательно через несколько цепей холмов и гор. Эта дорога, по сказанию летописей империи, проведенная двадцать три столетия тому назад, для того, чтобы связать два царства Цзинь и Шу, то-есть северный Китай и Сы-чуань, которые еще в то время не были соединены в одно государство, известна под именем «Дорога золотого быка» (Цзань-дао); по словам легенды, властитель страны Шу, с целью отправиться в горы на поиски чудесных быков, пища которых будто бы превращалась в чистое золото, велел, по совету другого государя, устроить эту дорогу, открытие которой должно было иметь следствием гибель его царства³. Путь от Чэн-ду-фу в бассейн Желтой реки только шесть столетий спустя был дополнен дорогой из Хань-чжун-фу в Си-ань-фу, проложенной через перевал Цзун-лин одним сычуанским императором, по имени Люй-би (Liupi), из которого легенда сделала нечто в роде китайского Геркулеса.

Области китайского Цзинь-ша-цзяна не могут сравниться по важности городов с бассейном Минь-цзяна. Однако, в этой части Сы-чуани существует значительный город, которого не посетил еще не один европеец в новейшие времена, но который, вероятно, видел Марко Поло: это Нин-юань, главный город прекрасной долины Ань-нин-хэ, река которой, текущая на юг, соединяется с Я-луном, в небольшом расстоянии от места слияния этой реки с Цзинь-ша-цзяном. По мнению Рихтгофена⁴, Нин-юань то же самое, что Каинду, упоминаемый венецианским путешественником. Китайцы говорят об этом городе и об окружающей его местности как о земном рае—чудный контраст этой богатой равнины с окружающими ее дикими горами есть один из тех, которые никогда не забываются.

Пин-шань-сянь, как известно, есть тот город, перед которым должен был остановиться путешественник Блекистон при плавании вверх по течению Голубой реки. Сюй-чжоу-фу, расположенный при слиянии Минь-цзяна и Золотоносной реки,—значительный город, складочный пункт для всех произведений, отправляемых из Юнь-нани во внутренние провинции Китая; лавки его наполнены редкими и дорогими товарами, и между его ремесленниками есть много скульпторов и гранильщиков драгоценных камней⁵; кроме того, этот город славится своими цыновками, очень гибкими и чрезвычайно прочными. Прибрежные залежи каменного угля, находящиеся выше и ниже Сюй-чжоу, доставляют лучшее по качеству минеральное топливо из всего бассейна Ян-цзы-цзяна. Ниже, город Лу-чжоу, построенный тоже на левом берегу Голубой реки, при впадении притока Чжун-цзяна, ведет отпускную торговлю другими минеральными продуктами, преимущественно солью, добываемой из знаменитых соляных источников Цзы-лю-чэн («Колодцы текучей воды»), в сотне километров к северо-западу. Этот «Соляной город» приметен издали по высоким деревянным помостам, воздвигнутым на берегу реки, по скатам и даже на вершине холмов: издали это такой же точно вид, какой представляют высокие трубы фабрик в мануфактурных горо-

1 Cooper, цитированное сочинение.

2 Gili, цитированное сочинение.

3 Wylie, „Proceedings of the Geographical Society”, vol. XIV;—Richthofen, цитированное сочинение.

4 „Verhandlungen der Ges. für Erdkunde zu Berlin“, 1874;—Yule, „The Book of ser Marco Polo”.

5 Gaston de Bezaure, „Le Fleuve Bleu”.

дах Европы. Эта любопытная область, с которой мы знакомы уже из рассказов прежних миссионеров иезуитов, и которую посетил Джилл, обнимает площадь более 10 километров в ширину, и на всем этом пространстве почва изрыта глубокими ямами, пробуренными на сотни метров внутрь земли. Джилл видел, как бурили колодезь, доведенный уже до глубины 660 метров через слои песчаника и глины: бурение подвигалось почти на 60 сантиметров в день, но, должно быть, буровой снаряд часто ломался, судя по тому, что работа была начата уже за тринадцать лет перед тем. Другие буровые скважины достигают глубины 850 метров¹. Таким образом китайские рудокопы, при помощи самых простых приемов и орудий, успевают соперничать с горными инженерами Запада: длинная железная полоса, заостренная на конце, бамбуковый канат для поднятия её, крюк для обратного спуска её в колодезь, легкое закручивание, сообщаемое веревке, когда она поднимается, — вот и весь снаряд; буровые скважины, шириной от 6 до 12 сантиметров, выложены внутри бамбуком, и при помощи других бамбуковых палок, с просверленным в них клапаном, поднимают наверх соленую воду, чтобы отбрасывать ее в испарительные бассейны. Большинство колодцев достигают соляного слоя между 200 и 300 метрами, и если продолжать бурение в более глубоких пластах, то буровой снаряд наполняется уже не соленой водой, а горным маслом. Из земли с силой вырываются воспламеняющиеся газы: отсюда и название «огненные колодцы», даваемое буровым скважинам. Бамбуковые трубы, обмазанные глиной, вставлены в отверстие, откуда выходят горючие газы, и разветвляются под бассейнами, наполненными соленой водой, где зажигают газ, чтобы ускорить выпаривание и кристаллизацию соли. В 1862 году, когда в крае расхаживали шайки мятежников, один из колодцев воспламенился и горел долго, освещая всю окрестную страну как маяк². По Джиллю, округ Цзы-лю-чэн изрыт по меньшей мере 1.200 соляными колодцами; общая добыча соли должна простираться ежегодно от 80.000 до 120.000 тонн³. Большинство солеварниц принадлежит богатым корпорациям, но масса жителей влачит свое существование в крайней бедности; мало найдется городских поселений, которые бы имели более жалкий невзрачный вид, чем этот большой город, население которого своим тяжелым трудом обогащает банкиров Чун-цина. В конце 70 годов некоторые владельцы соляных заводов, соединившись с компанией европейских негодантов, хотели было ввести английские насосы для того, чтобы облегчить труд и уменьшить заработную плату, но рабочие тотчас же устроили стачку, и нововводители были изгнаны из края. Население этого округа, единственный промысел которого, помимо земледелия, составляет разработка соляных и нефтяных источников, простирается до нескольких сот тысяч душ.

Чун-цин — главный рынок восточной Сы-чуани. Живописно построенный на левом берегу Ян-цзы-цзяна, при впадении в него судоходной реки Цзя-лин-цзяна, притоки которой орошают обширное пространство земель, начиная от границ страны Куку-нор, этот город сделался складочным пунктом для всех произведений Сы-чуани и местом рассылки по краю товаров, привозимых из восточных провинций. Важный торговый центр, преимущественно для шелковых тканей, табаку, растительных масел, мускуса, Чун-цин представляет более кипучую коммерческую деятельность, чем даже главный город «Четырехреченского» края; это Шанхай западного Китая; подобно европейским торговым городам, главный рынок Сы-чуани имеет биржу, где обсуждают цены товаров и заключаются сделки между негодантами; здесь существуют также заводы, где очищается серебро, и которые каждый день пропускают через свои плавильники около сотни тысяч франков в серебряных слитках⁴. Но Чун-цин стоит гораздо ниже Чэн-ду-фу в отношении чистоты улиц и красоты зданий; как деятельный торговый город, он отличается только оживленным видом своих улиц и переулков и скоплением огромного множества джонок и барок, стоящих на якоре перед его набережными. Он состоит в действительности из двух городов, которые оба имеют ранг главного адми-

1 Imbert, „Annales de la propagation de la foi“, 1828. 1830.

2 „The River of Golden Sand“.

3 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi, Shensi“ etc.

4 Fr. Garnier, „Temps“, 13 mar. 1874.

нистративного пункта,—из собственно Чун-цина, расположенного в западном углу, и Лима, выстроившагося в восточном углу слияния, окруженного каменной стеною до $7\frac{1}{2}$ верст длиною; кроме того, обширное предместье раскинулось напротив, на правом берегу Голубой реки. Большинство негоциантов, поселившихся в Чун-цине, состоит из уроженцев провинции Шань-си, Шэнь-си, Цзян-си; в 1878 году здесь учреждено английское торговое агентство, а в 1891 году на основании Чифуйской конвенции порт был открыт для иностранной торговли, при чем иностранные товары до 1897 года могли лишь быть перевозимы под китайским флагом. В 1897 году и это условие было устранено. В настоящее время в Чун-цине проживает 65—70 человек иностранцев, а торговые обороты Чунцинского порта довольно значительны: так, в 1892 году иностранных товаров было доставлено на туземных джонках на сумму 8 миллионов рублей, одних китайских товаров привезено на 500 тысяч. Вывоз местных предметов достиг ценности в 4 с лишним миллиона рублей. Таким образом общая цифра оборота равняется $12\frac{1}{2}$ м. руб. В 1895 году общая ценность оборотов простиралась до 13.253.772 лан¹, при чем стоимость иностранных произведений равнялась 5.618.213 ланам². В начале семнадцатого столетия население города исчислялось в 36.000 душ; в 1861 году Блекистон приписывал ему 200.000 жителей, а в 1892 году—250 т. душ; по расчету новейших исследователей, три соединенные города заключают в своей черте не менее 700.000 человек: таким образом два центра населения в Сы-чуани превосходят по многолюдству самую столицу империи. На север от Чун-цина, другой город, Хэ-чжоу, тоже ведет деятельную торговлю, благодаря своему счастливому положению при слиянии трех рек, из которых образуется Ба-хэ. Соседняя горы содержат залежи жирной земли, которую употребляют в пищу во время недостатка хлеба; ее сушат в форме маленьких хлебцев, затем пекут на горячих углях и развозят по всем окрестным рынкам³.

Ниже Чун-цина по течению Ян-цзы-цзяна, первый город, лежащий при впадении большого притока, Фучжоу, очень оживленный рынок, командует входом реки Цин-цзян-хэ и, следовательно, всей судоходной сетью провинции Гуй-чжоу: главный торговый тракт между Сы-чуанью и Цзян-си захватывает течение этой реки. Большинство барок останавливается у подножия порогов, от которых получили свое название самая река и город Гун-дань⁴; только некоторые, плоскодонные суда поднимаются до Гуй-яна, главного административного пункта провинции Гуй-чжоу. Этот город находится около истоков реки Цин-цзян-хэ и сообщается, через невысокие пороги, с одной стороны с бассейном Си-цзяна, с другой—с бассейном реки Юана, впадающей в озеро Дун-тин. Из этого видно, что сообщения в этой части Китая, относительно не затруднительны, но в окрестностях находятся некоторые из массивов, принадлежащие к числу наименее исследованных гор империи; некоторые племена мяотов, частично обращенные миссионерами в римско-католическую веру, могли до сих пор удержаться там. В одном ущелье этих горных цепей, близ Ан-шуа, ручей падает с высоты нескольких сот метров⁵. Область верхнего Гуй-чжоу принадлежит к числу стран, где ртуть находится в наибольшем изобилии; во многих местах плуг выбрасывает из под почвы куски киновари. Революция 1848 года, имевшая очень кровавый характер в провинции Гуй-чжоу, положила конец разработке рудников; в 1872 году они еще были залиты водой⁶.

Очень красивый город Гуй-чжоу-фу лежит не в провинции того же имени, названной так, говорят, по растущей там во множестве дикой лиане, может быть, той самой, которая дает китайскую корицу; он находится в Сы-чуани, на левом берегу Голубой реки, и командует входом в ущелья, выход из которых в провинцию Ху-бэй охраняет И-чан. Этот последний город окружен полями, засеянными маком и производящими лучший и наиболее

1 Лан таможенный около 1,40 коп.

2 „Trade reports”, 1895, стр. 51.

3 Bertrand, „Annales de la propagation de la foi”, juillet 1844.

4 Fr. Garnier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, janvier 1874.

5 Lions, „Annales de la propagation de la Foi”, 1876.

6 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi, Schensi” etc.

ценный во всем Китае сорт опиума; в 1878 году там поселилась европейская колония, состоящая из негоциантов и служащих, и с этого времени движение торговых оборотов города стало быстро возрастать; главные предметы его отпуска составляют каменный уголь, москотильный товар и лекарственные снадобья всякого рода. Торговля И-чана представлялась, по общей ценности, в 1897 году на сумму 1.794.380 лан¹. И-чан, лежащий на Голубой реке в расстоянии 1.760 километров выше Шанхая, теперь регулярно посещается пароходами, которые находят до этого места обыкновенно по меньшей мере 6 метров глубины; однако, в меженное время один из порогов лежит менее, чем на 2 метра от поверхности воды². Большинство барок, приходящих из Сы-чуани, выгружают свою кладь либо в И-чане, либо ниже по реке в Ша-ши, где другие барки, построенные специально в виду плавания по мелким водам и требующие меньшего числа судовщиков, принимают грузы, чтобы перевозить их в Хань-коу. До введения пароходства город Ша-ши, расположенный по берегу Голубой реки, на протяжении 7 километров, производил более деятельную торговлю, чем И-чан: впрочем, он имеет на своей стороне то преимущество, что может поддерживать прямое сообщение, посредством Тайпинского канала, всегда судоходного, с озером Дун-тин. Близ Ша-ши, на левом берегу Ян-цзы-цзяна, стоит укрепленный город Цзин-чжоу, упоминаемый уже Конфуцием: занятый маньчжурским гарнизоном, этот город имеет важность только по своей административной и военной роли.

Большие города Ху-нани расположены не на берегу Голубой реки; они находятся внутри провинции, на торговых путях, связывающих бассейн Ян-цзы-цзяна с бассейном Си-цзяна. Река Юань, изливающая свои воды в юго-западную бухту озера Дун-тин,—есть один из главных путей судоходства; она даже соединяется посредством канала с одним из притоков Кантонской реки: судам нужно только пройти через ворота шлюза, у города Гуй-лин (Koeiling), чтобы перейти с одной покатости водораздельного хребта на другую. Однако, этот водный путь слишком труден при подъеме, чтобы им можно было часто пользоваться, и большинство судов нижнего Юань-цзяна не переходит, при плавании вверх по реке, за город Чань-чжоу-фу, главный рынок западной Ху-нани³. Ниже, город Чан-дэ-фу, построенный на Юань-цзяне, в 60 километрах ниже первых порогов, доступен во всякое время года для барок даже большого водоизмещения: этот «пышный» город служит складочным местом товаров для части провинции Гуй-чжоу и для земли мяотов. Опустошительное восстание тайпингов едва коснулось Чан-дэ-фу, чем и объясняется поразительная роскошь его публичных сооружений, мостов, набережных и дорог⁴.

Гораздо важнее рыбок восточной Ху-нани, Сян-тань, если не главный в административном отношении, то важнейший по торговле город провинции и одна из метрополий Китая. Сян-тань построен, как показывает самое его имя (тань—значит порог), при одном из порогов реки Сян-хэ, через который, впрочем, могут подниматься барки: джонки, несущие груз весом от 25 до 30 тонн, тысячами стоят на якоре перед набережными города. Собственно город, обнесенный каменными стенами, тянется по левому берегу реки на пространстве около 5 километров: но не тут средоточие торговли: торговая деятельность перенеслась в обширные предместья, которые расходятся во всех направлениях, вдоль высокого берега и вдоль дорог. Этот город занимает очень выгодное местоположение почти в середине восточной Ху-нани, самой богатой части провинции, и, благодаря своей судоходной реке, является необходимым местом остановки и склада для путешественников и товаров на дорогах между центральными и южными провинциями государства, пролегающих через три горные прохода Гуй-лин, Чжэ-лин и Мэй-лин. Сян-тань лежит в центре обширного треугольника, образуемого тремя важными городами Чун-цином, Хань-коу и Кантоном. Коммерческая рутина сделала также из этого города главный склад аптекарских и москотельных товаров всякого рода для целого

1 „Returns of trade“, 1897 г.

2 Spencer, „Consular Report“, 1881.

3 F. von Richthofen, „Letter on the province of Hunan“.

4 Fr. Garnier, „Temps“, 4 mars 1874.

Китай. Этот товар составляет предмет весьма значительной торговли в стране, где всякия лекарственные снадобья и зелья, корни, пилюли и охлаждающие отвары в большей чести, чем у всякого другого народа: на окрестных дорогах часто встречаешь караваны, состоящие единственно из кулиев и вьючных животных, несущих ящики с лекарственными припасами. Так же, как в других городах империи, почти все богатые купцы и банкиры переселенцы из провинции Шань-си, эти «евреи» Срединного царства. Везде на скатах холмов, в окрестностях города, увидишь их хорошенькия дачи, обсаженные тенистыми деревьями и окруженные пахатными землями, которые обыкновенно сдаются в аренду. Переворот, совершившийся в китайской торговле со времени открытия приморских портов иностранным негодциантам и появления невиданных дотоле пароходов на Голубой реке, неминуемо должен иметь следствием уменьшение относительной важности Сян-таня, оставленного в стороне от главных путей торгового движения. Но возможно, что город получит в будущем значительную промышленную роль, благодаря каменноугольным месторождениям Ху-нани, которые по протяжению можно сравнить с обширными залежами Пенсильвании. Смолистые угли соседней с Сян-таном области мало ценятся по причине их плохого качества, но антрациты из Лэй-яна в бассейне реки Лэй, одного из верхних притоков Сяна, принадлежат к лучшим сортам, какие известны до сих пор; они, впрочем, разрабатываются очень деятельно, и тысячи судов употребляются для перевозки лэйянского угля в Сян-тань и на Ян-цзы-цзян. Даже Хань-коу и Нанкин получают этот уголь для речных пароходов: Рихтгофен полагает, что нужно считать по меньшей мере в 150.000 тонн количество антрацита, извлекаемое ежегодно из месторождений бассейна Лэй-хэ¹.

Главный город провинции — Чан-ша-фу, лежащий при реке Сян, на половине дороги от Сян-таня к озеру Дун-тин, много уступает Сян-таню, как по развитию торговой деятельности, так и по своим размерам, хотя ограда, обведенная вокруг собственно так называемого города, имеет более значительное протяжение. Против города, на скатах холма, расположены здания высшего училища или лицея Ио-ло, одного из знаменитейших учебных заведений Китая, где более тысячи молодых людей, от двадцати двух до двадцатипятилетнего возраста учатся каждый отдельно и совершенно самостоятельно, обращаясь за разъяснением к своему профессору только в тех случаях, когда наталкивается на какое-нибудь затруднение в изучаемом предмете. Существование в Ху-нани могущественной земельной аристократии, обогащающейся в добавок торговлей, объясняет исключительную пропорцию мандаринов уроженцев этой страны, которых встретишь во всех частях империи.

Ниже города Чан-ша-фу, один небольшой гранитный хребет, перерезываемый рекой Сян, замечателен тем, что дал стране некоторую промышленную важность; камень утилизируется для выделки плит и ступок, которые вывозят отсюда даже в отдаленные места, а глины, образовавшиеся из разложения гранита, употребляются в многочисленных гончарных заведениях Тун-гуаня, где фабрикуют, между прочим, лакированные черепицы всевозможных цветов, расписанные оригинальными рисунками, которые идут на обшивку кровель храмов и частных домов в Ху-нани и в соседних провинциях. Ниже встречаем город Сян-инь, который может быть рассматриваем как верхний порт озера Дун-тин, тогда как Ио-чжоу построен при выходе из этого озера, на крутояре правого берега Голубой реки. Этот город получил некоторую важность как пристань и складочное место товаров; однако, он не так значителен, как можно бы было предполагать, принимая во внимание его счастливое местоположение в точке встречи двух торговых путей, каковы Ян-цзы-цзян и Сян-цзян; это объясняется тем, что ханькоусский рынок привлекает к себе все движение торгового обмена.

*В начале 1898 года японцы, после того как англичане заняли Вэй-хай-вэй, потребовали от Пекинского правительства, чтобы в число портов, открываемых для японской торговли, был включен и город Ио-чжоу; на это требование китайское правительство медлит окончательным ответом, заявив, что Ио-чжоу будет открыт своевременно вместе с другими трактатными портами, об открытии которых так хлопочут европейцы и преимущественно англича-

1 „Letter on the province of Hunan“; — Morrison, „Proceedings of the Geographical Society of London“, 1881.

не*.

Вероятно, что три города: У-чан-фу, расположенный на правом берегу Ян-цзы, Хань-коу, помещающийся напротив и к востоку от впадения притока Хань, и Хань-ян-фу, построенный на верхнем полуострове, образуемом слиянием этих двух рек, были до половины настоящего столетия самыми многолюдными городскими поселениями, какие существовали на земном шаре. Лондон, у которого теперь во всем свете нет соперника по числу жителей, имел только половину своего нынешнего населения в то время, когда эти три китайские города еще не были разорены тайпингами. По словам некоторых путешественников, которые, впрочем, могли судить о важности и населенности этих городов только по продолжительности времени, употребленного на проезд или проход через них, тогда жило около восьми миллионов человек в этом громадном муравейнике¹. Как бы то ни было, У-чан, Хань-коу и Хань-ян не имели вместе даже одного миллиона жителей, после нашествия инсургентов, когда Блекистон поднимался по Голубой реке, в 1861 г. В настоящее время они снова возрастают по количеству населения и по развитию торговой деятельности. Город правого берега, столица провинции Ху-бэй, есть единственный из трех городов, который окружен валами и стенами; он занимает пространство около 34 квадратных километров, не считая предместий; Хань-коу далеко протянулся своими кварталами и улицами по берегам двух рек, и соединяется с Хань-яном множеством джонок, образующих собою подвижный мост от одного берега до другого; даже Ян-цзы-цзян, хотя он имеет в этом месте более километра в ширину, покрыт судами, между которыми фигурируют в довольно большом числе пароходы преимущественно английские и китайские. Как торговый город, Хань-коу занимает очень выгодное местоположение, так как он находится около середины удобного для судоходства течения Ян-цзы, при впадении в него Хань-цзяна, торгового пути, который ведет к берегам Желтой реки и в провинцию Шэнь-си; можно даже сказать, что Хань-коу, имя которого значит буквально «Устье Ханя», командует географически течением реки Сян и всем бассейном озера Дун-тин: в этом городе пересекаются главные дороги судоходства, идущие с востока на запад и с севера на юг империи. Следовательно, Хань-коу представляет собою центр торговли Китая, и потому нет ничего удивительного, что он получил такое важное значение между всемирными рынками. Единственное неудобство местоположения этого города то, что он подвержен наводнениям вследствие разлива Ян-цзы-цзяна; когда береговые плотины уступят напору вод, улицы затопляются, и жители убегают на окрестные холмы и на пригорки искусственного происхождения, рассеянные словно острова среди моря². Даже когда реки стоят на низком уровне, вы видите у себя под ногами, с высоты «Холма пагоды», почти столько же воды, сколько твердой земли; большие реки, извивающиеся по равнине, потоки, оставленные там и сям изменчивым течением разлива, озера, рассеянные в лощинах, придают окрестной местности вид страны, едва выступающей из вод потопа. Вместо того, чтобы следовать по течению Голубой реки, которая делает большой крюк к югу, суда, направляющиеся на запад к городу Ша-ши, плывут прямо по непрерывной цепи озер, соединенных одно с другим каналами, обведенными по берегам плотинами: таким образом переход сокращается более, чем на две трети³.

Ни один из городов внутреннего Китая не имеет такой многочисленной иностранной колонии, какая находится в Хань-коу. Красивый квартал европейских двух-этажных домов, отделенный от реки широкою набережною, засаженными деревьями, господствует своей правильной массой над китайскими строениями и составляет яркий контраст с бараками на сваях города Хань-ян-фу. Произведены были громадные работы, чтобы поднять почву европейской концессии выше уровня наводнений, и чтобы построить каменный откос набережной, вышиной в 15 метров, которой англичане дали название bund,—слово персидское, введенное из их ост-индской империи. Хань-коу—главный рынок Китая по торговле чаем.

1 Huc, „L'Empire Chinois“.

2 Armand David;—Cooper;—Mac. Carthy.

3 Leon Rousset, „A travers la Chine“.

Можно сказать, что иностранная колония зависит от коммерческих колебаний этого товара; прибытие первых чайных листьев приводит всех её обитателей в лихорадочное движение; народ толпится на фабриках и в конторах, пароходы спешат ошвартоваться вдоль дамбы; днем и ночью улицы и площади европейского квартала переполнены деловым людом. Эта кипучая деятельность продолжается три месяца, и именно в самую жаркую, самую томительную пору года. Возбуждение достигает высшего предела в конце мая, когда корабли, отправляющиеся в Европу, приводят к концу свою нагрузку, ибо состязание в скорости между судами доставляет победителю не только тщеславие торжества, но, сверх того, фрахтовую плату двойную против обыкновенных цен. В 1881 году из Хань-коу было вывезено чаев 2.920.000 пудов, на сумму 18.578.000 руб.¹ Но как только отправка ящиков с чаем окончена, в конторах воцаряется полное затишье, и в европейском квартале остается только небольшое число служащих и приказчиков; одни лишь китайские торговцы, которых иностранные negociants, впрочем, являются только комиссионерами, продолжают отправлять табак, кожи и другие произведения края; они вывозят даже туземный опиум, который мешают с индийским опиумом, чтобы продавать его потребителям Срединного царства.

*Деятельность русских фирм в Хань-коу ограничивается главным образом на закупке и отправлении чаев в Россию, при чем отправляются чай и высшего и низшего качества, последние перерабатываются в Хань-коу на специальных фабриках и в виде кирпичного и плиточного чая поступают на рынки Азиатской и Европейской России, а также Монголии и Средней Азии. За последнее время чайное дело в Хань-коу стало несколько падать, и количество вывозимого чая уже в 1886 году, хотя и было несколько большим, равняясь 3.293.000 пудам, но ценность его была почти та же—18.817.000 руб., говоря другими словами, увеличился вывоз низших сортов чая и уменьшился вывоз высших сортов, покупателями которых главным образом были ранее английские купцы. Последние, по словам Д. Покотилова, признавая, что китайские чаи отличаются несравненно большим ароматом, тем не менее предпочитают индийские и цейлонские, как изготавливаемые с большею практичностью и дающие более крепкий настой. В настоящее время чайное дело Ханькоуского рынка перешло главным образом в руки русских коммерсантов, деятельность которых описывается Д. Покотиловым следующим образом:

«Влияние свое наши фирмы приобретали и закрепляли понемногу, при чем аккуратным и точным исполнением получаемых ими из Москвы заказов наши Ханькоуские коммиссионные торговые дома постепенно отъучали московских заказчиков от обращения за товаром в Лондон, бывший до последнего времени главным центром по чайной торговле. Они показали на опыте, насколько выгоднее и целесообразнее для русских чайных торговцев обращаться с заказами на товар прямо в Хань-коу, вследствие чего являлось возможным избежать множества накладных расходов, сопряженных с закупкою чаев на Лондонском рынке. С особенною рельефностью обрисовалось преобладающее значение наших купцов в Хань-коу, начиная с 1888 г. В этом году учредил свою контору известный торговый дом «Братья К. и С. Поповы». Оживленная деятельность этой фирмы, производившей самостоятельные закупки чаев за свой собственный риск, придавала особенный вес и значение операциям русских коммерсантов. Отличительною чертою деятельности наших фирм в отношении закупок байховых чаев является отсутствие в ней спекулятивного характера, чего далеко нельзя сказать об операциях других иностранных торговых домов.—Русские обыкновенно озабочиваются заблаговременно покупкою чая, для чего посылают в горы на плантации и на чайные фабрики своих агентов, которые закупают чайные урожаи, так сказать, еще на кустах. Заручившись таким известным количеством товара, русские фирмы этим самым уже избавляются до некоторой степени от спекулятивной горячки, которая обнаруживается в Хань-коу, почти ежегодно при открытии чайного рынка. Самый ход торговли во время сезона бесконечно разнообразится и стоит в зависимости от многих причин: от урожая, размеров деятельности так называемых чайных брокеров, преимущественно Кантонских купцов, пере-

1 Покотиллов, „Китайские порты“. Изд. Мин. Финансов.

продающих в Хань-коу иностранцам скупленные ими у местных производителей чай, и проч. При наличности таких условий естественно, что выдержанность и осторожность, являющиеся отличительными качествами наших фирм в Хань-коу, могут служить наиболее верным залогом успешности их операций.

С 1888 года начинается увеличение вывоза байховых чаев в Россию и пропорциональное сокращение его на Лондон. Такое падение значения лондонского рынка признается впрочем и самими английскими купцами, которые, начиная с 1889 года, откровенно высказывают, что чайный рынок в Хань-коу контролируется русским спросом и они, англичане, утратили на нем свою первенствующую роль.

Русские фирмы отправляли байховые чаи в Россию или Кяхту через Тянь-цзинь, или же через Одессу и Лондон. Довольно значительные партии байховых чаев направлялись также в Николаевск на Амуре, во Владивосток и наконец в Аян через Иокогаму.

Общие же итоги вывоза русскими из Хань-коу байховых чаев колебались за десятилетие с 1881 года по 1890 год между 27.500 тыс. рус. фунтов на сумму 5.500 тыс. р. м. (вывоз 1886 г.) и 13.500 тыс. рус. фунтов на сумму 3.500 тыс. р. м. (вывоз 1881 г.).

Весьма почтенную отрасль коммерческой и промышленной деятельности русских фирм в Хань-коу составляет выделка и вывоз в Россию кирпичного чая. За отчетные 12 лет кирпичного чая вывозилось русскими ежегодно на сумму 1.200 тыс. до 1.600 тыс. руб. мет.

Кирпичный чай изготавливается русскими из чайных высевок, называемых по-китайски «хуа-сян». Высевки эти предварительно распариваются, а затем складываются в деревянные формы, похожие на те, которые употребляются для выделки обыкновенных кирпичей. Формы эти кладут под сильный паровой пресс и прессуют до тех пор, пока не получится кирпич желаемой плотности. Прием этот, кажущийся на первый взгляд довольно простым, требует, однако, от фабриканта значительного умения и опытности, так как при малейшем недосмотре или недостаточно хорошем качестве материала, изделие получается весьма низкого достоинства. По качеству материала, идущего на изготовление кирпичного чая, товар этот делится на три категории: черный, обыкновенный и зеленый.

За первую половину отчетного периода замечается особенное увеличение выделки и вывоза черного чая. Причину этого увеличения следует считать уменьшение за это время выделки его на юге, в Фу-чжоу. Дело в том, что сибирские купцы, выписывавшие кирпичные чаи от русских фабрикантов в Китае, требовали от них, чтобы таковые приготавливались исключительно из фучжоуских чайных высевок. Так как фабрикантам не представлялось никакой возможности удовлетворить такому требованию заказчиков, то они стали изготавливать чай весьма низкого качества, которые и были забракованы заказчиками, после чего последние почти совсем прекратили свои сношения с Фу-чжоу и стали обращаться со своими заказами в Хань-коу. Такое увеличение спроса побудило купцов построить фабрики для выделки кирпичного чая в г. Цзю-цзяне (Кью-кианге), лежащем от Хань-коу на 225 верст ниже по Ян-цзы-цзяну. Пункт этот был выбран нашими фабрикантами на том основании, что он находится в ближайшем соседстве с округами, откуда доставляется наибольшее количество лучшего хуа-сяна.

Главным местом выделки кирпичных чаев китайской фабрикации является местечко Ян-лоу-дун на Ян-цзы-цзяне выше Хань-коу. Само собою разумеется, что, не обладая паровыми машинами, которыми уже давно пользуются на своих фабриках русские фирмы, китайские фабриканты кирпичного чая могут поддерживать конкуренцию с русскими лишь благодаря тому, что употребляют материал для своих изделий самого низкого достоинства со всевозможными, нередко вредными для здоровья примесями. Вследствие этого им удается выделять товар гораздо низший по цене, который находит себе покупателей преимущественно среди невзыскательных монголов, наших кочевников бурят, а также идет на золотые прииски, где и навязывается насильно хозяевами их злополучным рабочим.

Не подлежит сомнению, однако, что все эти обстоятельства, вызывающие временное сокращение в вывозе кирпичного чая из Хань-коу, не отличаются серьезным характером. Это-

му делу бесспорно предстоит значительное развитие и хорошее будущее, так как увеличение вывоза кирпичного чая в Азиатскую Россию стоит в прямой зависимости от увеличения населения Сибири, а также от распространения самого района употребления этого чая. В настоящее время кирпичный чай пьют чуть ли не во всей Сибири до самых Уральских гор, и значение его, как теплого и питательного напитка, все больше и больше оценивается в этой обширной нашей окраине»¹.

Что касается непосредственной торговли Хань-коу с иностранными государствами морским путем, то о важности её можно судить по тому факту, что количество грузов «морской» торговли представлено в этом городе внутреннего Китая, отстоящем на 900 верст от океана, в 1895 году движением слишком 2.346 судов. Французский флаг не развевается ни на одном из этих судов. Вот некоторые относящиеся сюда числовые данные²:

Движение судоходства на ханькоуской пристани в 1895 году: 2.346 судов, вместимостью 1.513.147 тонн.

Доля участия английского флага:—1.005 судов, вместим.—959.043 тонн. Доля участия китайского флага:—1.317 судов, вместим.— 508.276 тонн. Доля участия русского флага:—14 судов, вместим.—36.896 тон. Доля участия норвежского флага:—10 судов, вместим.—8.932 тонн.

Ценность торговых оборотов в 1897 г.— 49.720.630 лан.

Большинство судов, которые стоят, выстроившись в несколько рядов, перед набережными Хань-коу, приходят из внутренних портов, следующих один за другим на берегах реки Хань. Одна из древних столиц империи, город Хань-чжун-фу, находящийся в центре «Красного бассейна», в плодородной области Шэнсийского края, которую с северной стороны ограничивает горная цепь Цзун-лин, и которая производит в изобилии пшеницу, хлопок, табак, шелк, посылает к ханькоуской пристани некоторые из этих барок в сезон высоких вод; иногда Хань бывает судоходен даже до сталелитейных заводов Синь-бу-вань, находящихся на расстоянии 1.895 километров от Хань-коу, недалеко от истоков реки; но начальным пунктом судоходства по Ханю считается город Чжи-чжи-дянь, имеющий около 12 километров в окружности, в котором стоит сильный гарнизон, строго наблюдающий за беспокойным населением, и где находятся обширные склады товаров, принадлежащие фуцзяньским и кантонским негодантам³. Город Лао-хэ-коу, или «Устье Лао-хэ»,—также очень оживленная пристань, где грузят главным образом кипы хлопка, отправляемые в Хань-коу. В 90 километрах ниже по реке расположены два города-близнецы: Сян-ян-фу, окруженный стенами город на правом берегу, и Фань-чэн, торговый складочный пункт на левом берегу: эта группа городов обязана своей важности счастливому местоположению вблизи слияния Ханя и двух его притоков Тан-хэ и Бай-хэ, водных путей, ведущих в богатые равнины Хэ-нани и на берега Желтой реки. На полдороге из Фань-чэна в Хань-коу, портовое местечко Ша-ян тоже ведет очень деятельную торговлю; Рихтгофен видел более 500 больших барок, скопившихся на его пристани. Большая часть значительных городов этой долины выстроились вдали от реки, чтобы не подвергаться опасности её страшных наводнений.

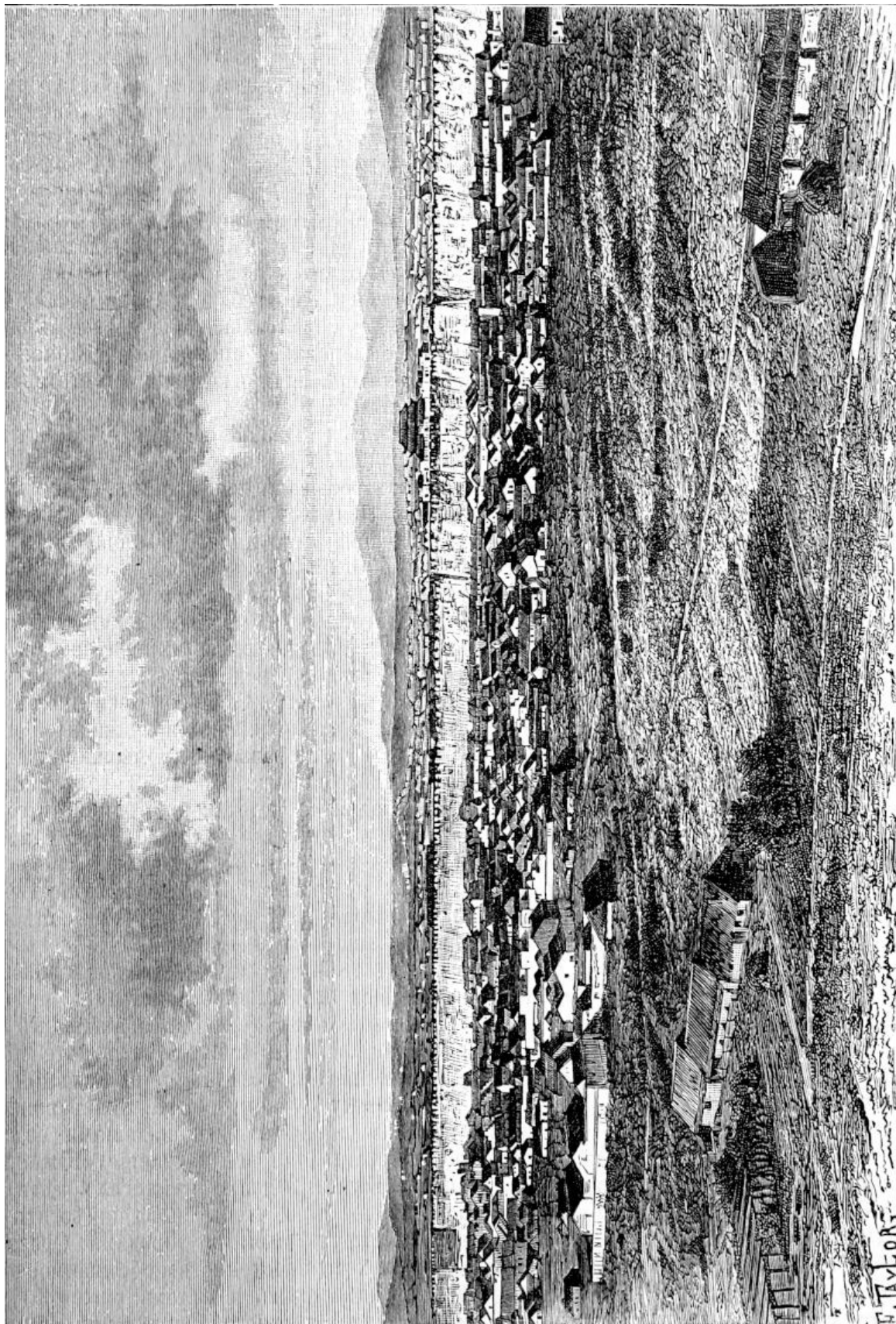
Ниже Хань-коу, Цзю-цзян или «Город девяти рек», расположенный на узком скалистом полуострове, который отделяет озеро По-ян от Голубой реки, имеет важное торговое значение, как место провоза произведений провинции Цзян-си, преимущественно табаку и черного чая, из которых последний иностранные негоданты не долюбивают только за то, что он слишком дорого ценится в самом Китае, так что они не могут получать барышей в Европе на цене этого товара. В этом городе также существует европейский квартал, с выстроенной, как и в иностранной колонии в Хань-коу, огромной набережной. По мнению большинства

1 Изд. Мин. Финансов. Покотилов, «Китайские порты», стр. 46, 47, 49, 50. Одно из самых ценных сочинений по экономическим вопросам, относящимся до открытых портов Китая, в которых могут встретиться русские интересы.

2 „Returns of trade“, 1897.

3 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi“ etc.

иностранных моряков и коммерсантов, город Ху-коу, стоящий при самом устье нижнего По-яна, на правом берегу озерного истока, представлял бы более удобств, чем Цзю-цзян, как место для международного торгового обмена. Общая ценность оборотов по внешней торговле

Общій видъ города Нанкина.

Цзю-цзяна простиралась в 1897 г. до 14.865.563 лана. Движение судоходства на его пристани в 1895 году представляло в сложности грузов—2.332.568 тонн, из которых 1.716.636 тон-

ны были под английским, 619.834 тонны под китайским флагом¹. Главный город провинции Цзян-си или «Запада реки», Нань-чан-фу, для которого Цзю-цзян служит передовым портом на Ян-цзы-цзяне, а Ду-чан пристанью на По-яне, построен при начале или вершине дельты реки Цза-цзян или Гань, в одной из плодороднейших равнин; по своему местоположению, он представляет почти такие же выгоды для торговых сношений, как и город Сян-ян-фу, находясь в точке соединения дорог обширной страны; но его сообщения с Кантоном более затруднительны, по причине крутизны и дикости гор. Подобно другим городам Китая, Нань-чан-фу не заключает в своих стенах замечательных зданий, кроме разве пагод да триумфальных арок, воздвигнутых в честь вдов, прославившихся своими добродетелями; но он отличается правильностью и чистотой своих улиц: в этом отношении он походит на главный город Сы-чуани. В торговом отношении Нань-чан важен как главное складочное место фарфоровых изделий, фабрикуемых на востоке от озера По-ян, в долине реки Гань-цзян, особенно вокруг Цзин-дэ-чжэня. В прошлом столетии более 500 фарфоровых фабрик были сгруппированы в окрестностях этого города, над которым постоянно носится густое облако дыма, черное днем, освещенное снопами пламени ночью. Целый миллион людей копошился тогда в этом фабричном округе², но несомненно, что население уменьшилось в числе с той эпохи. Фарфор из Цзин-дэ-чжэня все еще считается лучшим в Китае и составляет предмет весьма обширной торговли, которая сосредоточена главным образом вокруг города Жао-чжоу-фу, близ восточного берега озера По-ян; пристань этого города всегда запружена барками и джонками, приходящими за драгоценным грузом. Однако, этот фарфор, который столько столетий пользовался первенством между глиняными изделиями всего света, теперь много уступает европейским фарфорам, как по составу массы, так и по форме и рисунку; заводчики Цзин-дэ-чжэня тщетно пытались вступить в конкуренцию с иноземными фабрикантами³. На востоке и юго-востоке, в соседстве границ провинции Фу-цзянь, открываются несколько долин, которые производят отборные чаи, называемые обыкновенно по имени города Ху-коу. На северо-восток возвышаются горы, где впервые было открыто искусство утилизировать листья этого драгоценного дерева.

Ниже Цзю-цзяна и Ху-коу по течению Ян-цзы встречаем Ань-цин-фу, главный город провинции Ань-хой или «Мирных городов» и один из лучших прибрежных городов «Великой реки». Ниже на правом берегу той же реки, следуют один за другим два города, Да-тун и У-ху, занявшие видное место между городами, с которыми европейские негоданты непосредственно ведут торговые дела. Оба эти города имеют довольно важное значение, благодаря соседству округов, обогащаемых культурой чая, конопли и риса; кроме того, Да-тун служит складочным местом соли, которую отсюда отправляют в разные пункты области нижнего Ян-цзы-цзяна. У-ху в то же время и промышленный центр; его красные шкурки пользуются известностью во всей империи, и уже два столетия он славится в Китае своими ножами и другими стальными изделиями, которые, впрочем, по качеству много уступают фабрикатам этого рода, привозимым из Европы (в 1897 году обороты иностранной торговли этого города простирались до 8.888.361 лан); в одной из окрестных долин выделяют один из лучших сортов китайской бумаги, употребляемой для письма и для рисования: кора сального дерева, луб шелковичного дерева и пшеничная солома—вот сырые материалы, из которых готовится эта бумага⁴.

Нанкин («Южная столица»), главный город провинции Цзян-су или «Рукавов реки», и местопребывание вице-короля,—двух провинций Цзян-су и Ань-хой,—был некогда метрополией всего Китая; он еще и до сих пор не открыл свободного доступа в свои стены иностранным негодантам. Этот город долгое время был самым многочисленным в свете, и даже когда императорская резиденция была переведена в Пекин, прежняя столица на берегах Го-

1 „Returns of trade“, 1897.

2 Du Halde, „Description de la Chine“;— Carl Ritter, „Asien“.

3 Scott, „Commercial Report“, 1879;—I. de Rochechouart, „Pekin et l'interieur de la Chine“.

4 Oxenham, „Athenaeum“, 5 febr. 1881.

лубой реки соперничала с новой метрополией по числу жителей и превосходила ее по развитию промышленной и торговой деятельности. В 1853 году Нанкин опять поднялся на степень столичного города, как резиденция главы государства, «царя небесного» или государя тайпингов; но новому царству не суждено было долго существовать, и метрополия его, после убийственной осады, продолжавшейся не менее двух лет, была взята в 1864 году императорскими войсками; оставшиеся в живых защитники крепости были переколоты, а город обращен в груды развалин. После прохода истребителей, несколько тысяч голодных нищих, бродивших между кучами мусора, ночевавших в канавах и рвах под шалашами из хвороста, составляли все население «Южной столицы» Китая. Однако немногих лет мира достаточно было, чтобы снова поместить Нанкин между большими городами Срединной империи, хотя пространство, обнимаемое огромной оградой стен и валов около 30 километров в окружности, включает еще много полей и пустырей, покрытых мусором, где городские жители охотятся на дупелей, фазанов и даже на крупную дичь¹; беглецы вернулись со своими семьями на старое пепелище, и переселенцы из соседних провинций стали толпами стекаться в разоренный город. Правительство учредило в окрестностях столицы Цзян-су один из своих арсеналов, а частная промышленность основала многочисленные мануфактуры для фабрикаций хлопчатобумажных тканей, которые под именем «нанки» служили в былое время образцами европейским ткачам; лучшие китайские атласы тоже выходят с фабрик этого города. Нанкин или Цзян-нин-фу, как он называется официально, снова приобрел свою прежнюю роль как метрополия изящного языка и словесности, и каждый год до 12.000 молодых людей являются сюда держать экзамены. В Нанкине опять основано несколько больших библиотек, и открыты новые книгопечатни с китайскими и европейскими приборами. Между эмигрантами реставрированного города очень много магометан: их насчитывают уже около пятидесяти тысяч. За исключением своей городской ограды, усаженной по бокам башнями, Нанкин лишился всех зданий, составлявших его красу и гордость: башня, называемая «фарфоровой», или вернее «пагода из остеклованных драгоценных камней», некогда пользовавшаяся такой громкой славой, была разбита в куски, во время тайпинской войны, и зеленые черепицы её крыш, кирпичи из разноцветного фарфора её стен сделались уже редкостью в кучах мусора, где производят раскопки английские туристы, желающие унести с собой какие-нибудь обломки знаменитой башни, в виде «сувениров»; остатки этого памятника послужили материалом при постройке мастерских оружейного завода². «Южная резиденция», как и «Северная столица», имеет в окрестностях древнее кладбище династии Минов. Разрушенные здания этого некрополя, над которым господствует «Гора золотых ворот», указывают местоположение царских могил, а колоссальные изображения людей, слонов, верблюдов, лошадей и собак все еще составляют кортеж погребенных властителей. В окрестной местности встречаются там и сям вулканические горки.

Торговая деятельность провинции Цзян-су сосредоточена главным образом в городе Чжэнь-цзяне, лежащем к востоку от Нанкина, также на правом берегу Ян-цзы-цзяна, но против южного входа Императорского канала; кроме того, каналы естественные и искусственные дают ему возможность поддерживать прямое сообщение с Шанхаем. Чжэнь-цзян-фу находится в точке пересечения торговых путей первостепенной важности, чем и объясняется тот факт, что он мог снова подняться после двух разгромов, которые постигли его в текущем столетии. В 1842 году английская армия одержала под стенами этого города победу, которая позволила ей предписать Китаю условия мира, формулированные в нанкинском трактате; но англичане нашли в Чжэнь-цзяне только мертвых: маньчжурские защитники города перерезали своих жен и детей, а затем сами себя лишили жизни, чтобы не подпасть под ненавистное владычество «рыжеволосых варваров». В 1853 г. город был взят тайпингами, а четыре года спустя население было перебито императорскими солдатами; как и в Нанкине, от города остались только стены да кое-где кучки несчастных жителей, укрывавшихся меж-

1 I. de Rochechouart;—Gaston de Bezaure.

2 Leon Rousset, „A travers la Chine“.

ду горами развалин. Несмотря на эти катастрофы, торговля снова достигла такого развития, что город сделался важным портом Китая по размерам ввоза иностранных товаров (в 1897 году ценность торговых оборотов Чжэнь-цзяна с заграничными рынками простиралась до 24.145.341 лана). На другой стороне реки прежде находился значительный город Гуа-чжоу, где правительство держало свой главный склад соли на берегах Ян-цзы-цзяна. Иногда на рейде зараз скоплялось до тысячи восьми сот джонок, приходивших за грузом; но размывы реки и обвалы берега уничтожили город, от которого теперь осталось только несколько домов¹. В некотором расстоянии к северу, на берегах Большого канала, город Ян-чжоу-фу играет в торговом отношении такую же роль, как Чжэнь-цзян, но он не открыт для европейцев: это древняя столица царства Ян, от которого, по мнению некоторых этимологистов, получила свое название и Голубая река или Ян-цзы; это тоже «великий и благородный град», Янжу, как его называет Марко Поло, управлявший им три года.

Шанхайский порт, ближайший от входа в «Великую реку», теперь занимает первое место между торговыми городами империи, да и во всей Азии его превосходит по важности разве один только Бомбей. А между тем, когда англичане выбрали эту позицию, в 1842 году, для основания своих контор, казалось крайне сомнительным, чтобы им удалось когда-нибудь сделать город при реке Хуан-пу соперником Кантона или Амоя. Правда, что Шанхай, гавань значительного города Су-чжоу и всего богатого окружающего его края, имел уже и в то время немаловажные торговые сношения, и вдобавок пользовался очень выгодным географическим положением, командующим над входом с моря в большую судоходную реку, которая протекает через всю Китайскую империю от запада к востоку; но нужно было бороться против трудностей, представляемых почвой и климатом, нужно было укреплять и поднимать грунт земли, перерезать его каналами, осушить лужи и болота, очистить воздух от вредных миазмов; кроме того, пришлось расчищать и обставлять бакенами судоходный фарватер, чтобы поддерживать свободный доступ судам. Осушка почвы была приведена к желанному концу, по крайней мере настолько, насколько это возможно сделать в такой сырой местности; но самая важная, с коммерческой точки зрения, часть задачи еще далеко не окончена: опасный бар и теперь еще отделяет лиман Ян-цзы-цзяна от Хуан-пу или «реки с желтыми водами», на которой расположен Шанхай. В последние годы это препятствие увеличилось; каждый год немалое число мелких судов вязнут в тине мелей, суда же большого водоизмещения избегают подниматься вверх по реке до самого города. Если китайское правительство не позволит иностранным негодантам предпринять все необходимые работы для расчистки прохода на बारे, то можно опасаться, что рано или поздно Шанхай очутится затерянным внутри земель, на берегу болотистой бухточки. Это будет только еще одна маленькая геологическая перемена на почве, которую оспаривают друг у друга наносы Голубой реки и волны моря. По китайским преданиям, Шанхай был построен на берегу океана, от которого он находится в наши дни на расстоянии 20 верст. «Желтый ветер», то-есть атмосферное течение с севера и с северо-запада, несущее пыль пустыни, часто дует в Шанхае².

Торговля местными произведениями обогатила первых европейских негодантов, поселившихся в Шанхае, но процветанию их колонии много способствовали также национальные бедствия китайцев, смуты и междоусобия. Война тайпингов заставила беглецов массами искать убежища на землях, уступленных иностранцам. Когда город Су-чжоу был разрушен, в 1860 году, Шанхай наследовал ему как главный город страны; дома там стали вырастать из земли словно действием волшебства; но после того, как мятежники были вытеснены из Шанхая и его округа, затем истреблены, последовал отлив населения к внутренним областям, и число китайских жителей с полмиллиона понизилось до 65.000³. Однако, массивные каменные палаты европейских «концессий» тянулись длинными рядами по берегу реки, на севере от обнесенного стенами города китайцев, и привычка к торговой деятельности укор-

1 „Le Kiangnan en“, 1869.

2 Milne, „Vie reele en Chine“.

3 De Hubner, „Promenade autour du Monde“.

нилась в населении; вскоре Шанхай сделался центральным портом, откуда товары, привозимые из Европы, отправляются на другие рынки империи. Ценность торговых оборотов Шанхая в 1897 году представляла следующие цифры:

Привоз—42.666.586 лан. Вывоз—59.166.376 лан. Вместе—101.832.962 лан².

Европейская «концессия», жители которой пользуются полным самоуправлением, есть «образцовая колония, желтоводская республика», как ее называют по имени реки Хуан-пу; территория, уступленная американцам, на север от реки Су-чжоу, присоединилась с 1863 года к британскому муниципалитету, и уже вся западная часть городского округа, вокруг поля скачек, покрыта строениями европейского вида. Более ста тысяч китайцев живут в британской «концессии». Там же поселилось и большинство французских резидентов, которые избегают соседства шумных кварталов старого города, или которые не желают подчиняться произвольной власти своего консула, облеченного почти диктаторскими правами³. На юг от китайского города продолжается предместье Тонкату, тогда как на востоке, на противоположном берегу реки, раскинулся пригород Пунтун, называемый часто «маленькой Европой», оттого, что там живет много китайцев, принявших христианскую веру. Равнины, окружающие Пунтун, защищены против наводнений моря и разливов текущих вод целой системой плотин, как почва Нидерландов. Со стороны океана побережье обведено пятью концентрическими плотинами.

Если в чайной торговле Шанхай не играет, как Хань-коу, роли рынка, где спекуляция покупает на расхват первосборные чаи ежегодного урожая, то за то в нем постоянно, круглый год, происходят сделки по купле и продаже этого товара, наибольшие доли которого идут в Англию и в Соединенные Штаты, как показывают следующие цифры:

Вывоз чаев из Шанхая в 1892 году:

	В Англию	В Соедин. Штаты	В Индию
	Пуды	Пуды	Пуды
Черного чаю	390.000	182.000	-
Зеленого чаю	174.000	322.000	123.000
Всего по стран	564.000	544.000	123.000
Общий итог	1.231.000		

Торговля шелком, которая производится главным образом с Англией и с Францией, еще более значительна: в 1892 году из Шанхая были вывезены за границу следующие количества:

В Англию—48.000 пуд.; во Францию—147.000 пуд.; в Америку—29.000 пуд.; в Индостан—7.000 пуд.; в Турцию—2.500 пуд.

Но главную роль в заграничной торговле этого рынка играет привоз опиума, который составляет большую часть грузов шанхайскому судоходству и покрывает реку Хуан-пу целым лесом мачт. Движение судоходства в шанхайском порте в 1895 году выразилось следующими цифрами:

	Парусн. судов	Паров. судов	Вмест. общ. тонн
Английских	103	3.573	4.675.824
Китайских	642	873	1.113.302
Германских	12	894	8.433.726
Американских	59	4	58.169
Норвежских	14	278	200.530
Русских	-	24	17.528
Японских	-	72	95.119
Французских	-	111	226.729
Остальных наций	119	-	-

2 „Returns of trade“, 1897.

3 Rousset, „A travers la Chine“;—Bousguet, „Revue des Deux Mondes“, juillet 1878.

	Парусн. судов	Паров. судов	Вмест. общ.
			ТОНН
Всего же	6.807	5.964	17.403.652

Сюда же, в склады на берегах реки Хуан-пу или Вусун, суда выгружают трупы китайцев, умерших за границей. Несколько обществ речного пароходства, поддерживающих правильное сообщение по Ян-цзы, имеют свое пребывание в Шанхае, и сорок морских каботажных пакетботов принадлежат торговым компаниям этого порта; между китайскими городами один только Шанхай имеет в своем пригороде Пунтун, на правом берегу реки Хуан-пу, верфи, где коммерческие суда строятся туземными рабочими под руководством европейских корабельных инженеров. В 1879 году китайские промышленники основали также бумагопрядильню, кожевенный завод и другие фабричные заведения, устроенные по образцу больших мануфактур Запада; каменноугольные копи, которыми они обладают на берегах Ян-цзы-цзяна, достаточны, чтобы снабжать топливом все речные пароходы, и продукт их все более и более заменяет, в шанхайских складах, уголь иностранного привоза. Прекрасные аллеи идут вокруг поля скачек, на западной стороне Шанхая и продолжаются до «Кипуна», называемого англичанами Bubbling well (кипящий колодезь), а китайцами Хай-ян (глаз моря), ключа, из которого выделяется сернисто-водородный газ. Далее широкая, усыпанная мелким камнем, дороги расходятся в разные стороны, километров на десять от городской черты, к загородным домам негоциантов, китайских и иностранных; но правительство еще не дало разрешения продолжать эти шоссированные дороги до городов, лежащих внутри страны. Гораздо более важная неудача постигла европейцев, по поводу железнодорожной линии, длиною около 15 километров, которую одна английская компания построила между Шанхаем и его передовым портом Вусуном, на Голубой реке. Этот рельсовый путь, некогда единственный в Китае, просуществовал всего только шестнадцать месяцев, хотя он приносил величайшую пользу местной торговле, и хотя вагоны его поездов всегда были битком набиты пассажирами. Правительство приказало разрушить «заморскую дорогу», и рельсы были перевезены на остров Формозу и сложены там на плоском берегу, где волны моря скоро занесли их песком; укрепления, обшитые железной броней и вооруженные пушками осадной артиллерии, заменили железно-дорожную станцию и складочные амбары вусунского порта. Многие предлоги были выставлены, чтобы оправдать разрушение этой железной дороги; но действительная причина, разумеется, все то же опасение мандаринов, чтобы иностранные резиденты, уже полные господа в черте своих муниципалитетов или городских общин, и приобретшие огромное влияние даже в китайских делах посредством учреждения смешанного суда, не захватили мало-по-малу в свои руки всю власть и не сделались повелителями страны в большей мере, чем само правительство. В настоящее время императорская администрация, вынужденная силой вещей, должна была, в конце концов, принять проекты иноземных инженеров; уже планы железных дорог из Шанхая в Нанкин, окончательно составлены и ждут только начала работ. Телеграфная линия связывает Пекин с Шанхаем, и последний с Японией, посредством подводных кабелей. В Шанхае существует ученое общество под названием «северо-китайского отдела азиатского общества» (North China branch of the Asiatic Society), основанное в 1858 году.

В обширном саде, которым окружен Шанхай, и который перерезан во всех направлениях осушительными каналами, повсюду рассеяны многолюдные местечки и города. Одно из этих местечек Сикавэй, которое можно рассматривать еще как пригород Шанхая, от которого оно удалено всего только на 8 километров к юго-западу, замечательно своей высокой пагодой, многоэтажной башней Лон-ха, которая видна с далекого расстояния; здесь же находится иезуитская коллегия, основанная в семнадцатом столетии, при которой теперь учреждена метеорологическая обсерватория, снабженная лучшими инструментами, благодаря денежным пособиям Соединенных Штатов; молодые люди, выходящие из этой коллегии, могут держать экзамены на мандаринское звание наравне со студентами туземных учебных заведений. Нань-сян, Цзя-дин-сянь, Тай-цан-чжоу, Сун-цзян, Цзя-дин, Ху-чжоу принадлежат к значительным городам полуострова, почти на половину покрытого озерами, который отде-

ляет лиман Голубой реки от лимана Цянь-тана или Ханчжоуской бухты. Город Ху-чжоу, прославившийся своими крепями и фулярами, долгое время был центром фабрикации шелковых тканей; в соседстве его находится Ань-цзи, главный рынок по торговле коконами шелковичного червя¹. Большое местечко Азэ (Ase), лежащее километрах в тридцати от города Цзя-дин, замечательно как место, где готовится прекрасный светло-зеленый цвет, называемый ло-гао, который французские красильщики тщетно пытались воспроизвести². Острова Голубой реки не менее многолюдны, чем твердая земля: особенно остров Чун-мин усеян городами и местечками, которые все защищены от бурь открытого моря густыми насаждениями бамбука.

В богатой равнине южного Цзян-су первое место, по числу жителей и развитию промышленности, все еще принадлежит знаменитому городу Су-чжоу-фу, «великому и благородному» Сужу, который Марко Поло описывает с восхищением. Конечно, этот город в наши дни не имеет уже «шестидесяти миль в окружности», как во время знаменитого венецианского путешественника; на каналах его теперь не насчитаешь «шести тысяч каменных мостов, настолько высоких, что под ними могут свободно проходить галеры», и жители, которые ныне толпятся на улицах и на барках Су-чжоу-фу, не довольно многочисленны, чтобы могли «завоевать весь свет»; но, тем не менее, китайская Венеция, вновь отстроенная после опустошительного прихода тайпингов, опять приобрела некоторую важность в торговом отношении, и население её отличается интеллигентностью и хорошим вкусом. «Все, что носит на себе печать красоты, исходит из Су-чжоу: картины, изваяния, тамтамы, шелковые материи и женщины³. Чтобы быть счастливым, нужно родиться в Су-чжоу и жить в Хан-чжоу-фу», гласит другая пословица. Но еще многое нужно для того, чтобы поправить потери, причиненные междоусобной войной. Су-чжоу не соперничает более с Пекином по изяществу своих изданий; точно также и превосходство по части шелковых тканей, окончательно ускользнуло из его рук⁴. «Большое озеро» или Тай-ху, простирающееся обширной водной площадью на запад от Су-чжоу, и через которое прежде проходил рукав Голубой реки, представляет настоящее внутреннее море, на котором живут целые населения рыбаков, ходящих на промысел далеко от берегов.

Хан-чжоу-фу, лежащий близ восточной оконечности большой бухты того же имени, у выхода судоходной реки Цянь-тан-цзян, также находится при устье старого течения Ян-цзы-цзяна, южного продолжения Императорского канала. Счастливый климат, необычайно плодородная почва заранее обеспечили этому городу первостепенную важность. И действительно, Хан-чжоу-фу был столицей южной империи, которая долго оказывала сопротивление монгольским завоевателям, и с этой эпохи он сохранял, в течение многих столетий, имя Кин-сы, под которым он был известен в средние века путешественникам арабским и европейским. Марко Поло говорит о Кин-сы (Quinsay) в восторженных выражениях, каких не внушал ему никакой другой город Срединного царства; во время его странствований через восточную Азию ничто не приводило его в такое удивление, как этот «благороднейший город, без преувеличения самый великолепный и лучший, какой только существует в свете». Однако, подробности, которые он сообщает об этой южной столице, таковы, что, читая их, можно без труда объяснить себе те насмешки, которыми были встречены в Европе рассказы венецианского путешественника. По словам его, Хан-чжоу имел в то время сто миль в окружности, миллион шестьсот тысяч домов, три тысячи публичных бань, двенадцать тысяч каменных мостов, настолько высоких, что под ними могли свободно проходить целые флоты, и охраняемых каждый постом из десяти солдат; двенадцать ремесленных корпораций имели каждая двенадцать тысяч домов для своих мастерских и заведений. Другие средневековые путешественники говорят о Кин-сы в подобных же выражениях. Ордорико ди Порденоне

1 Isidore Hedde, „Congres des Orientalisten“, 1878.

2 Helot, „Annales de la propagation de la foi“, 1857.

3 Fortune, „Travels in China“;—Yole, „The Book of ser Marco Polo“;—Leon Rousset. „A travers la Chine“.

4 Isidore Hedde, „Congres des Orientalisten“.

тоже называет его «величайшим городом в свете»; арабский писатель Ибн-Батута рассказывает, что нужно идти три полных дня с утра до вечера, чтобы пройти весь город из конца в конец. Даже в семнадцатом столетии, когда Хан-чжоу давно уже утратил свой ранг столичного города, Мартино Мартини давал ему еще сто итальянских миль в окружности, даже больше, считая предместья, которые продолжаютя на огромные расстояния; по словам этого путешественника, можно было идти в городе по прямой линии на пространстве 50 ли, не видя по сторонам ничего, кроме ряда домов, тесно жавшихся один к другому.

В наши дни город, все еще очень обширный, так как ограда его имеет 21 версту в окружности, несомненно покрывает гораздо меньшую площадь, чем какую он занимал в те времена; на юго-западе, остатки стен и строений указывают место, где находился обширный императорский дворец, и со всех сторон видны развалины древних храмов. Большое озеро, которое средневековые авторы описывают как заключенное внутри города, теперь лежит вне ограды; но постройки всякого рода, возвышающиеся на островах и берегах, пагоды, киоски, гробницы, башни, загородные дома делают его еще составной частью городского населения. Си-ху или «Западное озеро» тоже утратило свою первоначальную форму. Прежде эта водная площадь имела почти кругообразное очертание, кроме западной стороны, где волны, гонимые ветром, дующим с моря, образовали поперек озера слегка изогнутую косу, которую люди переделали в дамбу, получившую название «шоссе с шестью мостами»; каждый мыс, каждый островок окаймлен искусственными плотинами. Эти причудливые здания, отражающиеся в водах бассейна вместе с окружающими рощами и лесками, принадлежат к лучшей эпохе китайской архитектуры, и изящество их форм, блеск их цветов, и бесконечное разнообразие, которое они придают ландшафту, сделали берега Си-ху одним из прелестнейших уголков Срединной империи. Живописный вид озера, так же, как веселая жизнь города, добродушие и приветливость обитателей, доставили Хан-чжоу лестное прозвище «земного рая» китайцев. «Небо в вышине, Су-чжоу и Хан-чжоу на земле», говорит часто цитируемое присловье. Сами иностранцы, хотя некоторые символические украшения кажутся им слишком причудливыми или противными требованиям вкуса, все, в один голос, говорят о «Западном озере» и его островах, как о месте чудес, где искусство в соединении с природой создали восхитительную картину. Как и Чэн-ду-фу, Хан-чжоу получил от европейцев название «восточного Парижа». И действительно, это один из самых веселых городов Китая, город, где даже мандарины, наиболее заботящиеся о поддержании своего достоинства, имеют право поселиться как простые смертные. Главная местная промышленность — производство шелковых тканей; около шестидесяти тысяч человек занимаются здесь тканьем этих материй, и в соседних городах, Ху-чжоу, Цзя-син и в окружающих местечках и селах сотня тысяч других работников посвящают свой труд тому же промыслу¹. Но тайпинги и в этой местности наделали много вреда, разорили множество городов и селений, заставили приостановить или перенести в другие места многие отрасли промышленности; это их нашествию приписывают развалины новейшего происхождения, которые видны в окрестностях Хан-чжоу, и самый город, который в половине настоящего столетия, говорят, имел более 2 миллионов жителей, считая с предместьями, не имеет теперь и половины своего прежнего населения, а по словам некоторых путешественников, не наберется даже и четверти. Магометане здесь более многочисленны, чем во всяком другом городе морского побережья.

На южной стороне того же залива находится другой важный город, Шао-син, торговый и промышленный центр плодороднейшей равнины, вероятно, одной из тех местностей, где живет наиболее скученное население. Во всех аллювиальных областях Китая были совершены громадные работы, чтобы укрепить и осушить болотистую почву, но нигде не встретишь гидравлических сооружений подобных по размеру тем, которые возведены вдоль южного берега Ханчжоуской бухты: здесь люди построили самый длинный путевод или мост на арках, какой существует на земном шаре; даже можно сказать, что со времени развития новейшей индустрии, западные народы не соорудили ни одного шоссе, которое могло бы сравниться с

1 Fortune;—Dennis, „Trade Report“, 1869;—Yule, „The Book of ser Marco Polo”

насыпной дорогой, которую китайцы провинции Чжэ-цзян устроили уже слишком тысячу лет тому назад. Шаосинский «мост» имеет не менее 135 верст в длину и состоит почти из 40.000 прямоугольных пролетов, по которым идет путь, защищенный парапетом, ныне пришедшим уже в ветхость. Между городами Нин-бо и Юй-яо, горы Да-ин прорезаны на высоте 500 метров громадными каменоломнями, вероятно, самыми большими во всем Китае: отсюда брали каменные глыбы для сооружения исполинского путевода; камни из этих каменоломен, иссеченные в форме колонн и статуй, отправляются даже в Сиамское королевство¹. На восточной своей оконечности мост примыкает к крепости, построенной из великолепного красного песчаника, которая защищает город Чжэнь-хай, стоящий при устье Юн-цзяна или реки Нин-бо².

Вероятно, что сооружение этого путевода восходит к той эпохе, когда вся страна представляла одно обширное соляное болото. В наши дни, когда эта местность уже достаточно осушена, виадук является бесполезным, но он был так прочно построен, что им всегда пользовались и пользуются как дорогой и как бечевником для соседнего канала. Плотины, проведенная вдоль морского берега, которая дала возможность обратить болотистое пространство в плодороднейшую территорию, также представляет колоссальное сооружение, строители которого неизвестны: летописи упоминают только о реставраторах этой гигантской дамбы. Она состоит из каменных плит, расположенных пологим откосом со стороны моря и скрепленных одна с другой железными скобами и камнями в форме клиньев. Защищенные плотинами польдеры этой китайской Голландии, которая простирается от Ханчжоуского лимана до реки Юн-цзяна, перерезаны через промежутки в 400 метров пресноводными каналами, которые делят всю страну на островки равной величины, и служат в одно и то же время для целей орошения полей и для перевозки продуктов³. Шао-син-фу главный город этой нездоровой области, осаждаемой волнами океана, ныне пришел в упадок, но за две тысячи лет до нашего времени он был столицей отдельного государства, обнимавшего всю юго-восточную территорию, между Кантоном и провинцией Цзян-су; за городскими стенами показывают древнюю могилу, в которой, по преданию, похоронен император Юй. Хотя утративший свое прежнее торговое значение, Шао-син до сих пор остался одним из городов, отличающихся изяществом нравов: большое число мандаринов—уроженцы этого города. Ароматический ликер, известный под именем «шаосинского вина», хотя он готовится из одной разновидности риса, представляет отменный напиток, который путешественники сравнивают с сотерном⁴.

Один обнесенный стенами город на северном берегу залива Чжэ-цзян до сих пор еще носит название Гань-пу, но полагают, что древний город этого имени, Ганфу, Гампу или Кануп, о котором Марко Поло говорит как о приморском порте города Кин-сы и всей окружающей страны⁵, был покрыт водами бухты; в этом месте море затопило значительную полосу берегов, но оно не глубоко. Ни в какой другой бухте китайского побережья так называемая бора или маскарет (быстро набегающая приливная волна при распространении прилива в лиманах или заливообразных устьях некоторых рек), известная у английских моряков под именем eagre или bore, не поднимается вверх по заливу с большой силой и стремительностью и не причиняла больших опустошений на берегах. Издали этот вал представляется в виде белого каната, протянутого поперек бухты; но он приближается с быстротой 10 метров в секунду; движущаяся водяная стена, так сказать, растет на глазах, и шум, происходящий от столкновения вод прилива и течения, походит на гром. Два, три вала, имеющие вместе от 9 до 10 метров высоты, следуют один за другим в виде быстро поднимающегося исполинского водопада шириной от 6 до 8 километров. Суда, не успевшие укрыться в безопасное место,

1 Gobbold, „Pictures of Chinese“.

2 Gardner, „Proceedings of the Geographical Society of London“, 1868;—Fauvel, etc.

3 Гарднер, цитированный мемуар.

4 Мильн;—Гюк.

5 Reinaud, „Relations des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et la Chine“.

ждут удара этого водопада, повернувшись носом вперед, и, как лососи, поднимаются прыжками на самый гребень приливной волны. Несколько минут достаточно, чтобы переменить направление течения и заставить воды разливаться по сторонам, затопляя берега на значительном пространстве. Понятно, что береговые плотины требуют постоянных починок и правок, чтобы быть в состоянии выдерживать эти ежедневные удары прилива: в царствование императора Цянь-луна, с 1736 по 1796 год, гидравлические работы в Ханчжоуской бухте стоили более 50 миллионов франков. Этим-то стремительно набегаящим валам прилива бухта, как полагают, и обязана своим названием Чжэ-цзян, означающим «Извилистую» или «Волнующуюся реку», — может быть, также «Реку-разрушительницу», — которое сделалось именем всей провинции. Прибрежные жители Ханчжоуского лимана с незапамятных времен придумали плотики, подобные «аконам» или толконожкам, «rousse-pied», какие употребляют во Франции на топких тинистых берегах Эгильонской бухты; рыбак, которому нужно переправиться через топи, чтобы посмотреть свои сети, становится коленом на пук солом, положенный на плотик или ниму, и ухватившись руками за поперечный брус, гребет в грязи другой свободной ногой¹. Для перевозки путешественников употребляют простую бадью, буксируемую двумя плотами. Все поля морского побережья и острова защищены плотинами, которые придают берегам геометрически правильное очертание, и пресные воды задерживаются шлюзами, которые препятствуют также входу вод моря во время высоких приливов². Большинство городов морского побережья пересекаются таким множеством каналов, что их часто называют «китайскими Венециями».

Бассейн Цянь-тан-цзяна, называемого также «Зеленой рекой», который охраняется при его восточном выходе двумя городами Хан-чжоу и Шао-син, был в половине текущего столетия одною из богатейших и многочисленнейших стран Китая, и может быть, это прекраснейшая из его областей по прелести пейзажей, яркости зелени и блеску цветов. Ни в одной части империи опустошение, причиненное междоусобной войной, не было более полное; проезжая по стране, Рихтгофен старался собрать сведения об уменьшении населенности городов этого края, и по его расчету выходит, что прежнего числа жителей только тридцатая часть успела спастись от резни и голода³. Но край опять быстро заселяется и снова вывозит в большом количестве чай, шелковые ткани, превосходные фрукты из Цюй-чжоу, а также окорока из Цзинь-хуа, очень ценимые китайскими гастрономами. Лань-чи или Лань-чжи, хотя по своему рангу только третьеклассное городское поселение (сянь), есть торговый центр этого бассейна, обнимающего пространство около 40.000 квадратных километров; в соседстве этого хорошенького города, «с почти британской физиономией», последнее войско, на вербованное для защиты династии Минов, было разбито маньчжурами⁴.

Двадцать девять второклассных и третьеклассных городских поселений (чжоу и сянь), находящиеся в бассейне Цянь-тана, все доступны для барок в сезон разливов; но большие суда не могут подниматься по реке Цянь-тан до города Хан-чжоу и останавливаются в Чжапу. Большая часть больших джонок, украшенных двумя большими глазами, нарисованными по бокам носа, и выкрашенных в белый цвет, так же, как это было во времена средневекового путешественника Одорико ди-Порденоне, обыкновенно останавливаются у входа в бухту. Главная морская гавань страны открывается у восточной оконечности полуострова, на реке Юн-цзян, которая впадает в рейд, образуемый большим островом Чжу-сан. Там находится естественная граница Желтого моря и южных лиманов, которыми оно оканчивается: устья Голубой реки и Ханчжоуской бухты. Полуостров, на котором находится Нин-до, город «Мирных волн», при слиянии двух судоходных рек и в точке встречи каналов, соединяющихся со всеми городами провинций Чжэ-цзян и Цзян-си, сделал этот город стражем богатых равнин, которые простираются на запад до Великой реки; все выгоды местоположения

1 Fauvel, „Memoires de la Societe des Sciences naturelles de Cherbourg“, tome XXII, 1879.

2 Milne;—Macgowan;—Fauvel, etc.

3 „Letters on the provinces of Tchekjang and Nganhwei“

4 Milne, „Vie recelle en Chine“.

соединены здесь—хорошая якорная стоянка, обилие продовольствия, удобства защиты; ни одна позиция не представляет большой важности с стратегической точки зрения. И действительно, округ Нин-бо прославился в военных летописях Китая. В 1130 году татары были

Маркизь Цзэнъ, бывшій посланникъ въ Парижъ и Лондонъ.

разбиты на голову в 8 километрах от города китайскими крестьянами; в 1554 году японские пираты, о которых, впрочем, не упоминают летописи Ниппона¹, утвердились там прочно, но они были остановлены далее на западе, на берегах одного притока Юна, реки Юй-яо, и близ

1 Лев Мечников, рукописные заметки.

города того же имени. Наконец, в 1841 году, во время «войны из-за опиума», англичане овладели Нин-бо, и этот город, вместе с рейдом его передового порта Чжэнь-хай и островами Чжу-сан, сделался их главной опорной точкой для операций, которые они предприняли против Нанкина. Впрочем, чужеземцы с запада были известны в Нин-бо уже более трех столетий тому назад. В 1522 году туда явились португальцы, чтобы завязать торговые сношения с Китаем, и до сих пор еще можно видеть, близ городских ворот, здание, где они пользовались гостеприимством: это так называемый дом «Общества добрых иностранцев»¹. Что касается их города, построенного ниже по реке Юн, близ Чжэнь-хая, то он был совершенно разрушен в 1542 году китайцами окрестных местностей: 800 португальцев были перебиты и 25 судов потоплены.

В настоящее время только небольшое число европейцев, преимущественно миссионеров, имеют постоянное пребывание в Нин-бо, одном из замечательнейших городов провинции Чжэ-цзян, как по красоте местоположения, так и по прекрасному климату и плодородию почвы: синеватые горы, которые виднеются на юго-западе, принадлежат к самым лесистым возвышенностям Китая, и одно из их ущелий, называемое «Снеговой долиной», славится на всем Востоке своими стенами из белых скал, своими великолепными лесами и своим живописным водопадом; у подножия этих высот расстилаются равнины, классические в истории китайского земледелия, поля, где, по преданию, слишком четыре тысячи лет тому назад, император Шун держал ручку плуга, запряженного слоном, в этой же местности показывают его колодезь и его каменное ложе. Нин-бо есть в то же время центр умственной жизни, и одна из его частных библиотек, принадлежащая сообществу одной фамилии, каждый член которой имеет собственный ключ, содержит более 50.000 томов². Местная промышленность очень деятельна, и мебель, инкрустированная или лакированная, ковры, циновки из крапивы, фабрикуемые в Нин-бо, вывозятся даже в Японию; но непосредственная торговля сграничными рынками, обороты которой прежде достигали 25 миллионов в год, теперь совершенно незначительна (в 1897 году общая ценность внешней торговли этого города составляла всего только 16.042.136 лан); все движение международного обмена переместилось в Шанхай. Нин-бо—главный рынок Китая по торговле рыбой и «морскими плодами»; оттого окружающая равнина покрыта складами льда, без которого невозможно было бы сохранять рыбу; благодаря толстым соломенным циновкам, проходят целые годы прежде, чем лед совершенно растает.

В окружающей стране рассеяны многолюдные города каковы: Юй-яо, Цзы-ци, и большие местечки. Дин-хай-тин, расположенный на южном берегу самого большого из островов Чжу-сана, есть главный город всего этого архипелага, где насчитывают не менее миллиона жителей. Это очень промышленный город, производящий деятельную торговлю своими произведениями: канатами, циновками, опахалами, плащами, фабрикуемыми из волокон и листьев особого вида пальмы; отсюда же кантонские кондитеры получают плоды дерева *citrus olivaeformis*, известные в Европе под именем *chinois* (варенные в сахаре зеленые померанцы). Гавань Дин-хая глубока и совершенно защищена от ветров, но вход в нее затруднителен, почему джонки рыболовов посещают преимущественно порт Чжэн-гинь-мынь, находящийся на юго-восточной оконечности главного острова.

На востоке, на одном из малых островов той же группы, буддийские пилигримы посещают знаменитые монастыри (Пу-ту), посвященные Гуань-инь, богине милосердия, покровительнице мореходов. Самое название Пу-ту произошло, говорят, от имени Потала, священного храма-дворца Далай-ламы в Лассе; первая кумирня, сооруженная на острове в начале девятого столетия, была построена над пещерой, куда морская вода низвергается с ревом, и откуда она вылетает мелкими брызгами, словно белый дым. Сто монастырей острова, в которых живет около двух тысяч жрецов, служат летом отелями иностранным посетителям, которые приезжают сюда брать морские ванны. Растения и животные этого острова свято чтутся

1 William Milne, „La vie réelle en Chine“.

2 Macgowan, „Zeitschrift für allgemeine Erdkunde“, 1860.

туземцами; кроме того, проливы, извивающиеся между островами, необычайно богаты рыбой, и фауна их включает многие сотни различных пород: во всех морях Китая не найдется ни одного места, где бы натуралисты могли делать такие плодотворные, обильные результаты, исследования, как в водах острова Пу-ту. Главный промысел островного населения — рыбная ловля. Потомки разбойников, жители архипелага Чжу-сан до сих пор сохранили в сильной степени дух независимости; еще недавно, в 1878 году, они прогнали китайских солдат и наотрез отказались платить соляной налог.

Города бассейна Голубой реки, цифра населения которых указывается новейшими путешественниками:

Провинция Сы-чуань: Чэн-ду-фу (Рихтгофен) — 800 т.; Сюй-чжоу-фу (миссионеры) — 300 т.; Чун-цин-фу¹ — 250 т.; Батан (по Джиллю) — 3 т.

Провинция Шэнь-си: Хань-чжун-фу (Сосновский) — 70 т.

Провинция Ху-бэй: У-чан-фу, Хань-коу и Хань-ян — более 1 миллиона; И-чан — 34 т.; Юнь-ян-фу — 4 т.

Провинция Ху-нань: Чан-ша-фу (Мориссон) — 300 т.; Сян-тань (Рихтгофен) — 1 мил.

Провинция Ань-хой: Ань-цин-фу — 40 т.; У-ху в 1891 — 77 т.

Провинция Цзян-су: Шанхай² — 400 т.; Су-чжоу — 500 т.; Чжэнь-цзян-фу — 140 т.; Нанкин — 130 т.

Провинция Цзян-си: Цзю-цзян-фу³ — 53 т.; Ху-коу — 50 т.

Провинция Чжэ цзян: Хан-чжоу-фу — 800 т.; Ху-чжоу-фу — 100 т.; Нин-бо-фу — 255 т.; Шао-син-фу — 500 т.; Дин-хай-тин — 35 т.

Восточная покатость Нань-шаня, южная Чжэ-цзян и Фу-цзянь

Эта часть Китая имеет очень определенные естественные границы. Главный хребет системы китайских гор ясно определяет провинцию Фу-цзянь от покатости, воды которой изливаются в Ян-цзы-цзян и в Цянь-тан. Расположение горных цепей Нань-шаня, которые все ориентированы с юго-запада на северо-восток, наперед указывало направление исторического пути переселений и торговых сношений между дельтой Голубой реки и Кантонской рекой: эта дорога движения народов естественно должна была пройти во внутренности земель, на запад от провинции Фу-цзянь и от водораздельной возвышенности. На своем протяжении от Хан-чжоу-фу до Кантона она поднимается по судоходному течению Цянь-тан-цзяна до прохода, откуда путешественник проникает в провинцию Цзян-си, чтобы направиться на юг по Мэйлинской дороге⁴. На восток от этого торгового пути, некогда очень оживленного, и которому суждено приобрести гораздо более важное значение современем, когда железные дороги пройдут внутрь страны, малая ширина юго-восточной покатости не позволила текущим по ней водам соединиться в один речной бассейн; реки, которые, переходя последовательно из одной поперечной долины в другую, достигают, наконец, моря, принадлежат к нескольким независимым гидрографическим системам, из коих некоторые отделены от других высокими порогами, делающими сообщения затруднительными. Таким образом, южный Чжэ-цзян естественно делится на два округа, из которых один орошается рекой, Тай-чжоу, а другой рекой Вэнь-чжоу; подобно тому, и в провинции Фу-цзянь край распадается на отдельные естественные области, соответствующие бассейнам Минь-цзян и рек, впадающих в лиманы Амойский и Сватоуский. Так как хребты гор или холмов, возвышающиеся в этой стране, ориентированы параллельно морскому берегу и оси горной системы Нань-шань, то притоки главных рек протекают в промежуточных долинах по тому же

1 „Statesman's year book“ 1895 г.

2 „Chronicle and directory“. 1897.

3 „Chronicle and directory“. 1897.

4 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Tchekjang and Nganhwei“.

направлению, от юго-запада к северо-востоку или от северо-востока к юго-западу, так что и там естественные пути не следуют вдоль гористого и изрезанного бухтами морского побережья, а направляются по бороздам возвышенных долин между параллельными грядами гор; жители Фу-цзяни вступили во взаимные сношения через море или через горную страну. Но, хотя различные естественные области отделены одна от другой возвышенными землями, не возделанными культурой, и хотя весь этот край остался в стороне от больших торговых трактов, он, тем не менее, сделался одною из богатейших и многолюднейших стран Китая, благодаря плодородию своих долин и своему великолепному климату. При том же это обособленное положение принесло ему ту пользу, что бедствия войн сравнительно мало коснулись его, и, благодаря этому обстоятельству, уже тысячи лет земледелие и промышленность развиваются там мирно, без насильственных перерывов. По народной переписи 1842 года, в провинции Фу-цзянь, пространство которой исчисляют 2.737,75 квадратных миль, оказалось 25.790.556 жителей, что составляет 9.416 жителей на одну квадратную милю⁵.

Морское побережье провинции Фу-цзянь, изрезанное бесчисленным множеством каменных мысов, стрелок и полуостровов, окаймленное мириадами островков и торчащих из воды скал, представляет вообще печальный вид, несмотря на бесконечное разнообразие его контуров. Большинство береговых холмов, состоящих из гранитных обломков и усеянных каменными глыбами всякой величины, совершенно лишено зелени или представляет только кучки жалких сосен, низведенных неблагоприятными условиями до размеров простого кустарника; в некоторых местах вдоль берега тянутся ряды белых дюн, над которыми ветер вздымает и кружит целые тучи песка. Растения принадлежат к тропической флоре, но они слишком малочисленны, чтобы могли сообщить особенный характер местности; только через известные промежутки, при повороте мысов, взорам открываются, словно оазисы, устья долин с их городами или деревнями, окруженными банановыми рощами и возделанными полями³. Страна принимает прекрасный вид только вдали от берегов и ветров моря, там, где дикая растительность зеленеет вокруг храмов и на склонах высот, слишком крутых для того, чтобы их можно было искусственно изсечь в форме террас и обратить в полосы культурной земли. Берега реки Минь, ниже города Фу-чжоу, представляют непрерывный ряд очаровательных пейзажей, где являются в ярком контрасте две флоры—внизу флора тропиков, вверху, по скатам гор, флора умеренного пояса.

Относительная изолированность, в которой жило население Фу-цзяни, была причиной того, что жители сохранили еще и до ныне свою особенную физиономию. В некоторых отношениях они резко отличаются от всех других обитателей империи. Они имеют по меньшей мере пять особенных идиомов, настолько отличных от официального языка, что простолюдины из разных местностей не понимают друг друга. Самым характеристическим областным наречием Фу-цзяни, кажется, нужно признать амойское, которое вместе с тем есть одно из наилучших известных китайских наречий, благодаря трудам Медгорста, Дугласа и других синологов.

Этот диалект не только имеет над мандаринским говором то преимущество, что он располагает большим числом слов при помощи разнообразия своих интонаций, но, сверх того, он освободился от первобытной формы, заменяя односложные слова литературного языка многочисленными двусложными составными и варьируя флексии слов посредством носового или сокращенного окончания. Наречия Фу-цзяни, пределы которых не совпадают с административными границами провинции и область которых, напротив, захватывает весь север и восток провинции Гуан-дун, дают некоторую национальную связь тем, которые говорят ими; в других провинциях уроженцы Фу-цзяни, которые вообще любят путешествовать, обыкновенно водят знакомство только со своими земляками. Они перенесли с собой свои диалекты во все китайские колонии на Филиппинских островах, в Малазии, в Индо-Китае и в Новом Свете. Китайский язык, который услышишь по улицам Банкока, Лимы. Сакраменто, есть

5 Матусовский.

3 Armand David;—Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 mai 1871.

именно наречие, употребляемое в Амое и Сватоу.

В Фу-цзяни так же, как и в провинции Гуан-дун и в архипелаге Чжу-сан, существуют еще презируемые населения, в которых ученые видят обездоленных первобытных жителей края. Эти туземцы держатся в стороне, особняком, нынешними господами страны, и во многих округах, особенно в Фу-чжоу, они не могут иметь земельной собственности; им даже не позволено селиться на твердой земле: вместо всякого земледелия, они должны ограничиться культурой кое-каких цветов или овощей, растущих в корзине впереди барки, служащей им домом. Принужденные жить на воде, они переезжают из порта в порт или стоят на якоре в маленьких бухточках, подвергаясь всем бурям и непогодам; по счастью, они хорошо приспособились к новой среде и сделались почти амфибиями, научаясь плавать с самого раннего детства; даже грудные младенцы снабжены выдолбленной тыквой или досечкой, для того, чтобы могли держаться на воде в случае падения с барки. У них есть даже свои подвижные храмы, и даосские жрецы, осужденные, как и их паства, проводить жизнь на жидкой стихии, венчают своих прихожан и совершают церемонии в честь «Девяти царей»¹; ни буддийская религия, ни обрядности Конфуциевой веры не проникли в эти плавучия поселения. Туземная каста обречена на невежество, так как детям её не дозволяется представляться на публичные экзамены; целые три поколения должны пройти прежде, чем потомки этих лодочников, терпимые в горах или деревнях как цирюльники или носильщики паланкинов, могут быть окончательно приняты в общество полноправных обывателей как равные². Большое число компрадоров или посредников между европейскими негодьями и китайцами принадлежит к презируемому классу; но как бы ни было велико нажитое ими богатство, им запрещено приобретать недвижимую собственность на твердой земле³; обычай оказался в этом случае сильнее указов императора Юн-чжэна, изданных в 1730 году. Эти парии награждаются разными презрительными прозвищами, но для них нет особого этнографического имени, которое отличало бы их от других жителей Фу-цзяни, наименование «танкиа», которое им всего чаще дают, есть не что иное как оскорбительная кличка. В горах, возвышающихся на запад от города Фучжоу, аборигены носят еще имя «минь», которое есть в то же время название главной реки этой покатоости, и которое применяется также к бывшему королевству, сделавшемуся теперь провинцией Фу-цзянь.

Тогда как на низменных берегах, продолжающихся к северу от Ханчжоуской бухты, безопасные пристанища для судов редки, на юг от города Нин-бо следуют один за другим многочисленные каботажные порты. Изрезанный заливами морской берег представляет мореходам надежные гавани, даже настоящие фьорды, какова, например, длинная бухта Нимврода, где они могут укрываться во время страшных штормов, бушующих в море около острова Формозы. У оконечности каждой бухты видны барки, стоящие перед домиками рыбаков, и в каждом проливе джонки, осторожно пробирающиеся между подводными камнями. На этом берегу, где самый деятельный порт — Ши-пу-тин, почти вся торговля сосредоточена в руках китайских мореходов. Там, между прочим, ловятся устрицы, очень ценимые в Китае: устрицы из Тайчжоуской бухты имеют не менее полметра в длину⁴.

Из приморских городов южного Чжэ-цзяна замечателен порт Вэнь-чжоу-фу, открытый правительством для непосредственного торгового обмена с иностранцами. Вэнь-чжоу, расположенный при оконечности лимана, куда изливается судоходная река, и перерезанный во всех направлениях каналами, естественными или искусственными, до сих пор еще большой город, но он утратил свою важность; развалины дворцов, украшенных изваяниями, городских ворот, триумфальных арок свидетельствуют о прежнем его величии и нынешнем упадке; тем не менее, он и теперь еще один из самых чистеньких городов империи. Как говорят его уроженцы, «фын-шуй» не благоприятствует более местному благосостоянию; но в

1 H. Gray, „China“;—L. Katscher, „Bilder aus dem Chinesischen Leben“.

2 Rousset, „A travers la Chine“.

3 De Mogos, „Souvenirs d'une ambassade en Chine et au Japon“.

4 Fauvel, „Memoires de la Societe des Sciences naturelles de Cherbourg“, tome XXII, 1879.

действительности причину разорения надо искать в самих жителях. Вероятно, во всем Среднем царстве не сыщешь города, где бы привычка курить опиум была более распространена; три пятых жителей Вэнь-чжоу отчаянные, неисправимые курильщики, с впалыми щеками, с тупым, обезжизненным взглядом, с расслабленными членами. В городе множество монастырей, и большинство монашествующих ведут распущенную жизнь: чтобы положить конец скандалам, губернатор велел однажды схватить монашенок в их обителях, и продавал их с публичного торга на вес; средним числом, покупная цена была 75 франков за штуку¹. В предместьях поселены две колонии осужденных преступников, приведенных из провинции Шань-дун. Так как порт Вэнь-чжоу находится в крае, производящем много чая, то естественно было бы прямо отсюда вывозить этот товар за границу; однако, он отправляется сначала на каботажных джонках в Фу-чжоу-фу. Все операции по внешней торговле находятся в руках китайцев. В 1879 году ни один английский купеческий корабль не заходил в этот порт, хотя почти все привозные товары британского происхождения; единственные иностранные суда, бросавшие якорь в водах города, принадлежали немцам и датчанам (движение судоходства в Вэньчжоуском порте в 1895 году: 38.642 тонн); обороты внешней торговли: в 1897 году равнялись 1.225.204 лан².

Между многочисленными заливами, следующими один за другим на юг от Вэнь-чжоу, особенно замечателен тот, который дает доступ к городу Фу-нин-фу. Это настоящее внутреннее море, усеянное многочисленными островками и совершенно защищенное от бурь и волнений открытого моря. Он не имеет другого входа, кроме узкого и глубокого корридора, который легко было бы обставить грозными укреплениями. Таким образом Фунинский рейд как бы предназначен самой природой для устройства большой военной и морской станции. В этом отношении он представляет несравненно большие выгоды, чем вход в Минь или реку города Фу-чжоу, слишком мелкую для больших военных кораблей³. На юге от этого рейда, порт Лянь-цзянь тоже посещается большим числом судов.

Фу-чжоу или Фу-чжоу-фу, главный город провинции Фу-цзянь и важнейший порт юго-восточного побережья, между Шанхаем и Кантоном, есть, между большими городами империи, один из тех, окрестности которых представляют прелестнейшие местоположения: отсюда, может быть, и самое его название, которому обыкновенно придают смысл «Счастливого уголка»; у туземцев он известен более под именем Хок-чу; кроме того, его называют еще Юн-чэн, что значит «Замок, окруженный банановыми рощами». Город построен не на берегу моря, но в 51 версте от устья Минь-цзяна, близ слияния этой многоводной реки с другим потоком, текущим с юго-запада, параллельно горным цепям морского берега. По переходе через бар, порог которого, в часы отлива, имеет 4 метра глубины, суда плывут по узкому проходу шириною около 360 метров, между двух гранитных стен: тут расположены укрепления Цзянь-пай, первое препятствие, которое должен бы был преодолеть неприятельский флот. Далее, другой узкий пролив, Миньанский, тоже укрепленный, открывается выше песков, покрываемых водой в периоды прилива, и образует второй вход в реку, доступный для джонок. За Миньанским проходом, река Минь, снова расширяясь и разветвляясь вокруг островков и мелей, принимает форму озера. Уединенная скала, с пагодой на вершине, высоко поднимается над широким потоком, и недалеко отсюда один мыс северного берега выдвинулся в реку в виде полуострова, на котором находится военный арсенал и кораблестроительные верфи; суда, имеющие более 5 метров водоизмещения, останавливаются в этом месте. В 1840 году китайцы набросали огромных камней у одного из поворотов реки, между городом и местной якорной стоянки, чтобы воспрепятствовать английским кораблям подняться до Фу-чжоу. Эта запруда почти исчезла, но накопившаяся выше её тина не была совершенно расчищена течением, и потому плавание до сих пор затруднительно, даже для судов, неглубоко сидящих в воде. Арсенал, построенный в 1869 году, под руководством двух

1 W. Everard, „Rapport consulaire“, 1879.

2 „Returns of trade“, 1897.

3 L. Rousset, „A travers la Chine“.

французов, Жикеля и Эгбеля, есть важнейшее в империи военно-морское заведение; уже в первые пять лет после его открытия было спущено из его верфей 15 военных судов. При арсенале учреждены мореходное училище и большие заводы и мастерские.

Обнесенная стенами часть города Фу-чжоу-фу, где живут мандарины, обыватели и десять тысяч потомков манчжуров, расположена на севере от реки Минь, в 3 километрах от берега, но промежуточное пространство между рекой и собственно городом занимает обширное предместье, где сосредоточена торговая и промышленная деятельность: тут группируются различные корпорации промышленников и торговцев, каждая в своей улице. Напротив, на южном берегу реки, раскинулось другое многолюдное предместье, Нань-тай. Небольшой остров Чжун-чжоу, лежащий посреди реки, также покрыт домами, и, наконец, сама река исчезает под пловучим городом Сампан, разделенным на кварталы правильными улицами, по которым снуют взад и вперед торговые суда и лодки. Через оба рукава Минь-цзяна, окружающие остров Чжун-чжоу, устроены гранитные мосты, которые еще в 1860 году были живописно обставлены по бокам деревянными домиками. Большой мост, называемый «Мостом десяти тысяч лет», время постройки которого относят к одиннадцатому столетию, имеет не менее 400 метров в длину и покоится на сорока быках, которые не все поставлены в равном расстоянии один от другого. Огромные песчаниковые плиты, из которых иные имеют более 15 метров длины, поддерживают настилку моста. Многие из этих камней обвалились, и эти обломки, оставшиеся в русле реки, образуют пороги, через которые не могут проходить джонки; только барки, не глубоко сидящие в воде, поднимаются вверх по течению выше «Десяти-тысячелетнего моста». Чтобы положить упавшие плиты на прежнее место, или заменить их новыми, строители пользуются высоким морским приливом, который поднимает уровень реки почти вровень с настилкой моста: каменная глыба, положенная поперек барки, перевозится в пролет между быками как раз к тому месту, куда ее нужно вставить, затем постепенно понижают барки при помощи добавочных тяжестей, особенно песку, и плита сама собой укладывается в ту часть моста, которую она должна занимать¹: это способ подобный тому, который употребляли древние египтяне для перевозки своих больших монолитов². В 1876 году, «Десяти-тысячелетний мост», хотя совершенно потопленный водами выступившего из берегов Минь-цзяна, устоял против напора течения³.

Европейский квартал находится в предместье Нань-тай, и большинство его жилых домов рассеяны между китайскими гробницами, по скатам холма, откуда виден весь город как на ладони. Отпускная торговля ограничивается вывозом чая; в продолжение многих лет Фу-чжоу-фу был самым деятельным портом по вывозу этого товара. Почти весь посылаемый отсюда чай идет в Англию и Австралию, однако, русские негоцианты, поселившиеся в Фу-чжоу, начали фабриковать кирпичные чаи для отправки в Тянь-цзинь. Отпуск чая из Фу-чжоу в 1895 году был:

В Великобританию—8.962.453 пикулей; в Австралию—8.371.727 пикулей; в Россию—59,683 пикулей. Всего, с другими странами—261.446 пикулей⁴.

Китайские каботажные суда приходят в Фу-чжоу за грузами строевого леса, бамбука, мебели, писчей бумаги, риса, разного рода фруктов и привозят в обмен европейские товары, покупаемые в портах гонконгском, кантонском, шанхайском. В 1897 году движение торговли в Фу-чжоу выразилось следующими цифрами:

Торговля с иностранными рынками: Привоз—6.715.228 лан; вывоз—6.841.266 л. Вместе—13.556.494 лан.

Движение судоходства в 1895 г.: Английских судов—389 вместим.—503.797 тонн; других судов—185 вместим.—107.946 тон. Всего судов—574 вместим.—611.739 тонн.

«Город Трех холмов»—как часто называют Фу-чжоу по причине трех возвышенностей,

1 Leon Rousset, „A travers la Chine“.

2 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

3 Мистрис Т. Фр. Гюнс, „Among the Sons of Han“.

4 Пикунь=3,7 пуда.

находящихся в его ограде, окружен высотами. Одна из этих высот, пользующаяся громкой известностью во всей империи, имеет вид настоящей горы, и её пирамидальная гранитная вершина поднимается на 880 метров над уровнем Минь-цзяна, между Фу-чжоу и арсеналом: это Гу-шань или «Гора барабана». Буддийский монастырь, называемый кумирней «Журчащего фонтана», занимает один из верхних цирков этой горы, и с высоты окружающих его великолепных аллей можно любоваться развертывающейся внизу чудной панорамой островов, реки и обширного города. В сезон жаров этот монастырь служит местом дачной жизни для богатых негоциантов. Как и в Европе, деревни, куда городские жители переселяются летом на дачу, выстроились и здесь вокруг минеральных источников, которые там и сям бьют из земли в долине; один из этих горячих ключей находится у самых ворот Фу-чжоу-фу. В 10 километрах выше города через реку устроен мост, подобный «Десятитысячелетнему»: это «Мост красных» или «Облачных гор», получивший такое название от вершин, возвышающихся над долиной. Барки на верховьях реки не могут переходить за местечко Шуй-коу, лежащее ниже большого города Ян-пин-фу, построенного в точке соединения главных долин бассейна. Ботаник Фортюн поднимался вверх по течению Минь-цзяна, имея в виду посетить округи, где собираются лучшие черные чаи провинции Фу-цзянь; но различные препятствия заставили его вернуться с дороги, чтобы обойти горную цепь через провинцию Чжэ-цзян и спуститься через перевал гор «Черного чая» опять в долину Мина. Эти горы, с зубчатым профилем, поднимаются от 2.000 до 5.000 метров над уровнем моря; Арман Давид исчисляет в 3.000 метров высоту самых возвышенных вершин восточной цепи Фу-цзяни. Главный рынок чаев в этой области верхнего Минь-цзяна — город Чун-ань, лежащий недалеко от уединенной группы Ву-и-шань, одной из наиболее почитаемых горных цепей южного Китая. Этот массив состоит из шиферов и песчаников, соединенных в виде конгломерата, перерезанного жилами кварца и гранита, и возвышается на 300 метров над уровнем равнины. Крутые стены, фантастические формы этих скал, «река с девятью излучинами», бегущая на дне узких поперечных долин, сделали Ву-и-шань одною из любопытнейших местностей Фу-цзяни; эта группа гор есть в то же время один из богатейших округов края, благодаря превосходному качеству её чаев, которые возделываются буддийскими монахами «999 кумирен», рассеянных на холмах¹.

Прежде Фу-чжоу-фу титул главного города Фу-цзяни носил другой, более южный город, Цюань-чжоу-фу, который и теперь еще служит местопребыванием военного губернатора провинции. Большинство комментаторов Марко Поло и средневековых арабских географов согласны в том, что в этом городе, простонародное имя которого Цетун², следует видеть Зайтон (Сайтон, Зайтун), который был, по словам арабского писателя Ибн-Батуты, «величайшим портом в свете». Арабы приезжали туда массами для торговых дел, служа посредниками между Китаем и Западом; даже армяне и генуэзцы поселялись там в качестве торговцев; один итальянский епископ прожил там с 1318 по 1322 год, и Мариньоли видел «три прекрасные церкви» в этом городе «неимоверно огромного протяжения»; гавань заключала в себе такое множество судов, что местное купечество, по случаю войны с Японией, похвалилось, что оно может перекинуть сплошной мост из судов между его портом и «архипелагом «Восходящего солнца». Зайтун или «Город масленичных деревьев», как называли его арабы, видоизменяя китайское имя, доставлял западным купцам сахар, бархат и шелк; Ибн-Батута даже говорит определенно, что атлас или по-арабски зайтуньях (отсюда же, вероятно, французское и английское *satin*) получил свое название от города, из которого его вывозили, и Юль готов принять эту этимологию³. Но рейд Цюань-чжоу мало-по-малу засорился песком, обмелел, и кипучая торговая деятельность переместилась далее на юг в обширную Амойскую бухту, в город Амой, который, кажется, тоже был известен под именем Зайтуна, как торговый пригород Цюань-чжоу, в округе которого он находится. Маленькая гавань Ань-

1 Fortune, „Tea-districts of China and India“.

2 Klaproth, „Recherches sur les ports de Gampou et de Zaitoun“.

3 Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

хай служит складочным местом для товаров между старым портом Зайтун и тем, который заменяет его в наши дни.

Амой, южный порт провинции Фу-цзянь, открытый теперь западным купеческим кораблям, есть один из лучших портов земного шара, если не «первый» по движению торгового обмена, каким был некогда его предместник Зайтун. Построенный на острове, который, по видимому, прежде составлял, вместе с окружающими его островами, часть материка, Амой представляет перед своими набережными превосходную яркую стоянку для самых больших судов. Когда португальцы явились впервые на берегах Китая, в начале шестнадцатого столетия, Амой был уже главным портом провинции Фу-цзянь, и они пристали в его гавани. До 1730 года европейские корабли беспрепятственно бросали якорь в этом рейде, но с этого времени китайцы перестали пускать их, и порт был вновь открыт иностранной торговле только английскими пушками, в 1842 году. Колония «рыжеволосых дьяволов», заключавшая в 1880 году около 300 лиц, поселилась на небольшом острове Ся-мынь, в 600 метрах от Амоя, и вокруг европейских домов уже выстроился целый китайский город, лучше содержимый, чем город противоположного берега. Натуралист Суинго основал там в 1857 году ученое общество, которое заявило себя очень полезными исследованиями по естественной истории. Один из соседних с Ся-мынь островов оканчивается мысом, прорезанным естественной галереей, которая эффектно обрамляет своими черными скалами ярко освещенную картину рейда, усеянного бесчисленными судами.

Внешняя торговля амойского порта, по важности почти равная торговле города Фу-чжоу, состоит главным образом в привозе опиума и в вывозе сахара (в 1895 году этого товара было отправлено за границу 12.470.723 пикюля)³ и чая. Ценность торгового обмена Амойского рынка с иностранными выразилась в 1897 году следующими цифрами: привоз 10.532.385 лан, вывоз 2.441.231 лан, сумма оборотов 12.973.616 лан. В Амое, кроме того, садятся на корабли эмигранты, переселяющиеся в чужие страны, и между этим городом и Сингапуром происходит постоянное движение путешественников (в 1879 из Амоя отправилось 20.512 эмигрантов, из этого числа 14.455 в Сингапур и 3.393 в Маниллу); в то же время этот порт служит торговой и военной пристанью для судоходства между островом Формозой и континентом. Амой, один из городов Китая, отличающийся духом инициативы и предприимчивости, обзавелся доками, где починяются не только джонки и мелкие морские суда, но даже большие пароходы, поднимающие до 2.000 тонн груза. Движение судоходства в амойском порте по внешней торговле в 1879 году: 1.540 судов, вместимостью 892.000 тонн, в том числе судов под английским флагом 1.060, вместимостью 720.000 тонн. Главный остров состоит частью из бесплодного гранита, но плодородные равнины твердой земли, вокруг многолюдных городов Чжан-чжоу-фу и Тун-ань, представляют один обширный, прекрасно возделанный сад.

Города юго-восточного берега, население которых указывается новейшими путешественниками, суть:

Чжэ-цзян: Вэнь-чжоу-фу—83.000 жит. (по Hongkong directory).

Фу-цзянь: Фу-чжоу-фу—1.000.000; Чжан-чжоу-фу—500.000; Лянь-цзян—250.000; Чун-ань—100.000; Янь-пин-фу—200.000; (Фортюн) Амой—300.000.

Бассейн Си-цзяна

Провинции Гуан-си и Гуан-дун

Эта часть Китая, половина которой находится уже в пределах тропического пояса, есть одна из тех, которые по своим климатическим условиям, по произведениям почвы и самой истории жителей, наиболее ясно отличаются от остальной империи. В исторические времена

3 Пикюль=3,7 пуда.

бассейн Си-цзяна нередко принадлежал другим властителям, не тем, которые господствовали на севере страны, и около половины настоящего столетия в этой же области зародилось и развилось грозное восстание тайпингов. Пропорционально численности своего населения, составляющего двадцатую часть всей цифры жителей Серединного царства, провинция Гуан-дун оказывает немаловажное влияние на общую политику Китая, и главный её город, который, при отсутствии достоверных статистических данных, основанных на правильной переписи народонаселения, считают самым многолюдным городом империи, рассматривается во многих отношениях как центр, составляющий противовес Пекину. В то время, как «Северная столица» сторожит области монгольских плоскогорий, где подготавливались все нашествия диких завоевателей, «Восточный город», уже почти принадлежащий к Индостану по своему климату, поддерживал сношения китайского мира с островами и полуостровами, омываемыми Индийским океаном. Пространство и население двух провинций бассейна Си-цзяна суть:

Гуан-си 3.819,98 геогр. миль,—5.151.327 душ; на милю 1.348 чел. Гуан-дун 4.153,26 геогр. миль, 29.706.249 душ; на милю 7.152 чел.

На северной стороне долины Си-цзяна, различные цепи гор, означаемые китайцами тысячью местных названий, и совокупность которых соединена в описании Рихтгофена под общим именем Нань-шань (Южные горы), представляются, как и возвышенности бассейна Голубой реки, в форме параллельных хребтов, ориентированных по направлению от юго-запада к северо-востоку, и разделенных широкими брешами. Один из этих хребтов, Бин-и-шань, как говорят, поднимается своими вершинами до пояса постоянных снегов¹. Полагают, что эти северные гряды гор по своему среднему возвышению значительно превосходят горные цепи южного Гуан-дуна. Эти последние, начинающиеся в Тонкине параллельно берегу залива, направляются также на северо-восток, сопровождаемые на северной стороне течением реки Юй-цзян. Образовав высокий массив, Ло-ян, восхождение на вершину которого, по словам Мартини, требует не менее двух дней безостановочного пути², горы пересекают «Западную реку». Узкие поперечные долины, следующие одна за другой в этом месте, составляют естественную границу двух провинций Гуан-си и Гуан-дуна; ниже, параллельные цепи еще раз сближаются и суживают ложе Си-цзяна. Другие горные хребты, расположенные по большей части в том же направлении, как Нань-шань и вся система китайских гор, занимают восточную область Гуан-дуна и продолжаются в провинции Фу-цзянь; один из них начинается у самых ворот Кантона и образует живописную группу Бэй-юнь или «Гору, окутанную белыми облаками», скаты которой усеяны бесчисленными могилами. Далее следуют горы Ло-фоу-шань, достигающие высоты от 1.200 до 1.500 метров, и покрытые лесами, под тенью которых буддийские монахи понастроили свои обители. Еще далее тянутся другие цепи, пока еще неизмеренные, которые примыкают к параллельным массивам Фу-цзяни. По донесениям миссионеров, некоторые из этих гор, особенно те, которые отделяют бассейн Хань-цзяна от бассейна Дун-цзяна, настолько высоки, что зимою покрываются снегом³.

На юг от провинции Фу-цзянь обильная река Хань-цзян принимает в себя воды западного Гуан-дуна; получая начало на границах провинции Цзян-си и спускаясь по прямой линии с севера на юг, эта река пользуется брешами для прохода через горные цепи, но главный её приток, Мэй-цзян или «река слив», следует в направлении от юго-запада к северо-востоку по одному из длинных промежуточных понижений или долин, разделяющих хребты, представляя таким образом поперечную дорогу из Фу-цзяни в бассейн Си-цзяна.

Река, которой дали название Си-цзян,—т.е. «Западной реки», представляет могучий многоводный поток, благодаря летнему муссону, приносящему очень обильные дожди на южную покатость Нань-шаня; количество выпадающей в продолжение года дождевой воды в провинции Гуан-дун составляет слой толщиной более 2 метров. «Западная река», называе-

1 „Mittheilungen von Petermann“, 1861.

2 „Novus Atlas Sinensis“.

3 Hirth, „Mittheilungen von Petermann“, 1873.

мая иногда также Бэй-цзян или «рекой Бэй», по общему имени края, обнимающего две южные провинции, получает свои первые воды из Юнь-нани и с высот Гуй-чжоу, в стране мяотов. Главная её ветвь, Хун-шуй, течет под разными именами прежде, чем получить от кантонцев название, которым она означает в нижнем её течении; недостаток точной номенклатуры был причиной того, что каждый путешественник за главную ветвь Си-цзяна принимал именно ту, которую он посетил. Так миссионеры Гюк и Габе, которые сели на судно на севере Кантонской провинции, на реке, вытекающей у подошвы хребта Мэй-лин, полагают, что плыли по главной реке; точно также Мосс, поднимавшийся по реке Юй-цзяну, притоку «Западной реки», который берет начало в Тонкине, говорит о своем путешествии как о поездке по Си-цзяну. Ниже слияния этих двух потоков другая большая река, Гуй-цзян, присоединяется к общему течению, и «Западная река», отселе имеющая вид могучего потока, вступает через ряд теснин в провинцию Гуан-дун. В некоторых местах песчаные мели прерывают течение Си-цзяна и в период низкого стояния воды оставляют судам фарватер не более 2 метров глубиной; но летом, во время дождей, приносимых муссоном, уровень воды поднимается до 8 и 10 метров: кроме того, морской прилив дважды в сутки поддерживает и повышает горизонт вод: влияние прилива ощутительно даже на провинции Гуан-си, на расстоянии 300 километров от моря. В глубоких частях фарватера лот достает дно на глубинах, превышающих 50 метров¹.

По выходе из последнего ущелья, где река имеет всего только 200 метров в ширину между крутыми стенами, которые от выступа к выступу поднимаются до высоты почти 900 метров, Си-цзян соединяется с Бэй-цзяном или «Северной рекой». С этого места и начинается область дельты. От истоков до бифуркации нижних ветвей длина течения Си-цзяна по меньшей мере 1.500 километров, но судоходная сеть по главной реке и её притокам гораздо значительнее, благодаря изобретательности и предприимчивости ладейщиков, которые пользуются малейшим потоком или рукавом, чтобы проводить маленькие суда, перетаскивая их силой рук через пороги или волоки. Си-цзян есть единственный торговый путь между Кантоном и тремя провинциями Гуан-си, Гуй-чжоу, Юнь-нань, и по этой же реке производятся частью торговые сношения с странами Индо-Китая, орошаемыми Красной рекой и Меконгом. Бэй-цзян еще важнее главной реки, как путь торгового обмена. Он составляет часть большой дороги судоходства, которая соединяет Кантон с бассейном Ян-цзы-цзяна, и на которой нет нигде перерывов, кроме пересекающего ее «Хребта слив» или Мэй-лина. Это тот путь, которым следовало большинство европейских путешественников, посетивших южные провинции Китая: в 1693 году миссионер Буве плыл по Бэй-цзяну, а в 1722 году Гобиль составил карту этой реки, на основании своих астрономических наблюдений. В 1793 году по этому пути прошло посольство Макартнея, а в 1816 году лорд Амгерст. Из всех исторических путей Китайской империи Бэйцзянская дорога бесспорно самая важная, так как без неё вся южная область донныне оставалась бы отделенной от остальной части Срединного царства. С той поры как пароходы стали совершать правильные рейсы вдоль морского побережья, перевоза пассажиров и товары, судоходство на Бэй-цзяне сильно уменьшилось, но торговые сношения этим путем между двумя покатосями южных гор все еще имеют значительную цену.

Ниже слияния «Западной» и «Северной» рек (Си-цзяна и Бэй-цзяна), поток раздвояется: можно сказать, что эти две реки пересекаются под углом; в то время, как главный поток спускается на юг, чтобы излиться в море на западе от острова дельты, другой рукав направляется на восток и соединяется с сетью бесчисленных рек и речек, извиляющихся в аллювиальных землях окрестностей Кантона. На востоке другая большая река тоже разветвляется на множество рукавов, примыкающих к речному лабиринту низовьев Си-цзяна; это Дун-цзян или «Восточная река», истоки которой зарождаются на северо-востоке, на границах провинции Цзян-си и Фу-цзяни. Это тоже оживленный водяной путь, очень важный для перевозки сахара, риса и других сельско-хозяйственных продуктов. Что касается рек

1 Экспедиция Мак-Клеверти и д'Абовиля в 1859 г., „Mittheilungen von Petermann“, 1861.

дельты, судоходных по всей их обширной сети, благодаря морскому приливу, который дважды в сутки повышает их уровень, то они образуют одну из областей земного шара, наиболее богатых естественными каналами: на пространстве слишком 8.000 квадратных километ-

Бѣглые каторжники.

ров почва изрезана во всех направлениях судоходными путями, которые служат для перевозки людей и товаров и делают постройку дорог почти бесполезной. Понятно, что население страны сделалось, так сказать, земноводным, живущим так же хорошо на воде, как и на твердой земле. Не только мелкая торговля производится посредством рек, от пристани до

пристани, но даже огромные торги или ярмарки устраивались в разные эпохи в области дельты, и нередко случалось, что появлялись временно целые города из судов в местностях обыкновенно пустынных¹. Различные промыслы, не говоря уже о рыболовстве, практикуются семьями, кочующими по водам; даже земледельцы живут на барках, стоящих на якоре возле их полей. Очень естественно поэтому, что эта область сделалась по преимуществу торговым центром империи, и что в смутные эпохи морское разбойничество основывало свои притоны в непроходимом лабиринте каналов нижнего Си-цзяна: вооруженные барки грабителей могли там удобно подстергать проходящие купеческие джонки, скрываясь за каждой песчаной косой или стрелкой, за каждой чащей камышей. Европейским военным кораблям стоило не мало труда очистить эту местность от наводнявших ее пиратов.

Город Кантон выстроился почти в равном расстоянии от двух вершин дельты, образуемых на западе Си-цзяном и Бэй-цзяном, на востоке разветвлениями Дун-цзяна; из этого пункта джонки могут отправляться кратчайшим путем в оба лимана. Восточный лиман, самый глубокий из них, получил более специальное название «Кантонской» или «Жемчужной реки» (Чжу-цзян); это последнее наименование производят от имени одного форта, Хай-чу, что значит «Жемчужина моря»: на картах этот флот означают словом *Dutch Folly*, то-есть «голландская глупость». Большие суда не могут подниматься по Кантонской реке до самого города. Джонки крупного размера и обыкновенные пароходы должны останавливаться в 15 километрах ниже Кантона, на якорной стоянке (Вампоа); большие военные корабли, даже поддерживаемые приливом, который превышает два метра в этих водах, останавливаются еще гораздо ниже, потому что бар, где вода имеет только 4 метра глубины, в часы отлива заграждает вход в реку². Граница «Жемчужной реки» и лимана ясно обозначена каменистыми крутизнами, которые с той и другой стороны суживают речное устье, и передовые выступы или мысы которых, защищенные фортами, были сравниваемы китайцами с пастью тигра; отсюда и произошло название Ху-мынь, которое европейские мореплаватели перевели словами: *Bossa Tigris*. В форме и глубине мелей, так же, как и в очертании берегов, происходят постоянные изменения. В целом, твердая земля постепенно подвигается все далее в море; там, где новые берега отлагаются впереди старого побережья, прибрежные жители немедленно обводят их земляными насыпями и сеют тростник в тинистой почве. Эти растения, сильно разрастающиеся, доставляют волокно, употребляемое на выделку циновок, укрепляют почву, повышают грунт и присоединяют вновь завоеванную у моря береговую полосу к области пресной воды, которая мало по-малу извлекает содержащуюся в ней соль: по прошествии нескольких лет новая земля становится годной для культуры, и тогда является мандарин, чтобы измерить поля и внести их в кадастровую книгу.

Среди аллювиальных земель возвышаются там и сям цепи холмов, все ориентированные по направлению от юго-запада к северо-востоку, как и горы китайской системы, и служащие опорной точкой для землистых осадков, отлагаемых речным течением или приносимых волной морского прилива. Демаркационную линию между открытым морем и речными лиманами образуют несколько параллельных гряд этих каменистых островов, наполовину поглощенных морем. Северная гряда состоит из больших островов, из которых иные содержать высокие горы: так, при входе в Кантонский лиман высятся, словно стражи, охраняющие проход, два пика, один на острове, известном под его португальским именем Монтагна, другой на острове Лань-дао. Острова Ладронские или разбойничьи составляют так же, как Гонконг, часть промежуточной цепи, а последний ряд островков, со стороны открытого моря, образует длинный архипелаг Кай-пын и Лэ-ма (*Lema*).

В бассейне Си-цзяна встречаются два климатических пояса. По своему климату Кантон только одну половину года находится в тропической области; смотря по перемене направления муссонов, он, так сказать, путешествует с севера на юг. Годовая температура в этом пункте китайского побережья гораздо менее равномерна, нежели в Калькутте, в Гонолулу, в

1 Н. Gray, „China“;—L. Katscher, „Bilder aus dem Chinesischen Leben“,

2 Sampson;—Hirth, „Mittheilungen von Petermann“, 1873.

Гаванне и в других городах, лежащих под тою же шириной, как показывают следующие выводы из наблюдений:

Температуры различных городов под северным тропиком:

	Средняя годовая	Август	Февраль	Разность
Кантон	21°,6 Ц	27°,8 Ц	14° Ц	13°,8 Ц
Макао	22°,5	28°,2	13°,5	14°,7
Калькутта	26°,7	28°,4	23°	5°,4
Гонолулу	24°	25°,9	21°,7	4°,2
Гаванна	25°	27°,4	22°,9	4°,5

С мая по сентябрь, когда дует юго-западный муссон, приносящий дожди, жары так же сильны в южном Китае, как и в ост-индских городах, находящихся в таком же расстоянии от экватора; но, начиная с октября месяца, когда господствуют полярные северо-восточные ветры, движущиеся параллельно морскому берегу и горным цепям в промежуточных бороздах земной поверхности, температура быстро понижается. Хотя эти ветры на большей части своего пути проходят над океаническими пространствами, тем не менее они могут, нагреваясь под более южными широтами, насыщаться большим количеством водяных паров, не осаждая их в виде дождя; они кажутся очень сухими, как ветры, дующие над Монголией. В январе месяце дождь идет редко, ночи всегда ясные, и иногда бывает легкий морозец, от которого блекнут листья на деревьях; случается даже, что в холодную ночь на кантонских водах образуются пленки льда, которые исчезают при первых лучах восходящего солнца. Однако, периодическое чередование влажных летних и сухих зимних ветров не всегда происходит с совершенной правильностью; и атмосферные течения претерпевают разнообразные отклонения от нормального пути под влиянием рельефа и формы морского побережья; так, юго-западный муссон становится в Кантоне юго-восточным ветром. Вокруг высокой горы острова Лань-дао почти каждый день скопляются грозные тучи в продолжение целых месяцев. Как только солнце спрячется за горизонт, густые облака окутывают вершину пика, вихрь поднимается в воздухе и молния рассекает черный свод неба¹.

Контраст, проявляющийся между различными временами года в движении ветров и во всем климате, обнаруживается также и в растительности. Зимой поля лежат голые, горы теряют свой наряд из пышной листвы; природа имеет тот же вид, как и в странах, лежащих вне тропического пояса. Но картина быстро меняется с переходом направления муссона в противоположное и с наступлением дождей. Тогда южная флора возрождается во всем своем блеске: подумаешь, что находишься где-нибудь в Индостане. Рядом с китайской сосной высятся стройная пальма, камелии пышно растут на скатах гор подле могучих дубов и каштанов. Лимонные и апельсиновые деревья разных пород, гуявы, бананы, манговое дерево, личжи или нефелии (*perhellum litchi*) перемешаны с фруктовыми деревьями умеренного пояса. Большое число деревьев, кустарников, низких растений, которые в Европе держат в теплых оранжереях, пышно растут на открытом воздухе под небом Кантона, украшая землю своими роскошными цветами, наполняя воздух своим благоуханием. Остров Гонконг, хотя очень маленький в сравнении с пространством бассейна, пробегаемого Си-цзяном, представляет, однако, настолько обширную площадь, что посетившие его английские натуралисты видят в нем как бы резюме этой южной флоры. Но пространства, оставшиеся там необработанными, слишком сужены, чтобы животные крупных размеров могли быть многочисленны; из млекопитающих попадают только белки и лисицы. Птицы, насекомые, бабочки, принадлежат на добрую долю к фауне Индостана: можно подумать, что находишься на берегу Индийского океана². Во внутренних местностях края фауна представлена некоторыми из больших видов ост-индской Азии: так, в лесах провинции Гуан-си встречается носорог³; иногда тигры переправлялись вплавь через проливы, отделяющие континент от соседних

¹ Meyen, „Climatische Verhältnisse des südlichen China“.

² Fortune;—Swinhoe;—Armand David.

³ „Mittheilungen von Petermann“, 1861.

островов¹.

Вероятно, что в состав населения южного Китая вошли, между прочим, южные элементы, представленные преимущественно малайцами; однако, следов их не видно ни в нравах, ни в языке жителей Гуан-дуна. Их наречие, чисто китайское, даже более приближается к древним формам, чем нынешний мандаринский диалект, и все названия мест принадлежат к тому же корню, как и имена мест в северном и центральном Китае: число оригинальных слов, которые не соответствуют особенному знаку литературного языка, гораздо ограниченнее, чем предполагали прежние синологи². Но внутри страны существуют еще первобытные населения (аборигены), которые не слились в одну расу с китайцами и на которых последние смотрят как на варваров. Так, на северо-западе провинции Гуан-дун, около истоков Лянь-чжоу, западного притока реки Бэй-цзяна³, живут мяоты; другие инородцы того же племени обитают в провинции Гуан-си, где они соединились в автономные общины на землях, отведенных им по повелению императора Юн-чжэна, в 1730 году⁴. В семнадцатом столетии другие мяотские колена или роды, говорят, населяли также горы, где зарождаются верхние притоки Хань-цзяна, но в наши дни вся эта страна от границ Фу-цзяни занята китайскими поселенцами. Инородцы «яо» или «ию» — группа племен, как говорят, бирманского происхождения, — бродят в гористой стране на юго-западе провинции, недалеко от аннамской границы. Число «яо» различных наречий не превышает 30.000 человек; при такой малочисленности они не могут, конечно, и помышлять о том, чтобы защищаться против китайцев силой; только хитростью они успевали до сих пор сохранять свою независимость. Яо представляют пример, довольно редкий на крайнем Востоке, народа, сохранившего, подобно черкесам, корсиканцам, обычай вендетты (родовой мести), преследуемый из рода в род в продолжение целых поколений. Но, как в Корсике и в Албании, женщины и здесь остаются вне наследственной борьбы; в то время, как мужчины ищут друг друга и встретившись вступают в бой между собой, женщины могут без всякого опасения заниматься сельскими работами.

Хотя принадлежащие, если не к одной и той же первоначальной расе, то по крайней мере к одной нации, прочно соединенной общим языком и историческим развитием, жители Кантона и окружающих местностей делятся на три группы: гокло, пунти и хакка.

Гокло (Hoklo) населяют преимущественно область морского побережья и лиманы рек. Имя их, как оно изображается в китайском письме, означает «Старшие по науке», что, по видимому, указывает на цивилизацию, предшествовавшую культуре других жителей; но именно между гокло всего менее встречается людей, посвятивших себя ученой или литературной профессии. Впрочем, они известны также под именем фуло (старшие по благосостоянию); но эти слова фу и гок, «благосостояние» и «наука» входят в наименование провинции Гокиен или Фу-цзяни. Поэтому можно предположить, что истинный смысл названия гокло есть просто «жители Фу-цзяни». Наречие гокло мало разнится от амойского диалекта⁵. По китайскому преданию, переселение этих народов в провинцию Гуандун имело место в четырнадцатом столетии. Лодочники, которые занимают лиманы десятками тысяч человек, представляют более близкую связь с гокло, чем с другими элементами юга, и им тоже приписывают фуцзянское происхождение. Различие образа жизни сделало из них особенную касту, не менее презираемую, чем речные парии города Фу-чжоу и награждаемую такими же оскорбительными прозвищами. В Кантоне, как и Фу-чжао, люди, принадлежащие к этой касте, не допускаются на твердую землю; из поколения в поколение они живут на барках,

1 Swinhoe, „Treaty ports of China and Japan”.

2 Douglas;—R. Yule, „The Book of ser Marco Polo”.

3 Hirth „Mittheilungen von Petermann”, 1873.

4 H. Gray, „China”;—L. Katscher, „Bilder aus dem Chinesischen Leben”.

5 Wells Williams, „Syllabic Dictionary”;—Smith, „Vocabulary of Chinese proper names”;—Yule, „The Book of ser Marco Polo”;—Лев Мечников, рукописные заметки.

кочуя вдоль берегов и группируясь в плавучия деревни. В Кантонской реке места якорной стоянки становятся наследственной собственностью, и когда барка от ветхости разваливается, обитатели её строят новую на том же самом месте¹.

Пунти (Pounti) или «корни земли» — самые многочисленные жители южных провинций, с гордостью называют себя коренным, первобытным населением края. Происшедшие, вероятно, из смешения северных переселенцев с местными аборигенами, пунти считают себя естественными господами страны, и даже в Юнь-нане отказываются принять имя китайцев: они хотят, чтобы их признавали за особую расу². Представляя собою аристократию южного Китая, пунти относятся с презрением к плебейской толпе людей хакка и гокло и даже к жителям севера империи, которых они превосходят изяществом и утонченностью нравов. Их наречие, прекрасный кантонский диалект, прозвали пэ-хоа, то-есть «белым языком»; большое число литературных произведений было написано на этом наречии. Пунти составляют численное большинство в Кантоне и его окрестностях, но им угрожают пролетарии хакка, потомки колонистов, поселившихся первоначально в северо-восточной части провинции Гуан-дун. Наречие хакка, совершенно отличное от наречия пунти и фуцзяньского, гораздо более приближается к диалекту гуань-хоа, чем к областным наречиям южного Китая: это наречие, кажется, составляет ветвь так называемого «истинного языка», то-есть нанкинского говора, но оно приняло в себя довольно значительное число выражений и оборотов диалекта пунти. Хакка, то-есть «семейства в гостях», являются, в южных провинциях, самыми чистыми представителями китайцев в собственном смысле слова. Почти все они земледельцы, и характеристическую черту их составляет замечательная выносливость и неутомимость в труде. Между ними и между жителями провинции Фу-цзяни и встречаются преимущественно работники, которым европейцы дали индусское название кулиев. Эти китайские выходцы, которые толпами переселяются на остров Формозу, на Яву, в Сайгон, Банкок, на Сандвичевы острова, в Перу, в Калифорнию, все те же хакка; это их наречием говорят в китайских поселениях на острове Борнео и в Сингапуре. Продолжая это движение мирного завоевания посредством труда, которое привело их, несколько столетий тому назад из долины Ян-цзы-цзяна в долину «Западной реки», они устремились теперь в другие страны Старого и Нового Света. Как ни презирают их высокомерные пунти, нельзя не признать, что это их инициативе главным образом обязана китайская нация тем, что ею сделано в общем труде человечества.

На северо-востоке от Кантона, в той части провинции Гуан-дун, которая, по языку и нравам жителей, составляет этнографическое продолжение Фу-цзяни, главный торговый город есть Шань-тоу, который иностранцы называют Сватоу. Около 1840 года это была простая рыбацья деревня, но её счастливое положение, на судоходной реке и при выходе последней из плодородной аллювиальной равнины, привлекало торговлю. Уже задолго до того времени, когда трактаты разрешили англичанам селиться в стране, коммерсанты этой нации овладели островом, лежащим в устье Ханя и названном ими «Двойным островом» (Double Island), и сделали его складочным местом опиума и товаров всякого рода: пираты и контрабандисты составляли вокруг них, особенно на острове Намоа или Нангао и на соседних берегах, нечто в роде независимой республики, куда не осмеливались показываться мандарины³. Но европейцы «Двойного острова» не ограничивались операциями контрабандной торговли, они еще воровали людей, чтобы продавать их в Новом свете в качестве нанятых работников. Оттого они были очень недружелюбно приняты в Сватоу, когда доступ в этот порт был открыт им в 1858 году, и с большим трудом нашли место для своих домов и товарных складов. Благодаря этой ненависти местного населения к чужеземным негоциантам, китайским купцам легко было завладеть внешней торговлей порта Сватоу. Почти все конторы

1 M-rs Gray, „Fourteen months in Canton“.

2 Emile Rocher „La Province chinoise de Yunnan“.

3 Fortune, „Wanderings in Chion“.

этого приморского города принадлежат кантонцам или эмигрантам из Сингапура; последние съумели даже образовать нечто в роде «ганзы», которая под именем «Сватоуской гильдии», предписывает условия европейским коммерсантам в других портах китайского побережья. Главный предмет ввоза составляют бобовые выжимки, покупаемые в Маньчжурии и употребляемые для удобрения полей сахарного тростника, которые покрывают всю дельту реки Хань-цзяна, от Сватоу до главного областного города, Чао-чжоу-фу; этот город Срединного царства производит также лучшую камфору. Сватоу вывозит главным образом сахар, земляные орехи и произведения своей промышленности, лаковый товар и опашала. В часы прилива, гавань, отстоящая на 8 километров от моря, дает доступ даже большим судам, сидящим на 6 метров в воде; деревня, населенная лодочниками, осталась при входе в реку, там, где находилось становище европейских контрабандистов, на Двойном острове. Сватоу один из самых здоровых городов морского побережья, но ураганы иногда причиняют ему много вреда, и чтобы лучше выносить силу ветра, все его дома, построенные из битой глины, покрыты плоскими кровлями. Движение судоходства в порте Сватоу в 1895 г.: 1.828 судов, вместимостью 1.812.382 тонн; общая ценность внешней торговли в 1897 году 28.398.001 лан⁴.

Так как в области Си-цзяна единственные пути сообщения — реки и волоки, то все города возникли на берегах текущих вод, особенно в тех местах, где слияния рек, пороги, задержки судоходства делали необходимым учреждение складов для товаров. Так, Гуй-линь-фу, главный город провинции Гуан-си, выстроился при выходе из бреши гор, на берегу шлюзованного канала, который соединяет Голубую реку с Западной посредством их притоков Сян-цзяна и Гуй-цзяна; но эта последняя река до такой степени загромождена порогами, что судоходство по ней почти невозможно кроме как в периоды разлива, и потому город того же имени, несмотря на его административный ранг, не имеет важного значения в торговом отношении. Главным рынком этой провинции является город У-чжоу-фу, построенный ниже слияния Гуй-цзяна и Си-цзяна, на северном берегу Западной реки. Все произведения провинций Юнь-нань и Гуан-си, медные руды, строевой лес, изделия из черного дерева, рис и род кассии, от которой получили свое имя река и город Гуй-линь, направляются в У-чжоу и обмениваются там на соль и мануфактурные товары, привозимые из Кантона. В 1859 году англо-французская экспедиция, под начальством Мак-Клеверти и д'Абовиля, поднималась по Си-цзяну до города У-чжоу-фу.

Город Чжао-цин-фу, на левом берегу Си-цзяна, выше последнего ущелья, которое проходит река до вступления в область дельты, был долгое время резиденцией генерал-губернатора двух провинций Гуан-си и Гуан-дун; но администрация края должна была переместиться, чтобы иметь возможность наблюдать за иностранцами, посещающими Кантон. Чжао-цин-фу прежде был самым изящным городом южного Китая: но после тайпинского разгрома он пришел в упадок и не может уже сравняться с могущественным городом, стоящим на берегу Жемчужной реки: однако, он все еще ведет большую торговлю чаем, фарфоровыми изделиями, мраморными плитами, высекаемыми в соседних горах; в холмах, господствующих над городом, открываются там и сям гроты, преобразованные в храмы. Население густо сучено на обоих берегах реки; деревни следуют одна за другой по обеим сторонам в виде непрерывного города, везде, где долина раздвигается на столько, что оставляет по берегам достаточно места для постройки домов. Движение торговли и толпа жителей сосредоточиваются в особенности около слияния Си-цзяна и Бэй-цзяна, которое, вместе с тем, составляет вершину дельты; здесь находится город Сань-шуй. Фо-шань на юго-запад от главного города провинции, считается простым местечком или селом, потому что он не обнесен поясом стен; в нем нет никаких укреплений, кроме двух сот башен, воздвигнутых на некотором расстоянии одна от другой и предназначенных служить убежищем жителям во время войн и революций. Эта громадная деревня, растянутая на 20 километров в длину, причисляется к «четырем главным рынкам» Срединной империи; она составляет самое многочисленное поселение дельты, соединяющей Саньшуйский рукав или «Рукав трех вод» с Жемчужной рекой.

4 „Returns of trade“, 1897 г.

Кажется, что судоходный Фошаньский рукав обмелел сравнительно с прежним временем: отсюда, может быть, и происходит упадок этого огромного села, которое, по словам Буве и других миссионеров, имело миллион жителей в семнадцатом столетии, тогда как в наши дни цифра его населения, говорят, не превышает пятисот тысяч. Если Фо-шань перестал быть равным Кантону, то, по крайней мере, его можно рассматривать как пригород последнего по обрабатывающей промышленности, так как в этом местечке сосредоточены разные фабрики и заводы, производящие шелковые ткани, мелкие железные и медные изделия, циновки, писчую бумагу, парусину, предметы всякого рода. На востоке от Кантона, Ши-лун, построенный при вершине дельты, образуемой Западной рекой, тоже может быть рассматриваем как торговый пригород Кантона; это складочный пункт для сахара и других произведений востока, предназначенных к отправке в главный город провинции. Что касается Бэй-цзяна, то он тоже орошает густо населенную страну, и некоторые из прибрежных городов, каковы Нань-сюн-чжоу, у подошвы хребта Мэй-лин, и Шао-чжоу-фу—представляют оживленные пристани, посещаемые большим числом джонок и барок. Приток, который Северная река (Бэй-цзян) принимает в себя у города Шао-чжоу, берет начало на хребте Чжэ-лин, образующем перевал в 400 метров высоты, на дороге из Гуан-дуна в Ху-нань. Гористая область, по которой протекает верхний Бэй-цзян, очень богата залежами каменного угля. Один из пригородов, господствующих над этой рекой, при вступлении её в равнину, изрыт обширными пещерами, из которых сделали храм Будды¹.

Китайские летописи упоминают о Кантоне уже за две тысячи триста лет до нашего времени: в ту эпоху он носил имя Нань-ву-чэн или «воинственный город юга», и, действительно, он заслуживал этого названия по своим частым возмущениям. В 250 году христианского летосчисления он успел прогнать северных китайцев и остался совершенно независимым в продолжение пятидесяти лет. В начале десятого столетия Кантон сделался столицей отдельного государства, связанного с империей лишь уплатой ежегодной дани; но шестьдесят лет спустя он был снова завоеван основателем династии Сун. В 1648 году он восстал против маньчжуров, во имя династии Мин, и сопротивлялся более года: слишком 700.000 кантонцев погибли во время осады, и город, отданный на разграбление солдатам, был обращен в груду развалин.

Кантон или Гуан-чжоу-фу, Шэн-цзин или Ян-цзин на местном простонародном наречии, есть один из самых больших китайских городов Срединного царства, хотя он находится на южных окраинах, обращенный лицом, так сказать, к малайским островам и индийским полуостровам. Сравнимый с другими большими городами империи, которые, вероятно, все уступают ему по числу жителей, он превосходит их также оригинальностью вида и своей верностью характеристическому типу китайской столицы. Мы не увидим в нем, как в Пекине, широких пыльных улиц, этих домов в форме палатки кочевника, напоминающих о соседстве монгольских степей; он не поражает взора, как Шанхай или Хань-коу, этими новыми кварталами, где все европейское—дома, дамбы, суда и люди; ему не приходилось заново отстраиваться, как Хан-чжоу-фу и многим другим городам империи, разрушенным «долго-волосыми мятежниками». Он является и теперь таким же, каким был слишком пятьсот лет тому назад, когда европейцы увидели его в первый раз. Этот город, «единственный в свете»,

¹ Barrow, „Travels in China”.

показывается иностранцу прежде всего своим пловучим кварталом, где стоят на якоре бесчисленные суда всякого рода, расположенные в виде островков, как дома на твердой земле, и разделенные водяными улицами, по которым беспрестанно снуют взад и вперед барки и лодки; река, имеющая в этом месте более километра ширины, исчезает под этим флотом судов, где суетится толпа торговцев, промышленников, трактирщиков и разного гуляющего люда, и где царствует не менее кипучая жизнь, чем в городе на твердой земле. Собственно так называемый город, построенный на северном берегу Жемчужной реки, окружен стеной, и, по китайскому обычаю, разделен внутри другим валом на два отдельные города. Население густо скучено на этом пространстве в несколько квадратных километров; улицы узкие и кривые; лакированные и вызолоченные доски вывесок, висящих перед каждым магазином, еще более суживают и без того тесную дорогу; во многих проходах протянуты над домами циновки с одной стороны улицы на другую, и в скромном полумраке, между богатыми магазинами с открытыми настежь дверями, бесшумно движется пестрая толпа пешеходов, расступаясь там и сям, чтобы пропустить встречные паланкины. За стенами города, вдоль реки, продолжают вправо и влево обширные предместья; напротив, на южном берегу Чжу-цзяна, расположился город Хэ-нань, на острове того же имени, тогда как на юго-западе, на другом острове, расстилается Фати или Хуа-ди, «Поле цветов», населенное садовниками, которые занимаются главным образом культурой малорослых деревьев и разведением златоцвета. Пагоды и несгораемые башни, в которых хранятся вещи, отдаваемые, в виде залога, закладчикам, господствуют над скоплениями низеньких домов. Столица провинции — Гуан-дун — один из самых нездоровых городов Китая: там насчитывают не менее 8.000 слепых и 5.000 прокаженных; мало найдется городов, где бы тип жителей представлялся на первый взгляд более противоречащим понятию о красоте, которое составилось у западных народов; большинство лиц кажутся европейцам отвратительными¹. Английские резиденты, составляющие самую многочисленную и самую богатую часть населения европейской колонии Кантона, сделали из своего квартала, построенного на острове Шань-мынь², великолепный город, гораздо более здоровый, чем город китайцев, и снабженный публичными садами, бульварами, тенистыми аллеями, полем для скачек. Местоположение этого квартала выбрано как нельзя более удачно: как раз напротив «концессии» происходит соединение двух самых глубоких фарватеров Жемчужной реки.

По промышленному производству Кантон занимает первое место между городами Средней империи: его мастера прядут и ткут шелк, красят и апретируют материи, фабрикуют писчую бумагу, стекло, лакированные изделия, вытачивают разные вещи из слоновой кости и дерева, делают превосходную резную и полированную мебель, плавят металлы, обжигают фарфоровую посуду, рафинируют сахар, работают тысячу предметов, которые известны под именем «кантонского товара» (*articles de Canton*), и которые вывозятся отсюда во внутренние провинции Китая; туземные мастерицы достигли высокой степени совершенства в искусстве вышиванья: как в отношении расположения и подбора цветов, так и в отношении изящества рисунков и отчетливости отделки, они не имеют соперниц во всем свете³. Кантон главный складочный пункт шелковых тканей в южном Китае, как Хан-чжоу главный рынок этого товара в центральной части империи. Почти вся кантонская торговля находится в руках туземных негоциантов: европейцы, живущие на острове Шань-мыне, сделались простыми комиссионерами. В 1815 году, до посольства лорда Амгерста, английская торговля была только терпима; в то время не существовало с Китаем ни капитуляций, как в Турции, ни торговых трактатов, как между различными европейскими государствами. Но когда явилась возможность производить торговлю с полной свободой, Кантон, пользуясь монополией обмена с иностранцами, приобрел чрезвычайно важное значение. Открытие Шанхая и других китайских портов европейским купеческим кораблям низвело Кантон на вторую степень

1 Wernich, „Geographisch-medicinisch Studien“.

2 По другим источникам Ша-мянь.

3 Julien de Rochechouart, „Pekin et l'interieur de la Chine“.

между торговыми центрами империи, но теперь торговое движение этого города снова увеличивается мало-по-малу.

Обороты заграничной торговли Кантона в 1897 году были: привоз 27.034.720 лан; вывоз 22.899.671 лан. Вместе 49.934.391 лан.

На долю Англии в торговле порта приходится до 65%.

В Кантоне выработался, вследствие постоянных сношений между англичанами и китайцами, странный жаргон, называемый «английским деловым языком» или business english (pidgeon english), многие выражения которого вошли в обыденную речь самих англичан. Особенный класс посредников, которые не англичане и не китайцы, кишит вокруг факторий; эти люди по большей части пользуются незавидной репутацией, и они-то, без сомнения подали повод к тому крайне невыгодному мнению, которое сложилось о «кантонцах» у жителей внутренних областей. Одна народная поговорка выражает в одно и то же время, как тяжела жизнь в горах запада, и как она развратна в большом городе юга: «Старик, не ходи в Сы-чуань; молодой человек, не ходи в Кантон»¹.

Хуан-пу (Вампоа), передовой порт Кантона на Жемчужной реке, тоже большой город, протянувшийся на пространстве 4 километров, по берегу островов, окружающих рейд. Хотя он находится в непосредственном соседстве с европейскими строениями, он сохранил всю свою оригинальность, но вместе с тем и всю свою китайскую неопрятность: это скопление бамбуковых домиков, похожих на клетки: только пагода, пользующаяся большой славой, возвышается над этим человеческим муравейником. Кораблестроительные верфи, доки для починки судов, обширные амбары для склада товаров—все это делает Вампоа одною из пристаней, наилучше приспособленных для европейских кораблей, и, действительно, движение судоходства в этом порте весьма значительно; так, в 1895 году, оно выразилось следующими цифрами (не считая джонок):

Судов английских 3.192, вместимостью 3.035.340 тонн; судов других наций 1.056, вместимостью 597.294 тонн. Всего 4.248 судов, вместимостью 3.632.634 тонны.

Но большая часть торговли Вампоа производится тайно, в соседних рукавах, среди густых камышей: сюда приходят по ночам контрабандисты за кипами опиума, которые складывают тут купцы Великобритании. На берегу виднеются, в некотором расстоянии одна от другой, старинные башни, построенные неизвестно в какую эпоху против неприятелей, самое имя которых теперь забыто.

Английские коммерсанты, которым открытые для них китайские рынки показались недостаточными, овладели одним островом морского побережья, лежащим за чертой китайских укреплений. Гонконг,—или Хон-кон, кантонское название Сян-цзян, остров «Душистых вод»,—принадлежит англичанам с 1841 года, и, благодаря им, он в несколько лет сделался одним из наиболее посещаемых мест Востока. Этот остров, состоящий из различных каменных пород, гранитов, сланцев, базальтов, и занимающий пространство около 83 квадратных километров, составляет отдельный мирок, имеющий свои горы и долины, свои леса, реки и ручьи, свои берега, изрезанные скалистыми бухточками, свои гавани и маленькие архипелаги островков и выступающих из моря скал; у западного входа пролив, отделяющий Гонконг от материка, имеет 2.500 метров в ширину. Когда остров перешел под власть англичан, там было всего только 2.000 жителей, рыбаков и земледельцев; теперь большой великолепный город, Виктория (китайцы называют его Гуань-дай-лоу, что значит «дорога поясов юбки»)², раскинулся на северном берегу острова, на краю рейда, образуемого проливом; многолюдные деревни выстроились у входа всех долин; загородные дома, виллы и пышные здания занимают все мысы, утопая в густой зелени сосен, смоковниц, бананов, бамбуков. Прекрасная дорога поднимается извилистой линией до высшей вершины острова, откуда, с высоты 539 метров над уровнем моря, видны, как на ладони, набережные Виктории и блестящая поверхность рейда, с его многочисленными кораблями, военными и купе-

1 Guillemin, „Annales de la propagation de la foi“, nov. 1850.

2 E. P. Smitli, „Vocabulary of Chinese proper names“;—Mayers;—Dennys;—King, „Treaty ports of China”

ческими, пересекающимися своими струями. По чистоте своих улиц, по солидности построек, по богатству своих дворцов, этот английский город, в котором теперь возводят укрепления, походит на города метрополии, но он, сверх того, отличается красотой и живописностью, которую придают ему веранды, убранные тропическими цветами, сады, наполненные деревьями и кустарниками, и ярко освещенное небо юга. В первое время английской колонизации, Виктория, где постоянно разрывали почву для возведения построек, приобрела репутацию очень нездорового города; теперь же он сделался для английских резидентов крайнего Востока местом, куда ездят для поправления здоровья, хотя воздух обновляется здесь не так скоро, как на берегу острова, обращенном к морской брize. К несчастью, Гонконг находится на пути ураганов; тифон 1874 года повалил там более тысячи домов, потопил 33 больших судна и сотни джонок; многие тысячи людей погибли во время этой страшной катастрофы.

*Город Виктория представляет из себя по внешности совершенно европейский крупный центр. Многоэтажные каменные дома поднимаются ярусами один над другим по скату высочайшей горы, на самой вершине которой устроены окруженные садами дачи. Улицы и дороги содержатся в образцовом порядке, обсажены деревьями и вымощены. Центр города занимает ботанический сад, расположенный в виде террасок, скатов или аллей, с многочисленными фонтанами, оранжереями и клетками для зверей и птиц. В этом саду помещается бронзовая статуя одного из правителей острова сэра Кэннди, поставленная в 1887 году. Красивые здания городской ратуши, театра, судебной палаты и казенного госпиталя украшают город. В ратуше помещаются: клуб, библиотека и музей полезных производств и природы. Большую красоту городу придает присутствие таких монументальных зданий как церкви. Последних несколько, но самые красивые это Англиканский собор св. Иоанна, построенный еще в 1842 году и в 1869 году переделанный. Римско-католический собор, вблизи ботанического сада, китайская церковь св. Стефана и новая церковь св. Иосифа, основанная на месте разрушенной тайфуном церкви в 1874 году. Здесь находится также еврейская синагога и мусульманская мечеть, институт для воспитания сирот и Англиканская коллегия св. Павла, где живет гонконгский епископ. Здание Гонконг-Шанхайского банка весьма громадно, но несмотря на свою массивность красиво и могло бы служить украшением любой столицы.

Общее население колонии, по переписи 1891 года, составляло 221.441 жителей, в том числе английского и американского гражданского населения 4.195 ч., английского войска 1.544 ч., флота 1.356. В общем 8.545 европейцев и американцев. Население собственно города Виктории равно 144.300 жит. Вход в порт сильно укреплен фортами и орудиями новейших конструкций, и в городе квартирует постоянный гарнизон.

Мануфактурная промышленность Гонконга возростает весьма быстро. В колонии известны три громадных сахароваренных завода, заводы рома, водок, льда, шелковые фабрики и канатные заводы. В порту находится несколько доков и строительная, правительству принадлежащая, верфь. В 1891 году торговые обороты Гонконга достигли до 40 миллионов фунтов стерлингов, и в него вошло 18.288 судов, с грузом 6.052.866 тонн. Предметами торговли главным образом являются: опиум, хлопок, сахар, соль, мука, шерстяные изделия, зелень и др.¹*

Аванпост торговли Англии и Индии в китайском мире, Гонконг есть вместе с Шанхаем тот город крайнего Востока, где ученые могли собирать самый богатый запас материалов для изучения Среднего царства, и где издано об этой стране наибольшее число драгоценных сочинений. В то же время это одно из тех мест земного шара, где можно наблюдать наибольшее разнообразие типов. Персы, наиболее уважаемые из чужеземцев, почти как дома на этом острове китайского побережья, где их всегда принимали как братьев, благодаря их традиционной честности. Новые господа, англичане, привели с собой индусов всякого языка и племени, малайцев, бирманцев, португальских метисов, полинезийцев. Между китайцами, которые составляют главную массу населения, есть уроженцы всех провинций империи. Вся

1 Заимствовано из „The Chronicle and Directory for China, Corea, Japon” etc. 1897 года.

торговля между Англией и Кантоном производится через посредничество Гонконга, и из этого же города отправляется большая часть европейских товаров, предназначенных в Шанхай, в Хань-коу, в Тянь-цзинь. Движение судоходства в рейде представляет в сложности количество грузов, превышающее 6 миллиона тонн, и годовой оборот внешней торговли исчисляется в 300 миллионов франков. Однако, гонконгские фактории теперь уже не так богаты, как в первые времена свободы торговых сношений с Китаем: большие склады товаров, основанные китайскими негодьями, существуют ныне и в городах, лежащих на соседнем берегу континента, особенно в Коу-луне, по другую сторону рейда, где также построили обширные верфи, и британские дворцы Виктории переходят один за другим в руки туземцев. Гонконг сохранил за собою только монополию складов золота и серебра, благодаря тому, что банковские учреждения боятся, что капитал их подвергнется бы слишком большому риску, если бы они поставили его под чье-нибудь покровительство, кроме Англии. На юго-западной оконечности острова небольшой город Абердин, называемый также «Малым Гонконгом» (Little Hongkong), имеет многочисленные верфи и доки для починки судов; недавно на острове основаны большие сахаро-рафинадные заводы¹.

До настоящего года английские владения в Гонконге состояли из самого острова Гонконга с городом Викторией, небольшой части полуострова Кой-лун к северу от Гонконга и маленького островка Стонн-Куттер. Теперь, в 1898 году, ради лучшей защиты своей колонии, Англия выговорила у Китая аренду на территорию у полуострова Кой-лун с заливами Мирс и Дин. Кроме того к Англии отошел остров Лянь-дяо и несколько других островов. В общем гонконгские владения Англии увеличились на 200 кв. миль.

Португальская колония Макао или Cidade do Santo Nome de Dios de Macao (по-китайски Ао-мынь), расположенная к западу от Гонконга, на другой стороне лимана, в который изливается Жемчужная река, официально не отделена от Китая. Пекинское правительство никогда не признавало безусловного господства Португалии над этим полуостровом и до сих пор получает, в качестве верховного владельца земли, аренду, определенную императором Кан-си в 500 таэлей, то-есть около 3.700 франков, через посредство мандарина-резидента. Однако, давность владения, начало которого восходит к 1557 году, и энергические меры, принятые губернатором Амаралем в 1849 году, сделали из Макао истинно португальскую землю, и часть города, которую занимают европейцы, имеет совершенно вид города Эстрамадуры, с его большими правильными домами, окрашенными в красный или желтый цвет, украшенными тяжелыми балюстрадами, и его обширными монастырями, обращенными в казармы. Население, называемое португальским, к которому нужно прибавить и гарнизон из 1.400 человек, состоит почти исключительно из метисов; да и это население далеко не составляет большинства жителей; главный квартал тот, где живут китайцы: в этой части города улицы всегда наполнены многолюдной толпой, и там же сосредоточена почти вся деятельность колонии. Население Макао в 1896 году: 4.059 европейцев, 74.568 китайцев². Даже португальский квартал, Прауа-Гранде, частью захвачен «детьми Ханя»: хотя им запрещено строить дома в этой части города, но они покупают дома бывших лузитанских владельцев и заменяют изображение мадонны жертвенником в честь предков³.

Город Макао, по своему местоположению, представляет большие удобства для торговли. Он занимает, на юге от главного острова дельты, южный берег холмистого полуострова, пространством около 31 квадратного километра, соединенного с твердой землей песчаной косой, называемой «Стеблем ненюфара», которая прежде была перерезана рядом укреплений; на севере, на китайской территории, виднеются стены юрода Цзянь-шань или «Зеленой горы», которому португальцы дали название Казабранка. Рейд, защищенный от ветров открытого моря гористыми островами, дает доступ большим судам и джонкам, приходящим из внутренних местностей либо по Жемчужной реке, либо по западному лиману Си-цзяна. В продол-

1 „Wetenschappelyke Bladen“, авг. 1881.

2 Chronicle and Directory 1897.

3 De Hubner, „Promenade autour du Monde“.

жение почти трех столетий Макао пользовался монополией торговли Европы с Китайской империей, но открытие других портов международному торговому обмену лишило португальский город его исключительных выгод, и его купцы, не имея более надобности заниматься операциями по отправке товаров, принялись за торговлю человеческим мясом; *barracoes* Макао сделались складами кулиев, захватываемых в плен или покупаемых на островах и на соседнем берегу, затем посылаемых, под именем добровольно нанявшихся работников, в Перу и на Антильские острова. Протесты пекинского правительства положили конец, в 1873 году, этому постыдному торгу людьми, и отныне наймы эмигрантов представляют некоторые гарантии добровольного согласия; кроме того, большая часть контрактов о найме подписываются в Вампоа, на китайской территории. Нынешней своей известностью между городами крайнего Востока Макао обязан преимущественно своим игорным домам (доход от игр и лотереи составлял в 1880 году 2.028.000 франков). Местная торговля, которая почти вся находилась в руках китайских негоциантов, имеет некоторую важность по вывозу риса, чаев (в 1878 году из порта Макао было отправлено около 4.050.000 килограммов чая, ценность которого определяют в 6.300.000 франков), шелковых тканей, сахару, индиго (общая ценность торговых оборотов этого порта простиралась в 1878 году до 124.340.000 франков); но почти вся эта торговля производится джонками, и число приходящих в португальский порт европейских судов весьма незначительно; большая часть этих судов привозят грузы соли из Кохинхины¹. Муниципальный совет или сенат (*Leal senado*) выбирается посредством всеобщей подачи голосов.

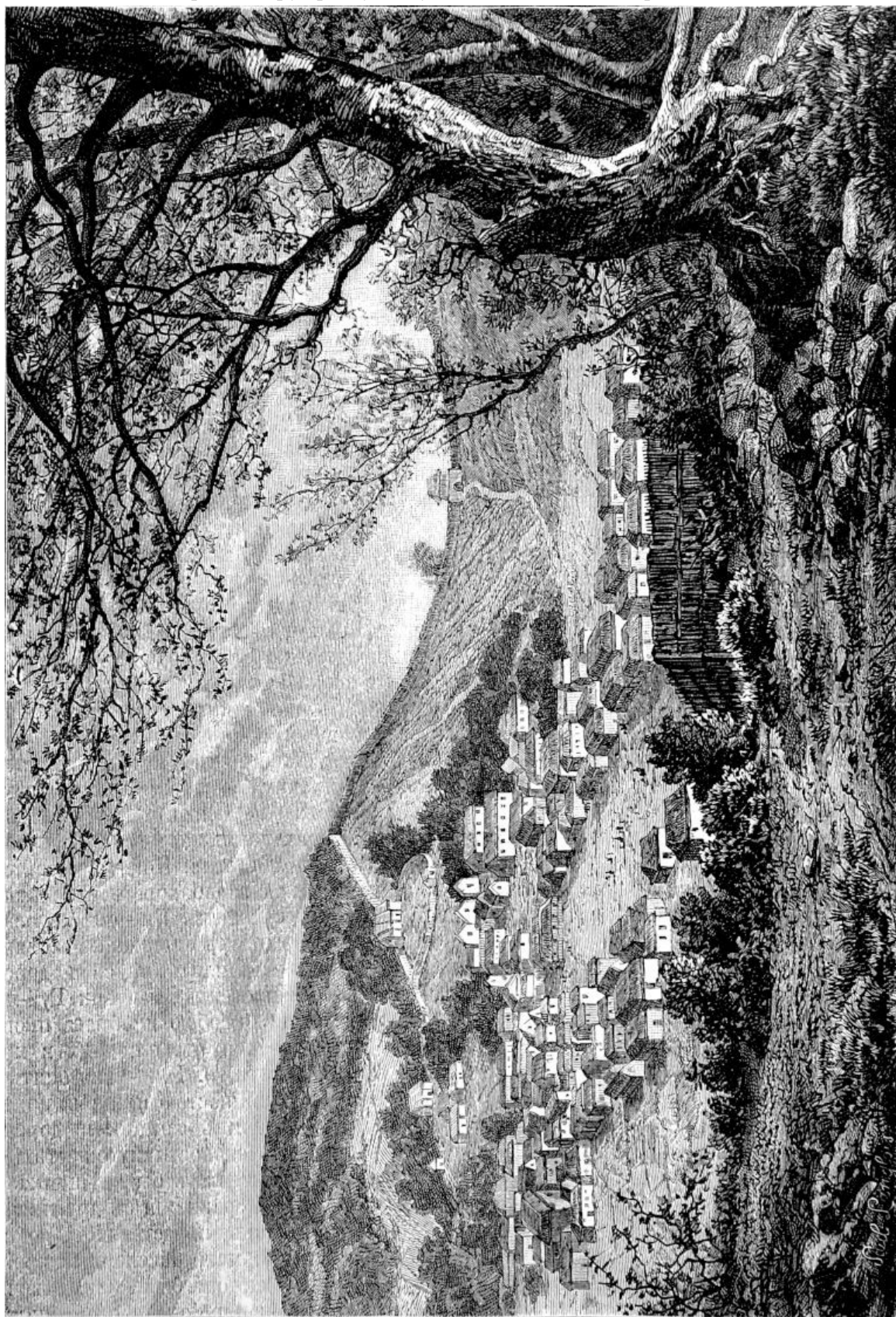
Макао прославился также в истории португальской литературы. Камоэнс провел в этом городе восемнадцать месяцев, в 1550 и в 1560 годах, и, говорят, написал здесь часть своей «Луизиады». Владелец одного сада, называемого «Парком белой горлицы», показывает расколовшуюся скалу, образующую род грота, который предание осветило как место, куда удалялся знаменитый поэт: эта самая пещера, как уверяют, была «убежищем сообразным с его думами», где Камоэнс, скрываясь «в недрах скалы, в одно и то же время живой и мертвый, погребенный и живущий», мог «стенать без меры и без стеснения» (141-й сонет поэмы). На городском кладбище обращает на себя внимание могила Моррисона, одного из ученых, труды которых принесли наибольшую пользу изучению китайского языка и географии Среднего царства. Франциск де-Ксавье, знаменитый миссионер-иезуит, который ввел католицизм в Японии и который был канонизован как «покровитель Индии», умер, в 1552 году, на одном из островов соседнего побережья, Чжан-чжуане, называемом английскими моряками Сент-Джоном. Гонконгские англичане приобрели множество вилл в окрестностях Макао, чтобы пользоваться там морской бризой, правильно дующей на берега.

К западу от Макао следуют один за другим многочисленные порты на китайском побережье, по обе стороны полуострова, выдвинутого по направлению к острову Хай-нань; но только одна гавань этой области открыта европейской торговле—это город Пак-хой (Пэй-хой) или «Белое море», расположенный на краю лагуны, на южном берегу лимана Лянь-чжоу, в которой поднимается прилив из Тонкинского залива. Первые европейские суда появились на Пакхойском рейде только в 1879 году, и движение торгового обмена с иностранными рынками, понятно, не могло еще подняться до уровня оборотов других портов (ценность внешней торговли этого порта составляла в 1897 году 4.209.945 лан²; главный предмет местной торговли—соленая рыба. Но можно наверно предсказать, что Пак-хой современем получит важное торговое значение, так как в этом месте начинается прямая дорога через Лянь-чжоу-фу и Юй-линь-чжоу к плодородным округам Юй-цзяна, произведения которых в настоящее время отправляются к морю длинным и трудным окольным путем по Кантонской реке. Особенно важное значение должен будет приобрести Пак-хой, когда он сделается конечною морскою пристанью железнодорожного пути, проектированного французами от Пак-хой на Лянь-чжоу-фу и далее через Нань-нин-фу на соединение с Тон-

1 Mortimer Murray, „Commercial Reports“

2 „Returns of trade“, 1897.

кинской дорогой от Лансона. Право на эту дорогу французы выговорили себе дипломатическим путем в 1897 году. Одна пагода в окрестностях Пак-хоя пользуется огромной славой во всем Китае, благодаря чинару, растущему под сводом, в центре памятника: величественное

Общий видъ Кхангъ-хоя.

дерево высунуло через окна здания свои густые ветви, где гнездятся тысячи птиц, оглашающих святилище своим пением¹. Подступы к Пакхойскому порту опасны по причине песча-

1 Е. Plauchut, „Revue des Deux Mondes“, 1-er mars 1878.

ных мелей, и потому суда должны бросать якорь в открытом море, на расстоянии более километра от моря, защищаемые при низком стоянии воды Алонской мелью, но подвергающиеся всей силе зыби в часы прилива, который достигает здесь средним числом 4 метров высоты. Северные бури иногда производят сильное волнение в рейде, но центр тифонов всегда проходит на юг от мыса Гуань-дао. За этим мысом, залив, отделяющий Пакхойский полуостров от полуострова Лэй-чжоу, загроможден во многих местах свайными перемычками или заколами рыбаков, не только у подходов к берегам, но также и в глубокой воде: некоторые ряды свай вбиты в дно на глубине 20 метров¹.

Города провинций Гуан-си и Гуан-дун, население которых определено посредством переписи или указано приблизительно новейшими путешественниками суть:

Гуан-си: У-чжоу-фу—200.000 жит.

Гуан-дун: Кантон—800.000 жит.; Фошань (консулы)—500.000 жит.; Чжао-цин-фу—200.000 жит.; Сватоу (консулы)—30.000 жит.; Пак-хой (консулы)—25.000 жит.; Лянь-чжоу-фу—12.000 жит.

Иностранные колонии: Виктория (Гонконг), 1891 г.—221.411 жит.; Абердин (Малый Гонконг)—6.000 жит.; Макао, в 1896 году—78.627 жит.

К югу от города Пак-хой возвышается, среди залива, остров Гуй-чжоу², иззубренный кратер, поднимающий свои черноватые стены над голубыми волнами моря. Цирк обвалившихся стен, имеющих не менее двух с половиной километров между двумя крайними мысами, разворачивается в виде полукруга, почти правильного, обращенного к южному ветру. На севере, скат откоса, покрытый прекрасно возделанными полями и усеянный многочисленными деревьями, полого наклоняется к морю, испещренный там и сям оврагами, которые дождевые воды вырыли в вулканическом песке, изолируя большие каменные глыбы, извергнутые некогда кратером. В половине настоящего столетия единственными обитателями этого острова были морские разбойники; теперь же он занят мирным населением, состоящим почти из 3.000 душ. Большинство населения составляют переселенцы с полуострова Лэй-чжоу и хакка-христиане, пришедшие из Кантона, которые занимаются земледелием и рыболовством, в особенности ловлей кальмаров; около тысячи двух сот барок употребляются для ловли этих головоногих моллюсков.

Юнь-нань

Эта провинция, самая богатая по рудным месторождениям и одна из самых важных по разнообразию произведений растительного царства, наименее прочно связана с Срединной империей. Правда, что часть Юнь-нани принадлежит к бассейну Голубой реки, но это—именно область наиболее гористая, наименее населенная, самая трудная для путешествия. Западная половина Юнь-нани орошается двумя большими реками Индо-Китая, Лу-цзяном и Меконгом, тогда как южная покатость наклоняется к Аннам, изливая свои воды в Тонкинский залив через Сон-кой или Красную реку. В 70-х годах, большая часть страны сделалась на время независимой, и сообщения были почти совершенно прерваны между жителями Юнь-нани, оставшимися верными богдыхану, и другими провинциями государства: только длинным обходом к верховьям Ян-цзы-цзяна и через Сы-чуань могли поддерживать сношения, а в случае крайней опасности мандарины принуждены были искать помощи вне границ империи, пользуясь дорогой, представляемой Красной рекою. Этот естественный путь получил в то время капитальную важность, и путешественник-исследователь Дюпюи мог проследовать по течению Сон-коя и, так сказать, завоевать его для науки и торговли. Когда восстание магометан было подавлено, дороги, соединяющие Юнь-нань с остальным Китаем, снова открылись для торговых сношений, рассеянные земледельцы возвратились в

1 Valois, „Annalen der Hydrographie“, 1877, X

2 На карте Брейтшнейдера остров этот называется Вай-чжоу (пр. ред.).

свои деревни, и новые переселенцы из Сы-чуани, Гуй-чжоу, Гуан-си пополнили собою пробелы, произведенные междоусобной резней; дома и храмы вновь отстраиваются¹. Юнь-нань опять сделалась нераздельной частью империи, но, тем не менее, по причине трудности дорог и большой продолжительности путешествий, она остается еще и ныне как бы внешним владением Китая. В сравнении с другими провинциями, Юнь-нань представляет относительно пустынный, мало населенный край; по переписи 1882 года, она была наименее населенной областью пропорционально её пространству, а с той поры беспрестанные войны еще уменьшили, может быть, на половину число её жителей. Что касается поверхности этой провинции, то она может быть исчисляема лишь на основании очень неопределенных данных, так как политическая граница, на запад со стороны Тибета, на юго-запад со стороны Бирмы, на юге со стороны земли лолотов и Аннама, проведена без всякой точности, и многочисленные независимые племена занимают окраины провинции. Приблизительное пространство Юнь-нани определяют в 690.760 квадратных миль; население же ее в 1882 году простиралось до 11.721.576 душ, так что, следовательно, на 1 милю приходилось средним числом по 84 жителя.

В целом Юнь-нань может быть рассматриваема как плоскость, наклоненная по направлению от северо-запада к юго-востоку. На границах Тибета и западной Сы-чуани горы, еще не исследованные, поднимаются до пояса постоянных снегов. В центральной части Юнь-нань представляет плоскогорье слишком в 3.000 метров средней высоты, над которым господствуют хребты из красного песчаника, одинаковой высоты. Большие озера рассеяны в углублениях этого плато, перерезанного на окраинах реками, которые вырыли себе глубокие ущелья в менее твердых поверхностных горных породах. На юге почва, размытая водами, представляет уже, на берегах Красной реки и в бассейне Иравадди, широкие равнины, возвышающиеся всего только на 150 или 200 метров над уровнем моря. Между высокими местностями северной части края, где высятся снеговые горы, и низменными землями юга, лежащими уже в пределах жаркого пояса, замечаются все последовательные переходы средней температуры. В городе Юнь-нань-фу, на промежуточном плато, снег лежит иногда по целым неделям².

Страна, по преимуществу горнозаводская, Юнь-нань вывозила уже обработанные металлы прежде, чем китайцы проникли в край: аборигены повсюду имели рудники и фабрики. Самый обыкновенный металл в этой области—железо, и почти везде разрабатываются очень богатые месторождения этой руды, продукты которых употребляют на выделку всякого рода предметов из чугуна и стали. Эта провинция изобилует также медной рудой, и если китайское правительство делало такие большие усилия для обратного завоевания Юнь-нани у овладевших ею магометан, то оно руководилось главным образом желанием вернуть себе этот источник богатств³. Десятина и другие налоги металлом, платимые юньнаньскими рудокопами для фабрикации монет и для промышленных надобностей, простирались, перед восстанием, до 6.000 тонн меди в год. Медная руда представляется здесь в различных формах и даже в виде самородков; рабочие, не будучи в состоянии перенести огромные глыбы чистой меди, принуждены бросать их в горной породе, ограничиваясь обрезыванием выдающихся частей самородка. Золотые прииски рассеяны во множестве по берегам Цзинь-ша-цзяна и других потоков, которые, подобно ему, заслуживали бы названия «Золотоносной реки». Самые богатые рудные месторождения—это залежи сереброносного свинцового блеска, но именно, по причине их богатства, часто прерывали их разработку; дело в том, что рудокопы должны делить добываемое серебро на три части—одну для богдыхана, другую для мандаринов, третью для себя, но и эта последняя доля нередко ускользает из их рук в пользу солдат, таможенных стражников или разбойников. Кроме того, Юнь-нань обладает рудами свинца, цинка, киновари, а в бассейне Красной реки есть месторождение оловянной руды;

1 Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London“, сент. 1881 г.

2 F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi, Schensi, Sz'chwan“.

3 Emile Rocher, „La Province chinoise de Yunnan“.

пласты ископаемого угля занимают обширные протяжения и дают превосходное топливо. Тогда как остальной Китай, за исключением провинции Шань-дун, чрезвычайно беден металлами и не заключает других подземных богатств, кроме железных рудников да неисчерпаемых залежей каменного угля и антрацита, Юнь-нань обещает сделаться современем минеральной сокровищницей империи и её главным металлургическим заводом. Равным образом она очень богата драгоценными камнями, рубинами, топазами, сапфирами, изумрудами; в горах её встречаются драгоценные разновидности нефрита, так же, как один вид мрамора, жилы которого представляют самые разнообразные и причудливые фигуры. Китайцы, большие любители всяких странностей, придают большую цену этим курьезам природы. Обширные леса покрывают еще часть гористой области, и оттуда получается строевой лес, между прочим, лавр нанму, который употребляют на постройку храмов и дворцов, по причине большой крепости этого дерева и сильного запаха, который оно издает⁴. Со времени прекращения магометанского восстания Юнь-нань сделалась, несмотря на мнимые запреты правительства, главной провинцией по культуре опиума⁵; по меньшей мере треть полей засеивается маком. На пастбищах гор пасутся большие стада баранов, шерсть которых употребляют на выделку тканей, но мясо которых туземцы никогда не едят⁶.

В Азии мало найдется стран, где бы устройство удобных путей сообщения могло произвести столь важные перемены, как в Юнь-нани. Эта провинция не только нуждается в хороших грунтовых дорогах и рельсовых путях для вывоза своих руд и сельскохозяйственных продуктов в Китай и за границу, но, кроме того, она должна служить транзитным трактом между Индостаном и бассейном Ян-цзы-цзяна. *Это и составляет причину, почему на Юнь-нань одновременно жадными глазами смотрят: со стороны Бирмы англичане, а со стороны Тонкина французы; и те и другие одинаково мечтают присоединить эту провинцию если не к числу своих земель, то по крайней мере в сферу своего преобладающего влияния.* Большие реки, которые расходятся в разные стороны вокруг восточного Тибета и Юнь-нани: Брампутра, Иравади, Лу-цзян, Меконг, Сон-кой, наперед указывают, в общих чертах, направление всех дорог, естественный центр которых должен находиться на плато в Юнь-нань-фу. Через эту второстепенную террасу верхнее плоскогорье Тибета может быть обойдено на востоке, и центральная Азия, так сказать, приблизится к устьям Ганга. Между двумя большими азиатскими рынками: Калькуттой и Хань-коу, прямая линия, проходящая через города Юнь-нани, позволит современем избежать плаванья вокруг Индо-Китая и южного Китая: расстояние, выгадываемое путешественниками, составит около 6.000 километров. Неудивительно поэтому, что в последнее время были сделаны попытки в видах установления правильных сношений между Индией и «Срединным цветком» через Юнь-нань, а французы и англичане соперничают друг перед другом в хлопотах о получении разрешения на постройку железных дорог. На основании одной статьи тьяньцзиньского трактата, иностранцы имеют право проникать через все пункты сухопутной границы или морского побережья во внутренность Китая, и уже очень многие путешественники-исследователи воспользовались этой статьей договора, идя по следам прежних миссионеров, которые пробирались переодетые китайцами и жили там и сям в селениях обращенных в христианство туземцев, на тибетских границах. С 1867 года, памятная экспедиция, самая важная из всех, которые когда-либо были предпринимаемы в эти страны, открыла южные границы Юнь-нани: французы Дударде-Лагре, Гарнье, Делапорт, Жубер, Торель проникли в Юнь-нань-фу; со времен Марко Поло это было первое посещение европейцев, которое принял древний город, упоминаемый знаменитым венецианцем под именем «Яши». В 1868 году один «пионер торговли», как он себя называет, англичанин Купер, отправившись с берегов Голубой реки, тщетно пытался проникнуть в Ассам через города Батан и Да-ли-фу; в следующем году он хотел было добраться до плоскогорья с другой стороны, поднимаясь по рекам Брампутре и Логиту, но и

4 Dupois;—Romanet du Cailland, „Ducos de la Haille“, etc.

5 Colborne Baber, „Geographical Magazine“, jule 1878.

6 Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London“, сент. 1881.

эта попытка не удалась ему. Соотечественник Купера, Сладен, избравший другой путь, именно по реке Иравадди и её притоку Цзян-дао-хэ, тоже должен был вернуться с дороги, не успев пройти далее Момейна или Тэн-дао-тина, главного города Юнь-нани к западу от реки Лу-цзян. В 1874 году, после окончательной победы китайских армий над восставшими магометанами, молодой англичанин Маргари, отправившись через Китай, открыл, наконец, прямую дорогу из Хань-коу в Бамо, на Иравадди. Но ему не суждено было самому воспользоваться этой дорогой для новой экспедиции: несколько недель спустя он был изменнически умерщвлен в Юнь-нани, в пятидесяти километрах от бирманской границы. Весть о его смерти взволновала Англию и подала повод к продолжительной дипломатической переписке, заключение которой должно было доставить большие выгоды английской торговле. В силу конвенции, заключенной в 1876 году в городе Чифу, британское правительство получило право посылать торговых резидентов в Да-ли-фу или во всякий другой город Юнь-нани и отправить научную экспедицию в Тибет, либо через Сы-чуань, либо через Куку-нор и Гань-су. Различные путешественники ходили по следам Маргари. Гросвенор и Бэбер, Мак-Карти, Камерон, Джилль, Стевенсов, Сольтау, принц Генрих Орланский, Сечени, Делавэй исследовали Юнь-нань по разным направлениям и проложили пути будущим сношениям между народами.

В ожидании того времени, когда Юнь-нань будет иметь свободное сообщение с Индией посредством большой магистральной дороги между Бамо и Хань-коу, она может располагать для своей непосредственной торговли с заграничными рынками судоходной рекой, исследованной в первый раз французом Дюпюи. В 1870 году этот путешественник достиг берегов Юань-цзяна или Красной реки и убедился, что она судоходна в южной части Юнь-нани. В 1872 году ему действительно удалось подняться по этой реке, называемой в Тонкине Сон-кой, и проникнуть в Китай до пристани Мань-хао, находящейся в близком соседстве с богатейшими месторождениями металлов и драгоценных камней. По трактату, заключенному между Францией и Аннамом в 1874 году, Красная река была объявлена открытой для европейской торговли; но эта конвенция осталась мертвой буквой, и, со времени победоносной экспедиции 1873 года, ни одно иностранное судно не плавало по водам Сон-коя в китайской его части. Тем не менее, китайские купцы хорошо понимают выгоды этого торгового пути, который позволил бы им избегать, для своих морских экспедиций, обхода в тысячу километров по Кантонской реке.

Население Юнь-нани состоит из разнородных элементов, еще далеко не слившихся в одну нацию, хотя китайское господство утвердилось в первый раз в крае уже две тысячи лет тому назад. В гористых областях обитают еще разные непокоренные племена: мяоцзы, манцзы, луцэ, лису, лоло; но многие из этих имен суть генерические названия, применяемые, как и слово «и-жэнь» или «другие люди», то-есть инородцы, к народам различного происхождения и языка. Мяоцзы принадлежат к тем же племенам как и племена провинции Гуй-чжоу; точно также манцзы и лоло походят на одноименных народцев Сы-чуани. Обыкновенно лолотов делят на два класса, на «Черных» и «Белых», скорее по причине противоположности их нравов, чем вследствие различия цвета кожи, который действительно у черных лолотов смуглее, чем у белых. Первые, называемые также «сырыми» лолотами, живут по большей части в высоких долинах горных цепей севера, и редко спускаются в равнину, почти только затем, чтобы продать свои произведения; они населяют ту же самую страну, как и жители «Зандардана», о которых рассказывает Марко Поло, и которые, по словам его, имели привычку покрывать себе зубы тонкой золотой пластинкой; но в настоящее время нигде в Юнь-нани не встречали следов этого древнего обычая¹. Белые лолоты, означаемые также прозвищем «Спелых» или «Печеных»², рассеяны группами по всей провинции Юнь-нани и признают над собой власть китайского правительства: очень многие из них бреют себе го-

1 Yule, „The Book of ser Marco Polo”

2 Desgodins, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, octobre 1877.

лову на китайский манер и носят косу,—этот символ цивилизации в Срединном царстве,—но они отличаются от китайцев крепостью своих мускулов и своей энергией в труде. Если бы не нос, немного сплюснутый, да не редкая борода, они напоминали бы европейский тип по правильности черт лица, по гибкости тела, по стройности и равновесию пропорций¹; у многих волосы темно-русые и цвет кожи белый. Женщины, кокетливые и отличающиеся живым, веселым нравом, тоже физически гораздо сильнее китайнок; они еще не переняли у последних моду искусственно сдавливать себе ноги и работают на полях рядом с мужчинами, всегда веселые и готовые отдохнуть от труда пляской и пением; в этом отношении они составляют поразительный контраст с робкой и серьезной китайкой, которая сочла бы себя скомпрометированной, если бы чужой мужчина заговорил с ней. Лолотские женщины считаются самыми красивыми в крае, и часто китайцы выбирают себе законных супругов между этими туземками. У всех племен лоло новобрачная, в силу обычая, покидает супружеское жилище на другой день после свадьбы, и возвращается в него только тогда, когда почувствует первые симптомы материнства; если она не забеременела, то этим самым брачный союз разрывается. При взгляде на женщину всегда можно узнать по её головному убору, девица ли она, бездетная ли супруга, или уже мать. Незамужняя, она носит на голове голубую шапочку, вышитую яркими цветами и оканчивающуюся пятью острыми углами или рогами, увешанными серебряными гремушками. Выйдя замуж, она покидает рогатый колпак и заменяет его соломенной шляпой, тоже украшенной металлическими пуговицами; сделавшись матерью, она указывает свое достоинство красной лентой, повязанной вокруг шевелюры; другая лента возвещает о рождении второго ребенка, который, согласно обычаю, всегда получает, будь то сын или дочь, титул старшего².

Китаецъ изъ Юнь-нани.

Лу-цзян, как известно, обязан своим именем народу лу или анон, который живет на его берегах, в области западной Юнь-нани, граничащей на севере с территорией, населенной лолотами. Племена лису рассеяны равным образом в долине этой тибетской и бирманской реки и в долине Лань-цан-цзяна или Меконга, который в этой части своего течения пересекает Юнь-нань. На правом берегу, напротив города Вэй-си, горы заняты почти исключительно лисутами. Те из этих инородцев, которые живут поближе к китайским городам и к мосотам, своим более цивилизованным единоплеменникам, платят регулярно дань; но обитающие в дальних, уединенных горах, остались независимыми, и у них издавна укоренился обычай через каждые двадцать или тридцать лет делать военный и разбойничий набег на своих образованных соседей, населяющих равнины. Подобно некоторым племенам краснокожих индейцев Северной Америки, они всегда заранее уведомляют своих врагов о задуманной экспедиции в их землю, посылая им символический прут с многочисленными нарезками, украшенный перьями и другими предметами, грозный смысл которых объясняет посланец. В назначенный день они являются в указанное место, и так велик страх китайских поселенцев, что они почти всегда бывают побеждены этими дикарями, вооруженными луками и стрелами, обмокнутыми в сок аконита (прикрыта). Лисуты овладевают женщинами и детьми, чтобы обратить их в невольников и продать в Бирманию; они забирают также шелковые вещи и драгоценности, затем предают пламени дома своих неприятелей. А между тем мандарины упорно отрицают самое существование этих опасных соседей и запрещают даже

1 Thorel, „Voyage d'exploration en Indo-Chine“.

2 Emile Rocher, „La Province chinoise de Yunnan“.

произносить их имя; дело в том, что они давно уже сообщили правительству о совершенном истреблении этих племен, и потому им трудно было бы противоречить самим себе в своих официальных донесениях¹. В мирное время лисуты очень гостеприимны и всегда отличаются от соседних населений царствующим между ними согласием и духом солидарности. Земля принадлежит всем, и каждая семья располагается на жительство в любом месте, где можно сеять хлеб, в лесных прогалинах, природных или расчищенных топором и огнем. Они ведут торговлю с окрестными племенами, и таким-то образом, переходя последовательно от одного племени к другому, к ним попадают каури (*urrgasa moneta*), эти прелестные раковинки с Мальдивских островов, которыми сплошь унизаны головные уборы их женщин; кусочки самородного золота, которые они собирают в песках Лу-цзяна, служат им ходячей монетой. Они не поклоняются Будде, и тибетским жрецам не удалось проникнуть к ним, но они сохранили еще обрядности шаманства, которое прежде преобладало на всем крайнем Востоке: их колдуны или шаманы бросают роковые косточки, чтобы привлечь добрых гениев, и бьют в бубен, чтобы устроить злых духов источников, скал и лесов.

Инородцы шан, «белые варвары» (как их называют китайцы), так же, как их соседи какьен (Какуен), более многочисленны в Бирмании, нежели на территории Среднего царства: племена их живут только в юго-западной части Юнь-нани, к западу от реки Салуэн или Лу-цзяна; они, впрочем, подчиняются власти мандаринов, которые назначают им сельских старшин, с приказанием собирать подать. Какьены (качин) или синпо (чинпо, *Singpo*), как они сами себя называют, представляют одну из самых энергичных групп населения страны и смотрят на шанов как на низшую расу, годную разве только для того, чтобы составлять им погонщиков мулов и носильщиков тяжестей². Малорослые, но коренастые и сильные, какьены проводят время в еде и питье да в заботах о том, чтобы придать своей особе возможно более щеголеватый вид; они татуируют себе руки и ноги, убирают свою одежду раковинами и всякого рода украшениями. Вся работа, даже обработка полей и переноска тяжестей, лежит на женщинах. Муж выбирает себе жену не за красоту её, а за физическую силу, и тот отец почитается самым счастливым, который имеет наиболее дочерей, то-есть невольниц, обремененных чрезмерным трудом. Окруженные буддистами, какьены сохранили свой древний анимистический культ, и молитвы их обращаются к натам или гениям покровителям. Согласно обычаю, существующему еще, впрочем, даже в некоторых странах западной Европы, они кладут покойнику в рот серебряную монету для того, чтобы он мог заплатить за перевоз при переправе через великую реку, текущую между этим и тем миром³.

Бэй или бай, аборигены, живущие в южной и юго-западной частях Юнь-нани, главным образом в бассейне Салуэна, делятся, смотря по обитаемой ими области, на «горных» и «речных»; есть предание, что они прежде обитали на берегах Голубой реки, откуда их постепенно вытеснили китайские переселенцы. Хотя соседи лолотов и соплеменники шанов, они, однако, редко мешаются с ними и живут большею частью отдельными селениями, где дома покрыты не кровлями на китайский лад, а террасами, подобными тем, какия мы видим на жилищах тибетцев и мяотов. Цвет кожи у бэйев гораздо бледнее, чем у китайцев, и, как лолоты, они отличаются от пришельцев с севера своей физической силой. Все они прокалывают мочку ушей и продевают в отверстие либо серебряный цилиндр, либо бамбуковую трубочку, украшение, которое женщины заменяют сигарами или пучками соломы; женщины почти все курят табак, тогда как мужчины пристрастились к опиуму⁴. Женщины племени бэй деятельны, без той резкости движений, какия замечается у большинства женщин лоло; они очень искусные мастерицы по части тканья и даже по выделке золотых и серебряных вещей. По языку и вероятно, по расе, инородцы бэй, так же, как и хамти, приближаются к лолотам Индо-Китая, тогда как лолоты говорят разными наречиями, более или менее смешанными

1 Dubernard, Desgodins, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, juillet 1875

2 Ney Elias, „Proceedings of the Geographical Society of London”, апр. 1876 г.

3 Kreitner, „Mittheilungen von Petermann”, 1881, № 7

4 Kreitner, цитированная статья.

из бирманского, китайского, тибетского, и, вероятно, примыкают к этому последнему идиому. Одно племя, родственное народцу бэй и называемое папе, есть остаток нации, некогда могущественной, о которой китайские летописи рассказывают, что Сын Неба принудил ее посылать ему в виде дани золотые и серебряные вещи, рога носорога и бивни слона¹; из этого нужно заключить, что фауна больших млекопитающих изменилась в крае в относительно короткий период времени, обнимающий небольшое число столетий. Ни бэй, ни папе не имеют идолов; но когда им случится быть у цивилизованных, они охотно ходят в храмы, делают жертвоприношения и курят благовонными смолами, как и другие верующие; те из них, которые умеют писать, употребляют только китайские знаки. Впрочем, цивилизация Срединного царства мало-по-малу одерживает верх, и первоначальные племенные типы постепенно исчезают, вследствие смешения рас. Из этих скрещиваний возникло множество различных народцев, и некоторые из них, совершенно забывшие свой родной язык и говорящие только по-китайски, напоминают еще свое туземное происхождение отличающимися их крепостью мускулов, духом независимости и простыми, деревенскими нравами и обычаями: «мы не китайцы», говорят они с гордостью; «мы юньнаныцы». Во многих случаях во время смут и междоусобий, они становились на сторону мятежников, магометан или туземцев, чтобы избавиться от мандаринов. Они отличаются также от «детей Хань» своим веселым характером и своей страстью к музыке: почти все погонщики мулов или ямщики носят при себе мандолины на перевязи, и как только лошади или мулы тронутся в путь, они начинают аккомпанировать звону бубенчиков пронзительными звуками своей музыки². Можно подумать, что находишься в Испании; подобно кастильским погонщикам мулов, погонщики, которых мы встречаем на плоскогорьях Юнь-нани, одеты в короткую куртку с серебряными пуговицами; разница только в том, что у последних, вместо шляпы, обмотан широкий тюрбан.

Возстание, которое вспыхнуло в 1855 году, и результатом которого было основание, в западной Юнь-нани независимого государства, просуществовавшего несколько лет, началось простой ссорой между рудокопами-буддистами и мусульманами, разрабатывавшими жилы серебряной руды в Ши-яне, около истоков Красной реки. Ни в одной провинции Китая магометанская религия не получила такого распространения, как в Юнь-нани. Потомки немногочисленных арабских эмигрантов, пришедших в край вскоре после начала магометанского летосчисления (геджры), и бухарских солдат, которых привел Хубилай-хан во время одной военной экспедиции, относящейся к половине тринадцатого столетия, юньнаньские мусульмане, или, как их называют, хой-хои не отличаются физически от других китайцев этой провинции, с которыми они смешались вследствие постоянных скрещиваний; но различие пищи, различие культов и еще гораздо более борьба материальных интересов между разными группами рудокопов породили взаимную ненависть и повели к кровавым столкновениям. Однако, между инсургентами, которых за границей обыкновенно называли бирманским именем «пантеи», встречались самые разнообразные элементы: рядом с магометанами бунтовали китайцы, буддисты и даоисты, так же, как лолоты, пай, мяоты всех племен; с другой стороны, были и мусульмане, оставшиеся верными правительству, и даже именно один из предводителей хой-хоев, которому повстанцы были обязаны своим торжеством, впоследствии перешел на сторону китайцев и доставил им окончательную победу над восстанием. Некоторое число побежденных Пантеев поселилось в горах на границе Сиам и Бирмании между шанами и какьенами; но образовавшиеся вследствие их ухода пробелы пополнились переселенцами с севера, пришедшими по большей части из Сы-чуани. Междоусобная война—не единственное бедствие, посетившее в это последнее время Юнь-нань; часто в крае свирепствуют эпидемии и особенно обыкновенна проказа. Утверждали, что эта болезнь была прежде неизвестна в Юнь-нани, и что появление её будто бы совпадает с прибытием европейцев; но, может быть, происхождение этого слуха следует искать в неприязненном чувстве, которое мандарины питают к иностранцам. Чума тоже нередко производила большие

1 Amiot „Memoires concernant les Chinois”, vol. XIV.

2 E. Rocher, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, mars 1878.

опустошения в стране, постигая одновременно людей и животных. Выяснено, что эта эпидемия здесь всегда начинается с крыс¹.

Тэн-юэ-тин или Момеин—единственный сколько-нибудь значительный город, которым Китай владеет в бассейне Иравадди; он расположен среди обширной равнины, покрытой рисовыми полями и окруженной высокими крутыми горами, вследствие чего английские путешественники называют его юго-западными воротами Срединной империи, и это название неизменно повторяется во всех проектах строителей железных дорог. Момеин, последний магометанский город Юнь-нани, оказавший сопротивление императорским войскам в 1873 году. На востоке, глубокая долина Лу-цзяна, близ которой находятся горячие сернистые ключи Пю-бяо (Puriao) не имеет важных городов на своих берегах; но город Юн-ан-фу, стоящий на одном из притоков этой реки, в равнине, покрытой рисовыми плантациями, как и Момеин, производит очень деятельную торговлю, и, благодаря этому обстоятельству, он быстро оправляется от бедствий гражданской войны; между эмигрантами находятся нанкинские беглецы, которые переселились сюда в таком большом числе, что их наречие сделалось господствующим диалектом городского населения: от этого и произошло данное городу название «Малый Нанкин»². Комментаторы Марко Поло отождествляют Юн-чан-фу с городом Вошан (Вончан, Вончиан), который был посещен знаменитым венецианским путешественником, и где за несколько лет перед теми, в 1272 или в 1277 году, двенадцать тысяч татар великого хана монголов, Кублая, разбили шестьдесят тысяч солдат царя Бирмы, сопровождаемых 2.000 слонов. Вероятно, что в ту эпоху существовали лучшие дороги, чем в наши дни, между Бирманией и Юнь-нанью, так как слоны не могли бы пройти по тем опасным тропам, поднимающимся по крутизнам или пролегающим над ущельями, где должны теперь пробираться путники, пешком или сидя на смелых лошадках, гибких и поворотливых, как верблюды. Однако, на дороге из Бамо в Да-ли-фу устроены висячие железные мосты через две реки: Лу-цзян и Лань-цан-цзян; это, вероятно, последние сооружения этого рода, существующие еще на этих двух могучих потоках³.

В бассейне одного притока верхнего Лань-цан-цзяна, бегущего по дну страшных ущелий, находится город А-тунь-цзы, который можно назвать стражем границы Юнь-нани со стороны Тибета. В этой области полудиких туземных племен большинство цивилизованных жителей состоит из китайцев, но почти все они лучше говорят тибетским, чем своим природным языком, благодаря тому, что торговые сношения беспрестанно приводят на рынок этого города большое число тибетцев. Да и в других отношениях можно подумать, что находишься в Бод-юле (Тибете). Подобно тибетским городам, А-тунь-цзы лежит в области холодов, среди равнины, возвышающейся на 3.360 метров над уровнем моря; его дома с плоскими крышами построены совершенно так же, как жилища тибетцев, и над городом господствуют монастыри, ламы которых повинуются верховному жрецу, пребывающему в Лассе. Атунценские купцы продают тибетцам чай, сахар, табак, в обмен на мускусные мешечки, кожи и выделанный пергамент и «земляные гусеницы», на голове которых растут грибы, и за которых китайцы платят большие деньги по причине приписываемых им целебных свойств⁴. Гора Докер-ла, поднимающая свою снеговую голову на юго-запад от города А-тунь-цзы по другую сторону ущелий Лань-цан-цзяна, есть одна из почитаемых вершин Тибета, и пилигримы ходят толпой на поклонение этой святыне⁵. На севере, на берегах той же реки, бьют из земли горячие соляные ключи, называемые Иеркало. Население этой части тибетской монархии очень обижено природой; по меньшей мере треть жителей страдает зобом⁶.

1 Cooper, „Travels of a pioneer of commerce”;—Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine”.

2 Mac Carthy, „Proceedings of the Geographical Society of London”, август 1879 г.

3 Gill, „The River of Golden Sand”.

4 Emile Rocher, „La province chinoise de Yunnan”;—Soltau и Stevenson, „Proceedings of the Geographical Society of London”, авг. 1881 г.

5 Desgodins, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, окт. 1878 г.

6 Gili, „The River of Golden Sand”.

Город Вэй-си, лежащий южнее, на восточном притоке Лань-цан-цзяна, населенной главным образом лисутами и метисами, служит местопребыванием гарнизона; он сильно пострадал во время минувшей гражданской войны. Точно также город Да-ли-фу, занимающий гораздо более счастливое положение, на западном берегу обширного озера Да-ли, еще не оправился от разгрома, которому он подвергся во время разрушения царства пантеев: большая часть его улиц были еще загромождены грудami развалин и мусора, когда английский путешественник Джилл посетил его в 1877 г.; позже его посетили Hosie в 1888 г. и Bonin в 1895 г. Все окрестные деревни тоже были опустошены, а в поле не осталось ни одного целого дерева; во многих местах пашни исчезли под терниями и колючими кактусами. Постигшими его несчастьями Да-ли-фу обязан своей крепкой военной позиции. На севере и на юге равнина, где он построен, оканчивается узким дефиле между горами и озером, и эти два прохода, Чжун-гуань на севере и Ся-гуань на юге, перерезаны укреплениями, которые обратили все западное побережье озера Да-ли в одну обширную крепость. Во времена Марко Поло этот город был, под именем Караяна, «столицей семи королевств» и одним из главных городов южного Китая; для окружающих племен это «святой город»¹. В 70 годах город опять был возведен на степень столицы: здесь основал свою резиденцию предводитель восставших магометан, Тувенсия, который в прокламациях на арабском языке, распространяемых в соседних государствах, именовал себя султаном Солиманом². Когда императорские войска, одолев инсургентов, вступили в город, более половины жителей Да-ли-фу, число которых доходило до 50.000 душ, были перерезаны солдатами, так что китайский генерал мог послать в Юнь-нань-фу, в виде трофеев своей победы, двадцать четыре большие корзины, наполненные человеческими ушами³. Предместья были преданы пламени, и город на половину разрушен; даже в окрестных местностях население, занимающее ныне опустошенные войной деревни, не превышает трети прежнего числа жителей. Но Да-ли-фу имеет все условия для того, чтобы быстро оправиться от разорения; не говоря уже о важности его, как административного пункта, поднятию и процветанию этого города могут способствовать природное плодородие окружающей равнины и минеральные богатства соседних гор: ломки мрамора, соляные копи, прииски драгоценных камней; в то же время он является естественным складочным местом товаров для торговли между городами Бамо и Нин-юань, то-есть между Бирманией и Сы-чуанью. Вдобавок ко всему этому, Да-ли-фу пользуется превосходным климатом, одним из лучших в свете; находясь на высоте 2.030 метров над уровнем океана, но уже в соседстве тропического пояса, он не знает зимы, хотя возвышающиеся на западе горы, которые поднимаются более чем на 3.000 метров над поверхностью озера, бывают покрыты снегом в продолжение двух третей или даже трех четвертей года. Озеро, более известное под именем Эр-хай, имеет, по Роше и Джиллю, около 30 миль в длину и тянется с севера на юг, шириной около 7 миль. В самых низких местах озерного бассейна глубина превышает 100 метров, но она очень неравномерна. Дожди, очень обильные на восточном склоне гор, окружающих Эр-хай, иногда поднимают уровень озера на 5 метров выше горизонта низкой воды и превращают в могучую реку ручей, уносящий излишек вод резервуара в Меконг; в своем выходном ущелье, при укреплении Ся-гуань, исток озера проходит под естественной аркадой, образуемой скалами, подле которой принуждены были прорыть туннель для прохода дороги⁴. Озеро Эр-хай изобилует рыбой, так же, как и впадающие в него реки и ручьи. Местные рыбаки, еще более искусные в этом отношении, чем их собратья по ремеслу на Голубой реке, сумели приучить местных птиц помогать себе в ловле рыбы. Они отправляются на промысел ранним утром, с шумом и криком, чтобы разбудить птиц-рыболовов, спящих в лесной чаще по берегу озера, и пускают свои барки по течению, бросая позади кормы шарики из риса. Рыбы поднимаются со дна, чтобы хватать пищу; с своей стороны, птицы пускаются на охоту, и пойманную рыбу приносят на барку. В награду за их услуги, человек уделяет им небольшую

1 Cooper, „Travels of a pioneer of commerce”.

2 Gill, цитированное сочинение.

3 Emile Rocher, цитированное сочинение.

4 Soltau и Stevenson, „Proceedings of the Geographical Society of London”, август, 1881.

долю добычи¹.

Города, следующие один за другим на юге от Да-ли-фу, в бассейне Меконга, Шунь-нин-

Корейские мандарины.

фу, Юнь-чжоу, Сэ-мао, тоже были опустошены императорскими войсками после обратного завоевания края у магометан, но ни один из них не защищался с таким мужеством, как Мын-хао-сянь, город, построенный в пятидесяти километрах к югу от озера Да-ли, близ ис-

¹ Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine”.

токов Красной реки. Население этого города, подкрепленное беглецами из Да-ли-фу, долго сопротивлялось с энергией отчаяния, но, наконец, поняв, что дальнейшее сопротивление невозможно, решилось ничего не оставить победителю. Все ценные вещи были поспешно собраны в кучку домов, которую затем предали пламени; женщинам, детям и старикам был роздан яд. Когда способные носить оружие мужчины остались одни, они подожгли город со всех четырех концов и бросились на осаждающих, чтобы открыть себе проход; некоторые из них успели пробиться сквозь ряды неприятеля, но большинство пало под ударами мечей или погибло в пламени¹.

В верхнем бассейне Цзинь-ша-цзяна, расположенном параллельно бассейну Лань-цань-цзяна или Меконга, группы населения не менее редки, чем в бассейне соседней реки, и там нет даже никакой проезжей дороги, которая бы пролегла по долине во всю её длину². Город Ли-цзян-фу, на севере от Да-ли, до 1895 года, когда через него прошел Bonin, не был посещен ни одним европейским путешественником, но англичанин Джилль проходил неподалеку оттуда, несколько западнее, и слышал от местных жителей, что этот город разорен лихорадками мандаринов. Другие города были совершенно опустошены магометанами или китайскими солдатами. Теперь в области Юнь-нани, принадлежащей к покатоости Голубой реки, остались только три значительных города, из которых один главный город всей провинции. Юнь-нань-фу стоит в равнине, близ северной оконечности большого озера, самого обширного в верхней Юнь-нани, которое носит название «Тяньского моря», по имени царства, занимавшего некогда наибольшую часть плоскогорья; излишняя вода этого бассейна, лежащего немного ниже озера Да-ли (на высоте 1.950 метров), уходит на западной оконечности, через долину, которая вскоре поворачивает на север и направляется к Ян-цзы-цзяну. Прибрежные селения «Тяньского моря» производят в изобилии хлеба, лен, табак, разного рода фрукты; там и сям, по склонам холмов, пасутся стада баранов, коз, коров и буйволов. Культура мака уничтожила одну весьма важную отрасль сельского хозяйства — пчеловодство; местные жители рассказывают, что пчелы, привлекаемые цветками мака, как китайцы, испытывающие неодолимое влечение к опиуму, все погибли после второго сезона, отравленные ядовитым соком растения³.

Ограда Юнь-нань-фу, имеющая правильную форму четырехугольника, как во всех почти китайских городах, ограничивает пространство около 6 квадратных километров, но далеко не все это пространство застроено домами, да и внешние предместья сильно уменьшились в размерах после войны. Город Юнь-нань, очень древнего происхождения, и в котором комментаторы Марко Поло видят «Яши», упоминаемый венецианским путешественником, был до восстания магометан гораздо значительнее, но торговля его снова стала увеличиваться со времени восстановления мира. Центр одной из главных горнозаводских областей Юнь-нани, он служит рынком, регулирующим цены меди для всего Китая, и имеет большие металлургические заводы: его монетный двор, основанный более двух сот лет тому назад, выпускал в обращение, до войны, около ста миллионов сапек (мелкая медная монета) в год, — масса металла, которая, однако, представляет ценность не более 100.000 франков. На северо-востоке, на вершине небольшой горы, виднеется капище, сделанное все из чистой меди, даже кровля его покрыта медными листами; этот храм был пощажен во время междоусобной войны, благодаря тому обстоятельству, что он напоминает память национального короля Усанкуэя (Ousanskoueï), который не побоялся сопротивляться императору Кан-си. Кроме обработки металлов, в Юнь-нань-фу есть и другие отрасли промышленности: здесь выделывают ковры, одеяла, кошмы, а также одну особенную материю, которая, как полагает Франциск Гарнье, ткется, по крайней мере отчасти, из нитей особой породы паука, свойственной южной Юнь-нани; эта ткань, пользующаяся большой славой в Китае, отличается замечательной прочностью; цвет её матово-черный. Юнь-нань-фу находится не более, как в сотне

1 Emile Rocher, цитированное сочинение.

2 Gill, цитированное сочинение.

3 Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine”.

километров к югу от Ян-цзы-цзяна, но, в этой части своего течения, великая река, загроможденная порогами и текущая водопадами, не удобна для судоходства, и потому большая торговая дорога подходит к ней гораздо ниже, в 400 километрах от ближайшего к городу места реки. Эта дорога, которая проходит через многолюдные и торговые города: Дун-чуань-фу, славящийся своими монетными дворами, и Чжао-тун-фу, извивается по изрытым оврагами плоскогорьям, но прежде чем вступить в провинцию Сы-чуань, она захватывает реку Да-гуань-хэ, называемую также Хуан-цзян или «Желтой рекой», которая впадает в Ян-цзы между Пин-шанем и Су-чжоу. Пристань, откуда отправляются суда, получившая от близких порогов название Лао-ва-тань, представляет очень оживленный городок, лежащий в стране, изобилующей месторождениями сереброносной свинцовой руды. К северу от этого города, на границе между Юнь-нанью и Сы-чуанью, приютились, на вершине холма Лон-цзи (Long-ky), церковь, духовная семинария, школа, целая группа строений, из которой католические миссионеры сделали настоящую крепость, чтобы обезопасить себя от набегов диких манзов¹.

Массив Холодных гор или Лин-шань, которые поднимаются на общей границе трех смежных провинций: Юнь-нани, Сы-чуани и Гуй-чжоу, по справедливости может быть назван счастливой областью страны: в продолжение семнадцати лет гражданской войны обитатели этого края, буддисты и магометане китайцы и инородцы (и-жэнь), не переставали жить в полном согласии между собою, и работы в рудниках и копиях не прекращались ни на один день. Одни из главных продуктов местной промышленности составляет свинцовая соль, употребляемая для живописи на фарфоре, и которую отсюда отправляют на спине мулов к Ян-цзы-цзяну, откуда она перевозится на барках на фабрики Цзин-дэ-чжэня, в провинции Цзян-си². Восточная часть Юнь-нани принадлежит к бассейну Кантонской реки; на этой покатости есть несколько важных городов, каковы Цюй-цзин-фу и Кай-хуа-фу; кроме того, верхняя долины реки Хун-шуй и её притоков окружают передовые выступы центрального плоскогорья провинции. В понижениях этой плоской возвышенности тянется ряд озер, на юг от «Тяньского моря». Эти озерные бассейны, Чжэн-цзян, Цзян-чуань, Дун-хай (Восточное море), Ши-бин, наполнены пресной водой, хотя они не имеют истечения, если только излишек вод не уносится подземными ручьями, ибо эта область изрезана во всех направлениях пещерами и галереями, в которых исчезают текущие на поверхности речки³. Два озера, Чжэн-цзян и Цзян-чуань, соединены искусственным каналом, длиною около 1.700 метров, прорытым через холм, состоящий из кварцового песчаника⁴. Земледельцы завоевывают каждый год новые земли на озерах, выбрасывая тину со дна на прибрежные пространства бассейна, и в то время, как поля, засеянные маком и табаком, окаймляют края озера, неравные прямоугольники рисовых плантаций далеко выдвигаются на поверхность вод, имея вид пловучих островов. Каждое из этих внутренних морей дало свое имя главному городу прибрежных местностей. Серебряные, медные и железные рудники, металлургические заводы, в особенности сталелитейные заводы в Лао-лю-гуань, доставили этому округу некоторую промышленную и торговую важность. На северо-восток от Восточного моря (Дун-хай) находится город Нин-чжоу, населенный горшечниками.

Города южного склона, орошаемого Красной рекой и её притоками, тоже служат складочными пунктами для продуктов горной промышленности. Город Юань-цзян, на западном берегу реки, важен, кроме того, как большой рынок для земледельческих произведений; он окружен великолепными культурными землями, принадлежащими уже к тропической флоре, ибо абсолютная высота равнины всего только 520 метров; в этой стране южные растения перемешаны с растениями умеренного пояса, и крестьяне привозят на рынки южные фрук-

1 De Carne, „Revue des Deux Mondes“, 1-e juin 1780;—Fr. Garnier, цитированное сочинение.

2 F. Garnier;—E. Rocher, цитированные сочинения;—Fenonil, „Annales de la propagation de la foi“, juillet 1862.

3 E. Garnier, „Exploration en Indo-Chine“.

4 Emile Rocher, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, mars 1878.

ты, манго, гуявы, цедры, апельсины, так же, как персики, груши, яблоки, орехи и каштаны. На юго-западе, особенно в окрестностях города Пу-эр-фу (Пу-эр, Пу-эль), собирают на склонах Гуань-шаня или «Голой горы», особенный вид чая, высоко ценимый в Юнь-нани и во всем Китае, несмотря на его мускусный запах, но слишком дорогой для того, чтобы его можно было вывозить за границу¹; в окрестностях разрабатывают также богатые салины. К востоку от Красной реки важнейший город—Линь-ань-фу, крепкая ограда которого окружена зеленью, и над которым господствуют со всех сторон мраморные холмы, составляющие своими бесплодными верхушками резкий контраст с смеющимися полями и лугами долины. Самый деятельный рынок провинции, конечно, Мань-хао, пристань на Красной реке, где начинается правильное судоходство: это складочное место чаев, хлопчатобумажных и шелковых тканей для всей южной части Юнь-нани. Многие кантонские негоцианты, предвидя важную роль, которую может современем играть эта область в общей торговле, поселились в городе Мань-хао и забрали в свои руки почти всю тамошнюю торговлю. Во время посещения края французской экспедицией, снаряженной для исследования Индо-Китая, один кантонский глава фирмы даже основал себе нечто в роде независимого княжества, на границе Китая и Тонкина; таможня, которую он учредил на реке, приносила ему, по свидетельству Франциска Гарнье, полтора миллиона в год. По словам консула Кергарадека, эта таможня находилась потом в руках одного воинственного племени независимых китайцев, принявших имя «Черных флагов».

Населения главнейших городов Юнь-нани, указываемое новейшими путешественниками, суть:

Юнь-нань-фу, в 1868 г., по Гарнье—50.000 жит.; Да-ли-фу, в 1878 г., по Джилли—23.000 жит.

Хай-нань

Этот большой остров, причисляемый в административном отношении к провинции Гуандун, принадлежит, без всякого сомнения, к тому же периоду истории земного шара, как и соседний континент. Полуостров, отделяющийся от твердой земли как раз против Хай-наня с северной стороны, пытается, так сказать, образовать остров, подобный тому, которого горные массивы возвышаются по другую сторону пролива. Проход разделяющий эти две земли и соединяющие Китайское море с Тонкинским заливом, представляет узкий и неглубокий «рукав», небольшую поверхностную промоину. От берега до берега пролив или «канал джонков» имеет всего только от 25 до 50 верст ширины, и самая большая глубина его, у западного входа, не превышает 24 метров; около середины прохода лот находит только 11 метров глубины в часы отлива². Берег Хай-наня на северо-востоке далеко продолжается подводными камнями, которые значительно увеличили бы его поверхность, если бы небольшое поднятие почвы заставило выступить из-под воды прибрежную полосу моря. Через пролив движется, между островом и твердой землей, морское течение, средняя скорость которого изменяется от 4 до 7 километров в час: оно усиливается с приливом, направляющимся в ту же сторону, и ослабевает с отливом, идущим ему навстречу.

Общей своей формой и направлением главного горного хребта, остров, который лежит «на юге моря»—таково буквальное значение слова Хай-нань—также указывает на общность происхождения с соседней континентальной массой. Его большая ось идет по направлению от юго-запада к северо-востоку, следовательно, параллельно грядам системы китайских гор, и самые высокие его вершины расположены в том же направлении. Центральный массив известен под именем У-чжи-шань или «горы о пяти пальцах»: это Пентодактиль, как Тайгет в Пелопоннесе; китайские стихотворения сравнивают остров с рукой, пальцы которой «днем

1 Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London“, сент. 1881 года.

2 Walois, „Annalen der Hydrographie“, 1877, X.

играют с облаками, а ночью собирают звезды среди млечного пути». Поэты говорят также о снегах, будто бы венчающих верхи этих гор; однако, в этом тропическом климате снег мог бы держаться в продолжение целого года только на вершинах, имеющих по меньшей мере 5.000 метров высоты; но подобный массив, поднимающийся на расстоянии менее 80 километров от берега, в водах, где беспрестанно проходят корабли и пароходы, был бы, конечно, наиболее приметным пунктом, главным маяком для мореплавателей и представлял бы одно из самых грандиозных зрелищ для путешественников. Вероятно, что эти горы покрываются снегом лишь в исключительных случаях, что все еще предполагает высоту не меньшую 1.800 метров¹. С этих высот спускаются горные потоки, расходящиеся в разные стороны к окружности острова, которая образует неправильный овал длиною около 800 километров.

Хай-нань есть одна из наименее известных китайских земель; за исключением мест, ближайших к подходам пролива, вид берегов острова снят мореплавателями лишь в самых общих чертах, а начертание рек нанесено на карты единственно по указаниям туземцев и на основании старых китайских документов. Особенно важно было бы обследовать реки западной области, чтобы узнать, действительно ли Нань-сянь-цзян, вытекающий из «Пятипалой» горы, делится на две судоходные реки, Бэй-мынь-цзян и Гянь-цзян, или Да-цзян, образующие вместе канал в 300 километров длины и превращающие в остров обширную территорию равнин и холмов; говорят даже, будто от Нань-сянь-цзяна отделяется и третий рукав, впадающий прямо в Тонкинское море. Эта трифуркация реки на судоходные рукава, на гористом острове, была бы единственным известным до сих пор явлением этого рода на поверхности земного шара, и потому едва-ли можно признать ее за несомненный факт на основании одного только свидетельства китайских писателей. Англичанин Пьюрфой дает точные сведения о нижней части течения Да-цзяна (Ли-ми), идущей на юг от Цюн-чжоу-фу, главного города острова; в этом месте река, по его словам, имеет от 3 до 4 метров средней глубины и судоходна только для судов небольшого водоизмещения; но выше Дин-аня барки уже не пользуются этой «Великой рекой», и все торговое движение производится по большой почтовой дороге; если бы действительно существовал канал, то лодочники, такие мастера проводить свои лодки даже по самым маленьким ручейкам, конечно, не преминули бы воспользоваться искусственным водным путем перевозки товаров².

Остров отличается необыкновенным обилием и разнообразием естественных богатств: горы его заключают месторождения золота, серебра, меди, железа и других металлов: в долинах и равнинах, преимущественно на восточной покатости, бьют из земли горячие минеральные ключи; на склонах гор растут обширные леса, доставляющие строевой лес, столь редкий в остальном Китае. В этих возвышенных областях водятся еще дикие животные: там встречаются, между прочим, носорогов, тигров, обезьян особой породы, похожей на орангутанга, оленей и козюль. Внизу, по скатам холмов и в равнинах, тянутся леса кокосовых деревьев, арек и пальм, приносящих орехи бетеля; живые изгороди из ананасов разделяют поля и плантации, где возделывают сахарный тростник, дынеплодник (папайя), райскую смоковницу (банан), манговое дерево, личи, индиго, хлопчатник, клещевину, табак, рис, сладкий картофель, кунжут, фисташки, фруктовые деревья тропического пояса и многие растения, ценимые за душистый запах их цветов или за их лекарственные свойства. Как Сычуань и Юнь-нань, Хай-нань имеет также насекомое *soccus rela*, производящее белый воск. Окружающие моря очень богаты рыбой; кроме того, там ловят жемчужных раковин, а также черепах, щиты которых высоко ценятся в торговле³. Благодаря своему положению на пути дождливых юго-западных муссонов, остров получает обильное орошение; горные хребты, будучи ориентированы в том же направлении, как и атмосферные течения, не образуют барьера между климатами севера и юга; за исключением некоторых местных контрастов между берегами противоположных покатостей, те и другие имеют одинаково высокую температуру,

1 Наибольшая высота гор Хай-наня, отмеченная на карте Брейтшнейдера=5.870 футов.

2 Hirth, „Mittheilungen von Petermann“. 1873, VII.

3 Guillemin, „Annales de la propagation de la foi“, janvier 1852.

умеряемую морскими бризами, и два времени года, сезон дождливого юго-западного муссона и сезон сухого северо-восточного муссона, сменяются там в правильном порядке. Обильные росы освежают растения в период засух, и поля всегда сохраняют свою яркую зелень. По свежести растительности ландшафты морского побережья, особенно на севере и на западе, походят на пейзажи западной Европы, но характер флоры показывает, что мы находимся уже под небом Индии. Хай-нань выставлен действию циклонов, хотя в меньшей степени, нежели Формоза; редко случается, чтобы корабли разбивались на его берегах.

Китайские писатели говорят о населении Хай-наня, сравнивают этот остров с кругом, окруженным двумя концентрическими кольцами. В середине живут аборигены, по окраинам китайцы, а в промежуточном поясе цивилизованные туземцы. Различные племена, которые удалились в долины внутренней части острова, известны под именем ли или лой и говорят языком, близко подходящим к наречию народа мяоцзы, живущего на континенте. Дикие ли, неимеющие еще постоянных сношений с цивилизованными жителями побережья, носят у китайцев название сон-ли (шань-ли, чуан-ли), то-есть «варварских ли»; между ними есть еще такие, которые ходят почти голые и не имеют других жилищ, кроме пещер или узеньких шалашей с соломенной крышей; они делятся на множество отдельных колен, постоянно враждующих между собою и отличающихся одно от другого одеждой, вооружением и нравами. Так, наутоны носят волосы закрученные на лоб; мяоты втыкают себе по середине шевелюры палочки бамбука на подобие рогов; бам-мяоты употребляют еще самострел². Инородцы ли, селения которых посещаются торговцами, получили наименование шу-ли, то-есть «зрелых ли», в смысле «прирученных». Группы беглых мяотов, пришедших в разные времена из провинций Гуан-си и западного Гуан-дуна, причисляются к «зрелым» туземцам, на которых они действительно походят нравами, так же как и языком. Что касается китайских завоевателей, то они теперь составляют господствующую расу на Хай-нане. Две тысячи лет тому назад, когда они овладели этим островом, около 23.000 семейств китайских колонистов поселились в разных местах побережья; в 1835 году китайское население Хай-наня не превышало 1.350.000 душ; в настоящее время цифру его определяют приблизительно в два с половиной миллиона (вероятное пространство и население Хай-наня: 3.558 квадратных миль и 2.300.000 душ, так что на 1 квадратную милю приходится по 4.121 жителей). Население острова было бы, вероятно, гораздо значительнее, если бы морские разбойники, еще недавно очень многочисленные в этих водах, не делали частых набегов на остров и даже не поселялись там на постоянное жительство, благодаря тому обстоятельству, что ни одна местность Китая не представляет им более благоприятных условий для того, чтобы нападать неожиданно на проходящие суда и укрываться от преследования. Но колонисты, почти все уроженцы провинций Гуан-дуна и Фу-цзяни, как о том свидетельствуют их местные наречия, никогда не встречали никакого сопротивления, никаких враждебных действий со стороны боязливых туземцев и без труда оттеснили их во внутренность острова; зачумленная атмосфера прудов и болот прибрежной области была главной причиной временных приостановок эмиграционного движения с материка на остров. Большое число гаваней, открывающихся на окружности острова, и правильное чередование муссонов, которые то гонят джонки к открытому морю, то приводят их к пристани, представляют большие удобства местной торговле, и тысячи хайнаньцев плавают по южным морям к Тонкину, Кохинхине, Филиппинским островам, Яве, Сингапуру или Сиаму; во всех частях острова можно встретить разбогатевших эмигрантов, возвратившихся на родину провести остаток дней. Так же, как на соседнем континенте, китайское население острова делится на пунти и хакка, и борьба между этими наследственными неприятелями весьма обыкновенна и в настоящее время.

Цюн-чжоу-фу, главный в административном отношении и в то же время самый значительный город острова, находится, естественно, в части Хай-наня, ближайшей к матерiku, в той, где высаживаются китайские переселенцы и коммерсанты, и где должны складываться

2 Swinhoe, „Journal of the China branch of the Asiatic Society“, 1871, 1872;—„Mittheilungen der geographischen Gesellschaft zu Wien“, 1876.

произведения острова, прежде чем быть отправленными в Гонконг и в Кантон. Окрестности Цюн-чжоу отличаются необыкновенным плодородием и усеяны деревьями, выглядывающими из густой зелени бамбуков. Город, окруженный стеной в 12 метров высоты, построен на расстоянии около десяти километров от моря, но он имеет в бухте, открывающейся на южной стороне пролива, приморский порт Хой-хоу, «Устье моря», которому иностранные negociants дают обыкновенно то же название Цюн-чжоу, как и столице острова; почти все пространство, разделяющее эти два города, занято кладбищами. Уже тяньцзиньский тракт, в 1858 году, предоставил европейцам право непосредственно производить торговлю с Цюн-чжоу, но только в 1876 году они успели восторжествовать над местными сопротивлениями, и суда их появились в первый раз перед портом Хой-хоу. Торговое движение этого порта в 1879 году было представлено 496 судами, общая вместимость которых равнялась 212.724 тоннам; в 1897 году ценность внешней торговли выразилась следующими цифрами: привоз—1.473.998 лан, вывоз—1.826.241 лан, вместе 3.300.239 лан. В заграничной торговле Цюн-чжоу первенство по числу приходящих судов принадлежит германскому коммерческому флоту; однако, барыши по операциям этого обмена реализуются китайскими посредниками, коммерсантами Макао, Гонконга и Кантона. Главные предметы отпуска—сахар, кунжут, ткани из волокон крапивы *boehmeria nivea*, кожи, выделяемые на кожевенных заводах города Хой-хоу, и живые животные, свиньи, куры и голуби, для продовольствия Макао и Гонконга. Так как гавань в Хой-хоу недостаточно глубока, то суда принуждены бросать якорь в открытом море, не доходя более 4 километров до города, подле песчаной мели, которая защищает их от ударов волн. Тем не менее положение этого порта при Хайнаньском проливе делает его необходимой пристанью для судов, отправляющихся из Китайского моря в Тонкинский залив, и исходным пунктом для пассажиров, едущих на твердую землю; этим и объясняется беспрестанное движение судов между Хой-хоу и городом Хай-ань-со, стоящим на северо-западе, на южном берегу полуострова Лэй-чжоу.

Кроме главного города, многие другие важные города рассеяны в разных частях острова. Дин-ань, на реке Да-цзян, к юго-западу от Цюн-чжоу, замечателен как самый большой рынок земледельческих продуктов во внутренней части Хай-наня; Линь-гао и Дань-чжоу, на северо-западном берегу, окружены плантациями сахарного тростника; Яй-чжоу, на южной стороне, ведет торговлю с Филиппинскими островами, Зондским архипелагом и Индо-Китаем; Вань-чжоу и Лэ-хой—главные города на восточном берегу, обращенном к океану.

Города Хай-наня, приблизительное население которых указывается новейшими путешественниками и консулами, суть:

Цюн-чжоу, в 1896 году—41.000 жителей; Лэ-хой, в 1805 году (Пьюрфой)—80.000 жителей; Динь-ань, в 1805 году (Пьюрфой)—60.000 жителей; Хой-хоу—10.000 жителей.

Экономическое и социальное состояние Китая

Известно из предъидущего, что население Китая, численность которого уменьшилась в период войн и внутренних революций, начавшихся со второй половины текущего столетия, теперь снова вступило в период сильного возрастания. В Срединном царстве почти не бывает примера, чтобы гражданин оставался безбрачным; там мужчины женятся в молодых летах, все девушки находят себе мужей, и среднее число детей на семейство значительно выше, чем во всех странах Запада. «Есть три греха против сыновнего почтения, говорит Мен-цзы, и самый большой из них—это не иметь потомков». Безбрачие если и не запрещено законом, но далеко не пользуется популярностью; мандарины могут употребить власть, чтобы насильно заставить вступить в брак мужчин, достигших тридцатилетнего, и девиц, достигших двадцатилетнего возраста. Период удвоения цифры народонаселения не превышал бы двадцати лет, если бы гражданские войны, избиения людей массами и голода не уменьшали излишков каждого поколения. Мир, опять восстановленный в восемнадцати провинциях Срединной империи, конечно, прибавил новые десятки миллионов жителей к суще-

ствующему уже населению; но элементы, из которых оно теперь состоит, уже не совсем те же самые; переселения внутри государства изменили прежнее равновесие. Тогда как некоторые области, в особенности провинции по нижнему течению Желтой и Голубой рек, Юньнань и Гань-су, частью опустели, обезлюдели, другие провинции как-то: Сы-чуань, Фуцзянь, Шань-си, не переставали возрастать по числу жителей, и эти-то страны, по окончании войн, выделяли колонистов, чтобы вновь возделывать заброшенные поля и отстраивать разоренные города и села опустошенных территорий. Но сычуаньцы и фуцзяньцы именно самые трудолюбивые и предприимчивые из китайцев для работ земледелия и промышленности, а шаньсийцы обладают специальными способностями для торговли. В некоторых отношениях можно сказать, что кровь китайского народа обновилась вследствие этого перемещения жителей из одних провинций в другие. Нравы тоже изменяются, ибо переселенцы, естественно, освобождаются от законов, которые на них налагал дух родства или связи корпорации в родной стране; они вступают в новые социальные группы, тем более отличные от их прежних ассоциаций, чем более удален край, в котором они поселились, от места их рождения,

О степени плотности населения в разных частях Срединного царства можно судить только гадательно и на основании данных прежних народных переписей, действительное достоинство которых еще не достаточно определено; но при настоящих сведениях еще невозможно было бы попытаться узнать относительную пропорцию жителей в городах и деревнях. Не подлежит, однако, сомнению, что Китай не может сравниться с государствами Западной Европы, ни с Соединенными Штатами Северной Америки и с Австралией по относительно численной важности городского населения. Правда, что Срединная империя имеет очень большие и многолюдные города, каковы Кантон, У-чан и Хань-коу, Чан-чжоу, Фу-чжоу, Хан-чжоу, Син-ань-фу, Чан-ду-фу, Тянь-цзинь, Пекин и т.д., но эти города должны быть причислены к второстепенным в сравнении с Лондоном и даже с Парижем; относительно громадной территории, которая их окружает, они оказывали гораздо меньшую притягательную силу. Тогда как в странах с преобладающей мануфактурной промышленностью города имеют перевес над деревнями по общему числу жителей, Китай, еще страна по преимуществу земледельческая, заключает в стенах своих городов часть жителей очень незначительную в сравнении с массой сельского населения. Политическая и экономическая централизация в Срединной империи далеко не так сильна, как в большей части европейских государств, и недостаток быстрых путей сообщения не позволяет китайским рынкам привлекать к себе торговое движение, подобное, по размерам, торговому движению многолюдных городов Европы. Кроме того, нужно еще принять во внимание то обстоятельство, что китайцы гораздо более, чем европейцы, зависят от туземного производства пищевых продуктов, и поэтому уменьшение населения деревень в пользу городов имело бы следствием постоянный голод.

Разсматриваемый в общих чертах и не принимая в соображение контрастов, которые представляют различные части империи в форме и постройке своих городов, китайский город,—за тип которого может быть взят древний Си-ань-фу, так успешно сопротивлявшийся магометанам во время последнего восстания,—не принадлежит к тому же периоду эволюции, как европейские города. Своей четырехугольной оградой из высоких зубчатых стен он свидетельствует еще о частых междоусобных войнах, а внутренний или дворцовый город, обнесенный второй каменной оградой, напоминает о завоевании страны маньчжурами. При малейшей тревоге, запирают все четверо или восемь городских ворот, и все башни занимаются отрядами солдат, точно также татарский квартал снабжен всеми средствами обороны и может в одно мгновение уединиться от города и приготовиться к обратному завоеванию китайского квартала. Пространство, ограниченное второй оградой, заключает в себе ямынь, то есть местопребывание администрации, с её канцеляриями и судами: это самая тихая часть города, та, вокруг которой расстилаются сады и парки. Гораздо значительнее движение на улицах китайского города; но всего охотнее торговый и промышленный люд селится за городскими стенами, в предместьях, куда можно входить во всякий час ночи, не заботясь о ка-

раулах, и где полицейские и военные правила мало стеснительны и легко могут быть обходимы. Эти внешние предместья, продолжающиеся на целые версты по краям дорог и каналов, делаются мало-по-малу настоящими городами: здесь мы видим явление аналогичное тому, которое происходило в Европе, когда городские населенные пункты, спускаясь с акрополей или кремлей, постепенно распространились по отлогостям, затем у основания холмов, в открытых равнинах. Таким образом городская жизнь перемещается постепенно: от своей первоначальной военной формы, грубо ограниченной стенами и укреплениями, китайские города переходят к форме более привольной, контуры которой соотносятся уже с рельефом почвы и с течением рек. В период гражданских войн и восстаний, которые недавно пронесли опустошительным потоком по стране, большинство этих предместий совершенно исчезли с лица земли, но по окончании смутного времени население опять устремилось в непосредственные окрестности городов и принялось вновь отстраивать разрушенные жилища, и теперь многие предместья сделались уже более важными центрами населения, чем город, подле которого они построены. При том, китайские дома, простые срубы из легкого хвороста и из бамбука, с украшениями из бумаги, легко могут быть возобновляемы. Монументальных построек, в роде тех, какие мы видим в городах Европы, весьма немного встретишь в китайских городах. Оттого и землетрясения гораздо менее опасны в Срединном царстве, нежели в странах, где преобладает архитектура западных народов; но зато пожары, которые часто вспыхивают среди всех этих легких деревянных строений, особенно здесь свирепствуют. По этой причине летом обыкновенно запирают южные городские ворота, дабы «не пропускать бога огня»; остаток древней солнечной религии, смешанный с другими суевериями, поддерживает опасение, чтобы пожар не проник в городскую ограду через отверстие, обращенное на юг¹.

Только дома богатых людей, вообще говоря, отличаются большею опрятностью, и украшены разнообразными цветами, которые превращают помещения в настоящие оранжереи; но города по большей части имеют невыразимо грязный вид и составляют поразительный контраст с полями, содержимыми в образцовом порядке. На улицах, загроможденных разной дрянью и окаймленных по сторонам водосточными канавами, всегда царствует невыносимая вонь, и мер к удалению сора и нечистот не принимается почти никаких; городское управление предоставляет времени и животным уничтожать остатки, которые земледельцы не могут употреблять непосредственно на удобрение своих полей. Оттого-то эпидемии в Китае, особенно оспа, относительно гораздо более часты и более смертоносны, чем в Европе, и эндемические болезни, происходящие главным образом от неопрятности, свирепствуют между китайцами; проказа, элифантиазис (бугорчатая, слоновая проказа)—страшные бичи, похищающие много жертв в области морского побережья, особенно на юге империи. Вероятно девять десятых китайского населения одержимы болезнями кожи², происхождение которых приписывается вредным испарениям рисовых плантаций, очень опасным в жаркую летнюю пору; всего более должны страдать от этого болотного пропитанного сыростью воздуха женщины, которым приходится топтаться по колена в мокрой земле, чтобы очищать поле от сорных трав. Однако большинство гигиенистов согласно признают у китайцев необыкновенную силу сопротивления губительным влияниям климата; лучше, чем всякий другой народ, они умеют применяться к крайним переменам температуры, влажности и высоты места над уровнем моря³. Чрезвычайно замечателен в китайской демографии тот факт, что, распространяясь от одной до другой оконечности империи и скрещиваясь до бесконечности, китайцы никогда не соединяются между лицами, принадлежащими к семействам, носящим одинаковое фамильное имя. Брачные союзы между мужчинами и женщинами одной и той же фамилии, хотя бы и не родственными между собою, безусловно воспрещены; таким образом вся нация оказывается разделенной на 150 различных групп, члены которых могут соеди-

1 W. Gill, „The River of Golden Sand“.

2 Wernich, „Geographische-medicinische Studien“.

3 Thorel, „Voyage d'exploration en Indo-Chine“, par Fr. Garnier.

няться между собой узами родства только косвенно, чрез женское потомство.

Уже много тысяч лет китайцы обрабатывают свою плодородную землю, и никогда не случилось, кроме как во времена внутренних смут и войн, чтобы земледельческая производительность страны уменьшалась; теперь более значительная, чем в предшествующие эпохи, она не только достаточна для прокормления сотен миллионов людей, скученных на пространстве Срединного царства, но еще дает излишек, составляющий предмет довольно важной заграничной торговли. Китайский земледелец не анализировал химически своих земель, семян и удобрений, как европейский агроном, он не обладает усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями английских ферм, но вековой опыт предков научил его распознавать качества почв и потребности растений; он знает, что различные культуры должны следовать одна за другой в известном порядке на одной и той же почве; он благоразумно размеривает количество примешиваемых к земле удобрений или туков, мергеля, извести или фосфорно-кислых солей, степной травы, сгнившей травы, золы, толченых костей, маслянистых остатков или выжимок, животных или человеческих удобрений, а несовершенство орудий восполняет ловкостью ручной работы; он разбивает, размельчает и уравнивает землю руками и даже ногами, пальцы которых, благодаря этому упражнению, сделались у него гораздо более подвижными, чем наши¹; он старательно вырывает всякую негодную траву; таким образом вся производительная сила почвы сберегается для будущего урожая.

Искусственная ирригация полей производится тысячами различных способов, при помощи насосов всякого рода, посредством особенных гидравлических машин, приводимых в действие людьми, животными или ветром; но чаще всего китаец поит свои растения непосредственным орошением, ручной поливкой, и таким образом его культура походит более на садоводство или огородничество, нежели на экстенсивное полеводство европейцев, и употребляемые китайцем приемы приближаются к тем, которые употребляются западными садовниками и огородниками. Результатом подобной земледельческой культуры является то обстоятельство, что в плодородных равнинах, особенно на богатых землях окрестностей Шанхая, двадцать человек живут в довольстве продуктами, получаемыми с одного гектара. Прежде, чем Китай вступил в деятельные торговые сношения с иностранными государствами, он производил все, что было необходимо для его потребления; он сам удовлетворял все свои потребности, и между северными, центральными и южными провинциями существовало совершенное равновесие, достигаемое путем внутренней торговли. Тогда казалось почти преступным предполагать, что отечество может нуждаться в привозе каких-либо продуктов или товаров из-за границы, и гордость патриотизма примешивалась к влиянию традиции, чтобы поощрять правительство к сопротивлению против европейских армий, которые хотели принудить его открыть свои порты торговле внешнего мира. Впрочем, еще и до сих пор Срединное царство содержит еще весьма обширные пространства неводеланных земель. По официальным статистическим сведениям, относящимся к началу настоящего столетия, совокупность обрабатываемой территории в собственном Китае обнимала около 46 миллионов десятин, без лесов, пастбищ и выгонов, без земель, принадлежащих императору, пагодам и общинам, и Шань-дун был единственной провинцией, где более половины площади было покрыто пашнями². Почти все гористые области еще лежат нетронутыми, и некоторые путешественники были совершенно неправы, когда, увидав лесенки зелени, разводимые на скалах гор, господствующих над долиной фудзянской реки Минь, или гор некоторых местностей Юнь-нани, Чжэ-цзяна и Ху-бэй, заключили из этого, что вся почва Китая взрыта заступом или плугом³.

Между европейскими учеными, в особенности Либих указывал на счастливый контраст, который представляет китайское земледелие в сравнении с земледелием многих других

1 D'Escayrac de Lauture, „Memoires sur la Chine“.

2 Захаров, „Arbeiten der russischen Gesandtschaft zu Peking“.

3 R. Fortune, „Wanderings in China“;—Gill, „The River of Golden Sand“.

стран, где почва истощена. Было время, когда Палестина, столь бесплодная в наши дни, «текла млеком и медом». Центральная Италия тоже обеднела в отношении производительности почвы; в эпоху основания Рима окрестная местность, Кампанья, была плодоносна и густо населена; но уже десять столетий спустя холмы стояли голые, лишённые растительности, низины покрылись лужами и болотами, словом, пустыня царствовала вокруг стен вечного города. И сколько других плодородных земель были обращены в бесплодные пустыни истощающей культурой, неумеющей возвращать почве элементов, отнятых у неё посевами! Даже в Соединённых Штатах и в Бразилии многие поля, дававшие ещё недавно обильные урожаи, теперь не покоряются плугу. Да и самые передовые и наиболее цивилизованные страны, Англия, Франция, Германия, разве не принуждены ввозить из-за границы каждый год значительную часть своего продовольствия, разве они не должны покупать, в форме гуано или других удобрительных веществ элементы, которые возвратят истощенной почве её производительную силу? Пахатные поля Китая, за исключением «желтых лессовых земель», не требующих удобрения, обязаны сохранением своего плодородия в течение четырех тысяч лет единственно той благоговеющей заботливости, с которой хлебопашец возвращает им в другой форме все, что взял у них; непрерывный «круговорот» снова приносит в землю химические элементы, содержащиеся в получаемых с неё урожаях¹.

Культура риса составляет важнейшую отрасль сельского хозяйства Срединной империи, ту отрасль, которая дает средства для прокормления всех жителей средней и южной полосы государства: площадь рисовых полей исчисляются по меньшей мере в одну восьмую всего пространства возделываемых земель². Впрочем, китайцы обладают различными разновидностями этого хлебного злака и знают разные способы его культуры; у них есть даже один вид горного риса, который они сеют на крутизнах, расположенных террасами, и которому достаточно воды, падающей в виде атмосферных осадков. На севере от Хуан-хэ самые обыкновенные сорта хлебных растений — пшеница, просо, сорго; кроме того, каждая семья земледельцев, в бассейне Желтой реки, как и в других частях империи, старательно содержит, подле домика, огород, где можно встретить, смотря по климатам, все европейские овощи и другие, неизвестные у нас; нигде рынки не снабжаются в таком изобилии плодами и овощами, ибо, при равенстве средней температуры, Китай производит большее количество растений, чем Европа под соответственными изотермическими линиями; благодаря сумме летней теплоты, хлопчатник, сахарный сорго, фисташки, сладкий картофель, лотос растут и приносят плод в умеренных областях крайнего Востока, тогда как попытки ввести эти растения в Европу в большинстве не имели успеха³. Но для того, чтобы подвергнуть таким образом почву обработке, доведенной до степени садоводства, нужно было пожертвовать лесами. В «Цветке середины», там, где население скучено массами, дикое дерево занимает слишком много места, и потому его заменили культурным растением; для фабрикаций гробов китайцы уже принуждены ввозить лес из-за границы, Приамурья, Приморской области, даже из Северной Америки. Высохшая трава, солома, корни, разные растительные остатки и обломки составляют единственное топливо; да и это топливо расходуется крайне экономно; нескольких пучков прутьев достаточно для приготовления пищи⁴. Во время зимних холодов не топят печей для нагревания дома; прибавляют только к обычной одежде меховые штаны, да шубу или два, три балахона. Крупная растительность представлена в сельских местностях восточного Китая, по крайней мере к северу от Голубой реки, только бамбуковыми рощами, фруктовыми садами, рядами деревьев вдоль полей, и там и сям группами зелени вокруг пагод и особенно вокруг могил. Таким-то образом города и деревни окружаются обширными пространствами земель, отнятых у земледельческой промышленности. Окрестности населенных

1 Liebig, „Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie“;—Plath, „Die Landwirthschaft der Chinesen und Japaneses“.

2 Liebig, „Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie“;—Plath, „Die Landwirthschaft der Chinesen und Japaneses“.

3 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage dans l'Empire Chinois“.

4 Engine Simon;—Fortune;—Hedde;—Syrski;—Plath.

мест, поля и равнины покрылись бы надгробными памятниками, если бы по древнему обычаю, имеющему силу закона, плуг не был беспощадно проводим по всем кладбищам при воцарении каждой новой династии; только маньчжурские государи, желая приобрести популярность, позволили сдвинуть могилы и осеменяющие их деревья; таким-то образом самородная растительность и дикая фауна могли сохраниться в рощицах священных деревьев.

Лугов в Китае тоже очень мало, как и лесов. Земля слишком ценна, чтобы ее можно было утилизировать косвенным образом для продовольствия человека посредством разведения бойного скота, ибо то же самое пространство почвы, которое прокармливает миллион быков, дало бы количество хлебов и овощей, достаточное для прокормления двенадцати миллионов людей. Уже за тысячи лет до нашего времени народ «Ста семейств» сумел сделать себе помощников из быка и лошади и присоединить их работу к своему собственному труду. По преданию, мифический император Фу-си, живший, говорят, более, чем пятьдесят три столетия тому назад, первый приручил «шесть животных», сделавшихся домашними по преимуществу, — лошадь, быка, свинью, собаку, барана и курицу. Кажется, однако, что лошадь и собака долгое время были представлены лишь небольшим числом неделимых, и при том первая из них быстро вырождается в южных провинциях. По своим отношениям к животному миру, китайцы существенно отличаются от монголов, кочующих звероловов и пастухов овец: у них нет стад, которые нужно бы было стеречь, им не приходится бродить по обширным пространствам, и, следовательно, ни собака, ни лошадь для них не необходимы, а чтобы возделывать землю, они нуждаются только в собственных руках. Большие домашние животные, быки, буйволы, лошади употребляются только для перевозки тяжестей и езды; они всегда пользуются самым тщательным уходом: чтобы предохранить от холода, их окутывают попонами, а на худых дорогах им надевают на ноги обувь из соломы. Предписания буддизма и природная привязанность крестьянина к своему помощнику в работе не позволяют ему есть мясо домашних животных иначе, как с отвращением¹; даже уголовный кодекс определяет строгое наказание против тех, кто убивает одно из своих животных, без особенного разрешения². Но оставляя в стороне секты вегетарианцев (употребляющих исключительно растительную пищу), довольно многочисленные в стране, и которые воздерживаются также от употребления вина и «растительных мяс», каковы лук и чеснок³, китайцы прибавляют немного мяса к своей пище: они едят в особенности мясо свиней, которые разведены у них в большом числе разновидностей, и содержание которых обходится им очень дешево; на прудах и реках встречаешь домашних уток огромными стадами в три или четыре тысячи штук, за которыми присматривают либо малые ребята, сидящие на лодках, либо даже петухи, которые наблюдают за стадом с берега и своими криками да шумными помахиваньями крыльев не позволяют ему разбродиться⁴. Утка составляет предмет значительной торговли; убитую птицу высушивают между двумя досочками, как цветок в гербарии, и в этом виде посылают ее до самых отдаленных провинций: таким же точно способом готовят, в южных провинциях и особенно в Ху-нани⁵, собак особой породы, и даже крыс и мышей; кузнечики, саранча, шелковичные черви, змеи⁶ входят в число продуктов, составляющих пищу бедняка, а плавники акул, морские кубышки (трепанги) и ласточкины гнезда подаются к столу богача-гастронома.

Китайцы чрезвычайно искусны и изобретательны в деле возможно большего умножения количества животной пищи, которое природа предоставила в их распоряжение. Они знают средства увеличивать плодовитость домашней птицы, и вследствие того, производство яиц в Китае гораздо значительнее, чем в Европе; они умеют помешать курице сесть на яйца, за-

1 Engine Simon, „Recits d'un voyage en Chine“.

2 John Francis Davis, „The Chinese“.

3 J. Doolittle, „Social Life of the Chinese“.

4 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage dans l'Empire Chinois“.

5 Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.

6 Purefoy;—Carl Ritter, „Asien“;—A. Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie“.

ставляя ее принимать ванны¹, и задолго ранее западных народов употребляли способы искусственного вывода цыплят, чтобы устранить случайности неудачного высиживания их самой наседкой. Они защищают голубей против хищных птиц, прилаживая им между крыльями свистки из бамбуковой коры, тонкой как бумага; рассказывают даже, что они обладают искусством дрессировать пернатых так, чтобы они отмечали часы пением, повторяющимся столько раз, сколько ударов сделает колокол². Рыбаки тоже проявляют изумительное искусство по части ловли рыбы, которую ловят на дне воды, без сетей и без снарядов, и достигли высокой степени совершенства в разведении пресноводных и морских видов³. На берегах провинции Фу-цзянь они собирают маленькие раковинки и, в буквальном смысле, «сеют» их в прибрежных тенистых лагунах, где эти моллюски быстро растут и делаются более вкусными. Один вид алозы или бешеной рыбы, называемой самли, разводится почти исключительно искусственными способами; ее отправляют далеко во всех состояниях роста, в больших сосудах из грубого фаянса. Есть рыбы, которые мечут икру до двух раз в месяц, и которых разводят не только в живорыбных садках, но еще на рисовых полях, и даже, если эти поля слишком скоро обсыхают, в лужах, образовавшихся от сильных дождей⁴.

В совокупности отечественного производства культура чайного дерева играет очень важную роль, так как она доставляет самый значительный материал для внешней торговли. Количество чая, потребляемое внутри страны, должно немного превосходить то, которое употребляется в остальном мире, но вычислить это количество пока еще невозможно даже приблизительно. Впрочем, употребление настоящего чая, хотя практикуемое уже двенадцать или пятнадцать столетий, не сделалось еще общераспространенным в Китае. В северных провинциях только богатые люди позволяют себе роскошь пить чай из области Голубой реки, бедный же люд и даже люди среднего достатка довольствуются разными суррогатами, куда чай входит лишь в незначительной доле; кроме того, они пьют другие отвары или настои, или даже просто горячую воду. В провинциях, производящих ароматический лист, недостаточные жители тоже принуждены заменять чай листьями, которые они собирают в рощах, преимущественно листья ивы⁵. Собранные весной, эти листья раскладываются на солнце, на ровных площадках, где они подвергаются легкому брожению, после чего их обрабатывают точно так же, как чай, и они принимают вкус чайных листьев; одни только знатоки могут отличить этот суррогат от настоящего чая. В некоторых округах эта промышленность получила некоторую коммерческую важность вследствие фальсификации, которую позволяют себе ханькоуские, шанхайские и амойские негоцианты, делая обманные подмеси в чаях, предназначенных для европейского потребления.

Между семьюдесятью различными отраслями или производствами собственно земледелия, которые перечисляют путешественники-исследователи, культура сахарного тростника и хлопчатника, тутового, воскового, сального и лакового деревьев, культура конопли, крапивы бомерии, и, еще в гораздо большей мере, культура бамбука имеют первостепенную экономическую важность. Апельсинные и померанцевые деревья, которые Китай передал остальному миру, так же, как персиковое дерево и шелковицу, — самые производительные из фруктовых деревьев в южных областях Среднего царства. Опиум, несмотря на то, что культура его официально воспрещена, возделывается почти во всех провинциях империи, преимущественно в Ху-бэй. Сы-чуани, Юнь-нани, Чжи-ли, Маньчжурии, дает снадобье, которое, хотя ценится ниже индийского опиума, но вытесняет последний и представляет собою значительную часть земледельческого производства. Область Ян-цзы-цзяна, куда хлопчатник первоначально перевезен был с Зондских островов и из Туркестана, сделалась было, во время северо-американской международной войны, одною из стран-производительниц драго-

1 „Lettres edifiantes“; — Plath; — Simon; — Huc, etc.

2 Milne, „La vie réelle en Chine“.

3 Fortune, „China“.

4 Richthofen; — Fortune.

5 Fortune; — Richthofen.

ценного волокна, и поля провинции Чжэ-цзян покрылись хлопчатобумажными плантациями, в ущерб другим культурным растениям, которые, впрочем, с тех пор опять завоевали почву.

Гора Фузи-Яма въ Японіи.

Плодопеременное хозяйство с его севооборотами урегулировано таким образом, чтобы удовлетворять потребностям громадного народонаселения, и невозможно было бы, не подвергая страну серьезной опасности, предпринимать существенное изменение этого новораз-

деления и всего способа культуры, освященного более чем двадцативековым опытом¹. Как, в самом деле, трогать это удивительно стройное целое, в котором все части так хорошо согласуются одна с другой, так гармонически переплетаются и взаимно дополняются, на всем пространстве огромного Срединного царства, от передовых плоскогорий Тибета до берегов Тихого океана? Как преобразовать в особенности эту обширную систему искусственного орошения, сеть которой обнимает горы, холмы и равнины, распространяя оплодотворяющую воду на все уровни расположенных ярусами полей? Единственная значительная перемена, которая может сделаться и действительно делается, к выгоде китайского земледелия, — это увеличение удобной к обработке территории: так, в течение нынешнего столетия культура была постепенно распространяема по отлогостям гор и по залежам и новинам, благодаря введению картофеля и кукурузы². Точно также крестьяне во все времена делали захваты земли на болотах и на озерах посредством разведения аллоказии и лотоса, которых корни и семена употребляются в пищу, как лакомые плоды, а листья примешиваются к курительному табаку, чтобы смягчить его крепость³.

Известно, каким почетом пользуется земледелие в народе «Ста семейств». Между общественными классами сословие земледельцев возводится на первое место, потому что оно дает хлеб всем, и без него никто не мог бы возвыситься до понимания правил морали и обрядности религии. Сам император считается первым хлебопашцем «Великой и Чистой империи», и известно, что еще недавно исполнялось древнее правило, в силу которого глава государства должен был, в конце марта месяца, провести плугом три борозды, одетый по-крестьянски. Принцы крови, высшие сановники империи, старики, созванные на эту церемонию, затем настоящие пахари продолжали работу, начатую богдоханом, и зерно, собранное с императорской полосы, представлялось в следующем году в дар богу Неба, как приношение всего народа⁴. Но если император священнодействует от имени всех земледельцев Срединного царства, то он, однако, есть лишь виртуальный собственник земли, действительным владельцем обрабатываемого поля является крестьянин, который пользуется им и передает его своим наследникам на правах полной собственности.

Несмотря на приписываемую китайской нации неподвижность, нет народа, у которого бы система землевладения подвергалась более частым и более радикальным переменам; земледелие играет слишком важную роль, чтобы перевороты не были направлены специально на форму владения полями. В первые времена китайской истории земля составляла общую собственность «Ста семей»; все мужчины от двадцати до шестидесятилетнего возраста, которые могли содействовать своей физической силой содержанию и защите отечества, имели тем самым право на долю удобной для пахания почвы. Однако, частная земельная собственность возникла и утвердилась мало-по-малу в пользу императора и вельмож, и, начиная с двенадцатого столетия старой эры, земля делилась на уделы и лены, как должна была разделяться впоследствии почва Западной Европы. Каждый способный к труду человек, хотя зависевший от какого-нибудь ленного владельца, сохранял свое право на обработку части лена, и даже некоторые угодья поместья, леса, пажити, выгоны, пустоши или невозделанные земли оставались нераздельными для каждой группы из восьми семейств. Китайская сельская община была организована почти так же, как в наши дни организован мир в великорусских губерниях. При разделах земли принимали в расчет местоположение и качество полей: кто получал лучший участок, наиболее расположенный или ближайший к городам, тот должен был довольствоваться меньшим пространством. Торговец и промышленник тоже получали часть, но размеров, относительно, небольших, для того, чтобы они во всякое время имели возможность вернуться к земледельческому труду, в случае неуспеха в избран-

1 Eugene Simon, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, dec. 1871.

2 Armand David. „Journal de mon troisieme voyage dans l'Empire Chinois”, — Williamson, „Journeys in North China, Manchuria, and Eastern Mongolia“.

3 Hunc, „L'Empire Chinois“.

4 Plath, „Geschichte der ostlichen Asiens”

ной ими профессии. При этом никто не имел права продать, отдать в наем или заложить свою долю земли: такова система, которой дали название «общинного землевладения». Некоторые остатки её встречаются еще и теперь не только в самом Китае, но также в странах китайской цивилизации, между прочим в Корее¹.

Китайский «мир» держался в продолжение более, чем двадцати поколений, при господстве феодального порядка; но около половины четвертого столетия до Рождества Христова новая перемена, которую давно уже предвещали различные явления, совершилась и получила силу закона. Так как распределение населения сделалось с течением времени очень неравномерным, то различные группы из восьми семейств оказывались весьма несправедливо наделенными землей; в то время, как одни не могли более существовать на своих маленьких имениях, другие, напротив, владели обширными землями, окруженными, сверх того, пустопорожними, неимеющими определенных границ, пространствами, которые они тоже могли утилизировать. Так как старое социальное равновесие не представляло более устойчивости, то «испорченность нравов» изменила его; было позволено каждому земледельцу селиться на гуляющей, незанятой земле везде, где ему полюбит, и проводить там межи своего владения, не заботясь об общинных границах. Сельский мир окончательно распался в одно время с исчезновением феодального порядка, и каждый из крестьян прежней общины сделался собственником, с правом продажи и передачи своего имения в виде дара или по наследству; на место коллективного землевладения установилась частная собственность. Преобразование, которое некоторые экономисты предсказывают России в близком будущем, совершалось, следовательно, уже слишком две тысячи лет тому назад в Срединной империи. Но последствия этого разложения общинной группы не заставили себя долго ждать: все те, кого обогащали торговля, промышленность, милость государя или какие-нибудь другие благоприятные обстоятельства, делались приобретателями земли, в ущерб хлебопашцам, возникла крупная земельная собственность, и мало-по-малу обезземеленные крестьяне, не имея более даже такого кусочка земли, где бы можно было «воткнуть иголку», кончили тем, что сделались по большей части невольниками или крепостными богатых землевладельцев; самые счастливые из них были те, которые продолжали возделывать, в качестве арендаторов, поля своих предков. Начались частые бунты и восстания, нищета сделалась общим явлением, само государство обеднело, и поступление податей и налогов достигалось с большим трудом. Непрерывная борьба завязалась между сторонниками нового порядка вещей и приверженцами общинного землевладения. В течение слишком тысячи лет политическая история империи сливается с историей землевладения; смотря по альтернативам местных революций и превратностям династий, которые то хотели нравиться народу, то опираться на знать, права земледельца и привилегии помещичьей собственности поочередно брали верх, и часто устраивались соглашения и сделки между находившимися в борьбе партиями. Так, в девятом году христианской эры министр Ван-ман, овладевший престолом, провозгласил, что с этого времени земля будет императорскою собственностью: «ни один подданный не может удерживать за собой более одного цина — около 5 с половиной десятин, и не может иметь более, чем восемь невольников мужского пола. Продажа земли воспрещается, дабы каждый мог сохранить то, что ему дает хлеб. Все излишки земельной собственности, которые окажутся во владении отдельных лиц, возвращаются казне и имеют быть розданы общинам соразмерно их нуждам. Всякий сомневающийся в мудрости этих мер будет изгнан из пределов государства; всякий противящийся им будет казнен смертию». Новый закон действительно приведен был в исполнение, но несколько лет спустя вельможи опять завладели своими поместьями. Еще раз попытка восстановления старого общинного землевладения потерпела неудачу. «Сами Юй и Шунь, говорил один современный философ, не успели бы восстановить этот порядок земельной собственности. Все на свете меняется, реки перемещают свое течение, и что уничтожено временем, то исчезает навсегда».

После различных перипетий, которые повлекли за собой внутренние революции и пере-

1 Захаров, „Труды Императорской русской миссии в Пекине“.

мены династии, китайские социалисты, оставив идею общинного землевладения в том виде, как оно существовало в старину, попытались ввести новую систему. Никогда в истории человечества подобный переворот не был предпринимаем правителями для преобразования всего общества. Вангачже, сделавшийся, в половине одиннадцатого столетия, другом и советником императора Чжань-цзуна, смело принялся за разрушение старого социального строя; в 1069 году, по его инициативе, издан был указ, отменявший всякую личную собственность; государство становилось единственным владельцем и принимало на себя заботу о равномерном распределении продуктов почвы между работниками; богатство и бедность одинаково упразднялись, так как труд и пропитание обеспечивались всем и каждому, и так как никто не мог овладеть ни малейшим клочком земли; все промыслы были поставлены под управление государства, и капиталисты должны были, в пятилетний срок, передать свои капиталы правительству. Несмотря на противодействие мандаринов и прежних ленных владельцев или помещиков, Вангачже удалось мирно поддерживать этот государственный коммунизм в продолжение пятнадцати лет; но достаточно было перемены царствования, чтобы ниспровергнуть новый порядок, который не соответствовал ни желаниям народа, ни желаниям знати, и который к тому же создал целый класс инквизиторов, сделавшихся истинными владельцами земли.

Под владычеством монголов, земельная собственность сразу перешла в другие руки, чтобы образовать новую феодальную систему, опиравшуюся на право завоевания. Сановники империи завладели большими ленами, обнимавшими тысячи и сотни тысяч десятин; последний солдат получил на свою долю отдельное имение. В то же время монголы, желая расширить пастбища для своих лошадей, преследовали странный идеал—заменить пашни лугами или травяными степями и оттеснить китайцев к югу. Последовало формальное запрещение производить какие бы то ни было запашки в Пекинской равнине, и только в конце царствования династии Юань хлебопашцы добились разрешения делать кое-какие посевы осенью¹. Известно, что усилия монгольских государей в этом направлении не имели успеха; вместо того, чтобы оттеснить китайцев за Желтую реку, они, напротив, принуждены были удалить-ся со своими ордами, стадами и табунами на север от Великой стены. Толпа земледельцев водворяется на их землях, населенными все более и более плотными, тогда как промышленники и купцы лишают их всех сбережений, гордясь присвоенным им, совершенно справедливым, прозвищем «татароедов».

*Вообще же по праву владения китайские земли делятся: на земли частные или мин-тянь, земли школьные—ся-тянь и войсковые или тун-пян. Последние расположены в застенном Китае и особенно в Маньчжурии и Гань-су-синь-цзянь.

Все этого рода земли оплачиваются особым налогом в пользу государства, но кроме их есть еще земельная собственность, принадлежащая монастырям, доходы с неё идут исключительно на дела благотворительности².*

В настоящее время в Китае преобладает система мелкой земельной собственности; но часто случается, что земля остается под управлением старших братьев, в нераздельном владении всех членов семьи или даже целой деревни; следы прежнего общинного землевладения встречаются еще во всех частях империи. Так как большие капиталы направляются преимущественно к промышленности и торговле, то земля в некоторых провинциях остается почти всецело в руках тех, кто ее обрабатывает; однако, существует еще много обширных имений, почва которых эксплуатируется либо арендаторами, либо исполонниками, которые делят летний урожай с землевладельцем и сохраняют за собой всю зимнюю жатву; они доставляют скот, удобрение и земледельческие орудия, тогда как помещик платит поземельный налог, который, впрочем, относительно очень не велик. В плодородных провинциях морского побережья, где почва наиболее разделена, собственность в 6 гектаров считается уже большим имением, а средняя величина земельных эксплоатаций, вероятно, не превышает одного гек-

1 Захаров, цитирован. мемуар.

2 Коростовец, „Китайцы и их цивилизация“, 336 стр.

тара¹. Глава семейства может продать или заложить свое имение, но не иначе, как предлагая его сначала членам своего семейства и своим близким родственникам по порядку их родства²; по духовному завещанию или при передаче в дар своим семейным он должен разделить его на части почти равные между всеми своими сыновьями. Закон обязывает его держать свои нивы или плантации в хорошем состоянии; запущенная земля, остававшаяся три года сряду в виде залежи, конфискуется и уступается новому владельцу, всякому, кто пожелает занять ее. Даже глава общины несет ответственность за хорошее или дурное содержание полей; если земли худо обрабатываются, то уголовный кодекс может приговорить его к наказанию от двадцати до ста ударов бамбуком по пятам; по китайским понятиям, не заботиться о том, чтобы почва давала, или что она может дать, значит совершить преступление против нации. Право поселения на невозделанной земле принадлежит всем без исключения; достаточно, чтобы переселенец заявил о своем прибытии местным властям, с просьбой об освобождении его от платежа податей, и эта льгота дается ему на известный период времени. Наконец правительство и само основывает поселения, военные или ссыльные, в местностях, удаленных от больших городов и дорог, особенно в провинции Гань-су, в Чжунгарии и в Маньчжурии. Коронные или удельные земли, площадь которых сравнительно не велика, все находятся вне Китая в собственном смысле, именно в Монголии, близ Великой стены и в Маньчжурии, стране, откуда происходит ныне царствующая династия. Плантации, окружающие храмы, поля, доходы с которых употребляются на содержание школ, земли, пожертвованные или завещанные в пользу больниц, приютов и других богоугодных или общественных заведений, наконец, часть болот, а также намывных земель, морских и речных, управляются общиной. Казенные земли в 1831 году были распределены следующим образом:

Уделы императорской фамилии—302.850 гектар.; земли восьми хошунов (знамен)—860.800 гектар.; земли храмов, школ и приютов—130.980 гектар.; болота и морские намывные земли—626.750 гектар.; всего 1.921.380 гектар.

Мануфактурная промышленность Срединного царства по древности превосходит на много столетий ту же промышленность Запада, и даже некоторые из важнейших открытий, сделанных в Европе в конце средних веков, были уже давно известны китайцам. Марко Поло и первые европейские исследователи крайнего Востока говорят с удивлением о тканях, металлических изделиях и других произведениях промышленности «манзов»; но первые достоверные документы, относящиеся к мануфактурам Китая, достигли в Европу только в конце семнадцатого столетия, благодаря посольству восточной компании голландских провинций. Миссионеры и знакомили Европу со многими из употребляемых китайцами способов фабрикации, а в текущем столетии Станислав Жюльен и другие синологи дополнили этот труд переводом многочисленных китайских сочинений. Быстрая понятливость и смекалка, ловкость рук, свойственные китайскому рабочему, не составляют только привилегий расы, они происходят также от того, что крупная промышленность, с её разделением труда до крайней степени, еще не овладела мануфактурным населением. Каждый предмет искусства есть произведение одного художника, который сам начертывает, формует и разрисовывает его; то же самое нужно сказать о мебели и материях, которые всегда являются продуктом индивидуального труда. Во многих провинциях крестьяне в то же время и ремесленники; они сами ткнут, прядут хлопок и выделывают холст³. Особенно по части корзиночного производства они достигли замечательного совершенства; плетенье их корзин до такой степени плотно, что они служат для переноски всякого рода жидкостей, заменяя деревянные ведра и металлические сосуды.

За исключением, однако, небольшого числа изделий, жители Цветущего царства не могут более похвалиться своим превосходством над «западными варварами», и потому они подражают тому, что доходит к ним из Европы. Инструменты и орудия, разного рода украше-

1 Syrski, „Landwirthschaft von China“.

2 Gray; —Katscher, „Bilder aus dem chinesischen Leben“.

3 De Courcy, „L'Empire du Milien“.

ния, часы карманные и стенные, тысячи предметов туалета и домашнего обихода, которые фабрикуют кантонские и фучжоуские мастера, и которые расходятся по всей Срединной империи, были по большей части скопированы с образчиков, привезенных из западных государств; также и по части больших работ, эти наставники, пришедшие из Европы или из Нового Света, научили детей Хань искусству строить локомобили, машины прядильных фабрик, пароходы и управлять ими. Что касается старинных промыслов, то им трудно было-бы преобразоваться, так как способы их доведены уже до последней степени простоты и отчетливости. Некоторые из них не изменились в течение четырех тысяч лет; они могут исчезнуть, замененные другими, но измениться не могут¹. Между промышленностями или ремеслами, которые погибли, без сомнения потому, что способы фабрикации были известны лишь небольшому числу мастеров, есть такие, которых ни китайцы, ни европейцы не могли опять найти. Лучшие нынешние мастера не в состоянии выделывать бронзы с чернью, финифтяные работы и фарфоровые вазы, которые могли бы сравниться с изделиями этого рода, хранящимися в музеях². По части красивого искусства, для которого употребляются преимущественно растительные соки, китайцы до сих пор еще могут быть учителями европейцев и обладают различными цветами, секрет которых неизвестен за границей.

Мы знаем, как богат Китай металлами, солью и каменным углем. Солепромышленники очень искусны в эксплуатации соляных источников и не уступают европейским рабочим в искусстве концентрировать маточный рассол и кристаллизовать соль, либо при помощи солнечной теплоты, либо искусственными средствами или действием газов, выделяющихся из «огненных колодцев», как это делается в Сы-чуани. Что касается рудокопов, то они употребляют еще самые первобытные способы для разработки залежей каменного угля; трубы и лестницы из бамбука заменяют у них сложные машины европейских горных инженеров; несмотря на недостаток железных дорог для перевозки минерального топлива на большие расстояния, ежегодная добыча этого продукта простирается до нескольких миллионов тонн; Китай занимает уже шестое место между производящими ископаемый уголь государствами, в ожидании того времени, когда, с одной стороны, обеднение английских копей и, с другой стороны, правильное устройство его подземных галлерей обеспечат ему первое место. Каменноугольный бассейн Сы-чуани простирается на пространстве по меньшей мере 250.000 квадратных километров; бассейн Ху-нани тоже занимает весьма значительную площадь; но самый важный из всех, если не по протяжению или содержанию угля, то, по крайней мере, по чрезвычайной легкости доступа,—это бассейн южного Шань-си, где правильные пласты, начинаясь на уровне окружающих равнин, продолжают далеко во внутренности горных пород³. Не встретилось бы никаких затруднений построить железные дороги, проникающие с равнины в копи и разветвляющиеся в подземных галлерей в обширную сеть. Нигде месторождения минерального топлива не представляют столь благоприятных условий для удобной и не дорого стоящей эксплуатации. При теперешних размерах потребления, южный Шань-си легко мог бы снабжать антрацитом весь свет в течение тысяч лет⁴.

Добыча земляного угля в Китае в 1878 г. была:

Шань-си—1.000.000 тонн антрацита и 700.000 тонн угля; Ху-нань— 600.000 тонн антрацита и угля; Шань-дун—200.000 тонн антрацита и угля; Чжи-ли—150.000 тонн антрацита и угля; другие провинции—350.000 тонн антрацита и угля. Всего—3.000.000 тонн антрацита и угля.

В некоторых округах китайской территории, в провинции Чжи-ли, в Маньчжурии, работы по эксплуатации каменноугольных копей производятся теперь по европейским способам, что дало возможность удесятить годовое производство. Китайцы стали также извлекать железную руду и обрабатывать ее по методу иностранных металлургов, которая, впрочем,

1 Paul Champion, „Industries anciennes et modernes de l'Empire Chinois“.

2 De Rochechouart, „Pekin et l'interieur de la Chine“.

3 F. von Richthofen, „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient“.

4 F. von Richthofen, „Geographical Review“, nov. 1873.

мало отличается от той, которая практиковалась в Срединном царстве еще с незапамятных времен. Туземная сталь всегда предпочитается в крае английской. Китайцы достигли высокой степени совершенства в приготовлении сплавов меди, свинца, олова, мышьяка, золота и серебра, и умеют разнообразить их, смотря по употреблению, для которого предназначается тот или другой фабричный предмет. Качество, цвет, полировка их бронз бесподобны, а их гонги, «мужские» и «женские», отличаются замечательной силой вибраций. Посредствомковки мастера сообщают металлу всякую желаемую звонкость. Эта операция одна из тех, где рабочий выказывает удивительную ловкость: действуя тяжелыми молотами, четверо или пятеро кузнецов ударяют по узкому кружку, всегда соразмеряя каданс и силу ударов, никогда не путаясь и не мешая друг другу в этом деликатном труде; самая их работа есть уже настоящая музыка¹.

Китайские лакированные изделия, так же, как и японские, принадлежат к числу тех произведений промышленности, относительно которых народы крайнего Востока сохранили за собой монополию, благодаря обладанию сырым материалом; но липкая жидкость, которую они извлекают из дерева *thus vernicifera*, и которая служит им для приготовления этих изделий,—очень опасное вещество, так что рабочие должны обращаться с ним чрезвычайно осторожно и не могут без вреда для себя дотрогиваться до него; даже испарения его страшно ядовиты; что касается обыкновенных лакированных вещей, то их фабрикуют с помощью масла, добываемого из семян одного молочайного растения, *dryandra cordata*². Так же, как лакированные изделия, китайская тушь стоит гораздо выше подобных европейских продуктов, хотя способ выделки её вполне известен, на основании китайских документов и опыта иностранных фабрикантов; превосходство палочек туши, приготовляемых в Сы-чуани и в Чжэ-цзяне, должно быть приписано постоянной внимательности и ловкости рабочих. Ремесленники Срединного царства отличаются также изумительным искусством в резьбе на дереве, слоновой кости и твердых камнях. Китайцы, которым принадлежит честь изобретения писчей бумаги, готовят многие виды её, неизвестные в Европе; однако, сами они всегда отдают предпочтение корейской и японской бумаге. Уже с 153 года, общепринятого летоисчисления, некто Цай-лун научил своих соотечественников искусству заменять употребляемые до того времени бамбуковые таблички писчей бумагой, тесто которой он приготовлял из древесной коры, волокон конопли, старой парусины, негодных рыболовных сетей. Впоследствии для фабрикации бумаги стали употреблять также молодые побеги бамбука, ротанг (индийский тростник), морские водоросли, траву шпажника, волокна бруссоветии (*broussonetia papyrifera*), коконы шелковичного червя и т. под.

Известно, что китайцы опередили европейцев в открытии искусства книгопечатания; уже в конце шестого столетия об этом искусстве говорится как об известном с давних пор; если бы западные народы могла читать и изучать персидских историков, они познакомились бы с книгопечатанием полутора веками ранее, ибо способ, употребляемый китайцами, довольно ясно изложен в одном сочинении Рашид-Эддина, оконченном около 1310 года³. И не только дети Хань знали уже печатание с помощью деревянных досечек, но они практиковали также гравирование на камне и на меди, а около половины одиннадцатого столетия один кузнец изобрел подвижные буквы из обожженной формовой земли или терракотты. Однако, большое число знаков, которые необходимы для письменного языка, мешает до сих пор большинству печатников пользоваться подвижными литерами, кроме как для популярных изданий и журналов, для которых достаточно небольшое число знаков; продолжают употреблять досечки из грушевого дерева, на которых вырезаны письменные знаки, и медные пластинки, выгравированные в рельефе. Существуют, однако, великолепные издания, напечатанные с помощью подвижных букв: таков сборник из 6.000 древних сочинений, изданный императором Кан-си, который велел приготовить для этого издания 250.000 подвижных

1 Paul Champion, цитированное сочинение.

2 John Fr. Davis, „The Chinese“;—Wells Williams, „The Middle Kingdom“.

3 Klaproth, „Memoire sur la Boussole“.

медных литер; таковы же издания, выходящие из императорской типографии и печатаемые необыкновенно изящным шрифтом, который получил название «собранных жемчужин»¹. Наконец, во всех городах, открытых европейской торговле, заведены типографии, где употребляют подвижные литеры, и откуда выходят пересмотренные книги, гораздо более безошибочные, чем обыкновенные издания. Материальные усовершенствования промышленности соответствуют прогрессу, который происходит в совокупности знаний.

Китайские рабочие, в среднем выводе, получают гораздо меньшую плату, нежели рабочие Европы и Нового света: размер заработной платы, в Пекине, в Шанхае, в Кантоне, в Хань-коу, изменяется от 50 сантимов до 1 франка в день на человека. Правда, что съестные припасы в Срединной империи пропорционально дешевле, чем в западных странах; но за исключением мастеровых по шелковой промышленности, получающих сравнительно с другими более высокое вознаграждение, немногие из рабочего люда имеют достаточное питание; во многих округах вся пища их состоит из вареного риса, капусты, сваренной на воде, с прибавкой небольшого количества сала и иногда рыбы. Средняя стоимость их дневного пропитания изменяется от 40 до 50 сантимов; разница громадная между их скудной пищей и обильным питанием европейских матросов, которых они встречают на верфях Тянь-цзина и Фу-чжоу-фу. А между тем эти работники, с виду тщедушные и слабосильные, с бледным лицом, обладают большой мускулистой силой, и когда дело идет о поднятии тяжестей, они не уступят английским рабочим. В центральных и южных провинциях Китая почти все товары, которые можно отправлять водой, переносятся на спине человека, и любо смотреть, как кулии взбираются по скатам гор, нагруженные тяжелой кладью, которую многие европейские носильщики отказались бы поднять даже в равнине. Во всех китайских городах вы увидите на улицах носильщиков паланкинов, быстро бегущих и ловко проталкивающих сквозь толпу, повидимому, вовсе не думая о грузной ноше, которая тяготеет на их плечах; они только выпускают от времени до времени глухие гортанные крики, как европейские мессильщики теста в булочных или кабийские толкачи кофе; их шаги и усилия соразмеряются по этому отрывистому оханью².

В Срединном царстве, где ассоциации так крепко организованы, рабочие, так же, как и другие классы общества, сумели сгруппироваться в ремесленные союзы или корпорации: чтобы удержать уровень заработной платы или жалованья, они устраивают стачку или даже основывают производительные товарищества; благодаря присущему им духу солидарности, благодаря их удивительной добровольной дисциплине, которая доходила до спокойного принятия самоубийства посредством голода, они почти всегда, в конце концов, одерживают верх. Сила их так прочно установлена, что во многих местах хозяева даже не вступают в борьбу. Рабочие сами назначают умеренную таксу заработной платы при начале каждого промышленного сезона, и каково бы ни было это жалованье, оно аккуратно уплачивается. Они легко могли бы овладеть всем промышленным механизмом, если бы ремесленные корпорации не образовали из себя замкнутых обществ, соперничающих между собою. Организованные как мастерства, различные ремесленные ассоциации или артели, принимают учеников только для того, чтобы заставить их пройти чрез настоящее рабство, продолжающееся два или три года; они составляют своего рода аристократию, под которой копошится толпа бесправных личностей, принужденных ухищряться всякими способами, чтобы жить вне рамок правильного общества. В обыкновенное время самые счастливые между этими непринадлежащими ни к какому сословию людьми—нищие по профессии. Подобно купечеству и ремесленному классу, они сгруппированы в признанные законом общества, имеющие свои уставы, свои праздники и пиршества.

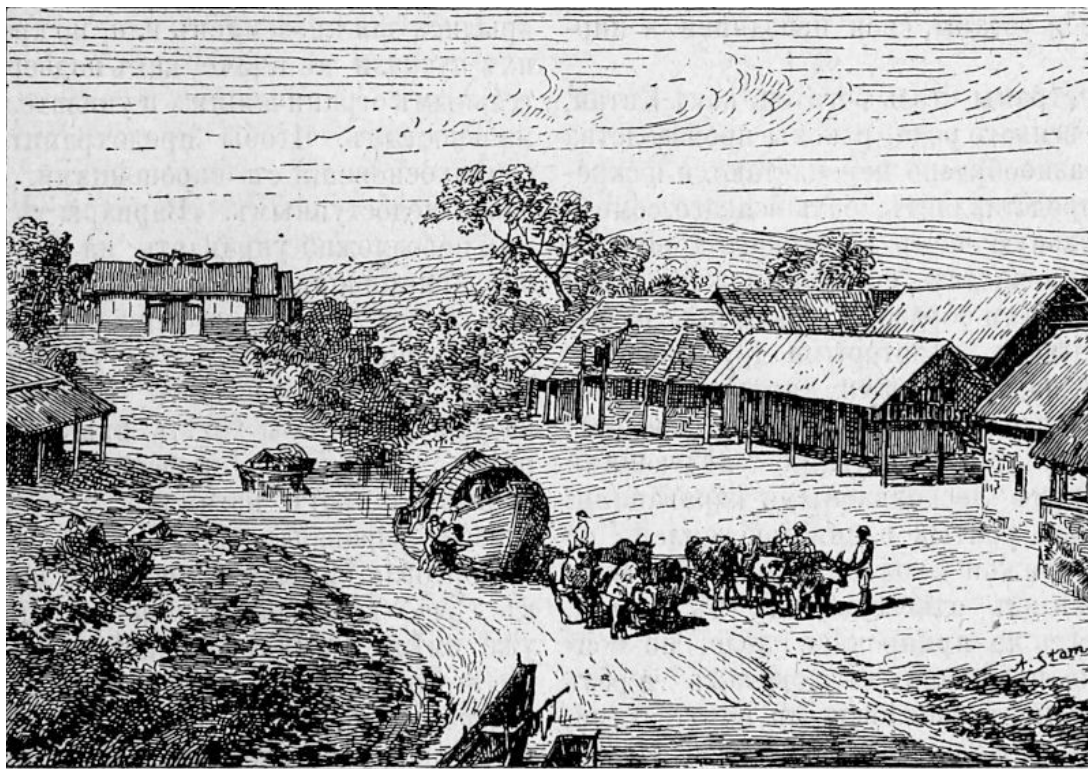
Торговля страны столь богатой, как Китай, продуктами всякого рода, районы производства которых разнообразно переплетаются и скрещиваются, представляет, без всякого сомнения, значительную часть всемирного торгового обмена, но исчислить её невозможно,

1 Bourgeois, „Memoires concernant les Chinois”, tome XI

2 Huc;—Champion;—Milne;—Doolittle.

даже приблизительным образом, исключая, разве, торговли солью и некоторыми другими произведениями, над которыми тяготеет монополия правительства. Близ больших городов, реки, каналы усеяны судами, следующими одно за другим нескончаемыми караванами; волоки, дороги, убитые глинистой землей, по которым упряжки волов перетаскивают ладьи и барки из одного канала в другой, часто походят на ярмарочное поле; по бойким, часто посещаемым дорогам через горы, между противоположными покатостями, каждый день проходят тысячи людей. Общее число судовщиков и носильщиков, которые служат посредниками во внутренней торговле, по всей вероятности, простирается до нескольких миллионов человек.

Китай, удовлетворяя сам почти вполне свои потребности, благодаря разнообразию своих

Волокъ въ провинціи Чжэ-цзянь.

произведений, мог долгое время ограничивать свою внешнюю торговлю нагрузкой нескольких кораблей. Это не значит, чтобы китайская нация по принципу отказывалась от торговых сношений с иностранцами; совсем напротив—арабы, малайцы, жители Индо-Китая всегда свободно производили торговлю в южных портах империи, и когда португальцы в первый раз появились, в 1516 году, при входе в Кантонскую реку, они были приняты как нельзя лучше. Нет сомнения, что территория Срединной империи была бы им открыта так же, как она была открыта в средние века всем путешественниками индийским, арабским, европейским, которые приезжали по одиночке, но португальцы, затем после них испанцы, голландцы, англичане являлись почти как завоеватели, с угрозой на устах, с рукой на пальнике пущек. Со времени третьего посещения португальцев, в 1518 году, возникли столкновения, и вскоре после того не проходило ни одного года без того, чтобы «чужеземные варвары» не совершали каких-нибудь кровавых подвигов, оправдывавших это прозвище, которое им дали китайцы. Кроме того, они воевали между собой; жители Срединного царства, видя во всех этих посетителях людей одной и той же нации, недоумевали, почему эти соотечественники враждуют и отнимают друг у друга корабли и товары; они смотрели на них, как на кровавую расу, как на людей без веры, которых все дети Хань должны тщательно избегать. Порты закрылись для иноземцев или, по крайней мере, их пускали не иначе, как подвергая стеснительным ограничениям и унижительным формальностям. Чтобы предохранить себя от соприкосновения с европейцами, Китай сделался недоступным. «Варвары те же скоты, и ими невозможно управлять на основании тех же принципов, как и гражданами», так выра-

жался один официальный документ, переведенный Премаром. «Пытаться управлять ими посредством великих правил разума значило бы хотеть привести к беспорядку. Управлять варварами посредством произвола — вот истинная метода и лучший способ управлять ими¹.

Торговля опиумом прибавила новые жалобы к тем, которые пекинское правительство уже имело против европейцев. Употребление этого снадобья распространилось в Китае только около конца прошлого столетия, эпохи, когда оно привозилось из-за границы еще под видом простого медикамента. В 1800 году император издал прокламацию, в которой запрещает своему народу обменивать свои деньги на «мерзкую дрянь»; но зло было уже сделано, и яд распространялся с неудержимой силой; Ост-индская компания уже имела сообщниками миллионы курильщиков и в том числе большую часть мандаринов, которым официально было поручено положить конец этой вредной торговле. Контрабандный привоз опиума усиливался из-года-в-год, к великому ущербу императорской казны, так как отпуск чаев и шелков далеко не уравнивал, по ценности, привоза опиум, то деньги Срединного царства припадали безвозвратно, по китайскому выражению, «в ненасытных глубинах заморских стран». Наконец, правительство прибегло к силе; в 1839 году все иностранцы, поселившиеся в Кантоне, в числе 275 человек, были заключены в тюрьму, и британский комиссар, чтобы купить свободу себе и своим соотечественникам, принужден был отдать вице-королю Лину, для уничтожения, более двадцати тысяч ящиков опиума, принадлежавших английским подданным и представлявших ценность по малой мере 50 миллионов франков. Это и было сигналом «к войне из-за опиума». В 1841 году англичане овладели архипелагом Чжу-сан, затем фортами Кантонской реки. В следующем году города Нин-бо и Чжэнь-цзян были взяты, вход в Голубую реку был форсирован, и Англия продиктовала Китаю условия мира перед стенами Нанкина. Мирный трактат отменял монополию двенадцати гонгов, посредников, к которым иностранные коммерсанты должны были обращаться до того времени, и отдал Великобритании, кроме большой суммы военного вознаграждения, остров Гонконг в полную собственность; правительство богдыхана обязывалось открыть пять портов торговле западных государств, именно: Кантон, Амой, Фу-чжоу, Нин-бо и Шанхай, но при этом было оставлено в силе прежнее запрещение, по которому никакое британское судно не могло подниматься вдоль морского берега на север выше лимана Ян-цзы-цзяна.

Однако, тяжелые условия этого договора не были соблюдаемы китайцами; кончилось тем, что пребывание в Кантонском порте было воспрещено иностранцам, и некоторые монополии были восстановлены; с своей стороны, англичане, французы, американцы требовали новых уступок. Вспыхнула вторая война, в 1857 году, между Китаем и двумя западными державами, Англией и Францией. Кантон был снова взят, а европейские военные корабли вошли в Пекинскую реку; но мир, поспешно заключенный и подписанный в Тянь-цзине в 1858 году, не мог быть прочным, и уже в следующем году союзникам пришлось снова пытаться форсировать вход в реку Бай-хэ, на этот раз без успеха; только, когда они проникли в третий раз в реку китайской столицы, в 1860 году, превосходство западного оружия окончательно торжествовало. Англо-французские войска взяли приступом форты Да-гу, разбили в чистом поле китайскую армию, которою командовал татарин Санколинсин, и расположились лагерем перед Пекином. Мало того, союзники оказали императорскому правительству постыдную для него услугу, взяв на себя обязанность защищать его против его собственных мятежных подданных и отвоевать для него прибрежные города Голубой реки, занятые тайпингами. В силу трактата 1860 года, европейской торговле были открыты новые порты; а в 1878 году, — на этот раз дело устроилось путем переговоров и не было надобности прибегать к посредству пушек, — пекинский двор должен был, во искупление изменнического убийства английского путешественника Маргари, предоставить европейским негодьям право выбрать себе, кроме прежде указанных, и другие рынки на морских побережьях. В настоящее время двадцать четыре порта морских или речных, с их пригородами, открыты внешней торговле, иностранцам уступлены земли для постройки товарных складов и жилищ, сроком на

1 Wells Williams, „The Middle Kingdom”.

«на девяносто девять лет», и, сверх того, два острова, Макао и Гонконг, принадлежат: один Португалии, с некоторыми ограничениями, другой—Англии, в самых водах Китая. Англия же получила в аренду Вэй-хай-вэй и окрестности Коу-луня. Бухта Цзяо-чжоу вместе с окружающей ее местностью находится в аренде Германии, а в пользование России Китай предоставил южную часть Ляо-дуна. На сухопутной границе, на юге и юго-западе, недостаток удобных путей сообщения и гражданские войны Юнь-нани препятствовали до сих пор учреждению международного рынка, тогда как на севере и северо-западе Россия имеет свои консульства и складочные пункты в городах Чугучаке, в Кобдо, в Улясутае, в Урге, Турфане, Кашгаре, Кульдже, и свободно располагает почтовой дорогой из Кяхты в Тянь-цзинь через Калган и Тун-чжоу. Она приобрела право держать своих агентов на обеих оконечностях дороги, пролегающей через пустыни монгольского Гань-су, в Турфане и в Су-чжоу, близ «Нефритовых ворот», и в Ха-ми; она снова открывает, к своей выгоде, старый трансконтинентальный путь между Востоком и Западом. Соседка Китайской империи на протяжении нескольких тысяч верст, Россия имела над европейскими державами то огромное преимущество, что могла действовать непрерывным образом в видах усиления своего влияния; благодаря промежуточным населением, составляющим этнологический переход от одной нации к другой, она гораздо лучше поняла характер китайцев и сумела получить лаской и хитростью то, что западные народы старались завоевать силой оружия. Россия не имела надобности вступить в войну, чтобы заставить уступить ей левый берег Амура и все морское побережье Маньчжурии до границы полуострова Кореи, и чтобы добиться права ввозить свои товары, платя две трети таможенных пошлин, требуемых с других наций¹.

Порты, открытые иностранной торговле, расположены, на известном расстоянии один от другого, по всему морскому побережью, от Пак-хоя, в Тонкинском заливе, до Ин-цзы, при устье реки Ляо-хэ: остров Хай-нань тоже имеет свои европейские колонии; следовательно, на всем пространстве от границ Индо-Китая до границ Кореи произведения страны могут быть отправляемы непосредственно из всех местностей Китая к главным рынкам Европы. Между этими портовыми городами Кантон, самый близкий из китайских портов от Малайского архипелага, Индостана и Европы и, кроме того, обладающий давней коммерческой традицией, естественно должен был сохранить за собой значительную часть торгового обмена с европейским миром; Тянь-цзинь, на севере империи, тоже получил как порт столицы исключительную важность; но два главные рынка занимают более центральное положение: Шанхай, стоящий при лимане Ян-цзы, служит воротами, посредством которых громадный бассейн этой реки сообщается с остальным миром; Хань-коу составляет центр этого бассейна. По свидетельству наиболее авторитетных неогоциантов, Чун-цин предназначен сделаться в близком будущем одним из самых деятельных городов для всемирной торговли: он уже теперь служит центром торгового обмена для богатой провинции Сы-чуань и части провинции Юнь-наня, и ему недостает только удобных сообщений с Индией и с Индо-Китаем.

Общая сумма торгового обмена Китая с иностранными государствами удесятерилась со времени открытия портов внешней торговле²: по официальной статистике, эта сумма превышает миллиард, но отчеты таможенного ведомства не принимают в расчет торговых операций, производимых через посредство китайских джонок; многие писатели исчисляют в три миллиарда совокупность продаж и покупок, происходящих в портах Срединной империи; но и при этой цифре на каждого жителя, средним числом, приходилось бы только от 7 до 8 франков,—сумма, почти ничтожная в сравнении с количеством торгового обмена, который делают другие государства с иностранными нациями.

Внешняя торговля Китая по официальным данным такова:

1 Martens, „Russische Revue“, 1880 г., № 12.

2 F. von Richthofen;—Colborne Baber.

	В 1889 г.	В 1891 г.	В 1893 г.	В 1897 г.
Привоз	110.884.355	134.003.863	151.362.819	202.828 625
Вывоз	96.947.832	100.947.849	116.632.311	163.501.358 ^{в ланах}
Итого	207.832.187	274.951 712	267.995.130	366.329.983

Из этого видно, что заграничная торговля представляет, в среднем выводе, довольно значительное возрастание с каждым годом, кроме 1893 года, когда она показывает уменьшение, причину которого нужно отнести к войне. Движение судоходства увеличилось в той же пропорции, как и движение торговли, но парусные суда европейцев были почти совершенно заменены пароходами. В настоящее время правильные рейсы пакетботов совершаются из порта в порт вдоль морского побережья, а также в Голубой реке, от пристани до пристани, до И-чана, ниже порогов.

Недавно еще почти вся эта торговля производилась под иностранным флагом. Наибольшая часть торгового движения более половины все еще приходится на долю англичан. Американцы прежде занимали второе место после англичан; но, менее богатые купеческими судами, чем их соперники, они теперь почти удалились с арены коммерческой борьбы. Движение немецкого судоходства, довольно значительное в то время, когда перевозка товаров производилась главным образом парусными судами, уменьшилось с той поры, как Гамбург должен выдерживать конкуренцию совершающих правильные и быстрые рейсы пакетботов Англии и Франции.

По ценности торговли с странами на долю последних приходилось в 1897 году:

Гонконг—150.528.109 лан; Англия—52.960.816 лан; Индия—21.114.114 лан; Австралия—4.713.905 лан; Сингапур и др английских колоний—617.429 лан; Япония—39.191.022 лан; Россия (Прим. обл)—3.220.886 лан; Россия (Одесса)—7.160.995 лан; Россия (Кяхта, Сибирь)—94.710.097 лан; Корея—1.394.574 лан.

Весьма важное значение в торговле с Китаем принадлежит Германии и в последнее время и Японии. Что касается китайских негодантов—покровительствуемых Цай-шином, богом торговли, которого изображение они все имеют,—то они принимают все более и более значительное участие в перевозке товаров. Забрав в свои руки розничную торговлю, производимую при помощи неглубоко сидящих в воде джонок, которые свободно проникают во все бухточки морского побережья, они овладевают также мало-по-малу оптовой торговлей и пускаются в смелые спекуляции: более воздержные и умеренные в образе жизни, чем европейцы, более скромные в своих желаниях наживы, более сметливые в обсуждении дел, хотя гораздо строже соблюдающие данное слово, лучше обслуживаемые посредниками, своими земляками, более солидарные в отношении друг друга, знающие все места производства и имеющие уже корреспондентов своего племени в большей части иностранных государств, изощрившиеся от отца к сыну во всех тонкостях ажиотажа и спекуляции, привыкшие со времен своих игр детства говорить языком купцов, посвященные во все тайны банковых операций, с векселями, переводами, траттами и т.д., китайские коммерсанты быстро поняли секреты европейских контор, и уже во многих из открытых иностранцам портов все отправки товаров производятся под китайским флагом. Все, что потеряла торговля американцев, было выиграно, и даже с излишком, детьми Хань.

Форма китайских джонок, тяжелых и медленных на ходу, мало-по-малу изменяется, приближаясь к типу европейских судов. Не только купеческие, но даже рыболовные суда снабжаются килем и законопачиваются паклей и дегтем; некоторые оснащаются английскими парусами, и почти все заменили бамбуковые циновки парусиной, которую вымачивают в отваре из коры корнепуска, чтобы предохранить ее от гниения и сырости¹. Рыболовы смело пускаются далеко в море, несмотря на опасность быть застигнутыми тифоном; мало того—мореходы «Великой и Чистой империи», припоминая, что предки их были знакомы с компасом уже по меньшей мере 2.000 лет тому назад, следовательно, четырнадцатью веками ранее европейцев, не боятся предпринимать плаванья далеко за пределы китайских морей,

1 Fauvel, „Memoires de la Societe des Sciences naturelles de Cherbourg“, 1879.

к портам Филиппинских островов и Зондского архипелага, в Сингапур, во Владивосток, в Индийский океан, в Австралию, на Сандвичевы острова, в Сан-Франциско, даже в Англию; компания заграничного судоходства, управляемая исключительно китайцами, покупает пароходы для совершения правильных рейсов между Шанхаем, Гонолулу, Сан-Франциско, Гаванной.

Движение судоходства, не считая джонок, в китайских портах, открытых иностранной торговле, в 1897 году¹ было:

Пароходов—34.566 судов, вместимостью 32.519.729 тонн; парусных 9.934 судов, вместимостью 1.232.633 тонны; итого 44.500 судов, вместимостью 33.752.362 тонны.

По национальностям суда распределялись: английских судов 21.140, вместимостью 21.891.043 тонн; китайских судов 12.706, вместимостью 7.543.529 тонн; германских 1.858, вместимостью 1.658.094 тонн; японских 653, вместимостью 660 707 тонн; русских 70, вместимостью 145.660 тонн; датских 276, вместимостью 142.932 тонн; французских 165, вместимостью 423.122 тонн, американских 333, вместимостью 269.780 тонн.

Сотни, может быть, тысячи джонок, записанные в регистрах как состоящие на службе у иностранных коммерсантов, в действительности—китайские суда. Чтобы избежать платежа пошлин, которые таможенные досмотрщики требуют с туземных судов перед каждым портом, и чтобы пользоваться правом заплатить судовой сбор только один раз, в месте назначения, а главное, чтобы избавиться от вымогательств со стороны мандаринов, капитаны джонок часто достают себе бумаги, удостоверяющие, что они состоят на службе у европейских негоциантов. Точно также, когда правительство делает реквизицию джонок для перевозки риса, необходимого для продовольствия столицы, достаточно купить свидетельство о найме в конторах иностранных купцов, чтобы освободиться от этой повинности. Какой-нибудь европейский негоциант без дел, который не нагружает ни одного судна своими собственными товарами, по бумагам значится нанимателем, зафрахтовывающим сотню судов, и заставляет дорого платить себе за угождение, состоящее в подписи фиктивного фрахтового контракта².

Шелк и чай—главные продукты капитальной важности, которые Китай доставляет западным нациям и Новому свету; каждый год ценность этих двух экспортных товаров превышает несколько сотен миллионов франков. Отпуск шелка из китайских портов в 1893 году был на сумму 38.114.225 лан; отпуск чая в том же году на сумму 30.558.723 лана³. До 1844 года средний ежегодный вывоз шелка не превышал 1.000 килограмм; в настоящее же время он в пять или шесть раз значительнее⁴. Главный предмет ввоза составляет рис, и каждый год тысячи джонок ходят за грузами этого продукта в порты Сиамы, французской Кочинхины, Аннама; но эта торговля, в которой иностранцы не принимают никакого участия, ускользает от внесения в официальные отчеты таможенного ведомства, и ценность её оборотов остается неизвестной. В движении торгового обмена с «рыжеволосыми варварами» китайские купцы получают главным образом не какой-нибудь предмет необходимости, в роде риса, а напротив, ядовитое вещество: мы говорим об опиуме, которым, как известно, англичане,—представляемые по этой отрасли торговли преимущественно бомбейскими негоциантами из евреев и персов,—оплачивают наибольшую часть своих покупок, делаемых на рынках Срединной империи

Ценность опиума, ввезенного в Китай в 1893 г. 31.690.399 лан; ценность хлопчатобумажных тканей в 1893 г.—45.137.970 л.; ценность шерстяных тканей в 1893 г.—4.587.006 л.; ценность металлических изделий в 1893 г.—7.198.422 л.

Жители Сы-чуани курят опиум уже многие века⁵; но еще в половине прошлого столетия китайцы морского побережья были совершенно незнакомы с употреблением этого наркоти-

1 „Returns of trade“, 1897 г.

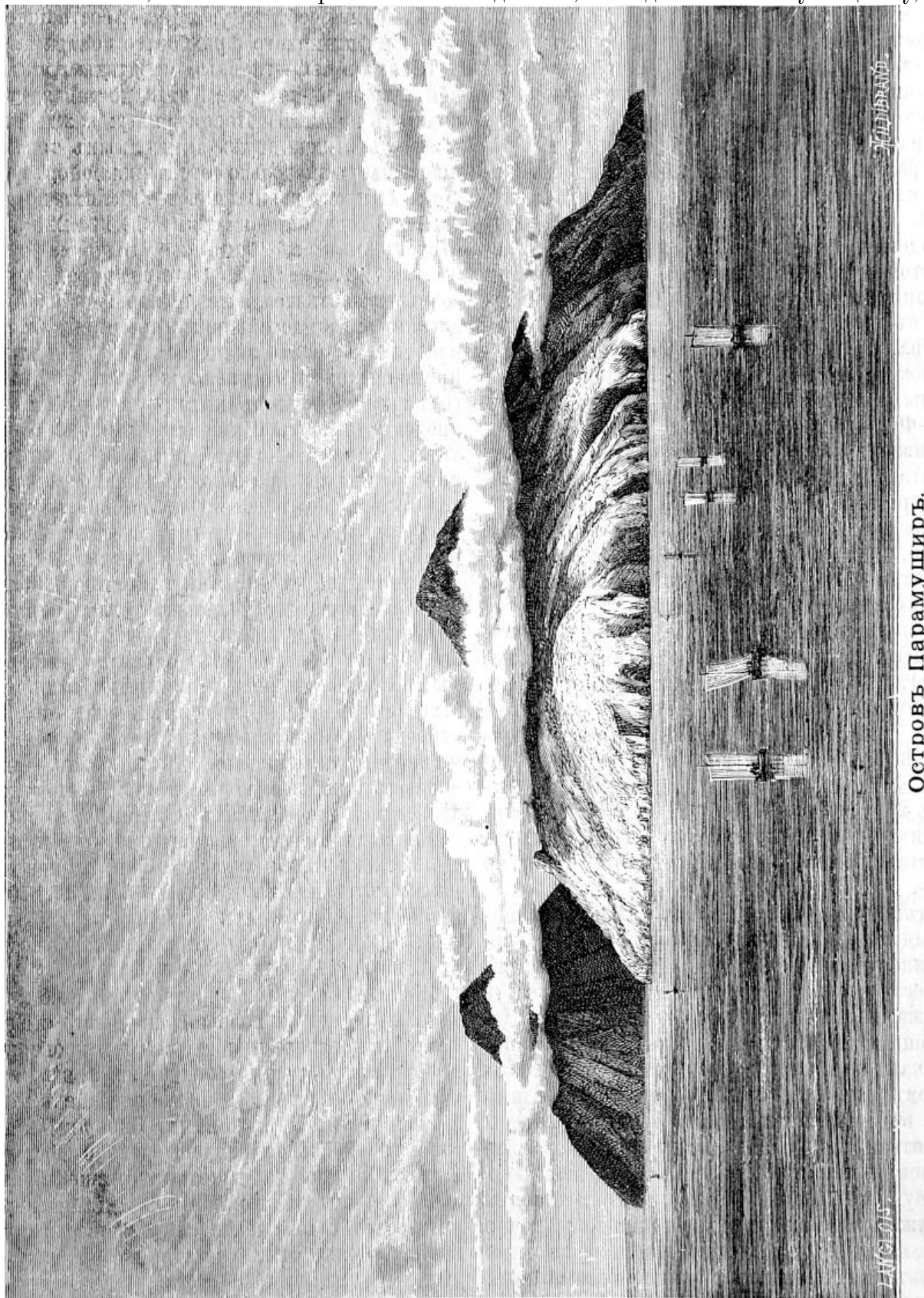
2 Francis Garnier, „Revue scientifique“ 9 Octobre 1875;—Консульские отчеты, „Trade reports“ и пр.

3 „Statismans year book 1894“.

4 Isidore Hedde, „Congres des Orientalistes en 1876“.

5 Watters;—H. Colborne Baber, „Rapports consulaires“.

ческого средства. Привезенное впервые из Ассама двумя англичанами, Вилером и Ватсоном, гибельное снадобье скоро доставило важный источник доходов бывшей британской ост-индской компании, а английское правительство Индостана, наследовавшее этому обществу, бо-

Островъ Парамуширъ.

лее чем удесятило продажу опиума (ввоз опиума в Китай в 1792 г. составил только 303.000 килограм., а в 1879 г. 3 он уже простирался до 5.540.500 килограмов). Оно выдает фермерам, занимающимся культурой мака в Бенгалии, денежные ссуды, под условием, что-

бы ящик опиума был уступаем казне за определенную цену, затем перепродает его с публичного торга, выручая при этом барыша, средним числом, около 2.250 франк. на ящик; что касается опиума «мальва», привозимого с плоскогорий этого имени, находящегося в медиатизированных государствах Декана, то ост-индское правительство облагает его при провозе его через границу пошлиной в размере 1.500 франк. с ящика. Таким образом, опиум, вывозимый из Индостана в Китай, всецело продается от имени индийской императрицы и в пользу её казны; от 150 до 200 миллионов, смотря по годам, поступает ежегодно по этой статье в ост-индский бюджет. Не без основания, поэтому, обвиняют британское правительство в том, что оно спекулирует на пороки китайцев, чтобы уничтожать и отравлять их; патриоты Среднего царства не упускают случая указывать на тех из своих соотечественников, которых злоупотребление опиумом низвело до состояния скелетов, живых мертвецов, или которых оно обратило в состояние идиотов, чтобы сказать англичанам, которые являются в их страну в качестве цивилизаторов: «вот ваше дело!» Однако можно задать себе вопрос, существует ли на свете нация, представляемая либо отдельными негодьями, либо её правительством, которая могла бы по справедливости считать себя неповинной в поступках того же рода; можно положительно сказать, что нет государства, которое бы посредством водки, табаку, азартной игры или какого-нибудь другого яда материального или нравственного не спекулировало на пороки туземцев или иностранцев. Пекинское правительство и само извлекает посредством таможенных пошлин с опиума, привозимого из Индии и из Персии, один из самых верных доходов своего бюджета, и почти во всех провинциях империи купцы и мандарины делят между собой крупные барыши, получаемые с урожаев возделываемого китайцами запрещенного растения.

Что же касается действия опиума на организм, то нет вопроса более спорного; нет также вопроса, который бы затемнялся, смотря по выгодам дела, которое требуется защищать. Как ни губительно это наркотическое снадобье, оно далеко не производит тех вредных последствий, какие ему обыкновенно приписываются. Большинство образованных китайцев употребляют опиум в умеренном количестве, и незаметно, чтобы от этого ослабевали их умственные способности, или чтобы они преждевременно старились¹. Без сомнения, ненасытные курильщики, которые проводят весь день в бреду грез, — люди безусловно потерянные для труда и кончают, как и предающиеся неумеренному употреблению спиртных напитков, полным расслаблением, влекущим за собою конвульсивные припадки и общий паралич; но такие субъекты, относительно немногочисленные, не встречаются между крестьянами и рабочими, которые составляют истинную нацию. Курильщики опиума в огромном количестве довольствуются несколькими безвредными затяжками в промежутках между работой: замечательно, что именно в той провинции, где курение опиума распространено всего более и вошло в привычку уже с незапамятных времен, в Сы-чуани, население отличается умом и деятельностью. Допуская даже, что количество туземного наркотического средства, которое, впрочем, действует гораздо менее сильно, нежели индийское снадобье, равняется количеству привозного иностранного опиума, на долю каждого жителя все-таки пришлось бы никак не более двадцати грамм в год². Употребление табаку или, как его называют китайцы, «курительного листа», гораздо более распространенное в приморских и северных провинциях, где его ввели маньчжуры, оказывает, быть может, не менее губительное действие на совокупность расы. Иезуиты научили мандаринов искусству нюхать табак изящным манером; три цветка лилии (старинный французский герб) до сих пор еще составляют в Пекине единственную вывеску на лавочках, где продается нюхательный табак³. Что касается европейского порока

1 Morache, „Dictionnaire Encyclopedie des science medicales“.

2 Подобное рассуждение Эл. Реклю не выдерживает строгой критики со стороны лиц, хорошо ознакомленных с Китаем. Признано большинством, что опиум является огромным злом для народа, влияющим весьма сильно на физическую и моральную сторону его жизни, разлагающим общественный строй государства. В пристрастии к нему усматривают причину деморализации китайского чиновничества, поголовное взяточничество последнего и т. под. отрицательные акты в жизни Китая. (Пр. ред.).

3 Нус, „L'Empire Chinois“.

пьянства, то он почти неизвестен в Китае: можно путешествовать целые годы по Срединному царству, не встречая ни одного человека, который бы напился до потери рассудка.

Благодаря пару, сообщения приморских местностей Китая с остальным миром сделались гораздо более легкими и частыми; но дороги и каналы внутри страны находятся теперь, вероятно, в худшем состоянии, чем они были во времена династии Минов, за три или четыре столетия до наших дней; за исключением провинция Шань-дун, Гань-су, Сы-чуань, некоторых частей Хэ-нани и Чжи-ли, местностей, лежащих в соседстве с открытыми европейской торговле портами, старые дороги пришли в разрушение, там и сям перерезаны обвалами, промоинами и оврагами; мосты развалились; во многих местах остались только тропинки, извивающиеся рядом с совершенно испортившейся мощеной дорогой. В рисовых полях, которые покрывают столь значительную часть страны, большинство дорог состоит из рядов плит, шириной в пол-метра, самое большее метра, поднимающихся немного выше уровня общего наводнения, которому подвергаются эти плантации; достаточно, чтобы носильщики паланкинов могли найти место, необходимое, чтобы поставить ноги¹. Те из 21, так называемых, императорских дорог, которые еще сохранились в хорошем состоянии, свидетельствуют о высокой степени цивилизации, которой достигли китайцы в средние века, и делают понятным удивление Марко Поло и других европейских путешественников той эпохи. Эти дороги перерезывают встречающиеся выступы гор траншеями, даже подземными галлереями, и поднимаются в виде насыпей на низменных землях: очень широкия в равнинах (от 20 до 25 метров) и вымощенные гранитными плитами, они, по большей части, окаймлены по обеим сторонам рядами деревьев, как европейские avenues. Вдоль шоссе расставлены, через каждые 5 километров, сигнальные башни, гостиницы и постоялые дворы, водопой для лошадей и мулов, станции, посты солдат для охраны путешественников, места для рынков тоже следуют одни за другими через определенные промежутки. Все предусмотрено на этих образцовых дорогах, с которыми составляют такой резкий контраст множество жалких первобытных тропинок, впрочем, тоже всегда переполненных прохожим и проезжим людом. Только служба почты не организована правильным образом для публики. Письма отправляются стараниями частных обществ негоциантов, и редко случается, чтобы они не доходили по назначению, какова бы ни была длина пути, от одной до другой оконечности империи. Вне городов, как Шанхай, единственная почта, устроенная по европейскому образцу, — это почта русских курьеров, посылаемых из Пекина в Кяхту через Калган и совершающих переезд в 15 дней; отправка её совершается три раза в месяц².

Известно, что еще и до сих пор императорская администрация неохотно разрешает постройки железных дорог. Еще недавно за исключением нескольких маленьких линий рельсов, у подъездов к каменноугольным копам и на верфях портовых городов, в Китае не существовало железных путей. А между тем опыт имеющихся железнодорожных линий показал, что железные дороги, с первого же года их открытия, были бы столь же деятельно утилизируемы, как и пути этого рода в западной Европе, доказательством чего на первых порах служила маленькая линия из Да-гу в Тянь-цзинь; пассажиры массаами толпились в вокзал этого рельсового пути, как они толпятся на амбаркадерах паромных компаний в городах морского побережья и на пристанях Голубой реки. Планы главных железнодорожных линий уже давно составлены инженерами различных наций, и, без всякого сомнения, немедленно нашлись бы в каком бы угодно количестве и капиталы для сооружения этих дорог, будущих разветвлений Великой сибирской линии, которая свяжет сеть железных путей Европы через Сибирь и Маньчжурию. Возражения, которые делают мандарины против введения рельсовых дорог, те же самые, которые были приводимы в свое время против употребления паромов; они выставляют себя защитниками интересов миллионов носильщиков и судовщиков, занимающихся ныне перевозкой и переноской путешественников и товаров, и утвер-

1 Vignerón, „Deux aos au Seuchouan“.

2 Во время печатания настоящего издания телеграф принес известие о том, что с сентября настоящего года во всем Китае начала действовать правительственная почта, организация которой вверена покамест в руки управления морскими таможнями. *Прим. ред.*

ждают, что хотят избавить их от нищеты, в которую неминуемо повергла бы их постройка быстрых путей сообщения. Кроме того, мандарины ссылаются на «фын-шуй», как это они делали и прежде, чтобы воспротивиться сооружению высоких зданий на землях, отведенных под колонии иностранных негодяев; однако, это возражение не составило бы непреодолимого препятствия, так как легко бы было перенести гробницы на другое место, с совершением надлежащих церемоний, и богдыхан, «повелитель духов», мог бы указать последним дорогу, по которой они должны следовать, и успокоить своих подданных, поставив их в известность о приказах, отданных им по ведомству гениев воздушных пространств. Истинная причина противодействия правительства та, что постройка железных дорог, по его мнению, имеет непосредственным следствием значительное усиление влияния иностранцев и отдает в их руки, даже внутри страны, весь перевозочный промысел. Подобное опасение, конечно, не лишено основания, и не трудно понять, почему Китай считал нужным подождать, пока государство будет приведено в достаточное оборонительное состояние, прежде чем свободно открыть свои провинции предприятиям европейских инженеров. «Китай для китайцев!» — такой общий крик во всей Срединной империи; даже большая часть железных рудников и каменноугольных копей переданы для эксплуатации в частные руки под тем неперменным условием, чтобы промышленники не употребляли на работы европейцев. К этой боязни чужеземцев у генерал-губернаторов и губернаторов провинций присоединяется еще своя специальная причина нерасположения к такому новшеству, как рельсовые пути. Затруднительность сообщений с столицей делает генерал-губернаторов в действительности почти независимыми в отношении всего местного управления; железные же дороги имели бы то неизбежное следствие, что контроль сделался бы более легким и действительным; сведения об их хищениях и злоупотреблениях имели бы более шансов достигнуть цели: отсюда и происходит их ненависть к злосчастной выдумке «западных варваров».

Однако, подобное сопротивление в этом деле не может продолжаться еще долгое время: интересы всякого рода, которые требуют устройства сети железных путей на Дальнем востоке, становятся все более настоятельными с каждым годом. Китай понял наконец, что и самая оборона страны может сделаться невозможной, если императорское правительство, оставляя своим внешним врагам удобство быстро привозить свои войска к его границам морским путем, будет располагать, для сосредоточения своих военных сил, только скверными проселочными дорогами и тропинками внутреннего Китая. Этот вопрос о сооружении железных дорог сделался самым острым в Китае; пользу их уже сознают передовые китайские умы, и не далеко то время, когда правительство будет вынуждено само заняться постройкой железнодорожных линий, с тою же настойчивостью, с какою оно проводило телеграфные линии, ранее им отвергаемые.

Не только портовые города, где имеют пребывание иностранцы, соединены с Европой двойной телеграфной линией, из которых одна идет через Сингапур, огибая континент на юге, а другая через Владивосток, пересекая его на севере; но вместе с тем китайское правительство устроило линию проволок между многими городами страны. Что касается старых «воздушных» телеграфов или дун-тай, то они теперь уже заброшены: это были просто пирамидальные очаги, помещенные на широких каменных цоколях и содержавшие кучи коровьего кала или хвороста, которые, в случае надобности, разжигались, чтобы подать весть сторожам соответственных башен. С подобными телеграфами комбинации сигналов были, конечно, не многочисленны; они приносили только ту пользу, что посредством их можно было предостеречь правительство, давая ему знать о существовании волнений в отдаленных провинциях¹.

*Пропорционально их действительному влиянию на Китай и решительному участию, которое они принимают в его преобразованиях, иностранцы различных национальностей очень слабо представлены в Цветущем царстве: в 1894 году число их торговых домов было

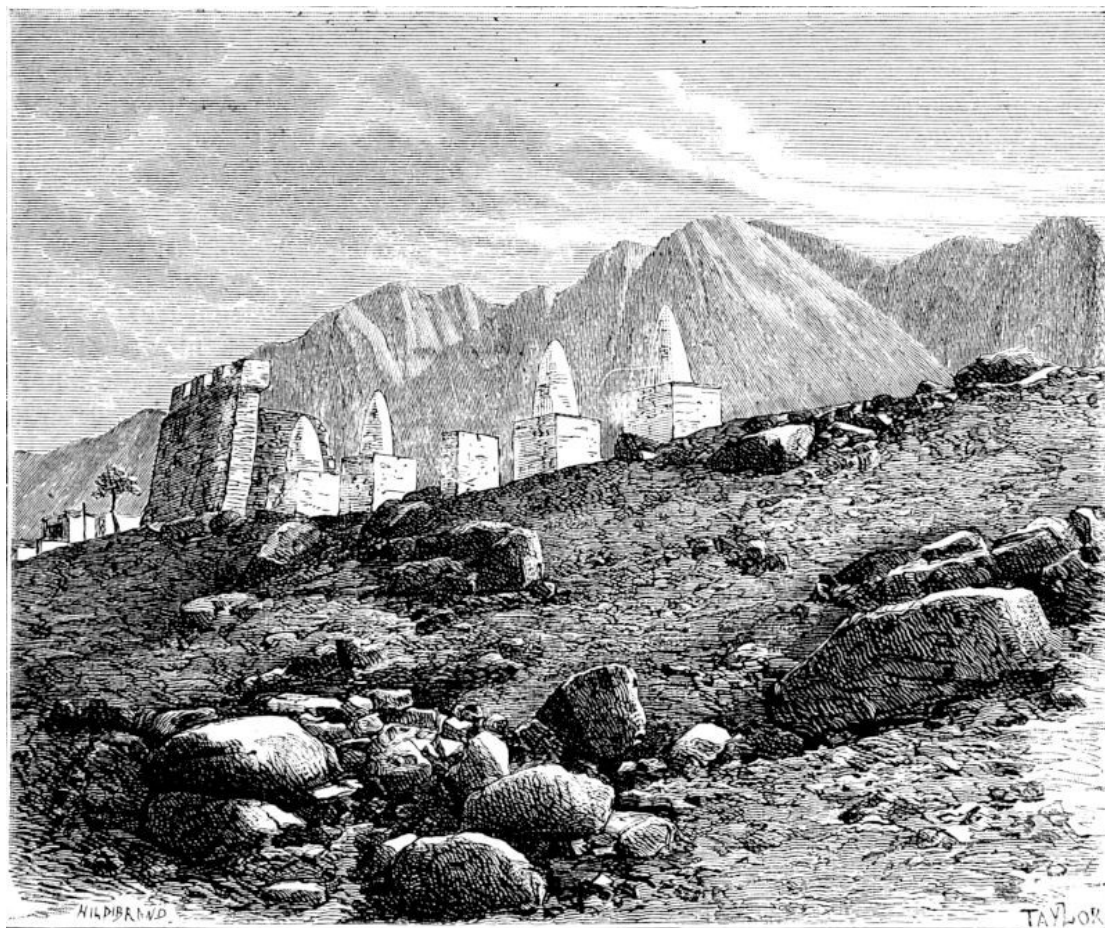
1 „Lettres edificantes“;—Vigneron;—Gaston de Bezaure, etc.

552, и по национальностям эти дома распределялись следующим образом¹:

Английских домов—350; американских домов—31; германских—85; французских—32; русских—4; остальных—50.

Прибавляя к этому путешественников, миссионеров и дипломатический корпус, но не считая моряков, которые обыкновенно останавливаются на короткое время в портовых городах, найдем, что общее число проживающих в Китае чужеземцев ни в каком случае не превышает 10.000 чел.

И действительно, согласно «Chronicle and Directory 1897 г.», число иностранцев в Китае в 1894 году было 9.350 человек. В том числе по нациям:

Воздушный телеграфъ.

Англичан—3.989 ч.; американцев—1.294 ч.; французов—807 ч.; германцев—356 ч.; португальцев—780 ч.; шведов—356 ч.; итальянцев—206 ч.; испанцев—380 ч.; японцев—253 ч. и русских—42*.

В сравнении с бесчисленными массами желтолицых сынов «Срединной нации», эти пришельцы с Запада представляют собою ничтожную горсть людей; но присутствие их тем не менее указывает на важный переворот в истории Азии и всего мира. Торговля, промышленность, нравы и понятия—все изменено в гораздо большей степени, чем это сознают сами китайцы. В портах морского побережья эти выходцы из дальних, европейских стран создали даже особый язык, так называемый pidgeon—english или «английский торговый» (pidgeon—это английское слово business, произносимое на китайский лад), который уже имеет кое-какие притязания сделаться литературным диалектом, и который употребляется даже между китайцами различных наречий: он дает им много терминов для новых понятий. В замен того, множество слов обыденного языка вошли в этот жаргон, но большинство выражений дотого преобразилось, что ни китайцы, ни иностранцы не узнают их в новой форме. Основа

1 „Chronicle and Directory“, 1897.

этого смешанного англо-китайского говора скорее португальская, чем британская, и первоначальное происхождение его нужно искать в Индии, в колонии Гоа: так, например, имя joss, даваемое на морском побережье статуям Будды, богов и святых, происходит от португальского слова *Dios* (Бог)¹. Во французских «концессиях» так же говорят коммерческим жаргоном с португальской основой, в котором встречается несколько французских слов, более или менее узнаваемых.

По числу переселенцев, эмиграция китайцев представляет явление гораздо более значительное, чем водворение чужеземцев в Китае, хотя она далеко ниже, по цифре передвижений, которые происходят из Срединного царства к северным областям. Так, китайцы и их потомки, которые живут теперь вне Великой стены, в Монголии, в Маньчжурии, во внешнем Гань-су, составляют не менее пятнадцати миллионов человек, тогда как китайцев, или детей китайцев, обитающих в иностранных государствах, вероятно, не наберется более трех миллионов. Следовательно, в движении современных народных «исходов» китайцы, по численности выселяющихся, следуют лишь за ирландцами, англичанами, немцами, испанцами, португальцами. Часто преувеличивали действительную роль их эмиграции: предчувствие страшных столкновений между расами заставило видеть слишком преждевременно наше присутствие желтолицей нации на остальной мир.

Число китайцев, выселившихся за пределы Срединной империи, следующее:

Сибирь (левый берег Амура), в 1869 г.—10.580.

Япония и её владения, в 1879 г.—3.028.

Соединенные Штаты: Калифорния, в 1881 г.—75.125; Орегон в 1881 г.—9.500; другие штаты, в 1881 г.—21.100. Итого—105.725.

Виктория или Британская Колумбия, в 1881 г.—11.850.

Другие части Британской Америки—1.000.

Романская Америка: Перу—70.000; Бразилия—10.000; Куба и Пуэрто-Рико, в 1880 г.—110.000; другие государства—5.000. Итого—195.000.

Гвианы, в 1881 году—13.500.

Малые Антильские острова—3.000.

Сандвичевы острова, 15 февраля 1881 г.—14.500.

Другие острова Тихого океана—20.000.

Австралия: Квинсленд, в 1880 г.—14.525; Виктория, в 1880 г.—13.000; Новый Валлис и остальная Австралия—11.500; Тасмания—750; Новая Зеландия—4.445. Итого—44.220.

Филиппинские острова Люсон—180.000; другие острова—70.000. Итого—250.000.

Голландские острова: Ява, в конце 1879 г.—206.051; Борнео и другие острова, 1878 г.—119.534. Итого—325.585.

Сингапур—110.000; Пуло-Пинан, в 1879 г.—40.000; Аннам, в 1875 г.—105.000; Французская Кокхинхина, в 1880 г.—17.200; Камбоджа, в 1875 г.—100.000; Сиам—1.500.000; Бирмания—20.000; полуостров Малакка—20.000; Британская Индия—10.000; острова Индийского океана—3.000; Южная Африка—3.000, другие страны земного шара—1.000.000.

По поводу опасений, внушаемых китайской эмиграцией, нужно заметить, во-первых, что в прежнее время значительная часть эмиграционного движения не имела ничего добровольного и была в сущности своего рода торгом невольниками, более или менее замаскированным. Сотни несчастных, на вербованных под различными предлогами на улицах многолюдных торговых городов, или просто украденных на морском берегу, были приводимы глухой ночной порой на корабли и запирались там в пространстве между палубами, для того, чтобы впоследствии отданными, под видом «добровольно нанявшихся работников», плантаторам Антильских островов, Гвиан или Перу! Большие барыши, реализуемые на этих грузах

1 „The Chinese and Japanese Repository“, vol. I.

человеческого мяса, возбуждали до такой степени жадность работоторговцев, что они старались забирать за-раз как можно больше кулиев и перевозили их битком набитыми в тесных трюмах, без воздуха, без света, давая им недостаточную пищу. Сколько раз эти бедные ссыльные, страдая от голода, от тифа, от дурного обращения, пытались взбунтоваться против своих похитителей! Страшные драмы совершались на этих переселенческих кораблях. Случалось, что партия эмигрантов была изрублена через десятого ударами топора; иной раз ее удушали всю поголовно в наглухо запертом трюме; бывало и так, что экипаж, пересев на шлюпки, потоплял корабль со всеми находившимися на нем узниками! И теперь еще большие эмигрантские корабли устроены таким образом, чтобы можно было постоянно держать весь груз кулиев под угрозой обдавания струями горячего пара и обливания кипящей водой¹. На корабле «Dolores Ugarte» несчастные не хотели погибнуть, не отомстив своим мучителям: они подожгли судно, и все находившиеся на нем, капитан, матросы и пленники, сгорели в пламени пожара! Эти ужасающие случаи, хорошо известные в Китае, были причиной того, что торговля якобы «нанятыми» кулиями становилась все более и более затруднительной, и даже эмиграция вольных переселенцев, которая теперь сделалась уже правилом, была приостановлена на долгое время. Средняя смертность на переселенческих кораблях всегда превышала десятую часть перевозимого населения, а многие корабли высаживали на месте назначения только треть живого груза, взятого в месте отправления. В 1857 году 63 переселенческих корабля, которые брали «добровольных» эмигрантов для доставки в Гаванну, увезли 23.928 кулиев, из которых 3.342, то-есть около седьмой части умерли в дороге².

Но чем особенно отличается китайская эмиграция от переселения европейских колонистов, так это тем, что ряды его состоят почти исключительно из мужчин. Во время заселения калифорнских золотых приисков (placers) и австралийских «золотых полей», толпы европейцев и американцев, бросившихся на поиски драгоценного металла, были почти все молодые люди или мужчины в цвете лет и сил; но то были, в истории европейской эмиграции, исключительные факты. Пропорция белых женщин, которые отправляются в колонии, либо по одиночке, либо вместе с семейной группой, почти всегда значительна, и в период одного или двух поколений, численное равновесие между полами восстанавливается. Совершенно иное явление представляет нам китайская эмиграция. Там выселяются только мужчины, и долгое время почти вовсе не видели китайских женщин ни в Новом Свете, ни в Австралии, ни в Приморской области, кроме тех, за которых за проезд и содержание в пути платили антрепренеры эмиграции: ни одна из них не предприняла, по собственному желанию, этого путешествия за море; процент лиц женского пола довольно значителен в ежегодной эмиграции только для Сингапура и Пинана, которые, по характеру их населения, могут считаться как бы китайскими землями и которые при том находятся сравнительно не далеко от Средней империи. Число эмигрантов, выехавших из Гонконга с 1 января по 30 апреля 1881 г. было:

Мужчин—19.550; женщин—4.850, (4.449 в Сингапур); мальчиков—269; девочек—56 (40 в Сингапур); всего—24.735.

Из Чифу ежегодно выселяется в Приморскую область масса китайского люда и в один Владивосток, по сведениям газеты «Владивосток», прибыло в весну 1897 года до 30 т. душ. В лето 1898 года наплыв китайцев-эмигрантов и рабочих достиг до 58 т. человек (?)³. Из Чифу в 1895 году выехало 28.529 человек, а из Амоя 74.012 душ⁴.

Отлив мужского населения в чужие края имел, между прочим, то следствие, что случаи детоубийства девочек стали гораздо чаще повторяться во многих деревнях морского побережья; многие родители не видят никакой будущности для своих дочерей, кроме как в замужестве, и рассуждают так, что лучше покончить с ними сразу, чем подвергать их несчастью

1 Wernich, „Geographisch medicinische Studien“.

2 Crawford, „Rapport consulaire“.

3 „Владивосток и Дальний восток“, 1898 г.

4 „Returns of trade“ 1895 г.

оставаться весь век в девицах¹. Китайская женщина, не пользующаяся ни личной свободой, ни имущественными правами, не может выходить из семейного дома иначе, как по воле отца или мужа, и даже внутри государства ей редко позволено делать дальние поездки. За исключением мандаринов, перемещаемых из одного города в другой по делам службы, китайцы редко возят с собой семейство; почти все торговые люди странствуют по Срединному царству без сопровождения своих жен и обзаводятся случайными семьями в отдаленных провинциях, куда они наезжают периодически, или где им приходится жить продолжительное время. Даже законом запрещено вывозить женщину из административных границ края. Так как замужняя женщина почти всегда разделяет судьбу главы семейства, то правительство хочет помешать тому, чтобы китайки вступали в брак с иностранцами и, таким образом, способствовали размножению враждебных рас; напротив, эмигранты из Цветущего царства, принужденные брать себе жен между туземками, основывают на чужбине семьи, которые, разумеется, связаны узами родства с детьми Хань. По отношению к эмиграции за пределами империи этот закон, конечно, не имеет никакого смысла, так как он был издан лишь для стран подвластных Сыну Неба, а между тем он и там соблюдался силою привычки. Впрочем, всякое выселение, даже выселение мужчин, было долго не дозволяемо; всякое соприкосновение подданных богдыхана с заморскими варварами было воспрещено как пагубное для «пяти добродетелей» и для сыновнего почтения: эмигранты должны были уходить потихоньку, без ведома или несмотря на несогласие местных властей. Но выселение за границу приняло столь значительные размеры, особенно между хакками, в провинциях Фу-цзянь и Гуан-дун, и практиковавшийся еще недавно насильственный увоз кулиев, захватываемых в селениях морского побережья, лишил правительство такого большого числа подданных, что необходимо было, наконец, серьезно подумать об урегулировании эмиграционного движения, по соглашению с иностранными державами, и постараться сохранить за собой верховные права над выселившимися на чужбину китайцами. Невозможно, чтобы с течением времени, благодаря все более и более увеличивающейся легкости путешествий, эмиграционный поток не увлек также и женщин в чужие края, где мужчины их расы уже представлены сотнями тысяч индивидуумов. Мало-по-малу ближайшие к Китаю страны колонизации перестают считаться иностранной землей: эмигранты могут основывать там семью и оставлять свои кости, будучи уверены, что прах их будет почтен погребальными обрядами, как был почтен, на родине, прах их предков. Но, в глазах сынов Ханя, было бы тяжким преступлением оставить тело соотечественника в отдаленной земле, где дети не могли бы воздать ему последних почестей. Поэтому китайцы, живущие в Калифорнии, в Перу или в австралийских колониях, у нас на Амуре организуют из себя общества взаимопомощи на предмет отсылки тех умерших в метрополию.

Хотя семейства совершенно китайские не могут основываться на чужбине, кроме как в исключительных случаях, выходцы из Срединного царства составляют, тем не менее, в странах, где они поселяются, один из важных элементов населения, благодаря своему неутомимому трудолюбию. Отличаясь крайней воздержностью и умеренностью потребностей, обладая способностью приспособляться ко всяким средам, занимаясь самыми разнообразными ремеслами, настойчивые в осуществлении своих предприятий, искусные в эксплуатации человеческих страстей и слабостей, крепко связанные между собой в общества гласные и тайные, умеющие втереться всюду с изумительной пронырливостью, эти выходцы успевают там, где пропали бы колонисты других рас, и основывают благоденствующие общины. В борьбе за существование они имеют на своей стороне то преимущество, что легко выучиваются говорить, хотя бы с грехом пополам, коверкая слова, на языках различных стран, которые они посещают, тогда как иностранцы очень редко дают себе труд изучать китайский язык. Семья, которую основывает сын Ханя в своем новом отечестве, всегда делается китайской, к какой бы национальности ни принадлежала мать, к сиамской, тагальской или яванской. Как представители высшей цивилизации, отличающиеся, вообще говоря, лучши-

1 Wells Williams, „The Middle Kingdom”

ми манерами, чем туземцы, китайцы почти всегда, если только не в Японии, считаются хорошей партией, и их сватовство встречает благоприятный прием. Китайская кровь везде слывет «крепкой кровью»; дети, родившиеся от брака китайца с иностранкой и даже от брака китайки с иностранцем, почти всегда имеют китайский тип: смешение крови делается в пользу более сильной расы¹. Таким то-образом выходцы из Срединного царства основывают прочные общины на чужбине, как бы маленькие «Китай», несокрушимые, кроме как посредством поголовного избиения. Области, где они всего прочнее водворились,—это речные бассейны, которые спускаются из Юнь-нани и Сы-чуани в Индо-Китай; с этой стороны, как и на другой оконечности империи, в Маньчжурии и внутренней Монголии, они завоевывают страну постепенно, шаг за шагом, посредством земледелия, торговли, распространения гражданственности между туземными племенами. Спускаясь по течению рек, колонисты, пришедшие по суше, неизбежно должны сойтись в Сиамском королевстве со своими соотечественниками, прибывшими морским путем.

В чужих краях, где китайские эмигранты не вступают в конкуренцию с господствующей расой, они скоро делаются необходимыми людьми. Так, например, английская колония Сингапур обязана своим цветущим состоянием, главным образом, китайцам; без них все промышленное и торговое движение этой колонии тотчас же остановилось бы. Но есть другие страны, где они находят соперников в работе и конкурентов, которые их проклинают. Так, в то время, когда английская колония западной Австралии, очень мало населенная и неимеющая других богатств и ресурсов, кроме лугов и пастбищ, нуждается в китайских колонистах для того, чтобы наблюдать за стадами скота, содержать в порядке сады, ввести и развить в крае кое-какую промышленность и ремесленность, процветающие штаты Квинсленд, Новый Южный Валлис, Виктория, в восточной Австралии, стараются, напротив, избавиться от желтолицых пришельцев, слишком трудолюбивых, слишком воздержанных и умеренных в своих потребностях, слишком бережливых, а главное—слишком легко удовлетворяющихся скудной заработной платой, на взгляд белокожих рабочих. Китайцев упрекают в том, что они мало-по-малу монополизировали некоторые промыслы или ремесла, как женские, каковы, например, мытье полов и стирка белья, так и самые тяжелые мужские работы, эксплуатацию рудников и копей; как ни малы их заработки, они, однако, в конце концов, всегда успевают разбогатеть, тогда как их конкуренты кавказской расы беднеют; при этом они не оставляют в крае никакого следа своего пребывания, и их маленькая сбережения регулярно отсылаются на родину через особых уполномоченных. Подушная подать, налагаемая, вопреки трактатов, стеснительные меры всякого рода, и, во многих случаях, даже прямые гонения и кровавые погромы повели к тому, что уменьшили во многих австралийских калифорнийских графствах число китайских колонистов, или даже совершенно отвратили эмиграционный поток. Пекинское правительство согласилось подписать с Соединенными Штатами трактат, ограничивающий право поселения его подданных на американской почве; точно также власти Филиппинских островов и голландских колоний в Зондском архипелаге противопоставляют препятствия всякого рода прибытию китайцев, не позволяя им селиться иначе, как только в указанных местах, воспрещая им различные профессии, облагая их особенными податями и поборами, подвергая их всевозможным полицейским придиркам и формальностям; но движение, уносящее излишек китайского народонаселения к прибрежным странам Тихого океана, сделалось уже неудержимым; в лучшем разе можно только замедлить его на время или переместить его ход. Даже Аравийский полуостров начинает получать китайских переселенцев: магометане Срединного царства каждый год принимают участие в паломничестве в Мекку, и некоторые из них остаются в стране². Что бы ни делали, взаимные сношения разноплеменных народов все более и более учащаются, и на тысяче точек земного шара зараз встает этот вопрос первостепенной важности, вопрос о примирении между белыми и желтыми представителями человеческого рода, резко различающимися

1 Ratzel, „Die Chineisische Auswanderung“;—Bastian и др.

2 Wilfrid Blount, „Fortnightly Review“, август 1831 г.

между собой идеалом, характером, традициями и нравами.

Пребывание такого множества сынов Хань в чужих краях имеет, без сомнения, не менее важности для обновления Китая, чем присутствие иностранцев в самой стране. Терпеливые и внимательные наблюдатели, китайцы хорошо сохраняют в памяти все уроки, которые дает им трудная жизненная борьба, и умеют действовать сообразно этим урокам, видоизменяя свои поступки и усваивая себе чужеземные искусства, не с юношескими увлечением японца, но с решимостью и непобедимой настойчивостью. Гордые длинным прошлым своей многовековой цивилизации, ясно сознающие, в чем именно та или другая из их промышленности, тот или другой из их обычаев может превосходить иностранные практики, китайцы вовсе не обнаруживают склонности бросаться зря, без всякого разбора, в подражание английским модам: они не наряжаются в странные европейские костюмы, как японцы, чтобы походить на «рыжеволосых варваров», но они отлично видят, какие выгоды могут извлечь из полезных западных изобретений, и далеки от того, чтобы отвергать эти изобретения единственно по причине их происхождения. За исключением мандаринов, которые заинтересованы в сохранении своих привилегий и употребляют все усилия и средства, чтобы удержать существующий порядок вещей, масса нации очень хорошо понимает, как много она может выиграть от изучения наук и искусств, которые приносят ей западные люди. Больные толпами являются в госпитали и лечебницы, основанные европейцами в Тянь-цзинь, Шанхае, Амое, Фу-чжоу, Нин-бо; своеобразная китайская фармакопея, где магические средства играли столь важную роль, приближается мало-по-малу к лекарствоведению западных народов; употребление вакцины (коровьей оспы) заменило опасный способ натурального оспопрививания через ноздри, и там и сям из бесчисленной массы туземных лекарей-эмпириков выступают серьезные врачи практики, изучившие анатомию, физиологию, гигиену. В торговых городах морского побережья открылись европейские школы, и воспитанники их не оказались неспособными к изучению какого-либо из предметов, преподаваемых иностранными наставниками; они учатся даже музыке «варваров», к которой прежде их считали совершенно нечувствительными, и, благодаря чрезвычайной тонкости их слуха, они делают если не тонкими ценителями европейской музыки, то искусными музыкантами¹. Несмотря на особенные трудности, которые представляют сочинения, переводимые на язык столь отличный от языка, на котором они задуманы и написаны, сокровище книг научного содержания и других, переложенных китайцами на свою речь, простирается уже до нескольких тысяч названий. Им отказывают вообще в способности понимания чисел, а между тем именно математические сочинения всего более требуются китайской публикой: геометрия Евклида или книга «Элементы количества», китайский перевод которой был начат миссионером Риччи в 1608 году, сделалась классическим творением и выдержала множество последовательных изданий². Периодические издания, основанные иностранцами в открытых внешней торговле городах, имеют большое число туземных читателей, даже когда они не трактуют о делах Китая: так издаваемая в Шанхае ежедневная газета Шунь-бао, которая занимается исключительно заморскими нациями, поставив себе задачей описывать их жизнь, нравы, обычаи, этикет, имела еще в 1877 году не менее 8.000 подписчиков все туземцев³. Кроме этой газеты весьма большим распространением пользуется Синь-вэнь-бао. Провинции по нижнему течению Голубой реки, то-есть те, которые находятся в наиболее частых сношениях с иностранцами, были и есть самые богатые писателями, несмотря на постигшие этот край бедствия междоусобной войны, и уже некоторые из этих писателей осмеливаются критиковать слова древних авторов, благоговейно передаваемые от поколения к поколению. В одном Шанхае выпускается пять ежедневных газет, из них одна чисто юмористическая. Предметами насмешек служат конечно рыжеволосые варвары. Одну из распространенных шанхайских газет издает «Китайское общество прогресса».

1 Armand David, „Journal de mon troisieme voyage d'exploration dans l'Empire Chinois”;—R. Werner, „Die preussische Expedition in China, Japan und Siam“.

2 Lockhart, „The medical Missionary in China”.

3 H. Giles, „Chinese Sketches”.

Само правительство должно было уступить давлению общественного мнения и в 1868 г. учредило, при Цзяннанском арсенале, переводное бюро, для издания главнейших произведений иностранных литератур, относящихся к наукам. С 1868 по 1879 год в этом арсенале было переведено 142 сочинения, заключающие 378 томов, и из них продано публике 83.454 экземпляра; кроме того, издано 27 карт, разошедшихся в количестве 84.774 оттисков¹. Далее правительство основало в Пекине, под именем Тун-вэнь-гуань, административную коллегия или лицей, где обучают языкам: английскому, французскому, русскому, немецкому, и где курсы физики, химии, медицины, физиологии, астрономии, а также чтения по сравнительному законодательству поручены иностранным профессорами, в помощь которым даны репетиторы из туземцев; большинство лекций читается на английском языке, но постоянные упражнения поддерживают до конца курса учения практику других европейских языков. Административный персонал империи набирается частью в этой школе, которую в 1876 г. посещали около сотни воспитанников. Кроме того, правительство, следуя примеру Франции, учредившей свои высшие училища в Риме и Афинах, основало в городе Гартфорде, в штате Коннектикут, великолепное учебное заведение, где около сотни молодых китайцев, воспитываемых на его счет, должны были проводить около пятнадцати лет, изучая науки и промышленные искусства. Но в 1881 году оно упразднило это заведение, вследствие неблагоприятного отзыва, данного словесником комиссаром, который с ужасом констатировал тот факт, что молодые китайцы сильно американизировались в нравах и понятиях; отныне образование этих питомцев империи должно доканчиваться в Европе.

Наконец в июне 1898 года указом богдохана повелено немедленно открыть в Пекине университет для преподавания различных наук практического характера, не исключая и военных. Вместе с тем приказано для приготовления контингента университетских слушателей открыть в главнейших городах особые подготовительные училища. Преподавание наук во вновь открытом высшем учебном заведении будет поручено иностранным профессорами, из которых половина англичан и по два человека французов, немцев, русских и японцев.

По-китайски слово цзяо применяется одинаково к образованию и к религии: учение рассматривается как своего рода религиозный культ². Уже тысячи лет господствует принцип, признаваемый всеми обитателями Срединного царства, что родители должны стараться дать образование своим детям мужеского пола. Все города и все деревни должны иметь школы, наставники которых получают содержание от общины или от околотка и выбираются свободно советом отцов семейств. Люди состоятельные держат одного или нескольких воспитателей в своих семействах; другие, кто победнее, посылают своих сыновей в дневные школы, внося крайне умеренную плату за ученье; в больших городах существуют вечерние классы, посещаемые мальчиками, которые должны заниматься в продолжение дня, чтобы зарабатывать себе средства к жизни или содержать своих родителей. Дети, от природы любознательные, терпеливые, прилежные, привыкшие к порядку, с истинной страстью учатся читать те несколько сотен слов, которые необходимы им в житейском обиходе; у них нет времени, чтобы достигнуть основательного знания словарей, и сокровищница преданий остается для них закрытой; однако малейший письменный знак, который они разбирают, необходимо пробуждает соответственное понятие в их уме; это не простой звук, лишенный смысла, как слог, складываемый по буквам европейским ребенком; машинальное чтение, в роде того, которое так часто практикуется в школах западных стран, было бы совершенно невозможно в Китае: там нужно подумать слово прежде, чем произнести его. Оттого-то простой народ питает такое глубокое уважение к знанию грамоты: простолюдины рассматривают с некоторого рода благоговением надписи и мудрые изречения хороших писателей, которые украшают апартаменты, дома, публичные здания, и которые, так сказать, превращают весь Китай в обширную библиотеку. Они почитают даже бумагу, как будто нарисованные на ней слова составляют самую науку, и простирают это благоговение к письменам так далеко,

1 Fryers, „Nature”, 19 марта 1881 г.

2 Edkins, „Religions in China”.

что организуют из себя общества, которые ставят себе задачей—препятствовать профанации разбросанных рукописей и разрозненных книг, сжигая их с уважением.

Так называемые «ученые» или грамотеи и правительство, которое они представляют, также были предметом их суеверного поучения: люди, на долю которых выпало счастье проникнуть в тайны письма, казались им почти полубогами. Но события последнего времени не могут не уменьшить в сильной степени традиционного благоговения толпы к грамотеям. Она поняла, что их наука пуста и бесплодна, и что иностранцы, не изучая «пяти классиков», успели сделать изобретения гораздо более драгоценные, чем тот или другой комментарий на слова Конфуция. В этом сознании заключается целая нравственная революция, которая не преминет проявиться и политическими последствиями. «Престиж» или обаяние власти ослабевают, и мандарины тщетно стараются поддержать его. Известно, к каким страстным спорам и дипломатическим столкновениям подал повод вопрос о тройном повержении ниц, которое прежде чужеземные министры обязаны были совершать перед особой богдыхана¹, когда Китай, не соглашаясь еще признавать иностранные державы как равных себе, не аккредитовал сам постоянных посланников на Западе и в Новом Свете. Наконец, послы европейских правительств своими угрозами порвать всякия сношения с Пекинским двором или даже вернуться врагами достигли того, что их освободили от этой унижительной церемонии; но мандарины были совершенно правы, смотря как на одно из важнейших событий на этот факт, такой пустячный повидимому, который однако должен был иметь неминуемым следствием умаление императорского величества в глазах его подданных. Оттого они старались просто отрицать самый факт; изданные их изданием брошюры рассказывали читателям, что чужестранные посланники были точно поражены громом при лицезрении священной особы Сына Неба, и что богдыхан, в своем неисчерпаемом милосердии, соблаговолил возродить их к жизни. Однако отмена обряда падения к стопам императора, по отношению к дипломатическим представителям, является лишь второстепенным случаем, в сравнении с тем унижением, которое должны терпеть китайские ученые по милости западных людей. Простые крестьяне, носильщики тяжестей, которые не употребили лучшую часть своего существования на изучение знаков письма, видят и понимают, как сильно уменьшается расстояние, отделявшее их от грамотного класса: центр тяжести перемещается в Срединной империи в пользу народа и в ущерб власти, и политические перевороты являются как роковое следствие эволюции, совершающейся в умах. *Особенно поразило всех сторонников дореформенного почитания классиков в Китае опубликование в мае месяце 1898 года указа богдыхана, в котором рекомендовалось при экзаменах обращать внимание не на витиеватость и красоту стиля, а на истинную суть дела, и предлагалось задавать темы на вопросы практически важные, а не на объяснения классических текстов или изречений*.

Говорят еще о неподвижности Срединного царства, как это делают многие, совершенно несправедливо: нигде не было более революций, нигде не перепробовано более правительственных систем, как в этом царстве². Китай тоже изменяется и сообразуется с правилом одного из своих древних мудрецов, цитируемого Конфуцием: «Если хочешь усовершенствоваться, ты должен обновляться каждый день!» Но легко понять, почему преобразования со-

Г. Янгъ, состоящій при китайскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

1 Pauthier, „Histoire des relations politiques de la Chine avec les puissances europeennes”.

2 Henri Cordier, „Annales du musee Guim, et Revue de l'Histoire des Religions“, mai, juin 1880.

вершаются теперь медленнее в Китае, чем в других странах. Жители Срединной империи проникнуты сознанием, что они были долгое время цивилизованной нацией по преимуществу, и даже они могли думать в течение многих веков, что кроме них на земле нет другого образованного народа; они были окружены только варварами, дикарями или населенными, которых они же научили всему, что те знали. Они считали себя единственным народом, летописи которого восходят далеко в глубь веков, единственной нацией, которая пользуется привилегией долговечности. И вот, вдруг они узнают, что за морями, пустынями и плоскими возвышенностями, опоясывающими их обширное государство, существуют другие народы, которые, не будучи им равными по древности истории, превосходят их в знании и в промышленности! Мир раздвигается и заселяется вокруг них: эти внешние пространства, которым они давали также незначительное протяжение на своих старинных картах, показываясь такими, какими они суть в действительности, в десять раз более обширными и в два раза более населенными, чем Китай; превосходство, сознание которого так приятно ласкало самолюбие, ускользает от них окончательно. Конечно, не без чувства горечи надменный народ должен был признать относительное умаление своей роли в мире, и не легко ему унизиться до того, чтобы ходить в школу иностранных наций. Он делает это, однако, но не теряя чувства собственного достоинства; он изучает науки и индустрию Европы не как ученик, но скорее как соперник, который хочет усвоить себе ресурсы противника, чтобы с помощью их вести с ним борьбу.

Давно была пора, чтобы какой-нибудь внешний толчок заставил Китай вступить на путь самообновления. Наука в Китае превратилась в простое искусство хорошо владеть кистью, чтобы воспроизводить красивыми знаками классические формулы. Гордые сознанием, что обладают посредством своих идеографических писем языком поистине всемирным, китайские ученые, которые в то же время и полновластные господа нации, дошли до того, что стали смотреть на чтение и письмо, т.е. простые средства к приобретению знаний, как на самую науку. Учиться читать—такова была главная и единственная задача, которой они посвящали свою жизнь. Они были наверху славы и почета, когда, в конце длинного курса ученья, им удавалось постигнуть все тайны их письменного языка. Жизнь человеческая слишком коротка для этого столь продолжительного усвоения искусства читать древних авторов, и изучившему их не остается времени для самостоятельного изучения окружающего мира и приобретения каких-либо реальных знаний; невежды относительно явлений настоящего, не умеющие проникать умственным взором сквозь завесу будущего, эти «ученые» занимаются только прошедшим; они сводят все к традиции, к прежде бывшим примерам, которые они находят у классиков; там же ищут они и правила управления государством. Уметь писать и понимать официальные бумаги, уметь отыскивать в сокровищнице древней мудрости формулы обрядностей и церемоний, которым должно следовать во всех важных актах жизни общественной и политической,—не есть ли это в самом деле то, что отличает главным образом мандарина от простых смертных, не есть ли это причина его престижа, единственный предлог, на который он может ссылаться, чтобы требовать повиновения?

Правительство и администрация

В теории, Китайское государство есть большое семейство: император почитается «отцом и матерью» своих подданных, и привязанность, которую последние обязаны питать к нему, вытекает из двойной сыновней любви и почитания. Если он приказывает, все беспрекословно повинуются; если ему угодно взять имущество или жизнь подданного,—приговоренный должен с признательностью отдать то или другую. Властелин Срединного царства может даже давать приказания почве, водам и атмосфере: духи земли и воздуха исполняют его веления. Он «Сын Неба», повелитель «Четырех морей» и «Десяти тысяч народов». Ему одному присвоена привилегия приносить жертвы Небу и Земле, как верховному жрецу и как главе великой китайской семьи. Он говорит о самом себе со смирением, называя себя «несовер-

шенным человеком»; он даже отличается от вельмож своего двора более простой одеждой; но нет знаков обожания, которые бы не оказывались ему. Присутствующий или отсутствующий, он получает от своих подданных доказательства божеского почитания, и самые высокие сановники империи падают ниц перед его пустым тронem или перед его ширмой из желтого шёлка, которую украшают фигура дракона с пятью когтями, символ счастья, и фигура черепахи—эмблема могущества. В провинции мандарины воскуривают фимиам при получении императорского указа и бьют челом об пол, обратившись лицом к Пекину. Имя его до такой степени священо, что письменные знаки, употребляемые для означения его, не могут уже служить для изображения других слов, и должны быть видоизменяемы посредством прибавления черты¹. «Всяк да повинуется со страхом и трепетом!»—такова обычная формула, которую оканчиваются все его прокламации.

Почитание, оказываемое китайцами своему «отцу и матери», не есть простая политическая фикция. Все учреждения государства организованы таким образом, чтобы установить точную параллель между обязанностями сына и обязанностями подданного; с самого раннего детства китаец научается верить, что отеческая власть принадлежит главе большой семьи, как в главе малого семейства, часть которого он составляет; даже в училищах, гроб, на котором написано слово «блаженство», напоминает детям, что первый их долг будет состоять в успокоении душ их родителей. «Быть беспорядочным в поведении—значило бы погрешать против сыновнего долга, точно также было бы нарушением того же долга—не быть верным государю, не быть рачительным и осмотрительным, когда исполняешь какую-либо должность в государственной службе, не быть искренним в своих отношениях с друзьями, не быть храбрым под ружьем». Отец всегда почитается в семействе как представитель богдохана, и домашнее возмущение наказывается совершенно так же, как преступление оскорбления величества. Летописи наполнены рассказами, свидетельствующими о той заботливости, которую выказывает правительство в видах поддержания этого фундаментального принципа империи; дети, виновные в жестоком обращении со своими родителями, караются смертью, и дом их предается разрушению; должностные лица округа, в котором произошло такое вопиющее дело, отставляются от службы, и даже перед студентами того села закрываются двери экзаменационных зал; место, где совершено преступление, навсегда остается проклятым; и население его переводится в другую местность: город Лоу-чжоу, на верхнем Ян-цзы-цзяне, есть один из тех городов, которые должны были вновь выстроиться далеко от прежнего своего местоположения, где земля и воздух были осквернены отцеубийством². По закону, впрочем очень редко исполняемому, «в больших городах, старики, перешедшие за седьмой десяток лет», должны быть почитаемы всеми как деды и состоять на попечении у своих общих детей; содержание, которое им доставляют, и почести, которые им оказывают, должны увеличиваться с их годами. Во что бы то ни стало империя должна оставаться «семейным союзом»: так выражаются указы государя; из шестнадцати публичных чтений, делаемых периодически народу, чтобы напомнить ему о его обязанностях, первое относится к сыновей любви³. Даже официальные названия, которыми означают города, дворцы, площади и улицы, составляют, так сказать, целый курс морали, внушенный домашними добродетелями. Между двенадцатью храмами, которые по закону должны быть сооружены в каждом городе, всегда есть один, посвященный предкам; как бы ни были невзрачны и грязны кварталы города, как бы ни мало были почетны местные промыслы, тем не менее красующиеся на улицах надписи напоминают все обязанности, лежащие на членах великой семьи, уважение к старикам, взаимное доброжелательство между равными и заботливость о детях. Нет лавченки, нет харчевни, вывеска которой не прославляла бы справедливость, добродетель или гармонию Земли и Неба.

Естественные родственные отношения сына к отцу сливаются в понятии народа «Ста се-

1 Lockhart, „The medical Missionary in China“;—I. Fryers, „Nature“, 19 марта 1881 г.

2 De Carne, „Revue des Deux Mondes“, juin 1870.

3 I. F. Davis, „China“.

мейств» с отношениями повиновения к императору. Такова главная причина, которая поддерживала Китайское государство, несмотря на внутренние революции, иностранные нашествия и перемены династий. Кажется, что и революционерам никогда не приходила мысль трогать это основное начало правления Цветущей империи; даже самые ярые социалисты всегда признавали священный характер отеческой и материнской власти императора. Только в последнее время,—и конечно под влиянием занесенных извне идей,—китайские вольнодумцы, быть может несознающие всей важности своих мятежных поступков, позволили себе в первый раз насмеяться над своим верховным повелителем и писать на стенах, по адресу его священной особы, оскорбительные слова, которые прохожие читают с изумлением и ужасом¹. По древней теории, государь, вступающий на престол именем Неба, почитался во всяком случае достойным обожания, каковы бы ни были его добродетели или его пороки. «Как бы ни была изношена шапка,—гласит «Шу-цзин» Конфуция,—ее все же надевают на голову, и как бы ни была чиста обувь, ее только надевают на ноги. Цзе (Кие) и Шоу были гнусные злодеи, но они были императоры; Чжэн-тан и У-ван были великие и святые личности, но были подданные».

Неограниченная и самодержавная в принципе, в силу своего божественного происхождения, власть государей «Великой и чистой империи» не такова, однако, на практике. Во всех провинциях существуют известные правила обычного права, которые имеют за собой авторитет веков и которых правительство если и не смеет, то не рискует трогать. Кроме того, общественное мнение, при всей его покорности, тем не менее прозорливо, и в глазах его «император и подданный, которые нарушают закон, одинаково виновны и тот, и другой». — «Прибери любовь народа—и приобретешь царство; потеряй любовь народа—и потеряешь царство», говорит народная пословица. Для государя ясно начертан закон; это «Девять правил», установленных Конфуцием, которые рекомендуют императорам нравственное самоусовершенствование, уважение к мудрецам, к родителям, к чиновникам, к судьям, отеческая любовь к подданным, искание ученых и художников, радушие к иностранцам и доброжелательность к союзникам. Руководимый цензорами, которые должны напоминать ему эти заповеди, связанный со всех сторон и на каждом шагу непреложными правилами этикета, предписания которого наполняют не менее двухсот томов, сопровождаемый двадцатью двумя историографами, которые записывают каждый день, для потомства все, что ему благоугодно было сказать, сделать или приказать, император почти неизбежно должен утратить всякую оригинальность, всякую личную инициативу, чтобы сделаться простым орудием в руках отдельного человека или целой партии. Он перестает быть ответственным за свои собственные поступки, но правительственная фикция, тем не менее, делает его ответственным за счастье и несчастье его народа. В этом отношении теория императорской власти оказывается более логичной в Срединном царстве, чем в других монархических государствах. Короли обыкновенно любят приписывать себе благоденствие их нации; они ожидают, чтобы возносились к их трону благодарности народа за все благоприятные события; но редко бывает, чтобы они приписывали себе также и бедствия, постигающие страну: они и их царедворцы видят в этих бедах только незаслуженные несчастья. Мораль китайских богдоханов более последовательна: «Терпит ли народ холод, говаривал император Яо,—это я тому причина; терпит ли он голод, это опять-таки моя вина; впадет ли он в какое-нибудь злополучие,—и в этом надо винить меня». Точно также император Юй приписывал себе бедствия народа: «В царствования Яо и Шуня, говорил он, все подданные считали долгом следовать примеру их добродетелей. Должно быть, я далеко не похож на этих моих предшественников, потому что в мое правление мы видим так много преступников». «Я один виноват», рассуждал богдохан Чжэн-тан, говоря о напастях, постигших империю: «меня одного следует предать закланию». Ответственность растет вместе с властью; основываясь на этом, Мэн-цзы доходит до того, что считает позволительным даже смерть в том случае, когда государь «попирает ногами справедливость». — «Нет никакой разницы, говорит он, между убиением человека мечом

1 Leon Rousset, „A travers la Chine“.

или несправедливым управлением»¹.

Так как правление государством устроено по образцу семейного союза, то мать государя, равно как царствующая императрица, имеет право на величайшие почести со стороны всех сановников империи. Подобно тому, как еще недавно император освящал каждый год пахатную землю, проводя кругом три борозды по полю, так и царствующая императрица председательствовала на церемониях, относящихся к культуре тутового дерева и разведению шелковичных червей; как и её супруг, она имеет золотые печати и нефритовый камень — знаки верховной власти; поэзия посвятила ей фона (fong), баснословное животное, в котором европейцы видели нечто подобное фениксу. Сам богдохан должен оказывать почтение императрице и делать ей через каждые пять дней официальный визит, преклоняя перед нею колено. Три другие законные жены обязаны оказывать ей полное повиновение, так же, как и все обитательницы гарема, число которых ограничено, по правилам Книги церемоний, ста тридцатью. Особый министр заведует императорским домом и руководит воспитанием принцев, которые по большей части не имеют никакого сана, кроме должностей в маньчжурских войсках; между ними государь и выбирает себе наследника, почти всегда одного из детей императрицы. В случае кончины императора, вся общественная жизнь должна быть приостановлена на своем обычном ходе: вельможи облачаются в белые, траурные одежды на целый год, люди низших классов — на сто дней, и в течение этого времени не дозволяются ни свадьбы, ни празднества; ношение ярких материй также запрещено; каждый должен отпускать себе волосы; цирюльники, профессия которых находится в период траура под запрещением, делаются временно пенсионерами государства.

«Потерянный в своем величии», Сын Неба, называемый также «Одиноким человеком»; может быть потому, что никто не имеет права быть его братом, облачает своей властью Най-гэ — великий секретариат и государственный совет, состоящий на-половину из маньчжур и китайцев, который составляет законы, обнародывает декреты и наблюдает за их исполнением. В силу принципа, который делает из образования и успеха на публичных экзаменах источник почестей, два президента этого совета, т.е. действительные канцлеры империи, суть вместе с тем директоры академии Хань-линь; это они предлагают законы в заседаниях великого державного совета, определяют форму изложения императорских указов, представляют официальные бумаги богдыхану для того, чтобы он пометил их своей алой кисточкой, делают распоряжение о распусковании законоположений и распоряжений правительства в Цзинь-бао, официальном журнале, существующем уже более 800 лет и известном иностранцам под именем «Пекинской газеты». Прежде представления в совет най-гэ, различные дела передаются для специального исследования той или другой группе высших государственных сановников, каковы: трибунал цензоров, высшая судебная палата, палата докладчиков совета най-гэ. Деятельность правительственной администрации распределена между различными управлениями вроде наших европейских министерств. Они называются по-китайски приказами (бу) и число их доходит до семи.

I. Палата церемоний (Ли-бу) заменяет наше министерство императорского двора и выполняет те же функции, которые выполняет и последнее. Оно заведует церемониями, обрядами, аудиенциями, жертвоприношениями богдохана, дежурством монгольских князей при дворе. Вместе с тем в круг его компетенции входит наблюдение за развитием в стране правильного музыкального образования и надзор за образованием вообще. Наблюдая за школами, назначая экзамены, регулируя кандидатов, оно, так сказать, исполняет и обязанности министерства народного просвещения.

II. Палата работ или гун-бу заведывает общественными работами по проведению каналов, дорог, сооружению и ремонту мостов, кумирен, и в тоже время регулирует весы, меры и исполняет роль интендантства.

III. Палата финансов (ху-бу) имеет в своем ведении акциз, подати, налог на соль и вообще государственные налоги. В его ведении находятся казначейство, хлебные магазины, мо-

1 Pauthier, „China“.

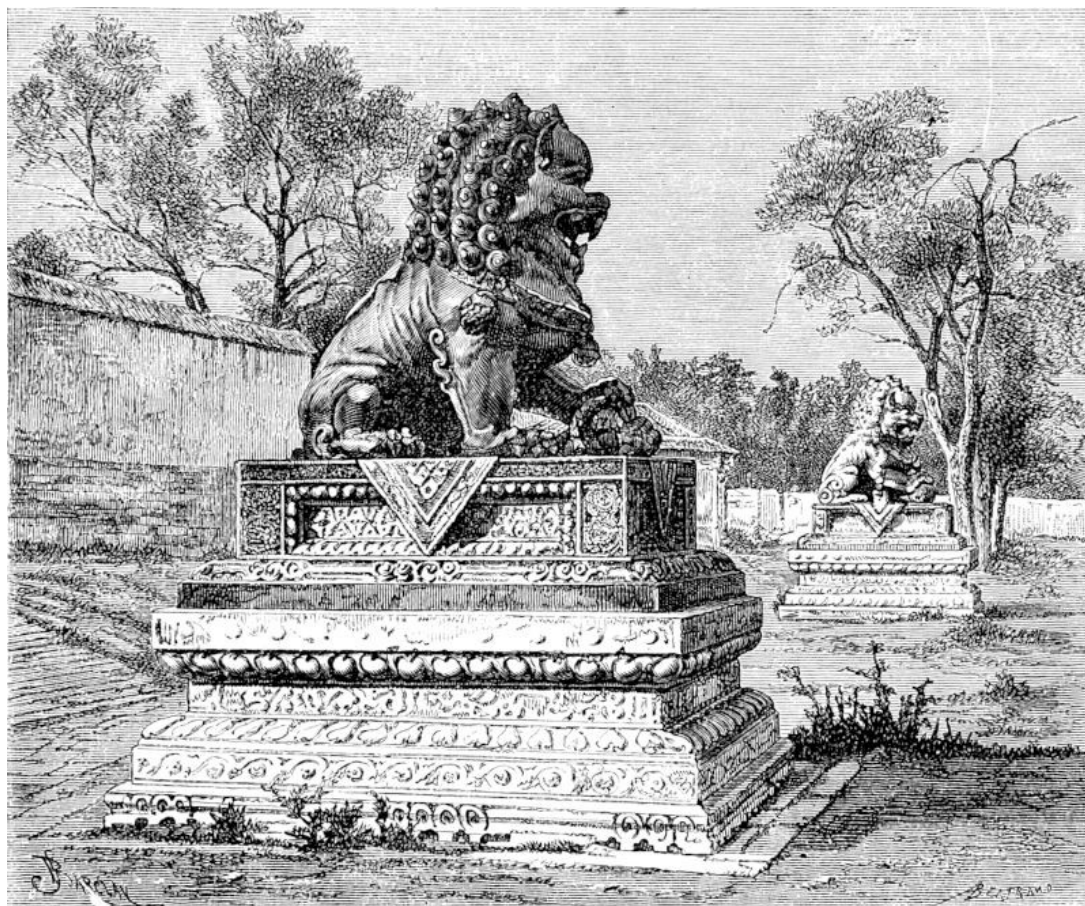
нетные дворы и т. под.

IV. Военный приказ или бин-бу ведает различными отраслями сухопутного и морского дела, войсками и флотом, в его же компетенции находятся и часть почтовых учреждений, арсеналы и железные дороги.

V. Гражданскими чинами ведает особая палата ли-бу.

VI. Приказ уголовный или законов, синь-бу назначен следить за исполнением правосудия, он заведует законами, суммами от штрафов и выкупов и т. под.

Кроме перечисленных министерств существует еще один так называемый инородческий приказ ли-фань-юань, который заведывает колониями, т.е. китайскими владениями, нахо-

Льтнй дворецъ. — Бронзовые львы, эмблемы императорскаго могущества.

дящимися вне восемнадцати провинций*. Что касается министерства иностранных дел, учрежденного в 1861 году и сделавшагося самым важным из министерств, с тех пор как китайско-европейская торговля расширилась и как иностранцы стали селиться в городах морского побережья, то оно заменяется цзунь-ли-ямынем. *Цзунь-ли-ямынь состоит из лиц, состоящих членами других министерств под председательством одного из ближайших родственников богдохана. Учреждение это носит совещательный характер и до настоящего (1898) года призвано было служить посредствующей инстанцией между верховною властью и высшими правительственными учреждениями и иностранными государствами, но ныне на него же было возложено приведение в действительность всех реформ, которые проектировались императором*.

Император может, если ему заблагорассудится, обойти все формальности обсуждения дел: в этом случае он обращается к своему тайному совету, который ведет свои совещания в секрете. Правда, что его действия могут быть контролируемы трибуналом цензоров или «главных доносчиков», которые имеют право делать предостережения государю, прося при этом, как милости, быть обезглавленными или четвертованными, если бы их слова оказались несправедливыми, или если бы они их разгласили. Действительно, в истории указывают

примеры порицаний, почтительнейше произнесенных против особы богдыхана в течение веков; летописи рассказывают, что бывали даже случаи, когда советники представляли императору обвинительную записку, позаботясь предварительно поставить для себя гробы у дверей дворца, так как хорошо знали, что им навряд-ли посчастливится выйти оттуда живыми; но обыкновенно деятельность этого трибунала главных доносчиков ограничивается тем, что он наблюдает через своих бесчисленных шпионов за публичным и частными, поведением мандаринов и подданных; так как функции этого учреждения состоят «в улучшении» нравов, то оно облечено правом всеобщего шпионства, и его страшные агенты беспрестанно снуют во всех частях государства. Легко понять, каковы должны быть последствия такого рода «внедрения и улучшения нравственности»; обыкновенно «доходные места» облегчают примирения между чиновниками и цензорами, мандарины продолжают притеснять и обирать народ, к собственной выгоде и к выгоде своих надзирателей¹.

Как выше сказано, в Китае не существует специального министерства народного просвещения, потому что правительство, во всей его совокупности, считается учреждением, не имеющим иной цели и задачи, кроме воспитания народа. Китайские воспитанники, которые приобрели первые основания чтения и письма и которые умеют уже читать пятикнижие и других классиков, могут видеть открывающуюся перед ними карьеру почестей и ласкать себя надеждой, что слава их отразится и на их родных. Одно из фундаментальных правил империи то, что места принадлежат заслуге, гарантируемой экзаменами и дипломами, выдаваемыми по конкурсу. «Здесь учатся управлять страной», гласит одна надпись, выгравированная на дверях академического здания в Пекине. Для приобретения каждого нового чина или повышения по службе, нужно подвергаться последовательным испытаниям, так что вся администрация может быть рассматриваема как большая иерархическая школа. Правда, что правительство, когда в казне у него пусто, отступает от правила и само совершает преступление, предусмотренное его собственным уголовным кодексом и называемое «продажей права за подарки»: многие мандарины обязаны занимаемым ими местом не своей учености или природным талантам, а просто деньгам; однако управляемые никогда не забывают происхождения таких чиновников и не отказывают себе в удовольствии кольнуть их этим при удобном случае. Что касается военных мандаринов, маньчжур по происхождению, то очень многие из них обязаны своей национальности тем, что достигли командования, не пройдя через ряд последовательных экзаменов; но в противоположность тому, что мы видим в большей части других государств, они считаются по рангу ниже гражданских чиновников. На годовых празднествах, где собираются все мандарины, «ученые», то-есть гражданские чиновники, садятся на восточной стороне, как самой почетной, а военные помещаются на западной; в храмах Конфуция последние не принимают участия в церемониях, посредством которых Земля приходит в сообщение с Небом. Потомки завоевателей, маньчжуры признают превосходство мирных китайцев, потомков покоренных, так же, как и превосходство мирных искусств над искусствами войны: «Империи, которая под Небом, — высший мир!» — таков девиз, который повторяется везде, в храмах, на стенах, во внутренности домов.

Во всех больших городах одно из главных общественных зданий то, где находятся места для производства публичных экзаменов; оно состоит из множества зал и дворов, окруженных каморками для кандидатов, которых вводят туда снабженных только чистой бумагой и письменным прибором, то-есть тушью и кисточками; приставленные к дверям часовые не допускают никакого сообщения между экзаменуемыми. Иногда на испытание разом представляется до десяти или двенадцати тысяч человек, и в продолжение нескольких дней все это население остается взаперти, занятое писанием тем по вопросам нравственным и политическим, комментированием текстов, выбранных в священных книгах, сочинением сентенций в прозе и в стихах. Иногда случается, что кандидаты умирают от истощения сил в своей келье; в этом случае проламывают наружную стену, чтобы вытащить через отверстие трупы так, чтобы не заметили другие экзаменующиеся. За исключением лиц, принадлежа-

1 „Lettres edifiantes“, tome I.

щих к презираемым кастам, полицейских агентов, комедиантов, брадобреев, носильщиков паланкинов, лодочников, нищих, потомков бунтовщиков, обреченных на вечный позор, все допускаются на конкурс, и даже экзаменаторы охотно закрывают глаза на происхождение и первоначальное состояние кандидатов, лишь бы только они имели определенное место жительства¹. Относительно возраста тоже не существует никаких ограничений: «феноменальные дети» и старики равно могут представляться на конкурс; но экзамены очень строги, и только десятая часть кандидатов—или даже и того менее—успевает получить титул сю-цзя или «украшенного таланта», соответствующий французской степени бакалавра. Уже поднявшиеся над толпой обыкновенных смертных, эти избранные счастливы имеют право облачаться в длинное платье, обувать полусапожки и прикрывать голову шапкой особенной формы; не получив еще никакой официальной должности, они уже делаются почти независимыми от коммунальных властей и образуют особый класс в государстве. Очень многочисленные, они доставляют наибольший контингент для увеличения толпы разночинцев, ибо люди недостаточные не в состоянии покрывать в продолжение нескольких лет расходы на свое содержание и образование, чтобы приготовиться к дальнейшим экзаменам: между ними-то встречаются преимущественно мелкие чиновники, чтецы, декламирующие в трактирах и харчевнях драматические рассказы из отечественной истории, торговцы сентенциями, сочиняющие разные мудрые изречения на полосах разрисованной бумаги, вечные кандидаты, которые за условленное вознаграждение являются на экзамены вместо и под именем богатых недорослей и добывают для них титул «ученых». Бедные бакалавры могут также сделаться школьными учителями или лекарями, и это именно в их классе найдешь всего более людей интеллигентных, с умом открытым и любознательным, которые развиваются с оригинальностью и всего более содействуют непрестанному процессу национального обновления.

Каждый год канцлер, назначаемый из своей среды академией Хань-линь или «Перьев красного феникса», наводит справки о бакалаврах предыдущего года и распределяет их в разряды по порядку заслуги, причем ему даже предоставлена власть лишать недостойных ученой степени; но экзамены на высшую степень, на степень цюй-жэнь или «человека представленного», производятся только раз в три года, в главном городе каждой провинции, в особой испытательной комиссии под председательством двух членов «академии красного феникса». Экзаменуемые снова запираются в отдельные каморки и занимаются составлением своих тезисов, философских, исторических и политических: очень немногочисленные, —около 1.300 человек на весь Китай,—те из кандидатов, которые удостоены степени цюй-жэнь, получают поздравление от судей и должностных лиц, и в честь их устраиваются большие общественные празднества. Наконец, по прошествии еще трех лет, они могут представиться в Пекин, чтобы защищать там диссертацию, которая доставляет им титул цзинь-ши или «поступающего на службу», право носить особенную одежду, первое место в церемониях, почести, наперед определенные обрядами, и одну из высших должностей в империи. Для вступления в число ханлинцев требуются новые экзамены, и кандидаты подвергаются испытанию в императорском дворце, в присутствии самого богдохана или по крайней мере высших сановников двора, между которыми они домогаются занять место.

Таким-то образом, восходя от степени к степени, устроивается правительственная иерархия. Корпорация ученых поддерживается правильно уже около тридцати двух веков; но до восьмого столетия христианской эры должностные лица были еще назначаемы народом. Не доверяя народному выбору и желая устранить его капризы, один из богдоханов Танской династии хотел, чтобы впредь должности государственной службы были присвоиваемы одной только заслуге: таково происхождение этого правительства «ученых», бакалавров и кандидатов, которое восхвалялось европейскими писателями, как идеальная форма правления народами. Однако действительность не соответствует блестящей картине, которую нарисовали нам поклонники этого режима. Если бы даже было правда, что власть всегда строго распре-

1 „China Review”, июль и август 1880 г.

деляется на основании результатов конкурсного экзамена, и что деньги не играют никакой роли в раздаче мест, то и в таком случае можно бы было спросить себя, каким образом счастливая память и доскональное знание классиков могут быть у мандарина гарантией политического смысла, здравого взгляда и прозорливости в делах правления? Нужно опасаться, напротив, что, оставаясь в своем курсе ученья замкнутым в далеком прошлом, отодвинутым слишком за двадцать веков назад, живя мыслью в эпохе Конфуция, будущий государственный деятель тем самым осуждает себя на остановку развития и делается неспособным к пониманию дел настоящего времени. «Красивая кисть», или, говоря нашим языком, красивый почерк—вот первое из условий, требуемых от кандидата; но как бы хорошо ни владело должностное лицо кистью, как бы красиво ни вырисовывало письменные знаки, оно от этого не менее поддается искушениям произвола и продажности, которым его подвергает его должность. И действительно, единогласное свидетельство путешественников так же, как комедии, памфлеты и народные песни говорят нам, что ученый китаец нисколько не уступает неучу-маньчжур в искусстве притеснять находящиеся под его управлением и торговать правосудием. Вообще народ менее боится мандаринов, которые купили себе место, нежели чиновников, попавших на должность путем конкурса: более богатые, первые менее алчны; они не так твердо знают прекрасные правила морали, но зато обладают более открытым умом и быстрее разбирают вверяемые им дела¹.

Все чиновники, гражданские и военные, означаемые часто собирательным именем Бэйгуань, или «Ста должностей», носят генерическое название гуан-фу, переводимое на европейские языки наименованием мандарин, которое первоначально стали употреблять португальцы, выговаривая по-своему индусский титул туземных судей в Гоа². Иерархическая лестница чиновников делится на девять порядков или классов, различающихся цветом и величиной шарика (из золота, серебра, камня или коралла), величиной с голубиное яйцо, который привинчивается на форменной шляпе, соломенной, шелковой или поярковой, конусообразной или с отвороченными полями. Титулы, которые они получают и которые переводятся на европейские языки соответственными почетными званиями, не могут быть передаваемы их детям; сделавшись благородными, они сообщают благородное звание только своим родственникам по восходящей линии, дабы всегда было так, чтобы они в качестве нижеподставленных воздавали похоронные почести своим родителям. Даже запрещено законом гражданскому мандарину брать с собой своего отца на жительство в губернию, куда он назначен на службу, потому что если бы случилось, что его мнение противоположно мнению его отца, то он очутился бы между двумя обязанностями равно повелительными,—повиновением придержащей власти и сыновним почтением. Сыновья чиновников возвращаются в первобытное состояние, в массу народа; чтобы подняться по лестнице правительственной иерархии, они сами должны, в свою очередь, пройти через ряд экзаменов. Наследственные титулы принадлежат только потомкам Конфуция и императоров; но эти последние тоже не могут претендовать на общественные должности, если они не выдержали установленных экзаменов. Единственные привилегии родственников богдохана состоят в получении умеренного пенсионного, в праве носить красный или желтый пояс, украшать свою шляпу павлиньим пером и держать для выездов восемь или двенадцать носильщиков паланкинов; но они не играют никакой роли в государстве, и к ним приставлены особые мандарины, которым поручено строго держать их в повиновении, даже подвергать их телесному наказанию, если они не ведут себя согласно установленным правилам. Имея лишь заимствованное достоинство, они не имеют никакого права на уважение граждан; они скоро теряются во все уравнивающей демократии нации. Семейства, которые всего более приближаются к аристократии в европейском смысле слова, и которые можно рассматривать как составляющие настоящее дворянство,— это те, которые уже в течение нескольких столетий из поколения в поколение, от отца к сыну, доставляли империи «ученых». Чиновники из этих фамилий, возвысившие-

1 D'Escayrac de Lauture, „Memoires sur la Chine”.

2 Yule, „The Book of ser Marco Polo”.

ся как собственными заслугами, так и заслугами своих предков, приобрели себе род свято-сти, которая ставит их выше законов. В прежнее время дай-фу, т.е. высшие сановники, не могли быть судимы никем другим, кроме их самих; никто не мог наложить руку на их священную особу; когда они были изобличены в каком-нибудь преступлении, забота о применении следующего по закону наказания предоставлялась им самим. Совершивший преступление дай-фу сам являлся перед судьями и просил у них позволения предать себя смерти, затем он облачался в белую траурную одежду и отправлялся к дверям здания суда, неся саблю, которую он перед тем омыл в чистой воде бассейна жертвоприношений. Стоя на коленях перед своими судьями, он ждал, чтобы ему дали просимое разрешение. «Делайте, что надлежит», произносил судья, и виновный дай-фу распарывал себе живот, бросаясь на свою саблю¹.

Подобно императору, которого блеск они отражают, мандарины считаются «отцами и матерями» вверенного их управлению населения; в старину их называли «облаками», потому что они «изливают благодетельный дождь на жаждущие влаги поля». Все разнородные функции местного управления сосредоточены в их руках: они собирают подати и налоги, строят дороги и мосты, организуют милицию; они царьки в своем округе; но им постоянно угрожает кара отрешения от должности, и только эта боязнь не позволяет им превратиться в настоящих государей. Подобно тому, как отец несет ответственность за дурные поступки своих детей, так точно и мандарин считается виновным во всех преступлениях подчиненных ему подданных: случаются ли во вверенной ему провинции смертоубийства, смуты, возмущения, вину этого доносчики могут свалить на него. Оттого, хотя обязанный по закону ежегодно исповедываться в своих ошибках и упущениях по службе, в специальной докладной записке, представляемой императору, он, в большинстве случаев, умышленно скрывает беспорядки, происшедшие в его округе; но истина, в конце концов, все-таки обнаруживается, и если бы закон был применяем со всей строгостью, он должен был бы поплатиться собственной кровью за свое дурное управление. В наши дни обыкновенное наказание, которому подвергают провинившихся мандаринов,—ссылка в места более или менее отдаленные, в северную Маньчжурию, в тибетский Сы-чуань, в Гуй-чжоу, в Юнь-нань, в Чжунгарию и на остров Хай-нань. В последнее время представители иностранных держав, сами того не желая, нанесли сильный удар могуществу мандаринов и много способствовали усилению политической централизации в империи, отказываясь вступить в сношения с губернаторами и генерал-губернаторами и всегда обращаясь по своим делам непосредственно к пекинскому двору.

Будучи в одно и то же время военачальниками, администраторами и судьями, мандарины особенно страшны в этом последнем качестве, не взирая на все меры и законодательные строгости, направленные против продажности органов правосудия; деньги тяжущихся восполняют недостаточный оклад жалованья, исчисленный в первые времена по величине заработка, который они могли бы получить как хлебопашцы. Древние царские указы провозглашают, что «всякое несправедливое решение дела влечет за собою смерть судьи»; но в действительности нет прибежища против судьи-лихоимца: некуда жаловаться на него. «Нужно, чтобы люди боялись судов, говаривал император Кан-си. Я хочу, чтобы с теми, кто прибегает к судьям, поступали без жалости, дабы всякий страшился предстать перед суд. Пусть добрые граждане полюбовно улаживают свои споры, как братья, представляя свое дело на третейский суд стариков и старшины общины: что касается спорщиков и сутяг, упрямцев и людей неисправимых, то пусть их разоряют судьи,—вот правосудие, которого они заслуживают». Во многих местах споры и тяжбы разрешаются еще главами семейств, которые судят на основании обычая. Закон возмездия все еще в чести у сынов Хань. Частная месть совершается также посредством самоубийства. Должник, преследуемый займодавцем, арендатор, ограбленный землевладельцем, работник, обиженный хозяином, жена, притесняемая свекровью, прибегают к лишению себя жизни, как к средству добиться того, чтобы им было

1 Amiot. „Memoires concernant les Chinois”.

оказано правосудие; все общество принимает тогда горячее участие в их деле и мстит за их смерть виновникам нанесенных им обид. Сбегаются соседи, всовывают метлу в руку поведсившагося, и эта роковая рука мертвеца, которою они двигают направо и налево, вооруженная своим символическим орудием, выметает из преступного дома богатство, благополучие и самую семью¹.

Уголовный кодекс китайцев отличается ясностью, точностью, логической последовательностью, но в то же время и крайней суровостью кар; при том он заранее позволяет произвол или каприз судей, устанавливая наказания не только против тех, кто нарушает законы, но даже и против тех, кто не признает их «духа». В большинстве случаев приговоры постановляются после простого допроса, производимого публично; адвокатов не существует, и если мандарин позволяет родным или друзьям защищать дело подсудимого, то это чистое снисхождение с его стороны; он может даже, если ему заблагоразсудится, пригласить постороннее лицо для замещения его на судейском седалище, и часто случается, что судья, из утонченной любезности, уполномочивает своих гостей освободить обвиняемых от наказаний, к которым он их приговорил². Судьи, пропорционально гораздо менее многочисленные, чем в Европе, постановляют свои решения после более краткого разбирательства. Еще вооруженные правом подвергать обвиняемых пытке, они пользуются этим правом с той же строгостью, как пользовались им европейские судьи в недавнюю эпоху. Бичевание, вырывание ногтей, раздавливание лодыжек или пальцев, вешание за подмышки и сотня других замысловатых мучений применяются к жертвам судебных следователей, чтобы заставить их произнести роковое слово сознания или извета. Наказания, налагаемые на осужденных, очень жестоки, и три вида смертной казни, обезглавление, повешение и удушение, кажутся недостаточными китайским судьям; уголовный кодекс предусматривает еще наказание «медленной смертью»; в прежнее время, мучение приговоренного к смерти, продолжавшееся по целым дням, начиналось сдиранием кожи на лбу, которую палач заворачивал на глаза казнимому, чтобы избегнуть его взгляда³; но теперь ограничиваются тем, что делают порезы на лице и руках осужденного, прежде чем отрубить ему голову⁴. По счастью, нервная система китайцев гораздо менее чувствительна, нежели у европейцев; доктора гонконгских и шанхайских госпиталей все говорят с удивлением о бесчувствии их больных во время самых тяжелых операций⁵.

За менее важные преступления или проступки самые обыкновенные наказания—палочные удары (индийским тростником или ротангом) и надевание деревянного ошейника. Это страшное ожерелье весит, средним числом (около 2 пудов), и несчастный, который его носит, должен опираться им о землю, тщетно стараясь сообщить своему телу такое положение, которое позволило бы ему найти забвение во сне: выставленный всем непогодам и переменам температуры, солнечному зною во время дня, холоду и росе во время ночи, он падает под невыносимым бременем, умоляя прохожих сжалиться над ним и избавить его от жизни. Тюремь—это отвратительные вертепы, где скучены, как сельди в боченке, несчастные арестанты, отданные на полный произвол тюремщиков, которые иногда выбираются между уголовными преступниками; те из арестантов, которые не получают продовольствия от своих родственников или от обществ благотворительности, рискуют умереть с голоду⁶. Редко случается, чтобы женщин наказывали по всей строгости законов; это зависит оттого, что за преступления или проступки, совершенны ими, считаются ответственными их мужья или сыновья; их никогда не подвергают наказанию деревянным ошейником, и обыкновенно ограничиваются стеганьем их по щекам или по губам кожаными ремнями. Хотя родственники и

1 Herbert Giles, „Chinese Sketches”;—Huc, „L'Empire Chinois”.

2 Eugene Simon, „Recits d'un voyage en Chine”.

3 „Lettres edifiantes”;—I. Gauthier, „Les peuples etrangers”.

4 Herbert Giles. „Chinese Sketches”.

5 Lockhart;—Wernich. То же самое подтверждается специалистами докторами, которые были свидетелями перевязок китайцев на перевязочных пунктах последней Японо-китайской войны (См. статью Медведева в медицин. прибавлен. к „Морскому Сборнику”).

6 D'Escayrac de Lauture, „Memoires sur la Chine”.

домашняя прислуга поощряются общественным мнением и даже законом к сокрытию преступления или проступка, совершенного одним из домочадцев, однако, они часто привлекаются в таких случаях к ответственности, и все семейство, в целом его составе, делается солидарным относительно действий своих членов. Принцип заместительства вполне допускается в китайской юриспруденции, не только когда сын представляется вместо своего отца, но даже когда совершенно посторонний, чужой человек предлагает принять на себя наказание, присужденное преступнику, который оплачивает эту услугу; лишь бы только приговор был исполнен, вина искуплена, правосудие считает себя удовлетворенным, а до имени жертвы ему нет никакого дела. Даже для пыток, даже для смертной казни, находят подставных лиц, которые отдают свою жизнь в обмен на кое-какое увеличение благосостояния для своих семейств. Во время вторжения союзных англо-французских войск в провинцию Чжи-ли, когда китайских убийц присуждали к смертной казни, постоянно являлись наемники с просьбой позволить им умереть вместо преступников, и жаловались на несправедливость отказа в их ходатайстве. Когда дело идет просто о применении наказания индийским тростником, то обыкновенно является целая толпа охотников заместителей. По выражению одного писателя, в Китае «есть бесчисленное множество людей, живущих единственно палочными ударами»¹.

Судьи не имеют права произносить смертный приговор без разрешения верховного совета, «за исключением того случая, когда обычный правовой порядок края нарушен восстанием или иноземным нашествием», но наказания, которые они определяют, вполне достаточны, чтобы свести со света тех, от кого они желают отделаться. Все смертные приговоры представляются на рассмотрение императора и откладываются до осени, эпохи окончательного решения: имена тех, кого он хочет помиловать, богдохан обводит кругом «алой кисти»; иногда он облакает другое лицо этим присвоенным верховной власти правом помилования. В эпохи политических революций губернаторы провинций вооружены неограниченной властью, правом жизни и смерти и водят за собой целые отряды палачей, неустанно занятых своим кровавым делом; во время атаки Кантона англичанами, в 1855 году, генерал-губернатор хвастался, что он в течение семи месяцев предал смерти 70.000 своих подданных; случилось, что в один день казнили до 800 человек². Теперь в китайских трибуналах, которые имеют пребывание в европейских «концессиях», в Шанхае и других портах, открытых международной торговле, заседают также, в качестве членов иностранные резиденты; отсюда и название «смешанных судов», которым их обыкновенно означают. Пытка совсем не употребляется этими судами, или по крайней мере никогда не была применяема в присутствии европейских судей, и приговоренные к наказанию деревянным ошейником, простой связкой досок, весящей от 2 до 4 килограммов, носят это ожерелье только в продолжение шести или семи часов каждый день и в месте, защищенном от непогод и солнечного зноя; обыкновенно им позволяют проводить ночь в своем жилище³. В колонии Гонконг представители английской магистратуры отменили для китайцев все телесные наказания, вычеркнутые из их собственного кодекса в метрополии. Что касается иностранцев, то они подсудны только своим консулам, в силу привилегии «внеземельности»; но китайское правительство жалуется, что, пользуясь этим преимуществом, они позволяют себе игнорировать и безнаказанно нарушать законы страны. Оно даже велело постепенно смягчать наказания, налагаемые на его собственных подданных, в тех видах, чтобы открыть себе возможность снова приобрести право суда над иностранцами; это дает основание надеяться, что в недалеком будущем и китайские суды перестанут применять пытку.

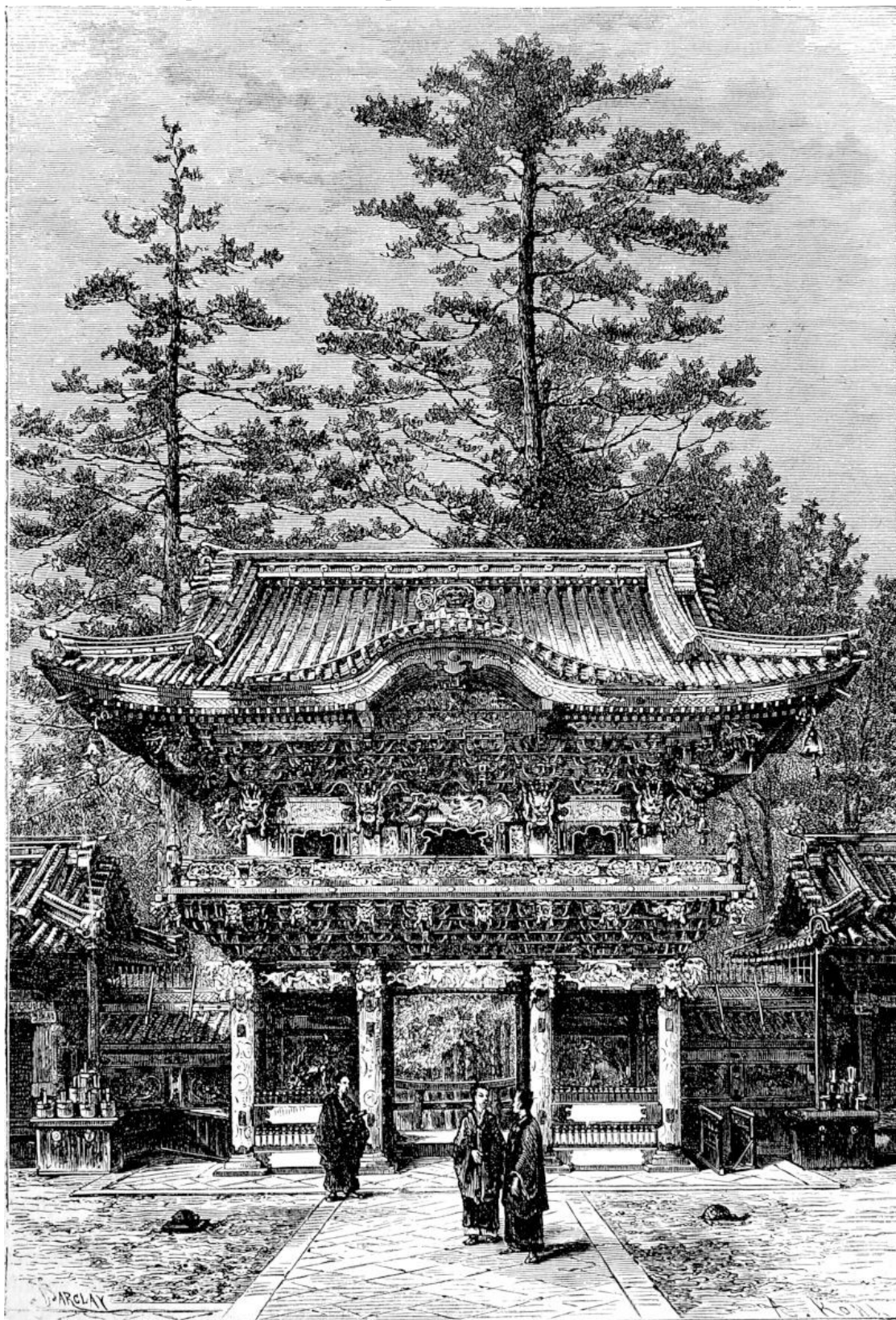
Хотя власть мандаринов в теории считается неограниченной, так как они представляют собою особу императора, они, однако, далеко не могут пренебрегать общественным мнением. Они слишком малочисленны и не располагают достаточно солидно-организованными воен-

1 Louis Lecomte, „Nouveaux Memoires sur l'etat present de la Chine”.

2 Neumann, „Ostasiatische Geschichte”.

3 Clement Allen, „Report on the mixed court at Changhai”.

ными силами, чтобы бравировать недовольством граждан, особенно в провинциях Фу-цзянь, Гуй-чжоу, где население отличается очень независимым духом. Правда, в большей части провинции, жители, привыкшие к покорности, «счастливые тем, что могут упиваться росой

Портикъ храма въ Никко.

богдоханского благоволения», повинуются охотно до тех пор, пока притеснение не кажется им невыносимым; но когда терпение их подвергается чересчур тяжелому испытанию, они бунтуются, и бунтуются с таким замечательным единодушием, что всякое сопротивление со

стороны мандарина становится невозможным; когда прокламации вывешены на улицах «по приказанию всего города», ему ничего более не остается, как покориться общей воле. Собираются публичные сходки, принимают резолюцию об изгнании мандарина и посылают к нему депутацию из именитых граждан, с поручением передать ему в вежливой форме приглашение удалиться из города; паланкин, сопровождаемый блестящим эскортом, ожидает изгоняемую персону, которая откланивается и не имеет другого средства несколько примирить с собою общество и возвратить к себе уважение, как добровольно подчиняясь этому требованию. Когда население удовлетворено поведением удаляющегося мандарина, оно подносит ему поздравительные адреса и просит его подарить свои сапоги, чтобы повесить их, в память о нем, на городских воротах¹. В действительности, китайцы пользуются такими традиционными вольностями, каких недостает большинству наций западной Европы. Они могут свободно путешествовать во всех частях империи, нигде не встречая жандарма, который бы потребовал у них письменный вид; они могут заниматься какой угодно профессией, без всяких патентов, дозволений или разрешений каких бы то ни было властей; право публикации и вывешивания всякого рода объявлений повсюду уважается, и народные собрания происходят публично, без того, чтобы необходимо было извещать об этом полицию; даже в таком беспокойном городе, как Кантон, правительство никогда не покушалось запереть двери Мин-лун-тана или здания «Свободного обсуждения», хотя оно не отказывает себе в удовольствии посылать туда своих ораторов, которые принимают участие в прениях и стараются дать им оборот, благоприятный интересам мандаринов.

Фундаментальный принцип Китайского государства, что все общество должно покоиться на семейном союзе, поддерживал из века в век древнее общинное самоуправление. В каждой деревне все главы семейств принимают участие в избрании своего представителя, выбираемого почти всегда между землевладельцами: он исполняет в одно и то же время обязанности мера или старшины, наблюдая за исполнением законов, обязанности сельского нотариуса, записывая в книгу контракты по продаже или мене имущества; обязанности сборщика податей, принимая деньги, поступающие в уплату налогов; обязанности мирового судьи, улаживая споры, возникающие между отдельными семьями; обязанности надзирателя над полями и смотрителя над дорогами, указывая тех, кто запускает свои земли, оставляя их без обработки, или практикуя худые способы хозяйства; даже обязанности деревенского церемониймейстера, указывая подходящие места для могил; должность его безвозмездна, но ему помогают в отправлении его функций другие должностные лица, сельские сторожа, межевщики или писаря, которых также назначают главы семейств, составляющих общину. В городах семейные группы организуются подобным же образом: все составляют муниципальный совет, который выбирает из своей среды голову или бао-чжэна, утверждаемого в должности местным мандарином, и назначает всех других муниципальных чиновников, на которых возлагается обязанность наблюдать за общинными интересами и общественным порядком, регулировать расходы и налоги, вотируемые советом, даже принимать военные меры, в случае надобности, и организовать вольные отряды для защиты. Для общих дел, касающихся различных околов, околовочные бао-чжэны назначают из своей среды окружных представителей: таким образом на всех ступенях правительственной иерархии избранники власти находят перед собой в китайских городах уполномоченных семейств и групп семейств². Что касается татарских городов, замкнутых в своих каменных стенах, то они зависят только от правительства³.

Но если древние гражданские учреждения Китая могли сохраниться в народе, то нельзя сказать того же о военной организации: под страхом иноземного нашествия и завоевания провинций, Срединное царство вынуждено теперь переделывать свои армии, которые прежде были ему достаточны как против внешних врагов, так и против собственных мятежников.

1 John Davis, „La Chine“; — Huc, „L'Empire Chinois“

2 Anatole Robin, „Les institutions de la Chine“, „Exploration“, 1879.

3 Morache Chine, „Dictionnaire Encyclopedie des science medicales“.

Общественное мнение не очень благоприятно относится к увеличению армий, ибо в Китае еще повторяют изречение Конфуция: «На каждого человека, который не работает, есть другой, который терпит недостаток в хлебе». Военные вообще не пользуются большим уважением: «Из честного человека не делают солдата, хорошего железа не употребляют на выделку гвоздей», говорит народная пословица.

Кроме войск, организованных на западный образец, различные вооруженные отряды суть не что иное, как простые банды. Армия «восьми знамен», которая некогда была главной силой династии, сохранила свою древнюю организацию; она состоит почти исключительно из женатых маньчжур и монголов, владеющих каждый своим полем или садом; это скорее военные поселенцы, нежели солдаты в полном смысле слова. Несмотря на их большую численность (общий состав «восьми знамен» исчисляют в 230.000 человек), они, по всей вероятности, были бы очень слабым ресурсом для защиты отечества против иностранного вторжения: быть может, они скорее опасны, чем полезны для безопасности империи; самым своим пребыванием в «татарских городах», которые стоят, обнесенные крепостными стенами, среди китайских городов, они постоянно напоминают побежденной нации о постигшем ее поражении и таким образом поддерживают в народе чувство сопротивления и вражды против маньчжурской власти¹. Единственный татарский корпус, могущий претендовать на название правильной армии в настоящем смысле слова, это — Сяо-цзин, занимающий столицу богдыхана и её окрестности; наличный состав этого корпуса включает 36.000 человек, кроме того 26.000 воспитанников; но очень трудно собрать точные сведения об этих войсках, которые маневрируют и парадируют внутри императорских парков, куда вход строго воспрещен всякому иностранцу. Высший военный ранг, называемый цзянь-цзюнь, — может быть занят только маньчжуром; генерал китайского происхождения не может подняться по лестнице военной иерархии выше чина тидай.

Лу-ин или армия «зеленого знамени», разделенная на восемнадцать корпусов, которые соответствует восемнадцати провинциям империи, имеет, по национальности, исключительно китайский характер и состоял до Японо-китайской войны из 475.177 человек², если верить более или менее правдивым донесениям офицеров. Эти ратники употребляются преимущественно для полицейской службы, для перевозки и переноски хлебных запасов, для содержания в исправности береговых насыпей, плотин и шлюзов на реках и каналах, для починки дорог; они служат только в пределах своей провинции, и губернатору стоит большого труда получить в исключительных обстоятельствах разрешение употребить их вне той территории, которую они обязаны защищать. Генерал, командующий этим войском, фу-тай или губернатор, всегда гражданский чиновник в силу господствующего в Китае общего принципа, что оружие должно уступать первенство тоге. Кроме того, полки милиции набираются в различных областях на средства самих общин и ничего не стоят государственной казне. В военное время, когда действие законов приостанавливается осадным положением, правительство может вербовать на службу всех мужчин, способных носить оружие; но опыт доказал, что подобные войска без предшествующих организации и подготовки к военному делу служат только, в случае встречи с правильной армией, к увеличению беспорядочной массы бегущих.

Морские силы Китая сравнительно еще менее значительны, чем сухопутные; прекрасный флот весь уничтожен японцами, а нового Китая еще не успел приобрести. Большинство матросов, уроженцы южных провинций, Гуан-дуна и Фу-цзяни, — искусные моряки; во многих обстоятельствах они доказали, что на них нельзя было бы смотреть как на врагов, не стоящих внимания, в случае столкновения с европейскими державами. В новейшее время были построены укрепления при входе в лиманы и реки Кантона, Фу-чжоу и Пекина, и для вооружения этих фортов, а также других крепостей; сталелитейный завод Крупа уже неоднократно доставлял орудия; сверх того, в собственных арсеналах работают над изготовлением

1 Meadows, „The Chinese and their Rebellions“.

2 Путята, „Китай“.

огромного количества военных принадлежностей и снарядов, по европейским образцам, ибо хотя порох—китайское изобретение, но императоры Срединного царства еще недавно не имели другой артиллерии, кроме деревянных, обитых железными обручами, труб да пушек, отлитых по указаниям миссионеров-иезуитов. Большая половина доходов империи, исчисляемых в 74.900.000 лан, употребляется на военные издержки; равным образом, для той же цели, именно на сооружение фортов и приобретение броненосных кораблей, Китай употребляет деньги внешних займов, заключенных в разные времена с 1874 года, через посредство банкиров Шанхая и Гонконга.

Бюджет Китайской империи представлял в 1894 году, по *Statesman's year-book*, следующие цифры в ланах:

Поземельный налог (серебр.)—20.000.000; сбор рисом на—2.800.000; соляные сборы—9.600.000; таможи морские—23.500.000; таможи внутренние—6.000.000; ли-цзин—11.000.000; патенты—2.000.000; итого 74.900.000.

Из этого видно, что важнейший источник государственных доходов составляют сборы, доставляемые казне таможами, и правительство умело понять, что для предупреждения возможности расхищения этой статьи доходов всего лучше обратиться к услугам иностранных администраторов, привыкших к ведению больших финансовых операций. Подобно тому, как заведование морскими сигналами, бакенами и маяками (в 1880 году в числе служащих при маяках было 58 европейцев и 278 китайцев), управление таможами находится в руках европейцев, принадлежащим к различным национальностям Запада, в числе почти пропорциональном оборотам их торговли; но эта таможенная администрация, официальным языком которой служит язык английский, и которая зависит от главного управления иностранных дел, не заведует торговым обменом, который производится при помощи джонок китайской конструкции, и круг ее ведомства не распространяется за пределы пояса, открытого международной торговле; по выходе из портов морского побережья или берега Голубой реки, начинаются внутренние таможи ли-цзиня или «тысячной доли», пошлины которых удваивают, утраивают или даже удесятерят ценность провозимых товаров, смотря по степени алчности мандаринов. На основании одной статьи трактатов, сбор в размере 2 с половиной процентов, прибавляемый к ввозной пошлине в количестве 5 процентов, должен бы был освобождать товары от всякого дополнительного налога, но в действительности приходится платить провозную пошлину у ворот городов на дорогах, на каналах и на мостах; сборщик мыта или дорожной и заставной пошлины требует особую подать на починку пагод, особую подать на успех молений, совершаемых о ниспослании дождя или хорошей погоды, особую подать на содержание ратников милиции или на бракосочетание принцессы. Эти-то препятствия, затрудняющие внутреннюю торговлю, и мешают движению торгового обмена с иностранцами принять свою нормальную деятельность, и потому в последнее время европейцы усиленно хлопочут об уничтожении ли-цзиня. Китайцы охотно покупают иностранные товары, не только для своего личного употребления, но также для публичных празднеств: они любят наружную пышность, знамена, богатые обои, фейерверки и не жалеют денег для торжественных дней; но от городов морского побережья до городов внутреннего Китая ценность предметов иностранного привоза, благодаря таможенным поборам, более чем удесятерится.

Недостаток удобных знаков денежного обращения также составляет одну из главных причин редкости прямых торговых сношений между приморскими портами и внутренними городами. Старинная монетная система, заключавшая золотые, серебряные и бронзовые деньги, перестала существовать, вследствие всевозможных фальсификаций, которые позволяла себе казна, и теперь правительство не чеканит другой монеты, кроме чехов, делаемых из сплава меди и олова. Это просто кружки с дырочкой, которые нанизываются на шнурок, и составляют монетную единицу, называемую дяо; но десятки, сотни и тысячи этих денежных знаков суть простые названия без определенной ценности, и меняются по цене от одного округа до другого: в ином городе считают только 99, 98 или даже 96 чехов в дяо; к востоку

от Тянь-цзиня один дяо представляет собою ценность 333 чехов вместо 100. Другая денежная единица, унция серебра, называемая таэль или лан, средняя ценность которого около 1.500 чехов, есть фиктивная монета, меняющаяся в цене от одного рынка до другого, что дает возможность менялам и банкирам получать в свою пользу барыш на всех сделках, барыш тем более значительный, что узаконенный размер процентов составляет 30 на 100 в год и 3 на сто в месяц. В прежнее время, когда еще не было внешней торговли, которая ввела в страну много иностранных монет и тем понизила относительную ценность туземных денег, в некоторых провинциях давали до 3.000 чехов за одну унцию серебра. Ведомство приморских таможен ведет свои счета в так называемых хай-гуан-таэль, официальная ценность которых около 6 франков, или 1.070 к.; но оно получает платежи пошлин только в слитках серебра, ценность которых означается клеймом. Самая обыкновенная ходячая монета в Китае—это мексиканский доллар, который негоцианты велят специально чеканить для торговли с Срединным царством¹. Золото нигде не употребляется как меновая монета, но бумажные деньги, называвшиеся прежде «крылатым золотом» или «летучей монетой», вошли во всеобщее употребление в Срединной империи уже около тысячи лет. Из серебряных слитков всегда отдают предпочтение, по причине чистоты металла и отсутствия в нем всякой лигатуры, чунченским (Tchoung-tcheng) «башмакам», получившим это название от формы, которую им придали плавильщики².

Китай в собственном смысле обнимает восемнадцать провинций,—девятнадцать, если прибавить к ним Шэн-цзин или южную Маньчжурию,—сгруппированных в восемь вице-королевств или генерал-губернаторств. Каждая из этих провинций делится на области или фу, которые, в свою очередь, подразделяются на округа или чжоу, разделенные на уезды или сянь; эти слова обыкновенно прибавляются к именам городов, которые были выбраны, как главные места соответственных административных делений. Кроме того существует некоторое число округов или чжоу, называемых чжи-ли-чжоу, которые зависят непосредственно от центральной администрации провинции, нарушая таким образом правильную иерархию городов. Военные губернаторства или тин многочисленны в краях со смешанным населением; им дают название чжи-ли-тин, когда они имеют непосредственные сношения с центральной администрацией. Город Пекин находится под особым военным управлением, круг ведомства которого распространяется на несколько километров в ближайших окрестностях столицы. Высшее командование принадлежит генерал-губернатору или цзун-ду в вице-королевствах, губернатору или фу-тай в провинциях, окружным и областным начальникам, чжи-чжоу, в округах или группах округов. Специальные комиссары носят название чжи-сянь.

Следующая таблица дает список девятнадцати провинций Китая, с подразделением их на области, округа и уезды:

1 В настоящее время в Китае весьма обыкновенны в обращении китайские доллары, вычеканенные на Кантонском монетном дворе, но доллары эти имеют свободный доступ лишь в приморских портах Китая. Попытки ввести доллары, чеканенные в Гирине, не увенчались успехом.

2 Cooper, „Travels of a pioneer of commerce”.

Перечень провинций Китая с показанием административного деления страны и главнейших пунктов

Собственный (внутренний) Китай.

Название провинции	Название генерал-губернаторства	Кем управляется провинция	Пространство в милях	Население	Плотность населения на кв. милю	Важнейшие города и населенные пункты
Чжи-ли	Чжиллийское	Генерал-губернатором (цзун-ду)	5.438, ²⁸	17.937.000	3.298	Пекин , Бао-дин-фу; Чэн-дэ-фу; Юн-пин-фу; Линь-юй; Хэ-цзян-фу; Тянь-цзинь-фу; Чжэн-дин-фу; Шунь-дэ-фу; Гуан-пин-фу; Дамин-фу; Сюань-хуа-фу; Долон-нор-тин; Чжан-цзя-коу и др. всего 148 городов
Шань-дун	Составляют самостоятельные губернаторства	Губернатором (фу-юань)	2.619, ³⁶	36.247.835	13.840	Цзи-нань-фу , Тай-ань-фу; Ян-чжоу-фу; И-чжоу-фу; Цао-чоу-фу; Дун-чан-фу; Цин-чжоу-фу; Дэн-чжоу-фу; Лай-чжоу-фу; Вэй-сянь и др. всего 107 город.
Шань-си		Тоже	3.846, ¹⁴	12.211.453	3.174	Тай-юань-фу , Пин-ян-фу; Пу-чжоу-фу; Цзэ-чжоу-фу; Да-тун-фу; Пин-дин-чжоу; Синь-чжоу; У-тай; Бао-дэ-чжоу; Цзэ-чжоу; Куку-хото и др. всего 109 городов
Хэ-нань		Тоже	3.206, ⁸⁴	22.115.827	6.898	Кай-фын-фу , Гуй-дэ-фу; Хуай-цин-фу; Хэ-нань-фу; Ло-ян-сянь; Нан-ян-фу; Жу-чжоу; Лу-шань-сянь и др. всего 107 городов
Цзян-су	Генерал-губернаторство Лян-цзянское	Губернатором	1.797, ²⁸	20.905.171	11.633	Цзян-нин-фу , Су-чжоу-фу; Сун-цзян-фу; Шан-хай; Чжэнь-цзян-фу; Хуай-ань-фу и др. всего 59 гор.
Ань-хой	Цзянь-наньское	Тоже	2.579, ⁴¹	20.596.988	7.986	Ань-цин-фу , Хой-чжоу-фу; Нин-го-фу; Тай-пин-фу; У-ху-сянь; Лу-чжоу-фу; Сы-чжоу; Фын-ян-фу и др. всего 58 городов
Цзян-си	(Лян-цзян-цзун-ду)	Тоже	3.308, ²⁹	24.534.118	7.416	Нань-чан-фу , Жао-чжоу-фу; Гуань-синь-фу; Нань-кан-фу; Цю-цзян-фу; Фу-чжоу-фу; Цзи-ань-фу; Гань-чжоу-фу; Нань-ань-фу; всего городов 78
Фу-цзянь	Генерал-губернаторство Минь-чжэнское	Губернатором	2.739, ⁷⁵	25.790.556	9.416	Фу-чжоу-фу , Цюань-чжоу-фу; Амой; Цзян-нин-фу; Янь-пин-фу; Тин-чжоу-фу; Шао-у-фу; Чжан-чжоу-фу; Фу-нин-фу и др.
Чжэ-цзян	(Минь-чжэ-цзун-ду)	Тоже	1.764, ¹⁰	11.588.692	6.569	Хан-чжоу-фу , Хай-нин-чжоу; Цзя-син-фу; Ху-чжоу-фу; Ань-цзи-сянь; Нин-бо-фу; Шао-син-фу; Тай-чжоу-фу; Цзинь-хуа-фу; Янь-чжоу-фу; Вэнь-чжоу-фу; Чу-чжоу-фу; Дин-хай-тин и др. всего 75 городов
Ху-бэй	Генерал-губернаторство Ху-гуанское или Лян-хуйское	Губернатором	3.356, ¹⁹	33.365.005	9.941	У-чан-фу , Хань-коу; Хань-ян-фу; Ань-лу-фу; Сян-ян-фу; Юнь-ян-фу; Дэ-фнь-фу; Хуан-чжоу-фу; Цзин-чжоу-фу; И-чан-фу; Шинань-фу; Цзин-мынь-чжоу и др. всего 68 городов

Название провинции	Название генерал-губернаторства	Кем управляется провинция	Пространство в милях	Население	Плотность населения на кв. милю	Важнейшие города и населенные пункты
Ху-нань	(Лян-ху-цзун-ду)	Тоже	3.917, ⁰⁹	21.002.604	5.362	Чан-ша-фу , Сян-тан-сянь; Ио-чжоу-фу; Хэн-чжоу-фу; Чан-дэ-фу; Чэнь-чжоу-фу; Юн-чжоу-фу; Юн-шунь-фу; Ли-чжоу; Цзин-чжоу-фу и др. всего 73 города
Шэнь-си	Генерал-губернаторство Шэньганьское	Губернатором	3.540, ⁴⁷	8.432.193	2.381	Си-ань-фу , Тун-чжоу-фу; Тун-гуань-тин; Хань-чжун-фу; Син-ань-фу; Сюн-ян-сянь; Янь-ань-фу; Юй-линь-фу; Бинь-чжоу и др. всего 90 городов
Гань-су	(Шэнь-гань-цзун-ду)	Тоже	5.910, ³⁸	5.000.000	846	Лан-чжоу-фу , Пинь-лян-фу; Гун-чан-фу; Цин-ян-фу; Нин-ся-фу; Си-нин-фу; Лян-чжоу-фу; Гань-чжоу-фу; Су-чжоу; Цзин-чжоу и др. всего 60 городов
Сы-чуань	Генерал-губернаторство	Генерал-губернатором	10.278, ⁷⁶	67.712.897	9.558	Чэн-ду-фу , Нин-юань-фу; Бао-нин-фу; Шунь-цин-фу; Сюй-чжоу-фу; Чун-цин-фу; Фоу-чжоу; Куй-чжоу-фу; У-шань-сянь; Лун-ань-фу; Тун-чуань-фу; Цзя-дин-фу; Я-чжоу-фу; Мэй-чжоу; Чжун-чжоу; Лу-чжоу; Цюн-чжоу и др. всего 140 городов
Гуан-дун	Генерал-губернаторство Лян-гуаньское	Губернатором	4.153, ²⁶	29.706.249	7.152	Гуан-чжоу-фу (Кантон); Фо-шань-тин; Макао (Аомынь) Шао-чжоу-фу; Хой-чжоу-фу; Чао-чжоу-фу; Чжао-цин-фу; Лянь-чжоу-фу; Лэй-чжоу-фу; Цюн-чжоу-фу; Хой-хоу; Лянь-чжоу; Цзя-ин-чжоу и др. всего 95 городов
Гуан-си	(Лян-гуань-цзун-ду)	Тоже	3.819, ⁹⁸	5.153.327	1.348	Гуй-лин-фу , Лю-чжоу-фу; Цин-юань-фу; Сы-энь-фу; Пин-лэ-фу; У-чжоу-фу; Сюнь-чжоу-фу; Нань-нин-фу; Тай-пин-фу; Юй-линь-чжоу; Си-лун-чжоу и др. всего 69 городов
Юнь-нань	Генерал-губернаторство Юньгуйское	Губернатором	6.907, ⁶⁰	11.721.576	1.697	Юнь-нань-фу , Да-ли-фу; Линь-ань-фу; Чу-сюн-фу; Гуан-нан-фу; Шунь-нин-фу; Пу-эр-фу; Ли-цзян-фу; Дун-чуан-фу; Чжао-тун-фу; Юн-чан-фу; Тэн-юэ-тин; У-дин-чжоу и др. всего 84 города
Гуй-чжоу	(Юнь-гуй-цзун-ду)	Тоже	3.158, ¹⁰	7.669.181	2.428	Гуй-ян-фу , Сы-чжоу-фу; Сы-нань-фу; Чжэнь-юань-фу; Тун-жэнь-фу; Ли-пин-фу; Да-дин-фу и др. всего 64 города
		Всего	72.341, ²⁸	381.688.672	5.276	Городов, в которых находятся административные власти, свыше 1.552

Внешний Китай.

Название страны, провинции, округа	Кем управляется страна	Пространство	Население	Плотность	Важнейшие пункты
Маньчжурия: Шен-цзин, Гиринь, Хей-лун-цзян	Военными генерал-губернаторами (цзянь-цзюнями) подчиненными Мукденскому цзянь-цзюню	2.633,24 4.937,05 9.533,98	4.243.267 3.700.000 1.060.000	1011 749 111	По провинциям, указанным на стр. 158
Северная Монголия (Халха) Южная Монголия, Ордос, Ала-Шань и Кобдо	Управляются своими князьями под контролем китайских военных губернаторов. Чахары подчинены ду-туну, живущему в Калгане	50.243,59	3.000.000	59	Урга; Улясутай; Кобдо и др.
Тарбагатай	Губернатором	1.163,26	64.000	55	Дарбульдзин; Чугучак
Или	Военным губернатором	1.265,90	140.000	110	Суй-дин-чэн (Суй-дун); Кульджа
Новая линия или Гань-су-синь-цзян	Генерал-губернатором и его двумя помощниками в В. Туркестане	23.980,94	1.500.000	62	Урумчи; Баркюль; Хами; Турфан; Ань-си; Кашгар; Яркенд; Хотан; Кэрия; Ак-су; Карашар и др.
Тибет	Управляется далай-ламой под контролем двух китайских резидентов	21.763,03	25.000.000	114	Ласса; Четань; Шигатзэ; Гардок; Чамдоула; Чжамдо
Куку-нор	Управляется на тех же основаниях, как и Монголия, под наблюдением амбана из г. Си-нин-фу	13.056,54	150.000	11	Дань-гэр-тин (Донкыр)
	Всего	128.563,53	16.357.267	127	

Глава VI. Корея

Полуостров, который выделяется из материка между двумя морями, Желтым и Японским, как-бы идя на соединение с южными островами архипелага «Восходящего солнца», совершенно ограничен со стороны твердой земли; как Италия, с которой его можно сравнить по протяжению и даже отчасти по географическому очертанию¹, он отделен от континентальной массы своего рода Альпами, цепью Чан-бо-шань или «Большими белыми горами» Маньчжурии; он имеет также и свои Апеннины, которые продолжают с севера на юг, образуя, как-бы, остов полуострова. Так же, как и в Италии, западная покатость гор составляет, во всей центральной и южной области полуострова, живую половину страны: здесь развертывается течение корейского Тибра, реки Хань-ган, и здесь же находится Сеул, нынешний главный город азиатского полуострова. В Корее, как и в Италии, морской берег, обращенный к востоку, довольно однообразен и мало изрезан, тогда как западное побережье глубоко испещрено заливами и бухтами, богато островами и маленькими архипелагами; против этого же западного берега, простирается море, наиболее оживленное каботажным судоходством; как Корея соответствует Апеннинскому полуострову, так и Китайское море соответствует морю Тирренскому. Однако, это сходство можно подметить только в общих чертах, но оно не продолжается до деталей: в то время, как на северо-востоке со стороны русской Маньчжурии, пограничная область очень гориста и делает затруднительными сообщения между двумя странами, долины притоков реки Ялу-цзян представляют на северо-восто-

1 Карл Риттер, „Землеведение Азии“;—Коль и др.

ке весьма удобный естественный проход между Кореею и китайской провинцией. С этой стороны правительство двух сопредельных государств нашло нужным создать между собою «мархию» взаимной обороны, строго воспрещая всякую обработку почвы и поселения на широкой полосе земли, к западу и северо-западу от реки Ялу-цзяна. Смертная казнь угрожала всякому, кто вздумал бы поселиться, в качестве мирного земледельца, на этой запрещенной территории; разбойники устраивали там свои притоны, грабя купеческие караваны, которые не без опасения пускались по дороге, пролегающей через нейтральную полосу и которая ведет к «Корейским воротам», близ города Фын-хуан-чэн. Еще в 1866 году китайские послы, ездившие в Корею, чтобы поздравить молодого короля с его бракосочетанием, не имели другого пристанища во время пути, кроме ям, выкопанных в земле и прикрытых рогожами¹; чтобы избежать нападения волков и тигров, они должны были окружать свое становище кордоном из горящих костров. По новейшим сведениям оказывается, что запрещенное пространство, площадь которого исчисляется Бемом и Вагнером почти в 14.000 квадр. километров, начинает покрываться пашнями и селениями: мало-по-малу китайские эмигранты, которые уже овладели посредством земледелия почти всей южной Маньчжурией, делают захваты в этой полосе и расчищают там землю под пашни; точно также и корейцы основали несколько селений вне их границы². Согласно недавно изданному труду нашего Министерства Финансов, в нейтральной полосе и на берегах Ялу-цзяна расположено уже много сел и несколько городов.³

Корея так же, как большая часть стран крайнего Востока, известна иностранцам под именем, которое обыкновенно не употребляется туземными жителями. Это наименование, принадлежавшее некогда маленькому княжеству Корье, одному из государств, на которые была разделена территория, было применено японцами и китайцами ко всему полуострову, под формами Гаогуйли («Отменная красота»), Корай и Гаоли. В конце четырнадцатого столетия, в эпоху соединения отдельных государств полуострова в одно королевство, страна, находившаяся тогда под верховной властью китайского императора, которого она признавала своим сюзереном, получила официальное название Чаосянъ или Чаосиан (Циосен), то есть «Утреннего блеска», по причине ее географического положения на восточной окраине империи⁴; впрочем, это наименование было уже известно ранее, чем установилось территориальное единство Кореи, ибо Матуанлин, писатель тринадцатого века, приводил его, как принадлежащее одному из государств полуострова⁵. Таким образом этот край означает поэтическим выражением, указывающим на его положение между Китаем и Японией. В то время, как эта последняя империя является для жителей континента «Страной восходящего солнца», Корея представляет «блестящую» землю, освещаемую утренними лучами дневного светила.

Корея, хотя и расположена между двумя часто посещаемыми морями, есть, однако, еще и до сих пор одна из наименее исследованных стран земного шара. Даже берега её, которые так необходимо было бы изучить самым тщательным образом для безопасности мореплавателей, еще неизвестны с точностью, и морские карты дают им очертания в большей части гипотетические. До семнадцатого столетия европейские географы полагали, что Корея остров, и так именно она представлена на карте Меркатора, Ортелия, Сансона; её полуостровная форма было впервые открыта картой, составленной на основании корейских и китайских источников, которую прислали миссионеры из Пекина, и которая была воспроизведена д'Анвилем. Первые точные наблюдения, сделанные европейскими мореплавателями, относятся к концу восемнадцатого столетия: только в 1787 году Лаперуз мог определить положение большого острова Квельпарта, называемого китайцами Тангло, а японцами Тамуро, и

1 Koeiling, „Mission en Corée” trad. par Scherzer; — „Requiel d'Initaires et de Voyages dans l'Asie Centrale et l'Extreme Orient”.

2 Ratzel, „Mittheilungen von Petermann”, II, 1881.

3 Д. Позднеев, „Описание Маньчжурии”, СПб, 1897.

4 I. Klaproth, „Asia Polyglotta”.

5 D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers a la Chine” par Matouanlin.

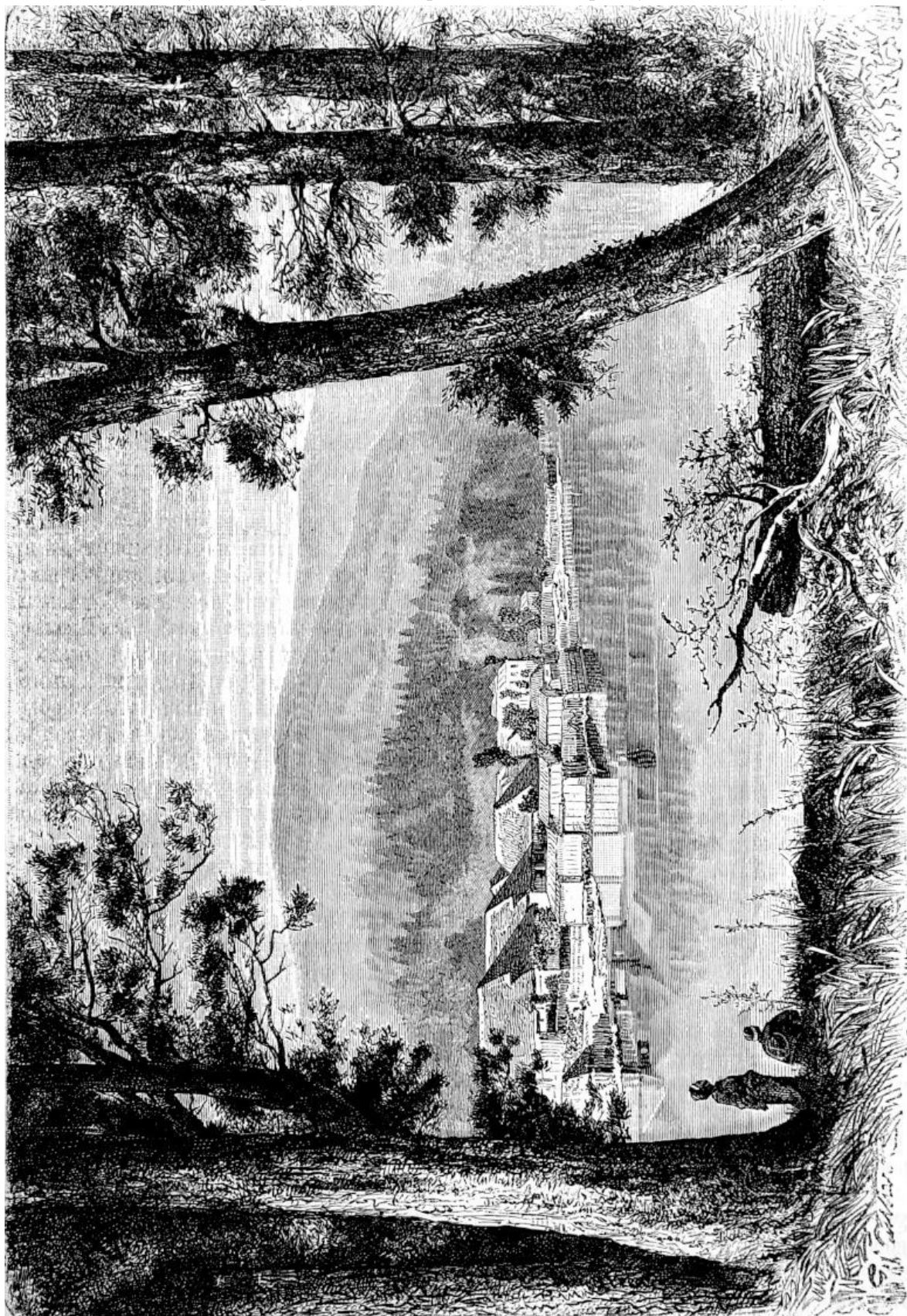
сделать гидрографическое описание Корейского пролива, между двумя морями Китайским и Японским. Десять лет спустя, другой мореплаватель, Броутон, обогнул полуостров на юге через пролив, который носит его имя, между Кореей и двойным островом Цу-сима, и обследовал некоторые пункты восточного берега. Впоследствии Крузенштерн, проходя на севере от острова Киусиу, через пролив, названный его именем, прибавил некоторые подробности к чертежу морских берегов. В начале настоящего столетия Максвелл и Василий Галь возобновили дело гидрографического исследования, и с этой эпохи многие военные корабли, английские, французские, американские, русские, произвели детальную съемку различных частей морского побережья. В 1869 г. итальянский фрегат «Vitorio Pisani» также обследовал разные пункты корейского берега. Наконец, две военные экспедиции, одна французская, другая американская, имели по крайней мере тот практический результат, что доставили съемку берегов лимана и речного устья, которые ведут к столице королевства. В настоящее время наиболее усердно занимаются изучением берегов Кореи японские моряки. Они уже в большей части измерили и определили глубину тысячи каналов архипелага, островки и опасные подводные скалы которого усеяли море, и который на старинных китайских, японских и европейских картах и в описаниях изображался, да и теперь изображается принадлежащим к твердой земле острова. *Показания, относящиеся к величине поверхности Кореи, весьма разноречивы. По исчислению «*Petermans Geogr. Mittheilung*», 1883 г., площадь полуострова с островами равна 3.962,6 географических миль или 218.112 квадр. километрам. По последнему изданию «*Almanach de Gotha*», она исчисляется 218.650 кв. километров, тогда как известное справочное издание «*Statesman's s year book*» 1895 года определяет площадь в 3.765,4 географических квадр. миль. Подобная резкая разница объясняется тем обстоятельством, что в Корею весьма трудно определить правильное положение береговой линии и до сего времени нет ни одной карты, которая бы совершенно точно определяла границу моря и суши. Это особенно относится к югу полуострова, еще более к его западному побережью и многочисленным островам. Громадность приливов и отливов в связи с отлогостью морского дна являются причиной неизследованности берегов*.

Нельзя сказать, что внутренность полуострова совершенно неизвестна, так как уже с морского берега можно разглядеть её горы, различить её долины и равнины, при том же карта Кореи, составленная д'Анвилем и воспроизведенная почти всеми другими географами, основана на довольно точных документах корейского происхождения. Конечно, направление горных цепей, ход течения рек, место городов показаны без строгой точности, но и до настоящей минуты еще ни один исследователь, в строгом смысле этого слова, не проверял и не исправлял предидущих работ по описанию этой страны. В 1653 году голландский писатель Гамель, потерпев крушение у берегов острова Квельпарта, с тридцатью пятью спутниками, был отведен пленным до самой столицы, и в продолжение 13-летнего невольного пребывания в крае мог изучить нравы и обычаи корейцев, но, как простой пленник, он не имел возможности ознакомиться с страной с географической точки зрения, и при том пройденный им путь идет вдоль западного берега, не проникая во внутренность земель. Христианские миссионеры, которые с 1835 года одни за другими посещали Корею для проповедывания её жителям слова Божия, исходили почти всю западную покатость полуострова, пробираясь туда—одни сухим путем с границ Маньчжурии, другие морем с берегов Шань-дуна; но жизнь скрывающихся беглецов, которую они принуждены были вести, не позволяла им делать много точных наблюдений над краем. Большинство их могли путешествовать только в ночное время, или должны были нарочно выбирать самые трудные, наименее посещаемые дороги, должны были вязнуть в болотах, продираться сквозь лесные чащи, питаясь травами и корнями. Однако именно этим отважным миссионерам, из которых многие заплатились жизнью за свое рвение к распространению Христовой веры, наука обязана наиболее полным собранием сведений по географии страны «Утренней ясности»¹.

*Еще более точные и полные сведения о стране стали проникать в европейскую литера-

1 Dallet, „Histoire de l'Eglise de Coree”.

туру после того, как страна согласилась открыть для иностранной торговли некоторые из своих портов и заключила договоры с иностранными государствами. Последние обстоятельства доставили доступ в страну многим европейцам, которые уже по своему служебному по-

Озеро Хаконе.

ложению нередко бывали обязаны изучать страну. И действительно, самые ценные сведения о Корее за последнее время принадлежат официальным консулам и чиновникам английского правительства, Карлесу, Грифису, Готше, Бишоп и др.*

Простой прибавок или выступ китайской покатости азиатского континента и в то же время земля, близкая к Японии, Корея, естественно, не могла не сделаться предметом спора между двумя державами, к которым она прилегает. Служа постоянно яблоком раздора между этими государствами, она-то и явилась главной причиной Японско-Китайской войны. До соединения корейских княжеств в одно королевство, полуостров заключал несколько отдельных государств, границы которых часто менялись. Это были: на севере, Гаогуйли (Гаоли) или Корея в собственном смысле; в центре Чаосянь и «семьдесят восемь» королевств китайского основания, которым вообще давали китайско-японское название Сан-кан (Санхань) или «Три Хань»¹; на юге, княжество, известное у китайцев под именем Синло, а у японцев под именем Сираги, далее государство Петси или Гиаксай, называемое Кударой восточными островитянами; кроме того, маленькое государство Кара, Зинна или Мимана образовалось на юго-востоке полуострова, вокруг залива Фузан. Северные территории, лежащие в соседстве с Китаем, необходимо должны были тяготеть к Цветущему царству, императоры которого неоднократно вмешивались во внутренние дела полуострова. С своей стороны, южные корейцы, известные в истории под японским прозвищем Кмасо или «Стада медведей», долгое время находились под владычеством Японии; иногда они делали частые набеги на острова Киусиу и Хондо и даже поселялись там на жительство. Первое завоевание Кореи было совершено в третьем столетии армиями правительницы Японии Зингу. Около конца шестого века знаменитый японский диктатор, которого обыкновенно означают прозвищем Тайко-сама, и который, начав свое поприще разбойничаньем на большой дороге, кончил тем, что подчинил своей власти все феодальное дворянство Японии, возымел смелую мысль завоевать Срединное царство. Будучи почитателем Португальского королевства, которое, несмотря на крохотные размеры своей территории, успело присоединить к своим владениям обширную Индийскую империю, он решился не оставаться позади маленького короля Запада по грандиозности завоевательных предприятий. Так как попытка его вовлечь в свой союз против Китая государя Кореи не увенчалась успехом, то он должен был начать осуществление своего плана завоеванием полуострова, которому он и объявил войну, под предлогом старинных прав Японии на страну «Медведей» (Кмасо); он опустошил провинции этого государства, принудил короля признать себя его данником, и, не смотря на то, что был разбит пришедшими на помощь китайцами; уходя в Японию, оставил постоянный гарнизон в Фузан-по на корейской территории. Следовавшая затем новая экспедиция также была победоносна и хотя она была прервана смертью самого Тайко-самы, но остров Цу-сима остался окончательно в руках японцев, и с этой эпохи до половины настоящего столетия, Корея, как вассалка Ниппона, не переставала посылать регулярно каждый год, через посредство князя Цу-симы, изъявление своего ленного подданства и свои дары. По свидетельству христианских миссионеров, которое, впрочем, может быть есть не более, как воспроизведение какой-нибудь древней легенды, но которое не подтверждается японскими летописями², первоначально часть ежегодной дани, платимой корейцами Японии, составляли тридцать человеческих кож³; впоследствии они были заменены посылками серебра, рису, холста и лекарственных растений.

Что касается отношений страны «Утреннего блеска» к Китаю, то они были самые дружественные, благодаря поддержке, которую династия Минов оказывала царствующей династии Кореи в её победоносной борьбе против других государств полуострова и в её сопротивлении против Японии. Поклонники китайской цивилизации, корейские короли считали для себя за честь получать инвеституру от «Сына Неба». Но в эпоху завоевания Срединного царства маньчжурами, Корея осталась верна делу Минов, и новые властители империи должны были предпринять поход, чтобы силой заставить государя полуострова признать их верховную власть. В 1637 году они опустошили северные провинции Кореи и предписали условия

1 Matouanlin, d'Hervey de Saint Denys, цитированное сочинение; Pfizmaier, „Nachrichten von alten Bewohnern des heufigen Corea”.

2 Л. Мечников, рукописные заметки.

3 Imbert, „Annales de la propagation de la foi”; март 1841 г.

мира, которыми побежденное королевство обязывалось платить каждый год пекинскому двору дань, состоящую из 100 унций золота, 1.000 унций серебра, а также из определенного количества произведений естественных, промышленных и художественных, мехов и лекарственных корней, тканей всякого рода, циновок, вышитых и разрисованных; посольство, привозящее эту ежегодную дань, получало в обмен императорский календарь. Корейский король даже прямо называл себя «подданным» богдохана; но, несмотря на это название, китайское правительство далеко не пользовалось реальным правом верховной власти над корейской территорией¹. По закону, ни один выходец Срединного царства не мог поселиться в пределах Чао-сяня; даже посланники пекинского двора, при въезде в столицу Кореи, должны были оставлять свою свиту за городом, и во время пребывания их в сеульском дворце они походили скорее на почетных пленников, чем на представителей государя, верховного повелителя страны². Таким образом, несмотря на свою двойную вассальную зависимость в продолжение периода, обнимавшего более двух столетий, Корея, так сказать, равно побуждаемая двумя соседними империями, как двумя силами, действующими в противоположном направлении, оставалась совершенно самостоятельной, автономной страной: но стараясь держаться в стороне, так, чтобы другие забыли о её существовании, она не имела до последнего времени никакой политической важности, не играла никакой роли в истории Азии; можно было сказать, что в том месте, где находится этот обширный и богатый полуостров, земля представляет пустое пространство.

Третья империя, сделавшаяся соседкой Кореи, тоже вмешивается, в свою очередь, и дает чувствовать свое могущество. Уже не раз были поводы предполагать, что Петербургское правительство сделает распоряжение о занятии какого-нибудь порта на полуострове «Утреннего блеска». Нет сомнения, что как с торговой, так и с стратегической точки зрения России было бы чрезвычайно выгодно владеть на южном берегу Кореи, этой Италии азиатского Востока, какой-нибудь хорошо защищенной от ветров гаванью, доступной судам в течение всей зимы, в то время, как рейд Владивостока бывает заперт льдами. Обладание таким портом на корейском побережье, который наблюдал бы одновременно за двумя морями, Китайским и Японским, и командовал бы проливами, весьма важно и желательно для России; однако, преследуя цели общего миролюбия, Россия не только не пытается этого достигнуть, но напротив употребляет со своей стороны все усилия, чтобы только сохранить независимость и целостность корейского владения. Английские моряки тоже часто предлагали своему правительству овладеть островом Квельпарт, чтобы иметь точку опоры, откуда можно было господствовать над проливами морей Желтого и Японского, и вероятно это было бы исполнено, если бы в водах, окружающих остров, была удобная гавань³. В настоящее время из трех окружающих государств почин в приобретении влияния на судьбы корейского народа принадлежит Японии, которая добилась уступки себе торговых пристаней на морском побережье и служит главным посредником между полуостровитянами и внешним миром.

Китайские и японские книги дают лишь несвязную и смутную картину королевства Чао-сянь, а корейское правительство старается поддерживать мрак неизвестности и совершенное молчание относительно его собственной страны. Существующие краткия изложения отечественной истории суть не что иное, как собрания анекдотов, истинных или вымышленных, которые ученый постыдился бы цитировать⁴. Да и эти анекдотические сочинения касаются лишь древней истории Кореи, ибо строго воспрещено публиковать или хотя бы только составлять какие бы то ни было записки, относящиеся к новейшим событиям и упоминающие имена государей царствующей династии. Тем не менее, у большей части дворянских фамилий существует обычай отмечать важнейшие современные факты в секретных записных

1 „Путешествие Козылина“, в перев. Шерцера, „Recueil d'itinéraires et de voyages dans l'Asie centrale et dans l'Extreme Orient“.

2 На самом деле этот закон едва-ли был приведен в исполнение, так как в Корею всегда было довольно много китайцев. *Прим. ред.*

3 В 80-х годах англичане заняли остров Комын-до или Гамильтон, на юге полуострова.

4 Dallet, „Histoire de l'Eglise de Coree“.

книгах, но при этом остерегаются высказывать хотя бы малейшее суждение о действиях миссионеров или даже мелких правительственных агентов, так как всякому хорошо известно, что за одно неосторожное слово можно поплатиться жизнью. Географические документы еще более редки, чем исторические сочинения и материалы, как о том свидетельствует безобразный эскиз, который был доставлен посланникам китайского императора Кан-си, просившего своего вассала прислать ему карту территории: очевидно, у корейцев во все времена было обыкновение держать иностранцев в полном неведении относительно их отечества. А между тем мало найдется стран, знакомство с которыми представляло бы более интереса, горы которых имели бы более величественный вид, долины были бы более живописны, а произведения более разнообразны.

По описанию Далле, главная горная цепь Кореи отделяется от Чан-бо-шаня в массиве Пай-ку-сань или «Горе с белой главой», и образует раздельную линию между водами, текущими на северо-восток в реку Тумень-ула, и водами, спускающимися на юго-запад к реке Ялу-цзян. Многие вершины, возвышающиеся над хребтом, означаются, с различными вариантами, именем Пай-ку-сань, так что вся цепь, от границ Маньчжурии до Броутонова залива, могла бы носить это наименование, смысл которого — «Белая гора»¹. Следовательно, в этой области Кореи горы достигают весьма значительной высоты; здесь, вероятно, находятся самые высокие вершины полуострова, но большинство их еще не было посещено путешественниками, и потому измерения высоты имеют некоторую достоверность только для гор морского побережья, видимых с открытого моря. Гора Гиен-фун, (Сань-фын) пирамидальная масса которой виднеется в небольшом расстоянии от берега, на севере от Броутонова залива, имеет более 2.470 метров высоты; кроме того, многие другие вершины достигают 2.000 метров.

Единогласное свидетельство первых христианских миссионеров и позднейших путешественников не позволяет сомневаться в гористом характере внутренней части Кореи. Во всех областях полуострова, куда ни помотришь, везде увидишь только горы, либо голые, лишенные растительности, либо покрытые густыми, непроходимыми лесами, ограничивающие небосклон своими вершинами, обрисовывающимися в форме куполов, башен, конусов или шпигелей; везде долины узки и сообщаются посредством диких ущелий, равнины, да и то небольших размеров, встречаются только в соседстве морских берегов и преимущественно на западном побережье полуострова. В целом, рельеф полуострова образует наклонную плоскость, вершина которой находится довольно близко от восточного берега: с этой стороны падение быстрое, поверхность круто понижается к Японскому морю, и воды, омывающие крутизны побережья, глубоки; берег, правильный, едва зазубренный, разворачивается в виде длинной выпуклой кривой, от Броутонова залива до южной оконечности Кореи. Покатость, обращенная к Желтому морю, имеет гораздо более пологий скат, чем восточная, она постепенно понижается к неглубокому морю, и неопределенная линия морских берегов окаймлена бахромой из полуостровов и островков, очертания которых изменяются при малейшем колебании уровня вод. Насколько можно судить по имеющимся детальным сведениям, лабиринт корейских гор происходит от пересечения меридиональной цепи, идущей вдоль восточного побережья, и поперечных хребтов, принадлежащих к китайской системе возвышенностей; самая форма иссечений западного берега, повидимому, указывает на то, что выступы или возвышения земной поверхности следуют в Корее тому же самому направлению, как и на соседнем континенте. Длинная гористая коса далеко выдается в Желтое море, как-бы для того, чтобы идти на соединение с полуостровом Шань-дун, ограничивая Чжилийский залив; точно также юго-западная оконечность выдвинулась в Желтое море, предшествуемая целым архипелагом островков, и образует выступ, соответствующий полуострову Нин-бо и островам Чжу-сан, на китайском берегу. По крайней мере два из корейских хребтов несомненно имеют то же направление, как горные цепи и террасы соседнего материка, и тянутся с юго-запада на северо-восток, параллельно цепям и террасам Маньчжурии, Монголии, Чжи-ли,

1 Л. Мечников, рукописные заметки.

Шань-си: один из этих хребтов, составляющий по ту сторону Желтого моря продолжение гор полуострова Шань-дун, тянется вдоль восточного берега до залива Посьета; другой начинается у крайнего мыса южной Кореи и сливается с восточными горами около выпуклости морского побережья, над которою господствует вершина Цан-сань, называемая русскими моряками «Горой Попова». Острова, принадлежащие к этому последнему хребту, очень высокие: многие из них — холмы или, вернее, горы с обрывистыми скатами, поднимающиеся на 500, даже на 600 и 640 метров над уровнем моря. Остров Квельпорт, из которого корейское правительство сделало место ссылки, также образует маленькую горную цепь, ориентированную по направлению от юго-запада к северо-востоку, и приметную издали по белеющим скалам горы Аула или Ханка-сань, называемой английскими моряками горой Аукленд, которая поднимается на 2.029 метров над уровнем моря. Некоторые из островов морского побережья, очевидно, вулканического происхождения: так, остров Уллын-бо, который носит также японское имя Мацу-симы и европейское наименование Дажелет, имеет форму конуса, вершина которого поднимается слишком на 1.200 метров над поверхностью воды, тогда как откосы его погружаются в море глубиной более 700 метров. По словам корейской легенды, растения, животные и люди этого затерянного среди моря острова все отличаются исполинскими размерами. В эти-же области моря Матуанлин помещал «Царство женщин» и «Царство двуликих людей»¹. Сеульское правительство не позволяло своим подданным ездить на этот остров; однако, смелые колонисты не убоились поселиться в запретной земле и принялись за возделывание её долин, рискуя встретить там страшных гигантов². Леса этого острова доставили японцам большую часть дерева, которое послужило им материалом для постройки домов Гензана, на корейском побережье.

*В отношении горных богатств Корейского полуострова мнения различных специалистов весьма расходятся, тем не менее большинство мнений сводятся к тому, что в стране находятся довольно большие богатства, которые при правильной эксплуатации их могли бы приносить большие доходы этому обедневшему государству.

Золото в стране встречается весьма часто и преимущественно в северных частях. Один из последних исследователей северной Кореи, Лубенцов, на основании многих приисков, виденных им в департаментах Хам-хын, Пхион-ян и Ы-чжу утверждает, что долины некоторых ручьев и рек представляют настоящее золотое дно. Из своих наблюдений путешественник вывел заключение, что золотоносные пески являются не спорадически, а представляют сплошные отложения. Им встречено в двух северных провинциях страны 35 разрабатываемых приисков.

Менее богата золотом средняя и южная Корея, но и здесь встречаются уже давно эксплуатированные россыпи, привлекающие внимание японцев, которые, под залог одного из рудников в Ри-циене, даже предложили основать в Чемульпо банк и монетный двор. Богатые золотые россыпи обнаружены, по словам Бишоп, в 50 милях от Фузана. До последнего времени однако Корейское правительство стесняет разработку золота для иностранных компаний.

Единственное исключение было сделано для русского золотопромышленника Нищинского, который получил право добывать золото во всей северной Корее, но условия этой концессии не достаточно выгодны для предпринимателя, почему к разработке еще до сих пор не приступлено. Более выгодные условия успела выхлопотать себе американская компания инженера Морса, которой Корейское правительство отвело площадь в 25 кв. миль к северу от Пхион-яна и разработку которых видела Бишоп. Чтобы иметь хотя приблизительное понятие о запасах золота в стране, достаточно упомянуть, что с 1886 по 1896 год из открытых для иностранцев портов было вывезено металла на 11.815.431 дол., т.е. в среднем около 1.074.110 дол. в год. Принимая во внимание, что здесь показан лишь прошедший через таможню металл, а большинство вывозится контрабандой, приходится придти к заключению,

1 D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples etrangers a la Chine“.

2 Ernest Oppert, „The Forbidden Land“.

что вывозка его достигает до 4.000.000 долларов. Лубенцов полагает, что количество добываемого золота для одного только Гензана должно быть не менее $5\frac{1}{2}$ миллион. дол.

Серебром богаты горы в окрестностях Сеула и северная часть страны, где оно добывается около Ан-чжю, Кай-чхэн, Чжан-чжин и в других местностях. В виду малой ценности и сравнительной трудности разработки, серебро не так привлекает промышленников. Оно употребляется лишь внутри страны на поделки, если же и вывозится, то только на северной границе для Китая.

Железные руды встречаются во многих местах страны, и в некоторых местах залежи их расположены вблизи самого моря, так это встречается в провинции Кيون-гы-до или около Киль-чжу. Корейцы довольно искусны в обработке чугуна, и все железные вещи для домашнего обихода приготавливаются в стране кустарным способом в небольших печах с поддувалами.

Медь добывается во многих местностях северной Кореи около Киль-чжу, где даже был устроен особый монетный двор для отливки медных кэшей, служивших до последнего времени единственной корейской монетой.

Обращаясь к такому роду минеральных богатства, как каменный уголь, следует оговориться, что присутствие каменного угля обнаружено в Корее во многих местах, но в большинстве случаев это мелкий спекающийся и бурый уголь, который разрабатывается самими корейцами везде, где он появляется на поверхности земли. Более хороший уголь в настоящее время известен в окрестностях Фузана и главным образом около Пхион-яна, где он разрабатывался в 1885 году для правительства.

Кроме вышеперечисленных главнейших минеральных пород страны в ней встречаются: каменная соль, ртуть, олово, свинец и сера. Есть указания и на то, что на полуострове была находима нефть.

Большинство этих богатств если и эксплуатируется, то самым первобытным способом, и задачей японцев в период временного правления их страной являлось желание оживить этого рода промышленность. Вместе с тем они старались забрать в свои руки все лучшие рудники и месторождения горных богатств страны. Вместе с японцами в страну явились авантюристы других национальностей и под защитой своих консульских флагов назойливо требовали концессий, отказать в которых король не имел ни сил, ни мужества. Только в начале 1898 года он вновь заявил, что впредь в Корее не будет выдаваемо никаких концессий иностранцам.

Флора Корейского полуострова по своему составу имеет большое сходство на севере с флорой Маньчжурии, на юге отчасти приближается к флоре Японских островов, а отчасти, особенно на островах у юго-западного побережья, имеет много общего и с растительностью северо-восточного Шань-дуна. «Лежа как раз против Японии», пишет известный ботаник академик Максимович, «пользуясь благорастворенным климатом последней, Корея должна иметь много общего и в флоре». Те немногие данные, которые известны, подтверждают слова этого знатока восточно-азиатских растений и в особенности по отношению к южной части страны.

Кратковременность вегетационного периода конечно является главной причиной существующего различия флор японской и корейской. Так, в Корее уже не встречаются японские низкорослые пальмы и многочисленные в Японии породы вечнозеленых деревьев, а бамбук, редкий на полуострове, не заходит севернее $35^{\circ}45'$ с.ш. Северные породы деревьев из Маньчжурии проникают на юг значительно более и особенно далеко заходят вдоль восточного побережья.

В настоящее время леса близ больших населенных пунктов почти истреблены и в средней и южной части полуострова сохранились лишь как украшения храмов и гробниц или же благодаря своей недоступности. В северной Корее леса также довольно редки на побережье, внутри же все горные хребты и их отроги густо заросли лесом, который в некоторых местах представляет как по виду, так и по составу настоящую маньчжурскую тайгу. Этот ха-

рактер Маньчжурской флоры сохраняется вполне даже около Гензана, но уже около Сеула в состав лесов входят растения, свойственные более теплому поясу. Здесь уже произрастает каштан, хлопчатник, бумажное дерево, *Rhus vernicefera* и *Rhus succeneana*. Попадаются китайские дубы, а еще южнее около Фузана растут на открытом воздухе гранаты, камелии, каки и даже померанцы.

Один из последних путешественников по Корее, г-жа Вичор такими словами рисует картину растительности в средней части течения реки Хань. «В противоположность оголенным скатам холмов между Чемульпо и Сеулом, недоступные склоны высот, расположенных вдоль дороги, покрыты отдельными деревьями и во многих местах даже целыми лесами хвойных и лиственных пород, среди которых чаще всего попадаются живописные группы зонтикообразных сосен (*Pinus sinensis* и *Abies microsperma*). Несколько пород кленов и дубов, можжевельник, орешник, ясень, даурская береза и рябина перемешиваются с более южными породами, представителями которых здесь являются *Sophora japonica*, *Platanus*, *Evonymus alatus*, *Thuja orientalis* и многие другие. Красивые развесистые кусты разрезно-лиственных *Aconthopanax resinifolia*, тутовая шелковица, грецкий орех и довольно редкая *Zelkovia* указывают на близкое родство корейской и японской флор. Гелиотроп, гвоздика и алые азалии были в полном цвету и украшали склоны холмов; белые и серно-желтые цветы ломоносов, вьющаяся зелень *Actinidia* сменяются прелестным *Ampelopsis Weitchiu*, который покрывает утесы своею изящною свежеею зеленью; вьющиеся красные и белые розы охватывают стволы даже высоких деревьев, взбираются на вершины их и спускаются над тропинкой красивыми фестонами душистых цветов»¹.

Полезных растений в корейской флоре Готше насчитывает более 60 видов. Из злаков рис, много видов проса, ячмень, пшеница, гречиха. Особенно важны рис и просо, составляющие главную пищу населения. Следует упомянуть также и о бобах, кукурузе, а на севере и о картофеле. Арбузы, тыквы, огурцы, редька и редиска служат пищею простолюдина.

Ткани выделяются из хлопчатника и крапивы и окрашиваются в краски, добываемые также из местных растений. Красная добывается из *Conthamus tinctorius*, синяя из *Polygonum tiosiorium* и фиолетовая из *Lithospermum erythrorhizon*. Из семян клещевницы, крапивы, сесама и горчицы выделяются масла, а из дерева *Broussonetia papyrifera*—прекрасная бумага².

Почти весь строевой лес, употребляемый в Чжи-ли и Шань-дуне, вывозится из северной Кореи. Лесные богатства страны обратили внимание некоторых коммерсантов, и последние неоднократно обращались к корейскому правительству с просьбой разрешить разработку и вывозку леса. В конце 1896 г. одну такую концессию получил владивостокский купец Бринер, которому разрешена разработка лесов по долинам р.р. Ялу-цзян и Тумень-улы и на острове Дажелете*.

Дикая фауна полуострова включает, между прочим, медведей, лисиц, кабанов, тигров и барсов: звериные шкуры принадлежат к числу важнейших предметов корейской торговли. В некоторых округах тигры нападают на туземцев даже в их селениях; они бродят вокруг домов и иногда вскакивают на соломенные крыши, разносят их и таким образом пробираются к добыче. Сезон охоты на этого хищника начинается зимой; когда снег на половину подмерзнет, он достаточно крепок, чтобы сдерживать человека, но проваливается под тяжелыми лапами тигра; в то время, когда зверь тщетно старается высвободиться из вязкого снега, охотник быстро бросается на него, чтобы пронзить его копьём или кинжалом. Корейские лошади, привозимые преимущественно с острова Квельпарт, очень малорослы, как шотландские пони, но быки, которых здесь употребляют для езды, сильные животные. Свиньи и собаки очень многочисленны, но последних не утилизируют ни для охоты, ни для оберегания домов или стад: до крайности боязливые, корейские собаки служат только к тому, чтобы снабжать рынки бойным мясом. Тогда как в Китае собачье мясо только в исключительных

1 Вичор, „Korea & Her Neighbour“, 1848 г. Лондон.

2 Готше.

случаях входит в число предметов общественного питания, в Корее оно для всех жителей составляет одно из самых лакомых блюд¹. Моря, омывающие берега полуострова, чрезвычайно богаты животной жизнью, и в этих водах ловят, между прочим, одну породу ската, кожа которого, под именем *galuchat* (шагрень из рыбьей кожи), употребляется на выделку ножен². *Кроме всевозможной мелкой рыбы, которою так богаты воды восточно-азиатского побережья, около Кореи ловится масса лососей, трески, сельдки и камбалы, не менее богаты воды, омывающие Корею, и китами, дельфинами и ракообразными. Из последних крабы особенно изобильны и в сушеном виде являются даже предметом вывоза. Занятие рыболовством весьма доходно и очень распространено не только у местных жителей, но и у японцев, которые арендуют места около Квельпарта и Фузана. В 1896 г. в корейских водах ловило рыбу 859 японцев судохозяев³.*

Хотя и омываемая водами моря, Корея, однако, имеет такой же континентальный климат, как Китай и Маньчжурия, причину чего следует искать в незначительной глубине Желтого моря и Чилийского залива: так как эти внутренние воды быстро нагреваются или охлаждаются, смотря по времени года, то они, понятно, могут оказывать лишь весьма слабое влияние в смысле регулирования годового климата. Как и в континентальной Азии, кривая изотерм, соответствующих изотермам Европы, проходит в Корее несколькими градусами южнее тех широт, которые она пересекает на берегах Атлантического океана: чтобы отыскать среднюю годовую температуру Франции, нужно спуститься на южную оконечность полуострова, на такое же расстояние от экватора, в каком находятся Гибралтар и Мавритания. Не только климат Кореи, в среднем выводе, холоднее климата Европы, но, главное, он гораздо более неравномерен, отличаясь крайностями тепла и холода, потому что холодные северо-западные ветры господствуют здесь зимой, тогда как юго-восточные муссоны дуют летом. Даже в южных провинциях термометр опускается зимой на много градусов ниже точки замерзания, а в центральной Корее бывают двадцати-пяти градусные морозы.

*Юго-восточный муссон, поступая в область Корейского полуострова, приносит с собою много влаги, и влияние его сказывается в том, что облачность и количество осадков в Корее за период лета несравненно более, чем в другие времена года. Вообще же в Корее количество осадков велико непомерно, сравнительно с другими странами на такой же широте. Чем южнее место на полуострове, тем ранее начинается в нем сезон дождей или туманов. Так в Фузане дожди начинаются много ранее севера Кореи и южной Маньчжурии. По сведениям 1887-1889 годов, среднее количество осадков для Гензана, Фузана и Чемульпо определялось в таком числе часов:

Гензан—туман 186, снег 302, дождь 814, в том числе на июнь и июль 330; Фузан—туман 216, снег 107, дождь 1.552, в том числе на июль 156; Чемульпо—туман 585, снег 0, дождь 422, в том числе на август 115*.

Такое огромное количество атмосферных осадков делает, что каждая долина гор имеет свою речку, каждая равнина морского побережья орошается большой рекой: но полуостров, разделенный на две покатости незначительной ширины, недостаточно велик, чтобы эти потоки могли сделаться судоходными: узкие, быстрые, загроможденные во многих местах камнями, они доступны судам только в лиманах при их устьях. Значительнейшие реки текут в самой широкой части территории, то-есть при основании полуострова; это Ялу-цзян (Амнок-кан, по-корейски) и Тюмень-ула (Туман-ган), которые служат границами Кореи; морские барки поднимаются по Ялу-цзяну на 50 километров от устья; выше эта река еще судоходна для мелких речных судов на пространстве около 200 верст до Мао-эр-шаня⁴. Морской пролив поднимается с большой силой в потоки западного берега, к Хань или «Се-

1 Dallet, цитированное сочинение.

2 D'Hervy de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples etrangers la Chine“.

3 „Korean repository 1848 года“.

4 Позднеев, „Описание Маньчжурии“.

ульской реке» он, говорят, повышает речной уровень более чем на 10 метров¹, и течение почти моментально меняет направление в противоположное при переходе от прилива к отливу. Точно также в Фузане, на юго-востоке полуострова, разность уровней, производимая приливом и отливом, достигает десятка метров².

Народная перепись 1794 года, результаты которой были сообщены миссионером Давелюи, насчитывала в Корейском королевстве 1.837.325 домов и 7.342.361 жит.,—3.396.880 мужчин и 2.743.481 женщин. Более близкая к нашему времени официальная статистика народонаселения дает несколько меньшую цифру жителей; так по переписи 1897 года в Корее оказалось 5.198.028 душ при 133.230 доме³; но, по единогласному свидетельству корейцев, это исчисление далеко ниже действительности, так как подданные корейского короля имеют выгоду скрываться от переписи, чтобы избежать податей и барщинных повинностей. Далле полагал, что в его время число жителей полуострова превышало десять миллионов, а Опперт определял его в пятнадцать или шестнадцать миллионов душ, распределенных, впрочем, весьма неравномерно, ибо гористые области севера Кореи почти пустынные и безлюдны, тогда как население живет скученно в плодородных областях юга; повсюду, где почва, хорошо обработанная, производит рис в изобилии. Мало провинций, где бы не встречались новые, недавно основанные селения, мало местечек, где бы новые дома не прибавлялись к старым постройкам, земледелие постоянно распространяется все далее, захватывая пустующие земли и леса, и дикие звери отступают перед надвигающимися хлебопашцами. Даже на северном участке восточного берега, холодном, каменистом и бесплодном, население очень густое; в некоторых местах, деревни соприкасаются одна с другой, так, что образуют один сплошной город; повсюду, в соседстве морского берега, видно большое движение судов рыболовных и перевозочных⁴. Но если рождаемость в Корее весьма значительна, то и смертность тоже очень сильна, и в земледельческих округах, где питание недостаточно, господствуют различные болезни, между прочим, суито,—то-есть «вода и почва»,—симптомы которой, как их описывают миссионеры, походят на симптомы миланской проказы. Оспа производит в Корее еще более страшные опустошения, чем в Китайской империи: говорят, что более половины детей делаются жертвой этого бича; наконец, обычай произведения искусственных выкидышей, почти общераспространенный в стране, еще более уменьшает естественный прирост народонаселения⁵. В целом, климат Кореи считается здоровым: число достигающих столетнего возраста довольно значительно, как это явствует из официальных ведомостей о пенсиях, выдаваемых престарелым людям из фондов государства⁶.

Корейцы ростом вообще немного повыше китайцев и японцев. Сильные, способные к продолжительному труду, они могли бы считаться превосходными работниками в портах, открытых японской торговле, и в земледельческих колониях русской Маньчжурии, если бы не их все уничтожающая лень. Что касается господствующего типа, в отношении формы черепа и лица, то невозможно составить о нем точное понятие, читая противоречащие одно другому описания, которые нам дают путешественники и миссионеры. Не подлежит сомнению, что корейцы представляют большое разнообразие типов от типа, который обыкновенно означают под именем монгольского, до типов европейцев и малайцев. Одна из крайних форм, тип континентально-азиатский, характеризуется широкой головой, выдающимися скулами, косележащими глазами, маленьким носом, как бы теряющимся в двойной округлости щек, толстыми губами, редкой бородой, медным цветом кожи. Другая крайность, тип «островной», самыми чистыми представителями которого можно признать туземцев некото-

1 Экспедиция кораблей „Tardif” и „Deroulede”, в 1866 г.

2 Гамай, „Exploration“, 31 марта 1881 г.

3 „Korean repository“, Vol. V, № 1 1898 г., стр. 29.

4 Путешествие корабля „Паллада” в 1854 г. и многие другие источники.

5 „Annales de la propagation de la foi“, juillet 1848 г.

6 О. Палладий, „Записки Русского Географического Общества“, апрель 1866 г.

рых островов Лю-цю¹, отличается удлинённым овалом лица, выпуклым носом, выступающими вперед рядами зубов, которые всегда видны сквозь полукрытые уста, довольно густой бородой, тонкой кожей, матовый цвет которой приближается к почти зеленоватому оттенку малайцев. У большего числа корейцев замечаешь светлорусые волосы и голубые глаза; ни в какой другой стране Крайнего востока, исключая разве первобытных племен Нань-шаня, в южном Китае, не встретишь туземных семейств, которые представляли бы те же характеристические черты. Во многих округах Кореи можно бы было вообразить себя окруженным европейцами, если бы костюмы и язык не напоминали, что находишься на берегах Тихого океана². Ни в одной части полуострова женщины не уродуют себе ног на китайский манер. Во времена Матуанлина одно из племен народа Хань имело привычку сдавливать голову детям с помощью камня, тогда как прибрежные населения, находящиеся в сношениях с японцами, заимствовали у последних моду татуирования.

Каково происхождение этих различных рас, которые более или менее слились одна с другой, чтобы образовать нынешний корейский народ? Клапрот считает их родственными тунгусским племенам восточной Сибири³: но известно, что китайский элемент также очень сильно представлен в стране, так как «Три Ханя» (Сан-хань), которые дали свое имя большей части полуострова, происходили от китайцев, переселившихся из провинций Чжили и Шань-дун, в четвертом и пятом столетиях христианской эры, к концу царствования династии Цинь⁴. Сами туземцы не имеют никаких преданий на этот счет; одни говорят, что их предки произошли от черной коровы, которая паслась на берегах Японского моря; но аристократические роды претендуют на более благородное происхождение: гаогуйли, имя которых, видоизмененное китайцами и японцами, сделалось теперь названием всего полуострова, утверждают, что прародителем их было солнце⁵. Различные корейские наречия мало разнятся между собой, из чего можно заключить, что этнические элементы корейской нации давно уже слились в одну расу.

Идиом страны Чяосань существенно разнится от китайского, так же, как и от японского: это язык полисиллабический и агглютинативный; звука л в нем нет, как и в японском; но тогда как этот последний отличается простой и ясной артикуляцией своих шести гласных, корейский язык имеет их не менее четырнадцати, которые почти все двугласные. Шипящие звуки и придыхания, которых не существует в японском языке, встречаются в большей части корейских слов; Пуцилло, в своем словаре, принужден был прибегать к неупотребляемым сочетаниям русских букв, чтобы передать приблизительно произношение корейских согласных, которое при том же всегда глухое и протяжное; кроме того, каждая фраза оканчивается гортанным звуком, который никто не может воспроизвести, не упражняясь долгое время в выговоре этого языка. Грамматическое строение корейского языка приближает его к идиомам уральским и тунгусским⁶; он представляет также одну черту сходства с баским наречием, именно то, что в нем меняются глагольные окончания, сообразно полу и состояниям собеседников⁷. Корейская письменность, которая имеет за собой, как говорят, более двадцати столетий существования, включает в одно и то же время особые изображения для каждой буквы и для каждого слога, всего немного более 200 знаков, более простых, но зато и гораздо менее красивых, чем китайские литеры: образованные люди гнушаются употреблять эти вульгарные письма. До недавнего времени это было почти все, что европейцы знали о корейском языке; существовали лишь маленькие словари, очень неполные, так как грамматики и лексиконы, составленные миссионерами, были сожжены во время преследований,

1 Л. Мечников, рукописные заметки.

2 Ernest Oppert, „The Forbidden Land“.

3 „Asia Polyglotta“.

4 Matouanlin, D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples etrangers a la Chine“.

5 Du Halde, „Description de la Chine et de la Grande Tartarie“.

6 Dallet, цитированное сочинение.

7 Pacifique Ly, „Annales de la propagation de la foi“, 1836 г.

которым подверглись проповедники Христовой веры. Однако, один из священников, избежавших избиения, успел собрать материалы, необходимые для составления окончательного труда по этому предмету, труда, который позволил дать корейскому языку специальное место, которое ему принадлежит между языками восточной Азии⁸. Грамматика языка, составленная по-французски, издана в Йокогаме.

Введение множества иностранных слов, китайских в северное корейское наречие, японских в южное наречие, породило особые жаргоны, употребляемые в торговых городах. Арго, представляющий смесь корейского с японским и которым говорят в южных портах страны, довольно распространен повсюду кроме севера. Что касается китайской письменности, то это язык цивилизации, язык, который обязательно знать всякому образованному человеку; подобно тому, как в средневековой Европе латынь, язык ученых, упорно держался рядом с местным идиомом, так и в Корее китайская письменность сохраняется рядом с собственной речью и письменностью страны: но корейцы выговаривают китайские слова таким образом, что «сын Ханя» не может понимать их без переводчика. Все места, все лица, все вещи имеют два различные названия: одно китайское, более или менее измененное туземным произношением, другое чисто корейское. Эти два элемента разнообразно перемешиваются в живой речи различных классов общества и в то время как китайский язык господствует в официальном говоре, национальный сохранялся преимущественно в практике древних суеверий; большинство народа употребляет ту или другую устную речь, смотря по степени своих знаний и рангу своих собеседников. По словам миссионера Давелюи, во многих местах разговорный язык состоит всецело из китайских слов, имеющих лишь корейские окончания.

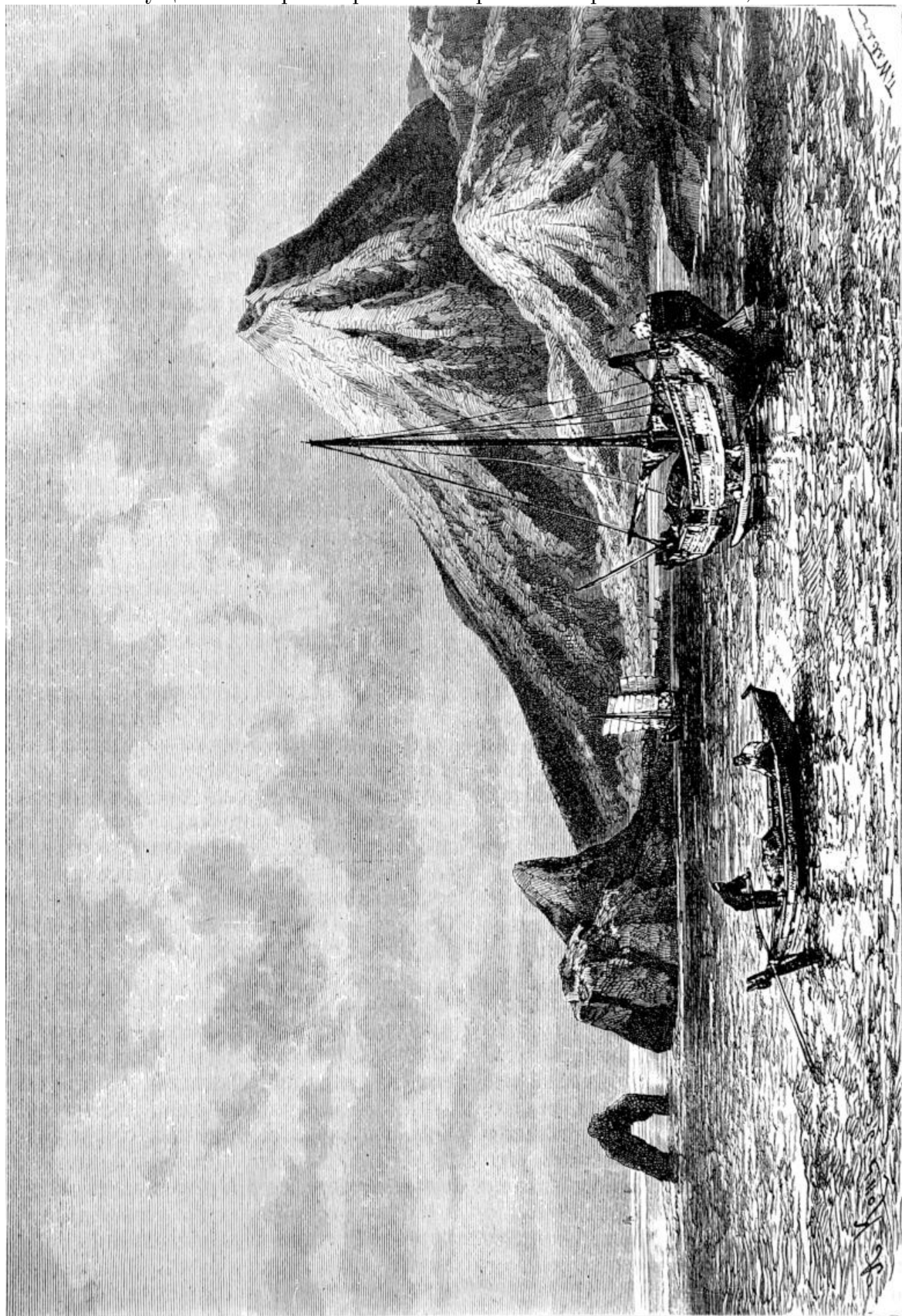
Вообще китайское влияние играло преобладающую роль в корейской цивилизации. В эпоху, когда полуостров был посредником Китая и Японии, корейцы взяли себе за образец нравы и учреждения Срединного царства. Государственное управление, обычаи и приемы официального мира были рабски скопированы с порядков Срединной империи, в отношении которой, Корея еще и до настоящего времени является в гораздо большей степени вассалкой и данницей с интеллектуальной, чем была с политической точки зрения, но народ сохранил свои старинные обычаи и в некоторых отношениях представляет поразительные контрасты с «детьми Ханя». Тогда как в «Великой и чистой империи» вся нация, за исключением нескольких бессловесных людей, рассматривается как образующая одну большую семью, каждый член которой может подняться до самых высоких должностей в государстве, различные общественные классы корейской нации составляют настоящие касты. Кроме короля и его родственников, благородные, ведущие свой род от древних начальников племен, пользуются привилегиями богатства и власти, но не в равных степенях, смотря по группе, к которой они принадлежат: гражданское дворянство наиболее образованное, то-есть вполне сведущее в секретах китайских наук и словесности, имеет монополию высших должностей государственной службы; военное дворянство занимает лишь вторую степень, но и оно по достоинству стоит выше всех новопожалованных дворян, принадлежащих к фамилиям «без корней». Дворяне пользуются значительными привилегиями, и простолюдины-всадники, при встрече с ними на улице, должны останавливаться и сходить с коней; простой смертный едва осмеливается взглянуть на благородного, а тем более не дерзнет обратиться к нему с каким-нибудь вопросом; дворяне освобождены от всяких податей и налогов, как равно и от исполнения воинской повинности, и жилище их, считающееся неприкосновенным, может служить безопасным убежищем для всякого, кому они оказывают покровительство.

*Нужно сказать, что вообще корейское дворянство, весьма влиятельное и чрезвычайно гордое, крайне ревниво охраняет свои привилегии, так что всякое посягательство на уважать его права преследуется дворянами с неимоверной жестокостью.

В настоящее время число дворян достигло в Корее громадного числа. Это обстоятельство составляет главное зло для края; отсюда происходят все злоупотребления, на которые издав-

8 „Dictionnaire coreen-francais par les missionnaires de la Coree“.

на жалуется народ, но, конечно, безуспешно, ибо аристократия так сильна и так твердо охраняет свои кастовые привилегии, что не только народ, но даже сам король не в силах бороться с её могуществом. Аристократия в Корее бесспорно всеильна; свое политическое

Мысъ Горнеръ при входѣ въ бухту Кагосима.

влияние она приобрела постепенно, весьма ловко пользуясь для своих целей частыми и продолжительными регентствами, равно как ничтожеством целого ряда государей. Из-за приобретения этого влияния на государственные дела, между некоторыми аристократическими се-

мействами часто возникала ожесточенная борьба. Однако, следует сказать, что как велика ни бывает ненависть между дворянскими партиями, они, в случае угрожающей им общей опасности, на время забывают все свои внутренние раздоры, чтобы общими силами защитить свои дворянские права. Эта солидарность дворянства и составляет его главную силу.

В Корее дворянин распоряжается хозяином и является повелителем. Для него закон не писан. Дворянин, который занимает высокую должность и кроме того имеет за себя несколько влиятельных ему сановников, даже смело противоречит самому королю. Власти, которые осмелились бы наказать дворянина, имеющего протекцию, неминуемо лишаются своих должностей. Поэтому в Корее царствует полный произвол. Бывает, например, что если знатному дворянину необходимы деньги, слуги его отправляются за поисками таковых у кого-либо из купцов или поселян, и горе тому, кто откажет в требуемой сумме: слуги сейчас хватают несчастного и тащат его в дом своего барина, где его истязают до тех пор, пока вся сумма не будет выплачена сполна. Другие же дворяне, не прибегая к столь суровым мерам, не лучше, однако, поступают: они обыкновенно берут деньги в займы, или покупают землю или дом у крестьянина, но затем ни денег, ни купленного недвижимого имущества не возвращают. Искать же против этих хищников в суде никто не отваживается, зная наперед, что спор непременно решится в пользу дворянина. Неудивительно поэтому, что дворяне пользуются общей ненавистью; это пугало, которым матери устраивают своих детей. Народ конечно терпеливо переносит все эти несправедливости, тщательно скрывая до поры до времени свою злобу, которая при первом удобном случае может разразиться со страшной силой на голову вековых притеснителей Кореи¹.*

К дворянству весьма близок класс людей, образовавшихся в течение более столетия, благодаря безнравственности корейской аристократии, из незаконных детей дворян. Класс этот в последнее время поразительно увеличился и стал приобретать большое влияние на внутренние дела страны. Среди него встречаются секретари, переводчики, толмачи и другие второстепенные чиновники, которые составляют переход между вельможами и классом мещан, который заключает в себе торговцев, промышленников и большую часть ремесленников. Другое сословие, совершенно обособленное,—это земледельцев, пастухов, звероловов и рыболовов, которые составляют массу народа. Затем следуют «презираемые» сословия, подразделяющиеся, в свою очередь, на несколько групп, которые держатся особняком одна от другой. Мясники, кожевники, кузнецы, бонзы тоже принадлежат к числу этих парий; но между ними же всего чаще встречаются те искусные и ловкие люди, готовые на всякое дело, услуга которых становятся необходимыми людям привилегированных каст. Наконец, низший слой общества составляют крепостные, из которых одни принадлежат короне, другие частным лицам, дворянам или мещанам. Они имеют право выкупаться на волю и могут жениться на свободных женщинах, чтобы дать возможность своим детям вступить в класс вольноотпущенников. Впрочем, с ними, вообще говоря, обращаются кротко, доброжелательно, и они смешиваются с землепашцами. Все касты, все корпорации отличаются в своей среде сильно развитым духом солидарности, и, благодаря этому, всегда умеют завоевать себе уважение других общественных групп. Особенно носильщики своей разумной внутренней организацией достигли того, что составляют как бы государство в государстве: они имеют свои уставы, собственные кодексы, и никогда не бывало примера, чтобы кто-нибудь из их среды просил правосудия у мандаринов; они сами восстанавливают свои нарушенные права; когда они имеют повод жаловаться на какую-нибудь несправедливость или обиду, они покидают край, вследствие чего вся торговля приостанавливается, и чтобы побудить их вернуться, принуждены бывают подчиниться их требованиям².

Официальная религия—конфуционизм, который был введен в стране около конца 14-го столетия христианской эры³: кроме того, исповедуется буддизм—древняя официальная

1 Поджио, „Очерки Кореи“.

2 Dallet, цитированное сочинение.

3 Поджио, стр. 260.

религия страны¹; а равно не исчез еще древний анимистический культ. В Корее встречаются также кое-какие следы культа огня, который указывает на связь жителей полуострова с различными дикими народами северо-востока Сибири: во всех домах сохраняют горячие уголья под пеплом; если бы жар потух, то это считалось бы приметой, что вместе с ним должно угаснуть и счастье дома. При переменах времен года и в другие важные периоды года нужно возобновлять огонь священной жаровни, зажигая девственное пламя, получаемое посредством трения двух кусков дерева один о другой². Что касается официальных церемоний буддизма, то они почти в совершенном пренебрежении, и презрение, выказываемое к бонзам, распространяется также на религию, представителями которой они служат: к ним обращаются только затем, чтобы заставить их поворожить. Во многих городах и деревнях храмов совсем не существует, да и в жилищах нет домашних жертвенников; даже в некоторых многолюдных городах все святилища имеют вид жалких мазанок.

*Храмы в честь Конфуция воздвигнуты повсеместно, в столице и во всех главных и уездных городах. Это небольшие здания весьма незатейливой архитектуры; все они обнесены стенами. Всякий, проезжающий верхом мимо храма, обязан сойти с лошади и пройти пешком, о чем его всегда предупреждает выставленная у храма досочка с надписью «слезай» (с коня). Этим кумирням иногда принадлежат весьма значительные угодья, но даже, если доходы оказались бы недостаточными для покрытия всех издержек по кумирне, то местные власти обязаны доставить необходимые для сего средства, и горе тому начальнику, который откажется исполнить подобное требование последователей учения Конфуция. В честь Конфуция жертвоприношения совершаются весною и осенью, а также в каждое новолуние и полнолуние. В столице король лично совершает жертвоприношения, которые состоят в заклании исключительно овец. Овцы эти покупаются в Китае; а разводить их в стране строго воспрещается. Обязанность совершать жертвоприношения в областных городах возлагается на представителей местной власти или на ученых, выбирающих из своей среды тех лиц, которые должны в продолжение определенного времени исполнить обязанность жреца. В этих кумирнях, как и в буддийских, книжники часто собираются для занятий и ученых диспутов³. * Статуи богов и святых суть не что иное, как безобразные куски дерева, поставленные по краям дорог: сначала можно подумать, что это просто межевые знаки, и, только подойдя ближе, замечаешь грубые вырезки, придающие чурбану некоторое подобие человеческой фигуры. Как произведения искусства, идолы полинезийских дикарей стоят гораздо выше этих корейских изображений, которым, впрочем, прохожие оказывают так мало уважения, что недоумеваешь, зачем это поселяне давали себе труд воздвигать их; когда какой-нибудь из этих божков сгниет или повалится от ветра, дети катают его по земле, поощряемые смехом присутствующей взрослой публики.

Христианство тоже имеет последователей в Корее. Во время завоевания полуострова японским диктатором Тайкосамой первый корпус его армии был под командой католического князя, прибавившего к своему национальному прозвищу Коноси Юкинага португальское имя дон Аустин⁴. С этой эпохи довольно большое число туземцев приняли чужеземную религию и стали исполнять её обрядности; китайские миссионеры поддерживали веру новообращенных, затем, в течение настоящего столетия, французские священники, приехавшие тайно, основали новые христианские общины; во время наибольшего процветания их церквей они исчисляли общую цифру христиан без малого в сто тысяч человек, и некоторые из их духовных чад, принадлежащие к королевской фамилии, были довольно могущественны, чтобы защищать их от преследования. Однако, миссионеры с опасностью жизни проповедывали учение Христа; в 1839 году трое из них были преданы смерти; в 1866 году прави-

1 Н. Cardier, „Annales du musee Guimet“, май, июнь, 1880

2 Л. Мечников, рукописные заметки.

3 Поджио, стр. 261

4 Поджио совершенно отвергает это, указывая, что до XVIII столетия христианство вовсе не было известно в стране и проникло в нее только в 1784 году из Китая (см. Поджио, стр. 287).

тельство велело умертвить девятых миссионеров, и только с большим трудом верующие успели дать возможность скрыться другим их пастырям. Христиане, несогласившиеся отречься от принятой ими веры, были осуждены на смертную казнь, и целые деревни потеряли почти все свое способное к труду население: более десяти тысяч человек были истреблены во время этого гонения. Тщетно французская экспедиция ходила требовать удовлетворения за убийство миссионеров: проникнув в реку столицы и разрушив город Кан-хуа, она вернулась в Чжифусский рейд, не получив ничего от корейского короля. Исповедание иностранной религии всегда уподоблялось, на полуострове, преступлению государственной измены, и потому в следующем же 1868 году погибло до 2.000 христиан, а в 1870 году около 8.000 человек. До 1882 года в стране функционировали только католики, но с этого года на Корею обратили внимание и протестанты, миссии которых ныне весьма многочисленны.

В Корее так же, как и в Китае, дозволено многоженство, и богатые пользуются этим правом, оставляя всегда заведование домашним хозяйством в руках первой супруги; но редко случается, чтобы простолюдин имел больше одной жены. Свадьба не сопровождается длинными символическими церемониями, как у китайцев: как только покупная цена или калым уплачен женихом, последний уводит к себе свою собственность, с которой он с этого момента может делать все, что угодно. Корейская женщина не имеет имени, ни даже легального существования: как существо безответное, она не может быть ни судима, ни наказываема законом, разве только во время возмущения. Впрочем, редко бывает, чтобы мужья худо обращались со своими женами, но корейские женщины пользуются меньшей свободой нежели китайки: за исключением крестьянок, которые работают на пашнях, и торговок, которые ходят от дверей к дверям, предлагая свои товары, корейки ведут затворническую жизнь в отдельной части дома, неприкосновенной даже для полиции; они никогда не выходят из дому во время дня: для них было бы позором показываться на улицах города до заката солнца. Однако, дабы их здоровье не страдало от затворничества, они могут прогуливаться вечером, после того, как окончание дневных работ позволило мужчинам вернуться в свои жилища. В девять часов пополудни летом, и в более раннюю пору зимой, особый сигнал возвещает о наступлении момента, когда улицы предоставляются в распоряжение прекрасного пола: мужчины спешат добраться до своих домов, те из них, которым случится замешкаться, обязаны, когда встретят дам, переходить на другую сторону улицы, закрывая себе лицо опахалом: поступить иначе значило бы обнаружить совершенное незнание правил приличия¹. Оттого большая часть путешественников, которые приставили к берегам Кореи, не имели случая видеть тамошних женщин с открытым лицом; говорят, что они вообще отличаются красивыми чертами и миловидной физиономией. Далле приводит в своей книге примеры корейянок, лишивших себя жизни самоубийством из-за того только, что чужеземцы дотронулись до их пальца².

Церемонии похорон обыкновенно бывают не более торжественны, чем свадебные обряды; у простолюдыя все ограничивается тем, что тело покойника кладут в гроб или даже просто завертывают в саван, и зарывают в землю без всякой торжественности, но люди богатые и знатные, которые хотят сообразоваться с китайским церемониалом, придерживаются еще, при погребении умерших, древнего ритуала, которому уже перестали следовать в самом Китае, по причине его крайней строгости. Траур по родителям продолжается целых три года, и во все время сын должен считать себя умершим для внешнего мира, должен отказаться от своих должностей и вообще от своих обыкновенных занятий; этикет не позволяет ему даже отвечать на слова, с которыми к нему обратится кто-нибудь; одетый весь в белом, он прячет лицо под большой шляпой и носит веер или длинный вуаль: католики-миссионеры часто пользовались этим таинственным траурным костюмом, чтобы путешествовать под защитой от нескромных вопросов чиновников и заниматься без опаски запретным «уловлением

1 Ernest Oppert, цитированное сочинение. Этот обычай совершению вывелся. См. вышедшую в Лондоне книгу Ландора.

2 Pourthie;—Dallet;—Feron;—Daveluy;—Pichon.

душ». Три раза в день в определенные часы, сыновья, носящие траур, должны предаваться плачу и оглашать воздух рыданиями. Редко случается, чтобы вдовы благородного звания вступали во вторичный брак; вдова, которая опять вышла бы замуж до истечения трехлетнего срока, подвергалась бы таким же наказаниям, как чиновники, изобличенные в лихоимстве, и ее дети, признаваемые незаконнорожденными, были бы навсегда исключены от конкурсных экзаменов, дающих право на административные и гражданские должности.

Таким образом китайские обряды и церемонии, так сказать, привиты на основе национальных нравов, но характер народа от этого не изменился. Корейцы не имеют хитрости китайцев и превосходят их в храбрости; гостеприимство их не знает границ; честные, простые, доброжелательные, они скоры на дружбу и доверие, но очень живо чувствуют всякую обиду. Серьезные и сдержанные в присутствии чужих, они охотно сбрасывают с себя обычный важный вид в обществе друзей; они не боятся даже плясать и предаваться забавам, которые китаец считает делом позволительным только дикарям. Корейские чиновники, правда, стараются подражать мандаринам Срединного царства, в отношении благородства и изящества манер, но не всегда успевают в этом, и дикарь невежественный в правилах и тонкостях обхождения, часто весьма скоро выступает наружу, как только кончатся официальные церемонии. Сценические представления, столь ценимые в Китае и Японии, известны корейцам мало, вероятно, по причине относительной бедности их литературы; но они большие ценители хореографии; музыка играет в жизни народа важную роль, и корейцы с восхищением слушают аккорды скрипки¹. Они находят удовольствие слушать европейские арии, которые китайцы, непонимающие гармонии, так медленно научаются оценивать, и даже при своих военных отрядах содержат примитивный оркестр².

Почти запертая до последнего времени для иностранной торговли страна производит только те продукты, которые необходимы для её собственного потребления. Корейцы, питающиеся, как и китайцы, рисом, возделывают преимущественно это растение, и большое количество воды, которое катят многочисленные ручьи и реки, дает им все удобства для образования искусственных наводнений, необходимых для этого рода культуры. Разводят также особую породу суходольного риса, легко растущего даже по горам. Они сеют также другие хлеба: пшеницу, просо, кукурузу, равно как овощи всякого рода, а в садах, окружающих селения, встретишь большую часть фруктовых деревьев умеренных климатов Европы и Азии; самый распространенный фрукт,—это плод курмы (*diospyros*)—«кам» по-корейски, «каки» по-японски;—но слишком дождливый климат страны отнимает почти весь вкус у этих плодов и весь аромат у цветов³. Между промышленными растениями хлопчатник одно из наиболее распространенных: лет пятьсот тому назад этот драгоценный куст еще не был известен в Корее, и пекинское правительство, желая сохранить за Китаем монополию хлопчатобумажной культуры и промышленности, запрещало вывоз за границу семян хлопчатника, под угрозой самых тяжких наказаний; но один член посольства, отправляемого с поручением засвидетельствовать, от имени государя, почтение «Сыну Неба», успел похитить три зерна и спрятать их в бамбуковую трубку своей рисовальной кисти⁴. С своей стороны, корейские короли строго воспретили вывоз жэнь-шэня; но хотя корейский корень, получаемый посредством культуры, гораздо менее ценится, нежели растение лесов Маньчжурии, тем не менее он сделался предметом важной контрабандной торговли. Чайное дерево растет в диком состоянии в южных частях полуострова, но оно почти не возделывается, так как употребление чая, этого китайского напитка по преимуществу, распространено в Корее только в высших классах⁵. Виноградный куст, которого много разновидностей, дает превосходные

1 Ernest Oppert, цитированное сочинение.

2 Поджио, „Очерки Кореи“.

3 Dallet, цитированное сочинение;—Лев Мечников, „Японская империя“.

4 Daveluy, „Annales de la propagation de la foi“, juillet 1848.

5 Хотя у многих путешественников встречаются указания на то, что чайное дерево растет даже в северной части страны, но едва-ли это вероятно, т.к. ни один из тех же авторов не определяет его точно, а профессор Краснов, исследуя месторождение чайного дерева, нигде даже намеком не упоминает о Корее. См.

плоды, но корейцы не умеют готовить из них вина. Картофель в Корее сажают одни только христиане, и то тайком, чтобы приносить его в дар своим пастырям¹. Прежде запашки делались только в равнинах: гонимые за веру христиане первые принуждены были приняться за расчистку земли под пашни на верхних склонах гор, куда они скрывались от преследования; они открыли таким образом новые способы культуры и стали утилизировать растения, пренебрегаемые в других местах. В настоящее время главную отрасль земледелия на возвышенных местах составляет табак; кроме того, там сеют просо и коноплю.

Земледельческая обработка земли не знает каких-либо машин и производится первобытным способом, посредством деревянных сох, мотыг, бамбуковых граблей. Водяных или ветряных мельниц не знают совершенно, заменяя силу воды и воздуха силою мулов или рук, толча зерна в ступах или растирая на жерновах, которые вращаются мулом, лошадьми или людьми. Корейцы в южной части страны снимают по две жатвы в год.

В первые века христианского летосчисления корейцы были учителями японцев в большей части промыслов, но в наши дни они стоят в этом отношении гораздо ниже своих бывших учеников. Они сохранили за собой превосходство только по фабрикации некоторых родов оружия да по выделке писчей бумаги из мякоти брусонетии (*braussonetia rarusifera*). Туземцы умеют ткать и красить холсты и бумажные материи, но не выделяют шерстяных произведений и должны обходиться без этих тканей, которые были бы им очень полезны во время холодов: они довольствуются тем, что удваивают или утраивают число своих одежд. Шелковые материи, в которые наряжаются чиновники и благородные, привозятся из Китая, но величественные шляпы с конической тульей и приподнятыми полями, почти в метр шириной, которые офицеры носят с такой гордостью, все местной фабрикации. Главное средоточие этой промышленности находится на острове Квельпарте; островитяне употребляют для этой работы или конский волос или чаще бамбуковые волокна, окрашенные в желтый цвет, или еще чаще, покрытые черным лаком, и украшают верхушку некоторых наиболее изящных шляп прелестными серебряными фигурами, изображающих журавлей или других птиц². Дома корейцев, даже те, которые носят громкое название дворцов, представляют вообще простые мазанки из глины, поднятые на столбах и крытые рисовой соломой. В городах самые красивые здания походят на китайские постройки по характеру архитектуры и внутреннему убранству; окна везде без стекол, составляющих предмет роскоши, который еще не проник в Корею; пол устлан циновками, и так же, как в Японии, посетители, входящие в горницы, снимают обувь у дверей³. Нищета всеобщая, благодаря тому, что труд считается позорным делом; для людей высших классов, ростовщичество, казнокрадство и хищения всякого рода составляют единственные средства существования.

Начиная с половины текущего столетия и до 1884 года непосредственная торговля Корее с её соседями, китайцами, японцами, русскими, была крайне затруднительна, и почти весь торговый обмен с иностранцами производится путем контрабанды. Морские экспедиции, сделанные без всякого серьезного результата в реку Хань-ян французами в 1866 г. и американцами в 1871 г., поселили в сеульском дворе убеждение, что, отныне непобедимый, он может вызвать на бой хоть весь свет и порвать всякия сношения с чужеземцами. В 1867 году ярмарки, происходившие ежегодно в Пи-ён-мынь, то-есть у «Ворот Кореи» близ Фын-хуан-чэна, были запрещены: точно также продолжавшиеся по несколько дней рынки, которые собирались в городе Кяньгуан, на корейской реке Тюмень-ула, недалеко от Хунь-чуна, в русской Маньчжурии, были упразднены, и правительство упорно отказывалось допустить точное определение границ с Российской империей, не желая признавать существование этого стеснительного соседа. Корейский король, боясь даже поссориться со своим сюзереном «Сыном Неба», велел схватить китайские джонки, которые пришли, по издавна заведенному

Краснов, „Чайные округа“. *Пр. ред.*

1 Feron, „Annales de la propagation de la foi“, juillet 1859;—Dallet, цитированное сочинение.

2 Ernest Oppert, цитирован. сочинение.

3 Коэйлин;—Шерцер, цитирован. сочинение.

обычаю, ловить рыбу в водах королевства; многие из этих судов были сожжены, а экипажи их преданы смерти¹. В 1875 году японский посланник не был допущен к государю из-за того, что он нарушил традиционный этикет, осмелившись явиться в европейском костюме, и сеульское правительств дошло до того, что погрозило императору Японии наложить на него наказание, подобное тому, которому оно подвергло французов и американцев². Война уже готова была вспыхнуть между двумя соседними государствами, но на этот раз удалось путем переговоров предотвратить грозящую беду, и японцы, сильные примером, который им подали европейцы, форсируя вход в порты, необходимые для их торговли, успели, в 1876 году, заставить признать за ними право пребывания в их старинной фактории Фузан, на юге полуострова. Деревушка, находившаяся в этом месте, на берегу бухты, постепенно превратилась в маленький городок, имевший уже в 1878 г. около 3.000 жителей, перерезанный правильными улицами, украшенный общественными зданиями, между прочим храмом, воздвигнутым в честь древних японских завоевателей.

Корейцы, живущие в Фузане и на соседнем берегу, научились употреблять суда менее опасные для плавания, нежели шаланды, на которых еще и донны пускаются в море другие мореходы корейских берегов. Большинство этих допотопных барок представляют просто большие ящики, кое-как сколоченные из досок и даже не законопаченные, с парусами и снастями из плетеной соломы; вода входит в таком обильном количестве через щели между досками, что несколько человек, вооруженных пустыми тыквами, беспрестанно заняты отливкой из трюма. На восточном берегу барки делаются даже просто из выдолбленных стволов деревьев; они походят более на корыта или колоды, из которых поят скот, чем на лодки³. Понятно, что при таких условиях судоходство может производиться только от порта к порту, вдоль берегов; при малейшем признаке опасности эти утлые ладьи поспешно удаляются в ближайшую гавань⁴.

Трактат 1876 года, открывший японской торговле территорию полуострова, составляет важное событие в истории Кореи, ибо с момента заключения этой конвенции прекратилась политическая и торговая отчужденность страны. Подобно тому, как Япония перед тем должна была, волей или неволей, войти в «концерт государств», так и Корея принуждена была, в свою очередь, вступить в сношения с Японией, а через Японию и с остальным миром. Едва прошло четыре года со времени открытия Фузанского порта, как японская дипломатия добилась уже открытия другого пункта, города Гензана, лежащего верстах в десяти к югу от порта Лазарева, который часто посещали русские корабли, и на который нередко указывали, как на пункт, долженствующий быть присоединенным к Российской империи. Гензанский рынок составляет весьма важный пункт, так как он находится на северо-восточном берегу и потому доставляет внешней торговле несколько иные произведения края, а не те, что вывозятся из Фузана, а именно шкуры тучных зверей, табак, золотой песок и морскую капусту. Одна торговая компания тотчас же выстроила там дома и пристань, а вскоре было учреждено и пароходное сообщение между Нагасаки и Владивостоком. С точки зрения морского удобства этот порт более глубок и лучше защищен от ветров, чем Фузан. *Ободренная своими успехами, Япония съумела вытребовать, чтобы для её торговли был еще открыт один пункт на западном побережье страны. Таким портом явилось местечко Чемульпо, лежащее на северо-западном берегу полуострова, при устье Хань-яна, в близком соседстве со столицей. Порт этот, фактически открытый с 1-го января 1883 года, благодаря выгодному положению начал быстро развиваться и в настоящее время является первым по количеству торгового оборота страны.

Все попытки иностранных держав выхлопотать для своих подданных доступ в страну разбивались об упорство корейского правительства, и потому волею или неволею все сноше-

1 Ch. Dallet, цитирован. сочинение.

2 Л. Мечников, рукописные заметки.

3 Путешествие фрегата „Паллада“, в 1854 г.

4 Ferreol;—Pourthie, „Annales de la propagation de la Foi“, май 1847 г., июль 1859 г.

ния иностранцев с полуостровом происходили через посредничество японцев, но с начала 80 годов Корея по совету Китая вступает в сношение и начинает заключать договоры. Так в 1883 году был заключен договор с Соединенными Штатами, Англией и Германией, в 1885 году с Россией. Последний договор в 1886 году был дополнен объявлением правил для сухопутной торговли*.

Чaosянь переживает теперь критический период своей истории, и все указывает на то, что исконная изолированность этой земли Крайнего востока должна прекратиться в близком будущем. В предвидении этой неизбежной перемены, были отправлены из Сеула специальные посланники с поручением объехать Японию и изучить её учреждения и роды промышленности.

Король Чaosяня есть самодержавный и неограниченный повелитель своих подданных, и последние обязаны ему оказывать почти божеское почитание: произнести имя, которое государь получил от своего предшественника, значило бы совершить преступление оскорбления величества; преступлением же было бы дотронуться до его священной особы, и даже после его смерти, придворные должны принять всевозможные предосторожности, чтобы при погребении не было непосредственного прикосновения между их руками и телом почившего короля. Честь удостоиться прикосновения царской руки неоцененна; счастливы, которые были пожалованы этой великой монаршей милостью, украшают шелковой лентой часть своей одежды, освященную перстом повелителя. Одного знака королевской руки довольно, чтобы впавший в немилость министр лишил себя жизни отравой¹. Хотя, в подражание китайскому императору, король имеет, при себе официального цензора, но этот сановник не только никогда не дерзает высказать какие-либо порицания против особы государя, но, напротив, вся его обязанность состоит лишь в том, чтобы сочинять похвалы; в столице содержится целая школа рисования для приготовления живописцев, которые должны воспроизводить черты священного лица. Тем не менее, эта самодержавная власть, без границ, поставленных законами, есть не более как простая фикция для дворянства: как некогда японские даймиосы, корейские дворяне командуют в действительности, и из опасения увидеть их всех соединившимися против королевской власти, государь не осмеливается трогать привилегий ни одного из них.

Официально, организация государственного управления представляет верную копию с правительственного механизма Срединного царства, и Сеул всегда и во всем подражал Пекину. Ранее каждый год в день рождения китайского богдохана, а также в день нового года и в дни солнцестояний, властитель Кореи, окруженный своими детьми и высшими сановниками государства, публично повергался ниц, имея лицо, обращенное по направлению к резиденции «Сына Неба». Когда он отправлял посла ко двору Небесной империи, он делал четыре коленопреклонения и воскуривал благовония; его грамота с изъявлениями вассальной преданности неслась в почетном паланкине, драпированном желтыми занавесками, и он самолично сопровождал ее за ворота столицы. При возвращении посольства, он исполнял подобные же церемонии, и когда к его двору являлся посланник из Пекина, он принимался в положении равного по сану. Все эти церемонии, совершавшиеся прежде весьма точно и строго, хотя с объявлением независимости Кореи и уничтожились сами собою, но тем не менее еще и теперь, по примеру «Сына Неба», корейский король каждый год проводит плугом борозды по заповедному полю, урожай с которого предназначается для установленных жертвоприношений; точно также королева, которая в былое время принимала этот титул только по получении официального разрешения из Пекина², священнодействует, в качестве верховной жрицы, при жертвоприношениях, предлагаемых гению шелководства; и хотя шелковая промышленность занимает очень низкую степень между промыслами её королевства, государыня разводит шелковичных червей у себя во дворце, чтобы привлечь милости неба на её подражательниц. При корейском дворе, как и при пекинском, совершаются публичные

1 Daveluy;—Pourthie, „Annales de la propagation de la foi“, июль 1848 г.; март 1860 г.

2 „Annales de la propagation de la foi“, juillet 1859

жертвоприношения в честь предков и Конфуция, и для этих великих церемоний в Сеуле содержат стада баранов и коз,—животных, почитаемых священными, разведение которых запрещено частным лицам¹. Когда король умирает, общественная жизнь должна быть прервана на двадцать семь месяцев; в продолжение этого времени, жертвоприношения, свадьбы, похороны воспрещены, и течение правосудия приостанавливается, всякая жизнь человека или животного должна быть уважаема. Потомки корейского короля, как и потомки «Сына Неба», с каждым поколением спускаются все ниже по степени дворянства; между ними есть даже такие, которые принадлежат к касте рабов.

*После государя, главную роль в королевстве играет председатель верховного совета, состоящего из трех членов. Председатель является первым сановником королевства и принимает на себя управление делами, в случае болезни и неспособности короля². По регламентам, все чиновники должны бы были принадлежать к классу «ученых» и, как в соседней империи, могли бы быть повышаемы из степени в степень не иначе, как пройдя через ряд трех последовательных экзаменов; но на практике предписания закона, относящиеся к конкурсным испытаниям, давно уже сделались мертвой буквой, и даже внешняя форма более не соблюдается. Должности, чины и почести продаются тому, кто больше даст, и цензоры, обязанные доносить о замеченных ими злоупотреблениях и преступлениях по должности, обыкновенно продают свое молчание.

*Китайские законы времен династии Мин имели весьма значительное влияние на развитие корейского законодательства. Действующий ныне в Корее кодекс был пересмотрен и опубликован в 1785 г. Кодекс этот отменил многие варварские наказания, но тем не менее отличительную черту корейских законов, даже в наше время, составляет неимоверная их суровость. В древнее время корейские законы были весьма жестоки; так, чиновника в наказание за недобросовестное управление, вызывающее открытое неудовольствие в народе, бросали в котел с кипяченым маслом; жену, убившую своего мужа, закапывали в землю до плеч у большой дороги, и каждому прохожему предоставлялось право нанести ей какую угодно рану мечом, или другим острым орудием; вору насильно наливали в горло уксус и затем палками били до тех пор, пока он не лопнет; раба, убившего своего господина, пытали до смерти и т.д. Все эти и многие другие варварские наказания современно постепенно отменялись. Так, король Ши-цзун (1419—1450) запретил бить по спине палками, отрезать нос и ноги, а король Сяо-цзун (1650—1659) отменил смертную казнь посредством ударов по голове молотком. Наконец, король Ин-цзун (1725—1776) отменил клеймение воров и т.д. Во времена, не столь отдаленные, смертная казнь вообще применялась только в исключительных случаях. Политических и уголовных преступников вообще ссылали на остров Квельпарт и на другие отдаленные острова. Но с 1794 по 1868 г.г. ссылка постепенно заменялась смертной казнью, которая особенно широко применялась к последователям христианской религии³.

Как в Китае, почести, оказываемые старости, составляют общественное учреждение: в известное время достигшие семидесятилетнего возраста приглашаются на банкет, устраиваемый для них королем, между тем как королева принимает в своих частных апартаментах делегацию верных вдов и добродетельных девиц. Запасные хлебные магазины должны быть заводимы во всех селениях для того, чтобы можно было удовлетворять нужды бедных в неурожайные годы. По обрядам религии, чиновники обязаны также заботиться о содержащихся в тюрьмах, пеших об их благосостоянии и даже приносить им кушанья, взятые с королевского стола; но на деле эти прекрасные предписания так же мало исполняются, как и принципы классических сочинений, и от них нисколько не легче народу, который не менее угнетен, подавлен налогами, предоставлен в жертву нищеты и голода. Говорят, что голодовка 1877—78 годов стоила жизни миллиону корейцев, что составляет почти восьмую долю насе-

1 Ferreol, „Annales de la propagation de la foi“, ноябрь 1847 г.

2 Покотилов, „Корея и Китайско-Японское столкновение“.

3 Поджио, „Очерки Кореи“, стр. 77 и 88.

ления страны; даже часть дворцовой гвардии будто-бы погибла от истощения сил вследствие недостаточного питания.

Армия, состоящая в принципе из всех здоровых и способных к труду мужчин, то-есть более, чем из миллиона солдат, включает в действительности лишь малочисленные группы ратников. До открытия Фузанского порта японской торговле, корейская армия не имела другого вооружения, кроме копий, сабель и ружей с фитилем, смастеренных по образцу старинного японского оружия, которое само было скопировано с оружия португальцев шестнадцатого столетия; теперь корейское правительство выписывает ружья из Японии и фабрикует их само по этим образцам¹. *Японские и европейские инструктора неоднократно приглашались корейским правительством для обучения своих войск, но особенной пользы от этого для страны не замечалось за исключением того случая, когда корейцы пригласили русских инструкторов, которые умело повели это дело². Предполагая завести свой военный флот, корейцы приобрели у японцев один маленький довольно плохой пароход, ныне вместо своего первоначального военного назначения совершающий почтовые рейсы вдоль берегов*. В важных обстоятельствах правительство призывает на службу из горных местностей охотников на тигров и организует из них ополчение: эти-то войска и сражались с французским десантным отрядом в 1866 году. *Еще недавно обмундирование солдат состояло из темно-синего холста, поверх которого надевалась туника такого же цвета, или красная, обшитая широкой черной бумажной тесьмой. На груди и спине куртки вышиты круги из белого холста, в котором вырезан знак, показывающий ту часть войска, к которому принадлежит солдат. Вместо обыкновенной корейской шляпы солдаты носят большие войлочные шляпы с широкими полями и острой тульей, напоминающие мексиканские самбреро. Шляпы эти с боку украшаются лисьим хвостом, павлиньим пером, или же пучком конского волоса, окрашенного в красный цвет. Платье военных начальников первых трех степеней бывает синее с красным поясом, а прочих офицеров темно-синее с синим же поясом. Свои шляпы офицеры украшают тигровыми усами или перьями разных птиц. Вооружение солдат самое первобытное. Кавалерия вооружена длинными копьями, насаженными на бамбуковое дерево, саблями и луками, а пехота обоюдо-острыми мечами, простыми мечами, копьями, кистенями и луками. Каждый солдат носит при себе колчан, содержащий обыкновенно до 15 стрел. Фитильными и кремневыми ружьями снабжена лишь незначительная часть отборного войска. Для боя солдаты надевают латы и головные уборы, сделанные из плотно стеганной и в 10 раз сложенной бумажной материи. Когда американцы во время экспедиции в Корею в 1871 г. взяли один из фортвов у входа в реку Хань, то между прочими вещами ими найдены были своеобразные каски и кирасы. Прочность их оказалась удивительной, ибо они не поддавались ни сабельным, ни штыковым ударам; только коническая пуля пробила их насквозь³. В настоящее время часть Сеульской гвардии имеет форму, близко подходящую к японской, вооружение же её состоит из европейских ружей различных систем. Войска, в которых состояли в течение 1896—97 г.г. русские инструкторы, вооружены ружьями Бердана № 2*.

*В 1882 году старинная партия в Корею, руководимая популярным в стране отцом короля, регентом Тай-вэн-Гуном, недовольная усилением иностранного влияния в Корею, упразднением или вернее нарушением некоторых обычаев в стране, успела взбунтовать сеульскую чернь, которая напала на японское посольство, убила и ранила некоторых из членов японской дипломатической миссии и вынудила оставшихся бежать в Чемульпо, под защиту английского военного судна.

Не удовольствовавшись этим, бунтовщики проникли во дворец короля, свергли последнего с престола и, посадив на его место Тай-вэн-гуна, начали преследовать сторонников иностранных порядков. Событие это не могло остаться бесследным в Японии и вызвало со

1 Акино, „Exploration“, 1880 г.

2 См. статью „Русские инструкторы в Корею“, в „Приамурских Ведомостях“ 1898 года.

3 Поджою, стр 61—62

стороны последней требования об удовлетворении. Корейцы вынуждены были обратиться к помощи Китая, который нашел необходимым опротестовать японские требования и даже угрожал Японии, выслав к Корейским берегам свое войско и флот. Не считая себя достаточно сильным в то время для борьбы, японцы вынуждены были согласиться и решили уладить дело путем дипломатических переговоров, которые привели к уплате Кореей в пользу Японии денежного вознаграждения, открытию еще одного пункта для японской торговли, посылки в Японию посольства, а Китай с своей стороны обязался по мере сил поддерживать прерогативы и власть короля и содействовать спокойствию в стране.

В промежутки следующих двух лет Корея под влиянием Ли-хун-чжана, а отчасти чтобы показать Японии свою мнимую самостоятельность, ввела у себя некоторые реформы, заключила торговые договоры с Англией, Францией, Германией, Соединенными Штатами и Россией, для упорядочения внешней привозной торговли, реорганизовала управление своими таможнями, пригласив для этой цели в советники фон-Меллендорфа, который, по справедливости пользуясь репутацией знатока Востока и в то же время будучи знаком с корейским языком, легко освоился со своим назначением и сумел сделаться необходимым советником короля.

Все эти события совершились в то время, когда между Россией и Китаем происходили оживленные переговоры, вызванные отказом Китая ратифицировать Ливадийский договор и во время наших недоразумений с Англией по поводу Кушкинского вопроса. Пользуясь уже существующим между нами и Китаем осложнением, английская политика, верная своему вековому принципу подбуживания, начала действовать, по заранее испытанному плану, направить на Россию свою многочисленную газетную прессу, которая старалась обвинять русских в намерении захвата Китайских и Корейских владений. Не надеясь на прочность своих среднеазиатских границ, Великобритания, подстрекая против русских Среднюю империю, и, сама того не предвидя, вооружила против себя Пекинское правительство, как только попыталось получить преобладание на Востоке, для чего заняло и укрепило в апреле 1885 года группу корейских островов, Комуль-до или Гамильтон. Это занятие, вызвавшее протест Китая и России, было весьма непродолжительно и уже в 1887 году английские силы были выведены из Гамильтона, а возведенные постройки на нем разрушены, и соединяющий его с Шанхаем кабель снят. Корейское правительство, между тем, вводя некоторые реформы в стране, не могло в то же время похвалиться особенным спокойствием в народе. Уже в 1885 году в самом Сеуле вспыхнуло восстание, поднятое слишком горячими сторонниками японского прогресса, корейцами, побывавшими в Японии. Эти горячие головы, подкупленные японским золотом, воспитанные японскими идеями, никак не могли примириться с направлениями Меллендорфа, который явно тяготел к России и настаивал на необходимости возможно тесного сближения Кореи с Россией. Во время этого восстания были убиты многие сторонники анти-японской партии, и мятежники угрожали королю, который, опасаясь за свою безопасность, вынужден был просить помощи у японского посланника. Последний прибыл во дворец с отрядом японских солдат и расположился в нем для охраны личности короля, в то же время ничего не предпринимая для подавления народного восстания в самом городе. В этом последнем мятежники, не встречая активного сопротивления, предали казни многих членов королевской фамилии и главным образом родственников королевы. Беспорядки в Сеуле и прежде всего вмешательство в корейские дела японцев не могло быть безразличным для китайского правительства и вызвало активное участие в деле содержащихся в корейской столице китайских войск. Безхарактерный корейский король, боясь неудовольствия Ли-хун-чжана, перешел на сторону китайцев, к которым пристала также сеульская чернь, и японцы были вытеснены из дворца. Отбиваясь от десятикратно сильнее него неприятеля, они бежали в Чемульпо и укрылись на английском судне. После всего этого опять правительство Микадо потребовало удовлетворения, но на сей раз уже прямо у китайцев, выказавших явную к ним враждебность. Японский уполномоченный граф Ито дал понять, что, в случае отказа в удовлетворении, Япония вынуждена будет отстаивать свои права с оружием в руках. В то же время японцы начали предъявлять к Сеульскому правительству разного

рода требования, и корейский король, окруженный борьбою противных партий, не встречая практической помощи со стороны Китая, по совету Меллендорфа, обратился к России, прося принять несчастную страну под свое покровительство. Нет надобности объяснять причин, в силу которых это ходатайство было отклонено, они понятны сами собою.

Результатом этих беспорядков было заключение новой китайско-японской конвенции, по которой Китай обязался убрать свои войска из столицы, наказать виновных в нападении на японцев, принудить Корею внести в пользу Японии значительное денежное вознаграждение, корейский же король обязался уволить Меллендорфа и ввести реформы в гражданское и военное управление страны. Вместе с этим оба договаривающиеся государства, выговорили себе право отправить в Корею, в случае беспорядков в ней, свои войска. Хотя этим соглашением и определялись права обоих государств к Корее, но тем не менее быть прочным оно не могло. Недостаточность вознаграждения, которое получили японцы, постоянные вмешательства Китая в жизнь страны, видимое безсилие японцев перед своим западным соседом пошатнули совершенно японский престиж на Корейском полуострове, и японские государственные деятели хорошо видели, что недалеко то время, когда Корея явится опять яблоком раздора между их страной и Китаем. Столкновение двух держав явилось неизбежным, особенно после того, как Корея под влиянием Китая не исполнила требований Японии, на открытие монетного двора в Чемульпо, на что сама ранее дала свое согласие, и отказалась удовлетворить японцев по нескольким другим вопросам, вызванных нарушением уже ранее заключенных трактатов.

Все эти неудачи японцев на полуострове не могли не возбудить негодования в среде до мелочности самолюбивой нации, и негодование это, особенно резко выразившееся в газетной прессе, рядом нападок на бездействие и вялость своего правительства, не могло не отразиться на взглядах и действиях последнего. В самих японских правительственных сферах начали наконец раздаваться голоса, требовавшие, чтобы Япония заставила уважать Китай и японские права в Корее, а в то же время японцы настаивали на полной независимости Кореи, отлично понимая, что им тогда легче будет совершенно забрать весь полуостров в свои руки. Китайско-японские отношения особенно обострились после того, как китайское правительство косвенным образом содействовало корейским властям в захвате и убийстве одного из главных зачинщиков восстания 1885 года, корейца Ким-ок-чжюна, живущего в Японии на японские деньги и ярого японофила.

Между тем несмотря на данное после восстания 1885 года обещание, корейское правительство не приняло никаких мер, чтобы установить более прочный порядок. Простой народ по-прежнему продолжал терпеть от взяточничества и произвола чиновного дворянства и по временам выражал свое негодование и ропот явными возмущениями и бунтами. Начавшееся в 1893 году в одной из южных провинций Кореи восстание политико-религиозной секты или общества Тонгаков охватило весь юг страны и хотя было легко подавлено, но на следующий же год повторилось с большею силою, начав при том распространяться и в северной провинции полуострова, угрожая и самой столице государства. Не имея силы подавить вспыхнувший мятеж своими средствами, корейский король в конце апреля того же 1894 года обратился опять за помощью в Китай, на что последний, по совету Ли-хун-чжана, выслал в Корею двух-тысячный отряд войск. Но не успел еще отряд прибыть к месту назначения, как возстание в стране прекратилось. Казалось бы, что китайским войскам нечего делать в Корее, а тем не менее они остались и не выказывали намерения уйти из страны, почему Япония также не замедлила послать в Корею четырех-тысячный отряд под начальством генерала Ошима, который, прибыв в Чемульпо, отправил часть отряда для охраны своей миссии в столице, а с остальными войсками расположился лагерем в самом Чемульпо и по дороге в Сеул. Одновременно с этим были посланы японские войска и в Фузан, и в Гензан, и вместе с посылкой их Япония начала энергично готовиться к войне. Китайское правительство, озабоченное чрезмерным количеством японских войск в стране и тревожными слухами с островов, протестовало против японцев, которые заявили, что они согласны выполнить

требования китайцев при условиях: отзывание из страны китайских войск, уплаты затраченной на оккупацию суммы, и самое главное—на признание независимости Кореи. Условия эти были отвергнуты Китаем, который начал готовиться к войне и в то же время обратился к России с просьбой о посредничестве. Пока происходили дипломатические переговоры заинтересованных держав, в Сеуле начались новые беспорядки, заставившие японцев занять корейский дворец, арестовать короля и прервать телеграфное сообщение страны с Китаем. После такого образа действия, война Японии с Китаем сделалась неизбежной, и последний начал стягивать в Корею сухопутные войска. Здесь не место упоминать о ходе японско-китайской борьбы, начатой на корейской территории и перенесенной на берега Ляо-дуна и Шань-дуна, она слишком свежа у всех. Окончившись полным поражением Среднего царства и вмешательством Европейских держав, она привела к объявлению независимости Корейского государства. Но эта официальная независимость, объявленная в начале 1895 года (в январе), была *de facto* призрачной, и скорее полуостров сделался японской провинцией, чем самостоятельным государством. Японцы, не довольствуясь освобождением полуострова из-под сюзеренства Китая, решили ввести в нем различные реформы или вернее японизировать Корею и уничтожить в ней малейшие признаки китайского влияния. Введение реформ поручено было знакомому со страной японцу графу Инуэ, который, несмотря на то, что знаком был с корейцами, прослужив в этой стране еще ранее довольно долгое время, проводил в жизнь народа мероприятия совершенно бесцельные, вовсе не соответствующие ни состоянию культуры, ни традициям народа, ни духу его. Не взирая на отсутствие в корейском народе признаков малейшей симпатии к японцам и их государственным порядкам, он старался на-ряду с полезными реформами осуществить такие, которые становились не только бесцельными, но при том и противными для населения, возбуждая ропот последнего. Нет надобности говорить, что, проводя в жизнь страны нововведения, он, как истинный патриот своего отечества, старался прежде всего в пользу охранения интересов многочисленных своих соотечественников, понаехавших с островов для эксплуатации естественных богатств страны и её обитателей. Если уже либеральные официальные представители японского правительства действовали в таком духе, то легко себе представить, что выделяла их меньшая братия, купцы, ремесленники, рабочие и различные авантюристы. Последние своим заносчивым и презрительным отношением к простому народу, а нередко и резкостью и грубостью обращения с ними способствовали ухудшению отношений и распространению неприязни не только к самым японцам, но и их нововведениям без различия, полезны ли они или нет. Особенное негодование и раздражение народа возбудило запрещение носить национальный костюм и обязательное остригание волос. На почве таких недовольств начали обнаруживаться многочисленные интриги, вооруженные столкновения, дворцовые заговоры, и в конце концов все это перешло в нескрываемую, дружную по сложности и духу, антияпонскую агитацию. Во главе этой агитации стояла королева, которая приобрела сильное влияние на своего мужа и заставила его отменить многие реформы, насильно введенные японцами. Борьба Японии и национальной партии окончилась весьма трагически для самой королевы и многих из её родственников по фамилии Мин. Так, в октябре 1895 года японские соши совместно с приверженцами бывшего регента Тай-вэн-гуна напали на королевский дворец и убили королеву вместе с некоторыми из её сторонников. Желая скрыть убийство, японцы подожгли дворец, но им не удалось скрыть следов преступления и своего участия в нем. Вероломное убийство корейской королевы возбудило общее негодование и заставило японское правительство назначить официальное расследование. Хотя японское правительство, при производстве того следствия, старалось всеми мерами устроить свое участие в этом деле, в результате же обвинило во всем бывшего регента Тай-вэн-гуна; тем не менее, оно не было в состоянии убедить в своей непричастности народ и представителей иностранных держав в Сеуле. Последние, собравшись на особом для этой цели митинге, рассмотрев все детали дела, вынесли заключение, что не только заговор против фамилии Мин и королевы, но и самое злодеяние были совершены японцами, при том с ведома японского представителя, виконта Миура, только-что перед тем отозванного из Кореи. Эта

резолуция иностранных дипломатов, переданная в их кабинеты, восстановила против образа действий японцев чуть не все нации европейского материка и заставила их обратить на образ действия передовой нации азиатского востока должное внимание. Будучи дискредитированы в глазах Европы, которой они так упорно старались подражать, японцы вынуждены были на время прекратить видимое активное вмешательство в жизнь страны и начали действовать более скрытно. Правда, возможность дальнейших беспорядков была предотвращена нотой России, давшей понять, что она не допустит нарушения независимости против короля и нарушения законного порядка, но тем не менее, уже в начале февраля 1896 года, королю сделалось известно, что против него, его же собственные министры, правда, японизированные, составили заговор. Результатом этого открытия было бегство короля в помещение русской дипломатической миссии под охрану русского флага, для поддержания достоинства которого прибыли в Чемульпо десанты с русских военных судов. Тогда же король заявил собравшимся представителям иностранных держав причину его бегства в русскую миссию и издал указ об аресте всех членов своего кабинета, действовавших по японским указаниям. Этот указ возбудил в Сеуле волнение черни, которое выразилось в убийстве некоторых корейцев, японских партизанов, и только заявление короля, что он находится в безопасности, остановило дальнейшие волнения. Проживая в русской миссии в полнейшей безопасности, охраняемый нашими матросами, король убедился, что только надежные, хорошо организованные и преданные войска могут гарантировать его относительную безопасность и просил бывших при десанте офицеров обучить нескольких корейцев, а впоследствии обратился к Русскому правительству с просьбой прислать в Корею военных инструкторов и советника по финансовым вопросам. Результаты этой просьбы и обратное отозвание русских инструкторов и финансового советника еще так свежи в памяти у всех, что и повторять их здесь едва-ли не излишне, тем более, что инструкторский вопрос в Корее еще далеко не исчерпан, и последствия этого отозвания уже дали себя знать, почти тотчас же как были удалены русские советники и король остался одиноким со своими министрами. Не успели еще русские выехать из страны, как в северной части её уже началось восстание, охватившее вскоре и всю страну. Поводы к этому восстанию, а равно и подпольные пружины возбуждения его еще не выяснены с достаточной точностью и еще ждут своего описателя, но ни для кого не составляет секрета, что при настоящих условиях существование независимой Корейской империи едва-ли возможно без вмешательства других держав. Не мешает упомянуть, что в конце прошлого (1897) года корейский правитель уведомил иностранных представителей, что он изменил свой корейский титул на императорский, и таким образом из королевства полуостров сделался империей. Признание Россией этого титула является лучшим доказательством стремления её, чтобы несчастная страна была независимой и имела собственное управление¹.*

Местопребывание центральной администрации, которое есть в то же время и королевская резиденция, Хань-ян, более известно под именем Сеула, которое по-корейски значит просто «Столица». Это большой город, постройки которого, разбросанные в беспорядке, окружены стеной, имеющей около 15 верст в окружности; народная перепись 1793 года, результаты которой приведены в книге Давелюи, насчитывала в нем 190.000 жителей, новейшие сведения определяют цифру его населения в 219.815² душ. Сеул занимает очень красивое местоположение у южной подошвы хребта Гоа-шань и на западе от горной цепи Гуанлин, защищающей его от холодных северо-восточных ветров; с южной стороны город огибает излучина реки Хань-ян, через которую построен каменный мост; к северо-западу река мало-по-малу расширяется и, сделав несколько крутых поворотов, образует лиман, называемый Погай, посредством которого и сливается с водами Чжилийского залива. Сеульская река сообщается с открытым морем двумя проходами, из которых один находится на юге, а другой на севере от большого острова Кан-хоа; но эти каналы мелководны и дают доступ в

1 Этот очерк политической жизни страны составлен главным образом по книге Коростовцева и газетным статьям. *Прим. ред.*

2 „Korean Repository 1898“ Vol. V, № 1.

реку только в час прилива, и все суда должны останавливаться в 5 верстах ниже Сеула. Столица Кореи не имеет сколько-нибудь замечательных зданий, кроме обширного королевского дворца и высшего училища, где получают образование около 500 студентов.

Несколько укрепленных городов, из которых один, Кан-хоа, имеет по Опперту, от пятнадцати до двадцати тысяч жителей, защищают подходы к Сеулу. В соседстве столицы находится королевский пригород Соу, который можно назвать корейским Версалем и Сен-Дени: здесь погребены государи Кореи, в «золотых гробах», как гласит народная молва. В 1868 году некоторые американские и немецкие искатели приключений, приехавшие секретно в страну, покушались было сделать нечаянное нападение на этот некрополь; но, открытые вовремя, они были отражены поселянами; это дерзкое предприятие и вызванная им схватка имели то следствие, что правительство Соединенных Штатов сочло долгом показать свой флаг в Сеульской реке и разрушить кое-где стены пушечными выстрелами³.

Прежняя столица, Сондо (Касион), которая была разрушена японцами в конце шестнадцатого столетия, ныне опять приобрела очень важное значение, как торговый центр: она находится в более близком расстоянии от моря, чем Сеул, и потому легче доступна приезжим купцам. Пхион-ян—один из главных городов северо-западной провинции. Этот город до сих пор еще ведет довольно большую торговлю так же, как Ы-чжу, построенный близ устья реки Ялу-цзяна. В южной части страны замечателен, как главный рынок края, город Тай-гу (Дайкио), в котором каждый год бывают две большие ярмарки, где обмениваются продукты и товары, привозимые японцами из Фузана.

*Гораздо большее значение для жизни страны имеют открытые порты Кореи. Порт Чемульпо расположен при устье одного из многочисленных рукавов Сеульской реки и открыт для иностранной торговли в 1882 году. Представляя до того времени жалкое корейское селение, жители которого занимались рыболовством, Чемульпо в настоящее время разросся в порядочный город с иностранным населением в 4.675 человек. В нем имеют пребывание агенты Великобритании, Японии, Китая, а в последнее время и России (вице-консул).

Хозяйственное управление иностранного квартала находится в руках муниципального совета смешанного состава (корейский чиновник и 3 европейца из числа домовладельцев). Торговые обороты Чемульпо по Покотилову за последние годы достигли 4 миллионов рублей, при чем ввоз по ценности более вывоза в три раза. Предметами вывоза являются сельские продукты: бобы, жмыхи, рис и кожи, ввозятся же главным образом мануфактурные изделия и при том почти все японского приготовления. В настоящее время Чемульпо соединяется железной дорогой с Сеулом, которая строится американской компанией Морса.

Следующий по значению порт Кореи, Фузан, лежащий на юго-востоке полуострова к востоку от устья р. Нак-тон-ган, был японским поселением еще с начала XVII века и с того времени является главным складочным местом японско-корейской торговли. Японцы имеют здесь как бы свой родной город, который по благоустройству резко разнится от такового же корейского, расположенного не вдалеке от берега. К 1895 году иностранное население Фузана было в 4.985 человек, из которых 4.953 было японцев, семь китайцев, и 25 европейцев и американцев. При таком перевесе японского элемента понятно, что вся торговля порта находится в японских руках. Торговый оборот достигает до 3 миллионов рублей в год, а предметы ввоза и вывоза те же, что и в Чемульпо. Занимая выгодное положение вблизи острова Цу-симы, порт Фузан является для соседней Японии весьма важным стратегическим пунктом. В настоящее время в нем, если верить газетам, проживает постоянный японский гарнизон, и японцы хлопочут о проведении через полуостров от Фузана к Сеулу железнодорожной линии, разрешение на каковую они получили еще в 1894 году. Порт соединен подводным телеграфом с Цу-симой и Японией и пароходным сообщением с Владивостоком, Нагасаки и Чжи-фу.

Третий из открытых в стране для иностранной торговли портов, самый северный из всех, это Гензан, лежащий в южной части бухты Лазарева. Бухта эта, занимающая пространство в

3 „United States diplomatic correspondance“, 1870.

80 кв. верст, хорошо защищена от ветров и представляет прекрасную стоянку для морских судов. Есть убеждение (хотя оно требует тщательной проверки), что порт Лазарев остается открытым круглый год, и потому на него неоднократно указывали как на удобный выход Сибирской железной дороги. Самый город Гензан вытянулся вдоль бухты и состоит из 2 тысяч домов, в которых проживает до 10 тысяч корейцев.

Иностранцы редко селятся в этом пункте, и вся торговля порта сосредоточена в руках предприимчивых японцев, которые, начав торговлю в нем с 80 года, образовали особый город, имеют своего консула, содержат гарнизон и вообще стараются из этого места сделать такую же японскую колонию, как и в Фузанае. Торговые обороты порта в последнее время начинают увеличиваться и в 1895 году достигли 2,816.306 рублей; главные предметы вывоза: золотой песок, бобы, сушеная рыба и звериные шкуры.

В октябре 1897 года Корейское правительство, уступая усиленным стараниям иностранцев, а главным образом японцам, объявило открытыми для иностранной торговли еще два порта Мокпо и Цзин-нам-по.

Первый из названных портов, лежащий на юго-западной оконечности полуострова у устья реки Ионь-сань-ган, уже давно указывался как пункт, желательный для японской торговли, второй же, расположенный на правом берегу устья Та-дон-гана, является портом всей северо-западной части страны и портом такого важного города северной части страны, как Пхион-ян. Значение этих портов еще не успело выясниться, как корейцы уже намерены открыть еще три порта: Кильчжу на восточном побережье, севернее Гензана, Масаньпо на юге полуострова, близ Фузана, и Кумьсань на западном берегу между Чемульпо и Мокпо. В настоящее время все открытые порты соединены пароходным сообщением японской линии компании Нипон-Юзен-Кайша и русской линии пароходства Шевелева.

Торговля Кореей как внутренняя, так и внешняя оставляет желать весьма многого. Обороты внешней торговли за 1893 год исчислялись приблизительно: ввоз в 3.143 тыс. руб.; вывоз 2.118 т. руб., и таким образом весь оборот достигал ценности 5.261 т. руб.

Большая часть этой суммы приходится на Японию, а именно 3.174 т. руб., при чем ценность ввоза и вывоза почти одинаковы. Обороты торговли с Китаем в том же году исчислялись в 2.051 т., при чем ценность ввезенных из Китая товаров превысила вывоз в него из Кореи в три раза (1.544 т. руб.). Морская торговля с Южно-уссурийским краем совсем незначительна: она едва достигает 40 тысяч, а в 1893 году равнялась только 36 т., из которых на долю русских товаров пришлось 20 тысяч.

Главными предметами внешней морской торговли Кореи являются ввозимые хлопчатобумажные ткани, шерстяные и механические изделия и керосин. Среди предметов вывоза обращают внимание: золото, бобы, рис, кожи и рыба.

Общее число судов как парусных, так и паровых, в 1893 году посетивших корейские порта достигло 1.322 с водоизмещением в 388 т. тонн. Из них первое место занимают суда японские, среди которых насчитывают 383 парохода и 573 парусника с общим водоизмещением в 301 т. тонн.

Сухопутная внешняя торговля Кореи с Россией еще незначительна, хотя все-таки обороты её превышают обороты морской торговли с нами. Торг происходит главным образом через пограничную Красносельскую заставу, на берегу р. Тумень-ула, при чем главным предметом торговли со стороны Кореи является рогатый скот, а от нас идут мануфактурные и металлические товары*.

По официальной географии Чаосяня, частью переведенной Шарлем Далле, в королевстве насчитывают 106 настоящих, то-есть обнесенных стенами, городов.

*Когда японцы явились полными хозяевами несчастного королевства, то они для удобства управления, а отчасти и для того, чтобы получить возможность иметь большее число своих сторонников во всех частях страны, разделили Корею на 23 провинции, взамен существовавшего до того времени деления на 8 провинций. Губернаторами новых провинций были посажены японские приверженцы. Когда затем японское влияние в стране упало и

престиж их исчез, корейское правительство решило ввести древнее разделение страны на 8 провинций, но, в виду обширности некоторых из них, разделить последние каждую пополам. Таким образом в настоящее время страна делится на 13 провинций, каждая провинция делится на округа, а последние на уезды.

Следующая таблица даст список всех провинций или дорог Кореи с их главными городами и количеством населения по сведениям 1897 г.^{1.*}

Население Кореи и её административные пункты

Название провинции	Число уезд.	Мужчин	Женщин	Всего	Домов	Главные города
Хань-ян (Сеул) ²	-	115.447	104.768	219.815	45.350	Столица государства
Кион-гый-до (столичная)	28	352.863	291.367	644.230	167.230	Су-уонь
Чюн-чион-до северная	17	147.330	132.373	279.702	72.313	Чюн-чжю
южная	37	215.058	171.869	386.927	114.793	Кон-чжю
Чжиолла-до северная	36	189.780	150.342	340.122	97.815	Чжионь-чжю
южная	33	199.791	166.249	366.090	104.918	Коан-чжю
Кион-сан-до северная	41	306.854	242.959	549.813	149.952	Та-гу
южная	30	261.499	199.533	461.032	126.972	Чжинь-чжю
Ха-ан-ха-до	24	184.456	151.059	335.515	93.550	Ха-чжю
Пхион-ян-до северная	23	198.331	168.918	367.241	96.406	Ион-бионь
южная	21	198.487	158.205	357.192	86.888	Пхион-ян
Кан-уонь-до	26	142.205	111.897	254.100	75.853	Чунь-чионь
Хам-гион-до северная	14	208.068	177.384	385.452	59.674	Кион-сион
южная	20	148.900	101.897	250.797	41.187	Хам-хын
Итого	340	2.869.767	2.328.481	5.198.028	1.332.501	

Глава VII Япония.

Япония, состоящая из нескольких тысяч островов и островков, имеет лишь весьма незначительное протяжение в сравнении с громадной Китайской империей, к которой она, повидимому, принадлежит географически, как одна из составных частей азиатского материка. Но это маленькое государство, которое не занимает даже тысячи-трех-сотой доли поверхности земного шара, есть, тем не менее, одна из самых любопытных стран в мире, по своей природе, по своим обитателям, по своей истории, и по тому политическому значению, которое оно успело приобрести в короткое время в среде других держав на Дальнем востоке, а также и в особенности по событиям, совершающимся там в наше время. Из всех наций, живущих вне Европы, Нового света и Австралии, японцы—единственные люди, которые приняли по своей доброй воле цивилизацию Запада и которые стараются применять у себя все её завоевания материальные и нравственные. Они не имели, как многие другие народы, несчастия потерять свою независимость, и сила не навязывала им нравов победоносной нации; господство какой-либо чуждой религии тоже не группировало их, как стадо, под власть законов их обратителей. Свободные политически и религиозно, они вступают в качестве добровольных учеников, а не в качестве подданных в европейском мире, чтобы заимствовать у него его идеи и нравы. Тогда как китайцы, гордые своей древней цивилизацией, сознающие свою силу и справедливо относящиеся с недоверием к тем иноземным варварам, которые приходили громить пушками их города и жечь их дворцы, принимают уроки западных народов лишь после долгих колебаний и под давлением событий,—японцы, напротив, с юношеским увлечением стараются преобразиться в европейцев, как они некогда пробовали измениться в китайцев. Каков бы ни был успех их попытки, во всяком случае несомненно то, что, с точки

1 „Korean Repository 1898“ Vol. V, № 1.

2 Столица Хань-ян (Сеул) составляет особый округ, выделенный по управлению, от остальной провинции, главный же начальник провинции живет в городе Со-уонь к югу от Сеула.

зрения научных знаний и промышленного прогресса, Япония принадлежит отныне к группе наций, пользующихся так называемой «западной» или «арийской» цивилизацией. Мир европейской культуры, который еще в начале текущего столетия заключал только около 150 миллионов людей, состоит в настоящее время почти из полумиллиарда индивидуумов, не только в Европе и в Новом свете, но также в Африке, в Австралии и в Азии. Географическое положение Японии придает особенную важность этому новому присоединению. Расположенная на половине пути из Сан-Франциско в Лондон через Тихий океан и Российскую империю, империя «Восходящего солнца» пополняет собою пояс земель европейской цивилизации в северном полушарии. Она связывает восток и запад мира, и посредством окружающего его моря командует всеми дорогами, которые ведут к Малайским островам, Австралии, Индо-Китаю и прибрежным странам Тихого и Индийского океанов. Кроме того, население его довольно многочисленно и довольно промышленно, чтобы могло быстро занять роль капитальной важности в истории торговли и общей цивилизации. Уже и теперь многие европейские писатели говорят о Ниппоне, как о «Великобритании» Востока. Пространство Японии исчисляется в 27.062,46 квадратных ри¹, а народонаселение ее в 1897 году состояло из 42.708.264 душ, так что, следовательно, на один квадратный ри приходится, средним числом, 1.722² жителей.

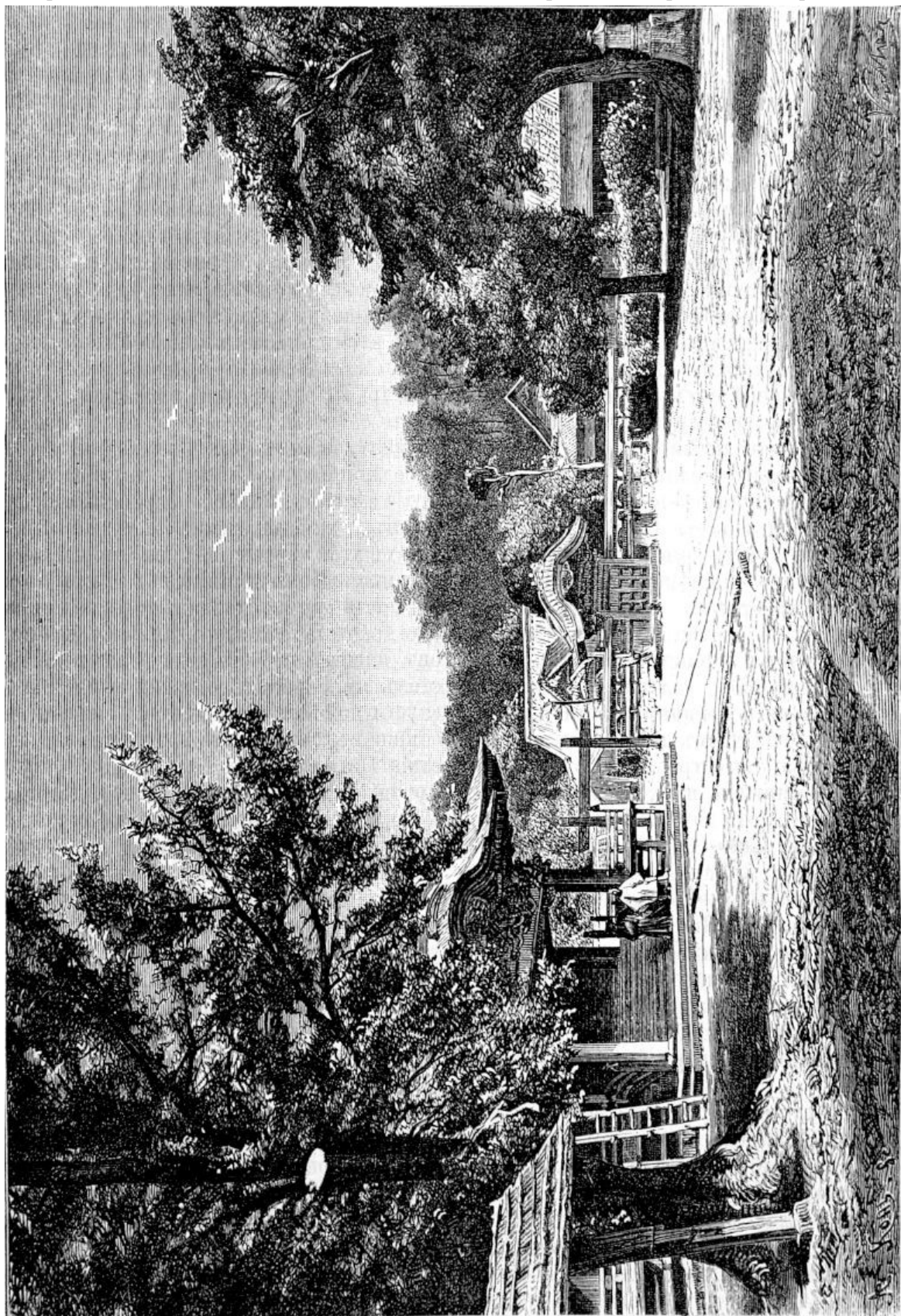
Японский архипелаг вместе с Формозою составляет географическое целое, совершенно ограниченное, по крайней мере, если включить в него еще остров Сахалин, уступленный России в 1875 году, в обмен на гряды Курильских островов. Не принимая в расчет деталей неровностей рельефа, легко признать, что остров Сахалин есть северная часть длинного выступа земель, который продолжается островом Иессо, половиной острова Гондо (Хондо) и островами и островками, примыкающими на юге к архипелагу островов Огасавара или Бонин-сима. К этой оси, почти параллельной меридиану, которая продолжается по прямой линии на протяжении около 3.000 километров, присоединяется на северо-востоке слегка изогнутая кривая Курильских островов, связывающая вулканический очаг Камчатки с таким же очагом острова Иессо. Но мы знаем, что в восточной Азии все земли, как цепи островов, так и берега континента, представляют однообразно это криволинейное расположение. Гондо, или Ниппон, главный остров Японии, описывает кривую, обращенную, как и круговая дуга Курильских островов, своей выпуклой стороной к открытому морю и направляющуюся на северо-запад к конечному архипелагу Кореи. На юге от главной, по пространству, земли Японской империи, различные островные группы, известные под общим названием Риукиу (Лю-цю), тоже расположены в форме дуги круга между островами Киусиу и Формозой и вместе с последней и Пескадорскими островами составляют одно целое. Таким образом Япония, рассматриваемая в целом, состоит из меридиональной оси и трех кривых, следующих одна за другой по направлению от северо-востока к юго-западу. Южная область острова Иессо, вокруг Залива вулканов, массив гор Никко на главном острове и центральная группа высот Киусиу составляют узлы пересечения этих различных линий, и именно в этих точках встречи находятся самые деятельные вулканические очаги архипелага. Три кривые—гряды Курильских островов, острова Гондо и архипелага Риукиу,—образуют крутые берега самых глубоких, известных до сих пор, пучин океана; но с западной стороны они отделены от твердой земли лишь поверхностными промоинами почвы. Посредством Сахалина Япония, так сказать, касается континента; посредством островов Киусиу и промежуточного острова Цу-сима, она близко подходит к Корее, при чем лот опускается не более, как на 100 и до 120 метров в разделяющем их канале. Только между Татарским проливом и двумя проливами острова Цу-сима Японское море образует глубокую впадину, и не далеко от мыса Казакова, на северо-востоке Кореи, нашли пропасти, где лот опускается на 2.690 метров от поверхности; около середины бассейна глубины, вероятно, еще более значительны.

Без ожерелья Курильских островов, Формозы, и другого ожерелья, образуемого архипе-

1 1 квад. ри = 995 кв. мили.

2 „Resume statistique de l'Empire du Japon“, Токио, 1898.

лагом Риукиу, Япония в собственном смысле состоит из четырех больших островов: Иессо или «земля варваров», Гондо или Ниппон, Сикок или «четыре провинции», Киусиу или «девять стран», и безчисленного множества меньших островов и островков, которые соединяют-

Японскій пейзажъ.

ся с соседним морским берегом посредством подводных перешейков, или которые поднимаются в виде вулканических гор над поверхность глубоких вод. Японские географии часто говорят о 3.850 островах, но не указывая, на какой именно границе морской поверхности

они останавливаются в своей номенклатуре, ибо если считать все земли, окруженные морем, все скалы, выступающие из-под воды, то это число окажется еще значительнее¹. Давая своему отечеству название Ого-я-сима или «Восьми больших островов», японцы имели в виду главные, входящие в его состав острова Садо, Цу сима, Оки и Ики в Японском море, Аваджи во внутреннем море, но они не считают Иессо, а тем более Формозу, которые еще недавно были для них чужими странами. Заметим здесь, что звук японских слов может быть передан почти точно алфавитом европейских языков. Метода транскрипции, предложенная Гепборном и Сатоу, вошла почти во всеобщее употребление. Однако, в виду того, что звук *у* исчезает почти совершенно в живой речи, нам казалось приличнее отбрасывать его в конце слов. Мы сохраняем букву *с* для соответственного, слегка придыхательного, звука, употребляемого в южной части империи, который английские авторы передают звуком *sh* (*ш*); так, мы пишем Куро-сиво, по методе гг. Леонаде Рони и Турретини, а не Куро-шиво. Самый большой остров, называемый самими японцами Хондо, Гондо или Гонтси (Главная земля), Тсиудо (Центральная земля), Найтси (Внутренняя земля, или «Материк»), чаще означает в Европе именем Ниппон, которое принадлежит всей группе островов: это наименование, буквальный смысл которого «Страна восходящего солнца», Япония получила по причине её положения на востоке от Китайской империи и всего Старого света. По общепринятому у моряков обычаю, название «Крайний восток» применяется к Японии и к китайскому побережью, тогда как, по другую сторону Тихого океана, Калифорния обыкновенно означает именем «Крайнего запада». Следовательно, условная раздельная линия между двумя половинами света, определяемая 180-м градусом долготы к востоку и к западу, либо от острова Ферро, либо от Парижа или Гринвича, проходит по середине Великого океана. Хотя дни в Иедо начинаются девятью часами ранее, чем в Париже, и только через шесть или семь часов после наступления дня в Сан-Франциско, числа месяца те же самые в Японии и в западной Европе: переплывая Тихий океан из Старого света в Новый, путешественник считает один и тот же день два раза; делая переход в обратном направлении, он перескакивает через один день календаря или насчитывает лишний день.

У японцев существует много поэтических названий их архипелага: это «Мирный берег», «Земля храбрости» или «Земля чести и вежливости»; это «Отвердевшая капля воды» или «Страна между небом и землей». Японские ученые и поэты дают иногда своему отечеству имя Фузан-куэ, переделанное по-японски в Фузан-кок и намекающее на ту таинственную страну, лежащую на востоке мира, которую описывают древние китайские авторы, как изобилующую чудесами всякого рода. Знали или нет восточные народы о существовании Нового света за полторы или две тысячи лет ранее европейцев², это имя Фузан применялось в особенности к баснословной стране, где растут деревья, высота которых достигает нескольких десятков тысяч локтей, и которые приносят плоды только один раз в девять тысяч лет. Живя на востоке от Китая, на краю океана, который казался им беспредельным, японцы могли думать, в эпоху, когда прекратились всякие сношения их империи с китайцами, что эта земля Фузан, упоминаемая в древних летописях, была именно их страна. При том же, так как слово фузан (фузо) означало название сказочной шелковицы, древесина которой имеет будто-бы свойство постоянно твердеть и, наконец, делается неразрушаемой, то они любили сравнивать это дерево с своим отечеством, торжествующим над всеми опасностями, победоносно поборящим всех своих врагов³.

Марко Поло принес в Европу, вместо всяких сведений об островах «Восходящего солнца», только имя Зипангу, или Зипанг, переделанное в Зипан малайцами, в Японию (Япон, Japan) европейцами. Однако, и он говорит тоже о чудесных богатствах этой страны, об её дворцах, крыши которых обиты листьями из чистого золота, а полы вымощены слитками того

1 „Resume statistique 1828 г.“ дает цифру островов равную 4.870. *Прим. ред.*

2 De Guignes, „Recherches sur les navigations des Chinois du cote de l'Amerique“; Leland, „Discovery of America“;—Neumann, „Zeitschrift fur Allgemeine Erdkunde“, 1864;—Matouanlin, trad. par d'Hervey de Saint-Denis, „Ethnographie des peuples etrangers a la Chine“.

3 Pfoundes, „Fu-so mimi Bukuro“, Budget of Japanese notes;—Л. Мечников, „Японская империя“.

же металла. Известно, что Христофор Колумб полагал, что он нашел эту счастливую землю, когда пристал к берегам острова Кубы; но только спустя полвека после него, через двадцать слишком лет после кругосветного путешествия Магеллана, в 1543 году, португальские мореплаватели, Мендес Пинто, Диего Замаито и Борральо, пристали, гонимые бурей, к острову Танега, на юге архипелага Киусиу. Они были приняты островитянами самым радушным образом; вскоре установились торговые сношения между Малаккой и Японией, даже устраивались браки между иностранцами и богатыми туземными девушками. Но следом за мореплавателями явились миссионеры, и не прошло столетия, как уже вспыхнули религиозные войны: христиане были изгнаны или перебиты, и только голландским негодичантам, под условием, если они согласятся плевать на распятие и топтать его ногами, было дозволено вести торговлю с Японией в своей конторе или, вернее сказать, в своем гетто, на острове Де-сима (Де-цима), в Нагасаки. Хотя удаленные, как-бы сосланные, на этот маленький островок, лежащий у юго-западной оконечности Японского архипелага, голландцы успели ознакомиться с естественной историей страны и с нравами народа, который принял их с таким недоверчивым гостеприимством, и великия сочинения Кемпфера и Зибольда останутся в числе драгоценнейших документов, которые мы имеем относительно Ниппона.

Сами японцы, хотя их правительство приняло все меры, чтобы предохранить их от влияния голландцев, терпимых в фактории Де-цима, нашли средство научиться кое-чему от иностранцев, и географические труды, которые они издали в свет в восемнадцатом столетии, носят на себе очевидные следы европейского обучения. В 1778 году начаты были операции по генеральному кадастру Японии, который был окончен только в 1807 году, и на основании данных этого кадастра, японский ученый Ино составил карту в масштабе одной пятисоттысячной, в которой он со всевозможной тщательностью согласовал туземные работы с начертанием берегов, заимствованным из голландских карт. Некоторые японские ученые занимались также исследованием стран, лежащих вне Японии в собственном смысле. В конце прошлого столетия Могами-Токудай уже объехал и описал Курильские острова, а два брата Симодани посетили острова, находящиеся в соседстве Японского архипелага с юго-западной стороны¹. Наконец, Мамия-Ринзо предпринял плавание к берегам Маньчжурии и, проехав между Сибирью и Сахалином, пролив, носящий у японцев с того времени его имя, разрешил проблему, которую поднимали, не решив ее вполне, экспедиции европейских исследователей Лаперуза, Броутона, Крузенштерна. «Японцы победили меня!» воскликнул этот последний мореплаватель². В 1811 году, когда другой русский мореплаватель, Головин, был задержан в плену японским правительством, Мамия-Ринзо и другие японские ученые, которые умели определять широты по высоте солнца и долготы по часовым разностям, хотели научиться от него способу вычислять непосредственно долготу из наблюдений неподвижных звезд и расстояний солнца и луны.

Со времени революции, которая открыла европейцам порты Японии, иностранцы и туземцы деятельно и совместно трудятся над исследованием страны. На морском побережье, японские морские офицеры, вместе с моряками Соединенных Штатов и различных европейских держав, принимают участие в съемке специальных карт для подступов к гаваням. Геоологи и горные инженеры изучают рельеф островов и свойства горных пород, и уже теперь генеральные карты Ниппона дают изображение страны с точностью, превосходящей точность карт многих европейских стран, каковы, например, Албания, Македония, некоторые части Пиренейского полуострова. Для японской номенклатуры картографы встречают одно специальное затруднение, зависящее от того, что китайские знаки, употребляемые для означения городов или других мест, могут быть читаемы на разные манеры, по методе идеографической или по методе фонетической. Чтобы утверждать с уверенностью, как эти знаки должны быть произносимы, нужно знать наперед место, которое они означают: отсюда

¹ Л. Мечников, рукописные заметки.

² Von Siebold, „Geographical und Ethnographical Elucidations to the discoveries of Maerten Gerrits Vries”. Пролив этот для европейской географии открыт был адмиралом Невельским, и значение этого открытия имело важные последствия для действий России на Амуре.

происходят весьма частые ошибки на японских картах, даже туземного происхождения, и избежать их можно не иначе, как переписывая каждый знак фонетическими литерами. Но это—временные затруднения, которые, без сомнения, будут скоро устранены, благодаря изумительному рвению географии. Редко бывает, чтобы туземный путешественник, купец или рабочий предпринял поездку по делам или для собственного удовольствия, не запасшись картой провинции, по которой он должен ехать; принимая во внимание разницу условий, можно сказать, что сборники маршрутов и дорожники и «путеводители по знаменитым местоположениям» гораздо более распространены в Японии, чем в странах Запада. Лучшей картою страны, европейского происхождения, следует признать изданный в 85—87 году *Atlas von Japan, Hassensteina*.

Цепь гор, частью погруженная в воды океана, которая образует Курильские острова, разветвляется с изумительной правильностью свою гряду в виде дуги, длиною около 650 километров. Отделенный от мыса Лопатки, оконечности Камчатки, небольшим проливом, шириною которого всего только около 13 километров, а глубина не более 18 метров, ряд «Тысячи островов»,—ибо таков смысл названия Цзи-сима, которое ему дали японцы,—начинается вулканическим массивом острова Сумшу, за которым следует на юге удлинненный и гористый остров Парамушир (по-японски Параму-сири): этой именно землей оканчивается географически полуостров Камчатка, ибо два пролива, называемые один «проливом Больших Курильских», другой «проливом Малых Курильских островов», представляют, так сказать, простые рвы, наполненные водой. Но на юге от Парамушира встречается уже довольно широкий морской пролив, посредством которого Тихий океан сообщается с Охотским морем: острова, следующие один за другим в юго-западном направлении, Оннекотан, Гарамукотан, Сиаскотан, Матуа, Растуа, Симусир, и другие менее значительные, суть не что иное, как выступающие из-под воды гребни гор, подошва которых находится в глубинах океана. Ряд островов, довольно обширных, чтобы, так сказать, пытаться образовать сплошную цепь, прерываемую только узкими каналами, снова начинается островом Уруп, «Компанейской землей» (*Companys land*), которую голландский мореплаватель Герритс Фрис посетил уже в 1643 году, и которою он овладел от имени ост-индской компании¹; затем следует Иетуруп или Иеторофу, самый значительный из «Тысячи островов», так как он один занимает почти половину общего пространства этого архипелага [поверхность 32-х Курильских островов исчисляются в 14.800 квадратных верст²; из этого числа на долю острова Иетуруп приходится 6.000 квадратных верст]; как маленький континент, он имеет свои отдельные массивы, свои горные цепи, свои полуострова. Остров Кунашир,—по-японски Кунасино,—из Курильских островов самый близкий к Иессо, тоже представляет обширную землю; он далеко вдается в бухту, образуемую двумя восточными рогами острова Иессо, и даже соединяется с этим островом порогом из подводных скал, на встречу которым остров Иессо выделяет из себя песчаную косу, распростертую в форме султана. Иетуруп, Кунашир и соседняя земля Сикотан, получившая это название от особой породы бамбука с крапчатым стеблем, который еще растет под этими высокими широтами, принадлежали политически Японии даже ранее того времени, когда трактатом, заключенным с Россией, ей была уступлена вся эта гряда Курильских островов, и в этой-то южной островной группе, на южной оконечности острова Кунашира, находится деревушка или «станция» Томари, главный административный пункт этого, почти необитаемого, архипелага. Исследованное только в некоторых своих областях, для целей мореходства и рыболовного промысла, Курильское море есть еще одна из тех частей океана, география которых наименее известна. Мы знаем, что вулканическая трещина Камчатки соединяется с дымящимися конусами Иессо цепью вулканов Курильских островов, но нам неизвестно число гор, которые еще горят; в настоящее время даже невозможно и узнать его, так как номенклатура этих островов не установлена определенным образом, и то или другое описание мореплавателей, хотя относящееся к двум разным островам, дает одинако-

1 Von Siebold, цитированная статья.

2 По японским данным, 1,033,46 кв. ри.

вое имя тому и другому. Мильн насчитывает 52 вулкана на Курильских островах. По статистике, составленной Алексисом Перреем с той тщательностью, какую отличаются все труды этого ученого, из числа этих огнедышающих гор, по крайней мере, тринадцать извергали лаву или пепел в продолжение короткого периода, протекшего со времени открытия архипелага¹. Самый высокий из этих вулканов, Аланд или Арандо, который почти всегда покрыт снегом, и высоту которого определяют различно, от 3.300 до 4.480 (?) метров², высится на северо-запад от острова Парамушира, немного в стороне от цепи Курильских островов. Может быть по воспоминанию о каком-нибудь вулканическом катаклизме, камчадалы рассказывают, что этот вулкан поднимался некогда на юге от их полуострова, и что, вследствие спора с другими огнедышащими горами, он ринулся в море, но оставил на поверхности свое «сердце», то-есть скалистый островок, в глубоком озере, которое открылось на месте исчезнувшей горы³. Острова Парамушир, Гарамукотан, Снаскотан, Икарма, Циримкотан, Райкок, Матуа, Цирпой, Кунашир имеют каждые по одному действующему вулкану: на острове Иетурупе, вероятно, две огнедышащие горы, остров Оннекотан заключает три эруптивные конуса, и не может быть сомнения, что между горными вершинами обширной островной кривой существуют еще другие кратеры, извергавшие пепел и лаву⁴. Землетрясения тоже очень часты в этом архипелаге и нередко были причиной крушения русских кораблей; в 1849 году от сотрясения почвы иссякли все источники на острове Симусире, и немногочисленные его обитатели принуждены были поселиться в других местах⁵. Замечателен тот факт, что Курильские острова расположены таким образом вдоль обрывистого подводного берега Тихого океана: непосредственно на востоке от этой цепи вулканических гор, лот нашел глубины в 2.000, в 2.500, в 3.000, даже в 4.000 и в 6.000 метров; тогда как с западной стороны котловина Охотского моря нигде не представляет впадин, достигающих даже 800 метров углубления. Кроме могучего Аланда, некоторые горные вершины Курильских островов были измерены моряками: одна из них, на острове Кунашире, поднимается на 7.400 футов над уровнем моря; пик Матуа, достигает высоты 4.500 ф., а пик Фуссона на Парамушире 6.900 ф.

Если остров Иессо (Иезо) или Хакондо может быть рассматриваем в целом, как образуемый встречей двух пересекающихся горных осей, то это геологическое явление обнаруживается лишь в самых общих чертах, и в деталях рельеф острова представляет многочисленные неправильности. Хребет, составляющий на юге продолжение острова Сахалина, и хребет, которым продолжается в юго-западном направлении гряда Курильских островов, сливаются в четырехугольной массе острова Иессо, где они образуют неровные массивы и отроги, разделяющая линия которых, изрытая с той и другой стороны руслами рек, извивается длинными изгибами. Самая правильная между этими горными цепями та, которая тянется параллельно крайнему южному из Курильских островов и которая оканчивается мысом Сиретоко на его длинном полуострове, представляющем форму железного копьа; гора, поднимающаяся на этом полуострове, недалеко от конечного мыса, имеет не менее 1.646 метров высоты; далее на юге, сольфатара Итазибе или Чертова гора поднимается на тысячу метров выше; но гребень мало-по-малу понижается к внутренности острова. Высочайшие горные вершины этого острова принадлежат к хребту, который начинается на берегу Лаперузова пролива, мысом Сойя, и который тянется параллельно восточному берегу Иессо, в юго-восточном направлении. Кульминирующие высоты острова Иессо, гора Токатситаке и другие вершины, достигающие 2.500 метров, поднимаются в расстоянии всего каких-нибудь 60 верст от берега Охотского моря: оттуда-то расходятся в разные стороны, к северо-западу, к юго-западу и к югу, бецы или самые значительные реки, Тесихо, Нака-гава, Изикари, Токатси. Главная цепь, выделяющаяся из этого центрального узла в юго-западном направлении, между пиками

1 „Annales des Sciences physiques et naturelles de Lyon”, tome VIII, 1864

2 Landgrebe, „Naturgeschichte der Wulkane”; 7.100 ф. по атласу Hassenstein'a.

3 Steller;—Крашенинников, „История Камчатки”.

4 „Geographie japonaise”;— Landgrebe;—Л. Мечников. „Японская империя”.

5 „Mittheilungen von Petermann”, 1858.

Изикари и Токатси, и которая разветвляется потом на несколько хребтов, образовала массив Ювари, главная вершина которого не менее высока, чем вершина Токатси; к этому второму узлу, лежащему недалеко от центра острова, примыкает небольшая горная цепь, оканчивающаяся на юге остроконачной стрелкой мыса Иеримосака.

Очевидно, остров Иессо должен быть причислен к землям, выступившим из вод моря в очень отдаленную эпоху, ибо вместо того, чтобы быть усеянным озерами, как земли, менее давнего происхождения, например, Скандинавия, Финляндия, Нью-фаундленд, он был, так сказать, изваян, на всем своем протяжении, работой рек, и озерные бассейны, образованные пересечением горных цепей, почти все были опорожнены размывом их стенок или засорены речными наносами.

Незначительные озера расположены или только по краям моря, где они образовались под защитой прибрежных высот или дюн, или в соседстве вулканических гор, извержения которых разнообразно изменили первоначальный рельеф почвы. Озерные области Иессо занимают восточную часть острова и гористые земли, которые расположены, в виде обширного амфитеатра, вокруг Залива вулканов, на юго-западе острова и в северо-восточной его части. Из морских заливов, которые некогда вдавались далеко внутрь земель, иные, как, например, залив, по которому теперь изливается нижнее течение Изикари, превратились в аллювиальные равнины, тогда как другие, особенно вдоль северного берега, были отделены от моря прибрежными рядами дюн, которые еще более увеличивают геометрическую правильность обширной островной трапеции. Впрочем, и поднятие берегов должно было способствовать в значительной степени изменению вида морского побережья, ибо во многих местах окружности Иессо и южных Курильских островов замечено существование старых морских берегов на различных высотах, даже до высоты 30 метров над нынешним уровнем моря¹.

Эти поднятия морского берега были, может быть, следствием вулканических вибраций почвы, так как Японский архипелаг есть одна из тех областей земного шара, которые всего чаще испытывают сотрясения под действием паров, заключенных в твердых слоях поверхности, и некоторые из высочайших гор Иессо несомненно принадлежат к огнедышащим. Близ северо-западного угла острова, эруптивный конус Рисире или пик Делангль поднимается на 1.784 метра. Цепь, лежащая на продолжении оси Сахалина, тоже, говорят, имеет один действующий кратер между вершинами своего гребня; но эта часть гористой области состоит, главным образом, из гранита и сланцев; вулканические горные породы, трахиты, базальты, новейшие лавы встречаются на продолжении цепи Курильских островов, и в этом же направлении, от северо-востока к юго-западу, расположены и огнедышащие горы. В восточной области, на юге от полуострова, где находится вулкан Итасибэ, два пика Акан, О-акан или «Акан мужеский» и Ме-акан или «Акан женский», высятся остроконачными конусами подле большого озера, которому они, быть может, способствовали образоваться, задерживая его воды запрудой из вулканических шлаков. Точно также две огнедышащие горы, Турумай и Юсу-таке, на северной стороне Залива вулканов, отражают свои столбы дыма в водах озерных бассейнов, а далее во внутренности острова, на северо-западе, поднимается вулкан Сиргибец-таке, который соперничает с Рисире по геометрической правильности своего конуса извержения; но он постоянно пребывал в бездействии со времени поселения в крае цивилизованных колонистов². Японские географии упоминают также вулкан Сири-яма, в северных горах острова, и вулкан Иванай (Иванобори), на западном берегу, близ порта, который носит его имя. Образуя полуостровной массив между болотами, озерами и морем, огнедышащая гора Утсиура или Комага-таке [по правилам благозвучия японского языка, произношение некоторых слов зависит от выговора слов предшествующих; так, правописание меняется для слов таке, даке (пик), сан, зан и зен (горный хребет), кава или гава (река)], господствует, как маяк над входом в залив, носящий название «Бухты вулканов», которое

1 I. Milne, „Evidences of the glacial period in Japan“.—Benj. S. Lyman, „General report on the Geology of Jesso“.

2 Benj. S. Lyman, „General report on the Geology of Jesso“.

он получил от дымящихся гор своей окружности, тогда как на оконечности острова Иессо, вулкан Иезан (Эсан), на вершине которого открывается зазубренный кратер, указывает мореплавателям подходы города Хокодате. На северо-востоке от этого города, Усинояма или «Гора быка», поднимающая к небу свою остроконечную раздвоившуюся верхушку, «как рога тура»¹, тоже вулкан, но он отдыхает с незапамятных времен, и растительность покрывает все его застывшие потоки лавы и его склоны, состоящие из слоя шлаков. Наконец на севере от западного входа в пролив Мацмай или Цсугару выступают над поверхностью вод две пирамиды из лавы, теперь покрытые темным сосновым лесом, «Большой» остров и «Малый» остров, О-сима и Ко-сима. Приводим высоту главных гор острова Иессо:

Сольфатора Итасибэ (Чортова гора)—2.593 метр.; Токатси-таке—2.500 метр., (8.000 фут.); Изикари-таке—7.700 фут; Саппуро-таке—1.982 метр.; Сирибец-таке—1.830 метр.; Иебосидаке—1.818 метр.; Утсиура (Комага-таке)—1.291 метр. (3.860 фут); Эсан—1.277 метр. (2.000 фут); Тарумай—920 метр. (2.600 фут); О-акан—606 метр.

Самые недавние извержения, имевшие место на острове Иессо, были извержения вулкана Комага, в 1852 и 1856 годах, и вулкана Тарумай, в 1867 и 1874 годах. Говорят, что Комага был гораздо выше до взрыва 1852 г.; тогда весь верхний конус горы был разрушен, и обломки, измельченные в пепел, переносились ветром даже на Курильские острова, из которых ближайший находится на расстоянии 430 километров к северо-востоку². Вулкан Эсан не производит более извержений в большом виде уже с незапамятных времен, но он еще и до сих пор изливает потоки сернистой грязи и выбрасывает большие камни из лопающихся пузырей в глубине кратера³. Почва везде дрожит, и пары поднимаются из всех трещин. Разноцветные стенки громадной воронки, постоянно разъедаемые водяным паром, смешанным с серной кислотой, разлагаются и обваливаются; вид жерла меняется изо дня в день: рабочие набрасываются на эти вулканические развалины, чтобы извлекать из них серу, которая содержится там в пропорции от четверти до половины⁴.

Большая часть горных цепей большого острова Хондо, Гондо или Ниппон, поднимается в виде параллельных гряд различной длины, которые тянутся прямолинейно в направлении от северо-северо-востока к юго-юго-западу, и соединяются там и сям в массивы посредством боковых разветвлений, поперечных отрогов и прямолинейных рядов вулканических извержений: самые высокие вершины Японии, почти все те, которые поднимаются более, чем на 2.000 метров над уровнем моря,—вулканические горы, лавы которых разлились в разные эпохи по гранитам и сланцам, составляющим остоу архипелага; пепел, выбрасываемый кратерами и разносимый ветром во все части острова, способствовал, вместе с аллювиальными отложениями, образованию почвы равнин, переработанной впоследствии течениями рек. В целом почти вся страна не ровна, холмиста и представляет непрерывный ряд возвышений и долин: общая площадь равнин составляет всего только восьмую часть пространства Японии. Впрочем, большинство горных вершин имеет округленные контуры и легко доступные скаты. Японские горы не представляют тех страшных круч, обрывистых склонов, какие ожидаешь увидеть в альпийских странах; почти совершенное отсутствие известняков и песчаников, которые раскалываются на вертикальные глыбы, частое повторение обильных дождей, естественное богатство растительности дали японским ландшафтам красивую волнистую линию горизонта, лощины с пологими покатосями, долины широко раскрытые, где реки извиляются удлинёнными контурами. Там и сям высокие вершины гор покрыты полосами постоянных снегов: по свидетельству геолога Мильна, фирны кристаллизуются во многих местах, так, что образуют ледники в миниатюре⁵.

На северо-востоке большого острова, первая цепь невысоких сланцев гор, отделенная от

1 Georges Bousquet, „Le Japon de nos jours“.

2 R. Pumpelly, „Across America and Asia“.

3 Лубенцов, „Путеводитель по Японии“, 277.

4 Pumpelly, „Geographical Researches in China, Mongolia and Japan“.

5 J. Milne, „Evidences of the glacial period in Japan“.

остальной части Гондо глубокой долиной Китаками-гава, тянется параллельно высокому хребту, который составляет главный остов этой земли. Эта цепь, так сказать, внешняя, оканчивается на севере залива Сендай; посреди вод моря рассеяны «восемьсот восемь» островов, известных под именем Мацзу-сима; эти туфовые скалы, разбросанные в неглубокой воде, покрыты кустарником и соснами (по-японски мацз), от которых архипелаг и получил свое название. Японцы смотрят на этот водяной сад, как на одно из «трех чудес» своей страны; вода вырыла в основаниях островов пещеры и естественные аркады; люди выкопали гроты на стенах самых крутых островов, и вершина одного из них была иссечена в форме Будды¹.

На юге от бухты и равнины Сендай, горная цепь опять начинается, следуя своему первоначальному направлению и оставаясь совершенно изолированной от гор внутренней части острова широкими долинами. Прежде она была ограничена с южной стороны тоже заливом, но эта вырезка побережья с течением времени обмелела и засорилась от наносов реки Тонегава; последняя разветвляется на бесчисленное множество каналов, затем окружает своими блуждающими водами гористую землю, лежащую к востоку от бухты, на берегу которой стоит Токио или Иеддо; наносы этой реки, подвигаясь разом с двух сторон, уничтожили бывший морской пролив и соединили остров с соседней большой землей болотистыми равнинами, постепенно окрепшими. Таким образом три отрывка «внешней» восточной цепи, так сказать, приросли к «континенту» Японии. Они отличаются от всех других горных хребтов страны отсутствием вулканов. Ни один кратер не открывается среди этих сланцевых гор; но именно вдоль этого берега были констатированы самые очевидные следы поднятия почвы. На северной стороне бухты Сендай открывается маленький порт Кесен-нума, который еще в половине настоящего столетия посещался многочисленными судами и который затем принуждены были покинуть, по причине постепенного обмеления фарватера; а между тем в этом месте нет никакой реки, которая на носила бы землистые частицы, и течение не могло образовать бара; кроме того, дорога, недавно построенная вокруг соседнего мыса, проходит подле высокого известкового берега, просверленного во всех направлениях моллюсками, раковины которых совершенно сохранились; геологи определяют по меньшей мере в полтора метра общее повышение морского берега, которое произошло при порте Кесен-нума в течение современного периода. Осушение равнины Иеддо и древнего морского пролива, где теперь протекает нижняя Тонегава, произошло не столько вследствие отложения наносов этой реки, сколько от постепенного поднятия почвы, обусловленного вулканическими причинами².

С западной стороны, другая побочная цепь протянула свои горы параллельно оси острова Гондо; но эта цепь, погруженная в море в небольшой части своего протяжения, состоит лишь из отдельных массивов. Первый из них образует полуостров на северной оконечности острова; далее на юге возвышается второй массив, Иваки-яма. Ога-сима или «Олений остров» есть, как показывает самое имя его, островная земля, над которой господствует Салоуказе-яма или «Гора холодного ветра», возвышающаяся на 769 метров; но этот остров соединяется с большой землей длинной песчаной стрелкой или косой. Таким образом от открытого моря отделен лиман, судоходный для джонок: это «Большое озеро» (Огоката) Хациро или «Море цитры» (Котоно-уми), которое сообщается с свободными водами посредством реки Фунагава или «Реки судов», доступной гребным судам, имеющим до 5 метров водоизмещения. К югу от Оленьего острова следуют один за другим маленькие острова Тоби-сима и Аво-сима, затем большой остров Садо, образуемый двумя выступами, соединяющимися при основании. Полуостров Ното, изгибающийся в виде крючка удочки вокруг бухты Тояма, тоже принадлежит к этой боковой цепи, и может быть, к ней же следовало бы причислить группу островов Оки, лежащих в 300 километрах к юго-западу. Эта гряда островных горных вершин составлена не единственно из древнейших каменных пород, как восточная береговая цепь, и многие из её гор, между прочим, горы острова Ога-сима, некогда

1 Benj. P. Lyman, „Iesso Geological Surveys“, febr. 1875;—Saint John;—Rein etc.

2 Neumann, „Mittheilungen von Petermann“, 1879, IV.

извергали лаву.

Что касается средней цепи острова, то она начинается величественным вулканом Осорезан, который поднимается на 976 метров над уровнем моря, непосредственно против острова Иессо, между проливом Цзугару или Сангарским и бухтой Аомори: часто этой уединенной горе дают специально имя Якеяма или «Горящая гора», которое впрочем, применяется ко всем вообще эруптивным конусам¹. По другую сторону бухты хребет тотчас же опять поднимается и затем продолжается уже без перерывов до самого центра острова. Средняя абсолютная высота его пиков, которые по большей части суть потухшие вулканы, около 1.500 метров, а высота проходов, перерезывающих гребень, изменяется от 600 до 1.000 метров; но направо и налево поднимаются вулканические конусы, имеющие более величественный вид, чем вершины правильной цепи, благодаря их изолированности и большой высоте. Так, в направлении поперечном к главной оси, от запада к востоку следуют один за другим многочисленные вулканы между городами Акита и Мориока; южнее, не далеко от западного берега, гора Чокэй-сан поднимает на 2.400 метров свой верхний конус, покрытый снегом в продолжение девяти месяцев в году. Другой вулкан, Бандай-сан, возвышающийся на 1.850 метров (6.000 ф.). отражает свои лесистые склоны в водах озера Инаваширо, и с его верхнего конуса можно обозревать развертывающийся в виде обширного амфитеатра, прерываемого только на западной стороне, целый круг гор, обступивших глубокий бассейн Айдзу-таиры или равнины Айдзу. Застывший поток лавы и груды вулканического пепла образовали плотину, задерживающую воды озера Инаваширо², и стоит только расчистить часть этого естественного вала, чтобы осушить большую часть озерной равнины и завоевать земледелию превосходные земли.

Последнее извержение вулкана Бандай-сан было в 1888 году 15 июня. Во время его погибло 461 человек, уничтожено четыре и полуразрушено семь деревень. Окружающие леса были истреблены, а течение реки Нагасе-гавы было преграждено обломками и образовало озеро Хибаро, длиною в 12, шириною от 1¹/₂ до 3 верст³.

В этой части своего протяжения средняя горная цепь, гребень которой составляет водораздельную возвышенность между двумя океанами, изгибается к востоку, чтобы примкнуть к другой параллельной цепи, которая образует в свою очередь водораздельный хребет между различными притоками рек Тоне-гава и Тенрю, на востоке и притоками Цикума или Синяно-гава, самой многоводной реки не только западной покатости, но и всей Японии. На юге от соединительного хребта, средняя цепь продолжается простыми отрогами, которые постепенно сливаются с равниной на севере от Иеддо. Но именно этот хребет служит опорной точкой массиву из вулканических вершин, пользующихся громкой славой во всем царстве Восходящего солнца, благодаря лесам, покрывающим их склоны, и прозрачным водам, которые текут в изобилии с этих гор. Эта группа, почти всегда покрытая снегом, носит имя Никкозан, то-есть «Две дикие горы», которое бонзы, посредством перемены одного знака, переделали в более поэтическое название «Гора солнечного сияния». Одна из самых высоких остроконечных вершин этого массива, Нантай-сан (2.540 метров), принадлежит к числу священных гор Японии: и в прежнее время никто не мог предпринимать восхождения на этот пик, кроме как, один раз в году, в освященную неделю лета, и не иначе, как выдержав предварительно строгий пост в каком-либо храме одной из нижних долин. Тихое озеро Чугенжи, берега которого осенены большими деревьями, наполняет глубокий цирк у основания вулкана, и вытекающий из этого бассейна ручей спускается каскадами по скалам из лавы: недалеко оттуда стоят пышные надгробные памятники двух сиогунов шестнадцатого и семнадцатого столетий, поднимающие свои колонны между высокоствольными соснами и криптомериями. Обширный лес, в 70 километров длиною, соединяет это священное место с берегами нижней Тоне-гавы; вероятно во всем свете не найдется аллей, которые могли бы сравниться

1 Serrurier, рукописные заметки

2 Benj. S. Lyman, „Geographical Survey of Japan, Report of progress for 1878 and 1879”.

3 Лубенцов, стр. 105.

с великолепными авеню этой области храмов: «Пусть не говорит о красоте и великолепии тот, кто не видал Никко», гласит одна японская пословица. Благодаря соседству Токио, эти священные рощи собирают в летнюю пору под свою прохладную тень беспрестанно обновляющуюся толпу публики, к которой примешиваются, с 1870 года, многочисленные иностранцы. С мая до октября Никко походит на наиболее посещаемые местности Швейцарии по массам посетителей, которые приходят любоваться его горами, лесами, чистыми водами; зимой эти живописные долины, занесенные снегом, опять делаются пустынными. Сернистые источники Юлиота бьют из земли на северной стороне озера, в самой дикой области гор.

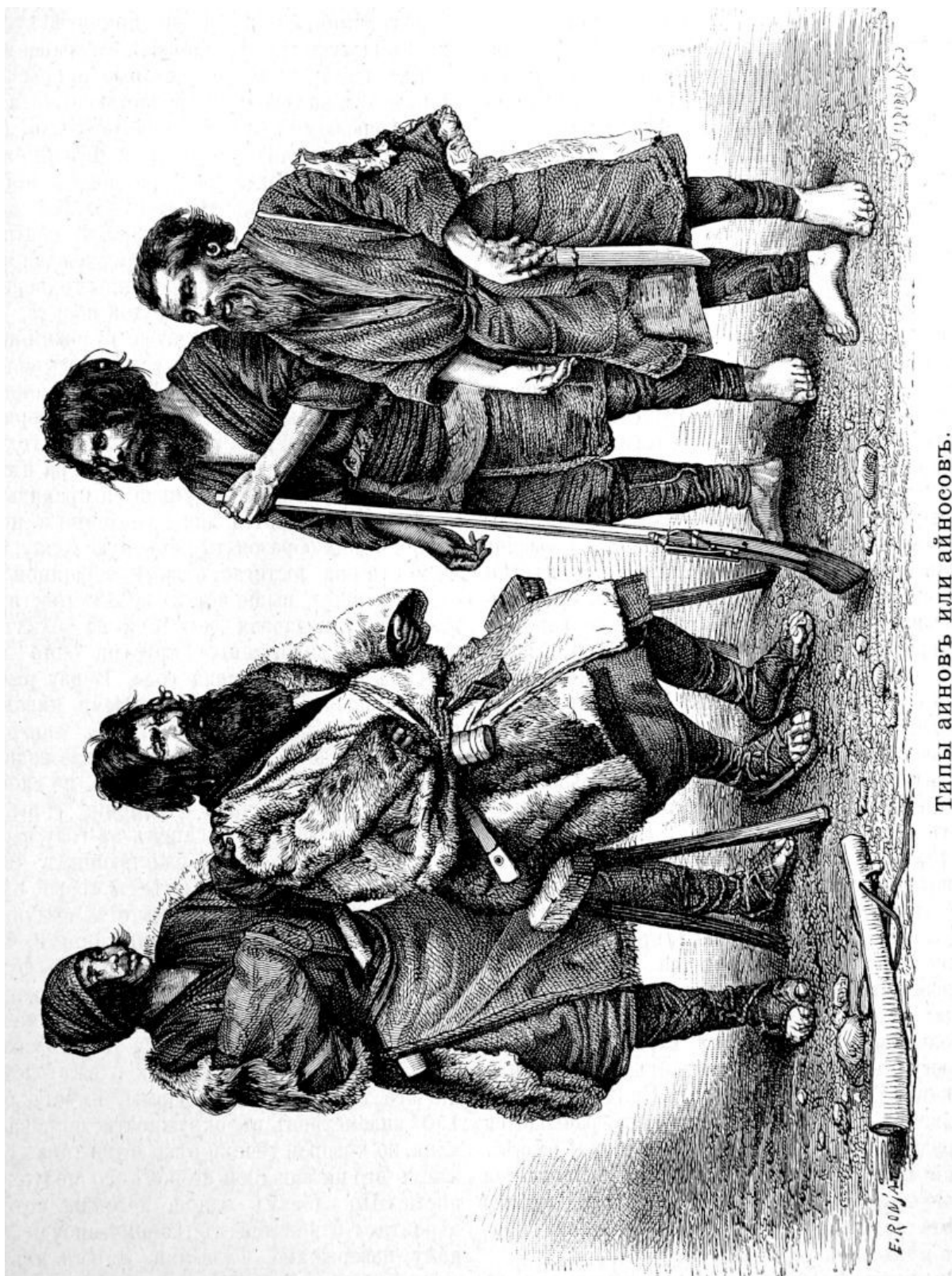
Раздельная горная цепь, господствующая с восточной стороны над долиной реки Синано, тоже увенчана несколькими вершинами вулканического происхождения, преимущественно на юге, где высятся две пирамидальные горы, Сиране-яма и Адзма-яма, из которых первая имела последнее извержение в 1871 году. Недавно образовавшийся конус возвышается по середине кратера, имеющего более 1.600 метров в ширину; горячие воды, бывшие ключом из соседних трещин, утекали через соседний сосновый лес, опаленные деревья которого до сих пор еще носят на себе следы этого наводнения¹. Несмотря на то, эта область Японии, кажется, не принадлежит к числу тех её областей, которые прикрывают самые пламенные вулканические очаги. Газовые источники и «огненные колодцы» западной покатости этих горных цепей, в провинции Этсиго, вероятно, не суть истечения подземного горячего очага, как это часто утверждали; но, как пласты каменного угля и ключи горного масла, которые встречаются в той же долине, эти воспламеняющиеся газы, подобные газам, выделяющимся из земли в китайской провинции Сы-чуань представляют продукт дистилляции органических веществ, содержащихся в каменистых наслоениях осадочных формаций. В некоторых местах, эти горячие газы утилизируются непосредственно для кухни монастырей, для отопления бань и для различных надобностей промышленности; но эксплуатация обращена здесь преимущественно на добывание каменного масла или нефти, которая, впрочем, течет не в изобилии; один из колодцев, откуда извлекают минеральное масло, был выкопан до глубины 222 метров².

Как на севере острова ряд вулканов пересекает в поперечном направлении среднюю цепь гор, так точно, в этой центральной области Гондо, линия огнедышащих гор, резко ограничивающая на юге цепь, вдоль основания которой течет река Синана-гева, тянется перпендикулярно самой оси Японии, в направлении от северо-северо-запада к юго-юго-востоку; два самые знаменитые вулкана архипелага, Асама-яма и Фузи-сан, составляют часть этого поперечного ряда огнедышащих гор. По высоте, Асама-яма уступает другим горным вершинам империи Восходящего солнца, так как он поднимается только на 2.525 метров (8.280 ф.) над уровнем моря; но из всех действующих вулканов страны ни один не оставил более свидетельств своего могущества и не внушает большего страха людям, живущим в его тени; в Японии до сих пор еще с ужасом вспоминают о страшном извержении 1783 года, во время которого огромный поток лавы вылился в долину реки Вагацма и вся окружающая страна покрылась слоем пемзы; сорок восемь деревень были засыпаны дождем вулканических шлаков, и тысячи людей погибли во время этой катастрофы. С той эпохи, от времени до времени, был выбрасываем пепел из громадной воронки кратера; хотя остров имеет в этой области наибольшую ширину, однако с обеих морей можно ясно различить высокий столб сернистого дыма, поднимающийся из жерла вулкана. Почти все склоны горы Асама до сих пор еще имеют серый цвет от покрывающей их пемзы, выброшенной последним извержением, и на обширном пространстве вокруг конуса везде видны только лавы. Рядом с главным кратером, который имеет не менее километра в ширину, открывается другое жерло, стены которого пробиты трещинами, где ласточки гнездятся тысячами. По близости этой вершины нет ни одного святилища, оттого пилигримы приходят лишь в небольшом числе на эту страшную

1 Ernest Satow, рукописные заметки.

2 Benj. S. Lyman, „Report on the progress of the Oil Surveys”, 1877.

гору³. К югу от Асама-яма следует ряд других вулканов, продолжающийся до Кинпо-сан, центрального массива, от которого расходятся в разные стороны многочисленные разветвления гранитных гор, и откуда получают самые крупные и самые чистые куски горного хрусталя, шлифуемые японцами в виде шаров и в виде зеркал.

Типы аиновъ или айносовъ.

Вулкан Фузи-яма—гора священная по преимуществу, патрон страны, и иногда, в поэтическом стиле, имя его пишут таким образом, чтобы придать ему смысл «Несравненной горы». Письменные знаки, обыкновенно употребляемые для изображения названия этой

3 Rein, „Der Nakasendo Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann“, № 59.

горы, буквально значат «Благоденствующий офицер»; но уже задолго до введения идеографических писем она была известна под именем Фузи, по причине кустарников (*wysteria japonensis*), называемых так в наречии ямато, которые покрывают склоны вулкана своими переплетающимися ветвями и гроздьями белых и фиолетовых цветков¹. Фузи-сан (Фузи-яма, Фужино-яма), составлявший некогда предмет поклонения для буддийской секты, последователи которой назывались яма-бузи², изображается почти ни всех изделиях японского происхождения, на книгах, опахалах, лакированных вещах, материях, фарфоровой и другой посуде, обоях и мебели всякого рода; но художники рисуют и гравировать ее под условным видом: чтобы дать понятие о её громадности, они несоразмерно повышают её склоны, а вершину конуса заостряют на подобие сахарной головы. На самом деле величественная гора имеет очень пологие скаты, и кривая её правильного профиля поднимается лишь медленно и постепенно, чтобы образовать конечную горку; тем не менее она достигает своей вершиной пояса, лежащего выше пояса всех простирающихся у её подножия земель, и на боках её видишь расположенные ярусами одно над другим разные времена года. Внизу расстилаются поля, покрытые богатыми нивами и плантациями, затем следуют леса; еще выше тянется пояс кустарника, где прежде водились во множестве обезьяны, которым, по словам легенды, гении поручили охранение горы. В продолжение десяти месяцев в году вершина одета снегом, ярко блистающим на голубом фоне неба, или имеет серый цвет, как облака, едва отличаясь от воздушного пространства неопределенными линиями. Фузи-яма превышает на несколько тысяч футов большую часть других главных вулканических вершин Японии, и когда стоишь на краю его кратера, то окружающие горы кажутся как бы составляющими его кортеж. Основание его, почти круглой формы, имеет более 150 километров в окружности; широкая долина, по которой течет река Фузи-гава, окружает его на западной стороне его полуокружности. По словам одной легенды, которая, вероятно, относится к какому-нибудь сильному извержению, Фузи-яма вырос из земли в 285 году Р. Х., в продолжение одной ночи, в тот самый час, когда образовалось озеро Бива. Каково бы ни было потрясение рассказанное в этой преувеличенной форме, известно достоверно, что вулкан долго отдыхает после каждого усилия; с 799 года он приходил в действие только шесть раз. Последнее его извержение, имевшее место в 1707—1708 году, продолжалось два месяца: в то время на южном его склоне открылась расселина, из которой выдвинулся вторичный конус, Гоей-сан, поднимающийся на 2.865 метров. Окрестные равнины покрылись слоем пепла толщиной около 3 метров; целые деревни исчезли с лица земли; до самого Иеддо и даже выше этого города, на расстоянии 96 километров от вулкана, воздух был омрачен, и черные тучи вулканической пыли, переносимые ветром, ниспадали по другую сторону залива, на берегах океана³. После этого рокового года города и деревни были вновь выстроены и теперь опять образуют целый пояс построек вокруг первых склонов горы; новые храмы появились на месте прежних капищ, и толпы пилигримов, число которых доходит от 15.000 до 20.000 в год, снова стали совершать хождение к святилищу, построенному у подножия верхней крутизны. Перед восхождением на гору пилигримы имеют обыкновение облачаться в белую одежду, для того, чтобы напугать горных орлов, которые, говорят, нападают на людей, одетых в менее яркие цвета⁴. Достигнув кратера, странники пьют воду сперва из «Золотого ключа», затем из «Серебряного ключа», после чего, по знаку своего проводника, звонят в колокольчики и делают поклоны в честь солнца. Сойдя к подножию вулкана, они обращаются к жрецу ближайшего храма с просьбой приложить к их одежде клеймо, которое должно напоминать об их подвиге: это пилигримское платье становится драгоценной святыней, которая переходит по наследству от отца к сыну⁵. Англичанин Рутерфорд Алькок был первый европеец, совершивший восхождение на Фузи в 1860 году; за ним следовали сотни других путешествен-

1 Л. Мечников, рукописные заметки.

2 Serrurier, рукописные заметки.

3 Rein, цитированное сочинение.

4 Л. Мечников, „Японская империя“

5 De Hubner, „Promenade autour du Monde“.

ников. В 1873 году натуралист Книппинг провел две недели на краю кратера, для производства геологических наблюдений. Кратер, средний диаметр которого около 300 сажен, заключает две отдельные воронки, в которые можно спускаться по образовавшимся вследствие обвала откосам, состоящим из красных лав и желтых и серых туфов, до площадок, покрытых обломками камней¹. Глубина кратера около 600 фут. Общая высота горы, по Рейну, достигает 12.437 фут.

Вулкан Фузи-ями так же, как большое число других эруптивных конусов, стоит немного в стороне от горной цепи, к которой он принадлежит, и которая продолжается в южном направлении, чтобы образовать длинный полуостров Изу (Идзу), тоже вулканический. У основания этого полуострова простирается область Сагами, очень гористая, но легко проходимая; это наиболее посещаемый уголок Японии и одна из живописнейших местностей страны Восходящего солнца. Лесистые мысы, бухты, разделяющие их, скалы, рассеянные на поверхности вод моря, густые леса, источники и ручьи, цветы, ярко пестреющие среди зелени, поднимающаяся над гребнем холмов белая вершина священной горы—все это делает этот край восхитительным местопребыванием. Семь деревень с заведениями минеральных вод выстроились около теплых ключей, и деревня Хаконе, расположенная на берегу живописного озера Аши-ноуми или «Моря злаков», сделалась любимым местом дачной жизни. На востоке от этого города, дорога, идущая из Токио в Киото, пересекает гору на Хаконском перевале (на высоте 855 метров), который прежде был заперт укрепленными воротами, «гуан» или Центральной заставой Ниппона: отсюда и произошли названия: Гуан-до (на восток от ворот), которое дают всей части Гондо, лежащей к востоку от меридиана Хаконского перевала, и Гуан-сай, которым означают другую половину главного острова Японского архипелага. На полуострове Изу самая высокая гора—Амаки-сан; другая гора оканчивает его на юге, господствуя над бухтой и городом Симода, но в небольшом расстоянии к югу от берега цепь снова вступает на поверхность моря в виде подводных скал. Одна из этих скал, Микомото, получила печальную известность в истории кораблекрушений: в этом месте разбился, в 1867 году, корабль «Нил», нагруженный драгоценными предметами, которые он вез с Парижской всемирной выставки. Теперь устроен маяк, освещающий эту опасную скалу, известную у английских мореплавателей под именем Рок-айланд (Скалистый остров). Симодская бухта замечательна еще тем, что в ней всего лучше можно было наблюдать явление волнений моря от землетрясения, во время катастрофы 1854 года. Громадная волна, пришедшая с открытого моря, вдруг подняла уровень вод и хлынула на берега; в несколько мгновений стоявшие в порте джонки были разбиты ударами одна о другую, дома и храмы были стерты с лица земли, рейд покрылся обломками. Частные течения сталкивались и производили сильные водовороты: русский корабль «Диана», потонувший вскоре после землетрясения, повернулся 43 раза вокруг самого себя в продолжение 30 минут; в течение целого дня колебания уровня моря заставляли изменяться глубину, около корабля, от 2 с половиной до 12 метров.

На северо-востоке полуострова Изу, уединенная вершина «Большой горы», или Ого-яма поднимается на 1.324 метра, тогда как на востоке и на юго-востоке группа «Семи островов», Нана-сима-изу, показывает свои правильные конусы (высота их от 700 до 860 метров), выступившие из-под воды верхушки цепи вулканов, по большей части действующих, которая продолжается на юг до острова Гацizio или Фацицио, представляющего высокую землю с отвесными склонами на большей части ее окружности; в былое время сиогуны ссылали туда впавших в немилость сановников: изгнанники водворялись на место жительства при помощи журавля (подъемной машины), который подхватывал их с корабля и поднимал на вершину утеса. Гора Ошима или «Большой остров», называемая европейскими мореплавателями вулканом Фриса, есть бесспорно самая величественная из всех гор этой области моря и наиболее известная, ибо она господствует над входом в залив, через который суда проникают в бухту Иеддо. В 1757 году, когда Броутон посетил эти воды, огнедышащая гора была в

1 Rein, „Mittheilungen von Petermann“, 1879, № 10.

состоянии извержения; но вскоре после того жители опять принялись за свои земледельческие работы; в 1870 году склоны вулкана были по-прежнему покрыты пашнями, как вдруг вулкан снова пришел в действие, и во время извержения поля опять исчезли под расплавленным камнем¹. Один застывший поток лавы выдвинулся в море, словно остаток какого-нибудь разломанного моста. Южная оконечность островной цепи вулканов, между 31 и 32 градусами широты, отмечена островом новейшего образования, который поднялся в 1870 году из морских глубин. Кроме того, несколько других вулканических вершин показываются над поверхностью моря, пучины которого имеют более 2.000 метров в этих водах.

На северо-запад от вулкана Фузи-сан, (Фузи-яма) гранитная цепь,—одна из главных вершин которой (2.713 метров) (10.000 футов) есть одна из «Жеребчатых гор» или Комагатаке, которые в японских географиях насчитываются десятками,—отделяется от альпийской области, к которой принадлежит гора Кимпу-сан (8.300 ф.); но далее тянется через всю Японию, от одного моря до другого, поперечный ров, образуемый долиной реки Тенью-гава («Река небесного дракона») на юге, и долиной реки Синано-гава на севере, и заключающий в одной впадине порога живописное озеро Сува, исток реки Тенью-гавы. По другую сторону этого понижения рельефа, горы тотчас же опять начинаются. Первый хребет, ориентированный по направлению от северо-северо-востока к юго-юго-западу, отделяет бассейн реки Тенью-гава от бассейна реки Кисо-гава. Другой хребет, который тянется в том же направлении, начинается на берегу Японского моря и постепенно теряется в нижней долине реки Кисо-гава: это цепь Хида (Гида), самая крутая, самая дикая из всех возвышенностей главного острова, цепь, которая наиболее продолжительное время в году бывает покрыта площадями или полосами снега; Рейн дал ей название японской «Снеговой цепи». Чтобы перейти прямо через этот естественный вал от востока к западу, либо через перевал Хариноки, либо через перевал Хида, нужно подняться до высоты 2.400 метров (7.700 ф.) над уровнем моря; но сами вершины поднимаются лишь на незначительную высоту над могучим цоколем, который поддерживает их основания. Пик Тате-яма возвышается на 9.500 футов над уровнем океана, а Он-таке, Миджин-таке или «Величественная вершина», священная гора этой цепи, немногим превышает 10.000 футов; восемь больших кратеров, из которых иные заключают в себе маленькие озера, и несколько других более узких жерл следуют друг за другом вдоль верхнего гребня; каждый год от пяти до шести тысяч пилигримов совершают восхождение на священный пик, чтобы поклониться идолам Изанаки и Изанами, божественных предков фамилии микадо. Европейцы, которым случалось находиться между этими обществами посетителей, рассказывают, что с этой горы открывается великолепный вид на остров и два моря, обрисовывающие его контуры; в течение исторического периода извержений на ней не происходило, но она выпускает в изобилии сернистые пары². На севере, японская «Снеговая цепь» соединяется с другой грядой вулканических вершин, которая тянется параллельно морю. Яке-яма или «Горящая гора», на которую совершил восхождение геолог фон-Драге, есть главный конус этой цепи.

На западе от «Снеговой цепи» другой горный массив, тоже огнедышащий, делал извержения в 1239 и 1554 годах: это Хиро-яма, Хаку-сан или «Белая гора», получившая это название от обильных снегов, которые приносят ей влажные ветры. По странному контрасту между двумя покатосями острова, Белая гора, хотя она на целую тысячу метров ниже вулкана Фузи-яма, получает на свои три вершины гораздо более значительное количество снега; в продолжение всего лета белые полосы показываются на верхних трещинах. По преданию, уже два столетия, как снега не исчезали с этих гор³; даже у основания вулканов, около теплых источников Итсиносе, которые находятся всего только на высоте 800 метров над уровнем моря, снег иногда покрывает почву слоем более 6 метров толщины. Ботаники открыли большее разнообразие растительных видов на Хиро-яма, чем на всякой другой горе

1 Л. Мечников, „L'Extreme Orient“, июнь 1877 г.

2 Rein, „Erganzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann“, № 59

3 Мечников, „Японская империя“.

в Японии: они приписывают особенностям климатической среды сохранение этих растений, столь многочисленных на тесном пространстве.

Кряж невысоких гор, отделяющийся от цепи Хиро-яма в направлении южном и юго-западном, расходится двумя ветвями вокруг обширного и глубокого бассейна, который наполняет воды озера Бива, или «Озера гитары», этого внутреннего моря, образовавшегося, как гласит легенда, в тот самый момент, когда вырос из земли вулкан Фузи; но известно, что задолго до этого легендарного появления озера Бива существовало в стране «пресное море» или Аво-уми, имя которого, сокращенное в Аоми (Оми) сделалось названием провинции, окружающей озеро¹. Вулканические извержения несомненно имели место в этом бассейне. Остров Цикубу-шима, где находится одно из святилищ синто, наиболее почитаемых в империи, выступил наружу из северной части острова в 82 году христианской эры, и другие островки, вокруг которых кружатся стаи бакланов, повидимому, имели такое же происхождение. Поверхность озера лежит на 333 фута над уровнем моря, а наибольшая глубина почти такова же. По объему жидкой массы, озеро Бива занимает площадь, почти равную Женевскому озеру². Так же, как Женевское озеро, Бива окружено горами, из которых одни покрыты на скатах возделанными полями, другие поросли лесом, и все отличаются смелыми или живописными формами; осенью, когда северные ветры разгонят густые тучи, приносимые муссоном, различные плоскости гор с их оттенками цветов, зелеными, синеватыми, фиолетовыми, розоватыми, сливаются гармонически в одну чудную картину, безпрестанно меняющуюся, сообразно игре света и теней. На восточной стороне бассейна поднимается самая высокая вершина громадного круга гор, вулкан Ибуки-яма (гора, извергающая желчь), который древние японцы считали местопребыванием злых духов. На западе самая знаменитая гора—Хиеи-сан, на которой, в буддийских монастырях, до половины шестнадцатого столетия, постоянно жило около 3.000 монахов. Это были истинные повелители страны; собранные в кумирне Кимон, они должны были и денно и нощно читать молитвы, бить в бубен, звонить в колокол, чтобы задержать дурные влияния, посылаемые духом Ибуки-яма и таким образом защищать город Киото, расположенный у южного основания горы³. Область соседняя с озером Бива и с вытекающей из него рекой Иодо-гава, была колыбелью японской национальности, и великие исторические воспоминания придают этим местам еще большую прелесть в глазах путешественников. Красные облака запада отражают, говорит легенда, кровь, кипящую в кратерах, всех тех, которые пали на отечественных полях битвы.

Полуостров, продолжающийся на юг от озера Бива, и западная оконечность большого острова представляют почти отдельные земли, соединенные «с континентом» или Найтси лишь узкими перешейками. Тем не менее они походят на остальную часть страны гористым характером почвы. На юге, массив Ого-мине, одна из редких групп вершин, где не нашли вулканических формаций, есть один из самых диких хребтов, и, может быть, горы его покрыты лучшими в Японии лесами. На западе пик Дайсен, бывший эруптивный конус, господствует над низкой цепью, где многие из порогов от покатости Японского моря к покатости внутреннего моря имеют всего только 300 метров высоты.

Приводим высоту главных гор большого острова Японского архипелага.

Широта	Название	Геологич. состав	Высота в метрах	Авторитеты
41°19'	Осоре-сан	действующий вулкан	976	Морские карты
40°4'	Иваки-яма	вулкан	1.524	Мильн
39°50'	Ивадаси-яма (Танжу-сан)	„	2.134	Рейн
39°7'	Тиокай (Чокай-сан)	„	1.829	Мильн
			1.959	Японск. география
			2.073	Гауленд

1 Л. Мечников, „Японская империя“.

2 Лубенцов, „Путеводитель по Японии“.

3 Л. Мечников, Рейн, цитированные сочинения.

Широта	Название	Геологич. состав	Высота в метрах	Авторитеты
38°31'	Тсуки-яма (Гец-сан)	„	1.829 1.859	Мильн Гауленд
37°54'	Игитойо-яма	„	1.217	Японск. география
37°40'	Адама-яма	„	1.360	„
37°37'	Бантай-сан	„	1.554	Журн. Петерманна
37°8'	Насу-яма	действующий вулкан	943 641	Японск. география
36°55'	Яке-яма	вулкан	2.316 2.133	Гауленд Драге
36°46'	Нантай-сан (Никко)	„	2.541	Рейн
35°35'	Тате-яма	„	2.896	Гауленд
36°30'	Гариноки-яма	„	2.400	Сатоу
36°22'	Асама-яма	действующий вулкан	2.591 2.525	Мильн Рейн
36°15'	Ярига-таке	„	3.139	Гауленд
36°8'	Хиро-яма (Гаку-сан)	„	2.618 2.720	Рейн Петерман
36°7'	Норинука-яма	„	2.987	Гауленд
35°52'	Ми-таке (Он-таке)	„	3.027 3.004	Гауленд Рейн
35°43'	Комага-таке	„	2.723	Рейн
35°28'	Ибуки-яма	„	1.250	Рейн
35°20'	Дайсен	„	1.640 1.702	Нейман Камперман
35°18'	Фузи-сан (Фузи-яма)	„	3.769 3.745	Стьюарт Рейн
35°8'	Гиеи-зин	„	756 825	Японск. география Рейн
35°3'	Комага-таке	„	1.345	Рейн
34°3'	Ого-мине	граниты и сланцы	1.882	Книппинг

Извилистый морской пролив, отделяющий «континент» Япония от южных островов, в действительности есть не что иное, как ряд фиордов и частных бассейнов, которые соединены в одно обширное внутреннее море, имеющее около 100 километров протяжения от востока к западу. Это маленькое Средиземное море усеяно островами и островками, ограничивающими небосклон со всех сторон: плывя по этим водам, между этими лесистыми землями, которые поочередно скрывают и открывают отдаленный горизонт гор, видишь перед собой постоянно сменяющийся ряд восхитительных картин бесконечного разнообразия: видимые картины можно сравнить с норвежскими, но под итальянским небом и малайскою растительностью. По японской космогонии, при начале времен, Изанаги и Изанами, божественная чета восседала как-раз над этой частью моря на небесном мосту, поддерживаемом столбами из облаков, и любовалась оттуда движением армии волн, гоняющихся друг за другом под их ногами. Лежа беспечно на облаках, бог обмакивал пурпурное острие своего копья в океан, и каждая ниспадавшая с острия капля обращалась в один из тех зеленеющих островов, которые теперь рассеяны по поверхности моря: один из первых островов, которые выдвинулись тогда из волн, был прекрасный Авадзи (Аваджи), запирающий восточный вход «Внутреннего моря».

С географической точки зрения, японское средиземное море должно быть рассматриваемо как простой ров или канал, размытый водами, так как только в некоторых из впадин его дна глубина превышает 50 метров, средняя же глубина этого бассейна наполовину меньше. Западный вход, известный под именем Симоносеки или «Нижней заставы», имеет всего только 10 метров глубины, то-есть как-раз столько, сколько нужно самым большим кораблям; но без помощи пара таким кораблям было бы неблагоприятно пускаться в этот узкий канал, морскую реку, окаймленную по сторонам скалами и пересекаемую на поверхности опасными течениями. Кроме Симоносеки, есть еще три прохода, дающие доступ во Внутрен-

нее море: проход Бунго, между островами Киусиу и Сикок, и два другие на севере и на юге от острова Аваджи. Суда обыкновенно избирают северный проход, пролив Томога-сима или «Двух островов друзей», находящийся в соседстве портов Гиого (Хиого) и Осака; при том же и течения в этом канале менее сильны, нежели в других. Но ни один пролив японских морей не пугает так мореходов, как проход Наруто, между островами Аваджи и Сикок. Прилив, проникающий из океана во Внутреннее море, не может там развернуться на просторе, и движение его замедляется на всех мелких местах бассейна, при повороте всех мысов и мысиков. Таким образом приливная волна, распространявшаяся быстро по открытому океаническому пространству, встречается в узком проходе с водами, лежащими на ином уровне, вследствие чего образуются внезапные водовороты, очень опасные для обыкновенных джонок. Японские судовщики описывают этот пролив таким же образом, как северные мореходы в прежнее время представляли известный водоворот Мальстрем. По этим рассказам, которые, впрочем, не подтверждаются наблюдениями европейских мореплавателей, Наруто есть тоже кружащаяся пучина, шириной в несколько километров, и попадающие в нее предметы, увлекаемые спиралеобразно, устремляются быстрым и постоянно ускоряющимся круговращательным движением к центральной пропасти, откуда уже ничто не выходит на свет Божий.

Остров Сикок, ограничивающий с южной стороны японское средиземное море на пространстве большем половины его длины, представляет выпуклость из сланцевых гор, которая тянется неправильно от востока к западу. Главная река острова Иосино-гава (Иошино-гава), называемая также Сикокко-сабуро или «Старшим сыном Сикока», течет параллельно самому высокому хребту этих древних сланцев, и в том же направлении продолжается узкая западная стрелка или коса, которая, выдвигаясь к противолежащему полуострову острова Киусиу, оставляет лишь узкий проход водам Внутреннего моря. Хотя относительно невысокая,—так как высшая вершина её достигает только 1.400 метров,—главная горная цепь Сикока составляет, тем не менее, серьезное препятствие между двумя скатами острова, так как некоторые проходы её имеют около 1.000 метров высоты. Высочайшая вершина острова, гора Ишидзулия достигает, по Лубенцову, 6.480 ф. высоты. На плоской вершине её из кумирни путешественник может обозревать почти весь остров. Несколько вершин вулканического происхождения высятся на сланцевом цоколе. Леса, состоящие из самых разнообразных древесных пород и почти тропические по виду, в соседстве рек, покрывают склоны гор, исключая некоторых округов, где земледельцы, недальновидные варвары, выжгли лес, чтобы дать полный простор папоротникам, которых корни и стебли употребляются туземцами в пищу.

Так же, как на Сикоке, скаты Киусиу, ориентированные с севера на юг, в том же направлении, как и остров, состоят, главным образом, из кристаллических сланцев различных видов, над которыми выдвинулись трахиты, сопровождаемые туфами и залежами лигнита. Но и на этом острове тоже открылись там и сям вулканические жерла, из которых поднялись конусы извержения, образовавшиеся из шлаков и пепла, и некоторые из этих конусов до сих пор пребывают в состоянии периодической или постоянной деятельности. В самом центре острова есть действующий вулкан, Асо-сан или Асо-даке, склоны которого разрабатываются искателями серы и квасцов; кроме того, там находят охристые сростки, заключающие в себе какое-то белое и жирное вещество, которое жители страны едят¹. В 1874 году извержение пемзы превратило ручьи, бегущие с этой горы, в потоки молочного цвета²,—событие, вероятно, повторяющееся довольно часто, судя по имени, которое носит главный ручей, Сирагава или «Белая река»³. Вулкан Асо-сан в собственном смысле представляет конус незначительной высоты, но кратер, в центре которого он стоит, походит на лунные вулканы по своим огромным размерам: он имеет не менее 16 до 24 километров в поперечнике, а стены

1 F. von Richthofen, „Geologie der Insel Kiusiu“, „Mittheilungen von Petermann“, 1882 г. №5.

2 Rein, цитированное сочинение.

3 Лев Мечников, рукописные заметки.

его почти вертикальные во внутренности, поднимаются на 200—300 метров. Последнее извержение вулкана было в 1884 году, при чем количество выбрасываемого из кратера пепла было так велико, что в Кумамото в продолжение трех дней пришлось днем употреблять фонари, даже на улицах. В этой обширной равнине живут более десяти тысяч человек, не подозревая, что их селения построены в жерле огнедышащей горы⁴. На восток от Нагасаки полуостров Симабара или Шимабара состоит из одной только горы, длинные скаты которой правильно понижаются к морю: этот конус есть знаменитый Унзен-сан (Унзен-га-таке) или «Гора теплых источников», громадный кратер которого поглотил тысячи христиан в 1638 году, во время восстания, скоро подавленного, обращенных в католическую веру туземцев, тогда очень многочисленных в этой части империи. Уже более столетия вулкан отдыхает; однако, и теперь видно дрожание легких паров на вершине горы. Во время Кемпфера сернистые пары поднимались из кратера такими густыми облаками, что птицы избегали летать вокруг горы до расстояния нескольких миль; из бесчисленных отверстий выходили газы и потоки грязи, а во время дождей вся почва кипела, как жидкая масса⁵. От извержения соседней огнедышащей горы, Мии-яма, сопровождавшегося излиянием огромных масс воды, погибло некогда более 50.000 человек.

На юге острова Киусиу находится группа вулканов, получившая название Кири-сима или «Острова туманов», по причине выходящего из кратеров этих гор сернистого дыма. Там все горные породы, туфы, трахиты, пемзы,—эруптивного происхождения. Плоская возвышенность, на которой стоят вулканы-близнецы Кири-сима, представляет бесплодную страну, покрытую красноватыми шлаками и пеплом: там и сям растут небольшими кучками кривые низкие сосны и другие деревца, сжигаемые каждый год кострами, которые разводят пастухи; леса каштанов, зеленых дубов, диких слив держатся только в глубоких ущельях и оврагах, куда не проникает пожар. Кратер южного вулкана, называемого Така-цихо, открывается не на вершине горы, а на западном склоне, под иенейскими сернистыми термами; на востоке высится остроконечная вершина, состоящая из вулканических шлаков, на которой сложена груда камней,—памятник происходивших здесь некогда войн. Вершина северного вулкана, с более мягкими очертаниями, включает, говорят, маленькое озеро. По Рейну, два вулкана Кири-сима составляют высшие точки всего острова. Горы Асо-сан в центре острова Киусиу, и Комац-яма, на юго-востоке, несомненно, ниже вершины Кири-сима, которая достигает до 5.580 ф. высоты. Последнее извержение Кири-сима было в 1891 году.

Полуостров, ограничивающий на западе живописную Кагосимскую бухту, есть одна из прекраснейших и любопытнейших местностей архипелага. Над длинной стрелкой мыса, загибающейся со стороны залива, господствует величественный пик Каймон или «Морские ворота», называемые на европейских картах мысом Горнер. Ни одна из вулканических гор Японии не превосходит его красотой формы, правильностью профиля: менее притупленный, более грандиозный, чем знаменитый Фузи-яма, хотя на три четверти менее высокий, вулкан Каймон не пользуется такой же славой только потому, что ему недостает многолюдного города, разстилающегося у его подножия; на севере от этого правильного конуса некогда высился другой вулкан, более значительных размеров, но вся его конечная пирамида, разрушенная взрывом, о котором уже утратились даже воспоминания, была заменена круглым бассейном, который теперь наполняют воды Ми-ике или «Благородного озера». Другой озерный бассейн, в кратере побочного конуса, господствует над рейдом и городом Ямагава.

Кагосимский залив, открывающийся на востоке от «Морских ворот», тоже включает замечательный вулкан Ми-таке, зазубренный конус которого один образует весь остров Сакура-сима или «Вишневый»; с противоположного берега ясно видно его основание, опоясанное полями и ярусами садов и плантаций, где растут сальные и апельсиновые деревья, а выше, за этим поясом зелени, следуют сероватые, изрытые оврагами и промоинами откосы, откуда еще лет сто тому назад поднимались клубы пара.

4 Milne, „Seismic science in Japan, Transactions of the seismological Society of Japan“, part I. 1880.

5 Landgrebe, „Naturgeschichte der Wulkane“.

Высоты главных гор на острове Киусиу суть:

Асо-ямо, действующий вулкан—1.600 метров, по Рихтгофену и Рейну; Така-цихо (Кири-сима), вулкан—1.672 метров, по Рейну; Комац-яма, вулкан—1.280 метров, по Рейну; Узен-га-таке, вулкан—1.250 метров, по Рихтгофену; Каймон-га-таке (Горнер), вулкан—1.000 метров, по Рейну; Ми-таке (на о. Сакура-Сима), вулкан—1.000 метров, по Рейну.

Изрезанный архипелаг, которым продолжаются на юго-западе земли Японии, тоже состоит из слоистых горных пород, одетых там и сям веществами, извергнутыми из морских глубин; многие из этих островов представляют туфовые плато с обрывистыми скатами, круто обрезанными ударом волн, или шлаковые конусы, исполосованные оврагами в виде косынки, которые ярко белеются на зеленом фоне склонов горы. Из этих конусов, очень крутых, особенно замечателен Ивога-сима, Стромболи японских морей; из кратера и боковых трещин этого вулкана, почти не менее высокого (722 метра), чем естественный маяк Тирренского моря, безпрестанно поднимаются пары, белые днем, красные ночью. В былое время японские мореходы не осмеливались приближаться к этой горячей горе, постоянное шипение которой они приписывали злым духам. Однако, один смельчак вызвался осмотреть вблизи это жилище страшных гениев; он нашел там значительные залежи серы, которые теперь составляют один из главных источников доходов князя Сацзума¹. В соседстве разбросаны по поверхности вод вулканические островки, выступившие со дна моря в разные эпохи². Два самые большие острова этой группы, Танега-сима и Яку-сима, не выбрасывают более из своих жерл ни пепла, ни дыма, но ряд островков, продолжающийся к юго-западу, параллельно главной гряде Ликийских островов, находится еще в периоде деятельности: Нака-сима, Сува-сима или остров Архимеда, Иоко-сима, один из двух островов Клеопатры, суть действующие вулканы, так же, как Иво-сима (Тори-сима), естественный маяк для судов, плавающих из Кореи или Шань-дуна к большому острову архипелага Лю-цю. Этот ряд островков из лавы продолжается, по направлению к северной оконечности острова Формозы, скалами и подводными камнями, того же, вероятно, вулканического происхождения.

Группа островов, лежащих в соседстве Киусиу, то-есть Сиунангута, и небольшой архипелаг островов Линсхотен географически принадлежат уже к гряде Лю-цю, называемой китайцами Лу-чжоу, а самими островитянами Лукиу: «Страна драгоценного камня» или «Страна прозрачного коралла»—таков смысл, который можно дать этому наименованию архипелага³. Правильный полумесяц, дуга которого разворачивается от Киусиу до Формозы, имея точно такой же радиус кривизны, как и самый большой из Японских островов, и образует внешнюю окраину «Восточного моря» (по-китайски Дун-хай), есть, вероятно, остаток гористой страны, соединявшей некогда остров Ниппон с континентом Азии; эта гряда делится на второстепенные архипелаги, из которых два главные, следующие один за другим около середины расстояния, отделяющего Киусиу от Формозы, составлял собственно так называемое «королевство Лю-ци», обращенное ныне в простую провинцию Японской империи.

Архипелаг Лю-цю так же, как Корея, был долгое время вассальным государством двух соседних империй, Китая и Японии. После неоднократных нашествий на эти острова, китайцы добились, в конце четырнадцатого столетия, того, что ликийский король признал себя данником «Сына неба» и принял от него инвеституру. Не прошло и пятидесяти лет со времени этого события, как явились, в свою очередь, японцы и получили подарки, которые мало-по-малу превратились в дань; в 1609 году завоевательная экспедиция, предпринятая на острова Лю-цю князем Сацзума, имела результатом формальное признание за Японией ее права верховной власти над этим архипелагом. Родичи японцев по расе и языку, островитяне, однако, предпочитали им китайцев и даже гордились своими вассальными отношениями к Пекину; отдаленный богдыхан, которого они знали только по его подаркам, казался им более приятным господином, нежели японский император, представляемый их стеснительным

1 F. von Richthofen, „Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft“, Bd. XIII.

2 Maget, „Nature“, 7 февраля 1879 года.

3 Klaproth;—Serrurier, „De Lioe-Kioe Archipel“

соседом, князем Сацзумы¹. Однако им пришлось выбирать того из двух сюзеренов, верховную власть которого они переносили менее охотно. После переворота, которым были низвергнуты сиогунуны, были присланы японцы в качестве непосредственных правителей островов, и королю велено было порвать всякие сношения с Пекином. Тщетно протестовал несчастный монарх: «уже около пятисот лет, говорил он, мы пользуемся покровительством китайского императора; мы смотрим на него, как на отца, а к Японии обращаемся как к матери. Не сказал ли Конфуций, что верность должна быть предпочитаема самой жизни?... Не заставляйте нас сделаться вероломными и покрыть себя позором!»² Но нужно было уступить: в 1874 г., после победоносной экспедиции японцев на остров Формозу, маленький король потерял свой трон, и архипелаг Лю-цю был окончательно присоединен к японским владениям, как простая провинция, составляющая нераздельную часть Ниппона.

Рассказы китайского ученого Су-бао-хуана, которого император Кан-си посылал на острова Лю-цю в 1719 году, были, до начала настоящего столетия, единственным скольконибудь серьезным источником для знакомства с королевством «Прозрачного коралла»³; но со времени экспедиции Броутона в 1797 году, Максвеля и Василия Галя в 1816 году, многочисленные мореплаватели всех наций, между прочим Жюрьен де-ла-Гравьер, Бичи, Бельчер, Перри, посетили порт Нава, на главном острове, и издали в свет описание своих путешествий. Кроме того, на Лю-цю бывали и жили там подолгу миссионеры, католические и протестантские, а в последние горы японцы и европейцы, поселившиеся в Иокогаме, посетили разные острова «Трех санов», чтобы провести там зимний сезон в климате более теплом, чем климат центрального Ниппона⁴. Но эти различные исследования сделали номенклатуру архипелага более запутанной, чем она была во времена богдыхана Кан-си. К местным именам, к китайским и японским названиям прибавились еще наименования, нанесенные на карты мореплавателями всех наций.

Две главные группы архипелага протянулись по направлению от северо-востока к юго-западу, то-есть параллельно другим горам китайской системы в Срединной империи и в Японии⁵; различные острова этих групп, в свою очередь, представляют горные цепи из гранита, сланцев, песчаников, известняков, не превосходящие 500 метров высоты и дающие начало потокам чистой воды, которые утилизируются до последней капли в рисовых плантациях, окружающих селения: нигде не видно болот в собственном смысле. Главный остров северной группы носит имя Ого-сима, что значит «Большой остров», но размерами он уступает острову Окинава, который называют Большим Лю-цю, и по имени которого французские географы прошлого столетия называли все это островное царство «Ликийским»; он один включает около двух третей всего населения провинции. На этом острове, кажется, нет вулканических горных пород, но известковые гребни многих из его холмов часто были принимаемы за лавы, по причине их неровной, усаженной остроугольными выступами, поверхности и их пузырчатого внутреннего строения, похожего на структуру вулканических шлаков: ходить по этим острым и изрезанным по всем направлениям камням должно быть невозможно. Другие известковые скалы имеют крутые, обрывистые грани и на вершинах поросли лесом, так что путешественник видит перед собой целый ряд висячих садов, разделенных непроходимыми пропастями⁶.

Благодаря высокой температуре вод течения, омывающего архипелаг Лю-цю, все острова окаймлены коралловыми рифами, подобными рифам Южного моря и открывающимся тоже напротив устьев рек, так как кораллы не могут развиваться в пресной воде. При помощи этих коралловых построек могли образоваться, на окружности острова Окинава, порты Нава

1 Forade, „Annales de la propagation de la foi“, 1846.

2 Serrurier, „De Lioue-Kioe Archipel“

3 Gaubil, „Lettres edifiantes“, tome XXIII.

4 Gubbins, „Proceedings of the Geographical Society of London“, oct. 1881.

5 Pumpelly;—F. von Richthofen.

6 Jones Perry, „Narrative of the Expedition of an American Squadron“.

и Мельвилев (туземцы называют его Унтин), открытый Василием Галь. Во многих местах берегов коралловые рифы подняты выше уровня окружающего моря, что, без сомнения, должно быть приписано поднятию почвы. В открытом море, напротив порта Нава, коралловая банка простирается в нескольких километрах от берега и оканчивается такими обрывистыми стенами, что лот не может предупредить мореплавателя о грозящей ему опасности¹. Обломки кораллов, перекаченные волнами и смешанные с песком и с раковинами, образуют там и сям твердые скалы, которые видимо увеличиваются с каждым годом, как камень «*masonne-bon-Dieu*» на Антильских островах—довольно плотный песчаник, содержащий значительное количество раковин и кораллов².

Острова Гото, которые были часто избираемы японским правительством как места ссылки, едва отделены от Киусиу узким проливом, усеянным подводными камнями; они составляют, вместе с островом Хирадо, часть той китайской цепи, продолжение которой Помпелли ищет в островах Чжу-сан и в горах Нин-бо. Остров Ики, на северо-запад от Киусиу, тоже принадлежит географически к этому большому острову; но остров Цу-сима, лежащий в самом центре Корейского пролива, повидимому, должен быть признан скорее корейским, чем японским; его флора и фауна связывают его некоторыми видами с маньчжурской ботанической и зоологической областью³. Этот остров долгое время служил торговым посредником между двумя государствами; цусимский князь, почти независимый владетель, держал в своих руках монополию торговых сношений через фузанский порт прежде, чем этот порт был открыт непосредственно японским кораблям; чрез тот же остров Цу-сима пересылались прежде на родину потерпевшие крушение мореходы обеих наций⁴. В 1861 году на острове поселились русские офицеры для починки своих судов, и можно было думать, что они присоединят к русским владениям эту землю, занимающую столь выгодное положение между двумя морями и двумя империями; но, вследствие дипломатического столкновения с Англией, они покинули устроенные ими верфи. Выбранное ими место находится близ Фачу, главного города острова, на берегу широко раскрытого залива Тамамура, который разрезывает западный берег и делит остров на две половины: узкий канал, во время прилива наполняющийся водой, но все-таки недостаточно глубокий даже для простых барок, соединяет этот залив с Восточным морем⁵. При отливе же обе половины острова Цу-сима соединяются в одну землю песчаной косой. От господства русских осталось лишь на память название описанной ими бухты—«Посадник».

Страна вулканическая по преимуществу, «японский континент» и принадлежащие к нему острова часто подвергаются землетрясениям, которые происходят, вероятно, от давления паров, запертых под поверхностной частью почвы. В исторические времена самые сильные землетрясения имели место в тех областях архипелага, где находятся главные кратеры извержения, и именно в равнине Токио, лежащей в соседстве вулкана Фузи и орошаемой реками, спускающимися с другой огнедышащей горы, Асама-яма, происходили наиболее сильные колебания почвы. Говорят, что во время землетрясения 1854 года, разрушившего большую часть города Иеддо, погибло около ста тысяч человек. Массивные и наиболее солидно построенные здания менее выдерживают сотрясения почвы, нежели более легкие дома, но зато они имеют более шансов не быть поваленными и унесенными ураганами, другим бичом Японии. Последнее весьма сильное землетрясение испытала Япония в 1896 г.

Окруженная водами моря и влажной атмосферой, насыщенной океаническими парами, Япония, естественно, имеет гораздо более равномерный, более морской климат, чем берега соседнего континента, от которых она отделена Корейским проливом. Тогда как в Пекине, лежащем далеко от морских испарений, зима бывает такая же суровая, как в Упсале, а лето

1 Jurien de la Graviere, „Voyage en Chine“.

2 Perry, „Narrative of the Expedition of an American Squadron“.

3 Oliphant, „Journal of the Geographical Society of London“, 1863.

4 F. von Sieboid, „Voyage au Japon“.

5 R. Lindau, „Revue des Deux Mondes“, 1863;—Oliphant, цитированная статья.

такое же жаркое, как в Каире, Токио несравненно менее страдает от крайностей тепла и холода. Океанское течение, которому японцы дали название, Куро-сиво, то-есть «Черное течение», и которое из европейских мореплавателей первый заметил голландец Фрис, в 1643 году, соответствует, по своему движению и по влиянию на климат, Гольфстрему северной Атлантики; оно идет вдоль восточных берегов больших Японских островов, в очень близком от них расстоянии, и его теплые воды, которые перед тем прошли через проливы Малезии и Филиппинских островов, увлекают над собой воздух более теплый, чем воздух соседнего материка; средняя температура течения, которая только на 2 или на 3 градуса ниже температуры атлантического Гольфстрема, колеблется между 23 и 27 градусами столбчатого термометра и превышает на целых 6 градусов нормальную температуру морской воды под этими широтами¹. В летние месяцы, когда юго-западный муссон гонит волны перед собой, воды Черного течения ударяются непосредственно о берега Кюсю, Сикока и южные берега главного острова; зимой полярные ветры отталкивают воды и, удаляя их от японского побережья, заставляют их направляться прямо к северо-востоку. Средняя скорость морской реки весьма неравномерна, изменяясь сообразно направлению ветра; по Шренку, она составляет от 55 до 75 километров в день, а ширина течения, по исследованиям морских офицеров корабля «Challenger», равняется, средним числом, 75 километрам, на широте бухты Иеддо; промерные инструменты обнаруживают движение ее вод до глубины 900 слишком метров. На севере полярное течение, Оя-сиво, выходящее из бассейна Охотского моря, идет на встречу Черному потоку, одна ветвь которого проникает в Сангарский пролив. Подобно тому, как в Атлантическом океане, эти две морские реки делятся на параллельные полосы различного цвета, которые движутся в противоположном направлении одна возле другой, и встреча которых имеет следствием образование боковых течений и водоворотов с короткими и опасными волнами; частые туманы, происходящие от столкновения воздушных токов разной температуры, движущихся над океанскими реками, омрачают небо в этих областях моря. Зимой полярное течение Оя-сиво опоясывает ледяной бахромой восточные берега острова Иессо; оно приносит во всякое время года китообразных животных, рыб, моллюсков северных широт и тем самым способствует в значительной мере продовольствию японцев. Берега острова Иессо, в месте встречи двух противоположных течений северной части Тихого океана, соответствует Ньюфаундленским мелям в Атлантическом океане.

На запад от Японских островов, ветвь Куро-сиво, которой Шренк дал название Цусимского течения по имени двойного острова, который она окружает своими водами, способствует, как и восточное течение, возвышению температуры Японии; действие его особенно ощутительно на северных берегах большого острова, о которые ударяются волны, имеющие среднюю температуру от 19 до 20 градусов столбчатого термометра. Впрочем, Цусимское течение не постоянно движется по направлению с юга на север; зимой, под влиянием полярных ветров, воды отливают к югу, по крайней мере на поверхности, и, переходя обратно через бреши островов Лю-цю, соединяются с массой Черного потока. Даже летом, Цусимское течение, гораздо менее значительное по размерам, нежели Куро-сиво, и поочередно охлаждаемое или нагреваемое соседними землями, играет лишь второстепенную роль между различными причинами, обуславливающими колебания климата страны. Между двумя покато-стями Японских островов контраст поразительный. Изотермические линии, проведенные от востока к западу через Японию, далеко не совпадают с градусами широты. На равном расстоянии от экватора, средняя температура выше на берегу, обращенном к океану, чем на берегу, омываемом западным морем, и с этой стороны горы одинаковой высоты бывают покрыты снегом в течение значительно более продолжительного периода года. Хотя метеорологические станции в Японии и достаточно многочисленны, но наблюдения не были продолжаемы в течение достаточно длинного периода времени, и потому еще нельзя начертить с большою точностью линии равной температуры. Можно сказать только вообще, что изотермыгибаются все более и более к северу, приближаясь к полярному поясу: так разность

1 Dalle, „Mittheilungen von Petermann“, 1881.

средней годовой температуры между полуденной Японией и соответственным побережьем Китая составляет только 2 градуса Цельсия, тогда как севернее, между Иессо и русской Маньчжурией, не превышает 5 градусов¹. Благодаря умеряющему влиянию моря, действую-

Японские крестьяне.

щему как зимой, так и летом, период наибольшего холода замедляется до февраля, а период наибольшего тепла—до августа; сентябрь там бывает даже жарче июля².

1 Rein, „Japan nach Reisen und Studien“.

2 Рейн;—Воейков;—Hann, „Geographisches Jahrbuch“, VIII Band, 1881.

Несмотря на контраст, который представляет, к выгоде Японии, ее островной климат, в сравнении с континентальным климатом Китая, этот архипелаг, тем не менее, подчинен общим влияниям, производящим охлаждение восточных областей материков в пользу их западных берегов. На равной широте, Япония имеет климат на 4 до 6 градусов более холодный, чем средняя годовая температура Европы. Во всех частях архипелага, даже на острове Киусиу, жители знакомы со снегом и льдом; по середине большого острова иногда выпадает глубокий снег, покрывающий, в продолжение нескольких дней, почву полей и равнин слоем толщиной в полтора аршина и более; а на острове Иессо термометр может опускаться до 16 градусов ниже точки замерзания. Зимний период совпадает в Японии, как и везде на Крайнем востоке, с господством холодных ветров, преимущественно северо-западных; эти полярные ветры, нормальное направление которых было бы с северо-востока на юго-запад, но которые отклоняются к юго-востоку собирательным фокусом Тихого океана. Зимние ветры господствуют с такой силой на западных берегах Японии, что мореплаватели редко отваживаются пускаться в эти области моря во время опасного сезона; даже пароходы, поддерживающие правильное сообщение между Ниигата и Хакодате, прекращают свои рейсы. Во многих городах морского побережья туземцы имеют обыкновение, при наступлении зимнего времени, воздвигать досчатые помосты, промежутки которых они наполняют хворостом и мхом и которые служат ширмами их жилищам¹.

Эти полярные ветры, более или менее уклоняющиеся от своего первоначального направления смотря по форме и очертанию морских берегов, рельефу горных цепей, давлению атмосферы и колебаниям температуры, сменяются, в апреле или в мае, теплыми юго-западными муссонами. Эти летние ветры не имеют такой силы и правильности, как зимние атмосферные течения, и часто прерываются штилями: вообще в эту пору года равновесие воздуха наиболее неустойчиво; к концу лета, особенно в сентябре месяце, когда температура морской воды достигает максимума, когда воздух бывает насыщен парами, малейшее нарушение атмосферного равновесия может иметь результатом образование кружащегося ветра, достаточно сильного для того, чтобы получить название тифона. Эти воздушные вихри волнуют преимущественно воды, окружающие острова Лю-цю и южную Японию, но они не переходят за бухту Сендай, на восточном берегу большого острова. Увлекаемые в движении, параллельном движению вод, они развертывают почти все свои спирали над течением Куро-сиво. После этого опасного периода, которым заканчивается летний муссон, наступает самое приятное время года, осень ясная и чистая, когда природа как бы отдыхает от томительных жаров и летних бурь. Благодаря периодическому изменению направления годовых ветров, чередование времени года гораздо правильнее в Японии, нежели в умеренных климатах западной Европы: оттого в языке японцев выработались различные названия для обозначения в одно и то же время сезона года и состояния погоды и температуры, которая должна в обычном порядке соответствовать этому сезону. В прежнее время считалось признаком хорошего тона начинать письма длинными фразами, относящимися к этим правильным переменам климата: «Теперь, когда лед растаял, когда деревья распускаются и когда вы процветаете все более и более, адресую вам эти строки, написанные кистью...» Таково было неизменное вступление письма, сочиняемого весной².

Периодическая перемена направления муссонов регулируется выпадением дождей так же, как и температуру. Почти на всем архипелаге, исключая разве острова Иессо и западных берегов главного острова, в зимние месяцы стоит очень сухая погода. Контраст, замечаемый между двумя покатосями, объясняется легко. Северо-западные ветры, которые приносят всегда хорошую погоду на берега русской Маньчжурии, насыщаются парами, проносясь над морем, и когда они ударяются о холмы и горы Японии, содержащая ими влажность осаждается и падает на землю в виде хлопьев снега; в некоторых округах гористой области снежный слой достигает такой толщины, что туземцы принуждены покидать нижнее жилье своих

1 Рейн, цитированное сочинение.

2 Alcock;—Лев Мечников, цитированное сочинение.

домов и переселяться на верхний этаж; как в Сибири или Канаде, нужно употреблять лыжи для хождения по глубоким снегам¹. Но как только перевалишь за гребень горы и увидишь вдали восточные равнины и море, низкое пасмурное небо, нависшее серым сводом над западным скатом, остается позади; атмосфера очистилась от облаков и солнце свободно рассыпает свои лучи по полям. В течение первого периода летнего муссона дожди бывают повсеместно на обоих покатостях и отличаются необыкновенным обилием. Часто случается, что ливни продолжаются целые дни без перерыва; однажды в половине сентября, дождь, падавший в Йокогаме тридцать часов подряд, пролил на землю слой воды толщиной не менее 176 миллиметров; все ручьи поднялись на 3—5 метров выше своего обычного уровня, а реки превратились в озера. Так как сезон дождей совпадает здесь с периодом жаров и временем испарения рисовых полей, которые покрывают столь значительную часть почвы, то страна, можно сказать, находится в жарко-натопленной паровой бане; растительность развивается необыкновенно быстро и пышно, но животные и люди чувствуют расслабляющую тягость в этой удушливой атмосфере. Количество дождевой воды здесь никак не меньше, чем под тропиками; оно почти в два раза превосходит количество, выпадающее в западной Европе. На берегах залива Токио годовое количество осадков превышает полтора метра.

Температура и количество падающей на землю атмосферной влаги в разных частях Японии² выражается так:

Станции	Средняя температура	Максимум	Минимум	Количество осадков	Барометр	Дождь, снег и град
Кагосима	16,8	34,1	-5,3	2.244,1	761,0	164 дня
Кочи	15,4	35,9	-6,5	2.685,5	761,0	139 „
Осака	14,7	35,4	-4,3	1.469,4	761,2	152 „
Нагасаки	16,0	34,4	-3,8	1.584,4	761,6	173 „
Токио	14,0	34,4	-6,8	1.715,1	760,4	159 „
Хакодате	8,3	31,1	-19,4	1.031,0	759,6	203 „
Каназава	13,0	35,3	-7,2	2.559,9	761,2	236 „
Сакаи	14,0	35,2	-5,2	2.080,7	761,3	217 „
Акита	10,3	35,9	-14,5	1.641,4	760,1	229 „
Немура	5,9	31,4	-16,8	1.064,1	758,9	154 „

Вода в Японском море, благодаря этим проливным дождям, гораздо менее солена, чем в Тихом океане, и при равной температуре она замерзает быстрее³. В этом почти замкнутом море высота прилива весьма незначительна: у берегов острова Садо вода поднимается всего только на 60 сантиметров.

Благодаря обилию дождей, относительной умеренности зим и влажной жаре лета, японская флора отличается необыкновенным богатством и силой. В этой стране можно с успехом пересаживать самые большие деревья, даже оставляя только немного земли вокруг корней и обрубая ветви на всякие манеры⁴. Многие растения, которые со времени третичной эпохи не могли сохраниться на китайской территории, продолжали жить и процветать в Японии. Тысячи растительных видов, происходящих с Малайского архипелага, из Индо-Китая, из долин Гималайских гор, из Кореи, из Маньчжурии или даже из Северной Америки, могли распространяться некогда через земли, ныне поглощенные морем, или семена их были перенесены птицами или морскими волнами, и Японский архипелаг дал им благоприятную для их развития среду. Оставляя в стороне растения, о которых достоверно известно, что они были введены в страну из Китая или из Европы в исторические времена, Франше и Саватье нашли, что японская флора включает 2.743 вида, составляющие 1.035 родов и 154 семейства. Между путешественниками, посетившими Японские острова, было много ботаников, да и сами туземцы занимаются изучением растений, либо из любви к цветам, либо для отыскания лекарственных трав; следовательно, растительность Японии относительно хоро-

¹ Рейн, цитированное сочинение.

² Resume Stat. de „L'Empire Japon“ 1898 г. Токио.

³ Венюков;— Мечников, „L'Extreme Orient“; juin, 1877

⁴ Brauns, „Mittheilungen des Vereins fur Erdkunde“, Halle, 1880.

шо известна; тем не менее будущее исследование острова Иессо и некоторых отдаленных, малознакомых местностей других островов, без сомнения, увеличит число доселе открытых видов. В настоящее время можно исчислять в 3.000 различных растений совокупность флоры Ниппона, из них 44 рода до сих пор еще не были найдены нигде, кроме империи Восходящего солнца¹.

Северные границы различных характеристических растений следуют одна за другой не в правильном порядке,— одне из них совпадают с изотермическими линиями, другие отклоняются к югу или к северу под влиянием ветров, дождей и всех деятелей, обуславливающих климат. На Курильских островах деревья, береза, тополь, ива, растут во всех долинах, хорошо защищенных от морского ветра; на острове Кунашире есть даже дубовые рощи, но высота деревьев не превосходит там 6 метров, исключая лесов, растущих в долинах и оврагах: ветер срезывает верхушки ветвей, которые поднимаются над средним уровнем леса². Для постройки своих хижин и для топки печей, курильские островитяне обыкновенно употребляют деревья, выбрасываемые на берег морскими волнами. Шелковица и чайное дерево культивируются в Хондо везде до Сангарского пролива³, и даже город Акита есть один из главных центров шелководства; исключение составляет Ниигатское побережье, хотя и лежащее южнее, но имеющее климат слишком холодный для этой культуры, так как теплые воды тропического течения не ударяются об эту часть морского берега⁴. В южной области архипелага, до окрестностей Иеддо флора представляет смесь видов Индостана и Малазии с растениями умеренного пояса, которые сообщают растительности ее общую физиономию. Однако, известное число характеристических видов тропического пояса живут в Японии только благодаря уходу земледельца. Сахарный тростник не переходит за южные берега большого острова; толстые бамбуки, стволы которых достигают 20 метров (без малого 10 сажен) в высоту, не растут в диком состоянии; точно также пальмы, поднимающие там и сям свои верхушки из веерообразных листьев над деревцами садов, суть колонисты, еще не вполне акклиматизировавшиеся; саговые пальмы должны быть обвертываемы соломой, чтобы могли вынести зимние холода, а на бананах не вызревают плоды. Иначе и быть не может в стране, где движение сока в растениях останавливается на шесть или на семь месяцев в году, смотря по изотермической широте места. Но что особенно отличает японскую флору, гораздо более, чем смешение типов, принадлежащих к различным поясам,— это необычайное разнообразие видов умеренного пояса, группирующихся в лесах. В Японии нет степей или ландов; не увидишь там и лугов в собственном смысле: хара или «горный луг» представляет смесь трав, древесных растений и папоротников. Повсюду, где культура не придала растительности однообразного вида, почва осемена либо большими деревьями, либо деревцами, кустарником и древесными растениями, перемешанными с травами и лианами; самые разнообразные виды встречаются сотнями в поле зрения. Нет сада более цветущего, чем этот естественный сад японских полей и лесов; но между этими бесчисленными, до бесконечности разнообразными цветками, между которыми блистают белоснежные камелии, не увидишь европейских лютиков и гвоздик, и мы напрасно стали бы искать здесь многие виды мотыльков и сложноцветных, которые глаз западного человека привык встречать на всех лугах умеренного пояса; не найдешь здесь и душистых растений Запада; японские цветки имеют больше блеска, яркости красок, но меньше аромата, сравнительно с европейскими⁵. В японском лесу разнообразие растений больше, чем во всех других странах земного шара, не исключая даже тропических; во время простой прогулки, не удаляясь в сторону от тропинки, ботаник может встретить сотню различных пород деревьев, ибо Япония, как и Китай, отличается от Европы значительной пропорцией своих древесных видов. Из всех областей растительности страна Вос-

1 Максимович в 1884 году определял состав японской флоры в 2.728 видов (см. „Bull. du congr. internat.“ 1884 г.)

2 Saint-John, „Journal of the Geographical Society of London“, 1872 г.

3 Воейков, „Mittheilungen von Petermann“, 1878 г.

4 Лев Мечников, цитированное сочинение.

5 Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“;—Aime Humbert, „Le Japon pittoresque“.

ходящего солнца заключает на одном и том же пространстве наибольшее число деревьев, как хвойных, так и лиственных¹. В июне и в июле цветущие деревья представляют зрелище незнакомое на Западе, и когда листья начинают увядать, при приближении зимы, их яркие и разнообразные краски можно принять за второй расцвет растительности; под своим осенним убором, леса Японии еще прекраснее, чем леса Северной Америки, так богато окрашенные в разнообразные цвета. Во многих гористых местностях Японии леса уже истреблены, и на месте их выросли чащи кустарников и лиан.

Прекраснейшие и драгоценнейшие деревья группируются в леса на скатах японских гор,

Барсукъ. — Факсимиле японскаго рисунка.

между высотами от 500 до 1.000 метров; однако, великолепные криптомерии, краса и гордость страны, не встречаются уже в диком состоянии на севере от Иеддо; аллеи из деревьев, осеняющие храмы в северной части Тосан-до и на острове Иессо, были насажены рукой человека. Кипарисы хиноки (*chamassuparis obtusa*), дерево которых служит материалом для постройки святилищ, для фабрикации всякого рода священных предметов, и которые прежде употреблялись также для получения огня посредством трения, лучше выносят холод, и некоторые отдельные экземпляры этой породы растут еще до высоты 1.600 метров на склонах гор Тосан-до. Лиственные деревья не переходят за линию высоты 1.500 метров, тогда как ели и лиственницы поднимаются до высоты 2.000 метров слишком, а ползучия хвойные деревья встречаются еще на высоте 2.400 метров над уровнем океана; даже на сотню метров

1 Alfred R. Wallace, „Fortnightly Review”, nov. 1878.

выше там и сям стелются по земле узловатые древесные стволы, на половину спрятавшиеся во мхах¹. На горе Фузи граница деревьев находится на высоте 2.225, а граница низкого кустарника на высоте 2.450 метров². Горные вершины, поднимающиеся выше пояса древесных растений, совершенно голые или едва покрываются тонким слоем зелени: одна только Белая гора достигает предела вечных снегов.

Культурные растения архипелага все восточного происхождения, исключая табак и картофеля, ибо островитяне получили из Азии если не самое земледелие, то по крайней мере земледельческие усовершенствования, так же, как письмо и искусства. Рис, шелковица, хлопчатник, чайное дерево акклиматизировались в Японии, равно как большая часть фруктовых деревьев умеренного пояса. Ореховое дерево, каштан разных пород перемешаны вокруг городов с растениями, дающими плоды с косточками и с зернышками, с померанцевыми и апельсиновыми деревьями; но влажность климата делает плоды раздутыми, водянистыми, в ущерб сладости и вкусу; вообще говоря, произведения японских фруктовых садов далеко уступают тем же произведениям Европы и Соединенных Штатов³. Благодаря существенно морскому климату архипелага, японские растения легко могут быть вводимы во Франции, в Англии и во всех странах западной Европы, подверженных влиянию моря.

В Японии, где культура почвы проникла даже в ущелья гор, сохранилось лишь небольшое число диких животных, некогда населявших страну. Хищные звери представлены там двумя видами медведя, из которых один, свойственный исключительно острову Иессо, близко подходит к калифорнскому медведю и к ископаемому пещерному медведю (*ursus spelaeus*); собственно японский медведь, которого встречают еще довольно часто в гористых местностях главного острова, гораздо меньше предыдущего и отличается от всех своих родичей, живущих в других странах, отвислыми губами. Волки, которые теперь уже редки, разнятся от европейских только меньшими размерами; в южных областях архипелага прежде существовали также дикие собаки, похожие на австралийских динго. Что касается лисиц, очень маленьких, как почти все животные островов в сравнении с соответственными континентальными видами, то они весьма многочисленны и отличаются крайней дерзостью; они смело пробираются даже в города, чтобы опустошать курятники, и не забывают посещать маленькие часовни, куда благочестивые поселяне кладут разные яства в честь Инари, бога рисовых полей. Они даже навязались, так сказать, в качестве ассистентов к этому богу; по крайней мере японцы всегда изображают его в сопровождении двух лисиц, вырезанных из дерева или из камня⁴. Народное суеверие приписывает этому зверю силу оборачиваться женщиной: говорят, что под видом молодой девушки он заставляет блуждать запоздалых путников. С своей стороны, барсук может преобразиться в мебель или в кухонную посуду, чтобы пошутить над хозяйками: кошке тоже приписывают часть этой волшебной силы⁵.

Одна порода обезьян, сару (*macacus speciosus*), с зачаточным хвостом и с красным лицом, очень мало отличающаяся от варварийской мартышки, водится на главном острове японского архипелага до Сангарского пролива: это вид четвероруких, который встречается в наибольшем расстоянии от экватора, в восточной Азии; одна порода кабанов, антилопа, красный олень, многие виды грызунов, девять разновидностей летучей мыши и различные породы китообразных дополняют ряд млекопитающих животных Японии. Считая лишь сухопутных млекопитающих, Уоллес насчитывает тридцать видов, из которых двадцать пять, то-есть ровно пять шестых всей фауны, специально японские; правда, что роды не отличаются от соответственных родов соседнего континента; общая физиономия японской фауны напоминает животное царство Маньчжурии и Китая и свидетельствует о непрерывности зе-

1 Рейн, цитированное сочинение

2 Rein, „Mittheilungen von Petermann“, 1879, №10

3 Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“.

4 Л. Мечников;—Буске;—Берд и друг.

5 С. Pfoundes, „A budget of Japanese notes“;—Mitford, „Tales of Japan“;—Лев Мечников, цитированное сочинение;—А. Humbert, „Japon pittoresque“.

мель, существовавшей в древние времена между китайским побережьем и противолежащими островами; видны также некоторые признаки родства между животными японскими и североамериканскими, приписываемые равным образом существованию в прежнее время перешейка между двумя северными континентами. Однако, различия, представляемые теперь близкими между собой видами, доказывают, что это сухопутное сообщение давно уже было прервано напором вод¹.

Птицы Японии, лучше известные, нежели млекопитающие, менее многочисленны, чем можно бы было предполагать, принимая во внимание соседство Китая. Тогда как в этой части крайнего Востока насчитывают около 500 видов птиц, Япония имеет их только около 300, и натурально почти все они, благодаря свободе их полета, походят на пернатых твердой земли; большое число птиц переселяются на летнее время к северу, делая перелеты через Сахалин или Курильские острова. По Зебому, в Японии считалось всего только 11 форм птиц, неоспоримо отличных от пернатых других частей Азии или всего света. Но между видами, имеющими представителей в одно и то же время в японском архипелаге и в других странах Старого света, мы к удивлению встречаем много таких, области распространения которых разделены несколькими тысячами километров. Очевидно, эти виды населяли некогда и все

Птица.—Факсимиле японского рисунка.

промежуточное пространство; но вследствие изменения условий среды, та или другая порода постепенно водворилась в тесных пространствах на обеих оконечностях своей прежней области распространения². В целом, орнитология имеет много сходства с орнитологией умеренной Европы: каждый вид представлен на архипелаге соответственными формами; однако, лучшая из японских певчих птиц, ототогису, за которую любители платят до 2.000 франков, — не соловей, она принадлежит к семейству кукушек.

Легенда говорит о чудовищных драконах, с которыми приходилось воевать героям древних времен, но в наши дни в Японии существуют только безвредные змеи, и единственные ядовитые животные архипелага — тригоноцефал (треугольно-головая змея), на которого японцы охотятся для приготовления из него какого-то лекарственного снадобья³, и маленькое ракообразное из рода сколопендр⁴. Одно из самых странных пресмыкающихся этой страны — исполинская саламандра, по-японски санцио-уво (*Sieboldia maxima*), которая питается рыбой, лягушками и дождевыми червями; впрочем теперь она становится довольно редка, и в самой Японии даже составляет предмет любопытства в музеях⁵. Мир насекомых представлен в стране Восходящего солнца весьма многочисленными видами, так что во время ма-

1 Alfred R. Wallace, „Island Life“.

2 Alfred R. Wallace, цитированное сочинение.

3 Рейн, цитиров. сочинение.

4 Л. Мечников, цитированное сочинение.

5 Лев Мечников, „L'Extreme Orient“, июнь 1877.

ленькой экскурсии вокруг Токио энтомолог может собрать больше бабочек и жуков, чем сколько их имеет вся Великобритания, с которой часто сравнивают японский архипелаг. Таким образом острова крайнего Востока составляют исключение из того общего закона, что фауна и флора на островных землях беднее, чем на материках¹. Что касается морской фауны, которая включает на юге—виды Филиппинских островов, на севере—виды Камчатки, то она тоже отличается замечательным богатством, и два пояса смешиваются там на широте центральной Японии и острова Иессо. Некоторые породы китообразных уже истреблены, равно как некоторые другие животные, на которых беспощадно охотились ради их меха. Большие морские звери, тюлени, моржи и ламантины, населяют воды вокруг Курильских островов. Бобры, прежде очень обыкновенные на берегах Курильских островов, совершенно исчезли со многих островов, между прочим, с Симушира. Путешественник Ляймен говорит об одном морском животном, китообразном или рыбе, которое он видел издали плавающим в водах Сангарского пролива и которое японские лодочники называют камигири, по причине имеющегося у него на спине режущего плавника; это треугольное оружие, острое, как нож, служит ему, по их рассказам, отличным средством обороны в борьбе с китом, и победа в этих неравных боях всегда будто-бы принадлежит хорошо вооруженному камигири² (ко-сатка).

В сравнении с европейскими народами, японцы имеют весьма небольшое число домашних животных. Туземные лошади, более многочисленные в Тосан-до, чем в других провинциях, были ввезены из Кореи: они мелкой породы, некрасивы и неуклюжи, злы, любят кусаться, но очень сильны и необыкновенно выносливы; сацумская порода, упоминаемая в четырнадцатом столетии китайским писателем Матуанлином, хотя и существует, но она представлена лишь небольшим числом особей; большая часть лошадей, фигурирующих на скачках в Иокогамском гипподроме, привозится из Монголии³. Земледельцы, которым по большей части приходится обрабатывать незначительные участки земли, не нуждаются в помощи скота: быки и коровы редки в японских хозяйствах, а в некоторых деревнях их почти совсем нет. Впрочем, содержание этих больших животных стоит очень дорого, по причине дурного качества пастбищ и выгонов, да при том японцы до самого недавнего времени не ели говядины. С восьмого столетия нашего летосчисления употребление мясной пищи было запрещено, и даже все те, кто занимался изготовлением или обработкой мяса или кож, мясники и кожевники, была заклеены, в глазах общества, позором, извергались, под именем этасов или парий, в класс так называемых хи-нин, то-есть «не-людей», вместе с комедиантами и нищими. Только в последние годы, под влиянием европейских идей, японцы, жители городов, постепенно ввели говядину и молоко в число предметов питания, вследствие чего скотоводство сделало значительные успехи в селениях. Пробовали также, но с малым успехом, акклиматизировать овец и коз, которым неблагоприятен японский климат с его сырым летом. Ослы тоже страдают от продолжительных проливных дождей, приносимых южными муссонами; но свиньи, привезенные из Европы, чувствуют себя как нельзя лучше в новом отечестве, и разведение их вполне удалось. Вводители европейских кроликов получали блестящие барыши от своего предприятия, благодаря страсти к игре, которая пробуждается у японцев так легко и по всякому поводу. Покупали кроличьих самок, чтобы побиться об заклад насчет их плодотворности: лучшие экземпляры расы продавались по несколько тысяч франков⁴.

Нынешнее население Ниппона, за исключением, разве, окраин, внешних островов как-то Курильские, Иессо, Формозы и Лю-цю, есть одно из самых однородных, какие только существуют в свете; в этом отношении японский народ не уступает ни одной европейской нации: от Кагосимской бухты до залива Аомори, на пространстве десяти градусов широты,

1 Rein, „Japan nach Reisen und Studien“

2 Benj. S. Lyman, „Yesso Geological Report for 1785“.

3 Лев Мечников, рукописные заметки.

4 Лев Мечников, цитированное сочинение.

люди, которых мы встречаем, говорят одним и тем же языком, имеют одни и те же нравы и обычаи и обладают полным сознанием своей общей национальности. Но хотя мы видим теперь японцев уже совершенно слившимися в один народ, невероятно однако, чтобы они принадлежали к одной и той же расе, и, без сомнения, они связаны лишь косвенным образом с прежними туземцами.

Насколько далеко восходят в глубь времен японские летописи и предания, они говорят о древних диких обитателях страны, «восточных варварах», называемых разными именами, как-то: эби, эбси, емизи, мозин или мао-жин (волосатые люди), которое населяли север главного острова: это предки айносов. Никакое прямое свидетельство не позволяет, правда, рассматривать японцев как цивилизованных братьев этих северных варваров, и единственное вероятное родство между теми и другими то, которое было результатом смешения посредством браков, продолжавшагося из века в век в сопредельных территориях. Если мы в настоящее время не находим этих древнейших жителей в северной части главного острова, тем не менее можно утверждать с полной уверенностью, что не все они были истреблены японскими завоевателями пятнадцатого столетия; под именем адзма-эби они смешались с цивилизованным населением севера, и черты их не трудно узнать у нынешних обитателей страны так же, как и между остатками старины, находимыми в земле, иногда попадаетеся каменное оружие, которое употреблялось аборигенами. В северной части Хондо (Гондо) женщины, консервативный элемент рас, гораздо больше сохранили тип айносов, нежели мужчины. На полуострове Ога-сима, которого почти не коснулось колониционное движение, японцы представляют наибольшее сходство черт с аборигенами Курильских островов¹. Даже жителям равнины, где находится Иеддо, приписывают примесь айноской крови. В наши дни айносы чистой расы заключены в тесных пределах именно на острове Иессо, на южных Курильских островах и на южной оконечности острова Сахалина. Перепись 1896 года насчитала их только 16.978 на острове Иессо; но сомнительно, чтобы общая численность всей расы достигала даже 15 тысяч душ. Небольшое число семейств курильцев в собственном смысле, живущих на северных островах, соседних с Камчаткой, ничем не отличаются от курильцев сибирского полуострова. На островах Симусире и Уруп живут также алеуты.

По Головнину, имя «айносы», так же, как большая часть названий народов, значит просто «люди»: это бедное племя, от которого теперь остался лишь жалкий и презираемый обломок, тоже воображало в простоте души, что оно обитает в самом центре мира, и что оно одно составляет человечество. «Боги моря, взывает одна старинная песня айносов, боги моря, откройте ваши божественные очи. Повсюду, куда упадут ваши взоры, раздается айносская речь»². Но это имя «люди», которое айносы давали себе с такою гордостью, их соседи, японцы, не преминули, конечно, объяснить на свой лад посредством своего собственного языка, и одна из их этимологий, о которой сообщает путешественник Сатов, сделала из слова «айно» (ину) синоним слова «собака». По одному японскому преданию, которое, впрочем, признает родство двух рас, образовавшееся путем смешения крови, северные варвары произошли от собаки и одной японской принцессы³. Алеуты, которым приписывают того же родоначальника, очень гордятся своей генеалогией; они уверяют даже, что долгое время ходили на собаку хвостом и лапами; они были снабжены руками и лишены хвостового придатка единственно в наказание за грехи⁴.

Каждое отдельное племя или колено дикарей, живущих на острове Иессо, различно рассказывает о своем происхождении; но, вообще, айносы отказываются отвечать, когда их начинают расспрашивать об их предках: они смотрят на подобные вопросы, как на дурное предзнаменование. За неимением точных свидетельств, этнографу не остается ничего более, как поместить айносов между народами, с которыми они имеют всего более сходства. По

1 Воейков, „Mittheilungen von Petermann“, 1878 г. № 5

2 Pfizmaier, „Abhandlungen über die Ainossprache“.

3 Леймен; — Мечников, — Блекстон и др.

4 „Морской сборник“, „Собрание документов, относящихся к русским владениям“.

мнению большинства писателей, айносы, соседи японцев, китайцев, маньчжур, должны быть попросту причислены к так называемым «монгольским» народностям восточной Азии, при чем указывают в особенности некоторые черты сходства, которые они имеют с японцами, — малорослость, светлый оттенок кожи, цвет волос и глаз и, у большего числа из них, выпуклость скуловых дуг; Дениц утверждает, что между айносами и японцами не больше различия, чем между германцами и южными европейцами. Другие ученые, пораженные главным образом контрастом, который существует между цивилизованными японцами и их соседями, пребывающими еще в состоянии варварства, создали особенную расу из айносов и некоторых других народностей в северной Азии, камчадалов, коряков, алеутов. Некоторые авторы даже видели в них ветвь эскимосов. С другой стороны, туземцы Иессо и Курильских островов были также сближаемы, в предположениях исследователей, с полинезийскими населенными. Наконец, некоторые смелые антропологи не побоялись даже усмотреть представителей так называемой «кавказской» расы в этих народах Крайнего Востока, отделенных от Западных европейцев всем громадным протяжением Старого света.

Каково бы ни было происхождение айносов, во всяком случае не подлежит сомнению, что обыкновенный тип их ясно отличается от типа их властителей, японцев: цвет кожи у айносов блее, лоб шире и выше, полость, вмещающая мозг, обширнее и даже превосходит по объему соответственные полости большинства людей всякой расы (средняя величина вместимости черепа айносов, по Девису, равна 1.470 кубических сантиметров), нос выдающийся, глаза большие, черные и кроткие; их веки, открытые, как у европейца, оставляют взгляд его горизонтальное направление. Что в особенности отличает айносов от их восточно-азиатских соседей, — это обилие их волос. В прежнее время они были вообще известны под названием «косматых курильцев», данное им по имени островов, на которых жили многие из их колен; таким прозвищем называют их Зибольд и первые русские мореплаватели, Крузенштерн и Головин. Японские летописи описывают их чем-то в роде диких зверей, имеющих гривы и бороды длиной до четырех футов; легенда гласит, что первый айнос, который был вскормлен молоком медведицы, покрылся шерстью, и оттого все его потомство родилось косматым, каким был он сам. Нужно, однако, заметить, что одно и то же пространство волосистой кожи менее густо обросло у айносов, нежели у японцев или европейцев, но каждый волос на целую треть толще¹, вследствие чего волоса айноса кажутся гораздо более обильными, чем они есть в действительности. Кроме того, очень многие из айносов имеют настоящие султаны на разных частях тела, и руно, осеняющее их кожу, состоит из волос, имеющих, средним числом, около 4 сантиметров в длину. Айнос, гордящийся своей длинной, окладистой бородой, которая отличает его от других встречаемых им людей, считает ее чуть ли не святыней, и ничто не могло бы побудить его добровольно занести бритву на это драгоценное украшение лица². В этом отношении айнос походит на русского крестьянина, с которым, впрочем, его легко смешать по чертам и физиономии³. Большинство путешественников, посетивших землю айносов, говорят, что женщины там дурны до безобразия, так что трудно поверить, что они принадлежали к той же породе людей, как и мужчины: глаза у них меньше и губы толще, чем у мужчин⁴; однако мисс Берд, которая проникла даже к племенам, живущим в горах, рассказывает, что она встречала много женщин в полном смысле слова красивых, даже между старухами. Дети, лелеемые и ласкаемые нежно любящими родителями, необыкновенно милы и привлекательны⁵.

Язык айносов пока известен только из кратких словарей, но и то немногое, что мы знаем о нем, достаточно, чтобы сказать с полной уверенностью, что нет никакого сходства между их идиомом и речью цивилизованных жителей Ниппона: Клапрот находил в этом языке не-

1 Hilgendorf, „Mittheilungen der deutschen Gesellschaft für die Kunde Ostasiens“, 1874

2 Kreitner, „Im fernen Osten“.

3 Rein, „Japan nach Reisen und Studien“; — Wernich, „Geographisch-Medicinische Studien“.

4 Римский-Корсаков; — Blakiston

5 Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japan“

которое сходство с самоедским, но Фицмайер доказал, что никакой связи между ними не существует. Айноские слова отличаются от диалекта ямато, и говор айносов, где звук *p* очень обыкновенен, и слова которого часто оканчиваются шипящими согласными, не имеет той мягкости, как японский, хотя он модулирован с акцентом почти музыкальным. Наречия различных народцев этого племени очень мало разнятся одно от другого, так как айносы-толмачи, взятые на Курильских островах, на Кунашире или Итурупе, понимают без труда речь мацмайских туземцев¹. Язык айносов не имеет литературы, и до настоящего времени эти инородцы, за исключением нескольких молодых людей, посланных в школы Токио, не учились читать или писать; но у них отличная память, и все они очень искусные счетчики: при помощи палочек с нарезками или бирок и веревочек с узелками, напоминающих «квипосы» перуанцев, они ведут все свои счета десятками и единицами и никогда не дадут себя обсчитать торговцам. Их домашняя деревянная утварь, искусно сделанная и украшенная узорами и рисунками, тоже свидетельствует о ловкости их руки и верности их вкуса. Музыкальное чувство у них очень развито, и они поют свои заунывные арии трогательным голосом. Употребляемые ими струнные инструменты остроумно слажены с помощью сухих жил, которые они вынимают из мертвых китов, выброшенных волнами на берег.

Звероловы и рыболовы—айносы ведут очень тяжелую и многотрудную жизнь. Они охотятся на медведя, красного оленя, лисицу, а также занимаются ловлей больших морских животных китовой породы², за исключением кита, которому они таким образом свидетельствуют свою признательность за то, что весной он гонит перед собой стаи сельдей, которые, спасаясь от преследования, бросаются в бухты берега. Когда айносы открывают молодого медведя в берлоге, они приносят его домой и отдают кормилице, которая и кормит его грудью как своего ребенка; целые шесть месяцев медвежонок растет в семье, как один из её членов, но осенью справляют большой праздник, и финальным аккордом торжества бывает пир, устраиваемый насчет животного, предаваемого закланию: «Мы убиваем тебя, о медведь! восклицают айносы, нанеся ему роковой удар, но ты скоро вернешься к нам под видом человека». Голова его, воткнутая на кол, перед хижинкой, должна защищать жилище, где он был гостем. Оленьи черепа, завернутые в траву, тоже благоговейно помещаются на верхушке шеста и чаще всего в лесу, где были убиты их обладатели. Таковы главные религиозные церемонии айносов; в этом отношении они принадлежат к той же группе, как и инородческие племена восточной Сибири, у которых путешественники наблюдали подобные же обрядности; как и уссурийские гольды, айносы очень любят общество животных; почти в каждой деревне увидишь, подле их тростниковых хижин большие клетки, в которых заперты медведи и орлы³, составляющие предмет семейного культа. Влияние японских религий тоже заметно в их верованиях, если только, что очень вероятно, те и другие не происходят частью от общего корня. Айносы обожают солнце, луну, звезды, море, которое их кормит, лес, который их защищает, и почитают все силы природы, «камуев» или духов небесных и земных, которых мы находим также в древней космогонии японцев и восточных сибиряков⁴. Они призывают также в своих молитвах к японскому завоевателю Йошицунэ, победителю их предков, потому что легенда рассказывает, что он был милостив к побежденным⁵. Иностранцы, которым они оказывают гостеприимство, тоже удостоиваются чести получить от них название камуев⁶. Подобно синтоистам Ниппона, айносы питают глубокое благоговение к душам предков. Дом умершего ломают; материал, из которого он был построен, сжигают или просушивают, затем строят покойнику новое жилище, похожее на то, в котором он обитал при жизни. Копья и другие предметы, водруженные перед этими гробницами, содержатся с уважением, как святыня, и айносы с ужасом и негодованием отвергают предложения чужеземцев, когда

1 Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“

2 Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“

3 Blakiston, „Proceedings of the Geographical Society of London“, 12 февр. 1872 г.

4 Von Middendorf, „Ost Sibirische Reise“.

5 Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japan“.

6 Scheure. „Exploration 6 окт. 1841 г.“

те просят продать им черепа их предков. Впрочем, ритуал их религиозного культа в высшей степени прост, они священнодействуют сами, не имея других обрядов или церемоний, кроме пляски, возлияний «саки», то-есть рисовой водки, и у них не существует возвышающейся над народом жреческой касты.

В общинах айносов родоначальник, звание которого обыкновенно дается члену рода или

Японскія музыкантши.

колена, обладающему наибольшим количеством оружия и медвежьих черепов, не облечен никакой властью, кроме права судить споры, возникающие между членами общины, но если общественное мнение обвиняет его в какой-нибудь несправедливости, то он тотчас же смещается, и на должность его назначают того самого человека, в отношении которого была до-

пущена неправда¹. Полигамия дозволена обычаем, и обыкновенно брачные союзы заключаются, если не между братьями и сестрами, то по крайней мере между лицами, состоящими в близком родстве. Женщина работает больше мужчины, но она не считается существом низшим его; заведя домашним хозяйством, которое она содержит в образцовом порядке и чистоте, она имеет в управлении общих интересов долю участия по меньшей мере одинаковую с мужчиной; никакое дело не обсуждается и не решается без её совета. Её благородство и права ясно изображены, в глазах айносов, знаками татуировки, начертанными её матерью; первый знак отметил ее на пятом или шестом году от роду, но украшение её тела узорами довершается по наступлении возраста возмужалости; с помощью сажи, втираемой в порезы кожи, ей делают нечто в роде усов, наклеивают мушки на губы, и целое шитье из арабесок украшает кисти её рук и предплечья. У айносов татуирование еще не освободилось от древнего символизма; это не свободное искусство, подчиняющееся всем прихотям рисовальщика, как у некоторых полинезийских народцев; оно строго регулировано искони установленным церемониалом. Вообще айносы с педантической точностью соблюдают правила этикета.

Еще независимые от японцев в половине шестнадцатого столетия и даже наводившие на них страх, айносы занимали северную часть главного острова и встречались с своими южными соседями в городе Акита, для обмена своих произведений²; но уже с давнего времени нет более ни одного айноса на юг от Сангарского пролива, и даже не видать их уже на южных берегах Иессо: они были постепенно оттеснены к северу. Их стрелы, отравленные ядовитым соком аконита, и их латы из древесной коры или из досчечек³ не помогли им устоять против японцев. Честные, добродушные, деятельные, очень мужественные индивидуально, хотя испытывающие какой-то суеверный страх перед правительственными властями⁴, они не обладают, к несчастью, ни нравственной силой, ни материальными ресурсами, которые были бы им необходимы в борьбе на жизнь и смерть с их завоевателями. Дичь убегает в глубь лесов, слыша стук топора дровосеков; а употребление огнестрельного оружия, которое дало бы айносам возможность преследовать свою добычу, воспрещено правительством; японские рыбаки приходят ловить рыбу перед самыми лачужками айносов, а эти последние не имеют ни усовершенствованных снарядов, ни пароходов для исследования вод на более обширных пространствах и на более значительной глубине. Не имея других товарищей из животных, кроме своих желтых собак, которых они запрягают в сани, или которые тащат бечевой их лодки, айносы не могут предаваться занятию скотоводством, а то немногое, чему они научились из земледелия, состоит в посадке кое-каких овощей вокруг их жилища. Они одеваются в грубые, но неразрушимые ткани, выделяемые из древесной коры⁵ их женами и дочерьми, и в холодное время года покрывают эту одежду сшитыми кожами и мехом. Хотя завоеватели края, японцы, прямо не угнетают айносов, но они всегда и везде надувают простодушных дикарей, и, даже пользуясь действительным покровительством со стороны правительства, которое требует с них незначительную дань в замен своих подарков большей ценности, эти инородцы, тем не менее, деморализуются нищетой, пьянством и всеми протекающими из них пороками; неоплатные долги, которыми они закабалили себя судовладельцам, обратили их в настоящих рабов. Если некоторые японские колонисты Иессо переняли нравы айносов и татуируются на их лад⁶, то туземцы объяпонились в гораздо большем числе; многие из них поженились на девушках цивилизованной расы⁷, все говорят более или менее по-японски, и без всякого сомнения, со временем то, что останется от нации «косматых» людей, мало-по-малу утратит свой язык, свои обычаи и даже самое имя. Впро-

1 Крейтнер, цитированное сочинение.

2 L. Froes, „Epistolae Japonicae“

3 De Angelis;—Charlevoix, „Histoire du Japon“.

4 Watson, „Journal of the Geographical Society of London“, 1874 г.

5 Blakiston, цитированное сочинение

6 Г. Крейтнер, цитированное сочинение.

7 Ватсон, цитированное сочинение.

чем, кажется, нельзя сказать, чтобы эта раса исчезла вследствие перевеса смертности над числом рождений; дети многочисленны, пользуются хорошим уходом, и оспенные эпидемии перестали уже опустошать деревни айносов; после значительного уменьшения численность этих инородцев опять стала возрастать¹. Если что грозит их существованию, как самобытных племен, то это именно цивилизация. Как бы предчувствуя близкую потерю последних остатков своей свободы, айносы не дорожат жизнью; они всегда веселы и смешливы, но малейшая неприятность или неудача повергает их в уныние, и самоубийства нередки между ними. Однако, детоубийство у них не в обычае, исключая того случая, когда рождаются двойни: тогда родители считают долгом избавиться от одного из близнецов, чтобы устранить несчастливое предзнаменование.

Японская нация, которая теперь занимает весь архипелаг Восходящего солнца, очевидно, составляет смешанную расу, и айносы входят в эту помесь лишь незначительной долей. Смотри по чертам, которые наиболее поражают того или другого наблюдателя, хотели приобщить жителей Ниппона к различным корням. Уитни, Мюллер, Мортон помещают их в число членов великой индоевропейской семьи. Большинство антропологов причисляют их к народам, «монгольским» другими словами, это значит, что японцы происходят от тех же предков, как и туземные населения Сибири и восточной Азии. Китайские летописи, которые рассказывают историю страны Уо, то-есть Японии, в ту эпоху, когда островитяне этого государства еще не были знакомы с искусством письма, сообщают факты, свидетельствующие о преобладающем влиянии, которое имела цивилизация Срединной империи на нарождавшийся народ. Летописцы упоминают о переселениях китайцев с берегов Голубой реки на эти острова Восходящего солнца; они даже передают легенду, гласящую, что предками японцев были триста молодых людей и триста девушек, посланные на восточные моря императором Цинь-ши-хуан-ди на поиски «цветка бессмертия»². Некоторые ученые думали видеть в обитателях Ниппона малайцев³, и Зибольд даже приписывал смешению с альфурусами, меланезцами, каролинцами присутствие людей с курчавыми волосами и смуглым цветом кожи, которых часто можно встретить между жителями южной Японии⁴. Нет сомнения, что экваториальное течение Тихого океана и Куро-сиво могли не раз увлекать заблудившиеся суда, и таким образом возможно, что Япония населилась через архипелаги Южного моря и Малазии; однако, никакой исторический документ не упоминает о путешествиях, совершенных в этом направлении до прибытия европейских кораблей. Летописи рассказывают лишь о сношениях японцев с соседними островитянами и с жителями азиатского континента, что и понятно, так как с этой стороны сообщения были всего легче и удобнее: от главного острова Японского архипелага до Киусиу, от Киусиу до острова Ики, от Ики до двойного острова Цу-сима, от Цу-сима до Корейского архипелага и до полуострова Кореи, рыболовы всегда видят земли перед собой, и, смотря по движению муссонов, лодки их направляются попеременно от одного берега к другому. Так, в древности племя кмасо или юсу населяло одновременно юго-восточную оконечность Кореи и землю Иомодз или Нено-куми, в западном Ниппоне: они были «усмирены», то-есть покорены, только во втором столетии нашего летосчисления. Что касается племени ямато, которых предание называет японцами по преимуществу, то они обитали на южных берегах архипелага, обращенных к Тихому океану. Но острова несомненно были уже населены ранее того времени, когда летописи упоминают впервые об айносах, юсу и ямато. В равнине Иеддо и во многих других местах Японии находили груды мусора, похожая на датские кухонные остатки (kjokkenmoddinger), и содержащие, среди черепков глиняной посуды и раковин, между которыми есть виды, не принадлежащие к нынешней фауне страны, человеческие кости, перемешанные с костями обезьян, красных оленей, кабанов, волков и собак; разломы всех этих кусков человеческих костей дают повод думать, что

1 Miss Isabella Bird, цитированное сочинение.

2 Du Halde;—Матуанлин.

3 Зибольд;—Причард;—Дениц.

4 „Nippon Archiev“, I.

японцы той эпохи были людоедами¹.

Некоторые антропологи делали попытки описать характеристический тип японца; но хотя, на первый взгляд, иностранцы не замечают различий, которые представляют обитатели страны Восходящего солнца по их наружному виду и чертам лица, европейцы, постоянно живущие в крае, скоро научаются различать два типа, соответствующие отчасти двум классам общества, типы, впрочем, понимаемые во все времена и даже утрируемые живописцами. Один из этих типов принадлежит крестьянам, другой людям благородного сословия². Земледелец, каким его изображают на картинах японские художники, и каков он есть в действительности, имеет черты, всего ближе подходящие к чертам восточного азиатца: лицо у него широкое и плоское, нос приплюснутый, лоб низенький, скулы выдающиеся, рот полуразинутый, глаза расположены по линии почти горизонтальной. Представители этой половины нации живут преимущественно в северной половине главного острова, в низменной равнине по реке Тоне-гава и в горах, возвышающихся на западе от Киото. У чистокровного аристократа, само собой разумеется, цвет кожи блее, тело более стройное и менее сильное, чем у плебея, но кроме того имеет совершенно отличные черты. Голова у него длиннее, лоб выше, оклад лица более овальный. Скулы кажутся мало выдающимися; нос орлиный, губы тонкие, глаза очень маленькие, косо лежащие, повидимому, сдавлены веками без выпуклости, осененными длинными ресницами. Живописцы, льстецы сильных мира, приняв этот тип за идеал красоты и всегда употребляют его для изображения богов и героев; для женщин, они еще утрируют черты аристократического типа. Эти образцы, хотя условные, имеют, тем не менее, цену с точки зрения антропологии и истории; они обнаруживают, как велика разница, разделяющая два составные элемента нации. Так как тип благородных встречается, главным образом, в Киото и в частях Японии, обращенных к Великому океану, то из этого заключают, что они принадлежат расе завоевателей, пришедших с восточных островов: к этим завоевателям и их потомкам можно бы применять с некоторым, по крайней мере кажущимся основанием наименование «полинезийцев». Впрочем, существуют всевозможные переходы между двумя крайними типами, и вследствие смешения через браки, равно как вследствие поворота колеса фортуны, обогащения одних и обеднения других, многие знатные особы имеют плебейский тип, тип большинства, тогда как, с другой стороны, благородный овал лица и орлиный нос встречаются у многих земледельцев. Вообще фигура японцев не соответствует понятиям о красоте, которые сложились у западных народов; этот желтоватый оливковый цвет кожи, эти косоугольные, ромбические лица, эти бритые, подавленные назад лбы кажутся безобразными большинству иностранцев. Однако, женские лица выкупают неправильность черт миловидностью целого, грацией улыбки и ласковостью взгляда; даже случается встречать женщин, по виду совершенно похожих на европейек. Японки из Киото и всей южной области большого острова, по единогласному отзыву соотечественников и чужеземцев, считаются самыми красивыми³. В мелком дворянстве, известном под именем самураев, можно также встретить много безбородых юношей, которые удивительно походят на молодых девушек белой расы⁴.

Жители островов Лю-цю составляют переход между «полинезийским» типом Японии и типом формозцев с почти малайским лицом. Глаза у них чуть заметно скошены, и веки не прищурены, как у японского аристократа. Они имеют желтовато-смуглый цвет кожи и зачесывают волосы на макушке в форме шиньона. Борода у них более густая, чем у жителей центральной части архипелага, которые сами превосходят в этом отношении своих соседей, китайцев. Из всех японцев островитяне группы Лю-цю имеют, может быть, наиболее кротости и ласковости в физиономии, наиболее прелести во взгляде и улыбке, наиболее грации в манерах. Первые европейские путешественники, которых они принимали у себя, Максвелл,

1 Morse, „Nature“, 15 апр. 1880 г.

2 Воейков, „Mittheilungen von Petermann“, 1879 г. № 2

3 Кемпфер;—Монике;—Мечников;—Гюбнер.

4 Рейн, цитированное сочинение.

Василий Галь, осыпают похвалами этот маленький народ, обладающий всяческими добродетелями, кроме силы и гордого чувства собственного достоинства, которое дается только долговременным пользованием свободой. На островах Лю-цю только члены двух привилегированных классов, аристократии и второстепенного дворянства, носят фамильные имена. Стоящее под ними плебейское население, причисляемое в касте гей-мин, как и японцы низших классов, не может позволить себе носить такой же костюм, как люди благородного звания; употребление серебряных булавок для закалывания волос, зонтиков от солнца и некоторых других принадлежностей дворянского туалета запрещено плебеем¹.

Каково бы ни было различие происхождений, почти все японцы малорослы, именно мера их не превышает 150 до 155 сантиметров, а женщины пропорционально еще более низкого роста; у последних суставы всегда очень тонкие. Простолюдины по большей части крепкого телосложения, широкоплечи, очень ловки и обладают необыкновенной выносливостью и неутомимостью: по целым часам они без усталости идут бегом, неся большие тяжести, и даже не остановятся, чтобы переложить ношу с одного плеча на другое. Японский кули, взбираясь на высокую гору, не имеет нужды замедлять свой ход, чтобы перевести дух или утешить сердцебиение. Конюх или стремянной сопровождает пешком лошадь своего господина, пускаемую в галоп по равнине, а кавалерийский офицер, парадирующий перед своим эскадронном, в былые времена всегда держал при себе пешего ординарца, который бегал за ним, следуя за всеми движениями коня. Японские акробаты несравненно более гибки и сильны, чем их европейские товарищи по профессии. Толстяков в Японии встретишь не много и главным образом между борцами, у которых вследствие своего рода атавизма монгольский тип развивается до поразительного сходства². Ремесленники и земледельцы, вообще говоря, отличаются пропорциональностью всех частей тела; только колени у них немного завернуты внутрь, что происходит от привычки женщин носить своих грудных детей на спине, привязывая им ноги снаружи; сами матери вредят себе этим обычаем, по милости которого у них очень рано образуется искривление позвоночного столба, и они преждевременно делаются сторбленными. У японцев аристократической породы грудь почти всегда сдавлена, и между ними преимущественно свирепствует бугорчатая чахотка, так же, как между малайцами или полинезийцами, в которых некоторые антропологи видят их близких родичей по расе. Окружность грудной клетки у японца, в среднем выводе, гораздо меньше, нежели у европейца, и живот его всегда немного выступает вперед за линию ребер. Замечено, что старость наступает в Японии очень быстро: редко случается, чтобы уже в тридцатилетнем возрасте лицо как у мужчин, так и у женщин, не было все покрыто морщинами; только огонь глаз да белизна зубов указывают на сохранившийся еще остаток молодости. Причину этого быстрого одряхления, может быть, нужно искать в неумеренном употреблении японцами горячих ванн или бани.

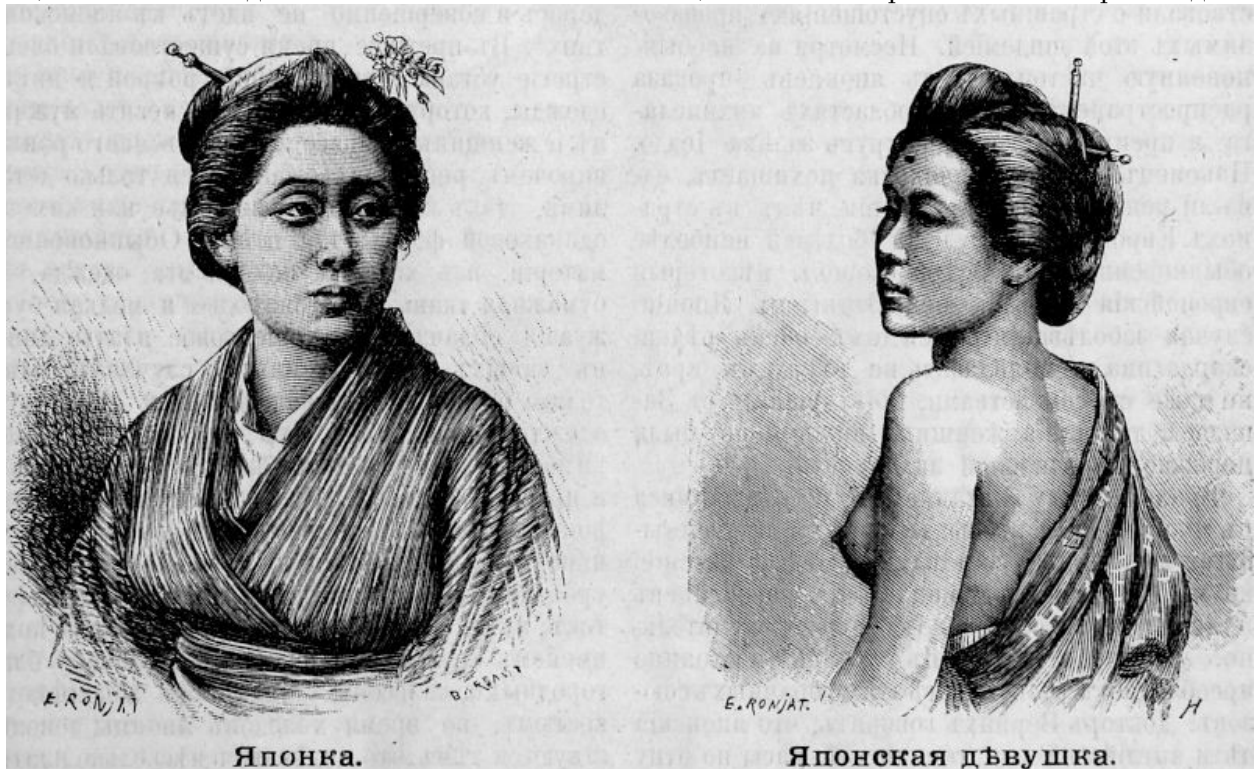
Преобладающая болезнь японских островов—малокровие, особенно у мужчин: там известны, так сказать, на-перечет те, которые не страдают этим недугом; за исключением юношеского возраста, по меньшей мере четыре японца из пяти должны быть признаны за малокровных. Этот недостаток крови приписывают главным образом пище, состоящей почти единственно из риса, слишком бедной белковиной и жировыми частицами; питанием же, вероятно, объясняется и преобладание одной болезни, свойственной жаркому поясу, называемой в крае, берибери; эта форма разложения крови свирепствует только в период юго-восточного муссона, который превращает на время архипелаг Ниппона в тропическую страну; но действие её здесь слабее, нежели в Индостане, хотя и в Японии в некоторых исключительных случаях она уносит в могилу более седьмой части заболевающих. Оспа тоже составляет один из бичей, которых японцы боятся пуще всего на свете, хотя китайские способы оспопрививания известны в стране с давних времен, и хотя Зибольд ввел там, в начале настоящего столетия, употребление вакцины (коровьей оспы), еще недавно две трети острови-

1 Gubbins, „Proceedings of the Geographical Society of London”, авг. 1881 г.

2 Wernich, „Geographische medicinische Studien“.

тян имели лицо, обезображенное оспой, и в продолжение двух зимних месяцев, декабря и января, погребальные поезды, следовавшие один за другим, свидетельствовали о страшных опустошениях, производимых этой эпидемией. Несмотря на необыкновенную чистоплотность японцев, проказа распространена во всех областях архипелага, и преимущественно вокруг залива Иеддо. Наконец, бугорчатая чахотка похищает едва-ли менее жертв в Японии, чем в странах Европы, где грудные болезни наиболее обыкновенны. С другой стороны, некоторые европейские болезни неизвестны в Японии: случаи заболевания рожей там очень редки, скарлатина не появлялась не только в крае, но даже с семействами, приехавшими с Запада, и тамошние женщины никогда не были поражаемы родильной лихорадкой.

Браки между китайцами, поселившимися в японских портовых городах, и туземными женщинами составляют редкое явление, но число детей, родившихся от европейцев и японок, относительно довольно значительно. Замечено, что тип матери постоянно преобладает в

продукте этих брачных союзов. Доктор Верних говорит, что японские дети английской или германской расы по отцу имеют очень мало шансов жить, и те, которых успеют спасти, всегда отличаются очень слабым здоровьем. Напротив, дети французов и японок рождаются по большей части в самых благоприятных условиях и развиваются быстро, более веселые, более откровенные и более живые, чем обыкновенно бывают дети туземного населения. Что касается потомков португальских христиан, женившихся на туземках южных островов, то они называют себя европейцами, носят еще фамилии своих лузитанских предков и по большей части считают за честь говорить английским языком, но почти все они женятся на японках, и дети их снова принимают первоначальный тип, с тою только разницей, что волосы у них слегка волнистые, глаза менее скошены, лоб выше, лицо с менее косыми челюстями, чем у их соотечественников.

Ношение национальной японской одежды теперь уже не только необязательно, но часто даже преследуется, и даже в своей мании подражания образованные классы и люди торгового сословия возымили странную идею облечься в европейское платье, которое совсем не идет им, но которое имеет то преимущество, что оно вводит с собой нравы, более уравнивающие различные слои общества: тогда как европейский костюм почти одинаков для богатых и бедных, различие материй, узоров, цветов разделяло японский народ на совершенно обособленные классы. *Нельзя не заметить тут, что европейский костюм, насильно вводимый в народ, оказывается весьма не гигиеническим и даже вредным для простолюдинов, не говоря уже

про то, что он дорог и совершенно не идет к японскому типу*. В прежнее время существовали очень строгие уставы, определявшие покррой и цвет одежды, которую должны были носить мужчины и женщины всякого класса и всякого ранга; впрочем, регламент занимался только деталями, так как японское платье или кимоно одинаковой формы для всех. Обыкновенная материя, из которой шьется эта одежда,—бумажная ткань; простолюдины и мелкая буржуазия облачаются в шелковое платье лишь в самых торжественных случаях; одни только богачи носят каждый день шелковую одежду, украшенную их гербами. Женское кимоно отличается от мужского только длиной и яркостью материй. Рукава, всегда очень широкие, служат в то же время карманами и наполнены тетрадами бумаги, которую употребляют вместо носовых платков и салфеток; книги маленького формата известны под именем «рукавных изданий»¹. Юбка у благородных, кальсоны у бедняков дополняют костюм; во время холодов японцы довольствуются тем, что надевают несколько платьев одно на другое; во время дождя крестьяне и работники покрывают свою одежду соломенными плащами или накидками промасленной бумаги. Головным убором обыкновенно служит род зонтика из бумаги, натертой деревянным маслом или навощенной растительным воском, либо бамбуковый кружок, подвязываемый шнурками под подбородок. За исключением носильщиков и скороходов, обутой в соломенные сандалии, японцы носят хата, высокие сабо или, вернее сказать, деревянные скамейки, крайнее неудобные для иностранца, так что нужно ходить с большой осторожностью, и которые даже причиняют нервные болезни у самих японцев. Уличная грязь не позволяет щеголям употреблять европейские сапоги, а чистоплотность заставляет их ходить босыми ногами по тонким циновкам, покрывающим паркетные полы.

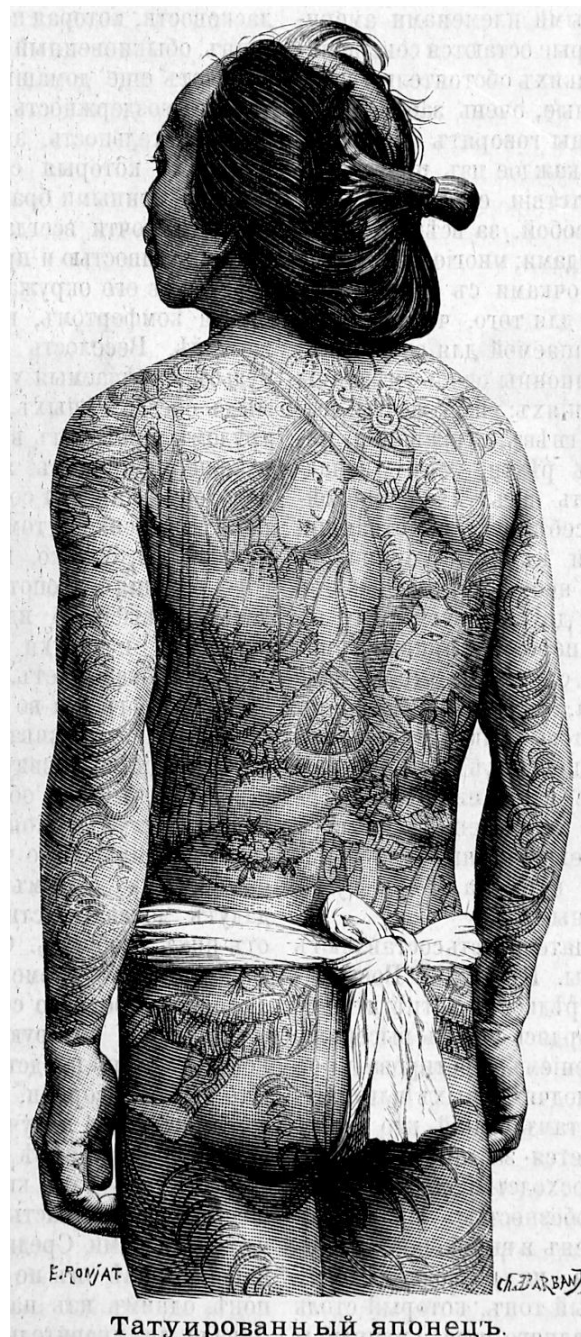
Прическа японцев, даже мужчин,—дело многотрудное, требующее большого терпения. Мужчины бреют макушку и зачесывают свой шиньон на темя, где его держит трубка из лакированного картона. Что касается женщин, то они оставляют расти небольшой пучок волос на лбу, а остальная шевелюра делится на две боковые пряди и на обширный шиньон, переплетенные с накладными волосами, которые прикрепляются черепаховым гребнем, косоплетками, булавками с коралловыми головками. Все это красивое здание куафюры не может быть построено менее, чем в полдня, оттого женщины, принужденные работать, не могут убирать себе голову чаще, чем раз или, много, два раза в неделю, и чтобы не привести в беспорядок свою шевелюру, они должны спать с затылком, положенным на подставку, так чтобы голова не прикасалась к циновкам или к подушкам постели. Минеральные белила на лице и на шее, карминовые румяна на щеках, черная краска на бровях, золотые листочки на губах, черная краска на зубах,—остаток разноцветной разрисовки тела, бывшей в обычае во времена первобытного дикарства,—дополняют туалет японки. Что касается привычки татуироваться, то она уже почти оставлена женщинами благородного сословия и даже женщинами из простого народа; правительство, желающее прежде всего угождать иностранцам, сочло долгом воспретить также и у мужчин эту древнюю форму орнаментации, подобно тому, как оно навязало им ношение европейской одежды. Матуанлин рассказывает нам, что встарину японские родоначальники были более богато нататуированы, чем люди из народа; в наши дни наоборот,—японцы, у которых тело наиболее разрисовано фигурами, носильщики и катальщики тележек, которых самое ремесло заставляет показываться почти голыми в публичке. Эти рисунки, трехцветные по большей части, красные, синие и белые, переплетаются разнообразно, без всякой симметрии, но всегда со вкусом, так что соблюдается известное равновесие в расположении главных сюжетов, птиц, драконов и цветков. Так, например, одна форма татуировки представляет дерево, обвивающее своими корнями правую ступню и поднимающееся по левой ноге, затем раскинувшее на спине и на груди свои усаженные цветками ветви, на которых сидят птицы; прикрытый листвою дерева, аист занимает левую ногу. Кроме того, почти все японцы имеют на коже знаки, оставшиеся от прижиганий растением *artemisia japonica*, одним из самых употребительных в туземной терапевтике средств

1 Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“.

лечения¹.

Смешанный из весьма различных этнографических элементов, японский народ представляет тем большую трудность для суждения о нем, для оценки его нравственных качеств, что он имеет сознание об испытании, которому его подвергают иностранцы, и что он, вследствие того, позирует, рисуется перед ними. Подобно тому, как он хотел придать себе европейский вид, облачаясь в иноземный костюм, так точно он старается усвоить себе идеи и манеры, приличествующие народу цивилизованному, и, благодаря самообладанию и самолюбию, которые у него развиты в высокой степени, он умеет притвориться, умеет казаться не таким, каков он есть на самом деле²; оттого он становится очень опасным, когда готовится к акту мести. Можно смело сказать, что во всем свете нет людей, которые бы, в радости или в горе, умели лучше сдерживаться, чем японцы, — разве только между некоторыми племенами американских дикарей, которые остаются совершенно бесстрастными во всяких обстоятельствах. До крайности осторожные, очень заботящиеся о мнении другого, японцы говорят не иначе, как хорошо взвесив каждое из произносимых слов; в присутствии европейца, они строго наблюдают за собой, за всеми своими телодвижениями и взглядами; многие чиновники вооружили свои глаза очками с синими или дымчатыми стеклами, для того, чтобы мысль их оставалась непроницаемой для собеседника. Даже между собой японцы очень умеренны и осторожны в движениях: их жесты, выражающие негодование, гнев, отвращение, никогда не бывают так резки, как у западных народов; горсть их тихая, спокойная; они не ломают себе рук в отчаянии, не вызывают о помощи к божеству, поднимая руки и взоры к небу. Научившись от европейцев подавать друг другу руку в знак дружбы, они не переняли привычки пожимать ее. Редко даже случается, чтобы мать обняла своего ребенка, как бы нежно ни любила его. Поцелуй, столь обыкновенное проявление чувства у европейских народов, в Японии совершенно не известен. Эта сдержанность во внешних проявлениях чувства замечается даже у душевнобольных: в Ниппоне почти не бывало примера, чтобы сумасшедший сделался опасным.

Добродушие, доброжелательность составляют основу японской натуры. В стране Восходящего солнца большая редкость встретить человека, который бы, гордясь своим высоким общественным положением, третировал с высокомерием своих подчиненных или окружающих; напротив, там всякий, кто располагает властью, старается заставить других простить ему это превосходство своею предупредительностью и любезностью. Ни один японец, как бы

Татуированный японецъ.

1 Зибольд;—Гюбнер;—мисс Изабелла Берд;—мистрис Брасси;—Лев Мечников и др.

2 Верцих, цитированное сочинение.

властен и высокопоставлен он ни был, никогда не позволяет себе принять тот надменный тон, который столь многие чиновники западного мира, крупные и мелкие, считают драгоценнейшим атрибутом своей должности¹. Обычай японцев вежливо кланяться друг другу при встрече развил у них приветливость в обхождении и чувство взаимного уважения, которые сделались, так сказать, их природными качествами, и черты лица всегда сохраняют отблеск обычной доброты сердца; даже в самых мучительных страданиях больные имеют ласковый взгляд, и речь их, как всегда, приветлива. К этой природной любезности и ласковости, которая поражает особенно у женщин, обыкновенный характер японцев прибавляет еще домашняя или семейная добродетель: воздержанность, любовь к порядку, предусмотрительность, здравый смысл. Молодые девушки, которые соединяются с европейцами временными браками, какие практикуются в крае, почти всегда удерживают иностранца заботливостью и предупредительностью, которою они его окружают, опрятностью хозяйства и комфортом, который они вводят в жилище. Веселость и спокойная покорность, судьбе, замечаемые у работников, даже самых обездоленных, наиболее подавленных трудом, приводят в удивление европейских путешественников: японец всегда и всем доволен, мирится со всякой долей, весело переносит всякое утомление, всякия невзгоды и лишения, и, однако, нельзя сказать, чтобы эта совершенная безропотность происходила от недостатка высшего идеала; рвение, с каким искусства и науки Европы принимаются в стране, доказывает, как сильно у жителей желание прогресса во всех вещах.

Японцы удерживаются на пути усвоения себе званий и развития, составляющего естественное следствие образованности, одним из их сильных национальных качеств,—высоким понятием о чести. Они считают себя связанными долгом, и этого достаточно: они дадут доказательства цивилизации, которых от них требуют. Обычай харакири, с незапамятных времен практиковавшийся у людей благородного сословия, свидетельствует о силе воли, которую они умели проявлять, когда к тому представлялась необходимость. Что бы ни говорили, но этот обычай героического самоубийства получил начало не в Японии, или по крайней мере существовал не в одной Японии; так как китайские летописи упоминают довольно частые случаи применения его между сынами Срединного царства, но ни в какой стране он не делался, как в Ниппоне, одним из национальных учреждений. Давало ли правительство дворянину приказ распороть себе живот, чтобы избавить его от позорной смерти, или будущая жертва добровольно принимала решение наложить на себя руки, чтобы отомстить косвенно своему противнику, заставляя его дать жизнь за жизнь, акт самоубийства всегда исполняется самым стоическим образом и по всем правилам искусства; не бывало примера, чтобы кто-либо из этих гордых самоубийц испустил какую-нибудь недостойную жалобу в роковой момент перед собранием своих друзей. Напротив, летописи даже прославляют многочисленных героев, которые, после вскрытия себе внутренностей, находили достаточно силы, чтобы сочинять стихи или писать духовное завещание своей собственной кровью. А между тем эти люди не играют безразсудно с жизнью. Из-за других причин, кроме дел, касающихся чести, хорошо или дурно понимаемой, в Японии чрезвычайно редко случается, чтобы люди лишали себя жизни, и те, которые хотят покончить с своим горем-злосчастьем, ищут забвения и безвестности. Но во всех случаях, когда японец, мужчина или женщина, должен выказать мужество, он не бывает превзойден никаким народом. История сорока семи роинов, столь аккуратных в совершении мести за убийство их господина, столь героически предавших себя добровольной мести, известна всем и каждому, и жители столицы с благочестивым уважением поддерживают могилы этих доблестных людей². Впрочем, история войн и революций новейшего времени доказывает, что в отношении мужества японцы не выродились, не отстали от своих предков. Можно с уверенностью предсказать, что если когда-нибудь Россия или какая-либо другая из западных держав придет в столкновение с Ниппоном, она увидит перед собой храброго противника. До сих пор европейские армии одерживали легкия победы по-

1 С этим едва-ли возможно согласиться, если только вспомнить тот деспотизм властителей и дворянства, который тяготел над страной и народом в период его истории. *Прим. ред.*

2 Mitchord, „Tales of old Japan“.

чти над всеми иноплеменными народами, благодаря превосходству дисциплины и вооружения: но японская нация не из тех, которые дадут себя завоевать без борьбы. Цивилизации наверно не придется оплакивать постыдное порабощение сорока миллионов людей, населяющих страну Восходящего солнца.

Китайско-японская война, конечно, не могла служить примером для европейцев, но и она показала Европе, чего можно ожидать в будущем от просвещенных азиатов.

Вполне признавая в душе превосходство европейца в науке и индустрии, японец, тем не менее, не высказывает этого громко и в некоторых отношениях даже цивилизованнее своих чужеземных учителей. По воздержности, сознанию собственного достоинства, развитию чувства чести, взаимному уважению и доброжелательности, масса японского народа несомненно стоит выше нравственного уровня большинства жителей западного мира; она превосхо-

Японскія женщины.

дит его также и пониманием красоты в природе. Самый последний мужичек Ниппона не лишен способности восхищаться прелестью или грандиозностью пейзажей; приступая к постройке своей деревянной лачужки, он прежде всего заботится о том, чтобы выбрать для неё получше место, непременно на берегу текущей воды, в соседстве леска или рощи, в виду красивого горизонта, и почти всегда украшает свое жилище цветами, расположенными со вкусом. Там даже запрещено безобразить природу постоянными дворами, поставленными в ненадлежащем месте и портящими или заслоняющими вид. Во время летнего сезона повсюду встретишь группы людей из простого народа, более туристов, чем пилигримов, которые посещают местности, особенно славящиеся красотой и живописностью своих ландшафтов¹. Ранее женщинам не дозволялись совершать подобные странствования, но теперь, одетые в белое кимоно, они свободно примешиваются к группам путешественников.

Главный упрек, который делают японцу, и который он делает сам себе в литературных произведениях, где он рисует свои слабые стороны, это упрек в недостатке выдержки, настойчивости: но это строгое суждение не может быть применено к массе нации, столь деятельной, трудолюбивой и предприимчивой; оно справедливо лишь по отношению к щеголю молодого поколения, слишком скоро «цивилизовавшегося» на европейский лад. Самоуверен

1 Rein, „Erganzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann“, № 59

ный, легкомысленный, поверхностный, этот японский фат не всегда дает себе труд изучить что-либо основательно, действовать последовательно; он охотно переходит от одного предприятія к другому, даже забывает начатое дело и хватается за другое. Оттого нет недостатка в зловещих пророках, предсказывающих внезапные и страшные повороты в близком будущем японской истории; они выражают опасение, как бы туземный характер, обыкновенно мягкий, как самый климат страны, но подверженный, так же, как и этот климат, внезапным бурным вспышкам¹, не обнаружил своего непостоянства неожиданным отречением от европейского влияния и возвратом к старине, к прежней цивилизации. Но возможно ли, чтобы нация вернулась вспять от достигнутого уже прогресса, когда этот прогресс опирается на действительное научное развитие? Возможно ли, чтобы эволюции умов не соответствовало аналогичное движение вперед в мире фактов! Пусть японцы откажутся от своей глупой манеры копировать европейцев даже в их смешных сторонах, пусть они перестанут корчить из себя англичан и постараются развиваться более самобытным образом, не как слепые подражатели, а как равные, — чего же лучше? Это не помешает науке оставаться тою же самою для европейца и для восточного человека, и те, и другие должны будут одинаково изучать её законы.

Так же, как искусства, научные знания и национальные учреждения страны, японский язык содержит примесь чужих элементов. Коренной туземный идиом, называемый ямато, не имеет никакой связи с китайским; это язык полисиллабический который большинство лингвистов пытаются сблизить с языками урало-алтайской семьи², хотя до сих пор могли найти очень мало сходства между этими двумя элементами сравнения, как в отношении расположения фраз, так и в отношении всей совокупности запаса слов. Старый японский язык передал современной речи свою гармоническую звучность, которую можно сравнить с звучностью итальянского и многих полинезийских языков, передал также свои полные слоги, свои правила благозвучия и весь свой синтаксический строй. Имя прилагательное всегда предшествует существительному, дополнение ставится перед глаголом, члена не существует и падежи имен, равно как времена и наклонения глаголов означаются лишь суффиксами. В настоящее время ямато, составляющий первоначальную основу японского языка, употребляется во всей его чистоте только при дворе да среди проституток высшего полета, которые, вероятно, были в старину жрицами синтоистического культа³. Даже сельские жители, так же, как и цивилизованные обитатели городов, говорят теперь синико-японским языком, в котором, впрочем, китайские слова произносятся совершенно иначе, чем в мандаринском диалекте. В Европе нет примера подобного соприкосновения двух языков; в английском элементы германский и латинский слились воедино, тогда как в синико-японском ямато и китайский, так сказать, срослись внешним образом. Между двумя крайностями, ямато и китайским, замечаются многочисленные переходные формы, настолько отличные одна от другой, что не всякий японец может понимать их без предварительного изучения. Диалект островитян Лю-цю рассматривается как особый язык, но он очень близко подходит к японскому и пишется с помощью того же алфавита⁴; он также заключает в себе много китайских слов, введенных туземными книжками. На это наречие переведена миссионером Беттельгеймом часть книг Священного писания⁵.

Для изображения слов на письме, жители Ниппона имеют две системы транскрипции. Они употребляют китайские иероглифы, которым они научились некогда вместе с начатками цивилизации, и таким образом пользуются той важной выгодой, что могут читать написанное по-китайски так же хорошо, как и написанное на их собственном языке; но совокупность идеографических знаков составляет такой обширный курс ученья, что нужно посвя-

1 Bousguet, „Le Japon”

2 Boller, „Sitzungen der Akademie”, Wien, Band XXIII, 1857.

3 Л. Мечников, рукописные заметки.

4 Leon de Rosny, „Introduction a l'Etude de la langue Japonaise”.

5 Sarrurier, „De Lioe-Kioe Archipel”.

тить всю жизнь, чтобы познакомиться с ним вполне. В элементарных японских школах дети обязаны выучить около 3.000 письменных знаков; никто не может претендовать на репутацию образованного человека, если не знает их от 8.000 до 10.000, но и этот огромный багаж составляет еще только треть или четверть полного словаря¹. Поэтому совершенно естественно, что японцы с самых первых времен своей цивилизации старались упростить и облегчить труд чтения. Прежде даже чем усвоить себе китайскую письменность, они познакомились с корейским букварем; впоследствии они изобрели различные оригинальные способы фонетического письма, которые обыкновенно смешивают с корейскою азбукой под именем «божественных писем». В настоящее время японцы имеют ни более, ни менее, как семь различных букварей, из которых шесть составляют их собственное изобретение. Японский букварь, всего чаще употребляемый в наши дни книжниками, есть ката-кана, или «боковое письмо», названное так потому, что буквы его приставляются с боку к китайским знакам, для того, чтобы дать им точное произношение. Кроме того, японцы употребляют еще «ровное» или курсивное письмо хира-кана—для частной корреспонденции, для песен, комедий, народной литературы. Но ни тот, ни другой способ письма: ни ката-кана, ни хира-кана, не могут заменить китайских идеографических знаков, употребляемых для изображения на бумаге отвлеченных понятий или научных фактов: синико-японские слова, относящиеся к умственным предметам, будучи односложными, как и в коренном языке, китайском, имеют десятки одноименных слов, которые трудно различить одно от другого, разве только посредством специальных знаков. Нынешний японский язык не мог бы обойтись без употребляемых им двух родов письма, то-есть знаков, заимствованных у китайцев, и собственного добавочного или «бокового» букваря: этого требует странное смешение в один идиом двух существенно различных языков; одного агглютинативного, другого моносиллабического. Японцы понимают, насколько несовершенно и неудобно орудие, которым они располагают для выражения своей мысли; и уже не раз заходила речь о том, чтобы сделать изучение английского языка обязательным, дабы приготовить ближайшее будущее поколение к замене более удобным языком затруднительной речи, которою ныне говорят жители страны Восходящего солнца. Большая часть слов технических или слов, выражающих отвлеченные понятия, заимствуются из европейских языков, преимущественно из английского, который в гораздо большей мере, чем другие, заступает место китайского в качестве поставщика ниппонскому идиому новых выражений, в которых этот последний нуждается. Кроме того, латинский алфавит составляет предмет обучения во всех японских школах, и были уже сделаны удачные попытки, имеющие в виду обобщение транскрипции японского языка посредством этих букв². Верно, следовательно, что восточные и западные народы постоянно сближаются не только идеями, но также, в известной мере, и способом их выражения.

С восьмого столетия литературное движение в Японии является значительным, если не по достоинству, то, по крайней мере, по числу сочинений. Все роды представлены в этой совокупности словесных произведений: поэзия, драма, комедия, история, естественные науки, и можно сказать, что интеллектуальная эволюция страны Восходящего солнца совершалась параллельно умственному движению западного мира. Там, как и в Европе, образованность была сосредоточена в монастырях: в обителях бонз переписывались древние рукописи, собирались хроники и составлялись трактаты по богословию и по метафизике; в двенадцатом и тринадцатом столетиях в крепких замках японских баронов происходили «суды любви», подобные провансальским «*seins d'amour*»; ученые воины и странствующие трубадуры писали там рыцарские романы, декламировали свои лирические стихотворения. Эпохой возрождения японской литературы был семнадцатый век, затем следовал век энциклопедистов. В настоящее время прибавились еще, к ряду других произведений словесности, журналы, политические памфлеты и мелкая пресса. Что касается европейской литературы, то она впервые проникла в Японию уже около половины восемнадцатого столетия, когда организова-

1 „Notice officielle“ об Японии на филладельфийской всемирной выставке;—Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“.

2 „Chrysanthemum“, july 1881.

лись тайные общества для перевода сочинений голландских авторов³.

С точки зрения религиозной, как и во всех других отношениях, народ Ниппона переживает теперь эпоху очевидного преобразования. Большинство образованных японцев, даже

Буддистскій храмъ въ Никко.

бедные жители городов выказывают, искренно или притворно, полный индифферентизм к различным религиям, как отечественного, так и чужеземного происхождения, тем не менее, редко бывает так, чтобы они не сохранили каких-либо привычек религиозного характера, не

3 Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“.

исполняли каких-либо обрядов, так как влияние женщин дает себя чувствовать, через воспитание детей, на всей совокупности общества.

Подобно тому, как в Китае, в стране Восходящего солнца существуют совместно три культа, и один и тот же человек может сообразоваться одновременно с обрядностями трех религий. Первая по времени возникновения, синтоизм, есть национальный культ, и в святилищах этого культа, в храмах «Пути Духов», искали убежища японские ретрограды против нашествия китайских идей, нравов, обычаев и языка; их библия, называемая Козики, то-есть «История дел старины», считается древнейшим и замечательнейшим памятником японской литературы. Конфуционизм состоит лишь из правил нравственности; но буддизм есть в одно и то же время метафизика и религия чувства, религия, которая утешает в горестях настоящего и показывает перспективы блаженства или покоя в загробной жизни. Следовательно, эти элементы, сообразно времени, месту и людям, могут смешиваться различным образом, не противодействуя один другому, и только в исключительных случаях, под влиянием политических событий, вспыхивали религиозные войны.

Первоначально японцы, так же, как китайцы, корейцы и сибирские народы, не имели других божеств, кроме сил природы, к которым они присоединяли души умерших и восемь миллионов духов, кружащихся в воздушных пространствах и ползающих под землей. Как жить в мире с этими бесчисленными легионами духов без постоянных заклинаний и жертвоприношений. Как мог родоначальник или глава семейства, священнодействуя от имени всех членов своего рода или семьи, удалить злые существа и умиловить добрые, как мог он убедить всех этих невидимых духов иначе, как говоря им тем же языком, каким бы говорил смертным, и чествуя их трапезами и праздниками? Этот древний культ предков, соединенный с культом гениев или kami и сил явлений природы, и теперь еще преобладает в Японии под китайским названием синто; церемонии этой религии, очень простой, не требующей от своих последователей ничего, кроме чистоты ума и сердца, совершаются обыкновенно среди природы, в самых величественных местоположениях; там воздвигнуты святилища, посвященные духам и заключающие металлическое зеркало, символ чистоты и волшебного предведения. Каста наследственных жрецов заменила родоначальников и отцов семейств в исполнении обрядов религии; эти священнослужители возносят мольбы к гениям от имени толпы, приносят им жертвы и совершают в честь их матсури, то-есть процессии и театральные представления. По странному стечению противоположных явлений, столь часто встречающемуся в истории народов, революция 1867 года, которая ввела Японию в мир европейской цивилизации, совпадала с пробуждением национального духа в этой стране; в то самое время, как японцы сближались с западными нациями посредством науки и индустрии, древняя анимистическая религия синтоизма снова становилась на степень официального культа империи. Но похоронные церемонии, которые прежде имели такое важное значение в общей системе этого культа, все более и более утрачивают свой иерархический характер. Было время, когда погребение князей и вельмож сопровождалось человеческими жертвоприношениями: жены, слуги и лошади следовали за своим господином в могилу. Еще в 1844 году нужно было издавать закон, воспрещающий людям даймиосов лишать себя жизни на трупе своего властителя¹; так же, как в Китае, глиняные изображения заменили настоящих жертв в могилах или урнах умерших. Японцы сохранили привычку выбирать священные или живописные места для погребения покойников или помещения урн с их прахом. Так, Иеяс, и один из его преемников велели воздвигнуть себе пышные мавзолеи в прекраснейшей долине Ниппона, среди великолепных лесов, окружающих город Никко.

Мораль Кози или Конфуция, введенная со всем её китайским церемониалом около шестого столетия христианской эры, оказывала, как и в Срединном царстве, преобладающее влияние на политику, администрацию социальные учреждения, но она ни в каком отношении не имеет характера религии в собственном смысле слова; сеидо или «залы святости» со всем не похожи на настоящие храмы; это просто места собрания для людей ученых и книж-

1 Mohnicke, „Die Japoner“.

ников; главный сеидо Суруга-дай, в Токио, обращен в библиотеку, где собраны сочинения европейских, китайских и японских авторов. Что касается буддизма, то он до сих пор сохранил свою религиозную власть над большей частью населения, несмотря на конфискацию имущества некоторых монастырей, продажу колоколов, переделанных в медную монету, и насильственное преобразование многих его храмов в святилища синтоистического культа. Проникший в Японию сравнительно поздно, не ранее половины шестого столетия, по мнению некоторых писателей, культ Будды, — Шака на языке ямато, — имел за собой то преимущество, что он сливался для новообращенных его последователей с западной цивилизацией, ибо он приносит с собой письменность науки и искусства¹. Кроме того, он прельщал народ пышностью и торжественностью своих обрядов, догматами переселения душ и конечного искупления, а также бесконечным разнообразием своих святых и богов, в число которых он поспешил принять тени великих людей, чтимых народом. С этой эпохи японский буддизм, удаленный от места своего происхождения и очень редко имевший сообщения с буддийским миром континента, разделился на многочисленные секты, из которых одни сохранили, как они утверждают, древнюю веру во всей её чистоте, тогда как другие преобразовались, опираясь на новые откровения; но все эти секты утратили самую память об языке, на котором первоначально были написаны священные книги их религии, и только очень недавно, благодаря многократным просьбам известного филолога Макса Мюллера, японские бонзы, воспитывавшиеся в западной Европе, открыли, наконец, в храмах Ниппона драгоценные памятники санскритской письменности, которые ориенталисты считали потерянными². Некоторые индусские идолы тоже всегда сохраняли и доныне сохраняют тот самый вид, какой им придавался в эпоху первых буддийских миссионеров, и ни ваятели, ни литейщики не считали себя в праве изменять традиционную форму божков³. Самая популярная и распространенная из сект буддизма та, которая чтит, под её тридцатью тремя различными образами, Кваннон (то же самое, что Гуань-ин у китайцев), «богиню или бога милосердия с тысячью подающих помощь рук». По переписи 1875 года оказалось, что семь главных сект японского буддизма обладают не менее как 88.000 храмов, а синтоисты имеют их более 120.000, но в этом числе есть много таких, которые служат одновременно местом совершения церемоний обоих культов: простая бамбуковая циновка разделяет два жертвенника⁴. Молитвенные мельницы, употребление которых так распространено у тибетских буддистов, встречаются лишь в редких капищах Японии; но ханжи этой страны тоже имеют привычку постоянно повторять имя Будды. Они пишут свои молитвы на клочках бумаги и свертывают их в шарики, которые кидают на идола для того, чтобы божественное прикосновение заставило Будду внять их прошениям. Иногда они наполняют этими бумажками внутренность кумиров, или трясут коробочки, на которых написаны слова: «Десять тысяч молитв». Очень простые снаряды превращают ручки в «текущие взывания» к божеству⁵.

Христианство, которое имело некогда многочисленных последователей в южной Японии, исповедуется в наши дни лишь небольшой кучкой верующих. В 1549 году Франциск де-Ксавье высадился на остров Киусиу, и вскоре после того религия «Ясо», то-есть Иисуса, на которую японцы сначала смотрели как на одну из сект буддизма, сделала быстрые успехи. Иезуиты основали духовную семинарию в Фунае, и тридцать лет спустя после первых попыток обращения, христианские общины, сгруппированные вокруг 200 церквей, насчитывали уже более 150.000 членов. Один японский князь⁶, большой ревнитель новой веры, похвалился тем, что сжег в своем уделе 3.000 кумиров и монастырей: он отправил торжественное посольство в Рим для засвидетельствования своей верности и преданности «Великому,

1 D'Hervey du Saint-Denys, перевод книги китайского писателя Матуанлипа „Этнография народов, чуждых Китаю“.

2 Макс Мюллер, „Заседание Парижской академии надписей и словесности 23 сентября 1881 г.“.

3 Mohnicke, „Die Japoner“.

4 Griffis;—Satow;—Rein.

5 Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japan“

6 Дате Масамуне, князь Сендая (1567—1673 г.) *Прим. ред.*

Всеобщему и Святейшему Отцу всего света, государю папе»¹. Неблагодарный ответ одного испанского мореплавателя, потерпевшего крушение у берегов Ниппона, заставил призадуматься диктатора Тайкосаму. «Каким образом твой государь успел овладеть столькими странами мира?» спросил один японский министр у испанца.—Оружием и религией, отвечал тот.—Наши священники готовят нам пути, обращая нации в христианство, а потом нам уж ничего не стоит покорить их своей властью»². Встревоженный при виде новой могущественной силы, возникающей рядом с его собственной, Тайкосама издал, в 1587 г., эдикт об изгнании иезуитов; но он не привел своих угроз в исполнение, и только десять лет спустя несколько францисканских миссионеров, которые выдавали себя за посланников, и на которых донесли их соперники, были приговорены к смертной казни на кресте. Тем не менее, новая религия и после того не переставала быть терпимой. Вспыхнувшие в первое десятилетие семнадцатого века междоусобные войны имели следствием издание, в 1614 году, повеления о высылке христиан из страны, и исповедание христианской веры было окончательно воспрещено после возвращения эмиссара, посланного в Европу для собрания на месте сведений о религиях западных народов. Осужденные за вероотступничество, католики на острове Киусиу возмутились в 1638 году, но были побеждены и перебиты без всякой пощады: тогда-то тысячи несчастных христиан были ввергнуты в море и в жерло вулкана Унзен, близ города Нагасаки. В 1640 году четверо португальских послов, прибывших из Макао, были преданы смерти как христиане, с большей частью людей их свиты. Тринадцать матросов с их корабля были отосланы на родину с следующим грозным предостережением: «Пока солнце освещает землю, пусть ни один христианин не дерзает являться в Ниппон. Да будет ведомо о том всем и каждому! Если бы испанский король персонально или бог христиан, сам великий Шакии (то-есть Будда), вздумали нарушить этот заговор, то мы велели бы снести им голову».

Однако, некоторое число католиков сохраняли свою веру в захолустьях, в деревнях, удаленных от центров населения; во время революции 1867 года четыре тысячи этих христиан были сосланы на архипелаг Гото³ и на другие острова морского побережья за то, что отказались участвовать в религиозных церемониях в честь микадо, и не получили позволения вернуться на родину даже после вероотступничества, так что освобождение их из ссылки состоялось только по настояниям европейских посланников. Тем не менее пропаганда христианства в настоящее время производится свободно в портовых городах, открытых иностранным кораблям, и правительство разрешает преобразование буддийских храмов в католические или протестантские церкви. Английские и американские миссионеры выказывают наибольшее рвение в этом деле прозелитизма, хотя нельзя скрыть того факта, что в 30 лет усилий они достигли лишь весьма незначительных результатов. По Кристилибу⁴, в 1679 году число туземных христиан в Японии было следующее:

Римско-католиков—4.000; православных—3.000 (по Касаткину 5.000); протестантов различных сект—7.500.

*По сведениям, даваемым японской «The Japon Weekly Maie», число христиан японцев в стране в 1897 году было:

Протестантов—38.710 челов. (кроме пресвитериан, число коих неизвестно); католиков—52.177; православных—23.153; число миссионеров: протестантов—680; католиков—96; православных—11.

Число миссионерских школ и количество обучаемых в них:

Протестантских: начальных школ—105 с 6.831 ученик.; средних—15 с 1.520; женских—47 с 2.527; воскресных—837 с 30.627; духовных—17 с 233 челов.

Православных: начальных—2 с 69 чел.; средних—1 с 53; женских—1 с 77; духовных—1 с

1 Charlevoix, „Histoire du Japon”.

2 „Annales de la propagation de la foi”, 1868.

3 В настоящее время жители острова Гото почти все католики. *Прим. ред.*

4 Christlieb, „Mission evangeliques”.

11 чел.

Католических: начальных—4 с 2.982; промышленных—29 с 622; высших 2 с 206; женских—3 с 180; духовных—1 с 42 чел.^{1*}

Горожане Токио.

С другой стороны, буддийские жрецы, принадлежащие по большей части к «протестантской» секте мантоистов, которая отвергает безбрачие и умерщвление плоти, предпринимают поездки в Европу с специальной целью найти там аргументы против христианства и обра-

1 „The Japon Weckly Maie“, 1898 г.

тить их против самих миссионеров. Большая часть подобных сект, число которых весьма значительно, каковы общество «Бедных братьев», общества «Единомыслящих», «Недовольных», «Морских водорослей» и разные другие, подвергались лишь косвенно влиянию европейцев и занимаются более обновлением социального строя, чем изменениями культа. Видя авантюристов, которые высаживаются в их порты, японцы в массе не научаются уважать религию иностранца: «Дерево, говорят они, должно познавать по его плодам».

Суровость климата, в особенности частые туманы и недостаток солнечного света, не позволили земледельцам селиться ни на Курильских островах, ни в большом четырехугольнике, который образует северная часть острова Иессо, и никакая специальная промышленность не получила достаточно важного значения, чтобы привлечь туда многочисленных колонистов. В 1897 году все население Курильских островов состояло из 1.820 постоянных жителей¹, не считая промышленников, приезжающих на временные рыболовные и звероловные станции, которые заведены японцами на островах Кунашире и Итуруп: но северные острова остаются и до сих пор почти пустынными, благодаря тому, что население их вод было будто бы некогда истреблено русской компанией Филиппеуса, до уступки архипелага Ниппону; только три из северных Курильских островов имеют по несколько хижин, — Сумшу, Унекатан и Синскатан; 72 жителя — такова была в 1875 году общая цифра населения этих трех островов. Главная масса острова Иессо почти необитаема во внутренней части, и группы лачуг, называемые громким именем городов, как Сойя, на берегах Лаперузова пролива, против Сахалина, Сибец и Неморо, напротив острова Кунашира, в действительности не что иное, как рыбацьи деревушки. Городское население, впрочем, весьма значительное в сравнении с населением всего края, сосредоточилось в городах юго-западной области, где климат умереннее, и где материальные средства всякого рода гораздо более многочисленны, нежели в северной области.

Столица острова, Саппоро (Сацпоро), расположенная в широкой аллювиальной равнине, по которой протекают река Ишикари и её притоки, есть город, построенный по американскому образцу в 1870 году и снабженный даже «Капитолием», стараниями кайтакуси или «колониционного бюро»; профессора, прибывшие из Соединенных Штатов, основали там школу земледелия, устроили древесные питомники и образцовые фермы; участки земли в окрестностях были розданы тысяче солдат, переселившихся сюда со своими семьями. Саппоро уступает по важности рыбопромышленному городу Ишикари, построенному при устье реки, в которую лососина заходит густоскученными стаями; в 1860 году там наловили около 1.200.000 штук этой рыбы. Большие суда не могут переходить бар, где глубина воды изменяется от 2 до 3 метров смотря по времени года; жете, построенные в надежде углубить фарватер, оказались бесполезными.

На морском берегу, который тянется к западу от Ишикари, город Отару (Отарунай), порт столицы края, с которой он соединен железной дорогой, тоже ведет отпускную торговлю рыбой, отправляя этот продукт даже в Китай: там ежегодно сушат около шести миллионов семги, а сельди сотнями тысяч употребляются на приготовление искусственного удобрения². На юго-западе, на берегу другой бухты, находится порт Иванай, откуда вывозят каменный уголь, добываемый из соседних копей. Гораздо более населен морской берег, обращенный на юг, и на который ведет дорога, огибающая массив гор на юге от Саппоро: на этом берегу находятся города Сару, обладающий каменноугольными копями, Юбуц, сборный пункт японских рыболовов, и местечко Мороран, военно-морской порт, расположенный на берегу глубокой бухты Едомо (Эндомо, Эндермо), которая имеет не менее 8 метров на пороге бара, при низком стоянии воды: это место посадки на суда для путешественников, которые переезжают чрез Бухту вулканов, чтобы отправиться с острова в собственном смысле на полуостров Осима и в город Хакодате, построенный полукругом на песчаном перешейке, вдоль берега одного из самых безопасных рейдов во всем свете.

1 „Resume statistique“, 1898.

2 Saint-John, „Journal of the Geographical Society“, 1872.

Открытый иностранной торговле с 1854 г., порт Хакодате, откуда можно видеть, в ясную погоду, горы главного острова, много вырос с половины текущего столетия; население его упятилось, около сотни европейцев поселились в нем, рядом с японцами и китайцами. По последним данным в Хакодате проживает 85 иностранцев из которых 32 китайца¹, население же вообще достигает 70.821 чел.². Китоловы, ходящие на промысел в Охотское море, избрали этот город своим сборным местом; рейд каждый год посещается японской военной флотилией, но собственно внешняя торговля порта незначительна, так как туземные пароходы захватили в свои руки почти всю перевозку товаров и устранили конкуренцию иностранных судов (ценность внешней торговли Хакодатского порта в 1895 году: 908.750 дол.). Один из главных предметов отпускной торговли Хакодате составляет кампу или морская капуста, съедобный водоросль, который вырывают длинными ремнями (от 6 до 12 метров длины) и сушат на песчаных берегах, прежде чем отправлять в порты главного острова и южного Китая³. Красивые загородные дома рассеяны по скатам холма (в 300 метров высотой), который господствует над входом в Хакодатский рейд и над перешейком, по берегу которого расположен город. На западном берегу острова Иессо, город Иезаси—тоже многолюдный центр, тогда как Мацмай или Фукуяма, самый южный город этого острова, лежащий у входа в Сангарский пролив, пришел в упадок со времени уничтожения феодального порядка; он перестал быть резиденцией маленького удельного двора и не пользуется торговыми выгодами, какие обеспечены городу Хакодате международными трактатами, открывшими этот порт иностранным кораблям; при том же место якорной стоянки в Мацмае неудобное, и суда подвергаются там сильной качке, когда дует южный ветер.

Главные города на острове Иессо суть:

Хакодате—70.821 (в 97 г.) жит.; Немуро 20.227 (в 97 г.) Сару—18.000; Иезаси—17.500; Мацмай—16.000; Отару (Отарунай)—50.717 (в 97 г.); Саппоро (Сацпоро)—33.870 жит. (в 1897 г.)⁴

Северная оконечность главного острова Ниппона или Хондо слабо населена: как и остров Иессо, она не имеет рисовых полей и частью получает свое продовольствие с юга. Вследствие этого, города редки в этой области; жители скучены многочисленными общинами лишь в долине реки Китаками, принадлежащей уже к поясу культуры риса.

Аомори, на южном берегу широкой бухты, образующей вырезку в северной части континента, составляет конечный порт Хондо и обязан некоторой важностью движению путешественников, которые садятся там на суда, отправляющиеся в Хакодате. Хиросаки, бывшая столица обширного княжества,—более значительный город; но нужно проехать более 120 километров на юго-запад или на юго-восток от этого города, прежде чем встретить другие довольно оживленные центры населения: таковы города Кубата или Акита, при впадении реки Мимоно-гава в Японское море, и Мориока, на верхнем течении реки Китаками. В этом речном бассейне разрабатываются богатые медные рудники, и добываемая из них руда отправляется на плоскодонных судах в порт Исиномаки, лежащий при устье реки, на берегу Сендайской бухты, усеянной островами: глубина воды на баре при входе в реку изменяется от 3 до 4 метров. Сендай, большой город, окруженный рисовыми полями, который дал свое имя этой вырезке побережья, находится в 15 километрах от берега моря, но он имеет там место дачной жизни, городок Сихогама (Сивокама), расположенный на одной из самых живописных бухточек, напротив архипелага маленьких островов, поросших соснами и криптомериями. Товары, отправляемые сендайскими негоциантами, перевозятся на судах из Сихогама в гавань острова Исабама, принадлежащего к архипелагу Матсусима, где они перегружаются на джонки.

1 „Chronicle and Directory“ 1897.

2 „Resume statistique“, 1898.

3 Harry Parkes, „Proceedings of the Geographical Society“, 12 февр. 1872.

4 Цифровые данные, относящиеся к 1897 году, даны согласно Японскому официальному изданию „Resume statistique de l'Empire du Japon“, 1898 г. *Прим. ред.*

На юг от Сендая, следуют один за другим несколько городов, Нигонматс, Фукусима и другие, в долине реки Абукма, население которых с успехом занимается шелководством; но самые многолюдные города, как-то: Ионезава, Ямагата, господствующий над окрестными полями и селениями с высоты своего холма, Цуругаока (прежде назывался Сионай), Саката, находятся на западе, на покатости Японского моря, в так называемом «Земном рае», где извивается река Могами-гава. Вакаматс, главный город кена или области, построен на той же покатости, к западу от озера Инавасиро и теплых минеральных ключей Хигасима-яма, бьющих из вулканической расселины. Леса окрестностей очень богаты лаковым деревом, которое утилизируется местными жителями для приготовления лакированных изделий; в соседстве областного города существует фарфоровая мануфактура, одно из важнейших заведений этого рода во всей Японии. Ручей или кава этого округа соединяется в окрестностях Нихигаты с рекой, текущей из Сибаты, и с боковыми потоками другого, более обильного ручья, Синано или «Реки тысячи медведей», извилистая долина которой имеет общее направление с юга на север. Эта страна одна из самых производительных по выделке шелка, доставляемого дубовым шелкопрядом и собственно шелкоичным червем; кроме того, жители занимаются культурой лекарственных растений. Между городами её есть несколько многолудных и торговых: таковы Матсумото, в верхней части долины, Одзия и Нагаока, в равнинах низовьев реки.

Город Ниигата или Нигата, то-есть «Новый пруд», где сходящиеся дороги двух долин соединяются с «северным трактом», носящим то же название, как и округ Гокроку, обязан своим довольно важным значением этой встрече торговых путей, на берегах судоходной реки, по которой поднимаются пароходы. Город, перерезанный каналами, окруженный широкими аллеями или бульварами, как города Голландии, один из самых чистеньких городов Японии и в то же время один из тех, которые имеют наибольшее число школ; так же, как большая часть других многолудных центров холодного ската острова, Ниигата отличается от населенных центров восточной и южной частей своими широкими навесами, под которыми прохожие укрываются летом от солнца и дождя, а зимой от обильных снегов. Ниигата принадлежит к числу портов Японии, открытых иностранной торговле, но движение его торгового обмена морем незначительно: бар, заграждающий вход в реку, и ветры, которые во время зимних месяцев часто дуют с страшной силой, делают его подступы очень опасными; суда должны становиться на якорь перед баром, в открытом море, на расстоянии почти 2 километров от берега, и при том на дурном песчаном дне; с берегом они могут сообщаться не иначе, как посредством плоскодонных сампанов. Вследствие этого, ранее, до проведения железной дороги, почти все произведения богатой Ниигатской равнины, лакированные изделия, рис, шелк, чай, пенька, жэньшэнь, индиго, каменный уголь, асфальт, должны были быть отправляемы в Токио по скверным горным дорогам. Один приморский город, лежащий в пятидесяти километрах к юго-западу, Терадомари, хотел было заменить Ниигату в качестве экспедиционного порта, отняв у неё её главную реку, Цикуму или Шинано-гаву. Так как эта река проходит в десяти километрах к востоку, по другую сторону порога, образуемого рядом невысоких холмов, то возымели мысль прорыть канал, чтобы отвести Шинано-гаву и заставить её изливаться прямо в море при городе Терадомари. Даже в настоящем своем виде Ниигатский порт все-таки есть лучшая гавань на этом берегу, благодаря тому, что лежащий напротив остров Садо частью защищает его от ветров и волнения моря; поэтому правительство обращалось ко многим инженерам, английским, голландским, американским, японским, спрашивая их мнения относительно устройства глубокого фарватера, при помощи жете параллельных или сходящихся¹. Другие приморские города этого побережья, на севере—Мураками, на юге—Терадомари, Касивазаки, Имаматси, порт города Такаты, откуда вывозят шелк, канаты, писчую бумагу и в особенности жэнь-шэнь, представляют судам еще менее безопасные рейды. С высоты дюн, отделяющих город Ниигату от моря и укрепленных

1 Ниигатскому порту придется играть еще более важную роль при окончании сплошного пути через Сибирь к Владивостоку. *Прим. ред.*

насаждениями сосен, можно разглядеть, в ясную погоду, горы острова Садо, имевшего прежде весьма важное значение, благодаря богатству его золотых и серебряных рудников, разрабатываемых уже в течение многих веков в окрестностях Айкавы, главного города острова. Обороты внешней торговли Ниигатского порта в 1895 году простирались до 57.240 дол.

На берегу большой бухты, защищаемой с западной стороны длинным мысом Ното, сгруппировано несколько торговых городов, как-то: Увотс, Син-минато, Тояма, Такаока, обогащаемый производством бронзовых изделий. На юго-западе, Каназава (Исикавакен), большой город, расположенный среди богатых плодородных полей, в 8 километрах от моря, — тоже мануфактурный центр, славящийся своими резными бронзами, разрисованными фарфорами, дорогими материями; здесь устроены обширные мастерские, приводимые в движение паром, для мотания шелка; многие промышленные центры, каковы Коматс и Микава, составляют, так сказать, свиту Каназавы. Местечко Такаматс служит портом для Каназавы и вообще для всей окрестной промышленной области, над которой господствуют, с южной стороны, покрытые снегом скаты Сиро-яма (Хиро-яма) или Белой горы. Такаяма и другие внутренние города важны главным образом как рынки земледельческих произведений. На юге, другой порт, Сакаи, ведет отпускную торговлю произведениями сельского хозяйства и промышленности, привозимыми из соседних городов, Охоно, Маруока, Фукуй.

К югу от богатых Сендайских равнин совсем нет многолюдных городов на всей каменистой части морского побережья, которую большая и железная дороги обходят на западе. Мито, город, пришедший в упадок, где жители занимаются преимущественно мраморной промышленностью, выделкою сукон, бумаги и папирос, есть первый приморский город, который мы встречаем на этом берегу, среди аллювиальных равнин, которые река Накагава отложила при устье, в бывшем заливе, превратившемся теперь в озеро. Население сгруппировалось в более значительные аггломерации в плодородной равнине, которую орошают воды Тоне-гава и её притоков, на северо-западе от Токио; эта часть Японии производит лучшие шелка. Два города, Такасаки и Маебаси, прославились своей шелковой промышленностью; в одном из соседних с Маебаси местечек, в Томиока, японское правительство основало образцовую шелкопрядильню, на которой вначале работы производились под руководством европейских мастеров, выписанных из Лиона: это — важнейшая и величайшая в империи шелковая фабрика, благодаря получаемым ею казенным субсидиям. В долине одного притока Тонегавы, на склонах вулкана Сира-яма, около местечка Кусатс, бьют из земли горячие сернистые ключи, имеющие температуру от 43 до 72 градусов; на эти воды приезжают в большом числе несчастные, страдающие кожными болезнями. Низменная область озер, болот и полузатопленных земель, по которой протекает нижняя Тоне-гава по принятии притока, спускающего из долины Никко через леса криптомерий, представляет слишком нездоровую местность, чтобы быть также густо населенной, как равнины, лежащие выше по реке; главный город её Чоши или Шоси, близ устья реки; она тоже имеет довольно оживленный порт на северной оконечности бухты Иеддо: это приморский город Фунабаши, бывший некогда японским «Монако» по существовавшему в нем игорным домам.

Токио (Токей), нынешняя столица и многолюднейший город Японской империи, назывался прежде Иедо или Иеддо, то-есть «Воротами залива»; теперешнее его имя, синоним китайского слова дун-цзин, означающего «восточную столицу», ведет свое начало с 1869 года, эпохи, в которую он сделался резиденцией микадо. Еще в конце шестнадцатого столетия, в этой области существовали только рыбацьи и земледельческие селения, когда Иеас, основатель последней династии сиюгунов, построил там свой замок. В правление третьего из его преемников Иемицзу все даймиосы получили приказ иметь пребывание в Иеддо в продолжение шести месяцев в году и оставлять там свои семейства и большую часть своих слуг и свиты, и таким образом многочисленная толпа дворян, солдат, чиновников и служителей поселилась вокруг холма, на котором раскинулся сиюгунский дворец. В то же время и торговля, которая всегда была значительна на берегах бухты Иеддо, стала средоточиваться в но-

вом городе. В половине текущего столетия, то-есть в эпоху высшего процветания Иеддо, население города несомненно превышало миллион душ, быть может доходило до полутора миллиона, считая в том числе 800.000 воинов, и дворовых людей даймиев¹; некоторые писатели утверждали даже, что в стенах столицы сиюгунов было собрано не менее двух с половиною миллионов жителей². Междоусобная война, отъезд большого числа князей, в сопровождении всей их дворни, коммерческие катастрофы, бывшие следствием пожаров и резни, превратила часть Токио в пустыню; но по восстановлении мира, город постепенно снова на-

Токио.—Колоссальный колоколъ въ кварталѣ Шибя.

селится, и он имеет не менее постоянных жителей, чем сколько имел под управлением сиюгунов. Его роль столицы обеспечивает ему в то же время преобладание в отношении торговли и промышленности.

Пространство, заключенное в черте укреплений Токио, равняется 215 кв. версты. Он расположен на краю топких илистых берегов, у северо-западной оконечности бухты того же имени и при устье Сумида-гавы, соединяющейся с одной из ветвей Тоне-гавы, с Иеддо-га-

1 Rodolf Lindau, „Handelsbericht uber Japan“.

2 Masana Maedan, „Revue scientifique“, 10 авг. 1878 г.

вой. С трех сторон на юге, на западе и на севере, Токио окружен невысокими лесистыми холмами; в центре города, на плоской горе, опоясанной серыми каменными стенами и обведенной рвом около 6 верст в окружности, стоит Он-сиро или «благородный замок», который в древности был резиденцией сиюгунов, а потом до 1889 года сделался местопребыванием микадо¹. Бывшие жилища даймиосов, выстроившиеся вокруг царского дворца, преобразованы по большей части в министерства, в присутственные места, в учебные заведения, и только за чертой этого центрального города начинается город в собственном смысле. На восточной стороне, между замком и устьем реки, находится самая оживленная часть торгового квартала: там стоит Ниппон-баши или «мост восходящего солнца», принимаемый за центр путей сообщения Японии; от этого пункта считаются все расстояния на дорогах империи. В той части японской столицы, где кипит самая оживленная торговая деятельность, вид бульвара Гинза или «Серебряного седалища» напоминает уже вид европейских городов: тут на небольшом пространстве выстроился непрерывный ряд красивых домов из кирпича; в других местах, сады, плантации чайного и шелковичного деревьев, группы криптомерий, разделяют различные кварталы. Из 300.000 домов Токио большинство построены еще по старой японской моде: приступая к сооружению дома, прежде всего строят крышу из черных черепиц с белыми крапинками, затем эту кровлю кладут на толстые столбы, между которыми вставляются, в виде перегородок, деревянные рамы, обтянутые бумагой, и выдвижные стенки. Днем эти домики, похожие как две капли воды, один на другой, открыты настежь на улицу, так что прохожий может видеть внутри камидану, то-есть святыне образа и таблички предков, помещенные на почетной этажерке. В стране, как Япония, где землетрясения часты, эти домики из бамбука и картона, с передвижными стенами представляют гораздо меньше опасности, нежели массивные каменные постройки, но за то шальная искра может в одно мгновение спалить эти легкие жилища, так сказать, заранее обреченные на истребление пожаром. Утверждают, что средняя продолжительность их существования не превышает шести лет: «Огонь—это цветок Иеддо», говорит местное присловье. При первой тревоге, при первом крике «пожар!», жители хватают ценные вещи и запирают их в амбар из битой глины, с железными ставнями и дверями, построенный в соседстве с домом, на случай катастрофы. В 1879 году один пожар истребил до десяти тысяч домов.

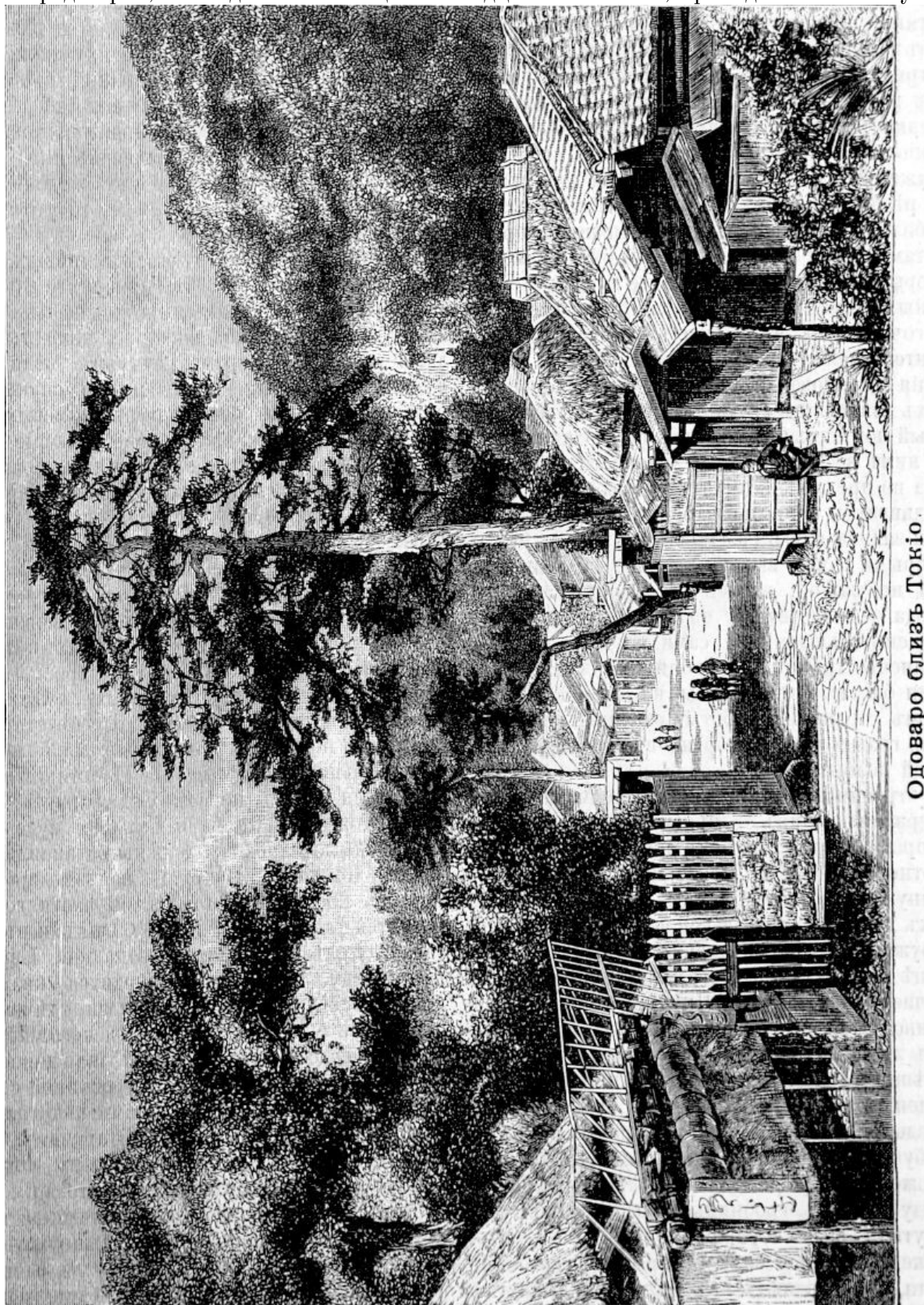
Можно сказать, что Токио состоит из сотни местечек и деревень, которые, разрастаясь постепенно во все стороны, соединились, наконец, в один город, но оставив там и сям пустопорожние пространства, занятые садами, рощами и полями. Японская столица не имеет общественных зданий, замечательных в архитектурном отношении; но окружающие дворец микадо стены, построенные из циклопических камней, увенчанных через известные промежутки башнями в форме киосков и поднимающиеся в некоторых местах на тридцать метров над широкими и глубокими рвами, представляют довольно величественное зрелище. Ясики, палаццо бывших даймиосов, представляют низкие строения, окруженные стенами, украшенные портиками из резного дерева. Но самые любопытные и наиболее разукрашенные всевозможными орнаментами здания столицы—это буддийские храмы, которых насчитывается более тысячи в различных частях города, и которые особенно многочисленны в квартале Асакуса, где находится, между прочим, храм богини милосердия Кваннон: это наиболее посещаемое из всех святилищ столицы; вместе с тем это самый почтенный памятник по соединенным с ним воспоминаниям древности, ибо Асакуса по преданию есть тот островок, где были воздвигнуты первые постройки Иеддо, над водами залива и болот. Окрестные холмы, между которыми самые высокие—Шибо и Уено, первый на южной, второй на северной стороне города, господствуют над морем домов и священных зданий, и сами, в свою очередь, увенчаны храмами и гробницами, замечательными богатством резьбы на дереве, изяществом столярной работы, отделкой орнаментов, грандиозностью портиков или тории, величиной колоколов.

Устроенные на этих двух холмах музеи содержат: один—предметы естественной истории,

1 В 1889 году император переехал в новый дворец.

Прим. ред.

другой памятники японского искусства и этнографическую коллекцию, чрезвычайно ценную для изучения диких народцев, живущих в Иессо и на Курильских островах. Окружающие город парки, насажденные в конце шестнадцатого столетия, принадлежат к числу луч-

Одоваро близъ Токіо.

ших в Японии, столь богатой великолепными деревьями. Вокруг всех храмов листва японского клена и салисбурья перемешивается с иглами сосен и криптомерий: азалеи, камелии раскидывают свои пышные гроздья цветков вокруг тонких стрелок бамбуков. Кладбища, из которых, одно расположенное при холме Шiba, включает, между прочим, гробни-

цы и изображения упомянутых выше сорока семи роинов,—изображения, полные силы и драматического эффекта,—составляют в то же время тенистые и цветущие места гулянья. В подражание европейским столицам, Токио, который со всех сторон окружен садоводственными заведениями, не приминул обзавестись также ботаническим садом, и из всех существующих садов этого рода японский есть бесспорно один из самых любопытных. Но Токио, столь богатый гульбищами и увеселительными местами, не имеет площадей, где могла бы собираться толпа. Так как в прежнее время народ был исключен из политической жизни, составлявшей привилегию дворян и их вассалов, то японские города не нуждались в местах для народных собраний; где нет граждан в настоящем значении слова, там форум бесполезен,—сказал один из очевидцев старой Японии, но не прошло и 20 лет как мы видим в империи уже введение конституции (в 1889 году), а в 1890 году открыт парламент¹.

Европейских резидентов, поселившихся на постоянное жительство в Токио, всего 807 человек², однако город имеет довольно оживленный вид. Более двадцати пяти тысяч дженерикша или курума, ручных колясок, возимых рабочими, беспрестанно снуют по большим улицам, заключающимся между замком и берегом; каналы, пересекающие нижний город во всех направлениях, покрыты судами, которые выгружают свои товары в устроенные по берегам склады; река Сумида-гава, через которую построено пять мостов, соединяющих Токио с его главным предместьем Хонджо, исчезает во многих местах под множеством джонок всевозможных форм, гондол и яхт, гонимых ветром или приливом. Но бухта, где построены форты на искусственных островках, имеет такую незначительную глубину в соседстве Иеддо, что по ней могут плавать только джонки да небольшие буксирные суда. Настоящий порт находится на юге, перед предместьем Синагава (Торговая река), и большие купеческие или военные пароходы должны останавливаться в Иокогаме. Вокруг железнодорожной станции, построенной в южной части города, толпится также много народу, как и в вокзалах железных дорог западной Европы; неподалеку от станции находится квартал «европейской концессии», Тскидзи, где живет небольшое число иностранных негоциантов. Так же, как форты рейда, железная дорога построена частью на земле, набросанной среди моря, откуда произошло и название квартала, означающее «земляную насыпь». Впрочем, более половины города построено на грунте, который еще в половине одиннадцатого столетия был покрыт водами моря. Это значительное нарастание дельты насчет залива должно быть приписано не наносам реки Сумида-гава, очень незначительным, а постепенному поднятию почвы которое, по исчислению Наумана, составляет, в среднем, около 27 сантиметров в столетие³.

Город труда, Токио, есть главный центр промышленности, хотя большая часть его произведений достоинством не могут сравняться с произведениями Киото, старой столицы. В Токио существуют фабрики шелковых материй и других тканей, мануфактуры лакированных изделий, фаянсовой и фарфоровой посуды, эмальированных вещей, обширные судостроительные верфи, мастерские машин, и отсюда запасаются товарами и продуктами всякого рода города, лежащие на восток от озера Бива. В то же время Токио есть столица страны Восходящего солнца в отношении умственной деятельности и литературной промышленности. Университет его, высшее учебное заведение империи, имел в 1879 году двенадцать иностранных профессоров, сорок японских преподавателей и около 150 воспитанников, изучающих разные науки: кроме того, более двадцати молодых людей содержались на средства этой школы за границей, частью в Европе, частью в Новом свете. *В настоящее время (1898 г.) число студентов возросло до 1.500; лекции читаются многочисленным штатом профессоров, на разных языках. В университете факультеты: юридический, медицинский, инженерный, математический, агрономический и филологический. Большая часть учащихся медики и юристы*. Институт инженеров, учреждение, соединенное в 1886 году с университетом, построенное по плану одного французского архитектора, есть не только самый кра-

1 G. Bousquet, „Le Japon de nos jours”.

2 „Chronicle and Directory“, 1897.

3 „Mittheilungen von Petermann“, 1879 г., № 4.

сивый и наилучше устроенный памятник японской столицы, но также одно из замечательнейших в свете училищ этого рода по богатству его коллекций и по обилию превосходных учебных пособий, предлагаемых там воспитанникам. Главная библиотека Токио, состоящая из 215.559 томов¹, включает в себе много сокровищ, между прочим, древнейший известный до сих пор санскритский манускрипт, относящийся к 609 году христианского летоисчисления²; другая библиотека обладает уже слишком 20.000 томов на европейских языках. В числе ученых обществ столицы Ниппона есть также Географическое общество, издающее периодический бюллетень своих трудов, и много других ученых обществ.

Иокогама, приморский город, который со времени проведения железной дороги, имеющей всего только 30 километров длины, превратился в простой пригород столицы, был в

Типы и костюмы. —Дженерикша, ручная коляска.

1859 году незначительной рыбацкой деревней, когда торговые трактаты, заключенные с европейцами, сделали его пристанью линий морского судоходства: новые улицы были проложены через болота и рисовые поля побережья. Сначала выбрали было, для международного рынка, город Канагаву, лежащий верст на десять севернее, в том месте, где большая дорога, называемая Токайдо, поворачивает во внутренность страны; но соседство этой дороги, по которой часто проходили кортежи даймиосов, показалось опасным для иностранной колонии, а с другой стороны малая глубина порта не позволила бы большим судам приставать к берегу. В Иокогаме, напротив, воды глубоки, и пароходы самых больших размеров высаживают своих пассажиров на живые мосты, построенные на сваях. Город занимает уже обширное пространство земли, и европейские негоданты, американцы (в 1895 году в Иокогаме насчитывалось 1.745 европейцев и американцев), китайцы (1.808 человек) производят там значительную торговлю произведениями страны, — чаем, шелком, рисом, камфорой, лакированными изделиями, — которые обмениваются, главным образом, на мануфактурные товары западных государств. Торговое движение Иокогамы в 1895 г. выразилось следующими

¹ В том числе 101.078 европейских сочинений. (см. „Engineering“ 1897 г.)

² Max. Muller, „Academie des Inscriptions et Belles-Lettres“, 23 сент. 1881 г.

цифрами:

Ценность привоза—56.095.830 долларов; вывоза—84.791.634 дол.; общий оборот—140.887.464 дол.

На юге от Иокогамы, другая бухта, называемая Иокоска (Якоска), верфь японского военного флота, и на берегах её расположены строения морского арсенала. В этой местности ботаник Саватье производил свои исследования, имеющие важное значение для изучения флоры Японии. Главный военный лагерь и штабы войск, квартирующих в окрестностях столицы, расположены в другой части городского округа, близ укрепленного города Сакура, между дельтами рек Тоне-гава и Сумида-гава, около основания полуострова Авакидзуса. Французские офицеры руководили устройством полигона, постройкой казарм и арсеналов. На соседнем плато, известном под именем Токио-синде или «Новый Токио», находится земледельческая колония, в которой правительство поселило бродяг и занимавшихся контрабандной торговлей купцов из столицы, дав им дом и земли; но большая часть поселенцев дезертировали¹.

Бухта, врезающаяся в морское побережье между Иокогамой и Иокоской, носит название Каназава; на берегу этого залива приютился, в очаровательной местности, городок того же имени, который в четырнадцатом столетии обладал лучшим во всем государстве книгохранилищем, а в настоящее время славится своим садом древовидных пионов, из которых некоторые имеют 300 летний возраст. В 24 километрах к юго-западу от Иокогамы, близ восточного берега бухты Сагами, видны остатки того, чем был некогда город Камакура, построенный, как гласит легенда, на месте бывшего озера и сделавшийся столицей страны Восходящего солнца в двенадцатом и в начале тринадцатого столетий. Разрушенный в 1333 году во время междоусобной войны, он так и не оправился от этого бедствия, и в то время, как возвеличивался Иеддо, его сосед, он оставался простой деревней. Но окружающая почва повсюду хранит свидетельства древнего блеска и великолепия Камакуры: это руины сотни слишком храмов, развалины многочисленных дворцов и гробницы, из которых одна посвящена памяти 8.300 легендарных героев, одновременно лишивших себя жизни. Недалеко от Камакуры стоит знаменитый идол Дайбуцза или «великий Будда», в котором японские литейщики сохранили индусский тип, придав ему удивительное выражение ясной кротости и величия. Бронзовая статуя имеет не менее 13 метров (около 7 сажен) высоты и заключает во внутренности маленький буддийский храм; куафюра идола изображает улиток, которые, по словам легенды, влезли на голову Будды, чтобы защитить его голый череп от солнечного зноя; внутри идола винтообразная лестница. Недалеко от Камакуры, священный островок Иено-сима (Эно-шима), который в часы отлива соединяется с твердой землей посредством песчаной косы, тоже принадлежит к числу святых мест Японии, наиболее посещаемых пилигримами; вместе с тем это одна из живописнейших местностей Ниппона, одна из местностей наиболее привлекающих иностранцев, которые приезжают на Иено-сима любоваться великолепной картиной, которую представляет море, берега и покрытый снегом конус вулкана Фузи-яма. На острове пещера длиною в 53, высоту в 4 сажени.

На востоке и на западе от полуострова Идзу, два города Одовара и Нумандз, лежащие на большой дороге Токайдо, имеют некоторую важность как каботажные порты, через которые отправляются произведения плодородной области Фузи-сан. На юге от Хаконе, его озера и его, пользующихся известностью, ванн, город Атами, построенный на берегу маленькой бухты, тоже имеет горячие источники, из которых один бьет из земли в виде гейзера. На оконечности полуострова Идзу, порт Симода, имя которого получило на минуту громкую известность во всем свете, благодаря морскому землетрясению, разрушившему этот город в 1854 году, утратил всякую торговую роль с той поры, как Иокогамский порт был открыт для иностранных судов и их товаров. На севере от области Фузи-яма, в плодородной равнине, город Кофу,—важен как рынок, регулирующий торговлю шелковыми материями; он имеет шелкопрядильню, устроенную по образцу французских заведений этого рода. Состоя глав-

1 G. Bousquet, „Le Japon de nos jours”.

ным городом департамента Аманаши, город известен прогрессивным направлением своих жителей. В нем больше европейских построек, чем где-либо в Японии. Ботанический сад, префектура, нормальная школа, банки, суды, промышленное училище. Около города обширные виноградники. Далее следуют один за другим города Сидзуока, Хамамац, Тойобаси (Иосида), в соседстве берегов залива, называемого Тоготоминада.

Город, основанный Ота-набунагой, Нагойя—теперь Айтси-кен,—расположенный в прекрасной равнине, которую различные реки постепенно продолжают своими наносами насчет бухты Овари, построен в виде совершенно правильной шахматной доски. Это четвертый город Японии по численности населения и один из городов, отличающихся предприимчивостью и трудолюбием своих жителей; население его занимается производством шерстяных и шелковых материй, эмальированных изделий и фарфоровой посуды; в Нагойе основана медицинская школа. В нем еще сохранился старинный замок—одно из чудес Японии. Приморские города Куана и Атсуда, из которых последний посещается множеством пилигримов, стекающихся со всех концов Японии на поклонение его знаменитому святилищу синтоистического культа, служат портами главному городу провинции, равно как и другим городам, находящимся в той же равнине, Касаматсу, Ионаги, Гифу (Имай-джи), Тсу (Ано-тсу), на западном берегу той же бухты Овари,—тоже приморский город, посещаемый джонками; выделываемый здесь синий фарфор, называемый оварийским, по имени провинции, откуда он вывозится,—самый распространенный и наиболее употребляемый в Японии. Далее, на полуострове, который загибается на юге залива Овари, в области Исе, находится важный город Ямада, близ которого стоят самые знаменитые святилища синтоистического культа, Ге-ку и Най-ку, посещаемые ежегодно мириадами пилигримов. Эти храмы первоначально были построены, если не три тысячи лет назад, как утверждает предание, то, по крайней мере, в начале христианской эры; впрочем, нынешние здания составляют лишь точное воспроизведение древних капищ. Через каждые двадцать один год строения разрушаются, заменяются новыми из дерева той же породы и покрываются соломой: ничто не изменяется в расположении, ни во внутреннем убранстве зданий при этой периодической реставрации; ни одно из буддийских новшеств, которыми изобилуют другие кумирни, не нарушает первобытного вида этих древнейших и высоко чтимых памятников культа синто¹. Нет почти ни одного дома в стране Восходящего солнца, который бы не имел на своей «табличке богов» клочка бумаги, испещренного надписями в память исейских святынь, и каких-нибудь вещей из священного дерева того же происхождения².

У восточного входа во внутреннее японское море естественно должен был возникнуть важный центр населения. И действительно, Вакаяма, построенный при устье реки Иосиногава, на северной стороне пролива, которому голландцы дали название Линшотен,—значительный и торговый город; кроме того, он славится живописностью своего старинного замка, плодородием окружающих полей и обилием плодов, производимых его садами и нивами. В той же долине находится монастырский город Коя-сан, где насчитывают не менее 370 буддийских храмов и обителей, служивших прежде местами убежища, куда стекались со всех концов страны преступники и подозреваемые в преступлении; резьба на дереве, произведения живописи, лакированные орнаменты, украшающие кумирни Коя-сан, принадлежат к цветущей эпохе японского искусства, а священные рощи, окружающие здания храмов, состоят из великолепнейших деревьев, так что одна из самых величественных японских пород хвойных получила название «коясанского дерева».

Бассейн реки Иодо-гава, который заключает в себе озеро Бива, окаймленное по берегам «восемнадцатью сотнями деревень», и в котором находятся города Киото, Нара, Осака, есть по преимуществу историческая область страны Восходящего солнца. Уже на берегу озера встречаем многолюдный город Хиконе, бывшую резиденцию даймиоса, который имел право на управление государством во время несовершеннолетия сиюгунов. К востоку от этого горо-

1 Воейков, „Mittheilungen von Petermann“, II, 1879 г.

2 Ernest Satow;—Isabella Bird;—Мечников и др.

да, получившего большую известность в междоусобных войнах конца шестнадцатого столетия, находится станция Секихагара, где Иеяс одержал, в 1600 году, решительную победу, которая положила основание могуществу сиогунской династии Тукугава, уничтожив партию, действовавшую в союзе с христианами. Оцзу и Сига-кен, расположенные при выходе озера, составляют вместе один город, который тоже очень часто оспаривали друг у друга соискатели власти, а на высотах Гией-сан, господствующих над этим городом с севера, находятся знаменитые святилища синтоистического культа и буддийские храмы еще более известные, в особенности кумирня Миидера, монахи которой вступали в борьбу с Ота-набунагой, диктатором империи и покровителем миссионера Франциска Ксавье. Оцзу или Оцу, соединенный с своим длинным предместьем Зеэ, — значительный торговый город и составляет как бы передовой квартал города Киото, с которым он сообщается посредством ветви железной дороги. Посредством озерных пароходов он завоевал себе монополию всего судоходства по Биве, и теперь на этом озере уже не увидишь парусных судов. Специальность города составляет фабрикация соробанов, особого рода счетов или числительных машинок. Город приобрел печальную известность как пункт, где было произведено нападение на нашего Государя в 1891 году.

Город Киото, то-есть, «столица», называемый также Миако или «резиденция», Сайкио или «западная столица», и Геянзио, «дворец мира и тишины», утратил свой высокий ранг между японскими городами; теперь он не более, как один из трех императорских городов и только третий по числу жителей; быв главным городом империи в продолжение почти одиннадцати столетий, он развенчан в 1868 году в пользу Иеддо, после революции, которая изменила разом правительство, администрацию, иностранную политику и национальные обычаи. Население уменьшилось более, чем на половину, и целые кварталы сделались почти пустынными. Тем не менее, Киото, город исторический, первопрестольная столица (Японская Москва), все еще остается городом красоты, изящества и вежливости. Равным образом он стоит выше новой столицы, если не по размерам промышленной деятельности, то по крайней мере по достоинству и красоте своих произведений. Здесь находятся лучшие в Японии мастера по фабрикации шелковых материй, парчей, вышивных тканей всякого рода, финифтяных изделий, фарфоров, бронз с украшениями и других металлических вещей. На восточной стороне города, предместье Авата уже много веков славится своими семействами горшечников, отборных мастеров, корейского происхождения. Не работая на фабрике, они готовят сами, на дому, массу или тесто из глины, формуют ее, делают украшения и обжигают; отсюда оригинальность и совершенство их работ, которые представляют настоящие произведения искусства¹. Немногие города Ниппона могут сравниться с Киото в отношении правильности и чистоты улиц, которые все совершенно прямолинейны и пересекаются под прямыми углами, как улицы городов Нового света. Река Камо-гава развешивает полукругом свой поток чистой воды на восточной стороне города и отделяет Киото от предместий с домами, построенными в беспорядке; в летние дни толпа теснится на берегах этой реки, на многочисленных перекинутых через нее мостах или даже, когда вода стоит низко, на островах, рассеянных по реке. Бывший дворец духовных императоров или микадо, окруженный большим, теперь запущенным садом, занимает северо-восточный угол города, площадью около 10 десятин, тогда как Нижо, некогда крепкий замок сиогунов, истинных государей, командует на западе центром Киото: в этом замке летом имеет пребывание императорский двор. Некоторые из храмов представляют чудеса архитектурного искусства, особенно по изящным резным антаблементам портиков; здешние кладбища самые красивые, самые живописные во всей Японии. Официальная статистика насчитывает в городе 945 зданий, воздвигнутых в честь Будды, между ними есть такие, постройка которых восходит к девятому и десятому столетию.

Расположенный в обширной, очень плодородной равнине, производящей, между другими продуктами, лучший в государстве чай, Киото дополняется известным числом городов,

1 „Catalogue du Musee Guimet”

которые зависят от него в отношении своей промышленности или торговли. Так, Фузими, который можно рассматривать, как пригород Киото, есть главная его пристань на реке Удзи-гава, и пароходы регулярно заходят туда; ниже, город Иодо, построенный при слиянии рек Кицу, Удзи-гава и Камо, из которых последняя, в свою очередь, усиливается другой рекою, и которые вместе образуют Иодо-гаву или «Ленивую реку», тоже служит гаванью для Киото. Река Кицу, которая соединяется в этом месте с истоком озера Бива, протекает выше через Нару, один из древних городов Японии и одну из первых императорских резиденций, замечательную своими великолепными священными рощами и особенно старым парком, населенным уже тысячу лет прирученными оленями, которых посетители кормят пирожками, и рога которых употребляются на фабрикацию вещей всякого рода, считаемых тоже священными. Один из богатых храмов Нары заключает в себе колоссальную статую Дайбуцзы или «Великого Будды», вылитую из бронзы, имеющую более 16 метров (7¹/₂ сажень) высоты и весящую 150 тонн (более 27.000 пудов); это самый большой идол в Японии и один из самых древних: происхождение его относится к восьмому столетию. Один из пригородов Нары, Касива-бава, есть древний Асивара, столица царства Зинму-Тенно, основателя династий микадо. По имени этого села Ниппон долгое время был называем Асиварой, то-есть «Долиной мягких тростников»¹. Недалеко от Нары находится другой важный город Корияма.

Киото соединен железной дорогой с своим приморским портом, Осакой, украшенным, как обе столицы, титулом фу, то-есть императорского города, и сделавшимся вторым городом Японии по численности населения; в отношении же движения торговли с внутренней частью страны он занимает первое место. Осака естественно должен был приобрести значительную роль между городами Восходящего солнца. Рассматривая на карте Японский архипелаг в совокупности, тотчас же замечаешь, что часть страны, занимающая наиболее благоприятное положение, есть побережье главного острова, омываемое водами Внутреннего моря. Западный берег, выставленный холодным ветрам и дикому волнению моря, обращен к необитаемым берегам Маньчжурии. Восточный берег смотрит в сторону безграничных пустынь океана. Китайские суда естественно должны были приставать к южным берегам: эта часть японского побережья представляет тройную выгоду, пользуясь наиболее счастливым климатом, обладая лучшими гаванями и будучи наиболее близкой к странам, издревле цивилизованным. Кроме того, порты Внутреннего моря имеют те же преимущества, как и рынки, лежащие вдали от моря: они находятся в центре соединения многочисленных дорог. Осака, построенный недалеко от восточного входа в Японское средиземное море, на севере от города Сакаги, которому он наследовал как большой порт, занимает центральное положение относительно всей южной части главного острова, и судоходная река приносит ему произведения очень плодородной и многолюдной равнины. На севере от Осаки находится самый низкий порог между двумя морями; ни одна дорога не представляла более удобного пути от Японского моря к берегам Тихого океана. В водах соседних с Осакой бури бывают редко, и большие господствующие ветры—юго-западный и северо-западный, препятствующие каботажному судоходству в течение целых месяцев, заменяются в этих водах чередующимися утренними и вечерними бризами, которые облегчают движение джонок². Таким образом здесь соединены были все условия для того, чтобы обеспечить значительную торговлю осакскому рынку. Правда, что суда большого водоизмещения могут становиться на якорь, в бухте «быстрых волн», лишь в большом расстоянии от входа в мелководные мутные каналы, перерезывающие японский город, но его негоцианты сумели сохранить свои сношения с заграничными рынками и вести дела через посредство других более глубоких портов. Таким образом с помощью многочисленных мелко сидящих пароходов они сумели сохранить за своим городом роль распределителя риса, рыбы, морских водорослей, лесных продуктов, во всей южной области Японии; в этом же городе готовится лучшая саки (рисовая вод-

1 Лев Мечников, „Studies on Japan”.

2 Кемпфер;—Воейков;—Рейн и др.

ка). Наконец Осака сделался также промышленным центром и фабрикует множество изделий, которые японцы получали прежде из Европы, и которые они теперь находят у себя дома. Осацкие фабрикаты даже вывозятся в больших количествах за границу; так, в 1877 году, тамошние купцы отправили более 4 миллионов опакал на сумму около 650 000 франков.

Осака—это «японская Венеция», по крайней мере в нижней части, где реки и каналы, через которые перекинуты сотни мостов, пересекают ее во всех направлениях; но один квартал города поднимается пологим скатом на северо-восток к замку, гранитные стены которого, наполовину разрушенные, еще импонируют своими размерами и позволяют любоваться с высоты их общим видом города, перерезанного во всех направлениях серебристыми линиями каналов. Монетный двор представляет в своем роде образцовое заведение, располагающее столь же совершенными орудиями производства, как подобные заведения на западе и в Новом свете. Некоторые из капищ города принадлежат к числу замечательнейших храмов Японии: такова пагода Си-Тенножи или «Четырех небесных богов»,—Мага-раджа у индусов,—которая стоит на юге от города и которая дала свое имя пригороду, помещаемому статистиками в числе особых городов; другой храм, расположенный близ морского берега, на дороге из Сакаи, который в промышленном отношении может быть рассматриваем, как пригород Осаки, есть древнее святилище синтоистического культа, посещаемое преимущественно рыбаками; при храме есть священные пруды, где под листьями лотуса плавают рыбы и черепахи, которых прокармливает благочестие верующих. Но толпа устремляется теперь на другую сторону города, куда ее привлекает центральная станция железных дорог из Киото и из Хиого, центр движения путешественников и товаров в южной Японии. Рельсовый путь из Хиого, длиною около 36 километров, проходит через несколько многолюдных городов, в соседстве бухты, между прочим, через Амагасаки и Нисономию.

Древний город Хиого, расположенный при основании высокого мыса, часто дает свое имя новому городу Кобе, от которого он отделен сухим руслом реки Миното-гавы; мыс, господствующий над Хиого, защищает на юго-западе порт Кобе, глубина которого достаточна для того, чтобы суда могли бросать якорь вблизи берега; в 1874 году насчитывали около 400 европейцев, поселившихся на постоянное жительство в Кобе; в 1895 году число их доходило до 819 чел.,—это самая многочисленная колония иностранцев в Японии после Иокогамской. Рейд может быть рассматриваем как передовой порт Осаки, и внешняя торговля, приписываемая этому последнему городу, проходит почти вся через порт нового города. Общая ценность иностранной торговли Осаки и Хиого через Кобе в 1896 году составляла 86.348.616 дол. Живущие в Кобе иностранцы во время летнего сезона ездят на воды в Ариму, где находятся пользующиеся большою известностью горячие ключи, бьющие из земли на севере, в одной из долин соседних гор.

На северном берегу главного острова, два города Цуруга и Обама, при бухте Вакаса, соответствуют городам Осака и Хиого, с которыми они сообщаются через озеро Бива и соседние пороги: это северные порты перешейка. Обращенные к бурному Японскому морю и обладая у подошвы своих холмов лишь узким поясом годных для культуры земель, эти города не могли питать надежды сравняться по важности с торговыми городами южного берега: но большие проезжие дороги и оканчиваемые в скором времени рельсовые пути¹ сделают возможной перевозку произведений южной области к северному побережью, а паровое судоходство позволяет торжествовать над ветрами западного моря. Порт Цуруга, хотя не очень обширный, но могущий принимать самые большие суда, так как глубина воды в нем от 10 до 20 метров, и окруженный амфитеатром холмов, который защищает его от всех ветров за исключением северо-западного, есть бесспорно лучшая гавань на внутреннем берегу Хондо и уже сделался главным сборным местом для судов, ведущих торговлю с портами Кореи и русской Маньчжурии. Это один из складочных пунктов для съедобных морских водорослей и рыбы, отправляемых из Хакодате: сотни барок служат каждый год посредниками в этой

1 Цуруга уже соединен ж. дорогой.

Прим. ред.

торговле с Цуругой. Уже не раз поднимался вопрос об открытии этого порта для европейских кораблей.

На западе от перешейка, центр которого занимает озеро Бива, города построены почти все на берегу Внутреннего моря или, по крайней мере на южной покатости полуострова, самой плодородной и наиболее населенной. Однако и на северном скате есть несколько оживленных городов, следующих один за другим. У западной оконечности бухты Вакасака стоит город Юра, окруженный лесом померанцевых и апельсиновых деревьев, которые дают лучшие плоды во всем Ниппоне; недалеко от этого города находится «третье чудо» страны — естественный мост из скал, Амата-башни, далеко выдвинутый в море. Далее береговая дорога проходит через город Тоттори, затем через город Ионаго. Прекрасный город Матсуге (Матсуге) живописно расположен на берегу извилистой лагуны (Синзино-ике), наполненной солоноватой водой и сообщаемой с открытым морем узким устьем.

На южном побережье, Акаси, первый город, который мы встречаем, к западу от Хиого, недалеко от берега Японского средиземного моря, господствует над великолепной панорамой, обнимающей остров Авадзи и две окружающие его большие бухты. Далее, город Гимедзи, полный воспоминаний о диктаторе Тайкосама, расположен у выхода очень плодородной долины и в месте пересечения нескольких дорог с линией железной дороги, построенной под руководством французских инженеров. От неё дорога ведет во внутреннюю часть полуострова к важным икунским рудникам, главному металлургическому заведению империи; французские промышленники, управляющие этими горными заводами, добывают золото и серебро, отправляемые на монетный двор в Осаку, но еще не утилизируют богатых месторождений медной руды. Главную промышленность города Гимедзи составляет выделка кожаных изделий, которые приготавливаются еще по старому японскому способу, но по красоте и прочности не уступают старинным кордуанским произведениям этого рода¹. Во внутренней части страны, город Цуяма занимается преимущественно прядением и окраской тканей и фабрикацией железных изделий. Города Окаяма, при боковой бухте глубоко врезающаяся в твердую землю фьорда, и Фукуяма, на берегу другой бухточки Внутреннего моря, были некогда резиденциями могущественных даймиосов; но теперь они уступают, по важности торгового значения, порту Ономици, который служит одною из главных пристаней для береговых пароходов, поддерживающих правильное сообщение между двумя берегами извилистого моря.

Хирошима есть, на востоке от Осаки и Хиого-кобе, самый оживленный порт Внутреннего моря, которое отделяет от Ниппона два больших острова Киусиу и Сикок. Этот город, расположенный, как и Осака, у северной оконечности бухты полукругом и при устьях реки, которая перед тем протекает извилистой линией по плодородной равнине, тоже имел бы некоторое право на название «японской Венеции», благодаря своим извилистым каналам, многочисленным мостам, баркам и лодкам, снующим по всем направлениям. Напротив Хирошimy, на одном из островов, которыми усеяна бухта, пилигримы посещают, в большом числе, одно из «трех чудес» Японии, синтоистический храм Итску-сима или «остров света», посвященный трем божественным девам, происшедшим из разбитого меча бога ветров². Это святилище включает несколько изваяний из дерева, очень любопытных по их древности; но красота и гордость острова составляют его леса, во все времена уважаемые топором человека. До 1868 года, то-есть до японской революции, запрещено было есть мясо на священном острове и не позволялось хоронить там умерших. Когда жрецы, пилигримы, содержатели гостиниц и рыбаки, составляющие все население острова, лишались одного из своих, то те, кто отвозил его тело, для погребения, на твердую землю, могли вернуться домой лишь по прошествии пятидесяти дней, в продолжение которых их держали запертыми в особого рода лазарете. И теперь еще воспрещено обрабатывать почву на святом острове Итску-сима, и пища для жителей должна быть привозима каждое утро с материка; как только суда с продовольствием

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

2 Л. Мечников, „L'Empire Japonnais“.

приближаются к острову, сотни прирученных оленей сбегаются из глубины лесов на берег, чтобы получить свою долю привезенных съестных припасов³.

Главные города Ниппона, с их населением суть⁴:

Сендай—77.476 жит.; Акита—27.113 жит.; Хиросаки—31.295 жит.; Сионай (Цуругаока)—25.000 жит.; Хиконе—24.400 жит.; Мориока—31.989 жит.; Вакамац—24.793 жит.; Такасаки—30.000 жит.; Саката—21.576 жит.; Ямагата—32.151 жит.; Оцзу—34.556 жит.; Канума—15.060 жит.; Майебаси—30.883 жит.; Утсумия—33.334 жит.; Матсумото—30.130 жит.; Такаяма—13.000 жит.; Нихонмац—11.000 жит.; Авомори—24.212 жит.; Гифу (Имайдзми)—31.075 жит.; Исиномаки—10.000 жит.; Огаки—10.200 жит.; Носиро—10.000 жит.; Хатсиное—10.000 жит.

Каназава (Исикава)—85.916 жит.; Тояма—58.975 жит.; Фукуйи—44.290 жит.; Ниаигата—51.335 жит.; Таката—20.500 жит.; Нагаока—24.000 жит.; Такаока—31.000 жит.; Син-Минато—18.900 жит.; Сибата—18.300 жит.; Касивазаки—14.000 жит.; Айгава—13.000 жит.; Цуруга—11.500 жит.; Мураками—10.000 жит.; Увоц—10.000 жит.; Комац—10.000 жит.; Охоно—10.000 жит.; Сакаи—49.063 жит.

Токио (Иедо), в 1897 году—1.299.941 жит.; Нагойя—242.085 жит.; Иокагама—179.502 жит.; Сидзуока—32.000 жит.; Ямада—28.000 жит.; Тсу—23.000 жит.; Мито (Ибараки-кен)—30.000 жит.; Диеси—18.000 жит.; Куана—18.000 жит.; Кофу (Яманаси-кен)—35.738 жит.; Нумадзь—16.000 жит.; Атсуда (Миа)—15.200 жит.; Окасака—13.000 жит.; Одовара—13.000 жит.; Уено—12.500 жит.; Хамамац—11.000 жит.; Фнабаси—9.500 жит.

Осака 503.600 жит.; Киото—341.101 жит.; Хиого-кобе—184.194 жит.; Сакахи—39.000 жит.; Фусима (городской округ Киото)—23.000 жит.; Нара—29.709 жит.; Корияма—15.000 жит.

Матсуге—34.625 жит.; Тоттори—20.800 жит.; Ионаго—10.250 жит.;

Хирошима—107.685 жит.; Хаги (Хаки, Хоги)—35.470 жит.; Окаяма—57.210 жит.; Химедзи—31.000 жит.; Акамага-секи (Симоносеки) Шимоношеки—36.570 жит.; Фукуяма—17.700 жит.; Цуяма—15.500 жит.; Ономитси—15.000 жит.; Акаси—14.500 жит.; Ямагучи—11.600 жит.; Ивакуни—10.000 жит.

Вакаяма—57.366 жит.

За Хирошимой, промышленный город Ивакуни, прославившийся своими фабриками писчей бумаги, цыновок, тканей, расположен на западном берегу залива. Далее, несколько важных городов следуют один за другим по берегам маленьких бухт, до того места, где открывается проход Симоносеки (Акамага-секи), на северной стороне которого протянулся длинный город того же имени, сжатый между лесистыми холмами и морем; в стратегическом отношении это Константинополь японского Босфора, но он играет второстепенную роль между городами Восходящего солнца; на соседних берегах собирают съедобные морские водоросли. Главным местом провинции Нагато, которая оканчивает остров Ниппон, прежде был большой город Хаги, построенный на берегу рейда, усеянного островами и островками; ныне он был заменен, как центр областного управления, городом Ямагучи, лежащим во внутренности острова, на берегу одного небольшого притока японского средиземного моря. Недалеко от этого города находятся горячие ключи, привлекающие большое число посетителей.

Все значительные города острова Сикока построены на берегу или в непосредственном соседстве моря: та же торговля, которая вызвала их к жизни, быстро населяет их. Большая часть этих приморских городов обращена к главному острову, от которого они отделены только проливами, которые суда легко могут переплывать в несколько часов. Притягательная сила торгово-промышленных центров Киото и Осаки привлекла жителей преимущественно на северные берега острова: в этой части побережья следуют один за другим, от вос-

3 Воейков, „Mittheilungen von Petermann“, 1879, II.

4 „Stat, du Japon 1898 г.“

тока к западу, города Тукушима, Такамацзу, Маругаме, Имбар, Мацуяма. На берегах пролива, отделяющего Сикок от острова Киусиу, единственный город—Увазима; южный берег, обращенный к открытому морю, тоже имеет только один город, Котси или Когги, главный город некогда могущественного феодального княжества Тоса. Благодаря смежности и промышленному духу своих жителей, Котси сделался самым деятельным городом Сикока и центром писчебумажного производства для всей Японии.

Главные города остров Сикока суть¹:

Токушима—61.489 жит.; Такамацзу—34.274 жит.; Иехиме-кен (Мацуяма)—35.534 жит.; Маругаме—14.000 жит.; Увазима—12.200 жит.; Имбар—12.000 жит.

На большом и густо населенном острове Киусиу самую оживленную часть составляют местности, прилегающие к южному и западному берегам; эта часть Киусиу обращена в сторону того южного океана, по которому должны были прибыть корабли из Европы. На восточном берегу остров Киусиу имеет только один важный город Миясаки, а на северо-восточных берегах только два значительных центра населения—Усуки и Накатс. Город Ойта-кен или Фунай, где католические миссионеры основали первую христианскую общину, теперь пришел в упадок. Точно также приморский город Кокура, стоящий напротив Симоносеки, на юг от входа во Внутреннее море, утратил свою важность. Обмеление его рейда не позволяет большим судам приставать там; тогда как в прежнее время перевозка товаров и движение путешественников производились почти исключительно по дороге, идущей вдоль побережья, из Нагасаки в Токио, и должны были делать переправу в Кокуре, теперь пароходы проходят мимо этого города, не останавливаясь в нем. Со временем, вероятно, будет перекинут железнодорожный путевод через морской пролив, имеющий в этом месте около 1.600 метров в ширину.

Два города-близнеца, Фукуока и Хаката, разделенные только устьем маленькой реки, которая изливается в живописную бухту моря, сосредоточивают в себе всю торговлю северо-западного побережья острова Киусиу. Фукуока, лежащий на южной стороне реки, служит местопребыванием администрации и дворянства, тогда как Хаката есть центр торговой и промышленной деятельности; там фабрикуют, между прочим, бумажные ткани и превосходные шелковые материи; несколько храмов и старинных домов с плоскими крышами, находящиеся в окрестностях этих двух городов, суть единственные каменные здания, которые существовали в Японии до недавней революции. Железные дороги с очень оживленным движением соединяют двойной город Фукуока—Хаката с двумя многолюдными городами Куруме и Сага, лежащими южнее, близ бухты Симабара. На юго-западе, на полуострове Хизень, разрабатываются залежи каменного угля и фарфоровой глины: в этой местности, особенно в окрестностях Ариты, выделяются лучшие японские фарфоры, между прочим, маленькие чаши с тонкой и прозрачной скорлупой; вокруг Ариты постоянно работают более 200 фарфоровых заводов. Эти произведения, которым долгое время подражали голландцы, называют безразлично фарфорами из Хизена, из Ариты или из Имари, по старому имени провинции, места производства или порта, через который они вывозятся. На оконечности полуострова, город Хирадо (Фирандо), на острове того же имени, важен как пристань, часто посещаемая пароходами, совершающими рейсы у берегов: в семнадцатом столетии этот город в продолжение десяти лет, с 1613 по 1623 год, был указана, как рынок негодантам голландским и английским.

Нагасаки или «Длинный мыс», получивший известность на западе, как единственный город, который японское правительство оставило полуоткрытым иностранной торговле после изгнания португальцев в 1823 году, не принадлежит к числу самых больших городов государства: обладая превосходным портом или, лучше сказать, фьордом, очень глубоким (от 20 до 30 метров) и хорошо защищенным окружающими холмами, он имеет ту невыгоду, что находится на оконечности узкого полуострова, без плодородных окрестностей, которые питали

1 „Stat, du Japon 1898 г.“

бы своими произведениями его торговый обмен; тем не менее, однако, торговые обороты его значительно возрасли, но только в пользу японских судов; внешняя торговля осталась в прежнем состоянии, почти без всякой перемены.

Внешняя торговля Нагасаки в 1895 году 10.614.787 долларов.

Движение судоходства в порте Нагасаки в 1896 г.: 1.282 судна вместимостью 1.810.589 тонн. Через Нагасаки вывозят лишь незначительное количество земледельческих продуктов, но он отправляет произведения своей промышленности, лаковый товар, перламутровые изделия, эмалированную глиняную посуду; некоторые соседние города, как, например, Фукабори, отнимают у него часть торгового обмена страны. Благодаря историческим воспоминаниям, Нагасаки есть один из городов Восходящего солнца, представляющих наибольший интерес для европейского путешественника; при том же великолепная панорама Нагасакской бухты есть бесспорно один из прелестнейших видов японского берега. По берегу, вокруг залива, тянутся, в виде амфитеатра, из густой зелени, горы, в 300 метров высоты, окруженные по скатам прекрасно возделанными террасами и одетые на верхушках лесом, тогда как у входа поднимаются из вод моря многочисленные острова, между прочим, островной холм Такабоко или «высокое копьё», прозванный голландцами Папенбергом или «горой папы», в память миссионеров и обращенных в христианство японцев, которые с высоты этих крутых утесов были сброшены в море, в 1622 году: над городом на горе показывают также место, где двадцать шесть христианских священников были распяты на кресте в 1597 году. Узкий искусственный островок Децима, веерообразной формы, где голландские купцы были запираемы как зачумленные, теперь соединен с твердой землей, а здания, служившие тюрьмой иностранцам, с 1639 до 1859 года, были истреблены пожаром. Внутри города показывают квартал, в котором были заключены китайские купцы. Местечко Инаса, в соседстве с Нагасаки, имеет несколько доков и носит название русской Японии¹. На юге, вне фьорда, рассеяны многие острова, из которых один, Така-сима, имеет богатые каменноугольные копи, разрабатываемые европейским способом. В 1881 году ежедневная добыча угля в этих копиях составляла 1000 тонн, столько же, сколько его добывалось во всей остальной Японии.

Город Симабара, который был разрушен в 1792 году извержением Унзена, расположен у восточной подошвы этого вулкана, откуда вытекают обильные горячие источники; он сторожит западный вход в большую бухту того же имени (Симабарская), тогда как на восток от противоположного берега, в некотором расстоянии во внутренности земель, город Кумамото группирует свои дома вокруг своего старинного крепкого замка, бастионы которого, с наклонными стенами, украшены наверху верандами и красивыми плоскими крышами, осененными камфарными деревьями. Этот город—самый центральный и в то же время самый многолюдный на острове; но он окружен лишь маловажными местечками и не имеет приморского порта; плоскодонные джонки забирают отправляемые им продукты и товары на берег и перевозят их в Нагасаки. Напротив, в южной части острова, знаменитое княжество Сацума, «отечество людей умных и мужественных», не имеет значительных городов, но оживленные центры населения расположены в близком расстоянии друг от друга; вдоль берега или в соседстве с ним следуют один за другим города: Идзми, Акуне, Сендай, Каседа, Каго, Миянозио, Ямагава, и на берегах бухты Кагосима город того же имени, затем города Коцзики и Кокубу. Получивший известность в новейшей истории город Кагосима, крепость которого была бомбардирована англичанами в 1864 году, протянулся по западному берегу бухты, напротив островного вулкана красивой формы, называемого Сакура или «Благородный пик». В торговом отношении этот город не имеет важного значения, так как единственная его промышленность, сколько-нибудь замечательная,—это производство фаянсовой и полуфарфоровой посуды, подражающей всем родам «старого сацумского фарфора»; в последнее время некоторые предприимчивые японцы основали там бумагопрядильню и оружейную фабрику. Коцзики, у северо-западного угла той же бухты, занимает, как торговый город, более выгодное положение, чем Кагосима; порт его менее выставлен бурным ветрам, и

1 Maget, „Revue de Geographie“, февр. 1879.

плодородные местности севера могут удобнее доставлять туда свои произведения; по мнению Воейкова¹, это была бы одна из самых оживленных гаваней японского побережья, одна из гаваней, соединяющих в себе все условия для самого обширного движения международного

Видъ Нагасаки.

торгового обмена, если бы она была открыта европейским кораблям; было время, когда коц-

1 Воейков, „Mittheilungen von Petermann“, 1879, II.

зикские табаки отправлялись даже на остров Кубу, откуда их вывозят обратно во все части света в форме и под именем «гаванских сигар».

Главные города острова Киусиу суть: Кумамото—56.824 жит.; Фукуока и Хаката—62.212 жит.; Каседа—31.600 жит.; Нагасаки—72.390 жит.; Кагосима—53.895 жит.; Каго—24.900 жит.; Сага—29.893 жит.; Куруме—21.000 жит.; Усуки—18.860 жит.; Симабара—18.700 жит.; Идзми—18.600 жит.; Фукабори—17.800 жит.; Кокубу—17.150 жит.; Миясаки—12.000 жит.; Накатс—11.600 жит.; Акуне—10.900 жит.; Хирадо—10.600 жит.; Коцзики—10.000 жит.

Население Лю-цю, разсеянное на многочисленных островах этого архипелага, живет по большей части маленькими деревнями по берегам бухт и бухточек; единственные города, заслуживающие этого названия, находятся на главном острове центральной группы, называемой по-японски Окинава-сима, а по-китайски Чунчин-дао. Наба, наиболее посещаемый судами порт архипелага, несмотря на мадрепаровые рифы, которыми усеяны подходы к якорной стоянке, занимает берега бухты, совершенно защищенной от всех ветров; он отправляет главным образом сахар, бумажные ткани, шелковые материи, грузы которых перевозятся японскими судами на северные острова: годовая ценность этого отпуска превышает миллион франков. В 1880 году внешняя торговля островов Лю-цю выразилась следующими цифрами: привоз 1.319.900 франков, вывоз 666.250 франков; всего 1.986.150 франков. Вымощенная каменной плитой дорога, одна из лучших дорог в Японии, извивается в очаровательной долине, между лесистых холмов, поднимаясь из Набы к столице архипелага. Построенный на плоской возвышенности, господствующей над двумя морями, этот город, имя которого значит «главное местечко», окружен прекрасными деревьями, пальмами веерниками и ареками, панданами; одно из его зданий носит титул университета.

Два другие города, Токтон-он и Куниками, тоже находятся на главном острове архипелага. Совокупность городского населения обнимает 60.000 жителей, половину островитян Окинавы, и состоит исключительно из сизуку, то есть благородных. Поселяне все геймины или плебеи и отличаются от дворян бронзовыми булавами, которые они носят в волосах.

Кроме Лю-цю и различных островов, составляющих, по их географическому положению, естественную принадлежность главного Японского архипелага, правительство микадо также присвоивает себе, как составную часть империи Восходящего солнца, группу островов, лежащую среди океанских пустынь, в 1.000 километров, по прямой линии, к юго-юго-востоку от Киото. Эти уединенные земли известны в Европе под именем архипелага Бонин или Бонин-сима, — испорченное японское название Мунин-то, которое буквально значил «безлюдные острова». Ныне обитаемые, эти острова, по справедливости, должны бы снова получить то наименование, которое им было дано в конце шестнадцатого столетия, когда князь Садай-ори был прибит к их берегам бурей и взял их именем своего правительства во владение Японии, приписав им имя своей фамилии, Огасавара. В ту эпоху их уже видел один европейский мореплаватель, испанец Виллалобос, объехавший эти воды в 1543 году¹. Столетие спустя, голландский капитан Маттис Кваст, сопровождаемый знаменитым мореплавателем Абе-лем Тасманом, тоже осмотрел южные острова архипелага, и различные карты того времени указывают острова в этой области Тихого океана. Однако, память об этих открытиях совершенно изгладилась, когда американские китоловы, Коффин, в 1823 году, и Эббет, в 1824 году, пристали первый к южным, а второй к центральным островам архипелага. В 1827 году британский адмирал Бичи овладел островами Огасавара, и англичане продолжали называть себя владетелями этого архипелага до 1861 года, эпохи, в которую вопрос был окончательно решен в пользу Японии.

Хотя часто посещаемый китоловами и мореплавателями со времени гидрографических обследований адмиралов Бичи, Литке, Коллинсона, Перри, архипелаг Огасавара еще очень мало известен в его деталях, и даже не все его пункты определены астрономически. На европейских картах, северная группа, гораздо меньшая, носит имя Парри; в совокупности четыре группы, обнимающие 89 островов, общее пространство которых 85 квадратных кило-

1 Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

метров, имеют не менее 140 километров в длину¹. Все эти острова, расположенные по направлению меридиана, могут быть рассматриваемы, как южное продолжение вулканической цепи «Семиостровья», лежащей на юг от бухты Иеддо, последнее звено этой цепи, остров Хациссо, отделено от группы островов Парри пространством в 650 километров; но известно, что и другие островки выступают на поверхность моря в этих водах, и что там иногда появлялись временные вулканы. Холмы архипелага Огасавара, из которых иные достигают 400 метров высоты, тоже по большей части вулканического происхождения; на этих холмах во многих местах видны лавы, туфы, базальтовые колоннады, и на вершине конусов открываются там и сям кратеры; но там встречаются также сланцы и кристаллические горные породы, и геологи американской экспедиции Перри не заметили там никаких следов недавнего проявления вулканической деятельности.

Острова Бонин-сима или Огасавара, которые лежат между 28 и 27 градусами широты, вне области холодного течения, пользуются тропическим климатом, более теплым, чем климат архипелага Лю-цю, находящегося, однако, в столь же близком расстоянии от экватора, и леса, покрывающие их, принадлежат, по своим древесным породам, к поясу растительности жарких стран; это пальмы по большей части, хамеропы, панданы, ареки, саговое дерево, равно как один вид, похожий на кокосовую пальму; там растут также древовидные папоротники, но камфарного дерева до сих пор нигде не находили. Дерево, достигающее самых больших размеров на архипелаге,—это особая порода шелковицы, ствол которой более 5¹/₂ аршин в окружности. Почва, состоящая из разложившегося вулканического пепла, отличается большим плодородием, и там с успехом возделываются японские хлебные растения, сахарный тростник, бананы, ананасы, сальное и восковое деревья; в долинах растут в изобилии съедобные грибы. Первые поселенцы не нашли туземных четвероногих: овцы, козы, свиньи, кошки, собаки, которых теперь встречают в диком состоянии, суть потомки домашних животных, выпущенных на эти острова первыми мореплавателями. Несколько видов безвредных пресмыкающихся, которые ползают между камнями, да птицы, очень малочисленные, которые гнездятся в лесах,—вот единственные представители местной сухопутной фауны; когда первые мореплаватели пристали к архипелагу, эти животные еще не боялись человека, и их можно было брать руками. Бухты богаты животной жизнью: воды их изобилуют китообразными, рыбами, черепахами и ракообразными.

Первые эмигранты поселились на архипелаге Огасавара в 1830 году, с целью вести торговлю с китоловами. Во время американской экспедиции население острова Пиля, называемого японцами Чичи-сима, то-есть «островом отца», состояло из 31 человека американцев, англичан, португальцев, канаков; в 1880 году народонаселение этого острова, единственного обитаемого, значительно увеличилось, так как число домов доходило уже до 160, из которых 130 принадлежали подданным Ниппона. Центр колонии составляет превосходный порт Ллойд,—О-минато по-японски,—открытый во внутренности разломанного с одной стороны кратера и представляющий судам отличную якорную стоянку, при глубине в 40 метров².

Хотя Япония в большей части своего протяжения покрыта горами, и хотя северные её области имеют слишком холодный климат для того, чтобы люди жили там многочисленными общинами, однако, население этой страны гораздо плотнее, чем населенность Франции и большинства других государств западной Европы.

Пространство и население Японской империи суть:

1 По японским сведениям число островов этой группы доходит до 20 с площадью 450 кв. ри. См. „Resume statistique du Japon“ 1898 г.

2 Остров Формоза, недавно присоединенный к Японии, будет описан в конце описания страны „Восходящего солнца“.

Провинции	Пространство		Население
	кв. ри	душ	
Ниппон	14.571,12	32.305.378	
Иессо	5.061,90	507.050	
Курильские острова	1.033,46	1.820	
Сикок	1.180,67	2.948.009	
Киусиу	2.617,54	6.093.769	
Общая цифра без Формозы	24.794,36	42.708.264	

Со времени революции 1868 года, после которой приступили к первой правильной народной переписи, увеличение населения было весьма значительно. Тогда как в 1871 году общее число жителей простиралось до 33.110.825, в 1892 году оно уже превышало цифру 40.000.000, следовательно, за девятилетний период прирост народонаселения составлял более 300.000 душ в год. Нет никакого сомнения, что если Япония будет продолжать пользоваться миром, то она превзойдет Францию в отношении числа жителей за-долго до конца текущего столетия. Так как народные переписи делались тщательно, то общие результаты их должны считаться довольно близкими к истине, и потому возможно сомневаться в действительности того замечательного факта, упоминаемого уже в древних летописях¹, что число мужчин в Японии превосходит число женщин. Численность мужского пола почти одинакова с численностью женщин. Известно, что во всех европейских государствах и во всех странах с европейской цивилизацией, где до сих пор были делаемы серьезные народные переписи, пропорция женщин почти всегда берет перевес над пропорцией мужчин. Численное отношение полов в стране Восходящего солнца, по переписи 1896 года, выразилось следующими цифрами: мужчин—21.561.023, женщин—21.147.241².

Образ жизни японцев делает понятным, каким образом страна может прокармливать относительно столь многочисленное народонаселение. Национальная традиция признает пять священных растений—рис, пшеницу, ячмень, гречиху, горох-азуки, которые Бог ветра, Брат солнца, извлек из тела богини Великого воздуха и которые он положил в почву южного Ниппона³. Рис занимает первое место между этими растениями и дает главную пищу жителей; его нужно обыкновенно для каждого человека более 1.200 граммов в день⁴; но другие зерна хлебных злаков, овощи, печенья и плоды, прибавляемые к ежедневному питанию, представляют, в среднем, только 300 граммов. Бедные, можно сказать, совсем никогда не едят мяса. Поэтому, вся годная к возделыванию земля, составлявшая, по исчислениям 1880 года, незначительную площадь в 3.596.224 десятин, съ-издавна употребляется под посевы. Повсюду, где может произрастать рис, даже на скатах гор и холмов, где почва может быть достаточно напитываема водой только при помощи больших и дорого стоящих ирригационных сооружений, землевладелец распахивает свои рисовые поля; другие хлеба он возделывает только на таких землях, где рис не дал бы ему хорошего урожая, и зерно он сеет не в разброс, а кладет его в почву рукой параллельными рядами; этому драгоценному растению он заботливо приносит все животные удобрения, все хозяйственные отбросы и помои.

Цифровые данные, относящиеся к населению, указывают, что в период 25 лет население увеличилось почти на $\frac{1}{4}$ и хотя увеличилось также и количество земли, обрабатываемой под рис и другие хлебные растения, достигнув к концу 1893 года площади в 4.089.140 десятин⁵,

1 Матуанлин, в переводе Эрве де-Сен-Дени „Ethnographie des peuples etrangers a la Chine“

2 См „Statistique du Japon“. 1898 г. Токио.

3 Козики;—Pfizmaier, „Ueber einige alterthumliche Gedenstande Japans“;—Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“;—Pfoundes, „Budget of Japanes Notes“.

4 Wernich, „Geographische medicinische Studien“

5 Это увеличение площади посева можно видеть из следующей таблицы, которую дает Д. Позднеев:

Года	Под рисом, десятин	Под ячменем и пшеницей, десятин
80	2.307.114	1.289.110
84	2.345.148	1.337.202
87	2.373.362	1.432.237

тем не менее это увеличение и вынуждает население прибегать к культуре других промышленных растений, каковы—шелковица, деревья: восковое, лаковое, бумажное, индигоноска, жэнь-шэнь, чайное дерево. Все эти растения культивируются с большой заботливостью и дают продукты, очень ценимые американскими покупателями; эти последние предпочитают японский чай, несмотря на его терпкий вкус, ханькоуским и китайским чаям.

Чай и коконы шелковичных червей составляют в настоящее время главный предмет экспорта страны. На культуру их с 80-х годов обращено было особенное внимание и благодаря тому обстоятельству, что культура чайного куста и особенно шелковицы не требует тех сравнительно ровных пространств земли, какие необходимы для посевов хлебных злаков, а особенно риса, требующего даже временного затопления полей, промышленность этого рода получила громадное развитие. Так в 1880 году из Японии было вывезено 3.206.361 квамме чая и 547.932 коку шелковичных коконов. В 1894 году количество того и другого сильно увеличилось, достигнув: чая 7 690.365 квамме, а коконов 1.800.747 коку¹.

В некоторых округах южных островов, благодаря удобствам вывоза, культура апельсиновых деревьев получила более важное значение, чем даже возделывание хлебных растений². Зибольд насчитывает в Японии около 500 видов растений, культивируемых для питания, украшения или промышленности, и из этого числа более половины привезенных первоначально из других стран.

Японцы превосходные земледельцы, или, вернее сказать, огородники и садовники: они обрабатывают свои поля точно таким же образом, как и европейские огородники возделывают свои гряды, с помощью заступа и лопаты; они не оставляют никакой сорной травы в почве и усердно утилизируют все, что может служить удобрением; вероятно, количество животных веществ, употребляемое как навоз, превосходит количество, входящее в питание, так как с острова Иессо, Курильских островов, Кореи и от нас из Приморской области привозятся огромное количество рыбы, употребляемой исключительно на унавоживание пахатных земель. Но почвы не хватает для постоянно возрастающего народонаселения, все равнины уже обращены в культурные земли; теперь земледелию еще только остается завоевывать затопляемые водой низменные аллювиальные пространства, да скаты гор. Правда, что остров Иессо представляет японцам обширное поле колонизации; более обширный, чем Ирландия, и производящий те же самые растения, этот остров мог бы прокормить население в несколько миллионов, но климат его слишком суров для того, чтобы там можно было возделывать рис, к тому же и крестьяне не выказывают ни малейшей охоты переселиться в край, более холодный, чем их родина под небо, менее милостивое; почти все японцы, приглашенные на остров Иессо колонизационной конторой, смотрят на себя как на изгнанников и пользуются первым благоприятным случаем, чтобы возвратиться в отечество. Но если острову Иессо еще долго не суждено получить сколько-нибудь важное значение в отношении земледельческой производительности, то его громадные естественные богатства, заключающиеся в строевом лесу, не могут не привлечь к себе, промышленности и, без всякого сомнения, сделаются современным предметом деятельной эксплуатации. Можно сказать, что весь этот остров есть не что иное, как огромный сплошной лес, состоящий из разнообразнейших древесных пород, между которыми, по крайней мере, тридцать шесть видов деревьев, имеющих ценность для построек или для столярных изделий: чуть только путешественник сойдет с пристани, как его останавливают непроходимые чащи лиан и бамбуков, растущих под большими деревьями; даже через прогалины трудно пробраться; пучки эвлялий (*eulalia japonica*), растущие тесно один подле другого, достигают такой высоты, что в них может спрятаться человек верхом на лошади³.

91	2.481.419	1.542.290
----	-----------	-----------

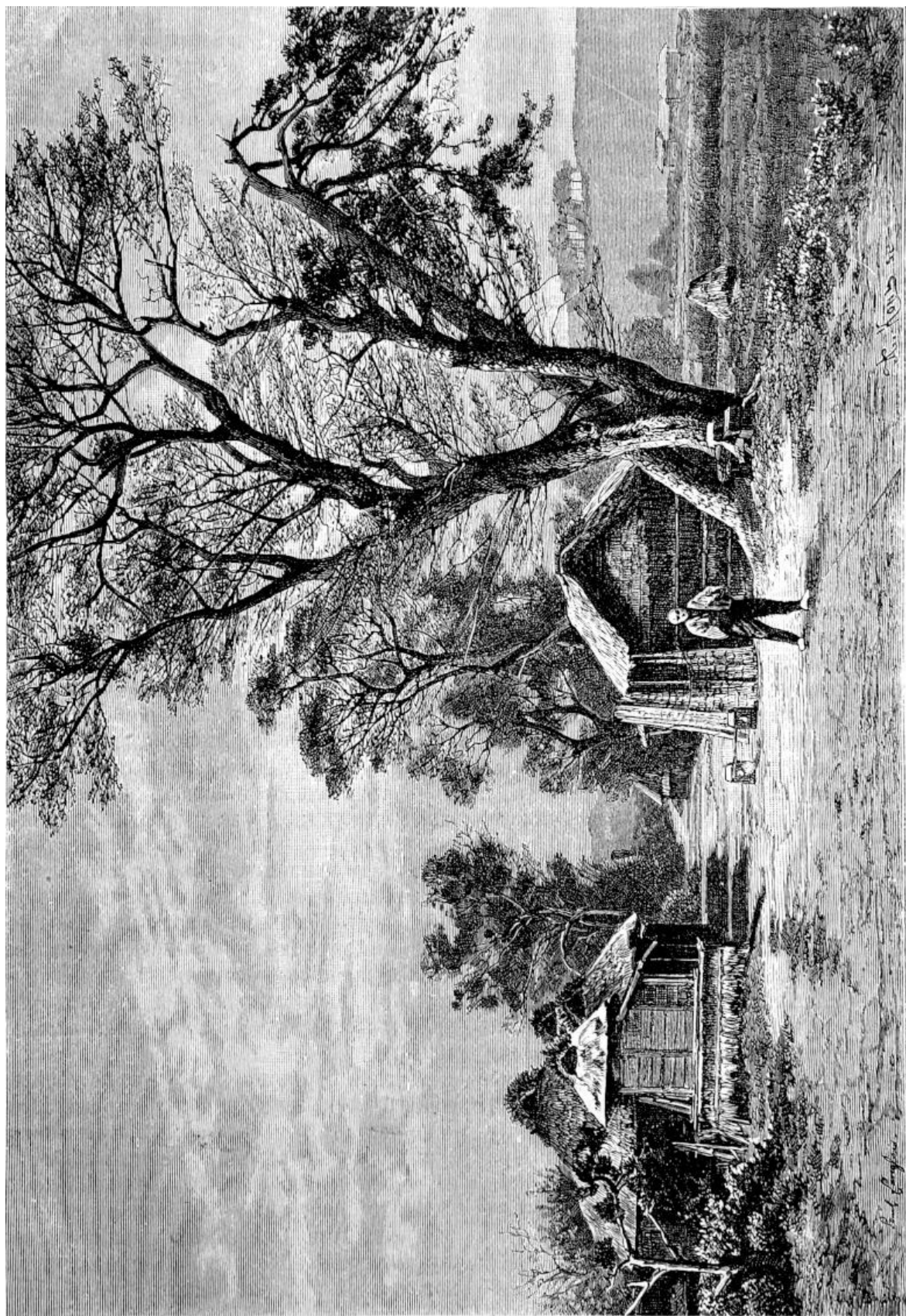
92	2.492.053	1.596.609
----	-----------	-----------

1 Коку — 6.9 четверика, а квамме — 9¹/₄ фун.

2 Masana Macda, „L'Agriculture au Japon, Reforme economique“, 16 мая 1878 г.

3 Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japan“

До тех пор, пока не будут устроены пути сообщения во внутренности острова, Иессо будет обязан своим важным экономическим значением почти единственно рыбным промыслам, производимым в различных пунктах его побережья. По обилию рыбы, которая прихо-

Видъ дороги къ Токаидо.

дит метать икру на его берегах, этот остров походит на Орегон, на противоположной стороне Тихого океана. Некоторые из сетей, употребляемых для ловли лосося, имеют около 1.200 метров (560 сажень) в длину, и чтобы орудовать таким громадным снарядом, нужно более 70

человек рабочих; в конце дня после троекратного закидывания и вынимания сетей, рыбаки налавливают иногда до 20.000 штук рыбы. В худые сезоны улов не превышает 1.200.000 лососей, общий вес которых около 3.000 тонн¹. На всех берегах Японии в собственном смысле и архипелага Лю-цю тоже занимаются с успехом рыболовством, и рыба входит в гораздо более значительной доле, чем мясо, в питание жителей; в последнее время также основаны заводы для искусственного разведения рыбы на очень многих реках центрального Ниппона².

Морскими промыслами занято в Японии около 3,3 миллиона человек. Япония не только сама истребляет массу рыбы, но и вывозит ее в другие страны. Цена вывезенной в 1892 году рыбы достигла 2.224.612 иен. Японский рыбный промысел сильно развивается также вдоль нашего побережья; так, по отчету консула в Хакодате за 1895 год, улов лососей достиг 600.000 штук и горбуши 160.000. Около Сахалинского берега в 1894 году, занималось 71 судно с 2-мя тысячами рыбаков, выручивших чистого барыша 128.000 д. На островах Лю-цю занимаются также ловом перламутровых раковин, отыскиваемых на дне искусными ныряльщиками или водолазами. Наконец многие смелые промышленники гонятся в открытом море за кусирами, то-есть различными видами больших морских животных китовой породы, кашалотами, рорквалами или головачами, спиноперыми китами; многочисленные японские гравюры представляют целые рыболовные флотилии, преследующие этих исполинских млекопитающих и загоняющие их ударами гарпуна к сетям, сплетенным из толстого каната³.

В прежнее время земля принадлежала государству, и крестьяне пользовались ею как наследственные арендаторы. Благодаря этому владению почвой, переходящему от отца к сыну, землевладельцы, в конце концов, приобрели некоторую независимость, и как класс, они следовали непосредственно за дворянством: купцы и ремесленники стояли ниже их в социальной лестнице, как бы ни было велико их богатство. Размер земельного налога был различен, смотря по роду культур, обилию урожая, прихоти государя: от одной десятой только в некоторых округах он поднимался в других областях до трети и даже до половины и трех пятых получаемого дохода. Последние революции, которые изменили весь социальный строй японского государства, естественно, должны были коснуться также и порядка землевладения. Крестьяне сделались *de facto* собственниками земли и должны платить налог в два с половиной процента. Можно сказать, что в общем японское право, относительно системы землевладения, приблизилось к римскому праву. Крупная земельная собственность встречается на острове Иессо, в северной части Ниппона и даже в некоторых округах центральной области, повсюду, где находились нетронутые культурой земли или пустоши. Некоторые из этих имений недавнего образования можно сравнить по протяжению с большими поместьями Ирландии и России. Близ Ниигаты одно имение, где вся земля засеивается исключительно рисом, занимает площадь в 48 квадратных километров и приносит владельцу около 400.000 франков годового дохода: это немного, конечно, в сравнении с коллективным доходом тысячи мелких земельных участков, обрабатываемых их хозяевами⁴. Законы о наследстве представляют еще остаток патриархальных установлений. Старший сын, наследующий родовое имение, не может покинуть его, и жена должна жить вместе с ним в его отчизне, принимая его фамильное имя. С своей стороны, дочь, сделавшаяся наследницей, когда отец не имел детей мужского пола, должна оставаться в отцовском имении, и тогда она предписывает местопребывание и сообщает фамилию своему супругу. Когда основывается новое хозяйство, если дом дан тестем, муж принимает фамилию жены, которая приносит ему в приданое жилище⁵.

Горнозаводская промышленность Японии теперь относительно менее значительна, чем

1 Blakiston, „Proceedings of the Geographical Society of London“.

2 „Oesterreichische Monatsschrift fur den Orient“, 1880. № 12

3 Paul Gervais, „Nature“, 8 дек. 1877 г.

4 Benj. J. Lyman, „Report on the Oil Wells“, 1877.

5 Morgan, „Systems of consanguinity“.

она была в прежнее время. Говорят, что португальцы, в семнадцатом столетии, вывозили ежегодно из Японии 600 боченков (?) чистого золота, на сумму 20 миллионов франков; в то время этот металл был относительно более обыкновенен, так как ценность его только в 12 раз превосходила ценность серебра¹. Во многих рудниках медь содержит значительную порцию золота: оттого медная руда принадлежала к числу самых прибыльных статей вывоза голландцев. Древнейшие золотые рудники Японии, находящиеся на острове Садо, которые разрабатываются уже сотни лет, совершенно исчерпаны и дают лишь несколько унцев, недостаточных для того, чтобы продолжать разработку. В настоящее время единственные месторождения металлов, деятельно разрабатываемые—рудники медные и железные; что же касается серебра, то хотя разработка его и производится, но запасы весьма незначительны, и не далеко то время, когда оно совершенно прекратится. Достаточно сказать, что от самых богатых рудников правительство отказалось в пользу частной компании.

Добыча золота в Японии в 1895 году—29.101 унц; добыча серебра в Японии в 1895 году—2.326.699 унц; добыча меди в 1877 году—3.800 тонн, ценность 5.500.000 франк.

Залежи железа встречаются в различных частях архипелага, и один из Курильских островов, Уруп, заключает в своих недрах огромные запасы железной руды, содержащей 80 процентов чистого металла. В окрестностях Сендая рудники питают плавильные заводы, производящие до 50 тонн в день.

Другие металлы: свинец, олово, кобальт, ртуть, доставляются рудокопами национальной промышленности лишь в незначительных количествах. Источники каменного масла или нефти обманули надежды спекулянтов, которые думали найти в Японии «масленные реки», подобные пенсильванским запасам петроля, но зато страна Восходящего солнца чрезвычайно богата каменноугольными пластами; один город Иессо заключает количество угля, исчисляемое Ляйменом в 400 миллиардов тонн, то-есть количество, достаточное, чтобы покрывать нынешнее потребление этого продукта на всем земном шаре в продолжение 20-ти столетий; а между тем добыча каменного угля в Японии в 1895 году составляла всего только 200.000 тонн. Теперь начинают также утилизировать месторождения мрамора, которыми прежде туземная промышленность совершенно пренебрегала, по причине твердости этого материала. Большая часть рудников в Японии принадлежит правительству².

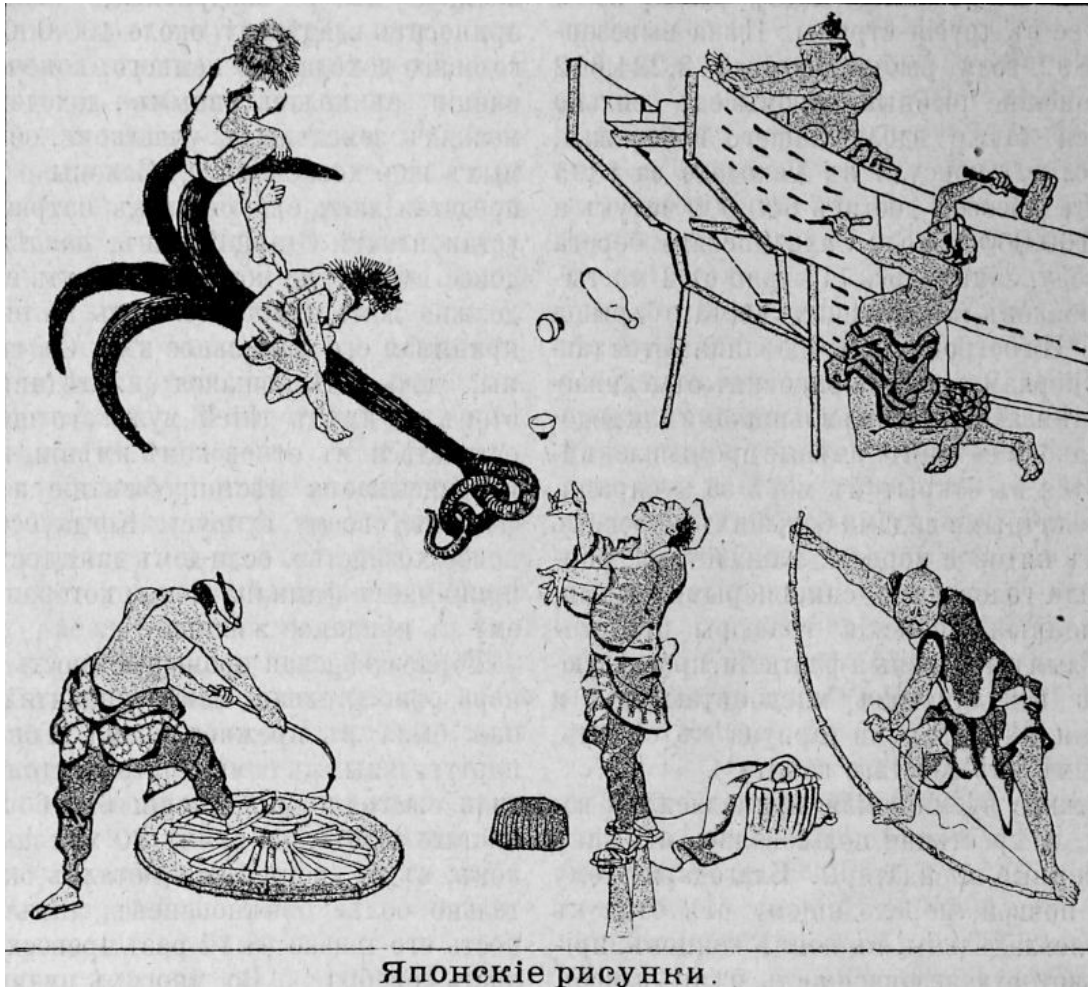
Хотя главная промышленность японцев—возделывание почвы для местного потребления, тем не менее страна Восходящего солнца из всех государств Азии принимает наиболее деятельное участие в мануфактурном труде, и произведения её мастерских отправляются во все части света. Особенно в производстве изделий из глины японцы достигли высокой степени совершенства. Уже в могилах людоедов, открытых Морсе, нашли глиняную посуду с чрезвычайно искусно сделанными украшениями, темы которых видны также на фаянсах исторических веков, и места погребения всех последующих эпох доставили искателям множество фигур из обожженной формовой земли или терракоты, которые помещались в виде круга вокруг могил. Однако, японцы обязаны своими успехами в этом искусстве китайцам и корейцам. Самыми знаменитыми горшечниками в истории Ниппона считаются те мастера, которых привез с собой один Сацумский князь, в 1592 году, после победоносной экспедиции в Корею и которых он поселил в своем княжестве в городе Несиво-гава: это они фабриковали прекрасные фаянсы, теперь очень редкие и дорого ценимые, которые известны под именем «старого сацумского фарфора». Корейцы же, поселившиеся в шестнадцатом столетии в Киото, ввели там искусство приготовления фарфоров в собственном смысле. В это последнее время число мануфактур керамического производства сильно возросло, и даже некоторые округа, прежде не имевшие ни одного завода этого рода, теперь доставляют торговле изделия, высоко ценимые за богатство цветов и оригинальность украшений, изображающих листья или животных. Селения гончаров, даже пользующихся наибольшей известностью, не отличаются от других групп хижин Ниппона: каждая мастерская состоит из

1 Лев Мечников, „L'Extreme Orient“, июнь 1877 г.;— G. Bousquet „Le Japon de nos jours“.

2 Воейков, „Mittheilungen von Petermann“, 1878, № 5.

членов одного семейства, которые ходят поочередно присматривать за обжиганием материалов в общественной печи деревни. В производстве бронзовых изделий, каждый мастер или вернее художник трудится над какой-нибудь отдельной вещью, и сам один плавит ее, высекает резцом, раскрашивает окислами, украшает инкрустациями из драгоценных металлов, перламутра, коралла или жемчуга. В 1894 году вывоз фарфоровых и глиняных изделий определялся в 1.435.000 иен.

Уже с незапамятных времен японские ремесленники знакомы также с искусством ткать прочные материи полотняные и шелковые, а их парчи, тканые с золотыми и серебряными нитями, составляют великолепный материал для комнатных обоев и парадных одеяний. Шелковых изделий вывозится на 12.984.000 иен, что же касается бумажных или пеньковых

Японские рисунки.

изделий, то в 1893 году вывоз их был на 2.012.000 иен.

В одном из храмов города Нара хранятся лаковые коробки, происхождение которых относят к третьему столетию христианской эры¹, и которые свидетельствуют о высокой степени совершенства, достигнутой японцами в этой отрасли промышленности уже за тысячу шестьсот лет до нашего времени. Известно, что японские лаки лучших эпох наведенные на меди и всего чаще на дереве сосны *retinispora*, и украшенные золотом, серебром или перламутром, принадлежат к числу драгоценнейших предметов, какие заключают наши музеи; особенно высоко ценятся те из этих изделий, которые относятся к шестнадцатому столетию, то-есть к тому времени, которое соответствует эпохе возрождения наук и искусств на Западе. Хорошие лаковые вещи имеют блеск металла и почти неразрушимы, в доказательство чего можно привести следующий случай. В 1874 году отправленный в Европу корабль «Нил» разбился о подводную скалу Микомото, в соседстве Симоды, и все сокровища, которые были посланы на Венскую всемирную выставку, пролежали целые полтора года в морской воде; когда, наконец, лаковые изделия были выловлены водолазами, они оказались совершенно целыми и

1 Masana Macda, „Revue scientifique“, 15 июня 1878 г.; — „Le Japon artistique et litteraire“.

невредимыми; их полировка нисколько не утратила своего блеска. В настоящее время старые лаки редки, но все же вывоз лакированных изделий достигает суммы в 797.000 иен. Японцам принадлежит также пальма первенства по производству некоторых сортов бумаги, которую они фабрикуют из мякоти шелковицы, бруссонетии (*bruussonetia papyrifera*), кетмии (*hibiscus*) и многих других древесных пород: если бы было верно, как это утверждали некоторые писатели, что степень цивилизации народов измеряется количеством потребляемой ими бумаги, то японцы могли бы претендовать на первое место в ряду культурных наций. Не только они принадлежат к числу народов, потребляющих наибольшее количество бумаги для печатания и для рисования кистью, но, кроме того, они пользуются этим продуктом для множества других употреблений: тетрадки бумаги заменяют им наши носовые плат-

Японские рисунки.

ки и салфетки; табуретки, служащие подушками, обиваются бумагой; вместо стекол, в окна вставлены бумажные квадраты из четвертушки листа, и большие рамы, оклеенные тем же материалом, составляют подвижные стены домов; для защиты от дождя, японцы надевают одежду из бумаги, навощенной растительным воском, и бумага же заменяет откидной кожаный верх в колясках, возимых руками; бумажные ремни, употребляемые в машинах, оказываются даже крепче кожаных¹. Некоторые виды этих японских продуктов до сих пор еще не могли быть воспроизведены западной промышленностью; но что касается белизны листов, то превосходство остается за английскими и французскими фабрикантами: японская бумага всегда немного желтовата. Японцы также могут считаться учителями европейцев в искусстве плетенья камыша и ивовых прутьев, равно как в искусстве плетенья соломы: они имеют изумительное разнообразие произведений этого рода, от непромокаемого плаща до марионеток всевозможной величины и формы². Одних циновок в 1894 году из Японии вывезено на 1.965 иен. Кожевенная промышленность представлена в некоторых городах Японии замечательно мастерскими произведениями; но, вообще, кожа очень мало употребляется как мате-

1 „Annales de l'Extreme Orient“, 1881 г.; „Geographie“, 8 окт. 1881 г.

2 Лев Мечников, „L'Empire Japonnais“.

риал для производства предметов роскоши, отчасти по той причине, что профессия кожевника считалась позорным ремеслом, — выделка кож низводила занимающихся ею ремесленников в презираемую касту этасов или парий, а главным образом оттого, что в Японии нет скотоводства и кожевенные товары ввозятся в Японию на сумму 1.172.847 иен¹. Между замечательными произведениями японской промышленности нужно упомянуть о тех «волшебных зеркалах», блеск которых, как гласит легенда, заставил богиню Солнца, любопытную и завистливую, выйти из пещеры, в которой она до того времени пряталась. Появление изображений, которые это зеркало отбрасывает на стены под влиянием пучка лучей света и теплоты, происходит, как показали опыты Шампиона, Персона, Мальяра, Гови, Айртона, Перри, Бертена, Дюбоска, оттого, что поверхность металла не везде имеет одинаковую толщину и одинаковую композицию; нагреваясь, она сгибается неравномерно в различных точках и таким образом делает видимыми, посредством искусно рассчитанных отражений своих впадин и выпуклостей, орнаментации или буквы, которые, так сказать, были скрыты в нем.

С тех пор, как торговые сношения производятся свободно между Японией и остальным миром, японская промышленность вступила в совершенно другой мир. Чтобы продавать иностранцам возможно большее количество своих произведений, туземные ремесленники стали заниматься преимущественно фабрикацией дешевых изделий, отчего, разумеется, должно было пострадать действительное достоинство их работы; кроме того, иностранная конкуренция разорила различные отрасли промышленности. Тем не менее, однако, традиции искусства сохраняются еще в прежней силе для некоторых производств, каковы бронзы, лаковые изделия, фаянсовая и фарфоровая посуда, шелковые материи, бумага, раскрашенная или гофрированная для обоев. Гармония цветов, воздержность в орнаментировке, изящество, натуральность, разнообразие рисунка составляют отличительные черты произведений японских ремесленников-художников; все предметы природы, цветки, листья, ветки, насекомые, рыбы, птицы и мелкие четвероногие животные представляются с такой поразительной типичностью выражения, с такой смелостью уменьшения размеров, с такой легкостью руки, что исполнение рисунка не оставляет желать ничего лучшего. В одно мгновение ока японский артист нарисует обширные декоративные композиции, представляющие стройное целое, при чем равновесие частей никогда не достигается повторением одних и тех же форм². Даже те, которые вовсе не артисты по профессии, импровизируют украшения, отличающиеся поразительной правдой и игривостью³; рисование составляет необходимую часть обыкновенного образования; японец каждую минуту делает употребление из своей кисти. Очень тонкие наблюдатели, японские художники имеют замечательный талант схватывать типичные черты и характеристические позы людей, и их ирония нападает не только на презираемых бонз, но и на сильных мира, изображаемых почти всегда под видом животных, лисиц, обезьян или кабанов⁴. Хотя Ниппон получил из Китая первые уроки искусства, однако, японцы быстро освободились от рабского подражания своим учителям и сохранили только заимствованный метод и приемы, чтобы применять их к сюжетам собственного выбора с своеобразной манерой, свободной, игривой и полной фантазии; даже в традиционном искусстве буддийского культа мотивы, предписываемые религией, воспроизводятся с удивительным разнообразием деталей. Но если человеческая фигура всегда изображается на японских рисунках с большой энергией движения, с изумительной силой выражения и замечательным пониманием типов и характеров, то редко бывает, чтобы границы смешного, границы так называемого гротескового рода не были превзойдены, и чтобы изображение не переходило в карикатуру. На всемирных выставках 1867 и 1878 годов японское искусство, уже давно оцененное европейскими знатоками, поразило всех посетителей своим неоспоримым превосходством над китайскими произведениями; влияние его уже в значительной сте-

1 В 1892 году.

2 „Le Japon artistique et litteraire“;—Cutler, „A grammar of Japanese Ornament and Design“.

3 De Hubner, „Voyage autour du monde“.

4 A. Humbert, „Japon pittoresque“;—„Le Japon artistique et litteraire“.

пени отразилось на всей современной европейской орнаментации в материях, фаянсах, картинах¹. Японское искусство образовало особую школу и нашло себе подражателей на западе, и это уже в эпоху его упадка, когда оно само испортилось под влиянием овладевшей художниками любви к наживе и происходящей оттого торопливости и небрежности работы.

Известно, что после изгнания португальцев и избиения обращенных в христианскую веру японцев торговля Ниппона с Европой была ограничена, в 1685 году, суммой 300.000 таэлей (иен) что составит около стольких же рублей, и нагасакский губернатор с большим усердием следил за тем, чтобы определенная трактатом ценность привоза не была превзойдена². Китайские коммерсанты имели право продать в Нагасаки товаров на двойную сумму, но и за ними учрежден был не менее бдительный надзор, чем над голландцами, в наказание за-

Изъ японскаго альбома.

то, что они провозили контрабандным путем кресты и католические книги. Движение обмена в размере около 6 миллионов франков—вот к чему сводились торговые сношения промышленной страны Восходящего солнца с остальным миром. Хотя Япония окружена островами и островками, где джонки и рыболовные суда могут тайком складывать свои грузы, однако, несмотря на эти выгодные условия, контрабандная торговля почти совсем не существовала; не торговле, а пиратству предавались отважные японские мореходы, которых видели на острове Формозе и на берегах китайской провинции Фу-цзянь, подражатели тех смелых корсаров, которые, в первые века христианской эры, появлялись даже в Малазии и перед устьем реки Мейнам, и которые доставляли сиамскому королю лучших его воинов; наконец в конце семнадцатого столетия, колония японцев охраняла подступы к Ютии, столице

1 Ch. Schiffer, рукописные заметки.

2 Thunberg, „Voyage au Japon“;— Kampfer, „Historie du Japon“; Siebold, „Nippon Archive“.

сиамского царства¹. Лишенные компаса из опасения, чтобы этот путеводитель не ввел их в искушение пускаться в дальние плаванья по морям, японские мореходы не удалялись более от берегов своего архипелага в течение трех последних столетий и воздерживались даже от всякого разговора с потерпевшими кораблекрушение чужестранцами. Во время морского землетрясения, имевшего место в Симодэ, около сотни японцев решились скорее погибнуть, чем нарушить закон, воспрещавший им вступать на борт европейского судна, только двое приняли веревку, брошенную им русскими матросами с корабля «Диана».

С 1854 года, эпохи открытия японских портов иностранным купеческим кораблям, внешняя торговля Ниппона не переставала возрастать от десятилетия к десятилетию, но не год от году, ибо междоусобная война 1868 года, обесценение бумажных денег, переполнение рынка товаров, имели следствием временную приостановку в развитии торгового обмена. В тридцать лет, с 1867 по 1897 год, совокупность коммерческих операций Японии с иностранными негоциантами в десяти открытых портах: Нагасаки, Хиогокобе, Осака, Иокогама, Ниигата, Хакодате, Отурунай, Симоносеки, Сендай, Аомори², не считая Формозы, возрасла так, что превысила оборот 1867 года более чем в 10 раз³.

*Журнал «Monthly Returns of the foreing trade of the Empire of Japon», дающий весьма подробные сведения обо всем, что касается внешних коммерческих сношений Японии и её торговли вообще, указывает, что в 1897 году вывоз достиг ценности 408 миллионов франков, а ввоз 549 миллионов. Таким образом общая сумма оборота за 1897 год определилась в 957.000.000 франков, или 3.824 миллиона иен. Если вспомнить, что в 1868 году торговля Японии оценивалась в 262 миллионов иен, возросши к 1879 году до 632 мил., а к 1889 г. до 1.364 мил., то легко заметить, что за время 30-летнего прогресса торговля страны более нежели удесятирилась.

Это замечательное развитие торговли зависит от прогресса японской промышленности. Привыкшие находить в самой стране земледельческие произведения и обработанные предметы, необходимые для личного употребления, японцы требуют от иностранцев только то, чего невозможно достать у себя дома.

В обмен за свои продукты, чай, шелк сырец и материи, камфару, лакированные изделия, коконы, они получают у европейцев только шерстяные и хлопчато-бумажные ткани, металлические изделия и некоторые мануфактурные товары. Но по мере того как в Японии развивается индустрия, страна освобождается все более и более от зависимости иностранцев, делается своим собственным поставщиком и даже конкурентом своих бывших учителей. Её таможенные отчеты указывают одновременное увеличение вывоза сырых материалов и уменьшение ввоза мануфактурных изделий. За последнее пятилетие этот последний упал на 44%, тогда как количество лишь одного шелка-сырца, вывезенного в 1892 году, в 11 раз превышает количество того же материала в 1887 году. Уже теперь в Японию почти прекратился ввоз хлопчатобумажных изделий и увеличилось количество привозимого хлопка-сырца. Более того бумажные изделия Японии нашли сбыт в Корее и Китае и являются опасным конкурентом бумажно-прядельной промышленности английской Индии. Есть проект, по которому Япония будто бы хочет отказаться от ввозной пошлины на хлопок и вывозной пошлины на мануфактуры, из него выделяемые, для того чтобы еще более увеличить этого рода производство. Из прочих предметов, которые еще недавно ввозились в страну, и в которых Япония ныне уже не нуждается и даже сама вывозит, это—различные принадлежности туалета, сапоги, туфли, шляпы, зонтики, белье, дождевики. Товары эти ходко идут по всему востоку и внутри Азии. Широкое распространение нашли себе спички японского изготовления, вывоз которых в 1894 году достиг 13.843.000 gross на сумму 3.796.000 иен.

Весьма немаловажную роль в японской торговле имеет каменный уголь, по своим качествам далеко неважный, но, как продукт дешевый, захватывающий все азиатские и даже

1 Thunberg;—Kusunoki;—Knipping, „Mittheilungen von Petermann“, 1878, № 11.

2 Четыре последних порта открыты условно, только после войны с Китаем.

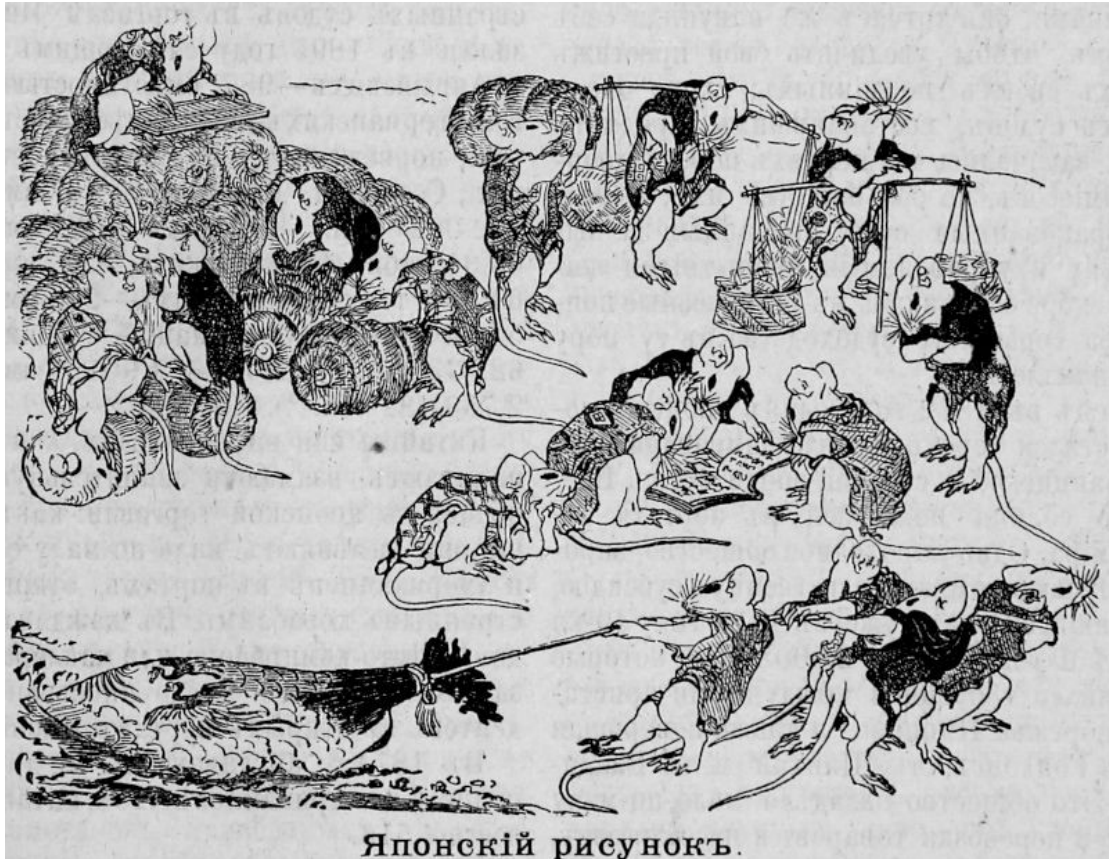
3 Позднеев, речь, читанная на Нижегородском съезде.

американские рынки. В 1894 году его вывезено было 1.265.504 тонны на сумму 4.176 т. иен.

Относительно торговли чаями уже было упомянуто; здесь достаточно лишь указать, что вывоз чая в 1894 году равнялся 5.556.400 фунтов, ценою в 7.930 т. иен*.

Вообще нет таких европейских произведений, которым японцы не умели бы подражать: осакские конструкторы поставляют нескороаемые сундуки, ничем не отличающиеся от иностранных произведений этого рода, и даже украшенные именем патентованного европейского фабриканта. Англия получила даже грузы кирпича, привезенные из страны Восходящего солнца.

Удлиненная форма архипелага, препятствия, которые горы, наполняющие внутреннюю часть страны, противопоставляют сухопутным сообщениям, удобства, представляемые бес-

Японский рисунокъ.

численными бухтами и бухточками побережья движению судоходства, по крайней мере на восточном берегу главного острова и во всей южной части Японии, все эти обстоятельства естественно должны были сделать островитян народом рыболовов и мореходов. Простые барки, слишком маленькия для того, чтобы пускаться за пределы бухточек, насчитываются в числе многих сотен тысяч; каждая семья имеет свою барку в прибрежных деревнях. Что касается более значительных судов, имеющих более 6 метров в длину и достаточно крепких, чтобы пускаться в открытое море, то их насчитывали в 1872 году свыше тридцати тысяч; до этого времени английский адмирал Гоп, плывя через внутреннее Японское море, встретил там более 1.500 джонок, не считая барок. До последней революции, то-есть до 1868 года, моряки в собственном смысле не обладали еще судами с килем, которые можно бы было сравнить с европейскими кораблями: у них были только джонки, все построенные по планам, предписанным государством¹; но некоторые из этих судов поднимали более 200 тонн груза и плавали во всех водах архипелага. Так как всякия торговые сношения с чужими землями были воспрещены, то большие джонки, на которые садились посланники и мандарины, отправляющиеся на острова Лю-цю, на Формозу, в Китай, принадлежали правительству. Со времени открытия японских портов европейским негоциантам, торговый флот страны получил большую важность и развитие, и теперь Япония равняется Франции и превосходит мно-

1 Kampfer, „Histoire du Japon;“ — Perry, „Expedition of an american squadron“.

гие другие европейские государства по числу и вместимости пароходов так же, как и по общей численности флота.

Коммерческий флот Японии в 1879 году состоял из: парусных судов европейск. конструкции—714, вместим. 27.550 тонн; пароходов—166, вместим. 42.660 тонн; джонок, в 31 тонну средним числом—18.174, вместим. 745.134 тонн. Общее число судов, не считая рыболовн.—19.054, вместим. 815.444 тонн.

Первый колесный пароход, проникший в японский порт, «Барракута», едва успел войти в воды Нагасаки, как уже любознательные туземцы стали толпами являться на борт его, чтобы осмотреть во всех подробностях невиданное судно, просили показать им действие машин и заставили корабельного инженера начертить план и профиль парохода¹. Когда японские даймиосы вступили в сношения с иностранцами, они тотчас же накупили себе пароходов, чтобы увеличить свой престиж в глазах своих подданных; скоро около 200 этих судов, составлявших предмет роскоши, закачались в портах перед дворцами даймиосов, но большинство их, негодные забракованные суда, проданные за высокую цену и управляемые неопытными экипажами, скоро обратились в бесполезные понтоны. Эра серьезного судоходства в ту пору еще не началась².

Наконец в 1872 году один японский корабль пустился через океан, направляясь в Сан-Франциско, и с этой эпохи флаг Восходящего солнца показался в портах западного мира. Одно пароходное общество, впрочем, получающее правительственную субсидию, Митцу-биши, обладало уже в 1876 году 40-ка слишком пароходами в 2.000 тонн, которые поддерживали сообщение между всеми пристанями побережья Ниппона, а также совершали рейсы в Гонконг, в Шанхай и во Владивосток. Это общество овладело мало-по-малу монополией перевозки товаров и пассажиров, но возникшая вскоре новая пароходная компания явилась сильным конкурентом. После продолжительной борьбы, где успех был весьма переменчив, противники решили соединиться и под общим названием «Ниппон-юзен-кайша» образовали огромную богато-организованную компанию. Это пароходное общество, получая субсидию правительства, является для страны тем же, что для нас Добровольный флот, с тою только разницею, что количество судов общества Ниппон-юзен в несколько раз более, чем в Добровольном флоте и флот японской компании можно видеть не только во всех портах Азиатского востока и Австралии, но даже в Европе, а в последнее время была попытка завязать сношения и с Африкою. Получая солидную субсидию, служа транспортом в военное время, общество по настоянию правительства в 1895 и 1896 году приобрело 20 судов, общее же число судов, принадлежащих обществу, доходит до двух сотен.

Вообще торговое судостроение в стране развивается одновременно с торговлей, и в настоящее время по числу своих торговых морских судов Япония занимает еще более видное место, чем в 1879 году.

В ней к концу 1897 года числилось:

Судов европейского типа: а) пароходов 827, вместимостью—213.221 тонн; б) парусников 702, вместимостью—41.447 тонн. Судов японской конструкции—17.360³.

Одной субсидии в 1897 году правительством выдано свыше 4.111.000 иен⁴. Участие иностранных судов в торговле Японии выразилось в 1895 году следующим образом:

Английских—987, вместимостью 1.786.335 тон.; германских—371. вместимостью 339.921 тон.; норвежских—244, вместимостью 239.148 тон.; Соединен. Штатов—96, вместимостью 122.002 тон.; русских—72, вместимостью 86.319 тон.; французских—29, вместимостью 61.330 тон.; австрийских—22, вместимостью 55.844 тон.; других наций—84, вместимостью 62.573 тон. Итого—1.905, вместимостью 2.753.482 тон.⁵.

1 Tronson, „Voyage of the Barracouta”.

2 „Oesterreichische Monatsschrift fur den Orient“, 15 марта 1876 г.

3 „Almanach de Gotha“, 1898, стр. 1097.

4 „Спб. Ведомости“ 1898, № 128.

5 „Chronicle and Directory“ 1897, p. 12.

Китайцы или нанкин сан, как их здесь называют, взимают значительную долю барышей с японской торговли: как посредники, они заменяют мало-по-малу европейцев и американцев в портах, открытых иностранным кораблям. В каждом торговом доме место компрадора или маклера неизменно занято китайцем. Число иностранных резидентов в открытых портах Японии состояло:

В 1874 г.: англичан 1.170; других европейцев и американцев 1.238; китайцев 2.723; всего 4.513.

В 1878 г.: англичан 1.067; других европейцев и американцев 1.410; китайцев 3.028; всего 5.505.

К январю 1897 года: англичан—1.960; американцев—1.025; немцев—476; французов—343; русских—269; китайцев—4.533; всего—9.238 человек.

Японцы не совсем пренебрегали устройством сухопутных дорог, хотя море, освещаемое теперь маяками (в 1881 году в Японии было уже 45 маяков, не считая портовых огней), представляет им столь удобные пути сообщения. Еще недавно только, в окрестностях Киото, старой столицы государства, употребляли для перевозки тяжестей телеги, запряженные волами. Эти пути были исправлены и дополнены; другие дороги, представляющие на большей части своего протяжения простые тропинки, по которым могли проходить только мулы, были постепенно расширены, чтобы сделать их удобными для проезда ручных колясок или «дженерикша». Четыре главные дороги, называемые обыкновенно по старым именам провинций, через которые они пролегают, именно Токай-до и Накасен-до, соединяющие Токио с Киото, одна через морское побережье, другая через горы; Гокроку-до, которая идет по западной покатости главного острова, и Тосан-до, северная дорога, принимают мало-помалу вид европейских шоссе. Что касается железных дорог, то Япония сначала довольствовалась тем, что подала пример Китаю, построив два рельсовых пути из Иеддо в Иокогаму и из Осаки в Киото и Кобе, где публика толпится не менее, чем на самых оживленных линиях Европы; но после этого последнего усилия предприятия этого рода были надолго прерваны, строили только маленькие горнозаводские железные дороги, и лишь в самое недавнее время город Охоц был связан рельсовым путем с Киото, а на острове Иессо главный город Саппоро соединен с портом Отарунай. Общая длина японских железных дорог в 1881 году равнялась 138 километрам; число пассажиров, проехавших в 1879 г., было 3.000.000. В настоящее время приступают к исполнению обширного проекта, состоящего в том, чтобы провести магистральную линию с севера на юг главного острова через города Сендай, Токио, Нагойя и Киото и соединить ее боковыми ветвями со всеми важнейшими городами западного берега. Участки этой сети, которые должны быть ранее других окончены постройкой и открыты для движения, суть дороги из Охоца в Цуругу и из Токио в Нагасаки. За исключением локомотивов, привозимых из Америки, весь материал, потребный для постройки и эксплуатации новых рельсовых путей, будет туземного происхождения. Всего в настоящее время в Японии открыто железных дорог протяжением 2.501,47 английских мили, рельсов положено 3.034,51 миля.

По части почт и телеграфов успехи Японии были гораздо быстрее. Первая телеграфная линия была открыта в 1869 году, а в 1896 году общая длина телеграфной сети, заключающей несколько подводных линий и связанной с линиями соседнего континента через Шанхай, Владивосток и Фузан, составляла около 15.913 километров, при длине провода 148.758 километ.; почтовые дороги имели общее протяжение в 58.000 квадратных километров. Что касается организации почтовой службы, то Япония, одно из государств, выказавших наибольшую готовность присоединиться к всемирному почтовому союзу, не имеет причины завидовать почтам западной Европы; в этом отношении ее уже можно поставить гораздо выше многих государств с европейской цивилизацией. В 1895 году движение почтовой и телеграфной корреспонденции в Японии выразилось следующими цифрами:

Почтовых контор—3.830; писем и посылок внутр.—439.692.266; писем и посылок за границу—4.384.868; транзитных посылок—139.763. Телеграфных контор—784; телеграм по-

слано—9.411.421.

Циркуляция периодических изданий в короткое время возрасла в изумительных размерах. Первое издание этого рода появилось в 1871 году; а в половине 1878 года уже насчитывалось 266 газет японских и 9 на иностранных языках, которые все вместе печатались в количестве 29 миллионов экземпляров. В течение того же года вышло в свет 5.317 новых сочинений в 9.967 томах. Таким образом страна Восходящего солнца занимает видное место между нациями мира по развитию книжной торговли; по числу выходящих в свет произведений печати она превосходит даже Великобританию. Так, например, в течение года, с июля 1878 по июль 1879 года, в Японии вышло в свет следующее число изданий:

543 сочинения по политике и законодательству; 470 сочинений по педагогике; 454 сочинения по географии; 313 сочинений по филологии, 225 сочинений по математике; 180 сочинений по истории; 107 сочинений по религии; 2.925 романов, стихотворений и т.п.

В это последнее время некоторые не очень известные японские издатели начали вступать в конкуренцию с европейскими собратами по ремеслу в отношении контрафакции английских литературных произведений¹. Все ценные научные сочинения, появляющиеся в Европе, переводятся на японский язык и имена Дарвинов, Гербертов Спенсеров известны всякому образованному человеку в Ниппоне.

В 1892 году в Японии числилось 24 библиотеки с 327.548 томами книг. Выпущено 7.334 разных изданий. Выходило 792 периодических изданий, которые расходились в 244.203.066 экземплярах. Самая распространенная из Японских ежедневных газет «Jogodgu Choho» расходуется в количестве 24.458.240 экземпляров.

Быстрое возрастание литературного движения доказывает, как серьезно поставлено дело народного просвещения в стране Восходящего солнца. Образование сделалось общим достоянием, и все без различия происхождения и состояния могут изучать науки и искусства в общественных учебных заведениях. По закону, должна существовать одна начальная школа для каждых 600 жителей; средние и специальные учебные заведения, академии художеств, консерватории промышленных искусств и ремесел, университет в Токио и многие высшие учебные школы, из которых первая по времени есть главная медицинская школа в Нагасаки, основанная в 1829 году, дополняют организацию системы народного образования. Даже тюрьмы преобразованы в правильные школы, где обязанности наставников обыкновенно исполняют осужденные за политические преступления². Часть бюджета, назначенная в распоряжение министерства народного просвещения, составляет один из главных расходов государства, и японская нация, независимо от правительства, отличается между всеми народами своей щедростью в пользу школ; в пять лет, с 1875 по 1879 год, добровольные пожертвования на дело народного просвещения достигли суммы, превышающей 42 миллиона франков, не считая земель, зданий, книг, инструментов, учебных пособий, всякого рода приношений натурой. Между многочисленными ассоциациями, возникшими в это последнее время, одно общество, имеющее не менее 3.000 членов во всех частях империи, основалось специально с целью содействия распространению школьного образования в стране. Однако еще две пятых мальчиков и четыре пятых девочек не посещают общественных школ, но много детей учатся грамоте в своей семье.

В настоящее время в империи Микадо 25.617 школ в том числе 23.667 общественных, получающих помощь от государства и 1.950 частных. По отчетам число учащихся в конце 1896 года было 3.613.026 при 69.196 учителях и наставниках. Содержание всех этих учебных заведений превышает 50 миллионов ежегодно. Особенные успехи заметны в распространении высшего и профессионального образования. Так число воспитанников инженерного училища возросло до 825. На курсах архитектуры было—65 студентов; механики—40; кораблестроения—13; электротехники—30; химии и технологии—24 и металлургии—27³.

1 „Athenaeum“;—„London and China Express“, 4 нояб. 1881 г.

2 „Nature, journal of science“, 13 окт. 1881.

3 См. „Engineering“, 1897.

Став на почву коммерческого и торгового народа, японцы обратили серьезное внимание и на эту сторону образования. Понимая свою неподготовленность и неопытность в деле торговли в сравнении с европейцами, японцы спокойно и энергично стали изучать торговую тактику и приемы своих конкурентов, и предприняли ряд мер к распространению коммерческого образования, для чего открыли несколько коммерческих училищ, крупнейшие из которых находятся в Осаке и Токио; организация их и достигнутые результаты не оставляют желать ничего лучшего. Не смотря на такие, повидимому, блестящие успехи, система народного образования, по отзыву Пеликана, не обладает никакою устойчивостью. В течение первого десятилетия действия новых школьных порядков программы преподавания и самые порядки подвергались неоднократным коренным преобразованиям. Так, в 1877 году пришлось расширить круг власти местных учреждений, а в 1885 году состоялся новый пересмотр школьных уставов, вызванный жалобами на высокую плату за ученье. Были приняты некоторые меры, но они оказались недостаточны, и в 1886 году вся система вновь была изменена. Но закон 1886 года был в действии лишь до 1890 года, когда потребовалось новое его изменение и пересмотр¹.

Главный упрек, который делают японской системе воспитания, состоит в том, что программа её слишком обширна для начальных школ и средних учебных заведений; учение тяготеет в глубине то, что выигрывает в обширности курса. Кроме того, прежние грубые телесные упражнения молодых самураев заменены курсом гимнастики, но весьма недостаточным, и здоровье воспитанников много страдает от этого порядка, не соответствующего требованиям правильного физического развития, и вообще японские ученики слишком переутомлены и впадают в сильное истощение.

Число иностранных наставников, которых японское правительство выписало из Европы и Америки, чтобы ознакомить население с науками, искусствами и ремеслами цивилизованного мира, уменьшается из году в год, и оклады, предлагаемые вновь приезжающим, делаются все более и более умеренными, что объясняется постепенной заменой англичан и американцев немецкими преподавателями. В 1875 году всех иностранных наставников, состоящих на службе японского правительства, насчитывалось 705, в 1892 году их было только 54. Иностранные инженеры, приглашенные для проведения в крае грунтовых дорог и рельсовых путей, для постройки и вождения кораблей, медики, которым получают управление госпиталями и больницами, военные, призванные для формирования и обучения войска, юрисконсульты, избранные для составления законов, финансисты, прибывшие в надежде орудовать фондами и финансами государства,—все чужеземцы были приведены ласковым и постоянным обхождением их хозяев к единственной роли, к роли учителя, каждый по своей специальности². От них требовали не применять непосредственно свои таланты в пользу своей славы, а только того, чтобы они делались постепенно безопасными, образуя учеников, которые могли бы заменить их и тем дали бы возможность как можно скорее отослать их во свояси. Новая Япония считает за честь создать себя собственными силами, и стесняющий и не скромный чужеземец, которого она принимает в качестве гостя, есть для неё не более, как необходимый враг. «Будущность народа, говорит с гордостью один японский писатель, заключается в нем самом, как орел содержится в яйце».

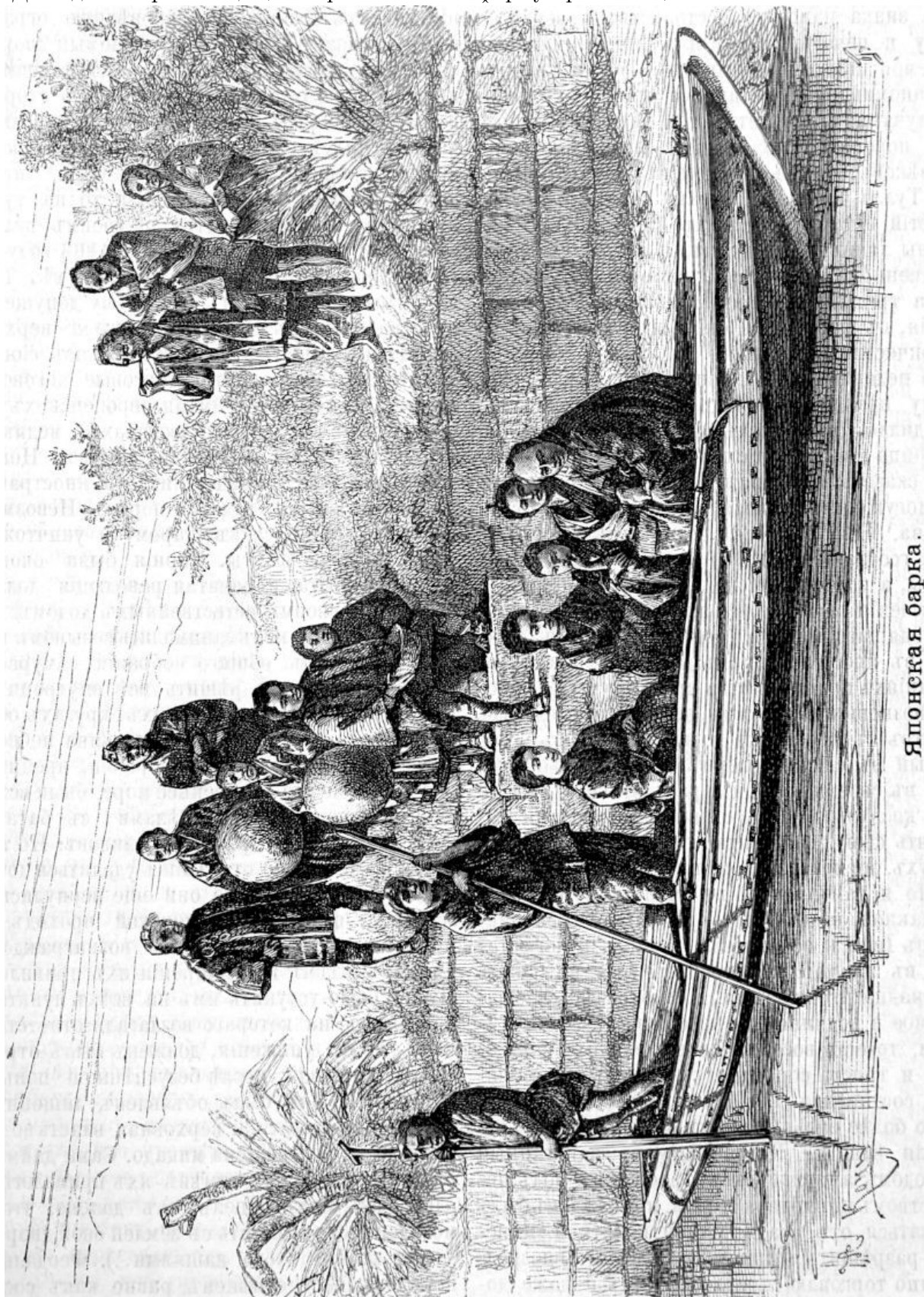
По преданию, царствующая фамилия происходит от Зинму-Тенно, «божественного завоевателя», сына бога Исанами и правнука «богини Солнца». Микадо, занимающий теперь трон Японской империи, есть сто-двадцать-третий император, носящий три божественных знака царского достоинства—зеркало, шпагу и печать: династия Солнца, имеющая эмблемой цветок золотоцвета, форма которого напоминает светящийся шар, окруженный лучами, царствует, если верить преданию, без перерыва уже двадцать пять с половиной веков, то-есть со времен Навуходоносора и Тулла Гостилия. Однако девять первых столетий истории японских императоров известны лишь по легендам, и бытописание в собственном смысле

1 См. Пеликан, „Прогрессирующая Япония“, стр. 279.

2 G. Bousquet, „Le Japon de nos jours“.

начинается только из конца третьего века христианского летоисчисления, с эпохи введения китайских идеографических знаков¹.

До недавней революции, которая изменила форму правления, власть только номинально

Японская барка.

находилась в руках императора Ниппона. С конца двенадцатого столетия он был, так сказать, сопричислен к сонму богов, и его могущество проявлялось через посредство сиогуна,

¹ D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples etrangers a la Chine“.

сделавшагося истинным повелителем государства. В 1853 году, когда американцы, а затем русские явились хлопотать о заключении торгового трактата с царством Восходящего солнца, микадо не умел принять в происходивших по этому поводу совещаниях правительства другого участия, кроме «возношения с утра до вечера горячих молитв к kami и к теням предков». Запертый в своем дворце или, вернее сказать, в своем капище, раб этикета, он не мог коснуться почвы своими ногами, ни выставить свою священную особу на открытый воздух, ни позволить солнцу осветить его главу. Но и сам сиюгун не имел уже той самодержавной власти, которую знаменитый диктатор Иейас, основатель столицы Иеддо, оставил в наследство своей фамилии, в конце шестнадцатого столетия. Несмотря на свое зависимое и подчиненное положение, вассалы империи, то-есть восемнадцать великих даймиосов и триста сорок четыре малых даймиосов, составляли в действительности корпорацию более сильную, чем официальные хранители власти. Когда сиюгун, напуганный приходом американских фрегатов под начальством коммодора Перри, принужден был отказаться от традиционной политики империи—разрешить чужеземцам вести непосредственно торговлю с его народом и даже дозволить им поселяться на жительство в пределах японской территории,—это решение было слишком важно, чтобы не взволновать в сильной степени мнения феодальных князей и всей толпы низшего дворянства или самураев. Волнение общественного мнения сделалось столь сильно, что толки внешнего мира проникли наконец в первый раз, в течение многих веков, в «заповедную ограду» императорского дворца. Побуждаемый дворянством, император должен был вмешаться и дать приказания сиюгуну. Со всех сторон вспыхнула борьба между дворянскими родами, из которых одни держали сторону микадо, другие стояли за светского царя, иные, почти независимые, переходили то на ту, то на другую сторону, смотря по своим капризам или чувству неприязни. В 1863 году лига князей, властвовавших в Сацуме, Тозе и Нагато, враждебная свободному допущению иностранцев в страну, одержала верх и заставила императора дать приказ сиюгуну уничтожить заключенные торговые договоры: но эти вассалы сами имели европейских инструкторов в своих войсках, медиков и преподавателей с Запада или из Нового света в своих резиденциях, и иностранцы же доставляли им ружья и порох. Невозможно было вернуться к старому и уничтожить совершившиеся факты. Япония была окончательно открыта, и начатая революция должна была идти своим естественным ходом.

В то время, как занимались созывом гакциюина, то-есть общего собрания самураев, долженствовавшего решить все внутренние и внешние вопросы, в западных округах образовалась так называемая «дружина небесного гнева», и иностранные корабли, проникавшие в Японское внутреннее море, были встречаемы пушечными выстрелами с батареей, устроенных на берегах проливов. Но иностранцы не только отказались удалиться добровольно из страны, но они еще вернулись с эскадрой, форсировали морской проход Симоносеки, требуя военного вознаграждения, а вскоре затем и расширения их привилегий. Нужно было уступить им на всех пунктах, но сиюгун, на которого возлагали ответственность за эти унижения, должен был отречься от престола: после безуспешной попытки возмущения, он был объявлен лишенным своего высокого сана, верховная власть во всей её целостности возвращена микадо. Сами даймиосы стали просить об отмене их привилегий, и один из них зашел так далеко, что домогался чести сравнять с землей свой дворец, чтобы заменить его пашнями¹. Феодальный порядок был отменен, равно как сословные различия, право на образование было предоставлено всем без исключения, браки были дозволены между лицами, принадлежащими к различным классам общества, и даже люди плебейского происхождения или геймины вошли в правительство. Презираемые этасы были уравнены в правах с другими подданными государства; у самураев было отнято право ношения оружия. Тем не менее население Японии еще и до ныне подразделяется: на дворян-потомков высшей феодальной аристократии или «квадзокоу», мелкого дворянского сословия или «шидзукоу» (самурай и роины) и собственно простого народа или «гемин». По переписи 1895 года численность этих сословий в

1 De Hubner, „Voyage autour du monde“.

стране была:

Квадзокоу—4.162 ч.; шидзукоу—2.050.144 ч.; гемин—40.216.314 чел².

Чтобы показать, что совершившиеся перемены неотменяемы, и что новая эра Мейджи или «Просвещённого закона» решительно открыта, император покинул священный город Киото и перенес свою резиденцию в более обширную столицу Иеддо, в самое средоточие прогрессивного общества новой Японии. Последнее восстание, которое ему пришлось победить, было возмущение моряков военного флота, которые овладели городом Хакодате и основали там независимую республику, по образцу Соединенных Штатов Северной Америки.

«В 1869 году, год спустя после того, как революция низвергла все соперничавшие между собой власти перед властью императора, этот последний сам воздал честь другой силе,— силе общественного мнения. Говоря языком, какого до того времени никогда не слыхали в стране Восходящего солнца, микадо клялся торжественно, в присутствии своих советников, что будет созвано совещательное собрание для обсуждения органических законов; он обещал, что отныне справедливость в отношении всех будет его неизменным правилом поведения, и что он всегда будет обращаться за советом к мужам ума и истинной заслуги. Посланники, отправленные в Европу для изучения образа правления у цивилизованных народов, высказались в пользу порядка, которой должен был обеспечить им наибольшее личное влияние, и власть сохранила свои неограниченные формы.

«Венцом японского прогресса», по мнению самих японцев, явилась конституция 1889 г. По существу она представляет из себя непостижимую смесь азиатчины с последними выводами и указаниями самых передовых западных публицистов. Согласно этой конструкции, микадо по справедливости должен быть признан самым конституционным монархом всех времен и народов. Он мало того, что может не управлять, он свободен также и не царствовать, а просто занимать престол, в качестве представителя божественной династии, не имеющей ни начала ни конца своего существования. Новые люди, несмотря на своей либерализм и явно проповедываемый атеизм, не посмели посягнуть ни на божественное происхождение их небесного повелителя, ни на непрерывность его династии, ни на завещанный Зинму Тенно порядок наследия престола. Эти краеугольные камни японского государственного строя по-прежнему твердо стоят на своем месте и, надо полагать, на вечные времена будут служить подводными камнями, о которое еще не раз будут разбиваться различные узурпаторы императорской власти. Ст. 1 и 2 японской конституции гласят: «Что Япония должна находиться под властью династии, не прерываемой в вечности и что престол преемствен по правилам, существующим (?) в статутах императорского дома».

Японский парламент состоит из двух палат. В палате перов заседают пожизненно все миа, принцы, маркизы, а также и все назначаемые для того самим микадо способные и ученые люди. Графы, виконты и бароны посылают туда только своих представителей, которых избирают на семь лет каждый из своей среды отдельно. Кроме того в городах Токио, Киото, Осака и в каждом из 47 кенов, на которое Япония делится в административном отношении, 15 проживающих там лиц, из числа платящих наивысший налог,—посылают от себя в палату перов по одному члену, назначаемому на 7 лет. Общее число назначаемых членов не должно превышать общего числа титулованных членов.

Нижняя палата состоит приблизительно из 300 членов. Избиратели должны иметь не менее 25, а избираемые 30 лет, и как те, так и другие должны платить не менее 15 иен (75 фр.) государственного налога. По словам г. В. Черевкова, в 1887 г. в Японии было 1.581.726 лиц, платящих свыше 5 дол.; 882.517 лиц свыше 10 дол., и всего было 300.000 платящих 15 и выше долларов.

Парламент собирается раз в год. Прения его публичные; министры имеют право заседать в обеих палатах и держать там речи. Ответственны они только пред императором. Право палаты на утверждение бюджета ограничено. Она не может отказать в расходах, предусмотрен-

ных конституцией, а именно в расходах на армию, на жалование всем военным и гражданским чинам, на организацию различных отраслей управления, при чем расходы на императорский дом вовсе не подлежат её обсуждению.

Первый японский парламент был открыт летом 1890 г. и тотчас же обнаружил свой удивительный состав. В нем оказалось из 300 депутатов: 144 радикала, 50 крайних прогрессистов и всего только 4 консерватора, в лице четырех буддийских священников. Почти все депутаты принадлежали к сословию самураев. За последние годы к этим партиям прибавились еще социалисты и коммунисты. Несмотря на усвоенную правительством систему официальных кандидатур, достичь в палате большинства членов своих оно никак не может. Более двух третей депутатов оказывается прямо ему враждебным, и японский парламент представляет из себя арену бесконечных и лишенных всякого практического значения препирательств членов оппозиции с министрами. Препирательства эти детски радуют обе стороны, так как дают их лидерам возможность обнаружить свой ораторский талант и похвастать своими диалектическими способностями»¹.

Высшие правительственные установления составлены по образцу подобных же учреждений конституционных государств. Верховный комитет или совет министров состоит под председательством первого министра, которому, в качестве товарища, придан вице-президент—из статс-секретарей всех главных отраслей государственного управления или министерств: внутренних дел, иностранных дел, финансов, военного, морского, народного просвещения, путей сообщения, юстиции, императорского двора, министерства торговли и земледелия; вскоре после присоединения Формозы, японцы образовали министерство колоний, но оно, просуществовав до 1898 года, было упразднено. Другое высшее учреждение, стоящее, однако, ниже совета министров— это государственный законодательный совет, который разрабатывает, под председательством принца крови, законы и представляет свои работы на рассмотрение министров, не имея сам никакого права почина. Правительство созывает также, в некоторых специальных случаях, собрание из чиновников окружной администрации для выслушания их мнений по вопросам, касающимся податей и налогов; но областные правители или губернаторы облечены властью налагать свое veto на совещания этой комиссии официальных сведущих людей. Административная иерархия, очень крепко организованная в этой стране, где общины пользуются лишь призрачным самоуправлением—хотя главы или старшины выбираются собранием отцов семейства,—обнимает целых семнадцать рангов, разделенных на три категории, называемые сиюк-нин, со-нин и ган-нин. До 1879 года по государственной смете была ассигнована сумма в 675.000 франков на «храмы богов»; в настоящее время покрытие расходов на потребности культа предоставлено всецело благочестию верующих.

Старые японские законы, заимствованные из китайской юриспруденции времен династий Линов и Цзинь, и приказы или «Стозаконие» диктатора Иейяса были собраны в общий свод после революции и значительно смягчены, хотя, с другой стороны, некоторые деяния, прежде ненаказуемые, теперь преследуются как противозаконные. Так, неограниченное право, которым прежде пользовался отец семейства по отношению к своим детям, было отменено, и отныне тот, кто стал бы продавать своих дочерей, согласно обычаю, некогда очень распространенному, подлежал бы строгому наказанию². Женщина, на которую старое законодательство смотрело как на существо бесправное, если отец или муж не выступал её защитником, заняла легально место между человеческими личностями. Канга или наказание надеванием деревянного ошейника отменена, равно как и пытка; однако, по свидетельству иностранцев, последняя еще применяется в форме сечения, относительно, легкой. Смертная казнь, через повешение или обезглавление, установлена законом против убийц, мятежников, грабителей на большой дороге, торговцев опиумом; но редко случается, чтобы судам приходилось применять эту кару. В 1892 году во всех острогах империи содержалось только

1 Пеликан, „Прогрессирующая Япония“, стр. 169-172.

2 Однако это практикуется еще повсюду в низших классах общества.

Прим. ред.

76.333 арестантов, между которыми было 4.959 женщин¹. Французские юрисконсульты, приглашенные в Японию для изучения и исследования местного права, выработали кодексы гражданский и уголовный, которые японское правительство и обнародовало в 1880 г., как законы государства. Вышло однако, что многие из этих нововведений спутали понятие о справедливости в уме японцев, причисляя к проступкам действия, которые вовсе не кажутся им предосудительными, каковы, например, обычай татуирования и омовения, делаемых публично, на глазах всех. Главный результат, которого желает достигнуть японское правительство, преобразуя свое законодательство и судопроизводство,—это предоставить достаточно гарантий иностранным державами, для того, чтобы эти последние, отказавшись от привилегии вне-земельности, позволили судить их подданных местным властям². В настоящее время большинство иностранцев, проживающих в пределах Японии, подчинены и подсудны своим посланникам и консулам; но им строго запрещено заниматься политикой страны, равно как запрещено издание газет и журналов на японском языке под страхом наказания, — денежного штрафа, тюремного заключения и даже каторжных работ, — налагаемого по приговору консула³.

В стране существует 49 судебных палат первой инстанции по одной в каждой из провинций или округов, низших судов, соответствующих кругу деятельности наших мировых судей, 301. Судьи назначаются пожизненно по усмотрению министра юстиции. Старейшие судьи по выбору микадо составляют главную центральную палату, заседания которой совершаются раз в три месяца и которая разбирает особенно важные преступления или дела касационного характера.

В Японии 156 исправительных тюрем, кроме того 7 военного ведомства и 3 морских. Относительно регистрации преступлений уголовной подсудности, можно сказать, что число их довольно велико.

В 1891 г.: маловажных преступ.—154.087; серьезных преступ.—3.260; итого—157.678. В 1892 г.: маловажных преступ.—166.884; серьезных преступ.—3.244; итого—170.133.

За исключением госпиталя, основанного в Нагасаки голландскими медиками, Япония не имела, в эпоху заключения торговых трактатов с иностранными государствами, других заведений для лечения больных. Но с того времени, со своим обычным рвением к подражанию европейским учреждениям, страна Восходящего солнца принялась за устройство больниц, и в конце 1878 года она имела их уже 159, из которых 35 были построены исключительно на средства, составившиеся из добровольных пожертвований⁴. Так же, как в большей части европейских стран, оспопрививание сделано обязательным.

Государственный бюджет Японии в 1880 г. (считая иен в 5 франков 47 сантимов) простирался до 304.413.000 франков.

Доходы: налоги прямые—226.867.720 фр.; налоги косвенные—41.807.587; таможенные пошлины—11.931.766; разные—23.796.000.

Расходы: платежи по долгу—115.965.530 фр., содержание двора и пенсии—10.592.212; армия и флот—53.750.398; народное просвещение—6.235.089; общественные работы—5.597.809; администрация и проч.—112.480.000 фр.

Финансы Японии далеко не в цветущем состоянии, а в последнее время так даже просто в плачевном. Не успела страна позаимствовать у европейских государств систему и методы отчетности, как уже усвоила манеру делать неоплатные государственные долги и жить выше своих средств. Расходы страны увеличивались с каждым годом, тогда как доходы остаются одни и те же, отыскать же новый источник дохода является делом весьма трудным, так как население и так уже обложено более, чем это возможно.

Как увеличиваются расходы страны, видно из отчета консула Бренана, который приво-

1 G. Bousquet, „Le Japon de nos jours”

2 „Annales de l'Extreme Orient”, дек. 1880 г.

3 „China and Japan, Order in Council”, 1875 г.

4 „Mittheilungen von Petermann”, II, 1881.

дит следующую таблицу расходов в настоящее время и в будущем.

Статьи расходов	в 1893 г. иен	в 1897 г. иен	Предлагаемые в 1904 г. иен
Содержание двора	3.000.000	3.000.000	
Мин. иностр. дел	624.000	151.700	13.000.000
Мин. внутр. дел	27.636.000	6.492.000	
Мин. финансов	14.915.000	41.704.000	54.000.000
Мин. военное	2.316.000	29.137.000	30.000.000
Мин. морское	5.141.000	98.886.000	28.000.000
Мин. юстиции	3.452.000	35.552.000	
Мин. просвещен.	959.000	2.049.000	80.000.000
Мин. торговли и земледелия	929.000	142.400	
Мин. колоний	-	12.551.000	41.000.000
Субсидия мореплаванию	-	-	6.000.000

Японские колодники.

Итого	64.442.000	122.984.000	173.000.000
-------	------------	-------------	-------------

Из этой таблицы легко усмотреть, как возросли доходы Японии в 4 года и каковы они будут через десять лет. Этот десяти-летний бюджет, одобренный парламентом, приводится в исполнение, не смотря на то, что он не соответствует доходу, который исчисляется таким образом к тому же 1904 году. Прежние доходы по бюджету до войны—57.557.000 иен. Увеличение (ожидаемое) их и новые доходы—59.053.000 иен. Казенные доходы—35.000.000 иен. Разные доходы—30.000.000 иен. Доходы с острова Формозы—85.000.000 иен. Итого—163.110.000 иен.

Сравнивая цифры доходов и расходов, легко усмотреть, что даже в бюджете последние превышают первые на 10.000.000 иен, которые придется черпать из неизвестного источника, т.е. прибегать к займам. С другой стороны ни для кого не составляет секрет как ненадежны и призрачны расчеты на увеличение дохода, основанные на предположениях.

Достаточно указать хотя бы на то, что еще до настоящего времени Формоза приносит лишь убыток и будет ли она через 5—6 лет давать ожидаемую цифру дохода—это еще более нежели сомнительно. Все современные газеты констатируют, что экономическое положение

страны нисколько не поправилось даже получением 341.000.000 иен контрибуции с Китая, ушедшей на флот и перевооружение, попытки же правительства увеличить налог на некоторые промысла потерпели полнейшее поражение в парламенте, не смотря на его троекратный созыв по этому случаю.

В прежнее время Япония в административном отношении делилась на области или «дороги» (до), названия которых и теперь еще употребляются в обыкновенной речи; но после революции, чтобы порвать всякую связь с преданиями старины, прежняя провинция была заменена департаментами или губерниями (фу), подразделенными на уезды или округа (кен). Но прежде чем обратиться к перечислению провинций страны Восходящего солнца, необходимо рассмотреть недавнее приобретение Японии Формозу.

Этот остров Китайского моря, немного более обширный и, вероятно гуще населенный, чем Хай-нань (вероятное пространство и население Формозы: 560 квадратных миль и 3.600.000 жителей, так что на 1 квадратную милю приходится, средним числом, по 6.535 человек), тоже составлял в административном, как и в геологическом отношении, землю, связанную с континентом¹. Тогда как непосредственно на восток от острова начинаются глубины, и ниже подводного откоса берега простираются пучины в 2.000 метров. Формозский пролив, отделяющий Формозу от соседнего материка, и ширина которого около 150 верст в самой суженной его части, имеет всего только 60 метров средней глубины, и нигде лот не опускается в нем до 100 метров. Даже около южного входа в пролив рассеяна, перед западной выпуклостью Формозы, группа островов Пын-ху, за которой оставлено также её испанское название Pescadores (Рыбачьи острова), и сам архипелаг продолжается на запад и юго-запад опасными подводными мелями. Такими образом совершенно естественно, что до присоединения к Японии Формоза причислялась в административном отношении к континентальной провинции, с которой она соединена подводными мелями, и откуда, кроме того, происходит большинство её жителей. В глазах китайского правительства Формоза была просто округ соседней провинции Фу-цзянь.

Эта земля, которую старинные китайские географы знали под именем Большого Лучеу², и которая теперь приняла название своего главного города, Тай-вань, есть один из гористых островов, представ ляющих наибольшую правильность в расположении своих покатостей. От одной до другой оконечности, на пространстве около 360 верст, удлинённый овал острова разделен на две части хребтом, который тянется с юга на север, уклоняясь к востоку от меридиана. Западный склон, обращенный к океаническим пространствам, в целом вдвое круче, чем противоположный скат, обращенный к твердой земле: он погружается в море крутым откосом, обрывом, тогда как западная покатость, которая походит на горные цепи Фу-цзяни, спускается полого к морю и под его поверхность. С того и другого берега (восточного и западного) можно совершенно явственно разглядеть обрисовывающийся на горизонте профиль зубчатого гребня этой длинной цепи, называемой Да-шань или «Большими горами»; в южной части цепи вершины не превышают 2.400 метров, тогда как в центре острова одна вершина горы, называемая англичанами горой Моррисон, достигает высоты 3.352 метра (12.800 ф.), а далее на севере гора Сильвия и некоторые другие вершины поднимаются слишком на 3.600 метров. В своем общем образовании хребет Да-шань состоит главным образом из известняков каменноугольной формации, но кое-где пробиваются наружу и вулканические породы, и даже ходят смутные рассказы об «огнедышащей горе», которая будто бы находится в центре Да-шаня; около северной оконечности существуют еще фумароллы, отлагающие немного серы на скалах. Землетрясения бывают часто, и некоторые признаки позволяют думать, что морское побережье приподнимается действием подземных сил; таким

1 Цифра эта дана согласно Матусовскому, официальное издание „Resume statistique de l'Empire du Japon“, 1898 г., определяет площадь Формозы и окружающих островов в 1.493 квадр. ри, а население в 2.040.809 человек. *Прим. ред.*

2 D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples etrangers a la Chine“

образом, если это предположение верно, здесь имеет место явление, обратное тому, которое, как полагают, происходит против острова, на континентальном берегу, между Нин-бо и Кантонским заливом. В ту эпоху, когда голландцы владели городом Тай-вань, на юго-западном берегу Формозы, судоходный пролив, в котором могли свободно становиться целые флоты, разделял два главные форта города, а теперь этот пролив превратился в равнину, которая перерезана каналами и дорогами, и которую частью покрывают воды моря во время высоких приливов; корабли останавливаются ныне в открытом море на расстоянии более 3 километров от прежнего порта. В то время, как эта гавань закрывалась, поднятие почвы способствовало открытию другого пристанища для судов далее, на юге; длинная коса, выступая мало-по-малу из-под воды, соединила побережье с цепью вулканических скал, и, защищая таким образом против волн широкую бухту, образовала порт Да-гоу, который, впрочем, все более и более заносится илом, мелеет, и теперь дает доступ, при благоприятном ветре и приливе, только судам, имеющим не более 3 или 4 метров водоизмещения¹. По наблюдениям американского геолога Бикмора, берега, поднятые подземными силами в течение современного геологического периода, следуют полосами по окружности полуострова до высоты 400 метров.

Первые европейские мореплаватели, которые увидели Тай-вань в начале шестнадцатого столетия, были, как видно, любители красот природы, и, благодаря этому обстоятельству, открытая ими земля, вместо того, чтобы носить имя какого-нибудь святого или короля, получила название Формозы или «прекрасной». И действительно, на океане нет острова, который бы более заслуживал такого названия, по крайней мере на восточной покатости, ибо с западной стороны горы Формозы оканчиваются голыми красноватыми склонами, совершенно похожими на отлогости противоположного китайского берега. Центральный хребет выделяет из себя справа и слева контрфорсы и боковые овраги, различающиеся один от другого высотой и видом: пики, пирамиды и куполы, округленные вершины и крутые стены идут непрерывной вереницей от линии гребней до выдвинутых в море мысов, представляя бесконечное разнообразие форм и контуров; там и сям резко выделяются белые скалы, уединенные или нагроможденные одна на другую рядами; долины наполнены зеленью лесов, и на дне темных оврагов блестят серебристые ручьи и водопады. Сквозь чащу бамбуков и пальм весело выглядывают селения. Деревья густо скучены до самого края соленой воды, и даже береговые утесы, разрезанные волнами моря на тысячи фантастических фигур, обрамлены роскошной растительностью; выюнки с большими фиолетовыми цветами с красными полосками ниспадают широкими гирляндами над поверхностью волн, и пучки лилий растут букетами на верхушках высунувшихся из воды скал².

Необычайное богатство флоры Формозы объясняется соседством континента и расположением разных климатических поясов один над другим на скатах горных цепей. Морские берега, по характеру растительности, принадлежат к тропической области, а холмы и горы поднимаются в умеренный пояс. Муссоны чередуются правильным образом: летом ветер дует от малайского архипелага, зимой атмосферное течение приходит от Японских островов. Этому периодическому изменению направления воздушных течений или годовому качанию атмосферы соответствует качание массы вод: в то время, как в открытом море, над океаническими пучинами, ветвь экваториального течения направляется от юго-запада на северо-восток, следуя вдоль берегов Японии под именем Куро-сиво или «Черной реки», движение неглубоких вод, в Формозском проливе, зависит от колебания воздушных масс и направляется параллельно побережью то в одну то в другую сторону, смотря по силе ветра, который их увлекает³. Таким образом это движение взад и вперед, испытываемое атмосферой и морем, подвергает остров попеременному влиянию климатов севера и юга, и приносит ему птиц, рыб, семена и людей различных областей. Формоза пользуется также тем преимуществом,

1 Thomson, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873, XLIII

2 Cyprian Bridge, „An excursion to Formosa“.

3 De Vautre, Le Gras, „Instructions nautiques sur les cotes Est de la Chine“.

что она обильно орошается частыми ливнями. Полярный северо-восточный муссон, который прежде, чем достигнуть этого острова, проходит над морями Японии, так же насыщен водяными парами, как и юго-западный муссон, и таким-то образом Формоза, несмотря на периодическое чередование противоположных ветров, из которых один иссушает почву соседнего континента, получает дожди во всяком месяце года. При том—явление необыкновенное в восточной Азии—небольшое количество дождевой воды выпадает здесь, в некоторых местах, не летом, а зимой, в период господства северо-восточного муссона; так, на станции Цзи-лун, на северной оконечности острова, количество дождя превышает 3 метра: этот факт объясняется формой бухты, широко раскрытой с северной стороны и окруженной на юге высокими горами¹. Иногда правильный порядок движения воздушных масс нарушается ураганами на восточном берегу Формозы; но эти бури редко проникают на запад, в Фуцзянский (Формозский) пролив. Однако, один ураган, сопровождавшийся внезапным возвышением уровня моря, наделал столько бед на Тай-ване в 1782 году, что в Китае распространился слух, что весь остров поглощен волнами: почти все корабли были потоплены или сильно повреждены, здания на берегах обрушились, вода залила все посеvy². В 1858 году, 18 и 19 августа, натуралисты фрегата «Навара», плывшего из Шанхая к Каролинским островам, имели случай наблюдать один из этих циклонов, который, кружась вихрем, описывал в то время большую кривую над южной грядой островов Лю-цю. Из часа в час они могли проследить, через отделявшее их от циклона пространство, последовательные точки, где находился центр урагана, который распространялся в направлении противоположном движению правильных тифонов.

«Прекрасный» остров, вероятно, не имеет ни одного растительного или животного вида, который не был бы уроженцем соседнего континента; однако, исследователи открыли на нем несколько органических форм, которые до сих пор не были встречаемы в других местах. Господствующие растительные виды те же самые, как в южной Японии и в провинции Фуцзянь; но некоторые из них отличаются силой роста и красотой форм. Ни в какой другой части Китайской империи не увидишь более высоких бамбуков; они достигают здесь 30 метров в высоту и имеют не менее 60 сантиметров в окружности³. Большие леса во внутренности острова состояли прежде, пока их не опустошила алчность лесопромышленников, главным образом, из камфарного дерева. Одна из самых обыкновенных древесных пород приморской области острова—дерево с голым стволом, оканчивающимся короной широких пальмовидных листьев: это *aralia rarpigifera*, листья которой употребляются на приготовление бумаги, известной под именем «рисовой». Между своими 35 видами млекопитающих и 128 видами сухопутных птиц, Формоза имеет соответственно 14 и 43 вида, не встречающихся ни на континенте, ни на соседних островных землях. Эта особенная, исключительно местная фауна доказывает, что остров отделился от материка Азии в геологическую эпоху очень древнюю, но не настолько отдаленную, чтобы не могло сохраниться родство родов⁴. Таким образом главные животные типы континента имеют представителей и в фауне Формозы: обезьяны, насекомоядные, тигры, кабаны, олени, антилопы, разные виды жвачных и грызунов. Многие из этих млекопитающих в большей степени родственны видам индийским, малайским, японским, нежели видам китайским. Так называемая «каменная обезьяна» напоминает некоторых четвероруких Индостана и Бирмании, и ни мало не похожа на обезьян южного Китая и Хай-наня. Точно также красивый олень, открытый натуралистом Суинго, белки-летяги и обезьяна *macrosceles* приближаются к малайским формам. Из этого заключают, что предки этих животных рыскали в лесах континентального массива, который простирался некогда от Гималайского хребта до Борнео, Филиппинских островов и Формозы, и что, после разделения островов, эти животные сохранились только на юге и востоке своей

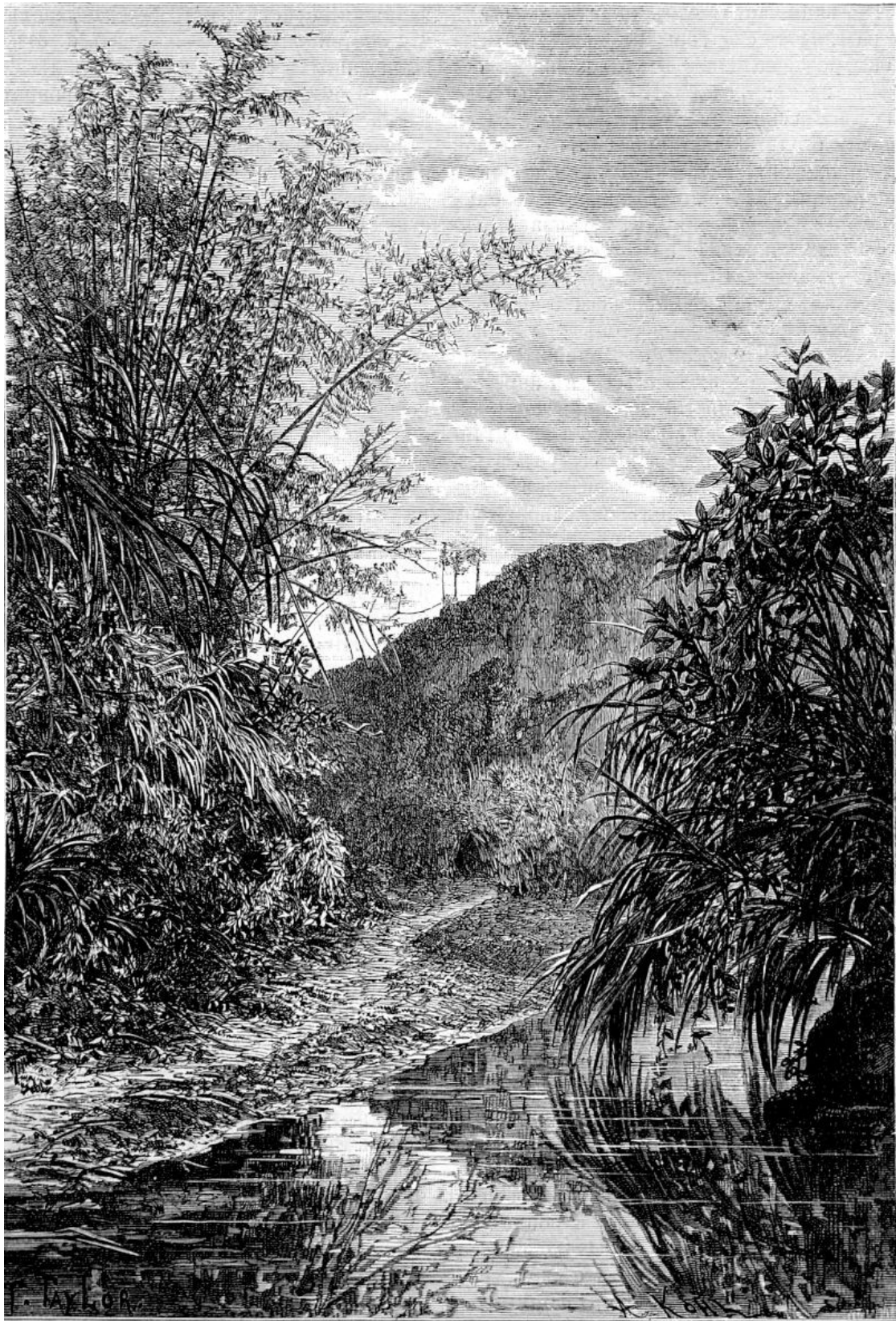
1 Fritsche;—Hann, „Geographisches Jahrbuch“, tome VIII, 1871.

2 Amiot, „Memoires concernant les Chinois“, tome X.

3 Thomson, „Le Tour du Monde“, 1875 г.

4 Alfred R. Wallase, „Island Life“.

прежней области распространения, в Китае же они исчезли, вследствие изменения среды. Контраст фауны замечателен в особенности относительно птиц: более половины свойственных Формозе видов имеют своих ближайших родичей не в соседней части континента, но в

Лѣсъ на островѣ Формозѣ.

Гималайских горах, в южной Индии, на островах Малезии или на Японском архипелаге. Между новыми формами, открытыми натуралистом Суинго, самые замечательные некоторые виды куриных и голубей, один великолепный фазан, синицы и воробьи, черный дрозд с бе-

лой головой, но попугаев не нашли на острове, хотя они и водятся в центральных и южных провинциях Китая. Тогда как азиатская иволга, странствуя на пространстве, обнимающем больше половины континента, и стаями в несколько тысяч неделимых, перелетает летом от Индостана до берегов Амура, формозская иволга переселяется только с равнины в горы и с гор в равнину, смотря по времени года¹. В реке Там-суй слышны певчие рыбы, подобные тем, какие водятся в бухте Тринкомале, в водах Гваяквиля и Сан-хуан-дель-норте².

Китайцы во все времена знали о существовании Тай-ваня, так как с их берегов можно разглядеть его горы в ясную погоду; рыболовы даже селились в ближайшем его соседстве, на архипелаге Пын-ху (Рыбачьи острова); но, несмотря на то, остров оставался до седьмого столетия в стороне от обычной дороги мореходов, может быть, по причине страха, который внушало его дикое население. Только в 605 году после Р. Х. мореплаватели-исследователи направили паруса к этой таинственной области «Большого Лю-цю»,—имя, которого впоследствии было перенесено на архипелаг, лежащий на северо-востоке [Риукиу или Лю-цю между Формозой и Японией]³; но остров не был колонизован, и в царствование монгольской династии, до конца четырнадцатого столетия, он еще означался в китайских географиях под названием Дун-фан, то-есть «страны восточных варваров». Небольшая кучка колонистов поселилась в пятнадцатом веке в северной области, вероятно, на берегах гавани Цзи-лун, так как весь остров был назван этим именем; но серьезное эмиграционное движение началось только во второй половине семнадцатого столетия, после изгнания голландских торговцев и покорения морских разбойников. Таким образом со времени первых попыток китайской колонизации в собственном смысле слова прошло только двести лет с небольшим; но уже переселенцы, почти все пришедшие из провинции Фу-цзянь, овладели всею западной покатостью острова и покрыли пашнями и садами её равнины и долины; на севере, западный склон, обращенный к океану, тоже находится в руках колонистов, и с каждым годом площадь культурных земель все более и более увеличивается. Без сомнения, дело преобразования, совершенное китайцами на Формозе в два века труда, гораздо значительнее, чем успехи, которыми могут похвалиться в этом отношении испанцы на Филиппинском архипелаге, хотя последние располагали целой сотней лет больше.

Однако, это постепенное завоевание острова сделано было и не без борьбы, и война свирепствовала безостановочно между колонистами и туземным населением. Туземец, храбрый и всегда носящий при себе оружие, не раз нападал врасплох на китайские деревни и вырезывал их жителей; чужеземцы мстят за эти набеги посредством торговли, продавая дикарю опиум и водку, дабы он сам себя истребил своими пороками. Это похоже на то, как в Соединенных Штатах белый поступает слишком часто в отношении краснокожего; он не убивает индивидуума, но отравляет всю расу. Суинго рассказывает также, что китайцы, чтобы избавиться от своих беспокойных соседей, пустили в леса Формозы тигров, привезенных из провинции Фу-цзянь⁴. С другой стороны и между китайцами существует сильная вражда: хакка и другие переселенцы из Фу-цзяни и Гуан-дуна продолжают на острове свои вечные раздоры, существующие между ними на твердой земле. Хакка, самые смелые из колонистов, поселились большею частию в области холмов, между цивилизованными жителями побережья и дикими туземцами. Находясь в постоянных соседских сношениях с этими обитателями внутренней части острова, и роднясь с ними посредством женитьбы на их девушках, они мало-по-малу усвоили себе их нравы обычаи, так что китайского в них только осталось, что одежда да привычка носить косу на затылке: этим объясняется тот факт, что путешественники приняли живущих на Формозе хакка не за китайцев, каковы они в самом деле, но за население малайского происхождения⁵. Взятые в массу, формозцы отличаются более гордым и

1 Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 mai 1871.

2 Bechtinger, „Het Eyland Formosa“.

3 D'Hervey de Saint-Denys, „Academie des sciences“, 3 mai 1872.

4 „North China Branch of the Asiatic Society“.

5 Friedrich Ratzel, „Die Chineisische Auswanderung“

независимым характером, чем китайцы континента: в их жилах еще течет кровь пиратов.

Первобытные жители (аутохтоны) острова известны под различными наименованиями, и пока еще нет достаточных данных, на основании которых можно бы было классифицировать их по порядку происхождения и родства. Сон-фани или «дикие люди», называемые также «иноземными варварами», походят на малайцев и обыкновенно причисляются к этой расе; наречие, которым они говорят, принадлежит к общему корню малайских языков; по крайней мере Шетелинг, который, однако, считает формозских туземцев единоплеменниками китайцев, признал в их диалекте шестую часть слов, имеющую это происхождение. Некоторые идиомы представляют большое сходство с языком тагал, которым говорят в северной части Люсона; даже семнадцать племен северной области Формозы дают своей речи название тайяль, почти тождественное с именем языка нации Филиппинских островов; в некоторых округах жители называют себя тангаланами¹. Но если аборигены Формозы составляют часть великой малайской семьи, то их отделение от других народов должно было произойти до введения буддизма на Зондских островах, ибо их наречия не заключают в себе санскритских и арабских слов. Со времени колонизации острова формозцы всего более имели сношений с Срединной империей, как это доказывают китайские многочисленные слова, более или менее измененные, которые вошли в их диалекты².

В горах юго-восточной части Формозы живет племя бутан, наводящее страх как на китайских колонистов, так и на других туземцев. Бутаны употребляют еще свое древнее оружие—лук и стрелы, но сверх того, выучились владеть и ружьем или, лучше сказать, мушкетом, который они покупают у европейцев: это их-то и приходили в 1874 году наказывать за избиение экипажа потерпевшего крушение судна. Судя по пленным, приведенным в Иеддо, бутаны скорее напоминают тип жителей Ниппона, чем тип малайцев; они по большей части одеты в короткий костюм из синей бумажной материи и носят серебряные браслеты и огромные серьги из бамбука³. По рассказам туземцев, на юге острова, в одном горном массиве, живут какие-то «черные люди маленького роста». Валентин⁴ упоминает об этих карликах уже в 1726 году; Суинго тоже говорит об этом племени. Ни один путешественник еще не имел случая побывать в той местности; но два формозских черепа, исследованные Шетелингом, приписываются этим негритосам Формозы, в которых видят остаток древней расы, почти совершенно исчезнувшей⁵.

Большинство непокоренных туземцев—люди рослые, сильные, чрезвычайно проворные и ловкие в движениях; однако, новейшие путешественники не подтвердили рассказов старых китайских писателей о их быстроте, столь удивительной, что на охоте они будто бы опережают самую легкую собаку и схватывают дичь на бегу⁶. По словам Герена, походка их немного напоминает переваливающуюся походку высших четырехруких, например гориллы. Руки у них длинные, ступни огромные, и на ходу только передняя половина подошвы опирается о землю и, так сказать, схватывает ее. Самые разнообразные физиономии встречаются у этих народов: рядом с плоскими лицами видишь облики, которые кажутся европейскими; особенно у северных племен—наблюдателя поражает красота типа, которую представляют дети; но черты лица их скоро искажаются под влиянием убогой, нищенской жизни. Многие из этих дикарей имеют что-то пугающее во взгляде: их выпученные глаза, всегда подвижные и широко раскрытые, придают им вид безумных. В одном племени сильно распространён зоб, вследствие чего другие туземцы старательно избегают сношений с этим племенем; болезни кожи обезображивают также жителей внутренней части острова; кроме того, постоянное жевание орехов бетеля окрашивает их зубы в красный цвет. В глазах сон-фаней,

1 Klaproth;—Thomson;—Maxwell;—Medhurst;—Steeve;—Favre;—Guerin;—Bernard.

2 Favre, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, nov., dec. 1868.

3 Лев Мечников, рукописные заметки.

4 „Beschryving van Tayouan of Formosa”.

5 Hamy, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris“ 20 nov. 1872.

6 Klaproth, „Memoires relatifs a l'Asie”.

как и вообще всех дикарей, украшения гораздо важнее, чем самая одежда. Как мужчины, так и женщины носят медные браслеты, ожерелья и поясы из грубых стеклянных бус, обвешивают себя костяными пластинками и всякими побрякушками; у мужчин в мочке уха проткнуто широкое отверстие, в которое продевается бамбуковая трубка, разрисованная узорами и оканчивающаяся со стороны щеки пучком красной шерсти. Все туземцы, ведшие еще войну с китайцами и японцами, сохранили обычай татуирования. Юноша, принимающий участие в экспедиции против колонистов равнины, отмечается, по возвращении из набега, первым украшением на лбу; но высший знак отличия, черту на подбородке, он получает только тогда, когда снесет голову по крайней мере одному из врагов⁷; у некоторых племен история подвигов воина описывается на его собственной особе, лицо и грудь его покрываются арабесками, изображениями растений и животных. Женщины, которым вверено ремесло или, вернее сказать, священнодействие татуирования, украшены таким же образом, как и мужчины; все они носят, по крайней мере, синий знак на лбу. При вступлении в брачный союз, молодая девушка, покупаемая женихом, должна предоставить свою щеку в распоряжение прокалывающего инструмента татуировщицы; кроме того, в некоторых кланах она жертвует при этом случае клыками и резцами, тогда как мужчина выдергивает себе только глазные зубы. Все в существовании сон-фаней урегулировано обычаями. У них нет публичного культа, но они строго соблюдают правило, по которому всякий должен, на рассвете, выйти из хижины и сделать одиночную прогулку по соседней тропинке, чтобы спросить авгура, роль которого разыгрывает птичка, черный королек; и сообразно тому, будет ли предзнаменование благоприятное или дурное, они и определяют употребление наступающего дня. Всякий туземец должен быть похоронен на том самом месте, где испустил дух; если он умирает в своей хижине, то ему выкапывают могилу под самым ложем и вместе с ним зарывают в землю его оружие, кое-какую пищу и домашний котелок.

Китайцы, жившие в постоянной вражде с сон-фанами, описывали их обыкновенно людьми кровожадными; редко, однако, случается, чтобы эти горцы не оказывали радушного приема чужеземцам, не принадлежащим к расе их исконного врага. Борьба против китайских поселенцев объясняется законом возмездия и наследственной ненавистью. Подле каждой хижины туземцев красуется, окруженная зеленью, деревянная этажерка, установленная головами китайцев. Но, вероятно, сон-фани скоро должны будут прекратить свою охоту на человека, потому что они малочисленны, для того чтобы продолжать борьбу. Общее число их, как полагают, не превышает 20.000 человек, при том они распадаются на множество отдельных кланов или родов, из которых иные заключают в себе не более пятидесяти человек, и, благодаря этой разрозненности, они дают себя уничтожать или поработать по частям иноземным пришельцам. Только южные племена соединены в общий союз; но в этой федерации так же, как и в среде отдельного племени или клана, никто не облечен правом, превышающим права других членов: каждая семья образует независимую группу, где отец пользуется неограниченной властью, которую он рано разделяет со старшим сыном. Однако, существует выборный судья, на которого возложена обязанность примирять семьи в случае споров, и задача его легка, благодаря природному чувству справедливости дикарей, которые в этом отношении стоят гораздо выше цивилизованных обитателей равнины.

Покоренные или мирные туземцы, которые живут в постоянных сношениях с китайцами и частью даже смешались с ними посредством браков, известны вообще под именем пепогоан. Большинство из них перестали татуироваться и носят костюм: это между ними миссионеры, католические и протестантские, нашли всего больше неофитов. Путешественники, посетившие Формозу, почти все останавливались у пепогоанов и потому описывали туземцев единственно на основании наблюдений над этими смешанными населением.

Формоза была одною из тех частей Китая, где влияние европейцев замечалось наиболее чувствительно; некоторое время можно было думать, что весь остров сделается европейской колонией. Уже в 1621 году голландцы утвердились на архипелаге Пын-ху (Рыбачьи остро-

7 Guerin, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, juiu 1868.

ва), и вскоре после того, высадившись на юго-западный берег большого острова, они поспешили завести свои торговые конторы в том месте, где теперь находится город Тай-вань-фу. Но китайские земледельцы и купцы, которых нашествие маньчжур заставило переселиться в нарождающуюся колонию, окружили со всех сторон маленькую группу голландцев, и в 1662 году, когда пират Чинчин-гун, более известный у европейцев под именем Коксинга, — произведенным от слова «косенья», которое буквально значит: «Господин над семьями страны», — явился перед городом со своим флотом, китайцы, жители края, тотчас же доставили ему целую армию осаждающих. После девятимесячной осады, город должен был сдаться, и камни форта Зеландии, развалины которого еще и теперь высятся живописной массой подле города, остались единственным памятником голландского владычества. В царствование Коксинга англичане вели непосредственную торговлю с Формозой; но, после окончательного утверждения маньчжурского господства, в 1683 году, всякие торговые сношения с иностранными народами были воспрещены, и только во второй половине текущего столетия, именно в 1858 году, европейцы могли, благодаря победам, одержанным англо-французскими войсками на материке Китая, снова проникнуть на «Прекрасный» остров. Японцы тоже пытались в разные времена овладеть этой землей; прежде чем занять Формозу для самого себя, упомянутый морской разбойник, фуцзянец Коксинга, мать которого была японка, предлагал Иейасу, диктатору Японии, завоевать для него весь остров и Фуцзянское побережье. Даже во время экспедиции, предпринятой японцами с целью наказания бутанов за коварное истребление экипажа разбившегося судна, китайское правительство опасалось, как бы Формоза не сделалась в конце концов нераздельной частью Ниппона; чтобы сохранить за собой обладание этой территорией, оно должно было принять на себя обязательство заплатить японцам издержки их похода; с той поры оно воздвигло укрепления на многих пунктах окружности острова, в особенности близ бухты Суао или Кемалань (Кабаран), на восточном берегу.

*В настоящее время как Формоза, так и Пескадорские острова принадлежат Японии и достались ей как компенсация за уступку Ляодунского полуострова. Нельзя сказать, чтобы это произошло без борьбы со стороны населения. Еще в начале китайско-японской войны один из местных вождей Хукун-гук, пользуясь слабостью китайской администрации, провозгласил себя князем части острова. При этом он выразил намерение сражаться против японцев, но в тоже время заявил китайскому губернатору, что не признает власти Китая над центральной частью острова. Китайцы еще в начале войны ожидали японского нападения и заблаговременно укрепили подступы к гаваням, а также значительно усилили свои гарнизоны. Число китайских солдат на Формозе доходило в конце войны до 100.000 человек, снабженных хорошим оружием. Выдающимся вождем формозской армии явился Лью-юн-фу, бывший некогда предводителем черных флагов и главный противник французов во время Тонкинской экспедиции 1883—84 г. Этот тонкинский пират, прибывший на остров в начале войны, предложил свои услуги китайскому правительству, которое назначило его генералом отдельного отряда.

Известие об уступке острова Японии вызвало волнение и беспорядки в главных центрах; начались бунты и столкновения между пришлыми и местными войсками. Последние, между прочим, обвиняли офицеров армии Ли-хун-чжана в измене и в желании выдать их японцам. Именитые граждане острова и даже местные власти стали устраивать митинги негодования против малодушия Пекинского правительства, отказавшегося от обороны Формозы. В Пекин была отправлена резолюция, гласившая, что, в виду образа действия Пекинского правительства, остров считает себя независимым и будет защищать свою независимость от японцев. Вскоре на острове провозглашена была республика, при чем бывший губернатор Тан, принужденный примкнуть к движению, объявлен был президентом новой республики¹. Президент этот тотчас же образовал кабинет, при чем министром иностранных дел был назначен известный Чен-ги-тонг, бывший военный атташе китайского посольства в Париже,

¹ Гербом республики избран тигр на голубом поле.

агитации и советам коего приписываются реформаторские затеи на острове. Вслед за сим, президент Тан послал о провозглашении республики и о принятии звания президента всем иностранным консулам, а также китайским генерал-губернаторам ноту¹. Но Формозская республика была недолговечною. Почти одновременно с обнародованием широковещательного манифеста о провозглашении республики, состоялась формальная передача острова японцам, которые тотчас же приступили к фактическому занятию главных береговых пунктов. Прежде всего японцы овладели Цзилунгом. Занятие этого города сопровождалось бунтами, грабежом и насилиями китайских войск в других пунктах острова. Губернатор Тан —

Женщина и ребенокъ племени пепогоанъ.

¹ Вот текст этого курьезного документа: „Когда Япония потребовала у Китая уступки Формозы, то население острова этому воспротивилось. Мы неоднократно докладывали его величеству, прося его обсудить вновь эту часть трактата с Японией, но столь же часто получали отказ. Верный своей преданности династии, народ Формозы поклялся сопротивляться японцам до смерти. Когда я получил от его величества приказание вернуться на материк и когда все было в критическом положении, народ и граждане предложили мне печать и знаки власти, также новую эмблему республики—голубое знамя с желтым бордюром, и назначили меня „Президентом новой Формозской республики“, каковые слова вырезаны на печати. Я принужден был действовать в качестве президента новой республики до времени народного избрания, при чем решено признавать сюзеренитет китайского императора и занимать положение вассального государства. Мы также обсуждаем вопрос об обращении к иностранной помощи и о фундаментальной реорганизации государства. Мне ничего не оставалось делать другого, среди всеобщего замешательства, как принять выбор народа, и я пользуюсь настоящим случаем, чтобы телеграфировать о вышеизложенном моим коллегам и разным державам в Европе и Америке. Что же касается способности нашей долго сопротивляться врагам, то в настоящее время трудно что-либо предсказать, но я надеюсь, что вы нас пожалеете и окажете помощь».

он же президент молодой республики, и министр иностранных дел бежали вместе с членами правительства на германском судне. Вслед за бегством этих сановников произошел бунт солдат, которые, не получая жалования, принялись грабить и жечь город. Для замирения острова японцам пришлось начать систематическое завоевание населенных пунктов и предпринять ряд походов против черных флагов, начавших партизанскую войну под предводительством упомянутого Лью-юн-фу. Покорение Формозы продолжалось до середины 1897 г., но стоит Японии не мало жертв и в настоящее время¹.*

Тай-вань, главный город Формозы, по имени которого китайцы и японцы называли весь остров, расположен в некотором расстоянии от берега. Построенный после изгнания голландцев из форта Зеландии, этот город имеет совершенно китайский вид: он обнесен зубчатой стеной около 10 километров в окружности и включает в своей черте обширные возделанные пространства, сады и пагоды. Тай-вань, славящийся искусством своих мастеров филигранных изделий, ведет довольно большую торговлю, несмотря на малую глубину рейда; европейские суда бросают якорь далеко от берега, на расстоянии 3 слишком километров от Аньпинского бара, порог которого покрыть слоем воды толщиной не более одного или двух метров, смотря по времени года; товары перевозятся на берег на катамаранах или на бамбуковых плотах, в роде тех, какие употребляют для той же цели в Индии, на Коромандельском берегу: плот окружен гибкими решетчатыми перилами или бортами, а в центре прикреплены бочки, в которые и садятся пассажиры, чтобы не быть снесенными каждой проходящей волной; деревянный чурбан, укрепленный в середине плота, служит гнездом для мачты, на которую повешена, вместо паруса, узкая бамбуковая циновка. Ценность оборотов внешней торговли простиралась в 1895 году—6.237.598 лан. Главный предмет отпуска составляет сахар, который английские корабли везут в Австралию; попытки разведения, в окрестностях города плантаций чая, кофе, хинного дерева пока еще не увенчались успехом². Так же неудобен для судоходства порт Да-гоу, торговый пригород Тай-ваня, находящийся километрах в сорока к югу от этого города, а между тем недорого стоящая расчистка дна с помощью землечерпальных машин сделала бы эту гавань доступной для больших судов; в настоящее же время в нее могут входить только мелкие суда, имеющие менее 4 метров водоизмещения. Кучка рыбацких домиков и несколько товарных складов коммерсантов составляют деревню Да-гоу, окруженную банановыми смоковницами; но в 8 километрах от берега находится значительный город Пи-тао. а к югу оттуда, при устье многоводной реки, расположен очень оживленный порт Дун-ган; Тай-вань-фу соединен с портом Да-гоу электрическим телеграфом и даже телефонной линией³, а близ Аньпинского бара некогда сложены были на берегу рельсы разобранной Шаньхай-вусунской железной дороги, перевезенные сюда как материал для постройки рельсового пути между двумя портами Формозы, Тай-ваня и Цзи-луна. В настоящее время этот путь окончен до Тай-ваня, и японское правительство, занятое устройством путей сообщения на острове, уже проложило около 400 миль обыкновенной дороги и более 100 миль конно-железного пути⁴.

На восточной отлогости «Обезьяньей горы», правильный конус которой господствует над городом и рейдом, в некоторых местах бьют из земли минеральные ключи. На юге от Да-гоу порт Лянь-цзяо, который служил операционным базисом японцам во время их экспедиции в 1874 году, не может иметь важного значения, по причине его положения на южной оконечности острова, слишком узкой для того, чтобы питать значительную торговлю. Китайцы построили город в десяти километрах от берега, чтобы удобнее было наблюдать за бутанами⁵.

Около центральной части острова и на западной покатости, город Чжэн-хоу замечателен как самый деятельный центр для торговли камфарой; но порт Гой-хи, через который выво-

1 См. Коростовец, „Китайцы и их цивилизация“.

2 Pelham Warreu, „Commercial Reports“, 1879.

3 „London and China Express“, 17 juin 1881.

4 Brennan.

5 Mrs Hugues, „Among the Sons of Han“.

зится этот товар, открыт только отечественным джонкам. Далее на севере, многолюдный город Синь-чу, называвшийся в старину То-ко-хан, тоже дополняется портом, Гонсаном, откуда коммерсанты отправляют рис и пшеницу под китайским флагом. Порт Там-суй, близ северо-западной оконечности Формозы, получил более важное значение, благодаря поселившимся там европейским негодантам, и несмотря на нездоровый климат занимаемой им местности. Прежде Там-суй, где тоже сохранились остатки голландского форта, был главным портом для вывоза камфары, но так как камфарные деревья в соседних лесах на морском берегу уже давно вырублены, то теперь камфаро-промышленники принуждены забираться далеко внутрь страны, даже до нагорных долин, и у них часто бывают столкновения с туземцами. Оттого торговля камфарой значительно уменьшилась; но она заменена чайной торговлей, которая с каждым годом принимает все большие размеры, особенно с Америкой (общий оборот порта в 1894 году достиг 8.305.948 лан); амойские и японские негоданты забрали в свои руки эту торговлю, и выгодами её пользуется родной город первых; они экспортируют, кроме того, рисовую бумагу. Джонки поднимаются по реке Там-суй до колонии Таотютия, где живут иностранные коммерсанты, и до города Менка (Банка), торговой метрополии округа. В 12 километрах к востоку от этого города, на дороге в Цзи-лун, есть сернистые источники, куда приезжают во множестве, для пользования водами, больные из окрестных местностей.

Порт Цзи-лун, хотя он лежит километрах в пятидесяти к востоку от Там-суя, на северном берегу Формозы, считается как бы составляющим вместе с этим городом одну и ту же пристань для иностранных судов (в порт, в 1894 году, привезено 24.243 тон.). Впрочем, если верить рассказам туземцев, эти два порта соединены подземной галереей; по их словам, пещеры, находящиеся в некотором расстоянии близ обоих городов, составляют входы этого таинственного пути¹. Цзи-лун участвует в торговле страны преимущественно вывозом лигнитов, которые, по крайней мере, некоторые сорта дают топливо превосходного качества, но покупают их мало, по причине всякого рода прижимок и вымогательств, которым подвергаются купцы со стороны чиновников. Находящиеся в соседстве богатые месторождения горного масла и серы почти еще не початы разработкой. Мысы и островки в окрестностях Цзи-луна, состоящие из каменистых наслоений не одинаковой твердости, принимают самые фантастические формы. Нижние пласты, очень нежные и хрупкие, быстро разрушаются беспрепятственными ударами волн и образуют гроты и аркады под карнизами верхних слоев. Большинство островов, подточенных при основании, нависших на верхушке, походят на гигантские грибы². На одном мысе, господствующем над входом в порт с восточной стороны, видны еще развалины испанских укреплений.

Если «Большой Лю-чу», то-есть остров Формоза, некогда был китайской территорией, то только часть Малых Лакейских островов, и при том наименее важная, принадлежала к Китаю, так как японцы уже давно присоединили большинство их к своей административной территории. Южная группа, Сан-нан или Саки-сима, которая представлена на старинных китайских картах как принадлежащая к Формозе³, действительно соединена с этим островом многочисленными островками и выступающими из воды скалами. Гористые и незначительные по протяжению, эти острова мало населены, и некоторые из живущих там племен пребывают еще в диком состоянии; туземцы острова Ионакуни, самого западного в этой группе, походят на бутанов юго-восточной Формозы⁴.

Около своей южной оконечности «Прекрасный» остров имеет только одно географически принадлежащее к нему владение, гористую землю Ботел-Тобаго.

На западе, в Формозском проливе, острова Пын-ху, называемые европейскими мореплавателями «Рыбачьими» (Пескадорскими) или Хокото, представляют очень важное значение,

1 Mayers, Dennys, King, „The treaty-ports of China and Japan”.

2 L. Rouseet, цитированное сочинение.

3 Jomard et de Montigny, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris”, dec. 1858.

4 Лев Мечников, рукописные заметки.

как место пристанища для судов и как складочный пункт между Формозой и континентом. Население, исчисляемое приблизительно в 44.820 душ, занимается рыбной ловлей и культурой земляных орехов, риса и проса; но местное производство недостаточно, и жители в отношении своего продовольствия зависят частью от Формозы. Зимой ветры дуют иногда с такой силой, что ломают деревья и вырывают их с корнем из земли. Главный город архипелага — местечко Пын-ху-тин.

Города Формозы, приблизительное население которых указывается новейшими путешественниками и консульскими отчетами, суть:

Тай-вань-фу¹—250.000 жителей. Там-суй—100.000 ж. Чжэн-хуа—60.000. Синь-чу—40.000 ж. Менка (Банка) (консулы)—40.000 ж. Цзи-лун—3.000 ж.

Следующая таблица дает список современных административных делений Японии, она составлена согласно официальному изданию Императорского Кабинета: «Resume statistique de l'empire du Japon». Tokio, 1898 г.

Перечень провинций Японии с показанием административного деления страны и главнейших пунктов

Название провинции Поверхность Население На 1 квадрат. Главный город провинции; цифры в скобках
в квадрат. километр показывают население к 1 января 1897 года
километрах жителей

Центральный Ниппон

Токио	1.940,28	1.468.754	757	Токио (1.299.041)
Канагава	2.400,97	754.469	314	Иокогама (179.502)
Саитама	4.102,50	1.149.353	280	Урава ?
Чиба (Шибэ)	5.030,37	1.247.954	248	Чиба (27.283)
Ибараки	5.940,82	1.101.990	185	Мито (32.064)
Точиги	6.350,94	759.735	120	Уцаномия (36.438)
Гумма	6.281,22	749.941	119	Маебаши (30.883)
Нагано	13.167,97	1.212.208	92	Нагано (33.141)
Яманаши	4.470,50	491.055	110	Кофу (35.738)
Шизуока	7.770,67	1.173.953	151	Шизуока (39.950)
Аичи	4.826,16	1.557.171	323	Нагойя (242.085)
Мийе	5.684,33	976.844	172	Цзу (30.748)
Гифу	10.356,11	981.623	95	Гифу (31.075)
Шига	3.986,05	702.632	176	Оцу (Отцу) (34.556)
Фукуи	4.201,36	632.580	151	Фукуи (44.290)
Ишикава	4.175,45	782.553	187	Каназава (85.916)
Тояма	4.108,98	784.534	192	Тояма (58.975)
Итого	94.792,68	16.532.349	174	

Северный Ниппон

Ниигата	12.718,06	1.797.708	141	Ниигата (51.335)
Фукушима	13.049,36	1.028.536	79	Фукушима ?
Мияги	8.430,87	817.123	98	Сендай (77.476)
Ямагата	9.256,41	808.848	87	Ямагата (32.151)
Акита	11.629,32	755.030	65	Акита (27.114)
Иватэ	13.868,66	701.236	51	Мориока (31.989)
Аомори	9.362,53	593.886	63	Аомори (24.212)
Итого	78.225,21	6.502.367	83	

Западный Ниппон

Киото	4.573,34	914.357	200	Киото (341.101)
Осака	1.784,81	1.280.559	717	Осака (503.690)
Нара	3.106,60	526.537	169	Нара ?

¹ Surnhoe, „Journal of the North China branch of the Asiatic Society”, may, 1868.

Название провинции	Поверхность в квадр. километрах	Население	На 1 квадрат. километр жителей	Главный город провинции; цифры в скобках показывают население к 1 января 1897 года
Вакаяма	4.790,85	666.275	139	Вакаяма (57.366)
Хиого	8.585,95	1.618.895	109	Кобе (184.194)
Окаяма	6.492,99	1.109.269	171	Окаяма (57.210)
Хирошима	8.032,25	1.400.715	174	Хирошима (107.685)
Ямагучи	6.015,01	967.620	161	Ямагучи ?
Шимане	6.721,87	714.000	106	Мацусе (34.625)
Тотори	3.457,33	414.395	120	Тотори ?
Итого	53.561,50	9.612.622	179	

**Общий итог насе-
ления на острове
Ниппон**

226.579,39	32.647.338	144
------------	------------	-----

Остров Кюсю

Нагасаки	3.626,83	796.056	219	Нагасаки (72.390)
Сага	2.468,99	602.230	244	Сага (29.893)
Фукуока	4.901,74	1.314.139	268	Фукуока (62.212)
Кумамото	7.179,18	1.112.247	155	Кумамото (56.824)
Оита	6.211,51	822.562	132	Оита ?
Миясаки	7.516,49	439.367	58	Миясаки ?
Кагосима	6.289,73	1.076.501	116	Кагосима (53.895)
Окинава	2.420,20	440.895	182	Наба (Нафа) (34.117)
Итого	43.614,57	6.604.047	151	

Остров Сикок

Токушима	4.184,09	688.840	165	Токушима (61.489)
Кагава	1.750,57	685.861	392	Такамацзу (34.274)
Эхиме	5.262,03	972.924	185	Мацуяма (34.535)
Когии	7.013,37	60.384	86	Когии (35.470)
Итого	18.210,06	2.948.009	162	
Хокайдо или Иессо	94.011,79	508.870	5	Саппоро (33.987)

**Итого японский
архипелаг**

382.415,81	42.708.264	112
------------	------------	-----

Формоза

Дай-хоку (Дай-бэ)	373 ри	570.189	-	Тат-суй, Синь-чу, Цзи-лун, Ий-лань
Дай-шиу (Дай-тун)	745 ри	619.701	-	Локко, Холи, Юй-линь
Дай-нань (Тай-нань)	367 ри	807.099	-	Гонсан, Гочун, Каги
Хокото (Пескадорские острова)	8 ри	44.820	-	

**Итого Формоза с
островами**

1.493 ри	2.041.809	-
----------	-----------	---

Оглавление

Предисловие к VII тому.....	4
ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ.....	5
Глава I Общий обзор.....	5
Глава II Китайская империя.....	16
I. Тибет.....	16
Глава III Китайский Туркестан.....	65
Глава IV Монголия.....	87
I. Область озера Куку-нор.....	87
II. Монгольская Гань-су.....	95
III. Чжунгария и китайский Или.....	101
IV. Северная Монголия и Гоби.....	108
V. Китайская Маньчжурия.....	136
Глава V Китай.....	158
Общий взгляд.....	158
Бассейн реки Бай-хэ, провинция Чжи-ли.....	202
Полуостров Шань-дун.....	217
Бассейн Желтой реки.....	224
Бассейн Ян-цзы-цзяна.....	248
Восточная покатость Нань-шаня, южная Чжэ-цзян и Фу-цзянь.....	293
Бассейн Си-цзяна.....	299
Юнь-нань.....	315
Хай-нань.....	327
Экономическое и социальное состояние Китая.....	330
Правительство и администрация.....	362
Глава VI. Корея.....	380
Глава VII Япония.....	410